

Русский Афон XIX–XX веков. Старцы-возобновители Русского Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне. Том 9. Часть 1. Духовник Иероним

[Том 1](#) • [Том 2](#) • [Том 3](#) • [Том 4](#) • [Том 5](#) • [Том 6](#) • [Том 7, ч. 1](#) • [Том 7, ч. 4](#) • [Том 9, ч. 1](#) • [Том 9, ч. 2](#) • [Том 10](#) • [Том 11](#) • [Том 12](#) • [Том 14](#) • [Том 15](#)

– «Что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святей дружине сей?» – «Желая жития постнического, честный отче»... Нам неведомы чувства, испытанные Иваном Соломенцевым, когда он произнес эти слова уставного монашеского ответа на вопрошение постригавшего его «в мантию» афонского русского старца Арсения. Только тот, кто сам проживал этот дивный и страшный момент смерти ветхого плотского человека и рождения нового – «человека небесного, земного ангела» – монаха, или хотя бы присутствовал при монашеском постриге, может понять все величие этого торжественного и проникновенного таинства – умирания за Христа и обретения новой, необъяснимой мирским сознанием жизни. – «Желаеши ли сподобиться ангельского образа и сочетаться в лик монашествующих?» – вопрошал старец всех русских монахов Афона будущего великого русского старца. – «Ей, Богу содействующу, честный отче» – отвечал с благоговением постригаемый. – «Воистину добро дело и блаженно избрал еси: но аще и совершиши е; добрая бо дела трудом стяжаются и болезнию исправляются»... Труда и болезней новопостриженному монаху Иоанникию предстояло еще столько, что кажется – раздели их на сотню подвижников-аскетов, и те вряд ли смогут свернуть такую «гору», какую Бог уготовал для своего смиренного труженика и молитвенника. Но Господь, который «вчера и днесь, тойже и во веки», своим непреложным евангельским словом указал нам ту силу, которая и «горы переставляет», и чудеса творит, и воздвигает из разрухи великие монашеские обители, и наполняет их тысячами

иноков – силу Веры, которой Он в избытке одарил своего избранника. Прошло всего пять лет с того мантийного пострига в келлии святителя Иоанна Златоустого, как вновь пришлось монаху Иоанникию повторить святые монашеские обеты уже при пострижении в схиму, совершенном над ним в начале нового – теперь духовнического – служения Богу и братии во вверенном ему Господом и Его Пречистой Матерью Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре. – «Что ты есть имя, брате»? – «Иероним»! – «Спасайся о Господе»! Монашество! Удивительное и непонятное явление для плотского ума, сосредоточенного на понятиях: «действие – результат», «отдал – получил взамен», а главное – «здесь и сейчас»! Ведь так привычно: работа – плата, вырастил – съел, заплатил – получил удовольствие! А тут – монахи – работа беспрестанная, порой просто каторжная, лишение себя всего, чему радуется «нормальный человек»: вкусной еды, сна, развлечений, супружества, обладания красивыми и полезными вещами, а взамен – бдения, посты, поклоны, труд и молитва, молитва, молитва... Царство Небесное, конечно, привлекательная цель, но ведь Оно и мирянам не закрыто, да и ведь будет-то Оно – когда-то потом! А сейчас Что? Спросили как-то Авву Антония Великого, основопологателя монашеской жизни: «Какие утешения имеете вы, монахи, от Бога, что ради них готовы на такие жертвы и подвиги, которые вы приносите Ему в пустыне?» Отвечал Авва Антоний: «Если бы миряне знали те благодатные радости и духовные утешения, какие дарует Господь пребывающим в подвиге монахам – в миру бы не осталось никого, все ушли бы в монастыри! Но если бы знали и те искушения и тяжесть духовной войны с плотью и дьяволом, то ни один бы не пошел в монахи, спасались бы все в миру!»

Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова)

Глава 1. Купеческий сын

«Ехал на ярмарку ухарь-купец, ухарь-купец – удалой молодец,

Заехал в деревню коней напоить, своею гульбою людей подивить...»

И дальше в известной песне поется про совращенную ухарем-купцом невинную крестьянскую дочь, которая за ленты да побрякушки отдала ему свое девство. Таков донесенный до нас советской песенной традицией образ «купца-мироеда», «купчины толстопузого», который грабит свой обездоленный русский народ, а затем «шампанское мешает с квасом и тычет в небо ананасом».

А образ-то лжив! Конечно, и среди российского купечества хватало выскочивших «из грязи в князи» «новых русских», дорвавшихся до денег и прожигающих состояния в греховных удовольствиях. Но отнюдь не они представляли собою мощный класс российских купцов и заводчиков-предпринимателей – российские «деловые люди» славились во всем мире прежде всего честным словом, которое крепче любого документа (не дай Бог, раз обманул – все! – уходи из торговой жизни, больше с тобой никто дел иметь не будет), а еще – молитвенностью и благочестием, а уж потом – умом и деловой хваткой.

Именно молитвенностью и благочестием, идущими от сильной живой Веры, без которой ни в море на корабле с товаром выйти, ни с караваном в дальние страны путешествовать среди иноверцев да варваров, ни новую фабрику открыть, ни пароход по Волге отправить! Крепко усвоили русские купчины евангельские слова Христовы: «Без Мене не можете творити ничесоже!» (Ин.15:5), многовековым опытом отцов и дедов засвидетельствована истинность этих слов. Вот и покрылась Земля Русская храмами в честь святителя Николая Мирликийского, негласного покровителя путешествующих да куплю творящих, засияли в них, да и в других церквах и монастырях, купеческим рублем отстроенных да укрепленных, драгоценные ризы на святых образах.

Прилепились к этим храмам да обителям приходские школы, больницы да приюты для немощных и престарелых – сколько калек, вдов и сирот на купеческие деньги накормлено да обогрето было, одето и от лютой морозной смерти спасено – и не счесть!

Да ведь не только мощной служил купец русский ближнему своему – сколько дивных подвижников из купеческой среды народ русский произрастил! Помянуть хоть последних двух Серафимов Великих – Саровского батюшку, благодати Духа Святого провозвестника, да Вырицкого подвижника, миллионщика-схимника, коего святость ни фашисты, ни коммунисты одолеть не смогли! Почитать жития преподобнических – во многих видим, что и этот святой монах – «из купцов, из торгового сословия, из благочестивого купечества...». Дивно: от богатств – к нищете духа, от хором – в пустыни, от мирского счастья – к надмирному покою!

А и среди оставшихся, среди денно и ночью в трудах материальные состояния преумножавших смотришь – этот постник, этот в конторке своей несколько Псалтирей до дыр зачитал, этот службу церковную знает лучше приходского дьячка да монастырского уставщика! Дышит Дух Святой «идеже хочет», и весьма плодородной почвой для произрастания святости оказалась славяно-русская душа – и крестьянская, и боярская, и купеческая!

Вот из такого-то рода благочестивых купцов старооскольских и произрастил Господь в девятнадцатом веке великого русско-афонского старца Иеронима.

В 1885 он сам пишет в своей автобиографии следующее: «Родился я в России, в Курской губернии, в городе Старом Осколе, от православных и благочестивых родителей из купеческого сословия по фамилии Соломенцевы... От деда Григория родился мой отец.

Павел Григорьевич Соломенцев, у которого было четыре сына и одна дочь. Большой сын назывался Алексием (в монашестве Аркадий), второй Ильей, третий был я, в крещении назван Иоанном... Сестра называлась Евдокия (в монашестве

Маргарита, теперь игуменья Борисовского монастыря Курской губернии). Четвертый сын был Димитрий».

Вот так! Купеческая семья – четыре сына и одна дочь. Из них три монаха. Из них двое возглавили обители. Из них двоих один – старец Иероним.

«Тако всяко древо доброе плоды добры творит, а злое древо плоды злы творит: не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити» (Мф.7:17).

И ведь отнюдь не исключением в купеческой среде была эта благочестивая семья, сам старец свидетельствует: «Семейство наше любило часто ходить в церковь, особенно бабушка наша, которая почти каждый день ходила на всякую службу. Но надобно сказать, к чести моих сограждан, что в мое время они любили посещать святые храмы, особенно в воскресные дни и праздники – полны все церкви (которых в то время было семь). Как я помню, от 1810 до 1830 года нравственное настроение моих сограждан было очень религиозное, благочестивое. Раскольников и сектантов вовсе никого не было в городе.

Посты хранили и среды и пятницы тоже, а особенно Великий пост почитали; не слышно было, чтобы какой дом разрешал есть мясо в посты. Даже и дворяне соблюдали посты». Обратите внимание на слова о дворянах – самом образованном в то время, «элитарном» классе, который, как носитель «цивилизованности», должен бы всем остальным, «низшим» классам (в том числе и купечеству) подавать пример нравственности, моральной высоты и религиозного благочестия. Ан нет – «даже и дворяне» – выходит, простой народ и тогда в христианском настрое крепче стоял...

Старец свидетельствует: «В то время благочестивые мои сограждане были большие охотники до церковного пения, так что и богатые купцы из первых домов за честь почитали ходить на клирос...» На клирос! Хвалу Господу воспевать! За честь почитали!

«Особенно приснопамятны купцы Симоновы, которые постарались и хор певческий составить, куда и я был приглашен еще молодым, лет семнадцати. Это меня очень утешало.

Общество было прекрасное, певали много...» Церковное пение... Таинственное, неизъяснимое действо, в котором чувство, слово и мысль сливаются в гармонии звука, словно открывая коридор в Небо и вознося по нему человеческую душу к Творцу.

«Пойте Богу нашему, пойте, пойте Царю нашему, пойте» (Пс.46:7) – призывает богопочитателей великий Псалмопевец Давид еще в ветхозаветное время.

«... Благодушествует ли кто: да поёт» (Иак.5:13) – заповедует христианам Святой Апостол Иаков уже после схождения в Пятидесятницу новозаветной благодати Духа Святого.

Дивный дар Божий – способность изливать в пении сокровенное души своей, соединяться в нем с Господом – всегда ценим был православным русским народом как высшая ценность.

«В семействе моем все умели петь, – рассказывает старец Иероним, – бывало, под праздник или в воскресенье сойдемся все в залу, покадим и лампаду зажжем и начнем петь догматики, стихиры, ирмосы, тропари, херувимские и прочее. Голоса были громкие, все знающие: тенора, четыре баса, а женщины – альти и дисканты. Таким образом тричетыре часа в сладость пропоем. А иногда так громко, что на улице проходящие останавливаются, снимают шапки, крестятся, говоря, что у Соломенцевых всенощную служат. Это занятие очень утешало нас... А когда, бывало, приедут из монастыря наши монахини погостить к нам – две тетки, жившие в Орловском монастыре, – тогда наш дом превращался как бы в церковь: частое пение, чтение и моления совершались ежедневно».

«...Всяко бо древо от плода своего познаётся: не от терния бо чешут смородины, ни от купины емлют гробдия» (Лк.6:44) – свидетельствует Святой Евангелист.

Так и дивный плод русского христианского благочестия – великий старец Иероним – возрос на одной из ветвей простой и искренней народной веры, глубокой церковности и семейной нравственной чистоты. Рожденный в семье, дом которой

превращен в церковь, вскормленный с молоком матери евангельской духовной пищей, взрощенный с молениями и церковным пением отрок не мог не почувствовать всей красоты и силы церковной и монашеской жизни и не возлюбить Христову Церковь и служение Ей. Он и сам свидетельствует об этом:

«От отроческих лет церковь была моим единственным утешением. Звонить, кадило подавать, находиться в алтаре, читать и петь – эти занятия были для меня *«пáче мéда и sóта»* (Пс.18:11).

Большая любовь к церкви, особенно к пономарству, заменяла для меня все детские игры. С шести лет я выучился пономарить и звонить в церкви Успения Божьей Матери, которая была против нашего дома. За прилежание ли к церкви или ради расположения к монашеству благодать Божья часто утешала меня разными просвещениями; некоторые из них были так резки, что на всю жизнь мою остались незабытыми в моей памяти».

Прилежание к церкви и расположение к монашеству открыли душу отрока Иоанна к принятию действий Божественной благодати, сделав ее способной видеть, слышать и чувствовать то, что неподвластно плотскому восприятию отягощенных греховными страстями людей. Открытая Христу дверь в отроческую душу пропустила внутрь «стоявшего и стучавшего» в эту дверь Спасителя, в чудесном действии Его благодатной силы любви. Сам старец повествует об этом так:

«Однажды, когда мне было около семи лет от рождения и я уже научился пономарить, как теперь помню, я шел со свечою и по обычаю стал пред иконою Спасителя, прилежно смотря на лицо Его; в это время пели догматик 8-го гласа: *«Цáрь Небéсный за человеколюбие на землú явился и с челове́ки поживé»* ´. Эти слова поразили сердце мое страшным удивлением и сладчайшим умилением. Слезы потекли из глаз. Слова эти начали повторяться беспрестанно, волнуя сладким удивлением. Я плакал, ужасался и радовался. Слова повторялись часто и с новыми чувствами удивления и радости. Так продолжалось более двух недель (!). Потом мало-помалу стало это уменьшаться, но память о сем дивном просвещении

осталась на всю жизнь мою». Более двух недель отрок Иоанн провел в благодатном соединении с Царем Небесным, за человеколюбие явившимся на земле и пожившим с людьми. И с отроком Иоанном. Более двух недель его детской, исполненной любви к церкви и монашеству жизни. Эти две недели стали фундаментом многих лет подвижничества будущего великого старца Иеронима.

Глава 2. Юность монаха

«Как я помню, еще с пяти лет я начал желать пойти в монастырь» – вспоминает старец свое далекое детство.

Монастырь – странное для мира, страшное для демонов и спасительное для монахов место. Кто сможет постичь всю глубину дивного Божьего Промысла, даровавшего людям, взыскующим «дарований больших» и готовым идти ради них «узким путем» подвига сквозь «тесные врата» брани с миром, плотью и дьяволом, этот «броненосный корабль» – монастырь, – о чьи стены-борта разбиваются грозные волны бурного житейского моря! Кто может постичь и то таинственное действие Божественной благодати в сердце человека, нередко ребенка, когда он вдруг с удивлением и трепетом душевным осознает: я хочу в монастырь!

Я хочу жить в этих стенах, я хочу носить эти строгие черные одежды, я хочу иметь такие же глубокие, наполненные страданием и любовью глаза, как те, что я вижу глядящими на меня из-под монашеских клобуков! Я хочу познать тот мир, в котором пребывают отвергшиеся этого мира удивительные люди – «земные Ангелы и небесные человеки», вкусить той радости общения с Богом, ради которой они лишили себя всех радостей земных, – я хочу стать монахом!

Обнаружив в себе подобные чувства и желания, человек заболевает благой грустью – тоской по монастырю, и сердце его плачет, если не имеет он возможности осуществить свое желание вселиться под сень монастырских стен. Плачет его душа, плачет сердце по монастырю, чувствуя в нем то подобие Рая, пред вратами которого плакал Адам, будучи изгнан из него. Так плакал и юный Иоанн, о чем он повествует сам:

«... плач и рыдания продолжительные были у меня уже от скорби, что не отпустили меня в монастырь. Один иеромонах Площанской пустыни, сборщик, квартировал в нашем доме. Я просил его, чтобы он взял меня в монастырь, и он согласился. Мать моя согласилась отпустить меня и приготовила меня в дорогу. В это время отца моего не было дома, он служил в

магистрате бургомистром. Когда он пришел домой, мать моя говорит ему, что она отпускает меня в монастырь, в надежде той, что и он согласится на это дело, но отец за это рассердился и не пустил, сказавши, что раньше 23 лет он не отпустит меня. Это ужасно меня опечалило, и я от этого начал плакать и рыдать, и это продолжалось более двух недель. Бывало, пойду в уединенное место, упаду вниз лицом и плачу, рыдаю и припеваю Милость ми ра... Свя́т, свя́т ... и прочее жалобным голосом, потому что не знал, как в скорби надо молиться. С того времени я уже и не помышлял, чтобы меня прежде совершеннолетия отпустили в монастырь».

Из этого рассказа видно, что душа юного Иоанна уже услышала Евангельский призыв: *«а́ще хощеши соверше́н быти... гряди́ вслед Мене́»* (Мф.19:21).

Способность чувствовать Бога и Его Любовь, развитая в Иоанне с младенчества благочестивым воспитанием, молитвой, церковной жизнью и пономарским служением в алтаре, вылилась в еще не полностью осознанное, интуитивное стремление в монастырь – туда, где Бог в Его Любви пребывает наиболее близко с теми, кто ради Него оставил все и пришел следовать за Ним путем монашеского подвига.

Христос сказал Своим Ученикам: *«никто́же мо́жет приити́ ко Мне́, а́ще не Оте́ц послáвый Мя́ привлече́т его́....»* (Ин.6:44).

И Он же обращается к людям: *«Приидите ко Мне́ вси́ тружда́ющиися и обремене́ннии, и А́з упоко́ю вы́ ...»* (Мф.11:28).

А также Он говорил, что: *«...мно́зи бо су́ть зва́ни, ма́ло же избра́нных»* (Мф. 22:14).

О чем это? Как это понимать? И как эти слова Господа относятся к монашеской жизни?

Обратимся к Святому Евангелию: *«И се́, един [не́кий] присту́пль рече́ Емý: Учи́телю благи́й, что́ благо сотворю, да́ю вам живо́т ве́чный? Он же рече́ емý: что́ Мя глаго́леши бла́га? никто́же бла́г, то́кмо един Бо́г: а́ще ли хощеши вни́ти в живо́т, соблюди́ за́поведи. Глаго́ла Емý: кия́? Иису́с же рече́: е́же, не уби́еши: не прелюбы́ сотвориши: не укра́деши: не́*

лжесвидетелствуеши: чтѣ́ отца́ и ма́терь: и: возлюбиши ѱскренняго твоего́ ꙗко́ самъ себѣ́. Глаго́ла Ему́ юноша: вся́ сѣя́ сохранихъ отъ ю́ности моея́: чтѣ́ есмь ещѣ́ не доконча́л? Рече́ ему́ Иису́с: а́ще хощеши соверше́н быти, иди́, прода́ждь имѣ́ние твоѣ́ и да́ждь ни́щым: и имѣ́ти имаши сокровище на небеси́: и гряди́ вследъ Мене́...» (Мф. 19:16–21).

Что мы видим в этой истории? Бог Отец привлек благочестивого юношу, ищущего Жизни Вечной, к Сыну Своему – этой Вечной Жизни Источнику. Христос на вопрос, как ее обрести, напоминает ему о Заповедях Божьих, исполнение которых и вводит человека в Вечную Жизнь. И, когда юноша засвидетельствовал свою праведность в соблюдении Заповедей Божьих и желание обрести больший духовный плод, Христос, видя способность этого юноши к духовному развитию и стяжанию высшего совершенства, предлагает ему стать монахом – продать и раздать нищим земное имение (вот Кто благословил обет нестяжания!) и следовать за Ним. Отец привлек, Сын призвал и... «Слышав же ю́ноша сло́во, отиде скорбя́: бе́ бо имея́ стяжа́ния мно́га» (Мф.19:22).

Выбор между земными богатствами и Жизнью Вечной – сокровищем на Небесах – был сделан юношей в пользу богатств земных, которые он избрал. И тем самым лишился участи избранных – избравших Небо, подобно Ученикам Христовым Апостолам, как повествует о том Святое Евангелие:

«Ходя́ же при мо́ри Галиле́йстем, виде́ два́ бра́та, Си́мона глаго́лемаго Петра́, и Андре́а бра́та его́, вмета́юща мре́жи в мо́ре, беста́ бо ры́ баря: и глаго́ла́ ѱма: гряди́та по́ Мне, ѱ сотворю́ вѣ́ ловца́ человеком. Она́ же а́бие оста́вльша мре́жи, по́ Нѣмъ идѣ́ста. И прешѣ́д отту́ду, виде́ ѱ на два́ бра́та, Иа́кова Зеведе́ева, и Иоа́нна бра́та его́, в корабли́ с Зеведе́емъ отце́мъ еѹ, завязу́юща мре́жи своя́, и воззва́ я́. Она́ же а́бие оста́вльша кора́бль и отца́ своего́, по́ Нѣмъ идѣ́ста» (Мф.4:18–22).

Обратите внимание: «...они тотчас, оставив...» лодки, сети – источник пропитания, родителей, семьи, налаженный быт, «последовали за Ним» – пошли за Тем, Кто возвестил им пришествие Царства Небесного. Это был их выбор, их избрание

– Отец привлек к Сыну, Сын призвал, они избрали Сына и стали его избранниками. Мы не знаем дальнейшую судьбу того богатого благочестивого юноши, не смогшего отказаться от земных сокровищ ради Сокровища Небесного. Возможно, он так и прожил свою жизнь в соблюдении Заповедей Божьих, был хорошим семьянином, рачительным хозяином своего имущества, добрым соседом и уважаемым гражданином. Возможно, он даже стал христианином, был просвещен проповедью одного из учеников Господа, которые, в отличие от него, оставили все и пошли за Христом, и получили благодать апостольства. Но то небесное сокровище – совершенство Духа, которое предлагал ему Христос, уже не было им обретено никогда – он был званным, но не стал избранным. Хотя мог им стать, потому что Господь не призывает всех на служение апостольское, священническое или монашеское, но только тех, кто способен понести этот подвиг и стяжать соответствующую подвигу награду.

«...аще ли хощеши внити в живѣт, соблюди заповеди... еже, не убиеши: не прелюбы сотвориши: не украдеши: не лжесвидетелствуеши: чтѣ отца и мать: и: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе.» (Мф.19:17–19) – эти слова обращены ко всем, их может (и должен) вместить и реализовать в своей жизни каждый, кто считает себя христианином. Но не каждого Господь призывает на узкий и тернистый путь иноческой жизни, и если призвал, значит, призванный уже – «званный» – способный обрести Благодать Духа Святого «житием постническим»! И он сам решает, стать ли ему «избранным».

Такой призванный Господом к монашеской жизни человек ощущает всем существом – я хочу быть монахом! Только монахом и никем другим, кроме монаха! Я хочу, чтобы никто и ничто не мешало мне наслаждаться общением с возлюбленным мною Господом, я готов уйти в пустыню, закопаться в пещеру, закрыться в тесной монашеской келье, лишь бы быть один на один с Ним, с Тем, Кто дороже для меня всего на свете и самой жизни!

Как юноша, влюбленный первой чистой искренней любовью, уже не видит ничего, кроме своей избранницы, все

силы души употребляя на то, чтобы быть с ней и только с ней, так и монах, горящий невыразимым чувством радости от единения со Христом в молитве, все отбрасывает, все отвергает, все оставляет, что этому единению препятствует! Недаром само слово «монах» произошло от греческого «монос» – один. Один на Один с Богом! И целый мир не нужен... Это и есть призвание к монашеству.

Господь призвал Иоанна Соломенцева на путь монашеской жизни, призвал еще в раннем отрочестве – Иоанн услышал этот призыв и отозвался на него.

Это стремление к иночеству стало с тех пор смыслом и опорой его начинающейся взрослой жизни, «пробным камнем», которым он проверял и мерил теперь все встречающееся на его пути: людей, события, человеческие взаимоотношения. Подобное тянется к подобному, и Господь посылал монахолюбивой юношеской душе единомышленников в аскетических устремлениях. Старец пишет:

«... Промысел Божий поэкономил мою юность добрым содружеством. В воспитании человека много влияет содружество: доброе – для добра, а злое для зла. Содружество доброе избавило меня от рассеянной жизни и поддержало на пути благочестия. Дружба наша состояла из шести человек. Мы дали обещание Богу, чтобы не жениться, а пойти в монастырь и быть монахами, и подтвердили это клятвой. Вследствие сего мы часто сходились для совещаний и бесед, чтения и пения. Сограждане наши прозвали нас монахами, но все уважали нас».

Провинциальный русский небольшой купеческий город; юноши, мечтающие стать монахами и давшие обет безбрачия друг перед другом с клятвой, собирающиеся вместе читать духовные книги, петь церковные песнопения; горожане, уважающие их за это... Как странно, фантастически нереально звучит это в начале двадцать первого века! Особенно глядя на большинство молодежи в провинциальных русских городах, их стремления, идеалы, цели собраний вместе... И ведь не так уж и много времени прошло со дней юности Иоанна Соломенцева по историческим меркам, а целая цивилизация сменилась – мир стал другим – жестким, обездушенным, алчным!

И только – *«Иисус Христос вчера и днесь тойже, и во веки»* (Евр.13:8).

И Его всепобеждающая жертвенная Любовь!

Еще одна черта, характерная для юного Иоанна и для многих его сверстников периода его юности, стала крайне редкой в наше себялюбивое, развращенное время в среде молодых людей – искреннее почтение к родителям и беспрекословное им послушание.

Правда, и родители в то время были другие... Вот что вспоминает о своих родителях старец Иероним:

«Родители мои были истинные христиане, любили Бога и исполняли Его заповеди. Часто посещали церковь, любили молиться и дома. Родитель знал наизусть четыре акафиста; во всю жизнь не пил хмельных напитков, никогда не ругался поссоромски, божиться считал за великий грех, был строг, но очень молчалив, и все боялись его и любили; пиров, обедов и гуляний не любил, за то обзывали его скупым, а другие величали его «морозом». Впрочем, он любил бедных родных и всегда приглашал их к обеду, любил читать Библию, потому Библия – большая, екатерининская – постоянно лежала у шкафа, где он садился пить чай. И, не прочитавши листа два из Библии, он не начинал пить чая (который был его любимым напитком, особенно со сливками).

Среды и пятницы почитали, также и посты, и хотя ели рыбу, но молочного не ели никогда. А в Великий пост первую неделю все семейство ничего вареного не ело и даже чаю не пило до субботы, прочие недели разрешали только на масло постное.

Мать моя была грамотная, богобоязненная, очень трудолюбивая, любила читать жития святых отец, была веселого нрава и любила шутить, любила монашество. Тетка, схимонахиня Ксения, была ее другом, от которой она научилась благочестию».

Каковы родители – таково и отношение к ним детей. Воспитание не одним только словесным наставлением совершается, но прежде всего личным примером благочестивой жизни. От благого корня и лоза плодородная! Даже старец, вспоминая родителей, говорит не о том, чему они его учили, а о

том – каковы были сами. Соответственно и отношение его было к родителям преисполнено любви, почтения и религиозного благоговения, выражавшихся в послушании родительской воле. Сказал отец Иоанну, чтоб до совершеннолетия забыл про монастырь – все! – плачь душа, плачь сердце, а слово родительское – закон! И будущий великий афонский подвижник со смирением принял отцовскую волю как изъявление воли Отца Небесного.

Так в нем выковывался монах. И выковывался крепко, «тяжелым молотом» отсечения собственной воли, закаливался упованием на спасительный Божий Промысел, питался молитвой и церковными Таинствами, испытывался искушениями, порой неожиданными.

«Приблизилось время моего совершеннолетия – 23 года. Я в тот день за чаем сделал родителю моему земной поклон, поблагодарил его за воспитание меня в страхе Божьем и при этом сказал ему, что от сего времени он уже не отвечает пред Богом за мое поведение. Это мое объяснение тронуло его и родительницу мою. Отец ответил мне так:

«Сын, я догадываюсь, для чего ты так сделал: чтобы иметь свободу без нашего соизволения пойти в монастырь. Но мы просим тебя, чтобы ты этого не делал, ибо три года уже прошло, как мы предлагали тебе жениться, и ты тогда заявил нам, что ты не хочешь жениться, а желаешь пойти в монастырь. Мы со своей стороны дали тебе на это наше родительское согласие и обещались более не принуждать тебя к женитьбе, а только при этом просили тебя, чтобы ты пожил еще с нами и помог бы семейству по торговле. И ты тогда обещался нам пожить еще с нами до совершеннолетия и так исполнил свое обещание. А теперь мы вновь просим тебя и еще пожить с нами, по крайней мере, покамест брат твой меньший возмужает и возможет управлять лавкою».

Вот так! В тот долгожданный час совершеннолетия, когда окрыленный юноша уже предвкушал радость благословения родительского на монашеский путь и уход под сень святой обители, вдруг... Вдруг отец, уже признавший конец своей родительской власти – приказывать и подчинять своей воле

сына – с любовью и смирением просит его о помощи семье, помощи, вновь лишаящей Иоанна исполнения заветной мечты! Что мог ответить на эту просьбу будущий монах?

Старец Иероним повествует: «Хотя и тяжело показалось для меня прошение их, но ради послушания родителям я нехотя принужден был дать им свое обещание еще пожить с ними, покуда это будет для меня удобоисполнимым».

Монастырская жизнь еще не началась для Иоанна, но монашескую брань с себялюбием и самохотением ему уже пришлось претерпеть, и он вышел из этой брани победителем. А Господь, видя духовную силу и кротость своего «мирского послушника», продолжал взращивать в нем терпение и любовь, ставя перед ним все новые духовные «экзамены», причем с самой неожиданной стороны. Старец вспоминает:

«Нас, сыновей, у отца нашего было четверо, а дочь была одна, которую родители очень любили. Она была резвая. На одиннадцатом году ее отвезли в Орел, в монастырь к монахиням-теткам, для обучения в рукоделии, особенно златошвейному искусству. Она там прожила два года. Потом привезли ее назад домой и начали по обычаю глупому купеческому лет за пять вперед до замужества заготавливать наряды, и притом еще в большом количестве. А она, приехав из монастыря, начала с подругами своими читать романы, которые воспалили ее воображение и усилили в ней страсти.

Собою она была красива. Начитавшись романов, она стала о себе думать, что она умная дама. Иногда, прочитавши какой-нибудь роман и увлекшись им до восторга, она передавала мне свои чувства и тонкие понятия, желая показать, что она уже умеет ценить и рассуждать о всяких предметах. И это я слышал от нее многократно. Таким образом моя легковверная сестрица в малое время зашла далеко. Я молился о ней, да просветит ее Бог, да наставит на всякую истину, а на себя я не надеялся, чтобы мог вразумить и обратить ее к любви Божьей.

Однажды она мне много рассказывала о геройстве разных героинь, описанных в романах. При этом я спросил ее: «Скажи мне, сестра, какое понятие ты имеешь о романах? Что такое роман?» Она отвечала мне: «Да всем известно, что роман есть

история о каком-либо событии или повесть о приключениях». При этом я, рассмеявшись, сказал ей: «Если б это было так!» Она торопливо спросила: «Так как же иначе? И скажи мне твое мнение о романе. Неужели все это ложь?» Я ей сказал: «Сестра, вот мое мнение, и мнение всех здравомыслящих, и всех великих святых: роман есть миф, то есть сказка, басня, выдумка или мечта ложного воображения»,

За этим она так и ахнула, проговоривши: «Ах, Боже мой, а я думала, что все, писанное в романах, есть истина и верные события!» Я ей ответил: «Я укажу тебе таковые события истинные, которые засвидетельствованы всею нашею святою Церковью». – «Да ты мне говоришь о святых книгах и Четиях Минеях?» «Да, – сказал я ей, – да разве в этих книгах написано не чудно, не дивно, не ужасно и не страшно? А это не выдумка, не ложь, а сущая есть истина. Вот ты имеешь имя святой Евдокии, а читала ли ты ее житие и страдание? Вот где увидишь истинное геройство и пречудную повесть, каковых ты в романах не читала».

Затем она побежала читать житие преподобномученицы Евдокии. Прочитав ее житие и прочих подобных жен, как-то: Евгении преподобномученицы, Аполлинарии, Феодоры, – наша любительница чтения романов видимо переменилась, на романы уже и смотреть не хотела и так полюбила чтение святых книг, что часов по пять их читала. Иногда мать принуждена была силою оттаскивать ее от книги, говоря, что она от долгого чтения похудела и сделалась бледная, что ее теперь никто не возьмет замуж. А она, несмотря ни на что, стала часто ходить в церковь и, к горю матери, не стала убираться (наряжаться, прим. составителя). И скоро Промысел Божий помог ей пойти в монастырь.

Это было таким образом. На масленой неделе она с невесткой каталась в санках по городу и простудилась. От этого она заболела, и долго доктора лечили ее. По прошествии шести месяцев она выздоровела, но не совсем, боль в груди осталась и угрожала ей чахоткою. В это время гостила у нас схимонахиня, наша тетка, мать Ксанфира. Сестра упросила ее, чтобы она взяла ее в монастырь. Тетка дала ей слово, что если

отпустят, то она то она теперь же возьмет ее с собою в монастырь. На другой день утром мы все собрались, по обычаю, в спальню родительскую пить чай. В это время входит сестра и, ставши на колени перед отцом, начала просить со слезами отца, чтобы он отпустил ее в монастырь.

На это отец сказал ей: «Так как брат твой хочет скоро оставить нас и пойти в монастырь, потому мы теперь отпустить тебя не можем, ибо в один раз двоих любимых детей отпустить для нас очень тяжело и скорбно, а если хочешь, проси брата, чтобы он за тебя пожил с нами три года».

После этих слов сестра встает и с рыданием бросается мне на шею, говоря: «Любезный братец, выкупи меня!» Все мы, вставши со стульев, расплакались. Я от слез едва мог выговорить: «Согласен, согласен, но только год». Отец, протянувши ко мне свою руку, сказал: «Три, три!» Я, давши ему свою руку, сказал: «Два, два!» Поцелуем руки отца мы покончили этот торг».

Вот так! Только душа Иоанна начала согреваться размышлениями о близком отправлении на жительство в монастырь, как Господь вновь дал ему случай проверить себя – а какой ты христианин? Желаешь быть «земным Ангелом», принести в жертву Богу все земное благополучие в обмен на Вечную Жизнь? А способен ли ты на много меньшую жертву ради ближнего – любимой сестры? Ведь великое вырастает из малого, и не способный в малом исполнить Заповедь Любви исполнит ли ее в большем? Стал ли ты уже настоящим христианином, прежде чем стать настоящим монахом?

Стал. Молодой купеческий сын выдержал и этот «экзамен». Еще один шаг к совершенному житию в Боге был сделан.

«Скоро, дня через три, сестра уехала с теткою в монастырь». Иоанн остался с родителями утешать их в лишении надежды увидеть дочь свою в счастливом браке, понынчить внуков, ею рожденных...

«Я еще прожил за сестру в доме родителей два года. Об этом событии сестра часто вспоминала в письмах своих ко мне. И в самом деле, самоотвержение ее было примерное и редкое, и за то Бог удивил над нею милость Свою в монашестве,

даровав ей многие благодатные дары ко славе Своей и для спасения многих душ, вверенных ее путеводительству. Теперь в монастыре ее 800 сестер. В начале она жила в Орле у тетки – монахини Ксанфиры, которая была старица опытная, а когда сгорел в Орле монастырь их, тогда они переселились в Борисовский монастырь. С ними еще были две племянницы. Тут сестру сделали благочинною, и она в этой должности была 20 лет; потом ее избрали игуменьей. В это время прибыли к ней еще две племянницы. Мать наша в ее монастыре скончалась, будучи наименована в схиме Еввулою». Вот так!

Глава 3. Монашество начинается

Решение «выкупить» сестру, пожертвовав двумя годами собственной монастырской жизни, безусловно явило высоту души молодого Иоанна, способность к настоящей жертвенной любви, без которой невозможен не только монашеский подвиг, но и вообще хоть какая-либо жизнь во Христе: *«...уже бо имать, дастся ему: и уже аще неимать, и еже мнѣ тѣя имѣя, вѣзмется от негѣ»* (Лк.8:18).

Но и лукавый диавол, видя столь преуспевающего в духовном развитии «воина Христова», намерился усилить на него умственную и чувственную брань, стремясь использовать эти два года если не для погубления души монахолобивого юноши, то хотя бы для отвращения его от устремлений к монашеству и для опутывания сетями мирских удовольствий, перерождающихся в страсти. Сам старец об этом свидетельствует:

«Во время моего двухлетнего жития при родителях за сестру я перенес тяжкие испытания и едва не погиб. При всей моей начитанности в Божественных книгах и любви к монашеству я много претерпел от нападения страстей. Враг сильно нападал на меня с разных сторон – хотел всячески отвести меня от намерения моего, а потому я с великою болезнью сердца оставлял дом мой – плакал и рыдал. Но в это время совесть говорила мне, что это попущено Богом и так сему должно быть: «Мужайся и крепись, все это скоро пройдет, ибо через это пролитие крови твоей сердечной оценится любовь твоя к Богу. А как ты думаешь, что Тому Самому Любителю твоему ради тебя легко было на Голгофе висеть на Кресте?» Когда я спросил опытного старца о моем трудном и горьком разлучении с миром, что это значит, он отвечал мне, что ежели этого не случится в начале оставления мира, то оно будет в монастыре, ибо сего требует евангельское самоотвержение, которое вначале бывает страшно тяжело, а после делается благим игом и легким бременем Христовым».

Сам юный Иоанн уже тогда понимал, что брань бесовская, восставшая на него в тот период его жизни дома, есть попущение спасительного Божьего Промысла, имеющего целью очистить, укрепить и подготовить к последующей монастырской жизни будущего подвижника. А брань эта была отнюдь не легка!

Молодому неженатому мужчине, перешагнувшему двадцатипятилетний порог, живущему в миру и общающемуся вследствие работы в родительской лавке с большим количеством «общества», немалой частью которого были молодые и привлекательные особы женского пола, и не претерпевать искушения от блудных страстей – такое просто нереально! А тут еще родители хоть и почитающие монашество как высшую форму духовного подвижничества, но по человеческому естеству, подобно большинству родителей, мечтающие внуков «потетешкать», семейное дело в надежные сыновние руки передать, род свой и фамилию видеть множащимися и продолжающимися – родителей отнюдь не торопят с отбытием в монастырь! Напротив – невест побогаче да покрасивее подбирают, сыночку про радости семейной жизни помянуть не упускают случая, о своей старости бесприглядной чувствительному сыну намекнуть не забывают... Искушение!

Не проникнуть стороннему наблюдателю в тайну сердца молодого Иоанна Соломенцева, не постичь того напряжения всех сил ума и души, что требовалось целомудренному христианину для отражения похотного наваждения диавольского! Сколько веры, сколько любви к Распятому Христу требовалось подвижнику, чтобы противостоять непоколебимо трем врагам христианского духа – миру, плоти и диаволу! Прежде монастыря претерпел он и брань, и подвиг монашеские и силой духа стяжал благодатную помощь Силы Всевышнего.

Зная из любимых им святоотеческих книг, каковым подвигом можно противостоять брани блудной, Иоанн использовал весь опыт столпов монашества и все орудия, ими в бранях проверенные: пост строгий, бдения ночные молитвенные, внимание ума к себе предельное, сдержанность речи, взглядов, чувств...

«...оттѣле цѣрствие Бѣжие благовествуется, и всяк в не нудится». «(...с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него)» – заповедует в Святом Евангелии Христос Господь (Лк.16:16).

Но какое же человеческое усилие способно смирить бурю страстей, воздымаемых врагом рода человеческого? Только усилие осознать свою немощь, стяжать смирение и кротко предать душу и тело в руке Создателя своего! И когда силы подвижника иссякают, приходит Бог и Своей неисчерпаемой силой восполняет немощь смиренного человеческого естества. Так было и с Иоанном.

Подвизаясь в брани против блудных похотливых страстей, смиряя ум и умерщвляя плотские силы, он довел себя до изнеможения – иссох и исхудал; от бессонных, проведенных в молитве ночей ум стал близок к исступлению. В одну ночь, когда брань плотская с особой силой восставала на целомудренного подвижника, огнем страстей нечистых опалая его чувствительное сердце, он, осознавая свое бессилие, почувствовал себя почти уже погибающим. Он выбежал из дома в сад, пал на колени под деревом и в слезной исступленной молитве воззвал к Спасителю, прося Его не допустить греховного падения и сохранить чистоту обещанного в служение Богу собственного тела.

«Если Ты, Господи, не поможешь мне, – взывал он из глубины сердца, – то уже не могу терпеть сей брани. Возьми же, Господи, лучше душу мою от меня, чем осквернить мне ее плотскою нечистотой!»

Бог никогда не оставляет любящих Его, хотя и попускает им, словно благородной стали, быть закаляемыми в пламенной печи борьбы со страстями! Около полуночи, когда молящийся под деревом в саду ревнитель целомудрия почти изнемог, вдруг видимым образом над головой его разверзлись небеса и свет, подобный огненному пламени, сошел на него с высоты, но не опалил его, а чудно прохладил, исполнив сердце Иоанна неизреченной радости. От изнеможения пал он на землю и лежал как мертвый, и только чувствовал, как таинственный небесный огонь проходит во все его жилы и составы,

прохлаждает, освящает и истребляет в них огонь плотского вожделения. Невозможное человеческим усилиям сотворила Сила Божия!

Так пролежал он долго, дивясь происходящему с ним, пока церковный колокол не заблаговестил к заутрене. Тогда он встал и ощутил себя совсем новым человеком: на душе было светло и радостно, помыслов греховных как не бывало, и само тело его стало как-то необыкновенно легко и подвижно. Исполненный этой светлой радости, он пошел на звук колокола в церковь к заутрене; придя, усердно молился и благодарил Бога за избавление от непосильной страстной брани.

Вернувшись из церкви домой, он обнаружил, что то дерево – груша, под которой он ночью молился и сподобился благодатного явления, – засохла и стояла обнаженной от своих листьев и плодов. Вскоре заметили это и домашние его и много удивлялись, как это случилось, что груша в одну ночь так внезапно усохла. Один лишь Иоанн понял причину этого явления, но по смирению утаил сию тайну в глубине своего сердца. Он лишь благодарил все время Господа за это чудное явление на нем действия Промысла и силы Божьей, сверхъестественным образом избавившее его от невыносимой плотской брани, страстных помыслов и греховных сонных мечтаний. Отныне и навсегда он был избавлен от них и стал неуловим греховными соблазнами.

Господь сказал: *«Вѣ естѣ свет мѣра: не мѣжет град укрытися верху горы стоя: ниже вжигают светилника и ставят его под спудом, но на свѣщнице, и свѣтит все м, и же в храмине [суть]. Тако да просветится свѣт ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесе х»* (Мф.5:14–16).

Благодатное преображение Иоанна, и без того уважаемого многими за благочестие и духовную рассудительность, не могло укрыться и от глаз окружающих его людей. И если ранее люди относились с почтением к молодому купцу, лишь видя его благочестивую богобоязненную жизнь, то теперь та незримая, но ощущаемая душою благодать Духа Святого, дарованная верному чаду Божьему, стала притягательной силой, к которой

потянулись ищущие духовного совета и утешения люди. К Иоанну стали обращаться за рассудительным советом при всяких спорах и недоумениях, за духовной поддержкой и укреплением в трудную минуту. Со смирением и любовью делился с обращающимися к нему за помощью людьми своим благодатным даром аскет-подвижник в миру. Господь еще до принятия монашеского пострига уже приготавливал своего избранника к будущему старческому служению.

Вспоминает об Иоанне Павловиче Соломенцеве его брат и друг детства Иван Фомич Соломенцев: «Около двенадцати лет было ему от роду, как оставил он мясную пищу и от гостей удалялся. А у Ивана Павловича был двоюродный брат Иван Егорович Тулинов, с которым они были родственны по духу, как единокровные братья. Вдвоем они тогда отвели от раскола до десяти девушек.

А как отправился на Афон, написал мне письмо: «Где ни жить, а Богу надо служить на всяком месте владычества Его. Благослови душе моя Господа». Давал наставления, как надо жить и от чего удаляться. Советовал иметь друга по душе, чтобы от соблазнов удерживать себя. Много у меня от него писем».

Явив своему избраннику чудо благодатного избавления от нападений пагубной блудной страсти, Господь не оставлял его Своей чудесной помощью и впоследствии. Был с ним, например, такой случай:

«Однажды, – рассказывал сам старец, – в годину испытания России болезнью холерою, я ехал из Старого Оскола в Острогожск. Чувствуя себя в припадке холеры, я остановился в селе Репьевка, но на месте я еще более почувствовал болезнь, меня беспрестанно рвало и несло. Не желая беспокоить хозяев дома, ибо и кучер мой (тогда ездили на своих лошадях) всевозможным образом сторонился от меня, уклоняясь в чем-либо мне послужить, я, ходя под навесом дома и чувствуя в себе крайнее ослабление, решился сесть в свою повозку и там ожидать смерти, держа в уме молитву Иисусову, основываясь на изречении слова Божия: «В чем застану, в том и сужду » (ср.: Иез.33:13–16).

Убедившись в этом своем помысле, я уселся, крепко молясь не о том, чтобы избавиться от болезни, но что мною не исполнен данный обет идти в монашество, хотя причины сего и были довольно благословны. Размышляя таким образом, я пришел в какое-то забвение и, глядя открытыми глазами, вижу перед собою боголепную Жену, всю в белом одеянии и покрытую как бы флером; возле Нее, гораздо ниже, как бы до колен, стоит мужчина в голубом светлом одеянии, имевший на себе накинутый сверху плащ. Помысл мне сказал, что это Божья Мать и святой Иоанн Богослов, и я тотчас пришел в сознание, почувствовав себя совершенно здоровым.

Перекрестившись и поблагодарив Господа, я проворно соскочил с повозки и пошел по направлению к жилищу. Возница мой с величайшим удивлением смотрит на меня и следует за мною. Придя в хату, я тотчас спросил кушать и нашел единственно только жидкую молочную кашу, называемую помалороссийски кулеш (чего в то время наиболее опасались). Сверх моего обыкновения я покушал достаточно и совершенно выздоровел. Событие сие всегда живо представляется в моей памяти с благодарностью к Царице Небесной и святому Иоанну Богослову. Припоминаю и то, что будто бы Царица Небесная, обращаясь к святому Иоанну Богослову, указала перстом Своей правой руки на меня, было ли при сем что произнесено, я не помню».

Вот так! Сама Мать Божия, Игумения Горы Афонской и Покровительница всех в монашеском звании подвижающихся о Господе, явилась будущему великому афонскому старцу с любимым Учеником Христовым, чтобы не только исцелить его телесный недуг, но и укрепить в уповании на то, что его монашеские обеты будут Богом приняты, что Она Сама берет его под Свой спасительный Покров. Что впоследствии и сбылось.

Пролетели два года жизни в семье «за сестру», весь сыновний долг сполна был отдан родителям, которые сами окончательно убедились, что сердце их сына Иоанна далеко лежит от красот и радостей мира сего. Несмотря на все трудности и искушения жизни и труда в купеческой суетной

среде, посреди дел торговых, разъездов, вынужденного общения с множеством людей, он сохранил и дух, и образ жизни подлинно монашеский – строгость поста, нерассеянность ума в памяти о Боге, молитвенный подвиг и мудрую кротость в обращении с ближними. Прежде монашества он уже был монахом. И родительское сердце отпустило его, смирилось с неизбежным – отец и мать дали благословение свое любимому сыну на уход в монастырь. Последняя страница мирской жизни Иоанна Соломенцева перевернулась.

Господь послал ему собрата в духе и любви к монашеству, Николая Гончарова – друга и родственника, с которым вместе они в начале 1831 года отправились пешком со странническими котомками в путь по российским монастырям, имея цель найти себе обитель, в которой они смогли бы провести остаток своей жизни в иноческом житии.

Глава 4. Монашество и старчество на Руси

Для того чтобы лучше понять дальнейшую историю жизни Иоанна Соломенцова, необходимо вспомнить, как возникло и развивалось монашество на Святой Руси.

Монашество началось в Киевской Руси уже во времена святого равноапостольного князя Владимира, когда возжелавшие особой подвижнической жизни «чернецы» (называвшиеся так по цвету одежд, в которые облачались тогда и облачаются до сих пор русские монахи) начали селиться около недавно возведенных храмов ради возможности как можно чаще молиться за церковными богослужениями. Из таких монахов складывались небольшие общины, не имевшие ни единого духовного руководства, ни устава совместной жизни.

При сыне крестителя Руси князе Ярославе Мудром начали строиться отдельно стоящие «именные» монастыри, возводимые князьями или боярами в честь своих небесных покровителей для молитвенного поминовения семей ктиторов-устроителей и как место, где эти ктитеры могли, по тогдашней благочестивой традиции, принять перед смертью монашеский постриг. Идеал всецелого посвящения своей души Богу уже в первые времена христианской жизни на Руси был понятен и желанен для каждого русского христианина, желающего если не жить, то хоть умереть монахом. Однако и эти монастыри, утвержденные не на подвиге основоположника, а на богатстве ктитора, тоже не представляли собой сколько-нибудь значимые в духовном отношении обители.

Настоящее подвижническое монашество началось в Киевской Руси с преподобного Антония Печерского. Он и его ученик Феодосий создали на Руси великую, основанную на афонской духовной школе традицию русской монашеской жизни, которая, развиваясь и обогащаясь опытом православного монашества разных стран, явила всему христианскому миру дивных подвижников, таких как Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Силуан Афонский и другие.

Именно Антоний и Феодосий Печерские справедливо считаются основателями русского монашества, несмотря на то, что и до них на Руси монашество существовало уже более полувека.

Преподобный Антоний родился в городе Любече Черниговской губернии в 983 году и, с юных лет горя любовью ко Господу и желанием посвятить Ему всю свою жизнь, отправился в знаменитую Гору Афонскую. Там, приняв постриг в первой русской обители – монастыре Успения Божьей Матери, называемом греками «Богородица» или «Ксилургу» (Древоделя), он начал постигать духовную науку афонского иноческого жития, построенную на трех столпах монашества – общежитии, старчестве и отсечении своей воли через послушание духовному отцу. Так прожил он в обители довольно времени, опытно проходя ступени монашеского совершенствования в духе. Преподобный Антоний полагал, подобно всем афонским инокам, обрести на Святой Горе последнее пристанище бренного тела.

Но подвижнику не суждено было Богом почтить на Святой Афонской Горе. По прошествии лет десяти просвещенный свыше чудесным образом игумен монастыря старец Герасим, призвав Антония, сообщил ему волю Божию:

«Антоний! Иди обратно в русскую землю, – пусть и там живущие через тебя преуспевают и утверждаются в вере христианской; да будет с тобою благословение Святой Горы!»

Что мог ответить на это святой подвижник, кроме двух монашеских слов – «благослови, отче!»? И, совершив земной поклон, отправиться исполнять послушание, данное Господом.

По возвращении с Афона Антоний обошел все существующие киевские обители, но ни одной не нашел, подобной по уставу и благочестивым обычаям «обители своего покаяния» на Святой Афонской Горе, пригодной для продолжения привычного ему образа жизни. Тогда за чертой города он присмотрел небольшую пещеру, выкопанную в холмистом берегу Днепра. Здесь Антоний и поселился во дни

славного князя Владимира, Просветителя Руси, положив начало дивному, доселе неведомому своему житию.

Но недолго прожил преподобный в своем уединении. В 1015 году зашло солнце Земли Русской – почил от равноапостольных трудов своих Великий князь Владимир. Узнав о вокняжении Святополка и об убиении святых братьев Бориса и Глеба, преподобный вновь возвратился на Святую Гору, к постригшему его старцу Герасиму. Вернувшись на Афон, молодой монах Антоний пробыл там довольно долго, почти 30 лет, пока вторично не был послан на Русь Господом чрез следующего игумена Феодула.

Антоний к тому времени уже и сам был весьма опытным в духовной жизни 60-летним старцем. Именно после второго своего прихода со Святой Горы преподобный собирает братство, которому передает свой духовный подвижнический опыт, приобретенный на Святой Горе Афон, в Русской обители Ксилургу, и благословение старца, постригшего его: «Господи, да будет на месте сем благословение Святой Афонской Горы и молитва моего отца, который постриг меня». Так возникла колыбель русского подвижничества – Печерский (то есть пещерный) монастырь, впоследствии получивший название Киево-Печерской лавры.

Афонская духовная школа, принесенная преподобным Антонием в Киев, стала основанием русской традиции монашеского жития. Принято считать, что первоначальник русского монашества перенес на Русскую землю ростки афонского «пещерножительства». Но во времена преподобного Антония пещерное житие хотя и встречалось на Святой Горе, однако не настолько часто, чтобы быть характерной чертой ее подвижничества. Такой способ монастырского устройства именно для Киевской Руси является более типичным. Пещеры служили надежным укрытием от орд кочевников и княжеских бесконечных распрей. Пещерничество преподобного Антония являлось скорее вынужденной, нежели принципиальной формой подвижничества, продиктованной местными причинами, а не святогорской традицией.

Отличительной чертой святогорского опыта является сфокусированное внимание на старчестве и послушании – главных условиях правильного благодатного подвижничества.

Первоначальник русского монашества передал своим духовным потомкам в наследие отнюдь не пещерножительство и не идиоритмический устав, как предполагают некоторые исследователи, а богодухновенное старчество как основу доброго общежительного монашеского устройства. Святой Антоний, собрав и организовав костяк будущего братства, благословляет ему игуменов, сам же занимает место старца, духовного руководителя, духовника, считая своей основной обязанностью духовное воспитание братии, врачевание помыслов, приобщение к молитве. Создав новую пещеру, он и там принимает братию в сожительство себе по более строгому уставу. Но, очевидно, принимает не всех, а только преуспевших в наземном монастыре.

Такая двухступенчатая организация неоднократно встречалась в истории монашества. Например, лавра преподобного Евфимия, для которой подготовительной ступенью служил общежительный монастырь преподобного Феоктиста. Подобным же способом поступит и великий старец Арсений, возобновитель русского братства Пантелеимонова монастыря, назначив этому братству в руководители своего ученика старца Иеронима, сам же оставаясь до конца дней своих жить в уединении, сохраняя за собой общее духовное руководство. Так же поступит и сам отец Иероним, выбравший братии в игумены своего ученика старца Макария, сам оставаясь духовником братства.

В силу вышесказанного становится понятным, почему преподобный Антоний считается первоначальником монашества на Руси несмотря на то, что и до его прихода существовали многие монастыри. Обитатели, возникшие в Киеве до преподобного, являлись преимущественно патрональными, построенными на средства и по заказу князей и вельмож, где они или их сродники нередко доживали свой век.

Такие монастыри не могли явить высоких примеров иноческого подвига, склоняясь к своевольному, или

идиоритмичному, образу организации – более легкому и свободному. Святой Антоний стал первым боговдохновенным вождем русского иночества, опытно стяжавшим духовное ведение, искушенным во многих бранях, призванным свыше, а потому – имеющим возможность оказать помощь и другим искушаемым и не знающим пути духовного возрастания. Воспитанный в течение сорока лет в строгом общежитии Святой Афонской Горы, преподобный Антоний стал распространителем этой традиции и на Руси.

Боговдохновенное старчество и руководимое им в духе взаимного послушания и братской любви общежитие Печерской обители стали солью Русской земли и притянули к лавре многие души, ищущие спасения, поскольку являли через нее образ первохристианской апостольской общины. Именно по этому образцу формировалась духовная жизнь не одних только русских монастырей, но и епархий в целом, поскольку из числа насельников лавры избирались ставленники на епископские кафедры в первые века православия на Руси.

Слава о пещерном отшельнике вскоре разнеслась не только по Киеву, но и по другим городам. Многие стали приходить к нему за духовным советом и с просьбами святых молитв. Некоторые же, получив освящение души от общения со святым, оставались делить с ним трудности пещерного подвига в качестве учеников и послушников. Среди них был и тот, кого вместе с Антонием Святая Церковь почитает родоначальником русского монашества – преподобный Феодосий Печерский.

Как и его учитель Антоний, он своим примером явил русским людям путь новой святой христианской жизни. Первого из них отличала жертвенная любовь и служение людям, второго – суровость иноческого подвига, соединяемая с чудной кротостью и смирением. Они создали в киевских пещерах целую дружину духовных воинов-подвижников. Благодаря этой святой двоице русское монашество вступило в свой «золотой век».

Лавра преподобных Антония и Феодосия всегда воспринималась как леторосль или саженец, перенесенный на Русскую землю из Сада Пресвятой Богородицы. Именно поэтому территория лавры издавна называлась, как и Святая

Гора Афон, Уделом Божией Матери. Ощущение, что это действительно так, усилилось особенно после построения в лавре величественного собора в честь Успения Пресвятой Богородицы. Этот храм занял совершенно особое, можно сказать – центральное место в истории не только лавры, но и всего нашего Отечества.

Храм поистине был грандиозным не только по своим масштабам, архитектурным достоинствам и по величине затраченных средств, но и по обилию знамений и чудес, совершившихся при его закладке и строительстве, и по тому значению, которое он приобрел для всей Русской земли на все последующие времена ее бытия.

Собор был построен по повелению Царицы Небесной, Которая Сама наняла мастеров-зодчих во Влахерне Константинопольской: *«Хощу церковь возградити Себе на Руси, в Киеве... Прииду же и Сама видети церковь, и в ней хощу жити...»* Причем образец предполагаемой церкви был также показан чудесно, на воздухе: *«Изыдите и видите величество ея. И видехом церковь на воздусе, и вшедше, поклонихомся Ей...»*

Удивительно то значение, какое приобрел этот собор для Русской земли. Успенская церковь становится главным собором Руси, собором по преимуществу, общерусской святыней – ведь ни одна другая отечественная церковь не именуется так, как она: Великая чудотворная Успенская церковь, архимандрития всей Русской земли. Это наименование следует понимать в смысле особой области, избранной из всей Русской земли в достояние или удел Богоматери; это как бы место особого Ее пребывания – место, где находится Ее кафедра или престол, откуда Она осуществляет Свою апостольскую миссию в Русской земле. В традициях Владимирской и Московской Руси этому комплексному понятию соответствует более простая форма: Дом Пресвятой Богородицы.

Значение Успенского храма было настолько символично и священо, что с постепенным перемещением центра русской цивилизации на северо-восток в основных административных центрах возводились точные или несколько увеличенные его

копии. Например, такие же соборы были воздвигнуты в Ростове и Суздале. Трудно согласиться, что это случайность или просто дань традиции. Ведь построение копий Успенского собора в названных городах существенно повлияло на развитие и распространение там воззрения на Землю русскую как на Удел Пресвятой Богородицы. Наиболее знаменитые из них – Успенские соборы Владимира и Московского Кремля, которые, как и Печерская церковь, получили наименование Дома Пресвятой Богородицы.

Владимирский Успенский собор на Клязьме, построенный благоверным князем-страстотерпцем Андреем Боголюбским (+1174), стал главным собором Северо-Восточной Руси. Русская земля в условиях постепенной гибели своей государственности по причине междоусобной княжеской смуты и надвигающегося монгольского ига благодаря смелой инициативе и пророческому взгляду в будущее благоверного князя Андрея Боголюбского осознала себя взятой в удел и в особое попечительство Божией Матери. Раздираемая на лоскутки княжеской удельной междоусобицей, она, тем не менее, оставалась единой, будучи уделом и даже более того – Домом Пресвятой Богородицы. Вся Русь воспринималась как единый Дом Пресвятой Богородицы.

Отнюдь не географическое, якобы экономически выгодное положение Москвы является главной причиной ее внезапного и стремительного возвышения, а «перенесение» туда общерусской святыни – Дома Пресвятой Богородицы, собора в честь Ее Успения. *«Если, сын, меня послушаешь и храм Богородицы воздвигнешь и меня успокоишь в своем городе, то и сам прославишься более других князей, и прославятся сыны и внуки твои, и город этот славен будет среди всех городов русских, и святители станут жить в нем, взойдут руки его на плечи врагов его, да и кости мои в нем положены будут»*,¹ – сказал святитель Петр князю Московскому Иоанну Калите (1304–1340). Именно послушание благоверного князя Иоанна Калиты святителю и перенесение Дома Пресвятой Богородицы из Владимира в Москву стало главной причиной возвышения этого города. Перевод в Москву и кафедры митрополитов сделал Московского князя как бы Государем церковной отчины,

ставшей оплотом для собирания Руси. Так постепенно, образно говоря, границы Удела Божией Матери, первоначально включавшие в себя только Печерскую обитель, распространились на всю Русскую землю.

Успенский Кремлевский собор становится не просто кафедральным столичным храмом, но символом, объединяющим Русь. Великие князья Московские, осознав себя хранителями Дома Пресвятой Богородицы, по-другому стали смотреть и на свое служение: отныне они собиратели Земли русской, старшие сыны митрополитов, хранители и покровители русского православия, служки Божией Матери, оберегающие земной Ее удел. Однако первым открыто об этом смог заявить лишь Иоанн III (1440–1505). Сто лет понадобилось роду Калиты, то есть Московским князьям, для собирания раздробленной Руси. Но если другие князья, стремившиеся к тому же, объединяли Русь с помощью экономических и военных союзов или путем захвата, то Московские князья, и в особенности Иоанн III, практически в одночасье объединили Русь, объявив себя хранителями и покровителями Православия, строителями Дома Пресвятой Богородицы.

Глядя на величественные здания Великой Печерской церкви, Успенского собора во Владимире, Успенского собора Московского Кремля и сравнивая их с маленьким соборным Успенским храмом обители Ксилургу, с трудом усматриваешь их сходство. Однако существование мистической взаимосвязи перечисленных храмов-символов с их первообразом не вызывает никакого сомнения. О значении Успенского собора обители Ксилургу как первообраза успенских соборов Руси свидетельствуют факты из истории русского монашества на Святой Горе.

При переселении русской братии в более просторную обитель Фессалоникийца (Старый Нагорный Руссик) в 1169 году при игумене Лаврентии Успенский собор Богородичного монастыря будет воспроизведен и там. А по прошествии более шести столетий, в начале XIX века, при игумене Савве, когда будет возведен новый, так называемый Прибрежный Руссик,

Успенская церковь вновь будет также перенесена и туда, причем с сохранением статуса собора.

Так чем же памятен этот храм для русского монашества, находящегося как на Святой Горе, так и в Отечестве? Тем, что именно в нем зажглась первая русская лампада на Афоне; тем, что у алтаря этого собора принес иноческие обеты первоначальник русского монашества преподобный Антоний; тем, что именно отсюда он принял и перенес благословение Святой Афонской Горы на Русскую землю и таким образом навеки соединил Святую Русь и Святой Афон узами духовной благодатной преемственности.

Успенский собор обители Ксилургу является символическим звеном в этой нерушимой благодатной цепи.

Подвижничество Антония и Феодосия Печерских продолжили их последователи, вдохновленные примером аскетической жизни родоначальников русского иноческого жития и удивительными благодатными плодами, приобретенными ими в процессе духовного делания. Желание уподобиться в делании своим духовным наставникам и достичь их высокого состояния чистоты и святости стало главным стимулом для русских монахов того периода.

Были на Руси в этот период, называемый «домонгольским», и другие светочи иноческого благочестия: преподобный Авраамий Ростовский, преподобный Аркадий Новоторжский-Вяземский, преподобный Сильвестр; святитель, епископ Переяславский преподобный Антоний Римлянин-Новгородский, преподобный Мартин Туровский блаженный; святые жены-монахини: преподобная Анна, княжна Киевская, преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая. Все они были яркими самобытными личностями, каждый явил в своей жизни идеал самоотречения во имя Христова и пример самораспятия на кресте борьбы с врагами монаха – миром, плотью и дьяволом.

Однако в большинстве своем эти яркие личности не оставили после себя, кроме примера личного подвига, никакой духовной школы или традиции в преемственности передачи опыта монашеской жизни, в отличие от подвигоположников Киево-Печерской лавры. Это объяснимо: они и сами достигли

высот духа не вследствие обучения аскезе у своих духовных наставников, но благодаря личному горению любви ко Христу и предельному накалу духовного подвига. Для новоначальных иноков, не имеющих еще такой великой благодатной ревности о стяжании совершенства, но также желающих идти узким путем иноческого жития, необходимо руководство или школа правильного духовного развития, что невозможно без богодухновенного старчества.

Как без преемственности священства невозможно существование Церкви Христовой, так без преемственности старчества невозможно существование истинной монашеской жизни.

Монастыри, созданные в традиции Киево-Печерской лавры, стали духовно центрами в местах своего нахождения, они несли окружающим их местным жителям духовное просвещение, приобщение к практике высокой духовной жизни и пример подвижничества во Христе. Русский народ принял монастыри как нечто благое, ниспосланное свыше, полюбил их и потянулся в их стены за научением и благодатью. Идея «свет мирянам – монахи, свет монахам – ангелы» обрела свою реальность на Руси, которой еще предстояло стяжать звание Святой.

А между тем, Русь все более и более погрязала в междоусобных войнах, результатом чего стало грозное попущение Божие – монголо-татарское иго. Огнем и мечем испепелило и изрезало Батыево нашествие Русскую землю на мелкие местечки и мирки. Политическая княжеская раздробленность усугубилась теперь рассеянностью культурной и духовной.

Вновь в русском монашестве возросла роль личного подвижничества. Святые угодники Божии, способные своей жизнью показать пример силы подвига и высоты стяжаемых этим подвигом благодатных даров, не оскудели на Руси. Но не было в то смутное время более школы монашеской жизни, подобной той, что существовала некогда в Киево-Печерской лавре, которую орда Батыева разорила и разгромила, перебив и рассеяв ее иноков.

Не было более преемственности передаваемой из поколения в поколение старческой благодати. Вплоть до начала XIV века мы не увидим светочей старчества, способных воспитать целые сонмы святых.

Новым столпом иноческого благочестия и примером для многих поколений подвижников стал преподобный Сергей Радонежский. Господь явил его миру в тот момент, когда Великая Киевская Русь уже распалась на удельные княжества, и Владимиро-Суздальская Русь уже уступила первенство в духовно-политических сторонах жизни Москве.

Преподобный Сергей был именно таким «чистым аскетом», не ставившим перед собой иных целей, кроме обретения Христа Единого, ради Которого он готов был переносить все тяготы и лишения пустынножизненного жития, которых не выдержал даже его старший брат Стефан, удалившийся из их совместной кельи в дебрях радонежских лесов в обустроенный городской монастырь. Преподобный Сергей сделал то же самое в Северо-Восточной Руси, что и преподобный Антоний в Южной. Он не столько вознес монашество на новую высоту, сколько возобновил старую, угасшую из-за внешних неблагоприятных обстоятельств, подвижническую традицию. Почти 100 лет отделяет начало Сергиевой лавры от падения лавры Антониевой при Батыевом нашествии.

Оставшись один на один с Богом в лесу, смиренной молитвой преодолев многочисленные искушения от врага-дьявола, Сергей приобрел такие качества души, которые уже не могли оставаться «туне» и были промыслительно явлены Господом миру: вокруг подвижника стали собираться ученики. Приняв на себя ярмо игуменства, преподобный Сергей установил в своем братстве строгое общежитие – киновию, которое, как в древних восточных монастырях, как на Святой Горе Афонской, как и в Великой Киево-Печерской лавре и других местах, зарекомендовало себя наиболее эффективной формой организации жизни монашеской общины.

И вот тут очень важно подчеркнуть тот переходный момент, когда выдающийся аскет, представитель так называемого личного подвижничества, о котором мы говорили выше, стал

тем великим аввою, Игуменом Земли Русской, каким он является ныне, каким знает и почитает его вот уже 700 лет вся Святая Русь. И как 300 лет назад, при основании Киево-Печерской лавры, в которой процвело первое русское старчество, так и ныне возобновление старчества не обошлось без благословения Святой Афонской Горы. Преподобный Сергей стал тем, кем он является, только тогда, когда выполнил послушание Вселенскому Патриарху Филофею, посовествовавшему ему ввести в своей обители общежитие по образцу святогорских обителей.

Патриарх Филофей Коккинос – выдающийся иерарх Константинопольской Церкви, подвижник Святой Горы, пострижник и воспитанник Великой Афонской лавры, сподвижник и защитник святителя Григория Паламы, причисливший его впоследствии, будучи уже патриархом, к лику святых. Изгнанный с престола, он вновь удалился на Святую Гору, откуда со временем опять призывается на патриаршую кафедру. Смерть принял он в новом изгнании и заточении. Патриарх Филофей известен тем, что пытался ввести (и ввел-таки) уставное единообразие во всей Греко-Восточной Церкви на основе универсального Иерусалимского устава. Сознательными осуществителями его идеи на Руси стали святитель Алексей, митрополит Московский, и преподобный Сергей Радонежский.

Троице-Сергиева лавра становится тем, чем была доселе лавра Киево-Печерская – центром духовности и рассадником монастырской общежительной святогорской традиции. Как от Киево-Печерской лавры, так и от Сергиевой лавры произошли дочерние монастыри. Видение, в котором преподобному было показано в виде бесчисленных белых птиц будущее множество учеников его, полностью реализовалось в течение следующих десятилетий: множество подражателей его подвижнического жития и сами стяжали благодать Божию и воздвигли множество обителей, прославившихся святым житием своих насельников.

Новые монастыри северной традиции становятся не только бастионами православия, центрами духовной жизни, но и рассадниками грамотности, центрами культурного и

хозяйственного возрождения Руси. Правильно организованные, гармонично-стройные, смиренномудро управляемые монашеские братства активизировали восстановление и дальнейшее развитие духовной, культурной и хозяйственной жизни окрестного населения. Со временем люди даже сознательно устремились туда (возникали «посады»).

Итак, на Руси возрождается общежительное монашество по афонскому почину, которое скрепляет, сплавливает, организовывает народ, дает толчок к выходу из кризиса и возрождению всей Русской земли, по замыслу великого русского святителя митрополита Алексия.

Святитель Алексей стал продолжателем дела своих выдающихся предшественников, святителей Кирилла III, Максима и Петра. Именно эти святители начали длительный и кропотливый труд собирания Руси. Кирилл III, современник и сподвижник благоверного князя Александра Невского, ставший митрополитом сразу после Батыева нашествия, не побоялся направиться в ставку к самому Батыю, взяв у него ярлык, гарантирующий неприкосновенность Православной Церкви и ее клира. У следующего хана Берке он добился выдачи ярлыка на неприкосновенность церковного имущества, движимого и недвижимого, а также основания епархии при ставке хана в Сарае. У хана Менгу-Темира он исходатайствовал ярлык, которым подтверждалась неприкосновенность веры и гарантировалась защита прав духовенства от посягательств монгольских чиновников.

Благодаря деятельности митрополита Кирилла появляется такое явление, как церковная отчина, ставшая оплотом для собирания Руси. Митрополит Кирилл начал приобретать земли, села и целые княжества, в которых под покровительством Церкви, пользовавшейся легальным прикрытием ханских ярлыков, стали возрождаться, крепнуть и развиваться вера, культура и хозяйство Русской земли. Люди устремились из хаоса и разрухи, в которые превратилась Русь в результате монгольских погромов, в эти оазисы духовной жизни.

Святитель Петр перенесением своей кафедры в Москву сделал благоверного князя Иоанна Калиту как бы Государем

церковной отчины и привлек таким образом московских князей к участию в собирании Руси.

Митрополиту же Алексию принадлежит идея застройки земель церковной отчины общежительными монастырями, которые становились центрами духовного просвещения и возрождения Православной Руси. Близ этих святых обителей быстро формировались городские посады.

Церковь и монашество являются не крупнейшими феодалами средневековой Руси, как утверждает светская история, а инициаторами собирания и возрождения Руси. Землевладение – это вынужденная особенность русского монашества и русской Церкви, продиктованная не стремлением к накоплению, а желанием спасти Русь и русский народ от рассеяния, ассимиляции в иноверной среде и физического уничтожения.

Это прекрасно понимали все горе-реформаторы всех веков, от «жидовствующих» и «латинствующих» до большевиков, сознательно стремившихся устранить Церковь и монашество от влияния на русское общество, чтобы насадить чуждые для Православной Руси модели развития. Отделить церковь от земли в средние века означало то же самое, что в XX веке отделить ее от школы и государства. Это попытка вбить клин в русскую симфонию церковно-государственного домостроения. Потому что Церковь и, в частности, монастыри организовывали общество, вдохновляли его своим собственным примером общинной братской жизни для общего блага и задавали тон всей деятельности общества (духовной, трудовой и культурной). Основанием этого тона были не личная корысть, прибыль и нажива, как на Западе, а христианская любовь, братская взаимопомощь, творческая инициатива (как выражение богоподобной способности творить).

Реформаторы XVI века в своих стремлениях «перераспределить собственность», отобрав у Церкви земли, старались использовать самих представителей Церкви и даже более – они старались заручиться поддержкой некоторых выходцев со Святой Горы.

Нет необходимости углубляться в наше повествование в спор «стяжателей» и «нестяжателей», искусственно созданный и бурно разгоревшийся в XVI веке. Используя современные термины, можно сказать, что суть этой исторической провокации заключается в утверждении, что Церковь и монастыри являются крупнейшими феодалами и эксплуататорами Руси, которых необходимо устранить от владения землей, чтобы расточить ее для эксплуатации дворянами и чиновниками. Это была первая попытка разделить Русскую Церковь и Русское Государство, превратив последнее из православного в светское.

Расхождение во взглядах настолько усилилось в русской монашеской и церковной среде к концу пятнадцатого века, что вопрос о монастырских землях, а вместе с ним и о всей направленности русской жизни был вынесен на решение Собора 1503 года.

Святитель Макарий, митрополит Московский (1482–1563), настаивал на неотторжимости церковных и монастырских землевладений, «вданных церкви на вечное сбережение». Он считал недопустимой «приватизацию» Русской земли «феодалами-олигархами», потому что Русская земля есть Божья да Государева. А еще Русь, некогда разорванная на лоскутки княжескими усобицами – это Удел Божией Матери, постепенно, начиная от Киево-Печерской лавры, распространявшийся и расширявшийся, и сплотившийся в единую Святую Русь.

Святителю Макарию в свое время удалось отстоять церковно-государственное единство Руси. К чему привели секуляризация и «перераспределение собственности» в будущем, мы знаем: полному уничтожению или обращению в приходские храмы монастырей, а также глубокому духовному упадку русского общества. К середине XIX века русская элита не носила нательных крестов, не читала Евангелия и не могла прочесть молитву Господню наизусть.

Смута, польская интервенция, раскол и введенные Петром Первым реформы церковной жизни, обернувшиеся синодально-государственным давлением на монастыри, обескровили

русское монашество, пошатнули иноческую жизнь в России. О старчестве в тот период и речи не было, так как даже само существование русского монашества было под вопросом.

Реформирование Петром Первым структуры Российского государства определило место Церкви в этой структуре в качестве некоего «министерства по делам религии».

Впервые в истории Отечества был взят курс на построение чисто «светского», то есть расцерковленного государства и «светского» общества, со своей «светской» культурой, «светскими» манерами и «светским» образованием. «Светскость» или расцерковление и было тем главным «рациональным» зерном, которое вывез Петр с Запада.

Значение Церкви в таком обществе и в таком государстве становилось все более формальным и регламентированным, нежели действительным и всеобъемлющим. Все, о чем только могли мечтать реформаторы-западники прошлых веков, теперь обретало реальность. Началась неслыханная секуляризация церковных имений за счет упразднения монастырей – бастионов Русского православия. Особый удар был нанесен именно по монашеству, а точнее – по его влиянию на русское общество. Были введены ограничения на пополнение монашеских братств. Разreshалось постригать только вдовых и заштатных священников, увечных солдат, отставных чиновников и учителей. Категорически, под страхом наказания запрещалось принимать молодежь. Монашеству фактически запрещалось исполнять просветительскую миссию среди православного народа.

Поставленные Духовным регламентом в зависимое положение от синодального и светского чиновничества монастыри потерпели принципиальное изменение основных укладов внутренней своей жизни, приведшее в конечном итоге к быстрой деградации общежития и исчезновению старчества. Настоятели монастырей из духовных пастырей и отцов превратились теперь в чиновников-администраторов, которых «передвигали» с места на место с разницей во времени менее даже четырех лет. Становились настоятелями не опытные подвижники, с ранних лет воспитавшиеся в стенах обителей и

впитавшие опытом их дух и традиции, но овдовевшие приходские священники, отправленные в монастыри «на покой». Монастыри в результате этих реформ становились теперь не столько училищами нравственности и благочестия, сколько пансионатами для стариков и инвалидов.

Опасность и вредоносность этих указов заключались еще и в том, что ставилась под удар структура самой Церкви, поскольку именно монастыри являлись «кузницами кадров» для священной церковной иерархии. Возможно, именно этим и следует объяснить возникновение института так называемого «ученого монашества», то есть монашества, постриженного не в монастырях, а в духовных учебных заведениях, из которых главным образом и будут пополняться иерархические кадры в синодальную эпоху.

Петровские указы, подрывавшие самые основы монашества, могли привести к полному его уничтожению. В 1725 г. император скончался. Однако лишь в 1742 г. эти указы были негласно отменены пришедшей к власти набожной его дочерью Елизаветой Петровной.

Последующие за петровскими реформами действия его царственных преемниц, особенно Анны Иоанновны и Екатерины Второй, и вовсе ослабили российские монастыри до такой степени, что жизнь русского монашества в оставшихся еще не закрытыми «штатных» и «заштатных» монастырях являла собой жалкое зрелище как в плане экономическом, так и в духовно-нравственном. Казалось, что закат монашеской жизни в России неизбежен.

И вновь Матерь Божия со Святой Горы Афон присылает спасительную помощь в лице старца Паисия Величковского и его учеников и последователей, возродивших в русском монашестве то, что с древнейших времен было в Фивейской пустыне и палестинских обителях, на земле благословенной Эллады и в древних русских монастырях Антониевой и Сергиевой традиций, что составляло основу устройства монастырской жизни – общежитие, старчество и послушание.

О преподобном Паисии написано много. Заслугу его для православного монашества Руси, Молдавии, Румынии, других

славянских народов невозможно переоценить. Кратко остановимся на его житии.

Преподобный Паисий прибыл на Святую Гору Афон в 1746 году 24-летним юношей через одиннадцать лет после того, как в Русском монастыре умер последний русский монах и его заселили греки. Русское монашество ко времени прихода преподобного Паисия пресеклось на Святой Горе. Как могла произойти эта трагедия? При том отношении к монашеству внутри России, какое было описано выше, было ли дело до Русского монастыря, находящегося где-то далеко, на пустынном Афоне?

Антимонастырская политика императора Петра стала одним из главных факторов угасания и пресечения русского монашества на Святой Горе. В течение 70 лет в Русик не поступило ни одного нового насельника из России, несмотря на отчаянные призывы игумена монастыря Варлаама спасти угасающую обитель. В 1721 году перестало биться его боголюбивое сердце.

В 1725, в год смерти Петра I, в Русике остается только 4 монаха, русских же из них только двое. В 1735 начинается очередная Русско-Турецкая война, продолжавшаяся до 1739 года, и в этом же году умирает последний русский монах Свято-Пантелеимоновой обители. Русское монашество пресеклось на Святой Горе. Некогда русская, обитель стала теперь недоступна для русских.

Не найдя пристанища в Русике, юный инок Паисий поселился в келии близ монастыря Пантократор. Казалось бы, вот она – сильная, выдающаяся личность, которая могла восстановить древнюю русскую отчину на Афоне и вновь привлечь в нее своими богоданными талантами соотечественников. Но нет. Господь устраивал все иначе, Ему одному ведомыми стезями.

В пределах Пантократора спустя четыре года Паисий построил Русский общежительный Ильинский скит. Он сделал попытку воссоздать русскую обитель на Святой Афонской Горе в виде Ильинского скита, но труд этот не принес видимого и желаемого результата. В 1779 году старец оставит Святую Гору

и перейдет в Молдавию вместе с собранным им братством, где сможет осуществить главный труд своей жизни, назначенный ему Промыслом Божиим – перевод «Добротолюбия» на церковнославянский язык. Этот труд имел самое непосредственное значение для возрождения святоотеческой монашеской традиции в России. Для воссоздания же русского монашества и Русской обители на Святой Горе Промысел Божий готовил иных делателей, которым и посвящена наша книга.

Величайшая заслуга старца Паисия состоит в том, что он сформулировал принцип самовосстановления монашества в духе святоотеческой традиции в случае его пресечения. Если бы по какой-то причине пресеклась старческая преемственность и не стало бы духоносных наставников, то восстановить традицию можно было бы с помощью духовного наследия великих подвижников и наставников иноческого делания. Книги являются носителями духовного опыта отцов и в случае крайней необходимости могут в какой-то мере «заменить» старца содержащимися в них советами. Однако старец Паисий подчеркивал, что для применения этого правила состояние дел действительно должно быть весьма крайним, ибо всегда полезнее вопрошать с доверием, нежели самому искать ответ в книгах, поскольку от вопрошения смиряется ум.

Этот принцип преподобный Паисий выстрадал собственным горьким опытом. Поселившись на Святой Горе, он стремился найти опытного в духовной жизни наставника, но так и не обрел искомого. Духовная жизнь в монастырях была расстроена по причине внедрившегося повсюду так называемого идиоритма, или особножительного устава.

Идиоритм (еще его можно перевести как своеволие) – это полная противоположность общежитию. Другими словами еще можно сказать, что идиоритм – это разложившееся общежитие, где братия, живущие в монастыре, не связаны ничем, кроме стен обители. Каждый в особножительной обители живет по своему собственному распорядку, исполняя необходимые для функционирования монастыря должности не за послушание, а за деньги. Переход к своевольному «уставу» был вынужденной

мерой; никто не думал, что он обернется такой катастрофой для духовности.

С конца XVII века турецкие власти увеличили налоги, взимаемые со Святой Горы, настолько, что обители едва влачили свое существование. Средств на содержание братств не оставалось вовсе. Именно поэтому некоторые монастыри допустили ослабление устава, предоставив насельникам возможность самим содержать себя за счет рукоделий, которые необходимо было продать, и на вырученные деньги купить необходимое. Мера эта оказалась внешне хотя и оправданной, но по сути – губительной и крайне ошибочной. Идиоритм как чума прошел по монастырям Святой Горы, в краткое время расслабив и разложив доброе ее вековое устройство.

По причине отсутствия послушания не было никакой возможности продолжить преемственность старческого служения, некому было передавать живой благодатный опыт возрастания и совершенствования во Христе. В эти трудные годы едва ли не единственной обителью, несмотря ни на какие трудности свято хранившей общежитие, старчество и послушание, был Русский монастырь, но, как мы уже говорили выше, по причине отсутствия пополнения из Отечества он угас и перешел во владение к грекам, которые сразу, впервые за 600 лет, изменили общежительный устав на идиоритмический, что и вовсе привело к гибели и разрушению самого монастыря.

Старчество угасло в монастырях Афона того времени, но не исчезло совершенно со Святой Горы, ибо тогда она бы прекратила свое существование. В эту пору как крин сельный, по словам Священного Писания, процвели пустынные келии Афона, в которых спасались и несли свой монашеский подвиг, словно на часовой вахте, старцы с немногочисленными верными учениками в духе святоотеческого предания. Эти ученики со временем, когда сами стали старцами, были призваны в те или иные монастыри, чтобы восстановить монашескую традицию общежительной жизни. Однако преподобному Паисию Промыслом Божиим не суждено было встретиться с этими духоносными отцами. Так строятся судьбы Божии: старцу Паисию необходимо было ценой собственных

духовных страданий пройти путь, который станет спасительным якорем для иноков в будущие сложные эпохи истории.

Именно поэтому преподобный Паисий посвятил свою жизнь на Афоне собиранию святоотеческих творений, чтобы предоставить будущим поколениям иноков верное и полное руководство к пониманию и осуществлению истинного монашеского пути.

«Добротолюбие» можно назвать иноческой энциклопедией, а самого старца Паисия – «энциклопедистом» по аналогии с деятелями так называемого «Просвещения», с помощью которого в XVII–XVIII веках проводилось последовательное расцерковление народов тех стран, которые приняли это учение. Труд старца Паисия оказывал противоположное действие. С помощью этой святоотеческой «энциклопедии» при любых трудных обстоятельствах православное монашество сможет оправиться и самовосстановиться, опираясь на наследие святых отцов, и выполнять свое призвание и служение миру – являть ангельскую жизнь и вдохновлять этим мир к добродетели.

Составление «Добротолюбия» было закончено в 1793 году, получилось два толстых рукописных тома. Земная жизнь Паисия, исполненная плодотворных трудов, завершилась 15 ноября 1794 года, в возрасте 72 лет он навечно закрыл глаза.

Целый сонм учеников и сподвижников старца понесут его наследие во многие монастыри Греции, Молдавии, России. Все эти ученики Паисия сами или через своих учеников много сделали для возрождения аскетических традиций и общежительного устава в разных обителях. Более ста русских монастырей возродятся к активной монашеской жизни. Поднимутся и достигнут расцвета древние северные обители – Валаам и Коневец, прославятся на всю Русь Оптиная, Глинская и Саровская пустыни, возродится Троице-Сергиева лавра, возобновится старчество и возсияет с новой силой и в лавре преподобных Антония и Феодосия в Киеве.

Это был своеобразный прорыв сквозь преграды, которые воздвигло чиновничество светское и синодальное вокруг душ верующих людей и монахов. В старчестве проявилось

стремление к возрождению древнехристианского аскетического духа.

Как и в прежние допетровские времена, монастыри, в которых процвело старчество, превратились в центры духовной жизни, куда стекались тысячи людей, стремящихся узнать волю Божию, согласовать свою жизнь с ней, получить здоровье душевное, а нередко и телесное по молитвам старцев. Благодаря старчеству монастыри вновь заняли подобающее им место в русском обществе. Как магнит они вновь стали собирать людей разных сословий, от крестьян, которые никогда не теряли своей церковности и набожности, до так называемой элиты общества, распространяя всюду просвещение. Но просвещение не западное, не светское, а христианское, духовное, основанное на Евангелии и святоотеческих писаниях. Необходимость в старческом совете и окормлении чувствовали даже благочестивые наши монархи, что является величайшей «победой» монашества. Без старчества невозможно составить ясное представление о воззрениях и философских построениях людей той эпохи. Благодаря старчеству многие русские писатели, поэты, мыслители, композиторы, художники, архитекторы, общественные и политические деятели сумели проникнуться и пропитаться духом русского Православия, наполнив и вдохновив им свою деятельность.

Суть русского духовного просвещения заключалась в том, чтобы, на первом этапе, перевести святоотеческие творения, как сокровищницы православной мудрости, на современный язык, донести их до понимания современного человека, учитывая катастрофический вековой разрыв традиций. Вторым этапом – пропитать духом святоотеческих писаний все направления русской культуры, оторвавшейся от церковности. И только после этого можно было бы ожидать первых результатов духовного возрождения Руси.

Так постепенно складывалась самобытная модель развития России, основанная на ее вековых традициях, в противовес чуждой, западной. Старчество дало толчок духовному возрождению России второй половины XIX века, прерванному катастрофой 1917 года.

Возрождение старчества, а вместе с ним и монашеской жизни в целом, начавшись в отдельно взятых обителях спонтанно, «снизу», без всякого воздействия «сверху», со стороны иерархии, очень скоро переросло в явление целостное, ставшее фактором духовного возрождения России.

Таковы бессмертные плоды Паисиева дела на Руси. Однако, несмотря на такой вклад в возрождение духовной жизни и монашества на Руси, преподобный старец Паисий не стал восстановителем русского монашества на Святой Горе. Заслуга в этом принадлежит другому выдающемуся подвижнику, великому и богоносному старцу Арсению, сумевшему организовать, сплотить и воспитать новые поколения русских иноков на Афоне.

В 1794 году почил о Господе преподобный Паисий Величковский, а через несколько лет, в 1800 – 1803 годах, прибыл на Святую Гору, по особому откровению и водительству Божию, будущий общий духовник всех русских святогорцев иеросхимонах Арсений.

Как новый Моисей, собрал этот истинный и добрый пастырь рассеянное русское стадо и ввел оное в древнюю его ограду – утраченный некогда Свято-Пантелеимонов монастырь. С ним так или иначе связаны все русские обители Святой Горы. Именно от него начинается новая духовная старческая преемственность Русского Афона; именно он является воспитателем новой духовной традиции, с помощью которой его преемник по благодати, иеросхимонах Иероним (Соломенцов) смог организовать, устроить, возродить Русскую обитель и объединить вокруг нее весь Русский Афон.

Все последующие русские иноки Святой Горы, вплоть до настоящего времени, являются прозябениями и леторослями этого священного корня. Воспитанник и преемник уже самого отца Иеронима схиархимандрит Макарий смог именоваться уже не просто настоятелем одной из афонских обителей, но и игуменом всех русских святогорцев. Целый сонм старцев произошел от этих новых столпов Русского Афона, благодаря которым в обители процвело образцовое общежитие. Тысячи паломников из России вдохновлялись порядками и духовной

атмосферой, царившей в Русском Монастыре. Свои впечатления они везли домой, на русскую землю. Но многие оставались и здесь, приняв решение вступить в братство, которое в очень короткие сроки превысило численность в 1000 человек. С 40-х годов XIX века обитель начинает оказывать свое влияние на возрождение православия в России, став одним из факторов духовного просвещения наряду с Оптиной, Саровом и другими монашескими центрами.

Глава 5. Общежитие, старчество, послушание

В предыдущей главе мы видели, что русское монашество, пересаженное к нам из Сада Пресвятой Богородицы, со Святой Афонской Горы, неоднократно впоследствии поддерживалось и возрождалось посредством влияния и помощи Афона. Мы видели также, что монашество имело особое значение в становлении Святой Руси.

В этой главе мы попытаемся рассмотреть, в чем же заключалось это позитивное влияние монастырей и монашества.

Для начала вспомним, что монашество возникло в IV веке, когда Церковь перестала быть гонимой и в ее ограду начали приходить люди, вера и ревность которых не были закалены страхом преследования и физического уничтожения. По этой причине резко снизился не только уровень благочестия, но и уровень требований к членам Церкви. Возникновение монашества было ответом самой Церкви на это явление. Монашество было призвано держать неизменной верхнюю планку церковного благочестия для того, чтобы компенсировать тенденцию ее снижения среди новообращенных мирян.

Подвиг монашеский призван был заменить для Церкви в условиях отсутствия гонений подвиг мученичества. Неслучайно возникла метафора: монашество – это бескровное мученичество. Благодаря монашеству Церковь никогда не оставалась без живых примеров если не святости, то благочестия. В повседневной жизни монастырь призван являть, показывать и осуществлять в действительности образец апостольской первохристианской общины, зафиксированный на страницах книги Деяний (Деян.2:44–47), хранить этот образ, передавая его из поколения в поколение.

С помощью этого образа, являемого через монастыри, православные христиане должны были настраивать и свой домашний быт, трудовые и общественные отношения. Благодаря влиянию монашества на русскую жизнь большую часть отечественной истории на Руси господствовали именно

общинные, коллективные или братские отношения, наподобие тех, что существовали в образцовых общежительных монастырях и в первохристианской общине. Именно поэтому русскому быту всегда присуща глубокая церковность, поскольку основание такого уклада находится в самом Священном Писании и Священном Предании Православной Церкви.

Мы уже говорили, что в эпоху монгольского ига Церковь, благодаря мужеству митрополитов Кирилла III, Петра, Алексия и других, смогла получить относительную свободу в вероисповедной, хозяйственной и экономической жизни. Русские люди устремились из-под гнета татар в пределы так называемой церковной отчины. Именно там, в ограде церковной, началось собирание земель, возрождение русского духа, русского хозяйства, русской культуры. И, естественно, все это было пропитано глубокой церковностью, поскольку черпало вдохновение и пример в бытовом укладе православных монастырей. Русский православный общинный уклад является противоположностью западному индивидуализму, который начал активно насаждаться в России так называемым западничеством со второй половины XIX века, что фактически совпадало с началом русского духовного просвещения, о котором мы говорили выше.

Православное монашество зиждется на трех столпах: общежитие, старчество и послушание.

Слово «общежитие» является однокоренным со словом приобщаться или причащаться. И такое лексическое сродство – не случайность.

Принимая святые Тайны Христовы, мы приобщаемся мистическому единению Церкви как Тела Христова, мы становимся соучастниками Тайной Вечери Господней, совершенной в ночь перед страданиями Иисуса Христа.

Вступая в общежитие, мы становимся соучастниками апостольского жития, соучениками Господа Иисуса Христа, собеседниками Сына Божия и спутешественниками Его. Принимая обеты, мы обещаемся пить чашу Его и креститься крещением, которым Он крестился. Отсюда проистекают все иноческие добродетели: странничество как уклонение от мира,

послушание, непрестанная молитва, нестяжание, терпение злостраданий, обид, оскорблений и поношений, вольное сораспятие и спогребение во гроб смирения. Пребывание в общежитии является непрестанным таинством, освящающим души, при условии разумного прохождения иноческого жития. Как недостойное приобщение святых Христовых Таин бывает в осуждение небрежно причащающимся, так и нерадивое пребывание в общежитии не спасает, но бывает виною осуждения небрежно живущим.

В иноческом общежитии, как и в апостольской общине, немыслимо существование личной или частной собственности. Слово «мое» как корень раздора и недружелюбия – вовсе исключено из иноческого лексикона. В общежитии нет никаких привилегированных сословий или классов. Все члены братства, от игумена до последнего послушника, объединены общей молитвой, общим богослужением, общим трудом, общей трапезой и общим имуществом. *«В общежитии, – пишет святитель Иоанн Златоуст, – хотя и есть низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и через то делается большим, ибо больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там у всех одинаковый стол, одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Там не говорят: «это – мое», «а это – твое»! Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиною бесчисленного множества распрей».*

Святитель Василий Великий называет общежитие совершеннейшим житием, из которого удалена всякая собственность, в котором «один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы, так что все в равной мере и рабы, и господа друг другу, и с непреодолимой свободой взаимно оказывают один пред другим совершенное рабство, не то, которое насильно вводится необходимостью обстоятельств, погружающею в великое уныние плененных в рабство, но то, которое с радостью производится свободою произволения, потому что любовь подчиняет свободных друг другу и охраняет свободу самопроизволения».

Если же кто-то нарушает этот богоучрежденный апостольский порядок, то повреждает этим отнюдь не только свою собственную душу, что несомненно, но и все братство, разрушая и истребляя общежитие. Общежитие, будучи очень хрупкой структурой, нуждается в постоянном бережном охранении не только игумена и его ближайших помощников, но и всех членов братства. Хрупкость общежития объясняется непостоянством человеческой природы, удобопреклонностью ее к расслаблению. Без внимательного, осознанного хранения общежитие очень легко и быстро разрушается и расслабляется и превращается в так называемый идиоритм.

Общежитие есть икона Церкви, призванная являть миру идеал истинной жизни во Христе по образцу первохристианской апостольской общины, или же по образцу жительства ангелов на небесах.

«Смотреть на общежитие следует как на Церковь Христову, имеющую единую главу Христа, ибо в лице Его в общежитии поставлен от Него Игумен, которому по правилам святых отцов братство должно повиноваться, как Самому Иисусу Христу, и во всем ему доверять. В общежитии он есть и главный духовный отец, потому надобно все делать с вопросом и советом его, ничего не утаивать от него, ибо такая есть воля Божия в общежитии». Эти слова принадлежат духовному вождю всех русских святогорцев, иеросхимонаху Иерониму (Соломенцову). Он скажет их, уже будучи глубоким старцем, в назидание братьям, которых сам воспитал и наставил в иноческих добродетелях. Вместе с иеросхимонахом Арсением и схиархимандритом Макарием он много потрудился над возрождением и утверждением общежительных правил в Русской обители на Афоне. Благодаря подвигу и молитве великих старцев Арсения, Иеронима и Макария в обители вновь, как и прежде, до запустения, процвело совершенное общежитие.

Опытно познав все вышесказанное, сам отец Иероним впоследствии скажет: *«Сей святой общежительный устав учрежден весь на основании святого Евангелия богоносными отцами, а наиболее святителем Василием Великим. История*

показывает, что исполнение сего общежительного устава древними монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо таким образом они увеличивали славу Православия и поддерживали честь и хвалу монашества, обеспечивали тем долголетнее свое существование ... Которая обитель исполняет этот устав, та находится в хорошем благоустройении и во славе и чести для всего монашества. Напротив того, видим, что некоторые монастыри оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельную монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества, а многие из них и вовсе уничтожились. И так история и очевидные примеры показывают нам опытный урок тот, что одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира. Это средство есть исполнение богоустроенного ее устава. Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее от всех страстных треволнений и конечного ее разрушения до конца мира».

Как мы говорили, общежитие нуждается в осознанном, внимательном охранении всеми членами братства, но прежде всего – старцами. Старцы – это хранители преданий, носители живого благодатного опыта, который они передают следующим поколениям устно или с помощью писаний. Забегая вперед, сразу скажем, что старчество пресекается отнюдь не из-за неискусства самих старцев, но из-за отсутствия «послушания» у послушников. Послушники, несмотря на то, что являются самыми младшими членами в семье иноческого братства, несут в нем одну из важнейших функций – продолжение преемственности предания и старчества. Если старцы – это «передатчики», то послушники – это «приемники». Без осознанного послушания послушников старцам невозможно осуществление благодатной преемственности и, следовательно, невозможно существование общежития в следующих поколениях. Общежитие, старчество и послушание – три столпа Православного монашества. Если монастырь осознанно не

хранит и не возвращает эти столпы, то само существование его не имеет никакого смысла. Деградация его неминуема. Он не сможет удержать даже относительный уровень благочестия и мало чем будет отличаться от мира.

«Паче всего храните старчество, – напишет в своем духовном завещании отец Иероним, – ибо оно устроено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа. Без старчества совершенное общежитие не может быть».

Старчество! Дивный дар Божий всем желающим жить совершенной жизнью – жизнью монашеской!

Старчество – святое служение Богу, руководство ко спасению человеческих душ, оставивших мир и устремившихся в горня!

Старец – счастье послушника, удостоившегося дарования от Господа мудрого духовного руководителя – духовного отца, воспринимающего инока от пострига и ведущего по узкому и тернистому пути монашеской жизни в Небесное Царство!

Старчество – это особое благодатное служение, совершаемое водительством Духа Святого.

Старчество, которое сохранилось и поныне на Афонской горе и в других православных обителях по всему миру, издревле существовало в монастырях Восточной Церкви. Причем нужно сразу сказать, что оно не вводилось сверху, церковной властью. Появилось оно естественным образом уже в первых обителях и произрастало на благодатной почве древнейших монастырей Востока. Старчество, порожденное древнехристианским аскетически-мистическим устроением, стало основой монастырской дисциплины и духовного окормления будущих иноков.

Из книг, рассказывающих об аскетических подвигах древнеегипетских отцов, видно, что старчество процветало в пустынях Египта уже в эпоху преподобного Антония Великого и было основным средством духовного возвращения новоначальных иноков. По своей сути старчество было не только средством укрепления внешней монастырской дисциплины – оно служило прежде всего тому, чтобы раскрывать юному подвижнику, ищущему христианского

совершенства, внутренний смысл этого совершенства по учению Христа, чтобы укоренять его в духе этого учения.

Старческое служение может быть сопряжено с иерархическим, но может совершаться и помимо него. Старчество очень близко к духовничеству, но не всегда с ним тождественно. Суть духовнического служения заключается в разрешении, то есть – развязывании уз или оков, в которые мы попадаем, совершая грехи. Суть старческого служения – посредством личного духовного опыта и дара благодатного ведения предупредить и самое приближение ко греху, научить вопрошающего избегать сетей лукавого, распознавать загодя вражью западню.

Некоторое сходство старчества и духовничества объясняется тем, что институт духовничества в современном его виде вырос из старчества. Произошло это в IX веке, сразу после окончания эпохи иконоборчества, когда Константинопольский Патриарх Никофор Исповедник официально признал и утвердил существование монастырской практики «тайной исповеди» иноков перед старцами-наставниками, отдав ей даже предпочтение перед практикой «публичной исповеди» в миру. В короткое время тайная исповедь, совершаемая монастырскими опытными старцами-духовниками, практически полностью вытеснила даже на приходах исповедь публичную, совершаемую епископами и «белым» духовенством. Для совершителей тайной исповеди была введена особая хиротесия, удостоверяющая право на духовничество.

На самом деле монастыри вовсе не изобрели никакой новой практики в противовес старой. Просто Патриарх Никофор использовал монастырскую практику воспитания и окормления новоначальных иноков для общецерковной пользы, поскольку публичная покаянная практика отжила свое время. Форма монастырского духовного руководства в виде взаимоотношений духовного отца с духовными чадами была использована для создания новой, «тайной» формы исповеди вместо старой, «публичной».

Практика тайной исповеди требовала большего «искусства» от совершителя таинства. Теперь недостаточно просто прочитать разрешительную молитву над публично исповедавшимися членами Церкви, но необходимо уметь предоставить врачество, соответствующее каждому отдельному случаю. Другими словами, совершитель тайной исповеди должен обладать некоторой духовной опытностью, как и старцы в монастырях, должен уметь услышать, понять, дать совет и уврачевать. Именно поэтому в древности, а в Греции – и по сей день далеко не каждый священник имеет право совершать исповедь, но лишь духовно опытный, имеющий архиерейскую хиротесию на духовничество. Старец не обязательно может быть духовником, а вот духовник обязательно должен если и не быть старцем, то, по крайней мере, соответствовать тому высокому и ответственному служению, которое на него возложено.

Задача старца заключалась в водительстве души и воли юного инока. По воззрениям древних аскетов, задача эта была чрезвычайно ответственной; послушничество у старца нелегко было для новонаначального, но и старец, принимая в послушание юного инока, возлагал на себя тяжкий крест.

Самое главное, чему стремились научить старцы новонаначальных иноков при их вступлении в монастырь – «послушание». Послушание новонаначального своему старцу является первым необходимым условием восхождения инока по лестнице духовного совершенствования.

В русском языке одним и тем же словом «послушание» обозначаются разные, хотя и близкие друг другу понятия. «Послушанием» у нас называется чаще всего некое поручение или работа, или сфера ответственности, доверенная тому или иному лицу. Однако в греческом языке, в святоотеческой традиции этому понятию соответствует другое слово: «*διακόνια*» [дьяконима], что в буквальном смысле переводится как служение. Кроме того, «послушанием» называется особая добродетель, суть которой состоит в добровольном подчинении своей воли, своего мнения или желания – воле своего старца и всех братий с целью избавиться от привязанности к своим

страстям и от действий по этим страстям. Собственно это и есть настоящее «послушание», буквально соответствующее и по смыслу, и по значению греческому слову «υπακοή» [ипакои], состоящему из двух слов: предлога «ὑπο» [ипо] – «под», и «ακούω» [акуо] – «слушать». Только в этом последнем смысле слово «послушание» фигурирует у святых отцов. Именно в этом смысле мы и будем использовать его в нашем повествовании.

Похожая ситуация существует и со словом «послушник». В русском языке этому слову соответствуют три понятия. Во-первых, словом «послушник» обозначается один из чинов или разрядов насельников монастыря, однако в греческом языке этому статусу присвоено другое наименование: «δόκιμος», которое буквально может быть переведено как «пробующий», или «испытующий», или «искушающий» (по сути – это синонимы: пробовать, искушать) свои собственные силы или же порядок обители, с которой хотелось бы связать жизнь. Иначе это слово может быть еще переведено как «начинающий». Во-вторых, словом «послушник» называется насельник монастыря, находящийся в подчинении или под ответственностью другого лица в качестве помощника или подчиненного. В греческом языке этому статусу соответствует наименование «υποτακτικός», то есть – находящийся под руководством, управлением. Наконец, в-третьих, словом «послушник» называется еще и блаженный обладатель особого состояния души, заключающего в себе сочетание целого букета добродетелей: кротости, смирения, веры (в смысле доверия), простоты, тихости, немногословия. Это, собственно, и есть настоящее значение слова «послушник», буквально соответствующее греческому слову «υπάκουος» как производному от слова «υπακοή». То есть послушник – это не просто человек, находящийся в подчинении или повиновении (υποτακτικός), но в буквальном смысле слова «слушающий» того, кому он подчинен.

Св. Василий Великий в своих «Правилах» уделяет этой добродетели много внимания, он считает послушание основой монашества и основой отношений между старцем и его учеником. Великий каппадокиец, ставший духовным отцом Восточного монашества, говорит: истинное и совершенное

послушание ученика своему учителю выражается в том, что по воле учителя он удерживается от неразумного, а без его воли не совершает даже и похвальных дел.

Добродетель послушания – краеугольная в православном монашестве. О нем писали практически все наставники иноческого чина. Но наиболее полно и систематически оно представлено в бессмертном творении преподобного Иоанна Лествичника – «Лествице». Четвертая глава этой книги является как бы священным кодексом православного монаха. В ней содержатся не только советы желающему стяжать послушание, но и воодушевляющие примеры унывающим, и живительные пластыри оступившимся.

*«О вы, – пишет преподобный Иоанн, – которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого; которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оного получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение: она называется самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей».*²

Послушание – это не просто добродетель, а состояние человеческого духа, которое делает стяжателей своих подобными незлобивым детям, о которых сказал Господь, что «тацѣхъ бо есть Цѣрство Бѣжее» (Мк.10:14), и «иже аще не приимет Цѣрствия Бѣжия яко отроча, не имать внѣ ти в не» (Мк.10:15), и что «иже ѹбо смири тся яко отроча сие, той есть бѣлий во Цѣрствии Небеснем» (Мф.18:4).

Послушание – это блаженное состояние вечного сыновства независимо от возраста, сана и должности. Однако для приобретения оного недостаточно одного желания. Для этого

требуется пролитие крови, то есть – совершенное самоотвержение. «Воздаяние», или лучше сказать плод этого блаженного подвига не заставит себя очень долго ждать, ибо неложна святоотеческая истина: *«Отдай кровь и прими Дух»*.³ Добровольно вступивший на поприще небошественного послушания нежданно и нечаянно становится стяжателем величайшего блага – дерзновения предстоять умом пред Богом независимо от того, в церкви ли он, или в келлии, или в служении людям. *«Блажен, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – кто волю свою умертвил совершенно и все попечение о себе предал своему учителю о Господе: он будет стоять одесную Иисуса Распятого. Если кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения: а кто принимает оное со скорбью, или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений. Усердно пей поругание как воду жизни от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством, очищающим от блудной похоти; ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоём»*.⁴

Общежитие, старчество и послушание – краеугольные камни православного монашества. Если они поколеблются – не устоит и все монастырское строение. Возобновителями их в Русском Афоне после почти столетнего перерыва стали великие русские старцы Арсений, Иероним и Макарий.

Глава 6. Жизнь в русских монастырях

«Сначала я поступил в новообновляющийся Дивногорский монастырь близ города Коротояка Воронежской губернии, в восьми верстах от города по ту сторону Дона. При мне были два друга моих: Николай Афанасьевич Гончаров и Алексей Никитич Черепенников, острогожский мещанин. Это место нам понравилось, как удобная пустыня для спасения. Красивое, даже чудное местоположение. Здесь находилась чудотворная икона Божьей Матери, называемая Сицилийскою. Братии было мало, около десяти человек».

Старец Иероним, повествуя о начале своей монастырской жизни, невольно открывает ошибку многих боголюбцев, решивших посвятить свою жизнь монашескому служению Богу и подыскивающих себе обитель для спасения души. Сколь многих и сегодня, направляющих свои стопы к монастырским стенам, привлекает в первую очередь – «красивое, даже чудное местоположение», наличие чудотворной иконы или иных святынь, малочисленность братии, сулящая возможность «тихого и безмолвного жития»! И такая «мелочь», как отсутствие опытного духовного наставника – что засвидетельствовано его собственной подвижнической жизнью и результатами его воспитательной работы с братией, выражающейся в общем для монастыря Духе Любви, – уже не кажется серьезным препятствием для избрания себе этой обители в постоянное пристанище...

«Игуменом был павловский протоиерей, в монашестве называвшийся Афиногеном, – человек ученый. Он принял нас, с тем, чтобы сделать общежитие, а иначе мы не хотели оставаться у него».

Это примечание в автобиографии старца очень хорошо показывает, что годы ожидания родительского благословения на уход в монастырь не были потрачены «туне» – молодой Иоанн Соломенцев не только обрел за это время навык к молитве и другие духовные качества, которые впоследствии раскрылись во всей полноте на Святой Афонской Горе, но немало,

очевидно, был знаком и с святоотеческими аскетическими книгами. Книгами, которые дали ему твердое убеждение в преимуществах, особенно на начале иноческого пути, киновии перед другими формами монашеского общежития. Но юношеский максимализм и даже некоторая неопытная самонадеянность подтолкнули Иоанна и его друзей к духовной ошибке – попытке самим, без единодушия с игуменом наладить «в чужом монастыре свой устав». Вот что из этого вышло:

«Он как будто с охотой обещался нам сделать это, но впоследствии передумал. Так как не было для нас помещения, то игумен предложил нам, чтобы мы для себя построили келии. Мы так и сделали, построили дом для помещения четырех человек и перешли в него. Начали поживать как будто хорошо. Службы Божии совершали исправно и усердно. Пение устроилось хорошее. В это время, в 1832 году, много поклонников (паломников – по-афонски), проходя в Воронеж к новоявленному святителю Митрофану, заходили в нашу обитель, служили молебны и приносили хороший доход обители. Игумен был рад ему и забыл думать об общежитии. Но, видя, что мы ожидаем от него, он постарался нас удалить от себя».

Собственно, типичная ситуация в типичном для того времени уцелевшем после синодального монастырского террора монастыре, где павловский протоиерей, вероятно, овдовев, был поставлен в игумены со своим приходско-мирским мышлением и отношением к монашеской жизни. Что ж! – не самый для того времени грустный пример...

«Мы, поняв свою ошибку, оставили его с миром и перешли в Курскую губернию, в бедный монастырь, называемый Знаменско-Хотмыжский. Там в это время был строителем (игуменом) отец Геннадий, который перед тем был казначеем в Глинской пустыни. Мы были с ним знакомы, и он с радостью принял нас. Здесь есть чудотворная икона Божьей Матери «Казанская». В этом монастыре мы прожили около года. Повидавши разных соблазнов, а еще больше наслушавшись о них, нам пришло желание найти такой монастырь, куда не приближались бы жены».

Старец Иероним деликатно не уточняет, о каких соблазнах идет речь, но желание «найти такой монастырь, куда не приближались бы жены» не могло возникнуть на пустом месте. Увы! – еще одна характерная черта духовного разрушения, нанесенного российскому монашеству секулярно-бездуховной диктатурой синодального периода.

И еще одна важная деталь должна учитываться при попытке понять искания молодыми друзьями пристанища по малоизвестным монастырям – они всячески хотели избежать рукоположения в священство, что в то время, да и сейчас является неминуемым этапом жизни большинства мужчин-монахов после пострига в русских обителях. И это желание убежать от священства происходило не из духовного кокетства, а из глубокого понимания разницы между жизнью монаха и иеромонаха.

Сколь многие искренне жаждущие аскетического подвижничества монахи-священники, слезно вздыхая, сокрушались от внутреннего душевного «раздирания на две половинки»! «Мое монашество загоняет меня в келью, – сформулировал эту душевную проблему один благочестивый иеромонах, – а мое священство выгоняет меня вон из кельи к нуждающимся в пастырском утешении людям!»

Так было и в девятнадцатом веке, и в пятом, так есть и сейчас. И разумные не по годам Иоанн со спутниками, желая стяжать нерассеянной монашеской жизнью Христа Единого, старались найти такое место, где опасность быть рукоположенным в иеромонахи была бы если не совсем исключена, то хотя бы минимальна. Особенно Иоанн, с ранней юности мечтавший о безмолвии душевном и неотвлекаемой умной молитве как о необходимом средстве достижения совершенства духовного, трепетал возможности быть рукоположенным в священный сан.

Представляя себе в целом обычное состояние современных ему русских монастырей, их внутренний уклад и обычаи иноческой жизни, приобретя личный опыт жизни в двух российских монастырях, Иоанн, как и его друзья, охотно общался с различными монахолюбивыми паломниками,

тщательно расспрашивая о посещенных ими обителях, пытаюсь найти себе такое место для подвигов, где можно было обрести желанное безмолвие, строгость общежительного устава, отсутствие женского пола и избежать рукоположения. Но со временем становилось явным, что в России им такого места найти не удастся.

«В то время нашего города купец, – рассказывает старец Иероним, – мой приятель, Василий Максимович Фастов, только что возвратился из путешествия по святым местам. Был он и на Афоне два месяца и осмотрел все с любопытством. Сей человек, как нарочно, Промыслом Божиим послан был к нам. Он, выслушав наши разговоры и желания, посоветовал нам так: «В России вы не найдете такого места, куда бы женский пол не проникал; подобное место, и единственное в Православной Церкви, находится только на Святой Горе Афонской. Вот, если хотите, идите туда, ничтоже сумняся, ибо я видел там и русских, хорошо живущих». Этот его совет мы приняли с радостью и немедленно оставили Хотмыжскую Знаменскую обитель и отправились в Старый Оскол для получения заграничных паспортов. Это было в 1834 году, в марте».

Святой Афон наконец-то позвал своего будущего Великого Старца. Сердце подвижника отозвалось на этот призыв и потянулось к месту своих будущих подвигов и своей неувядаемой славы. Новая страница в житии Иоанна Соломенцева перевернулась.

Однако Господь продолжал возвращать благословенную добродетель терпения в своем избраннике. Вот что пишет сам старец Иероним: «Мы прибыли в Старый Оскол. Но, так как приближалась святая Пасха, нам пришла мысль провести Пасху в Толшевской Пустыни и пригласить жившего там друга нашего, Ивана Егоровича Тулинова, не пожелает ли он вместе с нами путешествовать на Афон. На шестой неделе мы прибыли в Толши. На Фоминой неделе я заболел сильно воспалительной лихорадкой, которая продолжалась месяца два.

Товарищ мой, видя, что я медленно выздоравливаю и, следовательно, этот год не могу начать далекое путешествие, пожелал посетить Лавру святого Сергия и Оптину Пустынь.

Таким образом, нехотя я остался на будущий год в Толшах со скорбью о неудаче нашего предприятия, не понимая того, что все Промыслом Божиим строилось к лучшему, ибо этим средством я приобрел многие и важные опыты, а к тому же я уклонен был от ответственности несоблюдения клятвенного дружеского обета, случившегося от забвения».

Промысел Божий удивителен! Бог ведет каждого ко спасению, исполняя все благие желания сердца человеческого, одаряя, как любимого ребенка любящий Отец, всеми желанными «ребенку» дарами, но только тогда, когда эти дары своевременны и посильны для самого человека. Как часто мы в нетерпеливом ропоте возмущаемся духом: Господи, ну почему не сейчас? Я так хочу! Я готов, готов, готов!...

И по прошествии какого-то времени, смиренные ожиданием, убедившиеся в Премудрости Медлящего, осознавшие всю свою неподготовленность к получению просимого в то время, когда желание палило сердце сильнее всего, восклицаем благодарно – слава Тебе, Человеколюбче Господи, за то, что не внемлешь неразумию нашему и не даешь претерпевать скорби от собственных нетерпеливых желаний! Слава Тебе за все, Боже наш, слава Тебе!

Но как же трудно вновь и вновь терпеть!

И вот наконец – свершилось! Два друга прибыли в Константинополь; кажется, что Афон совсем рядом, и... в Константинополе чума. Паломники даже не допущены на берег и вынуждены вернуться в Россию. Снова ожидание!

Иоанн и Николай решили использовать время карантина для поклонения святым мощам святителя Митрофана Воронежского, чтобы утешить свалившееся на них в Константинополе огорчение, и прямо из Одессы отправились в Воронеж. В то время в Воронеже был некто юродивый Христа ради, известный своими прозорливыми предсказаниями. Удрученные неудавшимся путешествием на Святую Гору, пытавшиеся осознать – есть ли вообще воля Божья на посещение ими Афона, тем более на то, чтобы подвизаться там в монашестве, старооскольские паломники обратились к человеку Божию с этим вопросом. Юродивый, внимательно

оглядев их, сказал: «Идите, мои братия-старооскольцы, идите в Святую Гору Афонскую, идите! Ты, брат мой Николай, придешь туда, немного поживешь, получишь святую схиму и отправишься в невозвратный путь, а ты, брат мой Иоанн, придешь на Афон да свой улей заведешь и будешь рои отпускать. Идите, Бог вас благословит!»

Воодушевленные словами прозорливца, Иоанн и Николай укрепились в терпении и, пока путь на Афон не сделался для них свободен, поступили на жительство в Толшевский Спасо-Преображенский монастырь. Там подвизавшийся на клиросном послушании и в трапезной Иоанн Соломенцев получил некий новый, весьма важный для него духовный опыт, пригодившийся ему затем в течение всей его многолетней подвижнической жизни.

Сам он повествует об этом так: «Однажды (это было в январе) по окончании первой и второй вечерней трапезы и по уборке всего (что протянулось до 10 часов), давши друг другу прощение, мы пошли по своим келлиям спать. Ночь хотя была безлунная, но небо было чистое, и звезды ярко блистали. Идя в свою келлию, я заметил, что огни у отцов в келлиях были уже потушены.

Пришедши в келлию, я прочитал повечерие и чувствовал себя очень спокойным и вовсе не расположенным ко сну. Но так как до утрени времени оставалось мало, то я расположился лечь на кровать, дабы хотя немного поспать, но еще не лег, как в это время мысль сказала мне: «Бес идет». Я спокойно спросил у нее: «Где же он?» «Вот, смотри на северо-восток», – ответила мысль.

Я сказал: «Ну, пусть идет!» И обратил туда глаза свои. И в самом деле, стена келлии исчезла, и я увидел в расстоянии около 50 сажень человека черного, похожего на цыгана, среднего роста, голого, кругленького, волосы на голове имеющего короткие. Он приближался ко мне медленно, и, чем ближе подходил он ко мне, тем более лицо его багровело или краснело. Я смотрел на него пристально, но спокойно, без малейшего страха. Когда он приблизился ко мне так, как на три или четыре сажени, тогда лицо у него сделалось очень красно-

огненным, что заставило меня более не допускать его до себя, и я с полным спокойствием оградил себя крестным знамением, произнеся слова: «Силою честного и животворящего Креста Господня». За этим бес исчез мгновенно и все в келлии приняло свой вид.

Я хотя и очень удивился этому видению, впрочем, лег на кровать и спокойно заснул до утрени. Поутру я рассказал моим друзьям о случившемся мне видении, и они подивились этому. Один из них сказал, что видению сему должна быть какая-либо причина, ибо без причины не бывает действия. Я начал искать в себе причины, и хотя не скоро, но благодать Божия помогла мне найти ее. Вот в чем нашлась причина.

Когда я был лет двенадцати, то читал Чети и Минеи, то есть жития святых. И, когда прочитывал жития преподобных, в которых писано о разнообразных явлениях бесов и о бессилии их перед знамением честного креста, я всегда дивился этому и нередко задавал себе вопрос: отчего такие гордые и сильные существа, то есть князи греховного мира, так много боятся святого креста, что от одного его знамения мгновенно исчезают? Такое невежественное мое сомнение в силе честного креста и было во мне до этого случая, коим благодать Божия благоволила уверить меня на опыте во всемогущем честного и животворящего Креста Господня».

Благочестие Иоанна привлекло к нему любовь всей братии Толшевской обители, которые стали уговаривать его остаться там навсегда. Но голос Святой Горы все сильнее звучал в его сердце, некое непреодолимое желание тянуло его на Афон, и, как только он узнал, что путь на Святую Гору стал свободен, он вместе с Николаем направился в Старый Оскол готовиться к отправлению в дальнейшее путешествие.

Глава 7. Афон. Старец Арсений

«Прибыл я на Святую Гору в 1836 году, в сентябре, – вспоминает старец Иероним – с 17 товарищами, которые разместились по разным местам, а я по совету духовника, старца Арсения, купил келлию святого пророка Илии в пределах Ставроникитского монастыря и принял к себе в сожительство двух послушников».

Старец Иероним уже самое начало своей жизни на Святой Горе связывает с именем великого русского старца Арсения, духовника всех русских иноков на Афоне, имевшего абсолютный авторитет в среде афонского монашества.

О нем необходимо сказать подробнее, так как без понимания личности старца Арсения и его роли в жизни Святой Горы в начале-середине девятнадцатого века невозможно в полноте представить ни путь духовного развития старца Иеронима в начальный период его афонской жизни, ни его становление во главе русского Пантелеимонова монастыря со всей дальнейшей историей обители.

Родился иеросхимонах Арсений в городе Балахна Нижегородской губернии, стоящем на берегу великой и славной реки Волги, от благочестивых родителей-мещан, фамилия которых неизвестна. По рождении он был просвещен святым крещением и наречен Алексием. В отрочестве обучался чтению и письму.

С раннего детства Господь вложил ему в разум желание заняться чтением Божественных и святоотеческих писаний, благодаря которым Алексей скоро мог рассмотреть и познать суету и ложь этого мира, и бесполезность для его души всего того, что этот мир мог дать ему. На двадцатом году жизни Алексей, Бога ради, оставил дом свой и родителей и пошел странствовать по российским монастырям, искать удобного места для спасения своей души.

Придя в Московскую губернию, в Песношскую общежительную пустынь, он положил начало своей монашеской жизни, определился в число братии и три года проходил там

различные послушания. Потом появилось у него желание идти за границу, по молдавским монастырям, которые тогда славились великими старцами и подвижниками.

Дойдя до Киева и поклонившись святым мощам киевских чудотворцев, нашел он там себе спутника именем Никита, уроженца Тульской губернии, который после этой встречи был ему сподвижником во всех скорбях, трудах и подвигах более сорока лет, до самой смерти. Взяв благословение киевских чудотворцев и помолившись им, они вместе отправились в путь.

В Молдавии, обойдя все монастыри и скиты, Алексей с Никитой нашли себе духовного отца и пастыря в Балашевском скиту, находившемся примерно в четырех часах пешего хода от города Бутастана, и препоручили ему свои души. Через некоторое время духовный отец постриг их обоих в монашество: нарек Алексею имя Авель, а спутнику и сотруднику его Никите – Никандр.

Позже наставник, видя подвиги и смирение отца Авеля, благословил его на рукоположение во иеромонаха. Со многими слезами просил отец Авель своего пастыря не налагать на него тяжкого бремени сверх сил и оставить работать Господу только в монашеском чине. Однако старец сказал ему, что совершенному послушнику не подобает иметь своего рассуждения, но должен он даже до смерти творить приказанное, а не учить своего старца.

Авель поклонился ему до земли и сказал: «Прости мя, отче святой! Согрешил пред тобою, твори, как тебе угодно». И вскоре он был хиротонисан в иеромонаха и по согласию всей скитской братии определен к ним духовником. Несмотря на то, что Авель стал иеромонахом, своего послушания и смирения он не изменил, во всем повиновался своему старцу и никогда без его благословения ничего не начинал.

Так, проведя в совершенном послушании и отсечении своей воли восемнадцать лет, повиновались отец Авель с отцом Никандром своему пастырю и наставнику до самой его кончины. Препроводив своего духовного отца как ходатая за себя к Господу Богу своему на вечное блаженство, остались они сиротами и, так как по своей воле жить не хотели, решили

поступить по-братски: одному у другого быть в послушании и не разлучаться до самой смерти. Сие и исполнили они на самом деле. Хотя отец Никандр и желал видеть отца Авеля своим пастырем, потому что тот был иеромонахом и духовником, отец Абель никак не соглашался с этим – быть старцем.

Так они подвизались еще некоторое время, и было им обоим откровение от Бога, повелевавшее им идти на Святую Гору Афон и там провести остаток жизни. Это откровение они объявили один другому и начали собираться в путь. Услышав об этом, скитские и прочие отцы начали их отговаривать, имея в виду, что в то смутное время невозможно было идти на Святую Гору, которая тогда была под властью Турции.

Даже насельники Афона, и те оттуда все вышли. Говорили им, что полна Гора турок, монастыри все заняты иноверцами или стоят запертые, а в келлиях живут разбойники. По всей Турции христианам нет прохода, повсюду льется христианская кровь.

Отец Абель отвечал им: «Отцы и братия, воистину так, как вы говорите. Это и нам известно. Но как Богу угодно, так и будет».

И действительно, положение в тогдашней Турецкой империи было таковым, как говорили отцы. Еще недавно в Константинополе убили Патриарха Григория, и великое было там смущение. Но отец Абель чувствовал призвание Божье, что есть Его святая воля идти им на Афон. Он не послушал советов человеческих и, несомненно, верил, что Господь не попустит им искушений выше сил. Колебался отец Никандр как человек, но старец Абель его укреплял, внушая, что лучше послушать Бога, чем людей. И, наконец, решили они отправиться в путь. Все, что имели, они раздали братьям, а с собой взяли лишь немного денег и несколько книг.

Поехали в Галату, где сели на корабль и отправились в Константинополь. В Константинополе же увидели одну горе и слезы, как кровь греческая потоками льется по улицам. Сами греки говорили им: «Зачем вы, отцы, приехали теперь? Захотели разделить с нами горькие минуты? У вас ведь в Молдавии не режут так баранов, как нас здесь режут ежедневно

по сто и по двести, и это происходит прямо на площадях, при всех...

Отправляйтесь обратно в Молдавию. На Святую Гору вам идти невозможно, хотя бы вы и очень желали этого. По морю корабли не ходят, а по суше добраться до Афона невозможно, потому что всюду рыщут разбойники. И сама Гора Афон полна разбойников, в монастырях же, притесняя монахов, живут турки».

Но наши отцы верили и твердо надеялись, что будут на Святой Горе. В то время в Константинополе хлеб был весьма дорог. Все имеющиеся у них с собой деньги были израсходованы, частью их они оплатили проезд на корабле, а остальные отдали, добывая пищу. И вот у них уже ничего не осталось, а книг никто не покупал. Отцы ходили по торговым рядам, просили милостыню: сами питались, да еще и питали бедных греков, делаясь с ними своей скудной пищей, на которую удавалось собрать хоть сколько-то денег.

Так перезимовали. Сколько скорбей они претерпели в Константинополе! Про то знает только один Господь, который их туда и послал. Дождавшись весны, отцы оставили свои книги у одного грека, а сами пошли по суше к Святой Афонской Горе.

Здесь на пути они претерпели множество скорбей, напастей и побоев. Опять же только один Бог был свидетелем их страданий. Как злато в горниле, искушал их, да превратит в чистейший металл.

Часто нападали на них разбойники, но взять у них было нечего: денег не было, а одежды на них были до невозможности ветхие, истрепанные. Иные разбойники только побьют, другие возьмут последние сухари, иные поиздеваются, да так и отпустят. И так шли отцы более месяца и, наконец, дошли до Святой Горы. Было это в 1800–1805 годах.

Придя же на Афон, увидели они, что и впрямь – жилища монашеские опустели, сады одичали и заросли лесом, монастыри стоят запертые, а ополчение Царицы Небесной – иночество – разбежалось по разным странам: иные скрылись по непроходимым лесам, горам и вертепам, иные затворились внутри монастырей – и мало кого из них можно было увидеть.

Русский монастырь вовсе запустел и стал пристанищем диких зверей. Братия его скиталась по Святой Горе, не имея места, где главы приклонить.

Тогда отцы наши отправились к Самой Настоятельнице Горы Афон – в Иверский монастырь, к чудотворной иконе Царицы Небесной Иверской – Вратарнице Афонской. И когда пришли к воротам монастыря, то отцы иверские приняли их, впустили внутрь монастыря и привели в церковь поклониться Божией Матери. Придя туда и увидев Ее, русские странники очень обрадовались, пали на колени, пролили много слез и просили принять их в Свой святой удел.

Иверские отцы привели их в гостиницу и угощали целую неделю, после чего сказали: «Отцы святые, мы вас на первый случай приняли, а больше уже нас не обременяйте, потому что нам теперь и самим пропитание взять негде. Возьмите в нашем скиту святого Иоанна Предтечи одну келлию, с малой церковью. Там станете обрабатывать огород и заниматься рукоделием. Так и пропитаетесь как-нибудь. А какая в чем будет нужда, мы поможем. Ночевать ходите в монастырь».

Авель с Никандром поблагодарили иверских отцов за их гостеприимство, взяли в скиту келлию и с того времени зажили уже там. Возделывали огород, резали ложки... Но рукоделие их тогда никто не покупал – некому было, да и незачем. Продолжалось сие смутное время более четырех лет. Чем они питались? Одному Богу известно. А сами они никому о том не рассказывали.

С великим терпением пережили отцы со всеми другими святогорцами все скорби того времени, и в недостатке для удовлетворения телесных нужд духовно процвели и созрели, принеся многие плоды. Наградил их Владыка Царь Небесный дарами Духа Святого и даровал им помощь на одоление врага-дьявола, древнего нашего супостата, сподобил победить страсти душевные и телесные. И достигли они тихого пристанища – душевного спокойствия и безмолвия в соединении ума с Богом.

Отцу Авелю дал Господь дар рассуждения и прозорливости, отцу же Никандру – дар благодатных слез, так как плакал он о

своих грехах день и ночь до самой смерти.

Когда после смутного и скорбного времени послал Господь Бог на землю мир – пропали все разбойники, всюду настали тишина и спокойствие, и братия вновь стала сходиться на Святую Гору. Тогда и православные христиане потекли на поклонение к афонским святыням. И отцам Авелю и Никандру стало легче – начало продаваться их рукоделие.

Пришел один купец и купил все, у кого что было. Отцы продали все свои вырезанные за четыре года ложки и сразу получили за них две тысячи левов, т. е. 400 рублей. Отец Авель сказал тогда отцу Никандру: «Да, теперь поправим мы все наши нужды».

Однако в скором времени пришел к ним один мирянин просить милостыню. Отец Авель спросил его, откуда он и какую имеет нужду.

Мирянин стал отвечать ему со слезами: «Я, отче святой, с острова Хиоса. Жену и детей моих турки взяли в плен. Требуют за них пять тысяч левов. И я собираю их уже два года. Набрал, слава Богу, три тысячи, а две тысячи еще надобно. Бог даст, и это помаленьку соберу». Услышав это, отец наш сказал ему: «Зайди ко мне в келью, и я чемнибудь помогу тебе».

Тот зашел, отец же наш вынул все деньги, что имел, и отдал ему со словами: «Возьми, иди и выкупи жену свою и детей». Мирянин же, не в силах поверить ему, говорил: «Отче святой! Что глумитесь надо мной?! Мне и без того тяжело. Дайте мне один лев, я и пойду».

Отец ему отвечал: «Нет, чадо, я не глумлюсь над тобой. Как могу я обижать человека с такой бедой! Возьми все да иди с Богом». Пришедший к отцу заплакал, не зная, как ему поступить, а отец Авель вложил ему деньги за пазуху и проводил до двери.

Отец Никандр, видя это, заплакал горькими слезами и сказал: «Отче, что ты наделал! Зачем ты отдал все деньги? Четыре года мы трудились и думали покрыть все свои нужды, а теперь вновь будем иметь скорби». Отец Авель ответил ему: «Ох, отец Никандр, разве будем мы так совершенными монахами? Уж не Господь ли нас провел уже сквозь столько

скорбей и нужд, а ты все еще немоществуешь. В самое трудное время Господь не оставил нас, пропитал. Теперь ли не сможет этого сделать? Нынче, слава Богу, рукоделие продается.

Вновь будем работать да продавать плоды наших трудов, а лишние деньги отдавать Богу. Зачем беречь лишнее? Еще и ум от Бога будем отвлекать. Станем на молитву, а ум пойдет к ним, к деньгам. Господь сказал: «...идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше»! (ср.: [Лк.12:34](#)). Пусть они лежат у Бога, а мы будем и свое сердце там же держать». Тогда отец Никандр умилился, пал ему в ноги, плакал и просил прощения. С того дня он уже ни во что не вмешивался, а только до самой смерти плакал.

Вскоре оба постриглись в великую схиму: отец Авель, духовник, наречен был Арсением и принял схиму от схимонаха Арсения. Отец же Никандр наречен был Николаем, а принял схиму от самого Арсения. И стали уже жить они как старец с учеником, и прожили в скиту Иоанна Предтечи десять лет.

С увеличением числа братии в скиту умножилась и обычная житейская суета. Обоих отцов это очень отягощало. И они согласились удалиться во внутреннюю пустыню ради совершенного безмолвия, чтобы не иметь никаких житейских попечений и жить Одним Единым Богом. Ибо пустынный не любит молвы и суеты. Они оставили скит и прежнюю свою келлию. Взяли более уединенную келлию во имя святителя Иоанна Златоуста. Находилась она на холме, в почти непроходимом месте, около часа пешего хода от скита и на таком же расстоянии от Иверского монастыря.

Прежде это была великая келлия, но во время смуты она почти до основания была разорена. Отцы восстановили ее своими руками, только в меньшем размере, освятили церковь и пристроили к ней две жилые кельи. Так положили они начало своей жизни по пустынному уставу. Не имели никаких житейских попечений. Не занимались ни садом, ни огородом. Хотя там и были масличные деревья, но отцы не пользовались их плодами. А когда поспевали на них маслины, то приглашали какого-нибудь знакомого бедняка и поручали ему собрать урожай для себя.

В это время прославил Господь отца Арсения многими благодатными дарованиями. Со всех уголков Святой Горы шли к нему для исповеди и духовного руководства, особенно иеромонахи и иеродиаконы, жившие в греческих монастырях. Вскоре и для всех русских он также стал духовником. И не только русские, но и болгары, сербы и молдаване приходили к нему за советом. И греки почитали его за великого старца, нередко смиренно прибегая к его мудрости.

Имя отца Арсения почитали на всей Святой Горе, многие просились к нему в ученики, жить вместе с ним и отцом Николаем. Однако жить вместе с собой они никого не принимали, говорили так: «С нами быть никто не может. Мы за тридцать лет едва достигли того, что и теперь еще искушаемся и изнемогаем. Хотя дух и бодр, но плоть наша немощна. И если бы благодать Божия не подкрепляла нас, то мы бы и так-то не смогли жить».

Кто бы к ним ни пришел, с какою нуждой, они никого из келлии своей не отпускали унывающим. Кто телесной ради нужды скорбел, того они поддерживали материально, если даже это было сверх сил. Последние свои книги отдавали в залог, чтобы помочь ближнему. А уже после того, как им поможет Бог, выкупали их обратно. Кто душевную скорбь имел, того утешали благими своими беседами. Бедные имели в них помощников, скорбящие – утешителей, немощные грехами – скорое исправление и освобождение от них.

6 февраля 1841 года, на Сырной неделе, в четверг скончался сомолитвенник отца Арсения отец Николай. Отец Арсений остался один с Единым Богом и сам стал готовиться к исходу. Многие желали с ним жить, но он никого не принимал целый год. Потом получил от Бога известие, что осталось ему некоторое время еще пожить в этом мире, и начал принимать всех желающих.

Вскоре собралось таковых восемь человек. Тогда его заставила нужда оставить свою келлию, не вмещавшую всех подвизавшихся с ним. И ушел он в самую далекую пустыню, в скит Лак во имя святого великомученика Димитрия, где поселился со всеми учениками в одной большой келлии.

Прожив в скиту три года, по некоторым благословенным обстоятельствам отец Арсений вышел оттуда с оставшимися учениками. Они купили себе келлию Святой Троицы близ монастыря Ставроникита и обосновались там. Здесь старец оставался до самой смерти.

Отец Арсений порой делал на Святой Горе великие распоряжения, и никто ему не мог противоречить. Многих он благословил проводить жизнь свою на Афоне, хотя те и не желали этого. А многих выслал со Святой Горы в разные места, в числе таких был и составитель его жития отец Парфений (Агеев), отправленный отцом Арсением в Россию, в сибирскую страну, для основания там монастыря.

Отец Арсений был духовным отцом всех русских монахов, проживавших тогда на Афоне, и, бесспорно, не только сыграл выдающуюся роль в жизни отдельных лиц, но и повлиял на будущее развитие всех русских обителей на Святой Горе. Он славился по всей Горе Афон также своими многими чудотворениями, проявлениями Дара прозорливости и многими другими.

Но пришло к концу и его великое служение. В воскресенье, 24-го марта 1846 года к умирающему старцу Арсению собрались все его духовные дети: отец Иероним из русского монастыря, многие скитники и келлиоты.

Подошел к нему его ученик, отец Павел, хромой, стал его спрашивать: «Отче святой, хочешь ли ты от нас отойти и нас оставить?» Он же ответил: «Да, пришло время; надобно долг отдать». Отец Павел вновь спросил: «А что, отче, не боишься ли смертного часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли ответа перед праведным Судией, ты был более тридцати лет духовником?» Он же весело на него посмотрел и сказал: «Страх и ужаса не имею, но некая радость наполняет мое сердце, и великую имею надежду на Господа Бога моего, Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своей милостью, хотя я добрых дел не сотворил. Ибо, чем похваюсь, кроме как немощами моими? По своей воле ничего не сотворил, а что и сотворил, то с помощью Господа моего и по воле Божией».

Потом приказал всем духовным своим чадам подходить по одному и каждого прощал и разрешал его грехи, давая последнее благословение и наставление. Говорил каждому, кому где проводить жизнь свою. И это продолжалось почти до последней минуты его жизни. Потом велел он всем от себя отдалиться, и все сошли вниз.

Старец начал молиться, но никто не мог расслышать, что он говорил. Видно было только, как трижды он поднимал руки к небу, потом опустил их и затих. Когда подошли к нему, то увидели, что он уже скончался и предал душу свою в руки Господа своего. Похоронили его около самого алтаря келлии Святой Троицы, принадлежащей монастырю Ставроникита, 25 марта 1846 года.

Отец Арсений был среднего роста, борода средняя с проседью, голову держал всегда наклоненной на правое плечо. Лицом был чист и светел. Характер имел веселый, но очи его всегда были полны слез. Был весьма сух, но на лице его всегда играл румянец. Особенно это было заметно, когда служил Литургию, чем всех приводил в удивление. В это время лицо его бывало как огненное.

Речь была у него кроткая, немногословная и приправленная духовной солью. И всякий слушающий его с первых слов начинал плакать. Сей старец был весьма начитан и всегда подкреплял свои доводы свидетельствами из Священного Писания. Говорил и приводил свидетельства Писания наизусть, чему удивлялись и ученые люди.

Приехав на Святую Гору, Иоанн и Николай встали под духовное руководство старца Арсения, обрета в нем того мудрого и осененного Духом Божиим руководителя, которого они так жаждали найти и не нашли в России. Тридцать пять лет прошло с того времени, когда пятилетний отрок Иоанн Соломенцев возжелал стать монахом, пять лет с момента выхода из родительского дома с котомкой за плечами в поисках монастыря, в котором сможет обрести он вожденное безмолвие и радость молитвенного пребывания в Боге.

Не прошли впустую эти годы исканий, терпения и молитвы для будущего светила афонского подвижничества –

тридцатилетним мирянином вступил он на афонскую землю, но дух его уже был духом зрелого монаха-подвижника, что сразу же прозрел великий Авва Арсений, который и постриг вскоре Иоанна в своей келье святителя Иоанна Златоуста с именем Иоанникия.

К великому русскому старцу привел Господь своего избранника Иоанна Соломенцева, еще не подозревавшего о том, что именно ему предстоит через десять лет стать преемником старца Арсения и принять на себя его подвиг духовного окормления всех русских монахов на Святой Горе.

Подобный случай произойдет спустя более полувека в охваченной революционной агонией России, когда смиренный купец (ох, уж эти русские купцы!) Василий Муравьев, пятидесяти четырех лет от рождения, вступит в братство Александро-Невской Лавры (вместо побега в эмиграцию с накопленным капиталом) в то самое время, когда кровь монашеская, священническая и просто христианская потекла по русской земле ручьями, сливаясь в реки. И через пару лет к нему, только что рукоположенному иеромонаху, пойдут на исповедь и за духовным советом маститые архиереи, монахи и миряне, а еще через несколько лет вся братия Александро-Невской Лавры изберет недавнего купца-миллионщика себе в духовники. Поистине – Дух Божий «дышет идеже хочет»!

А пока новоприбывшие на Святую Гору друзья, Иоанн с Николаем, вкушали ту долгожданную радость, в ожидании которой они провели столько времени – они на Святом Афоне! У них есть духовный наставник! И не просто – опытный духовник, – а прославленный на всю афонскую братию духоносный старец! Старец, способный научить их высочайшему духовному искусству – умному деланию Молитвы Иисусовой! Это ли не счастье?

Нужно отметить, что до появления в жизни друзей старца Арсения у них не было настоящего духовного руководителя. Они руководствовались в своей духовной жизни Священным Писанием, чтением святоотеческих книг, внимательным следованием внушениям собственной христианской совести и – это советовал потом многим, оказавшимся в подобной

ситуации, сам старец Иероним – братским советованием с единомышленным другом и взаимным откровением помыслов.

Такой подход к духовной жизни, в отсутствие опытного наставника, безусловно приносит свои плоды и дает христианину возможность «держаться на плаву» в окружающем «бурном житейском море», но, конечно, он не может дать ищущему совершенствования в аскезе той необходимой духовной школы, без которой развитие монаха почти невозможно.

Старец Арсений пестовал каждого из своих чад духовных в соответствии с их способностями и ревностью к подвигу. Прозирая разность их дальнейшей судьбы в монашестве, он не благословил друзьям дальнейшее совместное житие, но повелел каждому приобрести отдельную собственную келью; Иоанну, постриженному старцем с именем Иоанникий – келью святого пророка Божия Илии, принадлежащую монастырю Ставрониките; Николаю, ставшему в постриге монахом Никитой – келью святых Архангелов.

Каждый из них отныне пошел своим путем – Никита, прожив два года в своей Архангельской келье, почил в Бозе, успев принять желанную им великую схиму с именем Никодима (как и предсказал воронежский прозорливец-юродивый), а Иоанникий практически с самого начала своей жизни в келлии начал, по благословению старца Арсения, приобретать собственный опыт духовного руководства четырьмя поселившимися вместе с ним послушниками.

Старец готовил себе в преемники будущего Старца. Он учил Иоанникия трезвению ума, деланию молитвы Иисусовой, в чем сам достиг совершенства, учил учить своих послушников всему, чем овладел сам, учить с любовью, терпением и кротостью, прежде всего личным примером.

Келлия святого пророка Божия Илии, принадлежавшая одному из древних афонских монастырей Ставроникита, находилась на горе в очень красивом месте, откуда открывался прекрасный вид на гору Афон; при ней был большой сад масличных деревьев, с надворными постройками. В двухэтажном здании келлии было много комнат, кухня,

гостиница, хозяйственные погреба. Домовая церковь во имя пророка Божия Илии была покрыта каменным куполом, в ней было множество икон. Двор, огражденный каменной стеной, вместо крыши был увит виноградной лозой.

Те четыре года, которые прожил монах Иоанникий в келлии святого пророка Илии, были для него поистине райским житием. Он окормлялся у любимого и любящего духовного отца, с благоговейным послушанием исполняя все его советы и указания. Вместе со своей келейной малой братией он трудился в масличном саду и на огороде, в малой келейной церкви они исполняли суточный круг богослужений по монастырскому уставу, молились, постились по седмице в месяц, вместе ходили на исповедь к старцу Арсению, у которого и причащались Святых Христовых Таин. Порой старец и сам приходил к ним в келлию, совершал Божественную литургию в их церкви, и такой день бывал великим праздником для Иоанникия с братией.

Больше всего Иоанникий радовался тому, что его келейное житие вполне соответствовало идеалу безмолвной жизни, который он представлял себе с ранней юности. Его состояние внутренней сосредоточенности, молитвенной связи с Богом не нарушалось присутствием послушников, но напротив, своим служением братии, делами христианской любви, которую дает возможность проявить общежитие, он только укреплялся в практическом исполнении заповеди «вера без дел мертва».

Отец Иоанникий любил свою братию искренне, с терпением носил их немощи, назидал кротко и с любовью, в соответствии с наставлениями старца Арсения, и послушники отвечали ему такой же искренней любовью и привязанностью, радовались каждой возможности общения со своим наставником и старались подражать ему в христианских добродетелях. Отец Иоанникий искренне желал одного – чтобы такое житие продлилось на Святой Горе и до самой его кончины. Но Бог судил иначе.

Глава 8. Русские на Афоне

Точное время появления на Афоне русских монахов не представляется возможным установить, однако существует документ, точно фиксирующий в истории время, когда у русских уже был свой монастырь, принятый в общеафонскую монашескую семью, наделенный правом участвовать в заседаниях Собора игуменов святогорских монастырей и признанный властью императора, которому тогда непосредственно подчинялась Святая Гора. В одном из актов Великой Лавры за 1016 год среди прочих стоит и подпись старца Герасима, игумена обители Рос. Народом рос тогда именовались выходцы из Киевской Руси. Понятно, что этой дате предшествует целая история учреждения, строительства и становления монастыря. Насколько глубоко эта история уходит в прошлое – мы не знаем. Однако существует древнее русское предание на Афоне, уверенно указывающее в качестве первого ктитора, то есть строителя-учредителя обители равноапостольного князя Владимира и супругу его княгиню Анну Грекиню – родную сестру греческих императоров Василия II (Болгаробойца) и Константина VIII, дочь императора Романа II, внучку императора Константина Порфирородного. Это предание вполне согласуется с историческими фактами. Но прежде чем о них говорить, рассмотрим, какое значение мог иметь собственный монастырь на Афоне для Руси той далекой поры.

С X века благодаря деятельности преподобного Афанасия Афонского и императора Никифора Фоки усиливается духовное значение Афона в качестве всеправославного монашеского центра, в котором промыслительно еще с VII века оказались сконцентрированы традиции всех ветвей православного монашества: египетской, раифской, палестинской, сирийской. При жизни преподобного Афанасия по его благословению и при поддержке византийских императоров были созданы на Афоне большие монастыри и лавры, и в них поместилось 3000 разнородных монахов, которые пришли из разных стран. Греки, грузины, сирийцы, сербы, болгары устремились сюда и создали

свои монастыри. Кроме восточных стран, здесь имели свои представительства и западноевропейские государства. До Великой схизмы 1054 года на Афоне существовало три латинских обители: Римская, Амальфийская и монастырь Зигу, пользовавшийся вниманием самого преподобного Афанасия.

В многонациональном монашеском Афоне были представлены практически все народы, населявшие Христианскую вселенную. К числу этих народов в X веке присоединилась и Русь.

Равноапостольный князь Владимир стремился приобщить свой народ и свою страну ко всем признакам тогдашней цивилизации. Именно с этого времени можно говорить о появлении Русского присутствия в важнейших консолидирующих центрах Византийской Империи: сформировалось своеобразное землячество в Константинополе, служившее удовлетворению нужд русских купцов и паломников; возникли первые обители близ Иерусалима и на Афоне. Причем обе эти обители именовались Русскими и Богородичными, что вряд ли может быть простым совпадением. Эти монастыри возникли, несомненно, в силу особой договоренности русских князей и византийских императоров – это своеобразный дипломатический жест, который должен был показать расположение к новому союзнику Византии.

Из «Повести временных лет» мы узнаем, что уже в 988 году, сразу после крещения, святой Владимир отправляет посольство во святой град Иерусалим, а в 989 году – великое посольство в царствующий град с целью найма архитекторов и каменщиков и других специалистов для строительства каменных храмов на Руси. Возможно, что упомянутые ревнители иноческого благочестия – первые русские насельники Афона – прибыли в Византию вместе с константинопольским посольством.

С 1030 года в святогорских актах⁵ к наименованию «обители Росов» присоединяется собственное название монастыря «Ксилургу», что в переводе с греческого означает обитель Древоделя, или плотника. Этот скромный русский скит-монастырек до сих пор именуется как среди русских, так и у

греков – «Богородица» или Обитель Богородицы, в силу посвящения престола Успению Пресвятой Богородицы. Начиная с игумена Герасима, настоятельствовавшего в обители на рубеже X и XI веков и оставившего свою подпись на акте 1016 года, удалось восстановить по документам монастыря имена практически всех игуменов обители вплоть до настоящего времени. Исключение составляет лишь столетний пробел – следствие каталонского побоища.

Первые князья крещенной Руси, несомненно, осознавали значение русского присутствия в указанных центрах общеправославной цивилизации, и потому ценили и развивали его. Русская обитель на Святой Горе в X-XIII веках в период постепенно и все более слабеющей Византии благодаря поддержке Отечества продолжала развиваться и быстро достигла своего расцвета. Пожертвования и вклады русских князей давали ей не только возможность существования, но и возможность отстаивания своих позиций в тех непростых ситуациях, которые создавали средние века островку чужого этноса в инородной среде.

Русский монастырь с первых же дней своего учреждения получил статус Царской обители, который в то время имели далеко не все монастыри. С 1030 года ему присваивается титул игуменария (акт 1), а в Царском указе от 1048 года он именуется лаврой (акт 3). Русик имеет развитое хозяйство и содержит работников. У него есть пристань, суда, хлебная пашня, мельница, собственная дорога от пристани до монастыря.

Обитель имеет возможность непосредственно обращаться к самому императору, чем неоднократно и пользовалась, что формально является нарушением 14 статьи Второго афонского типика 1045 года, которая гласит, что все дела на Афоне должны решаться протом и Соборием игуменов под его председательством. Однако для Русской обители делается исключение, и не однажды, на фоне доброжелательных отношений, сложившихся между Византией и Русью. Вероятнее всего, это можно объяснить тем, что на Русик были возложены и некоторые дипломатические функции. Вряд ли русские князья

не додумались до этого. В силу этих функций и допускалась возможность непосредственного обращения к верховной власти империи.

Русские князья делают щедрые пожертвования и вклады в свою отчину на Афоне. Обитель пополняется русскими насельниками и, не вмещаясь уже в первоначальном монастыре Ксилургу, начинает приобретать обедневшие и запустевшие келлии и малые монастыри в округе. Этот процесс приведет к приобретению в 1169 году большого древнего монастыря Фессалоникийцев в честь святого Пантелеимона. В 1030 году обитель покупает келлию Дмитрия Ковача (Кузнеца).

Келлия эта существует и до сих пор. Ныне это скит Дмитрия Солунского Ватопедского монастыря. В конце столетия Русик приобретает Дорофеев монастырь. Поселив в этом монастыре часть братии, Русик все же оставил за ним некоторую административную самостоятельность для увеличения количества голосов на общеафонских собраниях. Так, в 1169 году игумен Дорофеева монастыря участвовал в слушаниях дела о передаче Русской обители запустевшего монастыря Фессалоникийцев. Вероятно, в этот же период (X-XIII вв.), согласно предположению схимонаха Азари, во владения Русской обители перешел монастырь Вереяца.

Благодаря поддержке русских великих князей обитель имеет достаточные средства для того, чтобы оказывать помощь другим монастырям в условиях кризиса, в котором оказался Афон в результате ослабления Византии. В долгу перед Русским монастырем в конце XII века оказался сам протат Святой Горы. В качестве выплаты этого долга Русику и был предоставлен упомянутый запустевший монастырь Фессалоникийцев – один из древнейших на Афоне и имеющий славную историю. Новый русский монастырь стал называться Россикон или Нагорный Русик, и славная история русского афонского монашества начала свой новый этап.

После переселения русских иноков в монастырь Фессалоникийцев, то есть в СвятоПантелеимонов монастырь, в документации монастыря появляется пробел в столетний промежуток по той причине, что обитель в 1310-х годах

предоставила убежище игумену Хиландарской обители Даниилу, спасавшемуся бегством от преследования каталонцев. Цена братской любви – полное сожжение обители каталонцами, в результате чего погибли все акты монастыря, начиная с 1169 года. Поэтому мы не знаем ничего из жизни обители в этот период времени. Однако несомненно, что в первой половине XIII века проходило дальнейшее развитие Русской обители.

В окрестностях Свято-Пантелеимонова монастыря, в который переселилось русское братство в 1169 году, располагалось два-три десятка малых обителей (впоследствии им будут присвоены статусы скитов и келлий). Большинство из них со временем перестали существовать по причине разорения и запустения. Но часть из этих монастырьков перешли в ведение Свято-Пантелеимонова монастыря. В начале XIV века они уже числились под его патронажем. Последней обителью, акт о переходе которой в 1348 году в ведение Русика сохранился в архиве, был монастырь Коцари.

Монастырь Коцари был сожжен полностью турками и потому был отдан протом Антонином с общего согласия других отцов седалища св. лавры Карейской Русской обители, состоятельной и благоустроенной, недавно успешно восстановившейся после каталонского пожара, чтобы получил от нее «приращение и улучшение», как сказано в подтверждающем акте уже следующего прота Дорофея в 1363 году. Он пишет: *«... Дело пошло как надеялись. Столп выстроен вновь и вышел прекрасный и прекрепкий, и другое все пошло к лучшему. Ради всего сего подтверждаем и мы акт этот, и постановляем, чтобы он был неприкосновенен и нерушим во весь век, и чтобы честная сия обитель Росов держала постоянно за собою сказанный монастырек Кацари неотъемлемо, невозбранно и непоколебимо, не встречая ни со стороны Прота, ни всякого другого какое бы то ни было беспокойство; как и другие монастырьки, данные большим обителям, крепко держатся ими. поскольку почти ни в каком другом не положено столько издержек и столько тщания».* Однако эта последняя передача состоялась уже после прекращения связей с Отечеством из-за начавшегося

Монгольского Ига, в период покровительства Русику сербских царей.

С началом монгольского завоевания связь с Отечеством прерывается. Прерывается и помощь. Но развитие обители не останавливается благодаря помощи сербских государей. Русское монашество держалось в нем еще несколько поколений после нашествия монголов на Русь. Скорее всего, количество русских насельников в монастыре не только не сократилось, но умножилось, поскольку в обитель устремились русские беженцы, спасавшиеся от монгольских побоищ. Однако со временем в обители постепенно стало возрастать количество сербов, которые сохранили ее от совершенного запустения.

Сербские цари, особенно Стефан Душан, много потрудились над ее восстановлением. Будучи отдаленным потомком святителя Саввы, царь Стефан пожертвовал в 1347 году Пантелеимонову монастырю драгоценнейшее сокровище – честную главу великомученика и целителя Пантелеимона. Уже позднее, после того как русские иноки вновь смогли вернуться в свою обитель, Русик и Хиландар продолжали поддерживать теплые братские отношения и оказывать помощь друг другу. В Старом Русике возникла и окрепла духовная связь русского и сербского народов.

Так закончился первый расцвет русского монашества на Афоне. В указанный период времени благодаря осознанной и активной поддержке русских князей Русская обитель приобрела независимое от внешних неблагоприятных обстоятельств положение, способствовавшее ее безмятежному развитию без потрясений и кризисов. Обитель сумела правильно организовать и спланировать свое хозяйство, сохранив не только самостоятельность, но и возможность помогать другим.

Русик достиг и главной своей задачи: преуспевания в духовной жизни. В указанное время в обители сложился и действовал строгий общежительный устав, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы монастыря. Сформировались традиции. Всегда во времена своего благоденствия обитель помогала духовно не только своему Отечеству, но и другим братским славянским народам,

представители которых подвизались в ней. Например, сербы до XIII века не имели своей собственной обители, и поэтому вместе с русскими иноками спасались в одном монастыре. Благодаря этому сожителю обитель не погибла с началом монголо-татарского завоевания Руси.

К началу XIV века обитель занимает уже 5-е место в порядке святогорских монастырей, что красноречивее любых фактов говорит о значении ее в жизни Афона.

Какое же значение в рассмотренный период имел Русик для своего Отечества – Древнерусского государства? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить о том, как и для чего создавалось это многонациональное монашеское государство. По мысли преподобного Афанасия Афонского, монастыри не только должны были представлять народы, из которых они составлялись, во всеправославном центре монашества, но и оказывать обратное духовно-просветительское влияние. Монастыри являлись духовными кузницами, которые готовили носителей святогорской традиции монашества. И Русская обитель не была исключением из этого правила.

Уже с начала XI века Свято-Успенская обитель Ксилургу начинает осуществлять свою миссию распространения в Восточной Европе византийского духовного просвещения. На основании жития св. Моисея Угрина можно утверждать, что после 1019 года в Польшу пришел русский иеромонах с Афона.

В начале XI века на Русь с Афона приходит преподобный Антоний, на месте подвигов которого возникнет Свято-Успенская Киево-Печерская лавра, как и Святой Афон, названная Уделом Пресвятой Богородицы. В 1225 году на Почаевской горе русский святогорец преподобный Мефодий основывает будущую прославленную Свято-Успенскую Почаевскую лавру. Место, на котором она находится, именуется до сих пор Святой Горой. В XI-XIII веках некие афонские иноки поселяются в меловой горе на берегу Северского Донца, заложив основание еще одной Успенской лавры, также названной впоследствии Святогорской. Все три прославленные обители связаны со Святой Горой и отмечены особым

промышлением Божией Матери. Все они были основаны русскими подвижниками Святой Горы Афон и в один и тот же промежуток времени – домонгольский период.

Предания не указывают точно, из какого именно монастыря Святой Горы приходили основатели. Время их миссии совпадает с периодом расцвета русского монашества на Афоне. Вероятнее всего, все эти русские святогорцы были выходцами из древней русской лавры – Свято-Успенского монастыря Богородицы Ксилургу.

В 1180 году в Русской обители принимает постриг сербский царевич Растко, будущий святитель Савваоснователь автокефальной Сербской Церкви. Свой выбор стать иноком на Афоне он сделал в результате беседы с русским святогорцем, насельником Русика, ходившим по послушанию в Сербскую землю. И в последующие века Русик продолжал свою духовную миссию. В 1382 году Русский монастырь, с позволения короля сербского Лазаря, строит в Сербии дочерний монастырь на реке Дренча. Строителем стал насельник Русика инок Дорофей. Еще в 1950 году руины этой обители на Дренче показывали в окрестностях Трстеника.

Русская обитель, оставшаяся без поддержки русских великих князей, стала оскудевать. Временное попечение о ней взяли сербские жупаны, благодаря чему не только обитель восстановилась и поправилась, но и братство пополнилось выходцами из братского сербского народа. Надо отдать должное сербским властителям, которые за все 200 лет своего покровительства монастырю никогда не пытались сделать его сербским, но всегда констатировали, что являются лишь временными его хранителями, пока русские князья вновь не получают возможности покровительствовать своей обители.

И они действительно сдержали свое слово. В 1508 году вдова сербского деспота Стефана и мать последнего деспота Иоанна, инокиня Ангелина, причисленная впоследствии к лику святых, торжественно передала великому князю Василию III Иоанновичу (1479–1533) в собственность право на древнюю и славную его отчину – Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, о котором некому более было позаботиться, кроме его

царственности. Сербские государи, в течение веков оказывавшие поддержку Русской обители, теперь были сами в трудном положении, оказавшись под чужеземным игом не монгольским, а турецким.

Главная заслуга братьев-сербов состоит в том, что они не просто поддерживали обитель материально в трудное для Руси время, но сохранили ее устав и традиции, которые затем в целости и сохранности передали новым поколениям русских насельников, вернувшихся в свой монастырь в XV веке.

Святая Ангелина призывает князя активизировать помощь русской обители – его древней отчине и дедине, не имеющей никакой другой надежды на помощь. Старцы Русского монастыря намеревались даже вручить великому князю ключи от обители, но не исполнили этого из-за страха перед разбойниками и турками во время длинного пути. Именно с этого момента начинаются тесные отношения русского государя со Свято-Пантелеимоновым монастырем.

Великий князь оказывает помощь Русику. При русском дворе Великого князя Василия появляется посланник султана Кемар. Также и княжеский посланник Василий Коробов начинает посещать Константинополь. Несомненно, государь ходатайствовал перед султаном о Русской обители на Афоне. Благодаря этому ходатайству султан обратил непосредственное внимание на положение Русика и запретил своим чиновникам притеснять его. Два дочерних монастыря Свято-Пантелеимоновой обители вне Афона в Каламари и в Сидерокавсии были освобождены от притеснения чиновников. Предстательство Великого князя Василия дало основание будущим старцам обители просить следующего государя Иоанна Васильевича о таком же заступничестве.

Русь впервые после 1238 года обратила свой взор за пределы своего внутреннего мира. Инокня Ангелина умоляла Великого князя Василия III принять покровительство хотя бы только над сродственной ему Русскою обителью. Но русские государи и цари осознали себя ктиторами и хранителями всей Святой Горы и других православных народов, каковыми некогда были византийские императоры и сербские государи.

Фактически это было постепенное вступление русских государей в обязанности Удерживающего. Русик же стал их посредником во взаимоотношениях со Святой Горой и другими славянскими православными государствами. Взаимное притяжение Святой Руси и Святой Горы в это время было обусловлено еще и тем, что они вместе остались единственным оплотом и единственной опорой Православия в мире. Все другие православные государства, все другие поместные церкви находились в пленении.

С посланцами игумена Русского монастыря Василий III посылает неоднократно милостыню в Сербскую землю, в митрополию, в монастыри и самой преподобной Ангелине. Между монастырем и государем завязывается постоянная переписка. Обитель более не ограничивается в сроках посещения Руси для милостыни. Однако скромные насельники Русика не любили без острой нужды докучать и выказывать себя. Князь сам вновь и вновь приглашает игумена прислать старцев за большей, как он пишет, милостыней и скорбит, что они не приходят: *«... И вы нам таких старцов и до сех мест не присылавали. И как вам будет пригоже, и вы бы и ныне таких старцов к нам прислали, с кем бы нам было пригоже ту милостыню к вам послати»*. В одной из грамот государь так и пишет, чтобы игумен обители и впредь присылал старцев за милостыней, когда того захочет. В 1533 году в Москву прибудет сам настоятель Свято-Пантелеимоновой обители игумен Гавриил. Князь пожертвует своей богомолии на Святой Горе 3000 золотых, что по тем временам было огромной суммой. На обратном пути старцы будут ограблены разбойниками. Однако государь поднимет служилых людей всех властей – и литовских, и валахских – с требованием найти разбойников и вернуть похищенное. Практически вся сумма была возвращена и доставлена на Святую Гору.

Однако со временем греки стали пробовать и вскоре научились осуществлять сношения с Россией в обход Русика. Ватопед и Великая Лавра почти на полвека заслонили его значение. Это стало одной из главных причин будущего упадка обители. Русик не успел твердо встать на ноги и укрепиться в

канун новых потрясений. Таковыми являются Ливонская война в конце царствования Иоанна Васильевича, Русско-Крымская война 1568 года и, наконец, Смутное Время, нанесшие новый удар по численности русского монашества на Афоне.

В 1547 году, в год венчания на царство первого русского самодержца Иоанна IV, сына и преемника Великого князя Василия III, при святительстве митрополита Макария произошел беспрецедентный случай, свидетельствующий о том, насколько изменились взаимоотношения Руси и Афона, насколько глубоко Россия осознала значение русского присутствия в Уделе Пресвятой Богородицы. По случаю прибытия в Москву престарелого игумена Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря Саввы I митрополитом Московским и всея Руси Макарием было издано «Окружное послание ко всем православным христианом русскаго великаго православия». В послании первосвятитель оповещал православный русский народ о прибытии в первопрестольный град почтенного старца-игумена и призывал всех оказать посильную помощь нуждающейся русской обители. С почестями принял старца сам государь.

Обитель получила статус первой Царской богомолии. Всем таможенным и миграционным службам под угрозой царской опалы приказано было оказывать всяческое содействие старцам при переездах по внутренним границам России. Собранный щедрая милостыня помогла значительно поправить хозяйство и восстановить ветшающую обитель, но главным образом средства пошли на выплату огромного монастырского долга Османской Порте.

Много потрудился для восстановления былого благолепия славянских монастырей царь Иоанн IV Васильевич. Государь щедро покровительствовал всей Святой Горе, однако сугубое его внимание и попечение, в отличие от отца его, были обращены к двум обителям: Русской и Сербской.

Сложившиеся как никогда ранее благоприятные отношения Русика с Россией в этот период не успели поправить существенно положения обители из-за начавшейся вскоре

Ливонской войны. Численность русского монашества на Афоне вновь катастрофически начала падать.

В период мирного и благословенного царствования благоверного царя Феодора Иоанновича монастырь вновь оживает, и в Москву в 1591 году приезжает его игумен священноархимандрит Неофит. Отца игумена ожидала такая же торжественная и знаменательная встреча, как и 44 года назад. Вновь было издано «Окружное послание» от имени первого Патриарха Московского и всея Руси, святителя Иова, по случаю прибытия игумена Русского монастыря на Афонской Горе Неофита.

Такое внимание, как при царях Иоанне Васильевиче и Феодоре Иоанновиче, не оказывалось Русской обители на Афоне и ее игуменам ни при каком другом царствовании ни в прошедшие, ни в последующие времена. Никакой другой игумен Афона, при всей широте и безотказности щедрого русского сердца, не встречался так широко и сердечно, как настоятель своей родной Русской обители. Это свидетельствует о возросшем осознанном и ответственном отношении освободившейся от монгольского ига и собравшейся воедино Руси к своей отчине в Уделе Пресвятой Богородицы. Более того, сама Русь, по аналогии со Святой Горой, стала осознаваться в качестве Удела и Дома Божией Матери, потому что именно там, на Святой Горе Афон, находится прототип или первообраз всех успенских соборов Руси: маленький и скромный Успенский храм Русской обители Ксилургу.

В конце XVI века монастырь, благодаря накопленному многовековому духовному потенциалу, вновь начинает набирать силу. Он превратился в настоящий бастион православия, играя значительную роль в защите и укреплении веры на юго-западе Руси. В эпоху активизации католической экспансии он становится деятельным защитником православия. Монастырь выступает защитником русского православного населения Польши и Венгрии. А в 1596 году на контруниатском Соборе в Киеве принял активное участие игумен Свято-Пантелеимонова Русского монастыря священноархимандрит Матфей, отличавшийся мудростью и красноречием. В 1621 году на

православном соборе в Киеве, названном «Советование о благочестии», где разрабатывались меры по утверждению православия, было принято решение, «чтобы русских, искренно расположенных к добродетельной жизни, посылать на Афон, как в школу духовную».

Смута стала новым потрясением как для Руси, так и для русского монашества на Афоне. Вновь прекратился приток новых насельников в обитель.

После одоления Смуты русскому народу пришлось воссоздавать заново многие традиции благочестия. Были восстановлены и взаимоотношения со Святой Горой. Но значение Русика в этих новых воссозданных взаимоотношениях отодвинуто было уже на дальний план.

Реформы Патриарха Никона, развивающиеся грекофильские настроения активизировали притяжение прежде всего к греческим обителям. В то же время возрастал интерес к западному вольнодумному мировоззрению, «освобождавшему» часть русского общества от традиционной православной церковности. Взаимные крайности отчаянно спорящих между собой ново- и старообрядцев скрыли от общества настоящий раскол, назревавший не в области обрядов и церковнославянских лексических оборотов, а в мировоззрении, в выборе пути дальнейшего развития Руси-России и населяющих ее народов. В новом, сознательно выбранном Россией пути ориентиров на Святую Гору Афон как один из важнейших центров Православия, и тем более на бедный Русский монастырек не предусматривалось вовсе...

В 1672 году, во время царствования Феодора Алексеевича, началась первая полномасштабная Русско-Турецкая война за Правобережную Украину, которая открыла целую серию военных столкновений России и Турции. В общем счете русско-турецкие войны охватывают период длительностью в 241 год. В среднем одну русско-турецкую войну от другой отделяло всего 19 лет.

С 1672 по 1739 (год смерти последнего русского монаха в Русском монастыре) произошло 5 крупных военных конфликтов, следовавших практически один за другим. Доступ насельников

из России, с учетом также антимонастырской направленности петровской внутренней политики, в это время был невозможен. Неслыханная доселе антимонастырская кампания была начата самим Богопомазанным царем, который в идеале своем представлял Русскую Церковь в чем-то похожей на англиканскую: без монашества, без таинств, без Патриарха, с неограниченным в правах монархом во главе. Молодым людям было категорически воспрещено поступать в монашество, а монастырям принимать их. В один из промежутков между войнами длительностью в 10 лет на Русь приезжал игумен Свято-Пантелеимоновой обители Варлаам с просьбой не столько о милостыне, сколько с призывом пополнить угасающую Русскую обитель насельниками. На его отеческий зов не откликнулся ни один человекобщество было воодушевлено другими идеалами. Русское монашество пресеклось на Святой Горе. А когда спустя несколько десятилетий русские ревнители благочестия вновь смогли отправиться на Святую Гору, своей обители у них уже там не обрелось Русский монастырь стал греческим... Русская обитель, перейдя во владение к грекам, была утрачена для русского иночества на Афоне без малого на 100 лет. Лишь в 1821 году русские вновь водворились в ней.

Утратив собственную обитель, русские святогорцы несколько раз предпринимали попытки воссоздать ее на новом месте. Так возникло сразу несколько русских обителей, самые известные из которых Ильинский и Андреевский скиты. Но не имея того многовекового духовного потенциала, которым обладал древний Русик, ни одна из них так и не смогла стать общей обителью для всех русских иноков Афона. Лишь возрожденный спустя некоторое время Промыслом Божиим древний Русик смог собрать и объединить весь Русский Афон в единоклубную иноческую семью и стать единым духовным центром для всех русских святогорцев. Главная заслуга в этом принадлежит старцам Арсению, Иерониму и Макарию.

Глава 9. Возрождение Русика

Греческая братия разорила общежительный устав монастыря, которого строго придерживались русские, и заменила киновию идиоритмом, а затем в 1768 году и вовсе решила переселиться поближе к морю, к монастырской пристани. Эту местность в 1667 году купил у обедневшего Русика епископ селения Иериссо Христофор и выстроил там себе небольшой храм, освященный в честь Воскресения Господня. Руины этого храма находятся недалеко от нынешнего монастыря.

После смерти архиерея этот участок вновь перешел к монастырю, и со временем там образовался небольшой скит. Вот туда-то и решила переселиться часть братии. Остальные разбрелись по другим скитам и монастырям. Идиоритмическое устройство внутренней жизни монастыря не способствовало его духовному процветанию: без порядка и общей дисциплины обитель под руководством новых хозяев не имела даже надежды как-то поправить хозяйственное и материальное положение. А о духовном – и говорить не приходится.

Наступил момент, когда протат Святой Горы обратился к Вселенскому Константинопольскому Патриарху за благословением ликвидировать русскую обитель как юридическую единицу в списке афонских монастырей, принадлежащие монастырю земли передать другим греческим монастырям и после уплаты всех монастырских долгов деньгами, вырученными от продажи монастырского имущества, оставшиеся средства обратить на общественные нужды афонского протата. Русскому присутствию на Афоне грозил конец.

Однако Вселенский Патриарх Каллиник, будучи не только человеком духовно мудрым, но мыслящим дипломатически на много лет вперед, понимал, что после последних русско-турецких войн роль Российской Империи в делах всего Востока и восточных церквей будет все более возрастать вместе с возрастающим могуществом самой Империи. Кроме того, в

предложении афонского протата Патриарх не мог не увидеть определенного националистического своекорыстия, чего он как Архипастырь Горы Афонской не имел права допустить, будучи ответственен перед Господом и Божьей Матерью за судьбу своей афонской монашеской паствы.

Его патриаршее решение о судьбе русского монастыря не только отвергло неразумие протатских управителей, но более того, выразилось в предписании протату позаботиться о восстановлении Русской обители, устройении в ней общежития и назначении в нее игуменом известного своей праведностью и благочестием старца-иеромонаха Саввы из скита Ксенофонт. Восьмидесятипятилетний старец, предполагавший тихое и безмолвное окончание дней своих в молитвенном подвиге в своем скиту, безусловно, был поражен неожиданным и трудноосуществимым для него новым послушанием от Вселенского Патриарха.

Но, уразумев в этом повороте своей судьбы безусловное действие спасительного Промысла Божьего, со смирением принял новое послушание, подкрепленное патриаршим обещанием материальной помощи на восстановление монастыря, за которой он и отправился в Константинополь в 1803 году, взяв с собою монастырские святыни – целебные мощи великомученика Пантелеимона и его чудотворный образ.

Обещанная патриархом помощь так и не была оказана в связи с начавшейся рускотурецкой войной и сложностями во взаимоотношениях Константинопольской Патриархии с турецкими властями. Игумен Савва пробыл в Константинополе до конца 1806 года, собирая пожертвования, но смог собрать всего около 9000 рублей, что было весьма малой суммой для тех материальных нужд, которые угнетали бедный Пантелеимонов монастырь.

Оставалось упование лишь на милость Божью и на молитвенное предстательство святого покровителя монастыря великомученика Пантелеимона, по молитвам к которому перед его честными мощами в Константинополе за все время пребывания там со святыней игумена Саввы совершилось

немало чудесных исцелений и случаев благодатной помощи. И упование старца не было посрамлено, помощь пришла.

В один из дней пребывания старца Саввы в Константинополе в ожидании материальной помощи от патриархии к нему обратились близкие тяжело больного драгомана (переводчика) Порты, валахского князя Скарлата Каллимаха, с просьбой о посещении болящего со святыми мощами и совершении над князем молебного пения великомученику Пантелеимону о его исцелении. Святой великомученик явился во сне князю и сказал: «Имение твое великое, а смерть твоя близка, а монастырь мой во Святой Горе Афонской до конца разоряется: помоги ему, пока есть время».

Игумен Савва совершил над больным князем молебен святому великомученику Пантелеимону и возложил на больного ковчег с его святыми мощами. Благодать Божья спасительная осенила изможденное болезнью тело князя Скарлата, исцелила его недуг, и больной сразу же после молебствия ощутил сильное облегчение своих страданий, его здоровье быстро пошло на поправку и вскоре князь был совершенно здоров. Он хорошо запомнил явление ему во сне святого великомученика и его призыв стать покровителем Пантелеимонова монастыря на Афоне.

Преисполненный благодарности Богу и Его угоднику Пантелеимону князь Скарлат, вскоре после своего исцеления занявший престол Молдо-Валахии, взял на себя заботы по восстановлению и благоустройству обители. Пользуясь своей близостью к султану, он смог послать в Пантелеимонов монастырь главного архитектора султаната – христианина, который и составил проект восстановления обители.

Старые постройки были разобраны, и в течение 1810–1820-х годов в Новом Русском монастыре были возведены соборный храм Великомученика и Целителя Пантелеимона, храм Успения Пресвятой Богородицы, келлии для братии и другие необходимые здания. Утвержденный Константинопольским Патриархом еще в 1806 году кинувальный устав вновь отстроенной обители, руководимой духоносным деятельным игуменом Саввой, высокий дух жизни окормляемой им братии

привлекли в нее новых греческих иноков, которые приходили в нее на жительство не взирая на неоконченное строительство и отсутствие даже штукатурки в большинстве зданий.

Князь Скарлат так и не смог собственноручно закончить восстановление монастыря – будучи оклеветан в тайных сношениях с Россией перед султаном, который и так был разгневан начавшимся в Греции национально-освободительным восстанием, Скарлат Каллимах вместе с Вселенским Патриархом Григорием мученически закончили свой земной путь в Константинополе в 1821 году. А вскоре, в апреле того же 1821 года, на Святую Пасху, принял блаженную кончину и главный восстановитель монастыря игумен Савва, оставив по себе попечителями обители иеросхидиакона Венедикта и его ученика иеромонаха Герасима, которого он сам назначил себе в преемники, провидя его высокую духовную мудрость.

После кончины старца Саввы отцам Венедикту и Герасиму достались нелегкие времена. Греческие революционеры вторглись на Афон и увлекли с собой часть греческого монашества в войну за освобождение от турецкого владычества. Следом за этим Афон был занят турецкими войсками, которые поставили во всех монастырях гарнизоны по 40–50 солдат и оставшихся в обителях монахов, которые не сбежали вместе с большинством монашествующих Афона, опасаясь турецких гонений, обязали кормить и содержать своих оккупантов.

Много горя в ту пору выпало на долю афонских монастырей – турки беззастенчиво грабили монастырские ризницы, забирая облачения, сосуды и все, что могло быть обращено в деньги, разоряли скиты и келлии, срывали с храмов свинцовые крыши, забирали порой даже кухонную посуду. Притесняемая ими монашеская братия принуждена была служить им во всех нуждах. Кроме того, еще более, нежели турки, неприятностей афонским инокам доставляли шайки разбойников и грабителей, во множестве наполнившие Святую Гору. Страдания монахов были столь велики, что многие восклицали: «Вставайте, мертвые, из гробов, уступите нам ваше место»!

Состояние не успевшего до конца достроиться Русского монастыря пришло в совершенный упадок. Он был расхищен полностью, братия перемалывала бобы и пекла из них хлебы, от отсутствия поступлений средств со стороны обитель вынуждена была постоянно занимать все новые и новые деньги под большие проценты. Долг обители достиг громадной по тем временам суммы около 100 тысяч рублей, что унизило ее в глазах всего святогорского общества до крайней степени недоверия и презрения.

Россия не могла оказать никакой помощи Русскому монастырю из-за продолжающейся войны с Турцией, да и Русским-то он, в сущности, был только по названию, так как ни одного русского насельника в нем не обреталось. На Афоне прошел слух о явлении одному из старцев святого великомученика Пантелеимона, который сказал: «Если в моем монастыре не будет русских, монастырь придет в упадок» – что, собственно, видимым образом и совершалось на глазах всех святогорцев.

По окончании военных действий вернувшийся из изгнания в 1830 году в Пантелеимонов монастырь иеромонах Герасим был избран братией во игумена, в соответствии с завещанием почившего старца Саввы. Он приступил к своему игуменскому служению, находясь, по тому же завещанию возобновителя обители, в духовном послушании у иеросхидиакона Венедикта, вместе с которым они предстали перед множеством трудноразрешимых проблем – духовных, строительных, экономических. Оба эти старца были единокорны как в своей приверженности к строгой кинувальной жизни монастыря, так и в своем доброжелательном отношении к русским.

И если ранее, еще до игуменства отца Саввы, среди греческой братии монастыря к русским отношение было опасливым и недоверчивым, что выражалось порой даже в нежелании и монастырь свой называть Русским – ибо боязнь того, что русские, придя, потребуют восстановления своих прав в обители и греков изгонят, таилась в их сердцах, – то с началом игуменства старца Герасима отношение к русским ощутимо переменялось. И диктовалось это изменение не только

пониманием, что помощь Великой Российской Империи могла решить все монастырские материальные проблемы, но и начинающимся осознанием того промыслительного Божьего руководства святогорской жизнью, которое предназначило русским на Афоне свою особую, немаловажную роль.

Собрав всю братию, игумен Герасим и старец Венедикт обратились к своим инокам с такими словами: «Отцы и братия, послушайте нас. Мы много теперь должны, а обитель наша голая и пустая. И мы ниоткуда не имеем помощи и не в состоянии уплатить долг и украсить обитель. Необходимо нам надобно принимать древних жителей обители сея – русских. Они только могут сию обитель поправить, и украсить, и привести в настоящий порядок». Братия единодушно на то согласилась, и стали думать, как им призвать русских в Пантелеимонов монастырь.

А русских в то время на Афоне было не так мало. Духовно окормляемые в большинстве своем старцем Арсением русские монахи жили в разных скитах и келлиях по всему Афону: кто-то с греками, кто-то с болгарами или сербами, а кто и малой русской общинкой.

Безусловно, многие из них желали бы жить в большой русской киновииальной обители с ежедневной уставной службой, общей трапезой и прочими составляющими монастырского жития, позволяющими иноку не заботиться о быте, а сосредотачиваться на внутреннем молитвенном делании. Наступил исторический момент, когда желания и потребности русских монахов-келлиотов и греческих насельников Пантелеимонова монастыря совпали. Личностью, впервые сделавшей шаг к обретению русскими монахами собственной киновииальной обители, стал приехавший из России иеромонах Аникита.

Иеромонах Аникита (в миру князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов) был весьма неординарной личностью для своего времени. Если в период конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века монахи из купечества или крестьянства были отнюдь не редкостью, то представители дворянства избирали монашеский путь совсем не часто.

Пожалуй, только святитель Игнатий Брянчанинов как представитель высшего дворянства сверкнет на небосклоне русского монашества еще более яркой звездой несколько позднее князя-иеромонаха Аникиты. Схиархимандрит Герасим, игумен Руссика за 1830–1875 гг.

Воспитанный с детства в традиции православного благочестия, обладая чуткой впечатлительной душой, он с юных лет потянулся к жизни во Христе, хотя обстоятельства заставили его сперва пройти значительный отрезок жизни в миру. Когда Сергию исполнилось 13 лет, его благочестивый отец умирает, с полным осознанием того, что в души собственных детей он успел заронить семена подлинной веры и благочестия. Мальчика отдают в Морской Кадетский Корпус, который он заканчивает блистательно в числе лучших учеников и поступает на службу в военно-морской флот Российской Империи. И здесь, участвуя в походах и сражениях, он проявил себя с самой лучшей стороны как храбрый офицер, что не раз было отмечено чинами и наградами.

Оставив флотскую службу в чине капитана, князь Сергей поселился в Петербурге, где занимал высокие должности на государственной службе и лично был известен государю императору Александру Павловичу, ценившему в нем его способности вообще и талант литературно-поэтический в частности. Однако ни высота общественного положения, ни большие материальные возможности не увлекают князя в водоворот светской роскошной и суетной жизни.

Он живет отшельником, употребляя только постную пищу, и то раз в сутки; пьет только воду, все свободное время употребляет на молитву, чтение священных книг, богомыслие и научно-филологические труды. Он был действительным членом Императорской Академии Наук, членом общества «Беседы любителей русского слова», написал ряд исторических произведений и духовных стихов, работал над очищением русского языка от иностранных слов и обогащением его заимствованиями из языка церковно-славянского.

Из своего огромного по тем временам дохода (около 7 тысяч рублей в год) он тратит на свои нужды ничтожно малую

часть, все остальные капиталы пуская на благотворительность и пожертвования нуждающимся, не отказывая в помощи ни одному нищему, больному или бездомному бродяге. Внутри него окончательно созревает желание порвать свои отношения с миром и посвятить свою жизнь служению Христу в монашеском звании.

В 1828 году он поступает в Юрьевский монастырь под руководство тогдашнего настоятеля обители архимандрита Фотия, известного своей борьбой против засилья масонства в государственных органах и в обществе, своей преданностью православию и пламенной проповеднической деятельностью. Спустя два года, 25 марта 1830 года, князь Сергей был пострижен в монашество с именем Аникита и в течение короткого срока рукоположен сперва в иеродиакона, а затем в иеромонаха.

Оценив духовные и умственные качества новопоставленного иеромонаха Аникиты, духовное начальство предполагало в недалекой перспективе произвести его в архимандриты и поставить настоятелем какого-либо монастыря. Но смиренный инок, искавший прежде всего аскетического жития и умной молитвы, отказался от предлагавшихся ему должностей и почестей. Его тянуло уединение.

Два места на земле обладали для князя-монаха огромной притягательной силой: Святой Град Иерусалим, место страданий и славы Господа нашего Иисуса Христа, и Удел Божьей Матери – Святой Афон, где он желал бы поселиться и окончить свои земные дни в подвижничестве, под руководством духоносного старца. Иеромонах Аникита подал прошение о разрешении ему посещения святых мест Палестины и Афона и, по прошествии некоторого времени, это разрешение получил. 7 июня 1835 года парусное судно с князем-монахом на борту причалило к пристани афонского монастыря Ксиропотам.

Отсюда иеромонах Аникита отправился в основанный великим славянским старцем Паисием Величковским Ильинский скит, где игумен скита отец Парфений уступил гостю свою келью, в которой некогда проживал сам старец Паисий. Обосновавшись в Ильинском скиту, отец Аникита начал

посещать афонские святыни, молясь у чудотворных икон, поклоняясь честным мощам угодников Божиих, во многих местах совершая Божественную Литургию на греческом языке.

В одном из таких походов он познакомился с живущим в келлии старцем Арсением и, будучи пленен благодатной мудростью и высотой духовной жизни старца, попросился к нему в духовные чада, на что старец ответил согласием. Мечта князя-подвижника сбылась – он на Святой Горе и ученик духоносного старца! Господь исполнил его желания и ждал от него плодов духовной работы. Отец Аникита еще не знал, какая роль отведена ему в афонской истории, хотя его старец Арсений, вероятно, провидел ее и подготавливал своего нового ученика к достойному этой роли исполнению.

Встречаясь и общаясь со своим старцем Арсением, отец Аникита обсуждал с ним судьбы и положение русского монашества на Афоне, которые старец, будучи духовником всех русских иноков-святогорцев, знал лучше, чем кто-либо другой. В этих беседах и родилась у отца Аникиты мысль о вселении русских монахов в Пантелеимонов монастырь, в котором инок-князь не раз бывал, и духовных руководителей которого, игумена Герасима и старца Венедикта, знал и почитал за благочестие.

А может, и сам старец Арсений заронил эту мысль отцу Аниките; а когда тот ее выносил и перед отцом Арсением озвучил, благословил к исполнению – Бог весть! Однако известно, что с благословения старца Арсения иеромонах Аникита имел с отцами Венедиктом и Герасимом переговоры, в которых убедил старцев, что их желанию принять к себе русских монахов пришло время, и обещал им подготовить группу русских иноков для вселения в монастырь, снабдив обитель средствами для постройки новой церкви в честь недавно прославленного русского святителя Митрофана Воронежского. На том и порешили.

Деятельный иеромонах Аникита собрал общину из разных знакомых ему келлиотов количеством 25 человек, привел ее в Пантелеимонов монастырь и вручил руководству ученого греческого духовника схиархимандрита Прокопия. Затем он

оставил игумену Герасиму деньги на строительство церкви во имя святителя Митрофана Воронежского, церковные ризы, книги, утварь для церкви и отбыл со Святой Горы в давно желанную ему Палестину поклониться святыням Иерусалима и всей Святой Земли. Спутником отцу Аниките стал его духовник, старец Арсений, промыслительно изведенный вместе с князем-монахом со Святой Горы на время, в которое братия Пантелеимонова монастыря должна была пройти горнило испытания на крепость веры и решимость греков и русских жить вместе, претерпевая разности национального характера ради общности в любви Христовой. Братия Руссика подобный экзамен в тот раз не выдержала.

Первопричиной было то, что загоревшийся идеей восстановления в Пантелеимоновом монастыре русского присутствия отец Аникита поторопился собрать для поселения туда общину из русских келлиотов самого разного уровня духовной зрелости, привыкших к самостоятельной свободной жизни в келлиях и не способных сразу вписаться в строгие рамки киновиального устава общежительного монастыря. Очевидно, что в торопливости мероприятия отец Аникита не каждого из кандидатов на переселение в приморский Руссик представил старцу Арсению для благословения на такой важный шаг.

Да и для греков, возжелавших исправить материальное положение обители за счет притока русских иноков, а вместе с ними и благодетелей из щедрой на благодеяния России, нужен был опыт, чтобы оценить – способны ли они «друг друга немощи носить», или скудость духовных сил братии соответствовала скудости материальных средств монастыря.

Непостижим путь Промысла Божественного, но то, что первый опыт возвращения русских в Русский монастырь был связан с вскрытием немощей обеих наций, впоследствии дало возможность, с учетом прежних ошибок, выстраивать взаимоотношения разнонациональной братии на более мудрой и крепкой основе.

Пока отец Аникита со своим отцом духовным старцем Арсением молились у Гроба Господня, в храмах Вифлеема, на

Елеоне и прочих святых местах Святой Земли, оставленная в Пантелеимоновом монастыре русская братия, не в силах встроиться в строгий порядок киновийного устава обители, вдобавок ощущая себя как бы хозяевами монастыря, даже по имени называемого Русским, стала вести себя вольно, не оказывая должного почтения и послушания греческим старшим братьям, заносчиво заявляя, что монастырь русский, что начальник у них русский князь и что они вообще всех греков из Пантелеимонова монастыря выгонят.

Конечно, грекам, как бы они бедны и унижены ни были нищенским состоянием монастыря, слышать такие речи от приглашенных ими в братское общежитие русских иноков было прискорбно, да и испуг: Россия – страна могучая, князь – человек богатый и влиятельный, – а ну как и вправду грекам придется оставлять обитель, с которой связана вся их монашеская жизнь? Братия пала в ноги отцам Герасиму и Венедикту, прося их удалить русских из обители: «Пусть лучше сухари будем есть с водою, но не расстраивать нашу монашескую жизнь! Не надо нам ни русских, ни их богатств!»

Как ни упрашивали их игумен Герасим, до конца остававшийся приверженцем совместной с русскими жизни в обители, и духовник старец Венедикт потерпеть, войти во внимание к немощам вчерашних келлиотов, стяжать терпением добродетель смирения, греческая братия была непреклонна – пусть русские уходят! К возвращению отца Аникиты на Святую Гору в Пантелеимонов монастырь кипение страстей достигло такой силы, что даже старец Венедикт стал колебаться под напором греческой братии.

Сколь великая скорбь после благодати Святой Земли сразила сердце впечатлительного князя-иеромонаха, когда он прибыл в Руссик из паломничества, надеясь увидеть русско-греческое братство, совершенствующееся во взаимной любви, и узрел горестное нестроение и разделение в духе – нам это ныне представить невозможно. Что испытал он, когда к нему пришла делегация старших греческих монахов во главе со старцем Венедиктом и, со слезами прося прощения, стала умолять

смирненного отца Аникиту увести русских из монастыря, – понять дано не многим.

Но князь-монах, исполненный благодатного смирения, впитавшегося в душу вместе с благодатью Святой Земли, принял этот удар со всем духовным мужеством воина Христова, сам пал в ноги к пришедшим и с плачем испросил у греков прощения за все обиды и скорби, принесенные им неразумием русской братии.

Затем он вывел русских иноков из Пантелеимоновой обители и сам удалился в скит Пророка Божия Илии, взяв с собою лишь привезенную из России икону святителя Митрофана Воронежского и оставив грекам, помимо денежных средств, все богослужебные книги на церковнославянском языке, облачения и утварь, которые он принес при входе русских в монастырь, несмотря на то, что греки хотели вернуть принесенное.

«Оставьте это у себя! – пророчески предрек отец Аникита. – Когда русские вновь вернутся к вам, им все это пригодится!» Что вскоре и сбылось.

Сам отец Аникита провел недолгое время в Ильинском скиту и уже в начале августа вынужден был, подчиняясь распоряжению священноначалия, выехать со Святой Горы в Афины, чтобы принять назначение на должность настоятеля русской посольской церкви. И хотя самым горячим желанием князя-монаха было окончить свои дни в безмолвии на любимом им Афоне, но, будучи истинным делателем послушания, он не смог противоречить священноначалию и со смирением принял под свое руководство приход в большом и шумном городе. За то краткое время, что отец Аникита служил в Афинах, своей праведной жизнью, своим молитвенным богослужением, своей отзывчивостью и пастырской мудростью он стяжал большую любовь своей паствы.

Однако в Афинах его давняя болезнь усилилась; отец Аникита подал прошение на увольнение его с должности на покой, Священный Синод исполнил его просьбу, но... живым князь-подвижник уже не увидел Святой Горы – он слег в постель и вскоре мирно предал свою душу Господу. Согласно завещанию отца Аникиты, спустя три года его мощи были

отвезены на Афон и положены в любимом им Ильинском скиту в храме святителя Митрофана, где и доныне почивают.

Он был первым, кто после 120 лет отсутствия русских монахов в Русской обители предпринял шаг для возвращения их под сень Святого Пантелеимона, и имя его в истории русского Афона всегда будет поминаться с любовью и благодарностью.

Глава 10. Возвращение русских

После исхода русских из приморского Руссика для оставшейся греческой братии настали совсем лихие времена: безденежье, долги, пограничные тяжбы с Ксенофонтом, отсутствие какой-либо надежды на земные пути выхода из бедственного состояния – все это угнетало братию, особенно игумена Герасима, старца Венедикта и схиархимандрита Прокопия, чувствовавших личную ответственность и вину за несостоявшееся общежитие с русскими. Старцу Венедикту, бывшему уже совсем в преклонных годах, было открыто сверхъестественным образом, что он не увидит смерти, доколе в монастырь Пантелеимона не вернутся русские монахи, которым суждено и отпевать его.

В то время из Ильинского скита вследствие спровоцированных интригами неких братий разногласий между великороссами и малороссами ушел с частью великоросской братии иеросхимонах Павел, проводший в этом скиту 35 лет и оставивший свою игуменскую должность интриговавшему ради стяжания ее малороссийскому иеромонаху Акакию (который, впрочем, через полгода, расточив много скитского имения, с позором звания игуменского лишился).

И тем не менее, хотя отец Павел и претерпел бесчестие и клевету, тяжесть изгнания из любимого места молитвы, но никогда и сам не выразил ропота или осуждения гонителей, и никому из братий, вышедших с ним, не разрешал дурного слова молвить о малороссах, говоря: «Сии малороссы – великие нам благодетели, они ходатайствуют о том, чтобы мы вошли в жизнь вечную». Такое настроение духа поддерживал в нем и духовник всех русских на Афонской горе старец Арсений.

Вскоре Господь утешил отца Павла с братией – к нему пришли из Пантелеимонова монастыря посланные просить его от лица игумена Герасима и от лица старца Венедикта перейти на постоянное жительство в Руссик. Вместе они направились в пустыню к духовнику отцу Арсению. Когда дошли до его келлии, то греки, поклонившись старцу в ноги, стали просить

благословения на возвращение русских в Руссик. Старец Арсений, исполненный радости, сказал: «Бог их благословит, и я благословляю». Отец же Павел заплакал и, пав тогда перед ним на землю, взмолился: «Отче святой, чтобы не случилось со мной, как с князем». Духовник же его успокоил: «Не бойся, отец Павел, но иди с Богом. Ты там и помрешь. Твои кости вечно будут фундаментом для русских в русском монастыре». Так и случилось.

21 ноября 1839 года отец Павел по благословению духовника Арсения вошел в древнее русское наследие – Русский монастырь Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона и освятил храм во имя святителя Митрофана Воронежского чудотворца, обещанный еще иеромонаху Аниките. Началась новая страница в истории русского монашества на Афоне.

Встречал русских сам старец Венедикт, пришедший в монастырскую гостиницу, куда их привели для торжественной встречи, и положивший со слезами три земных поклона отцу Павлу с братией. Восстав с земли, старец умиленно произнес молитву Симеона Богоприимца «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко...» и, обняв отца Павла, сказал: «Ныне возвеселилось сердце мое и возрадовался дух мой, что держу сегодня в объятиях своих русских. Ныне обнимаю потерянное сокровище. Ныне пришла вновь изгнанная моя овца, блуждавшая по горам и по лесам и не имевшая себе ни ограды, ни пристанища, где главы приклонить. Ныне она вновь возвратилась в свою прежнюю ограду. Ныне я держу ее в своих объятиях, и уже более ее не изгоню, и не отпущу от себя. Ныне я очистил свою совесть, которая всегда меня обличала и беспокоила за изгнание русских».

Выпустив из рук отца Павла, усаживая гостей, он говорил: «Садитесь, мои дорогие гости. Садитесь, мои честные отцы. Садитесь, мои возлюбленные чада. Садитесь, изгнанные овцы, вновь возвращенные в свою ограду. Садитесь, обретенное сокровище. Садитесь, чистота моей совести. Садитесь, радость моя неизреченная. Садитесь, многовожделенные мои братья.

Веселитесь и радуйтесь и торжествуйте с нами вместе!» Когда же он это говорил, греки все стояли и плакали.

Отец Венедикт обратился и к ним: «Радуйтесь со мной, чада мои, радуйтесь! Днесь обновися, яко орля, юность моя. Сегодня стошестилетние мои косточки помолодели.

Сегодня мои слепые глаза прозрели, так как вновь видят они русских в нашей обители.

Сегодня плачет лишь один враг – дьявол, посмеявшийся над моей старостью и подтолкнувший меня к изгнанию русских. Я же, как человек, послушал его и впал в великое искушение. При последних годах моей жизни возмутил свою совесть и погубил многолетние свои труды и подвиги, отяготив свое сердце. Три года лежал на моем сердце этот тяжкий камень, и никогда не мог я успокоить свою совесть и душу. О том пролил много слез и просил Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Деву Богородицу Марию: «Да возвратят русских обратно в нашу обитель!»

И услышал Господь молитву мою, и известил меня, что будут отпевать и погребать меня русские. И вот дождался я этого дня. Вот день, который обещал мне Господь, порадуемся и возвеселимся о нем. Вот теперь послушайте, братья мои: я изгнал русских, но я опять их обратно пригласил и ввел в эту обитель, я, ваш старец и наставник Венедикт. Я принял русских и отхожу от вас в вечность. Я оставляю русских после себя здесь наследниками на вечные времена. И вы всегда живите с русскими в любви и единомыслии и друг друга тяготы носите.

Я всех вас оставляю и поручаю этому блаженному старцу, вашему игумену и моему ученику отцу Герасиму. И воистину он блажен и триблажен! Все мы колебались, встали против русских, только он один стоял за русских. Но я не послушал его! А он единственный смог предвидеть для нас в том душевный и телесный вред. И теперь, слава Богу, я сам принял русских. Теперь я не гонитель им, а покровитель и защитник».

Сказав эти слова, он со всеми простился, пожелал всем мира и любви и пошел с помощью поддерживающих его под руки братьев в свою келью. Более он из нее никуда не выходил. После принятия русских в монастырь отец Венедикт прожил

только сорок дней и 11 декабря 1839 года в возрасте 106 лет преставился.

Сам же отец Павел прожил в Русском монастыре всего восемь месяцев и десять дней, удивляя всех греков своим смирением, терпением и послушанием, своим благочестивым житием являя во всем пример своим ученикам. Потом он заболел и, достойно приготовившись, перешел из жизни временной в Вечную, мирно предав свою душу Господу в молитве. Господь готовил новому пантелеимоновскому русскому братству и нового духовного руководителя.

Игумен Герасим призвал свою русскую братию, благословив, чтобы они избрали себе пастыря из тех, кого они знают, кто опытен в духовной жизни и мог бы ими управлять. Братия же, посоветовавшись между собой и рассудив, сказали следующее: «Отче святой, хотя и много во Святой Горе русских, но нет такого человека, который бы мог вместить общежительные наши уставы и править церковью и братией. Только одного находим способным к этому – духовника Арсения, который все может вместить и всем управить. Да еще есть ученик его, монах Иоанникий, который также может управить церковью и братией, только не знаем, вместит ли он общежитие наше, ибо имеет свою келлию и учеников».

Тогда отец игумен велел им собирать посольство и идти к духовнику старцу Арсению, для того чтобы просить его жить в русской обители и принять на себя заботы о духовном окормлении русской братии. Они посоветовались между собой и, будучи уверены в отказе старца Арсения, решили зайти прежде к отцу Иоанникию, чтобы предварительно узнать, будет ли он согласен прийти в монастырь и жить там. Тот отказался наотрез, во-первых, не желая принимать сана священнического, неизбежного при занятии духовнической должности, а также ссылаясь на слабость здоровья, по причине которого ему трудно будет жить в строгом общежитии.

Указывал он им в ответе и на любовь свою к безмолвию, которое в большом общежительном монастыре иметь будет невозможно. Пантелеимоновские братья, услышав его ответ, опечалились и пошли тогда уже к самому старцу Арсению,

чтобы со слезами умолять его о переселении в монастырь, дабы не оставить сиротствующую братию без пастыря.

«Меня и не просите, и ниже поминайте, – отвечал им духовник, – а изберите другого, кого знаете». Они же с плачем говорили: «Отче святой, из всех, кого знаем на Святой Горе Афонской, мы избрали только вас двоих. Или вы к нам идите, или благословите ученика своего отца Иоанникия». Старец Арсений подумал и ответил: «Это великого стоит: отца Иоанникия с учениками потревожить. Они живут спокойно, в безмолвии и мире. Имеют свою келлию. И всякого заведения у них много... Разве если будет воля Божия... Ваш монастырь общежительный и к Богу близок, пусть эту неделю все братья постятся и молят Бога и Божию Матерь, а потом придите ко мне. Ежели будет воля Божия, тогда я объявлю вам об этом и пошлю его, хотя бы он и не хотел».

С великой радостью пошли послы в монастырь и возвестили все игумену, который заповедал всей братии поститься седмицу и готовиться ко святому причащению, да молить Бога и Божию Матерь, чтобы послали человека, могущего духовно все управить на пользу обители. В продолжение седмицы было отслужено три всенощных бдения – Господу Богу, Божией Матери и святому великомученику Пантелеимону с прошением указать богоизбранного и достойного человека.

В продолжение означенного срока и сам отец Арсений усердно молился и вознамерился совершить три всенощных бдения, чтобы узнать Божию волю. Но уже после второго Господь явил ему в откровении Свою благую волю о Пантелеимоновом монастыре.

По исполнении всего заповеданного вновь пошли братья Русского монастыря к великому старцу Арсению. Он же с радостью их принял и торжественно возвестил:

«Радуйтесь! Есть воля Божия отцу Иоанникию быть в Русском монастыре! Ступайте в монастырь и скажите игумену, чтобы выслал старшую братию на Карею сделать уговор». С этим и возвратились обрадованные русские отцы в свою обитель и пересказали все игумену. Игумен же Герасим с

братией сразу же отслужили благодарственный молебен, после чего отправили великое посольство в протат в Карею и к отцу Иоанникию – просить и молить его: да будет русской братии руководителем, духовником и пастырем, а отцу игумену Герасиму духовным помощником.

Духовник Иероним. 60-е годы XIX века Сам монах Иоанникий ничего не ведал о происходящем. После того как он отслужил со своими двумя учениками утреню и все разошлись по своим кельям на молитву с рукоделием, как вдруг принесли ему записку от отца Арсения, чтобы он с малой братией своей тотчас явился к нему. Когда же они пришли, то повелел старец всем взойти в церковь и, надев на себя епитрахиль, начал говорить: «Отец Иоанникий! Господь тебя благословляет: иди на общежитие в русский монастырь со своими учениками, ибо там хочет Бог нечто сотворить».

Все трое заплакали, а отец Иоанникий пал на колени пред старцем: «Отче святой, – говорил он, – тебе известно о моем слабом здоровье. Известно и то, что пришел я на Святую Гору, чтобы избежать хиротонии и не начальствовать, но в пустыне и безмолвии проводить жизнь свою, достигнув того, ради чего оставил мир, т. е. – победить страсти и соединиться с Богом». Духовник же отвечал ему: «Всякая вещь добра в свое время: добро бегать хиротонии, добро и принять во славу Божию. Насколько является злом искать хиротонии, настолько же является злом противиться воле Божией. А что ты слаб здоровьем, то Господь знает лучше тебя. В Его руках состоит весь живот наш. Если Он тебя избрал, то Он же тебе подаст и здравие. А на то, что ты говоришь о желании в пустыне победить страсти и достигнуть соединения с Богом, отвечу: достигают победы и в пустыне, если будут по воле Божией жить, и в общем житии. При общем житии этого даже можно достигнуть скорее, потому что пустыня только усыпляет, а общежитие до конца умерщвляет страсти и погребает их в смирении, послушании и отсечении собственной воли.

А когда умирают в нас страсти, тогда обретаем душевное спокойствие и соединяемся с Богом. И нигде невозможно найти настоящей монашеской жизни, кроме общежития. И еще: ты

хочешь спасти только двоих, а ты иди спасай двадцать, а со временем – пятьдесят. Ты должен о всем иметь попечение. Тебе подобает устроить русскую обитель, и тобою она прославится. Больше воле Божией не противься. Теперь иди в Карею, переговоры, о чем необходимо, с греками и перебирайтесь в монастырь. Господь вас благословит». Старец благословил своего любимого ученика и добавил, смягчив строгую речь свою: «Иди, чадо, с Богом, имать там нечто дивное быти».

Когда отец Иоанникий с учениками вернулся в келлию, в тот же час пришли к ним братия из русского монастыря и позвали их в Карею, где уже ожидало их великое посольство от Пантелеимонова монастыря со всей старшей братией. Увидев своего Богом данного старца, все пали ему в ноги и от имени игумена, господина и отца Герасима со всей во Христе братией просили отца Иоанникия изволить перейти на жительство в их монастырь и принять на любых условиях должность духовника русской братии. Не теряя еще надежды на будущее свое уединение, отец Иоанникий сказал отцам о своем желании со временем получить благословение на безмолвие.

Старцы это обещали, сказав ему так: «Ты собери братию русскую, благоустрой ее, а по временам можешь удаляться на безмолвие». Согласившись со всеми его пожеланиями и устроив все, посольство предложило отцу Иоанникию с учениками проехать на монастырских мулах в самую обитель для свидания с отцом игуменом и всей братией, которая уже ожидала их и чаяла увидеть.

И вот 6 октября 1840 года, на исходе дня, перед вечерней учиненный брат, специально поставленный ожидать на башне, пристально всматриваясь на дорогу, спускающуюся с холма из-за водного потока, увидел, наконец, как показалась долгожданная процессия. В радости, как было условлено, ударил он в колокол, и вся братия, греки и русские, взяв в руки свечи и хоругви, собралась ко святым вратам обители. Священники и диаконы облачились в ризы, служащий иеромонах вынес большое напрестольное Евангелие, а иеродиакон – кадило.

В вечерней тишине среди пения птиц слышно было, как побрякивали бубенцы на мулах медленно приближающейся процессии. Когда же отец Иоанникий со своими учениками подошли совсем близко и стали видны братии, все умилились сердцем, вспомнив Того, Кто некогда входил во Святый Град Иерусалим, сидя на жребяти ослином. *«Радуйся и веселися, граде Сионь! Се бо Царь твой грядет к тебе кроткий и спасаяй, сядяй на жребяти осли!»* (ср.: [Ин.12:15](#))

Безусловно, для подвижника в смирении отца Иоанникия такая торжественная встреча была сильным искушением его кроткого духа, но... Вместе с благословением Божиим через старца Арсения на новое – общественное – служение он вынужден был научиться принимать как спасительные обстоятельства собственного спасения и ответственность за души множества иноков, и многие скорби, происходящие от этой ответственности, и почести, за все благодаря Бога! И отец Иоанникий со смирением принял оказанные почести, вероятно, вспомнив Того, Кто после подобных почестей вознесен был на Крест ради спасения распинавших Его тогда и распинающих доныне своими грехами немощных человеков. Новый духовник Русского монастыря понимал, что его Крест впереди, и он шел навстречу своему Кресту, исполняя извечную монашескую заповедь: «Дай кровь, и приими Дух!»

20 октября 1840 года отец Иоанникий прибыл с учениками в Руссик, где поселили их в старом северном корпусе, возле параклиса великомученика Димитрия, где и прожил старец до конца дней своих. 18 ноября отец Иоанникий был посвящен во иеродиакона, а 21 ноября, на самое Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии – во иеромонаха и получил благословение архиерея на духовническое служение. В новом 1841 году, на первой неделе Великого поста отец Иоанникий был пострижен в великий ангельский образ с именем Иероним.

Глава 11. Начало духовничества

Духовничество! Дивный Божий дар для послушника и тяжкий терзающий Крест для духовника – для истинного послушника и для истинного духовника. Преподобный Силуан Афонский говорил: «За людей молиться – кровь проливать!» А тут не только молиться, но нести всю ответственность за спасение души вверенного тебе Господом чада! В Евангелии есть чудный пример послушания:

«Отвеща́в же Пётр рече́: Го́споди, а́ще Ты еси, повели́ ми прии́ти к Тебе́ по вода́м. Он же рече́: прииди. И изле́з из кора́бля Пётр, хождáше по вода́м, прии́ти ко Иису́сови: видя́ же ветр крёпок, убо́я ся, и начён утопа́ти, возопи́, глаго́ля: Го́споди, спаси́ мя. И а́бие Иису́с простёр ру́ку, ят егó и глаго́ла ему́: малове́ре, почто́ усумне́лся еси́?» (Мф.14:28).

Сам Христос реальным примером из жизни своих учеников показал им и нам, в чем состоит суть истинного христианского послушания – в абсолютном доверии ученика Учителю! Есть это святое доверие – идешь к Учителю по воде, усомнился – начинаешь тонуть, потеряв ту Божественную поддерживающую силу, которая дается Богом за искреннюю и несомненную Веру.

Это основа духовничества. Без нее послушание превращается в лицемерный фарс, где один изображает преданное доверие при формальном внешнем исполнении указаний духовного начальника, а другой, облеченный духовнической властью, делает вид, что верит в искренность сыновней любви своего послушника, и так же формально дает ему прописные советы, не приносящие послушнику никакой реальной пользы. Святитель Игнатий Брянчанинов называл подобное «духовничество» – душепагубным актерством.

Только пастырь, понимающий, что он прикован цепью Христовой Любви к своему духовному чаду и что они оба вместе, скованные этой цепью, плывут среди волн и акул бурного житейского моря к спасительному берегу – один сильный и опытный пловец, другой слабенький, неумелый – и что доплыть до берега или утонуть они могут лишь вместе, –

только духовник, добровольно-осознанно принявший эти условия своего служения, способен стать вместилищем благодати Духа Святого, которая и будет действующей силой, способной удержать на плаву и привести в бухту спасения обоих.

Именно потому многие честные и разумные священники, трезво оценивающие свои силы, отказывают просящимся к ним в духовные чада, говоря: «Нет, нет! Мне это не по силам! Спрашивайте, что вас интересует – что знаю, подскажу, – но уж решения, как поступать, вы принимайте сами! Я духовных чад на себя брать не дерзаю!» Духовник Иероним. 60-е годы XIX века.

Церковь с древнейших времен, осознавая значимость института духовничества как для монахов, так и для мирян, установила правила, согласно которым духовническое служение – даже только право принимать исповедь и назначать епитимию – доверяется не каждому рукоположенному священнику, а только немолодым, опытным и засвидетельствованным благочестием собственной жизни пастырям! И беда, когда вчерашний семинарист, едва выйдя из-под рукоположившего святительского омофора и назначенный в связи с нехваткой священников настоятелем на какой-либо приход, начинает «вязать и решить» судьбы прихожан как полномостный хозяин, размахивая, словно дубиной, им самим не понимаемым как следует поучением – «послушание паче поста и молитвы».

Отец Иоанникий, пришедший на Афон тридцатилетним, духовно зрелым мужем, пройдя за четыре года своей монашеской жизни в келлии «ускоренный курс» послушания своему старцу Арсению и духовного руководства своей малой келейной братией, благодаря Богом данным способностям и личному аскетическому подвигу самоотвержения ради Христа к моменту призвания его на духовничество в Пантелеимонов монастырь был уже духом и опытом готов принять это великое служение. Но и он, осознавая, пусть и не до конца, всю глыбу забот и скорбей, которая предстояла ему на пути этого нового послушания Богу, не смог не возопить: *«Авва Отче, вся възможна Тебе: мѣмо несѣ от Мене чашу сию: но не еже Аз*

хощу́, но е́же Ты» (Мк.14:36). При этом, получив изъявление воли Божьей через свое го благодатного Старца, со смирением подставил шею под «благое иго Христово» и, «взявшись за плуг», уже никогда не «оборачивался назад».

Восприняв духовничество в Пантелеимоновом монастыре как неминуемый путь собственного спасения, он окончательно отринул себя и всякое собственное желание, кроме желания спасения, и принес себя в «жертву закланную», ежедневно распинаясь ради спасения каждой приведенной Богом в его духовнические руки души человеческой.

Два эпизода, случившиеся в жизни отца Иоанникия, стали как бы неким предзнаменованием его последующих духовнических трудов. Первый произошел еще в келлии, когда будущий старец в тишине и мире душевном вкушал безмолвной уединенной отшельнической жизни, подвизаясь с малой своей братией. Отец Иоанникий сам за богослужением много пел и читал, но однажды ночью, встав для совершения утрени, без всякой на то причины внезапно лишился зрения настолько, что не мог уже ничего читать по книгам, разве только то, что знал наизусть. Ученики очень опечалились, да и сам он тоже сильно скорбел.

Продолжилось это несколько дней. И вот как-то после повечерия он вышел в окружающий келлию лес и провел там всю ночь, а возвратившись к утрени, по-прежнему читал в церкви с большой быстротой и радостью. Ученики удивились, стали вопрошать своего старца о внезапной перемене зрения. «Когда я ночью в лесу усердно молился, – отвечал на их вопросы отец Иоанникий, – то вдруг увидел явившуюся мне в небесном сиянии Владычицу. В благоговейном страхе и трепете я поклонился Ей до земли и услышал от Нея следующие слова: «Молитвы твои и обещания Господу и Мне приняты, но смотри же, старайся исполнить их во всей точности, а Я исцеляю твоё зрение, и до самой кончины твоей будешь читать без помощи!» – и затем Она стала невидима». Что впоследствии и исполнилось.

Второй памятный эпизод произошел уже по вступлении отца Иоанникия в должность духовника Пантелеимонова монастыря,

после принятия им священнического сана и пострижения в схиму.

7 ноября 1841 года в Архангельской келлии открыли, по афонскому обычаю, останки почившего за три года до этого схимонаха Никодима, детского друга и единомышленника Иоанна Соломенцева, с которым они вместе пришли на Афон. Кости оказались желтыми и благоуханными – знак высшей степени праведности почившего подвижника. При открытии его мощей присутствовали старец Арсений и отец Иоанникий с другими русскими иноками. Кости отца Никодима омыли вином, сложили в корзину и, по обычаю, внесли в церковь на всенощное бдение.

Во время всенощного бдения благоухание от костей так усилилось, что заглушило собой запах церковного фимиама и ощущалось даже в святом алтаре церкви священнослужителями. Когда отец Иоанникий подошел с горящей свечой в руке к честным мощам монаха Никодима, лежавшим в корзине посреди храма, то увидел, что из ушных отверстий черепа истекали две струи благоуханного мира, которое своим неземным ароматом заполняло всю церковь. Отец Иоанникий обратился к молящимся: Приидите, отцы и братие, посмотрите сию дивную вещь и прославьте Господа, творящего чудеса!»

И когда все собрались вокруг мироточивых останков праведника и благодарили Господа за столь чудесное знамение, отец Иоанникий произнес к собравшимся краткое слово: «Вот, отцы святые, из сухой кости проистекло миро, и притом не из какого другого места, а из ушей, и это потому, что уши сии не имели сытости в слушании слова Божия и всякого душеспасительного писания. В Бозе почивший отец Никодим был чтец и певец и так любил слушать Священное Писание, что день и ночь готов был его слушать без утомления.

Это мне хорошо известно, ибо мы из одного города уроженцы и от юности были братьями и друзьями о Господе. Мы оба вместе оставили суетный мир с его прелестями, несколько лет странствовали, вместе пришли на Святую Афонскую Гору и хотели здесь вместе, в одной келлии, и жить, но ученики нас

разлучили. Часто случалось, что по целым ночам читал я ему, а он прилежно слушал Слово Божие и говорил: «Столько люблю я слушать Божественное Писание, что, если бы кто читал непрестанно, никогда бы не соскучился слушать».

Теперь Господь явно показал нам, сколь полезно нам слушать Божественное Писание. Эти сухие кости, три года лежавшие в земле, источают благоуханное миро, и это потому, что отец Никодим был не только слушатель, но и творец слышанного в Писании, за что вот теперь и сподобился столь явного знамения над ним милости Божьей. И мы, ежели будем подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Священное Писание и исполнять его делом, сподобимся с ним вечного блаженства».

Эти два знака свыше – чудесное исцеление зрения явившейся отцу Иоанникию Божьей Матерью и свидетельство благодатным мироточением от мощей усопшего друга о спасительной силе Божьего Слова – утвердили будущего старца в непреложном уповании на содействующую каждому исполнителю евангельских заповедей благодатную Силу Божью. И укрепили в осознании того, что духовническое служение Русскому Афону не есть им самим совершаемое действие, но есть действие спасительного Промысла Божьего, совершаемое Самим Господом через отвергшегося себя и предавшего собственные ум, душу и тело в орудия Господу духовника. И что только такой путь духовничества ему надлежит избрать себе как руководство к действию.

А для того, чтобы стать хорошим духовником, надо сперва стать хорошим послушником! Не приобретя опыт отсечения своей воли и абсолютного доверения своей души в руки данного тебе Богом старца – не стяжаешь благодати Духа Святого, которая одна только может принести истинному послушнику и непрестанную молитву, и дар духовного рассуждения, и способность поделиться своим духовным сокровищем с теми, кто доверит себя уже в твои руки. Старец Иероним был хорошим послушником.

Какова была первая встреча великого старца всех русских афонитов Арсения и будущего его ученика – нам неизвестно.

Известно только, что она состоялась вскоре по прибытии Иоанна Соломенцева на Афон и что Иоанн стал верным послушником старца Арсения, старавшимся с совершенной точностью исполнять волю своего наставника, которую он воспринимал как волю Божию. Этот афонский новобранец имел безграничную веру к словам своего старца, отдав в его руки всю свою душу, со всеми ее ранами и недугами. Он поверг ему в ноги всю свою волю и земное мудрование, отрекаясь от них и отдавая их на поправление.словно распятый на кресте, представлял он себя в присутствии духовного отца своего и, принимая из уст его врачевство – порицания и укоризны за тот или иной проступок или помысел, если таковое случалось, – был безропотен и безгласен, в подражание Подвигоположнику Христу, в молчании претерпевшему поношения и заплевания.

После совершения пострига и окончания Божественной литургии, на которой новопостриженный монах Иоанникий был причастником Святых Христовых Таин, отец Арсений дал ему свое отеческое наставление, как проводить жизнь в иноческом чине. Он строго заповедовал: «Без моей воли ничтоже твори, пока я жив буду». Затем говорил пространно и умирительно о послушании, об исключительном значении его в жизни монашеской, о том, каковую силу имеет оно и каких даров сподобляет.

Говорил о том, как нужно побеждать страсти, отсекай свою волю, открывать помыслы своему отцу и пастырю, как учиться любить Господа Бога всем сердцем и помышлением, каким подвигом любовь эта приобретается и за какие грехи ее можно потерять. Говорил и о том, как хранить ум свой в непрестанной молитве, как претерпевать мужественно все находящие скорби и искушения, принимая их с благодарением, и как противостоять самому страшному врагу монаха – унынию.

Прозорливый старец Арсений, видя духовные дарования отца Иоанникия и ведая высокое назначение, отведенное ему Промыслом Божиим, поначалу благословил его на некоторое время на безмолвное житие, для того чтобы новопостриженный отец Иоанникий смог успокоить свою душу, умиротвориться, сосредоточиться и насладиться безмолвием, к которому он так

стремился всю жизнь и которое вскоре должно было быть отнято от него ради духовнического служения многим братьям-инокам.

Истомившаяся духовной жаждой душа монаха Иоанникия погрузилась в такую углубленную, нерассеянную молитву, которую может дать только поистине безмолвное житие. Опыт сердечного обращения к Спасителю, обретенный им еще во время брани духовной посреди мира, стал для него здесь, в афонской пустыне, хлебом насущным, который он с алчностью и жаждой вкушал день и ночь, и по неложному обетованию Господню был насыщаем благодатью, укрепляем неведомыми нам утешениями и посещениями.

За совершенное послушание, безграничное доверие духовнику и исключительное самоотвержение монах Иоанникий пользовался особым взаимным доверием и любовью старца Арсения. Видя в нем сосуд избранный, испытанный и закаленный, чистый и вполне способный вместить высокое духовное научение, отец Арсений сделал его своим сотаинником в умном делании и руководил им в прохождении обучения молитве Иисусовой.

Получая великую пользу от своего старца, монах Иоанникий, преданный и верный его ученик, не считал нужным искать себе других советников, наставников и руководителей. От любых собеседований с другими монахами он всячески уклонялся, был всегда настолько самоуглублен, внимателен и благоговееен, что вскоре всем знающим его стало заметно его духовное преуспеяние, и о нем заговорили как об особом ученике духовника Арсения.

А вскоре отец Арсений благословил его и самому принять к себе учеников. Отец Иоанникий стал им за старца, а отец Арсений – общим руководителем и духовником, как и всем прочим русским инокам Святой Горы. Сделал это отец Арсений с великим разумением и мудрым расчетом, устраивая таким образом для отца Иоанникия как переход от пустынножительства к общежитию, так и от послушничества к наставничеству. Но даже после того как отец Иоанникий за послушание старцу Арсению принял на себя старческие

обязанности, в душе своей он все равно остался смиренным учеником своего духовного наставника до самой его блаженной кончины.

Со своими учениками-послушниками старец Иоанникий был кроток и снисходителен. Все немощи их сносил и терпел великодушно, не допуская даже тени недовольства или осуждения закрадываться в сердце по отношению к ним. Свои указания и наставления ученикам соразмерял с их способностью воспринять и реализовать практически те советы или наставления, которые он им преподавал, боясь уподобиться фарисеям, возлагавшим на людей «бремена неудобноносимые», и за то быть обличаемым Самим Господом Иисусом Христом. Наставлял и благословлял послушников исполнять только то, что мог и умел исполнять сам, личным примером кротости, молитвы и любви к Богу и ближнему доставляя их душам большую пользу, чем ее можно доставить самым правильным и ученым словом.

В основу своих взаимоотношений с духовными чадами отец Иоанникий положил не модель взаимоотношений «начальника с подчиненными» или «господина со слугами», но исключительно ту модель взаимоотношений, которая осуществлялась между ним самим и его старцем Арсением и прочими духовными чадами этого великого русского афонского пастыря и наставника иночествующих – модель отношений любящего отца к любимым им и отвечающим ему взаимной искренней сыновней любовью духовным детям. Модель отношений Небесного Отца к любимому своему чаду – человеку. Что засвидетельствовано в Святом Евангелии словами самого Христа: *«...ча́да, ка́ко неудобь упова́ющим на бога́тство в ца́рствие Бо́жие внити!»* (Мк.10:24).

«Ча́дца, ещѣ с ва́ми ма́ло е́смь: взыщете Мене́, и я́коже ре́х Иудѣом, я́ко а́може А́з иду́, вы́ не мо́жете приити: и ва́м глаго́лю ны́ не. За́поведь но́вую даю́ ва́м, да любите дру́г дру́га: я́коже возлюбí х вы́, да и вы́ любите себе́: о се́м разуме́ют всú, я́ ко Моу́ ученицы́ естѣ, а́ще любовь́ имате между́ собо́ю» (Ин.13:33–35).

«Глаго́ла же им Иису́с: де́ти, еда́ что́ сне́ дно́ има́те? Отвеща́ша Ему́: ни́. Он же рече́ им: вве́рзите мре́жу о десну́ю страну́ кора́бля и обря́щете. Вверго́ша же, и ктому́ не можа́ху привле́щи ея́ от мно́жества ры́б» (Ин.21:5–6).

На просьбу учеников научить их правильно молиться Христос сказал им:

«Молитесь же так: *«Си́це у́бо моли́ тесе́ вы́: Оче́ на́ш, и́ же еси́ на небесе́х, да святи́ тсе́я́ имя́ Твое́: да прии́дет ца́рствие Твое́...»* (Мф.6:9) – первым же словом единственной молитвы, которую Он Сам дал своим ученикам, было обращение к Отцу! Тем самым Он ясно засвидетельствовал, что отношение Бога к человекам есть отношение Отца к детям. И всякий, кто Промыслом Божиим поставлен быть духовным наставником вверенной ему пастве, должен не забывать о том, что он по благодати Божьей есть духовный Отец, а не «духовный господин», «духовный командир» или «духовный начальник»! Именно таким отцом был для монаха Иоанникия старец Арсений, как и для всех своих чад-афонитов; именно таким же духовным отцом всю свою дальнейшую жизнь старался быть и был им – старец Иероним.

Его духовничество начиналось в весьма сложных обстоятельствах: нищета и долги монастыря, настороженность греческой братии, еще помнящей запугивание их авторитетом князя-монаха Аникиты со стороны неразумных русских келиотов, пришедших на жительство в обитель в первый раз; необходимость устройства строгого общежития в среде бывших скитников и келиотов, привыкших к большой самостоятельности в решении бытовых вопросов.

Кроме того, нужно было налаживать стройное уставное богослужение в выделенном для русских храме, элементарно – кормить, поить и одевать собравшееся вкупе братство, и самое сложное – находить подход к каждой доверившейся ему монашеской душе, чтобы вести ее верным путем по ступеням духовного развития. Задачи перед новым русским старцем стояли на грани возможности их разрешения.

Но – *«невозмо́жная у челове́к возмо́жна су́ть у Бо́га»* (Лк.18:27). И отец Иоанникий, прекрасно это осознающий,

приняв от рук своего старца Арсения новое великое послушание, все свое упование возлагает на Господа и на Игумению Горы Афонской – Пречистую Владычицу Богородицу. Его внутренняя духовная жизнь, его молитва и духовная сосредоточенность возрастают на новую высоту, степень собственного покаяния усугубляется осознанием степени ответственности за вверенную ему паству, и без того строгое постничество и трезвение ума становятся еще более строгими.

К тому же он обретает и новое качество по благодати священства – по благословению старца-духовника Арсения 18 ноября 1840 года отец Иоанникий был рукоположен во иеродиакона митрополитом Адрианопольским Григорием, прибывшим на поклонение на Афон, а 21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, во иеромонаха, стал служить Божественную литургию на славянском языке и тогда же был официально назначен общим духовником Русского монастыря.

Священство! Сколь дивное и страшное служение! Сколь необъяснимое и опасное состояние духа! Сколь счастливо-блаженная и невообразимо страдательная жизнь!

Служение дивное и необъяснимое – что может быть удивительнее и необъяснимее того, что Бог доверил человеческому падшему и греховному существу не только быть сосудом и носителем Его Божественной благодатной силы, но и совершать действия, которые полномочен совершать лишь Он Сам. Доверить человеку делать «работу Бога»! Изменять сущность материального мира – пресуществлять хлеб и вино в Тело и Кровь Сына Божьего Иисуса Христа, освящать молитвой и священнодействиями воду, елей и ими весь окружающий мир! Нереально, но оно существует, и это – священство! Что может быть страшнее и опаснее для насквозь пораженного греховной скверной человека касаться своими руками (и не сгорать при этом!) величайшей от сотворения мира Святыни – лежащего на престоле Непорочного Агнца, закланного во спасение мира! Кажется, проще брать этими руками раскаленный металл и не обжечься. Это тоже – священство!

Что может быть возвышеннее и прекраснее того непередаваемого счастья, которое охватывает благоговейного пресвитера во время совершения им Божественной литургии! И сколь глубокий, всепроникающий ужас охватывает сознание согрешившего священника от понимания несопоставимости собственной скверны и святости собственного служения! Это тоже – священство... Сколь удивительные проявления Божественной Любви в благодатных утешениях, порой ниспосылаемых священнослужителю у Престола в Святом Алтаре Господом, для укрепления пастыря в вере и уповании на Единого Милующего! И сколь неожиданные и жестокие искушения от ненавистников добра – демонов, – алчно стремящихся ввергнуть иерея в какое-либо пагубное падение!

Самим священникам этого объяснять не нужно – опытно познают все вышесказанное о священстве; мирянам этого передать невозможно – райская сладость и смертная тяжесть священнического служения не передается словами, познание это дается лишь уже вставшим с колен после совершения над ними Таинства Рукоположения архиереем...

Особенно тяжело священное служение для подвижников-монахов. Монашество загоняет их в келью, в безмолвие, в молитвенное общение с Единым Богом, а священство выгоняет их из кельи к страждущим людям, нуждающимся в пастырском утешении и укреплении благодатью священнодействий. Нет разрешения этой неразрешимой задаче! А если священник еще и духовник и не принадлежит себе, но данной ему от Бога в окормление пастве, которая и днем и ночью атакует своих духовных наставников, справедливо ожидая от них того единственного, самого важного совета, который изменит их жизнь и обратит страдание в радость!

«Невозможное человекам – возможно Богу!» – вот девиз, опора и единственная надежда выжить любого разумного священнослужителя: «Ты Сам, Господи, твори мною волю Твою! И не дай погибнуть недостойнству моему!»

То, от чего бежал мудрый искатель безмолвной молитвы Иоанн-Иоанникий Соломенцев – священство – настигло его на Святой Горе! И он, молившийся об этом по подобию Господа –

«Áвва Óтче, вся возмо́жна Тебе: мѝмо неси́ от Менѝ ча́шу сию: но не е́же Áз хощѹ́, но е́же Ты» (Мк. 14:36), когда воля Божья была явлена ему через духовного отца, со смирением склонил свою уже начавшую покрываться сединой голову под возлагающие на него «благое иго» пресвитерства архиерейские длани. Началась новая форма его существования в богосотворенном мире.

Глава 12. Киновия

В новом 1841 году на первой неделе Великого поста отец Иоанникий был пострижен игуменом Герасимом в великий ангельский образ – схиму. Поистине пророческий дух отца Герасима точно подобрал ему новое имя в соответствии с тем значением, которое приобретет оно для всех будущих поколений русских иноков на Афоне.

Его постригли с именем Иероним, что означает – «священноименный». Таковым стало отныне имя этого великого старца, ставшее достоянием вечности, будучи написанным тростью Духа Святого на скрижалях сердец всех последующих поколений насельников Русского Свято-Пантелеимонова монастыря.

Первой задачей, которую поставил перед собою новый духовник русской братии Русского Пантелеимонова монастыря, было сохранение духа обители, ее традиций, заложенных еще приснопамятным игуменом Саввой и поддерживаемых его преемником, игуменом Герасимом с его ближайшими помощниками. Эти традиции монастырской жизни Руссика стояли на строгом общежитии, которое давало возможность игумену строить богослужебную, бытовую и духовную жизнь братии в соответствии с обычаями, сложившимися еще в древних восточных монастырях и зарекомендовавшими себя единственно правильными для духовно благополучной жизни братии. Тем более что рядом, во многих афонских монастырях был налицо пример развала и деградации монашеской жизни в братствах, перешедших с киновияльного на своевольный – идиоритмический образ жизни.

Сохранить киновияльный строй в монастыре, в который влилась иноплеменная братия, привыкшая более к независимому скитскому и келиотскому образу жизни, с другой национальной культурой, складом характеров, другим опытом аскетической практики, было делом не из простых. На счастье отца Герасима, новый русский духовник оказался приверженцем такой же строгой киновии и древних святоотеческих принципов

устроения монастырской жизни, полным единомышленником отца игумена, вдобавок хорошо владевшим греческим языком. Игумен Герасим обрел в отце Иерониме усердного и опытного помощника в управлении разноплеменной братией, для которого им обоим требовалось много умения, богомудрого рассуждения и благого терпения.

Для того чтобы полнее представить себе задачи, стоявшие перед игуменом Герасимом и старцем Иеронимом, необходимо полнее изъяснить – в чем состоит суть и смысл киновияльного устроения монашеской жизни, в частности, на Святой Горе. Для этого приведем здесь отрывок замечательного произведения иеросхимонаха Сергия Веснина «Письма Святогорца к своим друзьям о Святой горе Афонской», в котором он повествует об афонских киновияльных монастырях, в том числе и о Русском, находившемся в период описания под управлением игумена Герасима и старца Иеронима:

«Далее следуют киновии, или общежития; их на Святой Горе только восемь; зато, хоть их и менее, но им отдается значительное предпочтение пред прочими обителями, и самих штатных монастырей иноки отзываются о них с уважительным чувством. Впрочем, и киновии не одинаковы в своих правилах, касающихся до внешних распоряжений правления.

Некоторые из них, руководствуясь уставом апостольского общежития, имеют несколько избранных старцев, составляющих собор, которые действуют хотя и в духе единения, но не без примеси иногда человеческих расчетов, и каждый не без сознания собственного «я», почему этот род киновии, в виду более рассудительных и опытных людей, остается второстепенным.

Другие, к которым принадлежит и Русский монастырь, обрекая себя безусловно зависимости от одного только игумена, свято чтут его волю; он для них отец и глава, он и руководитель всех вообще, и каждого порознь, по разнообразию путей иноческого спасения. В братстве подобных киновий господствует патриархальная простота нравов, взаимность любви и доверчивости и райское безмятежие. Все там – как братия и нежные друзья, нет там разборчивости ни в роде, ни в

заслугах – напротив того, чем кто заслуженнее, чем кто строже следует законоположениям обители или по каким-нибудь человеческим условиям стоит выше других в виду киновии, тем тот скромнее и приветливее. Это истинно ангельское состояние!

В киновиях – самый верный, царский путь к Небу, и в них-то самый действительный ответ жизни апостольских времен и проявление духа чисто Христова. Слово игумена принимается здесь за изъявление Господней воли; что бы он ни сказал, что бы ни повелевал делать – хорошо ли, нехорошо ли – никогда истинные послушники не размышляют о плодах и следствиях начальнического слова, раз и навсегда дав обет Богу и игумену – творить их волю без условий и рассуждений; поэтому-то спасение души в киновии вернее и легче, чем в другом месте, зато и для плотского мудрования здесь чрезвычайно тяжело.

Чего стоит человеку подчинить свою волю другому и, имея полную свободу, стесняться в действиях и даже в самой мысли? Подобные послушники идут несбивчиво и твердо вослед Того, Который приходил в мир, не да творит волю Свою, но волю пославшего Его Отца...

Одежда и трапеза в киновиях – для всех одинаковы: нет никому отличия. А если бы кому это и сделал игумен, другие, смотря на то, обыкновенно приговаривают:

Так Бог положил на сердце геронте (игумену); его устами говорит Бог; его сердцем владеет Он же един, и в его действиях, словах и поступках – изъявление для нас воли Божией. Он наш отец, а мы дети, да будет воля геронты во всем!

Подобными успокоительными мыслями охраняется братство от всякого прекословия, ропота и приражений лукавого. Трогательно смотреть, в каком раболепном повиновении, в каком детском страхе и доверчивой любви остаются киновияты пред своим игуменом! Умилительно и весело видеть игумена, с неотлетающею от уст улыбкою любви и приветливости для последнего, для самого ничтожного из его великой, патриархальной семьи!

При каждой встрече с ним, кто бы то ни был, даже архимандриты, учителя и иеромонахи, все падают ему в ноги и

почтительно целуют его руку, без притязания со своей стороны на взаимность его лобзания их освященной же руки. В каждый день пред началом Литургии обязывается непременно служащий пойти в келлию геронты и взять благословение и испросить его старческих молитв на достойное и неосужденное предстояние престолу Божию.

Таким же точно образом поступают и в других случаях, требующих молитв старческих и благословения свыше. Искренно признаюсь, что я с особенным благоговением смотрел и смотрю на образ этой страдальческой жизни, в которой у каждого решительно отнята воля и всякое поползновение к своемуудрию.

В киновии в полном смысле – подвижники, великие подвижники, и единственно потому, что ради Бога и своего спасения предали свою волю как бы на крестное распятие, так что она в каждом не только смиренна или ограничена, но невозвратно отнята и выброшена за монастырь.

В киновиях истинный путь крестного самоотвержения, это голгофский путь, устланный тернием бесконечных ограничений своеволия и облитый кровью сердечного произволения – терпеть до последнего жизненного вздоха! Жизнь киновиятов и величайшие из отцов считали слишком высокою и не всеми выносимою. Святой Пимен Великий одному брату, желавшему поступить в киновию, сказал:

– Там ты и кувшином не можешь распоряжаться по своей воле!»

(Иеросхим. Сергей Веснин. Письма святогорца. 1844 г., Афонская Гора. Русский монастырь)

История возникновения киновияльной формы монашеской жизни восходит к четвертому веку, к преподобному Пахомию Великому, «общего жития начальнику». Именно он на развалинах поселка Тавенисси в Египте основал обитель, которая из отшельнического жилища превратилась сперва в большой общежительный монастырь, а затем и в большую семью общежительных монастырей, включающую в себя как мужские, так и находящийся на другом берегу Нила женский, возглавляемый родной сестрой преподобного Пахомия. В

период расцвета это созвездие монастырей, управляемых единым игуменом и духовным отцом Пахомием, получившим из рук Ангела Божьего общежительный Устав монашеской жизни, достигало количества семи тысяч монашествующих.

Опустив детали, касающиеся бытовых подробностей, приведем некоторые пункты этого Богоданного Устава, заложившие основные принципы монашеского общежития на все последующие века:

- 1) Позволяй каждому есть по потребности.
- 2) Назначай им труды, соразмерные с силами каждого.
- 3) Не возбраняй ни поститься, ни есть.
- 4) Труды тяжелые возлагай на тех, которые крепче силами и больше едят; а малые и легкие назначай слабым, которые не привыкли к подвижничеству.
- 6) Пища пусть предлагается для всех вместе.

15) К высшим подвигам, прежде трех лет испытания, не допускай новичка; только после трех лет, когда пройдет он тяжелые послушания, пусть вступит на это поприще.

16) За трапезою головы у всех должны быть покрыты кукулием, чтоб один брат не видал, как ест другой.

17) Не должно также разговаривать во время трапезы, ни смотреть по сторонам, и только на стол или в блюдо.

19) Ангел положил совершать монахам в продолжение каждого дня 12 молитв, также вечером 12, ночью 12 и три в 9-м часу. Когда же св. Пахомий сказал на это, что молитв мало, Ангел говорит ему: я положил столько для того, чтобы и слабые удобно, без отягощения, могли выполнять правило; совершенные же не имеют нужды в уставе; ибо, пребывая наедине в келии, они всю жизнь свою проводят в созерцании Бога. Устав дал я тем, у которых ум еще не зрел, чтобы они, хотя как непокорные рабы, по страху к господину выполняя общее правило жизни, достигали свободы духа.

В этих правилах очень ясно просматривается Заповедь Божия: (Мк.2:27) Устав и вся монастырская жизнь не есть самоценность, но лишь средство для достижения свободы духа и совершенства во Христе. Потому и отношение к пришедшим в монастырь заповедано для начальствующих по подобию

отношения мудрого садовника к нежным и хрупким растениям, требующим осторожности и заботы, бдительности и неустанности в процессе взращивания на них духовных плодов.

В житии Великого Пахомия подробно описано устроенное им общежитие: поручение новопришедших в обитель иноков опытным монахам для опеки и обучения азам монашеской жизни, обязательные регулярные наставления игумена братии как основа усвоения Заповедей Божьих и совершенствования в них, система послушаний и молитвенных правил – принципы, развитые впоследствии восточным и западным православным монашеством и дошедшие до наших дней в виде живой традиции монахов Святой Горы.

Эти традиции древнего общежития положил в основу обустройства им прибрежной Русской обители Святого Пантелеимона приснопамятный игумен Савва, их поддерживали и укрепляли его преемники старец Венедикт и игумен Герасим, эту духовную основу совместной жизни интернационального братства принял из их рук и новый русский духовник Иероним. Перед ним стояла задача постепенного деликатного встраивания малой русской братии в привычный для греческих монахов монастыря ритм богослужений, трапез, послушаний, взаимоотношений между братией и начальствующими и братий между собою. Новый русский духовник справился с этой задачей.

Чтобы лучше оценить плоды трудов отца Иеронима, а также для того, чтобы увидеть всю широту и достоинство этой великой личности, мы условно разграничим его деятельность на две основные сферы. Во-первых, старец Иероним был прежде всего собственно «духовником» – духовным руководителем братства, а во-вторых, выступал как «ктитор» – хозяйственник и администратор.

Оба этих вида его деятельности как будто лежат совершенно в разных плоскостях и требуют особых и совершенно различных навыков, способностей и талантов. Но в уникальной личности отца Иеронима мы находим сплетенными воедино все необходимые навыки и таланты, в его служении обители и хозяйственная, и духовная составляющие его

деятельности превратились в инструменты, служащие одной грандиозной цели – спасению душ вверенной ему Богом братии и возрождению русского монашества на Афоне.

Даже свои занятия по руководству хозяйственной деятельностью монастыря он смог использовать исключительно для достижения духовных целей. С Божией помощью, без ущерба для собственной внутренней духовной жизни и для окормляемого им братства он стал и прекрасным администратором, строителем, мудрым церковным дипломатом, и одновременно – великим молитвенником, строжайшим аскетом, делателем умной молитвы и глубоким, многоопытным духовником. Произошло это не сразу и не вдруг, а лишь после того, как он, преодолев столь свойственную каждому человеку самость, полностью пожертвовал собой и с максимально возможной самоотдачей посвятил себя делам обители и братии.

Христос призывает своих учеников быть способными пожертвовать ради спасения ближних не просто земной жизнью своего бренного тела, Он объявляет: *«бóлши сея любвѣ никто́же имать, да ктѣ дѹшу свою́ положит за дрѹги своя́»* (Ин.15:13). И здесь имеется в виду не только «душа живая» как часть трисоставного человеческого существа – «тело-душа-дух», – но самая сущность этой души – ее жизнь в Вечности, ее райское наслаждение от бытия с Богом и в Боге!

Церковь прославляет подвиг подвижников, оставлявших ради уединенного пребывания в богообщении свои семьи, обители, в которых они пользовались почитанием и славой от людей за свое благочестие, свое священническое или даже архиерейское служение, когда связанная с этим служением суeta мира сего разрушала внутреннее соединение души подвижника с Богом и лишала его того невыразимого счастья пребывания в Нем, которое могут оценить лишь вкусившие его.

Но сколь величайший подвиг являют собою те редкие, именуемые Великими личности, способные даже это несказанное Небесное счастье отдать ради спасения душ других людей, *«ибо Сы́и человекъ не прии́де, да послѹжат Емѹ́, но да послѹжит и да́ст дѹшу Свою́ избавлѣние за мно́ги»* (Мк.10:45). А Великий в Апостолах Павел выразил это состояние

жертвенной любви к ближним так: «...молил бы́х ся́бо са́м аз отлучён быти от Христа́ по бра́тии моёй, сродни́цах моих по плóти...» (Рим.9:3).

Господи! Пусть только я один погибну, а все спасутся!» – этот молитвенный крик братской любви не раз в истории христианства вырывался из уст святых Угодников Божиих. Вся жизнь старца Иеронима в Русском Пантелеимоновом монастыре свидетельствует об обретении именно такой жертвенной высоты духа. Ибо уже в начале пути, еще только услышав от своего старца Арсения извещение воли Божьей об оставлении им возлюбленного безмолвия и переходе в многолюдный монастырь в качестве братского духовника, когда его душа плакала от расставания с тем мирным благодатным состоянием духа, тем молитвенным богообщением в тишине ума и келлии, он со смирением, «якоже агнец непорочный ведомый на заклание», принял это послушание от Бога, данное ему через духовного отца.

Старец Арсений прекрасно понимал, какую жертву требуется принести келлиоту Иоанникию, согласившись на духовничество в Руссике. Хорошо зная состояние души своего любимого духовного чада, соединенность этой души с Богом и благодатные утешения, ниспосылаемые Духом Святым усердному молитвеннику Иоанникию, осознавая, что обязанности духовника монастырской братии отнимут у него и время, и возможность заниматься умным деланием, приносящим эти утешения Духа, старец Арсений сразу ответил посланным из Пантелеимонова монастыря братьям, просившим Иоанникия себе в духовники: ««Это великого стоит: отца Иоанникия с учениками потревожить. Они живут спокойно, в безмолвии и мире...»

Эти безмолвие и мир, тишину келлии и радость благодатных утешений принес в жертву братской любви смиренный подвижник и аскет Иоанникий, восходя на Голгофу духовнического служения. И Господь, милующий и награждающий любящих Его, даровал Своему верному служителю неизмеримо больше благодатных утешений и вечную

славу в потомках, благоговейно произносящих его имя – старец Иероним.

Деятельность свою в должности духовника и руководителя русского братства он видел прежде всего в том, чтобы сохранить и по возможности преумножить добрые традиции монастыря, заложенные игуменом Саввой и поддерживаемые игуменом Герасимом; сохранить незыблемым богоугодный общежительный устав, приносящий здесь такие добрые плоды, и помочь своим русским братьям безболезненно приобщиться к нему, помня, что нежелание прежде пришедшей русской братии повиноваться этому киновияльному уставу свело на нет труды приснопамятного отца Аникиты. Из личного опыта зная о пользе общежительных устоев, старец Иероним до конца дней своих останется ревностным их поборником.

Подлинное общежитие – это не только общая трапеза, общая одежда, общая молитва за богослужениями, но и общая скорбь, и общая радость при духовном единении душ во Христе. Это единение, слияние душ в Христовой Любви есть идеал, к которому устремлена вся жизнь Христианской Церкви, об этом единстве Сам Господь наш Иисус Христос молился на Тайной Вечере Богу Отцу:

«Отче святыи, соблюди́ их во и́мя Твое, и хже дал еси́ Мне, да будут еди́но, якоже [и] Мы да вси еди́но будут: якоже Ты́ , Отче, во Мне, и А́з в Тебе́, да и ти́и в На́с еди́но будут: да [и] мир веру́ет, яко Ты́ Мя послал еси́ : и А́з сла́ву, ю́ же дал еси́ Мне, да́х им: да будут еди́но, якоже Мы́ еди́но есма́: А́з в них, и Ты́ во Мне: да будут соверше́ни во еди́но, и да разуме́ет ми́р, яко Ты́ Мя послал еси́ и возлюбил еси́ и́х, якоже Мене́ возлюбил еси́» (Ин.17:11, 21–23).

Этот идеал единства абсолютно реален и достижим в нашей земной жизни, это засвидетельствовано бытием первой христианской общины в апостольские времена в Иерусалиме в назидание, образ и пример всем последующим поколениям христиан. Книга Деяний Святых Апостолов повествует об этом так: *«Наро́ду же веровавшему бе́ сердце и душа́ еди́на, и ни еди́н же что́ от имени́и свои́х глаго́лаше свое́ бы́ти, но бя́ху и́м вся́ о́бща» (Деян.4:32).* Чем не образ монашеского братства?

Но если отсутствие собственного имени и общность в быту легко достигается и в армии, и в тюрьме, причем принудительным способом, то подлинное единство в духе может быть достигнуто только единством направленности свободной воли каждого члена монашеского братства, и направленность этой воли должна быть в первую очередь на способность жертвовать собой ради брата. Великий христианин и великий русский полководец Александр Суворов сформулировал это в своих наставлениях к воинам, которых он называл своими детьми, кратко и лаконично: «сам погибай, а товарища выручай!» И собственным примером беззаветной жертвенности воспитывал из новобранцев тех самых непобедимых «чудо-богатырей», подвигам которых до сих пор удивляется весь мир.

Также и духовник монашеской общины, стремящийся превратить общежитие в единый духовный организм, оживотворяемый силой Христовой Любви, только личным примером жертвенности, сам вдохновляемый Крестной Жертвой Христовой, может объединить вокруг себя учеников-подражателей подвигам их духовного наставника не в качестве состязателей за «побитие рекорда», поставленного духовником, но в качестве стяжателей Духа Божьего и состояния «обожения» в благодати. Старец Иероним, вдохновляемый примером своего старца Арсения, хорошо осознавал это, приступая к духовническому служению в Русском Пантелеимонове монастыре.

Общежитие, которое делает души братии едиными во Христе, предполагает и единое управление. Созидать, воодушевлять и управлять этим единым духовным организмом должен только один руководитель. Не некий бездушный администратор со штатом беспрекословных исполнителей его воли, а мудрый и любящий отец, Богом избранный и Богом поставленный, а потому и ответственный за всех и за все происходящее в братстве перед Единым Богом. В таком случае этот руководитель уже опирается не на «наемников», а на сплоченную, единоклубную братию – семью, – где младшие без

сомнения подчиняются в духе братской любви и единомыслия старшим.

Таким руководителем в монастырях на Святой Горе традиционно является игумен, совмещающий в себе как духовное, так и административное руководство обителью, или монастырский духовник, в случае если игумен осуществляет только административно-хозяйственное руководство обителью.

Ситуация с духовно-административным руководством братией Русского Пантелеимонова монастыря при приходе туда отца Иоанникия в качестве духовника русской части братии оказалась для афонских монастырей не типичной – игуменом всей обители и духовником греческой братии был старец Герасим, а духовником русской братии и, вследствие выделения ей некоторой автономии, административным руководителем ее становился отец Иоанникий.

Выстроить духовно правильные, направленные на Христово единение в духе отношения отца Иоанникия с игуменом Герасимом, русской части монастырского братства с греческой его частью было задачей крайне непростой, даже только потому, что опыт сожительства русских монахов в одних монастырских стенах с иноплеменной братией, имевшийся некогда в древности в обители «Ксилургу» и впоследствии в «Нагорном Руссике», был уже давно забыт и, соответственно, не мог быть использован.

Отцу Иоанникию, вскоре ставшему Иеронимом, предстояло выстраивать все заново «с чистого листа». И он справился с этой задачей блестяще – правильнее было бы сказать – Дух Божий сотворил руками старца Иеронима поистине «нечто дивное», о чем пророчески предсказал ранее старец Арсений, благословляя любимого ученика на переход в Русский монастырь.

Приступая к руководству русской братией, отец Иоанникий ясно представлял, что перед ним стоит несколько задач. Первая и основная – дать каждой вверенной ему Богом под руководство отдельной личности ту духовную пищу, которая даст возможность именно этой личности индивидуально, наиболее полноценно развиваться в христианских добродетелях

в условиях общежительного монастыря. Для того чтобы дать что-либо другому, необходимо иметь это самому, и чтобы научить кого-либо чему угодно, нужно самому уметь это делать – это аксиома, причем как в мирской, так и в духовной, тем более – монашеской жизни.

Чтобы учить других молиться – учитель должен сам быть опытным молитвенником, достигшим высоких степеней богообщения в молитвенном делании. Чтобы научить других смирению – он должен сам обладать этим свойством в превосходной степени. Чтобы научить других братской любви между собою – необходимо быть примером любвеобилия, чтобы смотрящий на своего старца ученик видел в нем, через его любовь Христа и загорался желанием достичь такой же соединенности со Христом через подражание своему духовному наставнику.

Соответственно, требования, которые духовник был должен предъявлять себе самому, во много раз превосходили те требования, с которыми он подходил к своей пастве. Чтобы учить святости – надо стать святым! И «геронда» Иероним шел стезей обретения святости с абсолютной беспощадностью к самому себе. Его личный подвиг молитвы, поста, покаяния и жертвенного служения ближним проходил на пределе человеческих возможностей, и только памятование о том, что «невозможное человекам возможно Богу», всецелое осознание собственной немощи и упование на Бога и его благодатную помощь давало возможность старцу Иерониму жить столь насыщеннонапряженной жизнью и совершать все то, что невозможно совершить человеческими силами.

Глава 13. Личность старца Иеронима

Масштаб личности старца Иеронима необъятен для формата настоящего жизнеописания. Трудно сказать, сколько книг – научно-исторических изысканий, богословско-философского содержания и духовно-аналитических – смогли бы дать полноценную картину этой великой личности во всем многообразии ее внутренней красоты, масштабности деяний и ценности наследия. Попытаемся обратить внимание хотя бы на основные черты личности старца, повлиявшие на создание того уникального явления всемирного значения, которое называют Русским Афоном.

Русский Афон – это не только жившие во время старца Иеронима святогорские монахи, получавшие от него духовное окормление и всестороннюю материальную и бытовую поддержку, число коих на Святой Горе умножилось за период его духовничества в Пантелеимоновом монастыре многократно.

Русский Афон – это и та духовная атмосфера, идущая от личности старца Иеронима через всех окормлявшихся у него за время его жизни на Афоне русских (и не только) монахов и влияющая на всю духовную атмосферу афонской монашеской жизни.

Русский Афон – это и та особая специфически русская духовная монашеская традиция, возвращенная старцем Иеронимом на плодородной почве богатой эмоционально и чувственно русской души из семян древней византийско-афонской монашеской школы, насажденных еще великим русским старцем Арсением и принесшим обильнейший урожай трудами старца Иеронима.

Русский Афон – это еще и то огромное, труднооценимое влияние духовной школы старца Иеронима на всю духовную жизнь его Родины – России, через вернувшихся после паломничества на Святую Гору русских «поклонников», через многочисленные письма старца к русским людям самых разных слоев общества, через те духовные советы и наставления, которые старец Иероним преподавал жаждущим духовной пищи

русским душам, через издаваемую в Пантелеимоновом монастыре духовную литературу и распространение ее по всей великой Руси. Все это в совокупности и представляет собою то всемирное духовное явление, которое мы называем – Русский Афон.

Великие подвижники благочестия в христианской истории были до старца Иеронима, будут и после него. Пламенные молитвенники, строгие постники, благодатные чудотворцы, превосходящие каждый в своем подвиге старца Иеронима и воссиявшие на церковном небосклоне яркими звездами, освящающими подвижнический путь идущим вслед за ним путем аскетического подвига. Но редкие личности уподобились ему созиданием особого духовного пространства всемирного значения – в последние века разве только святитель Николай, равноапостольный Просветитель Японии, «с нуля» создавший целую национальную Церковь.

И если деяния Святителя Николая Японского приобщили к Православию одну отдельную нацию, дотоле не ведавшую Христа, то деяния старца Иеронима приобщили множество наций и народностей, в первую очередь Великую Русь и славянские народы к тому сокровищу духовного монашеского опыта, которое веками скапливалось на Святой Горе.

Во время вступления отца Иеронима на должность духовника в 1840 году в СвятоПантелеимоновом монастыре русских было только 11 человек. Но в течение достаточно непродолжительного времени вокруг него собралось внушительное по своему числу русское братство. К концу 1841 года оно уже не вмещалось в свой маленький параклис в честь святителя Митрофана. В 1846 году русских монахов было уже более 20. К 1850 году их численность достигла 80-ти человек, а через 11 лет, т. е. в 1861 году – 200. Через 35 лет после перехода отца Иеронима в Русский монастырь, в 1875 году, число их возрастет до тысячи.

И важно понимать, что в монастырь приходили не ради известного имени обители или хороших бытовых условий или наличия вселенского значения святынь – шли именно к старцу Иерониму, видя святость его жизни, чувствуя распространяемую

им вокруг себя благодатную атмосферу Божественной Любви, шли, видя воплотившийся в нем образ Христа, сияющий величием Крестной Жертвы. Шли, желая научиться у него святости, стать подобными ему в христианских добродетелях; шли, чтобы стать членами духовной монашеской семьи, возглавляемой богоподобным в Любви духовным Отцом.

Чтобы представить себе образ человека, привлечшего к себе такое количество желающих следовать за ним ко Христу, приведем несколько свидетельств, характеризующих старца Иеронима в восприятии его современников.

Вот какой отзыв об отце Иерониме дает инок Парфений, живший с ним в келлии святого пророка Илии и служивший при нем некоторое время за повара и за лекаря, за чтеца и за канонарха: «Отца же Иоанникия (Иеронима тож) рассмотрел и нашел в нем великого и ученого мужа, во внешней и в духовной премудрости искусного и в Божественном и отеческом писании много начитанного и сведущего. Хотя и аз много читал книг, но против него – как капля в море, и по вся часы от него пользовался, что бы аз от него ни спросил, скорый давал мне ответ.

И весьма был кроток и снисходителен, мог все немощи наши нести так, что аз во всю жизнь мою такого кроткого и терпеливого не видел, и во всех добродетелях совершен был; не словом учил, а во всем делом показывал, и во всем образ был нам, и словом был сладкоглаголив, тверд и рассудителен, и такую имел силу в слове, что хотя бы был каменный сердцем, и то мог всякого уговорить и в слезы привести, и всякого мог увещать и наставить на истинный путь...

Росту был высокосреднего, волосы длинные светло-русые, борода длинная и широкая русая, лицом чист и бел и всегда весел, взгляд самый приятный, но весьма бледен и худощав от великих подвигов и от слабого здоровья, часто с нами занимался в духовных разговорах и часто проводили до самой утрени без сна. За счастье почитали, когда он с нами займется такую беседу, мы забывали свое естество и сон.

И столько прилепилось сердце мое к нему и возлюбила душа моя его, что за великую потерю считал, аще который час

его не мог видеть и слышать от него полезное слово; когда увидим его лицо, забываем сами себя. И положил я намерение никогда от него не разлучаться даже до смерти. А когда он случался болен, то мы те дни плакали и просили Бога, да подаст ему здравие. Он и доныне наставляет и пасет во Святой Горе Афонской русскую братию и первый во Афоне духовник».

А вот как пишет о Старце Иерониме схимонах Селенкий в конце 1850-х годов:

«Сбылось пророчество, которое ему кто-то сказал в России: «Ты, брат Иван, заведешь улей и будешь пускать ройки». Воистину трудно найти подобного старца и духовника! Как дети увиваются вокруг своей маменьки, просят у нее пищи и не дают ей покоя, так и у него духовные чада во всех своих нуждах прибегают к нему. Келлия его всегда отперта, и всякий смело идет к нему без доклада, и он принимает всех с истинно материнскою любовью, несмотря на то что при слабости своего здоровья иногда с трудом может переводить дыхание.

Всех он наставляет и утешает словом и делом: кому дает денег, кому сухариков, сыру, масличек, макарон, а кого утешает духовною беседою. Слова его растворены солью благодати, а взгляд его прозорливый. Часто в коридоре против церкви преподобного Сергия делает он поучения и наставления, чтобы старались не предаваться лени и унынию, вставали на утреню и на канон в полночь клали поклоны, а паче не наедались досыта и не солоно ели, чтобы меньше пить воды.

Я часто замечал, что когда он говорит что-нибудь, касающееся до меня, то прямо на меня и смотрит, как будто он видит, что во мне кроется. А я так весь и загорюсь, как огонь. И смотрит он сперва серьезно, а после засмеется. И с каждым он так делает, кто в чем виноват. Вот после, как мы сойдемся, то и станем говорить между собою: «Что, отче, ведь духовник наш прозорливый! Как станет говорить, так на того и смотрит, кто в чем виноват!» Да, ежели отец Иероним умрет, то, кажется, уж не будет у нас другого Иеронима!»

Он высокого роста и сухощавый, лицо его столь милостивно, что нет сил описать совершенно, как лицо Ангела. Волосы у него русые с проседью, вид веселый, в глазах выражается

необыкновенная доброта, лицо чистое. Если б я был ученый, я описал бы его подробно. Вот я теперь нахожусь в Ярославле, а как будто смотрю на отца Иеронима. И, наклонившись над своей лежаночкой, за четыре тысячи верст от него описываю его черты лица, как будто сейчас вижу его своими глазами. Жалко, что он слаб здоровьем и часто бывает болен».

Повествует иеросхимонах Нон:

«В последние годы его жизни он был роста высокосреднего, на голове волос было немного и короткие, все седые, борода длинная и широкая, вся белая и к концу разделена надвое, лицо чистое, белое и сияющее какою-то небесною радостью. Так же и глаза, и взгляд самый приятный, и притом же пронизательный, так что, на кого он ни посмотрит, каждый почувствует, что он провидит в нем душевное его состояние.

Был он очень бледен и худощав от постоянной болезни, бессонницы, внешних и духовных подвигов. Замечательно то, что до самой его смерти во рту у него были почти все зубы целые, хотя иногда и побаливали, и он свободно кушал вообще твердую пищу. Также и для глаз не имел нужды в очках и ни в каких внешних для них пособиях, но всегда, и днем и ночью, при огне писал и самые мельчайшие слова читал, даже вдали разные предметы яснее молодого видел.

В беседе он был слишком сладкоречивым, и, яко источник неистощимой живой воды, полны благодати премудрости Божией слова из уст его исходили и сердце каждого, слушающего его, обращали духовным умилением и благодатным утешением. Сам он был на вид очень благолепен, и лицезрение его было ангелоподобное, что и являло изображение красоты внутренней души его, и каждого в любовь и благоговение к нему приклоняло.

Он не имел в миру особенного внешнего систематического образования, но всего только три года обучался грамоте. Но благодать Божия так упреумудрила его, что никто из смертных ученых мира сего не мог с ним сравниться или препираться, уж не говоря о внешней науке богословия, о духовных Божественных тайнах, которые духовная его опытность и внутреннее его созерцание и Премудрость Божия открыли ему,

которых внешний ум человеческий сам по себе не может постигнуть.

Но также по премудрости Божией он был и философ, и астроном, и архитектор, и художник, писатель, чтец, и певец, и сочинитель нотного пения, также духовный и телесный был врач. И ни одной на земле премудрости не было, познанием которой бы Премудрость Божия его не одарила. Поистине и он мог ученым века сего мудрецам вопрос задать, подобно преподобному Антонию Великому: «Что прежде стало – ум или письмена?» И при всем этом имел такое великое смиренномудрие, что даже от самого младшего с любовью советы принимал и ничуть этого не презирал.

И был до такой степени милостив, что невозможно и словами и пером исчерпать и поведать великие его благодеяния и милости! И такую имел любовь к ближнему своему, что часто сам себя лишал своей пользы ради пользы других, что и сам высказал в предсмертном своем завещании. И великое имел терпение и слишком был снисходительным к немощам других, но к себе был чрезвычайно строг.

Но не терпел тех, которые на других клеветают и осуждают. И не допускал никогда, чтобы на кого гнев или раздражительность им возобладали, но всегда и во всякое время по данной свыше ему благодати он свободно возобладал над всеми страстями своими. Неоднократно при беседе с ним случалось, что говорил он по своему смиренномудрию: «С таким-то братом нужно бы поступить строго за такую-то его вину или поступки», но, боясь, чтобы, строго с ним поступивши, самому не раздражиться и чрез то бы и не заболеть (сие он говорил, собственно, для успокоения других), поручал его воле Божией: «Господь Сам имиже вест судьбами его исправит».

Впрочем, по своей великой отеческой любви он никого без внимания не оставлял, но, яко истинный пастырь – Христу подражатель, в духе кротости каждого при всяком удобном случае поучал, обличал и умолял. Но ежели когда и заставляла его необходимость показать себя строгим или якобы разгневанным, собственно для духовной пользы и смирения братнего, то только в важных и крайне необходимых и очень

редких случаях. Если и случалось, что он принуждал себя к этому своим наружным видом, то внутренне он совершенно далек был от гнева, ибо в душе своей, кроме любви к ближнему и сострадания, ничего не имел.

Вот этого-то богомудрого и благолепного духовного старца послал мне Господь для духовного руководства. Когда по приезде своем в Афон еще в первый раз я увидел его, то почувствовал в душе своей такое к нему духовное влечение, как бы от самого Господа получил извещение, что это тот самый и есть духовный пастырь, которого я ищу и духовному руководству которого я должен предаться по Бозе в полное доверие.

Но, исполняя совет достойного блаженной памяти старца-духовника Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Антония, не решился сразу вступить в обитель в число братства, но прежде отправился по Святой Горе, посетил все монастыри и скиты как греческие, болгарские, молдавские, так и русские. Но, несомненно, что я нигде не мог найти во всей Горе старца, подобного сему богомудрому старцу-духовнику иеросхимонаху Иерониму.

Впрочем, что касается до себя, то я, увидевши этого старца, другого уже больше и не искал, был вполне духовно пленен им, но собственно по своей обязанности отправился для поклонения святыням афонским и посещения прочих обителей, исполнил прежде данный совет мне. И, тако посетивши всю Святую Гору Афонскую и поклонившись ее святыням и по возвращении своем обратно в Русик, отдохнув несколько времени после трудного своего путешествия по Святой Горе, во время бдения памяти святого священномученика Харалампия я и решил свою судьбу.

Вначале я обратился к здешнему второму духовнику – иеросхимонаху Макарию, помощнику старца-духовника Иеронима, с изъявлением своего желания вступить в их обитель в число братства. Это было в церкви, на хорах, в отдельной келлии, где он исповедует братию. А тут же, сбоку, другая келлия, в ней находился постоянно каждую церковную службу старец-духовник Иероним и там же всех принимал для

исповеди, для совета и прочего. К нему-то отец Макарий и повел меня. Пришедши к нему, я принял от него благословение, а отец духовник Макарий объяснил ему, что я желаю поступить к ним в обитель в число братства, и просил на то его старческого благословения.

Тогда я обратился к старцу-духовнику отцу Иерониму, прося его принять меня под духовное отеческое руководство, которому я предаю свою душу и тело. Он же расспросил меня про мое звание и занятие. Я ему рассказал, что я звания купеческого, сам торговец-краснорядец и с малолетства был в партесном хоре певчим. А так как родители мои еще в малолетстве моем померли, и я в настоящее время совершенно свободен от всего, то по давнему моему желанию и обещанию я и прибыл на Афон на монашество.

Тогда он и говорит: «Мне нужно вам сказать для предупреждения вашего, что у нас в обители есть главных два общества: греческое и русское, еще и прочие есть нации, с которыми мы должны находиться в единении, как со своими родными братьями. Будете ли вы в этом мирны?» Я ответил, что для меня это все одно и то же, я в этом о Христе никакой разницы не имею. Услышав это, он обратился к отцу духовнику Макарию и спросил: «Вы что скажете об этом?» А отец Макарий отвечает ему: «Как вам Господь о сем возвестит, так и да будет». Тогда старец-духовник Иероним обратился ко мне и говорит: «Есть воля Божия вам оставаться у нас в обители. Господь вас благословит, и мы вас благословляем».

Я сделал ему земной поклон и взял от него благословение, также и у духовника отца Макария, который сейчас же удалился и меня оставил наедине со старцем отцом Иеронимом для духовной беседы и исповеди. Вот тут и раскрылась для меня его высокодуховная премудрость, истинно отеческая любовь к своим духовным чадам. Я и не помнил, пред кем я предстоял: или пред своим старцем, духовным отцом, или же родными отцом и матерью.

Но мне кажется, что и те не в состоянии так обласкать свое дитя и привлечь к себе такую любовь, какую сей премудродуховный пастырь сразу привлекает к себе своего

духовного сына и располагает его так, что всю свою душу и сердце сразу раскрывает пред сим духовным врачом. Тут-то он мне и высказал, что с самого приезда моего на Афон и в монастырь Русик, как только он увидел меня в первый раз, то тут же Святой Дух и возвестил ему, говоря, что «сей белый юноша к тебе пришел, прими его под свое руководство в духовное свое стадо. Поэтому я только и ожидал твоего пришествия ко мне с объяснением».

И действительно, я хотя и не мог этого понять до сего времени, но только замечал, что при всякой встрече с ним он с особенно внимательным расположением всматривался в меня, как бы постигая внутренность души моей и тем самым давая мне разуместь, что приглашает меня к себе для духовной с ним беседы и откровенности. Но я действительно даже до последнего часа своего решения не ходил на духовную беседу ни к сему, ни к другому духовнику, то есть вполне выполнил совет, данный мне блаженной памяти Киево-Печерской лавры духовником иеросхимонахом Антонием.

Итак, по окончании своей исповеди и беседы с сим духовным своим отцом и старцем после данного им мне духовного совета, наставления и поучения я вышел от него с большою любовью к нему и расположением, с особенным духовным своим утешением и радостью благодарил Бога за такого Им данного мне богомудрого отца и любвеобильного пастыря, наставника, руководителя и утешителя о Христе. И мне он назначил в неделю два или три раза к нему приходить для духовной беседы, а ежели буду иметь особенную нужду, то хотя и каждый день и без различия времени. «У меня, – он говорит, – день и ночь двери отперты для всяких нужд приходящим».

Далее мы имеем перед собой четвертый портрет этого великого старца, изображенный талантливой рукой известного русского писателя в 1871 году, в период физической и моральной зрелости отца Иеронима, – портрет, который не только не противоречит предыдущим, а, напротив, показывает нам ту нравственную высоту, до которой поднялся отец Иероним, идя прямой дорогой от молодых лет до старости.

Этот отзыв сделан К. Н. Леонтьевым, бывшим в самом начале 1870-х годов российским консулом в Македонии, более года прожившим на Афоне как для целей дипломатического характера, так и для удовлетворения своей всегда ему присущей склонности к созерцательной жизни. К. Н. Леонтьев стоял в очень близких духовных отношениях к обоим старцам Русского Пантелеимонова монастыря – отцу Иерониму и отцу Макарию, и на его правдивый отзыв мы вполне можем положиться.

«Отец Иероним, – пишет К. Н. Леонтьев, – стал духовником и старцем еще немногочисленной тогда русской братии в монастыре святого Пантелеимона. Это был не только инок высокой жизни – это был человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым – это право Церкви, а не частного лица, но я назову его прямо великим: человек с великою душою и необычайным умом. Не получивши почти никакого образования, он чтением развил свой сильный природный ум и до способности понимать прекрасно самые отвлеченные богословские сочинения, и до умения проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами.

Твердый, непоколебимый, бесстрашный и предприимчивый, смелый и осторожный в одно и то же время, глубокий идеалист и деловой донельзя, собою и в преклонных годах еще поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных. Оно и понятно. Эти последние, быть может, только боялись его; люди умные, самобытные, умеющие разбирать характеры, отдавались ему с изумлением и любовью.

Я на самом себе в 40 лет испытал эту непонятную, даже притягательную, силу. Видел это действие и на других. «Какое у него тяжелое лицо!» – сказал один набожный юноша грек, взглядевшись в него. Выражение «вари просопон» в подобных случаях переводится словом «важный», но я нахожу, что к лицу отца Иеронима идет больше такой перевод: «тяжелое лицо». В минуту суровости в его лице было действительно нечто спокойно-подавляющее, бесстрастно-гнетущее.

Отец Иероним был человек железной воли по преимуществу. Его внутреннее «самование», вероятно, имело целью прежде всего смягчить свое сердце, сломать, смирить свою по природе гордую волю. Возможно также, что именно с намерением отстранить от себя все искушения власти над кем бы то ни было он так упорно и долго отказывался от иеромонашества и в России и на Афонской Горе, и только самое строгое повеление его святогорского наставника, старца Арсения, вынудило его принять хиротонию...

Отец Иероним был до того всегда покоен и невозмутим, что я, имевший с ним частые сношения в течение года с лишком, ни разу не видел ни чтобы он гневался, ни чтобы он смеялся, как смеются другие. Едва-едва улыбнется изредка, никогда не возвысит голоса, никогда не покажет ни радости особой, ни печали. Иногда только он немного посветлее, иногда немного мрачнее и суровее. А между тем он все чувства в других понимал, самые буйные, самые непозволительные и самые малодушные. Понимал их тонко, глубоко и снисходительно. Все боялись его и все стремились к нему сердцем что говорит о высокодуховной благодатной атмосфере, созданной трудами отца Иеронима, на котором явно почивала печать богоизбранности».

И наконец, свидетельство человека, самого близкого старцу в последние 30 лет его жизни, – отца Макария, будущего игумена Русика:

«...он так слаб здоровьем, скопившиеся болезни в нем так отягощают его! Представьте внутренние судороги, которые не дают ему спать ни одной ночи, а если он засыпает, то на рассвете на один или, много, два часа. Пока он в моционе, то не слышит их, а, как хочет успокоиться, вот и они. Две грыжи и ежедневный прилив крови утром и вечером – в таком положении не много проживешь. Ныне же Господь и Царица Небесная, быть может, и поддержат его для пользы других и для особых наград ему на небе. Господи, молитвами отца моего спаси меня и помоги мне...

Мое единственное утешение – видеть его между нас. О, как Господь одарил его всеми дарами! Глубоко понимающий

Священное Писание и знание греческого языка, опытность в жизни духовной, а также и внешние дела обители ему не чужды, удивительное рассуждение во всем – эта святая черта привлекает к нему и заставляет дорожить его жизнью.

Представьте же его терпение, какие он имеет болезни... постоянно беспокоящие его. И при этом не имеет времени упокоить многотрудное тело свое, так что совестно смотреть иногда: ты сидишь, а он по жару невыносимому бредет кому-нибудь сказать слово утешения и одобрения, ветер дует, едва на ногах стоишь, а он идет что-либо присмотреть. И вот, сравнивая свою худость, удивляешься, куда же я гожусь, видя столь неутомимо деятельного человека пред собою...»

Конечно, мы не можем заглянуть в уединенное пространство монашеской келлии, в которой проходила напряженнейшая молитвенная работа старца Иеронима, и увидеть его подвиги, услышать его покаянный плач и стать свидетелями мысленной брани и победы над плотским существом. Всего лишь малые капли откровения о его внутренней жизни просочились сквозь завесу сокровенности его аскетического подвижничества. Но даже эти капли поражают воображение современного, до крайней степени себялюбивого человека.

Вот свидетельство иеросхимонаха Михаила, от самого старца Иеронима узнавшего нижеприводимый случай:

«Отец Иероним часто молился с припаданиями ко Господу. И вот однажды, молясь пред распятием, просил Господа, чтобы Он не отлучил его навеки, чтобы наказал его здесь за грехи и помиловал бы там, за гробом. Непрестанный молитвенный вопль старца наконец проник небеса и дошел до Господа Бога. Однажды по обычной молитве старец прилег отдохнуть и погрузился в тихий сон.

В первые мгновения сна он был поражен ослепительным сиянием, разлившимся по келлии. Старец боязненно осмотрелся, и его взоры остановились на кресте, к которому пригвожден был Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос: терновый венец лежал на израненной главе Его, из рук, из ног и из ребра Его кровь струилась потоком. От лица

Искупителя, от Его кротких взоров исходило удивительное сияние. Старец затрепетал от радости, пал пред Господом на колена и залился слезами. «Что ты так горько и беспрестанно плачешь? Чего ты хочешь от Меня?» – спросил кротко с креста Спаситель плачущего старца. «Господи! – воскликнул старец, умиленно скрестив на груди руки. – Ты знаешь, как я огорчил Тебя, Ты видишь, как много у меня грехов! Покарай меня за них в настоящей жизни, как Тебе угодно, и помилуй меня по смерти. Более ничего я не хочу, более ничего я не прошу от Тебя». «Хорошо, – отвечал Господь, – будет по твоему желанию».

Видение кончилось. Старец, сильно потрясенный чувством неизъяснимой радости от лицезрения и сладкой беседы Господа, не пробуждаясь еще, ощутил, что его внутренность вся как будто подорвалась; он пробудился и действительно увидел, что у него появилась огромная грыжа. Она и осталась таковою навсегда и была так велика, что он всегда носил ее в мешке, подвязанную на поясе. Случилось это в 40-х годах».

Один монах-святогорец, перенесший тяжелую болезнь, рассказывал: «...впоследствии меня духовник отец Иероним спрашивал, зачем я хворал. Я откровенно признался ему, что просил у Бога казни за грехи мои и Бог удивительно скоро послушал меня. Вероятно, приятны Богу наши молитвы, которыми мы испрашиваем у Него средств к очищению себя от скверн плотских».

Отец Иероним считал болезни даром Божиим, очищающим грехи наши, необходимым для очищения и исцеления падшей и ленивой к восстанию из греховной скверны человеческой натуры. Милость Божия, дарующая нам недуги и скорби, выражается в том, что человек, верующий в Бога и просящий Его о спасении души, имеет два пути исцеления от греховных страстей и недугов, поражающих душу и лишаящих ее возможности соединения со своим Творцом.

Первый путь – это путь личного подвига: подвига терпения мысленной и плотской брани, подвига понуждения себя на добровольные лишения и страдания, приносимые строгостью поста, многими молитвенными бдениями, малоспанием, поклонами и прочим усмирением духа и укрощением плоти.

Большинство людей настолько больны ленью, себялюбием, самоугождением и любовью к комфорту и наслаждению, что сколько-нибудь долго и серьезно «мучить» свою плоть и напрягать душу оказываются просто не способны.

Но поскольку душа, не умягченная болезнями и не смиренная скорбями, не способна избавиться от самости и гордыни и стать способной к принятию божественной благодати, то мудрый, любящий Отец Небесный, слышащий просьбы о спасении и видящий искреннюю веру человека, вынужден бывает посылать таковому внешние скорби и страдания от болезней или иных бед, дабы тот, и помимо собственной воли, прошел через очищение души и умягчение прегордого сердца и сделался способным войти в Небесное Царство Любви.

Поэтому опытные христиане, особенно монахи, радуются ниспосылаемым от Бога скорбям, видя в них Отческую любовь и милосердную помощь там, где они сами, своим добровольным подвигом не способны произвести в своей душе необходимые для нее исцелительные действия.

Конечно же, это прекрасно осознавал и мудрейший духовник старец Иероним, тем более, имея от Бога дар прозорливого видения и понимания сути происходящего со всеми вверенными ему Богом для духовного руководства чадами. И тем более радовался, видя и в отношении самого себя проявляющуюся в ниспосылаемых недугах очистительную силу божественной Любви.

Тайный подвиг, совершавшийся в его душе, не может быть известен окружающим, но плоды этого подвига – высочайшие личные добродетели, споспешествуемые благодатными дарами Духа Святого, свидетельствуют, что подвиг старца Иеронима, его аскетическая жизнь проходили на высочайшей степени накала и напряжения всех душевных и телесных сил.

Вспоминая евангельские слова Господа о прощенной им грешнице (которая являет собой образ грешной, но кающейся человеческой души) – «... отпу́щajúтся греси́ ея́ мно́зи, яко возлю́би мно́го: а е́му́же ма́ло оставляется, ме́нше лю́бит» (Лк.7:47), – можем только представить себе, насколько велика была любовь старца Иеронима ко Христу, что Тот не просто

даровал ему очищение грехов, но и одарил многими благодатными способностями, о которых мы не раз еще вспомняем в последующем повествовании о старце.

Глава 14. Начало расцвета русской обители

Первым и самым важным делом нового русского духовника было

организовать жизнь братии так, чтобы внешние условия не являлись препятствием для внутреннего духовного развития и чтобы каждый русский инок мог получить от своей жизни в Русском Пантелеимоновом монастыре возможно большую пользу по сравнению с его прежним житием в скиту или в келлии – откуда кто пришел в обитель.

Для этого, в соответствии с уставом киновии, нужно было наладить процесс общей церковной и келейной молитвы, регулярные богослужения на церковнославянском языке, за которыми могла бы молиться вся русская братия обители, установить порядок послушаний и решить множество бытовых вопросов, которые вставали на каждом шагу при начале налаживания новой жизни монастыря.

Кроме того, крайне важно было воспитывать русскую братию в уважении к традициям и обычаям монашеской жизни греческой части монашествующих, учить русских иноков преодолевать различия в привычках и складе национальных характеров ради главного – единения в Духе Божьем, для которого *«...идеже нѣсть ѳллинъ, ни Иудѣй... вѣрварь и скиѣ, рабъ и свободъ, но всѣ чesкая и во всѣхъ Христѣ»* (Кол.3:11).

Обратимся к свидетельствам очевидцев, описывающих жизнь братии, чтобы увидеть – как справлялся с этими всеми задачами новый духовник отец Иероним.

Отец Парфений так описывает жизнь иноков Русского монастыря:

«Каждый день исповедуют свои помыслы отцам своим духовным. Каждую неделю причащаются Святых Таин Тела и Крови Христовой. Пищи же употребляют весьма мало. Хлеба и пищи подается всем поровну и каждому своя чаша; всегда бывает в простые дни одна пища вареная, а другая что-либо из овощей: или соленые маслины, или ино что. Свою часть мало

кто съедает. Иногда поставляют и вино, но мало его кто пьет, и то пополам с водою. В праздники же два варения бывает.

В понедельник, среду и пяток всегда бывает одна трапеза, и то сухоядение; во вторник и четверток с деревянным маслом, в субботу же и неделю иногда подают и сыр соленый. Млека же и коровьего масла никогда не бывает. С сим маслом готовят только два дня на сырной неделе и два дня на Пасхе, рыбы же вкушают в великие праздники, когда бывает всенощное бдение. Квасу же и не знают, какой он есть. Когда не бывает вина, пьют воду.

В келлиях же своих ничего не имеют – ниже воды, ниже чем украшают, ниже когда светильника вжигают, ниже лампы, ниже кто может запереть келлию, когда пойдет на послушание, ниже когда нагревают, да и печей нету, только некоторые русские себе поделали. В келлиях каждый имеет только нужную одежду и постелю, одну икону, одну книгу для чтения, и то не каждый; да и время не имеется, когда и читать; чтение бывает более в церкви, и на трапезе, и на общем послушании, в келлии же более занимаются молитвою и поклонами.

Церковное же правило такое. К вечерне со всех послушаний сходятся в монастырь. Которые далеко, те там и читают. И строго от игумена наказано, чтобы церковного правила отнюдь не оставляли, потому что монаху настоящее послушание есть молитва, а прочее послушание есть поделение только ради скуки и уныния. И потому к вечерне все поспевают в монастырь».

А вот что повествует в своих письмах Святогорец (иеросхимонах Сергей Веснин):

« ...У нас в простое время утренняя не бывает почти менее четырех, а у греков пяти часов, – но бдения продолжаются иногда 10, 12 и 14 и ничуть не менее восьми часов... Все здесь руководствуются своею собственною совестью и чувством смирения без принуждения, чему служит свидетельством то, что некоторые, погрузившись в дремоту за службою, едва только очнутся и заметят себя в этой слабости, тотчас добровольно выходят на средину церкви, кладут три земных поклона братии, подходят поцеловать руку духовника, а греки – игумена, и

виновный уже более ничем не наказывается ради трогательного своего смирения и самоосуждения.

Что касается послушаний... их нельзя определить с точностью и по множеству, и по разнообразию их. Можно только заметить, что никто не остается без занятия по силам, так что самые хилые старцы то чистят боб и травы, то караулят виноградники и скот. А при общих послушаниях, вроде разгрузки пшеницы из корабля, когда приглашаются решительно все на работу, самые хилые, желая иметь участие в венце братского послушания, водят за повод мулов до монастырского амбара вперед и обратно.

Но если и этого не в силах сделать, бредут к монастырской пристани, опираясь на свои старческие жезлы, садятся в сторону и, смотря на труды братии, тихо нашептывают по четкам свои молитвы... Сенокос, собирание маслин, винограда, орехов и прочих произведений роскошной здешней природы, пашню, молотье, кузнечество, столярство и вообще все работы исправляют братия без изъятия иеромонахов и под личным наблюдением самого настоятеля. От этих-то трудов и зависит продовольствие монастыря, который здесь всех почти беднее...

Одежда и трапеза в киновиях для всех одинаковы, нет никому отличия... Надобно при этом заметить, что отеческие законоположения киновии чрезвычайно строги в отношении плоти... В киновиях самый верный, царский путь к небу, и в них-то самый действительный отсвет жизни апостольских времен и проявление духа чисто Христова.

Слово игумена принимается здесь за изъявление Господней воли, что бы он ни сказал, что бы ни повелел сделать – хорошо ли, не хорошо ли. Никогда истинные послушники не размышляют о плодах и следствиях начальнического слова, раз и навсегда дав обет Богу и игумену творить их волю без условий и рассуждения. Поэтому-то спасение души в киновии вернее и легче, чем в другом месте, зато и для плотского мудрования здесь чрезвычайно тяжело».

Это отзывы людей, хорошо разбиравшихся в монастырской жизни, повидавших разное иноческое житие как на Святой Горе, так и в далекой от нее России, понимающих – что представляет

главную ценность для монаха в деле спасения его души. Из их описаний мы видим, что организация общежития русской братии в Пантелеимоновом монастыре духовником отцом Иеронимом заслуживает самой высокой оценки и похвалы.

По временам обитель посещал и сам первый, великий ее старец и началовождь –иеросхимонах Арсений. Приход его всегда словно солнце освещал обитель и сопровождался всеобщей радостью и ликованием как греческих, так и русских монахов. По окончании соборной службы он неизменно уединялся с отцом Иеронимом, много беседовал с ним о духовном руководстве братством и о его личном возрастании.

Иногда говорил он и со старцем игуменом Герасимом. Не только отца Иеронима, но и все русское братство он считал своими духовными детьми и всегда подчеркивал, что имеет по преимуществу попечение и ответственность за них даже более, чем сам отец игумен и отец духовник. В особо трудных случаях всегда оставлял право последнего решения за собой как знающим волю Божию. Поэтому мы можем с уверенностью утверждать, что деятельность отца Иеронима в начальный период его духовничества в Пантелеимоновом монастыре проходила по совету, руководству и благословию великого духовника всех русских иноков на Святой Горе Арсения и, следовательно, была согласна с волей Божией.

Однако кроме налаживания духовной и церковной стороны жизни братии, создания минимально необходимых бытовых условий, в которых русская братия могла хотя бы выживать, перед отцом Иеронимом громоздились гигантские проблемы, разрешить которые человеческими силами было невозможно: страшная нищета обители, огромные, обременяющие монастырь долги, незаконченное строительство, нехватка всего – от продуктов питания до стройматериалов и одежды, – все то, что до прихода русских накапливалось веками. И новый духовник поднял на свои плечи и эту тяготу.

В своей хозяйственной деятельности отец Иероним прежде всего взялся за удовлетворение первоочередной насущной потребности умножившегося братства – за созидание новых храмов и улучшение уже существующих. Сразу же, в 1841 году,

он продолжил строительство храма во имя святителя Митрофана Воронежского, заложенного в обители еще блаженной памяти князем-иноком Аникитой. Это строительство диктовалось острой необходимостью, так как выделенный русским небольшой параклис во имя этого святителя уже не мог вместить в себя все прибывающую под кров монастыря русскую братию.

Начатое строительство потребовало много денежных средств, которых и так катастрофически не хватало монастырю. Русский духовник решает обратиться за помощью к далекой расстоянием, но близкой духом христианской любви Матушке-России. Он пишет прошение российским властям с просьбой о разрешении сбора милостыни для строительства русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, и в 1841 году получает высочайшее разрешение на сбор милостыни в России.

В 1845 году Афон и Пантелеимонову обитель посетил русский великий князь Константин Николаевич. Святогорец сообщает, что по прибытии парохода великого князя русский духовник Иероним с одним старейшим иеромонахом Пантелеимонова монастыря отправились туда для предварительных объяснений и удостоились представления его высочеству. Во время пребывания великого князя в монастыре «дух смирения и благоговения, так поразительно ознаменовавшийся в поклонении его императорского высочества святым мощам великомученика, чрезвычайно растрогал греков, не выдавших еще во дни своих бедствий торжества веры над сердцами царственных особ.

Смотря на это утешительное зрелище, греки сквозь слезы восклицали: «Слава Тебе, Боже!» А русские едва были в силах выдержать трепет неизъяснимой радости и порывы своего ликующего сердца. Милостивое, внимательное обращение великого князя с русскими иноками как представителями великой русской нации возвысило Русских в глазах других афонских монастырей, укрепило авторитет отца Иеронима и заставило греков Пантелеимонова монастыря обходиться с ним намного уважительнее.

Это посещение считается значимым не только потому, что возвысило авторитет монастыря среди греков, а потому еще, что обратило внимание наших соотечественников в России на обитель. Императорский Дом проявил самое живое участие в судьбе русской братии на Афоне. Высочайшее внимание способствовало возобновлению регулярного паломничества и милостыни из России. Обитель приобрела благотворителей из числа представителей разных сословий со всех концов родного Отечества. На милостыню, поданную ими, удалось начать выплату старых долгов, построить Покровский собор с корпусом братских келий и даже приступить к издательской деятельности.

Отец Иероним пишет воззвания, обращенные к благочестивым русским людям, в которых он рассказывает о русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне, о его истории и значении для русских людей в самой России и во всем мире. С этими посланиями он отправляет в Россию на сбор пожертвований особо доверенных монахов. Первым был отправлен туда для сбора милостыни верный сподвижник старца Иеронима отец Парфений, постриженный в схиму вскоре после его перехода вместе со старцем в монастырь.

Призвав его, отец Иероним начал говорить ему: «Мы основали русскую церковь святителя Митрофана, а монастырь наш небогатый, строить нечем; братии больше 100 человек, а денег нет ничего, еще и должны больше 100 тысяч. Требуется послать в Россию для сбора, а кроме тебя некого; надобно потрудиться тебе съездить». Отец Парфений горько плакал и настойчиво отказывался, решаясь лучше уйти на пустыню, чем идти в мир. Духовник со слезами его уговаривал: «послушание выше всех добродетелей, а без благословения и в пустыне погибнешь».

Еще отец Иероним представлял ему и другую, уважительную лично для него причину ехать в Россию: посодействовать обращению в Православие родителей его, пребывавших тогда в расколе. После многих слез и отговоров отец Парфений, по совету и благословению первого своего духовника – старца Арсения – отправился на Фоминой неделе того же 1841 года для сбора пожертвований в Россию.

Три года пробыл схимонах Парфений в России; милостью Божьей сумел родителей обратить в Православие, а сбора милостыни по новости для него этого дела не смог сделать, и потому со смущением предстал он по возвращении своем отцу-духовнику Иерониму. Но тот, отечески успокаивая его, говорил: «о том не скорби, что ничего не привез, это не в твоей воле, но так Богу угодно; мы рады, что ты сам возвратился. Исполнил ли то, зачем посылали тебя, насчет родителей»? По утвердительном ответе отца Парфения отец Иероним, обнявши его, сказал: «Мы только затем тебя и посылали; ты теперь будь покоен, это нам дороже всего – чтобы души спасти свои и родителей, а нужды и недостатки наши Сам Господь исполнит. Посмотри нашу обитель: такую ли ты оставил? Уже теперь мы ее украсили, как невесту добрую».

Продолжая свой рассказ, отец Парфений замечает далее: «...в обители я уже увидал все другое: везде устроено, убрано, расписано, выкрашено, вызолочено, все перекрыто, и братии уже стало более вдвое. Когда отправился в Россию, было только двое русских иеромонахов, а теперь уже шестеро; также и клиросы полны певчих».

Что касается благоустройства обители, то, конечно, при недостатке тогда монастырских средств и за короткое время его отсутствия многое не могло быть сделано, однако приведение и малого в порядок для отца Парфения, возвратившегося в обитель, стало уже заметно. Так, главный собор – Пантелеимоновский, остававшийся с самой постройки неоштукатуренным, – штукатурился; клиросные окна в главном его алтаре в 1845 году были расширены; также было расширено окно в западной капитальной стене, отделяющей алтарь от притвора, для лучшего освещения последнего и более удобного слушания богослужения стоящими там.

На икону святого великомученика и целителя Пантелеимона, что при колонне, поддерживающей восточную часть главного купола, в 1844 году была получена из Петербурга серебропозлащенная риза – дар купца Вологодской губернии Егора Шучева с товарищами; из Иерусалима привезен семисвещник с надписью: «Сей подсвещник высечен из осколка

от пещеры Гроба Господня рукою первых пустынноживших в Иерусалиме христиан и находился несколько столетий там, на престоле в церкви святого Иоанна Предтечи, а в 1847 году привезен из Иерусалима Павлом Александровичем Кашкаровым (гдовским, Петербургской губернии, дворянином)».

Иконостас, деревянный, сплошь и весьма хорошо вызолоченный, был прислан в 1850 году усердием одного благотворителя из Старого Оскола. Трапезная, остававшаяся в прежнем виде, была расписана в 1843–1844 годах; на маленькой башне на восточной стороне ее в 1847 году повешены колокола – из них самый большой в 50 пудов, – пожертвованные московским почетным гражданином Федором Набилковым и воронежскими купцами братьями Самохваловыми.

Главная же и первая из построек в 1840-х годах, как уже замечено, был русский собор святителя Митрофана Воронежского, оконченный и освященный в 1846 году, 23 ноября. Отцу Парфению самому уже не привелось участвовать в освящении: по решительной заповеди старца-духовника Арсения, со скорбью выезжал он в это самое время с Афона на всегдашнее жительство в Россию, где после долгого странствия был сделан иеромонахом и настоятелем Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря. В его лице Афон пришел в Россию, и впитанные схимонахом Парфением афонские традиции и духовная школа старчества стали распространяться на Руси.

В том же 1846 году случилось еще одно событие, изменившее течение жизни всего русского монашеского братства Святой Горы и возложившее на плечи отца Иеронима новое, благое, но самым человеком неподъемное иго Христово – ответственность за всех русских монахов Афона.

24 марта 1846 года, на пятой неделе Великого поста, в навечерие Благовещения, когда на Божественной литургии из Святого Евангелия читаются слова Господни: «Се, восходим во Иерусалим...», – отпев накануне, в Субботу Акафиста, сладчайшую песнь ко Пресвятой Владычице Богородице и отслужив свою последнюю литургию, отходил из жизни этой и

восходил ко Господу, в горний Иерусалим, общий духовник всех русских иноков на Афоне великий старец-иеросхимонах Арсений. Лишалась Святая Гора столпа и светильника, который поддерживал и просвещал на Афоне не только всю русскую братию, но и греков, и болгар, и молдаван.

Рано поутру все духовные дети его, в том числе и отец Иероним, сбегались в келью старца. «Что же ты, отче, уходишь от нас? – вопрошали ученики его. – На кого же нас оставляешь, кому передашь все твои благодатные дарования?»

Возложив слабеющие руки свои на главу отца Иеронима, великий Авва сказал: «Вот ему оставляю вас, ему и передаю все». И велел всем подходить к себе для последнего целования и на благословение к преемнику своему, новому общему русскому духовнику всего Афона, Иерониму. Так отец Иероним по воле Божией был возведен на новое высокое служение рукой умирающего своего духовника и старца.

Не этого искал он, поспешая на Афон, бегая священства и связанной с ним многозаботливости. Тянулась душа его в уединенное безмолвие келлии, в радость сердечного молитвенного общения с возлюбленным с ранних детских лет Господом. Тяготился он некогда в келлии святого пророка Илии воспитанием двоих только учеников, смущался ответственностью за целое братство Пантелеимонова монастыря, а теперь ему предстояло спасти целый народ – русских афонцев! Но изменить уже было ничего нельзя: старец Арсений умер и своею смертью запечатал свое последнее отцу Иерониму благословение.

И потекли к нему все русские афонские монахи: келиоты, сиромаси и насельники разных монастырей. Стал он для них всех общим отцом, а Пантелеимонова обитель – общим для всех домом. Многие из приходивших в обитель для исповеди или духовной беседы со старцем Иеронимом келиотов и отшельников, видя благообразное, благочинное и простое общежительное бытие монастыря, оставались тут навсегда, добровольно продав себя в рабство послушания Христу через осуществлявшего Его волю в обители духовника Иеронима.

Монастырь приумножался русской братией, приумножались и заботы старца.

Увеличение числа русской братии монастыря привело к мысли о необходимости постройки еще одной новой просторной церкви, а также к строительству келейного корпуса. Но не только попечение о земном удобстве для молящейся братии занимало тогда ум отца Иеронима, мысль его была устремлена выше.

Он возжелал построить не просто новый храм, но символ благоволения Божией Матери к русской обители и населяющим ее инокам, памятник Пречистому Ея Имени от лица благодарных насельников монастыря. Из самого сердца великого Старца родилось и наименование будущего храма – Покровский собор – в знак особого покровительства Пречистой Владычицы, Игумении Горы Афонской Ее русским чадам и смиренным к Ней молитвенникам.

Места для возведения достаточно большого собора внутри монастырских стен решительно не было никакого. Напомним, что при вселении в обитель русских во главе с отцом Павлом игумен Герасим предоставил им для жительства северо-западный, так называемый «киторский» (ныне – Игуменский или Архангельский) корпус с параклисом в честь святых бессребреников Космы и Дамиана, который сразу был переименован в честь святителя Митрофана Воронежского.

От капитальной восточной стены этого корпуса брала свое начало высокая, длинная, соответствующая длине всего тогдашнего монастыря крепостная стена с небольшими бойницами, которая упиралась в высокий монастырский зубчатый «пирг» – сторожевую башню, с которой ранее досматривалась окрестность обители, в первую очередь морские дали, для предупреждения внезапного нападения пиратских или турецких кораблей. Ввиду отсутствия какого бы то ни было места для корпуса и храма, отец Иероним принимает неожиданное и грандиозное решение: нарастить корпус вокруг крепостной стены, а храм возвести поверх его. На вершине монастырского пирга, в котором не было уже необходимости (он утратил свое назначение), предлагалось устроить параклис в

честь Вознесения Господня, в память о некогда существовавшем здесь Вознесенском монастырьке, являвшемся скитом Нагорного Руссика.

Предложив эту идею отцу игумену и Духовному Собору обители, отец Иероним получил на ее воплощение полное их согласие и благословение. Тут же он решительно приступил к строительству, средств на которое не было, полагаясь целиком на Промысел Божий, благоволение Божией Матери и помощь великомученика и целителя Пантелеимона в этом богоугодном деле. Строительство началось в 1850 году и осуществлялось главным образом на пожертвования простых русских людей. Свои лепты внесли и представители купеческого звания. Ощутимую лепту в строительство храма-памятника внесли родители поступившего в обитель в 1851 году купеческого сына Михаила Сушкина, ставшего впоследствии ее игуменом – Старцем Макарием.

Покровский собор стал символом возрождения русского иночества на Святой Горе: доминирующий над всем комплексом монастырских строений, величественный, истинно русский по облику, прекрасно обозреваемый с моря всеми проплывающими мимо монастыря собор навсегда запечатлел русскость Пантелеимоновой обители, еще недавно казавшейся безвозвратно утраченной для нашей братии. И еще одну духовную идею удалось осуществить старцу Иерониму строительством Покровского собора – введения на Святой Горе празднования Покрова Пресвятой Богородицы, столь любимого в России и на Афоне дотоле не праздновавшегося.

Возведение Покровского собора стало эпохальным и кульминационным событием в истории возрождения русского монастыря Святого Пантелеимона. Этим строительством завершился период становления обители и начался славный ее расцвет, связанный с деятельностью великих старцев и с особым покровительством, благоволением и попечением о ней Божией Матери, милости и чуда которой неисчислимо были явлены над обителью и над этим храмом, который вполне и без всякого сомнения можно назвать великой чудотворной церковью русской обители. С возведением этого собора

исполнились пророческие слова старца Арсения, сказанные отцу Иерониму: «Иди, чадо, с миром! Имеет там нечто дивное быти!»

Относительно нового корпуса, являвшегося основанием для Покровского собора, следует заметить, что, несмотря на огромные размеры, его оказалось недостаточно по причине продолжающегося увеличения численности братии. Напомним, что к шестидесятым годам русских монахов станет уже двести, а вместе с греками – четыреста человек, а еще через пятнадцать лет – почти тысяча.

Ввиду этого в шестидесятых годах на пожертвования купцов Сушкиных и милостыню, собранную отцом Арсением (Мининым), по предложению отца Иеронима будет разобрана восточная глухая крепостная стена, соединяющая перпендикуляром бывший монастырский пирг с Предтеченской башней в греческом корпусе, и на расчищенной новой территории, ранее бывшей за пределами монастыря, возведены новые большие корпуса, так что монастырь в результате этих работ увеличится более чем в два раза.

Глава 15. Божье благословение трудов старца

Видимое благоволение Божией Матери к постройке русского Покровского собора выразилось в чудесном даровании Ею чудотворной иконы, именуемой «Иерусалимской», присланной в монастырь в самый разгар строительных работ. Икона эта стала как бы символом видимого присутствия Самой Пречистой Владычицы, благословившей строительство и наблюдающей за ним. Об этой чудотворной иконе и истории ее появления в монастыре необходимо рассказать особо, так это дарование Божьей Матерью обители Своего образа весьма показательно характеризует духовные процессы, происходящие в монастыре одновременно с активным строительством.

Эта святая икона была прислана из России, когда в обители началась постройка корпуса келлий для русской братии и русского Покровского собора. Ее прислал иеромонах Нило-Сорской пустыни Никон (в схиме Нил), прославившийся своей подвижнической жизнью. На оборотной стороне иконы сделана надпись: *«Посвящается в Русский Святогорский монастырь святая икона сия по благословению Пресвятой Богородицы. Сия святая икона, писанная в 1825 году от воплощения Бога Слова в Великой России, в Кривоезерской общежительной пустыни, грешным иеромонахом Никоном, и ныне еще находящимся в Нило-Сорской пустыни, который и усердствует по особенному Промысла Божия внушению благодати причастную икону сию в святую обитель святого великомученика и целителя Пантелеимона Русскую, что на Святой Горе Афонской, в вечное наследие благоволением Бога и Пресвятой Богородицы. Аминь. В лето 1850-е, месяца ноября в 8-й день, сие подписал убогий старец Нило-Сорской пустыни иеромонах Никон».*

После этих надписей помещен портрет отца Никона со свитком в руке, на котором написано: *«Помяни мя, о Владычице Богородице, во жребии Твоем, раба Твоего Никона!»* В конце еще надпись: *«виждь, Владычице, усердное исполнение воли*

Твоея; благоволи удостоити мя, недостойного, спасаемых доли, матерски о сем умоляючи Твоего Сына и всех Творца!»

По получении в монастыре сей Иерусалимской иконы Божией Матери с вышеозначенной надписью послано было от старцев письмо иеромонаху отцу Никону, в котором они просили, чтобы он объяснил по мере возможности, какое особенное внушение и благоволение Божие и Царицы Небесной было в препровождении в монастырь этой святой иконы. Отец Никон в письме от 12 декабря 1852 года объясняет: «Святая эта Владычицы икона писана моим недостойнством около 30 лет тому назад, когда я был еще иеродиакон и жил в Кривоезерской пустынной обители (Костромской губернии), где находится чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская», которую сподобился я, недостойный, возобновить. По происходящим доднесь многим чудотворениям от сей иконы я, по силе немощи моея, со всяким усердием и верою начал писать верную (кроме меры) копию с той чудотворной иконы и, помощь Владычицы, совершил.

При самом освящении тоя было знамение и некто нечто прорек о ней, что уже ясно и сбылось. Вслед за сим, многие совершались благодатные действия. Когда же по воле Божией я, убогий, переселился в обитель, почти вовсе запустевшую, преподобного Нила, чудотворца Сорского, эта святая икона всюду была неразлучна с моим недостойнством; а во время испытания моего в Иверском монастыре (Новгородской губернии) она была единственное пристанище и успокоение утомляемому волнами скорбей – это пластырь сердцу и душе.

Но что много говорить? Видел я силу благодатную, явно пребывающую при этой святой иконе, – глас, сказание, целение болезней, от огня спасение и иная чудеса. Никогда и никаким образом не намерен я был разлучиться по жизнь мою с этим спасительным сокровищем, но Промысл Божий и Пресвятой Его Матери устроил иначе. Веруйте, отцы святые, и не сомневайтесь, что эта святая икона вашей обители дарована от Промысла Божия и благоволением Царицы Небесной, а подробного о сем описания от моей худости не приложите требовать. Но да не оскорблю вас, еще мало о сем нечто скажу.

За два с небольшим месяца пред отправлением иконы в тонком, мнится мне, сне видел я, думаю, Святую Гору Афонскую. Я и другой кто-то, казалось, начали восходить на оную. Другой, бывший при мне, был моим руководителем, ибо он, как говорил, бывал на Святой Горе. И так приближались мы к каменистой, из утесов составленной горе; с каким трудом восходили на нее, описать нет слов! Товарищ мой быстро, с каким-то невероятным удобством возвышался, а я, с болезнию и трудностью ему следуя, взбирался за ним.

Наконец, достигли к какому-то краю, и тут мой руководитель стал невидим. (Я полагаю наверно, что это был мой святой старец – преподобный Нил Сорский, который, как известно из жития его, пребывал на Святой Горе довольно долгое время, и с Афона перенес устав скитский в Россию, и был одного первоначальник в Сорской пустыне).

Тут подвиг и страх: казалось, совсем не было возможности взойти по каменистым утесам; однако я решился идти, и как-то скоро очутился на равнине у врат храма. Радость, смешанная со страхом и благоговением, исполнила мою душу и сердце. Тут я непосредственно узрел, во-первых, близ самого входа сидящую на престоле необыкновенно прекрасную Жену. Она была одета белыми как снег одеждами. Взгляд Ея крайне любезен и умилен.

Она, увидя меня, сказала: «Как ты счастливо и скоро сюда взошел!» И тогда же подала мне на лжице что-то белое, как бы млеко, и сказала: «Приими, это тебе нужно – ты утомился». Вкуса приятной сладости сказать не могу. Здесь-то непояснимое и несказанное сказано от Божественной Жены и повелено то, что и учинено (благоволено и велено святую икону послать в Афонский Русский монастырь святого Пантелеимона и прочее сбывшееся).

Тут видел я еще верх Афона: до конца его было уже не очень далеко, но крайне круто и голый камень, и, не зная, что это за верх, спросил находящихся тут монахов, и мне отвечали: «Это верх Афона». По отправлении святой иконы на Афон сбылось все, обещанное благодатию Владычицы, а именно: 1) скит Нило-Сорский сделан самостоятельным; 2) церковь на

месте жительства преподобного Нила во имя святого Иоанна Предтечи, стоявшая десять лет неосвященною, освящена; 3) мое давнее желание святой схимы и пребывание при храме Иоанна Предтечи, где была келлия преподобного Нила, чудным образом исполнилось, и прочее все сбылось вскоре благодатною силою и милосердным промыслением Божией Матери. Прославим, возвеличим чудную нашу общую Промыслительницу, Попечительницу и Покровительницу. Слава, величие и честь Приснодеве Марии Богородице!»

Икона была вручена бывшему в России на сборе монаху Иринею (в схиме Евфимию) в 1850 году и получена в обители в 1852 году. Она находится над царскими воротами Покровского собора, откуда для поклонения опускается на широкой ленте. Благодатная сила Божия, присущая этой святой иконе, не раз проявлялась в обители.

Есть такое богословское понятие – «синергия» – «сорботничество» Бога и человека.

Этот процесс – сорботничества – неминуем в деле спасения человеческой души, то есть соединения ее с Творцом и «обожения» – приобретения изначально заложенных Богом в Свой образ – человека – божественных свойств, утерянных Адамом (и через него всеми его потомками) в грехопадении. Этот процесс знаменует соединение двух волей – Бога и человека в одном стремлении – соединении в Царстве Божьем – Царстве Любви.

Воля Божья всегда направлена на спасение человека, ибо «Бог любви есть» (1Ин.4:8). Любовь, желающая Вечного Счастья – Блаженства объекту этой Любви – человеку. Воля человека свободна, и она может быть направлена как на совпадающую с Божественной волей цель – собственное спасение – так и на противоположную – себялюбивое самоугождение, разъединяющее с Богом и приводящее в погибель. Человеку дана свобода выбирать – быть с Богом или без Него, пребывать в Любви или самолюбии, обрести Рай или Ад, навечно.

Свобода выбора необходима человеку для стяжания всей полноты Любви, которая есть состояние духа Христовой Свободы. Писание прямо говорит: *«и уразумеет истину, и и*

стина свободи́т вы » (Ин.8:32). И еще: «Глаго́ла ему́ Иису́с: А́з е́смь пу́ть и истина и живо́т: никто́же прии́дет ко Отцу́, то́кмо Мнóю» (Ин.14:6). Свобода во Христе не есть свобода творить «что хочу», но свобода от греховных страстей, которые и заставляют человека желать не полезного, но улаждающего, и искать претворения этих разрушающих душу желаний в реальность, что в конечном счете делает человека рабом, зависимым от источника удовлетворения этих желаний.

Христос даровал нам возможность вновь стать свободными и счастливыми Своей Крестной Жертвой. Каждый человек, даже находящийся в пагубном рабстве у страстей, по действию благодати Божьей, ниспосылаемой ему по молитвам близких и (или) всей Вселенской Церкви, может в определенный Промысл Божий «момент истины» осознать свое погибельное состояние и захотеть перестать быть рабом греха – вновь обрести свободу духа. Бог дает такую возможность.

Так же и в духовном делании, угодном Богу, – восстановлении обители Святого Великомученика Пантелеимона трудами Божьего избранника старца Иеронима – принцип «соработничества» старца с Богом абсолютно очевиден. Бог благословляет труды старца и подает ему все благопотребное для совершения великого дела созидания Русского Афона, а старец на пределе всех мыслимых и немыслимых сил и возможностей человеческих жертвенно отдает себя на совершение этого богоугодного делания.

Во всей истории возрождения Русской обители и устройства русской монашеской жизни на Святой Горе мы явственно видим созидющую руку Божью, проявляющую себя в чудесных явлениях, благодатной помощи и даровании сил, порой сверх естества человеческого, главному исполнителю Божьего плана, Его «соработнику» – отцу Иерониму. Приведем несколько примеров:

Монах Пантелеимон рассказывает о чудесном неоскудении муки в Руссике:

«Пред открытием войны 1852 года, когда повсюду начались приготовления и христиане были в затруднении и опасались за жизнь в случаях далекой отлучки от местожительства, в нашем

монастыре истощился запас муки, так что оставалось на один только день. Взять было негде, о привозе откуда-нибудь и думать было невозможно, отправиться на лодке в близкие к Афону места – тоже, да и купить было не на что. Хлебопек (из русских) приходит к старцу и объявляет, что муки остается только на одни хлебы, и спрашивает, что будем делать.

Старец сказал ему: «Положимся на Господа. Он пошлет нам и муки». Хлебник думал, что у старца есть в виду получить откуда-либо новый запас, пошел к своему послушанию успокоенный. И наутро, по обычаю, берет, как говорил, муку последнюю, но видит, что еще остается на одни хлебы.

Сочтя это ошибкою и неправильным взглядом, он печет в другой раз хлебы и, израсходовав муки сколько было нужно, смотрит – ее еще остается достаточно для одних хлебов. Не уразумев и тут совершающееся чудо и еще думая, что как-нибудь ошибся, печет опять хлебы, а муки осталось еще на один день. Далее дни сменяются днями, составились недели, кои, присоединяясь одна к другой, постепенно составили уже три месяца, а муки после каждого печения остается все еще на одни хлебы.

Ужас и радость овладели хлебником, и он начал передавать тайну близким братьям, что мука (по молитвам старца к Промыслительнице нашей Матери Божией) не убавляется уже несколько недель, а потом и месяцев. Так не убавлялась мука, пока не созрела посеянная и снятая трудами братий пшеница; хлебы пекли всякий день, и каждый раз ее оставалось опять на одни хлебы, питались же, кроме посторонних, монастырских братий 200 человек целые три месяца. И только когда привезли из Каламари, где сеялась пшеница, новый хлеб и отдали смолоть, мука вдруг иссякла.

Такое чудо Матери Божией совершилось на памяти многих братий, и теперь свидетельствующих о сем великом событии, и все, кто тогда узнал о нем, прославляли Владычицу Богоматерь, истинно матерински не оставившую их в это время и таковым чудом вновь доказавшую Свое благоутробное попечение о Приверженцах Ее, воскресив их дух не только к благодарности, но и к совершенной преданности Ее неусыпному

промышлению, святой воле, помощи и предстательству. Слава Творцу неба и земли, даровавшему нам столь мощную Ходатаицу!»

Вот еще случай Божественного заступления над Русской обителью, записанный в 1890-х годах.

«В 1883 году на Афоне разразилась гроза. Ослепительная молния и ужасные, почти непрерывные раскаты грома содрогали воздух. Удары грома особенно чувствительны были в нашем монастыре. Многие из старших братий предчувствовали какую-нибудь беду. В это время игумен Макарий после литургии служил молебен, и во время пения молебных тропарей игумен сделал земной поклон пред престолом и моментально забылся (был в восхищении), и увидел он два громадных тифона (смерча), приближающиеся и идущие прямо на наш монастырь. Игумен от страха усилил свою слезную молитву о помиловании, и вот видит он по левую сторону престола святого великомученика Пантелеимона, а по правую – Богоматерь.

Первый молитвенными взорами и десницею начал указывать Богоматери на идущие на его монастырь тифоны. Тогда Богоматерь повелела сделать ему движение орарем (который он имел в руке) направо и налево, и когда угольник Христов сделал это, то тифоны удалились и разделились. Вместе с этим игумен пришел в себя...

Чрез час по прошествии тифонов, которые, без сомнения, в состоянии были подмыть основные стены монастыря и тем разрушить до основания сам монастырь, все это прекратилось... Тогда же к благодарственному молебну была подана братии необычная повестка (три удара в колокол), и мы все отправились благодарить Божию Матерь за Ее матернее попечение о нашей обители, и когда в канун благодарственного молебна клир запел: Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице, мы почти все залились слезами, и слезы те были святые слезы!»

Подобный случай чудесного спасения обители был в ней и ранее:

«В 1850 году, – повествует монах Пантелеимон, – недалеко от обители загорелся лес, и пожар угрожал опасностью

монастырю. Все человеческие усилия остановить огонь были тщетны, и усилившийся ветер все больше разносил пламя, раскинувши его на большое пространство. Лето этого года было жаркое и сухое, что еще больше способствовало развитию огня, и таким образом пожар, поддерживаемый ветром, вскоре распространился до того, что не было никакой возможности погасить его.

Это было ночью. В монастыре ударили в току (деревянное било), и братия, собравшись в церковь, начали совершать молебное пение святому великомученику Пантелеимону, со слезами прося его помощи. Ветер стих, показались тучки, и пошел не бывший все лето дождь, который, постепенно усиливаясь, не переставал во всю ночь. Пожар прекратился сам собою. Наутро братия снова собрались в церковь и совершили общеблагодарственный молебен святому страстотерпцу, милосердно покровительствующему своей обители».

Особое покровительство Игуменни Горы Афонской – Пречистой Владычицы Богородицы над обителью Великомученика Пантелеимона и над старцем Иеронимом проявлялось многократно и в самых различных ситуациях и формах. Вспомним, как Она еще в миру явилась ему вместе с апостолом Иоанном Богословом и исцелила его, уже ожидавшего смерти, как даровала ему зрение, явившись со словами: молитвы и обещания твои приняты, смотри же, исполняй их в точности. По всей вероятности, он их так и исполнял, ибо на всех делах его почивала благодать Божия.

Вера и любовь старца к Божией Матери, которую он часто благоговейно называл Всепетой Богородицей, были безграничны, а Она ему покровительствовала и благоволила к нему. Пресвятая Владычица не раз являлась ему в обители, давая особые указания, являлась и другим достойным братиям, о чем старец сам повествует как о самом обычном деле: «На праздник Покрова 1863 года, во время бдения, Мать Божия была в нашем соборе и во все время величания Ее стояла при местной иконе Покрова. Она держала омофор радужного цвета, усыпанный золотыми крестиками. Владычица внимала прославлению Ее и молитвам и, конечно, Сама молилась о

величающих Ее и молящихся к Ней! Ее открыто видел один из братьев (я говорю один, но, без сомнения, видели и другие, достойные, о которых трудно узнать, ибо все подобные видения и откровения утаиваются по смиреномудрию), другие же испытывали Ее присутствие внутренним благодатным утешением, а прочие, более слабые духовными силами, осенение Владычицы ощущали над собою в том, что все бдение (12 часов) простояли легко и какая-то неземная радость наполняла сердца их. Это ощущали даже поклонники, кроме некоторых, роптавших на продолжительность службы».

А вот рассказы о явлениях Божией Матери в Пантелеимоновом монастыре, связанные непосредственно с событиями из жизни старца Иеронима:

«Однажды в Прощеное воскресенье на повечерии в церкви Покровской все подходили прощаться к стоящим в мантиях старцам – отцам Иерониму и Макарию. Отец Гликерий увидел тут же впереди стоящую величественную Жену в мантии. А когда спросил после отца Иеронима, тот сказал: «Это наша Игуменья», то есть Божия Мать».

«Над игуменской формой [в Пантелеимоновском соборе] стоит икона Божией Матери «Тихвинская», принадлежавшая одному иеромонаху. Однажды по действию вражью он находился в сильном смущении против старца-духовника, противоречил ему и других склонял к тому же, но совесть постоянно твердила ему, что он находится в ошибке и напрасно уклоняется от убеждений старца. Долго скорбел он и, изнемогая под бременем своего искушения, неоднократно припадал пред сей святой иконой. И вот в одно время после долгой молитвы он услышал глас от Божественного Младенца Господа Иисуса Христа: «Зачем ты противишься старцу? Он тебе желает спасения и муж благ по сердцу Моему». Иеромонах упал пред образом и зарыдал. Проведя всю ночь в молитве и слезах, он на другой день объявил все это старцу и примирился с ним».

«В 1863 году в обители нашей греческая братия сделала первое восстание, возмущение против русских. Причина была та, что у русских были свои обычаи: чаепитие, общение с Россией. С 1858 года начали ходить регулярно каждые две

недели пароходы Русского общества, почему потребовалось положить у пристани бочку для пристаивания пароходов. Также греки были недовольны за русскую пищу и за русское чтение в трапезе.

К этому возбужденному недовольству греков приехал из Троице-Сергиевой лавры иеромонах, родом грек, человек ученый, к которому и обратились здешние греки со своей жалобой на русских. Иеромонах этот сразу же стал на сторону недовольных и пошел энергично действовать против отца Иеронима, всячески понося его и возбуждая других против него. И вот, когда он стоял однажды в притворе храма святого Пантелеимона, к нему был глас от иконы Божией Матери, находящейся за первой колонной от входа в притвор с правой стороны: «Оставь свои затеи против Иеронима, он в любви Моей почивает». Глас этот до того поразил его, что иеромонах сей на первом же пароходу уехал домой.

Перед возмущением же греческой братии, от главной иконы святого Пантелеимона, которая в сребропозлащенной ризе в киоте за стеклом находится на колонне, поддерживающей юго-восточную часть главного купола, были видны перуны (молнии) доходящие до некоторых из братий, которые потом оказались возмутителями.

Но греки уже весьма взволновались и явно заявили свое неудовольствие игумену Герасиму, который всех недовольных удалил из обители, разместив их по разным здешним монастырям. Таково было благоволение Царицы Небесной к духовнику Иерониму».

Глава 16. Общение с Россией. Благодатное прославление обители

Мудрый игумен Герасим, всячески содействуя возвращению русских в Русскую обитель Святого Великомученика Пантелеимона, понимал, что такая огромная страна как Россия, в которой живет много искренне верующих, благочестивых и добросердечных христиан, не оставит без помощи обитель своих одноплеменников, если они своей духовной жизнью будут являть для живущих в России пример подлинной монашеской подвижнической жизни.

Поэтому он старался и свою греческую братию растить в строгом общежительном духе, и хотел, чтобы пришедшие в монастырь русские иноки тоже прониклись этим духом, встроились в общежительную аскетическую жизнь обители и тоже представляли собой для всего мира, и для России, в частности, тот образ монахов, о котором сказано древними: «Свет мирянам монахи, а свет монахам Ангелы».

В этом с ним полностью был единомышлен и духовник русской братии старец Иероним, который также понимал, что для того чтобы пользоваться любовью и благорасположением паломников и благодетелей из России, обитель должна представлять собой некое ценное духовное явление, которое может обогатить духовно каждого соприкоснувшегося с ним, как побывавшего непосредственно в самом Руссике, так и вступившего с монастырем в общение опосредованно, через его святыни, рассказы о нем паломников или чтение издаваемых монастырем духовно-нравственных книг.

Задачей старца Иеронима было не только непосредственное руководство ко спасению братии путем святоотеческой монашеской традиции Святой Горы, но и устроить так, чтобы все то духовно ценное и значимое для мира, что рождалось в обители в процессе духовного развития монашеской жизни в ней, можно было раскрыть, донести и показать на Родине русским людям, тем самым подвигая их на жертвенную помощь нуждающейся братии и открывая путь

новым русским инокам, могущим возжелать прийти из России спастись на Святую Гору.

С самого начала своего духовничества в Русике отец Иероним не постыдился напомнить родному Отечеству о его единокровных чадах, молящихся о нем на Святой Горе Афонской. Его письма и воззвания к благочестивым русским жертвователям, сопровождаемые явными свидетельствами Божьего покровительства Русской Пантелеимоновой обители, начали иметь свое действие.

Да и Сама Божия Мать, Питательница и Промыслительница обитающих в Ее жребии, в исполнение Своего милостивого обетования расположила боголюбивых благотворителей к сочувствию и помощи инокам.

Вот присланное на Афон из Нижнего Новгорода свидетельство 1852 года одной из благотворительниц, В. А. Бибиковой, после получения письма от старца Иеронима и чудесного исцеления переславшей пожертвование на строительство Покровского храма.

«В марте я переводила жития египетских пустынников и дошла до места, где говорится о их прозорливости, и только что подчеркнула это последнее слово, как в эту минуту подают мне письмо, все проколотое и со штемпелем из Одессы. Я никого не знаю в Одессе, с кем бы могла иметь переписку, а потому получение из этого города письма удивило меня. Развертываю. Вижу в начале изображение святого великомученика Пантелеимона, а в конце письма – подпись на греческом языке начальника монастыря Русик на Афонской Горе, а на русском – духовника. Все это удивило меня.

К стыду должна признаться, что дотоле я ничего не знала о Святой Горе. Читаю и более изумляюсь. Святые отцы пишут, что им известна моя вера к образу Покрова Пресвятой Богородицы, известны и мои телесные страдания, а так как они предприняли сооружение в своей обители храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы, то и просят меня сделать по возможности им пособие, за что Господь воздаст мне и восстановит мое здоровье. По прочтении письма первым моим движением было позвонить, чтобы отнесли меня к иконе Богоматери, но какая-то

непостижимая сила заставила меня подняться с кресла, и в то же время я почувствовала, что могу идти без посторонней помощи и что все болезни мои исчезли...

Весь город узнал об этом, ибо я не хотела скрывать дивного события. Многие просили меня принять приношение их для монастыря Русик, и я на днях имела счастье послать туда эти добровольные жертвы. Уповаю, что со временем Господь поможет мне послать туда и еще».

Впоследствии, когда старец Иероним благословил нескольких особо доверенных ему иноков отправиться со святынями в Россию на сбор пожертвований, обилие благодатных чудотворений еще усилилось. Не только Пресвятая Богородица, но и сам покровитель монастыря великомученик Пантелеимон приходили на помощь монахам, собиравшим милостыню на свою обитель.

«В Москве у купца С. В. Остроухова двухлетний сын по имени Леонид опасно заболел и, не засыпая ни днем ни ночью, не давал и родителям успокоиться на самое короткое время. Страдания малютки были так тяжки, что врачи признавали болезнь неизлечимую, а потому родители в мучительном положении ожидали с часу на час его смерти. В это время пришел к ним инок монастыря святого Пантелеимона, который бывал у них и прежде. Узнав об их скорби, он предложил принести им имевшуюся у него икону святого Пантелеимона, к которому советовал обратиться с усердною молитвою, говоря, что угодник Божий исцелит дитя их, как исцелил уже во многих местах различно недуговавших, кои обращались к нему с полным усердием.

Родители малютки приняли это предложение с живейшею радостью и дали обет, что если святой Пантелеимон воздвигнет сына их, то они непременно сделают для соборного его на Афоне храма заказ икон двенадесятих праздников, в которых обитель, как им было известно, нуждалась. Инок с полным усердием поспешил принести в дом икону святого Пантелеимона, данную ему в благословение из обители, и по принесении ее, спустив воды с лика угодника, дал выпить три ложечки малютке и ею же помочил его головку.

После этого больной вскоре заснул. Сердобольная мать, неотступно находившаяся при постели дитяти, была утешена во время сна его особым знамением, служившим к удостоверению в его исцелении, что по вере их и исполнилось. Проснувшись, малютка был уже здоровым и в три дня совершенно укрепился. Чудо это совершилось в апреле 1863 года. Обрадованный отец тогда же распорядился заказом 12 праздничных икон, которые теперь находятся в обители и служат украшением ее соборного храма».

О благоволении святого великомученика Пантелеимона к обители и его чудесной помощи рассказывает монах Русского монастыря Емилиан (Рассоленко). Отец Емилиан большей частью находился на послушании на своей родине – Кубани для закупки пшеницы и имел благословение приобрести там мельницу в пользу обители. Нашлась продающаяся мельница. Купили и записали на имя его родного брата Михаила Григорьевича. Мельница требовала ремонта, нужно было отправлять хлеб, а денег было мало. К тому же случались недоразумения с местными жителями, подозревавшими, что он участвует в покупке мельницы.

«Мне так было прискорбно, – рассказывает отец Емилиан, – хотел было отказаться от этого. Я обратился за помощью к Царице Небесной и святому великомученику Пантелеимону и однажды вечером, отходя ко сну, прочитал два акафиста – Божией Матери и святому Пантелеимону, потом лег спать по обычаю. В эту ночь я видел знаменательный сон. Представилось мне, будто я нахожусь на том месте, где устраивается мельница, и осматриваю оное место. Вдруг прибегает ко мне подрядчик – мастер, который подрядился устроить мельницу, и говорит мне: «Емельян Григорьевич! Вас просит хозяин к себе и желает повидаться». Я спрашиваю: «Какой хозяин? Мина Феодорович?» Он отвечает: «Нет! А ваш хозяин, Пантелеимон».

Я удивился, полагая, что приехал кто-нибудь из числа братии монастыря. Но когда пошел к нему, то увидел святого великомученика, как изображается на иконе, в таком виде: в правой руке держал он крест и пальмовую ветвь, а левую имел

сжатую, будто что-то в ней держал. И когда обратился к нему, то близко подступить не мог, так как около него был как бы пламень, и я почувствовал в себе страх и радость.

Тут стал он мне говорить: «Видишь эту славу, в какой я нахожусь? Ты прочитывал мое страдание, как я страдал и получил эту славу, и прочитывай его всегда, и тем будет утешаться твоя скорбь об этом, что на тебя много нападков, и не оставляй этого места, устраивай мельницу, ибо она нужна для новой обители и на это есть Божий Промысл». Тут он разверз свою левую руку и показал 11 золотых и серебра 20 рублей целковыми и объяснил: «Это тебе для уверения; чтобы ты не сомневался, что это не мечтание, а есть истина, ты эти деньги получишь (и сказал место и имя благотельницы). А когда получишь деньги, отдашь их брату для устройства мельницы». Потом, когда все мне объяснил, сказал: «Положи три поклона и приложишься ко кресту», что я и исполнил. Потом сказал: «Когда бывает тебе скорбь, обращайся всегда ко мне, я всегда готов помочь, и не бойся временной скорби». И стал невидим.

Когда я встал, то был в страхе и радости, так что заплакал. Потом это видение объяснил я брату и, с нетерпением желая удостовериться в истине, поехал в то место, где по указанию святого должен был получить деньги. В эту ночь, когда мне виделся святой, является он и к благотельнице, которая, имея у себя скопленную сумму, эту самую, определила ее пожертвовать на святую нашу обитель, но медлила привести в исполнение. Святой Пантелеимон ей сказал: «Отнеси и отдай деньги тому, кому обещалась, ибо они ему нужны». Она после этого видения прибегает на квартиру, где я останавливаюсь, и спрашивает: «Приехал ли тот монах?» Ей отвечают, что не было, и спрашивают: «На что тебе?» Она объяснила подробно, что видела молодого человека, «который побуждает меня отдать деньги. Когда придет, то возвестите мне». На другой день я и приехал, и получил те самые деньги, которые видел в сонном видении. Она мне объяснила свое видение подробно, что видела святого в том виде, как он изображается на иконе, и он сказал ей: «Когда придет монах, то отдай ему деньги, которые ты обещала, ибо они ему нужны». А про себя сказал:

«Я хозяин того монастыря, которого этот монах, которому ты обещала».

«Однажды, – продолжает отец Емилиан, – еще прежде того, я торговал пшеницу, но в цене мы не сошлись, мне не уступили, так и разошлись. В эту ночь мне является во сне молодой человек, одетый в подрясник, и говорит: «Возвратись к этому хозяину, у которого торговал пшеницу, и возьми пшеницу, дай цену ту, которую он просил, ибо он денег с тебя не возьмет, а родителей [своих] запишет [на поминавание в Русик]. А для удостоверения тебя, когда ты приедешь на квартиру, куда заезжаешь, и он придет сейчас же».

В ту же ночь вышеозначенный торговец видит во сне молодого человека, побуждающего его, чтобы он записал имена родителей в святую обитель для поминовения, и он утром приходит к хозяину моей квартиры и с нетерпением спрашивает обо мне, что я за человек? А тот отвечал, что он из обители, может быть даже и монах, хотя и носит одежду мирскую. И торговец сказал: «Когда приедет отец Емилиан, то скажи ему, дабы он пришел ко мне, ибо он мне очень нужен».. Иеромонах Арсений (Минин). 70-е годы XIX века.

И пока они разговаривали, я вхожу в дверь, они весьма удивились, что я явился вовсе неожиданно. И отправился с этим торговцем к нему в дом. Он мне рассказал, что он в эту ночь видел во сне своих родителей покойных, и молодого человека, и меня, стоящего в отдалении. Молодой человек, показывая на меня, говорит: «Отдай ему пшеницу, почем тебе он давал, и запиши своих родителей». Я ему рассказал тоже свое видение и что я, собственно, по этому делу и приехал. Что этот молодой человек нам обоим сказал во сне, то все и сбылось».

Видя такие чудеса великомученика Пантелеимона, русский народ щедро жертвовал на нужды его святой обители. Но особое благоволение великомученик проявил к своему монастырю, когда в 1862 году по благословению старцев Руссика в Россию был отправлен иеромонах Арсений с частицами его святых мощей, крестом с частицей Животворящего Древа Креста Господня, камнем от

Живоносного Гроба Господня, чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери и другими святынями обители.

Отец Арсений со святынями объехал почти всю Россию и везде оставил по себе благой духовный след. Губернии Воронежская, Калужская, Саратовская, Орловская и многие другие, куда только ни приносились святые мощи, были свидетелями многообразных исцелений от душевных и телесных болезней всех, кто с верою и любовью приходил к ковчегу святых мощей. Дивный во святых своих Бог, являя благодатные знамения, тем утверждает в людях спасительную веру. Вот некоторые из великого множества чудес.

«Житель города Симбирска Петр Алексеевич Михайлов поражен был параличом, у него сведен был рот на сторону, так что нельзя было понять, что он говорит; кроме того, поражена была и нога. Когда он приложился к святым мощам, с ним повторился удар паралича, но удар спасительный, потому что вследствие его болезнь прошла и он получил исцеление».

«Бывший крепостной человек симбирской помещицы Екатерины Александровны Столыпиной Дмитрий Петров Зимнинский был отчаянно болен. По просьбе госпожи Столыпиной святые мощи целителя Пантелеимона и других угодников с Животворящим Крестом Господним были принесены в городскую больницу, где лежал больной. Больной был так слаб, что не имел сил приподняться с постели и приложиться, но по совершении молебна, когда святой Животворящий Крест и святые мощи были возложены на больного, он получил совершенное исцеление от тяжелой своей болезни и вступил в исправление служения своего госпоже Столыпиной».

«Симбирская мещанка Ирина Никитина Васильева около 20 лет страдала тяжкою тоскою и озлоблением. Когда же она бывала в церкви, то с нею делалась страшная зевота, потягота, ее ломало, дергало и корчило. При этих припадках постоянно еще страдала она от терзавшей ее внутренней боли, от которой ничто ей не помогало; хотя она много истратила денег на свое лечение, но все было напрасно. Услышавши о святынях, принесенных в Симбирск со Святой Афонской Горы, она долго

удерживаема была духом злобы и по чувству какого-то неизъяснимого страха не решалась идти на поклонение им.

Наконец, она вразумлена была следующим сновидением, устранившим ее и заставившим поспешить идти на поклонение святыне. Видалось ей, что она всходила на высочайшую гору, на вершине коей находились будто бы мощи святых угодников, и что, падая и обрываясь беспрестанно, она с ужасным трудом поднималась, чтобы поклониться им, а когда приближалась к вершине, вдруг ее начала искушать вражеская мысль возвратиться назад, с тем чтобы, обошедши кругом около этой горы, взойти на оную. Но лишь только она подумала исполнить эту мысль, мгновенно оторвалась и упала с горы в какую-то глубокую пропасть и от страха проснулась.

После сего сновидения она уже не медля поспешила идти на поклонение святыне, но и тут прикладывалась к ней с большим сопротивлением, из чего ясно увидела, что вся болезнь ее происходит от обдержавшего ее духа злобы, который доселе мучил ее, скрываясь в ней столько времени под видом телесной болезни. Приложившись к святыне, почувствовала себя много легче; когда же отстояла молебен с водоосвящением и на нее возложили крест с частицею Животворящего Древа и дали испить святой воды, то по милости Божией и молитвам святых угодников Божиих почувствовала совершенное исцеление».

«Одна молодая женщина, мещанка симбирская, имела жестокую внутреннюю боль с тоскою, которая в ней открылась внезапно, без всякой видимой причины. От этой болезни она принуждена была более лежать, долго оставалась в таком безотрадном, болезненном положении, и ничто не помогало ей.

В это самое время принесены были в город Симбирск со Святой Горы Афонской святые мощи угодников Божиих и Животворящий Крест. Вместе с прочими на поклонение им пошел и муж оной страдальцы. Выслушав молебен святому Животворящему Кресту и святому великомученику Пантелеимону с другими угодниками Божиими, он получил изображение на бумаге святого целителя и великомученика Пантелеимона и, положив его в карман, отправился домой. Как

только он вошел в дом, с женою его вдруг случилось страшное беснование.

Она рвала на себе волосы и кричала со злобою и ожесточением: выкинь ты из кармана бумагу, которую ты принес из церкви, не подходи ко мне с нею, а то я убью тебя, тогда как он ей ничего не говорил, что принес изображение святого великомученика Пантелеимона. Будучи поражен таким неожиданным припадком беснования жены своей, он поспешил в тот же день, во время вечерни, привести ее к святым мощам, причем она страшно билась, кричала, кусала руки свои, рвала волосы и всячески старалась вырваться из рук державших ее нескольких человек.

Когда же во время служения молебна помазали ее елеем и возложили на нее крест с Животворящим Древом, заставляя ее приложиться к нему и к святым мощам, то она доходила до бешенства, но потом замолкла и стала креститься и плакать. После этого она почувствовала большое облегчение и в следующие дни уже без всякого сопротивления, даже охотно, приходила ко всем службам и прикладывалась с усердием к святыне афонской, а вскоре получила совершенное исцеление. С благодарностию ко Господу и святым угодникам Божиим она потом говела и сподобилась приобщения Святых Христовых Таин в Спасском монастыре».

«Полицейский солдат города Симбирска Павел Ефимов, в апреле 1863 года женившийся, вскоре после свадьбы почувствовал страшную тоску с болью в сердце, отчего он сделался как бы помешанным, говорил бессознательно и чувствовал страх, беспрестанно озираясь на все стороны с выражением ужаса и испуга. Когда Павел Ефимов с женою пришли на поклонение афонской святыне, тогда открылось, что в жене его обитал дух злобы, дотоле скрывавшийся. При виде святыни сделалось с нею страшное беснование: она кричала, топала ногами, билась, рвала на себе волосы, особенно во время молебна.

Когда служащим иеромонахом возложен был на нее Животворящий Крест, то дух злобы, обитавший в ней, кричал: «Уйду, уйду, сожгли меня, сожгли!» По окончании молебствия и

помазания святым елеем, испивши святой воды с Животворящего Креста, она затихла и без сопротивления приложилась к святым мощам. Вместе с нею и муж ее Павел Ефимов, приложившись к святыне, также получил облегчение. В следующие дни они постоянно ходили в храм Божий, с великим усердием прикладывались к святым мощам и кресту и, получив совершенное исцеление, говели и приобщались Святых и Животворящих Христовых Таин».

Кроме вышеозначенных случаев, многие бесноватые, несколько лет страдавшие от нечистого духа, получили исцеление по совершении молебствий святым угодникам Божиим, причем нечистый дух в некоторых из них говорил, что тяжки для них святые мощи угодников Божиих, но всего страшнее для них святое Животворящее Древо Креста Господня.

И первопрестольная Москва, издревле усердная к святыне, не лишена была обильных проявлений милости Божией. Во время пребывания афонской святыни в Московском Богоявленском монастыре соборный храм обители с раннего утра до позднего вечера был наполнен бесчисленным множеством молящихся. Сюда притекали с горячею верою и усердною молитвою многие тяжело и продолжительно страждущие, и вера их, по слову Спасителя, спасала их. Записано и засвидетельствовано было много благодатных исцелений. Вот некоторые из них:

«11 сентября 1867 года, в 9 часов утра, в Богоявленский монастырь привезена была больная вдова унтер-штеймейстера 1-го класса Дарья Ивановна Колоколова, имеющая от роду 53 года, проживающая с 26 января 1855 года в семейном приюте Мещанского отделения попечительства о бедных в Москве, состоящем в приходе церкви святителя Филиппа. В течение 11 лет она лишена была употребления ног и ползала на коленях при помощи рук. Будучи привезена в Богоявленский монастырь начальницею приюта дочерью умершего титулярного советника девицею Любовью Тимофеевой Киселевой, она при помощи рук вползла по церковной лестнице к верхней монастырской церкви

и потом от порога церкви доползла до правого клироса, позади которого поставлена была святыня.

Бывший при святыне иеромонах и один из богомольцев приподняли больную и приложили к святыне. Как только сие было исполнено, то болящая ощутила крепость в ногах, стала на них и пошла; стояла в продолжение всей Литургии и теперь ходит на своих ногах. Что означенная Дарья Ивановна действительно в течение 11 лет лишена была употребления ног, а теперь получила исцеление, в этом письменно удостоверяет священник церкви святителя Филиппа Василий Николаев Богородский, в приходе которого находится приют, равно и начальница приюта письменно удостоверяет, что 11 сентября она была вместе с больною Дарьею Ивановною в Богоявленском монастыре и была свидетельницею ее исцеления».

«У состоящего при московском генерал-губернаторе чиновника особых поручений коллежского советника Егора Ивановича Боголепова дочь Клавдия Егоровна, 32 лет от роду, в продолжение 14 лет страдала затверделостию ниже щеки, на шее, а с минувшего Великого поста сего года от простуды болезнь ее усилилась. Врачебные средства не помогали; она прибегла к помощи единого Всемогущего Врача душ и телес и, пришедши к афонской святыне, помолилась пред нею с усердием.

Возвратившись домой, она помазала больное место маслом от святых мощей и тотчас же почувствовала сильнейший треск в затверделости наподобие того, как бы какие камни ломались. В тот же день к вечеру из больного места потекла материя, и с нею стала выходить разломанная затверделость в виде беловатых камешков, кои хранятся у получившей облегчение на память сего дивного благодатного события. В сем удостоверяют своими подписями отец ее и сама она».

Обильный поток благодатных исцелений и духовной радости, явленных от святых мощей угодника Божия Пантелеимона во время пребывания афонских святынь в России, еще более сроднил благочестивых русских людей с Его

обителю на Святой Горе, послужил как бы новым звеном невидимой связи благословенного царства Российского со святым Афоном и засвидетельствовал о Русском монастыре как о месте особого благодатного покровительства Господа и Пречистой Его Матери над подвижающимися там русскими монахами.

Российское общество всколыхнулось интересом к обители Святого Пантелеимона, и на Святую Гору потянулись паломники, потекли пожертвования благодетелей, множество лиц купеческого звания захотели лично принять благословение и получить отеческое наставление из уст русского духовника Иеронима – также выходца из купеческого сословия, о высоте духовной жизни которого и благодатном божественном даре рассуждения слава все более широко стала извещаться по всей Русской земле.

Глава 17. Расширение и укрепление обители

«Слава Богу, братство постоянно увеличивается, – пишет отец Иероним сестре в 1864 году, – теперь есть до 400 человек братии, русских более 200, а с тем вместе и заботы наши более и более увеличиваются... Здоровье мое непостоянно, и хронические болезни не оставляют меня; желудочные спазмы или судороги постоянно, и днем и ночью, беспокоят меня, также и прилив крови к голове хотя не в равной степени, но ежедневно посещает меня, к тому же и грыжи нередко огорчают сластолюбивое мое сердце.

Ежедневная моя жизнь разнообразна, не всегда одинакова, иногда я имею довольно времени для занятия в келлии молитвою, чтением и прочим, а иногда нет или очень мало: братия постоянно занимают меня вопросами по экономии, а более всего по исповеди. Так как у нас приобщаются часто, потому и исповедуются часто, к тому же и чужих много приходит за советами и для исповеди, а многие – для испрошения вещественной помощи...

Из старых материй шьем ризы, подризники и епитрахили, воздухи и раздаем; хоть какую-нибудь дай ему вещь, а иначе не избавишься от просящего, а то он и целую неделю будет жить в монастыре да раза три в день будет приходить к русскому духовнику, кланяться до земли и просить, и все таковые посетители требуют непременно лично объясниться с русским духовником...

Если у кого нет или ризы, или воздухов, или другого чего, то он, не обинуясь, прямо идет в Русский монастырь, отыскивает Иеронима и требует; если откажу ему, то он не обленится прийти в другой раз, и в третий, а то, пожалуй, и в десятый – хоть чрез год, а уже выпросит; разумеется, если есть та вещь, которую он просит, то я не заставляю его во второй раз трудиться приходить для получения ее, но часто бывает, что нет той вещи, которую он просит, и тогда поневоле отказываю ему.

Но они знают, что нам присылают из России эти вещи, а потому и терпят, покуда пришлются нам вещи, и они постоянно

наведываются с вопросами. Для удовлетворения нужд этих рабов Божиих у меня много времени употребляется...

Сплю я не тогда, когда хочу, а тогда, когда судороги попустят мне заснуть, а потому я не всегда могу заснуть до утрени, попытаюсь – раз, и два, и более ложусь, и, если судороги сильны, тогда я более хожу по келлии, для того и келлия моя сделана нарочно длинная – шагов десять. Много хожу, особенно ночью, иногда до того, что ноги и поясница заболели от ходьбы, а особенно подошвы, и тогда я рад бываю, если кто из братии придет ко мне побеседовать, тогда я не столько чувствую жестокость моей болезни. Иногда случается, что судороги не сильны, но и тогда все-таки не могу заснуть, по крайней мере тогда хотя могу сидеть, читать или писать.

В полночь у нас звонят на канон, или келейное правило, а через час – к заутрене; тогда я иду в церковь к заутрене; от утрени я ложусь спать до поздней обедни, в это время я сплю, и то если судороги позволяют мне это, ибо нередко случается, часто в сутки ничего не засну, а иногда и двое, но это бывает редко, и тогда чувствую себя во время обедни слабым, выключая, когда благоугодно бывает силе благодати Божией совершаться в немощи моей; и часто на утрени и дремлю, и по причине моей великой лениости еще и не противлюсь дремоте, а иногда и желаю заснуть в церкви – вот как я подвизаюсь!

После обедни или принимаю гостей или поклонников, или иду осматривать экономические службы и заведения, которых есть довольно; посетивши больницу, побываю на гостинице, в поварне, в трапезе, в канцелярии, в живописной, в литографии, в типографии, в кожевенном заводе, в кузне, в слесарне, в ткацкой, в столярне, в портной, в сапожной, на пристани и на огороде и прочее, и на это уходит около трех часов, иногда эту проходку делаем вместе с герондою, то есть игуменом, но более один я, потому что старец по старости редко выходит за монастырь.

Потом я обедаю и после обеда опять принимаю гостей и поклонников, или братию, или же мастеровых или с экономами занимаюсь и потом если чувствую расположение ко сну, то поспешаю прилечь, иногда засну и посплю, а иногда и нет по

милости спазмов, в таком случае или читаю, или письма подписываю, или диктую писарям; в настоящее время писем из России присылают много с разными вопросами, и на все нужнейшие письма мне требуется диктовать, а на исповедь и своеручно отвечаю – что делать, иногда с пренебрежением пополам с крехтом и оханьем.

А вы, может быть, думаете, что я все делаю с благодушием? Нет. Нередко с удивлением спрашиваю сам себя: «Да как это я упал в такую беду, оплелся таким огромным семейством? Сколько хлопот и забот, попечений, трудов, скорбей, болезней и бедствий! Ни средств, ни обеспечения». Иногда подобные мысли и добре подталкивают в сердце, а наиболее тогда, когда братия некоторые за все попечение о них воздают неблагодарностию, но в это время благодать отчетливо говорит внутреннему слуху:

«Не пе́цываете́ у́бо, глаго́люще: что́ я мы, или́ что́ пи́ем, или́ чим одéждемся? Всéх бо сих язы́цы и́ шут: вéсть бо Оте́ц ва́ш небéсный, яко́ трéбуете с́их всéх. Ищи́те же прéждецáрствия Бóжия и прáвды егó, и сия́ вся́ приложáтся ва́м» (Мф.6:31–33). И действительно, так обитель наша на опыте это видит.

Слава Богу за все. Многие из братии моей много утешают меня своею богоугодною жизнью, и это много ободряет меня».

Это письмо весьма примечательно для раскрытия перед нами личности старца Иеронима – мы видим его почти жалующимся своему родному и близкому по духу человеку (сестра его в то время была уже монахиней и на должности благочинной монастыря), перед которым старец не стесняется признаться в немощах телесных и душевных, открыться в слабостях и попрекнуть себя за них.

Но когда вдумываешься в смысл его слов, пытаешься представить себе возраст и здоровье отца Иеронима, его тяжкие, трудно переносимые телесные недуги и сопоставить их с той нагрузкой – физической, моральной, эмоциональной, духовной, с теми скорбями – от забот по содержанию братии, от искушений, от этих самых братий исходящих; от зависти и клеветы греков, от непрочности нахождения русских на Святой

Горе в связи с русско-турецкими войнами и агрессивным национализмом части Протата; с непрерываемым молитвенным напряжением, с необходимостью выслушивать, сопереживать и давать советы тысячам исповедающихся – только отчасти представляя себе эту для человека неподъемную нагрузку, понимаешь – да! Поистине святые «плакали о добродетелях своих как о грехах!»

И понимаешь – какую же гигантскую работу Дух Божий в соработничестве со своим верным послушником старцем Иеронимом совершал его руками на Святой Горе! Еще недавно – нищий, осаждаемый кредиторами монастырь – принявший русских под свои стены как последний шанс остаться нерасформированным и просто выжить, спустя без малого четверть века имеет многочисленные «экономические службы и заведения, которых есть довольно; больницу, гостиницу, поварню, трапезу, канцелярию, живописную, литографию, типографию, кожевенный завод, кузню, слесарню, ткацкую, столярню, портняжную и сапожную мастерские, склады на пристани, возделанные огороды и прочее...». Сколько же всего еще за этим «прочее»?

За ним – строительство новых храмов и келейных корпусов, возрождение «метохов» – сельскохозяйственных угодий монастыря за границами Святой Горы, восстановление Старого Руссика и множества принадлежавших монастырю и вновь выкупаемых у греков для русских отшельников келлий, что требовало постоянного притока из России денежной помощи...

Уже одно это перечисление построек внутри и вне Пантелеимонова монастыря, сделанных после Крымской войны за какие-нибудь полтора десятка лет, показывает, сколь великие русские денежные средства и труды были употреблены на благоустройство обители. При этом большие долги монастырские с ежегодными процентами на них, начавшие уплачиваться с 1840 года, со времени прихода в монастырь отца Иеронима, к 1866 году были погашены, было уплачено до 800 тысяч пиастров (100 тысяч рублей).

В 1860-х – начале 1870 годов немало было сделано к благоустройству и благоукрашению внутри самой обители, в

которой велось большое строительство. Параллельно Покровскому собору, с северной его стороны во всю длину в 1867 году приделана новая просторная церковь – во имя святого благоверного князя Александра Невского, устроенная в память чудесного избавления государя императора Александра II от смертельной опасности (в 1866 году) и освященная в 1868 году посетившим в то время Святую Гору преосвященным Александром, епископом Полтавским.

Церковь Святого Александра Невского сначала была отделена от Покровского собора капитальной стеной и потолок имела ровный, без купола, но после была соединена с Покровским собором и над ней устроен купол. В прежнем монастырском пирге, вошедшем в Покровский корпус, вновь устроены и освящены митрополитом Варненским Иосифом два параклиса: один в честь Вознесения Господня, в память прежнего приморского монастырька, из которого выросла нынешняя величественная обитель, а другой во имя святых равноапостольных Константина и Елены, в память посещения обители в 1845 году великим князем Константином Николаевичем.

Затем в 1871 году, когда Покровский корпус был продолжен на восток, параллельно с братской больницей на восточном конце южного греческого корпуса, и в нем выстроены внизу служебные помещения – просфорная и другие, а сверху архондарики, в восточном углу в верхнем этаже также вновь устроены три параклиса: в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и во имя святых богоотец Иоакима и Анны и святого Иосифа, обручника Пресвятой Богородицы, освященные архиепископом Дионисием в 1873 году.

Немного ранее того, в 1871 году, возобновлен был русскими параклис во имя святого великомученика Димитрия Солунского, устроенный еще до их вступления. В нем учреждено неусыпное (за исключением немногих праздничных дней) чтение Псалтири за благодетелей и в память сохранения обители во время Крымской войны (1853–1856), также как и в другом, выше над ним, параклисе во имя святых Архангелов учреждено

ежедневное чтение Евангелия (по евангелисту в сутки) иеромонахами и иеродиаконами в память сохранения обители во время другой русско-турецкой войны (1877–1878).

Это чтение было установлено 15 июня 1878 года, в день тезоименитства старца-духовника Иеронима. Во многочисленных параклисах Свято-Пантелеимонова монастыря на Божественной литургии и молебнах совершалось поминовение благодетелей, число которых с каждым годом возрастало.

На купола Пантелеимоновского собора поставлены восемь больших золоченых крестов; стены его были расписаны еще в 1855 году замечательным живописцем, иеромонахом Русской обители Василием (Селезевым). Трапезная была расширена, так как она, устроенная еще Скарлатом Каллимахом, при умножившейся братии оказалась тесной и неудобной. Для этого капитальная стена ее западного оконечника в 1861 году была разобрана, и тогда же сделано с внешней стороны монастыря прибавление, простирающееся на запад к морю на 8,5 метра и на север при прежней монастырской стене на 21 метр.

Игуменское место было сделано, как и прежде, в углублении западного оконечника. Прибавление это в 1860-х годах оставалось еще не расписанным, только над иеромонашеским столом сверху сияло изображение Господа Вседержителя с благословляющей рукой, тогда как отделение, составлявшее прежнюю трапезную, было расписано мастерской русской кистью еще в 1843–1844 годах. В 1870-х годах было расписано евангельскими событиями и ликами святых и прибавление. На колокольне над трапезной появился колокол в 127 пудов, пожертвованный вместе с другими, меньшими колоколами московским почетным гражданином Александровым.

Когда братство обители к 1870-м годам увеличилось до 500 человек, остававшаяся без построек восточная сторона монастыря стала застраиваться корпусом с братскими келлиями сверху и служебными помещениями (прачечная) внизу. За стенами монастыря поблизости, против малой северной порты (входа в обитель), в 1860 году устроено здание для кожевенного

завода, а на берегу моря, против большой южной порты, – помещение для склада и хранения привозимых на судах вещей.

Наконец, сама главная порта монастыря была украшена: над входом, над нишей, где живописно изображен лик святого великомученика и целителя Пантелеимона, в 1862 году был сделан открытый куполообразный навес, который одной своей стороной упирается в стену, а другой опирается на две мраморные колонны.

Когда братство обители к 1870-м годам увеличилось до 500 человек и продолжало расти далее, стало ясно, что ни Пантелеимоновский, ни Покровский соборы со всеми другими храмами не смогут вместить братию и многочисленных паломников при сохраняющейся тенденции увеличения их количества. Отец Иероним воодушевился идеей создания нового большого собора на площади между монастырем и архондариком. Причем имя новому храму долго выбирать не пришлось. Главную цель своей деятельности в качестве руководителя и духовного отца русского иноческого братства отец Иероним видел в создании единоклюнной, сплоченной общины. Высочайшим образцом взаимоотношений, которые должны царить в иноческом общежитии, являются внутренний мир, согласие и единство, присущие Триипостасному Единосущному и Нераздельному Божеству. Как в Святой Троице при различии Лиц естество едино, так и в монастыре при многообразии братства должны быть у всех душа и сердце едины для любви, намерения – для богоугодных дел и подвижничества, мысли и уста – для богословия. Собор Святой Живоначальной Троицы должен был стать символом духовного единения братии, венчающим многовековую историю русского монашества на Святой Горе Афон.

Идея эта была преподана отцу Иерониму еще великим старцем Арсением, общим русским духовником, когда тот отпускал своего возлюбленного ученика и преемника по старческой благодати на духовничество в Свято-Пантелеимонов монастырь. Но при жизни отца Иеронима обитель не обладала такими мощными финансовыми ресурсами, и перед смертью старец передал благословение своему духовному преемнику

отцу Макарию (Сушкину) продолжать молитвы к Богу о благословении постройки храма. Отходя в вечность, отец Иероним подарил братству образ Святой Троицы в память о нерушимости в обители общежительных правил и старчества, что является единственным залогом непостыдного иноческого образа жизни, а следовательно, и залогом существования монастыря. Перед своей кончиной отец Иероним молился, чтобы Господь сохранил общежительное благоустройство обители до скончания века и вразумил всех его преемников, как хранится общежитие и за что теряется.

По благословению схиархимандрита Макария, верного ученика старца Иеронима и приемника по благодати, образ, подаренный почившим духовником, был помещен на Горнем месте алтаря Покровского собора, и перед ним была возожжена неугасимая лампада, которая горит и по сей день именно там! Покуда горит сия лампада, бьется сердце русского монашества на Святой Горе Афон.

Беспрерывные молитвы старцев были услышаны, и милостивый Бог дал отцу Макарию особый знак на благословение постройки Троицкого храма. Это явление было зафиксировано в дневнике схииеромонаха Владимира (Колесникова): «Игумен Макарий однажды в алтаре Покровского храма трижды видел дивный свет от престола, а потом слышал и глас: первый свет – Бог-Отец, второй свет – Бог-Сын, третий свет – Бог-Дух Святой; Святая Троица неотступна от сего места». (АРПМА. Док. № А000311. С. 63). После этого явления отец Макарий принял решение организовать сбор средств для строительства Троицкого храма, что поручил находящемуся тогда в Москве преподобному Аристоклию (Амвросиеву). Тот с ревностью приступил к делу, но в 1895 году перешел на послушание в монастырь, и сбор средств на время был остановлен. В 1909 году отец Аристоклий был назначен настоятелем подворья и снова приступил к выполнению порученного ему старцем послушания. В течение пяти лет он собрал более двух миллионов рублей, что подтверждено финансовыми отчетами подворья за данный период (см.: АРПМА. Док. № А000053).

Отец Аристоклий заказал и архитектурный план будущего храма, который должен был быть уменьшенной копией Константинопольского храма Святой Софии. День освящения и начало закладки первого камня в фундамент храма были назначены на праздник Святой Троицы 1915 года – в год 30-летия преставления духовника Иеронима. Но начавшаяся Первая мировая война помешала реализации этих замыслов.

Отец Иероним, сам будучи в одно и то же время иконописцем, строителем-техником, музыкантом и вообще, по свидетельству всех его знавших, деловым человеком, старался насадить и развивать полезные для обители искусства: иконопись, живопись, фотографию, печатание литографий. Обустроив должным образом монастырскую иконописную мастерскую, старец завел при ней иконописную школу, где русские мастера работали под руководством опытных учителей при его непрестанном надзоре и личных указаниях, и многие вышли из этой школы замечательными иконописцами.

Написанные монастырскими иконописцами иконы щедро раздавались поклонникам, отсылались в Россию благодетелям, храмам, монастырям, многочисленным подворьям обители, и мало было в России мест, где бы не имелось иконы афонского письма. Присланные со Святой Горы в благословение храмам иконы встречались торжественно, с крестными ходами и ставились на особо видных местах в богато украшенных киотах, а в домах сберегались как драгоценные святыни и передавались из рода в род.

Как мы видели, от этих икон и изображений святого великомученика Пантелеимона во множестве происходили чудотворения, что еще сильнее располагало православных людей к помощи его святой обители и распространяло добрую славу о ней и ее духовных руководителях.

Иконописная школа, основанная старцем Иеронимом, просуществовала в монастыре недолго, так как обученные в ней мастера предпочитали уходить в келлии и продолжали работать самостоятельно, снабжая иконами афонские монастыри, в том числе и Пантелеимонов, за известную плату.

Школа, таким образом, доставляла монастырю хлопоты и большие расходы, а пользы приносила немного. Но иконописцы, приобретшие опыт и мастерство под руководством старца, уходя из Пантелеимонова монастыря, распространяли по всему Афону и за его пределы особый стиль иконописи, названный почитателями афонским письмом, а святогорцами-греками – русской манерой.

В то время, когда в церковном изобразительном искусстве преобладала живопись, афонский стиль, соединяя живописность с иконописностью, предшествовал возрождению древних византийских традиций и подготавливал «нынешних слабых людей» (как говорил отец Иероним) к восприятию лучших иконописных образцов.

Иконы афонского письма сильно отличались от преобладавших в то время живописных работ тщательным следованием иконописным образцам, красотой и одухотворенностью ликов, выполненных в достаточно условной манере, легкостью светлых красок, тщательной отделкой и сплавленностью живописи, как бы «нерукотворностью».

Даже наиболее ревностные приверженцы византийской иконописи из греков, видя строгую церковность икон «афонского стиля», оставались довольны ими. Думается, что именно под духовным влиянием старца и присущего ему художественного вкуса зародился этот иконописный стиль, который стал цениться в Греции, России, многих других странах и почитается до сих пор.

На литографических и печатных станках в Свято-Пантелеимоновом монастыре производили брошюры, листки, картинки религиозного содержания и образки, которыми также снабжалась почти вся Россия. Миссионерское влияние печатной продукции русской афонской обители трудно переоценить, так как оно было огромным, и многие жители России порой впервые всерьез задумывались о Вечном, взяв в руки печатный листок с логотипом Пантелеимонова монастыря.

Все эти хозяйственно-строительные деяния отнюдь не мешали старцу Иерониму исполнять основную свою обязанность – духовного руководителя русского монашеского

братства обители Святого Пантелеимона и общего духовника всех русских иноков, подвизавшихся по всей Горе Афонской. В обители был налажен четкий распорядок богослужений, братских послушаний, поминальных чтений и келейных братских молитв. Всякий пантелеимоновский монах, да и любой скитник, келлиот или бродячий монах-сиромеха знали, что в любое время дня и ночи они могут получить помощь от старца-духовника, и по потребности этой помощью пользовались.

Наладив стройную монашескую жизнь в лучших традициях общежития, приведя монастырь в цветущее и блестящее состояние, освободив его от долгов и расширив вдвое, отец Иероним, уже стареющий, немощный плотью, изможденный болезнями, но неутомимо бодрый и горящий духом, обращает свое внимание на территории, принадлежащие монастырю или ранее принадлежавшие ему.

Со своим учеником и другом, сотаинником отцом Макарием, по благословению и искреннему сочувствию игумена Герасима, начинает он собирать земли, утраченные в период крайнего упадка, возвращать и восстанавливать келлии и скиты, находящиеся на них, а также возводить новые. Собирая и осваивая утраченные некогда земли, возобновляя старые, полуразрушенные келлии, старец не просто заботился о восстановлении хозяйства, но был воодушевлен более высокой идеей.

По его замыслу, все иноки, живущие в келлиях и скитах, принадлежащих обители, должны были представлять собой одну сплоченную духовную семью, вместо разрозненных и неоднородных по духовному состоянию иноческих общежитий и отшельничающих одиночек.

Монастырь он представлял себе как единый организм, имеющий стройную единоклубную структуру, свободно, а не принужденно подчиненную игумену и воодушевленную общей целью. Так же и восстанавливаемые келлии и скиты он видел входящими в эту единую структуру, безусловно подконтрольную и подчиненную монастырю и получающую наравне с насельниками самой обители как материальное содержание, так и – в первую очередь – пищу духовную.

Свой замысел отец Иероним воплотил в жизнь и передал таковое устройство обители своим преемникам как принципиально важное и необходимое условие для существования здоровой духовной атмосферы в монастыре и родственных с ним русских монашеских общежитиях.

И действительно, после него ни один из скитов, ни одна из келлий, принадлежащих Руссику, в отличие от общепринятой на Афоне практики, не сдавались по договору (омологии) в аренду стороннему «пользователю», но всегда оставались неотъемлемой частью или единицей общемонастырской структуры и имели свое функциональное значение. Сами «пользователи» должны были быть не сторонними арендаторами, но обязательно членами братства – единой духовной семьи, руководимой мудрым духовным отцом – старцем Иеронимом.

Такое положение было закреплено юридически: в официальных документах все скиты и келлии значатся как метохии и кафизмы (филиалы), не имеющие статуса самостоятельного юридического лица и лишь номинально именуемые скитами и келлиями.

Внимание старца Иеронима прежде всего было обращено на место древней русской обители. Старый Нагорный Руссик около восьмидесяти лет назад был оставлен всеми на разорение стихиям. От величественного соборного Пантелеимоновского храма, расписанного некогда великим Панселином, не осталось и следа. Храм Успения, стоящий рядом, готов был вот-вот обрушиться. Еще раньше стены и келейные корпуса с башнями и храмами рассыпались в прах.

И только пирг – древняя угловая башня с Предтеченской церковью, словно вековой исполинский памятник, возвышался над этими останками. Работы начались с реставрации указанного пирга, еще подлежащего ремонту. Именно здесь, в этой башенной церкви принял монашеский постриг святитель Савва Сербский! Именно из этого верхнего окна выбросил он посланным за ним царским слугам свои царственные одежды и объявил о том, что царевича больше нет, есть только смиренный монах!

Впоследствии Предтеченский храм был переименован в его честь. Ниже будут устроены еще два параклиса. А к Саввиной башне – пристроен новый братский корпус, который вскоре будет заселен братьями-иноками. Молитва вновь зазвучит в этом священном месте. А 3 июня 1871 года здесь будет совершена первая после многих лет запустения и забвения литургия.

Были возобновлены также древние келлии: три Георгиевских, Благовещенская, Трехсвятительская, Иоанно-Предтеченская, переименованная в Евфимиевскую, Живоносного Источника, святого великомученика Димитрия Солунского, архидиакона Стефана, святителя Григория Неокесарийского. Кроме этого, устроены новые келлии: Почаевская, Космодемьянская, Троицкая и преподобных отцов Печерских.

Каждая из перечисленных келлий несла на себе по отношению к монастырю определенную хозяйственную функцию: в старом Руссике находились монастырские огороды; в Благовещенской келлии – виноградник и пасека; в Димитриевской – оливковые и фруктовые сады; в Троицкой и Печерской – оливковые рощи; в скиту Крумица – виноградники и т. д.

По замыслу отца Иеронима, воплощенному в реальность, все эти вышеперечисленные номинальные скиты и келлии, будучи звеньями единой структуры, представляли собой места для временного упражнения в аскетических подвигах или постоянного подвижнического жития братии монастыря. Но отправлялись монахи туда не иначе как по благословению игумена и духовника. Живущая в келлиях в безмолвии и молитве братия должна была заниматься полезным для всего братства трудом и тем самым приносить двойную пользу обители: духовную – молитвой и материальную – физическим трудом.

Келлия пустынника, по убеждению отца Иеронима, – это не «град прибежища», где может найти себе место своевольный преслушник, не вписавшийся в строгие правила душеспасительного общежительного монастырского режима –

для таковых келлия станет «рвом погибельным». «Градом спасения» для монаха на самом деле могут стать лишь покаяние, послушание и смирение. Келлия же есть столп сугубого подвига, на который восходят только особо призванные Богом молитвенники и подвижники.

Некоторые из них сподобляются этого отшельнического призвания сразу, будучи предузнаны Богом. Другие – преуспев предварительно в общежитии, в общем для всех спасающихся подвиге отвержения самолюбия, эгоцентризма и праздности, распяв себя на кресте послушания и жертвенной любви ко всем другим братьям. Только такие подвижники, обретшие через любовь к ближнему высшую любовь к Богу, способны вместить высокое уединенное житие и стяжать в нем благодатные дары Духа Святого, а не пагубную бесовскую прелесть.

Такая мудро продуманная духовная организация русской монашеской общины на Святой Горе превратила Руссик с подчиненными ему келлиями в поистине единую, сплоченную и гармоничную духовную семью, воодушевленную общими целями и задачами под руководством и воспитанием одного духовного отца. Таким образом, общежительный принцип внутреннего монастырского устройства был перенесен и на внешние малые монашеские объединения, что явило замечательный результат – единство в духе и аскетической традиции всей русской братии Святой Горы.

Тем самым Руссиком был внесен новый и весьма весомый вклад в развитие афонского монашеского общежития в принципе. Благодаря такой организации отцу Иерониму удалось практически преодолеть кажущееся, особенно для русского сознания, противоречие между общежительным и отшельническим образом жизни. В то время как многие были склонны противопоставлять эти способы жития друг другу, отец Иероним считал их двумя взаимодополняющими средствами спасения души.

По его мнению, каждая душа требует индивидуального подхода в деле спасения, и у каждой свой путь ко Господу. Если одному требуется отсечение своей воли в строгой общежительной общине, то другому – безмолвие и отсечение

естественного желания общения. Некоторым, в зависимости от степени духовного возрастания, в разные периоды их жизни необходимо и то, и другое. Как больные нуждаются в разных лекарствах по виду их болезней, так и спасающиеся души нуждаются в разных методах исцеления.

При этом как больной не решает сам, каким лекарством лучше ему лечиться, так и подвижник не должен прежде времени сам определять форму своего подвижничества. Это должен делать исключительно его духовный отец, который творчески подходит к делу спасения вверенной ему души и принимает решения по отношению к ней в соответствии с волей Божией и персональными нуждами этой души.

Индивидуальным, внимательным подходом к каждой душе духовник способен не только подобрать наиболее спасительную форму подвижничества и духовного развития этой души, но и получает возможность глубокого доверительного общения с ней. Душа, видя отцовскую заботу духовника, сама привязывается к нему сыновней любовью и абсолютным доверием. Только такие доверительные отношения между духовником и подвижником являются гарантией благополучного совершения спасительного действия воли Божией в жизни конкретного монаха.

Отец Иероним очень творчески и свободно приступал к делу спасения душ своих чад. Будучи убежденным сторонником общежития, он, тем не менее, без оглядки на эту общую для всех норму, благословлял нуждающимся в этом жить в келлиях обители и вести там отшельнический образ жизни. Делал он это только в том случае, когда имел верное удостоверение о наличии на это воли Божией. Для возможности отшельнического уединенного жития он и сам строил много новых келлий вокруг монастыря.

Для тех, кто был способен вместить еще более строгое житие, а также для пустынников, хотевших найти себе пристанище близ русской обители, он предоставил крутой скалистый утес под вершиной горы, возвышающейся над монастырем, где находилось множество пещер естественного происхождения. Поселялись туда отшельники с обязательным выполнением следующих условий: пустынники эти неотложно

должны были бывать у братии в обители определенное духовником количество раз в году и не реже установленного духовником срока являться к нему для исповеди, откровения помыслов и причащения Святых Христовых Таин.

Вскоре скалистая сия пустыня, некогда бывшая пристанищем лишь змей и скорпионов, по благословению отца Иеронима, исполняющего волю Божию, превратилась в страну подвига и непрестанной умной молитвы за обитель, за всю Святую Гору и за весь мир. Поистине скалу сию вполне можно наименовать «русской Карулей».

Таким образом, леса, дубравы и расщелины в окрестностях обители наполнились заповедными местами, связанными между собой и с монастырем цепочками брусчатых троп и дорожек. Эти духовные «столпы» своей пламенной молитвою достигали неба и восполняли недостаток оной в киновиальном братстве по причине неизбежных, хотя и допустимых общений и хозяйственных попечений.

В качестве общего русского духовника на Афоне, обязанности которого он принял от рук почившего великого старца Арсения, отец Иероним никогда не забывал и не оставлял пустынных чад своих, но всячески старался облегчить их нелегкое житие.

Об отношении отца Иеронима к пустынножителям и вообще отшельническому образу жизни хорошо свидетельствуют слова отца Денасия (Юшкова): «Начало обильного раздавания милостыни деньгами, провизией, одеждой, обувью и прочими многообразными предметами положено, блаженной памяти, любвеобильным и милостивым духовником монастыря иеросхимонахом Иеронимом.

Покойный «батюшка», как его все называли, в первые годы жительства в монастыре сам путешествовал по горе для раздачи милостыни и всего необходимого своим «духовным друзьям», как он выражался, иногда разыскивая их по самым непроходимым местам, так как до призвания в монастырь он сам жительствовавший в пустыньке и хорошо знал тогдашнего времени замечательных подвижников.

В то время (после 1840 года) на Афоне русских иноков были единицы. Впоследствии, при умножившемся русском братстве, по множеству занятий и при ослаблении здоровья, он ограничивался тем, что, бывало, выйдет в воскресный день после трапезы из своей келейки в коридор, сядет на простой деревянный диван и начнет раздавать всякому по нужде, а нередко и более. Бывало, тут так тесно окружают его со всех сторон, что нет возможности пройти ни лестницей, ни коридором. Разгонять же эту бедноту у него, конечно, и в помысле не бывало.

Тем же из многочисленных пустынножителей, которые по любви к строгому безмолвию или по дряхлой старости, или же по болезням и другим каким-либо причинам не могли лично или часто бывать в монастыре, отец Иероним посылал милостыню с нарочным из своих монахов или с их учениками, если таковые имелись и присылались». Пустынники ради безмолвия ушли в уединенные кельи, но ради содержания себя они были вынуждены вдаваться в суетные попечения, разоряющие плоды безмолвия. Часто за неимением средств они были изгоняемы из своих келий и убогих калив греческими монастырями, хозяевами земли, на которой эти каливы были построены.

Но посмотрим, что придумал этот практический богослов любви, чтобы обеспечить своим чадам безбедное и беспопечительное исполнение ими своей цели и обязанностей. На земле метоха-скита Крумицы, на границе с Хилендарской обителью, высоко над морем по его благословию был основан пустынный скит «Новая Фиваида», русский эквивалент греческих скитов близ вершины. Устроен он был старцем для бедных келлиотов и сиромасов.

За короткий срок тут собралось до двухсот пятидесяти иноков, живущих в отдельных каливах, разбросанных на большом пространстве и содержащихся за счет монастыря. Обителью был выстроен им соборный храм Всех Афонских Святых, больница и некоторые необходимые здания. От монастыря и его метох по благословию старцев доставлялось им все необходимое продовольствие. Но это не самое главное. Важнее то, что, собрав и организовав их всех

вместе, старцы ввели среди них и общий устав, обеспечивающий и юридическую, и нравственную дисциплину.

Таким образом складывалась и создавалась русская афонская духовная монашеская семья, сплоченная вокруг древней русской обители Святого Великомученика Пантелеимона, распростершей, словно мать, духовные объятия свои и собравшей под омофором Божией Матери всех русских иноков на Афоне. Но семья эта была бы неполной без двух Русских скитов – Ильинского и Андреевского.

Напомним, что оба эти скита были основаны в тот печально известный период, когда Русик казался навсегда утраченным для русской братии. Действительно, не было никаких человеческих средств исправить положение, кроме как со смирением и терпением положиться на Промысел Божий, целиком доверившись ему. Правильность именно этой позиции показал дальнейший ход истории: отнюдь не человеческая рука, а детоводящая десница Промысла Божия чудесным образом возвратила русским инокам их древнее достояние.

Эти три русских обители были родственны не только и не столько по национальному признаку, но и по духовному родству, так или иначе, в большей или меньшей степени будучи связаны с общим для всех русских на Афоне духовным корнем – великим старцем Арсением, авторитет которого признавали как андреевцы, так и ильинцы. Приняв смиренно выбор старца Арсения, они объединились вокруг отца Иеронима в единую семью под его духовным руководством как главного русского духовника на Афоне.

Мир и добрые взаимоотношения были восстановлены, нестроения и неприятие остались позади, лучшим свидетельством чего явилась совместная сплоченная деятельность всех трех русских обителей. Собравшись вместе, они выкупили участок земли в Галате, предместье Константинополя, для устройства там своих подворий, которые должны были стать ядром своеобразного русского квартала, где паломники из России, проезжающие через Константинополь к святыням Востока, могли бы чувствовать себя в относительной безопасности, почти как дома.

Со временем один из настоятелей Ильинского скита так скажет о союзе трех русских обителей на Афоне: «Мы, как Троица, на Афоне неразлучны и нераздельны». Отец Иероним прекрасно понимал всю зыбкость статуса русских скитов, не имеющих по афонским законам абсолютных прав на свою землю. Из всех русских обителей только Пантелеимонов монастырь обладал всею полнотою этих юридических прав в качестве «кириархального» – владетельного монастыря.

Остальные же скиты имели относительные права и являлись русскими только номинально. Земли же, на которых они стояли, принадлежали греческим кириархальным монастырям. В тогдашней сложившейся ситуации виделось только два выхода: либо приобрести земли, на которых располагались скиты, в пользу Руссика как полноправного владетельного монастыря, что было сделано в свое время с землею скита Ксилургу, древнейшей русской обители на Афоне, либо добиваться для скитов такого же владетельного статуса, который имели монастыри. Иеросхимонах Нафанаил (Кобелев) верный послушник Духовника Иеронима

Замечательна форма, в которую выкристаллизовалась эта идея. Фактически Руссиком предлагался новый вид взаимоотношений между монастырем и подчиненными ему скитами и келлиями. Русский монастырь по отношению к другим русским обителям и келлиям выступает не как кириархальный, т. е. господствующий или владетельный монастырь, сдающий свою собственность – скит или келлию – в аренду и озабоченный лишь своевременным получением арендной платы и не интересующийся внутренней жизнью своих «арендаторов», но как обитель-мать, несущая ответственность и попечение материальное и духовное о своих дочерних обителях.

По замыслу старца Иеронима, Руссик представлял интересы своих скитников и келлиотов в административных органах Святой Горы и перед внешними мирскими институтами, координировал их совместные действия, распределял средства, необходимые для их существования. Как это ни покажется странным, но именно русская обитель, стремительно развивающаяся и объединяющая всех русских иноков вокруг

себя, по мнению наблюдателей, симпатизирующих ей, и даже открытых недоброжелателей, в конце XIX века воплощала в себе саму идею общежительного монашества на Афоне.

В то время как греческие монастыри еще не вполне оправились от засилья пагубного для монастырской организации идиоритма, распространившегося на Афоне повсеместно еще в начале XVIII века, сплоченная русская иноческая община в кругу разобщенных греческих монастырей, занятых удовлетворением лишь собственных интересов, приобрела огромное уважение, вес и влияние в монашеской среде на Афоне. Осознавая это значение и пользуясь им, русский монастырь становится одним из главных и деятельных защитников и проповедников общежительных принципов на Святой Горе.

В качестве примера того значения и уважения, которые приобрел Руссик, можно привести факт избрания греческими монастырями Агио-Павла и Ксенофонт себе в игумены монахов хотя и греков по национальности, но происходивших из русской обители, в которой процвело образцовое общежитие. Сделано это было по причине отсутствия собственных достойных и сведущих в кинувальном устройении монастырской жизни кандидатов в собственной среде, способных поддержать и сохранить духовную жизнь монастыря на высоком уровне.

Начинания отца Иеронима, направленные к объединению всего русского Афона, были очень своевременными. Они явились ответом на те мучительные вопросы, которые в далеком Отечестве задавала себе общественная, правительственная и церковная мысль, вдруг неожиданно для себя столкнувшаяся с существованием для многих уже непонятной, живой и активной монашеской цивилизации в самом центре «просвещенной» Европы и пытавшаяся определить свое отношение к ней.

Многие религиозно мыслящие люди в России спрашивали себя, насколько велика нравственная польза почитания Афона для России. Насколько Афон полезен и нужен ей в государственном, культурном и религиозном отношении? Стоит ли поддерживать стремления представителей русского народа

оставаться монашествовать на Святой Горе? Жертвовать ли милостыню в находящиеся там монастыри?

На все эти вопросы созданная старцем Иеронимом русская афонская монашеская семья дала авторитетный ответ: Афон – «свет мира и соль земли» во все более отпадающем от христианского самоощущения «цивилизованном» мире.

Русское монашество на Святой Горе – это сплоченная, единомышленная сила, устремленная к Богу и своей жизнью утверждающая в сердцах людей истину евангельской проповеди Христа о Царстве Божьем как о Царстве Любви, опытно реализующая слова Псалмопевца – *«Сé, чтó добрó, или́ чтó краснó, но éже жити брáтии вку́пе»* (Пс.132:1) и изречение Господа – *«о сém разумеют вси́, я ко Моу́ ученицы́ естé, áще любóвь иматé междú собóю»* (Ин.13:35).

Афонское русское монашество засвидетельствовало России, что именно оно – та русская лампада или свеча, поставленная за Отчизну на свечнике Святой Горы, посольство или представительство Русской земли пред лицом Богоматери, призванное передать Ей в дар все то лучшее, на что способна русская душа.

И лучшие представители российской общественности, руководители дипломатической службы, представители правительственных кругов и члены священноначалия Церкви не могли не услышать этой деятельной старческой проповеди в защиту вверенной ему иноческой паствы, не могли не увидеть своими глазами, посещая Святую Гору и Русский Пантелеимонов монастырь, а после и не засвидетельствовать своим современникам в России, что русское монашество на Афоне – это действительно образец прекрасных монастырских порядков, истинно церковного русского православного духа и идеального способа организации монашеского общежития. Что русский монастырь – это единственный «клин» русского присутствия на Востоке, вбитый основательно и надежно, о подобном которому в том же Иерусалиме можно было только мечтать.

Отношение Российского правительства и церковного священноначалия к постриженникам Святой Горы, ранее

воспринимаемым Синодом в качестве неких церковных «диссидентов», которые своевольно оставили Отечество (и потому официально не признавались монашеские и священнические посвящения, совершенные на Святой Горе), благодаря деятельности старцев Иеронима и Макария изменилось теперь кардинальным образом.

Объединяющая роль Пантелеимоновой обители на Афоне была правильно понята, признана и высоко оценена. Обители Святого Пантелеимона была дарована высочайшая милость и покровительство, а русское монашество на Афоне, ею собранное и руководимое, получило официальное признание в правительственных и церковных кругах.

Глава 18. Духовная жизнь старца

Сокровенную глубину души старца Иеронима «никтоже весть, токмо Един Всеведец Бог». А потому мы и не дерзаем пытаться заглянуть в эту дверь, закрытую для посторонних, за которой проходила та труднопредставимая мирскому уму духовная работа, в результате которой и возникла такая «глыба» православного монашества на Святой Горе, величие и значение которой оценить сложно даже спустя полторы сотни лет.

Но поскольку *«всяко бо дрѣво от плодѣ своего познаѣтся»* (Лк.6:44), и *«ниже вжигают свѣтилника и поставля ют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в хра́мине»* (Мф.5:15), так и мы по тому свету, который исходил от старца, по тем плодам духа, которые были очевидны всем знающим его лично или опосредованно, через переписку со старцем, обратившись к их свидетельствам, равно как и свидетельствам Духа, проявившегося в духоносных поучениях отца Иеронима в этих письмах, сможем хоть несколько приоткрыть завесу сокровенного и получить некоторое представление об аскетической жизни Великого Духовника.

Для начала приведем о нем отзыв иеромонаха Серафима (в схиме Сергия) Веснина, одного из лучших и тонкопроницательных описателей афонской монашеской жизни, написавшего бесценную для желающих познакомиться с Афоном книгу «Письма Святогорца своим друзьям о Святой Горе Афонской». Вот что он пишет:

«Что ж касается до русских, их общество безмятежием своим обязано образцовой жизни и редкой доброте духовника своего, иеросхимонаха Иеронима, не занявшего систематического образования ни в какой школе, но опытами духовной жизни, тонким разбором движений сердца и мыслей, а с тем вместе и обширную начитанностью ставшего наряду с лучшими из современных старцев дивного Афона и выше обыкновенных духовников русского святогорского общества. В настоящее время он остается единственным на Святой

Афонской Горе во всех отношениях своего духовнического звания и, как кажется, он только может благодатию свыше вести верно и несбивчиво русское общество по разнообразию путей иноческого спасения. Этот старец – лучшее украшение всех русских на Святой Горе...»

Вспомним еще раз слова великого старца Арсения, духовника всех русских монахов Афона и духовного отца подвизавшегося под его руководством монаха Иоанникия, впоследствии иеросхимонаха Иеронима, знавшего как никто другой внутреннее устройство и состояние духа своего ученика на тот момент, когда русские пантелеимоновские монахи пришли просить отца Иоанникия себе в обительного духовника: «Это великого стоит: отца Иоанникия с учениками потревожить. Они живут спокойно, в безмолвии и мире...»

Безмолвие, дарующее подвижнику идеальные условия для стяжания мира душевного – вот то драгоценное сокровище, которого больше всего искал Иван Соломенцев, идя на Гору Афонскую, то, что он более всего ценил, подвизаясь уединенно со своими учениками в келлии св. прор. Илии; то, что он так боялся потерять и о чем плакал перед своим старцем, умоляя не посылать его на однозначно лишаящее безмолвия послушание духовника русской братии Пантелеимонова монастыря.

Даже приняв со смирением изъявление воли Божьей о своем духовничестве из уст своего старца, он не мог, по природной купеческой закваске, не «выторговать» себе право, исполняя обязанности братского духовника, периодически уединяться в отшельническую келлию для сокровенного молитвенного общения с возлюбленным Господом, без которого, как он хорошо понимал, ему невозможно будет сохранить правильное состояние духа на многотрудном духовническом служении.

Окормляя братию общежительного монастыря, живя с ней одной киновияльной жизнью, он в то же время не переставал в душе оставаться отшельником, собственно «монахом» от слова «монос» – «один», – только подвиг его «отшельничества» посреди многолюдной обители со множеством постоянно

возникающих проблем, требующих его решения как духовника и отвлекающих на себя внимание молитвенника, был много труднее, нежели подвиг обычного келлиота или каливита, живущего в мирном уединении.

Есть разные ступени приобщения человека к молитве – живому общению с Живым Богом. Собственно молитва и начинается только тогда, когда в произносимые молящимся слова, обращенные к Богу, он вкладывает искреннюю веру и внутреннюю силу – энергию души, которая и оживляет слова молитвы, наполняет их жизнью, возносит словно светлый луч ввысь к Престолу Небесного Отца. И Он, принимая это живое обращение души, тотчас же отзывается изливанием Своей божественной Силы – благодати Духа Святого, которая словно «по лучу молитвы» нисходит в сердце молящегося и вызывает в нем в той или иной степени ощутимое им самим преображающее действие.

Можно бесконечно много читать молитвенные тексты, класть поклоны, петь псалмы и совершать любые внешние молитвенные действия, но если напряжение сил души не вкладывается в слова молитвы, если нет этого сердечного молитвенного «луча» из сердца в небо – труды малополезны: слова становятся лишь звуком – лампа без электричества не светит, и, соответственно – нет и «обратной связи».

Произнеся *«От днѣй же Иоанна крестителя доселе царствие небесное нудится ⁶, и нуждницы восхищают е»* (Мф.11:12), Христос имел в виду в первую очередь то внутреннее умно-сердечное усилие, то напряжение души, то горение, без которого невозможно пробить греховную кору дебелий человеческой природы – последствие греха – и выйти в то духовное пространство, в котором происходит общение человеческой души со своим Творцом.

О как легко в нас происходит этот молитвенный процесс, какой факел душевных сил полыхает из нас, когда нисходит на нас бедствие, лишение чего-то самого ценного для нас или возлюбленных нами близких – тогда все наше естество, сосредоточенное лишь на одном – на получении божественной помощи – превращается в сплошной молитвенный поток! И как

же скоро мы обычно бываем тогда услышаны и утешены Духа Святого благодатью! Духовник Иероним. 70-е годы XIX века.

В обычное же время, когда как будто «все в порядке», как же нам трудно бывает не только что напрячь силу души в молитве – даже формально «вычитать» правило молитвенное уже нам кажется подвигом невыносимым... А если и понудим себя – «надо!» – то как формально и бездушно, с каким блужданием и отвлечением мыслей мы вымучиваем из себя слова молитв! Тогда как лишь внимание ума и вложенная в слова молитвы сила души молитву делают «молитвой» – живым общением, двусторонней связью души с Отцом Небесным! Те же, кто, понимая необходимость для спасения души, ее преображения, обожения действием Божественной благодати Духа Святого, к молитвенникам истинным приходящего и совершающего в них благие изменения падшей природы человеческой, всемерно подвигают себя на тяжкий труд внимательного молитвенного делания, преодолев начальные преграды от собственных страстей и от демонского препятствования, – стяжают некий навык, который помогает им быстрее «входить в молитву» и крепче в ней «держаться». И, соответственно, стяжать и более ощутимые плоды благодатного воздействия на собственную душу такого настоящего богообщения.

Те молитвенники, которые, почувствовав непередаваемое чувство радости души от благодатного присутствия в ней Духа Божьего, единственной и главной целью своего подвига соделывают сохранение и приумножение в себе этого присутствия божественной благодати, уже без всякого понуждения себя, но с радостной алчностью бросают на молитвенный труд все силы своего человеческого существа, удерживая в себе непрестанно то напряжение душевных сил, которое, привлеки, уже «не отпускает» из души божественную благодать Святого Духа. Такое непрестанное пребывание в молитвенном общении с Богом еще называют «хождением пред Богом», жизнью с Ним и в Нем, уже совсем меняющей обычные понятия о жизни человека в этом мире. Немногие достигают

этого состояния – уж больно труд велик! Себялюбивому труда такого не поднять...

Отец Иероним в проявлениях своего духа, видимых и ощутимых для окружающих, общавшихся с ним лично или читавших его письма, такое состояние жизни в Боге имел.

Его письма для нас, лишенных возможности непосредственного общения со старцем, остались главными хранителями и свидетелями того особого благодатно-просвещенного состояния духа, пребывание в котором и дало отцу Иерониму способность наполнить духовной силой и ощутимо присутствующей Любовью Христовой написанные или продиктованные им простые слова.

«Письмо твое наполнено духовным сетованием о недостатках твоих, и нынешнего времени, и оскудении старчества, – пишет старец Иероним своей сестре, монахине Маргарите. – Это все хорошо и полезно. Но о последнем я сделаю тебе замечание. Старицы добрые от чего бывают? Не из послушниц ли добрых? А если не будет добрых послушников, то откуда же будут добрые старцы. И так если оскудеют добрые послушники, то по необходимости оскудеют и добрые старцы.

Уже тот худой старец, который не хранит доверенной ему от другого тайны. От этого бывают великия искушения. Ты, Чадо Христово, в разсуждении сего прими от меня совет такой: Если пожелаешь иметь для себя старицу советницу, и во всем открываться ей, то прежде всего помолись Господу трижды, чтобы тебе не сделать ошибки в избрании старицы. И потом узнай верно, хранит ли дар рассуждения, и довольно ли опытна в духовной жизни.

Так, которую ты вознамерилась избрать себе для духовных советов, и если окажется что та старица имеет такие свойства, потом должно испросить благословение от Матери Игумении ходить к той старице на откровение, а без благословения Игумении не дерзать, ибо где какое дело в монастыре начинается без благословения самочинно, так Бог не помогает, а потому от бесчинного откровения мыслей другому часто случаются великия искушения.

У нас здесь пристрастные откровения мыслей друг другу, а особенно молодым, вовсе запрещено, и престоного. Если будешь внимать себе, то без сомнения спасешься. Ибо главное средство ко спасению души есть внимание себе, а не другим. Увы, кто избавит нас от презорства. Мы привыкли присматривать за поведением других, а не за своим, и от сего часто впадаем в тяжкой грех осуждения.

Молю тебя, не имей дружбы с такими старицами, которые не имеют Единомыслия с Игумениею. Хотя бы оне и казались великими подвижницами. Ибо если возносятся и порицают распоряжения Начальницы, то тут добра не ищи, ибо Его нет, да и быть не может. Это обыкновенно случается от самомнения, и от любочестия, когда забываем самоукорение.

Недолжно порицать распоряжений начальницы и в таком случае, если она утешает или отличает молодых более, нежели старых, как это обыкновенно бывает. Ибо так и должно быть. Разумеется, в таких случаях старые люди, не стяжавшие рассуждения, смущаются и ропщут на начальника. Эти немощи везде находятся и к нам в пустыню они иногда заходят, а причиною тому не распоряжение начальника, а наше рассуждение.

И действительно так мне случалось замечать на самом деле: однажды в праздник, по обычаю нашему после трапезы, пришли старцы, и я с ними, к отцу игумену, на поздравление его с праздником. Когда все сели по местам, тогда пришел туда же еще один старец престарелый, и начал садится на полу, на последнем месте. Игумен пригласил его сесть повыше, на это старец сказал со скорбью: на высоких местах пусть сидят молодые, а я уже изветшал как старая ветошка, и недостойн того места; когда я был молодым и правил монастырем, тогда я занимал первое место, а теперь в старости пренебрегают мною, как старою тряпкою.

Другой древний старец сказал ему на это так: Нет, отче, не пренебрегают нас старых, и не гнушаются нами, как старою ветошью, но поступают с нами точно так, как поступают с старыми иконами, которые если состареются, то не пренебрегают их и не гнушаются ими, но с честью и

благоговением переносят их с первого места, и становятся назад. Так точно поступают и с нами.

Прочие старцы, услышавши такое здоровое рассуждение, весьма пользовались оным, сказав: воистину рассуждение есть свет, а не рассуждение тьма. От сего утешительного рассуждения и скорбевший старец развеселился и утешился. Видишь ли, как рассуждение избавляет нас от скорбей, а напротив не рассуждение бывает причиною наших скорбей и мучения. Может быть, ты теперь подумаешь, что не всякий имеет рассуждение, на это я скажу тебе то, что не всякий просит оного у Бога, а если будут просить, то и дастся им оное».

В этом наставлении сестре-монахине явственно ощущается не просто опыт, приобретенный внимательной жизнью в монастыре, но внушенная искренней любовью отеческая мудрость, идущая от полноты благодатного сердца.

Вот старец пишет ей же о важнейшем и серьезнейшем в жизни человека, и какими простыми, но убедительными словами!

«Сего вечера один монах спросил у меня: «отчего, отче, бывает с нами, что мы иногда тяготимся и скучаем эту жизнь, умирать все-таки не хотим, и даже боимся смерти?» Я сказал Ему: «А сам ты об этом как рассуждаешь?» Он ответил: «Я думаю, что по любви к телу, мы не хотим умирать»; я отвечаю ему, что думаю иначе.

Недавно я, бывши в больнице, и увидев там старца Александра слепого спросил у него: «вот, отец Александр, ты уже давно лишился зрения и должно быть очень скучаешь жизнь на Земле, может быть и желаешь умереть, и просишь о том Бога?» Он ответил мне так: «Ах отче! Прости, я не прошу смерти, не хочу еще умирать, боюсь». «Чего же ты боишься?» – сказал я ему. «Как же не бояться, вот тут клопы кусают, и то мне показывается мучительно, а там на том свете может быть будут кусать меня клопыто не такие, а гораздо побольше этих. Так вот Батюшка от чего не хочу я просить смерти. Как здесь ни тяжело, а все-таки лучше, нежели в Аде. А если бы я знал, что на том свете будет лучше здешнего, то сей час готов бы умереть»! – отвечал отец Александр.

«И так по этому поводу не смерть причина нашего страха, а неизвестность судьбы загробной», – сказал я вопросившему меня монаху. Который предложил мне еще один вопрос; такой: «Полезно ли будет заблаговременно домогаться получить извещение от Бога о надежде Спасения?» Я отвечал ему на это, что в Св. Писании есть на это указание во Псалтири, сказано в виде молитвы: «Скажи мне, Господи, кончину мою, и число дней моих кое есть».

И Отцы о сем пишут, советуют просить у Бога извещения о Спасении. Но говорят: «Если ты благоразумен, то проси, чтобы это далось тебе не прежде смерти или близко перед смертью». Ибо другие, получивши извещение заблаговременно, вознерадели. И то надобно знать, что, которая душа не получила извещения, та во время исхода из тела много страдает и смущается, а это вредно для ея веры и благодерзновения.

Впрочем, судьбы Божии не постижимы. Некоторые из великих Святых не получили извещения, может быть для того, что для них оно и ненужно было. Но для нас грешных оно весьма нужно. Благодать и милость Божия да удостоит нас онаго. Аминь».

А вот тому же адресату, казалось бы, настолько личное, касающееся лишь отношений брата и сестры, но в то же время – каждого человека, дерзающего считать себя христианином!

«Хотя я и привык к твоим несправедливым упрекам, но мне жаль тебя, что ты понапрасну страдаешь, принимая вражьи прилоги, а сон твой, если поверить ему, то он предвещает тебе если и скорби, то, во всяком случае, не через меня, то есть не от моего действия, а может быть, с другой стороны, или по причине смерти моей. Потому что я здоровьем слаб стал, и думаю, что скоро умру. И тогда, разумеется, тебе будет скорбно.

Ублажаю тебя, что ты смиряешься и радуешь сему, а что ты написала что потерпим, Бог возвестит старцам на чьей стороне правда, это будет скоро, и со мною и с тобою, и тебе возвестится, что ты по вражескому внушению заподозрила меня в охлаждении к тебе. Увы, нашему непостоянству или малодушию. Если ты побеждаешь благим злое, то ты и здесь

прославишься и в вечности. Пусть злословят нас, пусть поносят, пусть клеветают, лишь бы мы не воздавали им тем же. А без этого и спастись невозможно. Так надобно этому быть, что бы нашими немощами нас же и совершенствовать, а без сего мы и не познаем себя самих».

К этому письму приложено другое, тоже написанное 17 июня 1869 года – по просьбе сестры, монахини Маргариты, к новоизбранной игуменьи ее монастыря. В нем много важного об обязанностях игуменьи и смысле монастырской жизни:

«Ваше Высокопреподобие, Достопочтенная мать Игуменья Максимила! Благословение Божие, и Пресвятой Богоматери, и честного Ея жребия Св. Афонской горы, да пребудет с Вами, и со всею честною обителью Вашею. Сестра моя мать Маргарита, и мать Иеронима, в письмах своих ко мне, извещая Меня о всеобщем свободном избрании Вас обителью Вашею в высокую должность Игумении, при сем просили меня написать Вам что-либо в утешение духовное, так как Вы руководясь благодатным чувством смиренномудрия, скорбите и плачете по причине возложенной на Вас великой ответственной должности настоятельской.

Хотя я не имею дарования духовного утешать других в скорбях их, но усердное прошение любимых моих заставило меня как бы в виде послушания им сделать то, что вовсе есть сверх сил моих. Прошу не счесть это за набор только слов, я действительно таков – словом невежда. У нас Утешитель в собственном смысле один только Бог, а потому написанному слову дать утешительную силу, принадлежит Ему одному. Ему и молимся, Сам Он да утешит Вас, Ему всякое время к тому благопотребное, и наконец в числе утешения.

А так, высокопочитаемая Мать, мне-то что остается написать Вам в утешение Ваше духовное? Вы скорбите и плачете, боясь великой ответственности пред Богом за должность настоятельскую, я вполне разделяю с вами эти страшные чувства, ибо они и меня не редко терзают. Правда есть о чем скорбеть и плакать, ибо сказано: «Ему же много дано, много и взыщется от него».

Для немощных это грошовые слова. Но что же нам в таком случае надобно делать? Уклониться от Креста искусно – беда, сделать преслушание еще того хуже, потому что мы твердо и хорошо знаем его, что оно – смерть душевная. Начало и конец гибели рода человеческого. В таковых случаях Св. Отцы советуют так поступать – подражать Самому Господу Иисусу Христу, Который сказал: «яко же Аз сотворих, и вы такожде творите. Более сея любви нет, да кто положит душу свою за други своя». (ср.: [Ин.13:15](#), [Ин.15:13](#))

Так и мы когда будем постоянно помнить: что собственное наше спасение, и усовершенствование души нашей находится в искании пользы для других, а не для себя самих. Т.е. жить для пользы других. Тогда от свидетельства доброй совести, часто будем чувствовать разные духовные удовольствия или утешения в самих себе. А что другие говорят, что будто бы в должности настоятельской находящийся человек не получает таких высоких дарований от Бога, как свободный получает, то этому не должно верить.

Св. Писание нам показало, что начальствующим низпосылаются от Бога особые великие дарования Божия. Разумеется, если они живут по совести. Поэтому и нам, принявшим от Бога настоятельскую должность, не должно предаваться безвыходной печали, по причине трудности исправления ея и своих собственных немощей, но во всем предаваться Тому, Который сказал, что: «без Мене не можете творить ничесоже» ([Ин.15:5](#)).

К этому, по опытам Св. Отцев, необходимым оказывается настоятелю иметь при себе верного друга – духовного советника – беспристрастного, рассудительного. А где этого нет, там и правление бывает бедственно. За сим для памяти и в благословение от Св. Горы и от нашей обители я посылаю Вам Св. Икону Божией Матери Иерусалимской на мраморной доске. Приимите сию Св. Икону препровождаемую к Вам от искреннего моего расположения и благожелания Вам получения от Господа всех благ даров Св. Духа, полезных для жизни временной и вечной, и укрепления в подвигах настоятельских, в приобретение в избытке плодов духовных, для славы Божией и

пользы Чад Ваших духовных. Еще и да будут Вам, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, ради молитв Пресвятой Богородицы, Св. Пантелеимона. Затем, поручая себя Вашим Св. молитвам остаюсь Ваш грешный Богомолец Иеросхимонах Иероним».

В этом письме старец свидетельствует как бы не от себя, а от Священного Писания: «А что другие говорят, что будто бы в должности настоятельской находящийся человек не получает таких высоких дарований от Бога, как свободный получает, то этому не должно верить.

Св. Писание нам показало, что начальствующим низпосылаются от Бога особые великие дарования Божия. Разумеется, если они живут по совести».

Несомненно, имеющий такие дарования Духа Святого, проявления которых засвидетельствованы множеством очевидцев, Старец Иероним подсказывает только что принявшей настоятельской крест игумении тот путь и способ, которым эти дарования стяжаются:

«Так и мы когда будем постоянно помнить: что собственное наше спасение, и усовершенствование души нашей находится в искании пользы для других, а не для себя самих. Т.е. жить для пользы других. Тогда от свидетельства доброй совести, часто будем чувствовать разные духовные удовольствия или утешения в самих себе».

Удаляясь по временам в келлию ради восстановления уединенною молитвою духовных сил, изможденных множеством духовнических трудов и забот по монастырю, старец Иероним предавался умному деланию, углубленной нерассеянной молитве, которая насыщала его душу благодатью, восстанавливала его душевные силы и укрепляла к новым подвигам самопожертвования все его существо – дух, душу и тело. Приобретенные в редком уединении плоды Духа Божия старец немедленно же по возвращении в обитель начинал щедро раздавать всем приходящим к нему и нуждающимся в благодатном укреплении на пути ко Христу.

Глубочайшее искреннее смирение отца Иеронима сделало его душу особо восприимчивой к принятию Божественной

благодати и его самого «сосудом избранным», выполняющим особую, ему одному посильную миссию в среде афонского монашества девятнадцатого века. О себе же он помышлял так:

«Я, будучи весь непотребен, – пишет он сестре, – больше ничего, как только куча навозная, прах и пепел... Прошу не счесть это за набор только слов: я действительно таков – словом невежа... А иногда куда занесусь, как будто я нечто есмь, будто умнее дураков; иных учу, а себя не учу и поэтому выхожу первого номера лицемер, а ты еще по невежеству завидуешь мне в мнимых моих добродетелях, но теперь я уверен, что ты зависть свою переменишь на сожаление о мне...

Трудно стоять среди страха и надежды, а надобно стоять; и самому себе верить опасно, ибо сказано: надеющийся на себя падет падением дивным, а *«Надеющийся на Господа, яко гора Сион: не подвижится в век живы́й во Иерусали́ме»* (Пс.124:1).

Он отчетливо видел свое падшее человеческое естество, видел себя просветленным чистым от страстей разумом, который не мог быть помрачен лестным помрачением от диавола.

«Истинно говорю... не преувеличиваю, что я не вижу у себя никакого добра и не имею ничего такого, за что бы мне иметь надежду получить награду от Бога, одна моя надежда на милость Божию, на заслуги Христовы, более не имею, чем спастись».

Это и есть истинное смирение, за которое Господь дает благодать, питающую и улаждающую паче меда смиренную душу. Горько и вместе сладко видеть себя обнаженным всякого добра, осознавать свою духовную нищету и пожинать ее плоды – блаженство, ощущаемое праведниками уже в этой жизни.

Глава 19. Духовничество старца

Несмотря на множество забот, связанных с окормлением русской братии и решением множества проблем монастыря – от богослужебных до хозяйственно-бытовых, старец Иероним остается верен своему изначальному призванию: он прежде всего монах, и монах, подобный древним подвижникам в своем аскетическом подвиге.

Абсолютная безжалостность по отношению к самому себе, сочетающаяся в нем с истинно отеческой заботливостью и любовью к вверенной ему Богом братии, понуждали старца быть все время в активном молитвенном предстоянии перед Богом, в непрестанной умной молитве и трезвенном внимании к малейшим движениям помыслов в собственном уме.

Непреложное исполнение своего келейного молитвенного правила, постоянно удерживаемая в уме непрестанная молитва Иисусова, терпеливое, порой сверх обычных человеческих сил несение своих испрошенных у Христа вериг – тяжкого телесного недуга, глубочайшее всецелое покаяние, слезный плач о своем несовершенстве, – все это не могло не измождать его бренного земного тела, но в то же время возносило душу старца в горня и наполняло его силой Божественной благодати.

Сокровища Духа Божьего, дарованные за подвижничество и Христово жертвенное самоотвержение старцу Иерониму, служили действующей силой в его духовническом служении братии, что проявлялось многообразно и о чем свидетельствуют очевидцы:

«Однажды игумен Герасим, – рассказывает инок Свято-Пантелеимоновой обители, – прислал попросить денег 40 лир у отца Иеронима, чтобы заплатить за купленное вино, но отец Иероним отказал, так как не имел в это время денег. После этого один келлиот принес ему сию сумму – 40 лир – на сохранение, ибо опасался держать их в пустыне. Получив их, духовник Иероним передал их игумену Герасиму со словами: «Бог послал».

Вновь свидетельствует очевидец: «14 августа духовник навел Гennaдия и заметил, что он уж в предсмертной слабости. При виде своего духовника больной оживился. «Отче, – сказал он прерывающимся голосом, – пособируйте меня». «К чему ж это? – спросил с улыбкою духовник. – Тебе, верно, хочется пожить еще?» «Не знаю, – с сомнением в голосе отвечал Гennaдий. – А что теперь лучше для меня, отче: жить или умереть?» «Разумеется, лучше умереть, – заметил тот. – Ты только что принял схиму и причастился Святых Таин, значит, тебе остается теперь только идти к Богу». «Так благослови, отче, я умру!» – решительно и весело произнес Гennaдий. «Бог благословит», – тихо отвечал духовник. А наутро, в день Успения Божией Матери, с окончанием Литургии, действительно, кончил свое земное поприще Гennaдий и тихо отлетел душою в райские обители».

Этот случай – дивный пример истинного духовничества – абсолютного доверия духовного чада своему духовнику, и как следствие такого доверия – действие Духа Святого через старца, прозорливо возвестившего своему чаду волю Божию о спасении его души.

Вот еще пример: Был у отца Иеронима келейник отец Никодим. Кроме этого послушания он имел еще четыре – эконома, рухольного, будильщика и архондаричного. Отец Никодим был по-детски прост, имел евангельскую веру и доверие к духовнику, решительную готовность ко всякому послушанию. Узнав о пользе слез, он спросил духовника, может ли он их приобрести, имея такие многосложные и попечительные должности.

На это отец Иероним ответил: «Почему не можно тебе приобрести их? Если ты думаешь, что многопопечительная должность служит препятствием к получению высоких даров Божиих, то ты этим унижаешь благодать Божию, которая всесильна. Ты веруешь ли, что Христос силен даровать тебе то, что ты желаешь получить от Него?»

Отец Никодим отвечал: «Верую, отче, что Господь силен дать мне желаемое»

мною». И поклонившись, прибавил: «Благослови мне этого домогаться». Духовник ответил: «Бог да благословит и по вере твоей дарует тебе!»

С того времени отец Никодим стал искать этого дара через очищение от греховных страстей и просить Бога – и Господь не оставил его без успеха. Однажды он услышал от духовника о подвижнике Анастасии, который имел дар благодатных слез на его волю, то есть он мог плакать о своем греховном состоянии, когда только захочет. Отец Никодим, пленившись таким высоким даром, опять спросил духовника, можно ли ему домогаться этого.

«Почему же не можно?» – отвечал ему духовник. «А долго терпеть мне?» – сказал отец Никодим. «А ты опять за маловерие берешься! – возразил ему духовник. – Я и прежде говорил тебе, что исполнение должностей не препятствует восходить к совершенству христианскому, а маловерием нашим мы уничижаем благодать Божию, которая всемогуща и вседействующа, а потому, без сомнения, может и при рассеянных и беспокойных должностях даровать то, чего мы с верою просим у Бога. Ты веруешь ли, что Господь может дать тебе этот дар?»

При этих словах отец Никодим, со слезами опять поклонившись до земли, сказал: «Верую, отче, что Господь силен и может даровать мне этот дар твоими святыми молитвами. Духовник на это сказал ему: «Итак, если веруешь, то Бог благословит тебя по реченному им: *«Просите, и да́тся вам: ищú те, и обря́ щете: толцы́ те, и отве́рзется вам...»* (Мф.7:7–8). И, дав ему благословение, отпустил его. И отец Никодим по вере своей и старца получил и этот дар, и глаза его от постоянного плача были красные.

Святогорец (иеросхимонах Сергей Веснин) рассказал еще один назидательный случай о русском монахе М., который, покинув Афон и странствуя по разным местам, в Турции был принят за шпиона и чудесным образом с помощью Царицы Небесной едва избежал смертной казни. Возвратившись на Афон в 1846 году, «поселился в своей келлии, но ненадолго. Скоро лукавый помутил его мысль и отравил аскетическую

жизнь желанием нового странствия, новых подвигов паломничества.

В то время как М., прибыв сюда, проводил свое время в отшельнической келлии и нередко бывал в Русике, потому что в опытах иноческой жизни руководил его наш духовник, наступило время отбытия паломников в Иерусалим. В числе прочих следовал туда И., иерусалимский сборщик, человек богатый, и приглашал некоторых афонских бедняков с собою на корабль, обеспечивая путь до самого Иерусалима.

Когда слухи об этом приглашении дошли до сокровенной пустыни М., враг напал на него с самой благовидной стороны: он воспламенил его сердце желанием еще раз видеть Палестину и Синай, чтобы там излить чувства признательной души пред Богом и Царицею Небесною за избавление от страдальческой смерти. Напрасно духовник наш возражал ему на это, грозил судом Божиим, прорекая, что не пощадит его Господь, как пощадил прежде.

Монах М. не хотел ничего слышать и, вопреки советам старческим, решился отправиться в путь. С грустным предчувствием смотрели мы на взволнованного М., думая что он навсегда оставляет Афон, но Бог судил иначе. Накануне события М. почувствовал головную боль, но, полагая, что эта боль, как случайная, пройдет на вольном воздухе, спокойно уложил свои вещи в дорожную суму и только прилег отдохнуть после вечернего правила – вдруг ударил его паралич... Тогда несчастный поневоле уселся дома, в своей скромной пустыни, а впоследствии, в 1849 году, мирно кончил здесь свой жизненный путь».

К таким печальным последствиям приводило неисполнение советов старца, равнявшееся неисполнению Божией воли...

Всепрощающая любовь к ближнему была смыслом и главным содержанием всей жизни и деятельности отца Иеронима. Старец в одном письме к отцу Макарию пишет об отце Арсении (Минине), что тот иногда делал поход на «чешимих слухом», то есть вступал в спор с теми немощными братьями, которые верили всяким слухам, принимали их и передавали другим. Из-за них отец Арсений, обладавший, по

словам отца Иеронима, «духом и ревностью Илииною», часто выходил из себя, схватывая «добрые тычки», и тогда с ревностью предлагал отцу Иерониму высылать из обители слабых и своевольных, упрекал старца в чрезмерной снисходительности: «как вы это все терпите?» Однажды отец Иероним предложил ему помолиться об этом, а потом прислушаться к гласу своей совести и, что она скажет, так и поступать. Тот так и сделал. И что же оказалось? Вместо того чтобы гневаться и раздражаться на немощных и выгонять их, а духовника упрекать в потачках и излишнем к ним снисхождении, он сказал: «Нет, не так надо поступать с немощными, как я прежде думал. Совесть говорит мне, что надо их исправлять, убеждать, увещевать, а не высылать из обители, и если высылать, то только одних неисправимых».

Сам отец Иероним сетует на свое мягкое сердце: «что я буду делать со сладкосердием своим? Ибо вот явился «чудотворец» Иаков, ну, думаю, уж теперь ни за что я его не приму, а обличил и добре его несколько раз побранил, отчего он до зела смирился. И вот против его смирения и моя гордость не устояла, и я смирился, опять принял его и послал на Крумицу. Может быть, ты за это меня осудишь, кажется, что и следует осудить, ибо я и сам себя в этом случае не оправдываю. Что ж делать, горе мне с моим слабым сердцем!»

Иеросхимонах А., посетивший Пантелеимонову обитель в конце 1870-х годов, вспоминает: «Принят был в число братства один редкий человек из высших наук. Служил ли он где, неизвестно, но здесь, как лицеист, оправдал свое призвание. Всем было приятно видеть такого образованного человека в кругу разночинных братьев в таком глубоком смирении и подвижничестве; старцы облекли его в рясофор. Через несколько времени представилась ему необходимость побывать в отечестве и в столице.

Его старцы отпустили, снабдили его отеческим благословением, порученностями и доверием, как сына обители. Он отправился и везде был принят как святогорец. Какое его было собственное дело, это неизвестно. Оказалось, он забрал в свои руки все порученности в Святую Гору, всю

корреспонденцию, да и отправился в Америку за счет этой выручки. Где он там был, что он там делал, это осталось неизвестно, только, все прокутивши, является во Святую Гору.

В Андреевский скит его не приняли, потому что его дело всюду огласилось. Он – в молдавский скит, там тоже не приняли его. Достигла весть о сем до старцев Русика, и они пригласили его к себе из Ильинского скита, где тоже отказано ему. Наконец, к вечеру он пришел в Русик прямо к отцу Иерониму в келлию и почивал там. Как он был принят им, каково его было раскаяние – это осталось тайной. Но брат этот явился к утрени на своем месте и в прежнем достоинстве рясофорного монаха и теперь всемерно старается заслужить свой поступок. Если бы в учении Христовом не было подобного примера о блудном сыне, то справедливость человеческая не оправдала бы сего виновника».

Таково было милосердие старца Иеронима к кающимся грешникам. При этом отец Иероним имел великую ревность по Бозе и всегда старался возбудить ее в немощных.

Святогорец (Веснин) рассказывает следующее: «Несколько дней я чувствую крайнее изнеможение сил – вероятно, вследствие изнурительных подвигов Страстной седмицы, когда служба у нас была почти непрерывная, а трапеза скуднее, чем когда-либо... Некоторые из немощных, только что пришедших из мира русских, желающих вступить на голгофскую стезю иночества, просили у духовника позволения подкрепить себя чашкою чая, но он с улыбкою отвечал, что если уже и в последнюю седмицу поста мы не удержимся от излишних требований плоти, то стыдно нам будет петь Пасхою: Вчера спогребохся Тебе, Христе.

Хоть в этом чайном удовольствии откажем себе, чтобы дерзновенно запеть: *Совосстаю днесь воскресшу Тебе, Христе, сраспинахся Тебе вчера огорчениями плоти, истомившейся в постных подвигах, Сам мя прослави за то, Спасе, во Царствии Твоем.* После убеждений подобного рода кто решится на суетное требование избалованной плоти?.. Духовник убеждал нас быть бодрыми в последний всенощный

подвиг, утешая грядущую славою и радостью всемирного торжества и благотворными следствиями постных трудов».

Рассказывает иеросхимонах Нон: «Помню, за послушание от старцев я назначен был в соборной Покровской церкви на клиросе петь на всех церковных богослужениях. И вот однажды был такой случай. Накануне Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня здесь, в обители, перед этим великим и святым днем всегда полагается пост, так как вся братия готовится к Причастию Святых Тела и Крови Христовых на самый день Воздвижения.

Всенощное бдение бывает в этот день не менее 12 часов. И вот в конце утрени, во время уставного чина воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который совершал здесь соборне с многими сослужащими иеромонахами и иеродиаконами архимандрит Макарий, все мы, певчие, так ослабели и изнемогли от поста и продолжительной тяжелой службы всенощного бдения, что не в состоянии уже были продолжать медленное пение *Господи, помилуй*, когда воздвигался Честной Крест.

Некоторые из певчих совершенно замолчали, а другие едва слышно тянули. Воистину нужно сказать, что я, смотря на это, так и думал, что как бы все певчие не замолчали и, сохрани Господи, пение бы не остановилось. Но вдруг в это самое критическое для певчих время внезапно является сам старец между певчими, как Ангел-помощник, и собою, своим примером начал певчих ободрять, говоря им: «Что же вы приуныли и замолчали? Ободритесь и пойте».

И тут же сам начал своим громогласным голосом петь, и все певчие как будто бы воскресли и ободрились и вслед за ним продолжали пение. В это время я невольно воззрел на его лицо, и – чудо! Увидел лицо его, яко солнце, сияющее несказанным светом, так что я даже не в состоянии был продолжать смотреть на него. Не знаю, прочие из певчих видели ли это, или все внимание их было направлено на воздвижение Честного Креста Господня, но так как старец так внезапно, как Ангел, появился между нами, певчими, и стоял вблизи меня, то поневоле мой взор обратился на лицо его.

Впрочем, до сего времени я даже и самому старцу о сем ничего не говорил, и ни с кем о сем не объяснялся, и никому никогда сего не рассказывал даже до самой смерти старца, хотя неоднократно было желание поведать своим близким братьям, но как будто что-то меня связывало и не допускало о сем говорить до смерти старца».

Осознавая всю серьезность ответственности перед Богом за исполнение обязанностей духовника, старец Иероним в то же время понимал, что в деле руководства человеческих душ ко спасению как ни в каком другом слова Господа Иисуса Христа – *«Аз ёсмь лоза́, вы́ [же] рóжде: [и] уже́ бۇдет во Мнё, и Аз в нём, тóй сотвори́ т плóд мнóг, я́ко без Менё не мóжете творити ничесóже»* (Ин.15:5) – являются фундаментом успешности в этом великом и страшном служении.

Пример Непорочной Богоотроковицы, смиренно произнесшей: *«сё раба́ Госпóдня: бۇди Мне по глаго́лу твоему́»* (Лк.1:38), показал всем последующим поколениям христиан, с каким смирением и послушанием нужно принимать извещаемую тебе волю Божию, не сомневаясь ни мало в том, что возлагаемое на тебя дело тебе посильно. Но посильно при условии, что отдашь себя в качестве орудия в руки Божьи, и Он Сам будет творить тобою дела Своего спасительного Промысла. А для того чтобы таким орудием стать, необходимо держать постоянно в памяти именно это – «кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода», и главной своей заботой сделать собственное очищение души, приготовление ее в состояние «храма», который достоин будет принять в себя Христа!

Старец Иероним это знал, понимал и исполнял. Именно поэтому он достиг того состояния души, когда «Господь был в нем, и он был в Господе», и именно поэтому он «принес много плода». Не он сам выполнял служение спасения человеческих душ, но Господь, действовавший в нем и через него. И все соприкасавшиеся со старцем Иеронимом явственно ощущали действовавшую в нем Силу Божью и покорялись Ей.

Но чувствуя эту благодатную силу и восторгаясь чудными дарами Духа Божьего, видимо осенявшими всю громаду

совершаемых старцем деяний, вряд ли кто мог догадываться, сколь тяжкий груз духовной ответственности лежал на его плечах и сколь часто в своем монастырском подвиге он сталкивался с непониманием, а порой и просто – противлением своему труду со стороны окружавших его людей, могущих видеть лишь внешнее и не способных проникать умом в сокровенное Промыслительное.

Как мы уже упоминали выше, в случае, если у монастыря есть игумен, руководящий и управляющий всей внешней административно-хозяйственной жизнью обители, обязанности старца-духовника сводятся лишь к духовному окормлению братии – принятию исповеди от кающихся, выслушиванию откровения помыслов братии с последующим наставлением их в соответствии со святоотеческим учением на духовную – с этими самыми помыслами – брань, врачевание душевных язв насельников и паломников и молитва у Престола Божьего в храме и в сокровенном уединении келлии о спасении пасомых.

Но ситуация в корне меняется, если сам игумен, как это было со старцем Герасимом, под тяжестью престарелого возраста, недугов и постепенного угасания душевных и физических сил, чувствуя свою неспособность охватить все множество встающих перед ним монастырских проблем, все более удаляется во внутреннюю созерцательную молитвенную жизнь, постепенно перекладывая свои руководственные обязанности на плечи старца-духовника.

Тогда духовный наставник, и до того уже бывавший вынужденным принимать участие в разрешении самых неожиданных, но всегда имеющих духовную природу монастырских проблем и искушений, с которыми к нему за духовным советом и разрешением недоумений спешили обратиться все к этим проблемам причастные лица, бывает связан необходимостью подъятия на свои плечи и тех обязанностей и задач, которые должны находиться в ведении игумена.

И в таком случае, как с древних лет бывало и бывает на Святой Горе до сего дня, старец-духовник, взвалив на себя двойное ярмо управления обительскими делами, становится в

монастыре наиболее видной фигурой, центром притяжения всех эмоциональных, духовных и физических нагрузок, несущим на себе удвоенную тяжесть ответственности – как за духовную жизнь братии, так и за обеспечение монастырской общины всем к существованию необходимым – от церковных облачений до гвоздей для столярной мастерской. Всякий брат, всякий паломник и трудник бежит к духовнику уже не только за советом о молитвенном правиле, но и за благословением на каждое исполняемое им монастырское послушание – «Батюшка! Благословите новый ремень для токарного станка у отца эконома взять! Батюшка! Благословите, в какой цвет улы на пчельнике покрасить? Батюшка, благословите новые сети для рыбной ловли связать! Батюшка! Благословите, из какой муки просфоры на праздник испечь? Батюшка! Благословите, благословите, благословите!...»

При этом – кто в случающихся проблемах и неудачах монастырской жизни виноват? Батюшка, отец духовник! Духовная брань духовника с миром злобы не подлежит измерениям земных наук – он метафизичен! Поэтому духовно немощные люди его действия оценивают внешними факторами. Упал с лестницы рабочий – виноват духовник – это же он его благословил так высоко лозу подвязать! Утонул в море монастырский корабль с зерном, шедший в обитель – батюшка виноват! Мало паломников потрудиться возжелало – виноват батюшка, слишком много паломников съехалось, в архондарике места не хватает – тоже батюшка «не так благословил»!

Не вынес инок брани с искушением винопития, покинул обитель впавший в гордостное осуждение послушник, раскололся жернов на мельнице, не в лад певчие стихиры пропели, прогоркло «древяное» масло на кухне – во всем всегда виноват батюшка – «не увидел», «не понял», «не так благословил»...

Слаб и немощен человек, только еще идущий трудной дорогой духовного выздоровления – ох, как хочется ему всегда увидеть причину своих бед и недоразумений в ком-то ином, только бы не в самом себе! А тут на виду у всех отец-духовник, велик соблазн свалить все собственные немощи,

несовершенства, саможаление и лень на него – он же «кормилом обительного корабля спасения» управляет, вот и ответственен за «всех и вся»!

Ответственен... «Простите, братия, и помолитесь о мне, грешном!»

А если еще и монастырь многонациональный?...

Ведает Один лишь Господь ту тяготу и те скорби, но и то благодатное утешение, которое дарует Он Сам духовникам, со смирением несущим свой крест духовнического подвига! Ведает, и в трудный момент посылает помощь.

Глава 20. Отец Макарий

В 1851 году на Святую Гору приехал паломник – молодой тульский купец из семьи купцов-«миллионщиков», Михаил Иванович Сушкин. Он был умен, богат, хорош собою, у него впереди ожидалась счастливая жизнь обеспеченного светского семьянина, он был искренне благочестив и религиозен, быть может, несколько более благочестив и религиозен, чем было достаточно богатому купеческому сыну.

Очутившись на Святой Горе, он не смог не почувствовать своей тонкой, чувствительной душой той особой, удивительной, благодатной атмосферы, присущей только этому пропитанному многовековой молитвой монахов-подвижников полуострову. Строй жизни братии Пантелеимонова монастыря, его непохожесть на все известные ему русские обители на Родине, неотразимое обаяние личности благодатного старцадуховника отца Иеронима, – все это произвело огромное впечатление на душу молодого купца и создало в ней «противовес» уже, казалось бы, сложившемуся «центру тяжести» его определенной на перспективу жизни – возникшую вдруг тягу к «ангельскому житию» – монашеству.

Молодой купец растерялся: с одной стороны стояла вся его прежняя жизнь с понятным и желанным многими будущим – богатство, слава, сонм мечтающих о таком женихе красавиц-невест, положение в обществе, родительские радости о чадах... а с другой стороны – потрепанный подрясник, скудная пища и жесткая постель, бессонные ночи в молитвах и дни в тяжелых трудах, лишение собственности вплоть до собственной воли... Сопоставимо ли это? Оказалось – да!

Господь позвал, и молодой купец услышал этот зов. И началось метанье – мир тянул к себе обратно, Афон с открытыми объятиями стоял перед ним, дыша неземной любовью и насыщая душу благодатью – что выбрать? Бог в выборе помог. Внезапно начавшаяся болезнь поставила Михаила Сушкина на край земной жизни, в то состояние, когда на первый план выходит главное – спасение души, и суетность

мирской – какой бы ни была счастливой – жизни становится бесспорно очевидна.

И выбор был сделан – хочу умереть монахом!

Желание молодого человека умереть монахом Господом было услышано, принято и исполнено. Правда, с отсрочкой в тридцать восемь лет – столько лет подвигов святого послушания, молитвы и поста, самопожертвования в служении обители и Богу еще предуготовано было дивным Промыслом Божиим своему избраннику. Умиравший купец был пострижен в схиму с именем Макарий. После пострига он неожиданно пошел на поправку, и вскоре стал совсем здоров. И началась новая жизнь!

После десяти лет жизни в Пантелеимоновом монастыре отец Иероним стал телесно изнемогать и заповедал братии молиться, чтобы Господь послал ему помощника, и сам усердно молился об этом. Он желал иметь себе в помощь человека абсолютно преданного, единогодушного и единомысленного, на которого можно было бы полностью положиться. И когда в 1851 году в Руссик приехал будущий игумен Макарий, старец Иероним сказал братии: «Вот тот человек, которого мы просили у Господа».

Старец в это время уже прозревал будущие славные судьбы Русской обители и понимал, насколько необходимо было приготовить для грядущих времен и достойных деятелей, которые были бы в состоянии искусной рукой смело взять кормило правления в разноплеменном монастыре. Отец Иероним, угадывая в отце Макарии особое орудие Промысла Божия в деле возрождения Свято-Пантелеимоновой обители, остановил свой выбор на нем, решив поставить его во главе монастыря, конечно же – не прежде того как воспитает и приготовит его к этой деятельности.

Уже вскоре после пострига отец Макарий стал выдвигаться среди братии и становиться ближайшим помощником старца-духовника. 24 февраля 1853 года он был рукоположен в иеродиакона, а 3 июня 1856 года архиепископом Никодимом отец Макарий был рукоположен в иеромонаха и вскоре же назначен вторым духовником русской братии. Действительное

положение вещей в монастыре, однако, не требовало столь поспешного возвышения молодого иеросхимонаха Макария на такой почетный пост среди монашествующей братии.

По понятиям святогорцев, духовник считается вторым лицом после игумена, имеет весьма важное значение в жизни обители с киновиальным устройством, пользуется всеобщим почетом и уважением, так как он руководит духовной жизнью братии, и перед ним на исповеди раскрываются до мелочей дела, поступки и помыслы каждого инока.

Отец Иероним, как и прежде, исполнял свои обязанности духовника и могучего вождя по пути возрождения Русской Пантелеимоновой обители, и если по болезни не был в состоянии в тот или иной день, в ту или другую неделю исполнять свое послушание, то от этого само дело не терпело никакого ущерба, к тому же русской братии было еще только 80 человек, и ими успешно управлял такой гигант ума и воли, каким был отец Иероним.

С назначением отца Макария к себе в помощники он нисколько не снял с себя тяжелого бремени руководителя. По-прежнему с утра до глубокой ночи двери его келлии не затворялись; по-прежнему все, от великосхимника до послушника, со своими недоразумениями, помыслами и искушениями шли на беседу к «старому батюшке», как называли иноки отца Иеронима в отличие от отца Макария, и искали у него разрешения, успокоения, необходимой помощи.

Отец Макарий еще не приобрел в их глазах достаточного авторитета и, привыкший сам доселе сообразовывать свою волю с волей своего духовника, ни на что не мог решиться без его благословения. Отец Макарий, бодрый, молодой, неутомимый, ведал внешними монастырскими делами, для которых нужны были зоркий глаз, твердость, преданность, он был послушным и беспрекословным исполнителем воли старца Иеронима, который из своей келлии видел все и все предусматривал.

«Он служит каждый день Литургию, – характеризует деятельность отца Макария К. Н. Леонтьев, – он исповедует с утра до вечера, он везде – у всенощной, на муле, на горах, на

лодке в бурную погоду, он спит по три часа в сутки, он в трапезе ест самые плохие постные блюда – он, которого отец и братья миллионеры!»

Не просто – свалить тяжелое бремя на плечи молодого отца Макария, а приблизив его к себе, воспитать и приготовить его к будущей великой роли настоятеля большой многолюдной обители желал пронцательный отец Иероним, поэтому с первых дней своего пребывания в Свято-Пантелеимоновом монастыре отец Макарий стал в особенно близкие, истинно сыновние отношения к своему старцу-духовнику.

На впечатлительного отца Макария благородная, исполненная невозмутимого спокойствия, одухотворенная личность мудрого аскета – отца Иеронима, этого «первого человека из русских в монашеском опыте», произвела глубокое впечатление. Отец Макарий искренне любил этого «ангелоподобного человека» всеми чувствами своей тонкой души, отдался в руки этого гиганта мысли и воли и сделался его покорным и послушным рабом еще до принятия пострига.

Отец Макарий писал к родителям, что Афон кажется для него раем – «особо если этот духовник будет жив» – духовник, который никак не советовал ему ехать назад, в Россию. В монашестве, как пишет отец Макарий родителям в 1852 году, отец Иероним «утешает его среди скорбей и искушений», «разрешает сомнения и бури помыслов», «питает пищею духовною», руководит его советами родителям и многое другое.

Отец Макарий использовал все свободное от послушаний время, чтобы находиться со старцем, поучаясь в беседах с ним, о чем пишет в дневниках: «...пришел я к отцу духовнику и просидел у него целую ночь. Он мне говорил: «Не бойся, Промысл Божий собрал нас сюда, Он и попечется о нас. Стараться нужно поддерживать любовь между греками и русскими и те правила, каковые теперь у нас, – и Бог не оставит. Будь внимателен к гласу совести и пред всяким началом каждого дела, прежде всего, помолись Господу и осторожно внимай гласу совести. Да трижды помолись, когда дело будет важно, и тогда, при помощи благодати Божией, начинай». И так далее беседовали назидательно!»

«Раза три в неделю отец Макарий беседует со мною ночью часа по три, он своим благочестием много утешает меня», – пишет отец Иероним в 1864 году сестре, монахине Маргарите.

А вот письмо отца Иеронима к отцу Макарию, писанное им в 1850-х годах, когда старец по временам для уединения отлучался в келлию. Отец Макарий, еще неопытный в духовной жизни, оставаясь один, скучал по старцу и, как малое дитя без матери, терялся перед неожиданно встающими проблемами и принимал необдуманные решения, которые влекли за собой и вразумления от старца:

«Чувствительный отец Макарий, мир Вам! Что мне отвечать на Ваше письмо? К чему такие выражения малодушия, и маловерия, и неблагодарности к любящему нас Богу? Разве я удалился за тридевять земель? Если есть какая нужда о чем переговорить со мною, то что мешает прийти Вам ко мне? Или Вы уже начинаете думать, что я не понимаю, что мне следует делать? Какой дух возбудил Вас написать ко мне такое письмо? В самом деле, не думаете ли Вы, что благодать внушила это Вам?

Испытайте хорошенько совесть свою и Вы познаете, что не дух послушания в это время внушил Вам такие выразить мне чувства, которые не послужат к назиданию ни к Вашему, ни к общему. (...) Покайтесь в Вашей ошибке, и Бог Вас простит, и я прощаю. Мирствуйте, мужайтесь, и да крепится сердце Ваше. Спасайтесь и мне не возбраняйте. А иначе мы не успеем. Милость Божия великая нас содержит, во всем помогает. И что еще более желать нам от Бога? Только остается нам быть благодарными. Матерь Божия покрывает и покроет нас. Духовник Иероним. 27 октября».

Старец Иероним стал истинным духовным отцом и попечителем инока Макария, которого этот суровый аскет, в свою очередь, сердечно полюбил и к которому он тоже привязался самым искренним образом. Отец Иероним не мог своим пытливым оком не заметить в отце Макарии сильной искренне идеалистической натуры, которая видна была и в самой его наружности: в его бледном продолговатом лице, задумчивых глазах и даже в той сильной впечатлительности и

подвижности, которую не могли уничтожить в нем вполне ни природная твердость характера, ни ужасающая непривычный ум суровость афонской монашеской дисциплины. Поэтому старец полюбил, приблизил его к себе и для будущей его широкой деятельности заставил пройти тяжелую школу высшего духовного и душевного искуса.

Отцу Макарию, как человеку подвижному, горячему, искреннему и увлекающемуся, нужно было для будущего успешного начальствования и для той внешней борьбы с людьми и обстоятельствами, к которой он был предназначен, несколько остыть и окрепнуть в руках человека спокойного и непреклонного, каким был отец Иероним. Этот искуса, эта школа смирения для послушного, но эмоционального и самостоятельного характера ученика под руководством сильного духом учителя давалась отцу Макарию весьма нелегко, так как духовником умышленно задевались нередко самые чувствительные стороны его впечатлительной натуры.

«Я, – пишет об отце Макарии очевидец К. Н. Леонтьев, – даже часто дивился, глядя на него и слушая его речи, как могла эта натура, столь нежная, казалось, во всех смыслах столь идеальная, и сердечная, и быстрая, – как могла она подчиниться так беззаветно, глубоко, искренне и безответно всему тому формализму, который в хорошем монашестве неизбежен!

Скажу еще: не только неизбежен, но и в высшей степени плодотворен для духа, ибо он-то, этот общий формализм, дающий так мало простора индивидуальным расположениям, даже нередко хорошим, может быть более всего другого упражняет волю инока ежечасными понуждениями и смиряет его своенравие, заставляя иногда даже и движению любви и милосердия предпочесть послушание начальству или уставу.

Поживши, я понял скоро и сам всю душевную, психологическую, так сказать, важность всего того, что многие по грубому непониманию зовут «излишними внешностями». Но и поняв, я продолжал дивиться, как такая, выражаясь понынешнему, «нервная» натура смогла подчиниться всему этому так глубоко и так искренне!»

И, к чести этих обоих столпов иноческой жизни на Афоне, нужно сказать, что они оба до конца жизни удержались в том положении, какое заняли по отношению один к другому с самого начала их совместной жизни: отец Иероним в роли опытного учителя и руководителя, а отец Макарий в роли послушного ученика, по единому взгляду любимого учителя всегда и во всякий час дня и ночи готового исполнить любое его поручение. Эти поистине идеальные отношения одного великого старца к другому, более великому, для посторонних наблюдателей казались удивительными.

«Единственное сокровище мое на земле» – говорил отец Макарий о старце

Иерониме. Ученик сумел так много взять от своего великого учителя, что, как замечали афонские иноки, «у Макария голос Иеронима».

Однажды раз и навсегда отец Макарий предал себя в волю старца и до конца жизни своего ничего не имел. Уже одно это всецелое оставление своей воли и подчинение ее святому старцу сделало его великим послушником, и вслед за тем великим старцем. А в то же время он был всегда под покровом старца Иеронима, который нес всю ответственность за управление обителью, принимая за это на себя нападения духов злобы в виде разных искушений. На долю отца Макария оставались только такие искушения, которые ему, сообразно с его силами, допускал богомудрый духовник.

О всецелом признании отцом Макарием и единоклубной с ним братией высшего духовного авторитета и власти старца Иеронима свидетельствуют такие два примера. Инок Стефан, как записал один из братии монастыря, пришел к тогда уже игумену Макарию в алтарь и со скорбью начал говорить, что «вот, отче, как тебе Бог возвестит, меня назначили на послушание, на которое я считаю себя неспособным, а между тем вот я и заболел». Игумен спросил: «Тебя кто послал?» Он отвечал: «Отец Иероним и отец Арсений». Игумен отвечал: «Что я могу сделать, когда тебя посылает старшее лицо?»

А по рассказам отца Иерона, отец Макарий, будучи уже убеленным сединами старцем, кланялся в ноги, как

провинившийся ребенок, великому своему духовному руководителю, прося у него прощения.

Ничто не нарушало этих идеальных отношений ученика к учителю: ни разность их сана и положения (отец Макарий был архимандритом и игуменом, а отец Иероним до смерти удерживал за собой скромный титул иеросхимонаха-духовника), ни даже те порой жестокие искусы, которым последний подвергал своего ученика.

«Я, – пишет К. Н. Леонтьев, – видел их вместе в начале 70-х годов, видел сыновние отношения архимандрита (то есть отца Макария) к своему великому старцу (то есть отцу Иерониму), знал, что он уже и тогда, избранный в кандидаты на звание игумена в случае кончины столетнего старца Герасима, безусловно повиновался отцу Иерониму и нередко получал от него выговоры даже и при мне».

Эти-то выговоры и были тяжелым искусом для отца Макария, так как большей частью проступки его вытекали непосредственно из глубины его доброго впечатлительного сердца, весьма чуткого к горю и радости своего ближнего, и с обычной точки зрения не только не заслуживали порицания, а, напротив, были достойны одобрения и награды. Наблюдательный и правдивый биограф отца Макария – неоднократно нами цитируемый К. Н. Леонтьев – приводит весьма характерный случай подобного искуса.

«Однажды, – рассказывает он, – пришлось архимандриту Макарию по особому случаю служить (не помню, в какой праздник) обедню за чертой Афона, на ватопедской башне. Башня эта, служившая когда-то крепостью для защиты монашеских берегов, теперь имеет значение простого хутора или подворья какого-то, принадлежащего богатому греческому монастырю Ватопед. В башне есть очень маленькая и бедная домовая церковь. В ней-то и совершил отец Макарий Литургию в сослужении молодого приходского греческого священника из ближайшего селения Иериссо.

Он с молодым священником, приглашенным для совместного с ним служения, не только обошелся как нельзя ласковее, но даже на прощание подарил ему для его

приходской церкви очень красивые и совсем новые воздушы белого глазета с пестрым шитьем. (Отец Макарий привез их с собою, зная, до чего убога церковь на этой заброшенной башне.) Когда по окончании обедни мы сели – он на мула, а я на лошадь свою – и поехали обратно в Русик, отец Макарий сам сознался мне в этом добром деле своем, небольшом, конечно, по вещественной ценности, но очень значительном по нравственному смыслу (ибо это был дар святогорца представителю враждебного святогорцам).

Отец Макарий сказал мне с тем веселым и сияющим умом и добротою выражением лица, которое я так любил: «Мне уж и его, бедного (то есть молодого священника), захотелось утешить. Пусть и он повеселее уедет домой». В словах отца Макария, обращенных ко мне, когда мы тронулись в путь, мое и без того так сильно расположенное к нему сердце прочло столько живой и тонкой любви, что мне захотелось тотчас же поцеловать его благородную руку! И будь мы одни, без свиты, я, наверное, и сидя верхом сделал бы это..

Да, меня восхитило это трогательное движение его сердца. Но не так взглянул на дело общий нам обоим суровый и великий наставник. Когда, вернувшись в Русик, я пришел в келлию к отцу Иерониму, он сказал мне при самом архимандрите: «Отец Макарий-то, видели? Воздухи подарил священнику! С какой стати раздавать так уж щедро монастырское добро, и кому же – врагу афонского монастыря!»

Отец Макарий сначала молчал и улыбался только, а потом сказал что-то, не

помню, до этого дела вовсе не касающееся, и ушел. Оставшись со мною наедине, отец Иероним вздохнул глубоко и сказал: «Боюсь я, что он без меня все истратит. Он так уж добр, что дай ему волю, так он все тятенькино наследство в орешек сведет!»

Я, разумеется, стал защищать отца Макария, и мне было немножко досадно на старца, что он, вместо того чтобы разделять нашу небольшую духовную радость, охлаждает ее практическими соображениями. На возражения мои отец Иероним отвечал мне кратко и серьезно, с одной из тех

небесно-светлых своих улыбок, которые чрезвычайно редко озаряли его мощное и строгое лицо и действовали на людей с неотразимым обаянием.

Он сказал мне так: «Чадочко Божие, не бойся! Его сердца мы не испортим, он уж слишком милосерд и благ. Но ведь игумену сто лет, я тоже приближаюсь к разрешению моему. Ему скоро придется быть начальником, пасти все это стадо. И где же? Здесь, на чужбине! Само по себе оно и хорошо, что он эти воздушы подарил, и вы видите по жизни наших монахов, что им самим-то ничего не нужно. Но монастырю средства нужны. И отца Макария надо беспрестанно воздерживать и приучать к строгости. Он у нас увлекательный человек».

Так сказал старец. При виде этой неожиданной и неизобразимой улыбки на прекрасном величественном лице, при еще менее ожидаемой для меня речи на «ты» со мною, при этом отеческом воззвании – «чадочко Божие» – ко мне, сорокалетнему и столь грешному, мне захотелось уже не руку поцеловать у него, а упасть ему в ноги и поцеловать валяную старую туфлю на ноге его. Даже и эта ошибка «увлекательный» вместо «увлекающийся» человек- эта маленькая «немошь образования» в связи со столь великими силами духа, – и она восхитила меня!

Что касается до милостыни собственно, то отец Иероним сам славился на Афоне щедростью своей к нуждающимся. «Я сам знаю, – говорит Леонтьев, – сколько он делал и вещественного добра. Но смирять ли он хотел от времени до времени архимандрита, ученика своего, делая ему выговоры даже и при мне и «готовя ему за крепость венцы», или в самом деле находил, что его доброта и щедрость переходят за черту рассудительности, это я не берусь решить».

Весьма нередко случалось отцу Макарию получать выговоры от старца Иеронима и монастырские наказания в виде канона по четкам даже в таких случаях, когда он был прав. Исполняя свои обязанности по должности второго духовника обители, а позже будучи уже архимандритом, отцу Макарию нередко приходилось наталкиваться на разного рода проступки монашествующей братии, за которые он по уставу монастыря на

виновных налагал каноны, смотря по степени проступка каждого. Нередко случалось, особенно с новоначальными братьями, еще недостаточно дисциплинированными и со вспыльчивым характером, что они оставались недовольными теми канонами, которые на них налагались отцом Макарием. Раздраженные и озлобленные, они отправлялись с жалобой на отца Макария к отцу Иерониму и в резких выражениях высказывали ему свое неудовольствие.

Старец молча и спокойно выслушивал несвязную и горячую речь недовольного, причем в большинстве случаев присутствовал и обвиняемый. Понимая всю неправоту задетого за живое жалобщика и в душе вполне разделяя мнение отца Макария, духовник обыкновенно заключал невозмутимо спокойным тоном: «Бог да простит» – и протягивал в знак разрешения от канона свою широкую мускулистую руку для лобызания виновному. Затем, слегка повернувшись в сторону отца Макария, прибавлял: «Ты не прав, и посему сам потяни канон в столько-то четок».

Яркая краска стыда и оскорбленного невинно самолюбия разливалась по бледному, изнуренному лицу отца Макария, но через минуту, подавив в себе чувство неудовольствия, он с нежной улыбкой на устах подходил к руке любимого старца за благословением, чтобы немедленно в своей келлии исполнить канон за другого.

Какой дивный пример подражания древним духоносным отцам! Как тот мудрый пастырь, сказавший, что наставник лишает себя и подвижника награды, если не подает ему случаев перенести бесчестие, он не упустил возможность дать своему чаду получить венец от Господа через незаслуженное оскорбление.

Из келлии духовника оба выходили довольными и счастливыми: один – с сознанием того, что он оправдался перед отцом духовником, которого все боялись в монастыре, а другой – что ему Господь послал новое испытание, и, быть может, на пользу ближнего. И действительно, нередко бывали случаи, что жалобщики (особенно если это были люди, не испорченные нравственно и не загрузевшие в пороках, а только

лишь вспыльчивые по натуре), выйдя с торжеством победителя из келлии духовника, еще на пути в собственную келлию начинали раскаиваться в несправедливо нанесенном оскорблении отцу Макарию, принявшему его с кротостью.

И весьма часто возвращались к духовнику и падали ему в ноги со словами: «Батюшка, простите меня, окаянного! Я погорячился, благословите мне канон понести. Так же молча и спокойно выслушивал эту покаянную кроткую речь раскаявшегося отец духовник, как и первую, бессвязно-горячую, говоря ласковым голосом: «Бог благословит», – то есть нести уже раз наложенный канон.

Радовался отец Иероним, видя это чистосердечное покаяние виновника, радовался и веселился, смотря на своего любимца отца Макария, восходящего с каждым днем от силы в силу в деле своего нравственного усовершенствования и одновременно с этим все более и более, несмотря на свою сравнительную молодость, приобретающего почтение и уважение братии монастыря.

Опытный в иноческом подвиге отец Иероним хорошо знал характер своего ученика и уроки искушений никогда не возлагал на него выше его сил, старался искусно соразмерять со степенью его восприимчивости, а мягкий и привязанный к нему, любящий его всеми силами своей нежной души отец Макарий привык беспрекословно подчиняться воле батюшки и опытно дознал, что все то, что делается или что исходит от него, все хорошо и направляется ко благу или его лично, или же целого монастыря. Отсюда-то мир, любовь и единомыслие сохранились между старцами до их последней разлуки, последовавшей с кончиной отца Иеронима.

Глава 21. Испытания греко-русского конфликта

История афонского монашества не может быть сусально идеализирована при условии написания ее честным и непредвзятым исследователем. Все было в этой более чем полуторатысячетней истории: периоды взлета и расцвета, чередовавшиеся с периодами упадка и запустения, примеры высочайшей аскезы подвижников и примеры падения иноческих нравов в среде насельников афонских обителей, примеры вознесшегося над национальными и прочими различиями христианского духа и примеры пагубного разделения испытаниями национализма и филетизма – враг не может оставить в покое тех, для кого «светом являются ангелы», а сами они призваны являть свет Христовой любви мирянам – монахов.

Не избежал дьявольских искушений и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Нам, сегодняшним монашествующим и мирянам, важно увидеть и понять – как и откуда воздвиг дьявол возмущение и греко-русское противостояние в 1860-х – 70-х годах, чтобы, извлекая для себя уроки из того тяжелого испытания, смочь избежать как появления причин, так и возможности развития возможных поводов для разрушения братской христианской любви.

Отец Иероним всегда питал искреннюю сыновнюю привязанность и благоговение к старцу-игумену Пантелеимоновой обители Герасиму, заботился о поддержании его здоровья и сам ему говорил (о чем упоминается в письмах к отцу Макарию), что по приходе в Свято-Пантелеимонову обитель и упокоении старца Арсения он не имел более другого духовного отца и наставника, кроме него.

В последние годы настоятельства в Руссике архимандрита Герасима, по причине глубокой старости и болезни ног почти не встававшего с одра, на отце Иерониме лежала нелегкая обязанность служить больному старцу орудием управления многолюдным и многонациональным монастырем, докладывая ему обо всем, требовавшем его благословения и согласия,

уясняя ему ее нужды и вообще действуя так, чтобы и старец-игумен был мирен и спокоен, и его разноплеменная обитель не чувствовала себя безначальной из-за его болезненного положения.

В этом подвиге много помогал отцу Иерониму присный сын его духовный и любимый ученик отец Макарий, который и в отношении к престарелому архимандриту Герасиму умел действовать с редким благоразумием и любовью. Отец Макарий вскоре после рукоположения, по словам старца Иеронима, становится предстоятелем русского общества, а в отсутствие игумена и отца Иеронима (как это было в 1856 году, когда они предприняли совместную поездку на метох Каламарию) оставался вместе с близким отцу Герасиму помощником, греком иеросхидиаконом Иларионом, руководить обителью.

«Я один из ленивейших и нерадивейших о своем спасении, но еще мне вверили попечение о спасении других душ, и это тяжелое бремя лежит на моем недостойнстве... – пишет в то время отец Макарий. – Едва мог опомниться от своих греховных потрясений, но Господу Богу угодно было возложить на меня бремя духовничества... Одно меня убеждает – старец мой, пред которым я так благоговею, предавши себя ему однажды навсегда, столько попекшийся о мне, грешном.

Слава Богу, пока он жив, я чувствую эту великую поддержку и, собственно, из послушания к нему я решился взять на себя эту громадную обязанность, но мысль – что он оставит меня, и, быть может, скоро... Конечно, если б Владычица дала мне эту милость – умереть на его руках, о, я счастлив бы был!.. Под руководством батюшки отца Иеронима я много ощущаю спокойствия и, поверяя ему мои действия с духовными детьми, получаю назидание, тем более, что он знает характер каждого, и с любовью души вижу в нем старание обуздать мои пристрастные деяния.

...От назначения Промысла Божия не уйдешь... Я думал уйти от встреч, постигших меня и здесь. Думал ли я сделаться чем-то? И вдруг Господь посещает болезнь отца моего духовного, и он вручает мне свое дело не только духовное, но и внешнее. Что сказать человеку вопреки, когда считаются

минуты его жизни? Но Господь ведал мою неопытность, увидел слезы братии и услышал молитвенный вопль их – возвратил нам дорогого отца.

Но согласие-то мое вспять ко мне не возвратилось, и теперь попечение о 400 душах братий, странников и других легло более или менее на мою выю. Конечно, молитвами игумена и духовника Господь питает нас, но я-то, немощный, подчас и затужусь... Видя необыкновенную веру в Промысл Божий старцев и хладнокровное рассуждение об этом, удивимся и успокоимся, подумав: «Ведь Господь же собрал нас, Он и напичает».

Вот ни моря, ни горы не скрыли моего ничтожества, и избыть от сего только опять можно благоволением Промысла Божия. Сколько ни думаю об этом, разину рот пред старцами... «А, послушание тебе не хочется нести?» Или еще лучше скажут: «Отвечай сам Богу». Вот и извольте рассуждать: отсюда ми тесно есть. Будем молить Господа, чтобы Он даровал нам терпение, в коем и благоволит стяжать души наша».

Старец-игумен Герасим, управлявший монастырем через отца Иеронима и отца Макария, этим самым стал возбуждать недовольство некоторых из греческой братии, вспоминавших время, когда греки были полными хозяевами в этой обители, и считавших себя более достойными быть ближними помощниками игумена, чем русские. К тому же теперь русские превосходили их и численностью, и материальным состоянием, которое богомудрыми распоряжениями отцов Иеронима и Макария было тщательно берегаемо, и греки должны были уступать и признавать их равноправность.

Престарелый архимандрит Герасим чувствовал скорую свою смерть и желал иметь достойного преемника. Просвещенный Божию благодатию, столетний старец-игумен, которого, так же как и его помощника отца Илариона, русские афонцы называли «адамантовым защитником русских прав», стоял выше узких национальных взглядов и, радея о пользе всей обители, остановил свой выбор, с согласия благоразумной части своей братии, без всякого домогательства русских, на отце Макарии как самом выдающемся из всего братства по

своему уму и примерной монашеской жизни. Тем самым был полностью подтвержден давний выбор отца Иеронима.

Но поскольку отец Иероним и отец Макарий (скромный и непритязательный, хотя уже и был посвящен в 1868 году русским епископом Александром в сан архимандрита) предвидели зависть враждебно настроенной части греческой братии, то отказывались от такого назначения, чтобы не вызвать недовольства и смуты с их стороны, да и сами многосложные дела попечения об обители заставляли их уклоняться от этого избрания.

После таких уклонений со стороны отца духовника и отца Макария, 15 октября 1870 года отец Макарий все же был избран преемником игумена при усиленном настоянии отца Герасима, отца Иллариона и некоторых греческих братий, о чем было объявлено сначала русской братии, а затем в трапезной обоим братствам. Хотя это избрание не представляло ничего противозаконного, несогласного с афонскими обычаями, ибо и сам игумен Герасим также был избран игуменом Саввой себе в преемники, но нашлись, конечно, как и ожидали отец Иероним и отец Макарий, недовольные, и неприязнь между русским и греческим братствами Пантелеимонова монастыря вспыхнула с новой силой.

Необходимо учесть и тот фактор, что бурный расцвет деятельности Пантелеимонова монастыря, произошедший благодаря трудам старца Иеронима и архимандрита Макария, в других афонских монастырях вызывал разноречивую реакцию – не все насельники святогорских обителей искренне по-братски радовались «воскресшему подобно Фениксу из пепла» долгов и прозябания древнему монастырю и восхищались Божьей милостью к его братии и трудами старца-духовника Иеронима.

Некоторые, напротив, потеряв ранее приходивших в греческие монастыри и использовавшихся в качестве крепкой и усердной рабочей прислуги русских послушников (теперь стекавшихся под отеческое крыло старца Иеронима в собственный Русский монастырь) и вместе с ними основные потоки пожертвований из России, почти полностью направлявшиеся теперь в возрождающуюся и крепнущую

русскую обитель, недобрым взглядом смотрели на приумножение и расцвет афонского русского братства. Из этого становится понятным, почему еще раньше, с переходом отца Иеронима в Пантелеимонов монастырь, высказывалось со стороны греков прочих афонских монастырей неудовольствие принятием русских в обитель.

Проследим подробнее взаимоотношения греков и русских с 1840 года:

Много пришлось претерпеть отцу Иерониму скорбей на новом месте, ибо тотчас же по входе его в Руссик греки других монастырей стали сильно упрекать отца игумена Герасима, что он принял русских, и если бы не тяжкие испытания, постигшие монастырь по удалении отца Аникиты (Ширинского-Шихматова) с русской братией, – быть может, то же случилось бы и с отцом Иеронимом, который со своей стороны, как посланный на свое духовничество за святое послушание духовному отцу старцу Арсению, смиренно переносил ропот греков и всевозможные дерзости некоторых из старших братий Руссика.

Так продолжалось до 1845 года, до посещения Афона великим князем Константином Николаевичем, благоволившим подъехать прямо к Русской обители. Это посещение подняло весьма престиж русских в глазах греков. Дотоле ни одна особа царской крови не посещала Святую Гору с давних времен. По отбытии великого князя недруги русских замолкли, и монастырские греки начали гораздо снисходительнее обходиться с отцом Иеронимом.

К этому и благодать Божия после страшной бедности монастыря и всех вынесенных им напастей начала изливать струи свои, внушая боголюбцам православной России посылать Русику милостыню и церковную утварь. С детской простотой и братской любовью милостыня вручалась русскими игумену Герасиму без всякого контроля, что продолжалось до 1863 года. Ризница и утварь делились пополам, причем все лучшее отдавалось грекам. Малейшее отступление от этого правила – например, желание поклонников, чтобы пожертвования их были в русских храмах, – производило неудовольствие в греческом братстве, о чем делалось замечание отцу Иерониму.

Отец Иероним смиренно терпел неприятные выходки против себя со стороны некоторых из старшей греческой братии в надежде, что греки, ознакомившись более с русскими, привыкнут к ним, тем более, если русские станут делать им всевозможные уступки и всемерно смиряться перед ними.

Отец Иероним, будучи сам чужд всякого национального пристрастия, видевший в греках и русских одну братию во Христе, всячески направлял греков на путь единомыслия и любви к русским, отдавал им во всем предпочтение как первым хозяевам обители и всегда ставил на вид всей своей братии, что пришли они в монастырь не для национальных распрей, а для спасения души, почему как от греков, так и от русских всегда требовал более всего мира и братской любви друг к другу.

Кроме того, он стремился избегать всего, что может повредить уважению и благоговению, внушаемым всем православным одним только упоминанием имени Святой Горы – земного удела Божией Матери, прославленного многими духовными подвигами преподобных отцов.

Хотя братство русское к 1852 году возросло до 80 человек, но они все равно были в Руссике как *пришельцы на земли чуждые* (ср.: Пс.136:4). Греки, усиленно приглашавшие их на совместное жительство ради притока в обитель русских пожертвований, без которых шансов выжить у обители не оставалось, отнюдь не думали их считать равными себе, но смотрели на них более как на рабов, которые обязаны были за плохой приют и скудный стол работать на монастырь. Никаких ответственных должностей не было им даваемо до 1856 года, а требование русскими и маловажных для себя вещей не обходилось без претензий от греков.

Русские в течение 16 лет терпеливо переживали свое приниженное положение и старались жить мирно в выделенной им части монастыря со своими храмами и богослужением, встречаясь с греками лишь на послушаниях и в трапезной. Когда русских оказалось уже более 100 человек и избран был помощником отцу Иерониму отец Макарий, они попросили у греков разрешить им уставное чтение в трапезной на русском

языке два раза в неделю – в среду и в пятницу, и то на условии, что если в оные два дня не случится праздника (обычно же чтение за трапезой производилось на греческом языке, непонятном для большинства русской братии).

В 1857 году, в сентябре, состоялся монастырский собор, на котором решались разные вопросы монастырской жизни. Когда заговорили о чтении на трапезе, отец Иероним напомнил игумену о своей просьбе, и некоторые из греков отозвались на нее положительно. Тогда духовник выразил греческой братии свое неудовольствие, говоря, что мы, русские, живя 17 лет в обители, трудясь в ней неуклонно и всячески заботясь о благосостоянии ее, не заслужили доселе любви братской, братия греческая пренебрегла нашим пришествием и благословением своего старца-игумена, который с любовью дал оное на просимое нами. Вам не угодно было дать нам чтение два раза в неделю, но теперь братство наше возросло за 100 человек, и мы желаем пользоваться русским чтением на трапезе наравне с греческим.

Греки чрезвычайно удивились этой смелой просьбе, начали возражать, что это невозможно, и тогда отец Иероним сказал: «Если не хотите разделять с русскими братских отношений, то благоволите ведать, что мы отягощаемся сожитием с вами». Греки закричали единогласно: Нет! Нет! И начали предлагать три дня чтения, но духовник решительно сказал: как хотите, угодно вам или нет, но чтобы чтение наше было половинное, и чтобы трапезу благословлял в эти дни русский иеромонах».

И только после долгих препирательств греческие отцы, сознавая неприличие своего упорства, согласились чтение совершать попеременно, через день, по-гречески и по-русски, а в праздники – утром по-гречески, а вечером по-русски. И когда началось русское чтение, то для многих греков это оказалось весьма неприятно, и многие из них в такие дни не являлись в трапезную. Еще настаивали, чтобы трапезу благословлял греческий иеромонах, а не русский; много было по этому поводу разговоров, и опять едва не нарушилось установленное чтение.

Обычного же псалмопения русского в трапезной, когда среди недели приходились праздники святых, греками никак не

дозволялось, и так продолжалось до 1865 года. В 1866 году состоялось новое соглашение, чтобы чтение было попеременное через день, какие бы ни случились праздники, и псалмопение, следующее за чтением, – тоже попеременно.

Спустя некоторое время греческое братство заговорило, что нужно иметь «письменное соглашение на бумаге», хотя условия совместной жизни были выработаны еще в 1840 году. Удивившись такому предложению, русские сочли это за благоволение Промысла Божия и, когда с обеих сторон было изъявлено согласие на написание устава совместного жития, тогда было поручено одному из греческого братства его составить; при написании его и открылись многих сердец помышления.

Сначала было греческие авторы соглашения заговорили, что русские должны составлять четвертую часть братства, а затем – третью, но на половину никак не хотели согласиться, из-за чего долго происходила распря, об игумене же русском не хотели и слышать, а также и о равенстве между братствами греческим и русским, и требовали, чтобы всегда преимущества и первенство было на стороне греческой.

Несмотря на увещания игумена и старших, благоразумных братьев, греки постоянно высказывали свое неудовольствие. Составленный же типикон, или устав, подписанный игуменом Герасимом и русскими, противниками русских вовсе не принимался во внимание. Так продолжалось до 1863 года.

В это время по просьбе капитана русского парохода турецкий карантинный чиновник выстроил для себя небольшой домик близ монастыря и над ним поднял турецкий карантинный флаг. Это было сделано для того, чтобы из-за прописки паспортов пассажиров русский пароход долго не задерживался под Афоном. Греки увидели во всем этом происки русских. Им показалось, что все это сделано по просьбе русских и по желанию русского консульства в Константинополе с целью поставить монастырь под надзор турецкой власти. Русские старались успокоить греков, показать выгоды для монастыря от приезда к Афону русских пароходов и от поселения вблизи монастыря турецкого карантинного чиновника, но греки не

слушали убеждений русских иноков, продолжали волноваться и требовать снятия флага с угрозой в случае неисполнения их требования разрушить сам дом. Никакие уверения со стороны русской братии на них не действовали.

Русские со всем желанием обещали похлопотать перед турецким правительством о снятии карантинного флага и удалении чиновника на прежнее место, в афонскую пристань Дафну, и обещали, что если сами не добьются успеха, то поручат это дело грекам, только чтобы они успокоились, но и это не помогло. Греки заявили свои требования к русским в 12 пунктах, на которые, за исключением трех или четырех, русские никак не могли согласиться, вследствие чего греки стали выказывать явную недоброжелательность к русскому братству и всячески ему угрожать.

Это происходило в 1863 году. Тогда постоянно были собираемы собор за собором, но никакие убеждения со стороны игумена и благоразумной части греческой братии не смогли действовать на недовольных греческих монахов, которые все почти состояли на начальственных монастырских должностях. И поскольку они не соглашались с мнением игумена, он потребовал удаления их от должностей, о чем они и слышать не хотели.

Наконец, сами они попросили, чтобы при решении этих сложных вопросов были посторонние посредники. Для этого были приглашены игумены афонских общежительных монастырей Дионисиатского, Ксенофского и Зографского, но и они после трех собраний не смогли склонить недовольных ни на какое соглашение.

Русские со своей стороны обещали им устранить приход пароходов к монастырской пристани, оставить за греческой братией все привилегии, которыми те пользовались, но уже ничто не помогало, с их стороны сыпалось все больше заявлений и угроз, и русская братия обители начала сомневаться в своей безопасности. Старец Иероним призывал русских иноков молить усердно Господа и Его Пречистую Матерь об их благодатной помощи в решении этого зашедшего в тупик конфликта.

Так прошло 40 дней, и конца этому тяжелому испытанию не было видно, и многие русские иноки стали весьма тревожиться. Но сила молитвы старца, поддерживаемая молитвами его верных учеников, возымела свое действие – внезапно противники русских, только что не желавшие и слушать об изменении своих требований, необъяснимым Промыслом Божиим в одно утро вдруг потребовали себе отпускные билеты по обычаю афонскому, и непременно в продолжение одного дня, чтобы немедля выйти из обители.

Удивляясь неизреченному смотрению Божию, русские обрадовались, что Господь избавляет их от тягостного искушения. Вышло 23 человека во главе с греческим духовником отцом Нифонтом, остальные, раскаявшись в незаконном бунте против старцаигумена, остались в обители. После выхода непримиримых бунтовщиков братия как русская, так и греческая поуспокоилась, хотя некоторые выражения неприязни все же продолжались.

Следующие годы, почти вплоть до 1870-го, прошли сравнительно мирно для Русской Афонской обители. Причин этому было немало. С 1866 по 1868 год обитель удостоилась нескольких знаменательных посещений высоких русских гостей. В 1866 году в Пантелеимонов монастырь в первый раз прибыл русский посол и полномочный министр при Оттоманской Порте граф Николай Павлович Игнатьев, который самым наглядным образом убедился в дурном отношении греков к русским и сделался с этих пор мощным защитником русских интересов на Святой Горе.

В июне 1867 года обитель посетил русский царственный гость – Великий князь Алексей Александрович, оказавший благосклонное внимание отцам Иерониму и Макарию и в беседе со старцем Иеронимом проявивший искренний интерес и участие к жизни обители и ее русской братии. В июне-июле 1868 года состоялось первое посещение Пантелеимоновой обители русским архиереем – преосвященным Александром, епископом Полтавским.

Посещения именитых гостей, умножение русской братии в Свято-Пантелеимоновом монастыре, все большее

благоустройство ими обители благодаря богатому притоку пожертвований из России, расширение их деятельности за пределы Святой Горы, – все это возбуждало по человеческой немощи подозрение и опасение греческого братства Пантелеимонова монастыря и всего греческого Афона в том, что русские иноки займут в обители выдающееся положение и захватят в свои руки кормило управления монастырем.

Избрание отца Макария в преемники игумену вызвало новое неудовольствие, которое могло бы со временем исчезнуть, как надеялся избирательный собор, но к этому обительскому делу примешались другие афонские и внеафонские события, с которыми так или иначе связывалось понятие «русский», и усилили междоусобную распрю в Русской обители. Обстоятельства эти сами по себе или мало, или совершенно не касались ее, но они возбуждали и поддерживали неприязненные в то время на Востоке чувства к русским вообще, а через то и к русскому братству Свято-Пантелеимоновой обители.

Однажды старец-подвижник иеросхимонах Иларион, грузин, живший в пустынной монастырской келлии, вызвал отца Иеронима из церкви во время всенощного бдения и встретил его словами: «Обитель вашу ждет великое искушение, но Царица Небесная покроет вас, не бойтесь». И тут же рассказал свое видение, только что ему бывшее. Он видел весь двор монастырский наполненный бесами, сам князь тьмы виден был между ними. Но в высоте небесной показалась Мать Божия, которая обошла весь монастырь, остановилась над Введенским храмом и, покрыв обитель Своим покровом, стала невидима. Духи тьмы исчезли, яко исчезает дым. С глубоким упованием на Промысл Божий и со свойственной ему проницательностью старец Иероним спокойно ожидал грядущих событий. В лице отца Макария он приготовил преданного себе и обители игумена на тот случай, если когда-нибудь во главе ее сможет встать кто-либо из русских; некоторых из русских иноков он воспитал как нужных деятелей и энергичных себе сотрудников.

В июне 1873 года в отсутствие отца Макария заболел геронда. Когда же старцу-игумену сделалось тяжело, русская

братия предложила послать телеграмму, чтобы отец Макарий немедленно приезжал, дабы мог застать в живых геронду, который желал его при себе видеть действительным игуменом. Но многие из братии греческой, до сих пор таившие ненависть к избранию отца Макария в преемники, восстали против этого и начали придумывать всевозможные меры к тому, чтобы это событие не состоялось.

По приезде отца Макария при беседе его с игуменом ловили каждое его слово и опять хотели обвинить игумена, тяжело больного, хоть в одном слове, ими же придуманном. По выздоровлении старца-игумена, в день святого Пантелеимона, они старались вызвать столкновение между мирскими рабочими, болгарами и греками, что отчасти и удалось, но помощью Божию и благоразумными мерами было прекращено.

«Мы, русские, – говорил отец Макарий, – в особенности отец духовник и я, отнюдь не домогались наследия игуменства у старца, а нас принудили принять оное те самые, которые теперь восстают против этого. Если им не нравится этот выбор, то почему они тогда не заявили об этом? Ибо они были лицом к лицу с одним игуменом, а из русских там был только один отец духовник Иероним, и они могли свободно говорить за и против. Когда меня позвали и объявили свое решение, я сказал, что имею послушание многосложное и без игуменства, которое принять не желаю. Тогда отец игумен, отец духовник и отец Иларион сказали: «Исполняй это ради послушания».

А греческая братия сказали, что «мы вас просим об этом», на что я отвечал им, что принимаю на себя это бремя только ради послушания, а если найдете у себя человека более способного и полезного для обоих обществ, то можете избрать».

Но многие из греческой братии по действию духа злобы уже стали волноваться и утверждать, что русские выгонят из обители всех монахов-греков, и сами заявили свои исключительные права на Русский монастырь. Вслед за ними почти все афонцы-греки и почти вся греческая нация восстали против русских.

Так начался греко-русский пантелеимоновский процесс – то предсказанное великое искушение, которое всколыхнуло весь

Афон и доставило столько скорбей русским инокам, но которое милостию Божией и Пресвятой Богородицы послужило к славе Божией.

Глава 22. Греко-русский пантелеимоновский процесс 1874–1875 гг

Около двух лет продолжалась распря, и мрачные картины представляла собой жизнь Русского монастыря в эти годы. Отношения между греческими и русскими монахами сделались такими раздражительными, что святая обитель не переставала быть зрелищем ссор и споров, совершенно не приличествующих монашескому обществу.

Тяжело было положение в то время русских иноков, находившихся под страхом гнетущей мысли, что не нынче-завтра они очутятся за порогом обители, даже вне святого Афона, ради которого они оставили все и порвали связи с дорогой далекой родиной, но несравненно тяжелее было положение тех, которым суждено было стоять на страже русских интересов, – старца-духовника Иеронима и его верного ученика архимандрита Макария.

Изложение событий 1874–1875 годов поможет понять, какую громадную силу воли нужно было им иметь в эти годы, какую любовь к ближнему, покорность воле Божией и своему послушанию, преданность обители и сознание правоты своего дела, чтобы незыблемо устоять посреди всех этих дрызг, пошлостей, злостной клеветы и провокаций и безошибочно руководить братией.

Лишь только сделалось известным греческим инокам Пантелеимонова монастыря намерение игумена Герасима объявить при своей жизни действительным игуменом обители отца Макария, как они, и без того крайне враждебно настроенные против русских, заволновались и стали совещаться о том, что им необходимо предпринять в эту, по их мнению, критическую минуту. На совещание ими был приглашен из Дионисиатского монастыря духовник Савва.

Их речи испугали духовника Савву, который стал уговаривать бунтовщиков, советуя им оставить свои намерения, чтобы не делать «радость диаволу и еретикам». Недовольные

вняли его совету, но окончательно не успокоились и продолжали волноваться и тревожить мирную жизнь русских иноков.

В это время один из греческой братии, Евгений, был послан на Карею по делу об участке земли скита Ксилургу, занятом монастырем Пантократор под предлогом холерного карантина. Он довольно долго пробыл там, запасаясь сведениями и советами у разных антипросопов, и разглагольствовал с братией, живущей на подворье Пантелеимонова монастыря на Карее, в духе неприязни к русским. По прибытии его в монастырь в греческом братстве началось некоторое движение.

5 января 1874 года во время вечерни пришел за отцом Макарием греческий иеромонах Поликарп, чтобы освящать у них воду. Отец Макарий говорит: «Старец решил, чтобы освящал седмичный отец Нафанаил». Узнав о назначении отца Нафанаила, греки отказались петь при освящении воды. Когда же явился отец Макарий, то и на это отец Анастасий сказал: «Старец желает отца Макария, да мы не хотим». Но, несмотря на это, отец Макарий освящал воду, а молитву дал читать грекам, чем они и поуспокоились.

7-го числа отец Иларион решил сменить греческого эконома за возмущение братии из-за мастера, и требовалось только дойти до отца духовника Иеронима, который решает подобные дела. Когда отец игумен и отец Иларион 8-го числа позвали греческого эконома и сказали ему: «Более ты не можешь быть экономом», тогда он пошел к отцу Анастасию, и, решившись окончательно возмутить братство, они подняли шум, всех собрали, пошли к игумену и сказали: «Эконома мы не дадим сменить, и удали от нас иеромонаха Нафанаила, который распоряжается нами».

Много дерзостей наговорили и отцу Илариону, который не согласился им уступить, а сказал: «Можем дать канон отцу Нафанаилу, если вы считаете себя оскорбленными». Но они целой гурьбой до 30 человек выразили свое несогласие. И начали собираться около его келлии. Убоявшись, он перешел к отцу Илариону. Явившись к нему, говорят: «Оставь эконома». Отец Иларион сказал: «Если мы не можем сменить эконома, то к чему наше правление? Не могу этого. Да к чему такая

настойчивость и такие сборища у вас, разве это прилично монашеству?»

Но убеждения его не подействовали, вопли умножились. Отец Нафанаил ушел наверх, в русский корпус, чтобы не подвергнуться большим нападкам. А вслед за ним, наскучив дерзостями возмущившихся, перешел наверх и отец Иларион. Греки чрезвычайно возмутились за уход к русским отца Илариона и его порицали, между тем к вечеру снова была собрана вся братия.

Отец Иларион ходил к игумену и, казалось, все клонилось к успокоению. Но 10-го числа, по приходе отца Евгения из келлии в монастырь, братия вновь беспокоилась и по его внушению продолжала свои требования. На 11-е число, по обычаю, бывает бдение, почему усилен был русский караул внутри и вне монастыря, чтобы не произошло беспорядков.

11-го числа, после Божественной литургии, по обычаю, отец Макарий пошел взять благословение у игумена и, застав его спящим, собрался было идти назад, но оказался между двух предводителей замешательства, которые, пригласив его в архондарик, начали порицать действия отца Илариона, что он не обратил внимания на многократные убеждения братства сменить отца Нафанаила с послушания грамматика.

И хотя отец Нафанаил вел свое дело хорошо и, по своему скромному характеру, не передавал ничего ни от греков русским, ни от русских грекам, но ввиду греческих угроз 15 января был снят со своего послушания, а его место занял уже упоминаемый нами отец Евгений. Однако мир в обители не водворился. Греки потребовали, чтобы отец Иларион перешел на греческую половину и, когда он отказался уважить их просьбу, потребовали от него монастырскую печать.

17 января без ведома игумена прекратили поминать на ектениях в храме имена отцов Иеронима, Макария и Илариона. Когда игумен, призвав к себе, запретил служащего иеромонаха, тот ответил раздражительно: «Знайτε об архимандрите Макарии: чтобы ему быть игуменом, мы и слушать не хотим», однако после смирился.

Наконец, греки предъявили новое требование: поставить своих заведующих на арсану, пшеничный склад, в архондарик и на карейский конак. Им и в этом не было отказано со стороны русских, только замечено было, что их поступки не братские, что русские сами просили их прежде назначить своих на эти послушания, но получили от них отказ за неимением людей.

Отец Иероним в собрании греков объявил им решительно, что поступки их превосходят всякое приличие и благопристойность и неприличны монашескому званию, и что русская братия, выведенная из терпения, просит игумена принять решительные меры: «Судиться мы не желаем, а желаем примириться с тем условием, что мы прощаем их поступки и предаем забвению, и чтобы по-прежнему были старцами-распорядителями: первый – геронда отец Герасим, второй – духовник отец Иероним, третий – отец Макарий, четвертый – отец Иларион. «Охи, охи, охи!– закричали греки, то есть: «Нет, нет, нет!»

24 января отец Иероним был у игумена, жалуясь на неуместные поступки греков, которые клонят к разделению братство. Он сказал: «Мы видим, что никогда подобные притязания не останутся при всех наших усилиях успокоить киновию, видим одно порицание нашей деятельности, да и вместо благодарности намеки, не приличествующие не только монашеству, но и честному мирянину, а потому просим вашего отеческого благословения разделиться.

На что старец-игумен, утомленный постоянными раздорами в монастыре, отвечал: «Бог благословит, делитесь, но только по совести» – и дал письменное благословение на раздел. Приводим его текст:

«Из многополезного опыта убедился я, что два собранных мною различных народностей и многочисленных общества, находящиеся во священном Русском святого великомученика и целителя Пантелеимона общежитии под моим духовным водительством, не могут впредь сожительствовать мирно в одном и том же монастыре из-за многих противоречий, [поэтому] нахожусь вынужденным для избежания могущих быть и впредь между ними смущений и соблазнов, еще более

опасных, нежели происходящие ныне или бывшие, – вынуждаюсь, говорю, дать обоим обществам, как равным духовным моим чадам, грекам и русским, отеческое мое благословение разделить друг от друга по братской равноправности. К сему по священному моему долгу свидетельствую, что братство русское вошло в обитель, убежденное многими нашими усерднейшими предварительными просьбами.

Сожительствуя же с нами по желанию и благословию моему, выстроили большую часть сего монастыря, а также и многие другие здания возведены ими на собственные их средства из их отеческого достояния. Они уплатили и большие долги за монастырь этот (в чем дано мною им особенное свидетельство). Итак, говоря по Богу, хотя и оба общества суть присные чада обители, но так как русская братия обстроили большую часть монастыря сего, воздвигли многие церкви, выстроили дома, многие из наших метохов выкупили, некоторые исправили и некоторые вновь создали, а также доставили и иные многие блага священному нашему монастырю и могут быть названы ктиторами обители, то посему они имеют преимущественное право в имеющем быть разделе.

Настоящее мое письменное отеческое благословение на раздел может быть представлено, если это потребуется, и к надлежащим правительственным властям, и в судебные места. В показание и удостоверение истины всего вышереченного даю духовным сим моим чадам и братиям русским настоящую бумагу, утверждая оную собственноручною моею подписью и приложением священной монастырской печати.

Кафигумен священного Русского святого Пантелеимона общежития иеромонах Герасим.

В священном Русском на святоименной Горе Афонской монастыре. 1874 год».

30 января старец-игумен дал русским инокам Свято-Пантелеимонова монастыря грамоту, свидетельствующую о заслугах русского братства и его руководителей перед обителью.

«Русский монастырь сей до приглашения в него русского братства находился в совершенной бедности. Большая часть оного по недостатку средств не была обстроена, церкви были неоштукатурены и без иконостасов. Число же братства до 1840 года едва доходило до 60 человек, но и такое малое количество монастырь не был в состоянии пропитать, а потому и вошел в большие долги.

Находясь в таком ужасном положении и бедности крайней, мы вынуждены были в 1840 году пригласить русское братство для сожителства с нами и пользоваться во всех делах монастыря теми же самыми правами, как и мы сами, чтобы таким образом дать руку помощи сему священному монастырю, коему угрожал совершенный упадок, прося усердно русскую братию, чтобы они пеклись и заботились, как хозяева, о создании и возведении остальных монастырских строений, а также и о преуспевании обители во всем прочем.

Во всем этом они оправдали себя, хотя и с большим трудом, ибо братство сие русское на собственные свои средства, принесенные ими в обитель, также и присылаемые им из России от их родственников и друзей, а также и трудами, подъемлемыми ими в сборе милостынного подаяния от православных христиан в России, выстроили большую часть монастыря, а также и вне монастыря выстроили многие дома, равно и метохы некоторые выкупили, а некоторые исправили, иные и вновь выстроили.

К тому же уплатили за монастырь 5000 турецких лир, а на все это братство русское истратило десятки тысяч лир. При всем том братия наши русские своими трудами и попечениями до сего времени содержат в превосходном состоянии все многочисленное наше братство, ибо в настоящее время в нашем общежитии находится греков более 200 человек, а русских более 300.

В удостоверение чего и в подтверждение вышесказанного и дано мною русскому братству мое свидетельство за моим собственноручным подписом и приложением священной монастырской печати.

Кафигумен священного Русского святого великомученика Пантелеимона общежития иеромонах Герасим.

В священном Русском на святоименной Горе Афонской монастыре. 30 января 1874 года».

25 января по случаю праздника святителя Григория Богослова и бдения иноки готовились приобщиться Святых Христовых Таин, и греки просили геронду прочитав разрешительную молитву, но он с удивлением сказал: «какая молитва для не имеющих мира? И с какою совестью хотят они приступить к такому великому Таинству? Да будут они отлучены». Услышав это, греки чрезвычайно смутились, и перед вечерней в тот же день собрались человек 30 или более и стали убеждать геронду, чтобы он прочитал им разрешительную молитву.

Старец по великому своему незлобию и любви сделал им замечание касательно их восстания и немирствия с русскими: «У меня был духовник Иероним, и я ему дал благословение на раздел, ибо они весьма оскорблены вашими поступками». Что на это греки отвечали геронде – неизвестно, а затем он прочитал им молитву. Вечером к отцу Иерониму пришли четыре повстанца и спрашивали, каким образом будет раздел, и требовали объяснить это на бумаге. На это отец Иероним им ответил: «Подумаем, а после дадим ответ».

Когда услышала братия греческая о разделе, то один из повстанцев, отец Елевферий, приходит к отцу Илариону и говорит ему: «Русские хотят раздела? Для них не будет иного раздела, а пусть идут туда, откуда пришли. Их не терпят ни патриархия, ни протат, ни монастыри, ни само место, ни народ. Земля эта не принадлежит ни России, ни Турции, а есть достояние греческой нации, и надеемся, что нам помогут все избавиться от русских, даже сами стены и камни, и постараемся не иметь не только в нашем монастыре, но и на всем Афоне ни одного русского!»

Отец Иларион отвечал ему: «Все это хорошо, да Евангелие куда денете и обеты монашества? А Россия разве выдаст своих? Ведь из-за этого может быть война. Да и Россия, расшедшись с греками, после разве сможет когда смотреть на

нас без презрения за такие дела? Тогда Святая Гора защиты уже не будет иметь, ибо вы и эллины ваши очень слабы и бессильны, а иностранцы, пожалуй, дадут слово защищать, да и сами явятся жить на Святую Гору».

Узнав о намерении русских, грек отец Анастасий спросил отца Иеронима, составлен ли проект раздела, ибо мы его ждем уже четыре дня. Отец духовник ответил, что это дело так скоро не делается, а может быть, еще пройдет четыре месяца, ибо мы к этому делу пригласили своих собратий – отцов Арсения, Павла и Иосифа. Тогда один из недовольных возразил: «Так и мы призовем Арсения из Царьграда». На это отвечал отец духовник: «ваш Арсений вышел из монастыря самовольно, а наш Арсений – первый деятель по киновии».

Тогда греки остались недовольными за такое рассуждение об их товарище. После многих разговоров и вопросов, почему затевается этот раздел, отец духовник отвечал: «Справедливо, что вы на словах не разделяетесь, а на деле вы упрекаете нас за излишество в братии, но знайте, что они живут не в монастыре, а вне оного и трудятся для общего блага и спокойствия (находясь за сбором пожертвований в разных частях России), за которые мы получаем от вас такие благодарности».

На это они возразили: «почему же вы не посылаете на сбор средств в Россию наших братий?» Отец духовник ответил: «да что же вы там будете делать? Во-первых, вы языка вовсе не знаете; во-вторых, это отечество не ваше, а наше. Гораздо лучше было бы вам посетить свое отечество, например отцу Евгению – Митилин, отцу Анастасию – Загору, отцу Серафиму – Анатолию и прочим – свои места (и попробовать собрать там деньги на монастырь)». Это им весьма не понравилось, и, вероятно, надолго осталось в их сердцах это высказывание отца Иеронима. При этом было заявлено ими, что они желают иметь симпракторов (сотрудников) отцу Илариону. «Вы теперь делайте как хотите, а мы думаем о разделе» – ответил отец Иероним.

Из вышеприведенного повествования об этих событиях отца Макария мы знаем, что отец Иероним постоянно так

молился: «О, Мати Милосердия, соедини любовь два общества – русское и греческое!», и в духовном завещании он поучал братию жить в боголюбезном братолюбии разных племен. И во время всего «пантелеимоновского процесса» старец не настаивал на разделе с греками, хотя многие заставляли его действовать энергичнее.

Он стремился узнать Божию волю и ее исполнить: «наше желание есть одно: хотя и потерпеть далее, лишь бы исход или конец был добрый, сего да удостоит нас благость Божия к славе единого Бога и во спасение душ наших; ...мы в нашей молитве о сем намерении нашем просили Господа, что если Ему благоугодно наше желание раздела с греками, то дарует Он нам достигнуть сего, а если нет, то пусть будет по Его святой воле: проживем еще с греками, доколе это будет удобно для обоюдного нашего спасения; ...нам, желающим исполнить в этом деле волю Божию, должно быть равно и то и другое, лишь бы то было по воле Божией, благоугодной и совершенной».

В это время в Пантелеимоновом монастыре находился известный афонский подвижник Хаджи Георгий, который прожил там два месяца, всеусердно стараясь о примирении, но успеха не было. Тогда русские старцы попросили его помолиться Господу Богу с просьбой открыть, есть ли воля Божия, чтобы отделиться русским от греков. Старец Хаджи Георгий за послушание исполнил просьбу, помолился Господу Богу, и ему было откровение во сне: видел он, что посреди соборного храма святого великомученика Пантелеимона стоит эконоਮ монастыря, перед ним большой чан соленых и маринованных маслин, которые тот раздает – одну чашку русским, а другую – грекам.

Когда Хаджи Георгий рассказал это видение старшим из русской братии, то из этого все заключили, что на разделение русских с греками нет благословения Божия.

Действительно, дальнейшие события показали, что воля Божия состояла не в разделении братии во вражде, а в продолжении совместного жития в мире во славу Божию и на процветание обители. Нужны были особенная помощь свыше, особенная опытность и власть духовная отца Иеронима,

благоразумие и кротость отца Макария, чтобы избежать совершенного разрыва греков с русскими и сохранить в целостности их духовную связь в Пантелеимоновой обители.

Ревнителям мира и братолюбия – отцам Иерониму и Макарию удалось этого достигнуть при помощи Божией, Царицы Небесной и святого великомученика Пантелеимона, которым за них в это время усиленно молились и некоторые афонские пустынники, духовные друзья и чада старца Иеронима. «Некоторые безмолвники очень сочувствуют нам и особенно тебе. Благодать побуждает их плакать за нас, а это есть милость Божия к нам», – пишет Старец Иероним отцу Макарию в Константинополь 19 апреля 1875 года.

Отец Иероним рассказывал, что был у него один пустынник во время нашего процесса и рассказал о бывшем ему откровении от Господа, что все смущение в монастыре произошло за недостатки русских, но если они смирятся, то процесс окончится в их пользу.

Отец Иероним имел великие дарования от Господа, которые видны были окружающим, в том числе – его великое смирение. Так, он однажды в церкви поклонился до пола, прося у братии прощения в какой-то ошибке. Он также сделал в церкви земной поклон послу Н. П. Игнатьеву, когда тот приехал в 1874 году на Афон во время бунта греков в монастыре, прося у него защиты. Поклонились ему (то есть Н. П. Игнатьеву) и все иеромонахи в ризах на молебне среди церкви.

По причине беспокойства в монастыре отец Иероним всячески утешал встревоженную русскую братию, чтобы не разошлись, делал им кое-какие льготы и послабления. «До процесса же была большая строгость среди братии», – записал один из иноков, вспоминая то тяжелое время.

Понимая, что корень распри, вызванной демоническим воздействием в среде греческой братии, лежит в области духовной – в неизжитых страстях всего братства, как греческого, так и русского, старец Иероним обратил основное внимание братии не на решение проблемы мирскими способами, но в духовной же плоскости – через собственное покаяние и усиленную молитву. Во все время пантелеимоновского

процесса русская братия молилась в своих церквах о даровании мира и тишины особыми нарочито на сей случай составленными прошениями и молитвой.

Вот эти прошения на великой ектении:

О еже благословити доброе намерение и дело рабов Твоих и благоизволити благополучно начати и спешно, кроме всякага препятія, во славу Твою скончати, силою, действием благодатию Пресвятаго Духа, Господу помолимся.

О еже ко благому тцанию рабов Своих благопоспешство, со всяким довольством, силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего Духа подати, Господу помолимся.

О еже приставити делу сему Ангела-хранителя, еже невидимо отразити вся противныя вещи видимых и невидимых врагов, и во всем благопоспешство и мудрость к совершению, силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего Духа подати, Господу помолимся.

На сугубой ектении:

Во всем поспешествуй и всем во благое, Господи, милостивно и рабом Твоим, нам, ныне Тебе молящимся, поспешествуй, Спасе, и во благополучное совершение делу их спешно произвестися благослови, молим Ти ся, всемогий Владыка, услыши и помилуй.

Ангела Твоего хранителя постави делу сему, благоуветливе Господи, и еже воспятити вся препятія видимых и невидимых врагов, поспешство же во всем ко благополучному совершению, молим Ти ся, преблагий Спасе, услыши и помилуй.

Во славу Твою вся творити повелевый, Господи, рабом Твоим, благословением Твоим поспешство благополучное к совершению подаждь, молим Ти ся, даровитый Творче, услыши и помилуй.

По сугубой ектении возглас: Паки и паки колена преклоньше, Господу помолимся и молитву сию, а в праздничные дни без коленопреклонения. Молитва:

Господи, Иисусе Христе, Боже наш, приими недостойное моление наше в оставление грехов и беззаконий наших, имже раздражихом Твое человеколюбие и прогневахом Твою

благость, и отврати от нас гнев Свой, праведно на ны движимый, и утоли вся нестроения ныне сущия, и подаждь мир, тишину, любовь же и утверждение рабом Твоим, ихже честною Твоею искупил еси кровию, славы ради имене Твоего, утверждения же и укрепления Церкви Твоея, да вси славим пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святага Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Дальнейшие события развивались так.

28 января отец духовник рано пошел к игумену, где собрались многие греческие братия, требовавшие избрания симпракторов. После многих совещаний были ими избраны трое: Григорий, Агафон и Агапий. «Что же симпракторы будут делать?» – спросил отец Иероним. Они так смутились, что не знали, что и отвечать, но, подумав, отвечали, что они должны входить во все дела обители. Духовник спросил: «В какие?»

Они опять остановились, но потом отвечали: покупать, продавать и тому подобное. На это отец духовник сказал: «Пока я жив, не допущу распоряжаться этим предметом другим. Кошелек в моих руках, также и воля. Пожалуй, можете смотреть за порядком своего братства, но русского братства чтобы не касались. Можете заведовать принятием своих в обитель и перемещением на другие послушания, и чтобы постриг не производить ранее трех лет, а не так, как бывало у вас прежде: году не проходит – постригали».

29-го числа рано утром симпракторы пришли к отцу Иерониму и говорят: «Необходимо нам устранить келлиотов, нищих и посетителей в воскресные и праздничные дни». Отец духовник спросил: «Кто вас послал?» Они отвечали: «Мы поговорили между собою об этом и предложили отцу Илариону». Тогда отец духовник сказал: «Такого дела мы на себя не принимаем, потому что боимся за то гнева Божия, и без совещания со старцем я не соглашусь этого сделать».

После этого отец духовник пошел к игумену и объяснил ему следующее: «Когда мы стали принимать бедняков и предлагать им на трапезе то же, что и нам Бог посылает, мы усматриваем уже несколько лет особенную от этого пользу и изобилие нам милостыни. Когда у нас погибли два судна, многим возвещено

было, что попущено это не от чего иного, как от недостатка вспоможения бедным. Допустим, что между этими посетителями есть люди неблагонамеренные, но это много будет, когда мы положим единицу на десять, да если они и будут таковы, то мы за нравственность их не отвечаем».

Тогда некоторые из возмутителей так заговорили: «И что же из этого будет доброго, если вы посторонних хотите учреждать и утешать, а мы смущаемся, скорбим и ропщем на вас, когда не проходит ни одного посещения без соблазнов от этих проходимцев. Они дозволяют себе и красть и стесняют нас в церкви, и в трапезе, и на всяком месте».

Духовник на это сказал: как вы знаете, так и делайте, но я пред лицом Бога и геронды, по моему крайнему разумению, считаю это великим грехом, а потому не принимаю на себя за эту ответственность и русских по-прежнему принимать буду, ибо некоторые из них связаны с нами духовно, а другие – родством и знакомством, а с греками, болгарам и молдаванами как хотите, так и поступайте; повторяю при сем, что неприлично нам таковое уклонение от нищих и отказывать им мы сами не будем, а вы как хотите, так и делайте».

31-е. Иеросхимонах Гавриил и схимонах Филарет, сочувствуя русским, передавали, что многие неприятности происходят от духовника Саввы, и «если не удалите его, то обитель не успокоится».

1 февраля. Отец Иероним был у греческого архиерея Дионисия, и, разъяснив ему дело с греками, убеждал его переменить мнение и посоветовать отцу Савве удалиться из обители, что тот и обещал.

2 февраля по случаю праздника архиерей служил в греческом соборе. Перед обедом зашел отец Макарий в Пантелеимоновский собор, где нашел служащих в смущении, ибо во время Божественной литургии игумен, приобщаясь, по старости лет не мог удержать святую Чашу, наполненную по неосторожности диакона доверху, и оплеснул. Благонамеренные приняли это за гнев Божий на возмутившихся, недоброжелатели же утверждали, что Бог наказывает игумена за сочувствие к русским.

3-е прошло без особенных приключений.

4-го архиерей, игумен и отец Иларион позвали к себе иеромонаха Савву и сказали, чтобы он удалился; тот, сделав вид, что согласен, попросил архиерея прочитать ему разрешительную молитву, по окончании которой вышел и первому попавшемуся сказал: «Меня высылают». Нужно было видеть неистовство приверженцев его! Они собрались к келлии игумена и начали упрекать его, зачем он не сдержал своего слова оставить духовника Савву до избрания нового духовника. И архиерею говорили: «Здесь входить в дела обители тебе не следует, а распоряжайся на своей квартире».

Архиерей отвечал: «Меня просили об этом игумен, духовник и Иларион, и я обязан был исполнить их желание». Тогда, упрекнув геронду за несохранение слова, начали возмущаться и кричать. Накричавшись вдоволь, они разошлись. При этом Елевферий высказался уже публично, как выражался и прежде перед отцом Иларионом: «Что нам мешает выгнать русских? Что мы смотрим? Все их не хотят: турки, греки, патриархия, протат, весь Афон. Нам и камни помогут. Это земля греческая, а не русская или турецкая». И подобные тому безумные глаголы. Он говорил это при русских.

В тот же день привратник-грек поссорился с русским привратником из-за нищих. Русский привратник высказался: «что, вам жаль русских лир для раздачи нищим? Монастырь русский, и деньги русские». Когда же новые симпракторы пришли разобрать дело и помирить их, тогда греческий портарь до того дошел, что взял из келлии свой мягкий хлеб, бросил и сказал: «не хочу его, я лучше буду есть вот этот сухарь, но свой, а не русский!» Это было человеках при десяти, были при этом Анастасий, Анфим и прочие.

Во время вечерни отец духовник получил письменное приглашение на собрание, назначенное из семи греков и семи русских. По окончании вечерни собрались. Начал говорить отец Евгений: мы избрали симпракторов, теперь просим, чтобы они были утверждены на бумаге подписью игумена и печатью. Пусть будет, как вас Бог просветит.

На это отвечали отцы игумен и духовник: «Это невозможно, ибо мы не желаем подчиняться никому из вас». Тогда они сказали: «Мы не требуем сего». Отец духовник возразил: «А назад тому несколько дней вы приходили ко мне требовать устранения нищих. На вопрос мой, кто вас послал, вы отвечали: «Мы, поговоривши с отцом Иларионом, сами требуем», а у игумена не взяли благословения на это требование, допустить которое мы считаем грехом и боимся за то наказания Божия».

Тогда греки начали порицать нищих и заключили, что они из-за них получают более вреда, нежели спасения. После пересудов покончили тем, чтобы одних русских пускать, а недопущение бедных других национальностей пусть останется на ответственности греков. После сего возобновили прошение о письменном утверждении симпракторов и долго об этом просили, но им отвечали как и прежде, что невозможно допустить сего.

Затем просили поставить греков на должности в лес и прочие места. Отец духовник сказал: «Чего вы еще добиваетесь? Все первые должности в руках ваших, но и этого вам мало – желаете во всем и малом первенствовать». Тогда объявили они, что рубка леса приостанавливается, и, когда спросили, почему, они, не обинуясь, сказали: «Вы объявили о разделе, который если состоится, то нам не с чем будет остаться, кроме леса. Мы должны будем им жить».

Затем предложили сменить русского портаря, на что последовало согласие. (Если русские замечали, что русские отцы, состоя в должностях, впадали в какие-нибудь ошибки, то старались везде устранять таковых, чтобы не подавать повода к большему замешательству, ибо и слова какого-нибудь неопытного всегда находили у греков пищу к разглагольствованию в больших размерах).

Наконец, начали снова говорить о выдаче документа новым симпракторам, но отец духовник сказал: «Ведь вы сами выразились при начале нашего с вами заседания, что как нас Бог просветит, так и получите. Вот Бог просветил отца нашего игумена сказать вам, что это сделать невозможно». Заговорили было о том же и многие, но уже время было заканчивать. Когда

братия расходились, греки оставили отца Макария и много говорили с ним, отстаивая свои права.

5-го греческий монах Иосиф явился к отцу духовнику для принятия надзора за лесом и спросил отца Иеронима: «Вы назначаете мне послушание смотреть за лесом?» Отец духовник ответил: «Не мы, а братство, как выражаются ваши возмутители общественного порядка». На это Иосиф сказал: «Если так, то я не пойду». Духовник говорит ему: «Нужно идти, потому что об этом вчера говорено было в общем собрании. При сем говорю тебе для сведения, что Евгений, Анастасий и Елевферий за возмущение братства потерпят непременно от святого великомученика Пантелеимона изгнание». Так как при этом был и эконом Серафим, то он тотчас постарался передать это трем поименованным лицам.

На другой день, 6-го числа, Евгений, Анастасий и Елевферий заявили перед герондой: «Пусть нам даст на бумаге духовник свидетельство, чем мы возмутили киновию». При этом старались уверить игумена в неправильности действий русских и добавили, что это свидетельство они потребуют через суд.

7-го числа к русским был приглашен иеромонах Савва. Когда отец Иероним говорил ему, что хотя волнения произошли от его неопытности, но все-таки он может, если хочет, возвратить общество на прежний путь, то отец Савва заявил, что ему русские обязаны за отвращение заговора в июне 1873 года, и старался уверить всех в своем расположении к русским.

Дальнейшие действия симпракторов клонились вследствие овладевшего ими племенного пристрастия к совершенному устранению русских от монастырского правления. Получив отказ в письменном утверждении присвоенных ими себе прав, самоуправные представители, по совету архиерея Дионисия, потребовали, чтобы монастырская печать, хранившаяся до тех пор у отца игумена или его ближайшего помощника – отца Илариона, хранилась у них в ящике, один ключ от которого чтобы находился у прежних лиц, другой у них, а третий у отца Иеронима, хотя злоупотребления печатью до сих пор не было.

Симпракторы, однако, не остановились на отобрании печати, они потребовали еще монастырские документы и

хрисовулы (царские грамоты) у заведовавшего архивом русского монаха Азария, который приводил их в порядок и составлял для них каталог. Когда предложение русских – дескать, безопаснее хранить требуемые документы в новом, недавно выстроенном здании греческой и русской библиотек, чем в ризнице, куда часто ходят монахи со свечой, не было принято во внимание, то они уступили грекам, но под условием, что документы будут храниться в несгораемом ящике, запертом двумя ключами, из которых один будет находиться у греков, а другой – у русских. Но это условие не было исполнено симпракторами, они не дали даже расписки русским в получении от них документов. Передача документов совершилась 25 февраля.

Наконец, симпракторы стали требовать, чтобы им отданы были все деньги, которые хранятся у русских, воспретив последним всякий вход к старцу-игумену, а также распространяли против русских клеветы и темные, тревожные слухи о высылке их с Афона. Для успокоения по недостатку терпения и упования на Бога малодушествующих русских братьев и на случай возможных перемен поручено было отцу Арсению, находившемуся тогда при московской часовне, начать дело по устройению Ново-Афонского монастыря на Кавказе.

Повстанцы всеми силами старались склонить на свою сторону старших и наиболее благоговейных братьев, потому что к ним имели доверие остальные, что им часто и удавалось. С греками, поддерживавшими русских, повстанцы жестоко расправлялись. Так, иеросхидиакон Феодосий, грек, во время вечерни читая девятый час, был оторван возмутителями от чтения, вытасчен в коридор и избит.

Отец Иларион также оставался неизменным по отношению к русским. На упрек ему своей братии: напрасно ты вверяешься русским, ибо, во-первых, они обманут тебя, во-вторых, они схизматики – он отвечал: «Я с герондою приглашал русских в обитель и, кроме добра, от них доселе ничего не видел, а когда мы бедствовали без них, ужели не помните, как я объезжал по несколько монастырей, чтобы добыть где-нибудь 1000 левов (100 рублей), но и в этой сумме отказывали? Благоговения же у

русских, по многолетнему замечанию моему, несравненно более, чем у наших братьев-греков, да ведь мы же и дети одного Отца – следовательно, нам должно всегда питать к ним чувство уважения и любви».

Особенно тяжелым было в это время положение отца Макария, как он и предвидел при своем назначении в наместники. Припомнив, что дед его был раскольник, всюду на Афоне распространяли о нем слух, что он липован или молоканин и совсем не крещен.

Убедившись, что мир в обители не может водвориться мерами кротости, снисхождений и всевозможными уступками, русские решили прибегнуть за помощью к авторитетным властям. Было решено отправить отца Макария в Константинополь, к русскому послу графу Н. П. Игнатьеву, дабы он принял зависящие от него меры защиты русских, на что было испрошено благословение игумена.

Греки собрались к игумену, вынудили его взять обратно данное им отцу Макарию благословение на отъезд в Царьград и решили так: не объявляя этого русским, поставить стражей и, когда отец Макарий отправится на пароход, позвать его к геронде, где они уже собрались. И, когда показался пароход, они поставили стражей за малой портой по обеим сторонам дороги, одного в великой порте, а Серафим, эконо́м, дожидаясь на пристани.

Отец Макарий, ничего не зная об их замысле, во время утрени отправился на пристань в сопровождении нескольких старших братьев. Чуть рассветало. В порте брали благословение портари, а грек как бы ослеп. Так же на берегу: все простились, взяли благословение, и, как садился отец Макарий в баркас, Серафим смотрел, но не видел. Когда пароход дал свисток, тут греки спохватились, пришли в Покровский собор и спрашивают: «Где папас Макарий?» Им отвечают, что уже на пароходе. Они верить не хотели, искали в Покровском соборе, в келлии, в архондариках, и едва их могли уверить, что отец Макарий уже в пути.

В то же время русские обратились в афонский протат, чтобы он принял меры по примирению враждующих. Протат

немедленно отправил в Свято-Пантелеимонов монастырь увещательную грамоту, но, когда она не возымела желанного действия к успокоению взволнованных умов, решил составить шестичленную комиссию епитропов, которая по всестороннему исследованию причин этих беспорядков должна была «прекратить возникшие несогласия и водворить снова вожделенный мир и тишину в священном сем общежитии».

Глава 23. Греко-русский пантелеимоновский процесс. Продолжение

Комиссия явилась в Пантелеимонов монастырь 21 марта 1874 года и, увидев, что одним простым убеждением в данном случае дела не поправишь, ввиду наступления праздника Пасхи удалилась из монастыря ни с чем. После праздников, 23 апреля, была послана протатом девятичленная комиссия с таким же поручением, что и прежде. Обе эти комиссии держали себя чрезвычайно странно, чтобы не сказать прямо враждебно по отношению к русским монахам и «приходили в монастырь не для того, чтобы посредством нелицеприятного расспроса и расследования составить правильное и справедливое мнение о существующей распри, как замечает Любитель истины, а чтобы «приладить решение, предварительно начертанное и поставленное, основывающееся на племенном различии и презрении очевидных прав русских монахов и имеющее целью совершенное их порабощение».

Так, на самом первом заседании шестичленной комиссии уже был поднят вопрос о том, чтобы отец Иларион, как сторонник русских, был выведен из заседания собрания епитропов. Только заступничество отца Герасима помешало епитропам привести в осуществление свое несправедливое намерение. После того как были окончены приготовления к заседаниям, избраны депутаты, по восемь человек с каждой стороны, и объявлен краткий перерыв, посланники протата не остались в нейтральной комнате – архондарике, как это следовало сделать, а удалились на греческую половину и там имели с греками продолжительное совещание при закрытых дверях.

Это поведение судей не понравилось русским, и они выразили желание переговорить с игуменом Герасимом, но им в этом наотрез отказали. На вечернем заседании того же дня постановлено было, чтобы уполномоченные русских и греков письменно изложили свои требования и представили их к утреннему заседанию следующего дня. Однако когда 22-го

числа утром русские уполномоченные представили свои требования, то епитропы протата объявили им, что они не намерены делать полное расследование, что они лишь донесут обо всем, что они видели в монастыре, протату, который уже примет зависящие от него меры к успокоению недовольных.

Девятичленная комиссия, открывшая свои заседания с 23 апреля и занимавшаяся расследованием всех поводов к спорам с начала 1857 года, действовала не так, как того требовали находящиеся в ее руках доказательства, а сообразно с теми указаниями, которые получила заранее из Кареи от протата. Высшую степень несправедливости и пристрастия по отношению к русским эта комиссия проявила при составлении нового устава совместной жизни греков с русскими в Пантелеимоновом монастыре.

Постановление в 22 главах, обнимая все управление монастырем, ниспровергало издревле господствовавший в нем порядок и вводило противный афонскому монашескому и всей Православной Церкви духу филетизм (племенное пристрастие). Это видно из следующих его главных пунктов:

- 1) монастырь был, есть и всегда будет греческим;
- 2) игумен его, как издревле, всегда будет из греков;
- 3) русским дозволяется ради языка иметь своего духовника, который определяется и увольняется игуменом, только для чисто духовного руководства;
- 4) число русских братий в нем впредь всегда будет на одну треть меньше всего количества греческой братии;
- 5) казна должна быть общей, в которую должно быть сложено все доселе находящееся в руках русских братий и что будет приобретено;
- 6) в Старом Русике, составляющем неотчужденную собственность нового монастыря, воздвигаемый священный храм должен быть приведен к окончанию, а существующие в нем теперь жилые помещения должны оставаться как есть, строить же какое-либо новое здание, великое или малое, не дозволяется.

Последнее постановление сделано в противодействие намерению русских отделиться от греков в Старый Русик на

независимое от них жительство, вследствие чего постройка собора русскими в Старом Русике была прекращена до более благоприятного времени.

Указанное постановление, подписанное протатом, предложено было на рассмотрение и замечание обоих братств в продолжение 24 часов. Греки, конечно, приняли его с восторгом, а русские подали объяснение своему отказу, который, однако, не был принят уполномоченными, оставившими монастырь без обычного монашеского прощания с русскими. Тогда русские делегаты отправились на Карею. Отцы кинота молча выслушали и также не приняли возражений.

Русское братство Пантелеимонова монастыря ясно увидело теперь, что на Афоне оно не найдет правды и удовлетворения своим законным требованиям, а потому решилось спор с греками перенести на суд Великой Церкви. С этой целью оно избрало из своей среды более способных делегатов, снабдило их нужными бумагами и необходимыми полномочиями и отправило в Константинополь к отцу Макарию, чтобы изложить суть дела перед патриархом Иоакимом II и собором клириков и мирян. Греческая братия Пантелеимонова монастыря сделала то же самое – со своей стороны послала делегатов в Константинополь.

Таким образом, борьба русских с греками в течение года, с мая 1874 по май 1875 года, продолжалась в Константинополе – в патриархии, на заседаниях Священного Синода и смешанного совета при Вселенском патриархе (члены которого, по крайней мере некоторая часть его, относились к русским афонским инокам весьма враждебно), в русском посольстве, на подворье Пантелеимонова монастыря в Галате и на страницах константинопольских газет, через которые отголоски ее проникали в местное общество, живо интересовавшееся этой борьбой и с напряжением ожидавшее ее исхода.

О трудности положения русских афонских иноков в то время, с одной стороны, и горячем участии графа Н.П. Игнатьева с другой сообщает монах Пантелеимон, присутствовавший в Константинополе во время «греко-русского процесса».

«Март, апрель и май [1874 года] прошли в самом беспокойном состоянии... – пишет отец Пантелеимон. – Решение протата было столь пристрастно к национальности и так несправедливо, что русские должны были войти в протест и подать жалобу святейшему патриарху, вследствие чего в конце мая приехал сюда (то есть в Константинополь) наш архимандрит отец Макарий, а в начале июня – отец Азарий и я с некоторыми братьями.

Дело наше, пустое само по себе, приняло весьма обширные размеры, так что в конце концов оказалось, что мы имеем дело не с протатом только, но и с синодом патриархата, даже с целою нациею, возбужденною до крайнего ожесточения газетным громом в течение последних пяти-шести лет. Желание наше разделить с греками – им уступить приморский Русик, а себе отстроить нагорный или наоборот представило вопрос весьма трудный и почти неудобоисполнимый, а потому дело наше более месяца было совершенно без движения и только во второй едва-едва было рассмотрено.

При рассмотрении происходили довольно жаркие прения, доходившие до разделения мнений, и бомбардировка была серьезная. Наконец, после разногласий в собрании и доказательств, представленных с нашей стороны, члены синода и смешанной комиссии (из мирских членов, имеющих право не согласиться и не принять патриаршее решение) пришли к заключению, что русским нельзя отказать иметь монастырь на Афоне.

Оставалось только проверить акты, на кои ссылались мы в прошении, есть ли они и какие именно, но в это время подвернулось иерусалимское дело (о возбуждении арабов кем-то из служащих в русском агентстве в Акре), которое было принято здесь горячо, и в соединении с нашим представило страшное по обаянию всей греческой нации слово «филетизм» и отодвинуло наше дело на неопределенное время с опасностью принять противоположный оборот.

Если бы не искреннее участие русского посла, столь для нас неоценимо благодетельное, то не только бы просьба наша и все, хотя и фактические, доказательства не имели бы никакого

значения и остались бы без удовлетворения, но греки выгнали бы нас с Афона, в чем и состояла главная задача всех притеснений и обид, сделанных ими русским. Замысел этот у них давний, и план притеснений русских на Афоне составлен был еще в прошлый год здесь комиссиею, отчего наши греки (то есть пантелеимоновцы) и члены протата и действовали так смело».

Отец Иероним отправил в Константинополь письмо на имя Святейшего Патриарха и Священного Синода, в котором описал сложившуюся в монастыре обстановку:

«Всесвятейший Владыка! Священный и честнейший Синод! Канонизм, составленный священным протатом Святой Афонской Горы для нашей священной Русской киновии и не принятый нами, вследствие прошения нашего к Великой Христовой Церкви и Вашим всечестнейшим и божественным Всесвятейшеством вместе с Вашим священным Синодом и смешанным советом отвергнут как несправедливый и несообразный; часть же отцов греков, разошедшаяся вследствие вражды с нами, русскими, и признающая нас за чужих, увлекши на свою сторону и престарелого старца нашего и кафигумена нашей киновии, приняла упомянутый канонизм.

С тех пор часть эта действует по своей воле без ведения нас, русских, во всех внешних делах, относящихся вообще к священной нашей киновии, и принимает (как монастырская власть) от священного здешнего протата, других властей и особых лиц различные присылаемые бумаги, приказы, извещения и письма, на которые делает ответы, припечатывая оные новою переделанною печатью, ни о чем этом не объявляя нам.

Упомянутые же братия, несмотря на то, что самовольно устранили нас от наших прав и признают нас за чужих, не престают вместе с тем требовать от нас средств, необходимых для их содержания и для поддержки занимаемых ими священных зданий и заведений этой киновии. Не принимают же в расчет, что из России все решительно получаем мы, как всем известно, от родителей наших и родственников и из милостыни,

присылаемой нам лично нашими друзьями и милостыinelюбцами-россиянами.

Но ныне по причине возникшего, к несчастью, между нами и собратиями нашими греками разногласия пособия эти и приношения до такой степени уменьшились и ограничались, что мы вынуждены хранить их в особом месте из опасения, чтобы самим нам, незадолго еще пред сим щедрою рукою благотворившим всем требовавшим помощи, не потерпеть бы недостатка в безусловно необходимых съестных припасах и не понести бы неожиданно стеснений.

Но хуже всего, что, несмотря на то что все большею частию доставляется из России, а прочее приобретается нами же и также на русские деньги, мы уничижаемся сказанными братиями-греками, как бы питаемые их помощью, и бываем вынуждены вкушать разделяемое не поровну и предлагаемое греком, от чего происходят жалобы и неудовольствия.

К тому же мы терпим множество несправедливых нападков и притеснений, которые доселе мы переносили с терпением, не допуская себя до жалоб на них, но происшедшие, собственно, в конце прошлого года случаи и послужившие как бы венцом наших страданий и оскорблений, как, например: недавно заболел повар-грек и должен был замениться, по существующему обычаю, товарищем своим, поваром-русским, однако собратия наши греки воспротивились сему и, чтобы не допустить повара-русского, поспешили в тот же день возвратить этого больного на его место; еще 31 декабря прошедшего года один грек, прислуживающий в трапезной, бросился с ножом на русского трапезаря, служащего там мирно уже девять лет, и хотел его заколоть эти случаи, говорим, вынудили уже нас волею и неволею объявить о сем каймакаму святой этой Афонской Горы, дабы не случилось и не было бы учинено самим делом над кем-либо из братий русских что-либо и худшее этого покушения на убийство.

Такое недостойное извинения поведение сказанного брата-грека по справедливости привело нас в ужас. Мы страшимся, чтобы от раздражения не произошло бы какого-либо несчастья от долговременных неприличий греческого братства,

совершенно напрасно оскорблявшего нас непристойными выражениями, и тогда произойдет общее нареkanie на монашеское звание, будем осуждаемы и мы во всем православном мире – и здесь, и в православной России, из которой мы получаем решительно все.

При сем, опасаясь, чтобы дальнейшая наша снисходительность не послужила бы поводом к малейшему упреку нам, мы вынужденными нашлись удалиться от общей трапезы и сообедничества с собратиями нашими греками в особенную трапезную, предоставив им свободу в настоящем состоянии нашей киновии распоряжаться определенными послушаниями как хотят, а по израсходовании находящегося в общей келарне (складе) заботиться о нужных для них съестных припасах и прочих их нуждах, как и мы сами для себя.

При сем почтительнейше повергаем Вашему божественному Всесвятейшеству и состоящему при Вас священному Синоду, что так как упомянутые собратия наши делают все против воли и мнения нас, имеющих право владения над этою киновиею со всеми ее принадлежностями на основании официальных грамот, то таковые действия их, совершаемые без соучастия нашего, как противозаконные, мы совершенно не признаем, и отрицаем, и просим считать нас не подлежащими за оные ответственности.

Итак, всепокорнейше умоляем богохранимое и всечестнейшее покланяемое Всесвятейшество и состоящий при Вас священный Синод благоволить поспешить воздаянием справедливости и издать окончательное патриаршее и синодальное Ваше решение, чтобы мы, освободившись от несчастных приключений и совершая в несмущенном духе воспринятые нами монашеские обязанности, молились Спасителю нашему о Вашем долгоденствии и славе!

При сем остаемся, испрашивая Ваших всесвятейших молитв и благословения, Вашего божественного и покланяемого Всесвятейшества и состоящего при Вас священного и честнейшего Синода, чада духовные и слуги.

Духовник Иероним. (Следуют подписи русских братий.)
Святая Гора Афонская. Русик. 1875 года, января 23-го дня».

Вселенский патриарх Иоаким II любил русское братство нашего монастыря и часто защищал его перед турецким султаном, чем вызывал удивление последнего. Имея проницательный ум и твердый характер, он с достоинством нес свое служение как Первосвященитель Церкви и народный представитель. За правдивость, настойчивость в правом деле его уважало даже турецкое правительство, питало к нему доверие, и многие высокопоставленные лица поддерживали его. Султан Гамид неоднократно удостоивал патриарха беседы, говоря: «Я тебя, старец, люблю и уважаю и позволяю тебе в твоих нуждах приезжать ко мне без всякого доклада».

В одну из таких бесед во время русско-турецкой войны патриарх сумел оправдать русских, живущих на Афоне, представив их с самой светлой стороны, и убедил султана, что отвечает собой за русское общество. И на вопрос, почему он так защищает русских, отвечал, что знает религиозные убеждения этого общества, что они не ищут ничего, кроме своей цели, за которой пришли, – спасения души.

Он говорил, что в процессе с греками справедливость на стороне русских, но клеветники, желая изгнать или притеснить, пытаются очернить их, якобы они имеют оружие и принадлежат к славянским комитетам, что будто бы они завладели греческим монастырем, а он, патриарх, содействовал им, чего никогда не бывало. И ему пришлось много пострадать от своего народа, но, следуя закону совести, он не отступил, хотя и подвергался свержению с престола.

На комиссию, составленную для раздела русских с греками, он смотрел неблагоприятно. Желание его было выбрать нового игумена без удаления старого. К отцу Макарию всегда был ласков и, видя того являющимся к нему скорбным, утешал, говоря: «не спеши делом, одно только может повредить вашему делу, если турецкое правительство повелит его вести другим путем, нежели тем, которым веду его я. И особенно часто удостоивал своей беседы отца Азария, хорошо знавшего греческий язык.

В то время как русские делегаты направляли все усилия, чтобы отстоять свои права на монастырь и на место себе среди

святогорских насельников других национальностей, пользуясь сильной поддержкой со стороны могущественного в ту пору в Константинополе графа Н. П. Игнатьева, в обители святого Пантелеимона случилось событие скорбное, но по воле Божией способствовавшее завершению греко-русского процесса.

Утомленный последними искушениями, умер 10 мая 1875 года на 103-м году жизни игумен Герасим. С глубокой сыновней скорбью о почившем старце известил отец Иероним отца Макария о его кончине и при этом заметил, что греки, кажется, не желали, чтобы русские пред герондовой смертью посещали его, а иначе они известили бы нас о том. Когда уже началась его агония, с 3 часов до 9-го, они и не вспомнили известить нас о том, да, верно, и не известили б.

Но Бог внушил отставному епитропу Агафону, который секретно сказал нашему портарю отцу Ананию, что геронда умирает: «Иди и скажи русским, чтобы поспешили проститься с герондою». А то бы мы так и остались, не выдавши его кончины и не облобызав пред смертью святой старческой его десницы, что многим из нас причинило бы великую скорбь».

До избрания нового игумена всеми делами правила составленная смешанная епитропия из греков и русских. Со стороны греков был избран иеросхидиакон Иларион, а со стороны русских – духовник Иероним и эконо́м иеросхимонах Павел.

Отец Иероним созвал всю русскую братию в архондарик и торжественно объявил, что по обычаю афонских монастырей по смерти игумена, совершив поминовение девятого дня, в десятый избирают ему преемника: «Следуя сему обычаю, назначаем 20 мая подписываться на избрание во игумена избранного и назначенного покойным герондою архимандрита Макария».

На другой день в Покровском соборе открыта была подписка, и подписывались целый день. Подписывались все русские, бывшие в наличности, подписались 406 человек. Приглашали и греков, но получили отказ. Несколько человек все же пришли к отцу Иерониму и испросили благословения подписаться на избрание. Во главе их были иеросхимонах

Алексий (впоследствии уехавший в Иерусалим) и схимонах Агафон.

Греки подписались немногие, но между ними были и участвовавшие в возмущении. Подписавшихся прочие греки выгнали, и те переселились в русский корпус, им отведен был Введенский параклис, где отец Алексий совершал для них Божественную литургию на греческом языке.

Быстрое и единогласное избрание отца Макария расстроило последние планы мятежников, ибо они уже пустили слух, что русские разделились на три партии и что из-за их, русских, медлительности они вынуждены будут избрать своего игумена. Но ожидаемого замедления в действиях русских не было.

Со стороны некоторых греков были возгласы, что будут отстаивать монастырь до последнего, чтобы он остался греческим хоть и для трех человек, если даже и средств к существованию не будет, только чтобы не достался русским. Другие же согласны были жить с русскими, имея свою епитропию, равноправную с игуменом, третьи согласны жить, но только чтобы русские кормили и дали на то бумагу. Четвертые желали выйти из обители. Но предводители теперь, когда уяснилось, что монастырь принадлежит русским, желали раздела, о котором они прежде и слышать не хотели, и чтобы русские оставили им монастырь, а сами ушли в Старый Руссик.

Мирный исход дела показал, что смута в обители была навязана извне настроениями афонского и большинства греческого общества, возбуждаемого и поддерживаемого какими-нибудь тремя вожаками внутри обители, с отстранением которых от управления оба братства сразу пришли в единомыслие по делу, прежде так волновавшему.

Вселенский патриарх Иоаким II, извещенный об избрании отца Макария игуменом, желая успокоить взволнованные периодической печатью умы и отклонить от себя всякие нарекания, а факт избрания отца Макария поставить вне всякого подозрения, сразу не утвердил это избрание, а предложил сделать переголосование в присутствии нарочно

посланных им двух архиереев и двух уполномоченных кинотом Святой Горы.

«А чтобы законно и канонически решенное, надлежащею заботливостию и начальственным правом святой Церкви Христовой поставленное и определенное и самим делом исполнилось, так как в последнее время преставился ко Господу бывший игумен священной сей обители Герасим, мы, – писал Вселенский Патриарх в сигиллионе (грамоте) от 24 сентября 1875 года, подтверждающем избрание архимандрита Макария в игумены Русского монастыря, – постановили послать экзархами священнейших митрополитов Никейского кира Иоанникия и Деркийского кира Иоакима, чтобы они, отправившись в сказанную священную обитель, вместе с тем как объявят всем неизменное решение Церкви для прекращения соблазнов и смут, вселяя согласие и мир приличными советами и увещаниями, пригласили в то же время всех отцов обители к прямодушному и беспристрастному избранию игумена под наблюдением тех самых экзархов и в присутствии двух уполномоченных советом Святой Горы.

11 июля избранные экзархи отправились на Афон, а 20-го числа того же месяца, после того как прибыли в Пантелеимонов монастырь два уполномоченных представителя от кинота и когда при помощи каймакама были удалены из монастыря четыре главных подстрекателя из греков, в русском Покровском соборе было приступлено к переголосованию.

Под наблюдением экзархов каждый инок Русского Пантелеимонова монастыря без различия национальности должен был подать свой голос за кандидата на игуменство. Подача голоса заключалась в подписи своего имени под актом избрания в игумены отца архимандрита Макария. И вторичное голосование, прошедшее весьма тихо, пришло к такому же единодушному избранию отца Макария.

Под актом подписались 415 человека, а греков подписалось еще больше, чем прежде, в том числе отец Гавриил, духовник, и отец Поликарп, ризничий, молчавший доселе, опасаясь, как бы греки не отняли ключ от ризницы и не опустошили ее. С

противной стороны оказались 112 человек, из них 25 вскоре преклонили свои главы.

«Когда все так в порядке и законно было сделано, – читаем в патриаршем сигиллионе, – поскольку великим большинством голосов преподобнейших отцов избран канонический игумен, преподобнейший иеромонах и архимандрит кир Макарий, муж разумный и добродетельный, постриженец и член сей священной обители, которого общим прошением и представили нам как достойного и способного управлять богоугодно тою священою обителию, усердно вымаливая и от нашей Церкви Христовой признания и подтверждения постановления и игуменства его нашею патриаршею и синодальною сигиллиодною на пергамене грамотою, то мы письменно определяем соборне с находящимися тут священнейшими архиереями и пречестными во Святом Духе возлюбленными нашими братьями и сослужителями, чтобы в силу вышеизложенного общего решения священного Синода и достопочтенного народного совета о пребывании и совместном в любви жительствовании всех отцов, подвигающихся в сказанном священном общежитии святого Пантелеимона, без какого бы то ни было привилегированного или племенного различения и о пользовании всех их без исключения равными правами, – решения, имеющего значение и силу неизбежную и неизменную во всякое время, как основанного на священных канонах и отеческих законоположениях, согласного и сходного с издревле установленными порядками, определениями и уставами всех священных общежитий, избранный теперь большинством голосов в игумена священной сей обители и канонически имеющий поручительство за себя и в непорочном жительствовании свидетельствуемый преподобнейший архимандрит кир Макарий был, и назывался, и всеми признавался игуменом и начальником общежития (киновиархом) помянутой нашей патриаршей и ставропигиальной обители святого Пантелеимона, называемой Русик, и до конца своей жизни держал игуменство в ней по правилам и установлениям общежитий. А его преподобие обязан, как преимуществ пред всеми братьями, наблюдать и возбуждать всех к добродетели и

общежительное их пребывание соблюдать в точности по древним уставам для избирающих общежительную жизнь, себя первого представляя примером добродетели и жития беспорочного, иметь попечение и заботиться о пользе и выгодах священной сей обители, усердно хлопотать о содержании и нуждах ее и с рассуждением домоправительствовать, пользуясь без всякого племенного различия и советами мужей опытейших и превосходящих других смыслом и возрастом и с ними обсуждать дела, потому что «спасение же есть во мно́зе совете» (Притч.11:14), по Приточнику. А все братия в общежитии должны повиноваться и подчиняться этому каноническому игумену своему и внимать его предложениям и увещаниям, никто вообще не противясь и не противореча, но исполняя все то, что бы ни было повелено от него. А кто не захочет повиноваться, тот после первого и второго вразумления, по слову апостола, да будет изгнан им, чтобы и других не заражал (ср.: 1Кор.5:6–13). Все же теперь уже подвизающиеся братия и имеющие впоследствии поступить из священной любви к общежительному пребыванию должны иметь все общее, имея каждый равные права и питаясь одинаково, кроме если кому по немощи телесной или другой какой неизбежной причине встретится препятствие употреблять одинаковую с другими братиями пищу, по рассуждению и испытанию о нем игумена, имеющего право устроить каждого по немощи его, несколько поэтому не подлежа епитимии ни сам, ни те, о коих он устрояет так. А прежде всего должны жить в согласии и духовной любви, имея по Богу братолюбное расположение, как бы одна душа, обитающая во многих телах, и совокупно заботясь о месте своего покаяния, поступая каждый так, как повелевает игумен. А кто и кто бы то ни был из всех, освященный или мирян (белец), одолеваемый грубостью или высокомерием, дерзнет когда-нибудь тайно или явно, непосредственно или посредственно, словами или поступками внести смуту, неравенство и нестроение в общежительный порядок и строй священной сей обители или в противность канонам захочет возбудить желания племенного различия и привилегированного положения, полагать препятствие равному для всех подвизающихся отцов

пользованию правами и обособлять что-нибудь из принадлежащего общему братству или каким бы то ни было образом нанести беспокойство и вред священному сему общежитию и находящимся в нем теперь или впоследствии имеющим жить отцам и вообще захочет извратить хотя бы в самом малом синодально определенное в настоящей грамоте, таковой, какого бы сана и степени ни был, да будет отлучен от Святой Животворящей и Неразделимой Блаженной Троицы, Единого естеством Бога, и проклят, и не прощен, и повинен всем клятвам отеческим и соборным».

Таким образом, патриаршая грамота свидетельствовала о полной законности произведенных выборов. Но, несмотря на все это, остались недовольные произведенными выборами, в том числе шесть членов протата, которые решили, что уполномоченные от протата якобы не сообразовались с данными им наставлениями».

Недовольные написали протест в весьма сильных выражениях и отправили его к патриарху, который, однако, не придавал ему никакого значения, сделав протестовавшим отеческое замечание. Некоторые из греческой братии, не примирившиеся с фактом состоявшегося избрания, продолжали возмущаться против нового порядка жизни в монастыре.

Когда потребовались ключи от соборного храма великомученика Пантелеимона, -рассказывает один из братии, – то возмутители беспорядков, во главе коих были Евгений и Анастасий, их не давали, а ектисиарх Иоанн на церковной двери приклеил портрет султана и поставил флаг и на боковых дверях приклеил два портрета и украсил их цветами. Бывший тут турецкий чиновник снял флаг, как не личную принадлежность человека, говоря, что подданство и повиновение правительству не в том состоит, чтобы выкидывать флаги и выставлять портреты, но в исполнении воли его, и велел снять портреты, а ключи они все-таки не отдавали.

Это было в первых числах сентября, а закрыт храм был с 1 сентября, когда, по обычаю афонскому, в нем было совершено водосвятие. Потом храм все же открыли и 7 сентября совершали там богослужение. Когда после литургии братия

вкушали антидор и открыли чашу со святой водой для запивки, то увидели в ней кишаших красных червей длиной с палец. Все были поражены ужасом и заключили, что это есть гнев святого угодника Божия великомученика Пантелеимона за возмущение и за то, что вместо креста на двери храма приклеивали почитателя луны. Так Господь, являя чудеса Свои, обличает неправые дела людей.

Этот факт наглядным образом показал русским инокам, что огонь вражды греков к ним еще не потух, и посему, чтобы раз и навсегда удалить зло из среды своей, они предложили недовольным оставить Пантелеимонов монастырь и искать себе пристанища в другом месте. По распоряжению патриарха и при помощи каймакама главных возмутителей удалили из монастыря (о чем предсказывал отец Иероним), взяв с них подписку, что они с монастырем ничего общего не имеют, и снабдив необходимым материальным обеспечением. Сами вышли из монастыря 20 человек и 11 были высланы.

Обитель готовилась к встрече нового игумена. Отец Макарий, 24 сентября возвратившийся из Царьграда, был торжественно встречен единодушной братией Русской обители. 26 сентября во время Божественной литургии, совершенной Никейским митрополитом Иоанникием в присутствии десяти членов протата, отец Макарий получил знаки игуменского достоинства: «патерицу», или игуменский жезл, и архиерейскую мантию с «источниками» – и был возведен на игуменский трон.

«Сознаю, – говорил взволнованным голосом новый игумен своей братии, – что не по силам моим возлагается сей голгофский крест на мою выю, но, помня, что сила Божия в немощах совершается, я, грешнейший, движимый взаимною любовью и убеждаемый обстоятельствами времени, а вместе и призываемый на сие высокое служение высоко поставленными лицами двух национальностей, решаюсь, призвав в помощь Господа, заступление Царицы неба и земли и предстательство святого великомученика и целителя Пантелеимона, принять возлагаемое на меня послушание по желанию и великих адамантов терпения – старцев наших Иеронима и Илариона – и

вашему, зная, что на это была воля и в Бозе почившего старца нашего отца игумена Герасима.

Не будем обвинять кого-либо, кроме своих недостатков, а будем лучше благодарить Господа, что мы – чада Божией любви, а не гнева, что Он, Милосердый, по благодати Своей благоволил нам узреть Его неизреченную милость, великое заступление Царицы Небесной и помощь святого страстотерпца Пантелеимона, *«яко не по грехам нашим воздъл есть нам!»* (Пс.102:10).

Члены афонского протата после поставления в игумена отца Макария немедленно известили патриарха и экзархов через особые официальные послания, что прежний законный порядок в названной обители вполне восстановлен и что, согласно обычаям и порядкам Святой Горы, ввели 26-го сего месяца, в день памяти святого Иоанна Богослова, в должность настоятеля названной обители архимандрита Макария, недавно выбранного на эту должность большинством пребывающей в обители братии.

В воскресенье, 28 сентября, патриаршими экзархами была прочтена разрешительная молитва, которой прощались все иноки, так или иначе провинившиеся во время происходивших в обители смут, и тут же избраны особые духовники для греческих монахов, а в понедельник, 29 сентября, экзархи, выполнив возложенные на них поручения, выехали с Афона в Константинополь.

В ноябре того же 1875 года последовала особая разрешительная грамота, которой разрешались все вольные и невольные грехи братии Пантелеимонова монастыря в период смуты в нем. Приводим ее полностью.

«Грамота святейшего Иоакима, патриарха Константинопольского, в Русскую киновию святого Пантелеимона на Афоне по случаю прекращения в ней разногласий.

Иоаким, Божию милостию архиепископ Константинополя, Нового Рима, и патриарх Вселенский, Высокопреподобным архимандриту игумену Макарию и другим отцам нашего святого

патриаршего монастыря святого Пантелеимона, Русской киновии на Афоне.

Возлюбленные о Господе чада мои! Божественная благодать и мир да будут с вами. Пророк Давид воспел милость и правосудие Господа и возвышенно прославил Его справедливость, согласующуюся с Его милосердием и Его великою милостию. Вдохновляемая этими началами, святая Церковь Христова по справедливости порицает тех, кто тем или другим образом согрешили и неразумно оставили свои священные обязанности, равно как она признает их достойными помилования, когда они отвращаются от своих заблуждений.

Благосклонно принимая их раскаяние, она снимает с них тяжесть их грехов и ответственность за них в силу Божественной благодати и власти святой Церкви, – власти, данной Господом нашим Иисусом Христом Его божественным и святым угодникам и апостолам с целью решить и вязать грехи людей, каковая власть перешла и к нам по преемству. Вследствие случайно происшедшего года полтора тому назад ненормального состояния в нашем святом патриаршем монастыре святого Пантелеимона, называемом Русским монастырем, некоторые отцы по наущению и прельщению сатаны оставили спокойное и мирное поведение, которое приличествует монахам, и наполняли общину ссорами, несогласиями и бесславными делами. Вместо того чтобы жить в согласии и мире, они своими противозаконными делами навлекли на себя справедливый гнев и неудовольствие святой Церкви Христовой, – Церкви, которую они так долго беспокоили. Они оскорбили Всевышнего и сделались повинными пред Ним в преступном попрании звания, в котором они должны были нерушимо соблюдать свои монашеские обязанности, определенные святыми канонами и киновийскими уставами и обычаями.

Принимая во внимание, что ныне эти предосудительные деяния по милости Божией прекратились и община возвратилась к исполнению своих святых обязанностей, что Вы, Ваше Высокопреподобие, законный игумен, движимый отеческими чувствами, и вы, вся братия этого святого

монастыря, обратились к Великой Церкви Христовой с пламенной мольбою о прощении и отпущении грехов всех тех, кто тем или другим образом сделался виновным в этих преступлениях против канона, и что вы все вместе в прощении, скрепленном вашими подписями, прибегли к милости Церкви, мы с благоволением принимаем ваше пламенное прошение, приятное пред Господом, и, вдохновляемые Святым Духом, письменно в соборном определении, постановленном в соприсутствии преосвященных епископов, наших сослужителей и наших возлюбленных братьев о Иисусе Христе, объявляем, что все те между братией, диаконами, монахами или послушниками монастыря святого Пантелеимона, называемого Русским монастырем, выбыли они из него или продолжают жить там, – что все те, кто по неведению или сознательно, явно или тайно, словами или делами сделался причиною этих соблазнов, этих несогласий и этих разделений и кто возмутительными поступками или другими действиями сделался виновным в этих тягчайших грехах и навлек Божественный гнев и справедливое порицание со стороны святой Церкви, – мы объявляем, говорим мы, что все они разрешаются и прощаются Господом нашим Всемогущим, что они разрешаются от всяких уз и становятся изъятными от всякой духовной ответственности за эти грехи, что они, наконец, получают благословения всех святых, существовавших от начала веков, равно как и благословения 318 отцов Церкви, составивших Никейский Собор и отцов других предосточтимых Соборов Вселенских. Ей, Господи, Всемиловитый Иисусе Христе, Боже наш! По неизмеримой милости Твоей и беспредельной благодати Твоей не остави дело рук Твоих погибнуть до конца! Вонми молению смиренных рабов Твоих, которые молят Твою благодать о братии сей, диаконах, монахах и послушниках, и, Благий и Милостивый Господи, сними с них всякую ответственность телесную и духовную молитвами и заступлением Пречистой Матери Твоей, Госпожи нашей, Богородицы и Приснодевы, славного пророка Предтечи Иоанна Крестителя, святых, угодивших Тебе от начала веков. Аминь.

Дана в 1-й день месяца ноября 1875 года».

(Подписана десятью восточными митрополитами, составлявшими синод Константинопольского патриархата.)

С течением времени признанный в своем настоятельском сане Константинопольским патриархом и его синодом отец Макарий сумел заставить и греков Русского Пантелеимонова монастыря признать себя настоятелем своим, кротостью и благоразумием повлияв на них так, что наконец они осознали, что даже игумен-грек не будет для них так добр, доступен, милостив и справедлив, как отец Макарий.

Вся история конфликта, а затем и греко-русского «процесса», скорбная для христианского сердца и вводящая в искушение неподготовленного духовно человека, тем не менее принесла всем ощутимую пользу и преподала важные уроки. Попробуем их обозначить.

Первое: события, связанные с пантелеимоновским греко-русским противостоянием, помогают человеку, вставшему на путь христианской жизни, избавиться от некоторых эйфорических «сусальных» представлений о православии – «в Церкви все святые», «Афон – место, где живут земные «ангелы». Все человечество заражено «вирусом» греха, которой в той или иной степени развивается в каждом человеке и заставляет его страдать – «несть человек, иже жив будет и не согрешит...». Соответственно, все человечество делится на Церковь – собрание тех, кто осознал себя больным и пришел во лечебницу, чтобы вместе с другими больными получить исцеление недугов от Небесного Врача посредством Им назначаемых, каждому индивидуально, лекарств и процедур, и на тех, кто вне Церкви – не считающих себя больными и не желающих знать ничего о своем состоянии, тем более исправлять его с помощью Бога. Афон – не исключение; это место по аналогии с лечебницей можно назвать «палатой интенсивной терапии», где все процессы исцеления душ от грехов усилены и все недуги вскрываются быстрее и обнаженнее, а процесс исцеления от них проходит острее и болезненнее. И те из пришедших на Святую Гору, кто с абсолютным доверием вручают себя Небесному Врачу и Пречистой Владычице Горы Афонской, Пресвятой Богородице,

те, кто со смирением терпят все болезненные «процедуры», отсекающие от души смертоносную опухоль самости – получают великое облегчение страданий и благодатную радость пребывания в Любви Божьей. А те, кто по малодушию не решается отдать себя полностью под спасительную «хирургию» Божьего Промысла и открывают перед Врачом душ и телес не все греховные язвы, боясь болезненности лечебного процесса, такие уподобляются больному, позволяющему врачу вскрыть двадцать гнойных фурункулов и скрывающих от него один, становящийся источником нового заражения всего организма. В результате мы видим в жизни насельников Афона как примеры стяжания высочайших даров Духа Святого, так и примеры низких падений, становящихся источником скорбей для многих и очередным примером неправильного подхода к взаимоотношениям «пациента» с Врачом Небесным, служащим для вразумления всем очевидцам.

Второй урок греко-русского конфликта преподает всем христианам наглядный пример нарушения одного из основополагающих Божьих установлений о Церкви Христовой, объявленных христианскому миру через Апостола Павла: *«Ныне же отложите и вы та вся: гнев, ярость, злобу, хуление, срамословие от уст ваших: не лжёт друг на друга, совлёкшись ветхаго человека с делами его и облёкшись в новаго, обновляемого в разум по образу создавшего его, идеже несть эллин, ни Иудей, обрезание и необрезание, варварские, рабы и свободные, но всяческая и во всех Христос. Облецытесь убо якоже избранныи Божиими, святы и возлюбленны, во утробы щедрот, благость, смиреноумие, кротость и долготерпение, приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имеет поречение: якоже и Христос простил нам, тако и вы. Над всеми же сими [стяжите] любовь, яже есть союз совершенства: и мир Божий да водворяется в сердцах ваших, в оны же и звание бысте во едином теле: и благодари бывайте»* (Кол.3:8–15).

Соотнесите эту заповедь с вышеизложенными событиями греко-русского противостояния, и вам сразу станет ясной природа этого сотрясшего афонское монашеское общество

искушения – поставление личных, групповых, мелких, корыстных, националистических интересов над вселенской Евангельской природой христианства, в которой «...нет ни Еллина, ни Иудея, варвара, Скифа... но все и во всем Христос», и подмена истинной – самоотреченной – монашеской жизни ее внешним, формальным подобием. Каждый монах и каждый христианин должен четко осознавать: «я или эллин (русский, араб, поляк, африканец) или христианин, тем более монах» – христианство есть наднациональное объединение чад Божьих! Есть греческая, египетская, сирийская, русская и т.д. школа подвижничества, молитвы, духовной мысли, но нет христианства – греческого, российского, грузинского или афонского. В Вечности мы все будем говорить на одном языке.

И главный урок, преподанный нам Господом в этом скорбном эпизоде истории Русской обители Святого Пантелеимона – пример твердого упования старца Иеронима на Промысел Божий, последовательное исполнение заповеданных Христом принципов «победы зла добром» в отношении к обезумевшим от националистического дурмана греческим братьям-монахам, поддавшимся сатанинскому соблазну «разделяй и властвуй», личного молитвенного подвига старца и направления на такой же молитвенный подвиг русской братии как единственный способ одержать победу на невидимом духовном пространстве, где и разворачивалась главная битва за монашеские души и судьбы Пантелеимонова монастыря. И пример сокрушительной победы Правды Божьей над дьявольским обольщением, пример действия всепобеждающей Любви Христовой в душах предавшей себя искренне Христу иноческой братии.

Пусть светские историки, политики и социологи по-своему – мирским падшим разумом – оценивают и описывают те события на Святой Горе в конце девятнадцатого века, пишут диссертации, делают на этом себе имя и авторитет. Мы, претендующие на звание христиан, должны всегда смотреть на мир и происходящее в нем открытым духовным зрением, сквозь «линзу» святого Евангелия, которое лишь одно способно дать нам истинное видение и понимание происходящего в мире и

уловить то тонкое, но ощутимое для христианских душ
вождение Спасительного Промысла Божьего, имеющего целью
«всем людям спастись».

Глава 24. Расцвет Пантелеимонова монастыря

По окончании тяжкого для всех его участников греко-русского конфликта начался период подлинного расцвета русского монашества как в русской обители Святого Пантелеимона, так и по всей Святой Горе и за ее пределами. Влияние старца Иеронима – его высокого подвижнического духа и всепобеждающей любви ко Христу и всем человекам – распространилось и на любимое им далекое Отечество, внимательно созерцающее издалека на деяния своего великого в монашестве сына.

Промыслом Божиим те сокровища монашеской традиции и аскетического опыта, которые старец Иероним по крупницам собирал на Святой Горе, начали становиться доступными все большему количеству благочестивых русских боголюбцев через притекающие в Россию книги, иконы, опыт поживших в Руссике «поклонников», их рассказы, письма к ближним русских пантелеимоновских монахов.

Сугубым форпостом русского афонского монашества в России стал построенный по благословению старца Иеронима Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в Абхазии. История его возникновения и влияния на монашескую духовную жизнь в России весьма примечательна.

«Не явись наружу зло, не явилось бы и добро» – эти слова старца Иеронима можно совершенно обоснованно отнести к основанию Ново-Афонского монастыря. В 1874 году в разгар печальных событий в монастыре старцы Иероним и Макарий увидели необходимость теснее связать судьбу Афонской обители с родным Отечеством, поставить себя под покровительство своего правительства, чтобы впредь не иметь опасений за надежное убежище для русских монахов на случай угрозы выселения их с Афона, а также с целью послужить духовной пользе того края, который бы их приютил.

Отец Иероним и отец Макарий обратились к своему защитнику и благодетелю графу Н. П. Игнатьеву, чтобы он исходатайствовал право русской братии Пантелеимонова

монастыря поселиться на Кавказе и основать там новую обитель. Одновременно в письме к наместнику Кавказа Великому князю Михаилу Николаевичу они просили «благоволить им даровать и указать удобное место из необозримых кавказских пределов для постройки обители и прирезать к ней часть земли и леса для обеспечения обители на будущие времена».

По ходатайству Н. П. Игнатьева это разрешение было получено, и в августе 1875 года монастырские уполномоченные во главе с деятельным помощником старцев Иеронима и Макария иеромонахом Арсением прибыли на Кавказ. После переписки со старцами и получения от них обстоятельных инструкций уполномоченные выбрали место на северо-восточном берегу Черного моря, в Абхазии, в 20 верстах от Сухума при речке Псыртсха где стоял древний полуразрушенный храм во имя святого апостола Симона Кананита, построенный в IV веке на месте погребения апостола.

За основанным монастырем утвердилось название Ново-Афонского, а выбранное место, центральное по своему положению в Абхазии, замечательное исторически и живописное по природе, стало именоваться Новым Афоном, что свидетельствовало о единстве двух обителей и духовной связи этого края со Святой Афонской Горой.

В помощь отцу Арсению для строительства монастыря старец Иероним избрал одного из самых близких своих учеников – отца Иерона, незадолго до того, 23 марта 1875 года, рукоположенного во иеромонаха. Отец Иерон прибыл на Кавказ 28 ноября 1875 года. «По прибытии на избранное для возведения монастыря место мы нашли его все густо заросшее лесом, переплетенное колючкою, а близ реки Псыртсха – большое заросшее болотными растениями гнилое болото. По благословению отцовскому за святое послушание с помощью Божией за четыре года место было расчищено, возведен новый храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, возобновлен древний полуразрушенный храм Святого Апостола Симона Кананита, выстроены корпуса для братии, гостиницы и странноприимные дома для богомольцев, здание для школы,

мельницы и другие хозяйственные и приморские постройки нижнего монастыря», – писал отец Иерон.

Ново-Афонский монастырь стал для старца Иеронима предметом постоянного отеческого попечения и неусыпного внимания, особенно когда в 1884 году начались труднейшие работы на горе по сооружению верхней обители. «Старец Иероним благословил строить, – вспоминает отец Иерон наставления старца, – и велел не бояться ожидавших нас трудностей, лишь бы хорош был окончательный результат хлопот и трудов... Для [верхнего] монастыря требовалось место и довольно обширное, и во всех отношениях удобное, прежде всего здоровое и с чистым воздухом.

И старец отец Иероним говорил мне лично и после писал, чтобы избрано было для монастыря именно такое место со всеми удобствами, так как монастырь учреждение вечное, и его следует посему устраивать фундаментально, крепко. «Тебе, – писал мне старец этот, – Богом суждено строить новый монастырь. Так смотри же, не сделай ошибки. Ведь тебе Бог судил только выстроить обитель, а жить в ней будут другие и после тебя. Если выстроишь удобную и хорошую, тогда братия, которой придется жить в ней, будет молиться за тебя и благословлять... И красота места не мешает спасению, а, напротив, располагает к молитве и благодарности к Богу».

Уповая на молитвы старческие, строитель Симоно-Кананитского монастыря отец Иерон пишет отцу Иерониму: «Если Вы благословите, Господь по Вашим святым молитвам поможет нам. Теперь средств больше нет, а отлагать постройку дальше боюсь: как бы Вы не отошли ко Господу... А без Вас, что же я? Посему, пока Вы живы, преподайте мне Ваше отеческое благословение начать постройку нагорного для монашествующей братии монастыря, который отвечал бы всем подлинным ее нуждам».

«Старец иеросхимонах Иероним, – вспоминает впоследствии отец Иерон – в ответ на мое к нему обращение прислал со Старого Афона письмо, где писал: «Бог благословит, и я даю свое отеческое благословение тебе начать и совершить обитель во славу Пресвятой Троицы – Отца и Сына и Святого

Духа. А о том, что у тебя нет денег на построение монастыря, не унывай. Все будет и произбудет. Только живите по-монашески...»

Помощь Божия и благодатный покров Божией Матери так же был зримо явлен над Новым Афоном, как и над Старо-Афонской обителью Святого Пантелеимона. Отец Иерон говорил, что новоафонским инокам во всех трудах помогает Пресвятая Богородица: «Мало ли у нас было затруднений и вопросов? Мы люди неученые. Помолишься ей, Владычице – глянь, Она и подскажет, что нужно».

В необыкновенно быстром, за какие-нибудь 10–15 лет, благоустроении своей обители отец Иерон видел особое благословение Божие ему за послушание духовному отцу: «Вот и я, грешный, что я такое, кто я такой? – говорил он братии. – А Господь меня благословил: помог на виду пред всеми вами благоустроить обитель. И за что? По молитвам святых отцов, по молитвам моего старца – батюшки отца Иеронима. Он всегда говорил: «Если в обители хранятся братская любовь и страх Божий, обитель наслаждается миром и преисполняется всех благ. А как только начинаются среди братии своеволие, непокорность, Бог отнимает от нее Свое благословение».

Сам отец Иерон, по утверждению прав Ново-Афонского монастыря и смерти отца Арсения избранный игуменом, был для братии образцом постнического, труднического и молитвенного подвига, а благочестивая жизнь иноков Симоно-Кананитского монастыря по правилам строгого общежития, их простота и смирение заслужили добрую славу обители, любовь и уважение к ней у всех православных.

Новооснованный монастырь на Кавказе стал как бы отраслью Свято-Пантелеимоновой обители, во всем от нее зависимой, и жил по уставу и чиноположениям Русского монастыря. Новоафонская братия, увеличившаяся до нескольких сот человек, по строгому указанию старцев Иеронима и Макария и в дальнейшем, при их преемниках игуменах Андрее и Нифонте, постригалась и рукополагалась на Старом Афоне. Это было завещано старцами-основателями как

путь, единственный могущий поддержать и укрепить союз двух обителей.

Ново-Афонский монастырь ежегодно снабжался субсидией от Старо-Афонского в размере 25 тысяч рублей и значительным количеством книг его издания. Подворья Ново-Афонского монастыря в Сухуме, Керчи, Новороссийске, Туапсе и Петербурге были открыты на средства Пантелеимонова монастыря, а всего к 1900 году на устройство своей кавказской отрасли Русская обитель потратила около 1,5 миллиона рублей.

Те надежды старцев Иеронима и Макария, которые они питали, основывая кавказский монастырь, оправдались полностью. В Высочайшем указе 1879 года об утверждении прав Ново-Афонской обители говорилось: «В случае смутных обстоятельств на Востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Пантелеимонова монастыря получает убежище в новой обители, как отрасли сего монастыря, обязанной своим началом и образованием усердию его братства».

С устройством на Кавказе Симоно-Кананитской обители как отрасли Афонского Русского монастыря и благодаря высочайшей милости, дарованной Свято-Пантелеимонову монастырю указом 1879 года, радикально изменилось отношение русского правительства к русским афонским инокам. До этого русское правительство и духовные власти смотрели на выходцев из России, удалявшихся на Святую Гору ради подвигов благочестия, как на своевольников и дезертиров и дозволяли возвращение в Россию не иначе, как в том звании, в каком они выезжали, не принимая во внимание ни пострижение их на Афоне в великую схиму, ни даже рукоположение их в иерархические степени – иеромонаха и иеродиакона, для сохранения которых по приезде в Россию требовались от афонских иноков всякий раз особое предварительное ходатайство и разрешение Святейшего Синода.

После открытия Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря русские иноки Афонской Пантелеимоновой обители могли без предварительных сношений со Святейшим Синодом, имея только паспорт, выданный Российским генеральным

консульством в Константинополе, свободно и беспрепятственно выезжать в свой филиальный монастырь с сохранением всех званий и иерархических степеней, приобретенных ими на Святой Горе, а оттуда, уже как насельники монастыря Российской Империи и российские подданные, в Россию, включая ее столицы.

Старец Иероним никогда в своих заботах и попечениях не делал различия между обоими братствами, вверенными ему Господом. Посылая иноков на Кавказ для строительства новой обители, он отдал им в благословение Иверскую икону Божией Матери, найденную, по рассказам братии, им самим чудесным образом под престолом Введенского храма. Старец передал в Новый Афон и другие важные святыни: древнюю чудотворную икону священномученика Харалампия из алтаря Покровского храма и икону Спасителя, присланную на Афон из кабинета государя императора Александра II.

Когда в 1880 году в Русской обители производились выборы игумена в Симоно-Кананитский монастырь, отец Иероним сам вынимал жребий, и по его молитвам из пяти кандидатов Промысл Божий избрал достойнейшего – верного его ученика отца Иерона. Старец, слабый здоровьем, не мог побывать на Новом Афоне, но это было его желанием с самого основания кавказской обители: «На Кавказе монастырь начали строить, и я желал бы там умереть, так как это дело чрез меня началось. Но разве кости мои туда перевезут».

И во многих других своих письмах он часто рассказывал о событиях, связанных с новой обителью. Он не оставлял своими письменными наставлениями и поучениями отца Иерона и братию, руководил ими как во внешней деятельности, так и в сложных вопросах внутренней духовной жизни, помогал разрешать возникавшие подчас недоразумения. Отец Иероним имел такую заботу о Симоно-Кананитской обители, что перед смертью составил отдельное завещание о своем «желании благоустроить ее во славу Божию и спасение многих душ», в котором настоятельно просил преемников не забывать его любимую обитель и обеспечить ее будущее.

«А на будущее время эта обитель, как прославляющая Бога, за то и сама будет прославлена от Него, и в состоянии будет помогать матери своей – обители Афонской. Еже и да будет осуществлено Богом чудес во славу Его, заключающуюся во спасении душ наших», – пророчески писал старец Иероним в завещании. Фотографии строящейся обители во множестве висели у него в келлии над постелью, и умер он под ними, как это видно на снимке, сделанном через полтора часа после его кончины.

По смерти старец Иероним неоднократно являлся отцу Иерону, по свидетельству последнего, а также схимонаху Ново-Афонской обители иконописцу Савину, о чем отец Савин не замедлил сообщить на Афон игумену Макарию. В одно из этих посещений старец указал в Симоно-Кананитском храме место погребения святого апостола – с северной стороны престола, а в другой раз велел выполнить роспись на скале над Симоно-Кананитским храмом. Извещенный о явлении старца отец Иерон благословил предпринять этот немалый труд, и посетители Нового Афона впоследствии восхищались изображением: «Правее водопада зрелище другого рода. На обрыве скалы живописцем воспроизведена история крещения абхазцев святыми апостолами Симоном Кананитом и Андреем Первозванным».

Непрестанные молитвы отца Иеронима и посмертное ходатайство за свою любимую обитель у Престола Божия принесли обильные плоды – духовное спасительное возрастание братии, процветание Ново-Афонского монастыря и благотворное влияние его на мир. Очевидцы свидетельствуют, что, когда Ново-Афонская обитель была окончена и освящена, вся окружающая ее местность представилась как бы земным раем.

«Весь берег Черного моря на протяжении владений монастыря превращен в роскошный сад, и каких тут нет растений! И стройные кипарисы, и многолиственные смоковницы, и плодоносные и в высшей степени полезные маслины, и лимоны, и апельсины, и каштаны, и всякого рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имеется более

30 сортов. Нижний монастырь утопает весь в этой зелени, а верхний величественно царит на темно-зеленом фоне крутых высоких гор над всею этою чудною картиною, поднимаясь, по крайней мере на 50 сажен от уровня моря. Сколько трудов стоило срезать гору, чтобы образовать площадку, удобную для монастыря! Сколько приложено стараний, чтобы засыпать некоторые ущелья, провести дороги кверху, развести эти сады, выкопать пруды, чтобы осушить болота, устроить на горной речке плотину и заставить эту речку работать на монастырь!», – пишет епископ Никон (Рождественский).

Новоафонские иноки говорили: «Бог благословляет, все растет, цветет и плод дает». «Припоминая то, еще не очень отдаленное время, когда местность, занятая ныне Симоно-Кананитским монастырем, представляла дикое неприступное ущелье, и сравнивая его с настоящим, когда ущелье это обращено заботами и трудами русских монахов, пришедших с Афона, в культурный оазис, из которого свет христианства разливается в Абхазии, я признаю деятельность братии Симоно-Кананитского монастыря в высшей степени плодотворною и достойною всякого поощрения», – оценивает значение обители генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков, главнокомандующий Кавказского края.

«Обитель, как маяк на берегу житейского моря, ярко освещает жизненный путь для православных людей не только этого края, но и всей России», – пишет епископ Никон.

В 1884 году Определением Святейшего Синода Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю был передан древний, VI века, знаменитый своей историей пицундский Успенский собор с постройками и наделами с обращением его в монастырский скит. Новоафонские иноки благолепно обновили храм, украсили иконами, которые вместе с церковной утварью были присланы старцами из Русского Пантелеимонова монастыря, и в древних святых стенах снова началось богослужение.

О высокой оценке трудов старца Иеронима и обоих братств по созиданию НовоАфонской Симоно-Кананитской обители – центра православного просвещения всего Кавказа – говорят

неоднократные посещения ее членами царского дома и государем императором Александром III со всем августейшим семейством, который в 1888 году совершил там закладку собора Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона.

Многие благочестивые русские люди, не имевшие по разным причинам возможности посетить Святую Гору, приобщиться к ее духовным традициям, вдохнуть в себя тот особый, неповторимый дух афонских богослужений и молитв, теперь получили эту возможность путем паломничества в Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Он перенес сюда из-за моря не только уставной строй афонского древнего общежития, но и ту удивительную, молитвенную атмосферу, то уникальное ощущение живого присутствия рядом Самой Владычицы Богородицы – Игуменнии всех афонских иноков, которое доселе возможно было испытать только в далекой от России греческой стране.

С теми же целями – стать ближе к соотечественникам, принести им духовную пользу своим молитвенным служением, удовлетворить духовные нужды, поделиться сокровищами духовных традиций Святой Горы, а также и упростить вопросы обеспечения материальными средствами Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне – были устроены московское Афонское подворье, состоящее из Пантелеимоновской часовни и владения на улице Полянка, и большие монастырские подворья в других городах: Одессе, Петербурге, Константинополе.

Афонские святыни, посланные в 1862 году в Россию с иеромонахом Арсением, прибыли в Москву в 1867 году. Здесь, при Богоявленском монастыре, по прошению старцев на высочайшее имя была устроена часовня Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона, торжественно освященная в 1873 году. «Святой угодник Божий Пантелеимон возлюбил Москву и возжелал не временно пребывать в ней, а постоянно», как говорил отец Арсений. Являлись новые и новые исцеления от святых мощей, чудотворных икон Божией Матери «Тихвинская» и «Скоропослушница» (последняя была написана на Святой Горе при участии иеромонаха Русской обители

Василия и послана старцем Иеронимом в благословение афонолюбивому граду Москве к открытию часовни).

При благоговейном совершении по-афонски продолжительных служб афонскими иеромонахами все больше стекалось православных людей в Пантелеимоновскую часовню, которая не могла вместить всех молящихся. В 1879 году старцы Иероним и Макарий обратились в Святейший Синод с ходатайством о дозволении построить более обширную часовню на той же улице, близ Владимирских ворот. По милости Божией разрешение было получено, и по молитвам великомученика при помощи благодетелей на участке земли, пожертвованном Пантелеимоновой обители И. И. Сушкиным, к 1883 году было возведено величественное здание новой часовни, благолепно украшенной и удобной для молящихся, куда из старой часовни были перенесены афонские святыни.

Каждый приезд в Москву помолиться в часовне святого великомученика Пантелеимона и слышать благоговейное чтение и пение молебна и акафиста составляло отраду моему сердцу», – вспоминает в письме в Русский монастырь в 1902 году П. И. Помельцов, состоявший ранее в переписке с отцом Иеронимом. Много лет стремился он побывать на Афоне и до осуществления своего желания в 1895 году, уже по смерти старца, находил большое утешение в посещении Афонской часовни.

Основанное старцами Иеронимом и Макарием московское Афонское подворье, будучи как бы продолжением Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве, явилось тем центром благочестия и молитвы, где множество православных людей, приезжая из разных мест России, получали и пастырскую духовную помощь от афонских отцов, учеников старца Иеронима, и исцеление телесное от святынь, о чем на Афоне стали поступать во множестве свидетельства.

Из московской Пантелеимоновской часовни посильная благодарная помощь православного народа непрерывным потоком текла в Русскую Афонскую обитель. «Открытие часовни дало нам возможность иметь прямые сношения с родною нам Россиею, щедротами коей существует не только наша обитель,

но и многие иные здешние обители», – говорил отец Макарий в слове к братии 11 февраля 1877 года.

Посетители часовни могли здесь сделать заказы на иконы афонского письма, для утешения и наставления получить душеполезные листочки и книги издания СвятоПантелеимонова монастыря. О важном духовно-просветительском значении московского Афонского подворья как главного места книгоиздательской деятельности Пантелеимоновой обители речь пойдет ниже.

Всегда памятуя, кому главным образом Афонский Русский Пантелеимонов монастырь обязан своим возрождением и благоустройством, старцы Иероним и Макарий всеми силами и доступными им средствами старались не оставаться в долгу перед своими благодетелями – русскими православными людьми, соблюдая прежде всего принятые на себя обязательства быть непрестанными молитвенниками за весь русский народ и неукоснительно помянуть имена своих многочисленных жертвователей. На благодеяния русских людей старцы отвечали и тем редким страннолюбием, которое оказывалось всем паломникам из России в Свято-Пантелеимоновой обители, ставшей для них надежным пристанищем на Афоне.

Обитель не требовала от паломников платы за пребывание, иногда длительное, приемля, впрочем, с признательностью их добровольные приношения. Для всякого странника всегда были гостеприимно распахнуты двери, готовы трапеза и покой в гостиницах. Бедным поклонникам давался в дорогу хлеб. На Карее был построен обширный конак, где русский паломник, путешествуя по Афону, всегда находил себе приют, пищу и духовное о себе попечение.

Благолепные и чинные церковные службы, строгое выполнение братией уставов богослужебных и монастырских, духовное окормление старцами в Пантелеимоновом монастыре полностью удовлетворяли те высокие духовные запросы русских православных людей, которые они предъявляли по отношению к монастырям вообще и святогорским в частности.

Старцы Иероним и Макарий, всеми силами своей доброй души любившие русский народ, знали его всегдашнее усердие к святыне и стремление к посещению святых мест православного Востока. Насколько труден и долг этот путь через Одессу и Константинополь, длительны хлопоты по выправке нужных для выезда за границу бумаг и тяжелы условия проживания в ожидании отъезда, старцы знали по собственному опыту. Отец Макарий вспоминал, что, отправившись в паломничество в 1850 году, во время пятимесячного (в связи с задержками в оформлении документов) пребывания в Одессе, он и его 15 спутников-старооскольцев жили на общей квартире, и удобно устроиться всем не удалось, не говоря уже о дороговизне проживания.

А отец Иерон, отправляясь в 1862 году на Афон, в Константинополе вынужден был ночевать в сарае. Поэтому для облегчения русским поклонникам путешествия во святые места старцы устроили в 1870–1880-х годах подворья в Константинополе и Одессе. Множество православных странников и странниц, совершавших паломничество в Иерусалим и на Афон, на этих подворьях находили себе бесплатный приют и истинное радушие, а в лице насельников подворий – заботливых помощников в получении необходимых документов и проводников при посещении святынь города.

Специально для сопровождения поклонников из Константинополя на Святую Гору монастырь посылал особого наблюдающего, и нередко монастырь на собственные средства покупал билеты на Афон и обратно неимущим странникам. Получали они также и духовную помощь, для чего в храме подворья, освященного в 1879 году во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, ежедневно совершались богослужения по афонскому уставу.

Одесское подворье во все время своего существования служило не только приютом для паломников – им пользовались для удовлетворения своих духовных нужд многие окрестные селяне. Здесь же, на одесском Афонском подворье, находили себе кров бедные сельские священники, приезжавшие по своим делам в город, их учащиеся там дети, бедные чиновники,

ищущие должности, и простые труженики, оставшиеся временно без заработка, и нередко люди, переносящие с христианским смирением какое-либо жизненное испытание.

Храм одесского подворья во имя великомученика Пантелеимона, вмещавший 3000 молящихся, был устроен позднее и освящен в 1895 году. Накануне воскресных дней и больших праздников подворье наполнялось пришедшими и съехавшимися целыми семьями из деревень богомольцами, которые располагались около своих повозок на дворе или размещались по всем коридорам и углам здания подворья. По первому удару колокола все они сходились в обширный благолепный храм подворья и выстаивали до конца праздничное богослужение, затем, после поздней литургии, расходились и разъезжались по домам до следующего воскресного или праздничного дня, унося с собой благодарное чувство и тихую радость.

При московском подворье, в доме на улице Полянка, был открыт на полном содержании от обители приют на восемь увечных воинов, пострадавших в русско-турецкую войну 1877–1878 годов (в этом же «полянском доме» жил и скончался отец Арсений). На константинопольском подворье монастыря в 1878 году устроено пристанище для приезжавших тогда из русской армии офицеров и солдат. В Константинополе при русской больнице на монастырский счет построена церковь и содержались при ней из братства монастыря три монаха, а в церковь российского посольства обитель с 1867 года посылала из братии от двух до четырех певцов.

Старцы внушали инокам, трудящимся на подворьях, встречающим и провожающим сотни и тысячи странников, что их подвиг послушания необходим как труд ради Бога и ближнего. А русские православные люди, возвратясь домой из паломничества, до конца жизни со слезами благодарности вспоминали страннолюбие афонских иноков и непременно старались послать в Свято-Пантелеимонов монастырь свою посильную лепту.

Надо отметить, что материальный расход на содержание подворий часто был в убыток монастырю, расход не покрывался

доходом. Отцом Иеронимом и отцом Макарием при создании подворий преследовалась главная богоугодная цель – благотворительность, удовлетворение духовных потребностей русского народа, а награда – у Господа, от Него же и содержание обители с подворьями. Таков был точный духовный расчет страннолюбивых старцев.

Духовник Иероним неусыпно следил за всеми новыми отраслями своего монастыря, вникал во все их нужды, в письмах обращался к братии с наставлениями и посылал своих лучших, испытанных учеников для руководства ими. Старец радовался духом, видя, что на севере и юге обитель имеет прибежища благочестия и молитвы, в которых может успешно служить душевной пользе людей.

Ему не довелось при жизни увидеть открытия петербургского подворья, поскольку величественный девятиглавый храм в честь Иверской иконы Божией Матери с подворьем Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря при нем был освящен там в 1888 году. Петербуржцы благодарили Господа Бога за то, что Он дарует им новую святыню и благословение Святой Афонской Горы, и приносили щедрые пожертвования на миссионерскую и благотворительную деятельность кавказской обители. Тем более, что миссионерская, просветительская, благотворительная и издательская деятельность как самого Свято-Пантелеимонова монастыря, так и всех его филиалов стала твердой, обязательной и весьма плодотворной духовной традицией.

Чтобы подвиг паломничества был осмысленнее для русского странника и приносил бы душе его большую пользу, благодарная обитель старалась путем распространения брошюр и книг ознакомить паломников с посещаемыми ими святынями и их значением для православных христиан. По благословению старцев Пантелеимоновой обители на одесском и константинопольском подворьях паломникам выдавали бесплатно по 50 нравственно-назидательных брошюр и по такому же количеству листов издания Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, в которых содержались описания многочисленных афонских святынь, давались в простой

удобопонятной форме сведения о первых потребностях и обязанностях всякого христианина, делались предостережения об опасности раскола и сектантства, приводились примеры христианской жизни святых угодников Божиих как в подробных, так и в кратких их житиях. На память об Афоне все поклонники наделялись иконками святого великомученика Пантелеимона, четками, крестиками.

Просветительно-издательская деятельность Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря началась вскоре после переселения отца Иеронима в Русик, и в этом старцу принадлежит по всей справедливости первая заслуга. Он был душой и двигателем этого важного благородного дела. Прозорливо провидев его успех и благотворность для паломников и всех русских людей в Отечестве, он не щадил ни трудов, ни расходов для его поддержания и расширения.

Первой книгой, изданной в России на средства Пантелеимонова монастыря в 1850 году, была хорошо известная, пользовавшаяся усиленным спросом читателей книга деятельного сотрудника старца Иеронима, иеросхимонаха Сергия Веснина, написанная под псевдонимом Святогорца, «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской», выдержавшая впоследствии не одно издание и имеющая множество читателей и сегодня.

Продолжая издательское дело, Русский монастырь в 1858 году напечатал «Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти», а в 1861 году – «Стихотворения Святогорца, собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям». В 1860 году напечатан монастырем «Афонский Патерик», собранный старанием другого помощника отца Иеронима – отца Азария. В 1861 году на средства монастыря напечатана в существовавшей в ту пору при Константинопольской патриархии славяно-болгарской типографии книга «Вышний Покров над Афоном» – сказания о многих чудотворных иконах Святой Горы.

В той же типографии в 1862 году напечатана была «Служба и похвальное слово преподобным и богоносным отцам нашим, на Святой Горе Афонской просиявшим», а в 1867 году – служба

в честь иконы Богоматери, именуемой «Достойно есть». Когда отец Арсений находился в России, то монастырем были напечатаны там в 1863 году «Житие и страдания святого великомученика Пантелеимона», в 1864 году молитва святому великомученику Пантелеимону и много разных душеполезных брошюр и листов.

Мы уже видели, что все знавшие отца Иеронима удивлялись его обширной начитанности в Священном Писании и святоотеческих творениях. «Хотя и аз много читал книг, но против него – как капля в море», – восхищался инок Парфений (Агеев). Не проходили мимо внимания старца Иеронима и последние издания богословские, общественно-церковные и нравственно-назидательные: имея попечение о большом монастыре и множестве душ, вверенных ему Господом, он должен был чутко прислушиваться к событиям, происходившим в окружающем мире.

Сам он так смиренно объясняет свою любовь к духовному чтению: «Мы получаем семь журналов духовных: «Творения святых отцов», «Духовную беседу», «Домашнюю беседу», «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Труды Киевской академии», а из газет – только одну «Северную пчелу», да получаем еще греческие три. Я покуда, при помощи Божией почитываю довольно и днем, и ночью, а без чтения очень скучно и вовсе не могу.

Во всем я немощен, и я немало удивляюсь другим, как они могут быть спокойны без чтения от прилогов разных худых мыслей. Я, если и на малое время оставлю чтение, и тогда страдаю от прилива злых мыслей, тут от праздности ума чего не придет на память, всякая чепуха и вздор лезут в ум, а, когда постоянно занимаюсь чтением, тогда и ум, и память бывают чисты и покойны».

Именно отец Иероним с его любовью к духовным книгам и издательскому делу и сознанием той громадной нравственной пользы, которую через них может принести обитель своим соотечественникам и всему балканскому славянскому православному населению, решил завести в обители собственную типографию. Задуманное было осуществлено в

1865 году, только по совету отца Арсения вместо предполагавшейся сначала отцом Иеронимом печатной машины, требовавшей для своего ухода особых мастеров, выписаны были в монастырь два печатных станка – первые печатные станки на Афоне.

На них иноками Пантелеимонова монастыря были набраны и напечатаны «Русскогреческий словарь» отца Иеронима, несколько душеполезных листков и три брошюры: «Слово Исихия, пресвитера Иерусалимского», «Житие святого великомученика Димитрия Солунского» и «Обетование Божией Матери, данное Святой Афонской Горе». В каких грандиозных размерах было задумано это предприятие, свидетельствуют, например, такие слова отца Арсения старцу Иерониму: «Церковного шрифта отец Мелетий заказал здесь пудов двадцать или поболее. Что делать! Будем печатать нужное для себя».

Отец Иероним хотел открыть свою типографию официально и в 1868 году от имени обители подал прошение Вселенскому Патриарху, в котором излагал свои намерения: «Имея в виду, с одной стороны, распространение по умеренной цене церковных книг между единоверцами нашими – славянскими племенами для удовлетворения их духовных нужд, а с другой – поддержание и укрепление в народе основ православной веры и христианской нравственности, считаем как самое полезное и вместе необходимое заведение на Святой Афонской Горе, всеми чтимой и посещаемой с паломнической целью, славянской типографии, на что единодушно соглашается и решается наша обитель.

Изложивши все вышесказанное Вашему Святейшеству, с благоговейным послушанием и глубочайшим почтением ожидаем Ваших распоряжений, чтобы при Божественном содействии немедленно приняться за это общепольное и душеспасительное дело на тех основаниях, каковые благоугодно будет указать Вашему Святейшеству...»

Но решение патриархии было замедлено по тогдашним обстоятельствам церковной жизни – несогласию между Константинопольской и Болгарской Церквами. На поданное

отцом Иеронимом ходатайство к турецкому правительству было выдвинуто условие жесткого контроля, и существование в обители типографии даже с самыми скромными задачами и целями стало небезопасно. Чтобы избежать столкновений с турецкими властями, отец Иероним решил закрыть свою типографию. Литографский же станок, заведенный почти одновременно с типографским, продолжал выпускать картинки для поклонников и в 1870-х годах.

После того как монастырское типографское дело в самом монастыре не удалось, оно перенесено было в Россию, где было поручено отцу Арсению, который к этому делу оказался способен и самоотверженно усерден, и развилось широко и плодотворно. Отец Арсений из собственного опыта во время путешествия по России со святынями узнал великую духовную пользу для славы обители и для русского народа афонских изданий, которые в благословение Святой Афонской Горы во множестве были розданы у святых мощей.

«Хотя и много есть духовных книг, – писал он отцу Иерониму в 1867 году, – но когда что носит на себе печать Святого Афона, то преимущественно приемлется с большею верою и потому бывает полезнее для читающих. Нас Господь поставил на такое поприще, что если мы пожелаем потрудиться, то много можем сделать добра, ибо, что мы говорим, тому верят... Святыня наша, источником чудес и знамений прославившаяся, доставила нам большую веру народа, ей мы все обязаны, и без нее я давно уже был бы на Афоне... Ничем иным мы, грешные, не можем так научить, как раздаванием душеполезных книг и описаний о делах Божиих».

Кто из афонских иноков лучше, чем отец Иероним, смог бы наставить и утешить души, алчущие и жаждущие духовного назидания от Святой Горы? Немногие минуты своего уединения и свободного времени отец Иероним посвящал келейным запискам – исполненным духовной и житейской мудрости рассказам афонского старца, проводшего большую часть жизни в духовнических трудах, и составлению душеназидательных статей.

Он предпринимал и сложные богословские труды – совместно с С. И. Пономаревым составил «Введение» к книге «Евангельская история о Боге Слове, Сыне Божиим, Господе нашем Иисусе Христе, воплотившемся и вочеловечившемся нашего ради спасения». В нем изложено на основании Священных Писания и Предания догматическое учение о Господе нашем Иисусе Христе, Предвечном Совете Пресвятой Троицы о спасении человеческого рода, о необходимости и цели вочеловечения Сына Божия, приготовлении человеческого рода к принятию Спасителя и состоянии веры и нравственности перед его пришествием. Подготовка к изданию книги началась отцом Арсением в 1870-х годах, была продолжена после его смерти протоиереем Павлом Матвеевским, и только в 1892 году этот объемистый труд был издан Русским монастырем.

Особую важность для Отечества в связи с усилением там преступной антиправительственной и антицерковной пропаганды старец Иероним видел в издании составленной им брошюры «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного Писания», которую он переслал в Москву отцу Арсению со следующим письмом:

«Преподобнейший отец Арсений! Посылаю Вам статейку «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного Писания», которую в бытность Вашу у нас я читал Вам, и мы говорили, чтобы напечатать ее церковным шрифтом и раздавать без денег простому народу. Просмотрите ее и дайте людям знающим исправить ее, как лучше, и потом поспешите напечатать ее и при помощи Божией пустить в ход. Пожертвуем на это дело до тысячи рублей, ибо оно при содействии Божиим послужит на пользу многих душ и отечества.

Духовник Иероним.

От 15 апреля 1879 года».

Некоторые из душеназидательных творений отца Иеронима выдержали не одно издание при его жизни и после смерти и стали известны в России, но мало кто знал, кто является их

автором, поскольку часто они были подписаны только инициалами.

Начало просветительно-издательской деятельности Пантелеимонова монастыря в России отец Арсений положил выпуском в свет целого ряда брошюр под заглавием «Описание знамений и исцелений, благодатию Божией бывших в разных местах от святых мощей и части Животворящего Древа Креста Господня, принесенных со Святой Афонской Горы, из Русского Пантелеимонова монастыря». Тогда же изданы после больших хлопот переписки с отцом Иеронимом «Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы», «Акафист и служба святому великомученику Пантелеимону» и другие книги.

Более усиленная и плодотворная книгоиздательская деятельность Русского монастыря началась с 1873 года, с окончательным обоснованием отца Арсения в Москве. Находясь в постоянной переписке с отцом Иеронимом, он получал благословения на издание книг и испрашивал святых старческих молитв в помощь столь трудному и хлопотливому делу.

С 1878 года стал периодически издаваться журнал «Душеполезные размышления», в 1888 году переименованный в «Душеполезный собеседник», который приобрел широкую известность во всех слоях русского общества и при крайней своей дешевизне был доступен всем, от богатых до неимущих. В количестве 15–20 тысяч экземпляров ежемесячно журнал бесплатно раздавался и рассылался монастырем по всей России.

Особенную заслугу Пантелеимонова монастыря составляет издание сочинений святителя Феофана Затворника: толковательных – на послания святого апостола Павла, аскетических – переводных («Добротолюбие» в пяти томах и другие) и собственных («Путь ко спасению», «Письма о христианской жизни» и прочие).

Почти все книги Русского монастыря выдержали множество переизданий. Едва ли можно было указать в России обитель, духовное учреждение или учебное заведение, где не имелось бы изданий Афонской обители. Что же касается брошюр религиозно-нравственного содержания, противосектантских и

противораскольнических, то их невозможно перечислить. Обителью ежегодно распространялось бесплатно 300 тысяч экземпляров брошюр и около 2 миллионов листов. «Раздавайте их в расширение славы Божией – напоминал старец Иероним».

Этими трудами на душевную пользу православных в России Афонская обитель вполне отплачивала русским людям за их непрекращавшуюся благотворительную помощь.

О многополезной просветительной деятельности Пантелеимонова монастыря хорошо сказал А. А. Дмитриевский, автор книги «Русские на Афоне»: «Ни одно из крупных явлений нашей внутренней политической или религиозной жизни не проходило незамеченным нашими афонскими иноками, которые чутко, даже до болезненности, прислушиваются ко всему тому, что происходит внутри их, хотя и покинутого, но все же близкого их сердцу дорогого отечества...

Через афонские издания за весь сравнительно еще недлинный период их просветительно-издательской деятельности посеяно немало добрых семян на не возделанной еще и обширной ниве нашего народного религиозно-нравственного просвещения. Красноречивыми выразителями народной благодарности и ценителями громадной пользы для него от изданий Русского Афоно-Пантелеимонова монастыря являются наши архипастыри, содействующие этому великому делу народного просвещения своими собственными литературными трудами, появляющимися на страницах афонских изданий».

Но, заботясь о просвещении русских людей в родном Отечестве, старцы Иероним и Макарий не забывали и о насыщении сокровищами церковной православной литературы и собственной братии, включая и пребывающих в обители поклонников из разных концов Русской земли – обширнейшая монастырская библиотека стала источником распространения в братии духовных богатств Священного Предания, святоотеческой аскетической и монашеской литературы, хранилищем знаний о богословии, христианской философии и обо всем, касающемся спасения человеческой души.

Отцы Иероним и Макарий много заботились о приведении в должный порядок и благоустройстве монастырской библиотеки. Было отстроено ее здание. Старцы не жалели средств для пополнения библиотечных фондов. Если русский путешественник профессор В. И. Григорович в начале поселения русских в обители нашел в ней 500 печатных книг и 60 рукописей, то благодаря заботам старцев и усердию отца Матфея она увеличилась настолько, что при жизни отца Иеронима одних рукописей X-XIX веков в ней стало насчитываться до 700 на греческом языке и до 100 на славянском, печатных книг на разных языках – до 20 тысяч.

В монастырском архиве хранится драгоценное сокровище обители – более 50 царских и других грамот, в числе которых – четырех русских царей: Феодора Иоанновича, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей – и одна святителя Иова, Патриарха Всероссийского, также грамоты патриархов Константинопольских Каллиника и Иоакима и другие монастырские акты XI-XIX веков.

Приведенная старцами в образцовый порядок библиотека Русского Пантелеимонова монастыря встала в ряд с лучшими святогорскими библиотеками – Ватопеда и Великой лавры, благодаря редкому гостеприимству старцев Иеронима и Макария открывала двери многочисленным ученым, желавшим в ней поработать, и усердно послужила делу духовного просвещения и народного образования в России.

Старцами Пантелеимонова монастыря также постоянно посылались во многие губернии Отечества вспомоществования на нужды духовных учебных заведений. Русской духовной миссии в Японии, кроме высылки икон, картин и крестиков, всегда оказывалась денежная помощь, достигавшая 6000 рублей, равно как и Алтайской миссии. Оказывалось вспомоществование Русской духовной миссии в Иерусалиме при постройках на Елеоне.

Глава 25. Внутренняя жизнь обители в период ее расцвета

Нельзя дать другому того, чего ты не имеешь сам – эта истина одинаково применима как к материальному, так и к духовному миру. Нельзя научить благочестию, молитве, любви к ближнему, если ты сам – опытом подвига и покаяния – не приобрел этих качеств. Нельзя научить милосердию к немощным мира сего, если твое собственное сердце не болит болью каждого страдающего человека. Сердце старца Иеронима было способно вместить в себя каждого «труждающегося и обремененного», страждущего, нищего и голодного, с которым сводил его Промысел Господень.

Памятуя пережитые обителью периоды нищеты и скудости, старец Иероним, выведя монастырь на уровень достаточной обеспеченности и материального благополучия, щедро делился с каждым приходящим к нему бедным скитником, келлиотом, отшельником или бродячим монахом-сиромасой всем необходимым – пищей, одеждой, деньгами, церковными книгами или утварью для богослужений. Прознав о милосердии и нищелюбии старца-духовника пантелеимоновой обители, к нему потянулся весь нуждающийся афонский народ, надеющийся на братское подаяние и никогда не обманывавшийся в своих надеждах.

Обитель Святого Пантелеимона стала самой известной на Святой Горе обителью милосердия, и эта заслуга всецело принадлежит старцу Иерониму, который первым, еще во времена господства в монастыре греков, завел в Пантелеимоновой обители щедрую раздачу милостыни бедным инокам и пустынножителям Афона. Будучи сам по себе добрым, любвеобильным и милостивым, он видел в этом не только исполнение своих благих намерений, но исполнение воли Божией, определившей Русику питать сиромасов (неимущих), принимая одной рукой щедрое подаяние от боголюбивого русского народа, другой же раздавая этим нуждающимся в

пропитании рабам Божиим, молитвами которых, быть может, и стоит мир.

В Своей притче о Страшном Суде Господь наш Иисус Христос, обращаясь к праведникам, не поминает – сколько поклонов они положили, сколько протянули четок или прочли акафистов. Он говорит очень определенно: *«... приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира: взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоите Мя: странен бех, и введёте Мене: наг, и одёясте Мя: болен, и посетите Мене...»* (Мф.25:34–36).

Старец Иероним очень глубоко и искренне воспринял в своем сердце эти слова Христа, осознавая, что показателем душевной пользы от молитв, поклонов и постов является состояние человеческого сердца – приобретшего путем аскетических подвигов способность милосердствовать и любить, или напротив – окаменевшего в гордом самосознании собственной «святости». Его любвеобильное сердце, переполненное благодатью Духа Святого, не могло не изливаться в делах милосердия на каждого нуждающегося. А за исполнение этого дела Божия Господь воздавал старцу и его обители сторицей.

«Вам известно, как долго испытывал Господь обитель нашу великою бедностью и даже тяжелыми долгами, ибо до Крымской войны обитель наша не имела состояния раздавать милостыню бедным, но когда в то бедственное время обитель наша с полным самоотвержением решила поделиться с голодавшими сиротами последним хлебом, то из всех стран России начала присылаться в обитель изобильная милостыня, при помощи которой в то бедственное время обитель наша не имела нужды в содержании, но еще многих бедных пропитывала. Столь боголюбезна добродетель общения и благотворения», – напоминает отец Иероним в духовном завещании своим преемникам и чадам о трудном времени начала возрождения обители.

«Господь повелевает давать милостыню, а она так и подается, то есть без возврата. И, как раздавать, сказано:

«имеяй двѣ ризе, да подѣст не имущему: и имѣяй брашна, такожде да творит» (Лк.3:11), что при помощи Божией обитель наша по средствам своим и исполняет, ибо ежегодно выдает до 10 тысяч рублей деньгами, хлебом и одеждой» – так старец однажды пояснял отцу Арсению в 1870-х годах.

По мере того как увеличивались материальные средства Пантелеимоновой обители, соразмерно увеличивал отец Иероним и эту раздачу (нужно заметить, что общие затраты монастыря на помощь бедным святогорцам к 1900-м годам достигли 40 тысяч рублей ежегодно, не считая раздачи хлеба), сам руководя ею до последних дней своей жизни, и, можно сказать, был истинным отцом – благодетелем и кормильцем многих нищих на Святой Горе.

В числе неимущих иноков бывали великие избранники Божии, посвятившие себя добровольной нищете. Умилительно было видеть, когда сходились к келлии старца эти нищие иноки Афона разных национальностей. Всех их знал отец Иероним, ко всем относился с отеческой любовью и каждого снабжал по его потребе нужным из больших запасов, всегда бывших при его келлии, которые раздавали по его указанию его келейники.

Кому давал чаю, кому – сухарей, кому – вина и просфор для совершения Божественной литургии, кому одежду, мантию, камилавку, схиму – всем этим снабжал бедняков любвеобильный старец; кроме того, при вратах обители всегда имел запас пищи и сухарей, чтобы те из пустынножителей, которые, избегая людей, не приходили к нему днем за пищей, могли ею тайно запастись ночью при вратах обители многомилостивого целебника Пантелеимона.

«Даже из мира многие приходят к нам просить милостыни, – пишет он сестре, – а более всего для бедных церквей просят ризницу, и мы издавна приучили их к сему. А о святогорцах нечего и говорить... Для удовлетворения нужд этих рабов Божиих у меня много времени употребляется. Как только они услышат, что к нам корабль пришел из Таганрога и привез рыбу и икру красную, то вскоре явятся со многих келлий и со всех скитов старцы с торбами и с письмами для получения утешения».

Зная многих афонских пустынников, старец Иероним посылал им подавание через избранных для этого братьев и взаимно получал от них молитвенную помощь ко благу и процветанию своей обители.

Заботливо перечисляет он нуждающихся пустынников в собственноручной заметке 1860-х годов:

«Иеросхимонах Феофил – живет в скиту Кавсокаливском при церкви всех святых.

Схимонах Пафнутий – живет в том же скиту при церкви святого Предтечи.

Схимонах Салафиил – живет в скиту Василия Великого. Монах Виталий – живет на Капсале в своей каливе.

Схимонах Мелетий – живет в Ксенофском скиту Благовещенском в своей каливе.

Схимонах Митрофан – живет на Капсале при церкви Василия Великого.

Схимонах Павел – живет на Капсале в своей каливе.

Монах Галактион, юродивый – живет на пустой келлии Пантократорской.

Схимонах Михаил – живет на Капсале при церкви Рождества Богородицы.

Иеросхимонах Тихон, живущий в келлии Святой Троицы. Означенные лица ведут жизнь внимательную, отличную от других и в пропитании нуждаются.

Бедные, посредственно живущие, нуждающиеся в пропитании: Монах Николай, не имеющий своего места.

Монах Герман, живущий на Капсале, имеющий свою каливу.

Схимонах Порфирий, живущий в скиту святой Анны.

Схимонах Филарет, расслабленный калека, живет при монастыре Каракале.

Схимонах Лука, не имеющий своего места.

Схимонах Евфимий, не имеющий своей каливы и страдающий от тяжелой долговременной болезни.

Схимонах Серапион – живет на Капсале на каливе.

Схимонах Феократист – живет на Капсале при церкви святых апостолов».

Но не одним мелким подаванием пищи и одежды благотворил отец Иероним инокам Афона, нуждавшимся в помощи. Случалось, и весьма даже часто, что оказывал он и немалое денежное подавание – кому для построения пустынной келлии, кому для ее покупки по обычаю Афона, кому для уплаты долгов, особенно русским, бесприютным и теснимым греками, что в то время случалось очень часто на фоне. Вот еще одна собственноручная запись старца:

«Дано из Русского на Афоне монастыря святого Пантелеимона для келлии святого Иоанна Богослова, принадлежащей монаху отцу Венедикту, грузину, разными вещами, хлебом и деньгами всего на пятнадцать тысяч левов (15 000) по 29 сентября 1878 года. Духовник Иероним».

Особым покровительством старца пользовались пустынники Карули – дикой, недоступной местности на южной оконечности афонского мыса. Благодаря помощи старца продуктами и деньгами число русских отшельников там заметно возросло.

Пишет миссионер иеромонах Арсений, бывший очевидцем благотворительности отца Иеронима: «В воскресные и праздничные дни бывает громадное стечение народа в монастыре. При сем поражает жалкий вид посетителей, одетых в рубища, полураздетых, изможденных и больных. Сперва я думал, что все эти приходящие бедняки-монахи принадлежат Русику, но впоследствии оказалось, что это различные подвижники Афона. В числе их видишь греков, болгар, молдаван и русских.

Всех их кормят за второй трапезой, после которой идут они к келлии духовника отца Иеронима, где им раздается заготовленное заранее подавание, что кому нужно, как-то: подрясники, шапки, белье и т. п. А некоторым раздают и деньги. Бедным же келлиотам, у которых есть домовые церкви, раздают, кроме того, священнические и диаконские облачения, вообще все принадлежности к богослужению, а также выдается мука, елей, ладан, священные сосуды и т. п.

Словом, келлиотам выдают все необходимое как для церкви, так и для их пропитания. При выходе из монастыря привратники всякому проходящему выдают около 10 фунтов

сухарей, то есть на целую неделю, а некоторым выдается больше, смотря по числу монахов, проживающих в келлиях. Многим выдаются для праздников чай, кофе и сахар. Приятно смотреть, как преподобный Иероним раздает милостыню. Обыкновенно вся нищета собирается к нему в коридор, который часто не в состоянии вместить всех приходящих.

Преподобный старец выходит из своей келлии, приветствуемый почтительными поклонами, и прежде всего обходит всех просителей, а потом уже раздает и вещи. При раздаче присутствуют некоторые из братии, особенно заведующие раздаваемыми вещами. Всякий проситель объясняет свои нужды, и отец Иероним беседует с каждым на его родном языке. Кроме того, он хорошо знает образ жизни всякого просителя, поэтому все и обращаются к нему, как к своему отцу и благодетелю, с полной уверенностью, что он им ни в чем и никогда не откажет.

Особенно многочисленно бывает стечение народа в двенадесятые праздники и преимущественно в день святого великомученика Пантелеимона и в день Покрова Пресвятой Богородицы. В эти дни со всего Афона собирается несколько сот человек, всех их наделяют щедро милостынею».

Но не только в праздники – во всякое другое время нуждающиеся, как описывает другой очевидец афонской жизни, приходили прямо к батюшке и выкладывали свою нужду: «Батюшка, благословите мне ряску, моя износилась» – и ряска давалась. Или: «Батюшка, для моей церкви нужны иконы и облачения священнические, благословите». И просимое давалось. «Рука дающего не оскудеет» – твердо уповал на Господа отец Иероним.

Однажды портарь отец Алипий, старый заслуженный монах, грубо обошелся с сиромачом-пустынником. Тяготившуюся этим свою совесть он открыл отцу Иерониму. Тот запретил ему за это святое Причащение, заставив долго искать оскорбленного пустынника. И когда отец Алипий отыскал его в Кавсокаливском скиту (два дня ходу от русского монастыря), привел в монастырь, испросил у него прощение и даровал ему необходимую милостыню, тогда только отец Иероним разрешил

ему причащаться, внушительно сказав: «Помни это». Так высоко он понимал дело милостыни.

Во время смуты в монастыре в 1874 году отец Иероним приводил в назидание грекам случай: «Когда у нас погибли два судна, многим возведено было, что попущено это не от чего иного, как от недостатка вспоможения бедным».

Подробно о произошедшем повествует посетивший Афон иеросхимонах А.

«Я однажды сказал отцу Макарию: «Ну, теперь никогда никому не поверю, что в кредитных учреждениях Англии от вашей обители имеются огромные капиталы для будущего ее обеспечения, ибо таковая щедрая материальная раздача очень значительна». – «Да, пожалуй, говорить можно, аще совесть не зазрит, а для нас много и той Божией милости, что обитель все долги уплатила. А в отношении щедрой раздачи, что она значительна, и мы так же думали, да и обманулись. В заносчивости такой мысли слишком много брали на себя, воображая, что делаем дела милосердия выработкой своего ума, кроме высшего содействия. Если внимать, то опыты открывают заносчивость кичливого ума. Вот опыты.

Однажды из России пришло наше судно с разною жизненною провизиею, стало на якорь, приготовилось к выгрузке; выгрузили часть, кончается день, капитан судна (из братии же) настаивал, чтобы кончить выгрузку в ночь, ибо горизонт показывал перемену погоды. Пришел на пристань батюшка отец Иероним, пожалел братию оставить на целую ночь работать, сказал, чтобы остальную часть выгрузки оставить до утра. А прекословить-то у нас кто дерзнет и между собою даже, тем более перед батюшкой.

Что же? В ночь разыгрался шквал, порвал главные снасти судна и посадил его на мель, к утру же буруны разъяренного моря выбрасывали обломки судна на берег. Какое важное лишение для обители! Это еще малое испытание. Через некоторое время приобрели другое судно. А как его приобрести? Оно обошлось до 10 тысяч рублей. Из Таганрога, по обыкновению, нагрузили его пшеницей и прочими жизненными

продуктами. Прислуга судна состояла из своей братии, как и всегда.

Отправились в путь к Афону благополучно. Когда требовалось вступить в Дарданеллы, где восточная сторона Мраморного моря имеет множество камней, выглядывающих из воды, и много подводных, на одно из них судно наскочило и немедленно пошло ко дну, где с лишком 200 сажен глубины. Спаслась лишь прислуга в запасных на судне лодках при возможной к сему погоде и недалеко от берега. В Русике же ожидают их по расчету времени, но время проходит.

Все без исключения томятся беспредельным ожиданием, устремляют взор в даль синевы моря, непрерывный говор не умолкает: «Ах, уже пора? Ах, нет вот их! Что с ними? Видно, уже на свете их нет!» Подобный говор наводит на всех скуку и уныние. Прошла неделя и более ожидания, а судна нет да нет! Между тем, спасенные высадились на Афон у Пантократора, оттуда пришли на Карею и на своем конаке остались ночевать. Отец Малахия воспользовался ночным временем явиться к отцу Макарию, чтобы не вдруг поразить всех таковым несчастьем, пришел он прямо в келлию к нему.

«Когда меня вызвали осторожно из утрени, отец Малахия рассказал мне все с ним случившееся, но я убедился в моем самонадеянии, говорю: «Отец Малахия, иди в свою келлию да успокойся и никому не показывайся, пока я устрою, чтобы не вдруг озадачить старца; нужно же его приготовить к таковому тяжелому удару. Главное дело, что все братии спаслись. Ну что делать? Слава Богу о всем, иди, отдохай». Кончилась утренья, я иду за батюшкой до его келлии, минуя свою, что бывало и прежде в особенных случаях.

Старец оглянулся. «Дело какое есть?» – сказал он. «Да... там!» – а сам залился слезами и уже не в состоянии был более владеть собою. «Где же отец Малахия?» – «Отдыхает». – «А судно, видно, погибло?» – «Да, погибло». – «Братия же спаслись или нет?» – «Отец Малахия сказал, что все спаслись, а на конаке остались ночевать». «Ну, слава Богу, что братия спаслись!» И, обратясь ко мне, когда уже пришли в келлию, сказал: «Оставь всякое смущение, достаточно для нас и той

незаслуженной милости, что братии спаслись, а в отношении судна, хотя это лишение для всей обители, скорбь, но для нас урок на всю жизнь нашу. Я же, как виновник сего, скрепя свое сердце ожидал такого или еще сильнее удара».

Меня это сильно озадачило, но и воодушевило. «Что же такое, батюшка, скажите». – «Скажу как опыт, приобретенный такую дорогою ценою. После первого крушения судна я горько принял это несчастье, меня одолевало уныние. Где возьмем, да что будем делать? Да как бы еще не накопить долгов! А расходы допустили большие. Значит, я сам оценил свой труд и попечение. Начала налегать на меня тяжелая мысль, что мы много и без расчета раздаем хлеба рабам Божиим, которых мы ноготочка не стоим.

Эта борьба не давала мне покоя и ежедневно доводила меня до изнеможения. Сократить или даже прекратить раздачу хлеба? Отказывать и в других потребностях? Да какое нам дело до других, каждый должен о себе пещись! Люди-то нас уважают, как свято живущих, а вот тебе и святость наша. Значит, я допустил в душу свою неверие о промыслении Божиим от человека до последнего пресмыкающегося, дающем пищу всякой плоти. Приписал все своему разуму, а от возношения можно ли что доброе ожидать?

Вот я и ожидал этого или подобного сему значительного толчка во смирение нашей гордости – вот и урок! С Божией помощью с этого же времени положимся, чтобы не было отказа в раздаче насущного хлеба и других потребностей по возможности нашей. Ведь не мы их кормим, а они нас, теперь же и доказано».

Рассказ этот отец Макарий без слез не мог передать. Посмотрите же вы на эту раздачу – она есть не что иное, как чудеса для нас, жителей материка. А им это превратилось в обыкновенное дело».

По воле отца Иеронима в монастырских владениях близ скита Крумица в 1882 году был отделен значительный участок земли у морского берега для поселения русских келлиотов и каливитов, теснимых греческими монастырями, и для некоторых из братии Руссика, желавших безмолвия. В 1883 году на

средства монастыря там был построен соборный храм во имя всех преподобных афонских, и русские жилища стали расти и множиться под покровом Пантелеимоновой обители.

О начале новой пустыни повествуется в дневниках отца Владимира.

«Рассказывал отец Уриил из Фиваиды. В 1870-х годах жил на Евфимиевской келлии иеросхидиакон Лазарь. Множество посетителей беспокоили его, и он пожелал большего безмолвия. По благословению отца Иеронима в апреле 1879 года он поехал на Крумицу вместе с отцом Каллистратом. Осматривали местность и, когда были на месте теперешней Фиваиды, на площадке, еще совершенно дикой, заросшей кустарником и усеянной огромными камнями, отец Лазарь, восхищенный величественным видом отсюда на море и на всю Афонскую Гору, сказал отцу Каллистрату: «Как бы хорошо быть здесь скиту!»

По прибытии же в монастырь он передал о сем отцу Иерониму, который обратил на это внимание и поручил отцу игумену Макарию при случае посмотреть, что это за место. В мае, того же года отец Макарий поехал на Крумицу, взяв с собой отца Уриила, отца Алипия и еще кое-кого. По прибытии на ближнюю арсану вздумал в тот же час побывать на сказанном месте. Взяв спутников и отца Каллистрата, поехал на лодке, а мулов велел туда привести. Кое-как высадились на теперешнюю фивайдскую арсану между камнями. Поднялись с помощью топора к площадке, где теперь скит.

Отец Макарий, осмотрев место и узнав, что есть здесь и вода, хотя и необильная, сказал: «Благословен Бог. Быть здесь скиту» – и велел певчим пропеть стихиры Пасхи, так как было до отдания. Они пропели, и местность эта, конечно впервые, огласилась священным песнопением. Отсюда на подошедших мулах поехали на Крумицу.

Прошло около года, отец Макарий, вероятно, забыл об этом. Но вот отец Уриил, смутившись в монастыре, захотел в пустыню. Отец Иероним отпустил его искать место на Афоне. Но как раз в это время последовало запрещение патриарха Иоакима давать русским келлии и каливы. Тогда отец Уриил

выпросил благословение у отца Иеронима построить каливу на самой границе нашей Крумицы с Дионисиатским метохом, на берегу моря. И вот он в июле 1880 года начал строиться. Построил три каливы у моря, а верхняя площадка совсем у него вышла из памяти.

Потом отец Иероним вследствие притеснения от греков благословил и еще кое-кому селиться тут. Первую каливу на площадке построил отец Иларион. Узнав о сем, отец Макарий спросил отца Иеронима, тот ответил, что это по его благословию, успокоил отца Макария и еще стал посылать понемногу, бедным давал и деньги на постройку калив.

Итак, пустыня стала населяться с 1880 года. Потом был послан отец Нон по его желанию пустынной жизни и заведовал постройками. Первоначально был построен дом на море, потом церковь Вознесения, потом собор во имя преподобных афонских, освященный в 1883 году митрополитом Сербским Михаилом. Отец Каллистрат добавил, что еще прежде отца Уриила ниже отца Игнатия жил монах Николай большебородый, который умер потом на Кавказе, после него Уриил, потом Иларион».

Пустынь эта, названная отцом Иеронимом Новой Фиваидой, стала наполняться иноками и имела строгий устав скитской жизни, написанный отцом Иеронимом. Вот как старец рассказывает сестре о Фиваиде и ее насельниках: «На нашем месте, в пустых горах сотворился по Божию благоволению скит отшельнический; самых бедных и нищих сиромашов уже до 70 калив и есть соборная церковь – чудо, да и только! Это сотворил Бог в четыре года. Живут там самые старые, беспомощные, которые не имеют где главы подклонить; их уже есть до 200... Метелки вяжут и веники – вот какое их рукоделие; мы даем сухари и старую одежду. Вот у нас есть какие полунагие подвижники».

Кроме соборного храма, предназначенного для общей молитвы в субботние, воскресные и праздничные дни, и церкви в честь Вознесения Господня, были построены церковь во имя святых великомучеников Пантелеимона и Артемия и больница на средства старца русской керасийской келлии святого

великомученика Георгия схимонаха Игнатия (скончался в 1922 году). Иждивением выходца русской обители святого апостола Андрея Первозванного иеромонаха Антония (в схиме Авеля) выстроена позднее, в 1891 году, двухэтажная церковь Пресвятой Троицы вверху и Святых Апостолов Петра и Павла внизу.

Насельники Фиваиды питались от трудов рук своих при постоянном пособии от монастыря, положенном самим отцом Иеронимом. В субботние, воскресные и праздничные дни им предлагалась монастырем готовая трапеза с горячей пищей. В случае заболевания они пользовались местной больницей на 20 человек, при которой имелась аптека с лекарствами и жил особый врач. Для ухода за церквами и выполнения разного рода необходимых работ в Фиваиде наряду с пустынным житием было учреждено и небольшое общежитие.

Пустынники, в свою очередь, помогали общежитию в общих послушаниях: в разгрузке скитского судна, чистке прудов, сборе маслин и винограда и прочем. Такое соединение двух родов жизни в одном месте благословил старец Иероним для взаимной пользы во исполнение заповеди апостола: *«Друг друга тяготы носите»* (Гал.6:2).

Отец Иероним до конца жизни заботился о своих пустынных чадах, которые были постоянными посетителями его келлии и утешали старца «своими частыми доуками», о чем он рассказывал сестре в письмах: «дашь ему рублик, а он тотчас бухнет в землю, да и заплачет, а я и не знаю, что тут и делать... Многие живут в шалашах, зябнут, голодают, но благодарно все терпят, лишь бы удостоиться умереть во святом жребии Божией Матери».

Благотворительность старца простиралась и за пределы Афонской Горы, на окрестное население. Так, во время неурожая в Македонии в 1881 году было роздано бедным людям хлеба, привезенного на монастырском судне из России и закупленного в Солуни, на сумму 10 тысяч рублей.

Постоянно раздавались утварь и книги, а также денежная помощь бедным греческим, сербским и болгарским церквам, посылались им иконы. Заботой и добротой отца Иеронима

пользовались многие монастыри и храмы России, часто на самых ее отдаленных окраинах – в Ашхабаде, Сухуме, в кавказских селениях, на Алтае, куда он много посылал, как мы видим из его личных писем и монастырской корреспонденции, пожертвований деньгами, необходимыми вещами и книгами, а также не забывал духовно утешать всех просителей подарками священных реликвий, афонских святынь и икон.

Именно по внушению духовника Иеронима отец Макарий неотступно добивался от своих родителей открытия странноприимного дома, и его просьбы были уважены: в 1850-х годах И. Д. Сушкиным в Туле была устроена странноприимница.

Часто отец Иероним подавал помощь российским благотворительным учреждениям и монастырям на трапезу бедным. «Употребите эти деньги на покупку хлеба для них, а впредь Сам Бог, питающий всех, промыслит о них», – пишет он в Борисовский монастырь. Особенно же старец заботился об устройстве и безбедной жизни в России родных и близких братии Свято-Пантелеимонова монастыря или желающих поступить в обитель. Свою сестру игумению Маргариту он много раз просил принять в Борисовский монастырь родственниц афонских иноков, причем брал обязательство присылать деньги на их содержание.

Глава 26. Благодатные дары старца Иеронима

Среди множества даров божественной благодати Духа Святого, изливаемых Господом на своих возлюбленных чад – подвижников благочестия, есть один Дар, признанный всеми Святыми Отцами как важнейший и особо необходимейший для священников-духовников, тем более духовных руководителей монашествующих – Дар духовного рассуждения. Этот дар признается Святыми Отцами как более великий в своем спасительном значении, чем другие дары – прозорливости, благодатного плача, исцелений по молитвам, чудотворений, изгнания нечистых духов и прочих, коими благодать Святого Духа отмечает и вооружает для особого служения этими дарами людям избранных угодников Божиих.

Собственно, именно наличие дара духовного рассуждения и делает обычного священника-духовника одним из тех, кого все русские православные христиане с благоговением называют старцами – духовными руководителями, осуществляющими свое окормление доверившихся им не просто исходя из своих, пусть и великих, знаний и опыта (что является прерогативой обычных духовников), но сугубым действием в них Духа Святого, открывающего старцам сущность духовных проблем приходящих и указывающего единственно верный путь разрешения этих проблем.

Истинный старец может не иметь дара прозорливости, не исцелять и не изгонять бесов, не пребывать в непрестанном благодатном плаче о своих грехах, но он непременно обладает даром духовного рассуждения, даруемым ему Богом по чистоте и готовности его души принять и нести этот дар как инструмент спасения многих вверившихся старцу человеческих душ. Старец Иероним имел этот великий дар духовного рассуждения, и вместе с ним и прочие вышеперечисленные святые дары. Ниже мы приведем к настоящему утверждению и свидетельства очевидцев.

Старец Иероним был истинным отцом своим духовным чадам: и старцы седовласые, и новоначальные послушники –

все равно были ему дороги, зорко следил он за каждой душой и всех руководил ко спасению многоразличными способами: кого строгостью наказания духовного, кого тихостью отеческой ласки, кого возвышением, кого унижением, причем в результате всегда получалось духовное преуспеяние ученика и послушателя его слов.

Дивно было видеть седовласого старца, обремененного жестоким недугом, еле передвигающего ноги, осаждаемого день и ночь жаждавшими излить перед ним свою душу, получить от него врачевство духовное, умиротворение совести. Не только своя братия, но со всей Афонской Горы шли к нему на исповедь ревнители подвигов духовных, ибо он значительно возвышался над всеми афонскими подвижниками даром высокого духовного рассуждения.

Иноки говорили про отца Иеронима: «Пойдем к нему, он решит наше недоумение, ибо его устами вещает Бог». И так бывало на самом деле: вопросы трудноразъяснимые, крайние затруднения совести сразу решал он своим опытным словом, так что приходившим к нему оставалось лишь удивляться свыше данному ему дару духовного рассуждения.

Этот дар он получил еще в начале своего подвига в дивном видении во время четырехлетнего странствования по России со своим единомышленным другом, с которым жили они по заповеди великих старцев, ничего друг от друга не скрывая. По сохранившемуся об этом случае рассказу, раз шли они куда-то, и отец Иероним, тогда еще Иоанн, почувствовал страшные, невыносимые боли в желудке.

От болей он не мог продолжать путь и лег при дороге, а его спутник пошел в ближайшее селение, чтобы принести ему хоть теплой воды. Возвращается – видит, что Иоанн сидит спокойно. «Что чувствуешь?» – спрашивает спутник. «Пожди мало, брате, – отвечает он, – дай мне прийти в себя».

Спустя немного он поведал сему брату как великую тайну, что сейчас видел он въяве апостола и евангелиста Иоанна Богослова, которого благоговейно читил с детства и которому молился об исцелении схватившего его недуга. Апостол спросил его: «Что с тобою?» Он ответил, что зело болит у него

желудок. Апостол посмотрел на него и сказал: «Теперь ты здоров!» И он почувствовал, что боль мгновенно утихла. И сказал ему апостол: «Проси у меня, еще чего хочешь». И дерзнул он просить себе дара рассуждения и слова. «И сие дастся тебе», – сказал апостол Христов и стал невидим.

И действительно, старец Иероним всегда, при всяких обстоятельствах жизни находился, что сделать, что сказать, а его мудрое слово ценилось братией как извещение свыше, и равного ему не было.

«В 1860-х годах приехал на Афон из Рима католический епископ и спросил отца Иеронима, какого он мнения относительно нового католического догмата о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Отец Иероним спросил его, верует ли он в Евангелие. «Да, конечно», – ответил тот. «Так вот, там есть ответ на сей вопрос». – «Где ж, скажите?» – «В словах, произнесенных Самой Царицей Небесной: *Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем*. Если бы зачатие Ее отличалось чем-либо от естественного, то Она не произнесла бы слов *о Бозе Спасе Моем*, каковые слова могут относиться только к тому, кому нужен Спаситель, то есть зачавшемуся естественным порядком, а не непорочным, как то думают заблудившиеся католики о Божией Матери, предочищенной Святым Духом к приятию Господа». Епископ, лишь только услышал такое обличение своего заблуждения, немедленно встал и ушел из монастыря, не зайдя даже в гостиницу».

«Однажды прибыл на Афон из России некий иеромонах и искал себе духовника, чтобы облегчить свою душу от тяжести греховной. Ему указали на отца Иеронима, который, выслушав того, дал ему епитимию: три года не приобщаться Святых Таин, и не входить в жилой дом ни днем ни ночью, и, где застанет его ночь, там и ночевать. Иеромонах сей исполнил эту епитимию, и в последний день срока вошел в одну келлию, причастился Святых Христовых Таин и послал сказать отцу Иерониму, что исполнил данную им ему епитимию, и затем мирно скончался».

«Некий помещик был долго не верующим в Бога, все приписывал случаю. Но однажды он спасся от смерти, когда

лошади его разбили и опрокинули экипаж, под который он попал, но остался жив. Это его заставило задуматься. Он поехал искать разрешения своего недоумения. Прибыл и на Афон и объяснил цель своего приезда отцу Иерониму. Отец Иероним ему сказал, что Промысл Божий ведет его ко спасению, показав ему чудо над ним же самим, но тот не совсем уверился. Затем отец Иероним сказал ему, что неверие его борет демонским насилием, но, если он не будет доверять сим внушениям, тогда может освободиться.

Не веря существованию и самих демонов, он никак не допускал, чтобы могли быть какие-либо внушения от них. Отец Иероним посоветовал испытать это так: когда придут какие-либо недобрые мысли, чтобы он тогда произнес следующие слова: «По заповеди моего духовного отца скажи мне, кто ты?» Так он и поступил. В церкви, когда весьма ему наскучило слушать демонскую брехню, он и спросил, как велел ему старец. И тут же последовал ему ответ: «Диавол я!»

А затем он разразился самою скверною руганью на него от злости, что неожиданно он был связан заповедью и принужден открыть себя, кто он, уверив сам и помещика в своих кознях. Помещик сей, лишь только услышал это признание и ругань, вышел из церкви, не имея возможности сдержать себя от смеха, как диавол попал в ловушку, и нехотя принужден был признаться. И пока шел помещик к отцу Иерониму, бес вслед все ругал его матерщиной, но лишь только вошел к нему, ругань прекратилась, и он все рассказал старцу.

Отец Иероним утвердил его в существовании демонов и их кознях мысленных, прося его больше не верить таким помыслам, но доверять истине Священного Писания. И так, с Божией помощью, он утвердился в вере в Бога и стал религиозным, а затем по некотором времени он отправился домой в мире».

«Духовник отец Иероним, имея дар внутренней постоянной молитвы, во время оной приходил как бы в исступление. Он рассказывал, что один брат как-то не пошел на бдение, но, став пред Господом, как раб пред Владыкой, простоял целых шесть часов на одном месте в изумлении и безмолвии, как стоял

апостол Павел в созерцании Господа. Брат этот был не кто иной, как сам отец Иероним».

«Один из монашествующих рассказывал свой сон, будто все братия собрались для исповеди и по окончании исповеди, выходя от духовника, говорили, что духовник убеждает всех исповедоваться по совести и, елико возможно, ничего не утаивая. Один брат, выходя, говорит: «Погодите ходить к духовнику, ему есть какое-то явление». С этим вдруг открывается все, и он видит, что духовник как бы на воздухе и под ним лучезарные облака. Вслед за тем он поднялся еще выше, и видно, что будто еще светлейший облак спускается сверху и в оном – лицо Спасителя, Который что-то подает духовнику и что-то ему говорит, но видящий слов этих не слышал и не мог рассмотреть, что подает. Тогда видящего объял страх великий, и он в ужасе проснулся, имея на себе власы поднятые, или, как говорится, стоящие дыбом».

«Однажды во время молитвы отцу Иерониму пришла мысль: «Как благодать Божия поддерживает человека во время искушения?» Тогда вдруг явился в его келлии страшный бес ростом до потолка, стоящий в углу. Отец Иероним взглянул на него и лишился чувств. Падая навзничь, услышал голос: «Вот так благодать Божия поддерживает человека!» И при этом его кто-то взял сзади под руки, не допустив удариться о пол, и поставил на ноги в чувстве».

«Старец по ночам почти не спал и по причине беспокоивших его болезней, и для более удобного упражнения в молитве. Однажды ночью, ходя по келлии с четками в руках, он вдруг видит, что потолка в келлии как бы нет и перед ним стоит исполинского роста страшилище. В страхе и ужасе от необычайного видения он, по словам его, только при помощи благодати Божией мог удержаться на ногах. Страшилище тотчас исчезло». Рассуждая о сем, старец полагал, что это было ему вразумление за то, что он иногда слишком легко относился к братским смущениям от страхований, не считая их за что-либо серьезное.

«Рассказывал отец Макарий после кончины отца Иеронима, что один приезжий архимандрит однажды внезапно вошел к

отцу Иерониму и тотчас же быстро вернулся от него назад, ибо испугался, увидев отца Иеронима, стоящего на молитве на воздухе как бы на аршин от пола. Отец Иероним забыл запереться, хотя всегда запирался [при молитве].

Отец Иероним при молитве отдавался всему чувству, каковое им овладевало; когда плакал, то с рыданием, а иногда в радости ублажал Господа, о чем и говорит отец Макарий. Отец Макарий, не вынося его плача и стенания, уходил тогда спать в другую комнату, чтобы из-за стены не слышать этого».

«Силу молитв отца Иеронима приходилось многим из братии испытывать. Иеромонах Михаил при поездке Черным морем был однажды застигнут ужасной бурей, и опасность была столь велика, что не осталось надежды на спасение. Он мысленно стал молиться и ночью прилег на палубе. Видит во сне на пароходе отца Иеронима, и буря прекратилась.

Другому отъезжавшему монаху отец Иероним по просьбе того дал в благословение старую свою схиму, и тот всегда призывал его молитвы. Однажды случилось быть ему в опасности, он в скорби присел и как бы задремал днем. Видит пред собой отца Иеронима, который благословил его, и он сейчас же очнулся. Смотрит – отца Иеронима нет, а опасность мгновенно миновала.

Однажды сей монах заболел и видит, что не в состоянии продолжать нести послушание, и стал скорбеть о сем. Видит во сне отца Иеронима, находясь с ним как бы в большой толпе. И вот толпа стала теснить их, и отец Иероним как бы повалился на него, а потом, наоборот, толпа стала с другой стороны их обоих пятить, так что сей монах повалился на отца Иеронима и оказался в распростертых его руках лежащим. «Батюшка, я думал, что я вас держу, а теперь вижу, что вы меня держите», – сказал ему, а отец Иероним ответил: «То-то!» Эти слова Старца были ему ответом на его мысли, что-де он поддерживает на своем послушании обитель.

Неоднократно являлся во сне он этому монаху в разных чрезвычайных также случаях и болезнях, а много было разных случаев, которые здесь не записаны».

«Отец Амплий – из раскольников. Был в Иерусалиме, где наместник патриарха усовещевал его принять Православие, но он ему не поверил, а за молитвы отца Иеронима обратился».

«У нас (в Пантелеимоновом монастыре) не редкость – явление умерших братий кому-либо из живущих в обители и возвешение о своей загробной участи. Так, последний из числа почивших в Великий пост (жил в обители 40 с лишком лет) наяву вошел к одному из братий, читавшему святое Евангелие, и между ними произошел такой разговор: Читавший: «А, отец Авраамий! Откуда ты? Ведь ты помер?» Вошедший: «Хотя и помер, но жив, как видишь. Я пришел поблагодарить старцев и братий за их молитвы о всех нас, ныне отшедших. Хотя и трудновато было проходить мытарства, но за молитвами обители, наипаче же милосердием Богоматери и предстательством святого Пантелеимона, все мы благополучно прошли оные и упокоены Всеблагим Господом. Особенно мне много помогли молитвы отца Иеронима, который во время отпевания моего усердно молился за меня, а когда выносили на могилу тело мое, он, несмотря на свои сильные недуги, положил за меня в келлии своей несколько земных поклонов, оказавших мне защиту от нападков вражиих».

«Однажды пришло отцу Макарию желание спросить отца Иеронима об одном предмете, и он, лишь только взошел к нему, как отец Иероним стал сам без вопрошения рассказывать ему об этом, как бы отвечая на мысль его. О сем отец Макарий сообщил после смерти отца Иеронима».

«Отец Аркадий рассказывал, что у одного из монахов, жившего за алтарем Покровской церкви, была частица (он носил ее при себе) святой мученицы Иулиании. Был он помощником садовника и, чтобы жить поближе, попросил себе келлию близ малой порты. Отец Иероним благословил, и он стал перебираться. В эту же ночь во сне видит: приходит святая мученица Иулиания, велит склонить ему голову и читает разрешительную молитву, кончила и стала невидима. Он объяснил сон отцу Иерониму. Тот, выслушав, сказал: «Готовься к смерти, это тебе предвестие». Монах, как должно, исповедался, однако продолжал перебираться. И вот, неся

одеяло и прочее, он как-то оступился на лестнице у алтаря Покровского собора, запутался в одеяле, упал вниз головой и тут же помер».

«Фома Прокопьевич Чернокрылюк, киевской губернии города Василькова, из мещан, будучи 30 лет, в 1833 году отправился в Иерусалим, где жил два года в Феодоровском монастыре хлебником и портарем. Спустя год прибыл с Афона в Иерусалим отец Иероним (бывший тогда Иоанникием) с спутниками. Проживши с ними год и вместе приехав на Святой Афон, Фома Прокопьевич поместился в 1839 году в монастыре Ставроникита и чрез шесть месяцев принял рясофор, назван Фотием, имел духовником отца Прокопия, но слушал наставления более отца Иеронима, жившего тогда на келлии.

Из Ставроникиты поступил в Есфигмен. В Есфигмене он не захотел нести укорений от братии и скоро, чрез девять месяцев, вышел, хотя духовник и советовал ему оставаться или, по крайней мере, поступать в какой-нибудь общежительный монастырь. И он поступил в Каракал, где игумен полюбил его, как человека рабочего, сильного, и ему все нравилось. Он пришел к духовнику отцу Иерониму, хвалился своею жизнью, на что тот ему сказал: «Если хорошо, тогда живи». Воздерживался он там и постригся в схиму.

Но спустя немного он опять пришел к старцу и говорит: «Не могу укорений и поношений терпеть». Но старец говорит: «Терпи, тебе нужно; вот ты там не жил, в другом месте не захотел, но если теперь пойдешь, то Бог тебя накажет, он попустит сатане колотить тебя». Это слово испугало его, и он пошел. Но, смутившись, вышел из монастыря, уже не придя спроситься. Но тут уже поразил его демон, начал видимо колотить. Чрез несколько месяцев он приходит в монастырь наш.

Старец, увидавши, что у него рот на боку и искривлено лицо, спросил: «Что с тобою?» – «Да вот что ты говорил, то и случилось! Демоны теперь колотят часто». Упрекнув его отечески, старец сказал: «Есть средство избавиться от этого, иди и соблюди заповедь; не пей вина и раки, не гневайся, не услаждайся блудными помыслами и не нюхай табака, но если

не соблюдешь, то с тобою будет еще хуже! Если теперь бьет через неделю, через две, то будет бить каждодневно по два, по три раза».

Он пообещал, но не соблюл, и как скоро преступил одно, то демоны стали колотить по несколько раз. И так бывало, что лишь разгневаешься на кого-то, сейчас же нападают демоны и бьют, или: лишь насладится блудною мыслию, или напьется вина, тут же нападали демоны и били его. Когда он вышел на Карею, жил бедственно, валялся на куче сора, без призрения, забытый всеми, как зверь. Это продолжалось шесть лет. Тут начальство усмотрело, узнали, чей он, и, узнавши, велели игумену Каракала взять своего монаха и, взяв его, поместили за монастырем в келейке, где он проводил страдальческую жизнь два года. За воздержание Господь избавил его от всего, и у него теперь только нога и рука левой стороны не владеет».

«Когда духовник Иероним благословил мне поехать в Иерусалим с иеромонахом отцом Иеронимом, родственником духовника, тогда, дня за два до отъезда я прихожу к нему, а он и говорит: «Зачем ты так рано едешь в Иерусалим и зачем спешишь?» Я ответил: «Как же, батюшка, нужно, чтобы успеть ко второй неделе, все поклонники из Иерусалима отправляются в Назарет». А он посмотрел на меня и говорит: «Да ты в Назарет не попадешь!» Я опять говорю: «Как, батюшка, не попаду? Я затем и спешу, чтобы везде побывать». А он подходит ко мне и, слегка ударив меня правою рукою по плечу, говорит, приклонившись к уху: «Там увидишь, увидишь!»

И что же? Приезжаю благополучно в Иерусалим, подходит вторая неделя, назначают выезд караваном в четверток до 500 человек. А я вздумал во вторник сходить в Горнее. Возвращаясь в тот же день оттуда, при выходе из Горнего на гору я очень устал и вспотел, а тут случился пустой колодезь. Я сел отдохнуть и скоро почувствовал, что у меня чешется левая щека. Я спросил товарищей: «Что, у меня щека красная?» Они говорят: «Да». Тогда я понял, что это «рожа».

Прихожу в Иерусалим прямо к доктору, и он говорит, что это «рожа», и дал мне мази. На другой день прихожу к нему и говорю: «Что, мне можно ехать в Назарет?» А он говорит: «Не

то что в Назарет, а вам и на воздух нельзя выходить, а приходите к нам в больницу». Пришедши в оную, я пролежал 11 дней в ней, а в это время поклонники все почти уехали в Назарет, мне после уже не с кем было ехать, хотя я и выздоровел. И так сбылось пророчество блаженного батюшки – отца духовника Иеронима. Возвратясь на Афон, я стал говорить о сем духовнику, а он только улыбнулся и сказал: «Ну, то-то и есть!»

«В бытность здесь архимандрита Антонина (Капустина, впоследствии настоятеля Русской Миссии в Иерусалиме, много потрудившегося для Русской Церкви в Святой Земле) в 1860-х годах он спросил у отца Иеронима, нет ли у него какого из жизни случая, как действует благодать Божия, полученная человеком в Крещении. Отец Иероним отвечал: «Да разве вы, отец архимандрит, никогда этого не ощущали?» «Нет», – отвечал тот. «Но не было ли когда желания помолиться или само не приходило ли умиление когда?» – «Да, это иногда бывает». – «Так вот это самое и есть действие благодати Божией». – «А как можно в этом убедиться?» – «Благодать Божия сама приходит, так же и уходит, и ее невозможно ни вызвать, ни отогнать, но она овладевает человеком без его ведома, когда Господь восхощет».

На другой день отец Антонин поехал в сопровождении отца Макария по Горе, и лишь только они поехали, отец Антонин начал плакать и плакал всю дорогу до возвращения домой. Приехавши, отец Макарий тотчас рассказал отцу Иерониму о плаче отца Антонина. А отец Иероним рассказал отцу Макарию о том разговоре и что плач этот был в удостоверение того, что объяснение отца Иеронима о проявлении действий благодати Божией в человеке, получившем оную в Крещении, было истинное. Отец Антонин при свидании с отцом Иеронимом сказал ему: «Представьте себе, отец Иероним, на меня во всю дорогу напало пьянящее умиление». Отец Иероним ответил ему, что это и есть то самое действие благодати Божией, которое он и не вызывал, но и не в силах был прекратить».

Глава 27. Завершение земного служения старца. Уход

Почти полвека провел старец Иероним в духовничестве в Пантелеимоновом монастыре и стал видимо близиться к закату своих дней. Видели это присные его ученики, трепетали при мысли его лишиться и усугубляли молитвы свои о продлении его жизни для духовного их блага. Три последних года старец очень часто болел, редко когда мог выходить из своей келлии. В параклисе преподобного Сергия Радонежского, находящемся возле его келлии, ежедневно совершались для него богослужение и поздняя Божественная литургия, где он часто причащался Святых Христовых Таин.

В Покровском соборе с великим трудом, поддерживаемый келейниками своими, он мог бывать только раз в году – на святую Пасху, причем в последний праздник Пасхи в собор его, как он упоминает в письме, «Возносили на носилках». Когда он уже не мог бывать в храме, то слушал службу по телефону, который провели к нему в келлию. Несмотря на тяжкие страдания, он не прекращал духовнических трудов. Раздачу милостыни нищей афонской братии не оставлял и по своему обычаю лично ею распоряжался в своей келлии, как бы плохо себя ни чувствовал.

«Я каждый день умираю, – говорил старец Иероним. Видимо, ожидая каждый день смерти, в 1882 году он составил духовное завещание. В том году его здоровье было особенно плохо, о чем он писал сестре 7 декабря: «Я был тяжко болен и думал умереть, со всеми простился, и, наконец, маслом соборовали, и я уже ожидал смерти. Но братия мои опечалились этим и от горести сердца восплакались все и возопили ко Господу о моем выздоровлении и продлении еще моей жизни, и милостивый Господь услышал вопль их, и я теперь выздоравливаю, и они возрадовались, что я еще оставлен здесь с ними пожить. Но надолго ли? Бог весть. Пора уже и умирать».

Отец Макарий старался всегда быть рядом с батюшкой. «Отлучаться из обители по текущим обстоятельствам не могу, а всего более при исчезающем здоровье батюшки отца Иеронима, который с 23 ноября посетил только церковь в Великий Четверток, а потом, походил несколько дней Пасхи и опять засел; оставить его, все равно что лишиться своей жизни, – пишет он в 1883 году».

«Под 20 июля 1883 года пред бдением святому пророку Илии, – рассказывает отец Макарий, – мне пришлось побеседовать с отцом духовником Иеронимом о его тяжелой болезни. Он мне сказал: «Такой толчок я получил в сердце, что не могу ни спать, ни лечь, ни сесть». На вопрос мой, отчего это произошло, он ответил: «Да на днях сряду несколько дней я таковые получал духовные утешения, что и выразить не могу. За премногие откровения таинств при сознании своего ничтожества я так плакал, что, кажется, этим повредил себе, и какой исход болезни будет, Бог весть». – «От чего начались утешения?» – «От молитвы. Преимущественно молился об обители, чтобы Господь сохранил ее общежитие до Второго Своего пришествия и дал бы уразумение последующим родам сохранить цело и невредимо от тех искушений, каковые разоряют общежитие».

На вопрос: «Получили ль что?» – отец духовник, долго помолчавши, ответил: «Я не смел этого вопрошать, мое дело – просить, ибо Даяй молитву молящемуся дал и моему недостоинству сию молитву – молиться о любезном мне общежитии и братстве». Спросил и я, грешный, а о мне-то батюшка молится? Он отвечал мне так сладко и умиленно: «Да за кого же мне более молиться, как не за тебя? Ты мне заменяешь и родителей, и брата, и друг духовный». Я был так обрадован, ибо ожидал этих слов уже несколько лет, но не получал».

«Отец Макарий, будучи сильно привязан к отцу Иерониму, весьма опасался его скорой смерти, и всегда бывало, когда тот чуть заболит, приказывал тотчас же собираться всем братством в Покровский храм на молебен по ударе в колокол», – пишет один из свидетелей того времени. Другой сообщает:

«Молебен с сугубыми прошениями о здравии старца возглавлял отец Макарий, или в храме совершалась общая четка: диакон, стоя на амвоне пред иконой Спасителя, громовым голосом возглашал: «Господи, спаси и помилуй отца нашего иеросхимонаха Иеронима!» Все братия одновременно мысленно повторяли, совершая поясной поклон. И невозможно было в это время отклониться умом или сердцем от единого вопля, исходившего от всего внутреннего и внешнего существа молящихся».

«Отец Иероним по выздоровлении говаривал, что ему надо бы умереть, но братия не дают, умоляя Господа и Пречистую Его Матерь оставить его еще пожить. Он страдал часто приливами крови к голове и сердцу, а также от грыжи, с которой вышли наружу и кишки, так что до колен она у него висела и у него ежедневная была боль от прохождения чрез кишки пищи, причиняя ему судороги и спазмы в это время, почему он мог вкушать лишь только самую легкую и негустую пищу, но и тогда очень мало вкушал. «Я бываю сыт только тогда, когда ем горох», – говорил он».

Весной 1885 года старец снова был очень болен: «Я... уже готовился к смерти, но Господь ради грехов не принял меня к Себе и еще тянет нить моей жизни, хотя бы немного потрудился в болезни телесной». В последние месяцы он часто говорил своим ученикам, что жить ему уже осталось недолго, и запретил им молиться о продлении его жизни. Еще в 1868 году старец был пожалован русским государем золотым наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями, он его не носил, но благоговейно хранил как знак монаршей к нему милости. Теперь этот крест он велел отдать в ризницу обители, причем благоговейно к нему приложился, как бы прощаясь с ним навсегда. Замечено было келейниками старца, что он, как бы собираясь в дальний путь, все в келлии приводил в порядок, расставлял по местам, и сам был сосредоточен и задумчив.

С осени 1885 года стал он особенно сильно изнемогать. 1 октября, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, старец с великим трудом вышел в собор на Божественную литургию, выстоял ее и причастился в алтаре Святых Таин, и это было

последнее его посещение Покровского храма, им же сооруженного и благолепно украшенного.

Во вторник, 29 октября, в 3 часа ночи старец почувствовал сильную подреберную боль с тошнотой, продолжавшуюся до 7 часов. По его требованию был вызван монастырский доктор, которого он просил чем только возможно облегчить его болезненное состояние. С помощью Божией и медицинских средств боль успокоилась.

Так начались последние, предсмертные мучения многострадального отца Иеронима, завершившие весь его мученический подвиг, который он сам вымолил себе у Бога еще в самом начале своей монашеской жизни, прося – дабы, пострадав здесь, там быть помилованным. Велики были его страдания. Но и великую благодать имел он от Господа, с помощью которой и дерзнул он испросить, а затем и переносить эти страдания.

И вероятно, эта благодать была подобна той, которую получали во время своих страданий святые мученики, ибо, по учению святых отцов, если душа и тело полны благодати, как было у мучеников, то тело желает страданий, что выразил мученик Евстратий словами: «Господи! Мучения сии суть радость рабам Твоим!» Может быть, поэтому по мере приближения к смерти он все меньше и меньше жаловался на свои болезни, как мы видим в письмах к родным, упоминает только о «ревматизмах», а затем уже и совсем не говорит о них, потому что они стали для него необходимой потребностью для привлечения благодати, которая нестерпимые болезни делает легкопереносимыми.

Последние дни жизни старца и его последнюю, предсмертную болезнь описали отец Макарий и монастырский доктор монах Иннокентий. Мы следуем их скорбному рассказу:

«В последующие дни, после 29 октября, сильная боль в животе с рвотой возобновлялась, вследствие чего старец сильно ослабел. 3 ноября было бдение всем святым бессребреникам, во время которого опять открылась рвота и появилось стеснение в груди. Как всегда в таких случаях, отец Макарий немедля явился к батюшке, так как ему постоянно

докладывали о состоянии его здоровья. Отец Иероним дал ему благословение и на вопрос, как его здоровье, ответил, улыбаясь: «собрались было умирать, да вот опять отдумали, но очень трудно и невыносимо тяжело, и нет надежды на выздоровление».

«Ну, полно нас пугать», – ответил отец Макарий. А старец сказал: «кажется, уже пришел срок этим пуганиям». На это в утешение ему отец игумен сказал протяжно и внятно: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый». На сие духовник ответил: «Буди воля Божия». И, чтобы более не опечаливать чувствительного к его болезням отца Макария, переменял разговор, как и всегда это делал.

В ночь на 11-е боль у него немного утихла. В этот день кое-кого принимал к себе из своих братьев и пустынников. Достоинство и то удивления, что при такой трудной, тяжелой болезни, спазматической нервной рвоте старец всеми мерами старался душевно быть спокойным, вследствие чего частенько говорил между приступами болезни разные тексты из отеческих писаний, как-то: о святом Макарии Египетском, о разлучении души его с телом, о смущении души бесами на мытарствах и о возражении святого Макария бесам.

Так, он говорил, что святого Макария боялись бесы, когда Макарий был жив, а когда он помер, душу его несли по воздушным мытарствам святые Ангелы. Тогда вослед ему кричали бесы: «Избежал еси, Макарий, рук наших!» – желая этими словами ввести святого в горделивое мнение на воздушных мытарствах по смерти. Но Макарий смиренно отвечал им: «Нет еще, не ушел», пока не переступил последнее мытарство и узрел Господа на Престоле, тогда воскликнул к бесам: «Теперь воистину избежал рук ваших!»

Потом старец говорил о переходе в загробную жизнь, что она, по слову святых отцов, есть непостижимое таинство, установленное Богом, а потому человеку не следует очень смущаться этим обстоятельством, а только, разумеется, устрашается наша греховная плоть. Да это по природе и естественно, ибо и Богочеловек в последние дни земной жизни

говорил: *«Прискóрбна естѣ душá Моя до смѣрти»* (Мф.26:38), потому что этим завершается земное странствие человека.

В последние дни перед смертью старец говорил мало и кратко, но многое в его словах заключалось, например: «Братия и чада моя! Старайтесь по силе возможности угождать Господу. Никто не может унижить Бога, а огорчить и оскорбить Его мы можем, потому и ангелы, не соблюдшие своего повиновения и подчинения Богу, наказаны вечным разлучением от Бога не за точность службы, а за уклонение от Создателя. Так и нам должно неуклонно всегда умственно взирать к Богу. Скажу вам, чада, о себе, грешном вашем духовнике.

Я всю жизнь мою старался по силе возможности угождать Господу, как в молитвах, так и в делах. Первая моя молитва была такая: «Помяни, Господи, ненавидящих и обидящих нас и творящих нам напасть, прости им и нам вся согрешения», потом за Царя и весь царственный дом, за обитель с братией и благодетелей. А как принимаемо и угодно все это Святой Троице, мне неизвестно». При этом слезы неудержимо лились у него из глаз.

Находящийся при нем Н., видя его плачущим, говорил ему: «Батюшка, вам, вероятно, очень трудно?» – «Да, чадо, очень сильную чувствую боль, потому и слезы льются из глаз, и я не в состоянии удержать их». При этом, говорил он об умной Иисусовой молитве, что во время болезненного состояния человеку немалого труда стоит удержать умную сердечную молитву не развлеченной в духовных чувствах и в беседе с Богом, ибо ум человека, как бы соболезнуя недугу телесному, всегда находится около того больного места, которым страдает человек: «Так в настоящее время у меня сильная многосложная болезнь отвлекает от умной молитвы ум».

При этом говорил он со слезами на глазах слова молитвы: «Помилуй мя, Господи, помилуй мя, всякаго бо ответа недоумеюще...» А затем: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...» – и прочие, и потом говорил: «Господи, Ты Сам страдал плотию за искупление рода человеческого, а равно и за меня, и веси немощи человеческие. Помози мне, Господи, понеже от болезни душею и телом изнемогаю».

В третьем часу ночи доложили ему о приезде иверского доктора, он же переспросил, какой доктор. Когда же повторили, что иверский доктор, на это он ответил: «Моя совесть немирна, и я не могу его принять, нужно молиться Богу и на Него надо возлагать надежду, а не на доктора. Да хорошо ли вы поступили, не спрося благословения у меня, старца вашего и отца, столько лет руководившего вас?» На сие последовал ответ: «Простите нас за это, батюшка, отец игумен и братия, движимые сыновнею преданностью и любовью к вам, так поступили». «Я это понимаю, – сказал он, – но скажите отцу игумену, что я не желаю принять доктора».

Когда же стали просить и говорить ему, что не совсем хорошо будет для обители и в особенности братия будет делать разного рода замечания и упреки отцу игумену. На это он, соглашаясь, сказал: «Разумеется, нельзя не принять, хотя для блезира, только завтра, после поздней литургии».

Около 7 часов ночи, в конце бдения, последовало Елеосвящение, на что предварительно отец игумен испросил благословение у духовника. Елеосвящение совершал сам отец игумен с шестью иеромонахами в церкви преподобного Сергия, а помазывать его ходили в келлию.

По окончании читаемой отцом игуменом из Требника молитвы: «Царю Святый, Благоутробне, Милостиве Господи», когда служащие иеромонахи держали над главою духовника Евангелие, он, встав на ноги (братия под руки поддерживали его), сказал вслух внятно: «Благословите, отцы святые и братия, и простите меня, грешного, аще чем кого оскорбих». Это повторил трижды. После елеосвящения, сего душевного и телесного благодатного врачевания, заметно почувствовал облегчение и мог заснуть, и рвота отчасти прекратилась.

В третьем часу утра 13 ноября старец сказал, что «теперь могу принять иверского доктора, который не замедлил явиться к нему. После обычных приветствий доктор спросил духовника о состоянии и причине болезни. Он объяснял отчасти сам, хотя тихим голосом, но подробно. Выслушав объяснение, доктор попросил раскрыть грудь и живот, при этом освидетельствовал и грыжу, которая величиною была с человеческую голову, вслед

за сим назначил внутреннее послабляющее средство, которое сей же час было приготовлено в аптеке. Давал лекарства сам доктор.

В продолжение этого дня отец игумен почти безвыходно был у старца, братия почти все, от иеромонахов до послушников, предчувствуя скорое разлучение с любвеобильнейшим духовным отцом, приходили к нему, прося прощения, и, получив от него благословение, уходили со слезами на глазах. Некоторые из братии говорили ему тихо на ухо: «Батюшка, аще вы преставитесь от сей жизни ко Господу, то мы без сомнения веруем, что вы получите милость и дерзновение у Пресвятой Троицы, тогда помяните и нас, духовных чад ваших.

На это он со слезами говорил: «Так, чада, молитесь о мне, и я, аще получу благодать и милость у Господа, то непрестанно буду молить Господа о вас и вообще о всех духовных моих чадах и обители, дабы благодатию Божией избавиться нам вечных мук и получить вечная благая, идеже все святые пребывают. А о мне не скорбите, ибо вместо меня остается отец Макарий. Господь умудрит его утешать, назидать и управлять братиею. Вы почитайте его, как старца, любите, как отца и игумена, ибо он имеет благодать от Бога и чрез него вы получите спасение души».

В тот день, в празднование памяти святителя Иоанна Златоуста, старец часто повторял и известные слова его: «Слава Богу за все». Вечером в сей же день родственник духовника отец Иероним снова пришел и, взявши благословение, стоял у кровати и плакал. Духовник сказал ему: «Теперь мне лучше. Отец Иероним ответил: «Слава Богу, что вам получше». Во втором часу ночи приходил посетить его старец-иеросхидиакон отец Иларион, грек, со старшими из греческой братии. При свидании разговор был у них по-гречески и во время одного оба старца плакали довольно трогательным плачем.

Зазвонили к утрени. Состояние отца Иеронима быстро ухудшалось. Отец Макарий, читая утрению у себя в келлии, часто навещал его: «Как вы, батюшка, себя чувствуете?»

«Неизъяснимые боли в животе, – отвечал он. – Имеем надежды на щедроты Божии, а терпеть не хочется и такой болезнишки, а обетованные нам щедроты-то Божии велики». Отец Макарий напомнил ему, как святой великомученик Евстратий, водрузив жезл, сказал, что все страдания его, как бы ни велики были, но недостойны против той награды, какую воздаст Господь за терпение их.

Батюшка прибавил к этому: «Да, он и в железных сапогах был с гвоздями... Но да будет воля Божия». И продолжал: «Вероятно, диавол выпросил у Бога такие мне болезни за мои грехи и за чужие, чтобы довести меня до ропота». И начал говорить некоторые псалмы: «Не остави мене, Господи Боже мой» и другие подобные.

Боли усиливались, он вдруг говорит: «Что тут делать?» Отец Макарий сказал: «Упование мое Отец...» и прочее, а также: «Все упование мое на Тя возлагаю», а он ответил: «Сколько могу, непрестанно повторяю это». И прибавил: «Неизъяснимая болезнь, не знаю, как находятся те, кто при таких обстоятельствах не имеет руководства для себя ни из Священного Писания, ни из отеческих преданий. И заключил: «Господи, помилуй нас!»

Во время утрени приносили к нему икону Божией Матери «Избавительница» и мощи святого великомученика и целителя Пантелеимона, к которым он прикладывался с таким благоговением и умилением, что присутствующие братья, смотря на него, удивлялись. Через некоторое время после святых мощей была принесена из Покровского собора чудотворная Иерусалимская икона Божией Матери, к которой он прикладывался с особенным благоговением и слезами.

«В это время, – повествует монах Пантелеимон, – стоял я в притворе Покровского собора, и во всю утреню борола меня одна мысль: «Как бы мне удостоиться получить еще последнее благословение от батюшки отца Иеронима», хотя я уже простился вместе с прочими отцами и братьями и получил благословение еще с вечера. Эта мысль так сильно беспокоила меня, что я даже терял внимание к чтению и пению утрени.

Рядом со мною стоял какой-то молодой монах. (За многочисленностью у нас братства мы почти и не все знаем друг друга по имени, а только после смерти каждого мы обязаны знать для поминовения и моления о усопшем.) И вот этот монах обращается ко мне и говорит, указывая на себя: «Как я счастлив! Я сейчас нечаянно попал к батюшке Иерониму. Отец игумен внес к нему чудотворную икону Божией Матери «Избавительница», и тут же вслед за ним и я вошел и принял от него благословение».

Этим он еще больше возбудил меня, как бы обличая мою мысль, с которой я боролся всю утреню. После этого прошло не больше как минут десять, смотрю – из середины Покровского храма проходит чрез этот же притвор довольно немалого роста Женщина, одетая в обширное розовое платье, кушаком подходящего цвета препоясана, на голове виднелась белая монашеская наметка, а за Ней следовал среднего роста монах в обычной своей черной одежде.

Когда они прошли, я спросил этого молодого монаха, видел ли он, Кто сейчас прошел мимо нас? Он ответил: «Иерусалимская Божия Матерь». Сделал малую паузу, потом прибавил: «Понесли к батюшке Иерониму». А когда я увидел эту Женщину, то пришел в такое смущение, что чуть не крикнул во всеуслышание: «Откуда здесь взялась женщина?!» Но, не знаю, почему-то удержался.

И так я оставался до конца утрени еще в большем смущении духа, недоумевая, что со мною случилось. Это было после 9-й песни канона. И по окончании утрени я все-таки исполнил свое желание: хотя и трудными путями, но вошел в келлию батюшки и взял от него благословение, поцеловал его руку. Он хотя сидел и слаб был, но в сознании».

В 2 часа дня снова заходил к нему отец игумен. Бывших в это время у духовника некоторых из братий попросил выйти из келлии, и, оставшись вдвоем, беседовали с полчаса. О чем была у них беседа – это осталось тайной. Потом братия начали приходить прощаться со старцем и уходили скорбные, печальные и в плачевном состоянии духа. Так продолжалось прощание братии с духовником до последней минуты его жизни.

Невыразимые терзания в животе усиливались. Опять позвали доктора. В это время отец Макарий вышел, чтобы написать телеграммы, просить святых молитв о выздоровлении старца, послать милостыню по монастырям. Тут прибегает келейник старца отец Филарет и поспешно докладывает: «Пожалуйте поскорее к батюшке. И добавил: «Кажется, нас батюшка оставляет».

И действительно, к исходу третьего часа приблизилась к концу и жизнь земная отца Иеронима. До последней смертной минуты был он в сознании, часто со слезами говорил: «Господи, помози мне, я от трудной телесной болезни изнемогаю, и силы мои душевные и телесные истощаются, и опасаясь, дабы не возроптать на свою нестерпимую болезнь и не погрешить в этом пред Тобою, Создателем моим».

В последние, предсмертные минуты говорил еще что-то, но весьма тихим шепотом, и трудно было понять. И только ясно сказал: «Слава Богу за все». Потом тихо начал склоняться на правую сторону и ровно в 3 часа дня (9 часов утра по-европейски) 14 ноября, лежа на руке отца Макария, с несколькими вздохами тихо и мирно преставился ко Пресвятой Троице Великий Старец, поучавший простыми своими внушениями и светлостью своего ума множество духовных чад своих, которых имел, помимо своей обители, почти пол-Афона.

Руководитель и управитель, духовный отец наш иеросхимонах Иероним лежал на руках плачущего и рыдающего отца игумена. И все присутствовавшие при этом братия предались неумолкающему плачу и рыданию об отце духовном и руководителе своем. В это время, по свидетельству некоторых из братии, было знамение Божие: огонь небесный и звезды дождем с неба падали. Дувший до того со страшной силой ветер вдруг стих, и тишина мертвая настала.

О кончине старца оповестили братию 12 ударами в большой колокол. В продолжение полутора часов братия прощались со старцем, лежащем на смертном одре. По окончании прощания усопшего сфотографировали.

В шестом часу дня начались приготовления по обычаю монашескому. Омывал тело старца сам отец игумен губкой с

теплой водой, но, без сомнения, омывал он не водой, а своими слезами. Облачал также отец игумен, и ему помогали казначей, лекарь и больничар. Вначале надели рубашку, прочее белье, чулочки и башмачки, потом подрясник, опоясали поясом, надели схиму, аналав, мантию, камилавку, наметку, епитрахиль, в руку вложили четки.

Лицо и руки оставили открытыми. По окончании опрятания тела последовала заупокойная лития, которую совершил отец игумен с некоторыми иеромонахами. Затем последовал вынос тела с плачевным, печальным, душетрогательным пением «Святый Боже» в Покровский собор.

В Покровском соборе обители назначено было над почившим отцом Иеронимом непрестанное чтение святого Евангелия. Народу было очень много: со всей Святой Горы стеклись иноки и пустынножители отдать последний долг своему наставнику, кормильцу и благодетелю, так что в это время их насчитывали в обители около тысячи человек. Собор был постоянно открыт, и люди днем и ночью входили в него, чтобы поклониться новопреставленному старцу и облобызать его хладную десницу.

Многие навзрыд плакали, вспоминая великую милость к ним и доброту старца. «Кто нас теперь накормит и оденет? – говорили иноки-сиромаси, толпясь вокруг мертвого тела старца. – Не стало нашего отца-кормильца, к которому всякий шел свободно со своей нуждой и всегда получал от него ее удовлетворение».

16 ноября, в субботу, было погребение старца. Накануне было совершено заупокойное всенощное бдение в Покровском соборе обители, где стояло тело. В день погребения Божественная литургия была совершена в соборе Святого Великомученика Пантелеимона митрополитом Пентапольским Нилом с большим собором священнослужителей, а в Покровском соборе – игуменом архимандритом Макарием, тоже со многими сослужащими. После запричастного стиха в Покровском соборе русский иеросхимонах Парфений, постриженник Руссика, потом бывший настоятелем Переяславского Макарьевского Полтавской епархии монастыря

в России, сказал красноречивое надгробное слово, в котором живо описал добродетели почившего старца и всю скорбь русских афонских иноков от его потери.

В это время братия начали прощаться с почившим своим духовником, поднялся плач и вопль, заглушивший слова проповедника и ясно свидетельствовавший, чем был для всех почивший. За братией пошли прощаться с телом старца и бывшие в обители мирские поклонники, в числе которых один одержимый припадками беснования начал сильно кричать и упираться, так что насильно был подведен и приложен к руке усопшего, после чего сразу успокоился и стал усердно молиться.

По окончании Божественной литургии в Покровском соборе была соборне совершена лития на вынос тела в нижний собор святого великомученика Пантелеимона, причем бесноватый опять начал неистово кричать, поминая некую Анастасию и укоряя ее, что его сюда пустила и что здесь его душат. Едва смогли его снова подвести к телу старца и приложить к его руке, после чего он опять успокоился, стал молиться и креститься, и когда понесли тело старца в нижний собор, то сопровождал его, придерживаясь за конец холста, на котором несли его иеромонахи.

В соборе Святого Великомученика Пантелеимона встретил шествие митрополит Нил с сослужащими, и началось отпевание, во время которого отец Макарий сказал трогательное слово, не раз прерывавшееся его слезами и ясно свидетельствовавшее, чем был почивший для него и что потеряли он и вся его святая обитель. Когда началось последнее целование усопшему, тогда плач и вопль так усилились, что покрыли собой церковное пение. В это время другой поклонник-мирянин, тоже одержимый беснованием, взвизгнул и начал метаться, но, приложенный к руке усопшего, успокоился. До 80 иеромонахов, 20 иеродиаконов участвовали в отпевании, которое вместе с литургией продолжалось около семи часов.

Положили тело отца Иеронима внутри монастыря, подле алтаря главного собора обители Святого Великомученика

Пантелеимона, в той самой могиле, где некогда погребено было тело архимандрита Герасима, и таким образом как бы соединили и по смерти неразлучных в жизни земной ктиторов, обновителей и благодетелей Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, столь много потрудившихся для его преуспеяния и духовного обновления.

Это исключение было сделано только для таких старцев, ибо на Святой Горе внутри обителей никто не погребается. Исключение также, что тело было положено в деревянный гроб, по-русски. Лицо почившего старца было весьма благолепно, на нем запечатлелась какая-то торжественность и спокойствие. В продолжение почти трех суток тело ничуть не изменилось, руки были мягки и белы, хотя тысячи неоднократно прикладывались к ним.

«Так было предано земле тело возлюбленного нашего старца и отца духовного, незабвенного батюшки отца Иеронима при всеобщем нашем и всех знавших его молитвенном желании блаженного наследия во Царствии Христовом и быть за нас ходатаем и споспешником спасения всех нас, духовных чад его.

Так закатилось солнце наше, согревавшее души, шествовавшие крестным путем к Солнцу правды, – не только души своих соотечественников, но и всех, к нему обращавшихся с нуждами своими духовными и телесными. Сокрылось сокровище наших сердец, которое произрастит из недр земли испрошенное им благословение от Престола Вышнего на всех нас и на святую обитель.

По некоторым проявлениям духовным как для некоторых из братьев, так и для посторонних читателей старца можно осмелиться думать, что почивший старец отец Иероним обрел дерзновение пред Господом», – такими словами отец Макарий закончил очерк последних дней своего дорогого отца и наставника.

Два случая с бесноватыми (один из которых кричал, что его душат), бывшие при отпевании отца Иеронима, весьма поразили всех, а через два месяца некая Лариса Турчанинова в письме на имя отца Макария сообщила не менее удивительную вещь.

«Еще нахожу нужным описать вам один случай. У меня часто гостит внучек мой Николай, шестилетний мальчик. Пока он дитя, но могу сказать, что он мальчик благодатный. Когда я получила письмо о кончине батюшки отца Иеронима, он по моему наставлению проходил по нем четочки. О бесноватых, которые кричали во время отпевания, у меня был помысл, что они утихли от усиленных молитв святых отцов, но никак не от батюшки отца Иеронима. Это я только думала. Но в ту же минуту подбегает внук, мальчик Николай, и говорит: «Иероним душил, бабушка!» Сказав это, опять убежал».

Накануне 20-го дня после смерти отца Иеронима было найдено второе его духовное завещание, которое было прочитано соборне после панихиды по нему в 20-й день его кончины. Вот это последнее трогательное слово старца, в котором излилась его любвеобильная и смиренномудрая душа.

«Возлюбленные мои отцы и братие! Я обращаюсь к вашей любви за молитвенною вашею помощью мне самому, так как приблизился конец моего жития с вами, и я теперь имею великую нужду в молитвенной вашей помощи мне, отходящему от вас в путь вечный и неведомый. Прошу вас: молитесь о оставлении многих моих грехов, да улучу от Бога милость. Помяните любовь мою к вам, ради которой я пренебрегал собственною моею пользой, но всегда искал только вашей пользы, всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам. Но вместе с тем иногда по ревности ко спасению вашему грешил я гневом, укорял вас, хотя и от чистой любви, желая спасения душам вашим. Но так как страсти незаметно примешиваются ко всякому доброму делу, то могло быть, что иногда кого-либо и неправильно оскорбил, или чрез меру кого укорял, или, как человек, кого-либо чем ненамеренно соблазнил. Потому прошу у всех вас прощения и усердных молитв ваших за меня, да безбедно пройду страшные мытарства злых духов. И я прощаю всех вас во всем, кто чем-либо меня оскорбил. Ах, отцы и братие мои! Воздайте мне вашими слезными молитвами к Богу за мою любовь к вам. Ибо вы все были в моем сердце, я обо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими

плакал. Вот приблизился ко мне тот страшный последний час смертный, который был и для святых страшен, а я, грешный, как не буду страшиться? Ибо сказано: *«Емуже дано будет много, много взыщется от него»* (Лк.12:48); боюсь суда Божия, братие, помогите мне вашими молитвами. Возболезнуйте о мне вашими сердцами и пролейте о мне слезы. Да не задержан буду на мытарствах, ибо и святые многие боялись смерти и просили других молиться о них. Вспомните предсмертное завещание святителя Митрофана Воронежского, как он усердно просил других молиться о нем, тем более мне, грешному, нужно просить всех моих отцов и братьев молиться о мне. Темже, отцы и братие мои, дорогие Христу, яко искупленные кровию Его, смиренно и усердно прошу вас: пролейте моления и слезы ваши пред Богом о любившем вас грешном вашем духовном отце, яко да обрящу милость на суде Божиим и сподоблюсь сопричислен быть к лику спасенных отцов и братьев наших. Поплачьте о мне, поплачьте это мне и вам будет во спасение и на вечную славу создавшего нас и спасшего неизреченным Своим смотрением Троиединого Бога нашего, Отца и Сына и Святого Духа, Которому да будет от всех нас всякая слава ныне и во веки веков. Аминь».

Эту мою хартию прошу прочитать пред погребением бренных моих останков. Духовник Иероним».

Плакал игумен Макарий, читая это завещание старца Иеронима, плакали братия, слушавшие это чтение, плакали пришедшие помолиться о упокоении души усопшего благодетеля бедные келлиоты и сирормахи – плакал Афон, расставаясь со своим великим подвижником и молитвенником. И радовались Небеса, встречая в светлые обители угодника Божьего, до конца исполнившего Заповеди Божьи и соблюдавшего свои монашеские обеты, радовался, встречая собрата, весь сонм афонских святых монахов, под Покровом Игуменнии горы Афонской молящийся за оставшуюся на земле братию Святой Горы – новый молитвенник и печальник афонского русского монашества вставал пред Престолом Божиим ходатайствовать за свою иноческую паству!

Глава 28. После расставания

После кончины духовника Иеронима игумен Макарий известил его сестру игумению Маргариту о смерти ее брата 14 ноября 1885 года, а та в ответ написала, что у них в обители в день его смерти видела монахиня во сне отца Иеронима в архиерейской мантии восходящим на небо.

Еще архимандрит Иоанн из Кесарии сообщил, что во сне видел отца Иеронима в раю.

После смерти старца Иеронима многие из братий видели его во сне, что он бодрствовал и предстательствовал пред Богом за собранную им в обители братию. «В 14-й день ноября мы еще ничего не знали о кончине батюшки. Одна из сестер видит во сне необыкновенной красоты местность: лес, сад и строение, как бы монастырь, и слышит трезвон во все самые большие колокола. Такого трезвона она не слыхала никогда. Удивляясь всей такой красоте и трезвону, она спрашивает, что это значит и кто трезвонит, и взглянула на небо, на воздух два монаха: один старичок, другой пониже его на воздухе же стоит. Молодой и говорит: «Разве ты не знаешь? Это отец Иероним так трезвонит». Тут она стала еще больше на него смотреть и просить молитв, а он с воздуха подает ей тоненький ремешок и приказывает трезвонить. «Я, – говорит, – батюшка, не умею». А он говорит: «Хоть в маленький трезвонь». Она стала трезвонить, испугалась и проснулась, потом опять заснула и опять то же видит и слышит, и батюшка необыкновенной красоты», – писала игумения Маргарита 29 ноября.

«Та сестра, которой я в прошлом моем к вам письме описывала сон, под 39-й день кончины батюшки отца Иеронима еще видела во сне следующее. Прилегла она и еще не успела уснуть, видит, как будто кто-то говорит в церкви: «Отец Иероним будет служить». И она очутилась в церкви. В ожидании служения видит там народу много, и более монашествующие. Вдруг открываются царские врата, и батюшка выходит, как бы в архиерейской мантии с золотым кадилом, взошел на амвон и говорит: «Блажен тот человек, который имеет сии три

добродетели: сострадание к страждущим, любовь к скорбящим и милосердие». Эти слова она хорошо запомнила, а дальше за толпой не разобрала, что он говорил. Потом он пошел кадить по всей церкви, всю церковь обошел, возвратился в алтарь; весь храм наполнился неизреченным благоуханием, и все ожидали, чтобы еще взглянуть на батюшку, но он уже не возвратился из алтаря. С тем и проснулась.

Батюшка во всей своей жизни был ко всем милостив, сострадателен и милосерд, то и по смерти поучает нас следовать его примеру. За святые его молитвы Господь по неизреченному Своему милосердию да спасет и наши души. Мы же молимся и будем молиться о упокоении его души со спасенными и избранными» – сообщает она в письме от 28 декабря.

А вот письмо с острова Патмоса от митрополита Пилусийского Амфилохия.

«Любезный мой брат духовник Никодим смиренно кланяется вам и просит святых молитв и просил меня написать вам, что и он видел во сне покойного батюшку таким образом. На праздник святителя Спиридона во время утрени, когда читали житие святого, он заснул в форме и видит, будто бы на незнакомом месте была одна хорошая келлия. И захотелось ему посмотреть, кто находится в такой хорошей келлии. Отворивши дверь, вошел внутрь и видит батюшку, сидящего в кресле, который тут же встал на ноги и принял его ласково, сказав по-гречески: «Я духовник Иероним». Отец Никодим спросил его: «Как пребываете, отче святой, на хорошем ли месте находитесь?» А батюшка отвечал: «Я хорошо пребываю, слава Богу нашему». И, обратившись к востоку, начал читать по-эллиински умиленную молитву ко Господу нашему Иисусу Христу, а Никодим со вниманием стоял и слушал молитву, а при конце молитвы кончилось и чтение жития святого».

Примечательно и письмо архимандрита Иоанна, грека из Каппадокии, от 6 июня 1889 года.

«Представилось мне, будто я отправился в один монастырь для поклонения святыне. Близ этого монастыря был сад, держимый с небес, и я вошел в этот сад, но как вошел, не

помню. Красота его была непостижима. Был он аршин 80 над землею и казалось более Святой Горы Афонской. Множество разных сортов фруктов, разные душистые травы и цветы, и все это находилось в одном и том же месте. На ветвях деревьев пели всякие птицы, соловьи. При корнях деревьев находились источники чистой и прозрачной воды. И все это представляло восхитительное и досточудное зрелище.

Среди сада было бесчисленное множество людей, из которых я узнал только одного духовника отца Иеронима, которому сделал метание и облобызал руку, не помня, что он умер. С ним мы ходили по саду и разговаривали. Между прочим он мне сказал: «Сорви с этого дерева яблоко и ешь». Я сорвал и положил к себе в карман. Во время прогулки я увидел там старца отца Нектария и облобызал его благословенные руки. Мы разговаривали с ним довольно времени, я был весьма рад, потом снова облобызал его руки и проснулся.

Жалея, что это был сон, я опять уснул и вижу: опять в том же месте сидят отец игумен и отец духовник. Лицо же отца игумена сияло как солнце, что я удивлялся, видя его в таком хорошем состоянии, зная, что он в это время был болен, как мне писали. Красота же, множество людей, пение птиц – изъяснить не могу, потому что это был настоящий рай».

Игумен Парфений (Заболоцкий) несколько раз видел в сонном видении усопшего отца Иеронима и получал от него наставления. Однажды, как бы находясь в церкви Александра Невского, он слышал голос: «Я дам ему (отцу Иерониму) место подле отца Серафима». Разумею, Саровского, – пишет отец Парфений. – Движимый какою-то силою, иду в алтарь и вижу отца Иеронима сидящим на удобном седалище с левой стороны у престола, как бы прислонившись к иконостасу спиной. Подошел я к нему и передал слышанное, как от Бога воздаяние ему. Он со смирением, тоже в благовидном состоянии сказал только: «Дай Бог». Тем кончилось. После этого тихо, мирно было на душе весь день.

Думаю, что этот день был последним в восхождении по мытарствам. Милостивое его сердце, выражавшееся в почти невероятной его щедродательности и в благопопечительности о

бедных, в заботливых трудах и деннонощных подвигах ко спасению ближних, его больше чем тридцатилетнее терпеливое перенесение неперестающих пяти болезней, не выказывавшихся, однако ж, при духовно-телесной его премной заботливости о пришедшей к нему и спасающейся с ним братии и расширявшейся при нем обители, должны своею благомощною силою покрыть невольные его погрешности, какие, может быть, могли случиться в полувековом почти монашеском его подвиге, загладить на мытарствах незначительные какие недочеты.

На 40 дней. В тонком сне, иначе сказать, в дремоте, представился мне большой воздухообразный, чисто убранный дом, как бы на Крумице, за виноградником, на площадке, где пруд. В нем находился, как в своем доме, батюшка отец Иероним. Вдали с южной стороны сидел в доме отец Анатолий, иеромонах, а в другом углу отец Григорий, протопсалт, я – к северу, вблизи батюшки, и еще какой-то из молодых, безбородых, белокурый лежал посредине дома на полу. Батюшка, лежа на так же чисто убранном одре, разрешал вопросы отца Анатолия. Помню, что тот спрашивал, можно ли верить снам, в которых читаются молитвы, положенные при совершении Елеосвящения. Батюшка, лежа, говорит, что есть в сих молитвах такие слова, которые бес не может говорить, но во всяком случае лучше быть осторожным. Я же при этом с укором отнесся к отцу Анатолию за то, что он не почтил батюшку своим присутствием при его погребении. Чем он мне отозвался, не помню».

Письмо из Нового Афона от схимонаха Савина о явлениях ему во сне отца Иеронима:

«Высокопреподобнейшему и всечестнейшему архимандриту отцу Макарию, заведующему святого великомученика Пантелеимона обителью, от ничтожного и грешного схимонаха Савина.

Благословите, всечестнейший отче, поведать Вам о явлении покойного иеросхимонаха Иеронима, пречестного нашего духовника, в сонном видении мне, грешному, не более двух недель до его смерти. Пришед ко мне в келлию в полном

облачении, благословил меня и сказал: «Ну, Савин, прощай, ухожу». – «Когда же увидимся?» «Да там увидимся». В ту же минуту я проснулся. И во время утрени объявил я игумену отцу Иерону. Между собою судили про сон, отец игумен сказал: «Должно быть, скоро помрет».

Второе. Когда еще не пришло известие [о смерти старца], мы слушали позднюю Литургию с отцом Варсонофием на хорах. Я пошел и показываю подаренную мне покойным его старую рясу; я нечаянно прорвал рукав и эту дырку показываю, в то же время говорю: «Видно, не много батюшке Иерониму жить». И я так сильно заплакал и не мог перестать. В тот же день вечером получили телеграмму нерадостную, недаром я проливал слезы о дорогом нашем наставнике иеросхимонахе отце Иерониме. Царствие ему Небесное. Горестно нам было слышать это известие. На панихиде молились и просили Царя Небесного и Царицу Небесную упокоить его, где веселятся праведники, в раю.

Третье. В третий день после панихиды вижу его во сне у меня в келлии, и дал мне книгу величиною с Псалтирь: «Вот, Савин, когда прочтешь, тогда ко мне придешь». Я отвечаю ему: «Да скоро ли ее прочтешь?» – «А тебе скоро хочется? Нельзя тебе скоро прочесть, ты занят работою». Потом вижу себя в церкви Симона Кананита, и батюшки оба со мною – отец Иероним и отец игумен Иерон в епитрахиях. Отец Иероним, указывая на утес, говорит: «Вот тебе работа: надо написать проповедь святых апостолов Симона Кананита и Андрея Первозванного». Я опять ему говорю: «А где я вас буду находить, здесь или на Афоне?» Он отвечал мне: «Тогда доведут». В ту же минуту очнулся и тоже объявил отцу игумену.

В-четвертых, будто я вошел в церковь Симона Кананита и вижу: из алтаря вышел покойный отец Иероним, зовет меня в алтарь; я вхожу, отец игумен Иерон стоит по правую сторону престола, оба в епитрахиях. Отец Иероним, указывая под престол: «Вот здесь похоронен апостол Симон Кананит, по левую сторону престола». Очнулся, также передал отцу игумену.

Пятое. Вижу отца Иеронима, пошел на новую постройку. Я ему говорю: «Что же не зашли, батюшка, или оттуда зайдете?» Он мне отвечает: «Нет, пройду в церковь Симона Кананита и к отцу Исайи». Я отвечаю: «Он здесь». – «Нет, он ушел». Я очнулся в церкви у заутрени, объявил отцу игумену.

Еще вижу себя на хорах, в Старом Афоне, в церкви Покрова, у батюшки в келлии, будто он меня исповедовал. Поклонился ему в ноги, хотел пойти. Он мне говорит: «На что ж утаиваешь мысленные два греха?» Я отвечаю: «Не помню, какие эти грехи». Он открыл книгу, из книги взял записочку не более вершка, подал мне; я взял – и вижу мои грехи, этому 20 лет, я о них не помнил. Он говорит: «Они малые, а на мытарствах остановят, особенно непокаянные».

Благодарю Господа и Пречистую Его Матерь Деву Марию, Царицу Небесную, нашу Ходатаицу, и покойного отца Иеронима за открытие грехов моих, ему Царствие Небесное дай Господи, а Вам, отец архимандрит Макарий, долгие лета дай Господи ради нас, грешных. Прошу Ваших святых молитв. Не оскорбитесь на меня, грешного Савина, что я осмелился Вам писать.

Еще прошу и умоляю Вас: желательно мне написать на стене в церкви у Симона Кананита, в высшем поясе, ваших трех Ангелов в рост человека, и для этого нужно (и на прочее не оставьте моей, грешного, просьбы), будьте так милостивы, утешьте: пришлите золота книжек десять или сколько Вам Господь благословит, да еще не будет ли милости: червонного хотя книжки три, не оставьте. Я, грешный, молюсь и прошу Господа и Царицу Небесную, чтобы поддержали Ваши силы на многие лета. Батюшка, не будет ли милости и желания посетить Новый Афон и нас, грешных? О, как бы мы возрадовались Вашему прибытию!

Кланяюсь и целую Ваши благословенные ручки и всем кланяюсь отцам иеросхимонахам и монахам. О себе благодарю Господа и Царицу Небесную и Вашими святыми молитвами живу, слава Богу, схимонах Савин, и надеюсь на Ваши святые молитвы. Буду с нетерпением ожидать ответа. 20 декабря 1885 года».

Вспоминает один монах:

«Приключилась у меня скорбь дня три, и в это время было бдение под трех святителей, а накануне этого дня я целый день починал магуну (лодку) на дожде, до того изнемог, что не мог идти на бдение, почему во время бдения лег спать.

Вдруг вижу сон, будто нахожусь в каком-то доме и вижу батюшку отца Иеронима, так умильно на меня смотревшего, в тонком подряснике без пояса и шапки, борода белая, светлая, и лицо приятное, ангельское, и давал наставление мне, только всего не припомню. И тут я сказал: «Напала на меня скорбь, как вы померли: я был должен пять лир и хотел ехать в мир зарабатывать долг». Он на меня взглянул с удивлением и печалию и сказал: «Напрасно себя мучаешь. Вы оставляете настоящее и к паутине прилепляетесь, лучше бы молиться Богу, и Господь промыслил бы Сам. Господь обо всех имеет попечение».

Я тут осмелился спросить его: «Помните, вы явились мне во сне после вашей смерти? Вы говорили, что были у Господа Саваофа». И он ответил: «Как же, помню». И я спросил: «Куда вас, батюшка, повели, когда вы померли?» Он сказал: «Меня взяли и повели на восток по воздуху, и тут встречали меня Ангелы различного цвета и посыпали под ноги цветы разные, с великим благоговением привели к сидящему на Престоле Господу Богу, перепоясанному два раза накрест, я и поклонился Ему, тут пропели бесчисленные силы Ангелов громогласную песнь новую, отчего руки и ноги у меня затряслись от страха, видя славу Божию.

Он отечески на меня взглянул и тут сказал мне по-русски и по-гречески, и эти слова относились как бы к похвале за труд для многих. И тут Господь сказал: «Поведите его по обителям Моим». Во время пути нам делали встречу». В великой радости я спросил батюшку: «Как там, в Царствии Божиим?» Он сказал: «Не можешь ты понять. Из этих мест повели меня во ад». И я спросил: «Где, батюшка, ад находится?» Он сказал: «Внутри земли, страшилище страшное».

Я тут поставил самовар, хотел его угостить и тут же пробудился и заплакал, очень жалко стало, что с батюшкой

расстался».

«В 1888 году, 30 декабря, представилось мне, что я стою в батюшкиной келлии, – вспоминает еще один свидетель, фотограф обители – и батюшка здесь же, но самого начала, как я очутился в ней и о чем вперед был разговор, не помню, только помню, я стал спрашивать батюшку Иеронима: «Вы с самого начала поселились в этой келлии?» «Да, – говорит, – с самого начала». – «Окна эти наглухо вы забили?» «Я», – говорит. Я говорю ему: «Это для того, чтоб меньше света было в келлии?» «Да, – говорит, – я так люблю. Когда нужно больше света, то дверь открываю». Я говорю ему: «Мне самому так нравится, меньше рассеянности». Он говорит: «Я свою келлию люблю. Где ни бываю, а все в свою келлию больше тянет». Я говорю: «А вот у меня в фотографии, батюшка, и не были». Он говорит: «А ты почему не пригласил? Я с любовью пошел бы!» Я говорю ему: «Мне очень желалось, чтоб вы посетили новую фотографию, да здоровье ваше очень слабое». «Пустяки, – говорит, – если б пригласил, я не посмотрел бы на здоровье».

Когда мы так разговаривали, в это время ему из внутренней двери как будто кто-то что-то сказал. Он оборотился ко мне и говорит: «Иди сюда к нам, закусишь с нами». Я взошел как будто со стеснением, но внутри чувствовал удовольствие. Потом он говорит: «Что ж, давайте садиться». И сейчас сам сел. Мне против себя показал место и говорит: «Садись». Я сел. Смотрю – по правую сторону от меня сидят три старичка в рясах и наметках. Двух из них я сейчас узнал, ибо в первый раз во сне с батюшкой их видел, а третий – новый и недавно как будто в монастыре живет.

Когда сели, батюшка берет что-то похожее на печенье, продолговатой формы, толще большого пальца, снаружи светло-желтоватое, а внутри – чрезвычайно белое и пушистое. Начинает ломать понемногу и дает первому от меня. Тот принял и сделал батюшке земной поклон, не вставая на ноги. Потом ломает другой кусочек, подает ему же, чтобы передал мне. Тот берет и подает мне, я же остановил его, говорю: «Постойте, надо сделать поклон батюшке».

И, приблизившись, поклонился, как и первый, и хотел поцеловать руку, а он обнял меня и стал крестообразно в плечи целовать, а я его, только с каким-то благоговением и как будто стеснялся несколько. Потом сбоку от меня сидевший тоже стал со мной в плечи целоваться, да никак не достает до плеч и говорит: «Какой-то ты недосягаемый, ты превзошел нас». Слова эти меня встревожили, чтобы не пострадать от высокоумия, и я мысленно обратился ко Господу и со слезами стал молиться: «Господи, сохрани меня от возношения и гордости».

После сего не помню уже, как все это кончилось. Сидели прямо на полу, который был чем-то застлан. Батюшка сидел к востоку спиной, с открытой головою, три монаха – спинами на полдень, а я – на запад спиной, лицом прямо к батюшке. Монахов этих забыл, а только они живы и находятся в монастыре. Не помню, был ли еще кто в это время в келлии. Пока это продолжалось, на сердце было очень приятно».

Иеромонах Поликарп видел во сне отца Иеронима в 1888 году, в октябре, за неделю до крушения царского поезда на станции Борки. Отец Иероним стоял около входа в Пантелеимоновский собор и манил к себе рукой сего иеромонаха Поликарпа, и когда тот подошел, то сказал ему: «Почему вы не молитесь за царя (Александра III)?» Иеромонах Поликарп ответил ему, что в церкви постоянно читается за царя молитва на Литургии. «Но почему не читают на Крумице? Скажи, чтобы читали и там. Да пусть братия и по келлиям молятся, ибо такого царя не будет».

Когда получена чрез неделю после сего телеграмма, что Господь спас царя и все семейство чудным образом, то игумен Макарий пред молебном, после соборной Литургии, вышел на амвон и прочел сию телеграмму, сказал же и видение иеромонаха Поликарпа, чтобы по келлиям молились за царя, как приказал отец Иероним. На Крумице по справке действительно оказалось, что молитву за царя не читали».

Один из братии неоднократно видел во сне отца Иеронима в сильных безнадежных своих болезнях и трудных обстоятельствах, и после получения от отца Иеронима благословения болезни проходили и трудные обстоятельства

изменялись в благоприятные, как бы их не бывало вовсе. Однажды он сильно заболел и вот видит во сне – входит к нему отец Иероним, а за ним и отец Макарий, оба его благословили, и он тотчас стал поправляться, а вскоре и совсем выздоровел. Этот случай потряс все братство.

За три дня до кончины отца Макария монах Исаак видел во сне, что отец Макарий служил в Успенской церкви, а он читал часы, и когда читал тропарь дневному святому, то вдруг подошел к нему отец Иероним и велит читать тропарь Успению Божией Матери, но отец Исаак говорит: «Полагается святому». Отец Иероним опять настаивает, чтобы успенский тропарь читал, тогда отец Исаак как бы с недовольствием сказал: «Батюшка, да разве я не знаю, что надо читать?» И отец Иероним стал невидим. Через три дня действительно, отец Макарий последнюю литургию прослужил в сей Успенской церкви и не успел еще разоблачиться за благодарными молитвами после причащения, потерял сознание и уснул вечным сном.

«Отец Иероним скончался в 1885 году, ноября 14-го, а отец Макарий умер 1889 года, июня 19-го. Так вот, за неделю до его кончины видел один иеромонах таковой сон. Ему представилось, что отец Иероним стоял и молился, тут же стоял великий столп. Смотревший же иеромонах тоже поднялся до уровня столпа, и тогда отец Иероним кончил молитву, иеромонах спросил его, о чем он так усердно молился.

«Да вот просил Господа, чтобы столп этот не упал», – ответил отец Иероним. «И что же вы получили в ответ?» – «Нет, пусть накажутся». И с сим словом столп рухнул на весь монастырь с сильным треском и громом, так что кирпичи валялись по всему монастырю. Столп этот был отец Макарий, который вскоре и скончался. И действительно, смерть его была преждевременной и наказанием обители» – записано в воспоминаниях братии.

Отец Иероним перед смертью завещал не откапывать его пять лет. Почему он так пожелал, осталось тайной, что дало повод ко многим догадкам тогда (в дневниках отца Владимира 1890-х годов есть запись, что прозорливый отец Мелхиседек с

Фиваиды говорил, что старцы не свободны, пока живы бунтовщики, изгнанные в 1875 году).

При жизни отец Иероним сказал, что ему придется после смерти пострадать лет десять не столько за себя, сколько за других. Перед смертью, терпя страшные, болезненные мучения, он говорил: «Вероятно, диавол выпросил у Бога такие мне болезни за мои грехи и за чужие», а в завещании убедительно просил молиться за него.

Отец Макарий, вероятно, провидел, что после смерти старца не проживет пяти лет. За год до своей кончины он приготовил себе могилу у стены Пантелеимоновского собора с южной стороны, против клироса, так как игуменская могила, находившаяся рядом, у алтаря, была еще занята останками отца Иеронима.

19 июня 1890 года, в день годовщины смерти отца Макария, был совершен умильный обряд открытия по обычаю Святой Горы костей иеросхимонаха Иеронима и иеродиакона Илариона (скончавшегося в 1886 году). Это торжество возглавил находившийся на покое на Святой Горе бывший Вселенский Патриарх Иоаким III.

По захождении солнца началось всенощное бдение. В Пантелеимоновском соборе, где присутствовал и Святейший Патриарх, служба была положена дневному святому – апостолу Иуде, брату Господню, а в соборе Покрова Пресвятой Богородицы совершалась служба заупокойная за трех старцев: отца Макария, отца Иеронима и отца Илариона – с прибавлением общей службы преподобным отцам Макарию Великому, Иерониму Стридонскому и Илариону Великому, чьи имена носили почившие старцы. Божественная литургия совершалась соборне в обоих храмах.

Святейший Патриарх служил в соборе Святого Пантелеимона. На великом входе при принятии Святых Даров патриарх преклонил колена и помянул почивших старцев. После Литургии совершена была панихида, в конце которой его святейшество со всем собором священнослужителей вышли на могилу отца архимандрита Макария. На могиле этой стояли две кошницы с костями старцев отца Иеронима и отца Илариона,

еще накануне вынутыми из земли и обмытыми церковным вином. Святейший Патриарх преклонил колена и с заметным умилением прочитал молитву за усопших, после чего греками и русскими пропета была «Вечная память». И тем закончилось богослужение этого знаменательного дня» – по краткому сообщению «Душеполезного собеседника».

Эпилог от составителя

Перед началом работы по составлению сего житийного описания подвигов и трудов Великого русского афонского старца-духовника Иеронима, понимая собственную немощь и желая заручиться благодатной поддержкой самого Батюшки Иеронима в предстоящем труде, мы решились испросить благословение священноначалия Свято-Пантелеимонова монастыря на сугубую молитву перед честными главами преподобных старцев Иеронима и Макария о их помощи и укреплении в начале ответственного и духовного по своей природе труда. Милостью Божьей мы получили благословение и были допущены в место хранения четных глав досточтимых старцев.

Какова же была наша радость и сердечное умиление, когда Господь сподобил нас лицезреть медово-восковые честные главы – так и хочется сказать «святые мощи» – всех упомянутых в этой работе старцев, чьими трудами промысел Божий привел русский монастырь из крайнего упадка в состояние великой мощи и славы, и чьими молитвами, проведя через все опустошительные бури двадцатого века, ныне вновь воссоздает условия для полноценной монашеской подвижнической жизни – схиигумена Саввы, старца игумена Герасима и его соратника и сомолитвенника в любви к русской братии схииеродиакона Иллариона, преподобных наших старцев Иеронима и Макария, и темно-воскового цвета главу вдохновенного описателя афонской жизни – «Святогорца» – иеросхимонаха Сергия (Веснина). Стоя на коленях перед главами этих великих духом сосудов благодати Божьей, верно послуживших Господу и внесших огромный вклад в сокровищницу вселенского православного монашества, ощущая благоговейный трепет от осознания того, перед кем ты имеешь счастье благодарно преклонить колена, в душе и сознании возникали только самые простые и безыскусные слова – Преподобные Отцы наши Савво, Герасиме, Илларионе, Иерониме, Макарие и Сергие, молитесь Бога о нас!

Святая Гора Афон. Русский Свято-Пантелеимонов
монастырь. 09.10.2013.

Творения отца Иеронима

Духовное завещание Отца Иеронима 1882 года

«Во имя Пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Прошу и молю отцов и братий моих обратить внимание ваше на мою последнюю предсмертную просьбу, соединенную с великим моим желанием утверждения навеки общего нашего спасения, заключающегося в благоугождении Богу сохранением совершенного общежития, устроенного старцами в нашей обители по правилам богоносных наших отцов. Так как конец жизни моей приближается с вами к разлучению и отходу моему в вечность, потому, внявши совету отцов, я счел за душеполезное дело как для братий наших, так и для меня самого, чтобы написать вам, отцам и братьям моим, своеручно последнее мое писание и заявить вам предсмертное мое желание и смиренное мое старческое прошение, которое состоит в том: так как Божественно-отеческий Промысл Божий благоволил для славы Своей собрать вас из разных племен великое число: русских, греков, болгар и других – в эту святую обитель, которую соблаговолил Он прославить и во всем благоустроить в евангельском духе строгого общежития, в боголюбезном братолюбии разных племен, то для такого благоугодного Ему жития Он, как Бог чудес, прославляющийся оными во святых Своих, благоволил для славы Своей и утешения Православной Церкви Своей, вместе и обители нашей, явить чрез Пресвятую Божию Матерь и святого Пантелеимона многие чудеса, которые были причиною скорого увеличения нашей обители и ее прославления, что положило прочное основание к обеспечению обители и в вещественном потребном к безбедному ее существованию на будущее время.

Вам известно, как долго испытывал Господь обитель нашу великою бедностью и даже тяжкими долгами, ибо до Крымской войны обитель наша не имела состояния раздавать милостыню бедным, но когда в то бедственное время обитель наша с полным самоотвержением решила поделиться с голодавшими сиротами последним своим хлебом, то с того времени замечено было, что из всех стран России начала присылаться в

обитель изобильная милостыня, при помощи которой в то бедственное время обитель наша не имела нужды в содержании, но еще многих бедных пропитывала. Столь боголюбезна добродетель общения и благотворения.

Но не за это, собственно, Господь ущедрил обитель нашу, а за понуждение ее ко исполнению обетов монашеских общежительных, приносящих Богу ежедневно и ежечасно плоды духовные. Эта истина для вас очевидная. Еще многие из вас живы, которые видели и помнят то время, когда обитель наша была малочисленна и очень бедна, во всем имела нужду, даже и одних процентов за долги не имела чем уплачивать, но еще увеличивала оные постоянными займами. Но при всей своей бедности обитель не унывала, не падала духом, но веровала и уповала, что за исполнение заповедей Божиих общежительных она оставлена Богом не будет в нищете на долгое время, и действительно она постоянно увеличивалась и устраивалась как духовно, так и вещественно, исполняя строго богоучрежденный ее устав.

Ибо, чем более увеличивались в обители плоды духовные, как-то: братолюбие, воздержание, частая исповедь и приобщение Святых Таин, смирение и послушание, понуждение ко бдениям и прочим добродетелям, тем более Бог посылал обители щедроты Свои духовные и телесные. Даже многократно Господь чудесно избавлял обитель нашу от великих и страшных бед. А все это даровано было Богом обители за сохранение ею совершенного общежития. А так как все это было при вас, отцы, потому я выше и сказал, что эта истина есть для вас очевидная.

Так, боголюбезные отцы и братия мои, избранники Божии, получивши от Бога такие благодатные задатки и указания к благоугождению Ему в святом, то есть в совершенном и чистом общежитии, понудим же себя и впредь навсегда ко исполнению и сохранению положенного и уже устроенного Богом в нашей обители общежительного устава, которым путеводились и спасались святые наши отцы. Сей святой устав учрежден весь на основании святого Евангелия богоносными отцами, а наиболее святителем Василием Великим. История показывает, что исполнение сего общежительного устава древними

монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо таким образом они увеличивали славу Православия и поддерживали честь и хвалу монашества, обеспечивали тем долготелее свое существование.

Даже и в настоящее время видим, что которая обитель исполняет этот устав, та находится в хорошем благоустроении и во славе и чести для всего монашества. Напротив того, видим, что которые монастыри оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельную монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества, а многие из них и вовсе уничтожились. И так история и очевидные примеры показывают нам опытный урок тот, что одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира. Это средство есть исполнение богоустроенного ее устава. Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее от всех страстных тревожений и конечного ее разрушения до конца мира.

А одно обеспечение вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающий ваш духовный отец, вседушевно желающий обители нашей и впредь находиться во благоустроении истинного общежития, прошу и умоляю вас, отцы мои и братия, хранить богодарованный вам великий дар чистого общежития, не нарушать его ничем, но наипаче ревнуйте вообще все поддерживать его всеми вашими силами, ибо в настоящее время чистое общежитие есть уже большая редкость.

Паче всего храните старчество, ибо оно устроено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа. Без старчества совершенное общежитие не может быть, потому что многоначалие своими разделениями на партии всегда расстраивает общежитие. Особые дружества и партии смотрят только свою пользу, а не общую, потому они и за грех не считают великий грех святотатства и похищение монастырских достояний, пренебрегая страшным примером суда Божия, при апостолах бывшего над Ананией за нарушение общежития.

Прошу не внимать возгласам зараженных современным духом неверия и расслабления, которые в братстве проводят такие мысли, что-де в настоящее время люди стали слабы и немощны, а потому и правила святителя Василия теперь уже не современны.

Если этой лжи поверить, в таком случае и само святое Евангелие также будет уже не современно, потому что правила общежития утверждаются на основании святого Евангелия, которого одна черта или иота не изменяется. А посему так говорящие показывают свое неведение христианской истории, потому что и в те времена, когда жили составители сего устава, много было таковых же маловеров и расслабленных ложных монахов, которые то же говорили, но таковых святые отцы советуют нам не называть даже и монахами и жилища их не называть монастырями.

А потому, отцы и братия мои, вы, как избранники Божии, сохраняющие святой устав совершенного общежития, ревнуйте о славе Божией и всеми вашими силами единодушно старайтесь не допускать в общежитии никаких разделений братства на партии, как подрывающие основание общежития, но смотреть на общежитие как на Церковь Христову, имеющую единую главу Христа, ибо в лице Его в общежитии поставлен от Него игумен, которому по правилам святых отцов братство должно повиноваться, как Самому Иисусу Христу, и во всем ему доверять. В общежитии он есть и главный духовный отец, потому надобно все делать с вопросом и советом его, ничего не утаивать от него, ибо такая есть воля Божия в общежитии.

Вот, боголюбезные отцы мои и братия, последнее мое желание: чтобы вы в любви, в единодушии и единомыслии твердо держали общежитие и, с усердием исполняя все правила его, спасались бы все и тем прославляли бы Бога, особенно благоприятным Ему поминовением имен благодетелей обители, записанных в синодики для вечного их поминовения.

Они с христианскою верою это делали, уповая, что обитель исполнит святое свое обязательство, то есть будет постоянно поминать до скончания мира все те имена, за которые дана ими

обители святая их жертва, послужившая большою помощью не только к построению великих зданий монастыря, к увеличению его и содержанию, но еще и к обеспечению для потомства имен жертвователей, записанных для вечного поминовения их, дабы потомки наши не имели причины порицать нас в том, что мы оставили им имена для вечного поминовения без обеспечения.

Богоспросвещенное общество наше знает, что исполнение этой святой обязанности есть один великий дар или луч из тех лучей света, который просвещается в обители пред человеки, прославляющими за то Бога, ибо для сего вы и призваны Им в сию святую обитель, что и мне, грешному советнику вашему, сотворит вечную пользу; еже и да будет благодатию Божиею, молитвами Пресвятыя Богородицы и святого Пантелеимона, Которых и молю о продолжении покровительства Их обители и сохранении святого общежительного совершенного устава до скончания мира.

При сем и остаюсь, отходящий в вечность, алчущий и жаждущий исполнения вами при помощи благодати предсмертного моего желания, преданного мною вам на сей хартии, писанного мною своеручно во славу Божию и спасение душам вашим.

Ваш духовный отец недостойный иеросхимонах Иероним.
1882 года, апреля».

«Все сказанное старцем и отцом нашим духовным принимаем с сыновнею любовью и покорностию, сознавая истину и высокое значение сего завещания, с желанием, уповая на всесильную помощь Божию, выполнять его в точности и с несомненною верою, что в этой последней воле отца нашего духовного есть воля Отца Небесного.

Игумен Русского святого великомученика и целителя Пантелеимона монастыря архимандрит Макарий.

Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря иеросхимонах Иерон». (Далее следуют 88 подписей старших братьев).

Духовное завещание отца Иеронима 1885 года

в Бозе почившего отца духовника иеросхимонаха Иеронима, собственноручно им написанное

Возлюбленные мои отцы и братья! Я обращаюсь к вашей любви за молитвенною вашею помощью мне самому, так как приблизился конец моего жития с вами, и я теперь имею великую нужду в молитвенной вашей помощи мне, отходящему от вас в путь вечный и неведомый. Прошу вас: молитесь об оставлении многих моих грехов, да будет мне от Бога милость. Помяните любовь мою к вам, ради которой я пренебрегал собственною моею пользою, но всегда искал только вашей пользы, всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам. Но, вместе с тем, иногда по ревности к спасению вашему грешил я гневом, укорял вас, хотя и от чистой любви, желая спасения душам вашим. Но так как страсти незаметно примешиваются ко всякому доброму делу, то могло быть, что иногда кто-либо несправедливо из-за меня скорбел, или я через меру кого-либо укорял, или, как человек, кого-либо чем-то ненамеренно ввел в соблазн. Потому прошу у всех вас прощения и усердных молитв ваших за меня, да безбедно пройду страшные мытарства злых духов. И я прощаю всех вас во всем, из-за чего я скорбел. Ах, отцы и братья мои! Воздайте мне вашими слезными молитвами к Богу за мою любовь к вам. Ибо вы все были в моем сердце, я обо всем вам соболезнавал, со скорбящим скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал. Вот приблизился ко мне тот страшный последний час смертный, который был и для святых страшен, а я, грешный, как не буду страшиться? Ибо сказано: «Емуже дано будет много, много взыщется от него» (Лк.12:48). Боюсь суда Божия, братья, помогите мне вашими молитвами. Соболезнуйте мне вашими сердцами и пролейте по мне слезы, да не задержан буду на мытарствах, ибо и святые многие боялись смерти и просили других молиться о них. Вспомните предсмертное завещание святителя Митрофана Воронежского, как он усердно просил других молиться о нем, тем более мне,

грешному, нужно просить всех моих отцов и братьев молиться обо мне. Потому, отцы и братья мои, дорогие Христу, поскольку искупленные кровью Его, смиренно и усердно прошу вас: помолитесь и пролейте слезы ваши пред Богом о любившем вас грешном вашем духовном отце, и да обрету я милость на суде Божиим и да сподоблюсь быть причисленным к лику спасенных отцов и братьев наших. Поплачьте обо мне, поплачьте – это мне и вам будет во спасение и на вечную славу создавшего нас и спасшего неизреченным Своим смотрением Троидного Бога нашего, Отца и Сына и Святого Духа, Которому да будет от всех нас всякая слава ныне и во веки веков. Аминь.

Эту мою хартию прошу прочитать пред погребением бренных моих останков. Духовник Иероним. 1885 год.

Разные слова отца Иеронима

Слово (первое) о святой Четыредесятнице

Боголюбивые отцы и братья!

С помощью Божией мы сподобились и в нынешнем году достигнуть святых дней Четыредесятницы. Все Богоносные отцы единогласно проповедуют, что если и все дни года нам даны для угождения Господу, то святая Четыредесятница должна посвящаться преимущественно Ему, Всеблатому Промыслителю нашему, искоренением наших немощей и недостатков, вольных и невольных грехопадений наших в течение года случившихся. Да, возлюбленные о Господе отцы и братья, много было читано вам из книг отеческого писания в предпоследние дни пред святою Четыредесятницею. При помощи Божией, некоторые воспользовались чтением и потрудились всмотреться в свои недостатки и заявить их на исповеди с намерением исправить покаянием и возможным воздержанием от них.

Другие с рассеянием слушали, иные без внимания, а к несчастью, нашлись и такие, которые с глумлением беседовали о предложении такого чтения. Конечно, у таковых кроме глумления ничего и не останется, они только смотрят достигнуть исполнения своих привычек и страстей, а иногда и к великой скорби.

Неоднократно уже замечено вам, отцы и братья, чтобы вы довольствовались благословенными пищей и питием. Но некоторые из братии не обращают внимания, другие же увлекаются их примером, позволяют себе доставить себе греховным образом спиртные напитки и яства. Но этого не довольно. Они стараются снабдить других и подать пример распушенности, угощая их в келье или снабжая их, да еще и с запрещением говорить на исповеди о своем греховном поведении, отчего совестью угрызаемый человек, хранящий ее, мучается, смущается и, конечно, если внимает гласу Истины, открывается с необыкновенною боязнью, не о том более, что погрешил, а о том, как бы не узнал совративший его, и о том, как бы не прекратилось бы добываемое. Так, по несчастью, иногда и человек с добрым настроением портит себя, а иногда и

другим подает дурной пример расслабления. Отцы и братья, поступающие так, да убойтесь правосудия Божия. Помните, что вы оскорбляете Величие Божие, нарушаете обеты ваши и тем причиняете крайний ущерб спасению вашему, а также скорбь нам и спасающимся. Вспомните, для того ли мы оставили мир с его соблазнами, оставили отечество и все близкое сердцу нашему, чтобы глубже погрязнуть в исполнении беззаконных привычек наших. В Писании сказано: *«Лучше бы не обещаться, нежели обещавшуся не отдати»* (Еккл.5:4). Скажите, кому нужно спасение наше, не нам ли самим? Сами об этом немало печемся. Допустим, что слова мои ничтожны, но помните, ведь я не от себя беру, неужели Священное и Отческое Писания только говорят для слуха, а не для выполнения? Отцы и братья, прошу и молю вас, трудитесь для своего спасения. Исповедайте все ваши вышесказанные недостатки и тогда только по благословению духовника приобщайтесь Святых Таин, но чтобы не повторять свои беззаконные привычки. Повторю, если кто будет иметь хотя бы немного денег, или каплю ракии или вина, одним словом, горячительных напитков, а также запрещенных продуктов, да не дерзнет приступить к Божественному Причащению, а равно и те, кто разделяет это с ними, и тем более, кто это доставляет. Помните, что братья наши миряне большую беду несли ради пользы ближнего, каких лишений они ни терпели, а мы-то, собственно, для спасения своего не хотим позаботиться об искоренении беззаконной привычки и о том, как угождать Господу. Помните, что мы говорили, какие обеты давали при пострижении? *«Алкати и жаждати имамы, нагствовать, уничижитися и многим скорбными отяготися»*, а мы ничего подобного почти еще и не испытали. Повторяю, ходите благочинно во Святой Храм, в трапезу, исполняйте каждый кто куда поставлен на послушание, держите себя благочинно в церкви, в трапезе, не увлекайтесь разговорами, не озирайтесь по сторонам, не кощунствуйте, после повечерия по коридорам не собирайтесь, а равно и по кельям один к другому не ходите, не угощайтесь и не празднословьте, не оскверняйте вашего языка срамными изречениями, не ходите без благословения в кельи и не глумитесь там как на день Прощеного Воскресения.

Монахи-братья не послушали оглашения преподобного отца нашего Феодора Студита, говорившего: «Аще кто дерзнет играти в сей святой день, то да не возьмет антидора во всю Четыредесятницу и да не причастится и на самую Святую Пасху»; или указывает на евреев, когда они ели и пили, потом начали скакать и играть, как их постиг суд – внезапная смерть. И это слово вас не тронуло, играющие и борющиеся, все вы от первого до последнего – без объяснения сегодня не дерзайте приступить к Божественному Причащению. Вы знаете лучше меня, где и как кто боролся, кто толкался, кто грохотал на всю окрестность от этой забавы.

Простите, отцы и братья, быть может, многим не понравится сказанное мною, но нужда моего и вашего спасения заставляет меня обращаться к вам с увещеванием. Бог же Мира и Любви да дарует вам исправление и попечение о душах ваших.

Слово (второе) о святой Четыредесятнице

Возлюбленные о Господе братья! Человеколюбие Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа вновь сподобило нас в нынешнем году встретить Святую Четыредесятницу, седмицу которой благодатью Его мы препроводили, в продолжение коей вам была предложена богатая трапеза для пищи душ ваших. Со вниманием разбирайте вкус этой духовной пищи к спасению вашему и следите в продолжение года, какой недостаток вами замечен. Быть может, немало найдутся из братии таких, которые скажут: «Да мы еще не начинали того, что читалось». По невниманию, если так и случилось, то, по крайней мере, теперь начнем делать то, зачем мы вступили в святую обитель, то есть дело спасения нашего. Исправим свои недостатки и будем внимательны своему спасению, и пусть совершится по силе нашей течение святой Четыредесятницы, да сподобимся достойно облобызать святыя язвы Христовы, воспринятые ради нашего спасения, и поклониться Воскресшему Господу, принося ему не миро и ароматы, а благоухание ваших добрых дел, которые создаются из послушания, терпения, соблюдения себя от скверных помыслов и гнусного тщеславия или ограждения себя от них молитвою Иисусовой, которая и всегда должна быть нам присуща, избегать празднословия, а тем более осуждения ближнего, избегая посещать кельи, ибо это не приносит нам ничего. Старайтесь не лениться и спешить к Богослужению церковному. Внимая чтимому, вы обретете драгоценный залог любви к Господу, а так как по милости Божией вы часто сподобляетесь приобщаться Святым Божественным Животворящим Христовым Таин, то каждый да помнит, к чему приступает. Церковь устами нашими вопиет: ...

Слово о необходимости посещения Церковного богослужения

Отцы и братья!

Начиная беседовать с вами, приглашаю вас выслушать слова внимательно и предлагать свои мысли, обсуждая их между братией. Как прежде я упоминал, так и теперь вам говорю об очищении своей совести. В продолжение этого времени вы могли слышать, как преподобный Феодор Студит, будучи настоятелем в такой огромной обители среди города, почти в каждом своем слове напоминает своему братству об исповеди. Так и другие Богоносные отцы внушали своему братству; из бесчисленных свидетельств упоминаем только видение преподобного Макария: как ненавистник рода человеческого радуется, когда мы скрываем свои помыслы от духовных отцов, и в какой опасности находится наше духовное здоровье. К этому нелишним считаю напомнить вам вот о чем. Вероятно, многие из вас видели в других обителях на стенах церковных изображения духовного отца с исповедующимся. Как враг препятствует исповеди, и как потом следует извержение гадов из уст. Изображение само собой аллегорическое, образное, но на самом деле грехи и страсти наши таковые есть. Они терзают и мучат нас, пока не подчинят нас себе. Потому враг и не дает высказать во всей наготе своих немощей, потому и необходимо каждому из нас, вступающих в монашескую жизнь и ведущих ее, читать книги отеческого писания, из которых ясно можно видеть, в каком состоянии находились те, кто искренно приносил исповедь, и кто избегал ее. И вот Святая Церковь, приготавливая нас к торжественному празднованию Рождества Христова, в одном из трипеснцев приглашает своих чад приступить ко Христу, исповеданием очистившись. Следовательно, к встрече такого великого праздника Святая Церковь, сердобольная мать, желает видеть своих чад очищенными. Впрочем, скажу, что, при помощи благодати Божией, каждый из вас знает правило нашей обители –

необходимость очищения совести истинным откровением своих помыслов пред отцом духовным.

Теперь еще одно нахожу необходимым вам напомнить, отцы и братья, о внимательном хождении на службы церковные, о чем богоносные отцы повелевают строго наблюдать за вверенным им братством, чтобы церковные службы неуклонно посещались и выслушивались братией. В номоканоне говорится, что кто не выслушивает пения, тот считается для того дня мертвым. Это, конечно, так! Если человек не имеет молитвенного общения с Богом – он мертв душою. Это самое изречение заставило меня напомнить вам об общей нашей обязанности: по свидетельству богоносных отец, чтобы мы слышали иерея, благословляющего Господа: «Благословен Бог наш...» и исходили из церкви со словом «Аминь». К сожалению, некоторые из братии очень небрежно относятся к церковному Богослужению, и когда будильщик обходит кельи, многие из братии вынимают ключи или вовсе запираются изнутри, будто они ушли, или, отвечая «Аминь», снова ложатся, даже по тоекратном обхождении будильщика остаются в кельи, или для видимости появляются в церкви и опять уходят. Вопрос: для кого же это? Обманывать самому себя и проходить ложный путь. Да, мы можем не узнать об этом и оставить без замечания, иногда, собственно, по своей лени, а иногда и по своему характеру находящихся, а между тем время течет, и приближается ко гробу. Какой же ответ будет пред Всевидящим оком? Ведь от Оного не укроешься, а на исповеди некоторые и не думают об этом говорить, или объясняют едва внятно. Внимайте, отцы и братья, своему спасению, для которого путь вы сами избрали, чтобы нам не остаться только в позванных, от чего да сохранит нас Господь. Стоя же на службе церковной, нужно следить и за порядком, и внимать чтению и пению. Да не будем подобны тому, как поется в октоихах: *«Множицею пение совершая, обретохся грех скончая, языком убо пение вещая, душею же безместная помышляя»* (Октоих 3 гл). Стоять и садиться своевременно, а не так, как кому вздумается, или выходить из церкви, что и вовсе воспрещается кроме крайней нужды. А некоторые из вас выходят из церкви ради одного

только празднословия, а об оном и вне службы Сам Господь наш Иисус Христос говорит, что *«всякое праздное слово да не исходит из уст ваших, а за всякое праздное слово издадите ответ»* (ср.: Еф.4:29, Мф.12:36), – это глаголют Его пречистые уста. Прежде окончания службы не выходить. Некоторые из братии, прежде жившие и теперь, потерпели напасти всяческие за это. Идя на Божественную литургию, не любопытствуйте узнавать, где какой иеромонах служит, где скорее начинают и поспешнее служат, спросите сами себя, братья: *«К чему это?»* Что нас такое ожидает необходимое, чтобы после службы заняться празднословием и пересудами и совместным чаепитием, тогда как в это время нужно бы что-нибудь почитать или отдохнуть, чтобы бодрее заняться послушанием во время дня. Так же и пред повечерием не внимают колоколу, остаются или вне монастыря, или по кельям и идут точно как подневольные. Каждый из таковых знает свою немощь. Также после повечерия каждый должен идти в свою келью, заняться или молитвою, или чтением, а немощные успокоением, чтобы услышать звон на канон; дерзновенные говорят, что *«мы прочитаем повечерие после»*. Знайте, отцы и братья, эти исключения делаются только по благословию тем братьям, которые занимаются особым поручением и не успевают быть в церкви. Те не имеют за это греха. Простите меня, отцы и братья, что я весьма редко напоминаю вам обязанности ваши, боюсь строгого ответа пред Всевидящим Судиею за небрежения. Мы должны друг другу помогать, и Вы должны быть внимательны к вашим обязанностям, исполнением которых умиловите Господа. Так как теперь наступает праздник Рождества Христова, то кто преуспел в течение поста предуготовить себя к достойной встрече этого великого праздника, тот, конечно, будет праздновать истинную тридневную Пасху. Но мы, немощные, несколько дней во время поста ограничивались безелейной пищей, а себя постарались ли очистить воздержанием от страстей и привычек? По малой нашей ревности о Боге, хотя не успели этого сделать, то хотя бы теперь постараемся укрепить себя в нерадении и внимать церковному песнопению и чтению о величестве таинства воплощения Христова. Этим вниманием и

самоукорением мы можем приблизить себя Возлегшему в ясли и Смирившемуся до раба. Он же примет в Свои объятия всякого грядущего к Нему. Постараемся и мы со своей стороны достойно нашего звания ходить, поучаясь в чтении и размышлении о величестве таинства, и благодарить за ниспосылаемые дары как обители нашей, так и каждому из нас, и все случающееся с нами претерпим с благодарностью ко Господу, вспоминая, что мы имеем всякое довольство, а христиане в отечестве нашем так и здесь, в окружности нас, терпят недостатки даже в хлебе, и с благодарностью принимают из обители какой-нибудь сухарь. Тем более нам нужно, если встретится какой-нибудь недостаток, не роптать, а благодарить Господа, Коего благодать всеобъемлющая, да укрепит вас ко исполнению заповедей Божиих и да сподобит Небесной Своей Славы.

Слово о терпеливом перенесении клеветы и искушения

Отцы и братья!

Помощью благодати Божией и заступлением Царицы Небесной, мы проводили несколько месяцев спокойно, хотя время от времени беспокоят нас разные посещения, возбуждаемые нашими недоброжелателями и наносимыми небывалыми клеветами; но до сих пор не находят ничего, чтобы упрекнуть нас в каком-либо непотребстве, а всего для нас лучше и спокойнее, что мы в мире встречаем эти посещения, оставаясь вполне уверенными, что совесть у нас чиста и неприкосновенна ко всем возносимым на нас оболганиям. Слава и благодарение Господу, хранящему нас не по грехам нашим и благодющему нам в это тяжкое время, и Бог весть когда Ему благоугодно будет положить конец этому времени, мы же паки должны вооружиться терпением, смирением и молитвою ко Господу о сохранении обители и всего, что близко сердцу нашему от всех наветов и напастей. Но прося Господа об ограждении нас, мы должны внимательно и сами себя хранить и умиловать Господа по силам нашим исправлением себя, насколько возможно, тщательнее прилежать молитве, если возможно и со слезами, да сохранит Господь нашу обитель. Не обленимся не только здесь, в храме Божием, усердно просить об этом, но и келейно, ибо там иногда в тишине и единении изливается более пред Владыкою наша душа в своих скорбях. Непростительно же тем, кто не только не хотят сами помолиться, но убегают и от заповеданного. Тем более неприятно видеть, что это делают иногда и из старших братии. К молитве приложить нужно терпение, с которым принимать делаемое замечание, которое бывает иногда от слова сказанного жестко от тех лиц, кому поручено назначать на послушание, иногда от взаимного неосторожного слова. Все это мы обязаны терпеть, приложу к этому еще вооружиться терпением и в этом. Боже сохрани, если продолжится настоящее положение дел, то нам придется во всем себя

стеснить, начиная от съестных припасов до одежды, ибо обстоятельства указали, что в случае продолжения этого времени мы не можем себя обеспечить во многом, исключая самого необходимого, что при помощи Божией пока еще имеем, хотя мы употребляли все меры избыть этого, но усилия наши оказываются тщетными. Каждый из вас должен поразмыслить об этом и согласиться, что в этом терпение наше необходимо, другие обители давно уже ограничили себя во всем, в терпении же вашем стяжайте души ваши, ибо вспоминая, что собратья наши не имеют не только излишеств, но иногда бывают лишены сухаря и воды, они терпят ради общего дела, почему же нам не потерпеть, когда мы давали обеты еще гораздо обязательнее сказанного. Постараемся же не иметь излишества, а тем более прихоти, хотя не следовало бы повторять, но исправление некоторыми заставляет это делать. Об этом я и прежде говорил, чтобы не было ни у кого никаких денег и ни одной капли ракии, кто же дерзнет иметь, тот да не дерзнет приступить к Божественным Христовым Тайнам, не объясняя этого на исповеди. К терпению же и смирению потребно иметь, ибо без этого наше спасение в опасности; со смирением вся жизнь наша должна проходить, ибо во смирении нашем помянет нас Господь, поэтому со всяким смирением мы должны нести немощи один другого, по непостоянству человеческому иногда скажешь неосторожное слово, то постараемся примириться, да не зайдет во гнев наш и солнце. Покрывайте все любовью, тогда и Бог с нами пребывать будет. Потщитесь, братия возлюбленная, о спасении вашем, прошу об этом вас слезно с поклонением до земли.

Особо исповедуйте все без утайки, с великим прискорбием, но должен сказать, не давно отшедший брат и монах Анания при всем усилии моем исповедать его, чего он искренно желал, но не мог исповедать свое предсмертное лежащее на совести, чем весьма огорчил нас, а ведь всем и каждому из нас не известен смертный час, готовиться к которому велит и Сам Владыка и Господь наш во Святом Евангелии.

Слово о внешнем поведении братии в монастыре

Возлюбленные о Христе отцы и братья!

Много считая себя виновным пред вами, что я до сих пор о святом этом месте не беседовал с вами. Недосуги, разные препятствия, а иногда и обстоятельства положения нашего, более же всего – желание всмотреться в быт внутренний и внешний жизни вашей после двухгодичного лишения видеть вас. Попущением Божиим печальный процесс нас с братьями нашими греками открыл тайники сердца многих. Враг сеял нас как пшеницу и благодатью Христовою не много успел выбросить неверных своему призванию. Время, данное каждому из нас, засвидетельствовало, насколько мы готовы идти в темницу и на смерть, исполнить наши обеты, дынные пред Ангелами и человеками. Если Благодать Божия ходатайством Царицы Небесной и святого Великомученика Пантелеимона благоволила сохранить кому верность своего призвания, то исконный враг нашего спасения, яростно, яко лев рыкая, ходит иский кого-либо поглотить из нас, и Возлюбленные о Христе отцы и братья! Много считая себя виновным пред вами, что я до сих пор о святом этом месте не беседовал с вами. Недосуги, разные препятствия, а иногда и обстоятельства положения нашего, более же всего – желание всмотреться в быт внутренний и внешний жизни вашей после двухгодичного лишения видеть вас. Попущением Божиим печальный процесс нас с братьями нашими греками открыл тайники сердца многих. Враг сеял нас как пшеницу и благодатью Христовою не много успел выбросить неверных своему призванию. Время, данное каждому из нас, засвидетельствовало, насколько мы готовы идти в темницу и на смерть, исполнить наши обеты, дынные пред Ангелами и человеками. Если Благодать Божия ходатайством Царицы Небесной и святого Великомученика Пантелеимона благоволила сохранить кому верность своего призвания, то исконный враг нашего спасения, яростно, яко лев рыкая, ходит иский кого-либо поглотить из нас, и уязвляет стрелами страстей наших. Более внимательные своему спасению, видя яд злобы злокозненного

змия, язвящего нас, упреждают его и Крестом Христовым отражают яд змиев. Другие по невнимательности к себе, дав уязвить себя и ощутить вред в этом, прибегли к Божественному Врачу своему – Иисусу Сладчайшему. Всякое врачевание есть отображение жизни Господа нашего Иисуса Христа, а нам только и надежды на Крестные Его заслуги пред Отцем Небесным, которые постоянно нужно иметь пред очами нашими. Небрежное вхождение в церковь, а также и безвременное исхождение, стояние неприличным образом, ненужные беседы, а тем более смех и кощунство оскорбляют величие Божие. Кто дерзает так держать себя и не признается в этом на исповеди как о грехе, тот тяжко согрешает, и долготерпеливый Господь нераскаянному в этом непременно пошлет перст Своего гнева, и счастлив тот, если он разделается с этим на земле.

Благословенны и преблагословенны те, которые исполняют со страхом Божиим свое предстояние пред Величием Божиим, так же хождение и исхождение в трапезу должно соблюдать со всяким благочинием. Воспрещается без благословения ходить как прежде обычного времени, так и после на трапезу, а также выходить из трапезы безвременно. И при сидении в трапезе не допускается беседовать, а также брать пищу один у другого, а тем более вино – это вменяется в грех, как дающему, так и принимающему одинаково, также без благословения не допускается брать как пищи, так и вина в свои кельи, если же окажется на то благословенная причина, то о том должно знать кому следует. Если кто дерзнет иметь у себя в кельи вино, водку и тому подобные горячительные напитки, тот да ведает, что он отлучается от причащения Святых Таин им без признания на исповеди, да не дерзает приступить к Святым Тайнам. О деньгах у нас в общежитии не принято говорить, чтобы кто имел, но если вдруг кто дерзнет иметь их у себя в келье, то он будет признан нарушителем заповеди Божией и без искреннего исповедания и сокрушения сердечного да не дерзает приступить к Божественной Чаше Тела и Крови Христовой.

Бога ради, отцы и братья, воздерживайтесь от ропота. Вы знаете, между какими тяжкими грехами он поставлен у Апостола Павла? Да не постигнет нас эта участь! Слышу недовольных и

тем, что они созданы Богом, то трапеза нехороша, то скудна и другие подобные отголоски. Прошу и молю вас, бойтесь этого. Как питал нас Господь в продолжение года этого и насыщал такой пищей, что нередко приходится подумать, не придется ли дать ответ еще за это, ибо она предлагается от крупниц нередко и тех, которые и сами еще не имеют насущного хлеба. Тем более, мы знаем, мы слышим, какую тяготу, нищету, лишения крова и самого хлеба терпят единовверные наши братья и христиане. Да к тому же и кровь их льется потоками. А мы, сидя на одном месте и осененные благодатным покровом Царицы Небесной, сами от придуманных нами слухов мечемся, а некоторые из нас вдаются в смущение и своим празднословием и нередко выдуманным лжесловием, устрашая друг друга. А малодушные, не внемлющие гласу своего отца, ищут случая предаться бегству, забывая свои обеты и обещания, данные Голгофскому Страдалцу идти Его путем. Другие даже не стыдятся явно говорить о своем бегстве с какой-то гордостью, забыли, как свидетельствуют об этом Богоносныя Святые Отцы. Кому уподобляется тот, кто во время напасти или из-за строгого жития бежит из обители? Кому он подобен? До того ли дошли, что высокопоставленные мирские люди обличили наши намерения официальной бумагой, тем, что мы не верны своему призванию. А нам нужно этого стыдиться и отвечать им каким-нибудь уклончивым образом, чтобы оградить свое монашеское звание. Всякий знает, что удаление из обители по какой бы то ни было причине не похвально и греховно, Богу неприятно, для христиан соблазнительно. Нам сказано: «Горе, им же приходит соблазн» (Мф.18:7). Призвав в помощь Бога, будем уклоняться, чтобы не попасть под приговор им же приходит соблазн.

Многие из братии дозволяют себе мшелоимствовать, т. е. иметь излишние вещи, не подобающие и не нужные монаху, не считая это даже за погрешность. А если кому заметят об этом, то они еще и скорбят на это и смущаются, чем показывают свое невежество и незнание обстановки монашеской жизни, дерзают между собой менять одежды, раздавать. Конечно, те из вас, кто знает постановление Святых Отцов, знают и то, что это вменяется как бы в воровство, ибо, помощью благодати Божией

святая обитель наша при своих скудных средствах это, получаемое как милостыню во имя Христово, изобильно раздает неимущим, начиная от хлебного сухаря до церковной утвари. Есть еще и такие из братства, которые, испортив чем-нибудь свою одежду, бросают ее где-нибудь в коридоре, а сами стараются получить новую, что Богоносные отцы называют нехранением совести к вещам. Все и каждый из нас должен помнить, что все имеющееся, от насущного хлеба до всего содержания обители, есть получаемая нами милостыня во имя Христово, за неправильное употребление которой мы должны дать отчет Всемирному Судии нашему.

Осуждение, оклеветание друг друга крайне разоряет наше монашеское житие. Все это приходит от недостатка любви к своему ближнему, а тем более к брату о Христе, от невнимания к поучающим и руководящим вас и от недостатка чтения предлагаемого во святом храме и в трапезе, а незнающие грамоты – от невнимания к слушанию. Иные, как бы нарочно, стараются во время чтения поуютней усесться, чтобы послаще уснуть, а того не понимают, что они, отвергая слушание слова Божия, внимают слушанию наущения врага Божия. Богоносные Отцы так учили, что неосуждение есть без труда спасение, мы же не только не следим за собою, не осудили ли мы кого, но еще умышленным образом стараемся передать, насколько возможно, большинство своих наветов, считая тяжести спиц у других, не ощущая громадных бревен у себя. Видя погрешность брата, они не спешат исправить его добрым советом, а стараются передать немощным, подобным себе. В один момент брат подвергается не только насмешкам, но иногда, переходя из уст в уста, подобные наветы с применением от своего усердия преувеличением смущают брата даже и до смерти душевной. Нет, чтобы объяснить это духовнику, который бы мог поправить брата, но это считают клеветою, и порицают друг друга. Если кто из благоразумных обратится к игумену или к духовнику и объяснит ошибку брата, таковые нередко подвергаются укоризнам, или наименованием клеветника. Тогда как в сущности-то дела, они-то и есть самые благодетели своего братства, охранители их немощей.

«Пребываяй в любви, Бог в нем пребывает, и той в Боге, аще имате любовь между собою «мои есте ученицы» (ср.: 1Ин.4:16, Ин.13:22), – так сказал Господь наш. Если мы хотим стать учениками Христовыми, то должны поддерживать между собою братскую любовь. Ради этой святой любви каждый из нас должен стараться, чтобы любовью к ближнему привлечь к себе любовь Господа. Храните ее, возлюбленная братья, сколько есть сил ваших. Любовью покрываются немощи братские, любовь во всем видит одну благодать Божию, любовь во всех видит утверждение к совершенству, а в себе – крайние недостатки. Возлюбим же друг друга любовью святой, любовью непорочной, да никогда же прилепится к этой Божественной любви любовь страстная, любовь плотская, которая отдаляет нас от Бога и погружает в бездну страстей от дерзновения нашего. Постараемся, братья, эту ненавистную любовь пред Богом исторгнуть из самого ее корня, не слушая убеждения врага нашего дьявола, что подобною любовью можно исправить какое-нибудь дело. Скорее он разорит и повергнет нас во мглу неисповедания. Потомуто Богоносные отцы воспрещают иметь особое дружество, которого мы отрекаемся при самом нашем пострижении, страстное сближение сей дружбы приносит громадный урон монашеской жизни. Я намекну вам, испытавшие поймут, а кого Бог хранит, тому и знать не нужно. Как выражается Святой Иоанн Лествичник: «Одни увлекаются плотскою страстию, злохитрый демон при начале их друщества внушает им откровенность друг к другу, сначала каких-нибудь добрых дел совершенных или в мире или в обители, начало их призвания и вступление в обитель, затем, увлекшись, начинают мало-помалу высказывать свои немощи, наконец, доходят до такой откровенности друг другу, чего они не высказывали никогда так никакому духовнику, и если не поймут козней врага и не последуют внушениям отеческого писания и совета, то глубоко падают. Но что горше всего, что на них нападает ложный страх и таковые нередко остаются без объяснения духовнику до последнего своего издыхания, хотя нередко находятся на краю отчаяния, другие, не порабощенные плотскою страстию, не менее от этого содружества впадают в

пьянственный недуг и сокрывая друг друга, доходят до самых неприличных действий, пятная свою душу и воровством, и обманом, стараясь лишь бы только удовлетворить этому смертному греху – пьянству и, наконец, содружество празднословцев и искателей лакомств – и они также сходятся между собою и вредят себе не меньше вышереченных страстей. Убойтесь, братья, этого содружества – оно отворяет на широкие двери миролюбцев, вводящие в пагубу. Но если кто-либо из вас и возымеет желание иметь о Боже друга, с коим может рассуждать о цели бытия нашего на земли и призвания нашего во святую обитель, тот прежде этого должен посоветоваться со своим руководителем духовным, и если получит на то благословение, то в продолжение сей духовной дружбы должны оба регулярно поверять у благословившего их дружбу». «Аще имати любовь между собою, да не порицайте один другаго» и не называйте неприличными не только в монашестве, но и в мире неприличными словами; да не произносят уста ваши имени заклятого врага нашего, а тем более наименовать ближнего этим именем, и от этого времени поймите, что каждый, кто дерзнет произнести это имя так, как оно произносится на базарах, а также и прилагательного к слову сына, и если это обнаружится, то каждому будет дан канон сначала в церкви, потом в трапезе, и за каждое повторение будет усугубляться. Стыжусь говорить, но необходимо сказать, если кто возымеет дерзновение своих рук, то отлучается от причащения Святых Таин по мере вины и определяется трапезный канон, доходящий до 40 дней. Вот, я предупреждаю вас, братья, при помощи Божией остерегайтесь от остроты вашего языка и тому подобное. После повечерия старайтесь не сходиться между собою и не проводить в праздности время. Взявши на повечерии прощение от лица Святой Церкви, пришедши в келью, мы обязаны подумать о дневном своем течении, сохранили ли мы себя пред Величием Божиим? Не оскорбили ли своего ближнего? И сохранили ли свою совесть незапятнанной? Если окажется что-нибудь из этого, то прежде испросить прощение у Господа, а потом при первом свидании покаяться духовнику, заниматься же празднословием, шутками,

тем более измышленными рассказами и употреблением кофе и чая воспрещается и наказывается каким-либо канонем. Не хранящие этого, конечно, на пути монашеской жизни много встретят таких случаев, которые теперь упущены в виду по случаю поспешности, чтобы успеть сегодня сказать вам несколько слов, вполне сознавая, что они не растворены помазанием Духа. Если преподобный Феодор Студит называл себя невежественным, то что мне сказать, убогому и грешному, недостойному предстоятелю такого великого братства, и это говорю только помощью молитв святого нашего и ваших, сам требую много скромности, трезвения и внимания. Всех же вас, отцы и братья, прошу и молю, и смиренно припадая к ногам вашим. Постарайтесь внять внушению вашей совести, оправдать, насколько возможно по силе вашей, ваше призвание, постарайтесь ввергнуть себя в любовь сладчайшего имени Иисуса Христа, произнося на каждом шагу пути жизни вашей: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Произнося его насколько возможно часто, мы незаметным образом будем ощущать приближение себя ко Господу, познавать себя и видеть, что вся правда наша происходит от самоукорения, будем произносить сладчайшее имя Иисуса и мало-помалу приближаясь к познанию своих немощей, будем их отсекал благодатным именем Иисуса. Он же любовью Его со Отцем и Святым Духом да излиет на вас благословение, утвердит, укрепит и соблюдет в святости жизни и всех сделает нас наследниками Царствия Своего, ходатайством Пречистой Своей Матери, Ее же обетованиями привлеченные в ее Жребий, да будем их сподоблены. Итак, воспоем песню Господню «Аллилуйя» во веки веков. Аминь.

Слово (второе) о внешнем поведении братии в монастыре

Отцы и братья!

Господу угодно было собрать наше братство в большом количестве, поэтому умножились дела обители, и обстоятельства нашей обители приняли такой характер, что заставляют меня отлучаться на некоторое время из этого храма в Соборе святого Великомученика Пантелеимона. Вследствие таковых отлучек и многосторонних занятий, а иногда и болезней, замечаю, что в братстве вкрадывается неисполнение заведенных порядков, а особенно у новоначальных, а именно: несвоевременный приход на службы, не должное реагирование ни на колокольный звон, ни на тоекратное повторение в било. Хотя многократно было об этом сказано с этого святого места, а также и в таинстве покаяния, но должным образом реагируют на это редко. Поэтому прошу и молю вас: при чтении книг Богоносных отцов всмотритесь в это требование, как они повелевают нам, чтобы слышать: «Благословен Бог» при вхождении в храм, а и «Аминь» при исхождении из храма. Некоторые возымели такое дерзновение, что без всякой благословенной причины не приходят на Богослужение, некоторые достоят до половины или уходят, как им вздумается, а другие в половину приходят, к несчастью, позволяют себе не объяснять этого на исповеди, и так пятно этого неисполнения остается на совести. В свое самооправдание указывают на тех, которые или заняты благословенными причинами своего послушания, или по болезни, имея на это благословение. Входя во святой храм без должного благоговения, не полагают обычных трех поясных поклонов, а также и по обе стороны. Приходя к святым иконам, кладут неправильно на себя крестное знамение, пусть они прочтут слово Иоанна Златоуста. Также несвоевременное сидение, иногда и поведение, а более всего празднословие и смех, которые не приличны не только в церкви, но и на всяком месте, и за которые Сам Господь угрожает наказанием. Вследствие такого невнимания прежде

отпуста оставляют церковь, особенно, когда тянется Отцы и братья! Господу угодно было собрать наше братство в большом количестве, поэтому умножились дела обители, и обстоятельства нашей обители приняли такой характер, что заставляют меня отлучаться на некоторое время из этого храма в Соборе святого Великомученика Пантелеимона. Вследствие таковых отлучек и многосторонних занятий, а иногда и болезней, замечая, что в братстве вкрадывается неисполнение заведенных порядков, а особенно у новоначальных, а именно: несвоевременный приход на службы, не должное реагирование ни на колокольный звон, ни на троекратное повторение в било. Хотя многократно было об этом сказано с этого святого места, а также и в таинстве покаяния, но должным образом реагируют на это редко. Поэтому прошу и молю вас: при чтении книг Богоносных отцов всмотритесь в это требование, как они повелевают нам, чтобы слышать: «Благословен Бог» при вхождении в храм, а и «Аминь» при исхождении из храма. Некоторые возымели такое дерзновение, что без всякой благословенной причины не приходят на Богослужение, некоторые достоят до половины или уходят, как им вздумается, а другие в половину приходят, к несчастью, позволяют себе не объяснять этого на исповеди, и так пятно этого неисполнения остается на совести. В свое самооправдание указывают на тех, которые или заняты благословенными причинами своего послушания, или по болезни, имея на это благословение. Входя во святой храм без должного благоговения, не полагают обычных трех поясных поклонов, а также и по обе стороны. Приходя к святым иконам, кладут неправильно на себя крестное знамение, пусть они прочтут слово Иоанна Златоуста. Также несвоевременное сидение, иногда и поведение, а более всего празднословие и смех, которые не приличны не только в церкви, но и на всяком месте, и за которые Сам Господь угрожает наказанием. Вследствие такого невнимания прежде отпуста оставляют церковь, особенно, когда тянется четка за благодетелей, или за благосотворение обители, или за старцев. Лишь только это начинается, то многие опрометью бросаются из церкви, даже лица старшей братии, кому бы должно подать

собой пример, а они, оставляя окончание службы, уходят и тем подают повод младшим последовать за ними. А ведь нам всем нужно поминовение и спасение, а над нами нередко висят грозные тучи, готовые разразиться над нами, а мы не хотим помолиться ни за себя, ни за братию нашу, находящуюся на тяжких послушаниях. Следственно, мы не исполняем любви к Богу, а, не продолжая молиться за ближних наших, не соблюдаем заповеди любви к ближнему. Прошу и молю всегда хранить эту заповедь любви, ибо не ложны слова Господа нашего Иисуса Христа: *«В нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вам»* (Мк.4:24) Также нередко приходится замечать, что при начале молебного пения за благостояние обители, или какого-нибудь благодарения, а также и панихиды об усопших, многие будто электричеством гонимые, оставляют церковь.

Отцы и братья! Каждый из вас изведаль опытом, надолго ли у нас остаются впечатления о благодеяниях Божиих, которые сподобились мы видеть в бесчисленных видах, со времени почти безвыходного нашего положения. Мы только помним при совершении самого события, а что сказать нам о том, какой мы долг воздаем отошедшим нашим отцам и братьям? Мы скоро их забываем, и совершаемых по ним служб избегаем всевозможным образом, тогда как неизбежный путь всем нам предлежит, и мы, отошедши в вечность, будем иметь нужду в молитвах земных наших собратий. А если сам не молишься, то какой молитвы ожидать от других. После Божественной Литургии не должно дерзать брать Антидор своеручно и удаляться из церкви, не получив благословение от ее служителя. В праздничные дни ходят к ранней литургии, не имея на это не только благословения, но даже и запрещение, бегут на клирос, и понуждают назначенных чтецов и певцов читать и петь поскорее; отстояв службу, не только не стараются внимать себе, но нередко с кощунством относятся к продолжительной службе, и когда бы следовало быть вниманию, они занимаются празднословием, или собираются в группы, или ходят по кельям. И все, кто не имеет экстренных послушаний, не имеют благословения ходить к ранним литургиям, и вопрошать того иеромонаха, который скорее

служит. Теперь обращаю слово мое к вам, сослужители Божественных Таин, прошу и молю вас, и до земли поклоняюсь, не поспешайте без внимания совершать начало Таинства Божественной Литургии. Пока не совершите Божественной Проскомидии, не дерзайте начинать часы, ибо мы не имеем тех экстренных дел, которые бы нас так понуждали. Если этой поспешностью угождаем немощным братьям нашим, то помните, что мы оскорбляем величие Божие. И не допускайте поспешного чтения, доходящего до крайнего безобразия. Да не в суд и не в осуждение будет нам само служение и слушание Божественной Литургии. В трапезе также несвоевременный приход и уход нарушают правила общежития, тем более празднословие, или передача пищи и питья один другому. Все это, кажущееся ничтожным, во время исхода душ наших окажется тяжким, а тем более для тех, которые принимают это как за ничего не значащее. После повечерия празднотворением и празднословием нарушают общий покой и лишают себя лучшего времени внимания или физического отдыха. Недаром Богоносные отцы воспрещают и повелевают налагать епитимии для прекословящих и не внимающих убеждениям, как избранных для хранения покоя отцов, а тем более и моего недостойнства. Конечно, старшие братья обители должны давать благой пример, тогда и новоначальные примут всякое замечание со смирением и благодушием.

Все вышесказанное мною заставляет меня говорить вам, возлюбленнейшие о Господе братья, искренняя любовь к вам и желание исполнения той цели, для которой вы пришли на Святую Гору и в обитель сию. С окончанием святой Четыредесятницы Святая Церковь призывает нас к принесению сладчайшему нашему Иисусу, пострадавшему ради нас, исполнения каких-либо добродетелей. Мы будем просить Господа, чтобы Он благоволил нам, по Своей благодати, принести Ему хотя бы исполнение своих обязанностей. Поэтому постарайтесь сохранить последнее время святых дней со всяким сохранением себя от поползновений греховных. Предстательством Царицы Небесной и святого великомученика Пантелеимона совершить Богоугодное грядущему на страсть

вольную Господу нашему Иисусу Христу и принести посильное благоухание, аромат, хотя бы начатки добродетели и встретить с упованием на милость Божию и светносный день Воскресения Его. Благодать же и милость Его да пребывает всегда с вами во веки веков. Аминь.

Слово о хождении в церковь к началу

Отцы и братья!

Отвлечения разного рода препятствуют беседам моим с вами, но совесть моя понуждает к ним, чтобы чаще напоминать вашей любви об обязанностях, приличествующих иноческому званию. Хотя отеческие писания предлагаются как в церкви, так и в трапезе, но ускользают от внимания некоторых, а потому, вследствие ли этого невнимания или неведения чиноположений, они не исполняются, а Господу угодно было вручить моему недостойнству попечение не только о внешнем вашем благоустройении, но более всего и о душевном вашем спасении. Если же и святые трепетали, когда их духовные чада уклонялись в какие-нибудь греховные привычки, опасаясь за недосмотр отдать строгий отчет пред Вечным Судиею, то что мне сказать, грешнейшему более всех человеку, знающему, какие могут быть последствия от вкравшихся немощей, кажущихся вначале малозначимыми, но потом обращающихся в гигантские размеры? Не распространяясь более, воспоминаю вам о том, о чем вам неоднократно было замечено с этого святого места. Нужда заставляет вновь напомнить вам, что мы, пришедшие из далекой отчизны в уединенный уголок Жребия Божией Матери для спасения своих душ, должны заботиться о спасении своем. Внимательно слушать чтения из Богоносных Отцов, да и в кельях читать их и замечать свои обязанности. Всем и каждому из вас известно, что молитва как общая, так и келейная есть пища души. Как необходима для продолжения жизни пища земная, так и пища духовная. Все мы по призыву колокола или будильщика, при начале вступления нашего в поприще дня, должны усердно исполнять келейное правило, называемое канон, без лени вставать при первой побудке. Если мы постараемся, то и Ангел Божий постарается прийти на помощь нам и помочь. Если некоторым из братии благословлено по какой-нибудь причине совершать канон, когда найдет удобным, тот так и да поступает. А затем, как ударяет в колокол на утреню, все мы должны спешить в церковь, как бы

позванные Ангелом беседовать с Богом, служить ему песнопением, и воспринять дарования, не земные, тленные, но духовные и Божественные, которые оживотворяют душу. Богоносные отцы так советуют, чтобы взойдя в церковь услышать наших, слышать «Аминь», в продолжение чтения утрени и кафизм нужно стараться внимать, и когда враг вселяет разные прилоги, стараться их отгонять, против дремоты бодрствовать и не садиться без крайней нужды, ибо чуть человек послабит себе, так враг и старается усыпить такового. Отдохновение есть на чтении, которое продолжается ежедневно не менее получаса. Преподобный Макарий свидетельствует, кто добро стоит в церкви, того Ангел Божий знаменует миром святым, изображая крест на челе. Ленивых же обходит. Если же кто-либо по послушанию находится и вне церкви, то и таковой не лишается благословения, а знаменует его место. А потому, отцы и братья, Господь не оставляет без мзды труд ваш, всякий вздох ваш, всякий шаг, всякое движение не остается без награды, а также всякое небрежение не сокрыто пред Его очами. Будем же внимать нашему спасению, благодарить тех, кто побуждает нас на утреннее пение. Святые отцы называли первыми благодетелями тех, кто побуждал их на молитвенное пение. Между нами же проявляются такие из братии, которые или по неведению, или по невниманию скорбят на побуждающего их, а иногда дерзают оскорблять его словом, чем отнимают усердие к возложенному на него послушанию. Если мы оставили мир и все близкое нам и пришли сюда для пения славы Божией, а будем уклоняться от него, то какая польза нашего путешествия на Святую Гору? Во время Богослужения осмеливаемся празднословить, нередко смеяться, выходить из церкви, заводить разговоры, глумиться над благоговейными, оставлять Богослужение, находя различные причины куда-нибудь удалиться, когда тянется четка, а она нередко бывает за их же спасение и за сохранение жизни их от напастей. Прошу и молю вас, обратите внимание на это и потщитесь исправиться, чтобы вместо избавления грехов и спасения своей души не получить нам сугубого осуждения за неисполнение своих обязанностей.

Слово о молитве и братской любви

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братья!

При помощи и благодати Божией вы совершили и окончили труды свои над сбором плодов виноградных. Возблагодарим теперь обще и единодушно благость и великие щедроты к нам Отца Небесного за собранные плоды, ниспосланные нам от Его отеческой десницы. Слава и благодарение Господу Богу нашему! Он Сам благодатью свыше укреплял вас в трудах и содействовал. Он повелел произрасти и созреть плоду трудов ваших, который теперь милостиво приемлет и благословляет как плод святого послушания и общего труда на пользу и потребность всего нашего братства, собравшегося здесь во едино стадо, во славу Имени Его святого и ради спасения своего вечного.

Труженики усердные и в мирской жизни благоприятны и угодным очам Господа, а здесь, во святой обители, поистине труд имеет великое преимущество и особенно угоден Господу как руководствуемый не отдельной лично своей выгодой, но пользою общею в духе взаимно-братской любви и смиренного послушания и добровольного повиновения друг другу.

Из многих святоотеческих повествований мы видим примеры того, как благоугождали Богу и в какую высокую степень добродетели приходили через усердное и смиренное исполнение общежительного труда ради Господа. Слышим часто и из бесед богоносного отца Феодора Студита, как высоко почитает он послушание общежительное.

Но ведь не дремлет и враг спасения нашего, ибо он знает, как спасителен для нас и как благоугоден Господу этот путь жизни монашеского общежития, на который нас созвала благодать Спасяющего Промысла Божия: *«На пути, по нему же ходим, скрыша сеть нам»* духовные враги наши. Сети их различны и многообразны, хитры и часто неприметно опутывают нас, и либо уменьшают цену святого дела послушания, либо и совсем делают его бесполезным. А некоторых, доверяющих сердцу своему и принимающих вражеские прилоги, эти сети

иногда и совсем увлекают вон из святой обители и из стада Божия.

Поэтому я, смиренный, всегда отечески увещаю вас, всех и каждого, как в общих моих к вам беседах, так и отдельно, при исповеди, стараюсь внушить, чтобы при занятии на послушании каждый хранил бы в уме и сердце молитву, а уста воздерживать от праздных, пустых бесед и слов. Через это много получите пользы и много избегнете вреда и греха, а молитва, содержащаяся в памяти, просветит мысли и сердце. При молитве вскоре усматривается и примечается всякое недоброе и греховное помышление, лишь только появится оно по действию диавола или по причине прежних живших в сердце страстей и пороков. Имя Господне – великая защита от душевных врагов и великая помощь к неприятию страсти и несоглашению с грехом. Напротив того, среди празднословия и невоздержанных бесед сколько говорится и выслушивается душевного, после и собственная совесть упрекает во многом, а вернуть уже нельзя. Часто эти разглагольствования служат причиной взаимных неудовольствий и вражды между братьями. А это – зло самое великое, особенно когда кто медлит в этом чувстве, ибо тогда и молитва его Господом не приемлется, по самому непреложному слову Божию: *«Аще принесеши дар твой ко алтарю и ты помянешь, яко брат твой имеет на тебя нечто – остави дар твой и прежде шед примирился с братом твоим, и тогда принеси дар твой»* (ср.: Мф.5:23,24).

Братья, мы непрестанно нуждаемся в помиловании от Господа, в прощении от Него, а Он объявляет нам, что не простит нас, не помилует, не послушает, пока мы Его приказание не исполним, не выкинем из сердца всякую вражду и злопамятство на ближнего своего. Особенно ко Пресвятому Причащению никто да не дерзает приступать, не примирившись.

Господь, будучи Единородным Сыном Божиим, претерпел ради нас всякие надругательства, бесчестия, оплевывания, биения, крест и позорную смерть среди злодеев, и нам ли, непотребным, не стерпеть ради Его заповеди малое какое-нибудь оскорбление или обидное слово?

Если наше сердце раздражается, нам должно его покорять духу Христова смирения и любви, по заповеди Его, которая должна для нас быть единственным законом и целью. В этом и есть подвиг, борение и заслуга.

Берегитесь, отцы и братья, вражды и неудовольствия друг на друга. Помните, что мир и любовь братская между вами сделают вас любезными чадами Отца Небесного и верными последователями Господа Иисуса Христа. Не давайте же врагу дьяволу губить ваш труд и вашу молитву через злопамятство. Спешите, братья, примириться, спешите! Ибо час смертный постигает каждого неожиданно, внезапно, но великая опасность для души отойти не в духе мирном и злопамятстве на кого-либо. Как ему надеяться на прощение великих пред Богом грехов, когда ради Божией заповеди и немного не хотел пожить?

«Много бо согреша́ем вси» (Иак.3:2) и имеем поэтому нужду приносить примирительную жертву Богу, которая есть сокрушенная пред Ним молитва, и вот эту возможность нашего с Господом примирения отнимает у нас взаимная вражда и нехотение простить.

Но без помощи Божией невозможно нам побороть страсть сердца и прилоги вражеские – злопамятство же есть весьма упорный порок. Поэтому, видя такую для себя опасность и свое бессилие, воззовем из глубины души к силе и помощи Божией, и Он невозможное сделает легким, только было бы истинное наше предание себя Воле Его и желание угождения Ему.

Того благодати вручаю всех вас, Его милость да будет с вами в сей век и в будущий. Аминь.

Слово о покаянии и причащении

Отцы и братья!

Господу Богу угодно было призвать вас на служение Ему, в Троице Славному Богу, в чине монашеском, и благо вам, что вы вняли этому благодатному призванию, сначала через послушание своей совести, а потом пред Самим Господом и Святыми Его Ангелами, и всю братию засвидетельствовали о принятии на себя монашеского образа и исполнение тех обетов, которые обещались исполнять при помощи благодати Божией, отвечая своими устами на вопросы постригающего, следственно мы уже два раза дали обеты исполнять по силе нашей заповеди Божии. Первые обеты наши были при Святом Крещении, а вторые – при пострижении нашем в монашество. Но поскольку невниманием нашим мы приходим в забвение и, не исполняя обеты наши, увлекаемся опять иногда по действию диавола от крайнего невнимания к призванию нашему, иногда по какой-либо немощи опять впадаем в согрешения не только ежедневные, но и большие, не мыслью только, но и самым делом. Потому Господь, ведая наши немощи, благоволил, чтобы мы после действия против совести очищали себя таинством святого покаяния, почему Матерь наша Святая Церковь установила святые посты, обязательно для всех, чтобы в оные воздерживались от излишества пищи, питья и других пристрастий, и могли бы свободнее приступать к таинству покаяния, но покаяния истинного, которое очищает душу и тело и делает человека снова близким ко Господу. Объяснять вам подробно силу этого таинства я считаю излишним, ибо все мы слышим ежедневно из предлагаемого нам чтения Священного и отеческого писания о силе очищения совести нашей пред Господом Богом и при помощи Его благодати. Каждый из нас чувствует облегчение от тяжести греховной, когда он с сокрушением сердца и смирением души выскажет свои падения пред своим духовным отцом, и тогда приступает вкусить от Источника бессмертного в надежде исполнения тех слов, изреченных Господом: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во

Мне пребывает и Аз в нем» (Ин. 6:56). Чтобы врачевание Тела и Крови Христовой оказало над нами все свое действие, для этого, кроме принятия Их устами телесными, надобно, чтобы Они были приняты устами сокрушенного и смиренного сердца, с искренним сознанием своего недостойнства, с живым чувством своей духовной телесной бедности, от которого происходит чувство голода и жажды Тела и Крови Христовой, как единого брашна, могущего насытить нас, как единого врачевания, могущего исцелить недуги наши. Исцеление недугов наших есть истинное признание наших грехов, ибо кто приступает к этому великому таинству без очищения совести, тот принимает в суд и осуждение. *«Ядый бо и пийй недостойный, суд себе яст и пьет»* (1Кор.11:29). Все сказанное это я к тому веду, что по многим испытаниям усматриваю, что многие из братии, приуготовляясь к принятию Святого Тела и Крови Христовой, не только не очищают себя исповедью пред духовниками, но даже принимают благословение на это, а приступают как будто к обыкновенному и обыденному порядку, заведенному в обители. Но и тогда требуется своего рода условие, например, идя к церковным службам, мы должны помнить, что мы идем к Божественной службе, и смерить себя, имеем ли мы дух и сердце сокрушенное и смиренное, выслушиваем ли со вниманием все Божественные службы. Также и в трапезе свои условия: каждый должен прийти своевременно и прочее. Если мы обязаны соблюдать порядки в делах обычных, то тем более приступая к этому великому таинству, и так как в святой обители нашей к святому причащению приступают иногда и не однажды в седмицу, а дважды и трижды, то, по крайней мере, однажды в седмицу каждый должен очистить свою совесть пред духовниками, у которых исповедуется, т. е. назначенных нами, но не у посторонних. Ибо как исповедь не будет действительна, так и самая разрешительная молитва не принесет пользы, и грехи его остаются при нем, а следовательно, и само умалчивание о немощах своих на исповеди. Что это значит, как не поблажка своим страстям, ибо высказав свою немощь игумену или духовнику, находящемуся в своем общежитии, он боится, что причины могут быть отсечены и страсть не

исполнена. А мы пришли искать спасения, а между тем всеми силами стараемся не только держаться за свои старые привычки, но и здесь наживать и возгревать новые помрачения ума, души и сердца. Если мы читаем, что один день человека живущего несть без греха, тогда что нам сказать о себе. Мы постоянно сталкиваемся друг с другом, увлекаемся помыслами, не прочь и от самого дела тайно уйти, тайно скушать и т.п., следовательно, и грехопадения имеются, а потому нужна в них исповедь и признание отцу духовнику, а затем и приобщение Святых Тайн, если будет на это благословение его. Вот что, отцы и братья, хотел сказать вам, прошу и молю вас, потщитесь исполнять правила Святых Отцов, чем исполнится цель нашего пребывания в обители, ибо каждый из нас пришел сюда с тем намерением, чтобы умолить Господа о прощении своих грехов и по силе своей благоугодить Ему. Да будет это всем нам во славу Отца и Сына и Святого Духа. Ему же подобает от нас слава, честь и поклонение.

Мысли на Рождество Христово

Таинство странное вижу и преславное:
небо вертеп, престол Херувимский Деву:
ясли вместилище, в них же возлеже невместимый
Христос Бог, Его же воспевающее величаем
(Песнь 3. Ирм.)

Рождество или воплощение Христа Спасителя нашего последовало по великому милосердию и снисхождению Божию к падшему человеческому роду. Господь, приняв на Себя естество человеческое, тем самым восхотел возобновить его, спасти от вечной гибели. Сидящим во тьме и сени смертной воссиял Божественный свет. Возрадовалось небо и небожители, возрадовалась земля и земнородные о таком неизреченном благоволении Божиим.

Возрадуемся и мы, встречая этот великий праздник, подобно тому, как радовались и славословили Бога Ангелы с пастырями и Богомудрые волхвы, которые в чувствах благоговейной признательности к Рождшемуся не ограничились одною лишь радостью, но принесли Ему в дар самое лучшее и драгоценное, что имели.

Что же мы, убогие, принесем в дар Создателю своему? Благих наших Он не требует, но мы принесем Ему сердце чистое, любовь нелицемерную, этих даров Он ждет от нас, и ими услаждается, ради них Он и с неба сошел и крестную смерть претерпел. Искренно нелицемерно любит Бога тот, кто заповеди Его соблюдает, из коих первая – это любовь к ближним, вменяемая Спасителем нашим Себе Самому, и так докажем делом, что любим Спасителя своего, разделим с неимущими насущный хлеб наш, оденем требующих одеяния, и в иных многих горьких нуждах и скорбях поможем по силе своей нуждающимся, тогда будет у нас истинный светлый праздник, тогда и Рождшийся от Пречистой Девы сподобит нас Своего Божественного пришествия и усладит наше празднество.

Прославляя Спасителя своего, прославим и по плоти рождшую Его Пречистую Богоотроковицу, принесем Ей песнь

хвалебную, возопием к Ней со Святой Церковью. Величай, душе моя, Честнейшую и Славнейшую горних воинств Деву Пречистую Богородицу. Также чаще будем повторять Ей Архангельское приветствие: *«Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!»* Через Нее, как говорит Святой Августин, Бог снизшел на землю, дабы через Нее люди удостоились восходить к Небу. Она – единая несомненная надежда и споручница грешников, к покаянию их воздающая. Она спасает и милует всех, притекающих под Ее Покров. Она – милости неоскудеваемый источник, стена неоторимая, ходатайство к Творцу непреложное, упование и предстательство всех верных, надеющихся на Нее. Ей Единой изрек Господь и Сын Ее, что все Ее прошения исполнятся, Ее молением отвращается от грешных праведный гнев Божий на них движимый. Она, как говорит Димитрий Ростовский: «Ставши между Богом и грехами нашими, яко посредница, не пускает проходить близ пред Бога грехам нашим, и гласом Своим за ны молитвы отражает глас грехов наших смертных, вопиющих на ны к Богу». На Пресвятую Деву мы должны взирать как на нашу Всемошную Ходатайницу пред престолом Вседержителя. Мы Ей усыновлены при кресте в лице возлюбленного Ученика Христова, Ей принадлежим, как стяжание, искупленное драгоценною кровию Бога и Сына Ее. Благодеяния, изливаемые Ею на мир православный, беспредельны, больше песка морского, чему живое свидетельство множество чудотворных Ее икон, источающих бесчисленные чудеса миру православному.

Но недостаточно только любить Пресвятую Деву, необходимо и подражать Ее святой жизни, Ее чистоте Ее непорочности, Ее кротости, милосердию, смирению, Ее совершенной преданности воле Божией. Тогда только мы можем дерзать именовать Ее Материю своею, и тогда только мольбы наши Ей благоприятны и нам спасительны.

Слово о необходимости очищения совести

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братья!

Неоднократно с этого святого места я, недостойный, объяснял вам о крайней необходимости очищения своей совести при исповеди, а иногда и при обыкновенном разговоре, когда случается на это нужда. Побуждением к этому же служили чтения преподобного и Богоносного отца нашего Феодора Студита и других Святых Отцов, которые постоянно побуждают нас к очищению совести как нужнейшему средству в мире. Но, к несчастью нашему, мы как-то плохо внимаем этому, а некоторые принимают это даже с глумлением. Другие же после замечания хоть и начинают с любовью исполнять, но по рассеянности опять забывают, и весьма немногие держатся этого блаженного отеческого наставления. Но что сказать о тех, которым почти при каждой исповеди напоминаешь об этом благодатном очищении совести, иногда представляешь им на вид их ошибки, дошедшие до нашего слуха или при откровении помыслов или из сожаления к собрату, а иногда по должности. Но обличения эти нередко они осмеливаются назвать клеветой, отрицают те ошибки, которые произошли с ними на самом деле. Если случится самому игумену или духовнику заметить в ком-либо или тайноядение или тайнопитие, и на вопрос, где и откуда взял, таковые нередко нагло отвечают: «Если я скажу, то в другой раз оттуда не достану». И на налагаемое запрещение не обращают внимания, а продолжают пользоваться этими греховными прибывками, тайноядением и тайнопитием. Тогда как об этом несколько раз уже говорено, что без благословения не дерзать от запрещенного вкушать, а кто преступит сию заповедь, тот да не дерзает без исповеди приступить к приобщению Святых Таин Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Отцы и братья! Воочию совершился суд Божий над теми, кто в ограждения свой немощи не захотел сознать своего падения к какой-то страсти и за неуместный ропот, о котором уже у апостола Павла упоминается наравне с великими смертными грехами.

Такое вразумление делаю я для того ли, чтобы этим упрекнуть вас? Нет, возлюбленнейшая о Господе братия. Меня побуждает к этому то опасение, чтобы мы, званные Господом, оставившие мир и его соблазны, понесшие каждый по силе своей тяготу дня жизни и трудов, не были лишены тех наград, которые обещал нам Страдалец последователям Своим. А Преподобная и Пресвятая Мать Его обещала исходатайствовать нам у Сына Своего и Бога прощение грехов, за которые мы не успели удовлетворить принесением плодов покаяния. Прошу и молю вас, Боголюбейшие отцы, ради вашего вечного спасения потрудитесь очищать свою совесть, да не постигнет нас лютей час смерти не готовых и не принесших искреннего очищения совести деланием дел, угодных Богу и нам спасительных, есть пока еще время в нашем распоряжении. Благодать Божия, содействующая нам, да укрепит и усилит ваше рвение к спасению душ ваших, и всех нас да покроет от всяких бед душевных и телесных.

Слово в память убиенного царя Александра II

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братья и все здесь предстоящие!

Управителю царств и Распорядителю судеб человеческих в Троице славному Господу Богу по неведомым для нас судьбам Своим угодно было после шестикратного чудесного избавления Им от злодейских покушений благочестивейшаго Государя нашего Императора Александра Николаевича попустить злодейской руке подкосить, наконец, неоценимую никакими сокровищами мира этого жизнь его. Подкосить среди дня, в многолюдной столице, при многолюдстве проходящих и едущих. Весь мир ужаснулся таковой дерзости злодеев, которые, будучи подстрекаемы извне, сами, быть может, не понимая, нанесли этот великий вред своему Отечеству, положив черное неизгладимое пятно на страницах истории России.

Но, как говорится, ничего не бывает без причины. И в этом ужасном попущении слабому уму нашему можно усматривать причины. Алчущий погибели нашей враг рода человеческого своим злым ухищрением успел развить в новом поколении хладнокровное отношение ко всему священному. Потеряв страх Божий, презирая законоположения Святой Церкви, неверы осмелились возомнить, что они несравненно более могут принести пользы человечеству, нежели все доселе усвоенные правительством церковные и гражданские учреждения, и начинают эти мнимые благодетели народа делать ему, по их мнению, полезное. Чем? Самыми ужасными злодеяниями, дошедшими, наконец, до убийства того, кто после излития всех данных ему Богом талантов на свое отечество – Россию, до конца жизни имел неусыпное попечение о ее благоустроении, того, кто после Главы Церкви – Христа – был единственным защитником православия. Кто был действительный отец дорогого Отечества нашего, освободитель от рабства многих миллионов православных христиан, своих и чужих, и

доблестный покровитель прав этого христианства и человечества.

По получении известия о таком потрясшем весь состав наш ужасном злодеянии, мы, после естественной неизъяснимой скорби, стараемся теперь, как имеющие упование, облегчить скорбь эту молитвою. И вот при помощи Божией совершена троекратно Божественная литургия и великая панихида о упокоении в Бозе почившего возлюбленного благочестивейшего государя нашего императора Александра Николаевича. Наша прямая священная обязанность, отцы и братья, возносить о нем смиренные иноческие молитвы не только теперь, но и всегда, в роде родов, пока существует на земле эта обитель, как за дарованные Его благоволением щедроты оной, так в особенности по призванию нашему – молиться о всех и за вся, тем более за такового благодетеля, наполнившего добродетелями своим и Россию, и многие страны вне ее.

Перечислять здесь все доблестные подвиги в Бозе почившего императора и благодетельные труды его для блага Отечества и других – не нам, скудоумным, но витиям церковным и историкам России и этого мира. Мое, требующее в настоящем случае краткости, слово к вам, отцы и братья, только о том, да не изгладится из памяти и сердец во всю жизнь нашу молитва о в Бозе почившем мученике государе императоре Александре II, который несомненно получит дерзновение у Царя Царствующих за свою редкую доброту ко всем, истинно труженическую страдальческую жизнь для блага ближних и мученическую за них кончину и будет взаимно молиться и сам о молящихся о нем.

Итак, возлюбленнейшие отцы и братья, усугубите ваши молитвы особенно же в продолжение 40 дней, известное вам количество за усопшего, да упокоит Господь Бог душу его в вечных обителях и да подаст тишину дорогому Отечеству нашему и мир всему миру. Я уверен, что вы по любви к своему Отечеству и о нем усугубите в настоящее время ваши молитвы, чтобы сохранил его Господь от бед. Будем жалеть о дорогом Отечестве нашем не на словах только, но всею силою души и

сердца воздохнем пред Богом и молитвенно восплачем о даровании ему мира, благоденствия и всякого блага, исходящего от Отца Светом.

Собственные келейные записи

Бесценный бисер

Один из живущих близ нашей обители пустынников, подходя однажды к принятию Святых Христовых Тайн, нечаянно толкнул Чашу, желая взять в руки илитор, и чуть было не вытолкнул ее из рук священнослужителя. Когда ему сделали за это строгое замечание, он стал скорбеть и неутешно плакать о своей неосторожности.

В этот же день, скорбя, он поник головою и как бы заснул, продолжая и во сне рыдать. И вот он видит пред собою человека, который говорит ему: «О чем ты так горько плачешь?» Он отвечал: «Как же мне не плакать? Я сегодня впал было в такую беду – едва не вытолкнул Чашу». Явившийся ему говорит: «Ведь это было нечаянным образом». Пустынный отвечал: «Хотя оно и так, но все-таки была моя крайняя неосторожность». На что явившийся сказал: «Справедливо так, что нужно подходить с великим благоговением и опасением, и всякая неосторожность требует покаяния. Хотя и ненамеренное дело, но требует очищения исповедью». Затем показал ему маленький сосудец, в котором оказалась совсем малюсенькая частица, блистающая необыкновенным светом. На вопрос, что это такое, явившийся отвечал: «Это бесценный бисер – частица Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Мы приставлены быть всегда при совершении Святых Тайн, и если от невнимания священнослужителя или как бы то ни было утратится какая-нибудь частица, то мы сохраняем ее в сосуде». И при этом показал ему лжицу и лопаточку в виде ножа, говоря: «Этим орудием мы поднимаем утратившуюся частицу». И потом продолжал: «Хотя они сохраняются нами, и никогда ни одна частица не утратится, Вы должны быть осторожнее и в случае неосторожности своей приносить покаяние».

После этих слов пустынный как бы встал и пошел в то место, где живет, и очутился в каком-то саду, который был наполнен деревьями, на которых были цветы необыкновенной красоты, которых он никогда не видал. На вопрос: «Чье это место?» – ему отвечали: «Отца Г.». И он его самого видел

стоящим подле одного дерева, хотя и неотчетливо. Тем и кончилось это видение, и старец возблагодарил Господа, не оставившего его в глубокой печали без утешения.

Чаша с огнем

При выходе из обители двух братьев пошли разговоры, что они изгоняются, отчего некоторые братья начали смущаться. Один из таковых тоже решился выйти, но по усмотрению Божию вперед обратился к игумену, как бы упрекая за изгнание. Игумен рассказал ему всю сущность дела. Тогда он говорит: «Я имею нужду объяснить свои помыслы, но не могу их объяснить ни тебе, ни духовникам, находящимся в обители». Игумен благословил ему пойти к постороннему. К счастью, он попал на духовника, понимающего дело, который сказал ему, что болезнь его не может исцелить никто, кроме его духовника или самого игумена. Тогда он объяснил старцам, что, не умея хорошо читать, он не считал за нужное объяснять духовникам случающиеся с ним немощи, но стал понимать, что у него совесть беспокойна. И вот однажды, когда все братья приобщались, боримый помыслом объяснять ли свои немощи или нет, он решился приступить к приобщению Святых Тайн. Попущением Божиим иеромонах, приобщавший его, неосторожно задел его лжицей, и малейшая капелька Крови Христовой нечаянно попала на левую сторону его бороды, и вдруг все воспламенилось как внутри его, так и снаружи, как будто бы зажгло его. Испугавшись, он уже и не рассуждал, но поспешил принести покаяние чистосердечно как игумену, так и духовнику и остался спокоен в обители.

Благодатное прикосновение

Случай, бывший 1 октября 1878 года.

Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз – это было прочитано одним слушающим Божественную Литургию в то время, когда служащий произносил: *Приимите, ядите...* Слова «*От нихже первый есмь аз*» так глубоко воздействовали на него, что слезы источниками катились из глаз и не прерывались во весь день. В этих словах выразилась вся сила милосердия Божия к человеку и сознание ежеминутных грехопадений человеческих пред величием Божиим. И тогда ему показалось, что все люди гораздо возвышеннее и несравненно лучше его. При повторении слов «*От нихже первый есмь аз*» он почувствовал необыкновенную духовную радость, как бы соединился с Богом.

Вразумление нетерпеливому

Один из братьев неоднократно выходил из обители, но всегда, по особому о нем Промыслу Божию, был убеждаем возвращаться в оную и несколько успокаивался, а потом опять смущался. В одно время, находясь в обители, когда стал он колебаться и смущаться помыслами оставить обитель, пошел к старцу объяснить это и просить его совета. Старец высказал ему все понесенные им лишения духовных даров во время выхождения из обители и потом сказал ему: «Если ты не успокоишься и опять выйдешь, то потерпишь великие напасти, а я тебе даю свободу выходить или оставаться в обители, как хочешь». С этим он и вышел от старца.

Это было во время всеобщего бдения. Брат углубился в размышления и стал со слезами просить помощи Божией, и вот вдруг его озарил необычайный свет, в коем увидел он распятого на Кресте Господа с отверстыми язвами. Он пришел в ужас от этого и услышал глас от Господа: «Видишь ли, что Я претерпел ради тебя, а ты не хочешь здесь понести и малых скорбей ради своего спасения». Брат умилился и остался в обители.

Через несколько времени после этого этот брат видел в сонном видении обитель нашу и над ней как бы на воздухе стоявшего старца, который сказал ему: «Не смущайся!»

Дух противления

Один из поклонников, желая поступить в обитель, просил игумена о принятии его в общежитие. После многих желаний своих, высказанных пред игуменом, ему было предложено пожить немного так и ходить на послушание, которое тогда же и было ему назначено. С самого поступления своего на послушание он оказал дух противления тем, что ему ни послушание, ни келья не понравились. Когда игумен сделал ему замечание, он очень встревожился, но, однако, пошел и по убеждению старшего, рассказавшего ему о силе послушания, по-видимому, принялся за дело. И только что принялся, пред ним вдруг явился среди дня в самом гнусном образе бес и говорит ему: «И ты осмелился меня оставить! Я ли тебя не утешал, доставляя тебе разные удовольствия по желанию твоего сердца?» Конечно, новопоступивший очень испугался, ибо вслед за тем появились ползущие змеи и другие гады, он стал плакать и кричать истерическим криком.

Тогда сказали духовнику, который дал ему наставление, чтобы он не кричал и не боялся ничего. На вопрос, почему это случилось, он высказался, что скрывал на исповеди свои немощи, не желая стыдиться пред духовником. Потом первые дни он ощущал большую боязнь, но когда творил крестное знамение, то все прекращалось. Послушник этот, однако, прожил в обители только около трех месяцев и, смущаясь все более и более, уехал на родину.

Огненное имя

Один из братьев, исполняя временно послушание при поклонниках вне монастыря, не мог всегда сохранять умеренность в употреблении предлагаемого питья. Однажды в 1864 году он против обыкновенного излишне употребил и в таком положении заснул. По случаю прибытия в тот день парохода братья должны были проходить через его келью, но он не слышал этого. На другой день, когда он проснулся, услышал, что некоторые из братьев видели его лежащим в неприличном положении. Совесть сильно стала упрекать его, что он предался излишеству и причинил соблазн другим. Чистосердечно сознав пред духовным отцом свою немощь, по благословению его положил он себе за правило выучить наизусть акафист Иисусу Сладчайшему, что и исполнил, и каждый день прочитывал его келейно.

В один вечер после умирительного чтения акафиста он по обычаю лег отдохнуть и только что стал засыпать, как вдруг услышал шум, потрясающий келью. Устремив взор свой на дверь кельи, увидел влетающих в нее множество бесов. Он обомлел от страха и хотел подняться с кровати, но не мог. Бесы начали играть, петь, изрыгать разные хулы, стали дергать его за одежду, отчего умножился его страх. Тогда один, как бы из начальствующих, стал повелевать другому, чтобы вошел в этого монаха. Но монах при этом не потерялся, начал читать акафист Иисусу Сладчайшему. Бес подошел к нему и сказал: «Отворяй рот». Монах продолжал чтение акафиста. Бес стал усиливаться войти в него, но не мог. Начальствующий бес повторил приказание подчиненному бесу войти в монаха, но подчиненный бес отвечал: «Он что-то нашептывает, и это мне мешает войти в него». Начальствующий бес стал опять повторять своему подчиненному приказание войти в монаха, но в это время монах усилил свою молитву ко Господу и Царице Небесной, чтоб не попущено было врагу обладать им. Бес опять подошел к нему, стал его дергать, мучить и усиливался войти в него. Монах продолжал чтение акафиста. На вопрос начальствующего беса к

подчиненному, почему он медлит войти в монаха, бес отвечал, что пламенная струя, исходящая из уст монаха, опаляет его. Тогда начальствующий бес повелел дать подчиненному своему несколько ударов и вновь повелительно приказал, чтоб подчиненный его вошел в монаха. Опять подошел бес к монаху и сказал своему повелителю: «Не могу войти, пламень выходит из уст монаха от призывания им противного нам имени». Тогда начальствующий бес с великим упреком сказал своему подчиненному: «Я тебе говорил:

«Не доводи его до бесчувственного состояния, ибо монахи имеют обычай после этого сознавать свою немощь и призывают в помощь Распятого». Если бы он тогда-то (указав на время) не упился, то не вздумал бы повторять этих ненавистных нам слов». После чего повелел умножить удары подчиненному своему.

В это самое время раздался звон колокола на правило, и бесы, попирая один другого, бросились вон из кельи, от чего произошло сотрясение столь сильное, что монах упал на пол с кровати. Отдохнувши от этого истязания, он отправился к утрени, исповедал все духовнику, после чего старался быть воздержаннее.

Матерь утешения

Под день праздника Покрова Пресвятой Богородицы один из иеромонахов обители нашей был тяжело болен. Пред началом бдения к нему вошел духовник, которому он выразил свою скорбь, что он нисколько не может участвовать в богослужении. Духовник, уходя от него, сказал ему: «Я иду в соборный храм Святого Великомученика Пантелеимона для принесения из одного части Животворящего Древа и главы святого великомученика Пантелеимона в наш Покровский храм (что делается ежегодно на праздник этот)».

Когда духовник ушел, иеромонах стал молиться Божией Матери сими словами: «Вот глава святого великомученика Пантелеимона, а с нею и сам он невидимо для нас будет присутствовать в храме Твоем, Владычица. Быть может, он помолится и за нас, чад своих, собранных им в свою святую обитель». Затем опять стал говорить: «Хотя мы грешные и недостойные, а Царица Небесная милостива, не окажет ли нам, грешным, Своей милости – посетить храм Свой и осенить нас Своим честным омофором?» В это самое время он услышал пение тропаря великомученику. Сотворив крестное знамение на себе, он вдруг пришел в исступление: ему представилось, что из собора Святого Великомученика Пантелеимона выходит Некая Божественная Жена в багрянице, окруженная великою славою, поодаль Нее шел святой великомученик Пантелеимон в красном плаще, и слышалось неземное пение. Видит, что дошла до главной лестницы нашего русского корпуса. При этом он очнулся и обильный источник слез струился из его глаз. Духовник при чтении первой ектении вновь его посетил и нашел его в слезах радости. Иеромонах передал ему все виденное им и с того времени почувствовал облегчение, а через некоторое время совершенно выздоровел.

Помыслы хульные не от человека, а от бесов

Старец Григорий, родом из Воронежской губернии, прибыл на Афон уже в преклонных летах, был принят в нашу обитель и пострижен в схиму. Нрава он был тихого и смиренного и вида благообразного.

По прошествии нескольких лет он сделался на вид смущенный, мрачный и печальный, стал сохнуть, слабеть и едва ходить. Когда его спрашивали, чем он страдает, какая у него есть болезнь, он на это всегда отвечал, что скука и печаль мучают его, и не может сказать отчего. И это искушение уже три года как изнуряет его. Многократно духовник спрашивал его, отчего он всегда смущен. И ему он всегда отвечал уклончиво и не открывал своих помыслов. Духовник сказал одному его другу, чтобы он как-нибудь выпытал бы у него, какие помыслы смущают его. Тот пошел к нему и долго докучал ему, чтобы он хотя бы ему открыл те помыслы, которые смущают его, но он одно только говорил, что никак не может этого сказать, ужасно боится, дабы сквозь землю не провалиться. Посланный, пришедши к духовнику, передал все слышанное, что он ужасно боится открыть свои помыслы духовнику, как бы от этого не погибнуть.

Тогда духовник понял, что этот старец страдает от духа хульного и, как неграмотный, по невежеству своему и по внушению врага думает, что сказать духовнику про помыслы хульные есть страшный грех. Духовник, немедленно призвавши его к себе, спросил: «Да ты, отец Григорий, страдаешь от нападения злого духа хульного и боишься о том сказать?» «Так, батюшка, так, – отвечал он, – не могу сказать, ужасно боюсь, как только подумаю, чтобы открыть тебе мою беду, так весь приду в ужас и трепет, потому что помысл говорит мне: «Как только скажешь об этом, тотчас провалишься сквозь землю в ад»». Эти слова он едва выговорил, весь дрожа от страха и повторяя: «Не могу, не могу». «Ну, если ты не можешь рассказать мне своих мыслей, – сказал ему духовник, – так я тебе расскажу твои мысли, которые враг приносит тебе на Бога». На это он сказал

замирающим голосом: «Ах, Боже мой, как это можно?» «Так слушай же, – сказал духовник. – Враг приносит тебе мысли хульные, бранные, всякие сквернословия на Бога и на Божию Матерь, на святых угодников, на Святые Тайны и на святые иконы». При этих словах отец Григорий со страхом подтверждал: «Да-да, вот-вот, так-так. Ах, Боже мой! Как ты это, батюшка, не боишься говорить? Это ужас!» «Да я слова эти говорю не свои, а вражеские, – сказал ему духовник, – то, что нам внушают бесы, ибо, как я сказал, они попущением Божиим стараются возмущать нас, особенно незнающих, всякими скверными бранными мыслями на Бога и на все святое, хулы мерзкие, самые тяжелые, несносные и частые. Сами они, проклятые, хулят, а потом станут уверять человека, что это он сам хулит Бога, а беса тут и близко не было. Тогда незнающий человек приходит в великое смущение, и даже отчаяние». «Так, батюшка, так, – сказал старец Григорий, – и мне тоже мысли говорили, что будто бы я сам бранил Бога и что за это я погибну, не спасусь. Такие мысли убивали меня, и я много отчаивался, думая, что если я только открою эти мысли, то сейчас же погибну, и я скорбел и не знал, что мне надо было делать». «Так всегда случается с незнающими и особенно с теми, которые не открывают своему отцу духовнику мыслей, – сказал ему духовник, – в таком тяжком искушении первое средство есть исповедь и откровенность знающим людям и посильная молитва, а главное – то, что советуют святые отцы, чтобы хульные помыслы пренебрегать, вовсе презирать, за ничто считать, не приписывать их себе и не смущаться от них и совсем не обращать на них ни малейшего внимания, ибо Бог знает, что мы не желаем Его хулить, а больше прославлять, и что эти мысли бесовские, а не наши, и мы за них отвечать не будем, потому что мы их не желаем и не принимаем, но они навязываются нам насильно. Если враг заметит кого, что он стал смущаться от богохульных помыслов, на того он более будет нападать, а кто не смущается, того враг оставляет». Такой совет дал духовник старцу Григорию, который с того времени и успокоился.

По прошествии месяца духовник увидел старца Григория и спросил его: «Что, как теперь, помыслы богохульные смущают ли еще тебя?» Тот отвечал: «Слава Богу! Молитвами твоими с того времени эти помыслы оставили меня, и я теперь спокоен». Остальное время жизни он прожил покойно и с миром скончался.

Повесть о помещике

В 1860 году прибыл из Германии на Афонскую Гору русский помещик Г. И. Б. – и прямо в наш монастырь. При первом свидании с русскими духовниками иеросхимонахами Иеронимом и Макарием он отрекомендовал себя так: «Я русский помещик Г. И. Б., служил по статской службе, чин имею 8-го класса, в настоящее время живу в Германии уже 20 лет для воспитания детей. Прибыл на Афон не как паломник или турист, а как изыскатель потерянной истинной христианской веры». На это духовники сказали ему: «Как же это случилось с вами? Вы в России родились и в своей православной вере воспитались там, где самая истинная христианская вера во всей своей красоте и славе процветает, а Вы не видели ее там. Это для нас странно и непонятно! Не так для нас было бы удивительно, смотря на нынешний дух времени, если бы такая слепота помрачила одну вашу молодость, что со многими случается. Этот дух неверия обыкновенно одним внешним образованием воспитанных молодых людей бросает и в огонь, и в воду разных бедствий в жизни, пока своими собственными горькими опытами не убедятся, что без веры в Промысл Божий нет счастья ни в чем. А теперь для нас более чем странно, что Вы человек зрелых лет и до этого времени помрачены юношескою слепотой неверия. А вот мы, напротив, знаем, что в настоящее время в православной России есть много великих святых и столпов Православия. Разве Вы не слыхали о высокой христианской жизни митрополитов Филарета Московского и Филарета Киевского, от которых всякий может научиться таинствам веры?» «Да, я с ними знаком, – ответил он, – особенно с Московским, и когда бываю у него, то мы беседуем с ним два или три часа. Впрочем, и тут истинной веры христианской я не видал. Да я и с оптинскими отцами знаком и всегда в эту обитель езжу говеть и часто с ними говаривал о многом, но все это не удовлетворяло меня. Во мне осталось убеждение, что истинная христианская вера потеряна и вовсе погибла».

Затем старцы спросили его: «Кто же указал вам отыскивать истинную христианскую веру на Афонской Горе?» На этот вопрос он отвечал так: «Я читал книги великих германских философов, которые доказывают, что в настоящее время истинная христианская вера потеряна везде. Отыскать ее можно разве только на Афонской Горе». Теперь только поняли старцы, что он читал книги германских мистиков, которые вбили ему в голову, что истинная христианская вера потеряна. Он, как православный христианин, должен был сначала изучить свое, православное богословие и потом уже позволить себе, и то по совету опытных людей, заняться изучением других христианских вер. Но он сделал наоборот: не зная своей, православной догматики, он прилежно принялся читать сочинения разных западных философов без разбору, не понимая происходящего от того вреда и увлекаясь одним любопытством. Таким образом, он прочитал много философских сочинений, начиная с еврейских и языческих авторов до последних германских мистиков, и все это совокупно сбilo его со стези Православия, в коем он не был утвержден в юности.

На другой день свидания его со старцами он просил их указать ему таких старцев, от которых бы он мог познать истинную христианскую веру. Старцы спросили его, знает ли он по-гречески. Он отвечал, что он многие языки изучил и знает по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-английски и по-испански, а по-гречески не учился. «Если Вы по-гречески не знаете, то ваше желание не может осуществиться, потому что те старцы, о которых мы знаем, что они могут удовлетворить ваши желания, – греки или болгары, с коими вы, не зная их языка, не можете говорить, а через переводчика они не захотят говорить с вами о столь важных предметах веры». «Жаль, что не умею говорить по-гречески, – сказал он. – В таком случае вы помогите мне, посоветуйте, что мне делать и куда обратиться по моему делу. Если я не найду желаемого мною на Афоне, где столько живет строгих подвижников, то где же я буду искать разрешения моих сомнений? Не можете ли Вы показать мне то, что я ищу? Я готов слушать вас. Но только знайте хорошо, с кем будете иметь дело, потому что я изучил все веры, знаю все религии древние

и новые, эллинские, индийские, персидские, халдейские, египетские, читал Талмуд, кабалистику, Коран и разные магии. Читал также и новых философов, особенно люблю германских, но во многом следую мистическому мудрованию. Все это я предварительно высказал для того, чтобы знали, с кем имеете дело, и потому обращались бы со мною поосторожнее, не как с простым вашим братом. И не навязывали бы мне того, чего я не в силах понести физически и нравственно, и не заставляли бы меня делать то, что я не могу. Например, если вы будете заставлять меня исполнять вашу бессмысленную формалистику – ходить на каждую службу в церковь или если дадите мне хоть одну вашу четку поклонов, то Вы этим вовсе убьете меня».

При этих словах духовники, рассмеявшись, сказали ему: «Вот так, хорош же искатель высокого христианского просвещения! Желаете достать из земли драгоценность, а сами и одного раза не хотите копнуть землю». «Да, я нравственно подчиняюсь вам, как ваш послушник, только трудов телесных не могу исполнять», – отвечал он. «Вот видите, – сказали ему духовники, – Вы и сами считаете себя человеком многоученым. Кто же после этого согласится связать себя с Вами родством духовным? Потому что, во всяком случае, Вы не захотите отказаться от самомнения, что Вы гораздо умнее ваших старцев, а потому и советы их, хотя бы были и полезные для Вас, Вы тоже не захотите исполнять, поэтому Вы и не можете достигнуть желаемой Вами высочайшей цели».

При этих словах он с умилением упал в ноги духовникам, говоря: «Святые отцы! Только примите меня Бога ради под свое руководство, а я со своей стороны во всем обещаюсь слушать вас». «Хорошо, Бог да благословит, – сказали ему духовники. – Хотя мы и недостаточны для исполнения такого великого дела, но из любви к Вам, надеясь на помощь Просветителя душ наших, дерзаем принять Вас. Очень жалко бы нам было и неприятно, если бы Вы уехали со Святой Горы, не получив духовного утешения».

После этого он спросил у духовников: «Что теперь прикажете мне делать?» Духовники отвечали ему: «Вы, кажется, читали Лествичника, а потому можете вспомнить изречение его

или совет всякому новонаначальному. Он так говорит: «Хотя бы кто и всю премудрость мира имел, но, поступивши в монастырь, должен начинать с азбуки». И Господь сказал: «Аще не обратитесь и не будете яко дѣти, не внѣдете в Цѣрство Небѣсное» (Мф.18:3). Тут он торопливо спросил: «Да от чего мне обращаться и куда?» Духовники, усмехнувшись, ответили ему так: «Как от чего Вам обращаться? Да у Вас в уме целый хаос задушевных Ваших дум и мыслей, и многообразных познаний добрых, а еще более злых. Этот хаос господствует в душе Вашей и не допускает воспринимать ей свыше духовные впечатления и благочестивые чувства. Если Вы от него не обратитесь к детской благодатной простоте, то и не внѣдете в Царствие Небесное. Поэтому с этого времени Вам нужно всякое наше слово принимать просто, верить ему без рассуждения, никак не рассуждать по-своему, хотя бы оно казалось бы Вам и неправильным, ибо без исполнения этого условия Вы не получите желаемого. Предупреждаем Вас: знайте и приготовьтесь отражать святою простотой всякое сомнение, внушаемое Вам бесами».

Тут он так и ахнул: «Ах, батюшки мои, пожалуйста, вы не говорите мне никогда о диаволе и бесах, потому что я не признаю бытие их». При этих словах его и духовники не вытерпели, засмеялись, говоря: «Да это им на пользу! Тем они удобнее могут всегда владеть Вами». Но он опять начал спорить и говорить: «Да какие тут бесы? Как я сам в сердце моем размышляю, что только хочу, так для чего тут требуются какие-то бесы? Нет, я никогда этому не поверю, да и во всей моей жизни я не видал и даже не заметил ни одного беса». «А если бес заговорит с вами в мыслях Ваших во втором лице, тогда что Вы на это скажете?» – спросили его духовники. «Как, разве это может быть?» – отвечал он. «То-то, что может быть. Он по допущению и явно показывается», – сказали ему духовники. «Ну, тогда поневоле поверишь», – ответил он.

Потом духовники сказали ему: «Послушание дадим Вам по силам вашим. Вот Вам первое послушание: чтобы Вы во всем слушали совести вашей; что только она скажет Вам, то понуждайте себя исполнять. В церковь ходить на всякую службу

мы не обязываем вас, а когда совесть Ваша скажет вам пойти в церковь, тогда идите. И четок также не даем Вам, и никакого особого келейного правила, и никакой особой молитвы, а все это предоставляем вашей совести: если когда скажет она Вам помолиться, тогда помолитесь, сколько хотите. Так же есть и пить, спать, читать и писать – все это делайте по внушению Вашей совести».

При этом он с восторгом сказал: «Вот прекрасно! Это нравится мне!» «Не спешите восторгаться и хвалить то, чего Вы еще не испытали, – сказали ему духовники, – ибо на деле будет иначе: что теперь Вам нравится, то, может быть, после и не будет приятно. Телесных трудов Вы не любите, так хорошо будет, если вместо них Вы полюбите труды мысленные. Вот еще одну заповедь, хотя и нравственную, но для исполнения тяжелую даем Вам: чтобы все Ваши мысли и желания открывать, и добрые, и злые. Это послушание поставляется вам в обязанность, и старайтесь исполнять его строго, ибо это необходимо для спасения, и без исполнения этого Вы не достигнете Вашей цели, потому что нередко случается, что и одна с намерением утаенная от духовного отца мысль или дело хотя и малые, но после причиняют большой вред душе. Тем более вредно душе, если кто во многом скрывает пред духовником свои мысли и дела. А так как Вы много грешили в жизни вашей, а грехи смываются горькими слезами, потому вам надобно приобрести их».

Выслушав это, он сказал: «Ах, Боже мой! Да я от роду моего не плакал. Кто даст мне слезы?» Духовники отвечали ему: «Да это не Ваше дело. Вы со своей стороны будьте расположены принять их, а они в свое время дадутся Вам, а за этим дастся Вам и второй плод духовный – радость, без коей христианин не может быть благонадежен в спасении души своей». К этому еще было сказано ему, чтобы он приходил к духовникам каждый день поутру для беседы и откровения помыслов. На все это он согласился и решился исполнять все с детскою простотой и доверием, что и самих духовников удивляло.

На другой день он по назначению пришел от обедни к духовникам, которые спросили его, как он провел это время, не имел ли каких особых мыслей, смущавших его. «Нет, – отвечал он, – а только я заметил вот что. Когда зазвонили к вечерне, вдруг мысль говорит мне: «Эти монахи – формалисты, не понимают духовной христианской жизни. Они думают исполнением формы спастись. Ну что там услышишь? Все одно и то же: “Благословен Бог наш”, и это повторяется всегда. Ну, пусть они идут туда, а я не пойду». Так я успокоил себя на несколько минут. Потом какая-то тонкая, тихая и приятная мысль так мягко начала мне внушать: «Что же, хотя ради прогулки пойди в церковь, и если не хочешь там стоять и молиться, то можешь выйти и прогуляться, куда хочешь». Я не принял этой мысли, и что же из этого вышло? Вдруг мне сделалось скучно, тяжело до того, что после этого мне уже показалось пойти в церковь, как на приятную прогулку, и я немедленно вскочил со стула и побежал в церковь, с удовольствием простоял я там до конца службы».

Так повторялось с ним часто, пока он не пришел к убеждению, что общественное служение церковное есть богоугодное дело и необходимое для нашего спасения. Он начал ходить в церковь на всякую службу, находя в ней духовное утешение.

Так прошло несколько месяцев. Однажды он, пришедши к старцам, сказал им: «Вчера со мною случилось чудное приключение, чего я во всю жизнь мою не имел». «Что же такое?» – спросили его старцы. «А вот что, – отвечал он. – Вчера, в полдень, напала на меня какая-то скука, ничем не могу развлечь себя, думаю: «Что тут делать?» Читать не хочется, спать тоже, а помолиться еще более нет охоты. В это время совесть моя сказала мне: «Ты имеешь дневники, написанные тобой, но ты еще никогда не просматривал их. Хоть теперь от скуки займись ими, прочитай их». Я достал их из чемодана и начал прочитывать один за другим, а так как в жизни моей много было приключений, выходящих из ряда обыкновенных, то я, прочитав несколько дневников, пришел от того во внимание к Промыслу Божию, забытому мною, но Который тайно и явно

помогал мне в жизни моей. Как только прочитаю какой-нибудь замечательный дневник, напоминающий мне о каком-либо избавлении моем от скорби или беды, в эту минуту я говорил Господу: «Ах, Господи, как Ты милостиво во всю жизнь мою хранил меня и помогал мне во всех моих нуждах, а я, неблагодарный, и забыл благодарить Тебя об этом».

Прочитав их несколько, я заметил, что я от этого как бы расчувствовался и расположился к умилению. Между прочими дневниками попался мне один, отмеченный так: «В таком-то году и в таком-то месяце я поехал ночью из Воронежа в мое имение в карете с женой, у которой был грудной младенец. Ехали знакомой дорогой, кучер задремал, лошади сбились с дороги и упали в овраг со всем: с каретою и седоками. Обрыв был до двух саженьей. Но вот чудо: никто не ушибся, и ничего не повредилось, лошади остались целы, кучер и карета тоже, и мы в карете нисколько не пострадали, кроме одного испуга».

По прочтении этого дневника я пришел в великое сокрушение, пал на колена пред крестом Господним и начал благодарить Господа за такое явное избавление от смерти и вместе с тем укорять себя, что я забыл Его великие благодеяния и во всю мою жизнь оскорблял Его моими грехами, бунтовался против Него. В таких размышлениях и чувствах я сразу начал хныкать, а потом плакать и затем рыдать, да так рыдать горько и страшно, что даже не могу этого хорошо объяснить. Подобное состояние я видал только у истерических людей. И если бы прежде уверяли меня сто духовников, что подобные рыдания бывают у кающихся христиан, я не поверил бы никому. А теперь и самому случилось испытать. Во время моего рыдания пред крестом я не мог взглянуть на Распятого, а по прошествии часа, когда я сказал Ему: «Я во всю мою жизнь бунтовался против Тебя и вовсе не слушал Тебя, а Ты еще хочешь спасти меня», я невольно взглянул на Распятого, и во мне закипела такая страшная радость, что я невольно, как дитя, засмеялся при мысли, что Он не только прощает все мои грехи, но еще хочет спасти меня».

Старцы на это сказали ему: «Так Господь творит с душами, возрождающимися из греховной жизни в святую жизнь».

С этого времени он получил от Господа дар слез и плакал часто и очень много. Так продолжалось несколько месяцев. В продолжение этого времени он при посещении старцев открывал им свои помыслы, особенно которые приходили к нему во время Литургии. Вначале на Литургии помыслы смущали его сильно и говорили ему: «Зачем ты пришел сюда, чего искать? Здесь живут люди простые, невежи, которые ничего не понимают духовного. Тут есть только два иезуита, прелукавейшие люди – Иероним и Макарий, которые своею хитростью собрали к себе пятьсот человек мужиков, обманывают их и царствуют над ними. А потому лучше беги отсюда куда-нибудь в другое место, или хотя в греческий монастырь, или иди на остров Мадера – там климат хорош, и там тебе будет легко и свободно жить». Старцы уверяли его, что это мысли не его, а бесовские, а потому верить им не должно, однако он этим не убеждался.

Однажды он сказал старцам: «Что я буду делать, отцы? Мысли гонят меня из Афона куда бы то ни было». Старцы, по обычаю, стали уверять его, что эти мысли не его собственные, но вражьи. Однако он этим не убеждался, и потому старцы принуждены были дать ему совет такой. Впредь, если мысль будет смущать его, соблазнять против старцев и советовать удалиться с Афона, чтоб он сказал мысли той так: «По заповеди отцов моих духовных заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи мне, кто ты такой». И потом, какой будет ответ, чтобы сказал старцам. «Да разве послушают меня?» – спросил он. «Нет, Вас не послушают, а ради заповеди отеческой послушают Вас», – отвечали ему старцы.

При этом он спросил старцев: «Что это значит, что я иногда узнавал происшествия необыкновенные? Например, однажды, будучи в Италии с детьми моими, в один воскресный день я был приглашен с детьми к одному знакомому в гости, и, будучи там, в полдень, сидя между ними, я вдруг говорю им: «Вот в соседнем городе сделалось землетрясение и несколько домов разрушилось». Присутствовавшие удивились этому и записали час и минуту. И действительно, скоро пришло из того города известие, что там было землетрясение и разрушилось

несколько домов». Старцы, усмехнувшись, ответили ему, что это пытливый дух сообщил ему о том. Он от этих слов заметно сконфузился, но ничего не возразил.

По прошествии некоторого времени в одно утро он пришел от обедни к старцам со смеющимся лицом. Старцы спросили его о причине смеха. Он отвечал: «Дайте мне отдохнуть, я устал от смеха». Потом он рассказал старцам следующее.

«Сегодня я пришел в церковь к началу святой Литургии. Как только начали Литургию, непосредственно пришла ко мне мысль и начала, по обычаю, хулить форму службы и самих формалистов, особенно вас, духовников, и затем начала убеждать меня, чтобы удалился с Афона. В это время я вспомнил ваш совет, какая-то другая мысль напомнила мне его: «Вот теперь хорошо испытать совет духовников». И я тотчас сказал хульной мысли: «По заповеди отцов моих духовных заклинаю тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи мне, кто ты такой». Сразу после этого я слышу пред собою голос, отвечающий мне так: «Да диавол!» И еще слова его: «Ну, когда этот искариот Иероним разоблачил нас, то теперь нечего таиться. Что это ты, проклятый, оставлять вздумал нас? Я во всю жизнь твою служил тебе, и угождал, и уж прозорливым сделал тебя, а ты за все это неблагодарен остался ко мне!» «А разве это ты давал мне прозорливость?» – спросил я его. «А кто же?!» – отвечал он. Потом я спросил его: «А что ж было бы со мною после?» – «А вот что было бы с тобою: пред смертью твоей я разоблачил бы тебя и показал бы тебе, что все это было мое дело, а не Божие, и ты бы от этого пришел в отчаяние и сам себя убил бы». На это я сказал ему: «Ах ты, проклятый!» Он мне в ответ: «Сам ты проклятый!» И затем начал бранить меня с яростью бесовской самыми скверными площадными словами. Потом слышу – он говорит какому-то другому бесу: «Слышишь, Васька, этот проклятый хочет избавиться от нас. Нет, и сто Иеронимов не избавят тебя от нас!» Потом эти бесы начали кошунствовать над службою Божией, произносили разные сквернословия: ко всякому возгласу и пению и они прилагали свои скверные присказки и тем смешили меня чрезвычайно».

Тогда старцы спросили его: «Итак, что же Вы теперь скажете о небытии бесов?» На это он, усмехнувшись, ответил: «Теперь уже в этом нельзя сомневаться».

С этого времени он стал верить в бытие отступнических духов и начал познавать различие мыслей: какая мысль своя, человеческая, и какая мысль от Ангела-хранителя, а какая злого духа.

По прошествии нескольких дней при вопросе, слышит ли он теперь мысли злого духа, он отвечал: «Теперь я слышу мысли его отчетливо, каждый день я с ним разговариваю, спорю и бранюсь. Он продолжает злобиться на меня, проклинает и бранит меня все площадными словами, самыми грубыми и мерзкими, зачем я раздружился с ним и более не слушаю его, и постоянно угрожает мне то тем, то другим, а более всего докучает он мне в церкви». «Итак, Вы теперь уже не называете нас более формалистами? – спросили его старцы. – Потому что вот и сами уже сделались формалистом, да еще ревностнее нас». «Да, – ответил он, – это все я заимствовал из чтения книг мистических и теперь вижу на опыте, что это было заблуждение. Впрочем, я все-таки убежден, что у нашей Православной Церкви нет таких высоких и глубоких сочинений религиозных, особенно таинственных или по части созерцательного богословия, как в Церквях Западных – протестантской и католической».

«Да, это Ваша правда, – сказали ему старцы, – для вас эти сочинения и высоки и глубоки, потому что Вы в этом так убеждены. А причина этой ошибки та, что Вы вовсе не читали, а потому и не знаете своей, домашней православной догматики и патристики. А нам, православным, ваши иноверные мистические сочинения или писания кажутся вовсе низкими и мелкими в сравнении с писаниями святоотеческими, потому что они не выдерживают критики православного здравого разума. Да, кажется, Вы и сами не совсем доверяете им, потому что Вы однажды говорили нам, что более придерживаетесь учения неоплатонического. Но если бы Вы читали писания святых отцов нашей Православной Церкви о таинственной или внутренней жизни христианина, то не могли бы так

заблуждаться и говорить, что в еретических церквях есть такие высокие и глубокие писания о таинственной жизни христианской, каковых писаний будто бы нет в Православной Церкви. А вот для опыта мы дадим Вам почитать только две книги из множества таковых писаний святых отцов. Уверены, что по прочтении их Вы вовсе перемените свое убеждение и на опыте увидите, какая есть между ними великая разница». Затем старцы дали ему две книги для прочтения: преподобного Макария Египетского и преподобного Исаака Сирина.

По прочтении этих книг он приходит к старцам и говорит: «Отцы, я привез из Германии книг двадцать самых лучших сочинений мистиков и философов германских, думая, что здесь, на Афоне, они будут мне нужны или полезны. Но, как вы и говорили, на опыте оказалось противное. Прочитавши данные мне вами две книги, я совершенно уверился, что немецкие книги теперь вовсе не нужны мне и даже вредны, потому прошу у вас благословения сжечь их». Один из старцев возразил ему на это: «Подождите, не спешите истреблять их. Может быть, когда-нибудь потребуется сравнить их с нашими для большего обнаружения их заблуждений. Впрочем, все эти сочинения разобраны нашей Церковью и осуждены, как неправославно мудрствующие».

Однако он не вытерпел и на другой же день бросил их все в печку. При свидании старцы спросили у него, каких мистиков и философов сочинения он имеет у себя. «Разных, – ответил он, – но я уже успел все их сжечь; так они опротивели мне, что и смотреть на них не хочу». «Ну, так и быть, – сказал духовник, – а мне хотелось было прочитать некоторые места из Шеллинга, Эккартсхаузена и Беме. Мечтания последнего – пресмешные. Однако находятся люди, именующие себя великими учеными, которые верят таким бредням. Многие из германских философов так высоко и глубоко заучились, что даже дошли до отрицания и самого нашего бессмертия. Такие сочинения вредно читать православным людям, еще не утвержденным в своей вере».

При этих словах наш собеседник тяжело вздохнул: «Так, отцы! Вот и я еще этой болезнью страдаю, и я не верю в

бессмертие, и хотя скорблю об этом день и ночь, не могу ничем себе помочь. Что мне делать? Не знаю. Хочу верить, но не могу – не верится, и это состояние мучит меня постоянно».

На это старцы отвечали ему так: «Вы сами знаете из Писания, что вера есть дар Божий, ибо мы сами себе дать ее не можем. Вспомните апостолов, и они просили у Господа приложить им веру. По этому примеру и нам следует просить у Господа, да дарует нам веру, и просить должно без сомнения, тогда мы непременно ее получим. Так и Вы с детским доверием предоставьте это великое дело Господу и с болезнью сердечной умоляйте Его милосердие об этом и будете Им услышаны. Священное Писание уверяет нас в этом, когда говорит: *Услышит тя Господь в день печáли... Даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит* (Пс.19:1–5)».

С этого времени он много молился и плакал об этом, дабы Господь избавил его от неверия в бессмертие и даровал ему веру несомненную в Него. Жалкий! Начитавшись книг вредных, он как бы против воли своей во многих истинах догматических сомневался. Веру православную он считал потерянной потому только, что в настоящее время не видел в ней совершаемых древних чудес. На это было сказано ему, что «чудеса и до этого времени продолжают совершаться благодатью Божией, хотя и менее прежнего, но они продолжают и будут продолжаться до скончания мира. Но, чтобы видеть их, для этого надо иметь открытые благодатью Божией очи, и Священное Писание научает нас, как просить об этом Бога, говоря: *Открый очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс.118:18). А известно, что ослепление очей внутренних всегда бывает от любви к земным вещам, что показывает разительный пример современных Иисусу Христу книжников и фарисеев, которые были все люди ученые и правильно поучавшие народ, но поскольку они имели очи сердечные, ослепленные пристрастием к славе человеческой, то хотя они и видели чудеса Христовы, но не признавали их за истинные, потому что они были для них невыгодны, ибо они затмевали их славу. Так бывает и в настоящее время: многие люди не верят чудесам, а немцы и вовсе отрицают их. Вы же им подражаете во всем,

проживаете между ними десятки лет с семьями вашими, отдаете на воспитание им детей ваших и тем вовсе отчуждаете их от своего отечества и своей православной веры, даже и от отечественного своего языка, потому что они из-за границы возвращаются уже не русскими, а потерявшими веру свою и язык русский. Не смешное ли это дело, что природные русские не умеют говорить по-русски? Вы можете видеть из собственного примера, как вредно православным, не утвержденным еще в своей вере, проживать долго за границей. Вот Вы, как чадолюбивый отец семейства, отправились за границу с самым добрым намерением, чтобы лучше воспитывать там детей своих. А так как Вы сами не были тверды в вере по причине неведения догматов веры православной, потому Вы и сами потеряли веру православную и впали в разные ереси, например, в мистицизм, который более других ересей льстит сомневающемуся любопытству, потому-то он и показался вам как будто мудрее всех вер по причине находящегося в нем хаоса хитросплетений демонских и человеческих, и вы, не имея помазания христианского, не могли усмотреть в этой ереси душепагубных мудрований, которые Церковь Христова отвергла и предала проклятию. Может быть, дети ваши и не заразились западным неверием, но сами-то Вы весьма повредились, живя долго за границей. Да и как не повредиться в такой большой период времени, как двадцатилетний, живя между иноверцами, которые большей частью атеисты. Поэтому Вы во все то время не имели в себе чувств религиозных, сладко утешающих православных христиан, особенно в воскресные дни и в праздники».

«Да я об этом и не знал, что христиане утешаются по воскресным дням и по праздникам сладкими религиозными чувствами», – отвечал он. «Как так? – возразили ему старцы. – Разве у Вас в жизни дни были равные? Неужели Вы одинаково чувствовали себя как в будни, так и в воскресенье, так и в праздники?» «Даже и в день Пасхи я не чувствовал в себе особой радости, – отвечал он, – а так, как принято в большом свете – в такие дни получше одеться, пойти в гости, или к себе гостей пригласить да в театр съездить, или в маскарад, или

куда-либо на бал, или в прогулку, поговорить о моде, о новостях, – вот в этом и все наше утешение. Вот какими делами мы утешаемся в праздники, а о тех утешениях христианских я и не слыхал».

«Так хотя теперь услышьте и узнайте, – сказали ему старцы. – Благодать Святого Духа, дарованная христианам в Крещении за заслуги Господа нашего Иисуса Христа, всегда утешает их во всех их скорбях и печалях житейских, особенно в воскресные дни и в праздники. И во всякий праздник дарует им приличные празднику утешительные чувства и веселие духовное, и всякому даются утешения духовные и веселие по мере веры его. Чем больше праздник, тем более и возвышенные даются утешительные чувства. Какими утешительными чувствами и радостями духовными наслаждались христиане в день Рождества Христова! А в Новый год обновляется ум у христиан совсем другими радостными чувствами и мыслями. В день же Крещения Господня иное высочайшее обновление ума ниспосылается верующим, в Сретение Господне – другое. Благовещение особенными приятнейшими духовными чувствами волнует душу христианина, также Вербное воскресенье и Страстная седмица. Все эти святейшие дни имеют свои утешительные восторгающие чувства и как бы духовные вкусы и обоняния. А Пасха святая – это венец всех радостей и восторгов христианских! Сколько в эту Божественную седмицу прочувствует истинный христианин духовных утех, неизреченных радостей, веселий и восторгов! Затем и последующие праздники как продолжение помышления праздника святой Пасхи он празднует Господу Богу, и они питают души верующих манною небесною, как-то: Антипасха, Преполовление, Вознесение Господне. Пятидесятница особенными сладкими утешениями и умилениями дивно волнует души и восторгает в любовь Божию. Укрепляющиеся, утешающиеся и увеселяющиеся в праздники благодатью Божией христиане без ропота переносят горести житейские. Мы сказали, что все праздники утешают христиан, не только великие, но и малые. Опытные знают, и мы говорим не от себя, а из заимствованного нами понятия годового круга

богоучрежденных служб церковных. Сам Господь наш Иисус Христос благоволил удивительно премудро устроить во славу Свою всю службу церковного года, просветив святых Своих апостолов Духом Святым, Который через них и передал последующим христианам как святую Божественную Литургию, так и прочие Божественные службы, которые время от времени пополнялись святыми мужами, угодниками Божиими, которых Дух Святой умудрял писать песнопения во славу Божию. Проследите наши богослужебные книги – там Вы увидите беспредельное море, волнуемое бесчисленными благодатными волнами. В этих книгах изображено все необходимое для нашего спасения. Многие множество стихир и канонов представляют как бы неиссякаемый духовный источник, источающий целебные бессмертные пития, напоющий многообразным благодатным питием жаждущих исцеления духовного христиан. Какое множество в них находится слов и чувств покаянных, умилительных, уверительных, возбудительных и угрожающих, но вместе с тем и ободряющих, увещательных, веселых и радостных, удивительных и восторгающих! Все службы праздникам, стихиры и каноны их выражают дух каждого праздника и тем внимающих христиан веселят и восторгают разными утешениями по мере веры приемлющего духовные утешения. Разве те только из христиан лишаются духовных утешений в праздники, которые помрачены печалью греховной, происходящей от делания смертного греха. Но и такие люди, если захотят обновиться в покаянии, могут получить благодатное утешение, как многие бывали тому примеры.

Если Вы скажете, что не многие из христиан понимают или разумеют службу церковную, то это будет несправедливо, потому что она устроена благодатью Божией удобной для разумения всех христиан по мере их веры и познания, а разве только не все могут разуместь ее вполне, то это не препятствует благодати Божией утешать в праздники и младенствующие умы христиан, как сказано в Евангелии и как то показывает история церковная. А так как Вы воспитываете детей своих не в страхе Божиим, а лишь внешним обучением иностранным языкам и

приличию светскому, танцам и хождению в театры и маскарады, а не в церковь Божию, и вовсе не обучаете их знанию веры, потому они и не знают праздников христианских, что они значат в нравственном отношении и какую пользу нравственную приносят христианам. Таким образом воспитанные христиане не могут принимать от благодати Божией духовных утешительных чувств, потому что для них будет казаться сие несообразным с принятыми в большом свете обычаями и понятиями или даже вовсе глупостью. Так Господь сказал: *«Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, Егже мир не может прияти»* (Ин.14:16–17)».

«Да, это для меня удивительно, – отвечал он, – и я еще ни от кого об этом не слыхал». «Вот, теперь Вы узнали об уставе церковной службы, – сказали ему старцы, – и сами на деле испытываете, что так точно есть, как Вам объяснено, и сколь он, этот устав, спасителен и необходим для нашего спасения, а не так, как Вы прежде думали и говорили, что это ненужная форма для истинных христиан, и православных христиан Вы называли формалистами, не понимая истинного значения Церкви Христовой Православной». При этих словах он, улыбнувшись, сказал: *«Но мы теперь возстахом и исправихомся»* (Пс.19:9).

Однажды, стоя, по обычаю, на хорах Покровской церкви, когда он уже признал бытие бесов, и они постоянно с ним толковали, надоедая ему всяким возможным образом, среди прочего он слышит, что один бес говорит другому: «Знаешь ли что? Завтра придет пароход и М-ке привезут сорокоуст». Г. И. после службы приходит к старцам и, смеясь, говорит: «Завтра ждите, что-то вам хотят привезти мои приятели». Старцы, посмеявшись этому, сказали: «Вероятно, враг что-нибудь выпросил у Господа, чтобы возмутить чем-нибудь наше спокойствие». В самом деле, на другой день приходит пароход и привозит известие об одном обстоятельстве в Одессе, нанесшем монастырю по действию общего всех врага значительный ущерб.

Г. И. Б. ходил в церковь на всякую службу к началу, молился усердно и много плакал. В пище он удивительно был воздержан, его любимая пища была картофель и лук, а мяса он

и в миру, в семействе, не ел, вина и чаю не пил. Впрочем, телосложением он был тучен.

Однажды он в необыкновенное время пришел к старцам с чрезвычайно веселым лицом и запыхавшись. Старцы спросили его о причине его радости. «Я к вам не шел, а бежал», – отвечал он. «Ну, сядьте, успокойтесь и расскажите нам, что с Вами такое случилось», – сказали ему старцы. Он сел и начал говорить: «Я уже прежде объяснил вам, что я страдаю духом неверия в бессмертие, и что это мучит меня день и ночь. Скорблю об этом и сетую, молюсь и плачу. Прошу Бога, дабы Он избавил меня от этой тяжелой печали, но все напрасно, нет никакой перемены и облегчения моему печальному положению. В таком настроении духа я теперь ходил взад и вперед по коридору, скучая и не находя, чем бы себя развлечь и утешить. Вдруг тихая мысль говорит мне: «Войди в келью, сядь и пиши». Я, не раздумывая, спросил: «Что, Господи, писать?» Мысль отвечает мне: «Что тебе будет сказано». Я вошел в келью, сел на стул, взял карандаш и бумагу. Потом мысль сказала мне: «Пиши: первый урок о бессмертии». Далее мысль говорит: «Пиши: человек создан не бессмертен, но бессмертие даровано ему от Бога; если бы не было ему даровано бессмертие, он не был бы достоин Бога». Дописавши до этого места, у меня сделалась такая большая радость, что я уже не мог более писать, а побежал к вам рассказывать об этом».

Старцы на это заметили ему, что надобно было подождать окончания просвещения духовного. Впрочем, если сказано было, что это «первый урок о бессмертии», следовательно, должно последовать и второму уроку, с чем он и сам согласился.

После этого происшествия он заметно успокоился и уже с тех пор не жаловался более на тяготу неверия в бессмертие, а мысль стала склонять его, чтобы принять монашество, и он стал беспокоить старцев требованием пострижения. Старцы, зная его большое семейство и неустроенных детей его, которые, хотя и жили у родных, но те о них мало заботились, к тому же зная и то, что пред отъездом своим из Германии на Афон он писал к митрополиту Московскому Филарету, с которым был знаком,

прося у него совета и благословения остаться на Афоне, но тот ему не посоветовал оставаться по причине малолетних его детей, не согласились принять его и постричь в монашество и наотрез отказали ему в этом. Но он был непреклонен к совету старческому, а требовал непременно, чтобы старцы исполнили его желание. Они убеждали его по несколько часов, выставляя на вид, что он не исполнил обычного трехлетнего искуса, который узаконен поступающим в обитель. «Но те, – говорили они, – люди непытливые, а предаются, по слову богоносных отцов, как железо кузнецу. А вы, начитавшись столько заграничных бредней, можете ли так скоро предаться воле отца духовного? Потому что и малейшее отсечение своей воли приводит вас в тревожное состояние и вырываются такие намеки: «Что вы мне говорите? Я несравненно более знаю, нежели вы говорите!» Теперь Вы не связаны священными узами монашества, если со стороны вашей что-либо и последует, то не особенно будет заметно ваше положение и оставление обители. А тогда уже будет совсем другое дело!»

Все эти убеждения не подействовали на его упорство – он стоял на своем. Тогда старцы вынуждены были спросить его, имеет ли он к ним полное доверие, как бы ни состоялась воля Божия. «А за решением этого дела, – сказали они, – мы пойдем к игумену: как ему Господь возвестит, так и да будет. Но при этом вас нужно спросить: доверяете ли игумену истинную веру Божию?» Тут он подтвердил: «К чему такие тяжелые испытания, когда я всему верю?» За этими словами духовник отец Иероним пошел к игумену, и, пока духовник был у игумена, Г. И. прибегал несколько раз к отцу Макарию, спрашивал: «Как Вы думаете?» Он ему только отвечал: «Теперь думать нечего, когда дело поручено воле Божией. Что она скажет, так и быть поэтому». Он же говорил: «Нет уж, Вы уже знаете». На что отец Макарий ему сказал: «Следственно, нет воли Божией, если я это знаю?» И справедливо. Старцы вполне отдались воле Божией, что Господь возвестит через старца-игумена. Через некоторое время приходит от отца игумена отец Иероним, и Г. И. к нему сейчас же быстро прилетел, и, получив ответ, что игумену не возвещается о пострижении его в монашество, ничего не мог

ответить, только вздрогнул и потом сказал: «Ну что делать? Подожду». И ушел. Пред вечерней пошел к нему отец Макарий, и при встрече его он сказал: «Все Вы иезуиты и больше ничего!» Отец Макарий стал говорить: «А где же вера ваша в волю Божию?» Тогда он заткнул уши и побежал от него, а к вечеру уже явился в своем пальто и желал, чтобы все братья видели его и вопрошали бы об изменении костюма.

Так продолжалось с неделю, пока он обдумывал свои планы. Вдруг ему пришло просвещение помолиться. Когда он начал молиться, то слезы из его глаз лились ручьями, и тут ему было богословское вразумление – сначала о догмате Святой Троицы, а потом уверение в правильности ответов духовнических и внушение, что «ты после сам будешь благодарить». Тогда он пришел к старцам, извинился пред ними и тут же опять надел послушническое платье и по-прежнему стал ходить в церковь. Так он благополучно отпраздновал Пасху, говоря, что он в продолжение своей жизни такую Пасху еще первую празднует по духовному значению и торжеству.

Чрез месяц после Пасхи он получил из России какое-то известие о своих детях, которые воспитывались у его тестя. Ему писали, что материально они содержатся хорошо, но нравственно решительно брошены. После этого он повергся в уныние и не знал, что ему делать, и, наконец, решил уехать, что и мы ему посоветовали. Тогда уже ничем нельзя было его остановить, и он едва мог дожждаться парохода. На приглашение наше остаться на день святого великомученика Пантелеимона он и то не согласился и уехал с миром с Афона в Германию к своему семейству, вполне оставшись доволен посещением Афона и нашей обители, приютившей его около года, оставив и нам по себе очень приятные воспоминания.

Чудесное обращение грешника к покаянию

В 70-х годах прибыл на Афон, в наш монастырь, из сибирских стран торговый человек лет около 30, довольно развитой, который решился остаться в нашем монастыре на всегдашнее жительство. Рассказ духовному отцу об обстоятельствах своей жизни он начал так:

«Я уроженец сибирских стран, из торгового сословия. Родители мои были православные. По научении читать и писать меня отдали одному богатому купцу, у которого я выслужился исправным приказчиком, а вместе с тем среди буйного общества его приказчиков я сделался, подобно им, как говорится, гулякою, кутилою и, к пагубному моему несчастью, еще хуже того – я сделался нигилистом. В таком гибельном состоянии для меня все было нипочем. Но Бог любви и милосердия не попустил мне погибнуть: чудным знамением Он обратил меня к покаянию. Это было таким образом.

В одно зимнее время я кутил до самозабвения. В это время издали мне показалась светлая точка, наподобие звезды. Такое странное явление удивило меня. Сперва я думал, что это мечта воображения и что скоро пройдет и более не повторится, но она не оставляла меня, и, куда я не обращусь, везде ее вижу. Это привело меня в разные думы и догадки, я задавал себе многие вопросы: «Что это такое, к чему это и для чего?» Это явление очень отяготило меня, и я не знал, как от него избавиться, ибо это мешало моему разгулу. Я сделался скучен и робок, склонность к развлечениям у меня упала. Все мое внимание обратилось на видимую мною светлую точку, которая умственным внушением убеждала меня в бытии Бога и бессмертии души и советовала не предаваться более чувственности, но обратиться к покаянию. Но по привычке к развратной жизни кое-когда я позволял себе грешить, после чего мне делалось так худо, страшно и ужасно, что я не могу того и объяснить. Я чувствовал в душе своей страшный суд, что за мои грехи буду осужден на вечные мучения. В это время спасительная моя звезда внушала мне решительно оставить

мирскую жизнь и идти в монастырь, на что я и решился. Слыша об Афонской Горе, что она более удобна для монашеской жизни, я пожелал прибыть сюда. С этого времени светлая точка уж более не являлась мне».

После такого объяснения он просил о принятии его в монастырь, был принят и определен на послушание по экономии, которое исполнял примерно и со страхом Божиим. Потом он был сделан экономом и послан на монастырский хутор на Кассандру, где он управлял этим имением хорошо два года. Заболев, простудившись, он прибыл в монастырь и, принявши схиму, мирно отошел в вечность.

Повесть об иеросхимонахе Феофане

Известный русским насельникам Афона подвижник иеросхимонах Феофан, живший долгое время в скиту Кавсокаливском, был родом из Белой Церкви (Киевской губернии). Прибыл на Афон в 1842 году, имея от роду лет 25. Вначале он несколько лет прожил на разных кельях, испытывая себя. Потом он поселился в русский Ильинский скит и там сделался монахом и иеромонахом. Проживши там около трех лет, он был оттуда выслан по причине возмущения братии против игумена Паисия, в котором он по неопытности своей принял участие.

Вышедши из скита, он пришел в Русик к духовнику Иерониму за советом и просил его, чтобы он принял его в духовные свои дети и посоветовал бы ему, что в таком искушении должно делать. Духовник заметил ему, что это надо было сделать прежде падения, ибо таковые великие дела надо делать по совету с духовником. Он на это замечание ответил духовнику так: «Еще в начале возмущения, когда братья приглашали меня принять в нем участие, совесть посылала меня к тебе за советом. И я пошел было к тебе, и дошел уже до креста, но один помысл возвратил меня назад, говоря: «Для чего же ты идешь к духовнику? Ведь знаешь, что духовник не посоветует тебе возмущаться против старца!» Я, обольстившись сладостью греха любоначалия, принял этот вредный душе помысел, возвратился назад и вот потому впал в ров беззакония. Теперь что мне делать? Как это зло поправить?»

Духовник посоветовал ему поселиться где-либо подальше от скита. Принявши этот совет, он поселился в монастыре Хилендаре, где он служил, держал седмицу и был сделан духовником для исповедования богомольцев. Прожив там три года, он отяготился исповедью богомольцев и пожелал пойти в безмолвие. Духовник дал ему на это благословение, и он перешел на жительство в скит Кавсокаливский, где купил малую каливу с церковью Всех Святых, в которой прожил 15 лет один с полным вниманием к безмолвию.

В начале его безмолвия, по прошествии года, он спросил духовника: «Какой-то помысл советует мне причащаться ежедневно, и я не знаю, от Бога это или нет?» Духовник сказал ему, что от плода познается древо и доброе, и злое. «Для духовного опыта причащайся ежедневно с полным исполнением правила к Причащению и с воздержанием. А после будем смотреть, какие плоды духовные явятся из этого дела». Так он и поступал. Все время проводил в Иисусовой молитве и в чтении книг русских и греческих. Рукоделием он вовсе не занимался, ибо оно мешало ему, и препятствовало заниматься молитвою, и приводило его в смущение. Он приходил к духовнику два раза в год по причине дальнего расстояния: сухим путем было 40 верст, а морем – 10 часов, и то, когда на море тишина.

Однажды при свидании с духовником он сказал ему: «Что я буду делать, отче? Как ни стараюсь, как ни усиливаюсь удерживать себя от рассеянности, но враг препятствует мне много, и я вижу, что не могу безмолвствовать совершенно без обеспечения телесного. Беспрестанно и всегда враг находит причины к моему смущению: вот нет хлеба, вот нет сухарей, вот нет одежды, обуви – или: что поправить в каливе, где взять уплатить подати? Вот надо принять ученика, чтобы зарабатывать на хлеб, вот надо купить казан, чтобы получать регальное масло, и прочее. А каковы нынче ученики? Им надо старцу кланяться, а не они – старцу. И подобные тому прилоги не дают мне свободы заниматься молитвою. Смущаюсь, унываю и не знаю, что мне делать. Вспоминаю опытный совет богоносных отцов, чтобы каждый безмолвник зависел содержанием от своего аввы. Верно, и они испытывали трудности безмолвия без обеспечения телесного. Да, смотрю на современных безмолвников, как они, не имея обеспечения телесного, бедствуют, волнуются и, бедняги, не достигают своей святой цели». Духовник, подумавши, сказал ему: «Так как ты, принявши от меня великую схиму, усыновился мне, потому я, как собрата нашей киновии, обеспечиваю твое телесное содержание. А потому с этого времени ты уже более не беспокойся о содержании, что только будет нужно, доставим тебе». С этого времени он стал свободно заниматься молитвою.

Церковное правило он читал по книгам, а Иисусовой молитвою занимался в кельи, сидя на низком стуле, по Добротолубию, сначала по часу, а потом по два часа и по три, а далее по четыре, по пяти и по восьми часов. Однажды при свидании с духовником он сказал ему: «Когда я сижу и творю молитву, то иногда, случается, забудусь и слышу, что кто-то поучает меня разными притчами, подобно тому, как написано в книге Макария Египетского».

Духовник сказал ему: «Ты спросил его, кто он такой?» Он отвечал, что однажды он спросил его: кто он, беседующий с ним? Ответ был такой, что он – Тот, Который преподавал вам Евангелие!

«С того времени я слышу другой глас – вражий, который все хулит и помрачает. Иногда по окончании молитвы и беседы этот глас вражий проговорит: «Вот жид наставил тебя. Для чего ты этой молитвою занимаешься? Нынче она уже вышла из моды, и никто ею не занимается». И очень часто этот бес докучает мне разными прилогами, особенно когда читаю правило. Однажды только я начал читать полунощницу, бес начал свое болтать: «Вот ты уж несколько дней не варил ничего, нынче свари что-нибудь, а то изнеможешь!» А я читаю и не обращаю внимания на его слова, а он все продолжает свое: «Свари кушанье хотя бы для кота, а то ты его заморишь. А, знаешь ли, что сваришь? Свари борщ. Трава есть, положи луку, пережарь его – и выйдет вкусный борщ!» А я все молчу. К концу утрени он начал приставать: «Что же, сваришь ли? Скажи мне. Коли не сваришь, то я буду плакать!» Я заметил это слово и подумал: «Неужели и бесы плачут?»

Впрочем, я не послушался его, не стал варить ничего, а в девятом часу взял хлеба, маслин и смоков и поел. Потом вышел из кельи, сел на завалинку, окинул взором окрестность: кругом горы и холмы дикие, вдали море бесконечное – и предался размышлению: «Вот такая моя жизнь, по пословице, «желтенькая», и какое безвыходное мое положение: скорби да скорби, лишения и больше ничего. Увы, какая моя жизнь безотрадная!» От этого сжалось сердце мое, напала печаль, и я начал плакать. В это время мне говорит в сердце голос: «Вот

видишь, как бес в тебе плачет. Он хитро исполнил свое обещание!» Услышавши такое вразумление, я ободрился и спросил: «Как же это можно поверить, что это во мне бес плакал, а не я сам?» На это ответ мне был такой: «Ты сам рассуди, от каких мыслей ты начал плакать? Враг внушил тебе, что ты проводишь жизнь скорбную, безнадежную и что твое положение безвыходное, как будто впереди лучшего состояния не будет, а все кончится ничем. И вовсе помрачил твою память о воздаянии в вечности за твои труды, как будто ты не ради спасения живешь в пустыне и терпишь многие лишения. И ты в таком случае забыл напомнить себе слово Евангелия: *«Рáдуйтесь и веселитесь, я́ко мзда ва́ша мно́га на небесе́х»* (Мф.5:12). И вот ты от духа уныния начал вместе с ним плакать. И вот для духовного опыта твоего показано тебе, каким образом бесы плачут в сердцах людей нерассудительных».

Много обманывал меня бес, стараясь отвлекать меня от созерцательной молитвы, которую он очень не любит. И если, когда случалось в молитве созерцать какое видение, тогда бес старался это помрачить разными сомнениями: что это мечта была, а не истинное видение, игра воображения, что этому не должно верить, что это есть прелесть и подобное тому.

Духовник спросил его: «Каким образом в молитве приходят тебе созерцания, видения и откровения? Сознательно ли? Ум твой в это время имеет ли свободу верить или не верить виденному, принять или не принять?» Он отвечал, что в это время ум лишается своей свободы и не может рассуждать, но, как во сне бывает, видит, что ему представляется, но не имеет свободы принять видение или не принять. Духовник спросил его: «А в каком положении в это время тело находится?» Он отвечал, что иногда стоя на коленях, а иногда в лежащем положении на полу, а иногда в сидячем положении. Это бывает так, что творящий Иисусову молитву на коленях или сидя забывается или задремлет как бы. В это время он видит что-либо: или свет, или рай, или ад, а чаще того видит славу Креста. Иногда видит огромной величины Крест, украшенный радужными цветами, а вокруг него множество предстоящих Ангелов, сладким пением восхваляющих Искупителя рода

человеческого. «В таком молитвенном положении невольно, как бы в забывчивости, я несколько раз видел Святую Троицу в разных видах небесной славы, окруженную бесчисленным множеством небесных воинств ангельских, и какая была одежда у Святой Троицы, подобная была у всех Ангелов. Если одежда у Святой Троицы была украшена крестами радужными, то же было у Ангелов. Однажды молился я Иисусовой молитвою, и внезапно Ангелы возвели меня на небо и представили Святой Троице, пред Которою стояла хрустальная купель, и я слышу голос, говорящий: «Крещается раб Божий (имя назвавши) во имя Отца», и мне показалось, что Отец коснулся Своею рукою моей головы и погрузил меня в воду при гласе «аминь». Потом – «и Сына» – в это время Сын Своею рукою погрузил меня в воду при гласе «аминь». Потом – «и Святого Духа» – в это время мне показалось, что Дух Святой коснулся моей головы и погрузил меня в воду с возгласом «аминь». Все это время я от страха весь трепетал и потом пришел в себя, но еще долго был в ужасе и весь дрожал, недоумевая, что это со мною сделалось».

Духовник сказал ему, что святые отцы советуют таковые правдоподобные великие предметы принимать с осторожностью: ради истины – может быть, они истинные, то не проклинать их, и ради прелести – может быть, они неистинные, то вполне не доверять им и не принимать их. Он отвечал: «Я и сам имею их под сомнением. Бог их знает, истинные ли они или ложные, это трудно понять. Да к тому же и злой дух старается все эти видения помрачить и вовсе уничтожить, уверяя, что все это произошло от вольной моей фантазии, и более ничего. Но иногда он от злости выйдет из терпения и против воли скажет правду, особенно когда случится посидеть с Иисусовой молитвою долго и приходит просвещение. В это время враг молчит, ничего не говорит, но слышит ли он что из просвещения и понимает ли его, этого я точно не знаю, а только нередко слышал его по окончании просвещения говорящим мне: «Вот жид наставил тебя». А чему наставил, того едва ли он знает, потому что никогда о том не говорил, а верно, что только догадывается. Но диавол – мастер искусный подделываться

под глас истинного просвещения, и часто он так обманывал меня, по слову Священного Писания: *«И не дивно: сам бо сатана́ преобразу́ется во Ангела свѣтла»* (2Кор.11:14)».

В разборе созерцаний вся опасность заключается для внутреннего делания и для безмолвников, и для общежительных. Для этого необходим опытный путеводитель. Поэтому духовник просил отца Феофана, чтобы он все открывал ему и ничего не скрывал бы – ни худого, ни доброго, ибо прелесть всегда обманывает нас с доброй стороны.

Он обещал исполнять это строго, и действительно 15 лет он во всем открывался, и эти годы прошли благополучно. После этого он заметно стал скрытен и стал превозноситься. Ради многих созерцаний, которые были ему дарованы от Бога, он, вероятно, вознесся и впал в гордость, стал утаивать от духовника некоторые видения под предлогом, что духовник другой жизни от него, то есть жизни ниже его, а потому и не может рассуждать или понимать высокие видения и откровения. Однажды при посещении духовника он рассказал ему о некоторых своих видениях и потом проговорился так: «А о некоторых видениях не велено говорить тебе». Духовник с удивлением взглянул на него и, сделав головой знак поклона, сказал ему: «Поздравляю Вас с прелестью!» От этого он, застыдившись, покраснел. Потом духовник начал убеждать его, что это неправильно и что в этом его ошибка: «Надобно бы было рассудить и принять во внимание то, что 15 лет ты открывал мне все твои видения. А теперь по какой причине это не позволяется?» Он отвечал: «Ты не можешь по причине твоей многотрудной жизни рассуждать о высоких видениях!» Духовник спросил его: «Скажи мне, какие это чрезвычайные видения, которые тебе не велено открывать мне, и что может быть выше видения Святой Троицы? Однако ты не имел запрещения рассказать мне о том, и я этому поверил, потому что на это есть указание у святых отцов. Об этом говорят святитель Григорий Богослов и преподобный Исаак Сирин, что подвижающиеся в молитве и богомыслии сподобляются видения Святой Троицы». Он на это так отвечал: «Когда я на лодке плыл к тебе, тогда волны морские говорили: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф».

Ветер дул и говорил то же, птицы пролетали и выговаривали то же, горы и холмы возглашали то же, деревья говорили то же, и также камни вопияли то же. А другое видение, о котором не велено говорить тебе, было то: однажды я видел великий храм на небе, у которого купол был ужасной величины. Когда я пустил свой ум в него, то он устремился в бесконечность, и я, убоявшись, как бы он совсем не ушел туда, поспешил возвратить его оттуда».

На это духовник сказал ему: «Вот видишь, отец Феофан, я справедливо поздравил тебя с прелестью. Выслушай мое объяснение. Когда я был еще в миру, мне случилось прочитать Шестоднев святителя Василия Великого, в котором есть объяснение 148-го псалма, где Василий Великий говорит, что некоторые думают, будто поименованные в псалме творения, одушевленные и неодушевленные, непосредственно хвалят Творца. Но это несправедливо, ибо одни не имеют разума, а другие и чувств не имеют. Только разумные творения имеют способность хвалить Творца за многообразную красоту и премудрую гармонию природы, а сама природа не имеет сознания хвалить Творца своего. Хотя и приходили ко мне некоторые пустынники и говорили противоречащее этому, но я этого никогда не приму. Вот видишь, старче, как святой отец разрешил твое видение? А прелесть знала, что я об этом предмете имею правильное познание, потому и не велела тебе сказать мне об этом, дабы надуть тебя самомнением, что будто бы ты умнее дурака – духовного отца твоего. Так же и другое высокое видение твое, о котором не велено объяснять мне, пахнет тоже прелестью, ибо виденный тобою великий храм являет свободную игру демонского воображения вещественного, и ты имел в то время свободу твоего ума, который ты мог возвратить назад к себе, ибо в истинном видении этого не бывает. Там ум видит только то, что ему показывается, но не имеет свободы сократить или умножить, продолжить или остановить видение. Смотри в Добротолубии объяснение об этом преподобного Григория Синаита – разговор его с преподобным Максимом Кавсокаливским, когда святой Григорий спросил его, во время восхищения ума имеет ли он

свободу? Преподобный Максим отвечал: «Нет, ум тогда не имеет никакой свободы своей, а только водится благодатью». Поэтому и другие святые отцы единогласно говорят, что истинное благодатное видение должно быть всегда невольное, за которое человек не отвечает, а за вольное принятие видения человек отвечает. Потомуто святые отцы советуют, чтобы добровольно ничего не принимать и даже ничего не желать видеть или слышать, хотя бы что показывалось и истинное. Даже и снам никаким не верить, ибо через веру в них многие погибли. Даже и невольному видению не должно верить совершенно, без рассуждения и откровения об этом опытным, но всегда иметь оное под сомнением. Ибо один Бог весть оное – истинное оно или ложное».

Хотя отец Феофан говорил, что он и сам сомневается в своих видениях, но последствия показали, что он им доверял и скрывал от духовника, а потому и уклонился в прелесть – поверил своему сердцу. Когда духовник спросил его, в каком положении он находит свое тело после видения, он отвечал, что иногда стоящим на коленях, а иногда распростертым на земле, «а иногда помысл против воли моей понуждает меня простираться крестообразно на землю для созерцания». Это последнее удивило духовника, ибо обнаружило грубую прелесть. Вот где он ошибся!

С того времени заметно было в нем смущение, оттого и вид переменился, и он часто стал жаловаться на жестокую хулу на Бога, которая очень смущала и отягощала его до того, что он начал тяготиться безмолвием. Хотя он и читал о ней, что хула на Бога попускается от Бога за гордость, но он этого не приложил к себе, ибо дозволил себе принимать явные мечтания. Однажды он сказал духовнику, что когда он служит, тогда видит Ангелов, а этого не должно бы принимать и верить этому. И хотя он принял постриг в схиму от духовника, но не считал себя зависимым от него, как и сам сказал об этом духовнику, что глас Божий, который он часто слышит в сердце своем, сказал ему так: «Пока ты слышишь в себе глас, будешь зависеть от меня непосредственно, а когда потеряешь его, тогда будешь зависеть от твоего старца!» И часто глас внушал ему о

богаче, потерявшем свое богатство, – как ему тогда бывает трудно, тяжело, стыдно и бедственно и что подобное тому бывает и духовному человеку, потерявшему свое духовное богатство. Но и враг часто хвалился и угрожал ему тем, что выгонит его из Святой Горы, оклеветав его еретиком. И это сбылось таким образом.

Однажды он разговорился с духовником и увидел у него на столе лежащую книгу – толкование Апокалипсиса, переведенное с немецкого языка на русский, сочинение госпожи Геон. Он, развернувши, немного почитал, и она понравилась ему. Он попросил дать ему прочитать ее. Духовник сказал ему, что книга сочинена женщиной-еретичкою и ее в России запрещено читать. Хотя и полезно для любопытства прочитать ее, но давать другим для прочтения вредно, ибо она указом запрещена. «Возьми и прочитай, но никому не показывай ее и не говори о ней». Он обещал так сделать, но не сдержал своего слова. Содержание книги ему понравилось, он увлекся ею и по неосторожности начал хвалить ее пред другими монахами. Случилось, что некоторые знали, что в России эта книга, как еретическая, запрещена для чтения. Начали с ним спорить о ней, а он начал защищать. И вот от этого спора другие огласили его еретиком. Он, услышавши об этом, смутился и задумал оставить Святую Гору. Духовник увещевал его иметь терпение, что это пройдет, но он имел большую причину удалиться – по причине отяготившей его хулы.

Однажды он пришел к духовнику и говорит ему: «Что я буду делать? Не могу более терпеть нападок хулы, непрестанно день и ночь она мучит меня, не дает мне ни малейшего покоя, только немного отрады и получаю от посещения людей, а как только гость ушел от меня, хула опять мучит меня. Этот страшный, адский, несносный вопль доводит меня до сумасшествия, и я начал бояться, как бы не сойти с ума. Благослови продать келью и отправиться в Иерусалим. Может быть, это искушение рассеется!». Духовник, убоявшись этого, принужден был дать ему благословение отправиться в Иерусалим.

Когда он имел помазание и ясно слышал глас в себе, тогда лицо его выражало блаженство, и с ним беседовать было

приятно хотя бы и две ночи. Но когда он прельстился, лицо его сделалось грубое и разговоры его стали неприятны.

Живя в Иерусалиме, он, жалкий, уклонился в любодеяние, хотя в том и не имел нужды, ибо монастырь Русик содержал его. Когда он приехал из Иерусалима, духовник рад был ему, думая, что он жить будет на Святой Горе, но он приезжал не за тем, а за покупкой картин, которыми он торговал: раскрашивал и продавал богомольцам. При свидании с духовником он был мрачен и рассеян. Духовник напомнил ему, чтобы он остался на Афоне. Он отвечал, что приедет на Святую Гору. Когда духовник спросил его, что он, кажется, теперь не слышит гласа Божия и не имеет уже созерцательной молитвы и что в нем есть большая перемена, он в смущении неясно отвечал, что и теперь имеет то же и что не замечает в себе особой перемены. Но это он сказал, кажется, по самообольщению и весьма был скучен.

Так и не приняв предложение духовника остаться на Святой Горе, отправился опять в Иерусалим и уже больше не возвращался оттуда. Там и помер, и очень нехорошо. При смерти его случился монах Русика – отец Дорофей, который писал о его смерти, что три дня был нем и страшно умирал – ужасно мучился. А прежде этого, когда еще мог говорить, сказал предстоящим, что он видит вокруг себя стоящих в облачениях – следовательно, он до самой смерти своей принимал мечты. После смерти его остались деньги – 3000 франков, которые он завещал раздать за помин его.

Повесть о брате, пострадавшем от совета другого брата

В 1849 году прибыл из России на Афон в числе богомольцев Василий Климов Певчев, родом из Московской губернии, Коломенского уезда, вдовый молодой человек лет 25. Остался на жительство в нашей обители. Так как он был мастерством портной, то и дано было ему послушание заниматься шитьем одежды братской. Он был неграмотный. Начал проходить свое послушание усердно. Ходил в церковь постоянно и всегда к началу службы. Духовнику он открывался часто и обо всем, не скрывал ничего – ни худого, ни доброго – и во всем слушал его.

Вначале он просил духовника, чтобы он научил его, как должно молиться. Духовник, зная его неграмотность, дал ему наставление, чтобы он, сколько может, удерживался от празднословия и понуждал бы себя держать Иисусову молитву, и притом открывал бы все свои помыслы, что он исполнял тщательно, и за то он был утешаем благодатью, частым умилением и слезами, кротостью и смирением и усердием к подвигам. Так он прожил трехлетний искуc, после коего пострижен был в мантию и назван Власием. И после мантии он жил хорошо, примерно, держал молитву, был молчалив, несмел, стыдлив и во всем воздержан. Так он прожил 11 лет, но прежде этого времени он по болезни был пострижен в схиму в 1854 году и назван Виссарионом. По принятии схимы он стал жить еще лучше прежнего.

В один вечер пришел к нему в келью один старый монах, тоже неграмотный, и они беседовали все о духовном. В разговоре отец Виссарион предложил старцу такой вопрос: «Как надо исповедоваться духовному отцу? Обо всем ли нужно говорить ему – как о худом, так и о добром, о грехах и о добрых делах? Потому что духовник всегда спрашивает меня о том и о другом: как я молюсь, как воздыхаю, как стенаю и как плачу». На этот вопрос старец ответил ему так: «На исповеди надо говорить отцу духовному только об одних грехах, а о добрых делах не следует говорить ему, ибо это есть тщеславие».

С того времени отец Виссарион на исповеди не стал уже более открывать духовнику своих духовных действий, хотя духовник и часто напоминал ему, что он нехорошо это делает, потому что от этой скрытности могут быть последствия очень дурные. Однако он не слушал духовника, вразумляющего его. Враг, заметив, что он сжился с помыслом, чтобы не открывать духовнику свои духовные действия, начал надувать его фарисейским духом, беспрестанно внушая ему, что он *несть якоже прочии человецы* (Лк.18:11). «Ты живешь лучше многих других в обители, – говорил ему помысел, – посмотри на себя и на других, ибо ты всегда в труде находишься, обшиваешь всю братию, держишь молитву, имеешь умиление, часто плачешь, ничем не грешишь. А вот около тебя живут лентяи, тунеядцы, празднословы и пьяницы. Ты святой, а они грешники». Мало-помалу он начал принимать таковые и подобные им помыслы и уже начал убеждаться, что он и в самом деле святой, а прочие не таковы, как он. Вследствие такого возношения молитву он оставил, а за нею и сокрушение, умиление, и слезы, и воздыхания, и все благое действие. А вместо них у него появились грубые страсти: гордость, гнев, осуждение и непослушание.

Однажды он разговаривал с помыслом, который спросил его, знает ли он, с кем разговаривает? Виссарион отвечал ему, что он этого не знает. Помысел сказал ему: «Я Христос, пришел к тебе жить в твоём сердце, и теперь ты во всем слушай меня». Жалкий наш Виссарион этому поверил и возрадовался. После этого происшествия он еще более возгордился. Больше прежнего стал превозноситься над братьями. В церковь стал ходить редко, особенно к заутрене. Также и от святого Причастия стал уклоняться, что духовник скоро заметил и за то обличал его и бранил, старался уверить его, что он совсем переменился и теперь слушает злого духа, который погубит его, хотя он и считает его за Христа. Но он не внимал старческому обличению и во всем противоречил ему и укорял его, потому что злой дух внушал ему, что духовник его есть великий грешник, и советовал ему, чтобы он бежал куда-либо в другое место жить. Когда духовник укорял его за то, что он не ходит к

заутрене, то за это он всегда гневался и роптал на него, а иногда, вышедши из себя, он выражался так: «Кто сделался сам церковью, тот уже не имеет нужды часто ходить в церковь». Также и о частом приобщении Святых Тайн он говорил: «Кто имеет в себе Христа, тот уже не имеет нужды в частом приобщении». Эти мудрования диктовал ему лжеучитель его. Об этом по прошествии прелести он сам рассказывал духовнику. Он был уверен, что в нем живет и действует Христос, а потому во всем слушался учения его, не обращая внимания на неправильность учения, которое было вовсе противно учению истинного Христа.

Хотя духовник и часто указывал ему на это, но он ни в чем не верил ему и даже считал его великим беззаконником, а потому и не слушал его и не внимал его наставлениям. Равно и от других отцов он тоже не принимал никаких советов. А потому все более и более помрачался страстями и мечтал о себе, что он великий святой, достоин великих откровений.

Однажды он пришел к духовнику и сказал ему: «Отец духовник, меня прислала к тебе Божия Мать и приказала сказать тебе, чтобы Вы оставили идолопоклонение». Духовник с удивлением спросил у него: «Какое же у нас есть идолопоклонение? Где же эти идолы, которым мы кланяемся?» «Самовары, – отвечал он, – они наши идолы, которым мы кланяемся, и вот Божия Мать сказала мне, чтобы я сказал тебе, дабы Вы истребили самовары, ибо они – идолы. Так сказала Божия Мать». «А каким образом Божия Мать сказала тебе об этом? – спросил его духовник. – Явилась ли Она тебе явно или иначе как? Скажи мне об этом». «Нет, не явилась Она мне, – отвечал он, – а гласом с неба через икону Свою сказала мне об этом». «И ты уверен в том, – спросил его духовник, – что действительно истинная Божия Мать сказала тебе об этом, а не бес? И можешь ли это доказать?» «Истинно уверен в том и могу это доказать», – отвечал он. «Ах, отец Виссарион, да ты совсем прельстился, – сказал ему духовник, – тебе это говорил бес, а не Мать Божия, и ты никак не можешь доказать то, что Божия Мать говорила тебе, а не прелесть, и вот сейчас ты на деле увидишь свое заблуждение. Если правда,

что Божия Матерь говорила тебе те слова и послала тебя сказать мне о том, то пусть Она при тебе скажет о том мне». «Хорошо, хорошо, пойдем в церковь, – отвечал он, – и Она при мне скажет тебе о том же». Пришедши в церковь, старец Виссарион стал пред иконою Божией Матери, поднял руки и начал говорить вслух: «Божия Матерь, скажи духовнику то, что Ты мне сказала». Но ответа не последовало. Он начал повторять свои прошения, но ответа не было. Сошедшиеся отцы смотрели на это и удивлялись, а Виссарион все стоял с воздетыми руками и вслух вопиял: «Божия Матерь, скажи духовнику!» Так он молился четверть часа и, не дождавшись ответа, опустил руки и, обратившись к духовнику, сказал ему: «Что-то Она молчит». «Да, при нас не смеет ничего сказать тебе тот, который обманывает тебя, – сказал духовник, – и ты теперь должен увериться, что прелесть говорила тебе от лица Божией Матери, а не Сама Она».

Но он, жалкий, этим не вразумился, а начал смущаться и гневаться. Тогда духовник приказал отцам взять его и затворить в особую келью на хлеб и воду. В это время в нем оказалось уже явное беснование, потому что он при этом начал бранить духовника и всех скверными словами. Пробыв в затворе на хлебе и воде две недели, он начал просить чаю и чтобы выпустили его на свободу. Духовник спросил его: «Как же ты просишь чаю, когда сам говорил нам, что самовары и чай есть идолопоклонство, а теперь просишь чаю?» «Прости, батюшка, это была прелесть, – отвечал он, – и я теперь проклиная ее и уже более принимать и верить ей не буду, только умилюсь и выпусти меня отсюда». Духовник вывел его из затвора и дал ему наставления, чтобы он впредь все открывал ему и не верил своему рассуждению.

Он как будто бы смирился и раскаялся, но это было лицемерно, потому что по прошествии некоторого времени оказалось, что он все еще руководится прелестью и верит ее учению, потому что в церковь оставил ходить под предлогом нездоровья. Также оставил и святое приобщение под предлогом, что кто имеет внутри себя Христа, тот уже не имеет нужды в частом приобщении. Никакие увещания и вразумления

духовника и всех отцов не исправили его, и он в таком прельщенном состоянии находился лет пять. Один только Бог непосредственно Сам избавил его от такого душепагубного состояния. Это было так.

Однажды он в большом страхе и ужасно перепуганный прибежал к духовнику в келью и, упав ему в ноги и ставши на колена, взволнованным голосом, задыхаясь, едва проговорил: «Ах, отче, спасай меня, ведь я нахожусь в прелести». «Да я уже пять лет как говорю тебе, что ты находишься в прелести, и ты мне все не верил. А теперь как ты познал, что находишься в прелести?» – спросил его духовник. «Пред этим временем месяца за два, – отвечал он, – на меня напала блудная страсть такая сильная, что у меня в продолжение 30 дней естество не упадало. Разжжение плоти мучило меня день и ночь, и, наконец, вывело меня из терпения, и я принужден был сделать телу моему удовлетворение греховное. И как только я этот грех сделал, тотчас как бы опомнился и ужаснулся этому делу. Вспомнил, что ведь я 11 лет и помыслов блудных не принимал, а теперь вот и блуд сотворил. Совесть моя в эту минуту сказала мне: «Иди скорее к духовнику и расскажи ему обо всем». Только что я хотел выйти из кельи и взялся уже за дверь, чтобы пойти к духовнику, как помысел, которого я считал за Христа, сказал мне: «Постой, куда ты идешь?» Я отвечал ему: «Пойду к духовнику исповедоваться, что я сделал грех». «Не ходи, – сказал он мне, – ибо я всем духовникам духовник. Исповедайся мне, и я тебе прощу этот грех». А я, глупый, и рад был этому, поверил ему и попросил у него прощения, и он простил мне, и я успокоился. На другой день я то же повторил, и совесть моя опять сказала мне, чтобы я пошел к духовнику и исповедовался бы ему, но мой лжехристос опять остановил меня, говоря, что это ничего не значит, и я в будущем буду этим наслаждаться. Это объяснение понравилось мне, и я, безумный, поверил ему, а потому с того времени я вполне предался сладострастному состоянию, как будущему блаженству. В этом ужасном состоянии я находился два месяца, в продолжение коих я лишился сна и аппетита, и это так меня изнурило, что я едва мог ходить. Но блудная брань не переставала разжигать меня

до самой крайности, и я уже не считал ее за грех, принимал и наслаждался как будущим блаженством. В это время явилась мне покойная жена моя, пришла ко мне в келью как бы явно, разнаряженная, и начала говорить мне: «Так как ты молился за меня и поминал в молитвах твоих, то я пришла к тебе поблагодарить тебя за это». Я обрадовался посещению ее и предложил ей, нельзя ли по-прежнему соединиться с нею. Разумеется, отказа не было. И вот я, помраченный, сделал с нею грех, не понимая того, что это была бесовская мечта. Изнемогая телом и душою, я ежедневно насиловал свою природу сладострастием. Сегодня, сделавши грех, я вдруг испугался, пришел в ужас и трепет и в отчаянии проговорил: «Господи, ведь я неграмотный, может быть, я нахожусь в прелести?» В эту минуту я услышал с неба грозный глас, говорящий мне: «Окаянный, уже Ангел-хранитель отступил от тебя, и ты скоро взбесишься. Иди скорее к духовнику и расскажи ему все». Вот как я узнал свою прелесть и прибежал к тебе, чтобы рассказать тебе обо всем со мною случившемся. Теперь прошу тебя, отче, помоги мне в моей беде и спаси меня, как знаешь. Признаю себя во всем виноватым пред Богом и пред тобою, что не слушал твоего вразумления. Но теперь возвращаюсь к послушанию, как блудный сын».

Духовник, видя его истинное сознание и сокрушение, приказал ему сделать подробную исповедь. По окончании ее духовник спросил его: «Так как ты при помощи Божией познал теперь прелесть свою, что диавол прельстил тебя, и ты по невежеству твоему подчинился ему и слушал его учения, то с этого времени отрицаешься ли ты от него и от этого учения его?» Он отвечал, что отрицается от него и от этого учения его. Потом духовник прочитал ему разрешительную молитву и притом дал ему наставление, как ему противодействовать нападению бесов, которые не замедлят напасть на него со всею бесовскою яростью своей, и сказал ему: «Иди теперь в келью твою и немедленно затвори окно, а потом какое будет нападение на тебя от лжехриста твоего и его служителей, тогда приди ко мне и расскажи о том. Но смотри отнюдь не бойся устрашения их». Он пошел в свою келью, а духовник молился за него. Но не

прошло и получаса, старец Виссарион прибежал в келью к духовнику в большом страхе, упал ему в ноги и с плачем едва проговорил: «Ах, батюшка, какая мне беда! Как только я пришел в келью и едва успел затворить окно, как бесы наполнили мою келью с ужасными криками и воплями, заорали на меня: «Ах ты, проклятый, и ты еще дерзаешь отбиваться от нас! Нет, ты наш, ты нам поклонился и предался, и сто духовников не отнимут тебя у нас». И чуть было не разорвали меня на куски. Что мне делать? Они, проклятые, доконают меня, и я уже боюсь идти в келью мою». Духовник сказал ему: «Вспомни, отец Виссарион, что я многократно говорил тебе об этом, что этот лжехристос, которому ты по невежеству твоему доверился, как истинному Христу, по разоблачении его обмана будет искать гибели души твоей. Вот теперь это сбылось. Теперь он с бесами уже ищет погубить тебя. Но ты надейся на Избавителя твоего Господа и на молитвы отеческие, и не бойся его, и нимало не смущайся от угроз и обличения его, ибо ты пострадал от сокрытия от духовника на исповеди своих действий. По неопытности и невежеству твоему принял ты, глупый, зловерный совет подобного тебе невежды, чтобы скрывать от духовника добрые свои дела. Вот с этой-то стороны враг и уловил тебя, потому что враг обыкновенно подвижников уловляет всегда с доброй стороны. Потому святые отцы и написали нам из своего опыта, чтобы исповедовать духовному отцу все, что есть, не более и не менее, как злое, так и доброе. И ты сам, покуда держался этого правила, открывал духовнику все доброе и худое, был благополучен. А как только ты принял от другого невежды вредный совет и последовал ему, с того времени у тебя все в жизни переменялось с доброго на худое и довело тебя до сумасшествия. Но теперь воздадим славу Богу, что Он наказал и помиловал тебя, просветил тьму твою, и бесы уже так дерзко не будут приближаться к тебе. Держи молитву и не внимай им».

Он пошел в свою келью. Духовник по прошествии нескольких часов зашел к нему и спросил у него, что теперь бесы делают с ним, беспокоят ли его по-прежнему? Он отвечал, что «теперь так не беспокоят меня и внутрь кельи не входят, а

все толпятся около двери и окна, ужасно кричат и скверными словами бранят меня, скрежещут зубами и угрожают».

На другой день бесы стали удаляться, а через неделю он уже не слышал голосов их. Но вместо гласов бесовских у него в воображении появились разные огненные и радужные колеса, машины и разные фигуры, которые очень смущали его и беспокоили. Намерение врага было, чтобы хотя бы таким образом отвлечь его от покаяния и тем препятствовать его спасению. Но благодать Божия и уничтожила это хитрое вражие препятствие, и он стал жить в послушании и успокаиваться. Впрочем, здоровье его расстроилось и он, все время болея, жил при больнице.

Теперь особых странностей в нем не видно, но последствия прелести в нем остались, потому что и до этого времени он редко исповедуется, и то нехорошо, не совсем откровенно. Но, по крайней мере, он теперь тихо живет и часто болеет. Но первое свое благодатное устройство он потерял и возвратит ли когда-либо, это один Бог весть, Которому все возможно. Тому да будет слава вовеки. Аминь.

Повесть о схимонахе, пострадавшем от совета со многими старцами

Схимонах отец Варсонофий, в мире Василий, прибыл в обитель нашу молодым, лет 25, и был определен на послушание на архондарик. Проходил послушание по совести, со страхом Божиим, был пострижен в мантию, любил заниматься молитвою.

Однажды он попросил позволения у духовника читать книгу Добротолюбие, но духовник не позволил этого, сказав, что еще рано читать ему эту книгу, которая наставляет более отшельников об уединении, а не общежитии. Но он не послушал совета духовника, тайно приобрел эту книгу и, прочитав ее, повредился, ибо в скором времени стал болеть, внутренностью сохнуть, и оказалась у него грыжа. Духовник спросил у него, от какой причины у него оказалась грыжа? Потому что он имел послушание не тяжелое, то от чего же у него быть грыже? Он отвечал, что и сам не знает тому причины. Духовник спросил его, не полагает ли он земные поклоны без пояса, особенно потный, или, по неопытности, не удерживает ли дыхание в молитве, ибо от этих причин бывает грыжа. Он отвечал, что во Иисусовой молитве удерживает дыхание, как написано в Добротолюбии. «Ну, вот и нашли причины твоей грыжи, – сказал ему духовник. – Да ведь я не благословил тебе читать Добротолюбие, зачем же ты не послушал меня? Вот за это тебя Бог и наказал грыжею. Я знаю, что ты без руководства не можешь уразуметь сего писания. Вот так и случилось: ты не понял того места, где об удержании дыхания при молитве написано, ибо в замечании пояснено, не дыхание удерживать, да не надорвать себя, а дыхание ума, *да не борзо дышит!*»

Потом он объяснил духовнику, что он со многими старцами советуется, открывает им свои частые умиления и слезы, и они советуют ему удалиться в уединение, дабы сохранить эти дары. И он с того времени стал постоянно просить духовника, чтоб отпустил его на безмолвие. Духовник часто показывал ему из писания, что его послушание гораздо выше безмолвия и что

сама молитва, и умиление, и слезы даны ему ради послушания. Но он все слушал чужих старцев и однажды тайно ушел за Афон в уединение и едва не погиб на пути: сильный ветер свалил его в пропасть, и он едва удержался за куст. Воротился назад с раскаянием, но по малом времени опять стал проситься на уединение. Духовник уверял его, что это желание у него не от Бога, а от зависти врага, ибо враг, видя его обогатившимся через послушание многими духовными дарованиями, приискал средство обмануть его желанием уединения, к чему он вовсе не был способен. И, чтобы на самом деле опытом показать, что все те дарования, которые он имел, даны ему от Бога в утешение от страдания, которое он терпел во многотрудном послушании, сказал ему: «Иди на безмолвие на Троицкую келью на 30 дней, и опытом узнаешь истину моих слов, потому что в продолжение этих 30 дней ты не будешь иметь ни умиления, ни слез, и это послужит тебе указанием не искать прежде времени ничего выше меры своей!» Он с радостью принял этот совет и в тот же день ушел на келлию.

По прошествии 30 дней он пришел к духовнику и, поклонившись, сказал ему: «Так и случилось, как ты сказал: как только я вышел за порту, так все действия у меня уничтожились. Теперь прошу прощения и более не буду желать уединения».

Но недолго обещание его продолжалось, потому что советы его со многими пустынниками опять сбили его с толку, и он опять стал проситься, докучать, чтобы отпустили его на уединение, а в противном случае уйдет без благословения.

Духовник, видя его непреклонную волю, отпустил его. К нему прилепился такой же прельщенный монах Кассиан. Вышли из обители и пошли за Афон, там купили себе каливу, пожили в ней полтора года, приходят в монастырь и просят, чтобы опять приняли их в обитель. Духовник спросил их: «Что вы так скоро соскучились в пустыне?» «Испытали, и довольно для нас! В полтора года мы и двух утреней не прочитали как следует, все некогда было за беседами и советами, и вот тары да бары, делали святые вечера, а службою Божией не было времени заняться».

Хотя они были приняты, но, поживши год, опять вышли, а через полгода опять возвратились и, чтобы утвердиться в обители, приняли схимы. Но и это средство не прибавило им самоотвержения и не исправило их развращенной воли, ибо они через год опять вышли из обители, и опять возвратились, и опять вышли, и, наконец, торжественно признались, что они потеряли благодать общежительную и уже более не могут жить в общежитии. И, в последний раз вышедши из обители, вдались в мелкие суеты и разные спекуляции и вовсе забыли искомое ими безмолвие. Приобрели большую келью, начали производить без дозволения монастыря большие постройки, монастырь же им воспрепятствовал, они пошли в Кинот судиться с монастырем. Кинот решил дело в пользу монастыря; они не покорились решению собора, а захотели идти в Солунь – судиться у паши и у консула. По этому случаю Варсонофий пришел к духовнику за советом, духовник разоблачил пред ним намерение диавола, который под благовидным предлогом, якобы ради уединения и безмолвия, вывел его из обители, а потом вовлек его в любостяжание, и опять под благовидным предлогом – ради пропитания. И вот наш нестяжательный отшельник, вышедши из обители без копейки, теперь оказался стяжавшим келлию в 2000 рублей. «И вот враг, – сказал ему духовник, – выпросил через это средство выгнать тебя из Афона, и если ты благоразумен и придержишься внимания, то сам можешь это уразуметь и при помощи Божией разрушишь вражьи советы. Послушай моего совета, оставь, продай свою келлию и удались в безмолвие и спасешься».

Но он не принял старческого совета, пошел в Солунь; там отказали ему, также в Константинополе. От этого он смутился, уехал в Россию и совсем оставил монашество. Нанялся в приказчики у брата своего и теперь находится в Киеве, торгует в магазине. Был схимонах и искатель безмолвия и непрестанной молитвы, расстроился и отстал от монашества через неправильные советы со многими монахами, а своим духовником пренебрег.

Повесть о старце, принимавшем мечтания

Известный иеромонах отец Тихон сначала жил в нашей обители, потом

перешел к духовнику отцу Арсению, а после смерти последнего он пошел на безмолвие. Но так как он не был к нему подготовлен, то вместо пользы получал от него вред, ибо верил мечтаниям и принимал их, и устроился жить бессовестно – по самомнению и самочинно. Жил в пустыне один, положил себе правило чрезмерное. Каждую ночь он делал 1000 поклонов земных, не исключая праздников и воскресных дней, и еще по 2000 поклонов поясных, и это продолжал пятнадцать лет. Не ощущая труда и усталости, он радовался и веселился, что этим правилом очень угождает Богу и что он уже свят, а потому стал верить разным бесовским мечтам. Начали являться ему бесы в образе Ангелов, а иногда видел свет от икон или благоухание от них, стал прозорливым, узнавал, кто и как живет, и все это было ложно. А вся эта беда его произошла оттого, что он никому не открывался. Хотя иногда для вида и приходил он к духовнику, но скрывал от него свои мечты, потому что считал духовника ниже себя по жизни и что он не поймет его высокого устройства и скорее сочтет его за прельщенного.

Однажды пришел из-за Афона к духовнику один подвижник и говорит ему: «Отче, прими меры для исправления старца Тихона, ибо он находится в большой прелести». Духовник спросил у него: «Расскажи мне, каким образом ты это узнал?» – «Я узнал это при помощи искусства – разумеется, с добрым намерением, чтобы образумить брата. Давно я замечал по внешнему его виду и обращению, что он находится в прелести, ибо его разные гримасы и дикий взор на человека явно о том говорили, как и старцы говорят, что прельщенный монах не может смотреть на ближнего с любовью, правильно и мирно, но он всегда смотрит исподлобья, дико, как вор. И гримасы делает странные и все удаляется от старцев, ибо он не терпит ни малейшего обличения. Потому я, видя отца Тихона в подобном настроении, пожелал испытать его. С этой мыслью я пошел к

нему на каливу как бы ради беседы. Поговорив кое о чем, я сказал ему, что я пришел к нему нарочно с намерением просить его, дабы он наставил меня своею старческою откровенностью своих духовных подвигов, «ибо я давно уже вижу из твоей внешней жизни, что ты, должно быть, имеешь великие видения и откровения, потому молю тебя, отче святой, для пользы духовной открой мне их». Он, видимо, этим тронулся, ибо, улыбнувшись, сказал мне: «Экий ты, раб Божий, какой внимательный. Если так, то для пользы твоей открою я тебе, что мне Господь даровал, только ты не рассказывай о том никому». Я обещался ему это исполнить, и он начал говорить мне так: «Я провожу жизнь постную и уединенную, рукоделием мало занимаюсь, а более молитву держу и поклоны творю, каждый день земных поклонов 1000 и малых 2000. За это Бог утешает меня явлением Ангелов и святых, часто вижу и Божию Матерь. Вот недавно ночью я молился, исполняя свой канон, и внезапно воссиял великий свет от картины Воскресения Христова, а затем вышел из нее Сам Господь Иисус Христос в великом свете, я от радости обнял Его и облобызал. Вот как Господь утешает Своих рабов». Я удивился такой страшной прелести его, но не показал своего неверия, ибо знал, что он не примет ничего. Я притворился, будто бы остался доволен его откровением, поклонился и поблагодарил его за то, что получил большую пользу. И в самом деле получил пользу, потому что я узнал, как бедственно верить своему разуму. Вот, отче, как я узнал о его прелести. Ты уж, как просветит тебя Бог, поправляй его».

Вскоре после этого разговора старец Тихон, по обычаю, пришел к духовнику. Духовник, принявши его на исповедь, начал говорить ему так: «Ты, отец Тихон, должен помнить и исполнять свое обещание». Он спросил: «Какое обещание?» – «А вот какое. Когда умер твой духовник, ты пришел ко мне и просил меня, чтобы я принял тебя в духовные мои дети, и, когда я отказывался принять, ты спросил: «Почему ты не хочешь принять меня на исповедь?» Я отвечал тебе, что слышу о тебе, что ты принимаешь мечты и веришь им, а потому с такими самовеерами я не хочу иметь общение. Ты отвечал мне:

«Я обещаюсь оставить это и впредь буду во всем слушаться тебя и открываться», вследствие чего я согласился тебя принять. А теперь я узнал, что ты по-прежнему принимаешь мечтания и веришь им». При этом тот дико взглянул на духовника и резким голосом сказал: «Нет, нет и истинно нет! Я никогда не принимаю мечтаний и вовсе не верю им, с чего ты это взял?» Духовник взглянул на него и строго спросил: «А отцу Пафнутию ты что открыл?» При этом вопросе он склонил голову к груди и, улыбнувшись, сказал: «Обманул меня». «Итак, стало быть, это правда, – сказал ему духовник, – что ты видишь Ангелов, и святых, и Божию Матерь, и даже Самого Иисуса Христа и не считаешь это за прелесть? И от меня все утаивал». «Разумеется, правда, – ответил он, – ибо я обещался тебе не принимать прелести, да я ее и не принимаю, а не принимать истинных видений я тебе не обещал. А почему я не открывал тебе о том, так это потому что ты жизнью гораздо ниже меня, всегда находишься в заботах, потому не можешь понять моих высоких созерцаний, ибо мне всегда внушалось, что только открой тебе об этом, и ты тотчас заревешь: «Прелесть, прелесть, грубая прелесть!» – да и прославишь меня прельщенным. Вот почему я не говорил тебе о моих откровениях и нимало не считаю это за ошибку». «А откуда ты знаешь, что все это истина?» – спросил духовник. «Как откуда? – ответил он. – Да из Божия слова, и я в этом уверен совершенно, а ты, отец, кажется, хочешь разубеждать меня в этом. Нет, оставь это, ибо я не поверю и четверем патриархам». «Отец Тихон, испытай и исследуй построже писания святых отцов о созерцательной молитве, – сказал ему духовник, – и ты увидишь свою ошибку, потому что все святые отцы согласно пишут, что в таковых случаях не должно доверять всему совершенно. Напротив, все иметь под сомнением, ибо очень легко можно и погибнуть, чему бывали многие примеры». Но отец Тихон предложил духовнику такой вопрос: «Бог может ли переменяться или нет?» Духовник отвечал, что нет. «А когда так, – сказал Тихон, – что Бог неизменно пребывает Таковым же, Каковым был во времена патриархальные и во времена Антониев, Паисиев, Пахомиев и Макариев, которым Он

являлся, то почему же Он и теперь не может являться Своим угодникам, как и прежде являлся?» Духовник от этого вопроса пришел в затруднение и мысленно стал просить Господа, чтобы Он вывел его из этого затруднительного положения и просветил бы его, чтобы хотя бы немного вразумить брата в его заблуждении.

Помощь Божия не замедлила явиться, ибо вдруг пришло вразумление, как надобно повести беседу для его убеждения. Духовник ответил ему: «Так действительно было, что Бог являлся праотцам и богоносным отцам, но каким образом Бог являлся им, этот вопрос еще не уяснен, так ли Он являлся им, как и тебе, этого ты и сам не знаешь, а потому твои видения подлежат сомнению. За всем тем нам от духовных наших действий, видений и откровений нужно иметь и плоды духовные, а если у нас их нет, тогда и все наши видения окажутся ложными. Если ты действительно видел истинного Иисуса Христа и облобызал Его, то от этого у тебя и плоды духовные должны находиться. Как сказано в Евангелии, что древо доброе и злое познаются от плодов».

«Ты понимаешь, к чему я это говорю тебе? – продолжал духовник. – Вот ты, отец Тихон, вполне уверен, что ты достиг совершенства духовного и потому удостоился чувственно видеть Ангелов, святых, Божию Матерь и даже Самого Иисуса Христа. А на плоды духовные, которых ты не стяжал еще и вовсе не имеешь, ты вовсе не обратил внимания. Ведь ты знаешь, в чем заключаются духовные плоды?» «Да, знаю, – отвечал отец Тихон, – плоды духовные, как говорит святой апостол, есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость и воздержание». «Так, это верно, – сказал духовник. – Теперь мы при помощи вразумляющей нас благодати станем рассматривать душевное твое устройство и посмотрим, имеешь ли ты плоды духовные. Начнем с первого плода – любви к ближнему. Ты недавно на исповеди признался мне, обличаемый совестью, что в споре с одним монахом за 15 левов ты проклял его. Это ли плод духовный? Затем перейдем ко второму плоду духовному – радости, посмотрим, имеешь ли ты ее. Вот уже несколько лет, как ты мне говоришь, что ты

страдаешь от духа печали и скуки и никогда не имеешь радости и до того отягощаешься печалью, что, даже увидав кривое дерево, помысл мешает тебе, что вот хорошо бы было на этом дереве тебе повеситься. Это ли плод духовный? Далее перейдем к третьему плоду – миру, имеешь ли ты его. Но и этого у тебя нет, ибо ты ни с кем в жизни не жил в мире и сам в себе не имел мира, ибо непрестанно бродил с места на место, а это было все от отсутствия мира с другими, и даже позволил себе в церкви с Митрофаном подраться. Где же тут мир и долготерпение? Также и воздержания ты не имеешь, потому что хотя ты шесть дней в неделе и воздерживаешься от разрешения, но пришедши в монастырь, ты часто объедаешься до тошноты, что совершенно не согласуется с законом воздержания. Итак, твои видения, оказывается, не принесли тебе духовных плодов, а потому должны быть ложными».

При этих словах у отца Тихона глаза заблестели и губы задрожали и он, обратившись назад, взялся за дверь, чтобы уйти. Духовник заметил в нем такую резкую перемену к отчаянию и сам оробел. Остановил его и запер дверь и начал его ободрять и утешать, ибо духовнику представилась страшная мысль: как бы он от отчаяния не бросился с балкона и не убился бы. «Послушай, отец Тихон, – сказал ему духовник, – все, что я тебе высказал и объяснил, – не для того, чтобы тебя смутить и расстроить, но чтобы тебя вразумить и отвести от этого неправильного делания, поэтому ты не отчаивайся, ибо ты ошибся по неведению, что и со святыми случалось. Итак, если хочешь одним разом покончить с прелестью, то теперь же отрекись от нее и дай обещание впредь не принимать никаких видений, и я прочитаю тебе разрешительную молитву и все твои эти прелести прощу тебе во имя Божие». Тот смирился и на это согласился. Духовник прочитал ему молитву, и отец Тихон после бывшего волнения успокоился и стал гораздо миролюбивее. Потом духовник посоветовал ему уменьшить правило, через которое враг привел его в гордое самообольщение и помутил его. От этого времени назначил ему исполнять канон схимнический и вместо 1000 земных поклонов полагать только 100. Тот от этого пришел в ужас и стал просить,

дабы дано было ему исполнять прежний канон, говоря: «Я не могу делать менее или уж, нечего делать, соглашаюсь на 500 поклонов, а на 100 и усердия не явится – только уныние будет давить». Но духовник настоял для опыта хотя бы на два месяца полагать поклонов земных ежедневно по 100 и поясных по 12 четок. Тот хотя и нехотя, но согласился.

По прошествии двух месяцев отец Тихон пришел к духовнику, который спросил его, как он провел эти два месяца, беспокоили ли еще его мечтания и разные прежние явления и как он свое правило исполнял. Тот отвечал, что ничего не было, все успокоилось: «Я во все это время был мирен, потому что не желал ничего принимать. А канон твой я вовсе не мог исполнять, многократно принуждал себя к нему, но никак не мог и половины его исполнить, совсем и силы, и усердия нет. Положу до 30 поклонов, весь утомлюсь, вспотею и повалюсь на кровать. Бывало, положу за один раз 1000 земных поклонов без утомления и с великою радостью, а теперь и 30 поклонов не могу положить». Духовник заметил ему: «Это-то самое и надобно было нам испытать, чтобы видеть разницу действия послушания и своеволия. Теперь ты и сам ясно видишь, как враг препятствует всякому делу, исполняемому по послушанию, и как, напротив, помогает всякому делу, исполняемому по его внушению, самовольно и самочинно. А потому и малое дело, творимое по благословению, велико есть пред Богом, и напротив, хотя и великое дело делает монах с гордостью, без благословения духовного своего отца ничтожно оно есть пред Богом». Потом духовник посоветовал ему оставить уединение и перейти в монастырь, что тот и исполнил.

В монастыре он пожил несколько лет спокойно, послушание его было читать неусыпаемую Псалтирь. Но долговременная привычка к бродяжничеству и самовольной жизни всегда тянула его из монастыря. Также и привычку к принятию мечтаний он не оставил совершенно, хотя и открывал оные духовнику, что, впрочем, помогло ему много. Года за два до смерти он вышел из монастыря и поселился на Крумице, но, когда заболел, сказал другим, что «духовник дал мне заповедь, чтобы я умер в

обители». И он прибыл в монастырь, поболел и с миром скончался.

Повесть о старце Иоакиме, желавшем не по воле Божией пойти в пустыню

Всем известный старец иеросхимонах Иоаким пришел в монастырь молодым, родом он был Воронежской губернии Задонского уезда, крестьянин помещика Сенявина, у которого он был писарем и несколько лет жил при нем в Санкт-Петербурге.

Помещик его, Лев Григорьевич Сенявин, в это время служил в Министерстве иностранных дел и был в Азиатском департаменте директором. У него Иаков испросил позволения посетить святыя места, побывал в Иерусалиме и на обратном пути заехал на святой Афон. Ему здесь очень понравилось, и он был принят в наш монастырь с условием, что напишет письмо к помещику о желании своем остаться на Афоне, чтобы помещик уволил его. К этому письму монастырь от себя приложил свидетельство о принятии его в обитель. Через два месяца прислано было ему от помещика увольнение в монашество и 100 рублей денег. Радость Иакову была великая. Послушание дано было писарское и помогать в церкви на клиросе, грамота у него была хорошая.

По прошествии трех лет его постригли в мантию и наименовали Иоакимом, а скоро произвели его в иеромонахи. Служил он хорошо и ежедневно очень усердно занимался писанием. Вся братья утешалась его благоговением и тихим нравом, как во плоти Ангела. Но враг попущением Божиим нашел средство искусить его.

По прошествии нескольких лет примерного святого жития он вдруг пожелал оставить обитель и удалиться в уединение, к чему он вовсе не был способен, потому что сложения был слабого, и сам себе послужить не мог, и рукоделия не знал никакого, и не был к тому приготовлен.

Сначала объявил он свое желание духовнику смиренно, как бы испрашивая его совета и благословения. Духовник сказал ему, что эта мысль не Божия, а вражья, дабы под благовидным предлогом смутить его и расстроить доброе его житие, поэтому

советовал ему не принимать этого желания. Но он не оставил своего желания, стал смущаться и часто докучать духовнику, чтобы тот отпустил его, вследствие чего он стал на все роптать: на греков, на трапезу, на молву, порицать отсечение воли и в трапезе стал делать беспорядки. Если геронда в трапезе начнет говорить братии слово, то он тотчас выбежит вон. Духовник увещевал его день и ночь со всею кротостью и долготерпением, ибо очень любил его. Но он, жалкий, не внимал ему и вовсе не слушал его и тем весьма отяготил его. Ибо духовник, имея его как первого своего помощника и по службе, и по писанию, не мог и подумать, чтобы выпустить его из обители, притом понимая, что это одно вражие искушение, которое должно скоро пройти. Но, к несчастью, оно продлилось более трех лет.

Духовник просил духовных своих друзей и пустынников, и безмолвников, чтобы они помолились о нем. Однажды один из безмолвников пришел к духовнику и открыл ему, что ему в молитве было извещение об отце Иоакиме. Было сказано, чтобы духовник сказал Иоакиму, что один из безмолвников приходил к нему и сказал, что ему в молитве Бог открыл о Иоакиме, что нет воли Божией ему оставлять обитель и удаляться в уединение. Пусть смирится и оставит свою волю и более не отягощает духовника и братию, а если он не послушает, то Бог положит его на одре на многие годы, и тогда он во всем раскается.

Духовник призвал Иоакима и сказал ему все слышанное от пустытника, но тот не внял этому предостережению Божию, да, кажется, и не поверил, потому что после этого он еще более стал смущаться и других соблазнять. Старцы не знали, как его унять и успокоить, вся братья очень удивлялась такой резкой перемене его жизни.

Однажды к святой Пасхе прибыли с Дуная поклонники, между ними был один мирской русский поп, о котором знали, что он хорошо лечит французскую болезнь. Узнавши об этом, отец Иоаким приходит к духовнику и говорит: «Отче, я узнал, что с Дуная прибыл сюда священник русский, который может лечить венерическую болезнь, благослови взять мне у него лекарства и лечиться». Духовник, посмотрев на него,

рассмеялся и сказал ему: «Ты, отец Иоаким, кажется, впал в ипохондрию. Для чего тебе лечиться, какая у тебя венерическая болезнь и откуда она взялась? Ибо ты девственник, жен не познал и в роду твоём этой болезни не было». «Да я, – сказал он, – когда жил в Петербурге у помещика, тогда часто обедал у управляющего камердинера, а его жена была в болезни французской, и я думаю, что, должно быть, от них заразился, и теперь чувствую в носу моем боль и думаю, что это венерическая болезнь, а потому прошу благословения полечиться». Духовник отвечал ему: «На такое опасное дело я не дам тебе моего благословения, потому что эти знахари лечат такие болезни всегда ядами. И ты легко можешь по неопытности своей отравиться, а тогда всю причину припишешь мне. А я хорошо знаю, что у тебя нет этой болезни, но ты по внушению вражью сам себе приписываешь ее и если не послушаешь меня, то впадешь в тяжкое искушение и много пострадаешь». Отец Иоаким этим остался недоволен, стал роптать на духовника и жаловаться братьям, что духовник не желает ему добра, не позволяет ему лечиться. Старцы стали просить духовника, чтобы он позволил ему лечиться от дурной болезни, а за последствия чтобы он сам отвечал. Духовник призвал его и при старейших братьях дал ему благословение лечиться ядами, с тем чтобы за последствия себя обвинял, а не других. Таким образом, он не принял ничьего совета, но с упорной и дерзкой самоуверенностью начал лечиться.

По прошествии пяти дней духовнику дают знать, что отец Иоаким умирает. «Верно, залечился», – сказал духовник и пошел посмотреть его. Придя в его келью, нашел его лежащим в великом жаре и расслаблении. «Что, отец Иоаким, верно, залечился?» – сказал ему духовник. «Залечился, батюшка, – пропищал он. – Простите, что я вас не послушал». «То-то и есть, а если бы ты послушал меня, избавился бы от этой беды и своевольной смерти». И затем духовник приказал доктору поспешить сделать ему возможную помощь.

В продолжение недели помогали ему всеми средствами и хлопотали около него день и ночь и тем помогли ему так, что он начал ходить. Духовник велел после этого, чтобы он более не

лечился этим лекарством, и он обещал. Но по прошествии одной недели опять говорят духовнику, что отец Иоаким опять умирает. Духовник поспешил пойти к нему в келью и нашел его еще в более худшем против прежнего состоянии, с удивлением спросил его, что это такое значит, от чего это еще повторилось? Он ответил, что ему пришла мысль, что он не долечился потому, что не все предписанное лекарство выпил, поэтому решился допить оставшееся лекарство – сулему. «И вот теперь уже не могу двинуть ни руками, ни ногами». После этого происшествия уже никакие лекарства не помогали ему, и его вовсе оставили лечить. Только духовник приставил одного старца прислуживать ему, ибо он не владел своими членами, с боку на бок не мог перевернуться, даже ложки не мог держать. В таком болезненном состоянии он находился до трех лет, потом мало-помалу стал сидеть и сам есть и даже понемногу ходить, держась за стену, в это время он представлял собой уже жалкое зрелище, особенно для тех, которые прежде знали его бывшим в славе.

В таком параличном состоянии он прожил много лет, многократно духовник пытался склонить его ко вниманию и молитве, говоря ему: «Вот то, что ты против воли Божией домогался приобрести, теперь это дано тебе от Бога: и пустыня, и безмолвие – понуждай себя к духовным трудам». И молитвы Иисусовой он не держал потому, что она «уходила из него под мышку».

Однажды духовник напомнил ему о предсказании ему его наказания. Отец Иоаким сказал, что не помнит этого. Роптал он на свою жизнь и на Бога, что держит его в этой жизни. Поскольку он не понуждал себя к приобретению даров Святого Духа, потому и не стяжал плодов духовных. Вследствие этого он постоянно скучал и отягощался своею жизнью и всегда желал смерти, которая долго не приходила к нему. Впрочем, он умер очень тихо и спокойно, оставив братии примерный урок строгого вразумления Божия за непокорность отцу своему духовному.

Повесть о брате, пострадавшем от бесчинного занятия Иисусовой молитвою

Известный брат Герасим (Гавриил) прибыл в обитель нашу молодым, около 20 лет. Знал нотное пение, читал и писал хорошо, нрав имел тихий и учтивый. Послушание исполнял старательно. Братство смотрело на него как на образцового молодого монаха. Так он прожил лет десять, всеми был любим и уважаем, потом он начал развращаться. Из смиренного начал делаться гордым, непослушным, стал подозревать уставщиков, что они ненавидят его и мысленно плюют на него и топчут его ногами. А далее начал делать разные гримасы, и все начали удивляться его перемене.

Духовник призвал его и спросил, отчего в нем произошла такая перемена? Он отвечал, что его презирают и обижают, «а ты, отец духовник, не защищаешь меня, я и на тебя за это недоволен». «Да я и не вижу, чтоб кто-либо обижал тебя. Напротив, все тебя любят и уважают, – сказал ему духовник. – Вот недавно и я утешил тебя большим утешением, сделал тебя иеродиакonom». «Да, я и за это скорблю на тебя, – сказал он, – что ты пришедших после меня в монастырь и бездарных сделал диаконами и попами, а я ведь здесь первый певчий, и мною пренебрегли». «Нет, у твоего возношения другая причина, – сказал ему духовник, – ибо ты столько лет прожил добродетельно и не трубил пред собою. А должна быть этому другая тайная причина, которая привела тебя в ипохондрию. Скажи мне откровенно, каким образом ты занимаешься молитвою в твоей келье?» Тот отвечал: «Я каждый вечер творю Иисусову молитву, лежа на постели». «Давно так делаешь?» – «Давно». «Что ж, бывает ли от этого делания какое-либо утешение?» – спросил его духовник. «Да, бывает радость», – отвечал он. «А откуда эта радость начинается, сверху или снизу?» – спросил духовник. «Снизу, от ног, – отвечал он. – Сперва как мурашки ползут от ног кверху, и, когда дойдет до сердца, тогда сердце забьется сладкою радостью». «При этом бывает ли телесное восстание и истечение?» – спросил его

духовник. «Да, бывает, – отвечал он, – но я этого не считаю за грех, потому что я держу Иисусову молитву». На это сказал ему духовник: «Вот, брат, за твою откровенность Бог показал нам причину, которая совратила тебя на путь прелести. Это делание твое вредное для твоей души, оставь его. Ты пострадал от бессовестности и скрытности. Тебе следовало всю твою деятельность открывать духовнику и вопрошать его во всем, а ты надеялся на себя и пал падением дивным, как Писание говорит. Отселе не делай так».

И он обещался оставить этот прелестный образ молитвы. Но увы и горе! Долговременный навык опять привлек его к тому же сладострастному делу и еще более до того, что он уже стал беззаконное дело считать любовью Божией и ближних. Вышел из обители, побродил по России и возвратился было назад. Но не захотел покаяться и оставить угождение плоти, закоренелые свои привычки и ушел тайно опять в Россию.

Что с ним будет? *Бог весть!* Впрочем, Священное Писание говорит, что *пути мужа исправляются от Господа* (ср.: Пс.36:23; Притч.20:24).

Повесть о молодом монахе, пошедшем в пустыню по своему волею, против запрещения духовного отца

Один молодой монах, начитавшись много отеческих писаний об уединении и безмолвии, возымел глупую ревность оставить общежитие и удалиться в пустыню, нимало не приготовившись к тому. Духовник не советовал ему прежде времени дерзать на такое опасное житие, но сперва в общежитии обучиться побеждать страсти и помыслы и потом, вооружившись благословением старческим, пойти в пустыню, придерживаясь во всем совета своего путеводителя. Но он не принял совета старческого и постоянно надоедал старцу, чтобы он отпустил его. И старец, видя его непреклонное желание на житие своевольное и отяготившись его надоедливостью, принужден был дать ему позволение для опыта идти в пустыню и в предостережение сказал ему, что таковым предерзким отшельникам Бог не помогает, а еще иногда попускает им падать в блуд, дабы вразумить их в своей гордости и возвратить в свою обитель для покаяния, что и случилось с этим самонадеянным отшельником.

Оставив обитель, монах удалился в пустыню, радуясь, что избавился от монастыря и послушания, и вот начал поживать, как хотел, самочинно, прохаживаясь-прогуливаясь под тенью ветвистых деревьев. Сначала приятна и весела, и духовна показалась ему такая жизнь, и он был в восхищении такою жизнью, что своим опытом нашел жизнь богоугодную и спокойную, и стал помыслом осуждать духовника, что тот неопытный человек и наговорил ему про эту жизнь много лжи, чего на самом деле нет. И подобных помыслов он много принимал против духовника своего.

Так он провел в пустыне месяца три. Однажды после обеда прогуливаясь по лесу, он незаметно увлекся принятием блудных мыслей, начал ими услаждаться и до того разжегся ими, что помрачился до исступления, ибо, увидав на дороге лежащую большую мертвую змею, взял ее и сделал с нею блуд. Потом он

пришел в себя и ужаснулся своему падению. После этого он возвратился в монастырь, сознав свою вину, и принес покаяние.

Отец Ефрем в прелести

Старец Ефрем, донской уроженец, прибыл в нашу обитель совершеннолетним, а так как он в мире имел свое судно и знал по морской части, то ему и поручено было монастырское судно в управление, где он и трудился усердно несколько лет. И, как монах внимательный, принявший образ покаяния, он усердно молился Богу об оставлении соделанных в мире грехов его. Находясь в таком настроении духа, он незаметно принял внушение от врага узнать, прощены ли от Бога ему грехи или нет? Вследствие чего он увлекся пожеланием видеть какое-либо знамение для уверения в отпущении грехов его, но не счел нужным сперва посоветоваться об этом важном деле с духовным отцом своим. Принявши от врага такое гордое самонадеянное внушение, он стал усердно молиться об этом, враг же подготовил его к принятию прелести, хитро обманув его таким манером.

Однажды ночью отец Ефрем в своей келье молился усердно со слезами о прощении грехов, тогда вдруг внезапно с неба осиял его светозарный луч прямо в лицо, а мысль внушила ему: «Вот это пришел к тебе Дух Святой, поклонись ему!» Отец Ефрем не смирился, а потому не познал бесовского обмана. Вместо того чтобы сказать: «Я недостойн этого, не приму», он стоял в изумлении, а между тем какая-то сила нагнула его поклониться до земли. В это время мгновенно луч светлый вошел внутрь него и стал ходить внутри, взволновав его бесовскими радостями и щекотанием, а он, жалкий, рад сделался, что в него вселился Святой Дух! Но, когда этот дух спустился в тайные его уды и произвел там мятеж, и блудное похотение, и услаждение, тогда наш старец засомневался и устрасился этого, немедленно прибежал к духовнику и рассказал ему все случившееся.

Духовник очень удивился такой грубой его ошибке, потому что знал хорошо этого старца, знал, что он читал отеческие книги и должен был знать хорошо о разных прелестях, особенно о том, что монах не должен желать никакого видения, считая

себя недостойным, как пишет преподобный Петр Дамаскин. Монаху нужно только пожелать видеть видение – и он тотчас попадет в область прелести, ибо, считая себя достойным видеть видение, он этим дерзает поставить себя на точку гордости, и за это попускается ему от Бога посрамление, а иногда и горькое страдание.

Подобное случилось и с отцом Ефремом: он хотя и скоро познал свою прелесть, и отрекся от нее, и стал всеми силами ей противодействовать, но много пострадал после того, ибо бес, войдя внутрь, долго не выходил из него, и отцы принуждены были отчитывать его. Хотя он теперь и успокоился, и послушание исполняет, и уже прошло более десяти лет, но и до этого времени он еще страдает возмущением от беса, особенно при исходе месяца.

Пример хорош для тех, которые пренебрегают заповедью Духа Святого, который сказал: *С советом вся творите, во многом совете есть спасение* (ср.: Сир.32:21; Притч.11:14). Это не значит, чтобы советоваться со многими, как говорит святой Дорофей, но с одним советником, да о многом или обо всем советоваться, а не то что одно открыть, а другое умолчать или утаить. Как и святой Григорий Синаит говорит, что духовному отцу надобно говорить все, что есть, не прибавляя и не убавляя.

Повесть об иеромонахе Августине, пострадавшем за нехранение епитимии.

Иеромонах Августин был из Вологодской губернии, из духовного звания. В мире был он священник и вскоре овдовел. Оставив мир, он поступил в Сергиеву лавру и принял монашество. Потом он прибыл на Афон, был принят в нашу обитель на жительство, и после исповеди ему дана была духовником епитимия – некоторое время не пить вина, что он и исполнял строго. Но враг ухитрился попусшением Божиим сделать ему в этом деле препятствие и искусил его таким образом.

Однажды он пришел к духовнику и говорит ему: «Отче, что-то мне стало скучно. Я узнал, что наше судно отправляется на Крумицу, благослови мне поехать туда для прогулки». Духовник

на это ответил ему: «Тебе нельзя ехать туда, потому что ты имеешь епитимию, а на прогулке ты не сможешь сохранить ее». Но он стал упрашивать и уверять духовника, что он и на прогулке сохранит свою епитимию и вовсе не будет пить вина. Духовник, напротив, убеждал его, говоря, что это есть искушение от врага и что лучше не ездить, а то как бы не случилось какое-либо искушение, что после и поправить трудно будет. Но он настоял на своем, и духовник принужден был дать ему позволение ехать туда.

Дорогою, когда он с отцами обедал вместе, по обычаю стали пить вино и ему предложили выпить. А он или не вспомнил о епитимье, или постыдился отцов – стал пить вино наравне с ними и выпил довольно. К вечеру судно пристало к берегу, к Крумице. Братья суетились, выходили на берег, а он, опершись на борт, смотрел в воду, и в это время помысл говорил ему: «Прыгни в воду, покупайся или нырни ко дну». А другой помысл говорил: «Утопись лучше». Он, испугавшись таких мыслей, поспешил выйти на берег. Тут ему другие предложили купаться, он согласился и пошел с ними купаться, зашел в глубину и начал утопать. С корабля отцы, увидав, что он утопает, поспешили к нему на помощь и вытащили его на берег уже захлебнувшимся водою и без чувств. Долго откачивали его, потом стало рвать его водою и начал он приходить в чувство. В это время в нем проявилось беснование, бес говорил в нем, что он уже 25 лет владеет им, что он ему принадлежит. Потом отцы связали его, отнесли в келью и затворили, а сами пошли ужинать. Не прошло и четверти часа, смотрят – он, развязавшись, бежит рысью к морю топиться. Братья догнали его и воротили, опять связали и уже караулили его всю ночь. В это время он все бранил духовника.

Утром он пришел в себя. Братья с ужасом стали его спрашивать: «Что это с тобою сделалось, отец Августин?» Он все рассказал им подробно, что видел и слышал, и всех привел в ужас и содрогание своим повествованием. «Простите меня, святые отцы, что беспокоил вас своим искушением, это последовало оттого, что я не послушал советов духовника, который не советовал мне ехать на Крумицу, и я против его

воли дерзнул понадеяться на себя. И вот от этого непослушания какой плод я пожал! Когда судно пристало к берегу, у меня в голове начали рождаться глупые мысли такие: «Прыгни в море и покупайся, хорошо окунуться в воду или утонуть». От этих мыслей я смутился и поспешил выйти на берег. Там один пригласил меня покупаться, и я согласился. А как я утопал, того уже не знаю, но помню, что явились мне два арапа черных и стали меня топить. Я противился, а они усиливались погрузить меня в воду, чтобы совсем утопить, но не могли, и один сказал другому: «Что это значит, что мы не можем утопить его?» Другой отвечал: «Да вот то, что висит на шее у него, оно мешает». С этого времени я уже не помню, как меня вытащили из моря, как откачали и как я кричал и все бранил духовника. А когда меня связали и затворили в кельи, то помню, что вошли ко мне два черных человека и говорят друг другу: «Видишь ли, какие окаянные, немилостивые монахи! Связали его». Потом они развязали меня и сказали мне: «Теперь ты развязан, беги скорей к морю и утопись». Я, вскочив, побежал рысью к морю, но отцы, увидав меня, догнали и вернули назад. В эту ночь ко мне пришли два огненных беса с огненными палками в руках и начали меня бить. Я стал кричать: «Бьют меня, больно!» Отцы, караулившие меня, не видя ничего, спрашивали: «Кто тебя бьет?» Я им отвечал, что вот бьют меня какие-то огненные люди, и так ужасно больно! Уж до смерти не забуду этого лютого битья и какие они страшные».

Когда он возвратился в обитель, то сам рассказал духовнику обо всем случившемся и потом с гневом выговорил духовнику: «Все это наделала твоя проклятая епитимия». После этого он удалился на жительство за Афон и прожил там несколько лет. Однажды духовник спросил у него: «Как ты поживаешь в пустыне? Ибо ты прежде боялся бесов, а теперь как ты там с ними поживаешь?» Он отвечал: «Когда я жил у вас, то очень боялся бесов, но когда поколотили они меня, с тех пор я уже более не боюсь их». Пожив на Керасях и не обретя там покоя, он опять возвратился в обитель и поселился на Крумице, где прожил много лет. Наконец, заболевши, он прибыл в

обитель и, проболев с полгода, с должным напутствием христианским преставился в вечность.

О веровании своему сердцу

Господь наш Иисус Христос указал нам главного нашего врага, с которым мы должны бороться во всю нашу земную жизнь. Этот враг наш – не диавол со своими бесами, а собственное наше сердце, в котором, по Его указанию, находятся все греховные злые страсти или похоти. *«Изнутри»*, – сказал Господь; *«от сердца человеческого помышления злые исходят, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, татьбы, лихоимства, обиды, лукавства, лесть, око лукаво, хула, гордыня, безумство. Все это зло изнутри исходит и оскверняет человека»* (Мк.7:21–23) Потому-то Господь и заповедал нам, чтобы мы возненавидели сердце свое, чтобы отверглись от него, и чтобы вовсе погубили его. Сказав: *«Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себя, и возьмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю»* (Мф.16:24–25, ср.: Мк.8:34–35, Лк.9:23–24). А как это сделать? Он для этого дал нам заповеди, наставления, советы, как удобнее нам победить свое сердце. Потому Он и повелел не слушать своего сердца, а во всем соображаться с Его заповедями и обсуждать с духовными отцами. Потому Слово Божие говорит: *«Вопроси старцев, и рекут ти»* (ср.: Втор.32:7), и еще: *«На всяко время друг да будет тебе»* (Притч.11:14), и *«во мно́гом совете есть спасение»* (Притч.17:17).

Об истинном познании слова Божия

С начала Христианской веры и до этого времени от неправильного познания слова Божия и ложного его толкования произошли в ней все ереси. Ибо тогда была неопредельная свобода христианам толковать слово Божие по-своему, кто как хочет. Для воспрепятствования этому злу святые апостолы сами показали пример, чтобы в подобных разногласиях решать дело Собором. Впоследствии этот апостольский пример Церковь Святая осуществила на Вселенских и поместных Соборах, на которых делала указания и определенные законы для всех христиан, как должно истинно познавать слово Божие и толковать его всякому христианину, чтобы было согласно с учением святой Соборной Церкви. А если кто дерзнет иначе учить, того предаст проклятию и извергает из церкви. Все эти церковные правила напечатаны в книге, называемой «Кормчая или Правила Святых Вселенских Соборов».

Христианин, желающий познать слово Божие истинно, правильно, прямо, должен соображаться с учением Святой Церкви и с Вселенскими великими учителями: со святым Афанасием Александрийским, святым Василием Великим, святым Григорием Богословом, святым Иоанном Златоустым, преподобным Ефремом Сирином, святым Иоанном Дамаскиным. Так ли они учили, как ты понимаешь, или как ты учишь? Когда сделаешь сравнение твоего познания слова Божия с учением Святой Церкви и Ее святых учителей, тогда только можешь познать истину твоего познания и учения, и что требует исправления. И так, ты по-своему более не толкуй, а по-Божьему, как повелела тебе святая мать твоя Церковь. Ибо ты сам видишь вокруг себя, что от своевольного толкования слова Божия только рождаются новые ереси и секты. И самые грубые, безумные, мерзкие и гнусные, и безбожные. Жалки погибающие беспоповцы, на этом основании они и отпали от православной церкви, погрузились в язычество, ибо не имеют ни священников, ни святых таинств. Скопцы тоже погрузились во мрак неведения слова Божия. Отпали от Христа, вместо Его

какого-то мужика считают Христом, и учения церковные вовсе не принимают – чистые язычники! Субботники, молоканы, духоборы, штундисты, и еще недавно явилась секта в Самарской губернии, называющие себя Духовными Христианами. Сущность их секты состоит в плотской любви – меняются женами. Все эти секты и подобные им происходят от одной причины – от неправильного толкования Слова Божия. Не зная того, что христианину не дано права или позволения от Бога толковать слово Божие по своему разумению, но велено вопрошать и советоваться со Святой Церковью.

О привычках

«Привычка обращается в природу, привычка есть вторая природа» – такая поговорка существует в народном разговоре, взята она из опыта. Все ее произносят, но не все знают ее значение. Христианину полезно знать это и задавать себе вопрос: что такое есть природа, и какие ее законы или свойства?

Природа имеет законы или свойства неизменяемые, непобедимые. Например, закон дыхания ничем невозможно заменить или сохранить. Долго ли человек может жить без дыхания? Также и законы питания, и питья, и сна ничем невозможно заменить. Долго ли человек может без пищи и питья прожить, также и без сна? Зная это, можно верно познать и значение привычки, почему она обращается в природу. Например, если кто привыкает к пьянству, то оно обращается тому в природу неодолимую, так же как нельзя быть без пищи, и питья, и без сна, так и привыкшему к пьянству кажется невозможным жить без пьянства. То же бывает и с другими привычками – например, если кто привыкнет к какой-либо страсти: к блуду, обжорству, гордости, тщеславию или гневу, злоречию, лени, воровству. Всякая дурная привычка мучит человека, и потому святые отцы советуют прежде смерти стараться оставить злую привычку, ибо всякая злая привычка за гробом подлежит томлению адскому. А лучше этого стараться не привыкать к порокам, которые безобразят нашу природу и удаляют нас от нашего высокого назначения – вечного блаженства.

Исповедь иеросхимонаха Нона

В настоящее искушение должна быть принесена им Богу.

«Исповедую Тебе, Господу Богу моему, все мои грехи, которые я сотворил по принятии мною великого ангельского образа. Главный мой грех пред Тобою, Господи: я сознаю в себе гордость, ради которой я забываю благодарить Тебя за великие Твои милости, оказанные мне, особенно в призвании меня в монашество, ибо Ты по великой Твоей благодати внушил мне оставить суетный мир, и прийти в Афон, в сию святую общежительную обитель, и вручить себя ради Тебя водительству старца, через которого Ты много даровал мне духовных благ, особенно вначале, когда я долго мучил его моим дьявольским намерением самоубийства. Это великое благодеяние Твое я забыл, и прочие Твои дарования я присвоил себе, а не Тебе, Создателю моему, и теперь придираюсь к старцу, упрекаю его в неблагодарности ко мне за мои труды внешние, вещественные, ищу причины свергнуть с себя святое иго Твоего послушания до смерти, как и клялся пред Тобою. Ныне, побеждаемый гордостью, любоначалием и своеволием, роптал на старца, будучи облечен в священный сан, забывши Твою любовь ко мне и старца моего, и не благодарю Тебя. Обещался послужить Тебе среди обители, и вот за малое смущение хочу солгать Тебе, оставить святую мать мою – обитель, не зная часа смерти моей и суда моего. Во всем этом, Господи, я каюсь, и признаю себя виновным, и прошу прощения ради Твоей милости. И прошу покрыть меня со старцем до смерти моей».

Рече Господь: *«Не воструби́ пред собо́ю»* (Мф.6:2). Куда девалась вера наша, чтобы получить награду за каждый шаг наш, содеянный нами ради Бога? Но *«претерпе́вый же до конца́, той спасе́н бу́дет»* (Мф.10:22)».

Слава Богу, что ты устоял против врага, ибо не оставил служения в такой великий праздник.

Вот что внушила мне благодать написать к тебе. Будь верен и смирен до смерти. Аминь.

А мзда наша многа на небесех (ср.: [Мф.5:12](#)).
Духовник Иероним

О табаке

В настоящее время распространение употребления табака в христианском православном народе считается уже невинным удовольствием, но верно ли это?

Желающему спасти душу свою надобно об этом подумать и посоветоваться с Евангелием, оправдает ли оно злоупотребление веществом против любви Божией, ибо христианин, внимающий своему спасению, если обратит свое внимание на изречение Господа Иисуса Христа, который изрек так: *«Аще кто возлюбит отца и мать свою, или жену или детей, паче Мене, несть Мене достоин»* (ср.: [Мф.10:37](#)), тот поймет ясно и отчетливо вред от злоупотребления табака. Если по слову указания Божьего и по благословению Божьему любить кого-нибудь более Бога пагубно для души, то что же сказать об услаждении веществом более, чем Богом. Ибо кто стяжал какую греховную привычку, эта привычка делается для него богом, потому что он только ее помнит и услаждается, а Бог оставлен, находится у него в стороне. Бог дал нам заповедь: любить Его всем сердцем и помышлением нашим. А имеющий какую-либо привычку только ее любит, о ней и помышляет. Если кто имеет привычку к блуду, тот тем и услаждается и о том более Бога помнит. Или кто возымел привычку к пьянству или к табаку, тот о том более Бога помнит. Или об обогащении, или о славе своей, словом сказать, та привычка делается для него богом, и таковой – рабом той привычки.

Таково злоупотребление и табака. Эта глупая привычка не дает свободы привыкшему к ней ни на одну минуту. В этом состоит и грех, что он более помнит о табаке, нежели о Боге. Табаку он приносит жертву, как сердечному своему идолу, а Бог забыт. Иные не приобщаются Святых Таин потому только, что не хотят воздержания от употребления табака и на один день.

Не идолопоклонство ли это? Таковые если не оставят своих привычек до смерти их, то они не узрят лица Божия, ибо всякая греховная привычка, по указанию слова Божия, грозит нам

отлучением от Бога, ибо Бог сказал: *«В чем застаю кого, и в тому и сужу его»* (ср.: [Иез.33:13–16](#)).

Невежи говорят, что табак есть невинное удовольствие, а Слово Божие говорит, что люди за всякое праздное слово воздадут ответ пред Богом. Тем более люди воздадут ответ пред Богом за праздное дело, ибо употребление табака есть праздное дело, и в духовном значении есть пагубно. Если же кому и угодно для здоровья или обыкновенного удовольствия употреблять его по совести, наравне с пищей и питием умеренно.

Ибо всякое невоздержание христианин бичует от обличения совести. Вспомните номоканон церковный, который повелевает так: *«Аще кто напиется воды безмерно и от того изблюет, таковый да отлучен будет от причастия на сорок дней, и по сту поклонов за содеянное невоздержание»*. Видите, и за невинное невоздержание христианин подвергается наказанию. Тем более наказан будет за привычку греховную к табаку, к пьянству, к блуду, к воровству, к игре в карты, к злоречию, к злобе, или к гордости, тщеславию, и сребролюбию, скупости и лени. Привычка или привязанность к таковым страстям или грехам составляет в человеке христианине внутреннее сердечное идолопоклонство. Дабы избавиться от таковой беды, Слово Божие советует нам иметь беспристрастие к земным вещам, ибо говорит: *«Не любите мира, ни яже в мире, и богатство, аще течет, не прельщайте сердца, и не винно вино, а укоризненно пьянстью»*. (ср.: [1Ин.2:15](#), [Пс.1:11](#))

Следовательно, все вещи созданы Богом для нас на пользу, если мы пользуемся оными беспристрастно во славу Божию и на пользу нашего тела, а вся беда состоит для нас в злоупотреблении вещами. Ибо и за несвоевременное употребление пищи совесть обличает нас, а тем более за табак, который, употребляемый безмерно, очень вредит здоровью человека. Ибо притупляет зрение, иссушает грудь, располагает к чахотке. Медицина открыла, что безмерное употребление табака причиняет много вреда здоровью человека.

Духовное наставление о силе молитвы Церковной

Один собрат нашей обители в недавнее время получил от родных уведомление о тяжелой кончине близкого любимого своего родственника, будучи в юности много им благодетельствован и к тому же зная его любовь к ближнему, ради которой он всегда, будучи холостым, истрачивал последние свои заработанные деньги. Но, к сожалению, он подвержен был в небольшой степени страсти винопития, и редко ходил в церковь, но характера был всегда кроткого. Приняв все это во внимание, наш собрат употребил все свои усилия сделать лучшее поминовение души его, для чего усердно просил св. молитв о нем как о. духовника Иеронима и о. игумена архимандрита Макария, так и всех священнослужителей, и своих близких собратий, при чем и иными способами об умилоствлении Бога, да сотворит с почившим по милости Своей и простит ему все согрешения, упокоит душу его в Небесном Царствии. Для таковых молитв был назначен срок 40 дней. И вот по истечении сорокадневного дня он, к великому своему недоумению, чувствует, будто гора свалилась с его плеч, и он освободился от утеснявшей его печали об усопшем сроднике. И так успокоительно чувствовал себя относительно его загробной участи, что будто теперь, пожалуй, если бы и не молиться о нем, то ему не будет крайней нужды в этом.

В тот же или следующий вечер было объяснено им об этом старцу духовнику Иерониму. Отец духовник сказал: «Что ты думаешь, что это за твои молитвы случилось; разве не сильны заслуги Спасителя покрыть его грехи, да еще при содействии молитв церковных, а главное – при совершении Таинства Бескровной Жертвы? Только посредством тебя, через твое ходатайство, Господу было угодно устроить так. Должно быть, и он имел какие-нибудь добрые дела, ради которых и Господь расположил тебя так усердно о нем позаботиться.

Вот видишь ты сам, да и сколько бывало уже примеров, сколь сильны были и всегда бывают молитвы Церкви

Православной ради заслуг Крестных Спасителя нашего Господа Иисуса Христа. Ему со Безначальным Отцем и Всесвятым Духом да будет от нас честь и слава во веки. Аминь».

Напоминание православным христианам о повиновении властям

(выписанное из Священного Писания)

С недавних времен в православном отечестве нашем России начали появляться люди, зараженные западным неверием, не уважающие православной отеческой своей веры, отъявленные безбожники, не признающие бытия Божия, предтечи антихриста, которые тайно обходят города, селения, заводы и фабрики и стараются распространять пагубное свое учение, направленное против святого Евангелия и всех законов – Божиих, царских и гражданских. Они хотят истребить и саму веру христианскую, все священное на земле, всякую власть – духовную и гражданскую, даже дерзают посягать и на священную власть царскую, на помазанника Божия. Такое адское учение они стараются распространять тайно между простым народом, для этого сочиняют свои книжки, в которых пишут все против Бога, Его святого Евангелия, против царей и против всех властей, и эти свои душепагубные книжки без денег раздают тайно простому народу, надеясь таким лукавым образом успеть в своем безбожном деле. Но мы, православные братья, веруем и надеемся, что отечески пекущийся о нас Промысл Божий не попустит этим злодеям успеть в своем бесчеловечном тайном замысле, ибо правительство уже узнало о злоумышлениях сих злых людей и, как известно, приняло против этого свои строгие меры и всех оповестило об этом. Также и русские газеты единодушно от лица отечества нашего прогремели грозными проклятиями этим извергам рода человеческого, которые прикрывают свое нечестивое учение лестью, ложью и обманом и обещают своим последователям какое-то мнимое блаженное равенство, чего и на небе нет. Ибо и там чин чину повинуетя, и первый ангел, дерзнувший равняться с Богом, за то был свержен с неба в преисподнюю. Впрочем, православные братья, узнавши о таком злом намерении этих слуг дьявола, мы не должны смотреть на них равнодушно, но, вооруживши себя христианскою отеческою

нашею верою и любовью к отечеству, должны общими нашими силами стараться истребить это ужасное зло в зародыше, как и Священное Писание повелевает. *Измите*, – говорит, – злаго от вас самех (ср. Кор.5:13). Наше дело не принимать к себе таковых проклятых безбожников, не слушать их диавольского учения, не брать у них и не читать незаконных их книг, но предавать их самих начальству, как предтечей антихристовых.

Господь наш Иисус Христос в Своем Евангелии предсказал о появлении в последнее время таковых душепагубных обманщиков, извергов рода человеческого и в предосторожность верующим говорил, что *в последнее время многие явятся лжехристы и лжепророки, но не имейте к ним веры* (ср.: Мф.24:24–26). Святой апостол Петр во Втором послании своем ясно пророчествовал о лживых безбожных учителях, написав так: *Быша же и лживии пророцы в людех, якоже и в вас будут лживии учителя, иже внесут ереси погибели и, искупльшаго их Владыки отметающеся, приводяще себе скору погибель. И мнози последствуют их нечистотам, ихже ради путь истинный похулится. И в преумножении льстивых словес вас уловят; ихже суд искони не коснит, и погибель их не дремлет. Аще бо Бог ангелов согрешивших не пощаде, но, пленицами мрака связав, пред аде на суд мучимых блюсти; и перваго мира не пощаде, но осмаго Ноа, правды проповедника, сохрани, потоп миру нечествовавших наведе; и грады Содомския и Гоморрския сжег, разорением осуди, образ хотящим нечествовати положив; и праведнаго Лота обидима от незаконных в нечистоте сожития избави, видением бо и слухом праведный, живой в них, день от дне душу праведну незаконными делы мучаше. Вестъ Господь благочестивый от напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти, наипаче же во след плотским похоти сквернения ходящая и о господстве нерадящая, продержателе, себе угодницы, славы не трепещут хуляще, идеже Ангели, крепостию и силою больши суще, не терпят на ся от Господа укоризнен суд. Сии же, яко скоти животни естеством бывше в погибель и тлю, в нихже не разумеют хуляще, во нетлении своем истлеют;*

приемлюще мзду неправедну, сласть мняще вседневное насыщение, сквернители и порочницы, питающиеся лестьми своими, ядуще с вами, очи имуще исполнь блудодеяния и непрестаемого греха, прельщающе души неутверждены, сердце научено лихоимству имуще, клятвы чада; оставльше правый путь, заблудиша, последовавше пути Валаама Восорова, иже мзду неправедну возлюби, обличение же име своего беззакония; подъяремник безгласен, блюдется. Прегордая бо суеты вещающе, прельщают в скверны плотския похоти, отбегающих всячески от них живущих во лъсти. Свободу им обещавающе, сами раби суще тления, имже бо кто побежден бывает, этому и работен есть. Аще бо отбегше скверн мира в разум Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, сими же паки сплетшеся побеждаемы бывают, Быша им последняя горша первых. Лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшим возвратитися вспять от преданныя им святыя заповеди. Случися бо им истинная притча: пес возвращься на свою блевотину, и свиния, омывшись, в кал тинный. человеческим гласом провещаешь, возбрани пророка безумие. Сии суть источники безводни, облацы и мглы от ветр преносими, имже мрак темный вовеки блюдется. Прегордая бо суеты вещающе, прельщают в скверны плотския похоти, отбегающих всячески от них живущих во лъсти. Свободу им обещавающе, сами раби суще тления, имже бо кто побежден бывает, этому и работен есть. Аще бо отбегше скверн мира в разум Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, сими же паки сплетшеся побеждаемы бывают, Быша им последняя горша первых. Лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшим возвратитися вспять от преданныя им святыя заповеди. Случися бо им истинная притча: пес возвращься на свою блевотину, и свиния, омывшись, в кал тинный.

Сие уже, возлюбленнии, второе вам пишу послание, в нихже возбуждаю воспоминанием ваш чистый смысл, помянути прежде реченныя глаголы от святых пророк и апостол ваших заповедь Господа и Спаса. Сие прежде ведяще, яко приидут в последния дни ругателе, по своих похотех

ходяще и глаголюще: где есть обетования пришествия Его? Отнележе бо отцы успоша, вся тако пребывают от начала создания. Таится бо им, сие хотящим, яко небеса беша исперва и земля от воды и водою составлена Божиим словом. Темже тогдашний мир, водою потоплен быв, погibe. А нынешняя небеса и земля темже словом сокровена суть, огню блюдома на день суда и гибели нечестивых человек. Едино же сие да не утаится вас, возлюбленнии, яко един день пред Господем яко тысяща лет, и тысяща лет яко день един. Не коснит Господь обетования, якоже неции коснение мнят, но долготерпит на нас, не хотя, да кто погibнет, но да вси в покаяние приидут. Приидет же день Господень, яко тать в нощи, в оньже небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят. Сим убо всем разоряемым, кацем подобает быти вам во святых пребываниих и благочестиих, чающим и скорее быти желающим пришествия Божияго дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихии опаляеми растаються? Нова же небесе и новы земли, по обетованию Его, чаем, в нихже правда живет. Темже, возлюбленнии, сих чающе, потщитесь нескверни и непорочни тому обрестися в мире и Господа нашего долготерпение спасение непщуйте, якоже и возлюбленный наш брат Павел по данней ему премудрости написа вам, якоже и во всех своих посланиях, глаголя в них о сих; в нихже суть неудобь разумна некая, яже ненаучени и неутверждени развращают, якоже и прочая писания, к своей гибели им. Вы же убо, возлюбленнии, предведяще, хранитесь, да не лестию беззаконных сведени бывше, отпадете своего утверждения. Но да растете во благодати и разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа, Тому слава и ныне и в день века. Аминь (2Пет.2–3).

Так же и святой апостол Иуда написал о последних безбожниках ясно и подробно.

Возлюбленнии, всяко тщание творя писати вам о общем спасении нашем, нужду возымех писати вам, моля подвизатися о преданней вере святым единою. Привнидоша бо неции человецы, древле предустановленнии на сие

осуждение, нечестивии, Бога нашего благодать прелагающих в скверну и единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа отметающихся. Горе им, яко в путь Каинов поидоша, и в лесь Валаамовы мзды устремися, и в пререкании Кореове погибоша. Сии суть в любвах ваших сквернители, с вами ядуще, без боязни себе пасуще; облацы безводни, от ветр преносими; дресеса есенна безплодна, дважды умерша, искоренена; волны свирепыя моря, воспевающе своя стыдения; звезды прелестныя, имже мрак тмы во веки блюдется. Пророчествова же и о сих седмый от Адама Енох, глаголя: се приидет Господь во тмах святых Ангел Своих, сотворити суд о всех и изблечити всех нечестивых о всех делех нечестия их, имже нечестоваша, и о всех жестоких словесех их, яже глаголаша Нань грешницы нечестивии. Сии суть ропотницы, укорители, часть порочна, в похотех своих ходяще нечестием и законопреступлением; и уста их глаголют прегордая, чудящиеся лицам пользы ради. Вы же, возлюбленнии, поминайте глаголы преждедеченныя от апостол Господа нашего Иисуса Христа; зане глаголаху вам, яко в последнее время будут ругатели, по своим похотех ходяще и нечестиих. Сии суть отделяющее себе от единости веры и суть телесни, духа не имуще. Вы же, возлюбленнии, святою вашею верою назидаяще себе, Духом Святым молящиеся, сами себе в любви Божией соблюдайте, ждуще милости Господа нашего Иисуса Христа в жизнь вечную (Иуд.1:3–4, 11–21).

Святой апостол Иоанн Богослов в предостережение верующим написал так: Возлюбленнии, не всякому делу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. Об этом познавайте Духа Божия и духа лстча: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть. И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога несть, и сей есть антихристов (1Ин.4:1–3).

И во Втором послании пишет: Мнози лстцы внидоша в мир, не исповедающе Иисуса Христа, пришедша во плоти; сей есть лстец и антихрист. Аще кто приходит к вам и этого учения не приносит, не приемлите его в дом и радоватися

ему не глаголите; глаголяй бо ему радоватися сообщается делом его злым (2Ин.1:7,10–11).

Святой апостол Павел в Послании к колоссянам предостерегает христиан, дабы не прельщались учением людей безбожных, которые учат против законов Божиих и гражданских. *Братья, – говорит, – блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христе (Кол.2:8).* В Послании к римлянам подобное пишет: *Молю же вы, братья, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже Вы научитесь, и уклонитесь от них. Таковии бо Господеву нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву, иже благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых (Рим.16:17–18).*

Вот видите, братья, как ясно святые апостолы описали проповедников антихристовых. По этому описанию и мы все можем познавать оных волков, приходящих к нам в одеждах овчих, и остерегаться, не верить душепагубному их учению, вовсе противному Божественному Евангелию, которое показывает нам ясно, что Господь наш Иисус Христос, Сам будучи Царь царей и Господь господей, однако изволил на земле повиноваться властям и исполнял законы Божий и человеческие, изволил даже записаться в народную ревизию и платить подати, да и верующим в него христианам повелел *воздавать кесарева кесареви и Божия Богу (ср.: Мф.22:21).* Этим Своим примером Он указал верующим в Него повиноваться властям земным и исполнять обязанности гражданские. Святой Иоанн, Предтеча Господень, когда спросили его воины: «А мы что сотворим?» – отвечал им так: *Ни когоже обидите, ни оклеветавайте: и доволни будите оброки вашими (Лк.3:14).* Вот это изречение его показывает, что служба военная угодна Богу. Святой апостол Петр молит христиан повиноваться властям, говоря: *Возлюбленнии, повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от него посланным во отмщение убо злодеем, в похвалу же благотворцем. Яко тако есть воля Божия, благотворящим*

обуздовати безумных человек невежество. Всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите (1Пет.2:13–15, 17). И святой апостол Павел повелевает повиноваться властям, говоря так: *Всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть. Темже противляйся власти, Божию повелению противляется, противляющися же себе грех приемлют. Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хочеши же ли не бояться власти? Благое твори и имети будеши похвалу от него: Божий бо слуга есть тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся, не бо без ума меч носит: Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему. Темже потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть. Этого бо ради и дани даете: служители бо Божии суть, во истое сие пребывающе. Воздадите убо всем должная: емуже убо урок, урок: а емуже дань, дань: а емуже страх, страх: и емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должны бывайте, точию еже любить друг друга: любяй бо друга закон исполни. Любы искреннему зла не творит (Рим.13:1–8,10).*

А эти изверги рода человеческого, называемые коммунистами, напитаны дьявольской злобою против всех людей, имеющих собственность, ибо адское намерение их такое, чтобы истребить всех богатых людей, дабы сделать собственность их общественным достоянием или, лучше сказать, обратить в свою собственность. Того ради они везде стараются составлять заговоры, делать бунты и убивать начальников. В действиях своих они походят на лютых зверей или, лучше сказать, на воплощенных бесов. Ужасное бесчеловечие свое они показали всему свету на деле во время прусско-французской войны в Париже. Захвативши власть в свои руки, они на первом плане постановили уничтожить христианскую веру. Начали с духовенства: бесчеловечно убили архиепископа, за ним перебили священников, потом начали убивать начальников и богатых граждан, грабить, жечь присутственные места и царские дворцы и делали страшные злодеяния, коими всю Европу привели в ужас. И если бы правительство не поспешило остановить разъяренное

бешенство их победою над ними, то они погубили бы всю Францию. Вот каковы эти всемирные благодетели! Они составляют скопище предтеч антихристовых и рассылают своих проповедников повсюду, чтобы возмущать народы против всех властей, пока делая это тайно, под благовидным предлогом доброжелательства всему роду человеческому.

Но Господь в Евангелии показал нам, как познавать нам злых проповедников. *От плод их – сказал – познаете их, ибо не может древо зло плоды добры творити (Мф 7:16–18).* Плоды же духовные святой Павел именует сии: *любви, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал.5:22–23).* Коммунисты же таких плодов не могут иметь, потому что они – праздные утробы, хотят жить на чужой счет грабежом и обманом. Таковых тунеядцев святой апостол Павел повелевает не принимать, говоря солунянам: *Повелеваем же вам, братья, о имени Господа нашего Иисуса Христа отлучатися вам от всякого брата, бесчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас. Сами бо весте, како лепо есть вам подобитися нам, яко не безчинновахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиже день и ночь делаяще, да не отягчим никогоже от вас. Не яко не имамы власти, но да себе образ дамы вам во еже уподобитися нам. Ибо, егда бежом у вас, сие заветавахом вам, яко аще кто не хочет делати, ниже да яст. Слышим бо, некия безчинно ходящим у вас, ничтоже делаящая, но лукавно обходящая. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делаяще, свой хлеб ядят (2Фес.3:6–12).*

В Послании к Тимофею апостол Павел просит, чтобы молились христиане за всех людей, особенно за царя и за начальников, говоря: *Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть; да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте; сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины прийти (1Тим. 2:1–4).*

В Послании к римлянам сей апостол просит христиан, чтобы они жили свято в чистоте и не подражали бы мирским привычкам, но старались бы познавать волю Божию и исполнять ее и чтобы не увлекались всяким ветром учения, но рассуждали бы смиренномудро, сообразно законам. Вот его слова: *Молю вас, братья, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше, и не сообразуйтесь веку этому, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая, и угодная, и совершенная. Глаголю бо благодатию, дающеюся мне, всякому существу в вас не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры* (Рим.12:1–3).

В Послании к коринфянам он написал: *Братья, бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь. Вся вам любовь да бывают* (1Кор.16:13–14). К ефесеям написал: *Якоже чада света ходите, плод бо духовный есть во всякой благодати и правде и истине; искушающе, что есть благоугодно Богови. И не приобщайтесь к делом неплодным тмы, паче же и обличайте. Бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати. Вся же обличаемая от света являются, все бо являемое свет есть; сего ради глаголет: востани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос. Блюдайте убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия. И не упивайтесь вином, в немже есть блуд, но паче исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмах, и пениих, и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф.5:9–19).

Окончим слово наше к вам, братья, еще одним воспоминанием Писания этого же святого апостола, посланного им к галатам к утверждению в вере. Оно есть следующее: *Братья, аще мы или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал.1:8). Видите ли, братья, как строго святой апостол проклиняет ложных

проповедников, которые учат людей не так, как учили святые апостолы. И святой Иоанн Богослов повелевает таковых безбожных учителей не принимать и в дома и даже при встрече с ними не приветствовать их, не говорить им «здравствуйте», потому что, если кто будет говорить им «здравствуйте», тот участвует в делах их злых (ср.: 2Ин.1:10–11).

Темже убо, братья, – писал святой Павел в конце Послания своего к солунянам, – стойте и держите предания, имже научистесь или словом, или посланием нашим. Сам же Господь наш Иисус Христос, и Бог и Отец наш, возлюбивый нас и давший утешение вечно и упование благо в благодати, да утешит сердца ваша и да утвердит во всяком слове и деле блазе (2Фес.2:15–17). Аминь.

Мысли для поправления нравственности в отечестве нашем России

1. Повелеть Святейшему Синоду по церквам молиться, то есть приложить на ектениях молитву о истреблении нигилизма и о вразумлении поврежденных от него. Мы у себя употребляем в наших прошениях и прилагаем при этом образцы этих прошений.

2. Хорошо бы отстранить соблазнительное удобство перехода священников и диаконов в гражданскую службу, ибо им дают урочное время на выслугу и дают чины. Этим действием закон гражданский незаметно ослабляет строгость благотворной дисциплины церковной, что зловредно действует на нравственность православного христианства.

3. Также и переход из духовных училищ в светские, а особенно из академий, ибо с подобными переходами мы скоро останемся с безграмотными архиереями.

4. Во всех светских училищах необходимо нужно скоро пересмотреть учебники по всем отраслям науки, ибо в некоторых учебниках находятся учения, противные Священному Писанию, особенно по геологии и физиологии, которые соблазняют учащееся юношество и располагают к неверию. Все это и подобное тому надобно исправить, а иначе нигилизм все более будет разрастаться.

5. Принятие строгих мер к истреблению в империи книг вредных сочинений и к прекращению тайного ввоза из-за границы в Россию книг вредных сочинений. Исполнение этого мероприятия много поможет исправлению нравственности даже и самих учителей.

6. В светских училищах необходимо нужно прибавить число уроков преподавания Закона Божия, а при выпуске чтобы строго держали экзамен Закона Божия, и если кто одного не знает, то по вступлении на службу определять его рядовым, пока он не сдаст экзамена из Закона Божия, ибо не каждому захочется оставаться рядовым.

7. Устранение в воскресные дни базаров и парадов, как это было прежде, ибо солдаты, собираясь на парад, не могут быть в воскресный день в церкви, а также и все начальники. А это единственный день недели, в который являются в церковь. А тут не только они не являются в церковь, но еще и любопытных отвлекают от нее, и это много вредит религиозности как самих солдат и начальников их, так и любопытных зрителей.

8. Нельзя ли каким-нибудь образом устранить или уменьшить пьянство в народе, который в большом количестве гибнет от этой страсти вещественно и духовно? К уменьшению этого зла приняты меры возвышением акциза, а еще лучше – благоволением правительства к учреждениям обществ трезвости, поощряемым к такому благу установленными знаками наград, например: за пять лет трезвости – медаль, за другое пятилетие – другую медаль и так далее.

9. В казенных общественных училищах посты отменены, это очень соблазняет православных религиозных людей, ибо подает причину народу думать о правительстве, что оно безбожное. Полезно было бы это поправить.

10. Открытые дома терпимости еще более соблазняют народ, их нужно закрыть.

11. Принуждение солдат к нарушению постов очень вредно действует на доверие их к начальству. Нельзя ли это предоставить свободному их произволению?

12. Литературу подвергнуть строжайшему надзору, ибо есть некоторые журналы и газеты противорелигиозного направления, развращающие народ. Известно, что необузданная литература причиняет гибель государству.

13. Открытие церквей. Ибо легкомысленное закрытие оных очень вредно повлияло на православный народ.

14. Под воскресные и праздничные дни театры запретить, а также в Великий пост и Богородичный.

Размышление о состоянии современного монашества православной церкви

Прожив на Афоне в обители святого Пантелеимона 35 лет и при помощи Божией и Его благословении собравши многочисленное братство, я никогда не думал о переселении его куда-либо в другое место, потому что не было к тому и побудительной причины. Но в 1875 году, рассуждая вместе с другими о постигшем нас гонении от греков, я невольно увлекся в размышление о всеобщем бедствии, гонении и притеснении православного монашества, гонимого безбожным духом времени, направленного к конечному истреблению его как на Востоке – в Греции, Сербии и Молдавии, так и в России, где оно заклеявлено именами тунеядства, пьяного и развратного класса и непотребного общества. В самом сердце Греции – Элладе монашество почти совсем уничтожено еще в 30-х годах, то же самое сделано в Сербии и Молдавии, а в Болгарии оно давным-давно вовсе истреблено. Приближается время, грозящее монашеству уничтожением и на Святой Афонской Горе, где еще до сих пор оно существовало самостоятельно, пользуясь древнею свободою и обычаями. Но, к несчастью, в настоящее время патриархия решилась ввести на Афоне такую реформу, которая вовсе уничтожит древнюю свободу монашеской жизни на Афоне, а с нею вместе уничтожится и численность населения монашеского, как то сделано было на Метеоре, где монастыри, когда они были самостоятельны, тогда были очень многочисленны, а, когда подпали под управление патриархии, тогда они почти уничтожились и только одна тень их осталась. То же будет и на Афоне, если он подпадет под управление мирских властей, то есть патриархии, которая в настоящее время управляется мирскими личностями, а не монашескими. Потому что ныне греческие архиереи не принимают монашества или пострига монашеского. А какого же свойства будет то монашество, которым будут управлять лица, не знающие и не испытывавшие жизни монашеской? Недавние события ясно показывают последствия таковых распоряжений или

управлений. Одно низкое лихоимство, и лихоимство со всеми вытекающими из этого многообразными пороками, обезображивающими монашеский образ!

Покойный Муравьев говорил и писал, что у нас, то есть в России, стремятся стереть монашество с лица земли. Такой отзыв о состоянии духа современного общества в России подтверждает вышесказанное о нем, что оно не терпит монашества и желает избавиться от него, как от противоположного ему и всегда беспокоящего его общества. И вследствие этого оно старается уронить честь монашества пред народом и вовсе очернить его пред ним, дабы таким образом охладить или вовсе уничтожить охоту в народе к поступлению в монашество. Разумеется, что это измышление самого сатаны. Но Господь Сам, Ему ведомыми путями, разрушит это диавольское ухищрение.

По причине такого размышления является вопрос: что ж надо делать в таких обстоятельствах монашеству? Неужели спокойно ожидать уничтожения своего? Разумеется, этот вопрос относится более к предстоятелям и старцам монашеских свободных обществ. Примеры древних святых настоятелей показывают, что они за обязанность считали заботиться и о будущем благосостоянии обителей своих, поэтому и нам в настоящее время подобает то же творить. Так как здесь, на Афоне, наше общество и все славянство гонимо и притесняемо, а отечество наше – Россия не принимает нас за своих подданных, потому является такая мысль: не своевременно ли будет нам сейчас испытать волю Божию, благую, благоугодную и совершенную, чтобы нам поискать для себя такое место, где свободно может существовать православная монашеская Церковь со своею епархией? Например, на Тихом океане, где в настоящее время находится еще много необитаемых островов. А так как для Бога, если только что Ему благоугодно совершено, то и невозможное, и немислимое для нас – для Него все бывает возможно. И так как это есть истина несомненная, то, помолившись Господу об этом и попросив у Него на это дело особой помощи и благословения Его, послать туда людей вроде комиссии, хотя из пяти человек, для приискания удобного места

к населению и житию монашескому. Если это дело благоугодно будет Господу, то Он и покажет Сам, Ему ведомыми путями, то место, где Ему благоугодно будет прославлять Себя житием монашеским.

Отыскав остров, надобно строго осмотреть его и испытать, имеет ли он все местные условия, достаточные как для здоровья, так и для продовольствия насельников многочисленного братства. По должном испытании и смотре острова приступить уже и к усвоению его. Вначале для этого надо приобрести покровительство Америки, как не имеющей господствующей Церкви, а потом уже основать на острове метох с сохранением тайны и мало-помалу увеличивать его. И если Бог даст занять остров... [запись прерывается]

Письмо с Афона к уклонившемуся в раскол

Досточтимый о Господе N. N., Мир Божий и спасение душе Вашей!

К душевному прискорбию нашему наслышались мы через монаха нашей обители отца И., бывшего у Вас, что Вы более десяти лет уже отчуждены от святой матери своей Церкви и уклонились в раскол, или староверство, и, следовательно, отчуждены от ей Церкви. Заботясь о спасении собственных наших душ, мы, движимые христианской любовью к ближнему, решились сказать вам несколько слов.

Прежде всего молим Многомилостивого Господа нашего Иисуса Христа, да просветит Он, Свет истинный, душевные Ваши очи и обратит от тьмы раскола к свету святой Своей Церкви, врученной от Него святым апостолам, а через них преемникам их – пастырям Церкви, епископам и пресвитерам, а не простым, непосвященным людям. Второе: просим и молим Вас ради души Вашей, которая дороже всего для нас на свете, обратиться к Богу с усердной молитвою, да покажет Он Вам истину святой Своей Церкви и тьму, ложь и пагубу раскола.

Святая мать наша – Православная Церковь, управляемая по благодати Христовой епископами и пресвитерами, спасает нас верою в Господа нашего Иисуса Христа через святые семь Таинств учением Священного Писания, святых Соборов и отцов Церкви. В ней только спасаются верующие, а вне Православной Церкви нет спасения.

Раскол, или мнимая старая вера, есть вражда на Бога, отчуждение от вечной жизни и спасения, ибо пастырей у раскольников или староверов нет, святых Таинств тоже нет, истинного света евангельского тоже нет, богослужения нет. Руководители их – невеждыпростецы, дерзнувшие по гордости без рукоположения от епископов отправлять богослужение для руководимых ими – только губят их. Будучи сами невеждами, они не могут наставить на путь спасения слушающих их. Слепец слепца может ли водить? Просвещать светом Крещения могут

ли они без власти священства? Вязать и решить грехи людей могут ли они без власти, данной от Господа только Своим апостолам и через них преемникам их – пастырям и учителям святой Церкви, епископам и священникам? Святой тайны Евхаристии тоже не могут они совершать, а без этого православный христианин-верующий не может быть жив душевно, а есть живой мертвец. Аще не снете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе (Ин.6:53). Что же Вы хорошего и спасительного нашли в мнимой старой вере и надеетесь ли спасти душу свою, слушая учение самовольников, поднимающихся на разум Божий, оставивших святую Церковь, свет учения евангельского и святоотеческого? Никто никогда не спасся вне Церкви Христовой, а, напротив, погибли навеки все еретики, раскольники и отступники, отлученные от святой Церкви святыми Вселенскими и Поместными Соборами.

Скажете: «Я получил исцеление от болезни, пообещавшись оставить святую Церковь и присоединиться к расколу». На это скажем такую краткую повесть. Один подвижник, впадши в самомнение и гордость, однажды по вражескому дьявольскому наваждению, а Божию попущению, увидел во сне, что все иудеи-христубийцы блаженствуют в раю, в Царствии Небесном, а все христиане, искупленные честною Кровию Господа нашего Иисуса Христа, мучаются в адских многообразных муках. Проснувшись и поверив видению, несчастный пошел из пустыни и принял жидовскую веру, а Христа Господа, Искупителя своего, попустившего самовольнику-гордецу упасть в такую пропасть, отвергся. Господь ведь не связывает нашей воли.

Подобное случилось и с Вами. Во время болезни, которой наказывает нас Господь вообще за наши же грехи, а могло быть, что наказал и Вас, подвернулся вам враг спасения – дьявол и через раскольника погибшего обещал вам выздоровление, если обратитесь в раскол. Господь попустил, видя Ваше неверие Ему, а веру сатане. Ибо и сатана может преображаться в Ангела света (2Кор.11:14) и творить мнимые чудеса через служителей своих. В истории церковной много тому примеров. Вы поверили

врагу своему, получив избавление от телесной болезни, а погубили душу, не обратившись в болезни к спасительным врачествам святой Господней Церкви – Таинствам Покаяния и святого Причащения во исцеление души и тела. И вот теперь блуждаете более десяти лет во тьме и отчуждении от жизни Божией, противясь святой матери своей – Церкви. Кто же заступится за Вас при исходе из этой жизни? Кто тогда исцелит, когда душа грешная будет разлучаться с телом? Неужели помогут учителя раскола, сами оставленные Господом за свое противление Ему и Его святой Церкви? Нет, не надейтесь! Если не обратитесь на путь покаяния, то погибнете, а совратившие Вас не подадут вам никакого врачевства. Последнее врачевство и утешение отходящему от сей жизни христианину есть святое Покаяние и Причащение святых Тела и Крови Христовых через служителей святой Церкви. А раскольники откуда подадут вам сии Таинства, сами будучи лишены их?

Итак, ради душевного своего спасения, послушайте нас, смиренных, обратитесь с покаянием к своему Господу и Спасителю Иисусу Христу, искупившему Вас Своею честною Кровию, омывшему водою святого Крещения, питавшему Вас некогда, до отпадения от святой Церкви, честными и пречистыми Телом и Кровию Своими и очищавшему в Таинстве Покаяния через служителей святой Церкви. Господь милосерд, забудет все прошедшее, все грехи Ваши простит, введет Вас вновь в дом Своей святой Церкви, как блудного сына, как заблудшее овца. Стоит только помолиться поусерднее к Богу, поплакать и потом прийти к служителю святой Церкви и сказать ему: «Я был в заблуждении, чуждался святой Церкви, а теперь прошу и умоляю снова сделать меня чадом ее».

Даруй Вам Господи обращение к свету и покаянию, помощи и вразуми Царица Небесная, и святые угодники Божии, и святой Ангел Ваш хранитель, чего искренне желая и умоляя Бога, да обратит Вас вновь к святой Своей Церкви, остаемся на Святой Афонской Горе Русского Пантелеимонова монастыря

архимандрит Макарий,
иеросхимонах Иероним.
1870 год.

Братский совет с Афона русским сектантам разной веры

Как познать Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь? Ведь каждая секта говорит о себе, что ее церковь есть истинная, правильно верующая, а таковых в настоящее время в православной России обретаются до 100 обществ.

Православные христиане верят, что Господь наш Иисус Христос создал Церковь на земле единую, а не многие церкви. И эта Его Святая Единая Церковь во все времена существует во всей своей силе и славе, сияет как солнце, и Он Сам в ней находится. Но многие не познают ее, отделились от нее и раздробились на многие общества и секты разной веры, и каждая из них называет себя истинною церковью, несмотря на то, что это они делают против Евангелия, будучи убеждены в верности своего произвольного толкования слова Божия. Отчего это произошло, известно – святой апостол Павел еще предрек, что после их ухода между христианами будут ереси (ср.: Деян.20:29).

Теперь предлагается вопрос: как возможно познать истинную Православную Христову Церковь?

Для этого находятся два способа: один – для грамотных людей, а другой – для неграмотных. Грамотный человек по слову Самого Господа должен испытать Писания, при помощи молитвы со вниманием прочесть священную и церковную историю, а особенно деяния святых Вселенских Соборов, написанные в особой книге, называемой Кормчая. И если желающий познать истинную Христову Церковь сделает это со страхом Божиим и молитвою, то скоро найдет искомую истину. Бог просветит его и покажет ему все ее, истинной Христовой Церкви, значение.

Что она есть на земле едина и имеет свое непрерывное начало от времен Самого Господа нашего Иисуса Христа и Его святых апостолов, это ясно показывают ее святая история и деяния святых Соборов. А иноверные общества этого не имеют и продолжения непрерывного своего существования от времен

апостольских не могут доказать, потому что не имеют своей истории. Ибо они все новые, измышленные произволом людей, прельщенных змием, а потому они сами себя подрывают и уничтожают, раздробляясь на многие толки, что доказывает, что они не имеют у себя благодати Божией, а потому и не суть они овцы от двора Христова.

Древняя Вселенская Церковь, еще до отпадения от нее Запада, на Вселенских и Поместных своих Соборах для единомыслия изложила и определила веру апостольскую во всех ее подробностях и утвердила за нарушение их наказывать своею клятвой или отлучением. С IX века Церковь управляется этими законами, которые в обязанность поставляют каждому христианину не мудрствовать иначе против Церкви, но во всем сообразовываться с ее законами и учением. Не дозволяется никому по-своему толковать слово Божие, но чтобы каждый христианин толковал слово Божие умом общим церковным, а не своим. Чтобы во всем сообразовывался с писаниями богодухновенных святых отцов, учителей вселенских, как они толковали, святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий и Кирилл Александрийские, преподобный Ефрем Сирин и прочие, а самовольно не выдумывать разные новизны без благословения церковного.

Нынешние сектанты по неведению уклонились от этого богоучрежденного законоуправления, вовсе отпали от единства святой Церкви и ввергли себя в волны сомнительной деятельности, ибо они все весьма сомневаются в своих верах. А спросить бы их, кто дал им право толковать слово Божие по своему разумению, не соображаясь с учением святой Церкви? Ибо истинный христианин должен толковать слово Божие не своим умом, а умом Вселенской Церкви. Вот причина, по которой сектанты отпали от Церкви. Они дерзнули ослушаться Вселенской святой Церкви и начали толковать святые догматы всякий по-своему, против ее учения, а потому и отпали от истины и вверглись в погибель.

История падения первого ангела по Откровению

В начале сотворил Бог небо и землю (Быт.1:1). Под сотворением неба отцы Церкви понимают сотворение Ангелов,

которые были сотворены прежде физического мира и были очевидцами его сотворения. Об этом Сам Бог открыл Иову: *Егда сотворены Быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои (Иов 38:7)*. Первый ангел до падения назван в Писании Денницей, а после падения называется змием великим, змием древним, диаволом, сатаной, льстящим вселенную всю, велиаром, веельзевулом, отцом лжи, человекоубийцей. Господь открыл причину падения его, погубившую его. Она состояла в измышленной им лжи, потому и объявил его *отцом лжи и не стоящим в истине* (ср.: *Ин.8:44*). Уклонившись в самообольщение, он возгордился Божиими дарованиями и приписал их себе, а не Богу. Вследствие этого он, оставив послушание, дерзнул пожелать сравняться с Богом, отделиться от Него и быть независимым. Не устоял в той истине, что он как бытие свое, так и все дарования, которых ради вознесся, получил от Бога, Который может всегда его их лишить.

Отец лжи в истине не стоит. Какая это истина, в которой он не стоит? Под этим словом можно разуместь, первое – то, что он, как сотворенный Богом наравне с другими из ничего и предпочтенный перед другими особо высокою честью первенства, следовательно, более других одолженный Богом, должен был и возлюбить Бога более других и с благодарностью повиноваться Ему. Но он этого не сделал, а потому в истине не устоял. Второе – возгордившись высоким положением своим и решившись в уме своем не повиноваться Богу, а отделиться от Него и сделаться подобным Ему, он ложно решил для себя неизбежный в этом случае вопрос: по отступлении от Бога останется ли он таковым, каков есть? Не лишится ли он Божиих великих дарований и что после этого будет с ним? Может ли он победить Вышнего, Всемогущего и сделаться подобным Ему, Творцу? Не силен ли Бог за неблагодарность отвергнуть его от Себя или вовсе уничтожить его? Подобные обличения совести он имел в себе, но, обольстившись самолюбием и сладостью гордого честолюбия, он не принял их и измыслил ложное объяснение себе и тем не устоял в истине. Дерзнул восстать против Бога, возмутил многих принявших участие в его

отступлении, поднял на небе войну и за то был свержен с неба на землю. Лишившись благодати, он ожесточился, не обратился с покаянием к Богу и за то отвержен Богом навсегда и осужден на вечное мучение. Третье – то, что он, павши в самообольщение и самонадеянность, столько был уверен в своей мудрости, что презрел советы и обличения прочих двух частей Ангелов, не принявших участия в его возмущении, но еще поднял против них вражду.

Указание пути в Царство небесное

О вере

Желающий спасти душу свою должен хранить Православную Веру как учит Святая Церковь наша. Не внимать никаким лжеучениям разных расколов, и сект, и ересей. Пастырям церкви должно повиноваться, ибо они поставлены в церкви Самим Господом нашим Иисусом Христом и освящаются благодатью Святого Духа на служение Божие. О них Сам Господь сказал: «Слушай вас – Меня слушает, и отменяя вас – Меня отменяется» ([Лк.10:16](#)). А потому о вере и о спасении души должно слушать только их, т. е. только духовных отцов своих, и с ними о том советоваться и обо всем спрашивать их и исполнять советы их, по заповеди Господней. Также должно иметь веру в Промысл Божий, который печется обо всех нуждах наших, а кто надеется на богатство свое или на людей, или на что иное кроме Бога, тот отступит от веры в Бога. О таковых сказано в Священном Писании: «Проклят человек, иже надеется на человека, и утвердит плоть мышцы своей на нем, и от Господа отступит сердце его» ([Иер.17 5](#)). Потому во всех нуждах наших и духовных, и телесных, при всем понуждении нашем к добрым делам нам должно иметь твердую веру и надежду на помощь Божию, без которой мы не можем сделать никакого добра. Ибо Сам Господь сказал: «Без Мене не можете творити ничесоже» ([Ин.15:5](#)).

О суеверии

Не должно верить снам и никаким приметам, ни встречам, ни тяжелым дням, и ничему подобному; ни ворожить, ни гадать – все это бесовские сети, простираемые бесами для уловления на пагубу неразумных. А также должно опасаться лжеюродивых и разных учителей ложных, отвлекающих от пастырей церкви, т.е. от иереев Божиих, духовных отцов, и советующих заводить особые от церкви молельни, самочинные сходбища и моления, которые законом запрещено делать. Ибо если и в древние времена было очень мало истинных Христа ради юродивых, то что же сказать о нынешних, во множестве повсеместно праздно шатающихся, уловленных врагом спасения? Научаемые врагом, они учат нарушать законные браки, обличают в темных грехах, из иных притворно изгоняют бесов, пророчат и многое иное творят, но все это делают по содействию живущих в них бесов. Не должно таковым верить, ибо слово Божие говорит: *«Не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть»* (1Ин.4:1). О таковых лучше всего немедленно спрашивать у своего духовного отца: «Правильно ли они учат?». А духовник, как знающий закон Божий, может познать из их учения, кто они, пришедшие к вам, овцы ли от стада Христова или волки в одеждах овчих. Истинные ли православные христиане или раскольники, или сектанты, т.е. еретики, каковых слово Божие запрещает и в дом принимать.

О молитве

Молитва есть самая высшая добродетель и начало всякой другой добродетели, ибо молитвою мы все можем испросить у Небесного Отца нашего. Как Сам Господь сказал: *«Просите с верою и приимете»* (ср.: Мк.11:24). Но Господь ту только молитву принимает, которая возносится к Нему со смирением и любовью. А кто молится с гордостью или имеет в сердце своем злобу на кого-либо, таковую молитву отвергает Господь. В молитве Господней «Отче наш» мы говорим *«и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим»* (Мф.6:12), но если мы не оставляем, т. е. не прощаем ближним своим, то и нам не простит Господь согрешений наших, ибо Сам сказал: *«Аще Вы отпускаете от сердец ваших согрешения братьям вашим, то и Отец ваш Небесный отпустит вам согрешения ваша. Аще же Вы не отпускаете братьям вашим согрешения их, то и Отец ваш Небесный не отпустит вам согрешений ваших»*. (Мф.6:14–15) Прощения у предстоящих на молитве бывают разнообразные: иные просят о том, другие о другом, но мы, прежде всего, должны начинать со славословия и благодарения, как учит нас тому Мать наша святая Церковь, ибо Она всякую службу Божию начинает со славословия и благодарения: *«Благословен Бог наш»* и *«Слава тебе, Боже наш, слава тебе»*, а затем переходит к разным уже прошениям и молениям, устно и сердечно исповеданию грехов и сокрушению души. Слово Божие приглашает нас молиться всякою молитвою, на всякое время духом, т. е. мыслью с понуждением себя к тому. Сей образ молитвы, как пишет святой Иоанн Лествичник, есть самый лучший, как это было открыто Ангелом Господним. В молитве, как и во всякой добродетели, необходимо понуждение себя и терпение, а без этого ни в чем благом невозможно преуспеть. Крестное Знамение должно слагать во имя Святой Троицы, трехперстное, от святых апостолов переданное Святой Православной Церкви, и изображать оное на себе правильно, а кто крестится небрежно, тот вместо спасения приемлет осуждение. При начатии всякого

доброго дела должно с усердием помолиться Богу, испрашивая Его благословения, как тому учит нас Слово Божие: *«Аще есте, аще пиете, аще ино что творите, все творите во славу Божию»* (ср.: [1Кор.10:31](#)). Тогда только могут быть успешны дела наши. Не должно призывать имени Божия всуе, т. е. без нужды, не божиться, и особенно – не клясться и не кощунствовать. Когда кого в чем нужно удостоверить, то довольно сказать: *«Ей, ей!»* ([Иак 5:12](#)), а более этого воспрещено Самим Господом.

О блудных помыслах

Слово Божие указывает нам разнообразные виды блудных грехов, дабы мы по неведению не грешили, и некоторые нам должно знать: *«Не льстите себе, – говорит оно, – ни блудницы, ни прелюбодеи, ни сквернители, ни рукоблудники, ни мужеложники, ни скотоложники Царствия Божия не наследят!»* (ср.: 1Кор.6:9–10). Блудниками Слово Божие называет тех людей, которые грешат до брака, а прелюбодеями называет тех, которые женятся и замужние грешат с чужими. Этот грех – более блуда, и епитимия за него возлагается большая. А сквернителями называет тех людей, которые оскверняют других нечистым прикосновением и блудным осязанием или обниманием. Рукоблудниками называет тех людей, которые рукою делают грех сами себе или другому. Мужеложниками называет тех, которые творят блуд с мужским полом; этот грех пред Богом очень велик, за него Бог погубил города Содом и Гоморру, которые провалились и живые сошли в ад. Подобен этому греху и тяжкий грех скотоложство – если кто блуд делает со скотом или со зверем, или с птицею.

За таковые грехи и епитимия от церкви назначена великая. Также и кровосмешение – грех великий есть пред Богом. Если кто с родственницею, или какая с родственником блуд делают, таковые называются кровосмесниками. От таковых грехов должно удаляться как от огня. Ибо за эти грехи гнев Божий наказывает весь дом тяжкими несчастьями и наказаниями, даже и истреблением. В таковых случаях нужно поспешать к покаянию, которое состоит в оставлении этого страшного греха, ибо одна исповедь, без оставления греха, не есть покаяние истинное, а ожесточение. От этого да избавит нас Господь.

Письма отцу Антиоху, русскому монаху-певчему на Крумице

Отец Антиох, слышу, что ты своевольно оставил первое твое послушание, клирос, и до этого времени никто не сказал мне об этом твоём беззаконном поступке. Прошу тебя, поспеши исправить свою ошибку. А если ты не хочешь слушать меня, то я отлучу тебя от причастия Святых Таин, покуда ты не раскаешься в своём соблазнительном грехе. Если ты мудр, то прими обличение от сердца любящего тебя отца твоего, который алчет и жаждет твоего спасения.

Д. Иероним.

†

Возлюбленный о Господе мое духовное чадо, отец Антиох!

Спасайся! Получил я твое письмо, и понял содержания его. Потому сообразно ему делаю на него мой отеческий тебе ответ. Ты, чадо мое, не праведно оскорбился на отца эконома за то, что он поступил с тобою через человека с замечанием должным. Почему ты дерзнул прийти в церковь и на крылос не в форме полной, а в полурыске? Почему ты не знал и прежде этого, что на крылос надо быть в полной форме? В том и другом ты виноват.

Какое ты имеешь право, или по совести написать мне, что отец эконом сделал в церкви разбой. Где же тут разбой? Я его вовсе не вижу. Потому прошу тебя, чадо мое, возлюбленное о Господе, смирись пред Господом. Через посредство определенных от Него распоряжаться тобою рабов Его, как меня, так и эконома, укоряй себя, и все случившееся с тобою относи к грехам твоим, а каковы они, и сколько их у тебя ты, кажется, это верно знаешь. А вот Господь по любви Своей к тебе, желая тебя спасти, приводит тебя к очищению от грехов, а ты не принимаешь этого, противишься, и не хочешь нести крест свой, и забываешь, что без этого нет спасения никому. А потому я советую тебе не обвинять других, но лучше обвиняй себя самого. Этот путь к Богу верный и самый краткий: чтобы во всем себя обвинять. Держись его и спасешься удобно и скоро.

Дорожи только одной славой Божией, как я объяснил тебе об этом. Ибо самолюбие изначально погубило нас, и до этого времени губит, кто только идет на поводу у него, а самоотвержение и только оно одно спасает нас, или тех, кто идет по его пути. И вот ты, Благодатью Всемиловитого Бога возведен и поставлен на этот святой путь. Иди же, иди по нему, не уклоняясь ни в одну, ни в другую сторону. Не обращай внимания на страсти твои. Через них враг ухищряется незаметно уклонить тебя с этого спасительного пути. Смотри строго, смотри, ибо ты от Бога поставлен на высокую ступень славословия Его, равноангельского. Бойся гнева Божия за неблагодарность, не уподобись словам Божиим: *«Человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им»* (Пс. 48:13). Отчего да сохранит тебя Господь Своей Благодатью и молитвами Пресвятая Богородицы. Им поручая тебя, остаюсь любящий тебя, грешный твой

духовник Иероним.

1-е декабря 1874 г.

†

О Господе возлюбленный мой сын, отец Антиох!

Благословение Божие и отеческое да пребудет с тобою!

Прочитав твое покаянное письмо, я был утешен твоим исправлением, в коем да утвердит тебя Господь. За тем просимое тобою облегчение, или отдых в послушании, я благословляю тебя на два часа отдыха. Бог да благоустроит тебя и всех вас.

Духовник Иероним.

7-го февраля 1875 года

Наставления братии

Правила для иноков

Нужно помнить:

1) по вступлении в святую обитель помни и не забывай во всю свою жизнь ту ревность, с которою ты вступил в обитель, и тем возбуждай себя от лени и нерадения к усердию на все труды монастырские;

2) чистосердечное и сокрушенное покаяние во всех грехах своих, без малейшей утайки. А чтобы не позабыть чего, для этого нужно с большим вниманием и размышлением припомнить от юности все свои грехи, великие и малые, и написать их на бумаге. И после искреннего покаяния, какую даст тебе епитимию духовный отец твой, должно с усердием исполнять все, что он тебе назначит, без всякого увеличения или уменьшения;

3) послушание не выбирай по своему желанию, где и что тебе нравится, а что назначат и куда пошлют, с усердием все исполнять беспрекословно, как повеления Божии, а не человеческие. А иначе труд твой будет бесполезен и даже вреден душе;

4) волю свою и размышления свои мирские из головы выбросить за пределы святой обители, чтобы они более не существовали с тобою в обители; предайся во всем как железо кузнецу; по братским кельям не ходи, знакомства ни с кем не заводи, в дела монастырские и старческие не входи, да не смутишь через это душу свою бесполезными и душепагубными любопытствами и лишишься душевного и сердечного мира; живи, как странник, в обители во всю твою жизнь, помни всегда только о Боге и себя, и свое намерение, с которым ты пришел в обитель. Держись своей кельи, как пчелы держатся улья своего, и как они, так и ты возделывай духовный мед, то есть: по окончании своего послушания занимайся молитвою Иисусовой и чтением слова Божия, святоотеческих книг, и преимущественно святого аввы Дорофея, святого Иоанна Лествичника, святого Ефрема Сирина, святого Кассиана Римлянина, и какие назначат тебе старцы книги читать;

5) частое и чистосердечное исповедание грехов и помышлений своих, как злых, а равно и благих; особенных подвигов никаких не предпринимать по своему желанию и неразумной ревности, чтобы не прельститься; только такие дела и подвиги совершать, какие старцы назначат, ни больше, ни меньше; слова и наставления старческие принимать с верою, как из уст Божиих, и исполнять с любовью, а не с ропотом;

6) при послушании хранить молчание с молитвою Иисусовой тайно в уме, с памятью Божьею; иметь страх Божий и благоговение во всем и везде, а также помнить присутствие Божие, и присутствие Богоматери, и святого Ангела-хранителя своего, и всех святых и иметь память смертную, смирение и всегдашнее самоукорение и крайнее внимание о делах и помышлениях своих, какие приходят. Благими пользоваться, а злых избегать, на братию смотреть как на Ангелов; себя считать недостойным сожительства с ними по своим грехам; если увидишь какие немощи в ком-либо, то берегись осудить, да не прогневается на тебя Господь и попустит на тебя большие искушения, но скажи помыслу своему: «Сей брат совершен есть в добродетели, сия творит аки немощный и грешен»; на начальников и духовных отцов взирай как на Христа и все повеления их и слова принимай с верою и исполняй, как повеления Божии;

7) в храме Божиим стой с великим благоговением и страхом Божиим и с сокрушенным и смиренным сердцем, как осужденный и как пред лицом Божиим, Который ведает тайны сердца нашего и ума нашего помышления, и взывай к Богу умно-сердечно мытаревым покаянным воплем: Боже, милостив буди мне, грешному. И с великим вниманием слушай, что читают и поют в церкви;

8) в трапезе также со страхом Божиим и с молитвою вкушай пищу и питье и благодари Бога, подавшего тебе сия, а умом внимай, что и о чем читают, дабы не только тело, но и душа питалась бы словом Божиим. По окончании трапезы не останавливайся для празднословия, но спеши скорее на свое послушание, если есть, а если нет, то в свою келью и займись

или каким делом, или молитвою и чтением Священного Писания;

9) аще возможно, то на всякий день открывать все свои дела и помышления старцам духовным, чтобы враг в чем-нибудь не поймал бы в свои вражеские сети;

10) чтобы до самой смерти провести жизнь свою во святой обители в добродетели и в духовной мудрости, нужно приучать себя к победам над своею плотью. Блажен тот инок, кто проведет жизнь добродетельную и исполнит обет свой, данный Богу; если хочешь проводить жизнь иноческую, то признай себя странником земным и будь беден для мира и богат пред Богом. Знай, что не одежда и пострижение делают человека истинным монахом, но чистая душа пред Богом и умерщвление своих страстей; не ищи здесь ничего, на земли, кроме Бога и спасения души, старайся быть последним изо всех, смирайся пред Богом и всеми людьми, иначе не найти тебе душевного мира и покоя. Повинуйся всем ради Бога, ибо ты пришел в монастырские стены не начальствовать и проводить время в праздности, но терпеть и трудиться Бога ради и спасения ради души своей. Здесь-то люди и очищаются, как злато в горниле, а потому никто не может жить в монастыре, не принеся сердце и разум на служение Богу. Аминь.

Правила наружного поведения для послушников

Принятому в монастырь должно вначале исповедовать все свои грехи самому игумену, также и после исповедоваться во всех смертных грехах. Ходить к духовнику, к которому будет указание.

Если имеются деньги или вещи, передать их игумену, не удерживая у себя ничего.

Получивши послушание и канон келейный, исполнять неукоснительно, часто исповедоваться, не утаивая грехов.

В церковь ходить к началу, также и на первую трапезу. И до окончания службы из трапезы не выходить без великой нужды.

В кельи без благословения не есть ничего и не вносить ничего, кроме благословенного.

Особой дружбы не иметь ни с кем.

Без нужды не ходить по кельям и к себе не принимать. Не угощать друг друга чаем. Не принимать у богомольцев ни денег, ни вещей и от братии ничего не принимать и самому не раздавать ничего: ни одежды, ни обуви, ни пищи – и ничем не меняться.

При встрече с другими надобно делать малый поклон, сказавши: «Благословите», но не иметь привычки рукопожатия.

10. Без благословения не иметь у себя ни пищи, ни денег, также и лишней одежды.

11. Открывать духовному отцу всякие помыслы, особенно хульные и блудные.

12. Не верить никаким снам и явлениям и даже не желать видеть никакого видения, считая себя недостойным.

13. Канон келейный исполнять всегда, но без благословения самому себе не полагать никакого правила, а все делать по благословению, с вопросом.

14. Не избирать послушание, что богопротивно.

15. Для прогулки за монастырь выходить только в праздники вдвоем или втроем и недалеко.

16. Без благословения отлучаться из монастыря никому не дозволяется.

17. Читать книги только те, которые благословит игумен.

18. Вовсе не верить своему рассуждению, но обо всем вопрошать старца. Это есть основание и конец безбедному спасению.

Прежде трех лет испытания не домогаться получить мантию.

О купании.

О тайноядении и тайнопитии хмельных напитков.

В праздники не ходить на раннюю Литургию.

Не искать, кто где служит из иеромонахов поскорее.

Правила для портомойни

В деле спасения нет мелочей. Чтобы не было места диаволу, так легко вводящему в искушения своевольников, в монастыре каждый шаг монаха должен быть с благословения, каждое действие должно быть определено уставом. Настоятель должен на каждом месте на всякое время жизни братии определять их действия. Как пример можно привести то, что отец Иероним составил правила даже для портомойни.

Так как заповедано нам *творить вся во славу Божию* (ср.: 1Кор.10:31), потому приглашается братство наше к осуществлению сей заповеди и через сию нашу телесную потребность в стирке, да вся творим по чину и благообразно.

Вначале должно входить в портомойню с призыванием Бога в помощь, произнося тихо общую молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». После этого, сказавши присутствующим: «Благословите», занимать свободное корыто. Мыть водою одежду телесную, а умом омывая молитвою одежду душевную, говоря: «*Господи, очисти скверну души моея*».

Правила для предосторожности

Всякую одежду мыть водою теплою, а не горячею, ибо горячая вода причиняет в руках ревматизм, что многие опыты показали.

Холодною водою вовсе ничего не мыть ради вышеуказанной причины.

Щелок для мытья одежды употреблять слабый, полагая на десять кружек воды одну кружку щелока, ибо крепкий щелок вреден для рук и для одежды.

Рубашки суконные надобно мыть легким щелоком, а не мылом, ибо от мыла они очень садятся и делаются жесткими, а от щелока – более мягкими.

5. В портомойне никому не дозволяется обнажаться и обмываться.

Отцам и братьям московской Афонской часовни

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братья наши, находящиеся при часовне, дарованной по Высочайшему повелению Русскому нашему святого великомученика Пантелеимона монастырю, что на Афоне.

Господу Богу по неисповедимым Его судьбам угодно было посетить возлюбленнейшего нашего собрата иеромонаха Иасона внезапной и тяжкою болезнью.

Так как ему было поручено нами управление как часовнею, так и находящимися при ней собратьями, иеромонахами, и монахами, и послушниками, поэтому необходимо с его отбытием другому лицу иметь надзор как за порядком вообще богослужения в часовне и совершения частных молебнов по усердию благочестивых посетителей и т. п., так равно и нравственный надзор над всеми находящимися собратьями при часовне и духовное о них попечение и помощь к соблюдению себя прилично нашего звания и строгого хранения нравственности, дабы таким образом возложенное на вас всех послушание было свято исполняемо во славу Божию к чести обители и монашества.

Призвав Господа Бога в помощь, мы поручаем заведование часовнею преподобнейшему собрату нашему иеромонаху отцу Досифею, находящемуся при приюте, открытом по Высочайшему разрешению также в Москве.

Вас же, возлюбленнейшие о Господе отцы и братья, просим и молим во всем иметь должное повиновение к преподобнейшему отцу Досифею, как бы к самим нам.

Прежде всего, по заповеди нашей вы должны пред ним чистосердечно объясняться в Таинстве Покаяния, ибо через искреннее открытие своей совести человеку приходит страх Божий, который есть начало и побуждение ко всему благому, а затем просим исполнять с усердием и по Богу все вам поручаемое в возложенных на вас послушаниях.

Таким образом, находясь и вне обители, вы, покрываемые благодатью Божией, как истинные послушники, сохранитесь твердыми, совершите святое послушание и будете сопричастники вечных благ, уготованных Господом любящим Его, Ему же вы и служите ради вечного спасения вашего!

Необоримый Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и предстательство святого покровителя нашего великомученика Пантелеимона да будут в помощь трудам вашим вместе с нашей отеческою молитвою и благословением к соблюдению дарованного Богом устава нашего общежития, что и да будет благодатью Святого Духа, живущего в вас. Да удостоит Он вас достигнуть божественного назначения и вечного богообщения.

Пребываем денно и нощно молящиеся о вас, о ниспослании вам свыше помощи и благословения, ваши со-молитвенники и старцы.

Игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря архимандрит Макарий.

Оканчивающий течение земной жизни недостойный ваш старец духовник Иероним, поручающий себя вашей сыновней любви и молитвам.

1 ноября 1883 года.

Христос воскрес!

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братья, живущие в Москве, при часовне святого великомученика Пантелеимона!

Так как у всех нас, живущих в обители, как у давших уже обеты гласные пред Господом Богом и Всепетой Его Материю, и всеми святыми, и пред людьми, так и у тех, которые еще готовятся к этому, – у всех у нас, говорим, одно намерение: жить в полном общежитии святой обители во славу Господа и во спасение свое, то необходимо для приведения в исполнение этого намерения исполнять и заповеданные богоносными отцами условия общежития, как-то: самоотвержение, или отсечение своей воли, в чем бы то ни было; беспрекословное послушание, нестяжание и чистота душевная и телесная во всем и везде, где бы ни было нам поручено исполнять послушание, – в обители ли или вне ее по назначению

настоятеля – везде мы должны хранить себя и помнить свое призвание, чтобы не остаться в званных только, но нужно достигать быть и во избранных. О последнем-то мы и должны заботиться и за молитвы отцов вполне исполнять по совести и тщательности данное каждому поручение в пользу обители и спасение свое.

Причем оказывать полное повиновение тому, кому поручено распоряжение делом от обители. Например, у вас в часовне все, что кем-либо приобретается, на свечи, на молебны или на другие потребности, подаваемое по истечении дня, вручайте кому следует, ибо это жертва Богу. Если же кому окажется собственная нужда, надобность в деньгах, то испрашивайте на это благословение от распорядителя и получайте по его усмотрению и тайно ничего не делайте. Иметь у себя что-либо излишнее, как-то: напитки и разные прихоти – не дерзайте, ибо это несообразно с правилами общежития – каждый из вас знает, что так это бывает и в обители. Также отлучаться из часовни для прогулки или в гости к кому-либо без благословения никак не должно, ибо не хотяй благословения, удаляется от него (ср. Пс. 108:17), а нам благословением должно дорожить, ибо через него ниспосылается на наши действия благословение Божие. Да и вообще ходить по гостям и заводить для этого знакомства весьма вредно для души. Также и относительно принятия к себе кого-либо из знакомых или желающих познакомиться, и это должно делать не иначе как с благословения настоятеля часовни, дабы все делалось по правилам общежительного благословенного порядка; и если при помощи благодати Божией так будет исполняться, то во всем будет всякое благоугождение Богу, во славу Его, в похвалу иноческого чина и обители и во общее спасение. Мы уверены, что вы ради послушания исполните с любовью наш отеческий совет и будете поступать согласно оного, за что и получите награду от воскресшего Спасителя нашего Господа в невечернем дне Царствия Его, предстательством Пречистой Его Матери Девы Богородицы и святого великомученика и целителя Пантелеимона.

Призывая на вас благословение в Троице славимого Бога и поручая заступлению Царицы Небесной, остаемся с любовью к

вам о Христе, всегдашние богомольцы ваши.

Архимандрит Макарий со всею о Христе братией.

Духовник Иероним.

17 апреля 1884 года.

Завещание о Ново-Афонском монастыре

Высокопреподобнейший отец архимандрит Макарий, о Господе возлюбленный духовный сын мой! Благословение Божие и мое старческое да пребудет на Вас вовеки!

Хотя я и многократно говорил Вам лично о моем большом сочувствии к Ново-Афонской нашей обители на Кавказе и о желании моем благоустроить ее во славу Божию и спасение многих душ, в настоящее время, приблизившись к концу жизни моей, я за богоприятное счел это мое старческое желание и как завещание написать Вам на бумаге для заявления нашим святым отцам и братьям, которые, без сомнения, из любви и благоговения к старцу изъявят со своей стороны сыновнее сочувствие к старческому завещанию, служащему к расширению славы Божией. И верую в щедроты Божии, что за сие обитель наша сподобится получить от Бога особые щедроты Его.

Желание же мое состоит в том, чтобы, хотя бы немного, обеспечить Ново-Афонскую нашу обитель внесением в банк для получения непрерывных доходов на содержание ее 200 тысяч рублей. Это в настоящее время для нее необходимо. А на будущее время эта обитель, как прославляющая Бога, за то и сама будет прославлена от Него и в состоянии будет помогать матери своей – обители Афонской. Еже и да будет осуществлено Богом чудес во славу Его, заключающуюся во спасении душ наших.

За тем остаюсь ожидающий скорого разлучения души моей от грешного моего тела старец ваш и вместе недостойный духовник, имеющий нужду в Ваших святых молитвах, а потому и вручающий себя им, премногогрешный Иероним.

30 декабря 1883 года.

Отцам и братьям на Новый Афон

Отцы и братья наши, посланные нами в Ново-Афонский святого апостола Симона Кананита монастырь на послушание для расширения славы Божией в святом общежительном житии!

Приветствуем вас апостольским благожеланием: благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа. Благодарим Бога всегда о вас, о благодати Божией, данной вам о Христе Иисусе, что Он избрал вас от мира, и удостоил получить святой ангельский образ в святом нашем общежитии, и обогатил вас во всяком слове и разуме и во многих богоугодных мученических подвигах, как-то: в отсечении своей воли, во всяком послушании, в любви братской, в единомушии и единомыслии и во всяком терпении как в молитвах и пениях, так и в разных служениях, и во всяком смиренномудрии. Молим же вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, как совершенно возлюбивших Его, отвергшихся мира и претерпевающих в святом общежитии мученические подвиги, да то же глаголете все, и да не будет у вас распри, да будете же утверждены в том же разумении и в той же мысли, что истинное богоугодное монашеское общежитие состоит в любви и мире, в единомушии и единомыслии.

До этого времени мы слышали о вашем братолюбии и благопокорении как Самому Богу старцу вашему игумену Иерону, а в лице его нам, радовались этому, и утешались, и прославляли Бога. Но в настоящее время прибывшие от вас в обитель нашу братья наши помрачили эту нашу утешительную радость печальным известием, что у вас оказываются между собою нелюбовь и разделение, зависть, ненависть, споры и злоречие, будто бы один другого раздражает и укоряет за самый ничтожный предмет, за глупую, детскую причину смешную: что тот великоросс, а тот малоросс. А во время раздражения обзываете друг друга укорительными именами. Один говорит: «Ты москаль», а другой дразнит: «Ты хохол». Куда же девалась ваша евангельская братская любовь? Это ли плоды духовные ваши?

Боголюбезные отцы и братья, с великою скорбью и болезнью сердца умоляем вас: примите увещание от любящих вас старцев ваших, оставьте это проклятое душепагубное разделение и вновь возвратитесь к любви, без которой невозможно спастись никому. Бога ради вонмите этому: святой апостол Павел коринфских христиан за разделение в единомыслии назвал плотскими и младенцами. *Еще бо, – говорит, – плотскии есте, идеже бо в вас зависти и рвеня и распри, не плотскии ли есте, и по человеку ходите. Еда бо глаголет кто: аз убо есть Павлов, другий же: аз Аполлосов, не плотскии ли есте?* (1Кор.3:3–4). Видите ли, братья, какой злой вред от разделения, хотя по виду и благочестивого, ибо они разделились во имя святых своих просветителей. Но, поскольку от этого произошло нарушение любви друг ко другу, зависть, споры, ненависть, потому святой апостол и назвал их плотскими и младенцами. А вы-то, боголюбцы, из-за чего разделяетесь в единомыслии и в любви друг ко другу? Воистину стыдно сказать – ради какого-то ничтожного различия в наречии. Не плотское ли это дело? Не детское ли это мудрование друг друга называть: «Ты хохол, а ты москаль»? И ради этого разделяться, оставлять любовь, враждовать между собою, составлять партии, и спорить, и ненавидеть друг друга. Не слышим ли слово Божие, говорящее нам, что всяк ненавидяй своего брата человекоубийца есть (1Ин.3:15). Не боимся ли так делать? Ибо творящие таковые дела не наследуют Царствия Божия. В наше время на Афоне суд Божий строго наказал тех, кто дерзнул сделать соблазн раздора между великороссами и малороссами и посеял между ними семя злобы, и ненависти, и гибельного разделения, ибо они после смерти их оказались неистлевшими. Потому и нам, как бывшим очевидцами такого строгого суда Божия, совершившегося над нарушившими закон любви к ближним по тщеславию и зависти, должно более внимать, чтобы за это не пострадать и нам самим так же, как и они пострадали. А потому именем Божиим умоляем вас оставить это глупое племенное предубеждение, и ради разности наречия разделение, и от этого происходящие зависть, споры и душегубительную ненависть, разрушающие святое общежитие,

и держаться прежней чистой братской любви друг к другу. Ибо вы – одного отца и одной обители дети. От этого времени при помощи Божией и старческих молитв положите начало, чтобы впредь этих слов – «ты хохол, а ты москаль» – не говорить, как раздражающих других и тем возмущающих общее спокойствие и вообще истребляющих взаимную любовь. А если кто в гневе или от кощунства дерзнет сказать брату своему: «Ты хохол» – или: «Ты москаль», тот за это да будет отлучен от святого Причащения Святых Тайн на 40 дней. Боимся, чтобы за незаконное разделение ваше обижены Вы не были бы от сатаны, потому это правило мы, как старцы ваши, полагаем вам в обязанность для вразумления, и предосторожности, и обуздания языка страдающих пороком злоречия. Ибо слово Божие изрекло нам об этом так: *Аще кто не обуздает языка своего, этого суетна есть и вера* (ср. Иак.1:26).

Молим Господа, да укрепит Он вас во всяком деле благом, особенно же в святой любви, как в союзе совершенства, дабы сподобиться получить от Бога обещанные нам вечные блага, а ради вас и нам, и да будет всем нам от Бога щедрот за заслуги Господа нашего Иисуса Христа, молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и святого Пантелеимона, и святого апостола Симона.

Наставления отца Иеронима для больницы, записанные монахом Исайей

1. Кроме своей братии, в больницу принимать всех проходящих: сироманов с бедных келлий, странников проходящих, монахов или же мирских, взяв на то предварительно благословение у кого следует.

Бывали случаи, что больного, который не в состоянии сам ходить, просто привозили и оставляли у больницы, таковых также принимать, ибо это «Лазари», как называл их отец Иероним, лежащие при вратах богатых, нам через них-то и посылает Господь милостыню в обитель.

На принятого и положенного на кровать больного смотреть, как на Самого Христа, и всевозможно стараться успокаивать его и не оскорблять. Если же он не имеет никакой болезни, а говорит, что больной, то из больницы его не высылать, а утешать и свежую рыбой угощать (если таковая будет) – может, он больной душевно и скорбит от того.

О всяком желающем принять Таинство Покаяния немедленно доносить духовнику или предложить оное, если больной сам о том не догадывается.

Если же кто из мирских пожелает принять монашество, а из монахов – великую схиму, немедленно доносить кому следует. Можно и предлагать постриг, только не насильно, а по желанию, чтобы в вечность все шли монахами.

Если кто, удостоившись святой схимы и находясь близ смерти, пожелает еще совершения над ним Таинства Елеосвящения, то оно делать не нужно, ибо святая схима все покрывает и разрешает – нужно только ежедневно причащать его Святых Тайн Христовых. Схимника же, давно принявшего схиму, или мантийного монаха, или мирянина соборовать можно. Были случаи, что мирские поклонники после Таинства Елеосвящения желали пред смертью принять святую схиму – отказа не было, хотя и связаны были они мирскими узами. Но было и такое, что по принятии схимы больной мирянин

выздоровливал, тогда много скорби было доктору, ибо батюшка велел брать его к себе в келью.

После исповеди вновь поступившего больного духовник, совершивший это Таинство, должен сказать брату, исполняющему обязанности доктора, не находится ли больной под запрещением. Находящихся под запрещением причащать Святых Христовых Тайн, когда тот уже очень труден, то есть зрит к смерти, но и не доводить до того, что уже и причащать нельзя – это обязанность доктора и его ответственность, чтобы не скончался больной без напутствия Святых Тайн.

Не находящихся под запретом монахов причащать, когда только те пожелают, через день или два, а трудных – обязательно ежедневно, а мирских – через день.

Если ход болезни не представляет собою исключительных случаев, то духовник обычно только однажды после исповеди дает указание доктору о причащении больного, дальше режим причащения должен соблюдать сам доктор.

Если больной трудный и есть сомнение, что он не сможет проглотить Святые Дары, то, нисколько не смущаясь, дать ему несколько ложек теплой воды, и если проглотит, то причащать можно. Если уже нельзя Телом Христовым, то хотя бы одною Кровию.

Больного с рвотою можно причащать, если пройдет часа четыре после рвоты, а по принятии Святых Тайн не давать больному сразу кушать из опасения, чтобы не случилась рвота. Если же случится сама собою, то это непогрешимо, только чтобы было собрано в чистый сосуд и выброшено в море.

Если больной чахоточный, часто кашляет с выделением обильной мокроты, то по причащении нужно стараться быстрее дать ему запить до отделения мокроты и кашля, а после хотя и будет мокрота, собирать ее в чистую посуду и в известное место относить. А в случае сильного кашля по утрам было благословлено причащать, когда прекратится он, хотя бы и среди дня. Святые Тайны для этого чтобы были наготове.

10. Если случалось, что у больного отнимался язык или он без полного сознания, будучи в параличном состоянии, но

может проглотить воду, такового было благословение причащать.

11. Разрешать труднобольным рыбу, слабым можно и весь год, кроме среды и пятницы, Великого и Успенского поста, в которые никогда никому не разрешается, а молоко и яйца – кроме среды, пятницы и всех постов, ибо в эти дни ни под каким предлогом не бывает разрешения в обители.

Церковное и келейное правило для келлии святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова

Церковное и келейное правило для церкви Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, находящейся при келлии Иверского монастыря, населенной грузинами. От Пасхи до сентября месяца исполнять:

1. Утрени начало в 7 часов и по исполнении ее по уставу – часы первый, третий и шестой с изобразительными.

А. Дается один час отдыха, затем – на послушание до 2 часов; с сентября месяца правило будет изменено по причине уменьшения дня и увеличения ночи, с того времени утреню начинать в 9 часов, а отдыха уже после трапезы не будет, вечерню читать в 11 часов.

2. Трапеза – в 2 часа, с сентября – в 4 часа.

Б. После трапезы заниматься рукоделием до 5 часов, а с сентября – до вечерни.

3. Келейный канон и время для отдыха – три часа.

4. Вечерня – в 8 часов, на коей вычитывается по *Ныне отпускаеши* канон Богородичен Октоиха.

В. После вечерни находиться на послушании до 12 часов.

Г. По приходе с онога – трапеза.

5. Повечерие – в 1 час или в ½ часа.

Д. В понедельник, среду и пяток – трапеза одна постная в 6 часов.

6. Приобщение Святых Тайн – единожды в неделю, тогда до трапезы на послушание не выходить.

Изречения, слова, советы отца Иеронима

1. «Мы должны укрепляться, памятуя о крестных страданиях Христа Спасителя. Он за нас пострадал и умер, и какую смертью-то – самую позорною! Он нам заслужил у Небесного Своего Отца милость и отпущение грехов». «Слезы, когда приходят без нашего особенного усилия, – это оружие, нам данное милостью Божьей. На что нужно, на то и употребляй сие оружие: о грехах ли плачь, или проси у Господа нужное, или благодари Его о дивном промысле и попечении о нас, грешных, вся строящему к нашему спасению. Об этом воспевают святой Давид: *И милость Твоя, Господи, предварит мя* (ср. [Пс.58:11](#))». На вопрос о сонных скверных мечтаниях отвечал: «Это от врага, он и будет отвечать за это, мы за сон не отвечаем».

На вопрос, какая им (бесам) польза, что они так тщатся о нашей гибели, отвечал: «Какая нам польза, что мы грешим? Услаждаемся. Так и они наслаждались небесною сладостью, а как низвержены с неба, то их мучит страшная тоска, в грехе и услаждаются. Они страшно проклинаят Бога, но как Ему ничего не могут сделать, то и устремляются на образ Его, то есть на человека».

На вопрос, пить вино или нет, отвечал: «Сам-то ты – вино, когда выйдет из тебя вино, тогда будешь пить вино».

«Чтение всячески должно быть тогда, когда нет молитвы, и оно должно иметь целью ее возбуждение. Прекратить же оное, когда возбудится молитва. Это общее правило: пока действует молитва, ни за что не браться. Ибо равного ей нет ничего».

Говорил отец Михаил, что лет 35 назад скончался здесь какой-то монах русский. Греческий духовник Иоанникий, не зная о том, в самый час его кончины видит во сне святых, идущих ликами за этим монахом. Проснувшись, тот же час пошел к отцу Иерониму и спрашивает: «Какие подвиги такого-то монаха?» Отец Иероним ответил, что ничего выдающегося за ним не знает, но только исполнитель послушания и в исповеди чистосердечен. Когда пошли к этому монаху, то нашли его только что умершим.

«Смирение и молитва, и даже чудотворения даются за сильную веру и преданность себя воле Божией, как это говорится в книге «Илиотропион» святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского».

9. «Воля укрепляется преданностью воле Божией и отсечением своей воли. Ибо если не отсекай своих пожеланий, то они могут взять такую силу, что никакая уже воля не в силах бывает справиться, так своя воля ослабевает».

10. «Постригаться прежде времени не полезно, обыкновенный искус налагается – три года, в продолжение коего могут встретиться разные искушения».

11. «Постоянство приходит незаметным образом для ищущего оно, и получивший его никогда не видит себя постоянным, а всегда находит много непостоянства, уклонения».

«Старайся все помыслы, которые часто приходят, открывать, а если некоторые мимолетные забываются, то о подобных нечего и беспокоиться».

«Терпение – Сам Господь. Ты знаешь, что без Него мы ничего не можем сделать. Молись, проси».

«Отцу Нилу (покойному) во время выполнения келейного правила часто говорил помысл: «Кому же ты молишься? Ведь Бога-то нет». Я дал ему наставление. После этого, вставши на канон, когда пришли помыслы, он сказал: «Именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи, кто ты?» «Дьявол» – был ответ. «Так как же, ты-то есть, а Бога-то нет?!» «Да, я-то есть, а Бога-то нет», – был ответ».

«Неверие приходит не только к грамотным, но и к безграмотным, к совершенно же грамотным – не приходит».

«Иное дело – сомнение, иное – маловерие, иное – неверие».

«Стоя в церкви, размышляй и держи памятование о смерти, Страшном суде и будущих воздаяниях праведным и грешным».

«При воздержании в пище и питии впоследствии иногда будут чувствоваться необыкновенные, неописанные наслаждения».

«Есть грехи, кажущиеся малыми, но смертные. Например, осуждение».

«Сильные страхования могут быть и в церкви, и в алтаре».

«Господь ожидает от нас и сухой молитвы, а ты говоришь, она бесполезна. Да ты на кресте висишь, когда скорбен, мрачен, уныл, а молишься. А не будешь молиться, так подобен будешь бесам. Ешь, пей – не соблазняйся, но держи самоукорение, а не осуждай других. Внимай себе. Чай пьют – пей, едят – ешь, говорят – и ты отвечай, смеются – смейся, но внутри внимай себе с самоукорением».

«Грехи, не исповеданные по забывчивости, немедленно прощаются. Великий грех никогда не забудется, все будет на совести. Ты хоть миллион раз говори, что «нет, не грешен», но совесть свое возьмет».

«Приступая к поминовению на проскомидии, прежде следует помолиться за ненавидящих и обидящих нас и творящих нам напасти, а также и пред началом келейного канона положить поклон».

«Обо всем необходимо спрашивать, хорошо ли это, так ли это, как я думаю?»

«Случайностей в мире нет – они существуют только для людей неверующих».

«Необходимо держать памятование о Божием присутствии везде».

«Если имеешь на кого прилог злобный, помолись ко Господу и Богоматери, да покроют тебя от всякого зла с ним, и Господь помилует».

«Если сердце обливается кровью от напряжения – предать себя воле Божьей и гласу совести, и будешь жить как монах».

«Если по силе сотворил, то благодари Господа, а в который день того не было, то считай день потерянным».

«В 3 часа утра (по-восточному) должно призывать Святого Духа, как показано, и после говорить: «Слава, Господи, снисхождению Твоему! Слава, Господи, воскресению Твоему! Слава, Господи, Твоему долготерпению на мне, грешном!» И после трижды – Богородице, Дево, радуйся. Если можно, то все молитвы творить с коленопреклонением, а то первые три стиха

и первую молитву Богородице, Дево. Так же поступать на шестом и девятом часах».

«Жестокость сердца бывает от трех предметов: многоспания, многоядения и рассеянности».

«Твердое и здоровое рассуждение сообщает такую силу душе, которой она не имеет от природы, и умная скорбь восполняет недостатки деятельности телесной».

Рассказывал отец Макарий: «Однажды, жалуюсь отцу духовнику Иерониму на греховные помыслы, получил ответ: «Вечно имеешь рассеянный ум, не стараешься о молитве Иисусовой. К этому же хорошо иметь ум во внимании о следующих предметах: 1) о падении первого человека; 2) о падении собственном и о грехе; 3) о покаянии за грехи; 4) о воплощении, проповеди, страдании, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа; 5) о собственной смерти; 6) об аде; 7) о Страшном суде; 8) о вечном блаженстве. Когда будешь, сколько можно, внимать этому, помыслы будут отсекаются».

Однажды, когда отец духовник Иероним заболел, то я спросил у него, если он умрет, то оставит ли что-либо в назидание? Он отвечал: «Вот вам последнее слово – священное Евангелие. В нем поучайтесь, в нем – вся ваша жизнь, им руководствуйтесь». О Господи, продли жизнь старца!»

Вопросы отца Арсения и ответы отца Иеронима

Вопрос 1. От Марка, гл.11, зачало 50: Господь, подойдя к смоковнице, обрел на ней только листву, ибо не время было плодов, и сказал (далее сказано – проклял ее): *Да вовеки от тебе никтоже плода снесет* (ср.: Мк.11:14). Как это понимать? Ибо, как сказано выше, не время было плодам быть. В чем вина смоковницы?

Ответ. Эта притча относится к душе, которая есть разумная и свободная в своих действиях. И ей было сказано с угрозою, чтобы она плоды духовно стяжала или имела на всякое время, ибо не знаем ни дня, ни часа, в который же Сын Человеческий придет. А иначе она будет бесплодною и посечена, чтобы впустую и землю не занимала.

Вопрос 2. Жизнь наша во многом расходится с Евангелием: *просящему у тебя дай, хотящему у тебя занять дай, не ожидая возвращения* (ср.: Лк.6:30).

Ответ. Евангелие повелевает давать милостыню, а она так и подается, то есть без возврата. И как раздавать, сказано: *Имеяй две ризы, да подаст не имущему, и имеяй брашна, такожде да творит* (Лк.3:11), что при помощи Божией обитель наша по средствам своим и исполняет, ибо ежегодно выдает до 10 тысяч рублей деньгами, хлебом и одеждою.

Вопрос 3. *Аще человек не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик* (Лк.14:33). Хотя у нас и общежитие, но хлопочем, как о собственном, и все имеем в изобилии: одежду, пищу – тогда как видим, что многие миряне не имеют покрова, ни дневного пропитания. Как раз относятся к нам слова Господа: *Помяни, чадо, благая, яже приял еси в животе твоём* (ср.: Лк.16:25). Хотя мы имеем много забот и скорбей, но у мирян их еще более, а о нуждах и говорить нечего, мы об этом и понятия не имеем, имея все готовое с избытком. Когда подумаешь обо всем этом, то совесть делается очень беспокойна.

Ответ. Это место святой Исаак объясняет так. Имение означает то, к чему привязывается сердце. В другом месте это

поясняется так: *Аще кто возлюбит отца, или мать, или жену, или детей, или имение паче Мене, несть Мене достоин* (ср.: Мф.10:37) – и: *Богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс.61:11). Кажется, всем нам известно, что послушание или отсечение воли в монастыре равняется исповедничеству. И кто не знает, как сладка своя воля человеку, ибо тут в отвержении ее является самопожертвование Богу всего. А какая в мире добродетель или скорбь может сравняться с этим?

Вы хорошо знаете наших рабочих – аргатов или шапов – как они бедны: полунагие, страдания терпят великие. Но попытайтесь пригласить их оставить жалкую жизнь и определиться в монахи, тогда Вы увидите и услышите чудеса, как они удивятся этому, закачают головами, разразятся смехом и скажут: «Куда нам! Как можно? Да мы считаем вашу жизнь большим мучением. Да мы и понять не можем, как Вы четыре раза в сутки ходите в церковь, а мы – раз в неделю, и то только на два часа, но, как нам кажется, и это трудно». Вот видите ли, что говорит опыт. В настоящее время в нашей обители всего изобильно, а здоровых и половины нет, ибо многие страдают чахоткой, геморроем, грыжами, лихорадками ежегодными. А какое страдание терпят от терзания мысленных зверей, это вам хорошо известно. Из мирян же очень редко кто понимает это.

Рассказ о ходатайстве Господа Иисуса Христа

Духовник Иероним рассказывал, что сообщил ему один из братии следующее. После Причащения Святых Христовых Тайн сей монах пришел в свою келью и, поблагодарив Господа за дарованное ему сие благодеяние, лег на постель на спину, сложив на груди крестообразно руки свои, и задремал. Видит, возносят Ангелы душу умершего ко Господу. Господь Иисус Христос обращается к Богу Отцу и говорит: «Благослови, Отче». На сие в ответ Бог Отец благословляет сию душу, которая после поклонения отводится Ангелами на указанное ей место. Затем представляют Ангелы другую душу, и Господь Иисус Христос и за сию просит – благословить ее, но не последовало тотчас благословения, почему Господь Иисус Христос повторил Свое ходатайство, на которое и последовало Бога Отца благословение. Затем привели третью душу Ангелы. Господь Иисус Христос и за нее ходатайствует благословить. Но ответа не последовало. Господь Иисус Христос еще повторил это, но и на это не последовало ответа. Тогда Господь Иисус Христос встал со Своего престола и, поклонившись Богу Отцу, рек: «Благослови, Отче!» Тогда Бог Отец благословил и сию душу.

Вот почему Церковь именует Господа Иисуса Христа *Ходатаем Богу и человеком* (ирмос Воскресного канона 2-го гласа, 5-я песнь).

О пользе продолжительных бдений

Когда бдение проведет человек со всевозможным усилием против сна и при всем старании без нужды не выходить из церкви, а пребудет с понуждением к молитве, то в тот день того человека посещает особо благодать Святого Духа, в каком бы она ни была виде.

Некоторые по немощи ропщут на продолжительность службы и со скорбью выражаются: «Что это? Себя мучат и других мучат! К чему это? Какая тут польза?» Впрочем, их негодование может казаться справедливым, если будем рассуждать с человеческой, внешней, или плотской, стороны. Кто не ищет духовной пользы, для того подобные бдения действительно и тяжки, и мрачны, и скучны невыносимо. Одна только благодать Божия поддерживает дух молящихся на таком протяжении времени, иначе человек делается весь как разбитый. Но кто ищет единого на потребу (ср.: [Лк. 10:42](#)), тот знает, что это тягостное бдение много доставляет пользы подвижникам. Ни пост, ни другие изнурительные подвиги не укрощают так страсти, как бдение. Даже властелин – чрево (как называет его святой Иоанн Лествичник) умолкает после бдений, тогда как при других подвигах, особенно телесных, оно делается свирепее. А сколько приобретают пользы внимающие бдению, о том спросите у них самих.

Зная это, враг нашего спасения стремится всеми силами помешать получению благодати, сеет раздор между братьями, в сон клонит и прочее. Особенно заметны искушения перед бдением, да и после в тот день.

В настоящее время бдение в Русской обители длится около пяти часов, и, несмотря на занятость братии послушаниями, недостаток чтецов и певцов (часто все бдение поют на клиросе всего три человека), сокращение уставной службы не допускается. Но и непродолжительные наши бдения дают ощутимую пользу, что подтверждают усиленные нападения бесовские на молящихся.

О поминовении католиков

Благословение Господне буди на вас!

Почтенное писание ваше от 27 февраля получено мною. Вы изволите спрашивать меня, можно ли поминать на проскомидии родителей трех братьев, родственников вам по матери, – католиков, присовокупляя, что в вашем скиту затрудняются вписать их в синодик.

Справедливое затруднение это уже дает вам ответ за меня на вопрошение ваше. И мы также затруднились бы вписать Антония и Анну в синодик наш, ибо Вам неизвестно, что в Православной Церкви нашей – Греческой и Российской – не принято поминать во святом храме католиков. Началось это, как видно из церковной истории, еще со времени увлеченных латинством Михаила Палеолога и Иоанна Векка и чем далее, тем больше утверждалось, так перешло и к нам от Греческой Церкви в Русскую и держится доселе. Всеблагой же Господь, хотящий всем в разум истины прийти (ср.: 1Тим.2:4), да озарит ум и сердце сродников ваших к познанию правого исповедания нашего и заблуждения папистов.

За любвеобильное благопожелание мне и за молитвенное памятование моей худости приношу Вам и всечестнейшему отцу архимандриту с уважаемой братией искреннейшую благодарность. Бог да помянет поминающих мое недостойнство, и спаси вас Мать Божия. Благодарит сердечно и отец игумен наш Макарий, с коим и остаюсь взаимно благожелателем и богомольцем.

Совет тяготившемуся обязанностями благочинного

Ежели ты видишь, что много греха при этой должности, но Бог еще хранил тебя благодатью Своей и ты не погрешал много и часто, а только боишься, чтоб не согрешить, в этом опасности нет, и только надобно в теплоте духа и веры молить Господа о помощи. Когда же, чувствуя много упреков совести и случаев ко греху в твоей должности, ты уже имел несчастье поступить против совести и присяги и даже впредь видишь неизбежность того, непременно откажись от благочиния. Даже хотя бы ты и свято исполнял эту должность, но ты боишься и совесть непокойна – оставь эту службу, просто и с детским сердцем воззови Господу, что ты не стоишь того, чтобы нести эту должность и не можешь без греха обойтись в ней по твоей немощи. И при всем том она тебя наделяет тщеславием и становится выше других, чего Господь ненавидит. Да возьмет от тебя это достоинство, да снимет это тяжелое бремя и научит в смирении сердца любить Его и пасти Его стадо во славу Его. Помолись смиренно и с усердием и проси начальство об увольнении тебя от благочиния. За такое твое добровольное смирение Бог возлюбит тебя и Ему Самому известными путями устроит твое спасение.

Письма старца Иеронима своей сестре игуменье Маргарите и монашествующим родственницам

Христоролюбивая послушница Христова, любезная племянница Анна Ильинична!⁷ Благословение Божие да пребудет с вами вовеки.

Извещаю тебя, что возлюбленный наш Иосиф Ильич из Иерусалима отправился на Синайскую гору и не ближе может возвратиться, как к сентябрю месяцу. Потому я, получивши письма ваши, рассудил до его прибытия известить вас о том. Благодарю тебя, возлюбленная, что ты написала письмо к нему по совести, благоразумно, все свои обстоятельства передавая попечению Самого Бога. По возвращении его к нам мы помолимся Богу и Всепетой, будем рассуждать, как лучше поступить в деле вашего обеспечения, чтобы в случае отлучки его от обители от обращения с людьми мирскими не развратиться бы ему. Вы знаете, что он еще очень молод, как ему теперь опасно явиться в Старый Оскол. Впрочем, мы с общего согласия препоручим это трудное дело на разделку Божией Матери, Которой мы вручены Богом, и от этого времени будем мы молиться Ей об этом деле, и Она разделает это как нельзя быть лучше. Только молитесь, а уж будет так, как нам полезно и Богу угодно, особенно если мы постоянно будем слушаться совести нашей, то тогда будем иметь в молитве особенное дерзновение. Молитесь и за Иосифа, да укрепит его Господь в страхе и любви к Нему. Благодарю Бога, что Он даровал вам терпеть друг друга любовью, немного потерпим и то при помощи Божией и за то малое терпение получим в награду вечную радость и покой на небе. Молитесь и за меня, многогрешного и ленивого, во всем ленивого, но поминать вас я не ленюсь: всякий день поминаю вас, особенно когда служу Божественную Литургию. Хорошо молиться за родных, а еще лучше и Богу приятно, если кто молится за творящих ему пакости, за ненавидящих и обидящих его. Подражайте этому и вы, не ропщите и не смущайтесь на дядю Димитрия, что он вас притесняет и оскорбляет, а лучше молитесь за него ко Господу,

да исправит его; и мы со своей стороны будем молиться за него и будем писать к нему и увещевать его, чтобы он делал по совести.

Поручая тебя благодати Божией и заступлению Пресвятой Богородицы, остаюсь всегда помнящий тебя, уневестившуюся Христу от юности твоей, твой дядя, грешный святогорец, недостойный

духовник иеросхимонах Иероним

1852 года, июня 4-го дня.

†

Подражательница Христова, возлюбленная о Господе племянница Надежда Ильинична! Милость Божия да будет с тобою.

Извещая письмами о себе матушку Ермингельду и боголюбивую сестру твою, я за должное почел при этом написать и к тебе хотя бы несколько строк в утешение твое духовное, дабы ты не подумала, что я тебя не помню или пренебрегаю. Прими малое слово за великое, и по вере твоей будет тебе. Сказали отцы, что ничто так не успокаивает внимающего своему спасению монаха, как тайное самоукорение. Эта добродетель легко и скоро расторгает все сети вражьи. Воистину блажен тот, кто во всем сам себя осуждает, а других – никого. Итак, будем молить Божию Матерь, дабы Она испросила нам от Бога эту добродетель, без которой невозможно нам спастись. Прошу молиться за усердствующего тебе словом утешения и затем поручающего тебя и себя милости Господней и путеводительству Преподобной Богородицы, всегда помнящий тебя дядя и грешный богомолец на Святой Горе, недостойный.

духовник иеросхимонах Иероним

Святая Гора Афонская

Русский монастырь святого Пантелеимона

1852 года, 4 июня.

†

Возлюбленнейшая о Господе сестра моя, благодушная мать Ермингельда,⁸ и благословенные чада Христовы Анна и Надежда Ильиничны!

Здравствуйте о Господе и со всечестною старицею вашею госпожой Ксанфирой. Благодать и милость Божия да будут с вами вовеки.

При этом извещаю вас, что мы получили ваши письма; прочитавши их, признаюсь, мы вашим стесненным состоянием растроганы были до слез, хотя ваша скорбь и весьма полезна душам вашим, потому что через это Господь удостоил вас высокой чести ради Него потерпеть недостаток необходимых вещей; и я мог бы требовать от себя твердого благодушия, но знаю, что слово Божие велит нам со скорбящими вместе скорбеть и с плачущими плакать. К тому же еще и ты, сестра, просила меня на этот раз отложить монашескую строгость, которой я и не имел. Потому я вполне принимаю участие в нашей скорби, вместе с вами скорблю и плачу и вместе благодарю Бога и молю Его, да дарует нам терпение, чтобы не пороптать нам на участь монастырскую. А что вы пишете, что все вы плачете не ради Бога, а ради недостатка телесных потребностей и будто потому скорбь вашу или слезы ваши не принимает Бог, то эти мысли ваши несправедливы, их внушают вам бесы, чтобы вовлечь вас в ропот на Промысл Божий. Неужели Вы забыли, для Кого пошли в монастырь – не для Бога ли? А когда так, то что бы ни случилось вам в монастыре претерпеть скорбное и неприятное или за что поплакать, то все это Господь примет, ибо многие скорби приходится нам в монастыре терпеть, а в монастырь пришли мы ради Него. Не бойтесь, что вы не плачете о грехах своих, о которых надо бы плакать, а плачете по слабости природы о недостатках телесных потребностей, только хотя после благодарите Бога, что Он смиряет вас, и тогда скорбь и слезы те не погибнут, но послужат для очищения грехов ваших. Не дивно для нас и то, что вы при недостатке бываете немирны, это и у нас случается очень часто, особенно в посты. Такова наша природа и привычки: всегда хотим есть сладко, да еще и часто. Если не дадут нам так, как мы хотим, то мы делаемся немирными, иногда скорбим и ропщем, но благо в том, если скоро каемся.

Ваше состояние имеет извинение, но вы сделали большую ошибку, что не принудили Иосифа Ильича к разделу. Я со своей

стороны писал к нему, чтобы он непременно разделился с дядей и чтобы вас обеспечил и тогда бы прибыл во Святую Гору. Но он этого не сделал, даже и письма моего не показал вам. Теперь он очень сожалеет о том. Что будем делать? Помолимся об этом деле ко Всеблагому Богу и спросим старцев наших и, как они рекут нам, так и сотворим, это дело требует наших общих молитв. Молитесь и вы за нас, и за Дмитрия брата молитесь, и друг за друга молитесь и не отговаривайтесь тем, что так как ваши молитвы неусердные, то будто уже Бог не примет их. Только молитесь. Иногда Иосиф Ильич вопрошает меня, что ему часто помысл говорит: «Ты молишься без усердия, потому не примет Бог твою молитву, лучше оставь, не молись». На это я говорю ему: «Хотя и без усердия, только ты понуждай себя молиться почаще, ибо наша молитва, то есть человеческая, и не может быть чистою и усердною, а усердие дается от Бога». Нам в молитве надо трудиться и бороться с дремотою, с леностью и с разными мыслями, ибо это наш труд, а когда придет человеку на помощь благодать, тогда уже человек не ощущает никакого труда; если придут в молитве слезы, что тогда какой труд для человека? Тогда человек не трудится, а уже после труда утешается слезами. Ибо слезы – монашеское утешение, и оно не в нашей воле состоит, но в воле одного Бога. А молиться посильною молитвою состоит в нашей воле; разными средствами Бог спасает людей, вот и я уже седьмой месяц нахожусь в болезни и в церковь не могу ходить. Благодарение Богу за это. Мои дорогие, есть за что потерпеть хотя и многие смерти, ибо все это есть временно, а то бесконечно – вечно.

О состоянии Дмитрия брата Вы не сомневайтесь, так скоро пропустить весь капитал невозможно, судя по его торговле, и описи домов не может быть, эти слухи все ложные, то же самое говорит и Иосиф Ильич. Разве он затратил капитал в постройку колокольни, это может быть, он к нам очень редко пишет, весь предался суете и притом думает, что он великие дела совершает, и даже некогда ему письмеца написать к нам. Увы нашей слепоте и невежеству! Сестра, я советую тебе взять свои деньги от него и положить в банк. При помощи родительницы ты

легко можешь взять их у него. Около Пасхи мы известим вас, поедет ли к вам Иосиф Ильич или нет, я боюсь за его молодость.

Извещаем вас, что мы 10 января торжествовали освящение нового нашего храма Покрова Пресвятой Богородицы. Сушкин посвящен во иеродиаконы.

Простите. Поручая вас милости Божией и Всепетой Богоматери, остаюсь всегда помнящий вас грешный ваш богомолец духовник иеросхимонах Иероним.

С этою почтою я написал строгое письмо к Димитрию – требование от него, чтобы он впредь не стеснял и не огорчал вас удержанием денег, и назначил ему, чтобы он пересылал к вам деньги постоянно, но и определенно три раза в год: к Пасхе, к Успению и к Рождеству. Что-то он ответит нам на это? После я напишу к вам; может, Бог даст, он исправится и впредь не будет так поступать, а не то через Иванушку дело Бог исправит.

1853 года, марта 1-го дня.

†

Возлюбленная о Господе преподобная матушка Маргарита! Мир вам и спасение Божие.

Боголюбивая сестра, извещаю тебя, что я получил радостно-печальное твое письмо. Прочитав его, я предался молитве и рассуждению; многие мысли и чувства наполняли мое сердце и сменяли одна другую, и я в то время чувствовал попеременно то печаль, то благодущие, покуда благодать не укрепила меня, напомнивши мне, что любящим Бога вся споспешествуют во благое (Рим.8:28), то есть сиротство и бедность в мире почитается злом, но у Бога это добро и честно, потому что помогает нам к удобному спасению душ наших.

Итак, о преждевременной смерти Димитрия брата я не сетую, равно и о потере им состояния. Это Бог дал, Он и взял и опять даст.

Но что сказать о поведении нашего Иосифа? Увы и горе! Ты правду написала, что вы сделали великую ошибку: для раздела вызвали его из Афона и возложили надежду на него, а не на Бога. Я вас предупреждал, писал вам, что Иосиф не способен к

делам мирским, и вы сами хорошо знали болезнь его, что он поражен ею. Как же вы так грубо забывались и не рассудили того, что если он удалится от меня и прибудет в Старый Оскол, то кого он там убоится и кого будет слушать? При мне он и поневоле был трезв, ибо боялся меня. Пока он не получал от вас писем, он и не думал даже оставлять Афона, я очень не хотел отпустить его, но он предался печали, стал плакать день и ночь, говоря, что «черницы мои будут проклинять меня и я, если не поеду, то умру от печали». Потому я и нехотя принужден был отпустить его к вам и, предвидя от этого худые последствия, я, грешный, сетовал на вас за ваши письма; и вот теперь мы все вообще через это находимся в великой скорби, плачем и рыдаем. А спросить, что всему этому причиною? Не бессовестность ли? Вам должно было прежде посоветоваться со мною и согласно моему совету действовать, и поверьте, что тогда не попустил бы Бог сделаться ошибке. Но что делать, надобно молиться о нем, дабы помиловал его Бог; об этом я напомнил вам не для того, чтобы вы унывали, нет, но чтобы впредь вы были поосторожнее, и чтобы без совета с духовными людьми ничего такого не делали.

Хвалю твой поступок в рассуждении твоего пострига, и впредь творите так же, и будет вам благо, ибо «во мно́гом совёте есть спасёние» (Притч.11:14).

Недавно я получил от Иосифа письмо, в коем он жалуется на свои страдания, которые он терпит от расстройства семейных дел, но совершенно скрывает свою страсть к пьянству. Я отписал к нему, чтобы он все дела передал в опеку и, нимало не медля, ехал бы в Афон. Я известил его, что из Старого Оскола писали к его приятелям, что он худо живет, а потому я обличал его, что он скрывает от меня грех свой, советовал, увещевал и умолял, чтобы он воздерживался от злоупотребления спиртным и, наконец, угрожал судом Божиим ему, если не послушается меня. Не знаю, что Бог даст: послушает ли моего совета или нет.

По совету твоему я просил Ивана Васильевича Хлебникова, чтобы он со своей стороны помог нашему семейству и, также, чтобы помог Иосифу поскорее разделиться с сиротами и

возвратиться в Афон. Молитесь – только Бог силен наши ошибки поправить; если Иосиф не послушает нас, тогда Бог Сам приищет средство вразумить его, а вы пока не переставайте упрашивать его, чтобы он не упивался допьяна.

О предложении твоём, хорошо ли ты живешь и как проходишь послушание, и о сомнении, и о немощи твоей со временем я напишу к тебе особое письмо, если, Бог даст, буду здоров, а покамест скажу тебе кратко. Как тебе теперь Бог устроил, так ты и живи, не ищи лучшего, а когда враг наведет на тебя скуку, тогда ты сама себе скажи, что я, окаянная, не достойна такой высокой чести – служить в церкви. А глупую надежду на мнимые свои добрые дела вовсе оставь, а лучше надейся на заслуги Икупителя нашего. Это вернее всего. Да если ты будешь благодарна к Богу, что Он призвал тебя в чудный Свой свет в монашестве, то это для Бога приятнее постов и поклонов. В твоём письме много выражено духовных чувств, которые очень утешили меня, унылого. Ты прежде этак не могла писать, вот что значит скорби, как они прекрасно нас обделывают; за все слава Премудрому Богу нашему.

Прошу вас молиться и за меня; передай от меня поклон уважаемой матушке Ксанфире и мое благословение чадам Христовым Анне и Надежде. Утешай их, утешай, дай им прочесть это письмо; я молю не унывать о брате Иосифе, но возложить упование на милость Божию, которой поручая вас и себя, остаюсь ваш грешный богомолец во Святой Горе Афонской

Духовник Иероним.

1856 года, сентября 25-го дня.

†

Возлюбленнейшие чада Христовы Анна Ильинична и Надежда Ильинична!

Извещаю вас, что я получил письмо ваше, в котором печальная весть причинила мне душевное прискорбие, и не одному мне, но и многим друзьям покойника, которые с нетерпением все ожидали его прибытия во Святую Гору; но случилось иначе; так Богу было угодно, Который все творит к лучшему. И в этом тяжком и прискорбном случае для нас Бог

оказал великую Свою милость тем, что хотя и не удостоил покойника умереть монахом, но то важно, что удостоил его умереть в покаянии, и это есть великая милость Божия, которая дарована ему пред смертью, и мы должны это чувствовать и за то благодарить Бога. Смерть Иосифа огорчила меня, но покаяние его утешило; разумеется, если бы полезно было ему продолжение жизни его и возвращение его в Афон, то Бог сделал бы это, ибо Бог все делает к лучшему, а потому нам должно благословлять распоряжение Его.

Если Иосиф не мог обеспечить ваше телесное состояние, то Бог может обеспечить ваше не только телесное – временное – состояние, но и духовное – вечное. Только возложите ваше упование на Его милость, доверьте себя отеческому Божию Промыслу. Он Сам найдет средство к вашему пропитанию, а Вы о том не заботьтесь много, *а ищите прежде Царствия Божия и правды Его (Мф.6:33)*, то есть храните свою чистоту тела и души, не услаждайтесь мыслями блудными, почаще молитесь, не осуждайте людей, а эти все телесные блага приложатся вам, и чудным образом Бог пошлет вам все телесные потребности, только старайтесь быть смиренными и благодарными пред Богом и людьми. Если мы еще не стяжали в скорбях радоваться, то, по крайней мере, не будем унывать и предаваться смущению, и за такое терпение Бог помилует нас и спасет. Я много утешаюсь вашим благим расположением души, терпением, и признательностью пред Богом, и еще откровенностью ко мне, недостойному. Я о вас иногда плачу, а иногда радуюсь; когда вспомню скорби и страдания ваши, тогда плачу, и, когда помяну, что вы, будучи во многих скорбях, не ропщете на Бога, а паче благодарите Его за то, тогда я радуюсь и веселюсь, ибо я твердо знаю, что вы этим приобретаете себе спасение. Не унывайте: Сам Господь печется о вас.

Я поручил вас особому попечению Божией Матери, надейтесь на Нее: Она утешит вас; прибегайте к Ней почаще с сердечною вашею молитвою. Уведомьте меня, как вы поживаете со своими старицами, открываете ли вы им ваши намерения и желания. Держитесь наставления Духа Святого,

Который учит все творить с советом, и во многом совете есть спасение.

Благодарю вас, что вы поспешили известить нас о смерти покойного Иосифа, и мы здесь сделали о нем должное поминовение, и на самый сороковой день мы отправили о нем панихиду. Да будет ему вечная память. Имя его записано на вечное поминовение ежедневное на проскомидии и при чтении неусыпаемой Псалтири. И все ваши имена записаны.

Передайте от меня бабушке вашей Марфе Афанасьевне мой сыновний поклон, а прочим нашим родным – мое благословение. Затем, поручая вас и себя покровительству и путеводительству Пресвятой Богородицы, остаюсь усердствующий вам словом утешения смиренный ваш богомолец на Святой Горе в Русском монастыре святого Пантелеимона

русский духовник иеросхимонах Иероним. 1857 года, марта 27-го дня.

†

[К сестре]

Письмо твое смиренномудрое я имел удовольствие получить и много утешиться им, но не имел удовольствия скоро отвечать тебе на него по причине моей отлучки из Святой Горы по делам монастырским. И хотя многократно духом моим скорбел о том, что я долгим моим молчанием прибавил к твоим скорбям еще новую скорбь, но пособить горю было невозможно – верно, так было угодно Богу, Который определил нам спастись терпением. Он же Сам и дает нам его (разумеется, если просим). Начал беседовать с тобою с терпения, желая сколько-нибудь утешить тебя и живущих с тобою, сам мало имея его и зная, что обретающиеся в скорбях, услышавши от других слово «терпение», не утешаются этим, но иногда еще и оскорбляются тем. Один из великих старцев говорил нам о себе так. «Когда я, – говорил он, – жил с одним старцем в пустыни, иногда бывало, что от злых помыслов душа моя омрачится и наполнится скорбями, и я весь делаюсь скорбен. Старец мой, видя меня в скорбном положении, начинает утешать меня, говоря: «Терпи, брат, терпи», а я, бывало, за это разгневаюсь на

него и скажу ему: «Не говори мне о терпении, горько слышать, а говори мне о награде»; в то время, как только старец скажет мне: «Ну-ну, о награде буду говорить тебе», мне тотчас сделается легко и радостно». Так, я думаю, и мне полезнее будет напоминать вам не о терпении, а о награде за него; и действительно, как и многие опыты доказывают, что ничто столько не облегчает скорбей, как ожидание от Бога награды, а потому, будучи в скорбях, полезно почаще вспоминать себе Господне утешение: *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!* (Мф.5:12).

Письмо твое наполнено духовным сетованием о недостатках твоих и нынешнего времени, об оскудении старчества. Это все хорошо и полезно, но о последнем я сделаю тебе замечание. Старицы добрые отчего бывают – не из послушниц ли добрых? А если не будет добрых послушниц, то откуда же будут добрые старицы? Итак, если оскудеют добрые послушники, то по необходимости оскудеют добрые старцы. Уже тот худой старец, который не хранит доверенной ему от другого тайны – от этого бывают великие искушения. Ты, чадо Христово, в рассуждении этого прими от меня совет такой: пожелаешь иметь для себя старицу-советницу и во всем открываться ей, то прежде всего помолись Господу трижды, чтобы тебе не сделать ошибки в избрании старицы, а потом узнай верно, хранит ли та старица тайны чужие, и имеет ли дар рассуждения, и довольно ли опытна в духовной жизни. Если окажется, что та старица, которую ты вознамерилась избрать себе для духовных советов, имеет такие свойства, должно испросить благословение от матери игумении ходить к той старице на откровение, а без благословения игумении не дерзать. Ибо где какое дело в монастыре начинается без благословения, самочинно, там Бог не помогает, потому от бесчинного откровения мыслей другому часто случаются великие искушения. У нас здесь пристрастные откровения мыслей друг другу, а особенно молодым, вовсе запрещены, и очень строго. Если будем внимать себе, то без сомнения спасемся, ибо главное средство ко спасению души есть внимание себе, а не другим. Увы! Кто избавит нас от этого греха? Мы привыкли присматривать за поведением других, а не

за своим, отчего часто впадаем в тяжкий грех осуждения. Молю тебя, не имей дружбы с теми старицами, которые не имеют единомыслия с игуменьей, хотя бы они казались и великими подвижницами. Ибо если они возносятся и порицают распоряжения начальницы, то тут добра не ищи, ибо его нет, да и быть не может; это обыкновенно случается от самомнения и от честолюбия, когда забываем самоукорение.

Не должно порицать распоряжений начальницы и в том случае, если она утешает или отличает молодых более, нежели старых, как это обыкновенно бывает, ибо так и должно быть; разумеется, в таком случае старые люди, не стяжавшие рассуждения, смущаются и ропщут на начальника. Эти немощи везде находятся, и к нам в пустыню они иногда заходят, а причиною тому не распоряжение начальника, а наше нерассуждение. И действительно, так мне случалось замечать и на самом деле. Однажды в праздник, по обычаю нашему, после трапезы пришли старцы, и я с ними, к отцу игумену на поздравление его с праздником. Когда все сели по местам, тогда пришел туда же еще один старец престарелый и начал садиться на полу, на последнем месте. Игумен пригласил его сесть повыше, на это старец сказал со скорбью: «На высоких местах пусть сидят молодые, а я уже изветшал, как старая ветошка, и недостойн того места; когда я был молод и правил монастырем, тогда я занимал первое место, а теперь в старости пренебрегают мною, как старою тряпкой». Другой древний старец сказал ему на это так: «Нет, отче, не пренебрегают нас, старых, и не гнушаются нами, как старою ветошью, но поступают с нами точно так же, как поступают со старыми иконами, которые, если состарятся, то не пренебрегают ими и не гнушаются, но с честью и благоговением переносят их с первого места и становятся назад. Так точно поступают и с нами». Прочие старцы, услышавши такое здравое рассуждение, весьма пользовались оным, сказав: «Воистину рассуждение есть свет, а нерассуждение – тьма». От этого утешительного рассуждения и скорбевший старец развеселился и утешился.

Видишь ли, как рассуждение избавляет нас от скорбей, а, напротив, нерассуждение бывает причиною наших скорбей и

мучения. Может быть, ты теперь придумашь, что не всякий имеет рассуждение; на это я скажу тебе то, что потому не всякий имеет рассуждение, что не всякий просит его у Бога, а если будет просить, то и дастся оно ему. Случаются у нас в обители дивные примеры для вразумления прочих и вместе с тем и страшные, особенно для вразумления своевольных молодых подвижников, которые доверяют своему сердцу. Если Бог даст, со временем я напишу тебе о том. Я желал бы, если это только возможно, чтобы ты все свои скорби объявляла матушке игуменье для твоего утверждения. Ты просишь извинения, что не могла исполнить моего желания в рассуждении принятия в постриге имени святой Еввулы по причине исполнения воли духовной твоей матери – игуменьи; если бы сделала это по твоей воле, то я за это сделал бы тебе хороший выговор. Но поскольку ты сделала это в исполнение воли старицы твоей – матери игумении, то я не только не скорблю за это на тебя, но еще и радуюсь, ибо я ублажаю тех, которые без прекословия исполняют волю отцов или духовных матерей своих; за это благо им будет и они прославятся во Царствии Отца Небесного.

Ты говоришь, что порученная тебе должность препятствует внимать богослужению – неправда, исполняя свою должность, ты этим служишь не человеку, а Богу; разве не слышишь и не понимаешь, что и сама вся Церковь молится за таких, когда возглашает: *Еще молимся о плодоносящих и добро деющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся и поющих* – в надежде получить великую и богатую милость. Будь уверена, что ты исполнением этой должности служишь Богу и угождаешь Ему столько, сколько возможно с твоей стороны. Старайся при этом обуздывать свое зрение, чтобы оно не присматривалось пристально к лицам красивым не только к мужским, но и к женским, и если когда случится, начнет мысль вспоминать тебе виденное тобою красивое лицо, то ты как можно скорее вспомни распятие Господа и смерть свою, Страшный суд и муку вечную. Так ты сможешь тотчас отогнать от себя скверную сладость греховную и всякое нечистое воображение. Чистая исповедь много способствует к приобретению чистоты мысленной; что

касается до пропитания телесного, то я советую тебе о том не заботиться много, но возложить все упование свое на любящего вас Христа, доверить Ему, что Он Сам найдет средство для вашего содержания, при этом заметь, что если ты в этом малом деле будешь верна, то есть поверишь Ему, что Он без сомнения пошлет тебе телесное пропитание, то и во многом будешь верна, то есть доверишь Ему, что Он дарует тебе Духа Святого, а вместе с тем и Царство Небесное.

Родительницу возьми к себе, и постарайтесь успокоить ее, а о прочем говорится: *Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс.132:1). Горькие опыты делают нас благоразумными и смиренномудрыми, что усмотрено в делах и кончине нашего Иосифа, ему же да будет вечная память. Слава и благодарение Богу, что Он даровал ему христианскую кончину и тем помиловал его и нас, а более вас – понимаете, к чему это сказано.

Извести тех стариц, которые прислали нам милостыню, что жертва их получена нами и имена их поминаются, при этом я прошу тебя впредь не делать сбора денег для нашей обители, но, если кто сам назовется и усердно попросит тебя переслать в Афон милостыню, в таком случае прими, а как ты сказала, что многие имеют усердие помянуть в Афоне как себя, так и родных своих, в таком случае и я желаю утешить их. Кому угодно, пусть присылают имена, будем помянуть на проскомидии 40 дней и на бдениях, за одно имя 5 копеек серебром на 40 дней, а если один раз помянуть, то довольно за записку 5 копеек, хотя бы в ней написано было сто имен; в таком случае за утешение духовное потрудимся помянуть.

Затем прошу тебя передать от меня ее высокопреподобию матушке игуменьи Макарии поклон и почтение, равно и старице вашей достоуважаемой матушке Ксанфире, и благословенным чадам Христовым Анне и Надежде, и честнейшим старицам матушкам Палладии, и Рафаиле, и Елпидифоре. Поручая вас и себя милости Божией и покрову Всепетой, остаюсь служащий вам словом духовного утешения ваш богомолец на Святой Горе русский

духовник иеросхимонах Иероним.

†

Чем я могу утешить вас в ваших многих скорбях и старости – не знаю и слов не могу придумать, которыми бы я мог хотя бы немного утешить вас и тем облегчить вашу горькую участь; и это от человека невозможно, но от Бога, для Бога все возможно. Он может утешить вас во всех скорбях ваших и здесь, на земле, а тем более на небе, только потерпите до конца все ваши скорби и без ропота, а скоро придет время, и все ваши скорби, и болезни, и страдания окончатся, и вы возрадуетесь вовеки! Так сказал Сам Господь верующим: *«Придет время, возрадуется сердце ваше и радости вашей никтоже может взять от вас»* (ср.: Ин.16:22). Поминайте праведного Иова, что он пострадал, и все святые плакали и рыдали в жизни сей, а нам, грешным, чего же здесь ожидать или искать, неужели отрады и веселия? Это дано будет там, за гробом, тем, которые здесь страдали; все, что только с вами случилось, то все допущено было от Бога. Не люди притесняют вас, а Бог через людей испытывает ваше мужество и терпение и ваше благоразумие. Итак, смотрите, будьте осторожны, чтобы вам не выпустить из уст ваших какого строптивого слова на Бога, но за все скорби, напасти и за болезни ваши благодарите Бога, ибо этим путем Он хочет вас спасти и вечно прославить.

Итак, прошу вас, будьте добры, веселы, не унывайте. Уповайте всем сердцем вашим на милость Божию, на заслуги Христовы. Я всегда помню вас и молюсь за вас, а иногда и поплачу горько о спасении вашей души. Я очень желаю, чтобы вы переселились в монастырь, но во всем да будет воля Божия. Я весьма радуюсь, что вы принимаете советы возлюбленной нашей Маргариты. Да благословит вас Господь вечным благословением.

Я живу по-старому, как и прежде жил, хотя здоровье мое слабо, однако могу ходить в церковь и при помощи благодати пока справляю мои должности. Число братии моей увеличилось, для этого я пристроил себе в помощники отца Макария (Сушкина), который, если Бог благословит, по смерти моей останется над русскими братьями настоятелем. Благодарю

Господа, что Он послал ко мне на помощь такого благодатного человека.

Простите и благословите меня, любящего и почитающего вас сына вашего, грешного иеросхимонаха Иеронима. Не скорбите, что вы не можете на земле, здесь, видеться со мною лично, а надейтесь на благодать Божию, что она удостоит нас за заслуги Христовы видеться в вечности. И не только что видеться, но в одном месте и пребывать вечно в радостном славословии Пресвятой Троице, еже и да будет благодатью Христовою за молитвы Пресвятой Богородицы. Аминь.

Прошу передать от меня поклон и благословение нашим родным, а особенно благочестивой тетушке Анастасии Афанасьевне и прочим.

Поручая себя вашим святым родительским молитвам, остаюсь с моею к вам сыновнею любовью и почетом
Афонского Русского Пантелеимонова монастыря
русский духовник иеросхимонах Иероним.

1857 года, декабря 2-го дня.

†

Возлюбленнейшие о Господе племянницы Анна Ильинична и Надежда Ильинична! Мир вам и благословение Божие. Извещаю вас, что я письмо ваше, в коем вы объясняете скорби ваши, а особенно о том, что покойный Иосиф не успел обеспечить ваше содержание и что некоторые родственники возненавидели вас по одному подозрению или из зависти, что делать, надобно терпеть, это крест ваш. Мир свое любит, а божие ненавидит. Но не смущайтесь и переносите на участь свою, и на людей, и Бог милосердия и щедрот и всякия утехи помилует вас и спасет, только уповайте на Него и сохраните почитание к старшим вашим. Особенно постарайтесь утешать вашу престарелую бабушку общую родительницу нашу Марфу Афанасьевну, ибо она великую имеет нужду в утешении вашем. Бога ради прошу вас исполнить сию мою просьбу, и я уверяю вас, что вы за это получите от Бога великую награду. Не оставляйте и не раздражайтесь от старших ваших, но терпите с ними до смерти их. И Бог за это не оставит вас и удостоит царствия Своего небесного. Послушание возлюбите, и

уподобитесь Сыну Божию, который Сам послушлив был Отцу Своему даже до смерти Крестной, и послушливых любит, и вас за послушание ваше возлюбит и прославит, и упокоит на веки. И любовь, оказанная вами матерям вашим, по слову писания, покроет множество грехов ваших. До этого времени вы терпели вкупе со старицами вашими; и Бог помогал вам и укреплял вас и утешал, претерпите же до конца и спасетесь, ибо претерпевший до конца, тот только спасен будет. Мать Маргарита пишет ко мне, что она вами очень довольна. И я за это очень доволен остаюсь, мои дорогие. Да благословит вас Господь вечным своим благословением. В вашем положении я принимаю живое участие, вы мне вдвойне родные и по духу, и по родству, и я всегда чувствую, что я обязан, чем только могу, помогать вам, и утешать вас. Ибо вы по примеру нашему с самой ранней юности вашей оставили мир, и прилепились ко Господу, и ради любви Его терпите всякое зло, и мучение от страстей. Истину говорю вам, что когда читаю ваши письма, тогда сострадаю вам, чувствую ваши скорби, как бы мои собственные были, а в это время, кажется, отдал бы вам свое сердце, лишь бы утешить вас. Действительно жизнь монашеская есть много скорбная, но и есть за что поскорбеть, если вспомнишь вечное блаженство. И ныне из нас *мнози глаголют, кто явит нам благая* (Пс.4:7). Но я прошу вас, вы уповайте на милость Божию, что Он ради молитв ваших спасет вас. И хотя бы вы чувствовали, что вы недостойны своего звания живете, но и тогда вы должны благодарить Бога, что он удостоил вас призвать на Святое и высокое монашеское житие. А за леность и грехи себя осуждать и укорять и каяться, и надеяться от Бога спасения, а не ублажать мирского жития.

Известите меня, как будет сделан раздел имущества нашего дома. Это хочу я знать не для себя, мне ничего не нужно, а для вашей пользы, впрочем, как промысел Божий распорядится, тем будем и довольны, ибо таким образом мы и Богу угодим, и себя упокоим. Ибо хорошо все случающееся с нами, благо или зло, приписывать Богу, лишь бы оно не зависело от нашей воли, а людей не обвинять. Желательно мне, чтобы уплатили сироте долги, а особенно Александре Петровне, ибо эти деньги

покойный дедушка ваш занимал, очень жаль будет, если он останется в долгу, впрочем, во всем будет воля Божия. Теперь вы имеете книги отеческие, читайте их поприлежнее, они просветят вас, и мало по малу неприметным образом подвигнут вас вперед к добродетельной жизни. А если мы не будем читать Отеческих книг, то и толку из нас никакого не будет. Ваша обитель многолюдная, а в многолюдном монастыре обыкновенно много бывает и любопытных новостей, но если вы будете им внимать, тогда некогда будет вам заниматься чтением Священных книг или молитвою. Новостям конца не будет, а жизни нашей будет конец, поэтому надо смотреть нам, чтобы не упустить времени к покаянию, того ради хорошо не обращать внимание на новости, которые разоряют нас в конец. Блаженны, кто не любит новостей, и не любопытствует узнавать о делах других людей. Тот скоро исцелит свои душевные раны, и достигнет в любовь Божию. Ныне жалуются на недостаток старцев, а не жалуются на недостаток послушников, хотя известно, что старцы делаются из послушников. Итак, если будете истинными послушницами, то будете истинными и старицами. Легко говорить, но трудно делать. Некто из древних сказал, что люди на словах совершенны, а на деле далеке не таковые. Так и пишущий к вам. Но не обременю вас многословием. Заклучу беседу мою с вами желанием вам получения всех благ от Бога, поручаю вас благодати Божией, и заступлению Царицы Небесной; остаюсь всегда поминающий вас на Св. горе Афонской в Русском Монастыре Св. Пантелеимона.

Русский Духовник Иероним.

1858 года Июнь 11 дня. День празднования Иконы пресвятой Богородицы Достойно есть.

†

Честнейшая матушка Палладия! Здравствуйте о Господе.

Сим настоящим моим писанием изъявляю Вам мою благодарность, что Вы почтили меня Вашим душеполезным писанием, которое принесло душе моей существенную пользу, и воистину ничего нет для нас полезнее, как все случающееся с нами приписывать попущению Божию, все устраивающему на

пользу душ наших. Это путь к Богу самый удобный и прямой. И древние святые признавали за великое удобство к спасению, чтобы во всем себя обвинять, а не других. Да удостоит Господь и меня шествовать по этому пути неуклонно.

Вы извещаете меня, что Вы часто сходитесь с сестрою Маргаритою для душевного утешения. Это меня радует, тем более что Вы ближайшая родная незабвенных моих бывших друзей – покойных Василия Максимовича, Иосифа Максимовича и утешного отца Нектария; сладкая память дружбы моей с ними живет в сердце моем, которая приятно возобновилась при чтении Вашего письма. О, если бы Господь удостоил нас и в вечности вместе с ними прославлять Его!

До получения Вашего письма я не знал, что Вы перешли в другой монастырь, и лишения любимого Вами монастыря Вы приписываете правосудию Божию, праведно попустившему быть этому. Боголюбивейшая матушка, повторяю Вам искренне, что такое Ваше рассуждение или, лучше сказать, чувство не только утешило меня, но и удивило, ибо в нынешнее время редко можно слышать даже у нас, на Святой Горе, подобные рассуждения, а более слышны порицания друг друга во грехах.

Извещаю Вас, недавно мы получили подарки Ваши, за это обитель благодарит вас. Был ли у Вас иеромонах наш отец Макарий, которого я просил, если он будет в Вашем монастыре, то чтобы за благословение от нас дал бы Вам некоторые святогорские вещи?

При этом приветствую и Вас, преподобная матушка Рафаила, с высот священного Афона, пустынной кельи святых печерских (где я временно проживаю пять дней в неделю, для поправления слабого моего здоровья пользуясь нагорным воздухом и отчасти безмолвием), монашеским поклоном. Прошу Вас передать мой заочный поклон и благословение всем знающим меня, в том числе монахине Медведкиной-Бирючинской.

Возлюбленные дети Христовы, матушка Палладия и матушка Рафаила, смиренно прошу у вас прощения за медленность моего к вам ответа. Давно бы следовало мне отвечать вам на ваше письмо, но слабость моего здоровья до

этого времени не позволяла мне этого сделать, теперь чувствую себя немного лучше. Я кое-как написал к вам, простите и не сетуйте на меня. Матерь Божия да утешит вас, Которой ныне у нас, на Афоне, празднуют память Архангелова пения пред честной Ее иконой «Достойно есть», что совершилось 11 июня. Простите и благословите! Прося ваших молитв, остаюсь почитающий вас грешный богомолец на Святой Горе Афонской Русского монастыря святого Пантелеимона

Русский духовник иеросхимонах Иероним

1858 года, июня 11-го дня.

†

Боголюбезные мои чада, в настоящее время казначея м. Лидия, Анна Никитична и Надежда Никитична!

Мир вам и Спасение Божие, извещаю вас, что я получил ваше письмо, коим вы утешали меня и успокаивали, в рассуждении дела тетки нашей Александры Петровны. Я не знал об этом деле ничего, а потому и написал к вам о том. Благодарю вас, что вы не оскорбились на меня за это дело. Вы сами понимаете меня, что я в этом деле искал пользы для душ покойников наших, но теперь, слава Богу, это дело развязалось, и я остаюсь о том покоен.

Да, правда вам теперь трудно в рассуждении пропитания, и я тогда только вспоминаю ваши нужды, когда прихожу в скорбное состояние. Боюсь, чтобы вы не роптали на Бога. Молю Господа, да утвердит вас под этим крестом, сказано: *«Многи скорби Праведным, но от всех их избавит их Господь»* (ср.: Пс.33:20). Так и вы, возлюбленные дети мои, потерпите немного, и получите великую награду от Бога.

На кого ни посмотришь, все страдают, хоть и от разных причин. Ибо сказано: *Егоже любит Господь и наказует* (Евр.12:6), но придет время и утешит вас Господь на веки, еже и да будет вам. Вы, мои дорогие, подумали, что я перестал вас любить и больше уже не помню вас: Нет, Иероним помнит вас, сострадает вам, молится за вас, и плачет.

Вы возлюбленные дети Христовы, от юности своей возлюбили его, как же мне забыть вас. Нет, я всегда помню вас. Прошу вас, и меня поминать и молиться за меня.

Скажите от меня поклон боголюбезной моей Матушке Сипфоре и всем знающим меня. Поручаю вас Покровительству Всесвятой, остаюсь любящий вас и всегда поминающий, Богомолец ваш на Св. Горе.

Духовник Иероним.

20 Сентября 1860 года. Св. гора Афон. Р.М.СВ.П.

†

Боголюбезная мать Маргарита! Здравствуй о Господе.

На посланные мои к тебе письма я не получил еще ответа; какая тому причина – не знаю; поспеши уведомить меня о причине твоего молчания. Настоящая причина, вынудившая меня писать к тебе, есть следующая: для монастыря нашего требуется две плащаницы, ценою каждая в 100 рублей серебром, шитые золотом по бархату, с обычными лицами, средней величины. Таковые плащаницы этого года мы купили в Одессе в лавке по 95 рублей серебром, но греки желают, чтобы слова или тропарь был вышит словами греческими. По этой причине я рассудил спросить у тебя. Возьмутся ли в вашем монастыре за означенную цену вышить две плащаницы со словами греческими, с предстоящими лицами, но чтобы тело Спасителя не было возвышено, потому что здесь есть обычай во всю Светлую седмицу служить на ней Литургию; одна такая плащаница требуется для нашего монастыря, а другая – по заказу. Отвечай мне немедля; будет нельзя это сделать, то мы спросим в других монастырях; для этого прилагаю при этом греческие слова; если возьмутся сделать, то в таком случае пусть немедленно начинают, и я перешлю к тебе деньги.

Как ты поживаешь, не охаешь ли все о должности? Опирайся о помощь Божию и будешь сильна. А как это сделать – беспрестанно мысленно говори Господу: «Помоги мне ради Тебя Самого». Некоторым я задолжал – не отвечал им; попроси у них за меня прощения. Матерям Палладии и Феокисте, да и прочим – скажи им всем поклон, особенно матушке Ксанфире и племянницам Анне и Надежде Ильиничнам. Иконы для тебя начали писать; возвести об этом, кому следует.

Матушке игуменье скажи от меня нижайший поклон и то скажи, что я браню тебя за ропот твой о должности твоей, о

Господе укрепляйся сама и других укрепляй, и о мне еще молись; вот тебе тут помысл и скажет: «Эка какой щедрый на чужие труды».

Прости, мир тебе и спасение Божие, остаюсь помнящий тебя, твой грешный брат на Афоне духовник Иероним

1861 года, июля 12-го дня.

†

Богоспасаемые Возлюбленные о Господе дети Христовы, и мои племянницы Анна Никитична и Надежда Никитична!

Благословение Божие, Царицы Небесной, и Честного Ее Жребия Святой Горы Афонской да будет с вами во веки.

Извещаю вас, что я получил письма от матери Маргариты, в каждом ее письме читаю описание о ваших скорбях, и страданиях, которые она с вами разделяет, и как видно она вполне сочувствует вам.

Жалеет, что не имеет возможности вполне облегчить участь вашу и утешить вас, особливо в тяжком и прискорбном обстоятельстве затянувшегося раздела вашего. Нередко она просит меня, чтобы я со своей стороны помог ей утешить вас. Бог один знает, как я желаю утешить вас, но какое утешение принесет вам мое мертвое писание? Слово не есть дело. Для вас требуется утешение на деле. Вы нуждаетесь теперь в пропитании, это и меня озабочивает, но средств материальных я не имею, чтобы хоть немного помогать вам, что и вам хорошо известно. Но надеюсь на промысл Божий, что Он пропитает вас. Ибо сам Бог сказал *«Я не оставлю вас»*. *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а сия вся приложится вам* (ср. Ин.14:18, Мф.6:33). Но если не имеете у нас такой веры, то надо просить ее у Бога. Потому что вера есть дар Божий. Впрочем, говорить легко, а делом испытывать это состояние очень трудно. Только одна надежда на будущее утешение облегчает этот труд. В книге святого пророка Ездры написано: *Когда душа правоверная выйдет из тела своего, тогда она находит великое утешение в своем сознании, что она с великим трудом победила искушения*. Вы и сами довольно знаете, что для Бога нетрудно окончить ваш раздел. Но он почему-то не хочет это. Мы просим Его о том, но Он не слушает

нас, и не исполняет прошения нашего. И это он делает непросто, а с намерением, чтобы испытать нас, не будем ли мы роптать на Него, что он несправедливо поступил с нами. Но мы научены Словом Божиим, что без воли Отца нашего Небесного и один волос с головы нашей не упадет на землю. А потому будем понуждать себя к благому расположению души, и все наши нужды и скорби поручать Богу. И то вам известно, что сверх сил не попустит человеку искушение.

Будет время, Бог даст, и раздел ваш окончится. Я скорблю о вас, тем более, что вы принуждены проживать в Мире. Это для вас весьма вредно. Господь да покроет вас от всякого зла. Он да укрепит вас, просветит Лице Свое на вас, во всякой скорби вашей, ради молитв Пресвятой Богородицы. Покровительству Которой поручил вас. Остаюсь сочувствующий вам и всегда поминающий вас, грешный деда ваш и богомolec на Афоне.

Русский Духовник Иероним.

Св. Гора Афон. Р.М.СВ.П. 1863 года марта 19 дня.

†

Боголюбезная мать Маргарита! Здравствуй о Господе.

На посланные мои к тебе письма я не получил еще ответа; какая тому причина – не знаю; поспеши уведомить меня о причине твоего молчания. Настоящая причина, вынудившая меня писать к тебе, есть следующая: для монастыря нашего требуется две плащаницы, ценою каждая в 100 рублей серебром, шитые золотом по бархату, с обычными лицами, средней величины. Таковые плащаницы этого года мы купили в Одессе в лавке по 95 рублей серебром, но греки желают, чтобы слова или тропарь был вышит словами греческими. По этой причине я рассудил спросить у тебя. Возьмутся ли в вашем монастыре за означенную цену вышить две плащаницы со словами греческими, с предстоящими лицами, но чтобы тело Спасителя не было возвышено, потому что здесь есть обычай во всю Светлую седмицу служить на ней Литургию; одна такая плащаница требуется для нашего монастыря, а другая – по заказу. Отвечай мне немедленно; будет нельзя это сделать, то мы спросим в других монастырях; для этого прилагаю при этом

греческие слова; если возьмутся сделать, то в таком случае пусть немедленно начинают, и я перешлю к тебе деньги.

Как ты поживаешь, не охаешь ли все о должности? Опирайся о помощь Божию и будешь сильна. А как это сделать – беспрестанно мысленно говори Господу: «Помоги мне ради Тебя Самого». Некоторым я задолжал – не отвечал им; попроси у них за меня прощения. Матерям Палладии и Феоктисте, да и прочим – скажи им всем поклон, особенно матушке Ксанфире и племянницам Анне и Надежде Ильиничнам. Иконы для тебя начали писать; возвести об этом, кому следует.

Матушке игуменье скажи от меня нижайший поклон и то скажи, что я браню тебя за ропот твой о должности твоей, о Господе укрепляйся сама и других укрепляй, и о мне еще молись; вот тебе тут помысл и скажет: «Эка какой щедрый на чужие труды».

Прости, мир тебе и спасение Божие, остаюсь помнящий тебя, твой грешный брат на Афоне духовник Иероним

1861 года, июля 12-го дня.

†

Богоспасаемые Возлюбленные о Господе дети Христовы, и мои племянницы Анна Никитична и Надежда Никитична!

Благословение Божие, Царицы Небесной, и Честного Ее Жребия Святой Горы Афонской да будет с вами во веки.

Извещаю вас, что я получил письма от матери Маргариты, в каждом ее письме читаю описание о ваших скорбях, и страданиях, которые она с вами разделяет, и как видно она вполне сочувствует вам.

Жалеет, что не имеет возможности вполне облегчить участь вашу и утешить вас, особливо в тяжком и прискорбном обстоятельстве затянувшегося раздела вашего. Нередко она просит меня, чтобы я со своей стороны помог ей утешить вас. Бог один знает, как я желаю утешить вас, но какое утешение принесет вам мое мертвое писание? Слово не есть дело. Для вас требуется утешение на деле. Вы нуждаетесь теперь в пропитании, это и меня озабочивает, но средств материальных я не имею, чтобы хоть немного помогать вам, что и вам хорошо известно. Но надеюсь на промысл Божий, что Он пропитает вас.

Ибо сам Бог сказал «Я не оставлю вас». Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а сия вся приложится вам (ср. Ин. 14:18, Мф. 6:33). Но если не имеете у нас такой веры, то надо просить ее у Бога. Потому что вера есть дар Божий. Впрочем, говорить легко, а делом испытывать это состояние очень трудно. Только одна надежда на будущее утешение облегчает этот труд. В книге святого пророка Ездры написано: *Когда душа правоверная выйдет из тела своего, тогда она находит великое утешение в своем сознании, что она с великим трудом победила искушения.* Вы и сами довольно знаете, что для Бога нетрудно окончить ваш раздел. Но он почему-то не хочет это. Мы просим Его о том, но Он не слушает нас, и не исполняет прошения нашего. И это он делает не просто, а с намерением, чтобы испытать нас, не будем ли мы роптать на Него, что он несправедливо поступил с нами. Но мы научены Словом Божиим, что без воли Отца нашего Небесного и один волос с головы нашей не упадет на землю. А потому будем понуждать себя к благому расположению души, и все наши нужды и скорби поручать Богу. И то вам известно, что сверх сил не попустит человеку искушение.

Будет время, Бог даст, и раздел ваш окончится. Я скорблю о вас, тем более, что вы принуждены проживать в Мире. Это для вас весьма вредно. Господь да покроет вас от всякого зла. Он да укрепит вас, просветит Лице Свое на вас, во всякой скорби вашей, ради молитв Пресвятой Богородицы. Покровительству Которой поручил вас. Остаюсь сочувствующий вам и всегда поминающий вас, грешный деда ваш и богомolec на Афоне.

Русский Духовник Иероним.

Св. Гора Афон. Р.М.СВ.П. 1863 года марта 19 дня.

†

В настоящее время казначея м. Лидия, любезнейшие племянницы Анна и Надежда Ильиничны! Благословение Божие да пребудет с вами.

Извещаю вас, что я получил ваше письмо, из коего вижу, что вы и доселе еще страдаете о разделе ее, который к несчастью так долго затянулся. Но на вас есть Промысл Божий, и все будет, наконец, вам на пользу, разумеется, если вы в этом

вашем испытании окажете благоразумие и христианское терпение, за что и получите верою и вечную награду на Небе. Но и здесь Бог не оставит вас. Хотя клевета человеческая и тяжела для перенесения ее, как терновый венец, но она полезна для наших душ, ибо она очищает тайные наши грехи. Очень хорошо, что вы читаете книги назидательные. Это главные наши утехи во всех наших скорбях. Я сожалею, что Михаил противодействует вам. Верно, он наставлен от других, впрочем, я попытаюсь написать ему об этом. Он обещался на будущий год повидаться со мной. Разумеется, если Бог даст. Ибо мы часто думаем много делать, но мало на самом деле исполняем. Прошу вас, укрепитесь в терпении, и не принимайте ропотливых мыслей на Бога. Он знает лучше нас, что для нас полезно, и недалече от нас. Придет время, и за все ваши скорби получите награду вечную и блаженную. Иногда вы нам завидуєте, что мы будто бы живем спокойней вас, и во всем обеспечены, а потому и в безопасности и легко спасаемся: разумеется, вам так можно думать, не зная подлинного нашего жития и разных затруднений и искушений. Но на это я сделаю вам одно замечание. А именно, по слову писания каждому человеку по силам его попускается искушение, в чем бы оно ни имелось. И к этому: что есть у нас еще и так тайные внутренние Кресты, которые бывают гораздо тяжелее внешних крестов или скорбей. Итак, не лучше ли иметь здоровое суждение об этом? Враг наш имеет обычай увеличивать наши скорби, чтоб через то привести человека в ропот на Бога, а значит, это мы должны ему противодействовать, то есть уменьшать скорби, а еще лучше и благодарить за них Бога, и это много помогает нам в скорбях наших.

Письмо прилагает письмо к рабе Божией Марии.

Передайте поклон боголюбивой тетушке Александре Петровне и прочим.

Я молюсь о вас, мои о Христе всемилые вселюбезные Невесты Христовы.

21 июля 1863 г. Св. Гора Афон. Р. Монастырь Св. Пантелеимона.

†

Богоутешаемая сестра матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие.

Полученное мною твое письмо причинило мне и утешение и вместе скорбь. Смиреномудрие твое в моем к тебе расположении и любви опечалило меня. Хотя я и привык к твоим несправедливым упрекам, но мне жаль тебя, что ты понапрасну страдаешь, принимая вражьи прилоги. А сон твой, если поверить ему, то он предвещает тебе если и скорби, то, во всяком случае, не через меня, то есть не от моего действия, а, может быть, с другой стороны. Или по причине смерти моей. Потому что я здоровьем слаб стал, и думаю, что скоро умру. И тогда, разумеется, тебе будет скорбно. Ублажаю тебя, что ты смиряешься, и радуюсь этому, а что ты написала – потерпим. Бог возвестит старцам, на чьей стороне правда, это будет скоро, и со мною и с тобою, и тебе возвестится, что ты по вражескому внушению заподозрила меня в охлаждении к тебе. Увы нашему непостоянству или малодушию. Если ты побеждаешь благим злое, то ты и здесь прославишься, и в вечности. Пусть злословят нас, пусть поносят, пусть клеветуют, лишь бы мы не воздавали им тем же. А без этого и спастись невозможно. Так надобно этому быть, что бы нашими немощами нас же и совершенствовать, а без этого мы и не познаем себя самих. Если не уничижить себя, то не можем и смириться. А если не смиримся, то и не спасемся. Это верно, да очень трудно, а без помощи Божией и вовсе невозможно, но просите, говорят, и дастся вам.

Соломону не пускай в мир, это вредно для нее. А скажи ей, пусть она эти 30 р. считает за тобою. А я при этом посылаю тебе заочное мое благословение возлюбленным нашим племянникам. И поклон нашим Хвостовым и Тихоновым.

Молю тебя, моя дорогая, не гневайся на меня за Марионилу, если я и утешаю ее, то на пользу вам. Ты должна быть уверена, что я не могу ничего писать ей вредного для тебя. Но если она не исполняет моих советов, то сам Бог поправит ее, как сам знает, а наше дело и врагов любить, и клянущих благословлять.

Григорий писал, что Михаил хочет побывать на Афоне. Прости, молись за меня, изза нездоровья не выхожу из кельи. Господь с тобою и со всеми вами. Остаюсь любящий тебя брат твой.

Д. Иероним.

†

Благословенная сестра Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие.

Давно я не получаю от тебя писем, потому и не знаю, как вы поживаете. И доходят ли письма мои до вас? В этом году у нас много писем пропало на почте, и не можем узнать каким образом. Теперь мы решились пересылать письма в штемпельных пакетах, говорят, что таким образом будет вернее пересылать письма. А то марки как-то отклеиваются, и оттого письма пропадают. У нас в монастыре все благополучно, Слава Богу. Братство постоянно увеличивается, теперь есть до четырех сот человек, русских более двух сот, а с тем и заботы наши более и более увеличиваются. В управлении братией отец Макарий Сушкин помогает мне. Здоровье мое не постоянно, и хронические болезни не оставляют меня. Желудочные спазмы или судороги постоянно и днем и ночью беспокоят меня. Также и прилив крови к голове, хотя не в равной степени, но ежедневно посещает меня. К тому же и грыжи нередко огорчают сластолюбивое мое сердце. Ежедневная моя жизнь разнообразна, не всегда одинакова, иногда я нахожу довольное время для занятия в келье с молитвою, чтением или прочим, а иногда нет, или очень мало. Братья занимают меня вопросами и советами, и вопросами по экономии, а больше всего по исповеди. Так у нас приобщаются часто, потому и исповедуют часто. К тому же и чужих много приходит за советами, и для исповеди, а многие и с просьбой о вещественной помощи, даже из мира многие приходят к нам просить милостыни, а больше всего для бедных церквей просить, и мы издавна приучили их к этому. Из старых материй шьем ризы, подризники, и епитрахили, воздухи и раздаем. Хоть какую-нибудь да дай ему вещь, а иначе не избавишься от просящего, а то он и целую неделю будет жить в монастыре, да раза три в день будет

приходить к русскому духовнику кланяться до земли и просить. И все таковые посетители требуют непременно лично объясниться с русским духовником, а о святогорцах нечего и говорить. Если у кого нет или ризы, или воздухов, или другого чего, то он придет в русский монастырь отыскивать Иеронима и требует. А если откажу ему, то он не поленится прийти и в другой раз, хоть через год, а уже выпросит.

Разумеется, если есть та вещь, которую он просит, то я не заставлю его во второй раз трудиться приходить для получения ее, но часто бывает, что нет той вещи, которую он просит, и тогда поневоле отказывают ему. Но они знают, что нам присылают из России эти вещи. И потому терпят, пока пришлются нам вещи, и они постоянно наведываются с вопросами. Для удовлетворения нужд этих рабов Божиих у меня много времени употребляется. Как только они услышат, что наш корабль пришел из Таганрога и привез рыбу и икру красную, то вскоре явятся со многих келий, и со всех скитов старцы, с торбами, и с письмами, для получения утешения.

Сплю я не тогда, когда хочу, а тогда, когда судороги попустят мне заснуть, а потому я не всегда могу заснуть до утрени. Пытаюсь, раз и два ложусь, и если судороги сильные, тогда я более хожу по келье. Она сделана нарочно длинная, шагов десять. Много хожу особенно ночью, иногда до того, что ноги и поясница заболят от ходьбы, а особенно подошвы. И тогда я рад бываю, если кто из братии придет ко мне побеседовать, тогда я не столько чувствую жестокость моей болезни. Иногда случается, что судороги несильны, но и тогда все-таки не могу заснуть, но, по крайней мере, тогда хотя могу сидеть, читать или писать. В полночь у нас звонит на всенощную или на келейное правило, а через час к заутрене. От утрени я ложусь спать до поздней обедни, в это время я сплю, и то, если судороги позволяют мне. Ибо нередко случается, что в сутки ничего не засну, а иногда и двое, но это бывает редко. И тогда я чувствую себя очень слабо. На позднюю обедню я хожу, и почти постоянно чувствую себя во время обедни слабым. Сила благодати Божией совершается в немощи моей. Часто на утрени дремлю, и по причине моей великой лениости еще и не

противлюсь дремоте, а иногда и желаю заснуть в Церкви. Вот как я подвизаюсь. После обедни или принимаю гостей, или поклонников, или иду осматривать экономические службы, и заведения, которых есть довольно. Посетив больницу, побываю на гостинице, в поварне, в трапезе, в мастерских, в канцелярии, в живописной, в литографии, в типографии, в кожевенном заводе, в кузне, слесарне, в ткацкой, в столярне, в портной, в сапожной, на пристани, и на огороде и пр. И на это проходит около трех часов. Иногда эту проходку делаем вместе с герондой, т.е. с игуменом, но более один я, потому что старец по старости редко выходит за монастырь. Потом я обедаю, потом после обеда опять принимаю гостей и поклонников, или братию, или же мастеровых, или с экономами занимаюсь, и потом, если почувствую расположение ко сну, то спешаю прилечь, иногда засну, и посплю, а иногда и нет, по милости спазмов. В таком случае или читаю, или письма подписываю, или диктую писарям. В настоящее время письма из России присылают много, с разными вопросами, и на все нужнейшие письма мне требуется диктовать, а на исповедь и своеручно отвечаю. Что делать, иногда через силу, пополам с кряхтением и оханьем. А вы, может быть, думаете, что я все делаю с благим расположением души. Нет, нередко с удивлением спрашиваю сам себя: да как я это попал в такую беду? Оплелся таким огромным семейством? Сколько хлопот, забот, попечений, трудов, скорбей, болезней, бедствий? Ни средств, ни обеспечения; иногда подобные мысли добре подталкивают в сердце, а наиболее тогда, когда братья некоторые за все попечение о них воздают неблагодарностью; но в это время благодать отчетливо говорит внутреннему слуху: *«невозможность глаголюще что емы или что пием, или чим одеждемся, всех бо сих языцы ищут, весть бо Отец ваш Небесный и прежде прошения вашего, что сих требуете. Ищите прежде царствия Божия, и правды Его, а сия вся приложится вам»* (ср.: Мф. 6:31–33). И действительно так. Так обитель наша на опыте это видит. Слава Богу за все. Многие из братии моей много утешают меня своей богоугодной жизнью. И это много ободряет меня. Теперь ты видишь, что, будучи весь

непотребен, больше ничего, как только куча навозная, прах и пепел, а иногда занесут, как будто я нечто есмь, будто утешаю других, иных учу, а себе неучу, и поэтому выхожу первого номера лицемер. А ты еще, по невежеству, завидуешь мне в мнимых моих добродетелях, но теперь я уверен, что ты зависть свою переменишь на сожаление обо мне. Истинно говорю тебе, не преувеличиваю, что я не вижу у себя никакого добра, и не имею ничего такого, за что б мне иметь надежду получить награду от Бога, одна моя надежда на Милость Божию, на Заслуги Христовы, более не имею, чем спастись. Горько и вместе сладко видеть себя обнаженным всякого добра. Трудно стоять между страхом и надеждой, а надобно стоять. И самому себе верить опасно, ибо сказано: Надеющийся на себя, падет падением дивным, «а надеющийся на Господа, яко гора Сион не подвижется вовек». Раза три в неделю отец Макарий беседует со мною ночью, часа по три. Он своим благочестием много утешает меня. Недавно мы получили от брата его Ивана Ивановича известие по телеграфу. Мать в письме своем, между прочим, жалуется, что получает от чтения хороших книг утешение, но по несчастью не имеет их. В настоящее время много издается журналов духовных полезных, не худо бы было и ей получать их, хотя бы два или три. Впрочем, мне пришла мысль попросить знакомых, чтобы они прислали вам их. А вы, прочитавши их, передайте и другим для пользы. Мы получаем семь журналов духовных. Творение Св. Отец; Духовную Беседу; Домашнюю Беседу; Христианское Чтение; Православное обозрение; Душеполезное Чтение; Труды Киевской Академии. А из газет только одну Северную Пчелу. Да получаем еще греческие три. Я покуда при помощи Божией почитываю довольно много, и днем и ночью, а без чтения очень скучаю, и вовсе не могу. Во всем я немощен. И я немало удивляюсь другим, как они могут быть спокойны без чтения от прилогов разных худых мыслей. Если я хоть на малое время оставлю чтение, тогда страдаю от прилива злых мыслей. От праздности ума чего не придет на память, всякая чепуха течет в ум, а когда постоянно занимаюсь чтением, тогда и ум и память бывают чисты и покойны.

Прошу передать заочный мой поклон старице Ксепфоре и благословение мое нашим родным племянникам. За тем, поручив себя и вас Милости Божией и заступлению Всепетой, остаюсь любящий вас недостойный ваш брат на Св. Горе.

Д. Иероним

17 ноября 1864 года.

Добавление

По причине худой погоды почта наша замедлила, а потому письмо к вам осталось до другой почты, и я теперь имею время еще кое о чем написать вам. Этого дня 23 число память Святителя Митрофана Воронежского чудотворца, у нас было архиерейское служение и стечение народа довольно. Бдение было в трех Храмах. Передайте матери Иерониме, что иконы, о которых она просила меня, посланы ей в октябре месяце, а вы ничего не хотите из Афона получить, и ни о чем не просите. Просите, и дастся вам.

Этого вечера один монах спросил у меня: отчего, отче, бывает с нами, что мы иногда тяготимся и скучаем этою жизнью, а умирать все-таки не хотим, и даже боимся смерти? Я сказал ему: а сам ты об этом как рассуждаешь? Он ответил: я думаю, что по любви к телу мы не хотим умирать; я отвечаю ему, что думаю иначе. Недавно я, бывши в больнице, и увидев там старца Александра слепого, спросил у него: вот, отец Александр, ты уже давно лишился зрения и должно быть очень скучаешь жизнью на Земле, может быть, есть и желаешь умереть, и просишь о том Бога? Он ответил мне так: ах, отче, прости, я не прошу смерти, не хочу. Еще умирать боюсь. Чего же ты боишься, сказал я ему? Как же не бояться, вот тут клопы кусают и то мне показывается мучительно, а там на том свете может быть будут кусать меня клопы-то не такие, а гораздо побольше этих. Так вот, батюшка, от чего не хочу я просить смерти. Как здесь ни тяжело, а, все-таки, лучше, нежели в Аду. А если бы я знал, что на том свете будет лучше здешнего, то сей час готов бы умереть, отвечал отец Александр. Итак, по этому поводу, не смерть причина нашего страха, а неизвестность судьбы загробной, сказал я вопросившему меня монаху, который предложил мне еще один вопрос: полезно ли будет

заблаговременно домогаться получить извещение от Бога о надежде спасения. Я отвечал ему на это: что в Св. Писании есть на это указание во Псалтири, сказано в виде молитвы: «Скажи ми, Господи, кончину мою и число дний моих, кое есть» (Пс.38:5). И Отцы об этом пишут, советуют просить у Бога извещения о спасении. Но говорят: если ты благоразумен, то проси, чтобы это далось тебе при смерти или близко перед смертью. Ибо другие, получивши извещение заблаговременно, вознерадели. И то надобно знать, что которая душа не получила извещения, та во время исхода из тела много страдают и смущаются, а это вредно для ее веры и дерзновения к благу. Впрочем, пути Божии не постижимы. Некоторые из великих святых не получили извещения, может быть для того для них оно и ненужно было. Но для нас, грешных, оно весьма нужно. Благодать и милость Божия да удостоит нас оно. Аминь.

†

Христос Воскресе!

Боголюбивая сестра, мать Маргарита!

С прошлю почтою я писал тебе, о чем было нужно, как-то: о посылке вам Святыни, вложенной в икону Божией Матери Скоропослушницы, и просимых тобою для монастыря мощей св. Пантелеимона. Чтоб об этом деле прежде посоветоваться с Владыкою вашим, как это лучше сделать, минуя Святой Синод. На все это я ожидаю от вас скорого ответа. Между прочим, пока ты сотвори нам одно послушание, а именно вот какое: этого лета к вам явится одна женщина по имени Соломонида Аверкиева Лапина. Бывший ее муж у нас живет, и уже пострижен в мантию, который просил меня, чтобы я попросил тебя о ней, если возможно, чтобы пристроить ее в вашем монастыре, и я прошу тебя, постарайся об этом деле. Найди ей старицу. Она – женщина еще молодая, крепкого сложения, может послужить и в черной работе. Бывший ее муж – хороший монах, имя его Карп, он эконо над лесом, и за старание ваше о жене его он будет вашим всегдашним богомольцем.

При этом прилагаю вам для прочтения душеполезную повесть о страхе Божиим, виденную нашим иеромонахом отцом Платоном. Вы, прочитав ее, дайте прочитать м. Иерониме. За

тем, пожелав вам спасения и здоровья, остаюсь, помнящий вас, грешный ваш богомолец, духовник Иероним.

27 апреля 1866 года. Афон.

†

Преподобнейшие матушка Палладия и матушка Рафаила!

Здравствуйте о Господе!

Ответствую вам на ваше письмо и сочувственному, страдательному состоянию вашего духа, которое ходатайствует вам в будущем веке нескончаемую радость. Такое состояние, то есть, унылое, печальное, досадное, вялое, сухое, и подчас даже отчаянное, гораздо ближе к спасению, нежели то состояние, которое изображено в Евангельской притчи самонадеянного фарисея. И святые принуждены были говорить Богу: *«Душа моя, яко земля безводная Тебе»* (Пс.142:6). В таком случае так говорит св. Исаак Сирин: скорбь ума восполняет недостаток деятельности. Вы много лишнего приписываете мнимому нашему совершенству. Вам известно, что Бог ведет к спасению каждую душу верную так, как он сам это ведает. А потому и восходящие к совершенству не могут видеть своего совершенства, и оттого часто мучаются сомнением о своем спасении, а вы думаете, что победившие страсти живут в покое и не имеют скорбей. Поверьте, что они более нашего скорбят. Ибо сострадают страждущим. С плачущими и они плачут. На днях один схимник открыл мне подобное этому сочувствие свое к пострадавшим. Говорит: когда прошел слух о гибели русского парохода со многими людьми, тогда тяжкая скорбь поразила мое сердце, и я два дня плакал и рыдал неутешно, как будто о гибели родных моих.

Видите ли, как благодать делает нас не просто родными, а родными искренно и крепко любящими друг друга. И даже за врагов заставляет плакать, и просить у Бога спасения им. Но не подумайте, что я достиг такого состояния, но от опытных слышал об этом, и пишу вам для духовного утешения. А вы хоть один раз вздохните обо мне ко Господу, ибо я имею великую нужду в молитвах других.

Недавно я получил письмо из С. Оскола от Алексея Осиповича Хвостова, в коем он просит о поминовении брата его

Сергия, но для того лучше бы ему прийти самому в Афон. Но во всем да будет воля Божия. При этом остаюсь от юности моей уважающий вас, возлюбленных детей Христовых. – Недостойный на Афоне

Д. Иероним.

23-го марта 1867 года. Афон.

Возлюбленная о Господе Племянница Анна Ильинична, в настоящее время к. м. Лидия.

Мир тебе и Спасение Божие. Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное из Старого Оскола от 13-го января, в котором ты уведомляешь меня об окончании вашего дела с родными. И при том просишь совета моего, взять ли к себе в монастырь овдовевшую вашу сестру Анну, и сомневаешься, как бы она не соскучилась в монастыре.

Мой совет такой: что вы должны взять ее к себе. Бог поможет и ей и вам, и без скуки нельзя спастись никому. За скуку нас ожидает вечное блаженство. Неужели вы будете советовать ей опять искать мужа? Довольно она помучалась в замужестве своем, а теперь к старости надо пожить для Бога в целомудрии. Не сомневайтесь в Богоугодном деле, помощник сам Бог. С Михаилом я переписки никакой не имею с того времени, как я написал ему выговор и строго обличил его, почему он не хочет сделать раздел по совести и прекратить тяжбу. За это он оскорбился, и перестал писать ко мне, но Бог да управит ими, а я и не имею нужды писать им, хотя бы для поддержки их в благочестии. Но они сами не хотят этого, так пусть живут, как хотят. Во исполнение твоего прошения я написал Ивану Васильевичу Головину, благодарил его за помощь тебе и при этом прилагаю карточку. Подари ее, кому хочешь.

Господь да благословит тебя и да поможет тебе благополучно окончить развязку с миром, и да сохранит тебя от всех соблазнов. Поручаю тебя милости Божией и покровительству Богоматери, и молитвам Св. Целителя Пантелеимона, остаюсь поминающий тебя на Афоне грешный твой деда и богомолец.

Д. Иероним. 1-го марта 1868 года. Афон. Русский монастырь.

†

Честнейшая матушка Палладия! Здравствуйте о Господе!

Этим настоящим моим письмом изъявляю Вам мою благодарность за то, что Вы почтили меня Вашим душеполезным писанием, которое принесло душе моей существенную пользу. И воистину ничего нет для нас полезнее, как случающееся с нами приписывать попущению Божию, все устраивающему на пользу душ наших. Это путь к Богу, самый удобный и прямой, и древние святые признавали за великое удобство ко спасению, чтобы во всем себя обвинять, а не других, да удостоит Господь и мне по этому пути шествовать неуклонно. Вы извещаете меня о том, что Вы часто сходитесь с сестрою Маргаритою для духовного утешения, это меня радует. Тем более что Вы ближайшие родные незабвенных и любезнейших моих бывших друзей, покойных Василия Максимовича, Иосифа Максимовича и утешного отца Нектария. Сладкая память дружбы моей с ними живет в сердце моем, которая с приятностью возобновилась при чтении вашего письма. О, если бы Господь удостоил нас и в вечности вкупе с ними прославить Его. До получения Вашего письма, я не знал, что Вы перешли в другой монастырь, а лишение любимого вами монастыря Вы приписываете правосудию Божию, праведно попустившему быть этому. Боголюбивейшая матушка, повторяю искренно, что такое Ваше рассуждение, или лучше сказать чувство, не только утешило меня, но и удивило. Ибо в нынешнее время редко можно слышать даже и у нас на Св. горе, подобные рассуждения, а более слышны порицания друг друга, а не поиск причин этому во грехах.

Извещаю Вас, недавно мы получили подарки Ваши. За это обитель благодарит Вас. Был ли у вас иеромонах наш отец Макарий, которого я просил, если он будет в вашем монастыре, то чтобы за благословение дал бы Вам некоторые святогорские вещицы.

При этом приветствую и Вас, преподобная Матушка Рафаила с высот Священного Афона, в пустынной келлии

Святых Печерских, где временно проживаю пять дней в недели, для поправления слабого моего здоровья пользуюсь нагорным воздухом и отчасти безмолвием. Монашеским поклоном прошу Вас передать земной мой поклон и благословение знающим меня, в том числе и монахине Медведкиной-Бирючинской. Простите и благословите. Прося Ваших молитв остаюсь почитающий Вас грешный богомолец на Св. горе Афонской Русского монастыря Св. Пантелеимона. Русский духовник Иероним.

11-го июня 1868 года.

Афон. Келлия Святых Печерских (сгоревшая) (ныне ближняя Георгиевская).

†

Достоуважаемая Матушка Палладия! Христос посреди нас!

Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо через о. Мартирия, который прибыл на Афон 15 июня, но я с ним еще не виделся.

Благодарю Вас за память обо мне. Желаемую Вами икону постараюсь при Божией помощи прислать вам. А карточку мою при этом письме прилагаю Вам.

Правда, Ваши искушения, многие и разные, малые и великие, окружают нас и постигают, и тревожат и мучат, а заступающего нет из людей или помогающего, кроме Бога. Он Един всесилен и не оставляет уповающих на милость Его.

Боголюбезной матушке Рафаиле мой поклон. При этом чувствительно вспомнулась дружба моя с о. Нектарием и с незабвенным моим Василием Максимовичем. Простите, что я не мог пред Вами утаить моей слабости. Старых друзей не могу забыть.

Очень жалею, что не имею возможности чем-либо более утешить Вас, только молю Господа, да Он Им же ведомыми путями утешит Вас. Прошу передать мой поклон знающим меня, а более того прошу молиться за меня грешного, поручаю себя Вашим св. молитвам. За тем остаюсь всегда помнящий Вас, недостойно живущий на Св. Афоне.

Иеромонах Иероним.

17 июня 1868 года. Афон, м. Русик.

†

В настоящее время казначея, возлюбленнейшая о Господе моя племянница и духовное чадо!

Мир тебе и спасение Божие.

Ты опечалилась, что я в одном письме к м. Маргарите не приветствовал тебя обычным приветствием, и сочла за знак моего негодования на тебя за то, что ты часто отлучаешься из монастыря. Нет, чадо Христово, ты ошиблась во мнении твоём, ибо я уверен, что ты без нужды не оставишь монастыря своего. И мне ли тебя возненавидеть? Как это можно? Сохрани Боже от этого. И это случилось, когда просто я подумал, что в это время ты была в Острожке, а потому и не упомянул о тебе в том письме моем. Прошу тебя простить мне эту ошибку.

Чадо христово Анна, Бог весть как я люблю вас, и чего бы я ни сделал для вас, если бы только имел средства, и возможность. От сих молю тебя, не сетуй на меня, ибо твоё оскорбление и слезы чувствительно тронули моё сердце любящее вас. Мои дорогие, вы и до этого времени ещё не уверены в моей искренней родственной любви к вам. Мать Маргарита передала тебе 50 р. Часть употреби на постройку кельи, а после этого, если Бог даст, ещё пришлю тебе, что Бог возвестит. Прости, молись за меня, милость Божия да пребудет с тобою во веки. Передай мой поклон старице Ксении, и благословение м. Евпроксии. За тем остаюсь любящий и помнящий вас грешный ваш дядя.

И. Иероним.

Для утешения духовного приложил при этом карточку, снятую в приезд к нам архиерея Русского Александра, по его желанию.

1-го апреля 1869 года. Афон.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтенная мать игуменья Максимилла!

Благословение Божие и Пресвятой Богоматери и честного Ее жребия – Святой Горы Афонской да будет с Вами и со всею честной обителью Вашей!

Сестра моя мать Маргарита и мать Иеронима в письмах своих ко мне, извещая меня о всеобщем свободном избрании Вас обителью Вашей в высокую должность игумены, при этом просили меня написать Вам что-либо в утешение духовное, так как Вы, руководясь благодатным чувством смиренномудрия, скорбите и плачете по причине возложенной на Вас очень ответственной должности настоятельской. Хотя я не имею дарования духовного утешать других в скорбях их, но усердное прошение любимых моих заставило меня, как бы в виде послушания, им сделать то, что вовсе есть сверх сил моих. Прошу не счесть это за набор только слов: я действительно таков – словом, невежа. У нас Утешитель в собственном смысле один только Бог, а потому написанному слову дать утешительную силу принадлежит Ему одному – Ему и молимся. Сам Он да утешит Вас во всякое время, к тому потребное, и, наконец, вечным утешением.

Итак, высокопочтенная мать, мне-то что же остается написать вам в утешение Ваше духовное? Вы скорбите и плачете, боясь великой ответственности пред Богом за должность настоятельскую; я вполне разделяю с Вами эти страшные чувства, ибо они и меня нередко терзают. Правда, есть о чем скорбеть и плакать, ибо сказано: *Ему же много дано, много и взыщется от него* (ср.: Лк.12:48). Для немощных это громовые слова. Но что ж нам, в таком случае, надобно делать? Уклониться от креста искусно – беда, ослушаться – еще того хуже, потому что мы твердо и хорошо знаем, что это – смерть душевная, начало и конец гибели рода человеческого.

В таковых случаях святые отцы в писаниях своих советуют так поступать: подражать Самому Господу Иисусу Христу, Который сказал: *«Якоже Аз сотворих, и Вы такожде творите»* (ср.: Ин.13:34). *Более сея любви нет, да кто положит душу свою за други своя* (ср.: Ин.15:13). Так и мы, когда будем постоянно помнить, что собственное наше спасение и усовершенствование души нашей находятся в искании пользы для других, а не для себя самих, то есть жить для пользы других. Тогда от свидетельства доброй совести часто будем чувствовать разные духовные удовольствия или утешения в

самих себе. А что другие говорят, что будто бы в должности настоятельской находящийся человек не получает таких высоких даров от Бога, как свободный получает, то этому не должно верить. Священное Писание нам показало, что начальствующим ниспосылаются от Бога особые великие дарования Божии. Разумеется, если они живут по совести. Поэтому и нам, принявшим от Бога настоятельскую должность, не должно предаваться безвыходной печали по причине трудности исправления ее и своих собственных немощей, но во всем предаваться Тому, Который сказал, что без *Мене не можете творити ничесоже* (Ин.15:5). К этому, по опыту святых отцов, необходимым оказывается настоятелю иметь при себе верного друга – духовного советника, беспристрастного, рассудительного, а где этого нет, там и правление душами бывает бедственно.

В знак памяти и благословения от Святой Горы и от нашей обители я посылаю вам святую икону Божией Матери «Иерусалимскую», список с чудотворной, писанный на мраморной доске. Примите сию святую икону, препровождаемую к Вам от искреннего моего расположения и благожелания Вам получения от Господа всех благ даров Святого Духа, полезных для жизни временной и вечной, и укрепления в подвигах настоятельских, в приобретении в избытке плодов духовных для славы Божией и пользы чад ваших духовных. И да будет Вам благодатью Господа нашего Иисуса Христа ради молитв Пресвятой Богородицы и святого великомученика Пантелеимона. За тем, поручая себя Вашим святым молитвам, остаюсь Ваш грешный богомолец иеросхимонах Иероним.

1869 года, июля 17-го дня.

†

Богоутешаемая сестра, матушка Маргарита! Мир тебе и спасение Божие! Извещаю тебя, что я получил твое письмо, и замечу тебе, что ты, кажется, поспешила очень скоро отказаться от твоей должности. Надо было если не год, то, по крайней мере, полгода повременить, пока новая игуменья попривыкла бы к должности, но, впрочем, ты хорошо сделала, что

обещалась помогать ей, и помогай, чем только можешь. Матушке игуменье при этой почте я посылаю письмо и икону Божией Матери «Иерусалимской», писанную на мраморной доске. Матушке Иерониме пишу, чтобы она не скорбела об избрании ее в казначеи. О прочем я писал тебе. В Старый Оскол я послал иконы для нашей церкви и мощи святого Пантелеимона. Портрет мой, с крестом снятый и с архимандритом, послан к тебе. За тем Господь со всеми вами, и милость, и благословение. Остаюсь помнящий вас Духовник Иероним.

1870 года, февраля 6-го дня.

†

Богоутешаемая сестра, матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие!

Получил твое письмо, посланное от 4-го марта, в коем ты извещаешь о благополучном получении моего письма, и просишь у меня прощения в несправедном твоём сделанном мне выговоре. Бог да простит тебе этот грех, и я прощаю. Благодарю Господа, что ты успокоилась, и желаешь остаток дней своих провести в удалении от многотрудных попечений начальницы, за которые и ответ на Суде Божиим велик потребуется.

Скоропослушница празднуется 9-го ноября. У нас есть Ей служба печатная; я пришлю вам ее вместе с другими вещами, которые ты просила, чтобы я прислал тебе. И Евпраксии икону, если Бог даст, пришлю. Благодарю тебя, что ты придерживаешься мирного духа Марионилы. Господь Сам умиротворит ее. Я и ей написал изречение св. Апостола: *«Аще возможно, еже от вас со всеми мир имейте, никто же узрит Господа»* (ср.: Рим. 12:18). Слово это страшное, а потому нам и очень нужно понуждать себя, чтоб ко всем быть в мирном расположении нашего духа. Что благоприятно Господу.

В настоящее время у нас гостят господа Сушкины, отца Макария брат Петр Иванович с сыночком, и племянник его, Василия Ивановича сын. После Пасхи отправятся в Иерусалим.

Скажи поклон от меня нашим племянницам. Поручаю вас и себя милости Божией, и Покрову Богоматери, и святым

молитвам св. Пантелеимона, остаюсь твой брат и грешный богомолец, Духовник Иероним.

При этом приложено 50 с.р.

От 28 марта 1870 г. Афон.

†

[К ней же]

Полученное мною твое письмо причинило мне и утешение и вместе скорбь. Смиренномудрие твое утешило меня, а сомнение твое в моем к тебе расположении и любви опечалило меня. Хотя и привык я к несправедливым твоим упрекам, но мне жаль тебя, что ты понапрасну страдаешь, принимая вражьи прилоги. А сон твой, если поверить ему, то он предвещает тебе если и скорби, то, во всяком случае, не через меня, то есть не от моего действия, а может быть, с другой стороны или по причине смерти моей, потому что я здоровьем слаб стал и думаю, что скоро умру, и тогда, разумеется, тебе будет скорбно. Ублажаю тебя, что ты смиряешься, и радуюсь этому. А что ты написала, что потерпим и Бог возвестит старцам, на чьей стороне правда, это сбудется скоро и со мною и с тобою, и тебе возвестится, что ты по вражескому внушению заподозрила меня в охлаждении к тебе. Увы нашему непостоянству или малодушию! Если ты побеждаешь благим злое, то ты и здесь прославишься, и в вечности. Пусть злословят нас, пусть поносят, пусть клеветуют, лишь бы мы не воздавали им тем же, а без этого и спастись невозможно. Так надобно этому быть, чтобы нашими немощами нас же и совершенствовать. А без этого мы и не познаем себя самих; если не уничим себя, то не можем и смириться, а если не смиримся, то и не спасемся. Это верно, да очень трудно, а без помощи Божией и вовсе невозможно, но просите, говорит, и дастся вам.

Саломайдю не пускай в мир – это вредно для нее, а скажи ей, пусть она эти 30 рублей считает за тобою. Заочное мое благословение передай возлюбленным нашим племянницам и поклон нашим Хвостовым и Тихоновым. Молю тебя, моя дорогая, не гневайся на меня за Мариониллу, если я не утешаю ее, то польза вам. Ты должна быть уверена, что я не могу ничего писать ей вредного для тебя, но если она не исполняет

моих советов, то Сам Бог поправит ее, как Сам знает, а наше дело – врагов любить и клянущих благословлять. Григорий писал, что Михаил хочет побывать на Афоне.

Прости, молись за меня. За нездоровьем не выхожу из кельи. Господь с тобою и со всеми вами. Остаюсь любящий тебя брат твой Духовник Иероним.

1870 год.

†

Христос Воскресе! Боголюбезная матушка Палладия!

Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо, в коем Вы выразили скорбные чувства благочестивого Вашего духа о современных печальных обстоятельствах, окружающих Вас, и о Ваших немощах, и о лишении тишины, к тому же и о тяжком кресте ежедневном, претерпеваемом Вами через сожительство с родною сестрою. Простите меня, достоуважаемая мною мать, если эти Ваши скорби, претерпеваемые Вами благодушно, очень ободрили мой унылый дух, что Вы, вися на кресте, еще алкаете и жаждете праведности, да этот истинный путь монашеский, чтобы во всем видеть и чувствовать себя недостаточным, и только утешать и ободрять себя упованием на милость Божию. Что Вам сказать о нашей тишине, я не имею ее, и давно, а вместо ее у нас в попечении польза ближнего, которую Закон обязывает нас искать, и только ее одну. В том поставляется и усовершенствование наше. Благодарю Вас, что Вы помните меня недостойного. И мы поминаем Вас. Прошу передать мой заочный поклон честнейшей матушке Рафаиле. Простите, прошу молиться за меня грешного. Остаюсь помнящий Вас на Св. Горе грешный ваш богомолец иеросхимонах Иероним.

16 мая 1870 года Афон, Русик.

†

Боголюбивая и Им спасаемая и утешаемая любезная моя сестра, матушка Маргарита! Мир тебе, благословение и спасение Божие!

Получил твое письмо, в коем ты извещаешь меня о получении моих писем. Благодарение Господу, что ты получила их исправно. О племянницах я писал к тебе, что следовало.

Григорий, говорят, исправился, дай Бог. Но они не по-моему распорядились насчет покупки квитанции: наняли какого-то наемщика, истратили до 350 рублей и ничего не сделали, а лучше бы было сделать по моему совету, купить квитанцию и успокоиться. Но Сам Бог да благоустроит их, а я уж более об этом деле толковать с ними не буду. Деньги за плащаницу вы получите из Тулы.

При этом прилагаю на нужды твои 50 рублей. Прошу передать заочно мое благословение племянникам нашим и прочим знающим меня. За тем, поручив себя и вас милости Божией и покрову Божией Матери, остаюсь ваш грешный богомолец

1870 года июня 5-го дня

Святая Гора Афон. Монастырь Руссик.

†

Высокопреподобнейшая матушка Маргарита!

Любезная сестра!

Христос Воскресе!

Получил твои письма, благодарю за уведомление, а более за радостные твои чувства, и за живую твою память обо мне. О, Маргарита, Маргарита, твои письма приносят мне утешение. Да удостоит тебя Господь и в духовном смысле быть для Него Маргаритою, т. е. Жемчужиною.

Праздник Св. Пасхи мы праздновали благополучно. Отца Флавиана посылаем в Москву в часовню на послушание. Он заедет к вам и расскажет вам обо всем нашем житии.

Матушке Лидии кланяюсь. И прочим знающим меня. Отец игумен кланяется вам. За тем, поручая вас и себя милости Божией, остаюсь ваш брат, Духовник Иероним.

От 1-го мая г. Афон.

†

Боголюбивая матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное тобою от 21 февраля. Слава Богу, ради ваших молитв, здоровье мое поправляется, и все отцы спасаются; о. архимандрит кланяется тебе. Из Питера пишут нам, что часы посланы к вам,

и что, вероятно, они к Пасхе прибудут к вам. Для установки их пригласите часового мастера, а может быть, у вас есть знающая это дело сестра, и та может поставить их. Ибо это дело немудреное, каждый часовой мастер может это дело сделать. Как это у вас сделается, о том известите нас.

На сей год о. Иоанникий остался в монастыре. Заказные иконы посланы к вам. Прочее, что нужно, со временем пошлем вам.

За тем, поручая вас и себя милости Божией, с пожеланием дожидаться Светлого Христова Воскресения и достойно в угождении Богу отпраздновать, приветствую матушку Лидию и прочих. Остаюсь помнящий вас, брат ваш, Духовник Иероним.

†

Любезная сестра!

Я никогда не поллюбопытствовал узнать от тебя, по какой форме исповедуются ваши монахини и сестры. Ибо опыт показывает, что очень немногие знают, как надобно пред духовником исповедоваться, хотя и напечатана форма Генеральной исповеди, но мало кто знает ее, и она очень велика, а потому и не для всякого потребна.

А потому вам хорошо бы было для общества составить краткую общую форму, подобную нашей, сообразную вашим обстоятельствам или образу вашей жизни. Что было бы очень душеполезно. Но не иначе, как с благословения вашего Владыки.

Мне желательно знать, как часто приобщаются у вашей обители монахини и сестры. Я даже не знаю и о тебе, как ты приобщаешься? В неделю один раз или два раза? Что всего нужнее для души, о том и мало пишем. Ничего более так не пользует нас в нашей жизни – это частая исповедь, и приобщение Св. Таин. Потому принуждай твоих сестер к частому приобщению. С начала они будут от этого дичиться, и ужасаться, а когда попривыкнут и ощутят от этого великое ободрение и утешение сладкое, тогда и сами будут желать почаще приобщаться. Так было и у нас. Сперва наши боялись приобщать раз в месяц, а теперь приобщаются каждую неделю, а постарше – три раза в неделю, и с радостью; а послушники –

через две недели, а в посты и они раз в неделю. Все, что написано пр. Макарием Египетским, как враги борются с монахами, тоже повторяется и с нами. А потому нужно и нам внимать себе, дабы во время службы Божией не было бы нам каких-либо прилогов вражьих, и тем не опорочить бы служения нашего Богу.

†

Богоутешаемая сестра, матушка Маргарита!

Благословение Божие да пребудет с тобою!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо. Прошу тебя поговорить с матушкою игуменьей вот о чем. Меня просил один русский чиновник, консул, что нельзя ли в вашем монастыре пожить его жене один год для опыта, ибо они бездетные и желают быть монахами оба, и если ей понравится у вас, то она и совсем останется у вас; она, говорят, очень добрая женщина. Этот консул живет в Солуни, он наш приятель, и когда узнал, что у меня есть сестра в монастыре, то он просил меня, чтобы написать к тебе о его жене. Может быть, ей у вас и понравится. Он определяет ей на содержание 300 рублей серебром. Прошу тебя, по получении этого письма не медли известить нас; он теперь гостит у нас до марта. Возпроси матушку игуменью, и что она скажет об этом, то и напиши мне.

У нас, слава Богу, все благополучно. Передай мой поклон Анне и прочим. Остаюсь твой грешный брат духовник Иероним 1871 года, ноября 27-го дня. Святой Афон. Монастырь Руссик.

†

Преподобнейшая матушка Палладия и матушка Рафаила!

Мир вам и спасение Божие!

Имел утешение получить ваше письмо, оно утешило меня воспоминанием сладких моему сердцу имен друзей моей юности. О заказе двух плащаниц: я писал вам, не потому чтобы в них имелась нужда, а единственно для того, чтобы предоставить вам некоторую пользу. И просил, чтобы работа и материал были гораздо ниже прежних. А если это вам неудобно или не выгодно, то прошу не стесняться и прямо сказать мне, что для вас эта работа не полезна. Вы сделали хорошо, что ясно написали: что по сто рублей такая работа не выгодна для

вас. Но я не такой работы заказывал, а гораздо ниже прежней. Лишь бы слова были по-гречески сделаны. И так если это для вас не выгодно, то передайте об этом м. Маргарите. При этом прилагаю вам милостыню на ваши нужды 25 с.р. Прошу молиться за нас. За тем остаюсь, желающий вам спасения и здоровья. Помнящий вас, на Афоне Д. Иероним. Афон.

Русик. 1873 декабря 22.

†

Боголюбивые матушки Палладия и Рафаила!

Приимите, Бога ради, прилагаемую при этом вам милостыню и помолитесь, дабы Господь даровал благополучно нам отделиться от греков, ибо они очень стали притеснять нас. А мы просим патриарха, чтобы он дал нам особое место для постройки нам своего, русского монастыря, но еще не знаем, что Бог даст нам, а трудно стало жить с ними.

Простите и помолитесь о помощи нашему делу. Затем остаюсь благоговеющий к вам Духовник Иероним.

1874 года, июля 15-го дня.

†

Боголюбивая Матушка Маргарита!

Господь да благословит тебя. Получил твое письмо, благодарю за успокоительное твое извещение. Плащаница еще не получена. Да поможет тебе Господь во всем. Я в настоящее время страдаю от Лихорадки, но теперь стало мне лучше. Прилагаю при этом 50 с.р. для уплаты за Плащаницу.

У нас с греками началось беспокойство, и кажется, что мы от них отделимся. Ибо начали притеснять нас, но во всем да будет воля Божия. Прости, молись за болящего Иеронима. Д. Иероним.

19 февраля 1874 года.

†

В настоящее время казначея, мон. Лидия!

О Господе Возлюбленнейшее мое духовное чадо, преподобнейшая матушка Лидия! Благословение Божие и мое отеческое с тобою во веки!

Извещаю тебя, что я послал с Василием Дорофеевичем Гонским во благословение и духовное утешение тебе святыню –

крест, в котором вложены частицы святых мощей, и прошу тебя по получении известить меня об этом. Я давно желал утешить тебя подарком священным, и вот Бог послал верный случай для исполнения моего желания, и я им воспользовался. А это случилось до получения письма от матушки Маргариты, в котором она написала мне, что ты по прочтении письма моего (в коем я не написал тебе поклона и благословения) плакала и говорила, что я забыл тебя. А вот, видишь ли, это попущено на пользу нам, чтобы мы и малые случаи приписывали бы Промыслу Божию, Который отечески нежно печется о нашем спасении. Теперь, я думаю, ты уже не будешь более помышлять, что я мало помню тебя. А к этому я еще спрошу тебя, моя дорогая и незабвенная, кого же мне более помнить из земных, как не тех, которые мне вдвойне родные – и по духу и по телу? Но иногда случается, что я очень поспешаю писать к матушке и самые краткие письма и при том думаю, что она такого ничтожного письма и не покажет тебе. А если это делается иначе, что она показывает тебе каждое мое письмо, в таком случае я уже буду впредь, если Бог поможет, в каждом моем письме поминать и тебя, как благоговеющую к моему грешному благословию. Я уверен, что ты помнишь меня и молишься обо мне.

За тем, поручая тебя и себя великой милости Божией, остаюсь всегда помнящий тебя на Святой Горе твой дядя, слабый и дряхлый Иероним.

Прошу передать уважаемым мною старицам Палладии и Рафаиле мой поклон, и Тихоновым.

24 января 1875 год. Афон, Русик.

†

[К матушке Лидии] П

реподобнейшая матушка Лидия! Благословение Божие и наше отеческое да пребудет с тобою вовеки!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное из Острогжска, и заметил содержание его. Я писал вам от 25 апреля и другое от 18 июня, и на эти письма я не получил от вас ответа. А на прежние мои письма, которые я писал вам зимою, в феврале, на те я получил от вас ответ, что вы

получили их исправно, а эти последние два письма, надобно полагать, похищены. Что делать? Терпение! В такое время смутное нечему удивляться. Хотя у нас, на Афоне, и спокойно, но вдали за Афоном – война и многое смущение. Долго ли это продлится, один Бог весть. В таких обстоятельствах с этого времени я буду посылать вам письма страховыми, этак будет вернее.

Здоровье мое за ваши молитвы теперь хорошо, только от старости слабею; впрочем, в церковь еще хожу и братию исповедую.

Матери Маргарите напиши, чтобы она удержала деньги за икону святого Георгия на свои нужды. Доски кипарисные для престола я послал ей, также и ладану; впрочем, я и сам напишу ей об этом. Благословенной моей дочери Марии Ильиничне скажи, что я помню ее, день и ночь поминаю и молюсь о спасении ее и чад ее. Анне Ильиничне скажи вот что: как она постится, пусть так и трудится для спасения своего, это хорошо, и благословенно ей это дело. Да укрепит ее Господь. Приветствуй ее от меня, помнящего и любящего вас.

Духовник Иероним.

3 июля 1876 года

Монастырь Русик на святом Афоне.

†

Преподобнейшая матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение и всем сестрам вашим!

Наконец, слава и благодарение Богу, и нам Он даровал мир, хотя и много мы претерпели страшных клевет и угроз, но от всех зол и бед нас покрыл Господь ради молитв Матери Божией и святого Пантелеимона. Теперь как война прошла, то мы опять попрежнему можем иметь переписку. Я посылал тебе письмо, ответ на твое, но не получил на него ответа; вероятно, и твое письмо было перехвачено правительством, потому что все наши письма задерживали и читали, некоторые возвращены нам, а прочие пропали. Прошу тебя, по получении этого письма поспеши известить меня о себе и о твоих обстоятельствах, а мое здоровье хотя и слабое, но, слава Богу, еще хожу в церковь и братию исповедую.

Новый наш монастырь на Кавказе разорили, думаем строить снова, на другом месте, дальше от моря, или на Кубани, там обещали дать нам 1000 десятин земли. Отец Арсений наш хлопочет теперь об этом деле.

Теперь хотя и прошла война, но мы еще не знаем, как будем жить на Афоне, ибо греки нас не любят и во всем стараются притеснять русских. Но Божия Матерь покрывает нас, и турки не притесняют нас. Теперь хотим послать в Россию корабль за хлебом и рыбою.

Зима у нас на Афоне была средняя; снег выпадал, но скоро таял внизу, около моря, а повыше снег пролежал недели три. А у нас розы цвели до Рождества, а нарциссы и гиацинты цвели во всю зиму. Миндальные деревья цветут с января. И так мы, благодаря Бога, во время войны большой нужды в пропитании не имели, хотя и денег у нас не было запасено, но греки за хорошие проценты давали нам займы. Таким образом, мы могли и всем бедным раздавать хлеб, которые приходят по воскресеньям человек по двести. Во всем Господь нас удовлетворил, за нами благодарность. Много и премного Господь в эту войну оказал нам Свой дивный покров и во всем помощь, и мы не знаем, как и благодарить Его и Его Пресвятую Матерь, и святого Пантелеимона.

Просим вас молиться за нас. Отец Макарий посылает вам свой поклон.

Кланяюсь матушке Лидии. Прошу передать мой поклон матери Палладии, и Рафаиле, и старицам Тихоновым, и прочим знающим меня. Это письмо я пишу ввечеру под твой старый или первый Ангел святой Евдокии, с коим и поздравляю тебя, ибо нам не должно забывать святого Ангела крещенского, а ему надо праздновать, хотя и не телесно. За тем, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь всегда помнящий брат ваш Духовник Иероним.

1878 года, марта 1-го дня.

†

Высокопреподобнейшая матушка игуменья, любезнейшая сестра Маргарита! Воистину воскрес!

И я, немощный, удостоился так отвечать на полученное мною твое письмо прежде святой Пасхи, принесшее мне ангельскую весть: Христос воскрес, потому что письмо твое получено на Вербное, и вот я поспешаю написать вам ответ на ваше желание тоже вперед святой Пасхи, ибо пароход придет завтра, то есть в Великую среду. Приимите и второе мое поздравление с великим и торжественным праздником всерадостного Воскресения Христова, да дарует Он вам встретить и провести праздничные дни сии во благоугождении ему.

Радуюсь, что вы живы и здоровы. Слава Богу, что заказные получены исправно. При этом письме посылаем вам ящик книжечек малых, 370 штук, и одни четки хорошие, сердоликовые, как ты и просила, и еще десять четок померанцевых, или оранжевых, из молодых плодов, одни четки из каменной соли, одни перламутровые, одни тисненные, двое сердоликовых мелких, и три фунта ладану. Хорошо, что ты написала о дочери брата Александра Никифоровича. Я его очень любил, и прошу тебя, помогай ей. А ее я не разобрал. Кажется, Ольдемира, но в святцах я не нашел этого имени.

Матушку Лидию благодарю за чулки, кстати они пришлись, ибо в это время у меня нога болела и такие чулки требовались, а здесь таковых ни за что не найдешь, и за закладки тоже благодарим, они служат для воспоминания о вас.

Прошу передать моим незабвенным мой поклон и поздравление: матушке Лидии, матушкам Палладии, Рафаиле, матушкам Раине, Анфии, слепой Ольдемире и всем знающим меня.

За тем остаюсь любящий и помнящий вас на Святом Афоне грешный Духовник Иероним.

Отец архимандрит помнит вас и всегда поминает в служениях своих и теперь кланяется вам и просит ваших молитв.

Отец Иоанникий (бывший Кузмичев) отправился в Россию по послушанию.

Мне что-то пришло на мысль узнать, какие есть в вашей обители частицы святых мощей женских лиц, ибо некоторые у

нас имеются и можно из них подарить вашей обители; впрочем, это я отдаю на твое старческое рассуждение – если это послужит во славу Божию, то и да устроит так Господь. Ты помнишь, что твоя старица просила у меня святых мощей, но я ей отказал, а только послал вам малые частицы. Если это Богу угодно, то, пока я жив, могу вас и всю обитель вашу утешить сим духовным утешением.

1879 года, марта 18-го дня.

†

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твои письма, в коих ты объясняешь твои или ваши нужды и недостаток насущного хлеба для ваших нищих. Что сказать тебе на это в утешение? Слово Божие говорит: *Щедр и милостив Господь, пищу даде боящимся Его* (ср.: Пс.110:5). Вероятно, даст и вам известными Ему путями. О часах я не знаю, что сказать тебе. Это вещь многоценная, обаче верующему вся возможно (ср.: Мк.9:23), сказал Господь; если это для вас полезно, то Бог пошлет это вам. Терпите и веруйте, а там что Господь даст.

Здоровье мое поправляется, а скорбей и у нас вдоволь. За все слава Богу. Духовник Иероним.

†

[К ней же]

Получил твои письма, и все ваши посылки мы получили. Верно, что было писано, то все мы получили и благодарим за них, и все те благодарят, кому было прислано. Благодарю за портрет. Прошу тебя поблагодарить за нас тех, которые прислали нам от своего усердия разные вещи, особенно чудесные закладки для Евангелий, шапочки, чулки и прочее. Утешь их нашим поклоном и памятью о них в обители. Слава Богу за все и за то, что ты сострадаешь страждущим. Много есть у тебя скорбей, но от всех их избавит тебя Господь, ибо Он наша надежда.

Наш монах Алоний просит тебя обратить внимание на его сестру.

Духовник Иероним.

†

Высокопреподобнейшая матушка, любезная сестра Маргарита!

Здравствуй о Господе, и спасайся со всеми твоими духовными чадами. Извещаю тебя, что я получил твои письма, и содержание их заметил, надеюсь, что посланные к тебе вещи вы скоро получите, потому что они посланы с нашим судном на Таганрог. Теперь буду писать к тебе об одном деле духовном, которое касается твоего монастыря, а именно: податель этого письма, Иван Петрович Кожевников, житель города Старого Оскола, слободы Казацкой. Он имеет намерение свое семейство определить в вашем монастыре, для этого он имеет состояние обеспечить их. Потому, бывши у нас, просил меня, чтобы я об этом написал к тебе, и попросил бы тебя, чтобы ты обратила на них свое внимание, и со своей стороны помогла бы им и словом и делом. О чем я и прошу тебя и верую, что Бог поможет вам в этом благоугодном ему деле. А сам он хочет поселиться у нас на Афоне. И если есть на это воля Божия, то Господь во всем поможет нам. На славу Свою, и да будет это по великой милости Его. За молитвы Всепетой. Остаюсь всегда помнящий вас. Твой Брат. Духовник Иероним.

У нас в обители есть один монах певчий, родом из Михайловки, у него есть две дочери, живут в монастыре в Камне-Подольской губернии. Монастырь тот очень бедный, и игуменья посылает их за сбором, а они еще молоды. То они просили дядей своих иеромонахов Афонских, чтобы они постарались перевести их в другой монастырь, чтобы их не посылали за сбором, и эти иеромонахи, мои духовные дети, просили меня, чтобы я попросил тебя об этом. Нельзя ли будет тебе принять их в вашу обитель. Я дал им обещание написать к тебе об этом деле. Если это возможно, то я прошу тебя об этом, по этому делу отправляется в Россию иеромонах Модест с паспортом своим мирским, по которому он называется Моисей Кравцов. Он будет в вашем монастыре и с тобою посоветуется, как это сделать полезнее. У вас ли их поместить или куда в общежитие. Они люди молодые и здоровые, способные и к клиросу. Впрочем, Сам Господь да просветит и устроит вас по воле Его Святой.

Духовник Иероним. 24 августа 1879 г. Афон, Русик.

Посылаю особое письмо заказное с вложением, для слепой, передай ей, хотя бы по частям.

†

Любезная сестра, матушка Маргарита! С братом Иваном Фомичом я посылаю вам кое-что, по получении от него прошу меня о том уведомить, о житье-бытье нашем он передаст вам подробно устно. Отца Флавиана постригли в иеродиакона. Остаюсь твой брат, Д. Иероним.

5 января 1880 г.

†

[К ней же] Получил твои письма и спешу ответить тебе на оные. И очень я жалею о лишении вашем такого доброго вашего пастыря, который всегда вас утешал в скорбях ваших, и наставлял на путь евангельский, и сочувствовал вам во всех нуждах ваших. Это ныне редкость, но любящим Бога сказано, вся споспешествуют во благое (ср.: Рим. 8:28). Правда, такие перемены бывают очень тяжки.

Прочитал я и стихи ваших питомиц, все это хорошо – с этой стороны Бог утешил тебя в день твоего крещенского Ангела; и я в этот день вспомнил тебя и пожелал тебе в Божием благоволении пребывать навсегда, и здесь, и в вечности. И да будет тебе за благодать Господа нашего и молитвы Его Пресвятой Матери.

Вот приближается великий праздник светлого Воскресения Господня, с которым и поздравляю тебя и всех вас.

Отец Иоанникий обещался заехать к вам, от него вы узнаете о нашем житии подробно, и я с ним кое-что послал вам. Известите меня, был ли он у вас. Ивану Петровичу Кожевникову я писал; мы ожидаем его. Николай Андреев живет спокойно. Этого лета ожидаю к себе братьев Ивана Марковича и Ивана Фомича. У нас зима была холодная и снежная. В новый монастырь на Кавказе теперь посылаем монахов для построения и для жития. Говорят, место очень хорошее, подобно Афону. Затрудняемся в избрании туда настоятеля; назначили было отца Малахию, но он болен. Детский приют со школою нам приказано сделать на Кавказе.

Хорошо, что вы получили посылки для раздачи детям. О Евлампии я уже писал к тебе. Если Бог даст, то надо бы и Олимпиаду, супругу Фомичеву, вам пристроить у себя. Я побаливаю, но еще двигаюсь, а уже очень стал слаб. Матери Агнии за посылку отвечали от монастыря. Матушке Лидии я послал с отцом Иоанникием розового масла; прошу о его получении меня уведомить. Еще что вам нужно, пишите. В Белгородском монастыре Балычева Матрена жива ли, и в Нежине кто есть в живых из наших родственников, и еще где есть, в каком монастыре из наших родных бывших? Неужели наша Анна Прилепина и умрет в мире? Разве нельзя ее вовсе пристроить в монастыре? От сестры Евгении Никаноровны Рудневой из города Купянска я получил письмо, просит прислать ей для двух ее детей иконы в благословение; скорбит, что муж ее без вести пропал вот уже шесть лет. Какой ее чудный крест! Сам Бог да поможет ей.

Прошу сказать от меня мое поздравление с приходящим праздником всем знающим меня: незабвенной моей матушке Лидии, матушке Анфии, матушкам Рафаиле, Раисе и прочим. Остаюсь помнящий вас, моих дорогих, расслабленный ваш богомолец Духовник Иероним.

Русик. 1880 года, марта 28-го дня.

†

Высокопреподобная матушка игуменья Маргарита, любезная сестра, Христос Воскресе!

Святую неделю мы отпраздновали благополучно. За все слава Богу! Святую Пасху у нас праздновал консул солунский господин Хитрово.

Вчера я получил твое письмо. Жалею, что отец Иоанникий не мог заехать к вам. Кожевникову мы послали свидетельство. Здоровье мое немного поправилось, я теперь хожу в церковь. Благодарю вас, что вы молитесь обо мне. Это меня радует, и я вас поминаю ежедневно. Для Ново-Афонского монастыря назначен на игуменство по жребию из пяти иеромонахов отец Иерон, который был у меня четыре года келейником; помолитесь о нем, да поможет ему Бог в этой должности благоугождать Ему.

Марья Ильинична писала мне, что ее дети занялись винокурением и потому редко ходят в церковь – это худо. Надо писать ей, чтобы она понуждала их почитать воскресные и великие праздники, а иначе они будут несчастны, да и надо поскорее женить их, а то они развратятся. Господь да спасет их. Итак, Анна не хочет с вами жить, эка дура какая! Надо о ней молиться.

Простите, мир вам Божий и спасение Его. Приветствую матушку Лидию и прочих. Остаюсь всегда помнящий вас на Афоне ваш брат Духовник Иероним.

1880 года, апреля 30-го дня.

†

Высокопреподобнейшая игуменья, матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие и чадам твоим.

Извещаю тебя, что я получил твои письма. Отец Флавиан прибыл к нам благополучно и передал нам о вашем житье-бытье подробно. Хорошо, что ты заботишься о постройке приюта для бедных и назвала его Пантелеимоновским, и я благодатью Божией всю мою жизнь заботился только о пользе ближних братьев наших и других. Отец Флавиан просил меня, чтобы я за келью его сестры уплатил тебе; напиши нам, сколько тебе за это надо прислать денег. Слава Богу, хорошо, что отец Иоанникий побывал у вас и утешил вас – все от Бога. Спаси тебя Господи за попечение об Анне Никитичне Соломенцевой. Весьма хорошо ты делаешь, что твоих келейниц обеспечиваешь, это богоугодное дело. Если Бог даст, то отца Флавиана скоро сделают иеромонахом и пошлют в Москву, тогда он опять будет иметь возможность помогать вам – только молитесь. Марье Ивановне ответили, что 60 рублей получены на вечное поминовение. Икону для игумений заказали написать. У Сушких впредь не проси ничего, потому что они много делают для нашей обители.

Мое здоровье хотя и очень слабо, но в церковь еще хожу. Много дел и хлопот у тебя и у нас, но все это для ближних, а потому и для Бога, и за это слава Ему и благодарение.

Итак, буди здрава и с матушкою Лидиею и со всеми твоими чадами. Извещаю тебя, что к нам прибыли два наших брата

Иоанна. Иван Маркович остается здесь поискать житье, а Иван Фомич возвратится домой; с ним кое-что присланное от вас мы получили и благодарим вас. Он хочет после Покрова отправиться в Россию, с ним я кое-что пришлю вам и тогда напишу вам особое письмо о вещах.

Верно, у вас письменная корреспонденция не развита с благотворительными христианами, потому что через письма вы не получаете присылки милостыни, потому что не просите и не пишете; а это я приписываю вашей недеятельности или лени. Надо собирать адреса благотворителей и, на волю Божию полагаясь, писать им и просить помощи, ибо у нас так собирается милостыня.

Отчего же вы не заботитесь об устройении в вашем монастыре богоугодного общежития? Разве у Бога мало средств помочь вам? Только просите с детскою верою, и дастся вам, ибо сказано: «Буди тебе по вере твоей» (ср.: [Мф.9:29](#)). Хотя ты уже и постарела, но для Бога это ничего не значит, для Него все возможно. Итак, дерзайте и не бойтесь, веруйте и действуйте и узрите славу Божию.

Приветствую матушку Лидию и всех знающих меня, пребываю помнящий вас брат ваш Духовник Иероним.

Хотели было отца Флавиана сделать иеромонахом, а он заболел лихорадкой. Этого лета у нас много было больных лихорадкой, хотя и легкой.

1880 года, сентября 20-го дня.

†

Боголюбивая матушка игуменья Маргарита!

Благодать Божия да хранит тебя и все общество твое.

Извещаю тебя, что я получил твои письма. Икону в Белгород послали. Отец Иоанникий возвратился из России. Отец Флавиан кланяется вам, его сделали иеромонахом, и скоро он пошлется в Москву. У нас в обители, слава Богу, все благополучно. Я при Божией помощи хожу еще в церковь. Отец Иоанникий скоро опять отправится в Россию, и вам пришлют рыбы. Родным монахиням я послал к празднику утешения понемногу. Отец Флавиан благодарит тебя за свою сестру. За тем кланяюсь матушке Лидии и прочим. Остаюсь помнящий вас.

10 марта 1881 года. Афон. Руссик.

†

Высокопреподобнейшая матушка игуменья Маргарита, любезная сестра! Христос воскрес!

Получил твои письма, благодарю за уведомление, а более за радостные твои чувства и за живую твою память обо мне. О, Маргарита, Маргарита, твои письма приносят мне утешение! Да удостоит тебя Господь и в духовном смысле быть для Него Маргаритою, то есть жемчужиною. Праздник святой Пасхи мы праздновали благополучно. Отца Флавиана посылаем в Москву, в часовню на послушание. Он заедет к вам и расскажет вам обо всем нашем житии.

Матушке Лидии кланяюсь и прочим знающим меня. Отец игумен кланяется вам. Затем, поручая вас и себя милости Божией, остаюсь ваш брат Духовник Иероним.

От 1 мая 1881 года. Гора Афон.

†

Высокопреподобнейшая игуменья, матушка Маргарита! Христос Воскресе!

Так как иеромонах Флавиан посылается на послушание в Москву, потому мы дали ему благословение заехать к вам, и это более для утешения общего, нашего и вашего. Он все объяснит вам о наших обстоятельствах, чтобы Вы имели о них сведение. Хорошо, что ты прислала нам для сведения приходы, или жалованье, от графа для содержания вашего монастыря – теперь мы видим, что вам нет средств для общежития. Это особый крест для вашей обители, ибо каждую нужда заставляет иметь попечение о содержании себя. Нечего сказать, только помощи Господи вам терпеть и нести крест свой благодушно, без ропота; разумеется, за все это награда большая будет на небеси. Но и в общежитии, если недостает средств к пропитанию, тоже бывает очень трудно. Я помню то время, когда мы имели много долгов с тяжкими процентами и не имели возможности дать бедным сухарей; ах, как это было тяжело, а все это было по Промыслу Божию.

Ты пишешь мне, что ты стала ослабевать в силах, а я вот едва хожу. Но тебе рано еще изнемогать, ибо ты гораздо

моложе меня. Еще мужайся, бодрись и других ободряй и утешай, как ты уже и творишь при помощи Божией. За все слава Богу, во всем помогающему вам. И нас утешило ваше чудное многих пострижение, ибо этого прежде не бывало, а потому и чудно и утешительно, и за это особенно дадим славу Богу.

У нас все благополучно, хотя и есть посторонние скорби чувствительные, но они не тягостны, да и необходимы, а то, пожалуй, без скорбей еще и возгордимся, а без здоровья и жизнь не мила.

На Кавказе монастырь начали строить, и я желал бы там умереть, так как это дело через меня началось. Но разве кости мои туда перевезут, потому что я теперь сделался почти недвижим, и вот дума за горами у меня, а смерть за плечами. Помолись, дабы Господь избавил меня от мечтательности. Вот и отец Макарий уже начал изнемогать в силах, особенно зрением, а день и ночь все пишет. Дел очень много, только во гробе успокоимся.

Отец Флавиан объяснит вам наши радости и скорби, за все слава Богу. И этого лета я приказал отцу Иоанникию прислать вам рыбки. Матушке Лидии мой поклон, и розовое масло, и ладан, и кое-что еще. Матушки мои, помолитесь за меня, да даст мне Господь христианскую кончину. За тем, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь всегда помнящий вас брат ваш Духовник Иероним.

1881 года, мая 2-го дня.

†

Высокопреподобнейшая матушка игуменья Маргарита!

Извещаю тебя, что я получил твои письма; замедлил ответом по причине моей болезни. Благодарю Бога о твоём здравии и благоустроении твоей обители. Утешай, утешай родных – это приятно Богу. Жалею, что ты прежде не написала мне о Пойминовых и о других. Мать Геронтия писала ко мне, она умная. За все слава Богу. Да укрепит тебя Господь в твоей многотрудной должности.

У нас были царские гости – великая княгиня Александра Петровна, но на берег не выходила, а все шесть дней была на

пароходе. После, в августе, нас посетил великий князь Константин Константинович, говел у нас и приобщался.

Мать Евлампию записали, и при этом прилагаем сестре ее письмо, и прочие твои желания при помощи Божией постараемся исполнить.

Прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии и прочим. Я болею; молитесь обо мне, да дарует мне Господь христианскую кончину. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь помнящий вас собрат ваш.

†

Мир тебе и спасение Божие со всеми твоими духовными чадами.

Извещаю тебя, что я получил твои письма и от борисовского Петра Иванова чулки и прочее. За эту память благодарим вас. Петр остался у нас. Ради молитв ваших Господь мое здоровье поправил, теперь опять хожу в церковь и занимаюсь делами. Иван Фомич с супругою собираются путешествовать в Иерусалим; он спрашивал меня, когда будет лучше отправляться туда. Я отвечал ему, что если они хотят быть в Иерусалиме на Пасху для получения святого огня, то надо двигаться с места в половине февраля – в таком случае они должны потерпеть от моря много скорбей и труда. А если они отправятся после Пасхи, тогда избавятся от морских бедствий и гораздо удобнее и легче совершат свое путешествие. Предложил им на их волю. Они обещались к вам заехать.

В нашей обители, слава Богу, все хорошо; братья постепенно умножается, умножаются и заботы начальствующих, но все Бог творит и во всем нам помогает; есть и скорби добрые, есть и утешения великие. За все слава Богу.

Получил я недавно письмо от крестницы Марии Ильиничны Дьяковой. Дети не слушаются ее, самовольно и тайно от нее бросили первую торговлю, и занялись винокурением, и обанкротились, впали в большие долги, и она, бедная, находится в печальном и тяжком состоянии; утешайте вы ее письмами вашими. Жадность к богатству молодых людей погубила. А из Старого Оскола и от наших я давно не получаю

писем, они сердятся на меня за обличение их. Михаил даже не написал мне, что у него померла жена, и не попросил меня, чтобы помянуть ее, – каков христианин! Увы, какое время настало!

Пиши мне чаще: я утешаюсь твоими письмами. Бог действует в тебе, Ему за то и слава, а тебе честь за сестролюбие твое и смирение. Матушку Лидию приветствую старческим моим поклоном. Поминаю я всех вас; уж как это Господь примет, не знаю. Он один это знает. Поручая себя вашим молитвам, остаюсь дряхлый старик, помнящий вас, моих дорогих, Духовник Иероним 1881 года, октября 23-го дня. Афон. Р.

†

Высокопреподобнейшая игуменья, матушка Маргарита, Христос Воскресе!

Извещаю вас, что я получил ваши письма пред святою Пасхою, на которые буду отвечать вам после, а теперь рекомендую вам нашего иеромонаха отца Илиодора, который имеет нужное дело: посоветоваться с вами насчет определения своей родительницы в ваш монастырь; о том и прошу вас – постараться исполнить наше желание. Содержание этой старицы будет зависеть от нас: монастырь наш обязуется ежегодно присылать для ее содержания 150 рублей. И как усмотрите удобнее, так и сделайте; может быть, окажется возможность определить ее с внучкою к какой-либо монахине или как Бог вам укажет. Это дело я возлагаю на ваше благоразумие, что при помощи Божией вы это дело устроите к успокоению наших чад. Отец Илиодор объяснит вам причину, побудившую нас побеспокоить вас нашею просьбою. Обо всем прочем житье-бытье и о здоровье передаст вам лично подробно отец Илиодор – о Господе возлюбленный наш духовный сын.

За тем, поручая себя вашим святым молитвам, остаюсь помнящий вас брат ваш Духовник Иероним.

1882 года, марта 30-го дня.

†

Преподобнейшая матушка Лидия, Христос воскрес!

Исполняя желание матушки, я пишу Вам в утешение радостное общее приветствие: Христос воскрес! И при этом прилагаю листочки, и затем да утешает Вас Святой Утешитель Дух Божий; с этими чувствами приветствую и сестер Ваших Марию и Анну. Затем, поручая вас и себя благодати Божией, остаюсь помнящий Вас, дорогих моих сродниц, Духовник Иероним.

30 марта 1882 года.

†

[К игуменьи Маргарите]

Здравствуй о Господе со всеми чадами твоими духовными.

Извещаю вас, что Иван Фомич прибыл к нам, о чем он пишет к вам подробно. Посылки ваши мы получили от него все – благодарим вас за оные. Иконы для вас закажем, а форм для стояния у нас нет готовых, да и дорога будет пересылка до вас, ибо они тяжелы, а лучше и дешевле будет сделать их у вас из ольхового леса. Картин пришлем вам, а книги посланы и прочее. Слава Богу за все: и скорби есть, и утешение есть. С Иваном Фомичом кое-что я пришлю тебе.

Молитесь за меня и за отца архимандрита – страдает глазами; помоги ему, Господи; он трудолюбивый и неусыпный. Теперь у нас братии более 800, все Бог управляет и собирает, Ему одному и слава подобает. Передайте наше благословение знающим нас. Затем остаюсь ваш брат Духовник Иероним.

1882 года, мая 12-го дня.

†

Высокопреподобнейшая матушка игуменьи Маргарита!

Здравствуй о Господе со всеми твоими духовными чадами!

Спешу известить вас, что вчера, в день Воздвижения Частного Креста Господня, волею Божией скончался наш собрат иеросхимонах Иероним (Гончаров); долго болел; прошу о нем молиться, ибо он был нам родной. Сделайте для бедных ваших трапезу. Деньги для этого пришлются вам из Одессы. Известите в Старый Оскол о его кончине родных его.

У нас, слава Богу, все благополучно. Я еще за ваши молитвы ползаю до церкви. Слабость от старости, пора уже и

умирать. Молитесь, да дарует мне Господь христианскую кончину. О прочем я буду писать вам после, если буду жив.

Бог милосердия и щедрот да поможет вам во всем благом и да спасет вас всех, Коему поручая вас и себя, остаюсь ожидающий исшествия из этого мира, а еще пока помнящий вас брат Ваш Духовник Иероним.

Прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии, и крестнице моей Марии, и племяннице Анне. Я радуюсь, что они живут вместе. Но и прочим помнящим нас я кланяюсь. Всех вас Бог да благословит вечным благословением.

От 15 сентября 1882 года.

†

Высокопреподобная матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие и всей обители твоей.

Податель этого письма Алексей Иванович Злобин жил у нас год, наш послушник, он имеет нужду посоветоваться с тобою о его дочери; прошу обратить на него внимание. Игнат Николаев не послушал меня, уехал в Россию, но обещался не беспокоить своих ничем; он непостоянный. Пошлите его на Кавказ, там его примут, я писал туда о нем.

Формы пришлем вам. Карточки и посылки ваши мы получили, благодарим вас. Но мы таких сапог не носим по климату. Рукоделие ваше подарим консулу, а для монахов в духовное утешение оно не идет. Всем приславшим нам подарки и помнящим нас передайте наш поклон и благословение. Остаюсь Ваш брат Духовник Иероним.

От 5 ноября 1882 года.

†

Боголюбезная матушка игуменья Маргарита, любезная сестра! Здравствуй о Господе со всеми твоими духовными чадами и сестрами!

Извещаю тебя, что я был тяжело болен и думал умереть, со всеми простился, и, наконец, маслом соборовали, и я уже ожидал смерти. Но братья мои опечалились этим и от горести сердца восплакались все и возопили ко Господу о моем выздоровлении и продлении еще моей жизни, и милостивый

Господь услышал вопль их, и я теперь выздоравливаю, и они возрадовались, что я еще оставлен здесь с ними пожить. Но надолго ли? Бог весть. Пора уже и умирать. Ибо без здоровья и жизнь не мила, только труд и болезнь. Но за все слава Богу, и да будет все по Его благой и совершенной воле.

Прошу передать мое благословение матери Лидии, и крестнице моей, и племяннице Анне, и прочим знающим меня, прошу молитв ваших на помощь старости моей. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь по долготерпению Божию еще на земле Святой Горы Афонской всегда помнящий вас ваш брат Духовник Иероним. Святая Афонская Гора Русский монастырь святого Пантелеимона

7 декабря 1882 года.

†

Высокопреподобнейшая матушка игуменья Маргарита! Здравствуйте о Господе со всеми чадами духовными.

Извещаю вас, что Иван Фомич прибыл к нам, о чем он пишет к вам подробно. Посылки ваши мы получили от него все.

Благодарит вас за них. Иконы для вас закажем, а форм для стояния у нас нет готовых, да и дорога будет пересылка до вас, ибо они тяжелы, а лучше и дешевле будет сделать их у вас, из ольхового лесу.

Картины пришлем вам, а книги посланы вам и прочее. Еще пришлем. Слава Богу за все! И скорби есть и утешение есть. С Иваном Фомичом кое-что я пришлю тебе. Молитесь за меня. О. архимандрит страдает глазами. Помогите ему Господи. Он трудолюбивый и неусыпной. Теперь у нас братии более восьми сот. Но все Бог управляет и собирает. Ему одному и Слава подобает.

Предайте наше благословение всем знающим нас. За тем остаюсь Ваш брат. Д. Иероним.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Буди здрава о Господе и со всеми твоими чадами. Праздники провели, слава Богу, хорошо; письмо твое получили и прочее. Мое здоровье непостоянно, но за все слава Богу. Карточки твои готовят и прочее, что ты просила; со

временем пришем и формы, и при этом прилагаю листок на ваши нужды.

Прошу передать мое благословение нашим родным.

Если есть у вас Херувимская длинная для архиерейского служения, то прошу прислать нам, а то у нас нет длинной. Да нет ли у вас концерта 12-го псалма: *Доколе, Господи, забудеши мя до конца!* (Пс.12:2) Если есть, то пришлите его нам, хотя мы написали его сами, но еще не пробовали петь. Вот и пред смертью, а покаянные концерты люблю слушать. Недавно переложили Херувимскую предтечевскую на Усекновение и, слава Богу, вышло удачно – очень умиленная. Мне все старое нравится. Прощай, молись за меня. Твой брат Духовник Иероним.

1883 года, января 22-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Христос воскрес!

При этом письме посылается вам милостыня от Стахеева на трапезу вашим бедным старушкам. Употребите эти деньги на покупку хлеба для них, а впредь Сам Бог, питающий всех, промыслит о них.

Духовник Иероним.

Афон. Русский монастырь 1883 года, мая 7-го дня.

†

Боголюбивая матушка игуменья Маргарита, Христос Воскресе!

Извещаю вас, что я получил ваши письма. Семен Фомич прибыл к нам, но едва ли останется у нас: еще миролюбец он большой, но если поживет подольше у нас, то, может быть, и останется. Но он говорит, что ему нужно еще для окончания дел побывать в Старом Осколе. Я хорошо помню его, он, кажется, добряк. Григорий Дмитриевич хвалит его. О часах я напишу отцу Флавиану. В настоящее время у нас свои мастера делают колокольные часы; посмотрим, если окажутся хороши, то и для вас закажем сделать; у нас есть колокольные часы своего изделия, работают хорошо уже 30 лет, прочные; только молитесь, а Бог утешит вас.

Теперь у нас есть свой малый пароходик, который делает скорые сношения с островами и тем помогает нам в экономии. Теперь есть на Афоне и телеграф. В прошлое воскресенье, ввечеру, мы получили из Москвы телеграмму, что государь короновался. Эта телеграмма пришла к нам из Москвы в шесть часов – чудеса!

Духовник Иероним.

1883 года, мая 17-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, в котором ты известила меня о смерти племянницы нашей Анны Ильиничны, писанное от 18 мая. Я его получил 29 мая и распорядился поминовением ее на всех Литургиях, а у нас их служитя до десяти каждый день. Бог да упокоит ее! А что касается до ее шкатулок и билетов, то требовать их от тех иеромонахов не должно, ибо они имеют монастырь общежительный, а непременно надобно написать игумену того монастыря, спросить его, получил ли он от тех иеромонахов билеты и вещи для общежития на поминовение Анны. И этого довольно будет.

У нас, слава Богу, все благополучно. Здоровье мое поправляется. А отец наш архимандрит страдает глазами, стал плохо видеть и с трудом служит. Молитесь за него. С Семеном Фомичом я послал вам кое-что и святую икону твоей монахини Евпраксии, по получении известите меня.

Передай мой поклон и благословение знающим меня, и особо родным и матушке Лидии. Поручивши себя и вас милости Божией, остаюсь помнящий вас брат Ваш Духовник Иероним.

P. S. При этом приложен листок.

Афон. Русский монастырь святого Пантелеимона, 1883 года, июня 4-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита, здравствуй о Господе.

Извещаю тебя, что я послал к тебе с Семеном Фомичом 50 дюжин твоих карточек для раздачи сестрам твоим и еще кое-

что. По получении прошу известить меня. Еще что послать тебе? О часах я забочусь, кажется, что скоро Бог исполнит душеполезное желание ваше. Только молитесь, 10 форм скоро пришлем к вам. Пописывайте и к о. Флавиану. Напоминайте им о себе. А я все слабею, но хожу еще в церковь, хотя и редко, но я и за это благодарю Бога.

Укрепи тебя Господи в твоих многих заботах о пользе ближних. Утешай особенно родных. Перед праздником св. Пантелеимона раздай по монахиням: Рафаиле, Херувиме, и еще кому знаешь, а прочим я послал: Рахили, Агнии Булычевой, а А. теперь посылаю. При этом прилагаю листок. Прошу молить за меня. Передай от меня поклон м. Лидии и прочим. Остаюсь помнящий вас на Св. Горе. Д. Иероним.

11 июня 1883. Афон, М.Р.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита, здравствуй о Господе!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо от 31 мая и содержание его заметил. Не бойся подметных писем, ибо тебя хранит Сам Бог. Четки для архиерея я послал тебе с Семеном Фомичом, и если будет случай, то еще пришлю. Книг пришлем тебе из Москвы, я туда напишу об этом. Молитесь за меня и за старца нашего отца Макария, он очень страдает глазами.

Я еще двигаюсь, но уже пора домой. Трудно жить больному, все привыкли ко мне ходить часто на исповедь, а я-то и не могу. Вот мое горе, а болезни мои очень прекрасные – разумеется, для души, а не для тела, ибо *каждый день умираю* (ср.: 1Кор. 15:31), а вы, мои любезные мучители, все желаете, чтобы я более и более мучился бы здесь, но, слава Богу, лишь бы здесь, а не там.

Мир вам, мои дорогие. Передайте мой поклон незабвенным нашим матерям – Лидии и прочим и молитесь за помнящего вас брата вашего.

При этом приложен листок.

Именины прошли во славу Божию духовно. Три архиерея служили.

1883 года, июня 19-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, писанное от 10 июня, и заметил

его содержание.

Слава Богу, и мы удостоились светло праздновать день коронования нашего благословенного царя, ибо в тот же день мы получили из Москвы телеграмму. Теперь мы из Москвы получаем телеграммы в шесть часов времени. Чудо, да и только! В день моих именин у нас было три архиерея, и все они служили по разным соборам, и консул приезжал на торжество. И все это – Божие дело, Ему одному подобает и слава, и хвала.

Вы извещаете, что вы получили от Семена Фомича посланные вам вещи и только одни карточки, а о прочих вещах вы не пишете – это некрасиво. С ним я послал тебе 100 карточек, хорошие четки и масло розовое, а вы об этом ничего не пишете; разве он не передал вам всех вещей? Он, кажется, человек верный, напишите мне об этом. О присылке книг к тебе мы телеграфировали в Москву, чтобы они поспешили их выслать вам к вашему празднику; может быть, успеют выслать. Владыку вашего будем поминать.

Прости, молись за меня. Матери Лидии есть благословение на лечение в Одессе. Мы написали туда нашим, чтобы они дали ей помещение в нашем доме. Остаюсь твой брат Духовник Иероним.

1883 года, июня 23-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие. Извещаю тебя, что я послал к тебе 50 дюжин твоих карточек для раздачи сестрам твоим и еще кое-что, по получении коих прошу известить меня. Еще что послать тебе? О часах я забочусь; кажется, что скоро Бог исполнит душеполезное желание ваше. Только молитесь. Десять форм скоро пришлем вам. Пописывайте к отцам Иоанникию и Флавиану, напоминайте им о себе.

А я все слабею, но хожу еще в церковь, хотя и редко, но я и за то благодарю Бога. Укрепи тебя Господи в твоих многих заботах о пользе ближних. Утешай, утешай, особенно родных. Пред праздником святого Пантелеимона раздай по 10 рублей монахиням Рафаиле, Ольдаманте, Ермингельде, Херувиме и еще кому знаешь, а прочим я послал: Рахили, Агнии (Булычевой), а Раине я теперь посылаю. При этом прилагаю листок; прошу молиться за меня. Передай от меня поклон матушке Лидии и прочим. Остаюсь, помнящий Вас Духовник Иероним.

Июля 11-го дня, 1883 года.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твои письма. Праздник мы провели торжественно. Три митрополита служили, а я лежал больной на одре, но святой Пантелеимон помог мне, и я теперь стал выздоравливать, но в церковь еще не могу ходить. За все слава Богу. Мать Лидия писала ко мне, что она прибыла в Одессу и остановилась в нашем подворье.

Одесская наша клевета, Бог дал, прошла благополучно.

Отец архимандрит кланяется вам; страдает глазами. Молитесь за него. И я порадовался, что Бог нечаянно, дивно посылает вам Свои щедроты, а потому надо надеяться на Него побольше. За то и будет посылать побольше.

У нас, благодаря Бога, все благополучно. За тем спасайся и обо мне молись; передай мой поклон знающим меня. Прости, поручая себя, и тебя, и всех вас милости Божией и молитвам Богоматери, остаюсь помнящий вас ваш брат на Афоне Духовник Иероним.

Русик. 1883 год. 4 августа.

†

Боголюбивая сестра, мать игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие. Давно не писал к тебе по причине болезни по воле Божией. Матушке Лидии я по этой же причине не мог ответить на ее письма мне, попросите за меня

извинение, о. архимандрит кланяется тебе. За тем остаюсь еще помнящий вас на Афоне. Брат ваш.

Д. Иероним. Афон. Р.М. 1883 года, октября 25-го числа.

†

Боголюбивая сестра, мать игуменья Маргарита!

Давно я не писал тебе по причине большого карантина. Но теперь он снят, и я вот пишу к тебе, что я болею, но ты об этом не скорби, ибо когда-либо, а надо же умирать. Бог знает, может быть, еще и поправлюсь, это в воле Божией. Матушке Лидии я по причине болезни не мог ответить на ее письмо ко мне, но проси у нее за меня извинения. В обители у нас все благополучно. Прошу молиться обо мне; ослабел я добре.

Передай мой поклон и благословение всем знающим меня. Отец

архимандрит кланяется тебе. Затем остаюсь еще помнящий вас на Афоне брат ваш.

†

Боголюбивая сестра, мать игуменья Маргарита!

Долго я не писал вам, но и теперь еле могу писать: совсем изнемог, все болею. Праздник Рождества я лежал больной и едва не умер. Теперь хотя и полегче стало, что я мог выйти в церковь и приобщиться, но чувствую себя очень слабым. Отцы наши все скорбят и усердно молятся о продолжении жизни моей, особенно отец архимандрит. Этого дня делали обо мне Елеосвящение, и мне стало полегче, и я почти согласен и еще пожить, а то когда притесняют меня лютые пароксизмы, да и частые, тогда я сам желаю поскорее умереть и часто прошу Господа об этом. Итак, не удивляйтесь моему малодушию, ибо и терпению есть мера. Хотя Бог и по силам нашим подает нам болезни и скорби, но мы-то привыкли к роптанию и даже за малую скорбь охаем. Я знаю, что вы молитесь о моем здоровье, но я прошу вас, молитесь более о моем спасении, ибо такая молитва богоугоднее.

Может быть, это письмо мое к вам будет последнее – Бог весть, ибо мы не знаем, когда умрем. Если получите известие о моей кончине, не печальтесь много, зная, что я дожил до глубокой старости, до 80 лет, то чего еще от Бога желать? И за

это слава Ему. Поминайте меня, и это будет Богу приятно. Да и ты сама, любезная сестра, приблизилась уже к старости и слабости, то чего же более ожидать? Лишь бы Господь даровал христианскую кончину, которую просите у Него и мне, недостойному, яко да сподобит Господь всех нас в вечности быть вкупе и прославлять Его, что и да будет за неизреченную любовь Его к нам.

Прошу передать мое старческое благословение матушке Лидии и особо моей крестнице Марии – молю Бога о ней и о детях ее, да утешит и спасет ее Господь. Теперь она свободна для принятия святого образа, если только она чувствует в сердце своем призвание к тому от Господа Иисуса Христа. Передайте мой поклон всем знающим меня. Остаюсь еще поручающий себя вашим святым молитвам ваш брат Духовник Иероним. При этом приложен листок.

Афон, Русский монастырь, 1884 года, января 3-го дня.

†

Здрава будь о Господе и благословенна от Него вовеки со всеми твоими о Христе сестрами! Я писал к тебе недавно, что на святках я был при смерти, но молитвы слезные отцов моих и братьев возвратили меня паки к жизни еще здесь, с ними. А уже от малодушия, не любя лютости болезни, хотелось было и умереть, и несколько раз я просил об этом Бога, но Он более послушал отцов и братьев моих: облегчил мою болезнь и попустил мне, недостойному небес и земли, еще пожить здесь, покуда Он Сам весть, – разумеется, ненадолго. Братья все во благодушии от праздников и от моего поправления. Благодетель наш и ваш Василий Афанасьевич Калигаев помер. Схимонахиню Макрину записали на всегдашнее поминовение. Иконы заказаны. Часы, если Бог даст, то после Пасхи пришлются вам. Формы не можем прислать вам – сделайте у себя, эти вещи простые. Книжицы будут присылать вам, раздавайте их в расширение славы Божией. Прошу тебя передать мой поклон и благословение матушке Лидии и прочим. Праздники – Рождество, Новый год и Крещение – у нас, близ моря, не было снегу; зелень и цветы – как будто весною, а повыше немного нас, в Старом Русике, – там выпал снег на

аршин и доселе держится, а вершину, хребет так завалило снегом, что и нельзя перейти на Карею. Чудное наше место! Около берега – весна. К празднику привезли нам свежей речной рыбы – сазана, мы ее купили. У нас на одну трапезу выходит 15 пудов для тысячи человек. А я уже давно рыбу не кушаю, не могу есть ее, а теперь и хлеба еще не могу есть, а только одну уху с капустным рассолом; так много ослабел желудок, что и одну чашку чаю не могу выпить, а чтобы все было кислое да горькое и соленое, и то одна жидкость. Доктора говорят, что у меня в желчном пузыре образовались желчные камни, вот они-то меня и мучают, и очень люто, а все это по Божию допущению – следовательно, для вечного блага. За это слава Богу, ибо *Он егоже любит, того и наказует* (ср.: Притч.3:12), ты же, говорит, *яко добр воин Христов злопостражди* (ср.: 2Тим.2:3). Аминь. При этом прилагаю листок. Остаюсь ваш грешный брат.

Афон. Русский монастырь святого Пантелеимона, 1884 года, января 8-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение и всей твоей богоспасаемой обители.

Извещаю тебя, что я получил ваши письма, в коих вы извещаете о смерти блаженной старицы Олимпии. Об упокоении ее сорокоуст отслужат, а имя ее давно записано в синодике вечного поминовения с ее родными и поминается ежедневно.

Часы скоро пришлются к вам. А формы прислать к вам очень трудно, разве для образца прислать вам одну или две. Здоровье мое за ваши молитвы стало понемногу поправляться. Отец архимандрит кланяется вам, у него болят глаза, худо видит, но еще служит. Иконы посланы вам.

Ты пишешь, что не получаешь от меня писем, но я недавно послал к тебе три письма. Известить меня, от каких месяцев и чисел Вы получили мои письма, теперь им нельзя пропадать, особенно я всегда посылаю – заказными, которые не могут пропадать.

Затем прошу передать мое благословение и поклон матушке Лидии, матушке Лаврентии и Марии, если она у вас

живет, и прочим. Остаюсь помнящий вас брат ваш Духовник Иероним.

1884 года, февраля 3-го дня Афон. Русский монастырь.

P. S. При этом приложен листок.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

На прошлой почте я писал к вам, о чем следует, а теперь пишу вам только о часах колокольных, которые пришлются к вам. Вы тогда пригласите часового мастера – он поставит вам их. При этом посылаю прейскурант, из коего можете видеть и узнать о разных размерах часов и о ценах их. Для вас мы заказали третьего номера с десятидюймовыми колесами, с часовым, получасовым и четвертным боем, коим цена без доставки 750 рублей, а с доставкой и установкой будут стоить до 1000 рублей. Для расходов постановки часов при этом прилагаю листок. Да дарует Бог делу этому быть во славу Его и в духовное утешение ваше молитв ради Пресвятой Богородицы и святого Пантелеимона. Аминь.

Здоровье мое поправляется. Письмо к отцу архимандриту получено. Он сам будет отвечать вам. А о малодушном желании твоём на покой после напишу тебе; не лучше ли потерпеть до конца для спасения?

Поклон от меня матушке Лидии. Простите, молитесь за меня, болящего вашего брата, поминающего вас, моих дорогих. Духовник Иероним.

Святая Афонская Гора, 1884 года, февраля 11-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Извещаю вас, что я получил твое письмо, писанное от 31 января, в коем ты просишь прислать тебе в последний раз иконок, ложек, картинок; все эти вещи мы посылаем тебе; когда получите их, тогда уведомите нас о том. При этом прилагаю реестр вещам и листок для раздачи родным к Пасхе; Раине – 20, Ольдаманте – 15, Ермингельде – 15, Херувиме – 15 рублей.

Здоровье мое понемногу поправляется.

На прошлой почте я писал вам о часах.

Мария в молодости насладились жизнью супружеской, а теперь для спасения пусть в старости понесет крест свой безропотно. Было время, когда вы завидовали участи ее, а теперь кажется, что нет. *Егоже любит Господь, того и наказует* (ср.: Притч.3:12). Она и сама ошиблась. Для чего было дать позволение детям взяться за торговлю не богоугодную, не имевши нужды, и почему бы не посоветоваться с опытными людьми? Теперь ей одна дорога: предложить оставить мир и взяться за покаяние, ибо дети не слушают ее. Да они теперь и не имеют в ней нужды, как совершеннолетние, теперь они сами ответят Богу за свое поведение. Бог да спасет их.

Духовник Иероним. Афон. 15 февраля 1884 года.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие и богоспасаемой обители твоей.

Недавно я писал к вам, что мы послали к вам два ящика разных вещей, которые ты просила. По получении оных извести меня.

Вчера я получил письмо от брата Ивана Фомича, в котором он пишет, что в этот год он не может успеть развязаться с миром, а впрочем, желает этого лета побывать у нас, на Афоне. Дай-то Бог, чтобы так сбылось.

Здоровье мое понемногу поправляется, но еще в церковь не могу ходить. У нас, благодаря Бога, все хорошо. Отец Иоанникий этот год в Россию не поедет. Прилагаю листок для раздачи вашим бедным к Пасхе. Скажи поклон матушке Лидии. Остаюсь помнящий вас на Святой Горе ваш брат Духовник Иероним.

29 февраля 1884 года. Афон. Русский монастырь.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Поздравляю с приближающимся великим праздником живодательного Воскресения Христова как тебя, так и родных наших и знающих меня. Сей радостный и утешительный праздников праздник да утешит вас, болящих и скорбящих, и матушку Лидию, и мою крестницу Марию. Я радуюсь, что она

осталась у вас, а за перенесение ею скорбей она получит от Бога великую награду.

При этом уведомляю вас, что я получил ваши письма – слава Богу, что они все дошли до нас. Также получили мы и ящик с вещами и писанками. За чулки спаси Бог, а за писанки не скажу спасибо, потому что они для нас вовсе не нужны и для чего вы прислали их? Кому мы будем раздаривать их? Вот закладки – иное дело, за них следует сказать: «Бог да простит», ибо они нужны для Евангелий и Апостолов.

Здоровье мое мало-помалу поправляется.

За тем, пожелав вам спасения и здравия, остаюсь помнящий вас на Афоне брат ваш Духовник Иероним.

P. S. При этом приложен листок о терпении.

4 апреля 1884 года. Афон.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Христос воскрес!

Извещаю вас, что мы праздновали святую Пасху торжественно, и я удостоился быть в церкви; тому возрадовалась и братья моя, и теперь я хотя и слаб, но еще двигаюсь помаленьку и принимал от всей братии в день Пасхи поздравления по обычаю. Гостей было много, всех Бог утешил. Каково-то вы встретили святую Пасху, получили ли к Пасхе часы, прошу известить нас. Почаще пописывайте к отцу архимандриту – он это любит. Пред Пасхою я получил твое письмо. Я прилагаю вам листочки с согласия отца архимандрита, а потому вы не имейте насчет этого никакого сомнения, ибо я старец всем.

Затем, пожелав вам всякого благоугождения Богу, остаюсь всегда помнящий вас на Афоне, моих дорогих, брат и богомолец Духовник Иероним.

1884 года, апреля 17-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Христос воскрес!

Извещаю тебя, что я дал одному послушнику нашему, именем Григорий Степанов Чумаков, письмо к тебе, в котором

просил тебя, если возможно, принять в ваш монастырь дочь его 12-ти лет и чтобы отдать ее какой-либо старице в послушницы. И если возможно, то об этом постарайся. А мальчика-сына он возьмет с собой в наш монастырь на Кавказе, ибо там есть училище для детей, а он сам певчий и писарь, полезный для монастыря. Родом он из Орлика.

Уже две недели прошло от Пасхи, а ты ничего не написала мне, даже и о том, получили ли вы часы. Пиши хотя понемногу, но почаще. Приветствую матушку Лидию, и дочь мою Марию, и твоих послушниц. Мир вам и спасение Божие. Остаюсь помнящий вас брат ваш.

Афон. Русский монастырь святого Пантелеимона. 1884 года, апреля 24-го.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Спасайся и о нас молись.

Извещаю тебя, что брат наш Иван Фомич прибыл к нам благополучно и что было нужно, о том все передал нам: и о передаче вам четырех листков, и о получении вами часов. За все Богу слава. Получены и прочие ваши посылки; рубашки для раздачи бедным требуются самые толстые, как веретья, самые грубые нужны, но то горе, что провоз дорого стоит.

Что вы просили через Ивана Фомича, то при помощи Божией пришлем вам. Он еще поживет у нас; если Бог даст, до Петрова поста он заедет к вам. Слава Богу, я утешился приездом брата Ивана Фомича. Теперь здоровье мое стало лучше. При этом прилагаю письмо от Ивана Фомича и к крестнице Марии – Господь да утешит ее и всех вас.

Получил приложенное письмо о Серафиме – я много удивляюсь твоим промахам, зачем было позволять этому хитрецу бродить в монастыре по кельям, зная, что он штатный монах самочинный? И ты знаешь хорошо, что без дозволения Святейшего Синода не велено принимать никаких мощей. Но ты сделала очень хорошо, что отказала ему, хитрецу, и спросила владыку об этом скандальном деле. Этот монастырь – большой враг нашему монастырю, но Бог с ними. Если согласно твоему желанию и благословению мать Лидия опять едет лечиться,

тогда и я с моей стороны даю ей мое старческое благословение. Затем остаюсь помнящий вас Духовник Иероним.

Приложен листок. 1884 года, мая 18-го дня. Афон.

†

Боголюбезная сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, извещающее о проезде брата Ивана Фомича, и о получении от него посланных с ним листков, и об установлении дарованных вам часов, и что они звонят во славу Божию и возбуждают многих к духовной бодрости. За все это слава единому Богу.

Я долго не писал к тебе, все ожидал твоего письма. По получении этого письма извести меня, письма от нас вы получаете проколотые или нет. Говорят, что в Одессе есть карантин. У нас все благополучно. Я хотя и слаб, но еще двигаюсь по комнате, но в церковь еще не могу ходить, а близ моей кельи есть параклис святого Сергия, в нем служат Литургию, и мне слышно.

Брат Семен Фомич одет в послушническую одежду и два Пойминовых так же одеты. Прошу ваших святых молитв и остаюсь любящий брат ваш на Святой Горе Духовник Иероним.

Святая Гора Афон. Монастырь святого Пантелеимона. Августа 23-го 1884 года.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, в коем ты извещаешь меня, что у вас был брат наш Иван Фомич и передал вам, что было с ним послано, и что он, погостивши у вас, отправился обратно к нам, на Афон. И он точно возвратился к нам благополучно и, что было нужно, о том нам подробно передал. Слава Богу за все, я радуюсь, что ты теперь здорова и духом ободрилась и во всем возложила печаль свою на Бога. И как бы сказала так: *Пою Богу моему, дбндеже есмь* (Пс.145:2). И благо ты сотворила, что решилась претерпеть до конца в твоей должности все искушения твоей жизни. Это угодно Богу, ибо Он сказал, что претерпевый до конца, той

спасен будет (ср.: [Мф.24:13](#)). Да и само терпение-то Он же нам дает, ибо у нас своего терпения нет.

Я уже писал Марии, что благословляю приехать к нам на Афон сыну ее и нашему внуку Александру, и для этого я при этом прилагаю листок.

Прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии, и Марии, и прочим. Утешайте Марию, ибо она несет великий крест.

[1884 год]

†

Боголюбивая сестра, матушка Маргарита, мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо. Слава Богу, что Он утешил вас часами.

Я хотя и болею, но еще живу, но все думаю, что скоро умру, потому что изнемог, ослабел, пора уже и умирать, а ты еще мало думаешь о смерти, да тебе нет времени о ней и думать; и то хорошо, что ты хлопочешь о пользе ближних твоих. У нас, слава Богу, все благополучно. Отец Флавиан пишет из Москвы к нам и просит, чтобы я попросил тебя о послушнице его покойной сестры, чтобы оставить ее в той кельи, где она жила; если возможно это сделать, то сделай. Заслужил ли отец Флавиан, чтобы это ему уважить, или нет? В чем тут дело, я не понимаю. Разве ты выгоняешь ее из кельи, почему она жалуется на тебя? Отец Флавиан, кажется, делал вам утешение, и еще он может чем-нибудь послужить вам. Григорий возвратился в обитель; оказалось, что жена его еще жива и не требовала его к себе, а все это искушение наделала одна распутная монашка, которая взбесилась от страсти и выдумала такую штуку. Каких козней не бывает от врага нашего?! Он уже и постыдился зайти к тебе.

Прости и молись за меня. Твой брат Духовник Иероним. Напиши мне, письма ты получаешь от меня проколотые или нет, ибо в Одессе есть карантин.

1884 года, октября 13-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, писанное от 18 сентября, в котором ты писала о воспоминании тобой об удалении из мира 15 сентября и что ты этот день провела в умилении и слезах. Да, это благодать утешила тебя, ибо ей приятны такие воспоминания. Видим, как нас Господь возлюбил паче других – как не плакать! Каких великих даров сподобил нас Господь – избрал нас от мира и удостоил нас быть путеводителями для многих! За все слава Ему вовеки. Но и я кое-что помню, что было прежде, да и надо помнить во славу милостей и щедрот многих Божиих.

В прошлом письме я вопрошал тебя об отце Флавиане; хорошо ты сделала, что объяснила все дело, а мы напишем ему, чтобы он успокоился и более не гневался бы на тебя.

Славлю я Бога, что вы духовно утешаетесь через часы. Здоровье мое хотя и слабое, но все двигаюсь, и живу, и беседую с братьями.

Молись обо мне; я помню вас и молюсь, сколько могу. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь ваш брат Д. Иероним.

При этом приложен листок.

1884 года, октября 16-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Получил я твои письма и еще ожидаю от тебя известия о получении посланной к тебе формы и разных вещей; у нас в обители все благополучно. За все слава Богу, здоровье мое хотя слабо, но еще хожу по комнате и занимаюсь беседами с братьями. Отца Иоанникия сделали иеродиаконом.

При этом к празднику прилагаю листок.

Прости и молись обо мне. Прошу передать мой поклон родным нашим. Остаюсь помнящий вас брат ваш Духовник Иероним.

1884 года, декабря 5-го дня.

†

Сестра, матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие и всей обители твоей. Приближается спасительный праздник Рождества Господа Бога,

Спасителя нашего Иисуса Христа, с которым мне пожелалось поздравить вас с пожеланием вам встретить и провести его во благоугождении Богу и сподобиться воспевать славу Его в вечности, ибо для этого мы и сотворены благодатью Его.

У нас зимы нет еще, розы в саду цветут. Благодарение Богу за все; у нас все благополучно. Иван Фомич пишет, что надеется скоро развязаться с миром. У нас живут два Пойминовых: Василий Иванович и Михаил Иванович, чудака какой-то. Отец архимандрит кланяется тебе, глазами очень страдает.

При этом прилагаю листок. За тем остаюсь помнящий вас Духовник Иероним.

1884 года, декабря 18-го дня.

†

Сестра, матушка игуменья Маргарита!

Извещаю тебя, что я получил твои письма, получил и от Марии письмо. Сам Бог да утешит ее и чад ее. Сочувствую я и болезням матушки Лидии. Бог да поможет вам устроить житие Марии моей. Новый год мы провели хорошо, за все слава Богу. При этом прилагаю вам листок. Пиши и проси, что для вас нужно. Пописывай отцу архимандриту – он тебя уважает. А что касается до подметных писем, то это считай за вражьи угрозы и не бойся этого, ибо твоя жизнь сохраняется Самим Богом и это попускается для смирения твоего, ибо ты очень здесь прославлена Богом. Смотри, держись самоукорения.

Отец Михаил приехал, кланяется тебе; у нас был ваш Иван Грайворонский, который жил у вас в услугах. Я не мог понять его, ибо он какой-то святоша; я помог ему на дорогу.

Кланяйся всем нашим родным, передай мое благословение матери Лидии и Марии, крестнице моей. Остаюсь помнящий брат ваш Духовник Иероним.

Афон. 1885 года, января 5-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка Маргарита!

Мир тебе и Спасение Божие. Извещаю вас, что я получил ваши письма от 1-го января этого года. Нас удивило, что ты не поняла поздравления о. архимандрита с именинами твоими, так как ты никогда не написала нам, когда ты празднуешь день

твоего Ангела, а он в святцах нашел, что имя Св. Маргариты бывает 26 октября, потому что он думал, что ты в этот день именинница, и потому поусердствовал поздравить тебя. Но ты и теперь не написала об этом, когда ты празднуешь свои именины. Здоровье мое хотя и слабо, но еще двигаюсь. Но в церковь не хожу. А слушаю службу Литургию по телефону, который из собора привели в мою келью, и я этим очень доволен, у нас, благодаря Бога, все благополучно.

Зима у нас теплая, розы в саду цветут, лимоны в саду собрали до 50, с одного дерева собрали 6 лимонов. Праздники провели хорошо. На нашем месте в пустых горах сотворился по Божию благоволению скит отшельнической. Самых бедных и нищих сиромых уже до 70 калив, и есть соборная церковь. Чудо, да и только, и это сотворил Бог в 4 года. Вот и у нас есть такие полунагие подвижники. Дай ему рубрик, а он тотчас бухнется в землю да заплачет, а я и не знаю, что тут делать. Теперь уже собралось их до двух сот. Причащаются два и три раза в неделю. Они живут в шалашах. Зябнут, голодают, но благодарно все терпят, лишь бы удостоиться умереть во Св. Жребии Божией Матери. Это все рассказывай своим бедным, чтобы они не роптали на свои нужды, ибо за все Бог заплатит им на небесах.

Там самые старые беспомощные, которые не имеют где главы приклонить. Их уже есть до двух сот. Это место на горе в 30 верстах от нашего монастыря, но хорошо видно мне, из моей кельи. Они меня утешают своими частыми просьбами, право, чудо, да и только. Метелки вяжут, и веники. Вот какое их рукоделие. Мы даем им сухари и старую одежду.

†

Матушка игуменья Маргарита! Христос воскрес!

Слава Богу, святую Пасху мы встретили очень весело, торжественно, и я, недостойный, сподобился побывать в соборной церкви все четыре дня. Уже год прошел, как я не мог восходить наверх, в Покровский собор, но и теперь меня возносили туда на носилках, и этому я рад и благодарю Бога.

Начало утрени у нас делается на дворе вместе с греками пред храмом святого Пантелеимона; ныне ночь была светлая и тихая, так что у братии и свечи не тухли от ветра. И все эти дни

были солнечные, ясные, веселые, а пред этим во весь март месяц каждый день были дожди большие проливные и очень ветреные. Как-то Вы праздновали Пасху святую?

Что это значит, что вы не пишете нам ничего об Иване Фомиче? Когда он был у вас? С ним я послал вам кое-что из вещей; по получении известите нас.

При этом приветствую пасхально матушку Лидию, крестницу Марию и прочих знающих меня. Карточки наши для вас заказаны, и этого лета, если Бог то даст, они пришлются к вам.

При этом приложен листок.

Простите, будьте здоровы и молитесь за помнящего вас на Афоне.

Духовник Иероним. Афон. 1885 года, марта 27-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка Игуменья Маргарита!

Христос Воскресе!

По отправке моего письма к тебе я страдал от старых моих ревматизмов и уже готовился к смерти, но Господь ради грехов не принял меня к Себе и еще тянет нить моей жизни, чтобы я хотя бы немного потрудился в болезни телесной. Теперь мне стало полегче, и вот я вздумал возвестить тебе о себе.

Молитесь за меня; скажи поклон мой родным всем. Остаюсь еще дышащий на Святом Афоне брат ваш Духовник Иероним.

При этом приложен листок. Афон. 1885 года, мая 7-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие и всем чадам твоим!

Извещаю тебя, что я получил письмо от брата Ивана Фомича, что он дом свой продал и скоро прибудет к нам, а также он хотел заехать и к вам. Недавно я был очень болен, но теперь, слава Богу, ради ваших молитв, мне стало полегче. У нас, благодаря Бога, Его милостью все обстоит благополучно. Наши певчие просят вас прислать им ваших коекаких концертов нот, при этом прилагается реестр, каких именно просят.

За тем прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии, крестнице Марии и прочим. Остаюсь помнящий вас на Святой Горе брат ваш Духовник Иероним.

19 мая 1885 года.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Мир тебе и спасение Божие, и всей обители вашей. Извещаю тебя, что брат Иван Фомич прибыл к нам 23 июня и передал нам ваши посылки и о прочем. За все слава Богу и за передачу тебе листочков.

Мое здоровье слабо, но еще двигаюсь.

Рукомойник мраморный для алтаря пришлется вам, прилагаемые при этом письмеца – передайте, кому следует. Прилагается листок.

Прошу молиться обо мне. Остаюсь брат ваш, Духовник Иероним.

Афон. 1885 года, июня 25-го дня.

†

[В настоящее время казначея м. Лидия]

Боголюбивая матушка Лидия, мир тебе и спасение Божие. Извещаю тебя, что я письмо твое получил, благодарю за память обо мне, и я все болею и столько лет. И слава Богу. Он знает, кого и чем спасти. Болезнь требует от нас благодарения к Богу. Сочувствую в скорбях крестнице моей Марии, да укрепит и утешит ее Господь. Получил я ваши посылки. Благодарю вас за память обо мне. Господь да спасет вас всех. Остаюсь помнящий вас на Афоне. Д. Иероним.

25 июня 1885 г. Афон.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита! Здравствуй о Господе!

Извещаю тебя, что брат наш схимонах отец Иероним благополучно прибыл в нашу обитель. Об этом он сам пишет к тебе, за это слава Богу. На прошлой почте я писал тебе о чем было нужно.

Слаб я стал, быть может, скоро и умру, тогда сделай обо мне помин и раздай твоим бедным милостыню. Для этого отец

Макарий пришлет тебе денег. И ты уже состарилась, может быть, и ты скоро умрешь – один Бог знает когда, а готовиться надо.

Чего еще желаешь получить от меня, проси. С отцом Михаилом ты вееди переписку, проси у него листков, ибо он много их раздает, а эти листки и для раздачи твоим знакомым будут полезны. На первый случай попроси у него 10 тысяч и напиши ему, что ты просишь у него это по моему благословению. Еще проси у него рыбы и икры для твоих бедных и при этом ублажи его, назови его богоданным попечителем о твоих бедных. Рыбу проси самую простую, дешевую, также и икру красную.

За тем прости и молись за меня. Остаюсь еще помнящий тебя брат твой Духовник Иероним. 28 июля 1885 года. Афон. Русский монастырь.

†

Боголюбивая сестра, мать игуменья Маргарита!

Будь здрава о Господе! Извещаю тебя, что я получил твое письмо от 26 июля, в котором ты пишешь, что была очень больна, но молитвы св. твоих сестер и детей испросили у Бога здравие твоему телу, чтобы ты еще позаботилась об их спасении, того и Господь от нас требует, чтобы мы искали пользы для других, а не для себя, как и Сам Господь сотворил. Бог да сохранит нас от самолюбия. Тоже было и со мною несколько раз, как только я заболею к смерти, в то время мои отцы и братья возопиют и восплачут пред Богом, и Он слушает их молитвы и оживляет меня еще жить с ними, и так будет во всем этом воля Божия. Передай мой поклон помнящим меня, особо м. Лидии. При этом прилагаю листок. Остаюсь помнящий вас. Брат ваш Д. Иероним.

05 августа 1885 г. Афон. Р. М.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие. Письмо твое получил, в котором ты извещаешь меня, что была очень больна, но ради молитв твоих сестер Бог возвратил тебе здоровье, и я

благодарю Бога и молю Его, да укрепит Он твое здоровье еще для пользы других и для моего утешения.

Теперь прилагаю при этом листок для расписания церкви, а впредь да будет во всем воля Божия.

У нас, благодаря Бога, все благополучно. Я еще двигаюсь, но в церковь не могу ходить, а для меня каждый день служат Божественную Литургию вблизи моей кельи, и мне все слышно. Причащаюсь в неделю раз. Певчие мои исправные, много утешают меня. Ноты ваши мы получили.

За все слава Богу. Кланяюсь всем вам, особо матушке Лидии. Прошу ваших молитв. Остаюсь ваш брат Духовник Иероним.

Афон. 1885 года, августа 11-го дня.

†

Боголюбивая сестра матушка игуменья Маргарита!

Буди здрава о Господе! Извещаю тебя, что брат наш Иван Фомич отправился в Россию по своей пенсии, он взял благословение побывать и у вас, я с ним послал тебе кое-что и листков; по получении прошу известить меня, я уже об этом писал тебе, а теперь еще напоминаю.

Благодарю Бога, что Он даровал тебе здоровье за молитвы сестер твоих. Трудись до последнего твоего издыхания, не малодушествуй; Бог терпения да укрепит тебя до конца претерпеть в твоём послушании.

Мое здоровье слабо, ожидаю каждый день разлуки с телом. Бог один весть, когда это будет. Помолитесь за меня, да дарует мне Господь остаток жизни провести во благоугождении Ему и благой конец. Передай мое благословение нашим родным: матушке Лидии, Марии и прочим. Прилагаю листок, для раздачи бедным сродникам хотя бы по 10 рублей к празднику Покрова Божией Матери.

За тем, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь ожидающий твоего ответа, помнящий вас брат ваш, духовник Иероним. Афон.

Монастырь Руссик. 1885 года, сентября 5-го дня.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита, мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что мы, молитвами нашей Покровительницы Божией Матери, отпраздновали русский наш праздник Покрова Всепетой очень светло и весело. И я, слабый, удостоился быть в святом Ее храме. За все слава Богу и Ей, Покровительнице нашей.

Что, Иван Фомич был ли у вас? Известите нас.

При этом прилагаю вам на нужды листок.

Затем приветствую матушку Лидию, и прочим от меня поклон. Остаюсь помнящий вас ваш брат Духовник Иероним.

2 октября 1885 года.

†

Боголюбивая сестра, матушка игуменья Маргарита!

Здравствуй о Господе. Извещаю вас, что внук наш Александр Иванович прибыл к нам; я получил от него посылки ваши, от Марии Ильиничны и от Раины, а о приезде Ивана Фомича я уже писал вам. У нас все, слава Богу, благополучно, а сам я много страдаю от ревматизмов. Я много разговаривал с Александром Ивановичем. Он мне понравился, но монахом быть боится; впрочем, будущее одному Богу известно. О брате Николае он говорит неутешительно. Но молитесь за него, чтобы Бог спас его.

При этом прилагаю вам листок.

Прошу передать мое благословение матушке Лидии, Марии и прочим. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь брат ваш Духовник Иероним.

Афон. Монастырь Руссик.

1885 года, октября 11-го дня.

Письма игуменьи Маргариты, казначеи Лидии, игуменьи Поликсении из Борисовской пустыни

Христос Воскресе!

Достопочтенный и глубокоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Почтеннейшее письмо Ваше от 26 апреля, преисполненное радушными поздравлениями и самыми искренними благожеланиями для получения мне всякой милости Божией, я имела душевное удовольствие получить и читать с сердечным чувством моей к Вам признательности и искреннейшего душевного к Вам расположения. Столь приятнейшие Ваши строчки доставили мне величайшее душевное утешение, за которое усерднейше благодарю Ваше Высокопреподобие! Дай Бог, чтобы все Ваши благие желания осуществились во мне, смиренной просительнице у Господа всяких щедрот и утех на моем многотрудном поприще!

Позвольте же, досточтимый отец архимандрит, и мне в свою очередь засвидетельствовать Вам мое всенижайшее душевное уважение с поздравлением текущей Св. Пятидесятницы и с наступлением торжественных и радостнейших праздников Живоносного Вознесения Господа нашего Иисуса Христа и сошествия Святого и Животворящего Его Духа на святых Его учеников и апостолов; дабы Воскресший и Вознесшийся Пречистой Своей Плотью на Небеса Спаситель мира не лишил и нас, недостойных рабов Его, той небесной радости, какую ощущали св. апостолы, посланную им от Небесного Утешителя.

Всепокорнейшее прошу Вас, премногоуважаемый отец архимандрит, передать от меня достопочтенному Вашему старцу, а моему дорогому брату, батюшке отцу Иерониму, с прошением от меня его благословения, и как его, так точно и Вас всеусерднейше прошу не забывать меня грешную и вверенных Богом мне духовных чад при Вашем Богослужении у Престола Господня. Я от всей души моей верую в Ваши теплые молитвы, что они всегда доходят ко Господу и Его Пречистой Матери и нашей усердной заступнице и утешительнице во всех

скорбях, и по прошению Вашему Господу верую, что не лишена буду в подаче Его помощи и благодушного терпения с благодарением во всех нередко встречающихся трудностях и скорбях всякого рода, в несении возложенного на меня тяжелого ига уже при сильном истощении физических моих сил, поистине, многотрудно настоящее мое положение во всех отношениях; но Его Св. Промыслу угодно было поставит меня на эту степень, а потому не смею и противиться этому, но да будет Его Святая Воля над мной.

К радостнейшему празднику Пасхи были посланы мною через почту писанки Вашему Высокопреподобию, а также и батюшке о. Иерониму, получены ли они вами? Будьте так милостивы, и благоволите меня уведомить о получении их; беспокоюсь, не задержана ли где эта посылка? Поручая себя и всех сестер св. обители нашей Вашим святым молитвам, при пожелании Вам от Господа здоровья и благополучия во всем с душевным спокойствием, честь имею пребыть навсегда усерднейшая всех благ Вам желательница. Борисовской Тихвинской Пустыни Настоятельница игуменья Маргарита.

P.S. Мать Лидия свидетельствует Вам свое глубочайшее душевное уважение, с прошением Вашего благословения и святых молитв; а также просит Вас таковое передать и незабвенному ее дорогому дядюшке отцу Иерониму.

17-го мая 1878 года.

†

7 июня.

Христос Воскресе!

Ваше Высокопреподобие, Достопочтеннейший и Высокоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Приятнейшее для моей души Ваше письмо от 24-го марта я имела удовольствие получить этого 8 апреля, в котором поздравляете меня с пресветлым праздником Воскресения Христова с общею всех христиан радостью; нижайше благодарю за поздравление Ваше, с этим же всерадостнейшим праздником, хотя уже и прошедшим, поздравляю и Вас; Воскресший Спаситель мира да воздаст Вам за все Ваши добрые мне пожелания, да благословит и сохранит Вас и

будущие торжественные праздники преславного Его Вознесения на небо и излияние Пресвятого Своего Духа на святых Своих апостолов, и на всех верующих в Него, встретить и провожать в вожденном здравии и спокойствии духа.

Уведомление Ваше, что дорогой и глубоко всеми нами и Вами уважаемый батюшка Иероним сильно болен, так что из кельи не выходит, меня душевно встревожило; усердно Вас благодарю, что Вы не скрыли этого от меня, а потому усерднейше прошу Вас, достоуважаемый отец архимандрит, усугубить Ваши теплые молитвы ко Господу о восстановлении его здоровья и продолжения жизни еще на многие лета для утешения и пользы всех к нему душевно расположенных; он много потрудился для святой Вашей обители и так думаю, что пока жив будет, то не престанет содействовать к пользе и процветанию ее; да и для нас и обители нашей он также был очень полезен; все молимся и усердно просим Господа, и Его Пречистую Матерь о даровании о. Иерониму сил и крепости душевной и телесной и продолжения его жизни для славы Пресвятого Своего имени и для пользы духовных чад его; прошу Вас передать моему брату отцу Иерониму мой искренний низайший поклон с прошением святых молитв и благословения и сердечное сожалении о постигшей его болезни.

Казначая мать Лидия земно Вам кланяется и просит Вашего благословения и святых молитв. От души благодарит Вас за поздравление ее, взаимно поздравляет и Вас с прошедшим и будущими радостными праздниками; также просит Вас передать ее дядюшке батюшке отцу Иерониму до земли поклон с прошением святых молитв и благословения.

В обители нашей, благодаря Господа, все благополучно; духовные о Господе мои сестры меня душевно радуют своею непритворною любовью и покорностью во всем, при уповании на милость Божию, что Он поможет мне и им и на будущее время сохранить между собой мир и согласие.

О здоровье же совсем не могу похвастаться, не знаю как будет далее при весеннем хорошем воздухе, а в продолжение всей зимы я себя чувствовала не так хорошо; положим, что прошлая зима и многим на здоровье не благоприятствовала по

случаю большой сырости; у нас был два раза разлив воды, именно в феврале и марте месяцах; такой зимы, как прошлая, никто не помнит. Теперь же наступила весна: тепло, ясно, хорошо, и работа в нашем монастыре начинается. Нужно оканчивать церковь, переделывать многие корпуса – все это требует большой суммы, но она весьма ограничена у нас, необходим и мой личный надзор за всем, и при всем моем сердечном желании устроить, как было бы лучше и удобнее, но сил у меня очень мало; одна надежда на Милосердие Божие и Ваши к Нему молитвы, если Ему угодно мое предприятие, то силен послать Свою помощь во всем.

Всецело поручая себя памяти Вашей обо мне и святейшим молитвам, которыми Вы мне много поможете в моих трудных занятиях; с усерднейшим моим к Вам почтением и благорасположением, пребуду всегда душевноуважающая Вас и незабвенно помнящая в моих молитвах, игуменья Маргарита.

9-го апреля, 1879 года. Борисовской Пустыни.

†

12 января 1880 года.

Ваше Высокопреподобие, достопочтенный батюшка, отец архимандрит Макарий! При засвидетельствовании Вам моего глубочайшего душевного уважения, честь имею поздравить Вас с наступившим Новым годом. От души искреннейше желаю Вам получить от милосердного Господа новых и благодатных Его милостей и счастливого успеха в многотрудных Ваших подвигах душевных и телесных.

Уведомляю Вас, достоуважаемый батюшка, что приятнейшее для меня Ваше письмо от 20-го декабря я имела удовольствие получить; от души искренно благодарю Вас за поздравление, память обо мне, и за все добрые Ваши мне пожелания, спаси Вас Господи, и да не лишит Вас Господь небесного Своего утешения. Но скажу Вам, почтеннейший батюшка, то, что получивши Ваше письмо, меня весьма порадовало Ваше выздоровление, – вижу подпись Вашей руки, – но все же вполне я не утешена этим письмом, потому что Вы в нем ни слова не упоминаете о здоровье дорогого моего батюшки и брата отца Иеронима; каждое слово уведомления о

нем в письме Вашем еще более бы меня утешило; то вперед прошу Вас, Бога ради, не лишайте меня этого душевного утешения; а теперь прошу Вас передать мое земное поклонение дорогому моему брату отцу Иерониму, прошу его святых молитв о мне и благословения. Когда Вы были сильно больны, то он с большим сожалением о Вас уведомил меня и просил молиться о восстановлении дорогого Вашего здоровья, что я и все наши старицы и сестры обители с большим усердием исполняли и молили Господа и Царицу Небесную о Вашем исцелении и продолжении Вашей жизни еще на много и много лет во всяком благополучии. Поживите еще, Вы очень нужны для Вашей святой обители и для о. Иеронима, который душевно Вас уважает.

В обители нашей, благодаря Бога и Вашим святым молитвам, по сие время все благополучно; зима нынешняя у нас слишком холодная: такие морозы, что не натопишь никаких печей, по этому холоду и здоровье мое не особенно хорошо, часто простуживаюсь да и прихварываю.

Мать Лидия свидетельствует Вам глубочайшее свое почтение, просит Ваших святых молитв и благословения. Также и все наши старицы просят Вашего благословения и святых молитв, а они о Вас молятся и желают Вам благополучного и мирного пребывания.

Итак, еще пожелав Вам от Всевышнего Создателя доброго здоровья и во всем благополучия, поручая себя и всех моих сестер теплым Вашим молитвам, которых, имею твердую уверенность, Вы не лишите нас по Вашей любви о Господе.

С истинным моим к Вам уважением во всю мою жизнь, честь имею пребыть Борисовской Пустыни, игуменья Маргарита Соломенцева.

†

Ваши Высокопреподобия, всечестнейшие батюшки отец архимандрит Макарий и отец Иероним!

Со всеми сестрами вверенной мне обители приношу вам наичувствительную благодарность за присланную вами драгоценную святыню частицы мощей и свидетельство в достоверности их; все это я получила в сохранности.

Мы верим, что заступничеством и молитвами этих святых угодников и угодниц Божиих, обитель наша будет всегда охраняема от всяких напастей.

Как я, так и племянница моя, мать Лидия, старицы и все сестры нашей обители, свидетельствуем вам глубочайшее почтение и просим вашего отеческого благословения и святых молитв о нас грешных.

При желании вам доброго здоровья и всяких милостей от Господа, с истинным моим уважением и преданностью, остаюсь всегда помнящая вас в моих недостойных молитвах, Тихвинской Борисовской Пустыни послушница ваша, игуменья Маргарита Соломенцева.

23-го января, 1880-го года.

†

Ваше Высокопреподобие, Всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Честь имею поздравить Вас с наступающим великоторжественным и радостным праздником Воскресения Христова, желаю Вам встретить и проводить это торжество, а также и будущие многие торжественные и утешительные для каждого христианина праздники в духовной радости, добром здоровье и полном во всем благополучии.

Приятнейшее для меня Ваше письмо я имела удовольствие получить, и читала его с душевным утешением. Искреннейше благодарю Вас за все, описанное в нем, а также и внимание Ваше ко мне. Вы пишете, что желали бы скорее умереть, но я это желание Ваше не одобряю. Сколько кому Господь назначит, столько и проживет каждый человек. Я же молю Господа, чтобы Он продлил Вашу жизнь на многие и многие лета как для пользы обители Вашей, так равно и для всех ее наследников, пользующихся отеческою Вашею любовью; а дорогого для меня моего брата и общего нашего старца неужели Вам не жалко будет оставить его без Вашей помощи при его преклонных летах и слабом здоровье.

Племянница моя мать-казначей Лидия свидетельствует Вам глубочайшее

почтение, поздравляет Вас с наступающим великим праздником Воскресения Христова, просит Ваших святых молитв и благословения.

При свидании с батюшкою отцом Иеронимом прошу Вас передать ему от меня и от матери Лидии до земли поклонение, с прошением святых молитв и благословения. Я и сама буду писать батюшке отцу Иерониму.

При желании Вам всяких милостей от Господа, с истинным моим уважением и преданностью, остаюсь просящая Ваших святых молитв и благословения, Борисовской Тихвинской Пустыни игуменя Маргарита.

12-е апреля 1880 года.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший батюшка, отец Архимандрит Макарий!

С нижайшим моим поклонением, усерднейше прошу Вашего благословения и святых Ваших молитв обо мне и вверенных мне о Господе сестер! Имею честь поздравить Вас с Новым годом, от души искреннейшее желаю и молю о том Господа, да обновит и укрепит Ваше здоровье и силы Своею благодатью еще на многие и многие годы для прославления Пресвятого Его имени и пользы святой обители Вашей, а также на утешение и помощь дорогому моему брату, батюшке отцу Иерониму.

Простите меня, достоуважаемый батюшка отец архимандрит, что я, получив от Вас приятнейшее и утешительное для меня письмо и до этого времени Вам не ответила, но это так случилось потому, что я, как думаю, уже наверно возвратился во Святую Афонскую Гору отец Иоанникий, то он лично Вам передаст о нашем житье-бытье лучше нашего письма, и все это время поджидала писем как от батюшки отца Иеронима, так и от отца Иоанникия, но и доселе не имею этого удовольствия, а потому спешу уже успокоить Вас, написать Вам с этой почтою и объяснить причину моего молчания. Батюшке о. Иерониму тоже с этой почтой посылаю письмо. Спаси Вас Господи за труд Ваш в писании ко мне писем, усерднейше прошу я Вас не лишать меня этого утешения и на будущее время, и в оных, хотя строку, уделяйте

уведомлениям о родном моем брате о. Иерониме, как его здоровье; Вы знаете, как это для меня дорого. Мать Лидия передает Вам нижайший свой поклон, с прошением святых молитв и благословения, поздравляет Вас с Новым годом. Мы обе поживаем, по милости Божией, благополучно. Случается, что часто прихварываем, что делать – при начальнической должности дел множество, а также случаются дела и не особенно приятные для душевного собственного спокойствия, но все-таки, при помощи Божией, после труда бывает и легче. В обители же нашей, благодаря Бога, все благополучно и идет своим порядком; в половине января месяца в первый раз посетил нашу обитель новый наш Благодичный из города Рыльска, архимандрит отец Анатолий. Хотя в краткое время пребывание его в нашей обители, но все-таки он успел почти все обревизовать и во всем нашел порядок. Ему очень понравилось в нашей обители, да и он такой добрый и простой старец. Слава Богу, что наше начальство всегда благосклонно к нам и расположено к нашей обители, милосердная наша Покровительница Царица Небесная Тихвинская не оставляет нас грешных Своим милосердием.

При пожелании Вам от Господа доброго здоровья и всякого благополучия, остаюсь просящая Ваших святых молитв и благословения, Борисовской Тихвинской девичьей Пустыни, Ваша послушница игуменья Маргарита.

7-е февраля, 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший и многоуважаемый батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Во-первых, нижайше Вам кланяюсь, прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне и о моих о Господе сестрах.

Уведомляю Вас, достоуважаемый отец архимандрит, что у нас в обители и в моей келье был Ваш отец Флавиан, во время праздника Святой Троицы. Мы очень были рады ему, что навел нас да привез дорогую нам весть о Вашем и родного дорогого моего брата отца Иеронима житьи-бытьи. Но нас весьма огорчает, что Вы сильно больны, как сказал нам отец

Флавиан, о чем душевно сожалеем, как я, так и м. Лидия и прочие сестры обители нашей. Мы все усердно молимся Господу Богу и Царице Небесной Тихвинской о даровании Вам скорого и совершенного выздоровления и продолжении дорогой жизни Вашей на много и много лет для помощи дорогому моему батюшке и брату отцу Иерониму, а также для благо всей святой обители Вашей, да и для нас всех, душевно уважающих Вас. Простите меня, что я так долго не писала Вам и батюшке о. Иерониму. Причина этому следующая. В 1-х числах мая месяца наш Владыка, Преосвященный Ефрем, приехал в Белгород, и я должна была непременно поехать в Белгород просить Владыку к себе, потому что Владыка обещал еще и прежде, как приедет в Белгород, то и к нам. Поэтому я 5-го числа поехала в Белгород, увидела нашего Владыку, просила его к себе, он благоволил к нам быть 8-го числа этого же месяца, почему я, пробывши полтора дня в Белгороде, поспешила воротиться домой, чтобы успеть приготовить все нужное к приезду Владыки в нашу обитель; но к моему несчастью почтовые лошади, везшие меня, на половине дороги от Белгорода, стали и не пошли далее ни за что, – кто его знает, что с ними сделалось, – так, что при усилиях кучера гнать их вперед они начинали биться и в сторону бежать. Карета моя тяжелая, идет дождь, и порядочно было грязно. Я очень испугалась, так что много пешком шла. Уже становилось поздно, но что делать, принуждены были в поле остановиться и ночевать в карете, к счастью со мною было две послушницы мои и кучер мой, а другой – с почтовыми лошадьми, который и отправился с ним на постоялый один двор в поле, где странников битком было набито; в эту ночь еще был сильный ветер, продувавший с дождем в дверцы кареты, да и простудила я свою ногу так сильно, что по всей стали делаться судороги и такая боль, что с большим трудом стою в церкви, когда бываю. Утром я так разболелась, что уже едва могла до обители добраться, сестры меня встретили и так были все удивлены, где я ночевала в такую погоду, – что делать, – пришлось мне потерпеть и напугаться за эту поездку. И так заняться собой время не было, тут начали приготавливаться. 8-го числа в 6-ть часов пополудни

приехал к нам Владыка, продолжалось до 9-ти часов, потом на другой день обедню служил Владыка и благословлял всех в Церкви. Уже от обедни в час пополудни пришел ко мне в келью, тут, разумеется, было много всяких гостей, свиты его человек 20-ть, для которых помещение и угощение было в доме, где наше училище. Свита к нам приехала 7-го числа, а 9-го вечером уехала обратно в Белгород. Десятого числа готовую уже обедню слушал наш Владыка, и во все время своего пребывания в нашей обители Владыка был в хорошем расположении духа, милостив, отечески внимателен и вообще всем, по-видимому, остался доволен, в бытность мою в Белгороде также Владыка был милостив ко мне и признателен. Спаси его, Господи! В 2 часа пополудни 10-го числа святейший наш Владыка, распростившись с нами, пожелал нам всего хорошего и большого преуспевания во благе для обители и живущих в ней, изволили уехать в Белгород. Еще и Белгородская матушка игуменья по приглашению святейшим Владыкою и моему приезжала к нам в обитель к этому нашему торжеству. Поистине это торжество хотя и утомительное, но и приятное и утешительное, т. е. служение архиерейское. Я после этой простуды не перестаю болеть, нога моя что-то плохо заживает, хотя теперь я лечу ее; а тут еще и усталость от этих трудов, а силы-то у меня весьма мало, а при том еще и скорби случаются – нужно же все это переносить; от этого силы не прибавятся, а убавятся. Как хотите, святые отцы, за это слово хотя и обидьтесь, но у вас силы более моего, или может быть, вы более имеете надежду на Бога, потому вам и легче все переносить. У меня же сестер много более 6-ти сот, а я одна – всех их нужно успокоить и любовно, и вниманием, и советом, а здоровье плохо, то усердствуйте, прошу вас, молиться обо мне более нежели о себе, чтобы Господь за ваши святые молитвы помогал мне в моих очень трудных занятиях по начальнической обязанности. 4-го числа июня о. Флавиан уехал от нас в назначенный ему путь, мы очень утешились этим, что лично и обо всем с ним о вас, дорогих наших, поговорили, будто бы я лично увидела вас. Отец Флавиан в субботу под Духов День приехал утром и когда во время поздней обедни подошел ко

мне, то я сначала и не узнала его, смотрю, лицо знакомое, а не узнаю, да уже когда он сказал, кто он, то я так была обрадована. Господь его привел к торжественному празднику, и он участвовал в сослужении в соборе наших священников во всенощной и обедни и читал молитвы с коленопреклонением на вечерни на празднике Св. Троицы. Что как для него, так и для нас, очень было приятно. Конечно, о Флавиан решился на это по приглашению и согласию наших священников и моему.

Может быть, батюшки, вы подумаете, какие могут быть скорби насчет содержания монастыря, когда он не общежительный, а все живут на своем содержании, то на это скажу вам, батюшки, что очень большой недостаток средств у нас в содержании монастыря. Вот, первое – священники наши живут в домах, построенных иждивением графов Шереметьевых, дома эти очень обветшали, потом, есть два корпуса, – тоже графские, – они уже наполовину развалились, жить в них нет возможности, опасно; монахини – бедные, своей кельи по бедности не имеют, а в графских жить опасно, поэтому священники и монахини пристают ко мне с просьбой поправить как-нибудь их дома, так и кельи для монахинь; от обители средств нет никаких, а к графам нашим сколько ни писала я и просила для этого помощи, не дают ничего и даже никакого ответа на мои прошения, и письма не получаю от них. Как тут поступить? А те все плачут и я, видя их крайнюю нужду, сама плачу, а помочь не могу, разве это легко для души? Потом еще много таких бывает старушек, уже не говоря о кельях, которые они иметь никак не могут, но даже и дневного пропитания не имеют; каждый день идут ко мне просить, кто – «Пожалуйте хлебца пообедать», или «Поужинать нечего», кто просит чайку или на башмаки, то уже при помощи Божией, стараюсь каждую убоготворить и утешить, сколько могу, но все же подумаешь, где бы это взять и как бы добыть, чтобы было чем утереть слезы просящим. Уже какие только были кельи и помещения – во все поместила бедных сестер. Постриг уже у нас был, в Великий Пост уже именно, удивителен и неслыханный от основания нашей обители, и кажется, никогда не будет такого: в мантию – 12-ть человек постригли в продолжение двух дней, а потом

сколько облекли в рясофор. Не без Божьего Промысла многие приходили ко мне просить, некоторых я назначила к этому, но многих проводила. Даже когда усиленно стали просить этого, я из кельи прогнала, но они от меня да все бросились в церковь, к Царице Небесной припали, да с рыданиями упрашивали Владычицу заступиться за них и возвестить мне облечь и их. Что делать? О. благочинный архимандрит, увидевши это, стал советовать мне, чтобы утешить и их, и велели еще благонадежных выбрать к этому, то они, по облечении их, со свечами опять побежали в церковь. Благодарить Царицу Небесную за утешение.

Зрелище это было поразительное и умилительное, точно мудрые девы шли со светильниками. Помолитесь, святейшие батюшки, чтобы все они были удостоены чертога Небесного Жениха. Да, Господь, что ни делает, то все к лучшему. То устроил и мой в поле ночлег для избежания мне еще больше той скорби и испуга, что я понесла в дороге, потому что при въезде в слободу Борисовку, мост один оказался очень поврежден, от ветхости его разобрали до половины, поправлять стали. И если бы мы ночью приехали в Борисовку и не увидели бы этого разломанного до половины моста – как раз загремели бы с него в воду! Но добрый наш становой утром распорядился поставить десятских для того, чтобы, когда мы будем ехать, то остановить нас, да указать другой путь, где можно переехать, то вот Господь послал небольшую мне скорбь, а от большей избавил. Да еще, я и м. Лидия и все мои сестры поручаем себя святым Вашим молитвам, просим от нас передать наше в ножки поклонение дорогому моему брату батюшке о. Иерониму с прошением его святых молитв и благословения. Игуменья Маргарита.

Июня 13 дня, 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Прошу Вас принять мой искреннейший нижайший поклон с усердным прошением Вашего благословения и святых молитв обо мне. Уведомляю Вас, достоуважаемый батюшка отец

архимандрит, что посланную Вами святую икону Царицы Небесной «Отрада или Утешение» я получила благополучно этого 27 числа. Икона чрезвычайно хороша, ни с какою другою эту живопись нельзя сравнить – точно живая Милосердая Владычица, блещет райскою красотою и любовью ко всем живущим в мире. В день праздника Покрова Пресвятой Богородицы я намерена внести ее в церковь и на возвышенном месте поставить, чтобы все могли видеть Владычицу и с усердием помолиться Ей, Милосердой нашей Утешительнице. Как искусно и на месте поместили Вы св. великомученика Пантелеимона, спаси Вас Господи, что постарались так отлично изобразить Царицу Небесную. Я убедительно прошу Вас, меня уведомить настоящую цену, что стоит эта икона?

Прошу Вас, многоуважаемый отец архимандрит, передать мое земное поклонение душевно почитаемому мною дорогому моему брату, батюшке отцу Иерониму. Усерднейше прошу у него святых молитв и отеческого мне благословения. Молю милосердного Господа, чтобы подкреплял дорогое для меня его здоровье и жизнь еще на много лет для общего нашего утешения; на будущей почте я буду писать сама батюшке отцу Иерониму. Казначая мать Лидия земно кланяется Вам и батюшке отцу Иерониму, просит ваших святых молитв и благословения.

В обители нашей, по милости Божией и за Ваши святые молитвы, все благополучно и идет своим порядком. Хотя уже время настало холодное, но погода стоит сухая, и я пользуюсь этим благоприятным временем, при помощи Божией, начала еще большой корпус келий вновь строить для сестер обители. Усердно просят, чтобы выстроить для них новые кельи, конечно, меня лучше послушают плотники и постараются в этом деле, а мне хочется утешить моих сестер исполнением их просьбы. Конечно, они дают деньги для этого дела.

Письмо к Анастасии Ивановне Череповой я получила и при первом удобном случае передам ей.

Откровенно скажу Вам, душевно уважаемый мною отец архимандрит, что эту икону мне очень жаль отдавать матушке

игуменье Людмиле, но нечего делать, нужно отдать; даже все сестры жалеют, что нет у нас такой иконы.

Поручаю себя Вашим святым молитвам, и, прося Вашего благословения, честь имею пребыть навсегда с почтением и душевным уважением, Борисовской Тихвинской Пустыни.

Дорогому брату, отцу Иерониму, кланяюсь. Письмо его я сама получила, и скоро писать ему буду. Остаюсь Ваша послушница, ленивая игуменья Маргарита.

29 сентября, 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший и высокоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Хотя не так давно послала я Вам через почту письмо, но вот опять оказалась нужда писать Вам, и уведомить Вас, как мы провели время с 29 сентября по сие число. Уведомляю Вас, досточтимый отец архимандрит, что 29-го числа сентября месяца в 4 часа пополудни прибыл в нашу обитель отец Флавиан. Этот неожиданный нами гость своим к нам приездом доставил нам величайшее душевное удовольствие, потому что из Вашей Богом хранимой обители кто бы ни приехал к нам, то мы всегда душевно ему рады, а тем более из таких близких к Вам и дорогому моему брату, батюшке отцу Иерониму, как этот о. Флавиан, да другой отец Иоанникий, с которым можно поговорить, во многих случаях, о том, о чем я могу только поговорить с Вами да с батюшкою отцом Иеронимом, а потому имеем душевное желание, чтобы эти гости почаще навещали нас, и при свидании с Вами могли бы передавать Вам лично о нашем житье-бытье.

Итак, о. Флавиан хотел было 30-го сентября обратно уехать от нас, но я его не отпустила, а удержала у себя до 2-го октября, потому что 1-го октября был праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Под это число с вечера было у нас всенощное бдение, и когда благовестили к бдению, то, по моему приглашению, пришел ко мне в келью наш священник и духовник о. Андрей Шафранов, и с ним наши клирошане. И во время трезвона, с пением, в сопровождении священника и со свечами подняли образ Царицы Небесной «Отрада или

Утешение» из моей кельи и перенесли его в церковь, поставили на возвышенном месте против Наместной иконы, перед нею подсвечник со свечами, и так Милосердая Владычица стояла в виду всех. Сестры, увидев ее, плакали от душевного умиления, молились все с большим усердием, не могли вдоволь насмотреться на Милосердную, удивлялись такой прекрасной живописи и говорили, что просто нечеловеческою рукою писана эта икона. Уже это именно в таком важном деле невидимо Владычица помогает, вразумляет и направляет рукою художника, как бы можно лучше изобразить Ее лик. Сестры невыразимо были обрадованы, что мы получили эту икону к празднику Покрова Пресвятой Богородицы. Они полагали, что она для нашей обители была заказана и останется у нас, но когда я им сказала, что эта икона принадлежит м. игуменье Людмиле, и на этих днях я ее отправлю в Белгород, то все сестры обители приуныли и говорят: «Матушка игуменья, да что же у нас-то и не будет этого утешения», и говорят, что «мы сознаем себя, что очень много грешим, но посмотрите же на Царицу Небесную – взор Ее дышит любовью и милосердием, и усердно умоляет Пречистого Своего Сына и Господа о прощении грехов наших, так-то мы почаще бы обращались с молитвою нашею к Милосердой, и, может быть, более полагали бы благое начало к исправлению наших душевных немощей». Что делать, по недостатку средств к этому общему нашему утешению, придется отказать им. О. Флавиан участвовал в соборном служении всенощного бдения, а на другой день – в поздней обедне, что для нас всех очень было приятно видеть у себя в обители служащим афонского иеромонаха.

Весь и это день о. Флавиан провел с нами в кельи моей, а 2-го числа мы его проводили из нашей обители в его путь; а теперь спешу и вас об этом уведомить: для моей души очень отрадно, хотя на этой бумаге, побеседовать с вами, глубокоуважаемыми мною батюшками.

При этом, низайше вам кланяюсь и прошу вашего благословения и святых молитв обо мне. Дорогому моему батюшке и брату отцу Иерониму, хотя я и сама отдельно буду писать, но и Вас, достоуважаемый о. архимандрит, прошу

передать мое земное поклонение. Прошу его благословения и святых обо мне молитв.

При пожелании Вам доброго здоровья и всяких милостей от Господа, с истинною моею преданностью, остаюсь всегда помнящая Вас в моих недостойных молитвах, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни, игуменья Маргарита.

6 октября 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец архимандрит Макарий!

Усерднейше прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне с вверенными мне сестрами.

Только что в недавнее время послала я Вам два письма через почту, в которых уведомляла я Вас, что мы получили от Вас икону Царицы Небесной «Отрада или Утешение» для Белгородского монастыря. Потом во втором письме описывала, как праздновали день праздника Пр. Богородицы Покрова, и с каким усердием молились этой Царице Небесной сестры обители, со слезами говорил: «Владычица, не уходи от нас». Но чужое не зовут своим, 7-го этого октября, я с нарочным отправила в Белгород к матушке игуменье Людмиле икону Царицы Небесной. М. Людмила было обрадовалась, когда узнала, что уже привезли икону, но к ее сожалению в этой иконе оказался недостаток: во 1-х, св. великомученика Пантелеимона матушка Людмила просила на отдельной доске написать, но не вместе с Божиею Материю, а во 2-х, когда померили икону в иконостас, в место, приготовленное для нее, то икона оказалась велика на четверть аршина, а потому не годилась для иконостаса и м. Людмила ее не взяла, и нам назад возвратила икону. Вот чудеса-то Матерь Божия устроила – опять к нам возвратилась; я и сестры обители очень обрадовались этому случаю и милосердию Владычицы. Верно, Ей угодно остаться в нашей обители. Что теперь делать прикажете нам, досточтимые нами родные наши батюшки, верно, уже пожертвуете эту иконы Царицы Небесной в нашу обитель, чтобы у нас была вечная ваша память пожертвованием такой драгоценности, но заплатить вам за нее, по недостатку на это средств нашей

обители, мы не имеем никакой возможности. Обещаем только всегда молиться о вас к Милосердной, чтобы сохранила вашу дорогую для нас жизнь в добром здоровье еще на много лет. Казначая мать Лидия кланяется Вам до земли, просит Вашего благословения и святых молитв, а также и все сестры, знающие Вас, кланяются и просят святых молитв и благословения.

Прошу Вас это письмо дать прочесть глубокоуважаемому мною, родному и дорогому моему брату батюшке отцу Иерониму.

С душевным моим к Вам уважением, остаюсь всегда помнящая Вас в моих скудных молитвах, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита.

†

Душевно и глубокоуважаемый, дорогой и родненький мой батюшка и брат, отец Иероним!

Прежде всего, земно кланяюсь тебе с усерднейшим моим прошением святых молитв и отеческого благословения мне в помощь в моих многотрудных занятиях при управлении вверенною мне обителью.

Дорогой мой братец, описала я случай, какой произошел с иконою Царицы Небесной. Усерднейше прошу твоей отеческой нам милости и благословения пожертвовать эту икону в нашу обитель. Хотя у нас уже очень много вашей жертвы и дорогой для нас памяти через святые иконы, но я еще осмеливаюсь просить тебя об оказании отеческой нам милости и благодетельного и драгоценнейшего для меня с сестрами обители вашего благословения. Надеюсь на помощь Божию, и милосердие Владычицы и вашу отеческую к нам любовь, что не откажете убедительной моей просьбе, о чем прошу, дражайший мой братец, меня уведомить. Казначая мать Лидия земно кланяется, просит твоего благословения и святых молитв. Царица Небесная услышала наши младенческие молитвы, как мы со слезами Ей молились и кричали, что «Царица Небесная, не оставь нас и не уходи от нас!», о чем я уже писала о. архимандриту Макарию прежде и теперь пишу.

Сестра твоя, игуменья Маргарита. 9-го октября 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Уведомляю Вас, что дорогое для меня Ваше письмо я имела душевное утешение получить в свое время, в котором Вы и драгоценнейший для меня мой брат и батюшка отец Иероним высказали отеческую милостивую вашу любовь и желание поусердствовать в нашу обитель находящийся уже у нас святой образ Царицы Небесной «Отрада или Утешение». За каковую отеческую милость и расположение к нашей обители я и все сестры, в вверенной мне обители, приносим Вам наичувствительнейшую нашу благодарность за драгоценнейшую святыню эту и жертву Вашу, хотя уже и много есть у нас в обители Вашей памятной для нас жертвы, но настоящая доставила всем нам утешение более всех и память эта никогда не изгладится из памяти сестер, живущих в этой Богом и Царицы Небесной милосердием хранимой обители, будет переходить из рода в род. Милосердая же Владычица удостоит Вас Своего утешения и в настоящей жизни, а тем более в будущей.

Как я, так и племянница моя казначея мать Лидия нижайше Вам кланяется, просит Ваших святых молитв и благословения.

При желании Вам от Господа всяких Его милостей и доброго здоровья с истинным моим к Вам уважением и преданностью, остаюсь всегда помнящая Вас в моих недостойных молитвах, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита.

Многоуважаемый отец архимандрит, покорнейше прошу я Вас, если есть служба этой Царице Небесной «Отрада или Утешение», то пришлите нам, а если нет, то хотя бы тропарь и кондак пришлите.

24-го ноября 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Чсть имею свидетельствовать Вам мое глубочайшее душевное уважение и поздравить Вас уже с окончанием

всерадостного праздника Рождества Христова и с наступающим Новым годом.

Искреннейше желаю Вам получить от Господа новых и благодатных Его милостей душевных и доброго здоровья на многие и многие лета во всяком благополучии.

Утешительное для меня Ваше письмо я имела душевное удовольствие получить в свое время, но простите меня, что так долго я не отвечала Вам на него и не поблагодарила Вас, но это случилось, потому что теперь у нас годовые монастырские отчеты. Это время очень дорого, а у меня сил мало.

Приношу Вам наичувствительнейшую мою благодарность за Вашу память и утешение меня письмами Вашими. Прошу Вас, достоуважаемый отец архимандрит, передать мой искреннейший низайший поклон достопочтеннейшему и дорогому моему брату и батюшке отцу Иерониму с прошением для меня у него благословения и святых молитв. Поздравляю с Новым годом! Молю Господа, чтобы продлил дорогую его для нас жизнь на многие и многие лета. Если что не помешает, то с этой же почтою буду и сама писать батюшке о. Иерониму.

Казначая мать Лидия низайше Вам кланяется, просит Вашего благословения и святых молитв, поздравляет Вас с наступающим Новым годом.

В обители нашей по милости Господа и за Ваши святые молитвы все благополучно и идет своим порядком, и на будущее время уповаем на милость Божию, да будет во всем Его святая воля.

С душевным моим к Вам уважением и преданностью, пребуду навсегда просящая Вашего благословения и святых молитв обо мне, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни, послушница Ваша, игуменья Маргарита.

29 декабря 1881 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Достопочтеннейший, боголюбивейший и достоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Честь имею поздравить Вас с текущею святою Четыредесятницею. Душевное мое желание докончить Вам ее в

душеспасительном благом настроении духа, а также дожидаться, встретить и провести живоносный и всерадостный праздник Светлого Христова Воскресения в душевном спокойствии и радости о Воскресшем нашем Господе и в добром здоровье.

Уведомляю Вас, отец архимандрит, что дорогое и утешительное для меня письмо Ваше я имела душевное удовольствие получить. От всей искренности души моей чувствительнейше благодарю Вас и за все описанное в нем.

Вы пишете, достопочтеннейший отец архимандрит, что служба Царице Небесной «Отрада или Утешение» у Вас есть на греческом языке да рукописная, то я прошу Вас, отец архимандрит, будьте так добры, благоволите мне прислать рукописную, у нас читают по книжным и рукописным книгам святым.

Как только службу перепишем, вышлем.

Батюшка отец Иероним пишет мне, что Вы страдаете от боли в глазах и просит молиться о Вас. Телесная хранина приходит к разрушению. Это известие о постигшей Вас болезни не радует меня, но скорблю душою о Вас, а также и все сестры, знающие Вас, и все мы усердно молимся и будем молить Господа об исцелении Вас от мучительной этой болезни, о подкреплении и продолжении жизни Вашей еще на многие лета для блага и пользы святой обители Вашей и всех боголюбивых о Господе старцев и братства Вашего, а более всего для дорогого и ничем незаменимого для меня моего брата и батюшки о. Иеронима.

Хотя насильно, но живите ради о. Иеронима. Вы для него большая помощь, а он для Вас весьма полезен, поэтому друг друга тяготы несите.

Теперь же прошу Вас передать мое до земли поклонение дорогому моему брату, батюшке о. Иерониму, с прошением отеческого его мне благословения и святых молитв обо мне с моими о Господе сестрами. Я послала письмо батюшке о. Иерониму прежде этого. Казначейка мать Лидия нижайше Вам кланяется, просит Вашего благословения и святых молитв. А также и батюшке отцу Иерониму от м. Лидии земной поклон с прошением святых молитв и благословения.

По расчету времени думаю, что Вы это письмо получите накануне Пасхи, а потому благословите заблаговременно поприветствовать Вас радостным приветствием: Христос Воскресе!

При искреннем моем желании Вам доброго здоровья и всяких милостей Божиих, остаюсь всегда помнящая Вас в моих скудных молитвах и усердно просящая Ваших святых обо мне молитв и благословения, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита Соломенцева.

7-е марта 1882 года.

†

Многоуважаемые и боголюбивые, добрейшие Иван Иванович и Петр Иванович!

Чсть имею поздравить вас с оканчивающею святою Четыредесятницею, и с приближающимся высокаторжественным праздником светлого Христова Воскресения. От души моей желаю вам христианское, это радостное тожество встретить и провождать в духовной радости, добром здоровье и благополучии во всех отношениях.

При этом на этой же почте посылаю Вам 3 плана вида нашей Борисовской Пустыни, недавней фотографической снимки, только что из печати вышедшие, и прошу Вас принять от моего усердия два плана вам, а третий прошу вас передать от меня многоуважаемому брату вашему, Василию Ивановичу. Также потрудитесь передать ему от меня в письме вашем глубочайшее мое почтение с желанием ему всевозможных благ от Господа. Я желала бы и сама написать в Петербург Василию Ивановичу, но не знаю его адреса, а потому покорнейше прошу вас, будьте так добры, напишите мне адрес Василия Ивановича. С Афонской Горы не так давно получила я письмо от батюшки отца архимандрита Макария и от о. Иеронима. Там, по милости Господа, все благополучно, но пишет мне отец Иероним, что отец Макарий плох становится здоровьем, а главное – болеют у него глаза, и эта-то болезнь сильно его изнуряет. О. Иероним сильно о нем скорбит и просит меня с моими сестрами молиться об отце Макарии, что мы исполняем. С большим усердием молим Господа об укреплении сил и душевных, и

телесных болящего и о продолжении его жизни еще на многие лета для блага обители и утешения всего их братства, а тем более, брата моего отца Иеронима. Правду вам нужно сказать, что оба эти старца весьма нужны и полезны друг другу в духовном отношении, да и для пользы святой их обители.

Спаси, Господи, отца архимандрита Макария! Он часто мне пишет, чем приятно меня душевно утешает. Прошу вас передать мое почтение всем дорогим вашим деткам, душевно желаю им получать от Господа всякие Его милости. Я думаю, что Ваш, Иван Иванович, сынок уже велик стал. Тот, что вместе со мной обедал за одним столом. Как поживает Ваша дочка, прошу Вас меня уведомить.

Еще пожелаю Вам от Господа всех возможных благ и милостей, остаюсь искренно Вас уважающая и всегда помнящая в моих молитвах, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита.

17 марта 1882 года.

†

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Наступает 15-е июня – день общерадостный как для меня, так и для Вас, – День Ангела глубоко чтимого нами драгоценнейшего моего брата батюшки отца Иеронима. И как я, так казначея мать Лидия, и все сестры обители, которые знают и уважают батюшку и Вас, имеем честь поздравить драгоценнейшего для нас именинника, батюшку отца Иеронима, с Днем его Ангела, а Вас, досточтимый отец архимандрит, и всю о Господе духовную братию Вашу с дражайшим именинником.

Молили, молим и будем молить Милосердного Господа об излиянии всех возможных Его милостей на именинника и укрепление сил его душевных и телесных, и о продолжении дорогой для всех нас жизни его на многие-многие еще лета для утешения нашего и на благо святой обители. Желаю Вам, как этот день, так и многие будущие таковые, встречать и провожать в мире душевном, радости о Господе и в добром здоровье. Как я, так и мать казначея Лидия и сестры, знающие Вас, кланяемся Вам низко и просим Вашего благословения и святых о нас

молитв. Уведомляю Вас, что мы получили дорогие для нас письма, Ваше и батюшки отца Иеронима, а также и от брата Ивана Фомича с Афонской Горы, да еще от него же из Константинополя письмо мы получили, слава Богу, что они, с Божиею помощью, благополучно путешествуют. Иван Фомич тоже подробно описывает, как он и его спутницы свиделись с Вами и Вашим о. благочинным на пристани у Св. Афонской Горы и беседовали с Вами. Как велико и утешительно для них было оказанное Вами им отеческое внимание и радушие! Брат Иван Фомич мог и может еще получить все это еще и в обители Вашей и насладиться еще личною беседою с Вами и с дорогим братом отцом Иеронимом. А как спутницы его уже не могут поравняться с ним, то они не помнят себя от радости и слезных душевных чувств, наполнявших в это время их души, что лично видят душевно почитаемых ими батюшек, пользуются их беседою и видят, хотя бы издали, но вблизи, святое их местопребывание. Читавши приятные для души таковые строки Ваши, подробные обо всем описания и брата Ивана Фомича, Олимпиады Васильевны и племянницы Марии Ильиничны, мы прослезились при этом и возблагодарили Господа, хранящего их Своим милосердием, удостоившего такового душевного утешения. И вам, неоценимые наши батюшки, я и мать Лидия приносим чувствительнейшую душевную нашу благодарность за оказанные вами нашим путешественницам отеческие милости, любовь и радужное внимание. Да наградит вас сторицею Милосердый Господь Своими милостями за труды ваши и любовь к ближним. Спаси, Господи, дорого моего брата за доставленное утешение родным своим через вас и отца благочинного вашего. Хотя Олимпиада Васильевна и Мария Ильинична сердечно желали бы видеть и батюшку о. Иеронима, но чего при его болезненном положении невозможно, того и требовать и желать нельзя. Прошу Вас, отец архимандрит, потрудитесь передать мой нижайший поклон и душевную благодарность батюшке отцу благочинному Вашему (не имею удовольствия знать, как его имя) за понесенный им труд и доставленное удовольствие нашим путешественницам, прошу его святых обо мне молитв и благословения. Не тот ли самый

Ваш отец благочинный, имя его отец Аполлос, который находился в С.-Петербурге, и в мою бытность в С.-Петербурге оказывал мне всевозможное внимание и радушие? Когда будете мне писать, то, пожалуйста, потрудитесь об этом мне написать. Еще прошу Вас, достоуважаемый отец архимандрит, потрудитесь передать мой нижайший поклон дорогому моему брату и батюшке отцу Иерониму, усерднейше прошу его благословения и святых молитв обо мне грешной, я и сама пишу отцу Иерониму с этой же почтой.

С чувством душевной преданности поручаю себя Вашим святым молитвам, остаюсь искренне уважающая Вас, смиренная сомолитвенница Вашего Высокопреподобия, игуменья Маргарита.

Я Вам завидую, что Вы будете на именинах у дорогого моего брата отца Иеронима; заочно и меня благословите.

13 июня 1882 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Во-первых, усерднейше прошу Ваших святых молитв и благословения. Уведомляю Вас, досточтимый мною отец архимандрит, что поздравительную от Вас телеграмму с нашим престольным праздником во имя Тихвинской Божией Матери я имела удовольствие получить на Петров день, в 6 часов утра, которой я и сестры очень были удивлены: из такой отдаленности и на иностранных языках – она была написана на французском, немецком и латинском – пока нашли человека, могущего перевести ее на русский язык. Удивлялись, от кого и в чем состоит, а когда узнали в чем дело, то я с моими сестрами вместе порадовались этому и мысленно от души благодарили Вас и дорогого моего брата и батюшку о. Иеронима за Вашу любовь и отеческую заботливость о нас. Вас же, многоуважаемый отец архимандрит и дорогого моего батюшку и брата отца Иеронима со всею о Господе братией Вашей, честь имеем поздравить с приближающимся торжественным престольным вашим праздником св. вел. Пантелеимона. Желаем вам праздновать его в духовой радости и спокойствии

и в добром здоровье. Путешественники наши – Иван Фомич, Олимпиада Васильевна и Мария Ильинична по милости Господа и за Ваши святые молитвы возвратились из своего путешествия в нашу обитель 7-го июля, слава Богу, благополучно и во все время их путешествия были хранимы Божиим милосердием. Иван Фомич 11-го этого июля отправился уже домой в Новый Оскол, Марья же Ильинична здесь еще поживет, не могу определительно знать, сколько времени, но как Бог устроит ее. Я и казначея мать Лидия от всей искренности души нашей благодарим вас, дорогие наши батюшки, за труд ваш, радушие и всевозможное внимание, оказанное Марьи Ильиничне при свидании с нею и ее спутницами. А батюшку о. Иеронима благодарим за отеческое попечение о них и данное ваше благословение отправиться к Марии Ильиничне для свидания. Она ежечасно и с чувством умиления душевного вспоминает эти утешительные часы, проведенные в беседе с вами. Да утешит вас милосердый Создатель Своим Милосердием здесь, на земле, и в будущей жизни за вашу любовь к ближнему. Прошу вас передать мое земное поклонение глубокодушевно мною чтимому моему батюшке и брату отцу Иерониму. Прошу его благословения и святых молитв обо мне с моими о Господе сестрами. Если ничто мне не помешает, то в этой же почте напишу и пошлю ему письмо. Казначея мать Лидия также низко кланяется вам, просит вашего благословения и святых о ней молитв. В обители нашей все, слава Богу, благополучно и идет своим порядком. Ваш отец Илиодор был у нас в обители, привез свою мать старушку, определили ее здесь на жительство. При нем же я ее одела в черное, а он постриг ее втайне. Я ее поместила в кельи с одною старушкою таких же лет, и они живут вместе на моем столе – посылаю им пищу в келью, – а также и прислуга и все попечение о них, все зависит от меня. Пока живет, слава Богу, покойна и довольна всем, а далее, что Господь даст, то да и будет. О. Илиодор обещал, если сможет по времени, то опять заедет к нам в обитель проведать мать. Прошу вас, отец архимандрит, и батюшку отца Иеронима помолиться, чтобы Господь помог нам намерение наше привести в исполнение. В

августе месяце мы думаем просить к себе нашего Владыку освятить в пределе летней нашей Тихвинской Церкви Престол во имя святого великомученика Пантелеимона. Какого именно числа это состоится, и сами не знаем. Но когда успеем приготовить все к освящению, тогда и будет; если бы только Господь помог и укрепил мои силы и здоровье к тому времени, а теперь уже не знаю, почему, от занятий ли или от сильного жара, так устаю и чувствую сильное ослабление в силах.

Поручая себя с сестрами святым вашим молитвам, с истинным моим высокопочтением и душевною преданностью, честь имею пребыть навсегда усерднейшая сомолитвенница ваша, Борисовской пустыни игуменья Маргарита.

14 июля 1882 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший и премногоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, усерднейше прошу Вашего благословения и святых обо мне молитв. Уведомляю Вас, что утешительное для меня письмо Ваше я имела удовольствие получить и читала его с душевным утешением. От всей искренности души моей, благодарю вас, батюшка отец архимандрит, за все, описанное в письме, и за великую любовь Вашу и усердие ко мне грешной, да воздаст вам Господь Бог и Царица Небесная сторицею Своими милостями в сей жизни и в будущей. Простите меня, отец архимандрит, что так долго я вам не писала, но это потому, что у меня времени свободного и на четверть часа не было. Слава Богу, за святые общие Ваши молитвы, Господь помог давнее мое желание привести в исполнение – 5-го этого сентября у нас было великое торжество, освящали вновь устроенный в холодной нашей Тихвинской Церкви, в Пределе, Престол во имя святого великомученика Пантелеимона. К этому торжеству и для освящения Престола по моему приглашению приезжал к нам наш Владыка, Преосвященный Ефрем, со своею свитою, и наш благочинный Рыльский архимандрит о. Анатолий. Во время освящения Престола я стояла в алтаре, вблизи престола и окружена спереди, сзади и с боков священниками, протодиаконами, диаконами и иподьяконами, и

так забыла я себя от душевной радости, думала, что стою я в Афонской Горе в монастыре и храме святого великомученика Пантелеимона. И только почему-то не вижу знакомых мне и дорогих моему сердцу батюшек: о. архимандрита Макария да родного моего брата батюшку отца Иеронима. Тогда только я вспомнила, где я стою, когда в кругу всех меня окружающих бросился пред моими глазами освящений Престол наш благочинный отец архимандрит Анатолий, а вышедши из алтаря, я увидела тут же вблизи моих сестер. Вот до какой степени овладело моею душою радостное чувство по случаю освящаемого у нас Престола в честь и славу св. в. Пантелеимона. Прошу и вас, родные батюшки, порадоваться с нами в нашей радости; при этом мы все молились о вас, чтобы Господь и Его св. угодник поддерживали вас на многие лета в добром здоровье и всяком благополучии.

Очень я устала за это время, сами можете судить, какая была при этом суета и беспокойство разного рода. Владыка со свитою к нам прибыл 4 сентября, а уехал – 7-го, Благочинный же о. арх. Анатолий приехал 31 августа, а уехал – 9 сентября. Вот сколько времени погостил у нас. Теперь я и м. Лидия никак не отдохнем, почти без ног остались. 8-го сентября у меня в келье по благословению святейшего нашего Владыки облекли в рясы и камилавки 18 человек моих послушниц. Слава Богу, что утешить пришлось и послушниц, вверенных мне. Прошу Вас, достоуважаемый отец архимандрит, передать мое земное поклонение дорогому родному моему брату, батюшке отцу Иерониму, с прошением его святых молитв и отеческого благословения, и передайте ему, как мы тут поживаем. Казначая мать Лидия нижайше кланяется Вам, просит Вашего благословения и святых молитв. Также и батюшке отцу Иерониму мать Лидия просит Вас передать от нее земное поклонение с прошением святых молитв и благословения. Отец Илиодор к нам на возвратном пути еще не заезжал, старушка же мать его поживает, слава Богу, благополучно, здорова и покойна духом и телесно. Что нужно к ее спокойствию, все ей доставлено. Живет она вместе с одною старушкою, подобной ей, ладно. Если какая из них заболит, то другая скорбит и

жалеет ее; случается, что говорят тихо и дружно, а когда крупный разговор затеют и одна на другую пожалуется мне, то умиряю их сама или пошлю кого из своих послушниц. Что делать, как-нибудь Господь поможет за святые Ваши молитвы и старца нашего, батюшки отца Иеронима, совершить мне путь монашеской жизни и достигнуть необогреваемого тихого и радостного пристанища Царствия Небесного. Остальное все во вверенной мне обители благополучно; уже настал холод у нас, с 10 сентября у нас по утрам и вечерами очень холодно и бывают морозы, мы уже начали печи топить в наших кельях.

Мария Ильинична еще у нас гостит, она Вам передает свое нижайшее почтение, с прошением святых молитв и благословения, и батюшке о. Иерониму, и просит его святых молитв и благословения, она Вас всегда помнит в своих молитвах. Отцу Иерониму Гончарову, отцу Аполлосу и всем, кто нас знает, кланяемся и просим святых молитв. Я просила благословения у Его Преосвященства, чтобы в этом же Приделе совершать празднование и святому великомученику Георгию Победоносцу. Он благословил это. Как вспоминаю святых Великомучеников, так и вас, родных моих батюшек, припоминаю.

Еще прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне. С глубочайшим моим к вам уважением честь имею пребыть навсегда, Борисовской Пустыни игуменья Маргарита, ленивая и нерадивая.

17 сентября 1882 года.

Тетрадку с написанной службой Царице Небесной «Отрада или Утешение» я получила благополучно. Благодарю Вас за нее. Батюшке о. Иерониму я тоже этой же почтой посылаю письмо.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, нижайше кланяюсь вам и усерднейше прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне с моими о Господе сестрами. Уведомляю Вас, что письмо Ваше и иконы я имела утешение получить. Письма Ваши невыразимо утешают

меня и м. Лидию; мы обе приносим вам за них глубочайшую душевную нашу благодарность и просим Вас по возможности и на будущее время не лишать нас этого утешения. Иконы чрезвычайно хороши и как есть пришлись по киотам, спаси вас Господи, родные наши, что вы постарались и потрудились эти иконы сделать по желанию нашему в точности. Прошу Вас, достоуважаемый батюшка, отец архимандрит, потрудитесь передать от меня и от матери казначеи Лидии земное наше поклонение досточтимому от всей моей души родному моему батюшке и брату, отцу Иерониму; усерднейше просим его отеческого благословения и святых о нас молитв. От всей души нашей приносим глубочайше-искреннейшую благодарность батюшке отцу Иерониму за его отеческие к нам милости. О себе уведомляем, что мы, по милости Всевышнего Творца и за ваши святые молитвы, живем благополучно, здоровье в средней мере. Вот уже начинает у нас показываться зима, вчера сильная была метель, снег, из кельи никуда не возможно было показаться, а сегодня уже подмерзло и довольно холодно. В настоящее время у нас и постройка утихла. Тот корпус келий, о котором я весной писала вам, что начала строить под именем «Георгиевский» уже, слава Богу, окончили. Просившие его строить сестры и дававшие для этого деньги теперь уже все перешли в эти новоустроенные кельи, смотря по своим деньгам и удобству, каждая получила себе келью и весьма благодарны мне за то, что избавила их от трудов заниматься самим присмотром за постройкой, что для них очень неудобно. Отец Илиодор к нам не заезжал в настоящее время и мы не знаем, что он уже возвратился, а если он уже у вас, то передайте ему от меня нижайший поклон, прошу его молитв обо мне, и скажите ему, что мать его старушка жива и здорова, живет здесь покойно и не скучает. В новоустроенном корпусе 28 печей, 136 дверей со всеми принадлежащими к нему чуланами-амбарчиками, и прочим необходимым, и несколько галерей. Печи все можно в одно время топить – вреда не будет от одной и другим. Наша каменная ограда монастырская, что на восточной стороне, начала распространяться далее, потому что тесно в монастыре стало и новых корпусов строить нет места. Ограду эту начала я

распространять, при помощи Божией, с одним рублем серебром. Одна надежда была на Господа и Его Пречистую мать. И вот, при помощи Божией, эта ограда выросла уже значительно и тоже каменная, потому что у нас плетни или дощатые заборы борисовские жители все разбирают ночью и берут дерево для своих потребностей. В таком случае, хотя и весьма дорого становится каменная, но делать нечего, по крайней мере, покойнее и прочнее будет. В продолжение ее постройки, если кто ко мне придет или приедет в обитель из знакомых или и незнакомых лиц, то бывают у меня в келье. Вот я и предложу им листик подписаться и по силе своей поусердствовать на строящуюся ограду. Кто 1 рубль, кто два, а много три, а более всего 20 коп., 30 и 10, кто что может. Даже и сестры обители по усердию своему и возможности жертвовали копейки в означенном количестве. Одна сестра приходит ко мне и говорит: «Матушка! Я заработала 25 копеек, то желаю их пожертвовать на монастырскую ограду», – я приняла ее усердие, и 20 копеек отдала ей обратно, купить для нее же хлеба – она была очень бедная, – а 5 копеек взяла на ограду. Видите, родимые наши батюшки, на какие средства и значительные пожертвования мы производим постройку у нас монастырской ограды.

С Новгородской игуменьей матушкой Лидией я имею переписку, и мы с ней всегда беседуем про вас, дорогие наши батюшки. Недавно я послала ей большое письмо, копия с которого когда-нибудь будет и у вас. Дай, Господи, Царство Небесное усопшему рабу Божию иеросхимонаху Иерониму. Мы здесь его поминали по его кончине до 40–ка дней, а в 40-ый день у нас были обеды по нем. Человек 200 сестер обители перекормили, в особенности из бедных и трудящихся, т.е. звонарок, подметальщиц церквей, будилок и т.п. Все с усердием поминали и поминают и благодарят за доставленное им утешение через хорошую пищу. И так по кельям сестер раздавала булки и пирожки, священники у меня в келье закусывали в 40-ый день, и некоторые из монахинь. Племянница моя Мария Ильинична кланяется Вам и батюшке отцу Иерониму, просит ваших святых молитв и благословения.

За тем простите, достоуважаемый батюшка отец архимандрит, молю Бога, чтобы поддержал Вашу жизнь и укрепил Ваше здоровье еще на многие лета для блага святой обители Вашей и моего дорогого брата, батюшки о. Иеронима.

Поручаю себя святым Вашим молитвам, и вам в ножки кланяюсь. Дорогому брату о. Иерониму тоже буду писать, Игуменья Маргарита. Спаси Вас Господи!

5 ноября 1882 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Высокоуважаемый и глубоко чтимый мною батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, нижайше кланяюсь Вам и усерднейше прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне, с моими сестрами.

Уведомляю Вас, достопочтеннейший батюшка отец архимандрит, что мы получили 30-го ноября Вашу телеграмму, очень прискорбную для нашей души, извещающую нас о постигшей болезни дорогого и ничем и никем незаменимого для нас, родного нашего батюшку отца Иеронима. Получили мы телеграмму пред поздней обедней, в этой же обедне я просила нашего священника поминать на ектеньи о болящем – болеющего иеросхимонаха Иеронима, – и читали молитву с коленопреклонением, как я, так и сестры, какие были у обедни, со слезами молились ко Господу о восстановлении от одра болезни драгоценнейшего нашего батюшки, и о даровании ему еще жизни и здоровья на многие года для нашего утешения. И по кельям сестры все молились и молятся за родимого нашего батюшку отца Иеронима, и в церкви неукоснительно идет о нем молитва ко Господу. Скажу вам, батюшка отец архимандрит, что меня до болезни встревожила эта телеграмма. От душевной скорби, так сильно угнетавшей мою душу, я не знала, что мне и делать – прямо пошла к обедне и пред чудотворным образом нашим Царицы Небесной Тихвинской я как к живой Владычице говорила: Милосердная Заступница! Поддержи жизнь моего старца, брата и батюшки о. Иеронима, если я его лишусь в настоящее время, то это горестное душевное испытание для меня будет, как мне кажется, сверх сил моих; потому что при

несении мною тяжелого такого ига начальничества над многочисленной духовной моею семьей одно для меня на земле утешение – брат мой, за святые его молитвы я живу на свете, и Господь и Царица Небесная помогают мне в делах и управляют путь мой на волнисто-обуреваемом житейском море. Когда получили вторую Вашу телеграмму, то я и не могла ее видеть, а не только распечатать, боясь узнать из нее еще более скорбное для меня. Отдала ее моим племянницам матери Лидии, Марие Ильиничне и Анне Ильиничне, распечатать и узнать в чем дело. И, верите ли, пока ее перевели на русский язык, то у меня не оставалось терпения скорей узнать, как здоровье батюшки. Ну, слава Богу! Перевели и узнали, что немного лучше, хотя несколько отлегло от сердца. Ох, дай, Господи, чтобы дорогой мой брат пожил еще на свете для пользы и утешения вашего и нашего. Казначей мать Лидия, Мария Ильинична и Анна Ильинична также сильно скорбят об этом и усердно молят Господа о восстановлении здоровья и об укреплении драгоценнейших сил родного своего дядюшки. Они при этом нижайше Вам кланяются, просят Ваших святых молитв и благословения. Я же усердно прошу Вас, отец архимандрит, передать от меня и от племянниц моих земное поклонение всечестному батюшке и брату моему, отцу Иерониму с прошением у него нам отеческого благословения и святых о нас молитв. И передайте ему об испытываемой нами душевной скорби по случаю его болезни, но все-таки при всем нашем унынии, мы веруем, что хотя недостойные, но усердные наши молитвы ко Господу Он не отвергнет и умиласердится над нами, и подаст нам утешение, а тем более священнослужителей, молящихся пред Его Престолом, Он услышит и исполнит их прошения.

Вот уже недалеко и высокаторжественный праздник Рождества Христова, с которым честь имею поздравить Вас, многоуважаемый батюшка, отец архимандрит, и родного батюшку отца Иеронима, от всей искренности души нашей желаем вам встретить радостный для души праздник и провести его в добром здоровье душевном, спокойствии и во всяком

благополучии. При этом я прилагаю письмо и брату моему, батюшке отцу Иерониму.

За тем, поручая себя святым Вашим молитвам, которые много помогают мне в моих трудах, с совершенною преданностью и высокопочтением честь имею пребыть навсегда к вам, смиреннейшая сомолитвенница Ваша, Борисовской Тихвинской Девичей Пустыни игуменья Маргарита.

Прошу сказать мой поклон о. Аполлосу. Я помню его и молюсь и я, и также моя келейная молится за него. Анна Баранова, дама, которая со мною была, умерла, помолитесь за нее. Девушка была хорошая, и сестра ее Мария умерла давно.

Игнат Николаевич Меркулов был у нас, поехал в Хрущев монастырь, я его спросила о нем. Он скорбит, что ушел из Афона. Еще Новоскольской был. Да прошу сказать отцу Илиодору, что он письма ко мне не написал, как он доехал, хотя Игнат говорил, что его видел. Но мать его у меня все устраивает; старые, как малые дети. Отцы наши, кормильцы, за рыбку, спаси Господи! Скажите о. Иоанникию, рыбу сохранно получили; спаси, Господи, за труд.

10 декабря 1882 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий!

Честь имею поздравить Вас с наступившим Новым годом. От искреннейшей души желаю Вам провождать как сей год, так и еще многие будущие в душевном спокойствии, добром здоровье и в счастливых успехах в духовной Вашей деятельности. При этом усерднейше прошу Вашего благословения и святых обо мне молитв. А также позвольте мне поздравить Вас с приближающимся Днем Вашего Ангела – 19-го января. Желаю Вам его встретить и провести в благополучии душевном и телесном. По обычаю нашему будем о Вас молиться в День Вашего Ангела, поминовением Вас на святой литургии Царице Небесной Тихвинской, чтобы Господь продлил жизнь Вашу еще на многие лета во всяком благополучии для пользы святой обители Вашей и всех преданных вам.

Казначея мать Лидия и Мария Ильинична и Анна Ильинична
нижайше кланяются Вам, поздравляют Вас с наступившим
Новым годом и с Днем Вашего Ангела, желают вам мира
душевного и здоровья телесного, просят Ваших святых молитв
и благословения.

Прошу Вас, достопочтеннейший отец архимандрит,
передать от меня и от племянниц моих матери Лидии и Марии
Ильиничны и Анны Ильиничны земное поклонение
досточтимому нашему батюшке и старцу, моему дорогому брату,
отцу Иерониму, с прошением святых Ваших молитв у него и
благословения. Поздравляем батюшку с наступившим Новым
годом. Молим Господа о продолжении дорогой для нас его
жизни на многие еще лета для нашего и вашего утешения. А
еще поздравляем батюшку с дорогим именинником. Святые
Отцы! Благословите, вас покорнейше просим, попросить об
оказании вами отеческой милости заблудившей было овцы от
назначенного ей свыше драгоценнейшего в мире Стада святых,
Богом собранных в Жребии Матери Божией. Эта овечка – Игнат
Николаевич Меркулов, уже живший у вас и опять
возвратившийся сюда по искушению вражьему, а Божиему
попущению, для смирения его же. Примите его, Бога ради,
опять к себе, потому что он опять желает к вам. По отбытии от
вас в Россию ни на минуту не находит себе душевного
спокойствия и сильно скучает по Вашей святой обители и по
вам, отчески милостиво обходившихся с ним. Был в Хрущевой
обители, две недели пожил там, но покоя не нашел и дух его не
расположился там остаться, но стремится опять к вам. В
настоящее время посылает свою жену на родину за
увольнением ему, сам же он ни за что не хочет туда ехать.
Может быть, Матерь Божия теперь укрепит его на спасительном
пути благословенного Ее Жребия. Будем о нем молиться все
вкупе, и еще прошу Вас простить Игната.

За тем препоручаю себя и всех моих сестер святым Вашим
молитвам Вашего Высокопреподобия, смиреннейшая игуменья
Маргарита.

5 января 1883 года.

†

Воистину Воскресе! Заранее. Ваше Высокопреподобие, отец архимандрит Макарий!

При пожелании Вам всякой благодати от Господа и Царицы Небесной, поздравляю Вас с наступившей святой Четыредесятницей, и уведомляем Вас, наш благодетель, что я, недостойная, получила Ваше утешительное письмо и два изображения Божией Матери и св. великомученика Пантелеимона, еще 100 рублей первого числа марта. А второго отвечаю, этот день моего Ангела от крещения – Евдокии. Я только из церкви прихожу, а мне Ваше письмо подают, спаси Вас Господи!

В какой день Вы меня сердечно утешили. Я за Вас буду молиться. И я на них каши куплю, круп, пшена, и понемногу им раздавать буду, а что – на трапезу и себе. Добрейший, чем я могу вам отплатить? Только «Спаси, Господи!» прошу. Об этом сказать дорогому моему брату о. Иерониму, он Вас поблагодарит. А я вам послала писанки и чулочки от Лидии тоже. По получении прошу меня уведомить. У нас, за Ваши молитвы, все благополучно, хотя и болеют понемногу. Прошу Вас, ради Бога, берегите болящего моего брата о. Иеронима, его на холод не пускайте. Скажите ему, что письмо и посылку послала. Исповеданную молитву – у нас грехов более ваших, – прошу прочесть, и разрешить всему нашему монастырю, так все сестры просят. Я и Лидия просим святых Ваших молитв, остаемся ваши вечные богомольцы, игуменья ленивая Маргарита.

В ножки Вам и брату кланяемся, и кто нас знает, просим святых молитв.

1883 года, месяца марта 2 числа.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестной и досточтимый о Господе, батюшка отец архимандрит Макарий!

Придя сейчас от святой Божественной литургии, где молились о Вашем здравии и о даровании вам Господом Богом и Его Пречистой Матерью благополучного и счастливого еще на много-много лет долгоденствия, я и казначея мать Лидия, спешим от всей души принести Вам в сих строках глубоко

почтеннейшее наше поздравление с Днем Ангела Вашего. От всей искренности души нашей желаем вам еще много лет встречать и провожать такие достопамятные дни в жизни Вашей в полном душевном мире, здоровье и всяком благодатном утешении от Господа. Вверенных же, по воле Божией, о Господе братьев Вам, всех поздравляем с дорогим именинником и желаем им от Вседраго Господа получать милости на утешение души. А еще честь имеем поздравить Вас с наступившим Новым годом. От всей души желаем вам провести текущий год, со всею о Господе вверенною вам братией, во всяком благополучии. Письмо Ваше я имела душевное утешение получить, за которое приношу Вам наичувствительнейшую благодарность. Как нам грустно, что дорогой наш батюшка отец Иероним все не здоров, я очень-очень соскучилась, что давно не получала от него письма, но что делать – все состоит в воле Божией, и нужно покоряться Его святой воле.

В обители у нас, по милости Божией, все благополучно. Вот предстоит день празднования – 21 января – Царице Небесной «Отрада или Утешение», а так как у нас в обители есть, по отеческой Вашей к нам любви и усердию, образ Матери Божией, то и у нас будет торжественное всенощное бдение в честь праздника образа Милосердой Владычицы, именуемой «Отрада или Утешение». Спаси, Господи, Вас и дорогого моего брата, батюшку отца Иеронима за доставленное нам утешение душевное через это. Прошу Вас от меня и от м. Лидии передать земное поклонение батюшке отцу Иерониму, просим его святых молитв и благословения. Я недавно послала о. Иерониму письмо, извещавшее о кончине нашей монахини старицы Алимпии. Вам я и Лидия нижайше кланяемся, просим Ваших святых молитв и благословения, игуменья Маргарита.

19 января 1884 года.

†

Родной мой брат и отец Иероним! Доколе ты будешь болеть. Не бросай нас; но только по Бозе. Ты – мой утешитель. Ты по воле Божией умрешь, то и мне благослови на покой подать. Мне игуменство очень наскучило: все суета да забота.

Старушек много, горе мне с ними. Ты помолись за меня, чтобы Господь меня укрепил. Я тебе, мой родной, письмо послала. Прости. Будь здоров.

Остаюсь твоя сестра игуменья Маргарита.

†

Воистину Воскресе! Ваше Высокопреподобие! Досточтимый о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Почтеннейшее письмо Ваше с поздравлением меня с высокаторжественным праздником Светлого Христова Воскресения я получила. Спаси Вас Господи за поздравление и память обо мне. Взаимно и Вас имею честь поздравить с прошедшим сим живоносным праздником, от души желаю вам встретить и провести и будущие торжественные праздники – святое Воскресение Господа нашего Иисуса Христа, а потом сошествие Святого Духа. Даруй, Господи, и Вам и нам вступить и провести сии всерадостные и живоносные праздники в благодатном и свыше утешении. За Ваши святые молитвы и благодаря милостям Господа к нам грешным, мы встретили и провели праздник Пасхи благополучно. Хотя далеко не сравнивалась погода, бывшая во время Пасхи в прошлом году, сухо и ясно, а в настоящую была погода суровая, холодно и пасмурно, на первый день дождь шел, а потом стала засуха и сильный ветер, так что у нас в церкви молились ко Господу о послании дождя, и Милосердый Господь послал хороший дождь. Теперь стало тепло, деревья начинают развиваться, в полях зеленеет, и огороды копают и сажают.

Здоровье мое незавидное, а дел с наступлением весны очень много прибавилось, постройка началась священнических домов и внутри обители в церквях и кельях поправка, все это постоянно требует моего личного надзора и распоряжения. Усерднейше прошу Ваших святых молитв и благословения на помощь мне и в подкрепление моих сил для блага и пользы святой обители и сестер моих о Господе.

Казначая мать Лидия нижайше кланяется вам, просит Ваших святых молитв и благословения, благодарит Вас за поздравление ее с праздником светлого Христова Воскресения, а Вас поздравляет с будущими всерадостными праздниками.

Вот мой брат Иван Фомич отправляется к вам в Афонскую Гору, дай Бог ему благополучно совершить свое путешествие, и мы с нетерпением ожидаем его тогда от вас к себе. Он лично Вам передаст о нас, а нам – о Вас, родных наших батюшках.

За этим поручаю себя святым Вашим молитвам. Прошу Вашего благословения, остаюсь игуменья Маргарита.

29 апреля 1884 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший о Господе батюшка, отец Макарий!

Считая приятнейшим и священным для меня долгом, приношу Вашему Высокопреподобию усерднейшее и глубокое мое поздравление с высокаторжественным и многорадостным для всех нас, христиан, праздником Рождества Христова и наступлением Нового года! От всей души желаю и молю Милосердного Господа и Царицу Небесную провести Вам сии святые дни и конец этого года, а также и еще многие лета в полном здоровье, мире и спокойствии душевном и во всяком благополучии, служащим ко спасению и благоденствию Вашему. Да продлит Господь жизнь Вашу и подкрепит Вас, на счастье и душевное спасение Им Самим вверенных бдительности и мудрому правлению Вашему чад духовных!

Мать Лидия, смиренно Вам кланяясь, приносит Вам свое усердное поздравление и сердечное пожелание всего наилучшего от Милосердного Создателя. Я и она всеусерднейше просим Вашего благословения и святейших Ваших молитв на помощь, утешение и подкрепление нам в посильных трудах наших. Здоровье м. Лидии, за Ваши святые молитвы теперь, благодаря Господа, сносно и терпимо, и надеюсь на милосердие Божие, в надежде, что и совсем поправится. Достопочитаемому брату отцу Иерониму усердно просим Вас передать наши поклоны с поздравлением его с радостным праздником, просим его святых молитв и благословения, при искреннем пожелании ему от нас всего благого.

Всем знающим меня святым отцам и братьям усердно прошу передать мое глубокое поклонение, поздравление с

высокопраздничным праздником и пожелание спасения душевного и полного благоденствия.

При искреннем пожелании Вашему Высокопреподобию еще многочисленных щедрот от Милосердного Создателя, прося Вашего благословения и святых молитв, остаюсь усердная и смиренная ко Господу сомолитвенница Ваша, игуменья Маргарита.

Декабря 22-го дня 1884-го года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Приношу вам глубокое мое поздравление с Новым годом и от всей души желаю и молю Милосердного Господа в моих недостойных молитвах о здоровье Вашем и полном благоденствии о Господе Иисусе на многие-многие лета. Уведомляю Ваше Высокопреподобие, что оба Ваши письма я получила: одно – поздравительное, а другое – о посылках, и приношу мою искреннюю благодарность за поздравление меня с праздником. Поручение Ваше почла за счастье исполнить, и за молитвы Ваши все сделано с точною аккуратностью и посылки отправлены по назначению; травка же у нас вся вскоре разошлась в пользу больных и бедных, которые возносят за Вас усердные молитвы ко Господу за благодеяния Ваши и снабжение нас Афонской Святыней. Еще усердно благодарю Вас за предупредительное поздравление Ваше с Новым годом меня телеграммой. Как я сама уже догадываюсь, собственно, телеграмма вся состояла в том, что Вы, досточтимый батюшка, и отец Иероним поздравляете меня с Днем Ангела, что и привело меня в маленькое недоумение, но я думаю, что это ошибка со стороны какого-нибудь телеграфиста. Казначейка мать Лидия усердно благодарит Вас за поздравление и просит благословения и святых молитв Ваших. Батюшке отцу Иерониму наше глубокое почтение и душевное приветствие с прошением от него на помощь нам его святых молитв и благословения. При многих пожеланиях вам всех неизреченных благ и милостей от Бога, прося Ваших святых молитв и благословения, остаюсь

усердная благожелательница Ваша и смиренная ко Господу Богу и Царице Небесной сомолитвенница Ваша.

Марья Ильинична Вам и батюшке отцу Иерониму земно кланяется в ножки и усердно просит Ваших святых молитв о ней и о ее детях Николае и Александре, и благословения им всем. Игуменья Маргарита.

Января 1-го дня 1885-го года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший и досточтимый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, усерднейше прошу Ваших святых молитв и благословения. Письмо Ваше я получила; усерднейше благодарю Вас, батюшка отец архимандрит, за поздравление меня с Новым годом и праздником Рождества Христова. Взаимно и Вас имею часть поздравить с Новым годом и с прошедшим праздником Рождества Христова, а еще поздравляю Вас с прошедшим Днем Вашего Ангела. Простите, что не предварила поздравлением Вас с Днем Ангела, не сочтите за невнимание или чтобы я могла забыть об Вас. Нет, я помнила, и в этот день в церкви молитвенно вспоминали Вас поминовением на святой Божественной литургии и на молебне; молились и молимся, чтобы Милосердый Господь продлил Вашу жизнь и укрепил здоровье Ваше на многие-многие лета для блага святой обители Вашей и всех ближних, душевно преданных вам.

Вот уже приближается Святой Пост, с которым поздравляю Вас и прошу Ваших молитв на помощь нам провести святую Четыредесятницу в душевной пользе.

Прилагаю при этом письмо, полученное мною от священника известного вам пригорода – Выборга – о. Иоанна, которому по поручению Вашему я отослала пять икон, ошибочно попавшие ко мне. А то он очень беспокоится об иконе Успения Божией Матери, которую к Вам отослал и просил устроить живопись при той иконе, но так как до сих пор он не получил, то уже и думает, что не отослали ли ее в другое какое-либо место. Спрашивает, не прислали ли ее ко мне. Я ему с этой же почтой посылаю письмо; пишу, что у меня нет, а может

быть еще икона не готова. Поспешите его уведомить и успокоить.

Прошу Вас, потрудитесь передать от меня земное поклонение дорогому моему брату и старцу, батюшке отцу Иерониму, прошу его благословения и святых молитв. Казначая мать Лидия вам кланяется, и Марья Ильинична кланяется, и просят Ваших молитв и благословения. За тем поручаю себя Вашим молитвам, и остаюсь просящая Вашего благословения послушница Ваша игуменья Маргарита.

26 января 1885 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший и досточтимый о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Вот, по милости Божией, находимся мы и опять у преддверия великоторжественного праздника праздников и торжества торжеств – светлого Христова Воскресения, с которым и поздравляю Вас, батюшка отец архимандрит, с искренним моим желанием Вам провести эти живоносные дни, а потом и еще многие лета встречать и провожать в полном душевном спокойствии, в добром здоровье и во всяком благополучии, для пользы и утешения святой вверенной Вам обители и пользы ближних, преданных вам. Казначая мать Лидия при нижайшем поклонении усердно просит святых Ваших молитв и благословения, поздравляет Вас с праздником.

Когда Вы получите эти мои строки, то, вероятно, уже наступят светоносные дни Праздника Христова, а потому и я, и Лидия мысленно заочно приветствуем Вас с этим всерадостным приветствием: Христос Воскресе!

Достопочтеннейшему нашему старцу, батюшке отцу Иерониму от меня и от м. Лидии потрудитесь передать земное поклонение с просьбой его святых молитв о нас и благословения, усердно поздравляем с живоносным праздником Воскресения Христова.

Семен Фомич за святые Ваши молитвы благополучно прибыл к нам в день Похвалы Пресвятой Богородицы ночью, т.е. 9-го числа марта, а 12-го числа обратно уехал в предназначенный ему путь. Поклоны ваши и приветствия нам

мы получили от Семена Фомича. Спаси вас Господи, родные наши батюшки, за усердие и внимание к нам грешным. Да не оставит Вас всех близких нашему сердцу Своею благостью Небесный Мздовоздатель. У вас праздник Пасхи должен быть еще торжественнее по случаю почти летней погоды и цветущих растений, у нас же далеко не равняется с вами: в настоящее время, хотя погода уже лучше, но грязь невылазная, часто дожди идут, в воздухе сырость и на здоровье неблагоприятно влияет полу-весенний воздух. Еще усердно благодарю Вас за поздравление меня с Днем Ангела, но я праздную День Ангела 1-го сентября – она была царская дочь Марфа, в монашестве же наречена Маргарита и так спаслась, так о ней говорится в Полных Российских Святцах; более же нигде ничего не упоминается.

Прошу Вас передать мой поклон всем о Господе братьям Вашим, а наипаче тем, кто меня знает, поздравляю с праздником и прошу святых молитв обо мне.

За тем еще при многочисленных моих Вам пожеланиях всех возможных благ от Господа, прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне, остаюсь душевно уважающая и всегда помнящая Вас в моих скудных молитвах, игуменья Маргарита.

15 марта 1885 года.

†

Христос Воскресе! Всечестной о Господе батюшка отец архимандрит Макарий!

Приношу Вам душевную мою благодарность за письменное Ваше поздравление меня с великоторжественным праздником Живоносного Воскресения Христова. Взаимно и Вас поздравляю уже с прошедшим Живоносным праздником, желаю Вам провести святую Пятидесятницу и все будущие торжественные праздники в душевном мире, спасении и во всяком благополучии ко благу Вашему и вверенной вам святой обители.

При этом усердно прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне грешной. Мать Лидия низайше кланяется, просит Ваших святых молитв и благословения, поздравляет Вас с прошедшим праздником и с текущею святою Пятидесятницею, усердно благодарит за поздравление и память о ней. Вы

заботитесь узнать, когда именно День моего Ангела, то я праздную День Ангела 1-го сентября. Св. праведная Маргарита была царская дочь (по имени Марфа), вступила в монастырь, жила так и так спаслась; о ней только всего упоминается.

К празднику поздравительные письма я послала Вам и батюшке отцу Иерониму. Вы их, верно, уже получили.

Всей о Господе братии Вашей, и кто меня знает, низко кланяюсь. Прошу святых молитв обо мне и поздравляю с прошедшим праздником.

Пасху, по милости Божией, мы встретили и провели благополучно, погода у нас стоит весенняя, два дождя прошли хорошие, и стала трава зеленая показываться.

За тем еще пожелав вам от Всевышнего Создателя всяких благ и милостей, игуменья Маргарита.

1 апреля 1885 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестной о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, усерднейше прошу ваших святых молитв и благословения. За тем, имею честь поздравить Вас с наступившим святым Постом, желаю вам провести его благополучно в душевном спокойствии, а также поздравляю с преддверием именин дорогого вообще для всех нас, досточтимого старца, батюшки отца Иеронима. Дай, Господи, чтобы дорогой наш именинник встретил и провел День своего Ангела вкупе с вами, преданными ему душой и сердечно любящими собратями в добром здоровье, душевном мире и благополучии во всех отношениях. Будем молить Господа о продолжении жизни батюшки о. Иеронима еще хотя бы на несколько лет для утешения нашего. Иван Фомич прибыл к нам 22-го этого мая, теперь он уже окончательно решил свои дела в Новом Осколе и отправляется к вам в Афонскую гору, скоро поедет отсюда. Казначейка мать Лидия Вам нижайше кланяется, просит Вашего благословения и святых молитв, заблаговременно поздравляет с будущим дорогим именинником. Письмо я Ваше получила, спаси Вас Господи, за уведомление обо всем и за все благие Ваши пожелания мне.

Слава Богу, что Вы хранимы Господом и Его Пречистою Матерью, и подвизаетесь в святом послушании. Да укрепит Милосердый Господь и на будущее время силы Ваши для пользы и славы святой вверенной вашему управлению обители.

Еще прошу святых Ваших молитв обо мне с моими о Господе сестрами, остаюсь недостойная сомолитвенница ваша, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита.

25 мая 1885 года.

†

Всечестнейшему Его Высокопреподобию, батюшке игумену отцу Макарию!

Батюшка, Бога ради, простите меня, многогрешного Иоанна; я, слава Богу, теперь с Новым Осколом развязался. Бог меня устроил, я в настоящее время нахожусь у игуменьи матушки Маргариты, и как она меня благословит, выеду отсюда, и буду спешить к вам в свое определенное место. Бога ради, прошу Ваших святых молитв обо мне, многогрешном Иоанне, чтобы скорей и благополучно Бог и Царица Небесная меня донесли. И кланяюсь я Вам в ножки и целую вашу десницу, и желаю Вам от Бога и Царицы Небесной здоровья на многие ваши лета, и провести в радости 15-ое июня – именины – в добром здоровье. Остаюсь ваш вечный слуга Иван Соломенцев.

22 мая 1885 года. Борисовка.

†

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий! Христос посреди нас!

Прежде всего, усерднейше прошу Вашего благословения и святых молитв о мне. За тем, честь имею уведомить Вас, что дорогое письмо ваше от 27 января я имела утешение получить 9-го этого февраля, которым Вы премного и отеческим меня утешили вашею заботливостью обо мне в духовном и материальном отношениях, чем живо напоминаете моего усопшего о Господе брата, отца Иеронима. Как я, так и сестры мои усердно благодарят Вас за обещание ваше выслать нам образочков на память о батюшке. Да, конечно, всякой из сестер приятно и утешительно получить Ваше благословение в честь

отошедшего ко Господу нашего духовного отца и попечителя. Из Вашего письма я увидела, что Вы еще не получили ни одного моего письма с приложением писем моих от покойного батюшки, я же послала Вам уже три пакета таковых и они, вероятно, разошлись с Вашим. Надеюсь, что скоро получите их. Теперь же я посылаю вам несколько писем, м. казначеи Лидии принадлежащих, а также и Хвостовым, и м. Палладии, уже давно умершей, и м. Рафаиле, еще живой. Я у них с тем и просила, что обратно им пришлются Вами, для отдачи по принадлежности их. Относительно же моих писем, посланных к Вам, я прежде этого и в настоящее время не имею сомнения, чтобы Вы мне их не возвратили, я хорошо знаю, что, собственно, для Вас они не нужны, а если что-либо найдете полезное, выпишете и допустите к печати. Этому я душевно буду рада. В скором времени и еще пришлю вам таковых писем; я их теперь перечитываю и нахожу великую для себя душевную отраду. Казначейка мать Лидия нижайше кланяется Вам, просит святых молитв и благословения; здоровье ее не особенно хорошо. Мария Ильинична тоже земно кланяется Вам с просьбой святых Ваших молитв о ней и о ее детях и благословения Вашего. Покойной м. Марионилы писем нигде не разыщу и не знаю, есть ли они у кого.

За тем еще испросив у Вас благословения и святых молитв, остаюсь смиренная Вашего Высокопреподобия сомолитвенница, игуменья Маргарита.

Отец наш, помолитесь, я лихорадкой болею, да скажите брату Ивану Фомичу, что сестра м. Ольдемиры померла. Ее хоронить было нечем, я хоронила на свое. Помяните ее, Бога ради.

12 февраля 1886 года.

Из Москвы пишет мне Иван Александрович Картомышев, что давным давно отдал 50 рублей в часовню вашу для пересылки к Вам на Крумицу на молитвы за его жену Евдокию, и родных Александра, Анны, Агрипины, Натальи, Параскевы, Павла, Георгия, Василия со всеми сродниками.

Если еще не получили и неизвестно вам об этом, то спросите батюшку отца игумена, и тогда, конечно, лучше

помолитесь о нем и родных его.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий! Прежде всего, усерднейше прошу вашего благословения и святых молитв обо мне грешной. Уведомляю Вас, достоуважаемый батюшка отец архимандрит, что утешительные для меня письма Ваши и от батюшки отца Иеронима я имела утешение получить, за которые приношу Вам и батюшке наичувствительнейшую мою благодарность. Душевно сожалею, что Вас опять постигла глазная болезнь, это очень нехорошо; молим Господа, чтобы Он, Милосердый, исцелили Вас от этой болезни, и продлил бы Ваше дорогое здоровье и жизнь еще на многие-многие лета для пользы святой вашей обители и утешения нашего. Прошу Вас, достоуважаемый батюшка, отец архимандрит, передать мое земное поклонение дорогому моему батюшке и брату отцу Иерониму, с прошением у него за меня святых молитв и отеческого благословения. Теперь сообщу Вам о моем путешествии в Курск, предпринятом по случаю прибытия в Курскую Епархию нового Владыки, преосвященного Михаила. А я обязательно, как начальница монастыря, должна была представиться новому Владыке. По этому случаю 19-го мая я отправилась в Курск: до Белгорода на лошадах, а от Белгорода до Курска по железной дороге.

21 мая я уже имела удовольствие увидеться с преосвященнейшим нашим Владыкою Михаилом. Он принял меня очень радушно, много расспрашивал о нашей обители и очень много говорили мы с Владыкою об Афонской Горе. В заключение утешительного для меня разговора о дорогой для моей души местности Владыка изволил мне сказать, что он со мной находится в духовном родстве по тому случаю, что он душевно уважает батюшку о. Иеронима, как духовного своего брата, а также хорошо и близко был знаком с покойным вашим иеромонахом отцом Арсением, который в то время, когда Преосвященный Михаил был болен и лечился в Москве, то он познакомился с Преосвященным Михаилом, часто навещал его во время болезни и всегда подолгу говорили о духовной жизни и о Святой Афонской Горе, и об о. Иерониме. А во время

болезни, когда служили молебен накануне праздника св. великомученика Пантелеимона, при чтении канона св. великомученику Пантелеимону Владыка получил исцеление от своей болезни. В память благодатной милости отец Арсений поднес Владыке в благословение икону св. великомученика Пантелеимона и частицы святых мощей, что Преосвященнейший Владыка в благословение сохраняет, и мне показал. Это для меня очень было утешительно – все это видеть и слышать от святого нашего Владыки при первом моем с ним свидании. Спаси его Господи за доброе расположение к дорогому моему брату. Владыка наш по летам еще не стар, но болезненный; хотя и не худой, но это – полнота болезненная; волосы на голове совершенно белые; в служении величествен, но заметно, что он прост и добрый, по нем очень жалеют в Киеве – был человек любящий всех и деятельный в своем служении.

Помолитесь, святые отцы, чтобы святитель наш был вместе и чадолюбивым отцом нашим. Вот недалеко радостный для вас и для нас День Ангела родного нашего батюшки о. Иеронима, то я и казначея мать Лидия имеем честь поздравить Вас с дорогим именинником и дорогого батюшку просим Вас в тот день поздравить от нас с Днем их Ангела. Желаем Вам радостный сей день провести в совершенном здоровье, душевном спокойствии и всяком благополучии. Мы здесь отслужим молебен Царице Небесной Тихвинской за здоровье дорогого нашего батюшки. Казначея мать Лидия нижайше кланяется Вам, просит вашего благословения и святых о ней молитв. Во время священной коронации Их Императорских Величеств наши борисовские священники, г. становой, г. мировой судья, г. следователь, волостной старшина, учителя 4-х училищ, находящихся в слободе Борисовке, обратились ко мне с просьбою дать им книг духовного содержания для раздачи духовным лицам, жителям слободы Борисовки и ученикам 4-х училищ в память священной коронации. Я не отказала им в этом и собрала все книги, какие у меня были, раздала им, а они раздавали народу так, что кому не достало и они прослышали о раздаче книг, да и говорят: «Царь прислал матушке игуменье

книг для раздачи, то пойдемте в монастырь сами за получением их». И приходили, и давала я пока все раздала, конечно, и своим сестрам каждой по книжечке дала. Спаси вас Господи, отцы святые, что вы заблаговременно снабдили меня книгами, и они все разошлись в пользу. Каждый из получивших молился за Государя, чтобы Милосердый Господь сохранил его жизнь и благословил царствование в мире и всяком благополучии. Теперь, родные мои батюшки, я опять обращаюсь к вам с всепокорнейшею моею просьбою: благоволите мне еще прислать разных книжечек, таких же каких и присылали. Мне необходимо нужно к престольному нашему празднику Тихвинской Божией Матери, будут приходить знакомые мужички, может быть поусердствуют нам хлебца, то нужно же их поприветствовать, а у нас хлеба нету, а бедных старушек не оставить же без пищи, которые пользуются общею гостевою для них трапезою. Надеюсь на доброту вашу, достоуважаемый батюшка о. архимандрит, и родного моего брата, батюшки о. Иеронима, что вы не откажете мне в этой убедительнейшей моей просьбе и вас Милосердый Господь не оставит Своей Небесной Милостью.

За тем усерднейше прошу вашего благословения и святых молитв обо мне грешной, до земли кланяюсь вам. Остаюсь душой преданная вам и помнящая вас послушница ваша, игуменья Маргарита.

Борисов. Курск. Губ. 31 мая 1883 года.

†

Ваше Высокопреподобие!

Всечестнейший батюшка, отец архимандрит Макарий! Утешительное для меня письмо Ваше от 25 июня текущего года я имела удовольствие получить и читала его с величайшим душевным для меня утешением. От всей искренности души моей благодарю Вас, душевноуважаемый мною батюшка, отец архимандрит Макарий, за доставленное нам большое утешение через подробное описание Вами празднования Дня Ангела дорогого нашего старца батюшки отца Иеронима. Для меня очень чувствительно и душевно отрадно уважение и расположение святителей, почтивших молитвенно и при том

весьма торжественно День Ангела дорогого общего нашего именинника. Всем вам, дорогим моим батюшкам, душевно преданным и уважающим батюшку отца Иеронима, да воздаст Премилосердый Господь Своей милостью в сей жизни и в будущей за Вашу верную преданность к старцу, ведущему нас всех на путь спасения. Дай Бог, чтобы он прожил еще на свете для общего нашего утешения и пользы душевной. Очень сожалею о Вас, батюшка отец архимандрит, что Вы все болеете глазами. Как трудно бывает в болезни глаз; подкрепи, Господи, слабое ваше здоровье и продли жизнь вашу еще на многие лета, Вы очень нужны и дороги для святой Вашей обители и для моего брата батюшки отца Иеронима; друг друга берегите и поддерживайте, а мы здесь молимся и будем молиться, чтобы Господь хранил Вас Своей милостью во всяком благополучии, а святой угодник Божий Пантелеимон силен исцелить Вас от болезни. Вот сегодня 26 число – преддверие торжественного праздника во имя св. великомученика Пантелеимона в Вашей и в нашей обителях, с которым имею честь поздравить Вас и батюшку отца Иеронима. Желаю вам провести его в духовной радости и во всяком благополучии. Мы в первый раз будем праздновать престольный у нас праздник во имя св. великомученика Пантелеимона. Как отрадно для души моей, что угодник Божий помог нам устроить во имя его Престол и в нашей обители, и при торжественном у нас в этот день священном богослужении будем и о Вас вспоминать и думать, что мы находимся близ Святой Афонской Горы, и вместе с ее подвижниками разделяем духовную радость в праздновании и почитании памяти великого угодника Божия и целителя Пантелеимона. Казначейка мать Лидия пишет мне из Одессы: Слава Богу, благополучно прибыла она в Одессу и уже начала лечение: 5 ванн морской воды в 27 градусов теплоты велено ей принять на первый раз. Помолитесь, чтобы Господь помог получить ей пользу от лечения. Сильный жар в Одессе – 45 градусов, – у нас много прохладнее этого, и то мы сильно ослабеваем от жары; в Киеве тоже было очень жарко – 4 дня там пробыла м. Лидия.

Готовила это письмо, чтобы послать перед праздником св. угодника Божия Пантелеимона, но скопилось множество дел монастырских, требующих неотложного исполнения их, а потому я никак не могла окончить его, а также при этом написать и брату моему батюшке отцу Иерониму. Посылаю уже после праздника, и поздравляю Вас, уже проводивши торжественный праздник. Мы тоже, благодаря Бога, отпраздновали благополучно и торжественно, употребляли при богослужении ладан афонский, мысленно думали, что находимся вместе с вами в Афонской Горе. Большое душевное утешение доставил нам великий угодник Божий св. великомученик Пантелеимон. Жители слободы Борисовки очень рады, что у нас теперь есть Престол во имя св. великомученика Пантелеимона; этому великому угоднику Божию все с великою верою прибегают с прошением помощи и исцеления своих болезней.

За тем с земным моим поклонением усерднейше прошу Вашего благословения и святых молитв о мне грешной, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита.

29 июля 1883 года. Отвечено 6 сентября.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший и многоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Честь имею поздравить вас с наступившим душеспасительным постом. От души моей желаю Вам провести пост и встретить живоносный и радостный для души праздник Рождества Христова в радости и спокойствии духа, в полном здоровье и во всяком благополучии.

Приношу Вам, достопочтеннейший отец архимандрит, чувствительнейшую душевную благодарность за присланную Вами нам телеграмму, уведомляющую о состоянии в опасном положении здоровья моего брата, батюшки отца Иеронима. Не могу вполне выразить грустных моих чувств, овладевших моею душою по получении скорбной телеграммы, но все-таки, как бы нам с Лидиею грустно не было по прочтении оной, но мы обе очень благодарим Вас за уведомление. Хотя я и сестры, мне вверенные, всегда молились о батюшке, но по получении

грустной для нас вести, мы еще более усугубили, хотя и недостойные, но усердные наши молитвы ко Господу и Его Пречистой Матери.

Молились с поминовением священнослужителями при служении священной Божественной литургии, на ектениях и чтениях молитвы с коленопреклонением о восстановлении дорогого для всех нас здоровья батюшки и о продлении его жизни для пользы всех ему преданных. Со дня получения телеграммы и по сие время мы с часу на час ожидали от вас уведомления уже рокового. Хотя и с замирающим сердцем, но к величайшему нашему утешению 16 ноября я получила письмо от отца Иеронима, писанное его рукой, которое невыразимо утешило нас. Мы снова начинаем иметь надежду, что Милосердый Господь еще поддержит на свете батюшку и нас помилует на некоторое время от такой скорби и потери, ничем не заменимой для нас. Будем молить и просить Господа еще потерпеть нам и не ввести нас в сиротство через лишение духовного нашего отца и руководителя. Казначая мать Лидия нижайше кланяется вам, просит Вашего благословения и святых молитв о ней. Еще уведомляю Вас, что известный вам СтароОскольский купец Козьма Михеевич Ефанов скончался вот недавно, о чем известили нас телеграммой, и вот по нем теперь идет у нас сорокоуст. Все собирался он поступить в Афонскую Гору и там провести последние дни жизни своей, но не привел Господь желание его привести в исполнение. А вот 17-го этого ноября получила я телеграмму от Ивана Фомича Соломенцева, нашего брата, что супруга его Олимпиада Васильевна по воле Божией 16-го этого ноября после продолжительной болезни скончалась. Вот жизнь наша – все суетимся, и никак дел житейских не переделаем, смерть же придет, все прекратит, и ничего не возьмем с собою кроме одних добрых дел. Помолитесь о нас, родные наши батюшки, чтобы Господь помог нам более помнить о загробной жизни, потому что час исхода нашего в неизбежный для каждого из нас путь неизвестен для нас. На днях получила я письмо из Новгорода от матушки игуменьи Лидии, в котором она извещает меня, что ее посетил Господь неожиданною и серьезной болезнью –

паралич повредил ей всю левую сторону и так сильно, что несколько времени без движения находилась и в опасном положении для жизни. Сестры сильно встревожены этою ее болезнью и ожидали даже смерти. К храмовому их празднику – Покрова Пресвятой Богородицы – приезжал в обитель их и служил архиерей, а игуменья находилась почти на смертном одре. Праздник был для сестер обители весьма грустный, но Милосердый Господь услышал скорбные воздыхания, слезы и молитвы сестер, даровал облегчение м. игуменье Лидии: ей стало несколько легче, так что она все силы собрала и написала мне собственноручно письмо; описывает про свою болезнь и про скорбящих о ней сестер и о молитвах их о ней, и что раза два сестры почти на руках приносили ее в церковь, где, сидя в креслах, присутствовала вместе с ними при святом Богослужении, благодарит Бога за эту милость, что правая рука, хотя с трудом, но может действовать, перекреститься, и вот написала мне сама. Может быть м. игуменья Лидия и Вам или батюшке отцу Иерониму обо всем этом написала, но и меня она в письме своем просила передать вам письменно от нее земное поклонение, Вам и батюшке о. Иерониму, с прошением святых молитв и благословения. А также Вам и батюшке дорогому моему отцу Иерониму кланяюсь до земли. Прошу святых молитв и благословения и как я, так и сестры мои. Все повергаемся к Вашим и отца Иеронима стопам и усерднейше просим вашей отеческой милости и утешения нас доставкой нам обещанных вами часов колокольных, сделайте вечную память для нашей обители, насельницы коей ежечасно будут возносить о вас усерднейшие свои молитвы ко Господу и Его Пречистой Матери при чтении каждый час «Богородице Дево, радуйся!».

С душевным моим к вам уважением, преданностью и молитвенною памятью о вас, честь имею пребыть навсегда, усерднейше просящая ваших святых молитв и благословения, Борисовской Тихвинской Девичьей Пустыни игуменья Маргарита Соломенцева.

18 ноября 1883 года. Отвечено 10 декабря.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Поздравив Вас со всею о Христе братией Вашей с сим святым постом, душевно желаю и молю Милосердного Господа в моих молитвах, провести Вам его в полном здоровье, благодушии и полном о Господе благоденствии, усердно прошу Ваших святых молитв и благословения. Письмо Ваше от 19-го числа этого месяца я получила! Скорбно и горестно оно для меня, а между тем и невыразимо отрадно тем, что оно так подробно и ясно извещает меня о кончине незабвенного брата моего. Это был наш общий светильник, просвещающий и укрепляющий силы душевные и ободряющий своим словом на сем трудном жизненном пути. Смерть есть удел всего человечества, но обширно и велико это слово по своему значению. Мы все простые смертные на сей грешной земле и в сей плачевной юдоли, Вы же, святые отцы, насельники удела и жребия Царицы Небесной, освященной Ее Пречистыми Стопами, Вы – избранники Божии и светильники *«никогда же не угасающие под спудом житейския толстоты»*. Велики и мудры достопамятные слова усопшего нашего батюшки: «Что чувствуют в скорби и болезни те, которые в руководство для облегчения своих сил душевных и телесных не имеют слов и изречений Божественного Писания», – так и я утешаю себя теперь словами Псалтири и священного писания: *«Блаженни, яже избрал и приял еси, Господи»* (ср.: [Пс.64:5](#)), и чадолюбивый Отец наш Небесный давно бы воззвал его к Себе, если бы не наши неотступные просьбы и молитвы. Милосердный Господь оставлял батюшку для утешения и подкрепления нашего, заставляя страдать его телом и разъединяя с Собой, хотя духовный союз его с Господом был постоянный, и он был Храм Духа Божия, что можно видеть из его слов жизни и действий. Очистив себя предсмертною болезнью и совлекши с себя одежду брэнного человека, он вошел, как зрелая пшеница, в житницу Царя Небесного и как золото искушенное в горниле очищения.

Несомненно и то, что все мы, как создания Одного Творца и Создателя и имеющие один Божественный Дух, состоим в

духовной связи между собою, и чувства сердец наших как созвучия отдаются одно в другом, близком нам по духу, любви и родству; что сбылось надо мной. Незадолго до кончины батюшки отца Иеронима я видела сон, что он пришел ко мне и зовет меня в скит, а я и говорю: «Нельзя, братец, у меня дел много начато, постройка идет», – он же опять начал просить меня, я же отговаривалась не временем. «Ну, хорошо – сказал он, – так я подожду». Спаси Вас Господи, батюшка, за подробное описание. Не смею утруждать Вас, но надеюсь на обещание Ваше и любовь к дорогому усопшему нашему, буду ожидать еще хоть несколько слов, говорящих мне о незабвенном брате. Эта потеря одинаково дорога нашему сердцу и душам и горе наше общее. Я надеюсь, что по союзу духовной любви, Вы вполне замените мне брата, хотя и доньше всегда мне были им и при батюшке. Я и сестры поминали батюшку, со всем усердием молились и молятся все от души, кто и как может и умеет. Идет теперь сорокоуст и записан он на неугасимую Псалтирь. Все сестры очень скорбят, так как он был не только духовная, но и материальная поддержка многим.

В 14-й день ноября – мы еще ничего не знали о кончине батюшки, – одна же из сестер видит во сне необыкновенной красоты местность: лес, сад и строение как бы монастырь, и слышит трезвон во все самые большие колокола, такого трезвона она и не слыхала никогда. Удивляясь всей такой красоте и трезвону, она спрашивает: «Что это значит и кто трезвонит?». Взглянула на небо – на воздухе два монаха, один старичок, другой пониже его, на воздухе же стоит молодой и говорит: «Разве ты не знаешь – это отец Иероним так трезвонит». Тут она стала еще больше на него смотреть и просить молитв, и «он мне с воздуха подает тоненький ремешок и приказывает трезвонить, я говорю: «Батюшка, я не умею», – а он говорит: «Хоть в маленький трезвонь». Я как стала трезвонить, испугалась и проснулась, потом заснула и опять тоже вижу и слышу, и батюшка необыкновенной красоты.

Письмо от батюшки, которое он писал 19-го октября, я получила только под 9-й день его кончины, где оно было целый месяц – не знаю; он в нем утешал меня, ободрял и говорил,

чтобы я несла крест моего послушания до конца моей жизни. Спросите Ивана Фомича, отчего он не пишет, и у вас ли внук Александр Иванович. Казначей Лидия и сестра ее Мария Ильинична земно кланяются Вам и беспокоятся об Александре Ивановиче.

За тем пожелав вам всех благ и милостей от Бога, остаюсь усердная о Вас ко Господу Богу сомолитвенница игуменья Маргарита Соломенцева.

29-е ноября 1885-го года.

P.S. Пришлите нам листики о поминовении души на вечное и на сроки. Необходимо нужно знать, что стоит помин.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший и достоуважаемый батюшка, отец архимандрит Макарий!

Еще поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и желаю всех благ и милостей от Господа. Вероятно, батюшка, Вы уже получили мои три телеграммы и письмо, в котором я поздравляла Вас с праздником и усердно благодарила за все Ваши милости, и подробное описание. Вот теперь пишет внук Александр Иванович, и я не могу не воспользоваться этим случаем и не написать Вам хотя бы несколько слов душевного приветствия. Прошу Ваших святых молитв и благословения!

Не понимаю причины, почему Вы не получаете моих писем и телеграмм; две первые телеграммы и письмо были посланы в Одессу на имя вашего поверенного, а последняя – прямо к Вам на Афон. Потрудитесь, батюшка, дать мне верный адрес для телеграмм! Поминала я и поминаю нашего дорогого усопшего батюшку со всем усердием; в настоящее время идет сорокоуст, даю милостыню, был в 9-й день обед для священников и монахинь, вообще употребляю все мое старание, чтобы помянуть его. Приношу Вам, батюшка, мою усердную благодарность за присланную рыбу селедку и красную икру, которые я получила от имени Вашего через отца Михаила. После батюшки отца Иеронима Вы остались единственным моим благодетелем и покровителем. Надеюсь, батюшка, на доброту Вашу и утешаю себя Вашим братским ко мне расположением. Пусть это будет моим подкреплением и

отрадой в скорби по незабвенном брате моем отце Иерониме. Мать казначея Лидия также поздравляет Вас с праздником и желает всех благ и милостей от Бога. Здоровье ее все слабее, да и никто что-то у нас не похвалится теперь хорошим здоровьем. Ивану Фомичу передайте мой поклон и поздравление с праздником, недавно я ему послала письмо. Игуменья Маргарита.

17-го декабря 1885 года.

†

Ваше Высокопреподобие отец архимандрит!

Теперь Вы мне Богом данный отец вместо Иеронима, то прошу Вас утешить меня с сестрами, за что и Вас Господь с братиею утешит. Он мне писал, что Вас просил позаботиться обо мне, и его письмо это хранится. Прошу Вас, Бога ради, пришлите мне его мантию и рясу, хоть старую и худую, и схиму. Кажется, и я скоро пойду за ним. Помин во многих монастырях по нему идет. Благодарим за билетки, за рыбу и икру. Бедные сестры Вас благодарят. Еще прошу Вас прислать нам речь, которую при гробе ему сказали. Описание Вашей смерти отца Иеронима послано преосвященному Сергию. Горе мне, простите.

†

Христос посреди нас! Боголюбивейший и досточтимый о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, имею честь поздравить Вас со всею о Господе братией Вашей с текущим Высокопраздничным праздником Рождества Христова и с наступающим Новым годом. От всей искренности души желаю Вам получить от Вседраго Господа долголетней жизни и здоровья для блага святой вверенной Вашему Высокопреподобию обители и для блага всех ближних, пользовавшихся и пользующихся Вашими благодетельными милостями. Дай, Господи, Вам встретить и провести Новый год в благодатном мире и спокойствии души с полным во всем благополучием. Я думаю, что очень заметна и чувствительна для Вас, особенно в эти торжественные праздники, утрата незабвенного и никем незаменимого брата батюшки отца Иеронима. Я очень грустно встретила

великаторжественный праздник Рождества Христова: не получу в эти отрадные и знаменательные дни дорогого приветствия-поздравления с праздниками от моего усопшего о Господе брата, как бывало это прежде, утешит, ободрит и наставит; бывало, прочитаешь его строки наставления, так ободрись и станет легко на душе. Теперь будем пользоваться первым наставлением и примерами и молиться Господу о упокоении души его. 24-го этого декабря под праздник Рождества Христова получила я письмо из Одессы от Вашего поверенного о. Григория Говторенко с приложением по Вашему благословению трехсот рублей серебром денег на поминание достопочитаемого отошедшего ко Господу нашего старца батюшки отца Иеронима. Спаси Вас Господи, батюшка отец архимандрит, за присылку денег по батюшке о. Иерониму. С получения первых двух телеграмм от Вас я сейчас же занялась устроить поминание, как только возможно было лучше и больше устроить. Вот удивительно, что письмо с деньгами послано было из Одессы 26 ноября, а мною получено 24 декабря; было в Ейске и еще, верно, где-то лежало, так как посланные мной Вам две телеграммы Вы не получили. Не знаю, где это их удерживают. До получения мною Ваших денег я тратила на поминание души о. Иеронима свои деньги, не жалела ничего, так решила: лучше сама буду нужду иметь, а уже брата буду помянуть насколько возможно дольше. В Кишинев Преосвященному Сергию я писала о кончине о. Иеронима, послала копию Вашего письма, просила Его Преосвященство молится об усопшем. В Рыльский мужской монастырь, где хорошо все знали и уважали о. Иеронима, послала 50 руб. денег и просила о. архимандрита Анатолия помянуть батюшку, а также во многие женские монастыри бедным родным и знакомым, знавшим о. Иеронима и пользовавшимся его милостями, я послала денег, и просила помянуть. Все пишут со слезами и благодарят за уведомление о кончине дорогого батюшки, и обещают всегда молиться об упокоении души его.

Наши клирошане с большим усердием поминают батюшку, со слезами молятся о нем, и говорят, что батюшка о.

архимандрит Макарий хотя бы по книжечке душеполезной прислал нам на память и за поминание батюшки. Я же, отец архимандрит, усердно прошу Вас, замените Вы мне моего брата, отца Иеронима, отечески благодетельными Вашими милостынями и не забудьте меня утешением – присылкой душеполезных листиков и книжечек, более всего о поминовении умерших и о милосердии к ближним, да о частом приобщении святых Христовых Таин. Потому что я раздаю эти книги и листики многим светским лицам, а более всего мужичкам, и предлагаю им делать посильные пожертвования в Ваш монастырь. Даю им адреса для отсылки таковых, а они и посылают, о чем я часто получаю сведения от тех же самых лиц; конечно, я просила и прошу, чтобы они не упоминали моего имени. Еще прошу я Вас, пожалуйста, пришлите мне на память моего брата старую мантию, рясу и схиму; нужды нет, если они ветхие – мне еще приятнее иметь те одежды, которые он носил. Прошу передать мой усердный поклон моему брату старичку Ивану Фомичу. Прошу Вас, не оставьте его отеческою Вашею любовью. Он – новоначальный, поэтому имеет необходимую нужду в утешении и поддержке в иноческих подвигах, уже по его летам и трудных, но что делать, за терпение и понуждение получить спасение, ведь *нуждницы восхищают Царство Небесное* (ср.: Мф.11:12), а Праведный Мздовоздаятель обещал равную награду пришедшим и в одиннадцатый час потрудиться в Его винограднике. Ивану Марковичу и всем знающим меня святым отцам и братьям кланяюсь, прошу молитв святых и с праздниками и с Новым годом поздравляю. Та сестра, которой я в прошлом моем к Вам письме описывала сон, то под 39-й день конины батюшки о. Иеронима еще видела следующий сон: прилегла и еще не успела уснуть, видит, как будто кто-то говорит: «В церкви о. Иероним будет служить». Она очутилась в церкви в ожидании служения; видит, там народу много и более монашествующих, и вдруг открываются Царские Врата и батюшка выходит как бы в архиерейской мантии с золотым кадилом. Взошел на амвон и говорит: «Блажен тот человек, который имеет сии три добродетели: сострадание к страждущим, любовь к скорбящим и милосердие». Эти слова –

хорошо запомнила, а далее – за толпой не разобрала, что говорил. Потом пошел кадить по всей церкви, и всю церковь обошел, возвратился в алтарь, и весь храм наполнился неизреченным благоуханием; «и мы все ожидали, что бы еще взглянуть на батюшку, но он уже не возвратился из алтаря». С тем и проснулась.

Батюшка во время своей жизни был ко всем милостив, сострадателен и милосерд, то и по смерти поучает следовать его примерам. За святые его молитвы Господь по неограниченному Своему милосердию да спасет и наши души. Мы же молимся и будем молиться об упокоении его души со спасительными и избранными.

Усердная о Вас богомолица грешная, игуменья Маргарита.
28 декабря 1885 года.

Отвечено 12-го января, 1886 г.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий! При искренних и душевных к Вам со всей о Христе братией Вашею благопожеланиях, усердно прошу Ваших святых молитв и благословения! Сейчас же по получении мною Вашего письма спешу Вам ответить и уведомить Вас. Недавно мною Вам послано, но, вероятно, еще во время отсылки Вашего письма ко мне не получено, письмо, в котором извещала Вас о получении. Спаси Вас Господи, батюшка, за Ваше отеческое внимание и расположение. Да наградит Вас Милосердый Господь Своею богатою милостью. Не нахожу слов также Вам для выражения благодарности за присланные портреты незабвенного нашего батюшки и его духовное завещание; каждое его слово, каждая вещичка, принадлежавшая батюшке, драгоценна для меня, а портретами его Вы всех нас, знающих его, несказанно утешили. Все мы молимся, и будем непрестанно молиться за него, и самая эта молитва утешит нас в скорби по дорогой невозвратимой потере. Просите Вы, достоуважаемый батюшка, письма покойного отца Иеронима ко мне. Но что могу сказать Вам на это? Видите ли, письма, которые были наставнически-назидательного содержания, я ими сейчас же пользовалась,

чтобы принести пользу ближним и раздавала их для прочтения, следованию этим старческим наставлениям. Теперь же оставшиеся у меня – все частного содержания и относятся к собственно нашей семейной и общей стороне жизни, и до смерти своей я с ними не расстанусь. Но, впрочем, постараюсь поискать его назидательных писем, и если найдутся, пришлю. Утешили меня также слова Ваши, что Вы пребудете в отношениях Ваших ко мне по примеру усопшего батюшки. Я в этом никогда и не сомневалась и теперь вполне надеюсь на Вашу братскую о Христе любовь.

Новопосвященным батюшкам отцу Иоанникию и отцу Филарету усердно кланяюсь и прошу их святых пред Господом молитв; Ивану Фомичу передайте мое душевное о Господе приветствие и прошу Вас, не оставьте его, детски доброго старичка, своею отеческой любовью. Мать казначея Лидия и сестра ее Мария Ильинична усердно Вам кланяются и просят святых молитв и благословения. Скорбей и тревожностей, и душевных и внешних, очень много у меня, а утешитель наш старец скрылся от нас; теперь одни Вы у меня остались на утешение и укрепление моих слабых сил душевных и телесных. Я Вам послала письмо, уведомлявшее о получении мною денег 300 рублей серебром 28-го декабря минувшего 1885 года, теперь уже Вы его, верно, получили. Ивану Марковичу мой нижайший поклон со всякими благопожеланиями.

За тем еще усердно прошу Ваших св. молитв и благословения и остаюсь взаимная о Господе Вашего Высокопреподобия сомолитвенница игуменья Маргарита.

Отец наш, архимандрит Макарий, брата нет Иеронима, а Вы его замените.

14 января, 1886 года. Отвечено 27 января.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Пожелав Вам всех благ и милостей от Милосердного Создателя, прося Ваших святых молитв и благословения, спешу уведомить Вас, что многоутешительное для меня письмо Ваше, в котором Вы поздравляете меня с наступающим Новолетием, я

имела счастье получить 5-го января и отвечала Вам на него. Но, вероятно, наши письма разошлись и теперь оно уже получено Вами. А послано было Вам 15-го января этого года. В тот же день, как я получила последнее Ваше письмо с листком от 12-го января этого года, получила и посылку, и фотографические снимки с усопшего дорогого незабвенного нашего батюшки. Не стану описывать, да и никакому перу не поддаются описанию тех чувств, которые я испытывала, смотря на этот образ брата моего, отца духовного и благодетеля во всех отношениях. Мне остается одно только: принести Вам мою неизмеримую благодарность от полноты переполненного скорбью сердца. Скорблю о потере самого дорогого человека на свете, и вместе с тем, утешенного Вашей любовью о Господе к ближнему; не буду во многих словах выражать мою благодарность – да воздаст Вам Милосердый Господь Своей богатой милостью, и да утешит Вас Царица Небесная за Ваше духовное утешение меня. Искренне благодарю и за Ивана Фомича. Немалое утешение доставляют мне также и письма усопшего батюшки, из которых немало пользы и назидания духовного получают и те, которым я даю читать их. Боже мой, как назидательна была вся жизнь покойного батюшки, каким даром духовного рассуждения обладал он и как умел своею доброю строгостью наставить скорбящих или обремененных невеселым духовным состоянием. Да кому же все это лучше известно, как не Вам, это я только для собственной отрады делюсь с Вами собственными мыслями. Письма я некоторые батюшки собрала и по времени постараюсь выслать на рассмотрение Ваше. Не могу даже, уважаемый батюшка, и теперь, чтобы не попросить у Вас Вашей духовной поддержки и утешения. Теперь, после батюшки, Вы остались моим единственным благодетелем в этом смысле! Для начала посылаю Вам одно из писем батюшки; много их у меня разобрано почитателями батюшки и мне не возвращены, а теперь, какие есть, собираются мною с усердием, и пришлются Вам в виде посылки. Мать казначея Лидия и Мария Ильинична земно кланяются Вам и просят святых Ваших молитв и благословения. От Александра Ивановича картинки получили, спаси Вас Господи! Много раз благодарю за все.

За тем при искренних и душевных благопожеланиях, остаюсь усердная о Вас ко Господу богомолитвенница, игуменья Маргарита Соломенцева.

Вы пишете, родной, о смерти по Бозе, и я верю. Листок утешительный сохранно получили и его теплыми слезами омочили, спаси Вас Господи.

25-е января 1888-го года.

Р. S. Спаси, Господи, что произвели о. Иоанникия в иеромонахи, а о. Филарета в иеродиакона. Прошу передать мои поклоны им и еще о. Илиодору, о. Евлампии, Ивану Марковичу, о. Аполлосу и всем-всем знающим меня, прошу святых молитв. Посылаю Вам два письма, а прочее пришлю, но очень жаль, что много назидательных писем разобрали усердствующие к Святой Афонской Горе.

Когда услышали, что брат отец Иероним помер, то приходили поселяне со слезами, просят на поминание о. Иеронима книжечек и картиночек, я им почти все раздала.

Отвечено 2-го марта.

†

Ваше Высокопреподобие!

Достоуважаемый и всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Усердно прося Ваших святых молитв и благословения и пожелав Вам всех благ и милостей от Милосердного Создателя, приношу Вам мою усердную глубокую и признательную благодарность за присланные по благословию Вашему из Москвы книжечки и листочки религиозно-нравственного содержания, а также и брошюры, повествующие о кончине и погребении приснопамятного нашего батюшки отца Иеронима, которые доставляют и мне великое утешение душевное, и читающим их сестрам. По получении этих листков, я тотчас же раздала для прочтения, и они со слезами, читая их, молятся за Вас, чтобы Господь продлил драгоценную для нас жизнь Вашу, на утешение, радость духовную и подкрепление нас в скорбях и трудах; по кончине незабвенного батюшки отца Иеронима мы видим, что Вы замените его нам своею о Христе любовью к нам, сиротам, скорбящим о потере его. Спаси Вас Господи за все! Да

наградит Вас Милосердный Господь сторицею! И да утешит Вас Царица Небесная, как Вы утешаете меня и вверенных мне сестер.

Недавно мною Вам было послано два письма, почти одно за другим, с приложением писем покойного батюшки отца Иеронима, а теперь посылаю Вам еще отысканные мною письма. Мне они и самой, по прошествии многих лет опять отысканные, доставляют великое утешение и отраду и помогают нести возложенное на меня и врученное Господом послушание. М. казначея Лидия и сестра ее Мария Ильинична усердно кланяются и просят святых молитв и благословения. Ивану Фомичу передайте мой поклон, ему я недавно послала письмо, и вероятно, что он его получил. Если будут еще брошюры об отце Иерониме, то благословите Вашим поверенным святым отцам нам еще выслать, многие сестры желают получить по брошюрке, но теперь их очень мало прислано, и не возможно даже самых близких моих удовлетворить ими. Батюшкам о. Иоанникию, о. Илиодору, о. Мартирию, о. Евлампию, о. Филарету, о. Аполлосу и всем другим меня знающим мой усердный поклон с испрошением святых молитв. Если еще найду из писем о. Иеронима, постараюсь выслать. Святые изображения из писем некоторых я отрезала по просьбе сестер и отдала на благословение. Остаюсь послушница Ваша, игуменья Маргарита.

1 февраля 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестной и досточтимый о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Прежде всего, усердно прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне грешной. Честь имею приветствовать Ваше Высокопреподобие с текущим святым душеспасительным постом, который от души желаю Вам провести в духовной радости и спокойствии, а потом встретить живоносный праздник – Светлое Христово Воскресение во всяком благополучии при утешении душевном. Многоутешительное для меня письмо Ваше от 2-го марта этого года я имела удовольствие получить 14-го этого марта. Прочла его с величайшею для меня

душевною отрадою, и увидела я из него, что Вы изволили получить уже четыре моих письма, с приложением при них писем покойного нашего батюшки о. Иеронима, чему душевно радуюсь. А еще два последние мои к Вам письма, как видно, и не получили, они были тоже с приложениями.

В одном из них я упомянула о получении мною от Вас при письме приложенный утешительный и полезный для пользы обители листок благополучно; тогда благодарила и теперь повторяю мою признательную Вам благодарность. Да вознаградит Вас Праведный Мздовоздаятель неизреченными Своими благами как в сей жизни, а наипаче в будущей, за Ваше милосердие к ближнему. За настоящее полученное мною от Вас письмо тоже от всей искренности души благодарю и вообще за всю благодетельную Вашу отеческую к нам милость. Обещанные и уже, как пишете, высланные нам Ваши иконочки будем ожидать с величайшею духовною для нас радостью; а также надеюсь, что благоволите написать в Москву о высылке нам листочков и брошюр о кончине приснопамятного нашего духовного отца и благодетеля во всех отношениях. Все сестры с нетерпением будут ожидать всего этого, потому что каждая из них в надежде получить их в благословение от Вас, а вместе с тем, как бы и от батюшки о. Иеронима, невидимо для нас духом присутствующего при Вас и нас. Господь за святые молитвы приснопамятного нашего отца да спасет всех нас, чад его духовных.

Уверена, что Вы и последние мои письма получили или получите, тоже с письмами батюшкиными. В последнем я писала Вам, что когда будет теплее, то тогда в холодном чулане пороюсь и еще разыщу письма батюшкины, что при первой возможности постараюсь исполнить.

В настоящее время посылаю Вам четыре письма батюшки о. Иеронима и речь, сказанную священником гор. Старого Оскола о. Василием Праведниковым при гробе покойного нашего родителя. Может быть, пожелаете ее прочесть. И половина письма о каком-то старце Логине, скончавшемся в Афонской горе, описывает о. Иероним, но как жаль, что начала этого письма не оказалось; ежели Вы что-либо знаете об этом о.

Логине, то потрудитесь сообщить мне о нем кто он, где и как жил. Одно письмо прилагаю о. Анатолия Хрущевской обители моего знакомого иеромонаха, который, и не зная лично о. Иеронима, по одним слухам уважал и теперь скорбит о лишении его мудрого наставника. Два письма м. игуменьи Новгородского Покровского монастыря Лидии, которая пользовалась советами батюшки о. Иеронима и душевно была ему предана, она и Вас лично знает и духовно уважает, о чем мне лично говорила эта м. игуменья Лидия. Я ей послала письмо и приложила небольшую лепту на поминовение батюшки, но ответа еще не получила. Спаси Вас Господи за отеческое Ваше внимание и любовь к старичку, моему брату Ивану Фомичу. Он мне писал об этом и со слезами благодарит Вас и молит Господа о Вашем здоровье и о продлении жизни Вашей еще на многие лета для утешения и пользы святой обители Вашей, а тем более для него, старичка. Ведь в преклонных летах много труднее себя переделывать и переносить труды и лишения разного рода по уставу иноческому, но зато в иноческой жизни старичку обещается утешение. Праведный Мздовоздатель и Милосердный Домовладыка обещал дать равную награду и тем, которые пришли в одиннадцатый час потрудиться в Его винограднике. Прошу Вас, благоволите передать Ивану Фомичу мой поклон и желание получить при помощи Божией монашеское терпение, старание и преуспевание в иноческих подвигах на пользу души. Также о. Евлампию мой поклон и прошу Вас не оставлять и его отеческою Вашею любовью. О. Аполлосу, о. Илиодору, о. Мартирию о. Иоанникию и всем меня знающим мой усердный поклон с испрошением молитв обо мне немощной. Сильно ослабеваю в силах, здоровье мое очень плохо стало.

Казначейка мать Лидия и Мария Ильинична Вам земно кланяются с испрошением святых Ваших молитв и благословения. Прошу Вас, отец архимандрит, не отпускайте Вы Михаила Ивановича Пойменова в мир: ему очень бесполезно туда отправляться, чудак, удерживайте его на Афоне, авось при помощи Божией спасется в Жребии Богоматери.

Спаси Вас Господи за присланные две фотокарточки о. Иеронима, в малом виде, но очень хороши.

Еще усердно прошу Вашего благословения и святых молитв, игуменья Маргарита.

18 марта 1886 года.

Отвечено 19-го апреля.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и всечестнейший о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Находясь в преддверии высокоторжественного праздника живоносного и светлого Воскресения Христова, спешу поздравить Вас со всею о Христе Богоспасаемой братией Вашею и от души пожелать Вам встретить и провести его в здравии, благополучии и полном о Господе благоденствии. Вероятно, письмо это дойдет ко времени наступления многорадостного для всех нас, христиан, праздника, а поэтому я исполняю древнехристианское и общепринятое приветствие: «Христос Воскресе!!!»

Приношу Вам, всечестнейший батюшка, глубокую и признательную мою благодарность за Ваше отеческое попечение о душах наших, которое Вы выражаете в присылке нам духовных книжек. Пользуются ими как сестры обители, так и слободские священники и прочие все жители, а также вообще все посещающие, по воле Божией, мне вверенную святую обитель лица; все с духовным наслаждением и признательною благодарностью, за молитвы Ваши, почерпают из них вразумление и пользу душевную. Милосердый же и Чадолюбивый Отец наш Небесный не оставит Ваше деяние и хлеб душевный, который Вы предлагаете нам без вознаграждения, как в сей жизни, так и в будущей. Описание о кончине и погребении незабвенного нашего батюшки о. Иеронима уже все разошлись у меня, так много охотников прочесть и получить в неотъемлемую всегдашнюю собственность этих книжек, и я даю. Как сестры обители узнали, что присланы сии брошюры, то как галки слетелись ко мне: каждая просит книжечку сию прочесть и на память оставить у себя, а также из многих посторонних приходов священники присылали ко мне просить, и им дала. Все же горько плачут о лишении такого светильника и молитвенника обо всех.

Схиму, халат и карточки батюшкины я тоже получила, за что усердно благодарю Вас. Теперь я в ожидании посылки, которая идет из Москвы транспортом, за которую также усердно благодарю, и по получении ее не перестану благодарить Вас.

Вот первый год приснопамятный наш батюшка будет встречать великоторжественный праздник Воскресения Христова пред Престолом Всевышнего Создателя и Господа, соединения с Которым так жаждала душа его, и на земле он был чужд всего земного. Как же должна быть невыразима и непонятна для нас радость его, если мы с земным и вещественным телом так радуемся душой в сии торжественные праздники, то сколь неизреченна его радость! Как утешительны сии мысли в разлуке и потере близких нам по духу лиц; будем и мы надеяться, что незабвенный наш батюшка, желая всех нас соединить со Христом, помолится за нас у Престола Всевышнего и помянет в своих святых молитвах всех молящихся здесь за него. При этом посылаю Вам посылочку, адресуя ее в Москву через Семена Фомича, и прошу принять от трудов и усердия нашего как дань признательной благодарности к усердию Вашему. В Вашей посылочке вложено и Ивану Фомичу с надписью ему, то потрудитесь передать, а письмо Ивану Фомичу я отдельно пишу.

Мать казначея Лидия и сестра ее Мария Ильинична и сын ее Александр Иванович, который был у Вас, кланяются Вам, поздравляют Вас с великоторжественным праздником, просят Ваших святых молитв и благословения. Александр Иванович поступил на службу при железной дороге в Харькове; помолитесь о нем. Всем батюшкам святым отцам, меня знающим, прошу передать мой нижайший поклон с испрошением святых молитв обо мне грешной.

За тем усердно прошу Ваших святых молитв и благословения.

Вот сейчас, 5-го апреля, получили мы посылку, книги. По случаю половодья шла долго посылка. Еще приношу Вашему Высокопреподобию душевную мою благодарность за отеческое Ваше внимание и утешение нас душеполезными книгами. Игуменья Маргарита.

Благодарю Вас, второй мой родной по духу брат! Еще два письма о. Иеронима посылаю Вам.

5-го апреля 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший и досточтимый о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Только что 5-го числа апреля отослала я Вам письмо с глубокою моею Вам благодарностью и признательностью за Вашу отеческую обо мне заботливость и утешение к светоносному празднику Святой Пасхи присылкой духовно-нравственных книг, полученных мною из Белгорода 4-го апреля вечером. А 6-го числа я, грешная, еще удостоилась получить от Вас весьма душевно утешительное для меня письмо с приложением полнейшей биографии о родословной незабвенного моего брата, батюшки отца Иеронима. Да еще дорого то, что он сам составил ее. Вот, спаси Вас Господи, за присланную мне копию, что составило величайшее для меня утешение. Я о многом написанном в этой биографии не знала до этого времени. С большим интересом ее у нас почитывают и на перерыв стараются от меня получить и прочесть как сестры обители, так равно священники наши и слободские. Вчера, 7-го числа апреля, заготовила я Вам посылочку 7 писанок, 11-ть закладок, т.е. звезд с лентами, 1 поддонник для лампы, 2 полотенца, 1 гробик, 2 пары карпеток и два свертка для о. Филарета, и о. Аполлоса, и еще отдельно завернута писанка о. Филарету. Послала эту посылку я в Москву на имя Семена Фомича, и просила его немедленно переслать к Вам. Сегодня, 8 числа, пишу это письмо и еще приношу мое Вам душевное поздравление со всерадостным праздником Светлого Христова Воскресения и заочно приветствую Вас радостным приветствием: «Христос Воскресе!!!» Дай Вам Господи сей праздник провести и еще многие праздновать в совершенном здоровье и благоденствии о Господе, для утешения всей святой вверенной Вам обители, и для утешения нас грешных. Молимся и будем молиться, чтобы Милосердный Творец поддержал Ваше здоровье и продлил Вашу дорогую и весьма полезную для многих жизнь на многие лета. Я часто слышу, что Вы опять

начали болеть от глаз, это Вам не похвально, вероятно причина тому, что Вы плачете много по батюшке, если бы он был жив, запретил бы Вам плакать, а то теперь Вам своя воля. Смотрите, чтобы я не пожаловалась ему на Вас, будет Вам тогда беда, и прошу, не сетуйте на меня – предупреждаю Вас о жалобе моей.

Вот и старичок Иван Фомич прислал мне сегодня письмо, получила; слава Богу, подвизается за молитвы родного нашего батюшки и Ваши. Он в каждом письме изливает свою благодарность Вам за отеческую Вашу к нему любовь и попечение. Спаси Вас Господи за это, и Вы получите большую от Господа награду за седовласого младенца, пришедшего послужить Царю Небесному уже на закате дней своей жизни. Конечно, в молодости много легче привыкать к строгим обычаям иноческой жизни, а в старости несравненно труднее, но Бог милостив, поможет и ему привыкнуть и укрепит силы. Мать казначея Лидия и Мария Ильинична земно кланяются Вам, просят Вашего благословения и святых молитв, еще поздравляют Вас с праздником и христосуются с Вами «Христос Воскресе!!!»

Отец Иероним еще многое-много о себе не написал в биографии, даже о выкупе меня у родителей для поступления меня в монастырь он очень мало написал, а о другом и вовсе умолчал, даже достопамятных событиях в его жизни; если Бог продлит мою жизнь и укрепит хотя несколько здоровье, то я по времени постараюсь описать, что могу припомнить, но, во всяком случае, скоро не могу этого сделать. За тем всеусерднейше прошу Вашего благословения и Святых молитв обо мне грешной. Остаюсь недостойная сомолитвенница Вашего Высокопреподобия, игуменя Маргарита Соломенцева. 8-го апреля 1886 года.

Отвечено 10 июня.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и Всечестнейший о Господе Батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Вот вчера, 14-го мая, исполнилось ½ года приснопамятному нашему батюшке и брату моему о. Иерониму и, воздав должное незабвенному усопшему, спешу Вам написать, чтобы

поделиться с Вами тем, что для нас обоих одинаково должно быть дорого и служить душевным утешением; именно о том, как мы поминали нашего незабвенного брата и батюшку. Рыбку Вашу, как сельдь, так и тарань, я получила, а также и 300 рублей через одесского поверенного Вашего о. Григория Говторенко, присланные по благословению Вашему. Сельди и тарань были розданы сестрам обители, для поминовения известного им по духу батюшки о. Иеронима и, правда, хотя он был далеко от нас, но сестры вверенной мне обители зная, что есть батюшка о. Иероним, который молится за них на Афоне – Жребии Царицы Небесной, душевно любили его, и в своих хотя и скудных молитвах молились о здравии его. Теперь же, зная, что он стал несравненно ближе к Престолу Всевышнего Создателя и еще усерднее молится за нас, удвоили свои молитвы об упокоении и еще ближайшем соединении души его со Господом.

По совершении заупокойной Божественной литургии и панихиды, в келье у меня был обед для священнослужителей и старших сестер обители, а также на трапезе для бедных сестер и на гостинице для странниц и трудящихся в нашей обители. Не забудем и Вас, достоуважаемый батюшка, в наших недостойных молитвах, за благодеяния Ваши и отеческую любовь к нам, а меня Вы, батюшка, так утешаете, что я и выразить не могу. Вы мне заменили брата, и за великое утешение в сей скорбной для всех земной жизни да наградит Вас Сам Милосердный Господь и Царица Небесная, и примите Вы награду с Небес сторицею увеличенную.

При этом считаю не лишним и не бесполезным приложить сон, виденный одним из иеромонахов Козельской Введенской Оптиной пустыни Калужской губернии, про умершего иеродиакона сей же пустыни о. Филарета. О нем для ясности надобно сказать несколько слов. 29-го декабря 1885-го года скончался сей вышеозначенный о. Филарет тот час же по принятии схимы с сим же именем. Он был еще далеко не стар, с веселым добродушным и до простоты наивным характером, живой и деятельный во всех движениях и особенно усердный к послушанию – он занимал должность смотрителя монастырской

больницы и часто по своим познаниям заменял собою доктора. Он был любим и уважаем всеми, но не мало и у него было затаенных врагов, как и всегда не совсем доброжелательных и завидующих тем, которые исполняют свой долг перед Богом и поставленным от него начальством. Но подобные люди не высказывали ему своих мнений в глаза, а лишь распускали разные клеветы, которые, впрочем, о. Филарет переносил равнодушно. Он был усердный и ревностный послушник известного почти всей России духовного старца отца Амвросия сей же пустыни, и без малейшего противоречия исполнял все возложенные на него им послушания. Все эти черты его характера передает одна из монахинь вверенной мне пустыни, которая хорошо его знала, имея в Оптиной Пустыни кроме него еще 2 родных и двоюродного братьев, которых теперь уже нет в живых. Пишущая эти строки девочка – послушница вверенной мне обители, – внучка вышеозначенной монахини. Девочка эта послана во вверенный мне монастырь сим же старцем о. Амвросием. По окончании курса она сама не знала, что будет в монастыре, т.е. что ее старец готовит на жизнь монастырскую, несмотря на то, что родители ее, особенно отец, не совсем-то были довольны определением ее жизни совершенно противоположным с их желанием. И она также хорошо знала вышеозначенного о. Филарета. Монахиня же эта рассказывает несколько случаев из его жизни. Однажды старцем отцом Амвросием на о. Филарета было наложено послушание промывать живопись в куполе монастырского соборного храма; послушание это в помысле о. Филарета показалось тягостным и неподходящим для него, тогда как у него и без того было много трудов и забот, но, исполняя волю наставника, не сказал ему слова противоречия; одно только что его беспокоило – это помысл, что он должен упасть с подмостков. Он говорил об этом о. Амвросию, но тот его успокоил. Наконец, в один день он пишет к уехавшему на дачу старцу записку и говорит, что помысл его беспокоит: упадет он сегодня. Старец отвечает: «Упадешь, но невредим будешь». И вот, когда о. Филарет стал промывать лик Царицы Небесной, он молился, чтобы в случае несчастного падения Царица Небесная сохранила его; и в эту

минуту доски подломились, и все промывавшие живопись с неимоверной высоты попадали вниз. О. Филарет летел как бы по воздуху и невредимо стал ногами на пол церковный. Раздирающие крики поразили его и он немедленно, не умея сам оказать помощи пострадавшим, поехал за 7-мь верст за костоправом. Впрочем, он ухаживал за иеромонахом о. Савватием, видевшим прилагаемый сон, и сам вынул из ноги 3 косточки – нога и до этого времени болит у него. Вот – пример послушания! Потом у сей же монахини умер брат, за которым о. Филарет ходил во время болезни и похоронил его. На сороковой день после его кончины о. Филарет видел его во сне, что умерший схимонах Сергей хочет поцеловать ему руку и благодарит за все сделанное для него, но потом, как младший, устранился и спрашивает: «Хорошо ли тебе, о. Сергей?» – «Ах, хорошо, – ответил он радостно, – И тебе, о. Филарет, хорошо будет. Потерпи немного скорби, труды и клеветы людские». А после о. Филарет рассказывал одной монахине нашего монастыря, что ему особенно было трудно это время, и если бы не этот сон, он бы не вынес и не понес возложенного на него послушания и клеветы людской. И через год после этого сна он скончался, мысленно ожидая смерти. Полезны многим подобные примеры, тем более что мало теперь стало образчиков послушания, терпения, смирения и благоразумного перенесения возложенного на него послушания.

Еще и еще, незабвенный, достоуважаемый, заменивший мне во всех отношениях родного брата, приношу горячую и усердную мою благодарность. Видит Бог, насколько дорого и велико для меня утешение и поддержка Ваша, и не лишите меня этого, а Вам да воздастся сторицею и в этой, и будущей жизни.

Усердно прошу передать мои поклоны всей о Христе Вашей братии, а особенно знающим меня Ивану Фомичу, о. Мартирию и о. Иоанникию, о. Аполлосу и всем, меня помнящим в своих молитвах. А за о. Мафусаила очень благодарна. Спаси Господи, что не оставляете всех нас своею отеческою ласкою. Не оставьте же, всечестнейший батюшка, младенствующих

душевно деток моих о. Ивана Фомича и о. Мафусаила; при этом прилагаю ему маленькую записочку.

Мать казначея Лидия усердно и земно Вам кланяется, просит святых молитв и благословения, а также сестра ее Мария Ильинична и внук Александр Иванович.

Простите, Господа ради, запамятовали поблагодарить Вас за присланные иконы, благодеяния Ваши несчетны! Да наградит Вас Милосердый Господь благословением Своим. Иконочки эти розданы в память приснопамятного нашего брата и батюшки, и все, кто имеют их, непрестанно будут молиться за него.

За тем еще пожелав всех благ и милостей от Бога и Царицы Небесной, остаюсь послушница Ваша игуменья Маргарита.

Отец наш преблагод, Ты заступил место нашего отца Иеронима. Мы всегда за Вас молимся, да поможет Вам Господь и Царица Небесная, вмч. Пантелеимон. Ах, отец наш, помолитесь о нас, трудно мне в этом послушании. Брат отец Иероним связал меня словом, чтобы я не подавала на покой до смерти. Вы, наш родной, молитесь, чтобы Господь укрепил мои силы.

Отец мой, не знаю, как Вас благодарить за отеческую милость. Вы много утешили нас рыбкой, и все сестры со слезами Вас благодарят. Все панихиды они служат о брате моем, а книжечки получены о смерти брата; более двухсот розданы; из многих мест по почте пишут и просят, а у меня осталась одна книжечка о его кончине. Вашу опись родословной брата многие читают, но брат много не упомянул о себе замечательного; когда бы была свободна от дел, то описала бы все.

Прилагаю 6 писем покойного батюшки о. Иеронима. Знаю, что были еще нравоучительные, но кто взял, не помню, и мне не отдают.

17 мая 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестной и досточтимый о Господе Батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Прежде всего, усердно прошу Ваших святых молитв и благословения мне на помощь и укрепление сил душевных и

телесных. Приношу Вам глубокую душевную чувствительнейшую благодарность за поздравление Ваше нас с храмовым праздником Тихвинской Божией Матери. Мы эту поздравительную телеграмму получили после праздника, спаси Вас Господи за внимание. Потом письма Ваши, от 10-го июля – первое, и последнее – от 6-го июля, я имела утешение получить, за которые от души искренно благодарю и усердно поздравляю Вас, досточтимый батюшка отец архимандрит, со всею о Христе братиею Вашею с совершившимся величайшим духовным торжеством – освящением давно устраиваемого и оконченного святого храма к утешению Вашему, во славу Божию, и в незабвенную память в Бозе почившего старца батюшки отца Иеронима.

Да будет вечная ему от всех нас память. Я очень рада, что Милосердый Господь привел в исполнение Ваше желание об устройстве и окончании, а также и освящении святого храма в честь св. Блаженных Преподобных Иеронима и Герасима – вечный памятник святым старцам, так усердно потрудившимся в Жребии Милосердой Владычицы для спасения многих душ. Без сомнения, уже удостоились они получить мзду от Праведного Мздовоздаятеля.

Теперь вот еще наступает у Вас высокаторжественный праздник святого Великомученика Пантелеимона, с каковым храмовым праздником имею честь поздравить Ваше Высокопреподобие и всю святую Вашу обитель, посвященную в честь святого славного Великомученика Пантелеимона. Да поможет великоименитый святой Страстотерпец совершить Его память во славу Божию с духовным торжеством и благополучно. У нас тоже этот день торжественно празднуется, потому что в Большом Тихвинском Храме есть придел во имя Великомученика. Я душевно всегда радуюсь, что помог Милосердый Господь и мне давнее свое желание привести в исполнение – устроить этот придел во имя св. великомученика. Правда Ваша, что при себе сделаешь, то и хорошо, и после все будут довольны, а на будущее нет надежды, у всякого свои предположения и каждый сделает так, как ему хочется – потрудимся, пока имеем для этого время. А труд наш, надеюсь

на милосердие Божие, не пропадет, все-таки найдутся добрые люди и после смерти нашей скажут «Спасибо!» и вспомнят в своих молитвах нас грешных.

Простите меня, что осмеливаюсь опять повторить мою убедительную просьбу – отпустите брата Ивана Фомича ко мне, ему необходимо нужно устроить свою сестру. Отец Иероним присылал ко мне много разных женщин и девушек, которых родные у вас в монастыре на послушании; просил всех их устроить, и я исполняла послушание да, уважая вас, принимала их и устраивала, а о нашей-то, родной, и некому теперь позаботиться. Конечно, если бы отец Иероним был жив, то устроил бы и не оставил без внимания свою близкую сестру, а умер к нашему общему всех прискорбию, теперь должны каждый из нас сами хлопотать за себя. Эта же родная сестра Ивана Фомича совершенно безоружная и малоопытная, а при том скорбящая, как же ее оставить – близкие и родные не возьмутся, а посторонним и вовсе не нужно. Мы все-таки люди, плоть носящие, сострадаем и скорбим по-человечески о своей родной. Надеюсь, что не оставите моей просьбы без внимания.

Вы меня потревожили, а я Вас, то вот и помиримся тогда. Простите! Казначая мать Лидия и Мария Ильинична кланяются Вам, просят Ваших святых молитв и благословения, а я и мать казначая Лидия просим Вас, благоволите передать наш усердный поклон о. Аполлосу, о. Илиодору, о. Иоанникию, его брату и нашим родным, о. Евлампию и о. Мафусаилу. Просим Вас не оставлять их отеческою Вашею любовью и заботливостью о них. А Ивану Фомичу от нас поклон, и скажите, что пусть его старость будет *яко орля юность* (Пс.102:5). Устроит сестру, тогда Бог с ним, никогда не позову к себе; теперь всякому до себя силы совершенно истощились, а работы много для блага обители. О. Филарету мой особенный поклон прошу передать. Отец наш и попечитель, я просила Вас, если возможно, то благоволите еще прислать книжек о кончине и погребении отца Иеронима; прежде присланные Вами все до одной у меня разобрали. Новопреставленного Вашего иеросхидиакона Илариона будем поминать о упокоении, берет Господь угодивших Ему в вечный покой. За всем этим от всей

искренности души моей, пожелав Вам мира, здоровья и спасения души, остаюсь с истинным моим почитанием и преданностью недостойная сомолитвенница Ваша, игуменья Маргарита.

23 июля 1886 года.

Отвечено 2 августа 1886 года.

†

Христос посреди нас! Досточтимый о Господе батюшка, отец архимандрит Макарий!

Почтеннейшее письмо Ваше от 2-го этого августа я имела утешение получить, за которое приношу Вам чувствительнейшую мою благодарность. Спаси Вас Господи, отец архимандрит, за Вашу отеческую любовь ко мне и к моему брату Ивану Фомичу, что Вы его отпустили ко мне, который за святые Ваши молитвы и прибыл к нам благополучно.

Мы обе очень утешены тем, что Господь привел нас еще увидеться лично, может быть уже и в последний раз в этой жизни. Я и казначея мать Лидия приносим Вам душевную нашу благодарность за присланные Вами нам четки, дофин, розовое масло.

За все милостивое к нам внимание да воздаст Вам Милосердый Творец неизреченными своими милостями и в сей земной жизни, а тем более в будущей, где несравненно более нужно будет для нас Его милосердие. Иван Фомич послал письмо к своей сестре, чтобы она немедленно сюда приехала, просим Ваших святых молитв, чтобы Господь помог нам устроить ее в святой обители. Поживаем мы, по милости Божией, благополучно, когда Иван Фомич при помощи Божией возвратится к Вам, тогда лично передаст Вам о нашем житье-бытье, а до того времени просим Вас, примите сей письменный низжайший наш поклон от меня и от казначеи матери Лидии, усердно просим Вашего благословения и святых молитв за нас. Марья Ильинична Вам кланяется, просит святых Ваших молитв и благословения. Всем знающим меня святым отцам прошу Вас передать от меня поклон с испрошением святых молитв. Глубоко душевно чтимый мною отец Архимандрит! За одну святыню: иконочки, душеполезные книги, листики и прочее, благодетельную Вашу присылку нам грешным Милосердный

Создатель не лишит Вас Небесного Своего Царствия. Как я, так и все сестры мои, живущие во вверенной мне обители, всегда благодарим и молим Милосердного Господа об излиянии на Вас земных и небесных милостей. Мне кажется, ни в одном из российских монастырей нет такой раздачи иконочек, книг и т.п. святыни Афонской, как у нас в обители; мы не пропускаем ни одного странника и богомольца, чтобы не поприветствовали его этою духовною пищей и утешением по милости вас, родных наших батюшек; через что приобретаем насущный кусок хлеба, собственно для весьма бедных призреваемых старушек, пользующихся общею готовою для них трапезою, устроенною собственно для них. Об отце Иерониме книжек я все-таки ожидаю.

Я все время до приезда Ивана Фомича горевала, что у меня нет хорошеньких четок, таких, чтобы можно было Архиерею поусердствовать, а также нет дафина, регамо, масла розового и ладану. Попросить же у Вас совестно было, потому что и так много обязана я Вам и часто беспокою я Вас, но вспомнила слова батюшки отца Иеронима – писал он мне, что «не стесняйся в своих просьбах к отцу архимандриту Макарию, он тебя уважает». Это много меня ободрило, и я думала было написать попросить у Вас, а Иван Фомич все это и привез мне. Спаси Вас Господи!

За тем пожелав Вам от Всевышнего Творца благ и милостей душевных и телесных, а более всего душевного спасения, с душевным моим к Вам уважением и преданностью, честь имею пребыть навсегда Вашего Высокопреподобия усердная ко Господу Богу сомолитвенница игуменья Маргарита.

22 августа 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и Всечестнейший о Господе батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Сегодня, 19-го, получила Вашу ответную телеграмму, и спешу Вам ответить. Немало, я думаю, поразила Вас печальная наша телеграмма! А мы еще более убиты горем и дорогой утратой. Как опишу я Вам эти печальные подробности? Позвал ее, незабвенную нашу матушку, покойный отец Иероним,

встретились они там радостным свиданием для жизни вечной и неразлучной. С 1-го сентября матушка стала себя чувствовать не особенно хорошо и утомленной, но до 8-го была на ногах и даже в этот день, т.е. на Рождество Пресвятой Богородицы, была в церкви. 9-го уже слегла и больше не встала. Два раза приобщали ее Святых Христовых Таин, а 12-го она пожелала Таинство Святого Елеосвящения. 13-го в полдень ей особенно было нехорошо и ее приобщили в полдень. Затем она почувствовала облегчение. Но в ночь с 13-го на 14-ое тихо скончалась. Кончина была самая покойная – уснула сном праведника; по мнению доктора, у нее было воспаление легких. Погребение совершал Белгородский Архимандрит отец Евгений в сослужении с многочисленным духовенством. Самое погребение было очень торжественно: сверх всякого ожидания или приготовления, все устроилось как бы само собой, даже и природа уступала; в день погребения была ясная и светлая погода, а как перед этим, так и после лил и не перестает сильный дождь. Невыразимо скорбна и тяжела эта потеря! Усердно прошу Вас, молитесь за усопшую матушку! Сестра моя Мария Ильинична, а также и племянник Александр Иванович усердно Вам кланяются, они так же сильно скорбят и убиты горем. Жаль так же и бедного старичка Ивана Фомича; ну, слава Богу, что он побывал, наговорился и простился с матушкой. Не ожидали все мы, что скоро понесем такую тяжелую незаменимую для нас утрату. Выехать предполагает Иван Фомич числа 23-го. Настоятельницей или исправляющей должность настоятельницы, впредь от особого распоряжения Епархиального начальства, назначена я. Помолитесь за меня, чтобы Господь и Царица Небесная подкрепили меня. Отцу Илиодору и брату его о. Иннокентию передайте мои поклоны, а также отцу Аполлосу и Мафусаилу и всем знающим меня, попросите их молиться за покойную матушку. От души желаю и Вам всех благ и неизреченных щедрот от Милосердного Создателя!

Усердно прося Ваших святых молитв и благословения, остаюсь с глубоким к Вам почтением и смирением.

Передайте отцу Илиодору, что мать его будет жить как жила, и будет упокоена; она живет в кельях Марии Ильиничны и будет до конца жизни жить с ней.

Казначая монахиня Лидия. Отцу Евлампии кланяюсь. 7 сентября 1886 года.

†

О кончине м. игуменьи Маргариты. Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и Всечестной о Господе батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Испросив Ваших св. молитв и благословения, от души желаю Вам всех благ и милостей от Господа! Спешу принести Вам душевную мою благодарность за полученное мною вчера Ваше письмо. Спаси Вас Господи за Ваше участие и в скорби нашей. Скорбь велика и дорогая потеря ничем для меня не заменима. А главное – от души искренно благодарю Вас за Ваши усердия и великие молитвы пред Господом о упокоении души незабвенной для нас матери нашей игуменьи Маргариты! Из письма Вашего видно, что Вы еще не получили моего письма, посланного Вам по получении мною от Вас телеграммы, в котором было подробно описано о болезни, кончине и погребении нашей матушки игуменьи.

То теперь спешу опять, хотя вкратце, повторить о печальных подробностях кончины и погребения нашей матушки. Может быть, пропало наше первое письмо, в 20-х числах сентября посланное.

Начала себя чувствовать особенно слабой и утомленной покойная наша матушка с 1-го сентября, но все-таки до 9-го числа она была на ногах. Даже 8-го числа в день Рождества Богородицы была в обедни, хотя более сидела от слабости, не могла долго стоять.

9-го уже окончательно слегла в постель, 10-го – приобщилась Святых Христовых Таин, 11-го соборовалась св. елеем.

13-го опять приобщилась Святых Таин, в этот день особенно худо ей было, а 14-го в один час ночи на Воздвижение Честного Креста мирно тихо скончалась. До последней минуты была в чистой памяти и, по свойственной ей любви к ближнему,

старалась каждого поприветствовать ласковым словом, взглядом, и не высказывала жалобы на болезни, терпеливо переносила все. По словам доктора, болезнь ее была – отек легких. Для всей обители нашей очень тяжела разлука с любимой матерью.

16-го числа сентября было торжественное погребение, служил о. архимандрит Евгений Белгородского мужского монастыря в сослужении многочисленного духовенства слободского, прибывшего отдать последний долг любимой и уважаемой нашей матери м. игуменье.

Похоронили ее внутри обители с правой стороны летнего нашего храма Тихвинского с южной стороны. Вечная ей память!

Мне теперь много забот и хлопот – я назначена нашим архиереем исправлять должность нашей настоятельницы впредь до будущего распоряжения. Прошу Вас усердно, помолитесь за нас, сиротствующих, чтобы Милосердый Господь, как Отец Чадолубивый, послал нам мать, и Царица Небесная Сама избрала бы достойную для этого служения на благо обители и во славу Божию.

Спаси Вас Господи за присланные мне сердоликовые четки с Иваном Фомичом. В прошлом письме я забыла поблагодарить Вас за это.

Ивана Фомича мы 25-го числа проводили в Одессу, где он намерен пробыть дней 10 по делам своим. Если Бог даст возвратиться к Вам благополучно, то лично передаст Вам обо всем происходившем у нас.

Относительно писем покойного батюшки отца Иеронима – не знаю, что Вам сказать. С удовольствием пришлю, если найдутся; но едва ли они есть – когда матушка игуменья не нашли, то я-то где же их возьму. В чулане, в каком они писали Вам, что поищут, нет никаких писем.

Вот и отец Евлампий отошел ко Господу. Понемногу все родные наши перебираются в вечные обители Отца Небесного для вечной жизни. Мы будем молиться об упокоении души его.

Марья Ильинична земно Вам кланяется, просит Вашего благословения и святых молитв о ней.

Еще прошу Ваших святых молитв обо мне, остаюсь доброжелательница и смиренная сомолитвенница Ваша.

С Иваном Фомичом по приготовлению матушки игуменьи посылаю Вам звездочки с лентами, пастилу яблочную, подчасник и прочее из мелочи. Иван Фомич Вам передаст.

Простите и помолитесь обо мне, исправляющая должность настоятельницы, казначея монахиня Лидия.

29 сентября 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестной и досточтимый о Господе батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Прежде всего, с земным моим поклонением усердно прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне грешной. Уведомляю Вас, что почтеннейшее и весьма отрадное для души моей письмо Ваше от 12 октября этого года я имела утешение получить, которое несколько раз почитала со слезами и с невыразимой благодарностью Вам за него. Спаси Вас Господи за живейшее участие ко мне по случаю драгоценной для меня утраты – лишения дорогой и незабвенной для меня матери. Царство ей Небесное! Спаси Вас Господи за теплые Ваши молитвы и поминовение новопреставленной матушки игуменьи Маргариты. Верую и надеюсь на Господа, что Он как Чадолюбивый услышит Ваши молитвы о ней и удостоит ее прощения во всех вольных и невольных прегрешениях и не лишит вечного Своего блаженства. Матушка ради Бога презрела мир, много потрудились ради своего спасения в святой обители, а тем не менее, и для пользы ближних. Неужели ее труды останутся без награды от Праведного Мздовоздаятеля?

Счастливая матушка игуменья, без сомнения, уже соединилась со своим братом батюшкою о. Иеронимом. Вот уже и ему предстоит годовичная память, по силе и возможности постараюсь здесь помянуть батюшку в день его кончины.

В сороковой день по кончине матушки игуменьи по распоряжению нашего Архипастыря Преосвященного Владыки прибыл к нам из Курска член Д. Консистории – Архимандрит Вонифатий для выбора новой игуменьи из числа наших же сестер.

23 октября было всенощное бдение под праздник Скорбящей Божией Матери. После него о. Архимандрит сказал назидательную речь к сестрам и прочел указ из К. Д. Консистории, уполномочивающий его для выбора игуменьи; раздал всем монахиням бланки билетиков для написания в них сестрами имя и фамилии той монахини, которую они желают иметь настоятельницей. Сестры взяли билетики и написали у себя по кельям в билетах имя и фамилию той монахини, какую кто желал. 24 октября после литургии отслужили молебен Царице Небесной Тихвинской, потом все прикладывались к Ее святому образу и клали в чашу, под закрытием находившуюся, свои билеты. Потом о. Архимандрит в присутствии всех сестер открыл билеты, которые клали на двух монахинь кандидаток, и по большинству билетов выбрали м. Поликсению Зеленину, она и будет игуменьей у нас. Все это из Курска отправят в Св. Синод, т.е. билеты и акт, подписанный всеми сестрами в качестве свидетельниц и избирательниц игуменьи. Теперь, когда Св. Синод ее утвердит на эту должность и пришлет в Курск решение, тогда новоизбранная должна будет отправиться в Курск для постановления. Прошу Вас, помолитесь о ней, чтобы Господь даровал ей мудрость к управлению многолюдной нашей обители, и чтобы она была истинная для всех нас мать.

По правде сказать, всем будет мать, но для меня все-таки не заменит мою дорогую усопшую мать м. игуменью, что ни говори, а на уме одно – кого я лишилась.

По благословию Вашему сельди, посланные нам еще в августе месяце, мы

получили уже почти в половине октября месяца, и то с большим неудобством. Вот почему. Отправлял их, как после оказалось, из Царицына по поручению ему о. Михаила какой-то их послушник малосведущий, и квитанции к нам не выслал на получение груза. Так же и письмом не уведомил, что послали, а мы до октября месяца ничего даже и не знали, что нам посланы селедки и что они давно уже лежат на ст. Веселая Лопань; да в первых числах октября получаю я письмо от о. Михаила, он спрашивает, получили ли мы столькото пудов селедок, посланных нам из Царицына по Вашему благословию уже тут.

Мы давай телеграммы посылать в Ростов, чтобы выслали нам квитанцию поскорее, что мы не получали и даже ничего не знаем о посылке, а на Лопань телеграмму с запросом, что есть ли там нам такой-то багаж. С Лопани начальник станции отвечает мне, что багаж давно лежит, и прислал письмо и квитанцию на получение багажа и пишет мне: «Если завтра не пришлете за получением, то все продадим по закону, потому что законный срок пролежал багаж, не имеем права беречь его дальше». Что делать, погода не сносная, дождь, грязь невылазная, подводы давай нанимать, очень дорого взяли за провоз от Лопани, а также и по железной дороге на месте отправления груза отправителем ничего не было уплачено, а потому пришлось мне заплатить и за железную дорогу. И так 90 руб. с лишним мне стоило за все за провоз заплатить, в том числе и за пролежалое заплатила, а если бы в свое время нас уведомили и прислали бы квитанцию то, по крайней мере, за пролежалое не платить бы мне. Теперь приношу мою благодарность Вам за селетки. Конечно, Ваше желание было доставить нам во время и не привести нас в убыток, но что делать, когда доверители Ваши немного неисправны. Сельди я все раздала сестрам обители за поминание матушки игуменьи и батюшки о. Иеронима, сестры благодарят усердно и молятся об усопших.

Слава Богу, что Иван Фомич доехал благополучно и опять в Св. Афоне – земном раю. Прошу Вас, потрудитесь ему передать усердный мой поклон, а также батюшкам о. Илиодору, о. Аполлосу, о. Иоанникию и всем меня знающим, прошу святых молитв за о. Евлампия. Молимся и поминаем, да упокоит Господь душу его. Марья Ильинична и Александр Иванович передают Вам свой земной поклон с прошением святых молитв. Простите меня, Бога ради, и не оставьте Вашею молитвенною о мне памятью и утешительными строками, остаюсь всегда помнящая Вас в моих недостойных молитвах казначея монахиня Лидия.

Отцу Мафусаилу, брату моему, прошу передать мой поклон, прошу его о мне молиться.

Отвечено 30 ноября 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестной и досточтимый о Господе батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Прежде всего, с земным моим поклонением усерднейше прошу Ваших святых молитв и благословения. Уведомляю Вас, что я имела утешение получить почтеннейшее и утешительное для меня письмо Ваше, в котором Вы отечески утешаете меня в лишении дорогой для меня матери, незабвенной матушки игуменьи, а так же описываете о поминовении Вами ее на святых божественных литургиях и прочих церковных богослужениях и келейных молитвах. Спаси Вас Господи за все Ваше усердие и любовь к усопшей о Господе матушке, а также и ко мне, болезненной; я на то письмо сей же час отвечала Вам и благодарила Ваше Высокопреподобие за все поминание и за полученные мною селетки, которые все разошлись раздачею монастырским сестрам и на общую трапезу для поминовения незабвенного батюшки о. Иеронима и матушки игуменьи Маргариты.

На днях получила я письмо и от Ивана Фомича, в котором он описывает, что по нашей матушке игуменьи Вы изволили совершать поминание в сороковой день, именно три дня: 21, 22, 23-го чисел октября обедни с панихидами. Это для меня весьма душевно отрадно, что Вы так поминаете матушку игуменью, спаси Вас Господи за любовь. Матушка игуменья, если возымеет дерзновение пред Престолом Божиим, будет молить Господа о Вас. Я же здесь, по силе возможности, в день годовой памяти дорогого нашего батюшки о. Иеронима постаралась устроить поминание: во-первых, наняла отслужить за батюшку обедню с панихидою, и более трехсот человек трапезовали-поминали батюшку; старшие из сестер обители, все монахини, клирошане и рясофорные, все духовенство со своими семействами – для всех их устроен был обеденный стол в кельях общей трапезы. На Гостинице обедали сторожа и все рабочие в монастыре, плотники с семействами, и много нищих – все с большим усердием поминали батюшку отца Иеронима, Царство ему Небесное и вечная память да будет от всех нас. Прошу Ваших святых молитв обо мне грешной,

здоровье мое плохо, а дел много, изнемогаю совершенно, когда-то еще утвердят новоизбранную игуменью, а до того времени обязанность управления обители лежит на мне, ведь дела не стоят, а идут своим порядком. Сестра Мария Ильинична и ее сын Александр Иванович шлют Вам земной свой поклон с испрошением святых молитв и благословения. В обители у нас, по милости Божией и за Ваши святые молитвы, все стоит мирно и благополучно, и все дела идут своим порядком.

Еще усерднейше с земным моим поклонением прошу Вашего благословения и святых молитв обо мне грешной. Остаюсь всегда помнящая о Вас в моих скудных молитвах казначея монахиня Лидия.

16 ноября 1886 года.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и Всечестнейший батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Спешу принести Вам мое искреннее и душевное поздравление с приближающимися многорадостным праздником Рождества Господа Нашего Иисуса Христа, а затем и с Новым годом. От души желаю Вам, Всечестнейший батюшка, насладиться в эти дни спасением и миром благодатным, добрым здоровьем и полным о Господе благоденствием. Усердно прошу и Вас помолиться за меня, болящую. Теперь мне, слава Богу, по делам хотя в половину легче – у нас уже новопоставленная игуменья Поликсения, которой я уже совершенно сдала управление обителью!

При этом приношу Вам мою признательную и усердную благодарность за присланные книги и душеспасительные листочки, полученные мною через о. Михаила. Спаси Вас Господи, батюшка, что насыщаете нас пищей духовной! Да насытит и Вас Милосердый Господь лицезрением Славы Своей и наслаждением в обителях райских. Еще усердно прошу Ваших святых молитв и благословения, остаюсь смиренная и болящая казначея монахиня Лидия.

22-го декабря 1886-го года.

†

Ваше Высокопреподобие! Достоуважаемый и Всечестнейший отец Архимандрит Макарий!

Усердно кланяясь Вам, прошу святых Ваших молитв и благословения! На днях я получила рыбу, которую Вы послали через отца Михаила для бедных сестер вверенной мне обители; и вот я немедленно спешу ответить Вам, чтобы принести мою горячую и признательную благодарность за Вашу память и благорасположение к нашей обители, которое я глубоко ценю и считаю себя счастливой, что я не забыта на Афоне, этом Священном Жребии и Уделе Царицы Небесной. Да наградит Вас Милосердый Господь сторицею Своими несчетными земными и небесными богатствами. Как я, так и те сестры, которые получили присланную Вами рыбу, молятся и будут молиться о упокоении души старца отца Иеронима. Будем надеяться, что он там, у Престола Всевышнего, не забудет и нас. Поминаем и Вас о здравии и спасении!

Усердно прошу Вас, всечестнейший отец архимандрит, помолитесь и за меня в Ваших святых и великих пред Господом молитвах.

При искренних и душевных пожеланиях всех милостей от Господа и Царицы Небесной, остаюсь смиренно просящая Вашего благословения и. Поликсения.

2-го августа 1887-го года.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший батюшка, отец Архимандрит Макарий!

Кланяюсь Вам в ножки и прошу Ваших святых молитв и благословения. Извещаю Вас, что по Вашему благословию я получила от отца Михаила два ящика листочков и двадцать кулей тарани для раздачи бедным сестрам; раздала, а которые считаются побогаче, те приходили сами просить и говорят мне: «Что же Вы лишаете нас благословения Святой Афонской Горы?» – то я уже, хоть понемногу, да всему монастырю раздала в праздник престольный Тихвинской Божией Матери. Листочки раздавали священники всем богомольцам; также раздавали на храмовой праздник Преображения Господня.

Все наши сестры усердно Вас благодарят и молятся за батюшку отца Иеронима и за Вас. Они очень рады были соленой рыбе; спаси Вас Господи, что Вы удумали утешить и после отца Иеронима наших сестер. Кланяется Вам сестра моя Марья Ильинична и просит Ваших святых молитв и благословения. Усердно кланяется Вам мой племянник Александр Иванович, и просит Ваших святых молитв.

При этом поручая себя Вашим святым молитвам, остаюсь с искренним уважением и с преданностью м. Лидия Соломенцева.

1887 года 9 августа.

†

Ваше Высокопреподобие! Всечестнейший отец игумен Андрей!

Благословите принести Вам мое задушевное поздравление с саном Игумена и пожелать Вам от Господа всех милостей и щедрот и много-много лет счастливо проходить столь великое послушание.

Незабвенные попечители наши, в Бозе почившие старцы: отец игумен Иероним и отец архимандрит Макарий не забывали обитель нашу, оказывая значительную помощь рыбою беднейшим сестрам нашим. Теперь усердно прибегаем к Вашему Высокопреподобию с просьбою не оставить нас на будущее время Вашим милостивым вниманием, чем заставите вечно молиться о Вас и быть Вам признательными.

Испрашивая святых молитв Ваших, остаюсь с искренним моим уважением и благодарностью к Вашему Высокопреподобию недостойная игуменья Поликсения. Борисовская Пустынь. 17 августа 1889 года.

Отвечено 19 сентября 1889 года.

Написать отцу Михаилу, чтобы послал в Борисовский монастырь на имя игуменьи Поликсении рыбы, по прежнему примеру, как посылали при покойной старице игуменье Маргарите, то и теперь нужно послать также.

Письма старца Иеронима к родным и духовным чадам

Богом спасаемая любезная сестра Евдокия Павловна!

Благодаря Бога, спасающего меня и покрывающего от всех бед, хотя я и не скучаю жизнью в Святой Горе, но скучаю о том, что о любимых моих не имею известия, живы ли все они и здоровы ли; чем более времени проходит в неизвестности, тем более скучаю. Может быть, Вы и посылали и много писем ко мне через прохожих, то они и по необходимости должны пропасть, потому что ныне разве десятый поклонник в Иерусалим может пройти. Впрочем, да будет воля Божия во всем; еще и того не знаю, может быть, и мои письма к Вам не доходят, хотя я и часто к Вам пишу. Это письмо я вручил для доставления Вам слепому Григорию Ивановичу моему дорогому, который обещался доставить Вам лично. Что касается до моей жизни здесь, то этот слепой, как человек благочестивый, расскажет Вам все подробно о нашем монастыре и обстоятельствах и о том, как приезжал к нам великий князь Константин Николаевич.

Спасайтесь, спасайтесь и обо мне молитесь; достопочтеннейшей матери и старице нашей Ксанфире сообщите мое глубочайшее почтение, и его высокопреподобию отцу Луке, и честнейшему отцу диакону, а благословенным племянницам Анне и Надежде – мое благословение.

При этом, пожелав Вам всех благ, остаюсь всегда помнящий Вас грешный богомолец, Святой Афонской Горы Русского монастыря духовник иеромонах Иероним.

Р. S. От слепого получите двое четок перламутровых для благословения Анне и Надежде, и пять ложек, и неувядаемых цветов.

1845 года, августа 12-го дня.

†

Любезнейшие родители Павел Григорьевич и Марфа Афанасьевна! Здравствуйте о Господе.

Извещаю вас, что и я вашими святыми молитвами благополучен. Получил посланные от Вас ко мне деньги – 55 рублей серебром, то есть пятьдесят пять целковых, за которые благодарю вас, а более не присылайте ко мне денег, потому что я не имею нужды в них, а если когда понадобятся, то я тогда буду писать к вам. Прошу вас, более имейте попечение о невестах Христовых, то есть о матери Ксанфире с ее детьми духовными Евдокией, Анною и Надеждою. Посылайте им все нужное для содержания, чтобы они не имели нужды телесной, а Всещедрый Бог за это благословит ваш дом всяким довольством.

Скорблю, что вы странных не принимаете, через это вы теряете много спасения, вы сами знаете, сколь велика эта добродетель пред Богом. Молю вас, принимайте странных, если не имеете в доме комнаты, то хотя в другом месте сделайте одну комнату для принятия странников. Мне очень стыдно было, когда я прочитал письмо от Григория Ивановича слепого.

Еще прошу Вас, любезный родитель, благословите внука своего Иосифа идти вслед Иисуса Христа. Он желает побывать в Святой Горе и видеть меня, не препятствуйте ему Бога ради. Сам Бог призывает его к высшей жизни, дайте ему на дорогу 200 рублей, – и довольно будет ему, и, которые люди будут идти в Иерусалим, с теми и он может идти в Святую Гору. Вам это покажется за чудо, что такой молодой человек пойдет в Афонскую Гору, но не дивитесь этому: сюда приходят и даже живут и десятилетние дети, а Иосифу теперь уже 19 лет, он легко может дойти к нам. Если он не захочет со мною жить, то я держать его насильно не буду.

Любезный братец Димитрий Павлович, по получении твоего письма я остаюсь покоен и уверен, что ты меня любишь и почитаешь, да благословит Господь Бог тебя, и супругу твою Елисавету Герасимовну, и новорожденное чадо твое. Письмо твое очень меня утешило, благородные чувства души твоей очень меня тронули, и я остаюсь благодарен Богу – Просветителю душ наших. Храни до смерти твоей благодарные чувства ко всем твоим благодетелям – это Богу очень приятно, вспоминай долговременные труды брата Ильи Павловича и не

равняйся с ним, но почитай его как отца, а Всещедрый Бог, видя твое смирение и благодарность к большему брату, воздаст тебе и в сем веке, и в будущем.

Посланные вами ко мне деньги, 55 целковых, я получил и от отца Нифонта. Все вещи получил. При этом, пожелав вам всех благ, остаюсь с моею к вам искреннею любовью и почтением, всегда помнящий вас иеросхимонах Иероним.

P. S. Прилагаю при этом письмо. Прошу переслать к сестре Авдотье Павловне.

1846 года, июня 6-го дня. Афонская Гора. Русский монастырь святого Пантелеимона.

†

Письмо старца Иеронима племяннику Иосифу Бабушке твоей, а нашей родительнице скажи от меня поклон, а Димитрию Павловичу и супруге его – благословение, и брату твоему Иоанну, и сестре Анне, и прочим родным. Я хотел было написать письмо к дяде твоему Д. П., но, поскольку он не отвечает мне на мои письма, потому я и не буду уже писать ему. Мир свое любит. Насчет раздела твоего я не пишу теперь ничего, потому что уже писал к тебе прежде этого, смотри сам, как тебя Бог вразумит, так и делай. Только старайся, сколько возможно для тебя, отрешайся от мира начисто, решительно – так Господь любит.

А что же ты в письме своем не упомянул о сестре Анне меньшей? Что, разве она уже не хочет жить в монастыре? Постарайся уговорить ее и скажи ей, что это Господу очень угодно, и что я благословляю, и что всего более, что Сам Господь благословляет, в таком случае не надобно бояться искушений, когда Сам Бог помогает нам. Все временное – мечта, сон, грезы. Где Ваши родители и как они померли и когда? В то время, когда и не чаяли и не ожидали смерти, а думали и, наверное, полагали еще долее здесь жить. Увы, горе душевной слепоте нашей! В таком случае поневоле скажем с Давидом: *Всуге всяк человек мятется, сокровищствует, и не весть, кому соберет я* (ср.: Пс.38:7). Когда будешь писать к сестрам, напиши им от меня благословение. Я буду писать к

ним, да не знаю адреса. Как прямо к ним адресоваться, напиши мне их адрес.

Прилагаю вам просительное письмо, простое и краткое, передай его друзьям твоим, пусть они показывают его своим знакомым – так вы можете собрать что-либо. А если постараетесь, то можете при помощи Божией и побольше собрать. Апостол Павел не стыдился просить на иерусалимских христиан, потому и вам не должно стыдиться предлагать знакомым вашим для пользы иноков, живущих в пустыне афонской.

На написание икон для иконостаса, я думаю, вы найдете усердствующего благодетеля, Бог покажет вам его.

†

Любезный брат Дмитрий Павлович! Благословение Божие да будет с тобою и со всем семейством твоим.

Письма ваши я получил, благодарю тебя за уведомление, а еще более благодарю тебя за упование твое на Бога и за то, что ты в напастях не малодушествуешь, и не ропщешь на Бога, и благодаришь Его, и что сердце свое не прилепляешь к текущему богатству. Я думаю, что вы все знаете верно, для чего Бог наказывает нас то ужасными скорыми смертями, то болезнями, то пожарами. Что говорит нам слово Божие? *егоже любит Господь, наказует, бьет бо всякого сына, егоже приемлет* (ср.: [Притч.3:12](#); [Евр.12:6](#)). Итак, не подумай, что Господь не от любви карает своевольных Своих детей, а единственно для того, чтобы исправить их и потом принять их к Себе на вечное блаженство и наслаждение. Что же с нами делать, когда мы сами не хотим добровольно спастись?! Забываем, что мы здесь на малое время определены пожить, как на постоялом дворе, а напротив, живем на земли и прочим, как будто мы здесь будем вечны и никогда не умрем. Один любит богатство более Бога, а иной славу человеческую любит более Бога, а это и принуждает Бога лишать нас тех предметов, которые мы любим более Его, дабы мы обратили любовь к Нему и через то спаслись бы от вечной муки. Дай Бог милость Свою тем родным нашим, которых Он посетил огнем, да подаст им терпение в этом искушении.

Я писал уже тебе и просил, чтобы ты, брате, хотя понемногу прочитывал бы нравоучительные книги, послушай моего совета – это средство много поможет тебе ко спасению. Я не говорю, чтобы ты читал много, но хотя бы две или три минуты в день, и это для тебя будет полезно. А без чтения слова Божия не думай быть добрым, потому что заботы и хлопоты и разные ежедневные беспокойства сделают тебя мрачным, угрюмым, дерзким, или гордым, или робким и боязливым. А чтение слова Божия, хотя и краткое, но постоянное, сделает тебя неприметным образом человеком добрым, учтивым, мягким, обходительным, доброжелательным ко всем, даже и к врагам.

Милый и дорогой мой Димитрий, ты, конечно, помнишь мою любовь к тебе. Итак, внемли моему конечному желанию, слушай совести твоей, не делай ничего против нее; в чем она обличает тебя, то поспеши исправить, не ослушивайся ее – и без труда спасешься; кто по совести все делает, тот счастлив и здесь, на земли, и там, на небеси, будет блаженствовать.

Благословенной родительнице нашей сообщи от меня сыновнее почтение, а супруге твоей и чадам – мое благословение; к Иосифу, крестнику моему, я теперь не пишу, потому что он должен быть теперь в путешествии, как он ко мне писал.

Черниц пристройте как можно скорее, купите им келью, где они пожелают, через это Бог Вас благословит. Сестра Евдокия худо делает, что не слушает матери Ксанфиры и не хочет с нею жить; им всем надобно жить вместе. Впрочем, воля Господня да будет со всеми вами!

Ваню, брата Иосифа, отдай в уездное училище; старайся о просвещении как твоих детей, так и о нем; вспомни, как я старался о твоём образовании, так и ты повторяй: это главное дело в нашей жизни, чтобы стараться просвещать и себя, и других, особенно детей наших, за воспитание которых должны мы ответ отдать Богу.

Ежели хотите переслать ко мне на поминовение усопших, то пошлите на одесского купца. Адрес пишите так: в Одессу, почетному гражданину Якову Ильичу, господину Новикову, а его просите особым письмом, чтобы переслал к нам в обитель, так:

в Афонскую Гору, в Русский монастырь святого Пантелеимона, русскому духовнику иеромонаху Иерониму (Соломенцеву). Я его просил, что на его имя будут присылать к нам деньги, и он охотно взялся доставлять к нам, потому что ему удобно это сделать: он имеет в Константинополе лавку свою и сын его живет там постоянно.

Всем родным сообщу от меня благословение и брату Никандру Николаевичу. При этом, поручая всех Вас Господу Богу и заступлению Царицы Небесной, остаюсь Ваш брат и грешный богомолец иеромонах Иероним. 1848 года, августа 4-го дня. Святая Гора Афонская. Русский монастырь.

†

Дражайшая о Господе родительница Марфа Афанасьевна и любезный брат Димитрий Павлович! Милость Господня да пребудет с вами вовеки.

Извещаю вас, что возлюбленный наш Иосиф Ильич прибыл благополучно и со всеми его товарищами или друзьями. При Божией помощи начинают жить по правилам Святой Горы и обители нашей. Благословен Бог, вразумляющий и помогающий нам ко спасению нашему. Не удивляйтесь тому, что молодые люди оставили мир и удалились в пустыню, а удивляйтесь лучше милости Божией, которая так богато излилась на них, и прославляйте за то Бога. Любовь Божия еще и более того делает.

Затем, пожелав вам спасения и здравия, поручая себя и Вас милости Божией, остаюсь всегда помнящий Вас грешный Ваш богомолец иеромонах Иероним.

Р. S. Елизавете Герасимовне передайте от меня мое заочное благословение, равно и всем нашим родным.

1851 года, апреля 18-го дня. Святая Гора Афонская. Русский монастырь.

†

Боголюбивая N. N.! Мир вам и спасение Божие.

Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо, в коем Вы просите моего совета: на что вам решиться – идти ли в монастырь или при доме родительском жить? Я советую Вам в таком важном деле придерживаться наставления святых отцов,

которые по внушению Святого Духа советуют желающему спасти свою душу иметь советника одного или по нужде двух, и людей опытных, получивших от Бога дар духовного рассуждения, а со многими не советоваться и не вопрошать каждого встречающегося, ибо это вредно.

Если Вы не имеете расположения жить в монастыре, то живите в доме родителей Ваших, ибо в древние времена христиане, решившиеся хранить девство, более проживали при своих семействах, так и Вы, живя при своем семействе, понуждайте себя исполнять заповеди Божии и получите желаемое. К тому ж, если б Вы и пожелали пойти в монастырь, для этого надобно иметь и средства к содержанию себя, а без средств Вам очень трудно будет жить в монастыре. Впрочем, в настоящее время много основалось женских монастырей общежительных, в которых и без средств жить удобно и хорошо. Но так как Вы не расположены к той жизни, то и не для чего о том много говорить. Я думаю, со временем опыт Ваш убедит Вас в необходимости удаления от мира или от предметов, угрожающих возможностью поползновения. Как святой Исаак Сирийский сказал, что живущий среди мира человек, желающий сохранить свое девство, сколько бы ни был строг и внимателен к себе, но если близ него находятся предметы к падению, то враг при малейшей его дремоте удобно его низлагает. Читайте почаще писания святых отцов – они Вас просветят, и Вы скоро сами увидите, что следует вам делать.

Что касается до скверных мыслей и хульных, которые особенно нападают на Вас во время Литургии, то об этом не смущайтесь, ибо явно показывают зависть врага; в таком случае Вы старайтесь презирать их и вовсе не обращать внимания. Это первое средство побеждать их. Вы не удивляйтесь, что на Вас часто нападает блуд, так и должно быть, только Вы не услаждайтесь им, а гневайтесь на него, и проклинаяте его, и почаще говорите ему, что «я имею Кем услаждаться, у меня есть Жених красивее всех на свете, Который любит меня чрезвычайно; я хотя и грешная, но Его невеста, ибо я с Ним обручилась. Он мой Бог и вместе и Жених душе моей, Его одного я хочу любить и Им одним услаждаться,

Он моя радость, и веселие, и сладость, и упоение». Таковые мысли очень скоро уничтожают плотскую любовь. Так как Вы решились ради Бога иметь жизнь безбрачную, то я нелишним считаю нечто сказать вам о средствах к сохранению целомудрия. Сколько возможно избегать знакомства с молодыми монахами, даже и с черницами, не присматриваться к лицам, особенно к молодым, даже к женским, дабы избежать страстного впечатления, на свою наготу не смотреть без крайней нужды. Пищу принимать умеренно, на ночь и от многого питья чая воздерживаться, ибо от него бывает излишнее скопление соков и истечение, а умеренное питье его очень полезно для духовной жизни. По постам исповедоваться и причащаться Святых Тайн, что очень укрепляет и ободряет нас в духовной жизни.

5 августа 1866 года. Афон.

Письма старца Иеронима к Ивану Фомичу Соломенцову

Любезный братец Иван Фомич! Благодарю Бога, давшего мне случай хотя бы одной строчкой утешить тебя, если только примешь это за утешение. А впрочем, Утешитель у нас один – Дух Святой, обитающий в сердцах, расположенных к Нему. Опытom познали, что любить Бога и ближнего ничто не препятствует – ни звание, ни должность, поэтому и тебе не должно смущаться или роптать на Промысл Божий, призвавший тебя в это звание, ибо спасение души нашей заключается в нашем произволении, а не в месте или должности. Видим и пред самым лицом Божиим согрешающих, а вдали – свято живущих. Поэтому надобно разуметь, что, где захочешь делать добро, там и Бог с помощью.

Я теперь иду во святой град Иерусалим на поклонение Гробу Господню и во

Святую Афонскую Гору на жительство, Бога ради оставляю не только родителей, но и само отечество. Так, любезный брат, где ни жить, а Богу должно служить. Как говорит пророк, *на всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа (Пс.102:22), и на всякое время (Пс.33:2)*. И как жертвенник Божий есть наше сердце, а поэтому и ничто нам не препятствует внутренним нашим человеком служить Ему. Если будем остерегать себя от главных наших врагов: от жен, вина и глупой дерзости, матери всех пороков, то и здесь будем счастливы, и будущего блаженства не лишимся. Чтобы удержаться на пути добродетели, должно подкрепить себя чтением из Священного Писания, иметь благочестивого друга-единомышленника для советов на все время, а без этого мудрено удержать себя от разврата.

Прости, желаю тебе сугубым быть воином и в теле, и в духе. Остаюсь любящий тебя брат, грешный богомолец Иван Соломенцев. 4 августа 1836 года.

†

О Господе возлюбленный брат Иван Фомич! Мир тебе и спасение Божие. Много лет прошло, как я не имел никакого сведения о тебе, и вот неожиданно Бог утешил меня приятною вестью, что ты жив и благополучен. За все слава Богу, Спасителю нашему.

Пожертвование твое от Максима Даниловича я получил, и согласно твоему желанию, имена, означенные в письме твоём, будут поминаться в нашей обители, а родители твои и прежде этого поминались. Обязанность наша – молиться не только за родных, но и за весь мир. В знак благословения и памяти я посылаю тебе три книжицы нашего монастыря, и три иконочки финифтевых, и картины, и две книги – Отчник афонский для духовного утешения вашего и прочих.

Затем, поручая тебя милости Божией и покровительству Царицы Небесной и все семейство твое, остаюсь помнящий тебя на Святой Горе Афонской брат твой, грешный богомолец русский духовник Иероним.

От 3 декабря 1860 года. Святая Гора Афон. Русский монастырь.

†

Возлюбленный о Господе брат Иван Фомич! Мир вам и спасение. Благословение Божие Святой Афонской Горы, евангельского жребия Пречистой Богоматери, и от смиренной обители нашей да пребудет с вами вовеки, и со всем богоспасаемым семейством вашим, и со всем богохранимым домом вашим.

С душевным утешением получено мною письмо Ваше от 22 августа, благодарю Вас за оное, а равно и за усердие ваше к пустынной обители нашей. Святое ваше пожертвование – 10 рублей серебром – получено обителью исправно. Человеколюбец Господь по обещанному Им милосердию милостивым да сотворит Вас участником блаженства оных в Царствии Небесном, и Державная Покровительница наша – Преблагословенная Дева Мария за любовь к Ее святому жребию и нам, смиренным обитателям его, да покроет Вас всечестным Своим омофором и да поможет в деле благочестия во спасение Ваше.

Имя ваше о здравии и спасении супруги вашей Олимпиады и сына Николая записаны и поминаются обителю нашею, о в Бозе почившем родителе супруги Вашей, рабе Божиим Василии, обитель наша возносит смиренные моления свои. Человеколюбец Господь да упокоит душу его в селениях небесных в вечной блаженнейшей жизни.

Вы, боголюбивый Иван Фомич, желаете что-либо от меня слышать на пользу души для спасения, но так как Вы сами занимаетесь чтением священных книг, то Вам небезызвестно о пути спасения. Впрочем, желая по возможности исполнить Ваше душеполезное прошение, скажу Вам несколько слов на пользу для спасения души. Наипаче всего заботьтесь об исполнении первой Господней заповеди любви к Богу и ближнему, сколько позволяют Ваши занятия. Старайтесь неослабно пребывать в молитве, по глаголу Господню: *Непрестанно молитесь, да не внидете в напасть* (ср.: Мф.26:41; 1Фес.5:17). Чаше посещайте храм Божий, а наипаче в воскресные и праздничные дни. За долг себе поставляйте непременно быть в утрени и обедне, и если возможно, то не пропускайте ни один праздник. И вообще, когда чем по должности занимаетесь, старайтесь чаще памятовать о Боге и во всех намерениях, начинаниях и делах призывайте Господа на помощь. Все принимайте, как от руки Его, с благодарением, *ибо яже суть, вся суть от Бога, и вся добра и зело добра*, как учит нас Священное Писание. А также и Заступницу рода нашего Царицу Небесную усерднее и чаще молитесь, дабы Она помогла Вам во всем и была бы о вас Ходатайницею пред Господом. Ибо много может моление матернее ко благоусердию Владыки. Имейте в уме непрестанно, что эта жизнь кратковременна и есть не иное что, как приготовление для будущей, ибо что посеет человек в этом веке, то и пожнет в грядущем нескончаемом. *Работайте, пока есть день, приидет ночь, то есть смерть, когда никто же работати может* (ср.: Ин.9:4). Ко всем имейте любовь, ибо мы все – братья о Христе, все – дети одного Отца Небесного, старайтесь неимущим и убогим оказывать по силе своей помощь, и в случае, кого потребно, особенно если в какой скорби находится, то утешайте добрым советом и во всем

старайтесь быть полезным, кому, чем и как можете, и так да исполнится на Вас евангельский глагол: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф.5:7), ибо всякое оказываемое ближнему благотворение Всеблагий Господь вменяет Себе Самому по реченному Им: *Понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе, внидите в радость Господа Своего* (ср.: Мф.25:23,40), чего и да сподобит Вас милосердный Господь молитвами теплой Заступницы рода нашего – Пречистой Его Матери.

С таковым искренним Вам благожеланием, с благословенным семейством вашим остаюсь смиренный молитвенник Ваш на Святой Афонской Горе. Святой Афон. Русский монастырь 1861 года, октября 4-го дня.

†

Милостивейший благотворитель Иван Фомич!

Мир Божий, державное заступление Царицы Богоматери и благословение святого Ее жребия, Святой Горы Афонской, вкупе и от смиренной обители нашей да пребывают с Вами и семейством Вашим вовеки.

Присланное Вами в нашу богоспасаемую обитель пожертвование – 10 рублей серебром – получили. Означенные в письме имена ваши о здравии Иоанна, Олимпиады, Николая, Марии, Лидии и о упокоении Фомы и Анны, родителей ваших, по чиноположению обители. Многомилостивый Господь нашими смиренными молитвами да вознаградит Вашу истинно христианскую любовь к меньшей братии Христовой имиже весть судьбами, Царица Небесная за ваше усердие к нашей святой обители, за участие в нуждах насельников славного Ее земного жребия да покроет Вас с семейством и родными матерним Своим милосердием от всего душевредного.

Вы пишете, что желание ваше посещать церковь иногда преодолевает лень, иногда мешают служебные обязанности. Против лени нечего и говорить, нужно потрудиться и на отягощающего нас врага спасения нашего невидимого, но сильного с Божией помощью вооружиться. Храм Божий среди мира – это ковчег Ноев, обуреваемый волнами, это тихое

пристанище, мирный кров, под сенью которого мы удобнее и вернее всего укрываемся от бурных треволнений житейских, где молитвенным возношением мы приближаемся к Богу и умиротворяемся единением с Ним. Поэтому нужно полюбить церковь Божию, нужно постараться потрудиться над этим, просить у Господа помощи, и Отец Небесный подаст силы и возможность к выполнению доброго вашего желания. Если же иногда служебные обязанности поневоле отвлекут вас от посещения храма Божия, воспевайте сердцем и умом, а при возможности и устами – так и вне церкви можете прославлять Господа в душах и телесах ваших, яже суть Божия. Человеколюбец нашими смиренными молитвами да подаст вам вся Божественные силы, яже к животу и благочестию.

Засим, поручая вас и себя покрову Царицы Небесной, остаемся на Святой Горе вашими богомольцами. Архимандрит Герасим, Русский духовник Иероним.

Святой Афон. Русский монастырь, 1862 года, августа 28-го дня.

Просимого вами портрета теперь не имеется.

†

Возлюбленный о Христе Иисусе братец, достоуважаемый Иван Фомич!

Бог и Богоматерь в помощь вам, в покров и во спасение! Благословение Божие и Царицы Небесной от Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей да будет с Вами и с семейством Вашим!

Уведомляю Вас о получении мною почтенного письма вашего от 10 декабря и жертвования при оном 10 рублей серебром от Вас и семи жертвователей на поминовение новопреставленного товарища вашего раба Божия Никиты. Приношу Вам искреннюю благодарность за уведомление о себе, за братское мне благожелание и за посильное благотворение обители нашей, которая вменяет себе в обязанность помянуть Вас в молитвах своих ко Господу и к Богоматери о милости, жизни, мире, здравии, спасении Вашем и достопочтенной супруги вашей Олимпиады с сыном Николаем, Мариєю и Лидиею. А я как прежде не забывал Вас помянуть в молитве,

так и на будущее время вместе с обителью буду молиться о Вас с семейством и сродниками.

Господь, благий Мздовоздатель, да помянет Вас и о Христе братскую любовь и да ниспосылает Вам Свою милость и дары благоприятные жизни временной и вечной. И Преблагословенной Владычицы мира державное заступление буди всегда с Вами, Ее предстательством укрепи Вас Господь Своею благодатью, облегчи труды службы Вашей и ниспошли утешение в скорби временной сей жизни.

Что будем делать?! И я, грешный, не изъят от скорбей и тяготы служения моего при многочисленном братстве, при обилии нужд духовных и вещественных и при частых моих недугах. Подчас мне слишком тяжело бывает, но когда поразмыслишь, что без трудов, скорбей и терпения ничего не приобретается истинно полезного, доброго и в особенности душеспасительного, то и возблаговаришь за все Господа, ведущего узким, прискорбным, но душеспасительным путем. Итак, буди за все благословенно имя Господне! Заступи и Вас Господь, спаси, помилуй и сохрани Своею благодатью!

Египетской пшеницы постараемся достать и переслать к Вам. Из Константинополя в Александрию ходят постоянно пароходы, а потому без затруднения можно нам получить оттуда свежей египетской пшеницы.

Поручая Вас и себя милости Божией и покрову Богоматери, остаюсь богомольцем Вашим во Святой Горе Афонской, Русского Пантелеимонова монастыря русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора. Русский монастырь. 1865 года, февраля 11-го дня.

†

Боголюбивейший благодетель, возлюбленнейший о Господе брат, истинное чадо Церкви Божией Иван Фомич с христоролюбивейшею супругою Вашею рабою Божиею Олимпиадою и боголюбезным чадом Вашим Николаем, желаем вам о Господе радоваться во спасение!

Мир Божий да водворяется всегда в богобоязненных сердцах Ваших, благодатный покров Небесной Царицы с

благословением честного Ее жребия – Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей да почивают на вас со всеми благотворящими нам через вас.

Полное искренности и благорасположения к обители письмо ваше от 21-го истекшего сентября с приложенным при нем для монастыря пожертвованием 30 рублей серебром мы имели утешение получить. Святые имена ваши и сообщенные в письме христоролюбивою Екатериною Петровною поминаются при богослужениях наших по чиноположению обители со вписанием согласно вашему назначению раба Божия Никиты на вечное ежемесячное на проскомидии поминовение. Прилагая при этом благодарное письмо для вручения Екатерине Петровне Дербиной, мы приятным поставляем для себя долгом выразить этим и пред Вашим Боголюбием чувства искреннейшей признательности, чувства благодарной души за Ваше усердие к обители и постоянное участие в нуждах ее от себя и через других, за Вашу заботливость и любовь о Христе к нам, смиренным насельникам жребия Матери Божией.

Молим Многомилостивого Бога, Пречистую Богоматерь и предстательствующего к Ним святого многоцелебника Пантелеимона о мирном Вашем житии, здравии, а более о душевном спасении Вашем с семейством и обо всех, делающих нам благо через Вас, равно о упокоении со святыми в уготованных для праведников Небесных Обителях в Бозе почивших Ваших родных.

Промысл Божий, так отечески заботящийся о нас, о нуждах находящейся за границей обители нашей через милосердие рабов Своих, Той да подаст вам вся, яже во благо и спасение, и по обетованному Господом милостивым блаженству да ниспошлет на Вас, на богобоязненное семейство Ваше и на всех милующих и питающих нас вся благоприятная в жизни временной и вечной, ибо милостыня, по изречению Священного Писания, от смерти (то есть от вечной муки) избавляет, очищает всяк грех, и порфиноносный Давид глаголет: *Юнейший бых, ибо состарехся и не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлеба. Весь день милует и взаим дает праведный, и семя его во благословение будет (Пс.36:25–26).*

По желанию вашему акафист с двумя книжечками препровожаем к Вашему Боголюбию.

Что касается до службы Вашей царю и отечеству, то благо еще потрудиться, и притом немного выслужитесь, получите пенсион, будете по возможности и сами покойны, и семейство свое успокоите. Бог Вам в помощь! Укрепи Вас Господи в преданности воле Божией, утешь и заступи в Вашей скорби Матерь Божия за молитвы святого Пантелеимона. Трудно и тяжело, пишете, стало служить, но здесь, на земле, вообще труды, скорби и болезни и должны быть по мановению Творца, только на небе покой, вечно блаженное упокоевание, радость, неизглаголанное веселие. За терпение Бог дает спасение. В терпении вашем стяжите души ваша (Лк.21:19), глаголет слово Божие.

Затем, поручая Вас с боголюбивым семейством, и благодеющими нам через Вас, и себя покровительству Царицы Небесной Назирательницы святого Афона, остаемся в жребии Матери Божией смиренными о Вас богомолитвенниками. Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

10 ноября 1865 года. Русский святого великомученика и целителя Пантелеимона монастырь.

†

Возлюбленный о Христе Иисусе братец, достоуважаемый Иван Фомич!

Благословение Божие честного жребия Царицы Небесной, обители святого великомученика Пантелеимона и всего во Христе братства ее да будет с Вами и благочестивым семейством Вашим.

Получил я письмо Ваше с вложением 38 рублей серебром, в числе которых Вашей жертвы 10 рублей серебром, а остальные от прочих благодетелей.

Да благословит Вас Господь подать в отставку, да ниспошлет Вам Свою милость и дары благоприятные жизни временной и вечной. И Преблагословенной Владычицы мира державное заступление буди всегда с Вами. Ее предстательством и молитвами святого великомученика

Пантелеимона укрепи Вас Всесильный Бог Своею благодатью и ниспошли утешение в скорбях временной этой жизни!

Египетская пшеница будет выслана к Вам, я просил одного человека купить ее для Вас в Александрии.

Потрудитесь засвидетельствовать от лица обители благодарность благотворившим нам через Вас. Имена их о здравии и спасении Павла, Сергия, Татианы, Параскевы и Алексия поминаются на богослужениях церковных, и молебен великомученику Пантелеимону отслужен. А два письмаца, прилагаемые при этом, потрудитесь вручить по адресам.

Поручая Вас и себя милости Божией и покрову Богоматери, остаюсь богомольцем Вашим во Святой Горе Афонской, Русского Пантелеимонова монастыря русский духовник Иероним.

Святой Афон. Монастырь Русский. 1867 года, марта 6-го дня.

†

Боголюбивейший благотворитель Иван Фомич со всем благословенным семейством Вашим!

Мир Божий, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Ее святого жребия – Горы Афонской вкупе и от смиренной обители нашей да пребудут с Вами.

Уведомляем Вас о получении нами письма Вашего от 25 апреля со вложением 43 рублей серебром, из коих 3 рубля от Вас, 27 рублей от рабов Божиих Василия и Анны со чады их Софией и Марией (по желанию их отслужен нами молебен святому Пантелеимону о здравии и спасении их), 10 рублей серебром от девицы Александры на поминовение ее о здравии и спасении, 1 рубль серебром от рабы Божией Елены об упокоении младенца Марии и 1 рубль серебром от священника отца Димитрия с Варварою (о здравии и спасении их отслужен молебен).

Приносим искреннейшую благодарность Вам с прочими вышепоименованными жертвователями и вменяем себе в обязанность молиться о Вас и о них ко Господу Богу, Царице Небесной, святому Пантелеимону о милости, жизни, мире, здравии и спасении. Господь, Благий Мздовоздатель, да

подаст благотворителям нашим за дело милосердия их богатую Свою милость и почивших да упокоит со святыми! По желанию Вашему отслужен у нас молебен святому Пантелеимону о здравии Вашем. Благосострадательный целитель недугов по вере Вашей к нему и усердию к его обители да будет Вам целителем, и заступником, и молитвенником о Вас пред Богом.

Отставка, которой Вы хотите просить, да служит Вам при помощи Божией к снисканию душевного мира, к благоугождению Богу и к спасению. А чтобы Вас никто никогда не обидел и чтобы Вы не получали ни от кого «тычков», то едва ли избежите этого и в отставке.

Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие, и претерпевый же до конца той спасен будет (Деян.14:22, Мф.10:22). Самый надежный путь к богоугождению, спасению и стяжанию сердечного мира и душевного спокойствия – перенесение обид. Святой Андрей, Христа ради юродивый, раз, когда его бесчеловечно били и ругали, после побоев стал со слезами молиться о спасении обидевших его, и не успел он кончить молитвы своей, как Дух Святый видимым образом осенил его и исполнил сердце его неизреченного утешения и мира. Если святые так усердно старались терпеть биения и обиды, то тем необходимее терпеть нам, грешникам. Обидчики и хулители, по учению святых отцов, есть великие благодетели наши, потому что искренне любящие нас стараются покрывать наши погрешности и недостатки, тогда как нелюбящие, тщательно наблюдая за оными, открывают нам погрешности наши, которых сами мы не можем усмотреть, и через это подают нам случай к исправлению и смиренномудрию. Поэтому и в выражения Ваших «Не могу обдумать, за что меня Бог так наказывает, посылает злых людей» в духовном смысле слово «наказывает» можно заменить на «любит». А вместо «злых» сказать «благодетельных».

Мнение Ваше, будто свет так изменился, что уже ни одного благочестивого и единомышленного друга нельзя найти для себя, несправедливо. Свет не без благочестивых людей, и теперь, и до окончания века будут в нем избранники Божии, по

Священному Писанию, *семя свято стояние его* (мира) (Ис.6:13).

И пред самую кончину мира, когда за преумножение беззакония иссякнет любовь, Господь уверяет, что избранных ради прекратятся дни невыносимых скорбей и что тогда святые Ангелы будут собирать избранных Божиих от конца земли до конца неба. Святой пророк Илия во время повсеместного увлечения в идолопоклонство на жалобу свою, будто все израильтяне оставили и забыли Бога, услышал, что у него есть семь тысяч мужей, не преклонивших колен Ваалу. Поэтому, повторяем, мнение Ваше ошибочно и даже, прибавим, опасно для души. Не находя в свете благочестивых и единомышленных, Вы, следовательно, себя считаете по преимуществу благочестивым, но и святые признавали себя грешниками, а святой апостол Павел называл себя даже первым в мире грешником. Чем более кто приближается к Богу, Святейшему и Пресовершенному, то тем более усматривает в себе несовершенств и грехи свои видит, яко песок морской, ближних своих почитает и уважает, не видя в них худого при видении своих грехов.

Благодать Божия да просвещает Вас в познании всего душеполезного, и да помилует и спасет Вас Господь, яко Всеблагий Человеколюбец.

Испрашивая для Вас, с благотворящими нам через Вас, милости у милостивого Бога и поручая Вас и себя благоутробному заступлению усердной Заступницы рода христианского, остаемся Ваши усердные богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святой Афон. Русский монастырь. 1867 года, июня 24-го дня.

†

Боголюбивейший благодетель Иван Фомич! Спасайтесь о Господе!

Мир Господа нашего Иисуса Христа и благодатный покров Всепетой Его Матери буди с Вами вовеки.

Уведомляю Вас о получении многопочтенного письма Вашего от 22 ноября 1868 года и 29 рублей серебром, из коих

10 рублей от Вас и 19 рублей от означенных Вами жертвователей. Приносим Вам за посильное благотворение искреннюю благодарность, благодарим и прочих усердствующих через Вас к обители нашей. В чувстве признательности вменяем себе в приятную обязанность молиться о мире, здравии и спасении Вашем и прочих жертвователей и об упокоении душ усопших.

Господь, Всеблагий Мздовоздатель, *да примет* приятное ему усердие Ваше и *да сподобляет* Вас даров милосердия Своего благоприятных, жизни временной и вечной предстательством Преподобной Владычицы мира и святого Пантелеимона. Недоумение Ваше касательно адреса и объясняется просто: ошибся у нас писавший к Вам адрес.

Сыну своему позаботьтесь прежде всего внушить религиозность и страх Божий. Усвоивший это молодой человек, какое бы звание ни избрал, всегда будет верен и усерден к службе и благополучен и в сей, и в будущей жизни. Если позволят Вам средства, можете отдать сына своего для обучения в семинарию, куда принимают ныне из всех званий. А как насаждать в детях благочестие и страх Божий на всю их жизнь, о том Вы получите от нас книжку.

На поминовение при неусыпаемом чтении Псалтири записываются у нас за такое же пожертвование, какое назначено и за вечное ежедневное поминовение на проскомидии – по 60 рублей серебром за имя.

Отцам, бывшим у Вас из Афонской обители Кастамонита, по возвращении их передадим от Вас поклон.

В скорбях, посещающих всякого из нас, да укрепляет Вас благодать Божия и да подаст утешение о неизбежности и пользе скорбей так рассуждать. От скорби нигде не укрыться, хотя бы и пожелали мы бежать от нее. Так лучше нам искать в самой скорби утешения, и оно обретается, когда подклоняемся мы покорно постигающей скорби, смотрим на нее как на спасительное врачевство, как на горнило, вырабатывающее в нас материалы, достойные неба и вечности, когда принимаем их, как подать, которую выплачиваем Господу за греховность нашу. Страшно долго оставаться без скорбей. Стоячая вода

обращается в грязное болото, а бури и ветры освежают ее и возбуждают ее производительность.

Никакая добродетель не приобретается без скорбей, ни одна страсть не вытесняется без содействия силы скорбной. Страшны грозы, но что случилось бы с атмосферой без них? Горьки скорби, но как низко упала бы природа человека без этой очистительной силы!

Затем, поручая Вас с семейством и себя благодати Божией и матернему покровительству Владычицы мира, остаемся смиренные богомольцы Ваши на Святой Афонской Горе.

Всегда помнящий Вас брат Ваш.

Святой Афон, Монастырь Русский. 1868 года, 28 декабря.

†

Подпись отца Иеронима на письме И. Ф. Соломенцеву Боголюбивый Иван Фомич!

Мир Вам и благословение святого Афона и нашей смиренной обители со всем богоспасаемым семейством Вашим.

Письмо Ваше от 31 августа с приложением при нем святого пожертвования Вашего и разных лиц, всего 43 рубля, обитель наша имела утешение получить. Просим передать благословение святого Афона и наше благодарение боголюбивой Александре Дмитриевне Курдюмовой за святое пожертвование 10 рублей. Имя рабы Божией Раисы записано об упокоении по чину обители нашей на вечное ежемесячное поминовение. Боголюбивейшим Екатерине Петровне Дерябиной и Наталье Ивановне Панчиной прилагаем благодарные письма за их жертву – 17 рублей. Просим вручить им письма эти. Боголюбивому Константину Петровичу Островскому, пожертвовавшему 6 рублей на устройство скита святого великомученика Пантелеимона, прошу передать благословение святого Афона и благодарение наше за его усердие. Имя его поминается обителью нашей.

Приносим и Вашему Боголюбию искреннюю нашу благодарность за пожертвование 9 рублей и маленькому сынку Вашему, ученику Николаю, за жертву – 1 рубль. Молебны святым великомученикам Пантелеимону и Георгию с поставлением свечек отслужены о здравии, мире и спасении

рабов Божиих Иоанна, Олимпиады, Николая, Марии, Симеона, Екатерины и Василия. Масла от неугасимой лампы при возможном случае пришлем.

Благодарим Господа и от души радуемся, что издаваемые нашею обителью душеполезные книжицы доставляют духовное удовольствие и наставляют ко спасению боголюбивых христиан, читающих оные; радуемся, что в этом числе и Вам доставило духовную пользу и сладость.

Вы говорите, что хотите избежать некоторых маленьких дел и случаев, которые заботят Вас, да поможет Вам Господь Бог Своею благодатью, а что грехи усиливаются, это дело вражеское, он старается более и более каждого человека вовлечь в грехи, но много зависит и от нашей решимости при помощи Божией удерживать себя от всякого греха, пресекать его в самом начале его, что упоминается в псалме: *Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* (Пс.136:9). Осуждение ближних искореняется самоосуждением – кто постоянно смотрит на себя, вникает в свое сердце, распознает свои грехи и недостатки, тому некогда судить других. Он лишь себя осуждает и кается пред Господом. Если же и придется когда по немощи человеческой сказать что или подумать дурное о другом, то должно тотчас отогнать этот помысл и помолиться внутренне о себе и о том, кого хотели осудить. Тяжкий грех – осуждение, таковые присваивают себе власть Божию; помнить должно упоминаемую в святом Евангелии явную грешницу, приведенную к Господу на суд, но и ее Он не осудил, а мы с ног до головы сами утопаем в грехах и дерзаем судить других.

Учащемуся отроку Николаю от обители нашей посылаем благословение, да подаст ему Господь разум к учению, особенно в Законе Господнем.

За тем, призывая на Вас щедроты Многомилостивого Господа и заступление Владычицы мира, остаюсь смиренный богомолец Ваш духовник Иероним Афон.

Русский Пантелеимонов монастырь. 3 ноября 1870 года.

†

Достоуважаемый брат Иван Фомич с супругою Вашею и сыном Николаем! Мир Вам и благословение от жребия Царицы

Небесной.

Уведомляю Вас, что два письма Ваших с вложением 7 рублей и 6 рублей, а всего 13 рублей, я получил исправно. Благодарение приношу Вам от лица всей обители за Ваше расположение и участие в ее нуждах. Бог милосердый и Отец щедрот да помянет Вашу любовь и христианское милосердие к ближним, и Матерь Божия да наградит Вас достойно в нынешнем веке и в будущем. Желаю Вам и семейству Вашему преуспения в делах благочестия! Желаю Вам душевного и телесного здоровья, а сыну Вашему преуспения в науках. Советую поступить с ним по существующим законам и правилам государственным.

Имена Ваши о здравии и спасении Иоанна, Олимпиады, Николая, Марии вписаны и поминаются при церковных богослужениях. Главным образом, имена о здравии Владимира, Мариамны со чады, Дарьи и о упокоении отроковицы Анны, Анастасии, Веры поминаются по чину обители с чувством благодарности к благотворившим, а благодетельному иерею отцу Луке прилагается отдельное письмо от обители.

Призвав на Вас благословение Божие и покров Богоматери, остаюсь Ваш брат и доброжелатель. Духовник Иероним.

Святой Афон. Монастырь Русский. 1871 года, июля 21-го.

Прибывший к нам Иван Сергеевич Кузмичев передал нам, что Вы желаете побывать у нас на Афоне. Да дарует Господь, чтобы это благое желание Ваше исполнилось, чего и я от всего моего сердца желаю.

Духовник Иероним.

Еще получено Ваше письмо и при нем 1 рубль денег для поминаения новопреставленного Гавриила, имя которого записано в синодик вечного поминаения. Просим Вас передать об этом родным его.

Д. И.

†

Возлюбленный о Господе братец Иван Фомич с супругой Вашей Олимпиадой Васильевной, Христос воскрес!

Милость Воскресшего и с Собою вся Совоскресившего и державный покров Преблагословенной Владычицы да

пребывают с вами вовеки!

Хотя письмо мое достигнет до Вас спустя несколько недель после Пасхи, но как еще празднует святая Церковь от празднования праздника в 32-дневном поприздрнстве, то и поздравляю Вас с торжеством торжеств с приветствием: Христос воскрес! При этом душевно желаю Вам и впредь многие и многие святые Пасхи встречать и праздновать во благоденственном здравии и сердечном мире, душевной тишине и в радовании о Духе Святом, а за тем да сподобит Жизнодавец узреть и праздновать Вам и вечную Пасху в торжествующей на Небеси Церкви, слабый прообраз коей празднует на земли воинствующая Церковь!

После этого уведомляю Вас о получении мною почтенного письма Вашего от 1 марта с вложением 80 рублей, из коих 15 рублей пожертвовано крестьянином Андреем Перемышленниковым.

Итак, Вы лишились возлюбленного Вашего сына Николая, который 25 февраля по воле Божией переселился душою своею из временного мира в нескончаемый. Искренним сердцем разделяю потерю Вашу, соскорблю с вами, скорбящими и плачущими, а при том вседушевно желаю и молю Благоволившего взять к Себе возлюбленного сына Вашего, дабы Он подкрепил Вас понести ниспосланный Вам от Него крест и дабы утешил скорбящий дух Ваш благодатью Своею. Я и обитель наша долгом почтим молиться об отошедшем волею Божиею отроке Николае, чтоб упокоил его Господь во светлости святых, с каковой целью имя его вписано у нас в два главных синодика на вечное ежедневное поминовение на проскомидии и на неусыпаемое чтение Боговдохновенной Псалтири, по чину совершим и сорокоуст по нему.

Знаю, как тяжело для родительского сердца лишиться возлюбленного своего, о воспитании которого приложено было всевозможное старание, но Господь дал его Вам, Господь и отъял. *Якоже Господеви изволися, тако и бысть. Буди убо за все благословенно имя Того, Иже по гласу святой Церкви, глубиною мудрости человеколюбно вся строит и полезное всем подает!*

О ранней кончине возлюбленных наших в Писании так объясняется: старость честна немноголетна, ниже в числе лет исчисляется, возраст старости житие нескверно. Благоугоден Богу быв возлюблен бысть. Скончався в мале исполни лета долга: угодна бо бе Господеви душа его (Прем.4:8–10, 13–14). И так юный, девственный сын Ваш возлюблен Господом и взят Им из этого житейского моря мира тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь вечно блаженная. Верьте без сомнения, что любезный сын Ваш не лишен милости Божией, но ликует со святыми во Царствии Небесном.

Спрошу Вас, любезный братец, если бы земной царь пожелал взять к себе сына Вашего, вероятно, Вы со всем усердием отдали бы своего сына, то к чему предаваться многому сетованию и излишней скорби, когда сын Ваш взят Царем Небесным? Не говорю: совершенно не скорбите – сие требование было бы слишком велико и неестественно для Вас; по крайней мере не предавайтесь сильной скорби, приносите ее пред Отцом щедрот и Богом всякого утешения, отдайте Ему в послушание то, что Он благоволил взять, говорите: «Господи, да будет воля Твоя, только не лиши и нас Небесного Царствия Твоего!»

Дай Вам Всеблагий Мздовоздаятель богатую милость Свою в сей и будущий век за благотворение обители нашей, посети и утешь Вас Своим Небесным утешением и после неизбежных ни для кого в сей жизни скорбей и лишений воздай Вам и нескончаемую радость спасения предстательством Владычицы мира – Радости всех скорбящих и молитвами святого Пантелеимона!

Приношу искреннюю благодарность от себя и от обители Вам и с Вами жертвовавшему рабу Божию Андрею, которого имя о здравии и спасении вписано на сорокадневное поминовение на проскомидии, а имена почивших Леонтия и Евфимия будут поминаться в продолжение целого года. Господь Бог да спасет и помилует оказавших нам милостыню и да упокоит со святыми почивших его сродников.

Поручая Вас с супругою милости Божией, покровительству и заступлению Богоматери и святого Пантелеимона, с почтением

и любовью о Господе остаюсь доброжелатель Ваш, и смиренный богомолец, и всегда помнящий Вас брат Ваш Духовник Иероним.

Святая Афонская Гора, Русский Пантелеимонов монастырь.
1874 года, апреля 10-го дня.

†

Благословение Божие да пребудет с Вами и с боголюбезной супругою Вашей Олимпиадой Васильевной.

Михаил Сергеевич передал Ваше письмо, в котором Вы выражаете свои святые чувства и уважение к Святой Горе Афонской и еще желание побывать у нас. Да исполнит Господь благое желание Ваше. Но Вам Бог дал послушание при Вашей церкви, и это дело благоугодное. Воспоминание об Афоне утешает Вас, и за это слава Богу, ибо этим Вы обновляетесь в благочестивых чувствах благодатных, которые прогоняют все злые мысли от Вас. А впредь во всем да будет с Вами и с нами воля Божия. Дело наше с греками еще продолжается у патриарха, чем кончится, Бог весть. Мы требуем свой старый монастырь.

Передавая Вам заочное мое благословение и достойнейшей супруге Вашей Олимпиаде Васильевне, остаюсь всегда помнящий Вас грешный Ваш брат и богомолец Духовник Иероним.

1874 года, 2-го сентября. Афон. Русик.

†

Христос воскрес!

Получили мы письмо от Ивана Сергеевича Кузмичева, в котором он пишет нам, что враг ухищряется и борет его разными искушениями, чтобы только отклонить его от монашеской жизни. Хозяин его хочет отдать за него дочь свою. Может быть, он сам говорил Вам об этом? Советуйте ему поскорее удалиться оттуда, и хорошо бы было Вам с ним теперь прибыть к нам.

Наше дело с греками, благодарение Богу, решается в нашу пользу.

Мне писал брат мой двоюродный Иван Маркович Соломенцев, что он

желает прибыть ко мне для свидания со мною. Если Вам будет удобно взять его с собою, то я Вас прошу об этом. Я об этом говорил Михаилу Сергеевичу, ибо он знает его хорошо.

По моему мнению, путешествие Ваше, которое Вы хотите сделать по русским святым местам, для Ивана Сергеевича будет не на пользу души его, ибо он в таком случае увидит много соблазнов, кои могут охладить благодатную теплоту его к монашеству. Впрочем, разве побываете в не многих местах и будете удаляться от знакомства со многими советниками непрошеными, которые сами навязываются со своими советами и тем расстраивают благочестивых людей, как это делает прельщенный Иона, строитель Выдубецкого скита в Киеве. Ибо он только и знает, что укоряет Святую Гору, а незнающие верят ему и получают от этого вред.

Прошу Вас, приложенное при этом письмо не замедлите передать Ивану Сергеевичу, ибо оно для него нужно. Прошу передать мой поклон и благословение супруге Олимпиаде Васильевне. Господь да поможет Вам в Вашем святом деле спасения.

Остаюсь любящий Вас брат Ваш Духовник Иероним.

4 мая 1875 года.

†

Благословение Божие да пребудет с Вами.

Мы уже извещали Вас о получении бубликов и прочего. Теперь извещаю Вас, что я послал к Вам двое хороших четок для Олимпиады Васильевны, по получении которых уведомите меня. Из Валуек пишет ко мне брат мой Иван Маркович Соломенцев, который желает побывать у нас на Афоне. Я писал ему, чтобы он побывал у Вас и узнал о путешествии к нам. Прошу Вас, позаботьтесь о нем. Иван Сергеевич кланяется Вам, и он пишет к Вам о нем, чтобы Вы из его денег, оставшихся у Вас, дали бы ему, Ивану Марковичу, на дорогу 50 рублей. У нас в обители, слава Богу, все хорошо. Но вдали от Афона Сербия и Черногория начали воевать с Турцией. Я думаю, что из газет Вы уже знаете об этом.

Отец Макарий, игумен, кланяется Вам, и вся братия поминает Вас. Испрашивая Вам благословение свыше и

Олимпиаде Васильевне, остаюсь помнящий Вас Ваш брат
Духовник Иероним.

3 июля 1876 года.

†

Боголюбивый братец Иван Фомич!

Благословение Божие да пребудет с Вами и с
благословенною супругою Вашею.

Я уже писал Вам о том, что на путешествие Ваше с
супругою Вашею в Иерусалим есть Божие благословение и
наше отеческое, и можно заехать посмотреть Афон хотя бы с
парохода, и женщинам это не запрещено, и Вам это известно.
Когда Вы начнете свое путешествие, хорошо бы это сделать в
мае. Если Бог даст, то возьмите с собою вместе и брата Ивана
Марковича, привезите его на Афон, он об этом просил нас,
желает остаток жизни своей окончить на Афоне. Дочь его
Евлампия Ивановна пусть сопровождает его до Афона и
послужит ему. Любвеобильный братец, я Вас прошу,
сочувствуйте этому богоугодному делу. Мне очень желательно,
чтобы брат наш Иван Маркович в покаянии умер на Афоне. И
Вы со своей стороны, сколько возможно, помогите нам в этом
деле. И какие будут издержки для этого, я все уплачу Вам.
Впрочем, я отцу Иоанникию это поручил. Он хотел к Вам
заехать и обо всем с Вами переговорить. Если будете иметь
свидание с матушкой игуменьей Маргаритой, то попросите ее о
принятии в монастырь племянницы Евлампии. Я уже просил ее
об этом.

Потрудитесь ответить мне на это мое письмо, а так как
приближается светлый праздник Воскресения Христова, то я и
поздравляю Вас с оным, да дарует Вам Искупитель наш
встретить и провести его во благоугождении Ему. Аминь.

Остаюсь помнящий и любящий Вас брат Ваш.

От 28 марта 1880 года. Афон. Русик.

†

Благословение Божие да пребудет на Вас и с
благословенною супругою Вашею.

Извещаю Вас, что я получил письмо Ваше, в коем Вы
спрашиваете меня, когда Вам отправляться в Иерусалим, то

есть к Пасхе или после Пасхи. На этот Ваш вопрос вот мой какой Вам ответ.

Если Вы желаете быть в Иерусалиме к Пасхе, чтобы видеть там все совершаемые торжества и получить утешение от получения благодатного огня, то Вы должны отправляться зимою, в феврале. Но тогда претерпите холод и бури на море, и в это время в Иерусалиме бывает очень народно, тесно – теснота и толкотня, и все это надо потерпеть с благодушием. А путешествие после Пасхи для старых людей будет гораздо легче и удобнее, только от жаркого времени немного потерпите труда. Впрочем, всякий труд и скорбь, которые встретятся Вам на этом Вашем богомолье, будут определены Вам от Бога для Вашего же спасения, лишь бы за все с Вами случившееся Вы благодарили Бога, спасающего нас разными скорбями. Вот Вам два моих совета. Какой Вам понравится, тот и исполняйте.

Спутнице Вашей полезно посмотреть святой Афон, а потому пусть она с Вами прибудет к Афону, и потом в Салониках поживет на нашем подворье до будущего прихода парохода дней десять, и потом заедет за Вами в Афон, а отсюда и далее. Итак, с Богом, Он Вас благословит и да поможет совершить это Ваше путешествие благополучно во благоугождение Ему. А я остаюсь молящимся об этом.

Отец Макарий кланяется Вам и отец Иероним, все помнят Вас. Здравствуйте о Господе и с надеждою на Него и радуйтесь в святой путь. Побывайте и у сестры матушки Маргариты, может быть, оттуда будут Вам спутники.

У нас, слава Богу, все хорошо. Я был очень болен, но теперь выздоравливаю и вот мог svoеручно написать Вам это письмо.

Затем остаюсь усердствующий Вам и всегда помнящий Вас брат Ваш Духовник Иероним.

От 24 сентября 1881 года. Афон. Монастырь Русский.

†

Брат Ваш, Семен Фомич, был у нас, я посещением его был обрадован. Он желает остаток жизни посвятить Богу в монашестве у нас, на святом Афоне. Дай-то Господи.

Д. Иероним.

Семен Фомич привез мне из Курской консистории метрическое свидетельство, в котором означено, что я родился в 1808 году. Вот теперь я помолодел годов на пять. Но здоровье мое очень ослабело, но еще двигаюсь. Все хочется Вас дождаться, и тогда бы хоть бы и умереть. Поспешайте прибыть к нам, а то если замедлите, то, может быть, и умру. Но да будет во всем воля Божия.

Д. И.

27 мая 1883 года, Русский Пантелеимонов монастырь.

†

Мир Вам и спасение Божие.

Извещаю Вас, что я получил Ваши скорбные письма, написанные от 23 ноября и 9 декабря, извещающие о блаженной христианской кончине достойной Вашей супруги. Но прежде этого, впереди, мы получили Вашу телеграмму на другой день, то есть 18 ноября, и сейчас же распорядились: позаботились о должном поминовении ее как на сорокоуст, так и во всех церквах на Литургиях и на всех службах Божиих. Господь Бог да упокоит ее со святыми. Я сочувствую Вашей скорби, ибо она для Вас очень тяжела, но эта тяжкая скорбь дарована Вам от любящего Вас Бога для вечного Вашего блаженства. Как Вы и сами написали, что она отошла в вечную жизнь и сказала, что «я к тебе не прибуду, и не ожидай меня, и ты ко мне собирайся, находи время и приезжай и приготовляйся». Эти Ваши мысли благодать вложила Вам в сердце Ваше. И они утешили меня весьма. Теперь Вы ободритесь той мыслью, что Бог, любящий Вас, взял ее от Вас как будто рано к лучшему, ибо этою кончиною ее Бог развязал Вашу свободу для посвящения себя самого в святой иноческий образ, который Вы от юности Вашей желали получить от Бога, а покойница в этом останавливала Вас. Да и Вы сами, много любя ее, не решились бы до смерти Вашей расстаться с нею. Вот Вам разгадка Вашего душеспасительного креста. Итак, теперь остается Вам поспешить удалением от мира, дабы исполнить благую волю Божию.

Я просил отца Иоанникия, чтобы он написал Вам подробно обо всем. Что касается до святых мощей, то они подлежат

Вашему свободному распоряжению. Можете пожертвовать их куда пожелаете.

На святках я был смертельно болен и думал, что умру, потому я и не мог сам отвечать на Ваши письма, а мне очень хотелось ответить Вам своеручно. И вот Бог исполнил мое желание. Теперь я немного выздоровел и мог написать Вам. Все наши отцы помнят Вас и ожидают Вас. Сам Бог да поможет Вам во святом деле отречения, удаления от мира. *Еже и да будет* по великой милости Его за молитвы Богоматери и святого Пантелеимона.

Затем, поручая Вас и себя Божественноотеческому Промыслу Божию, остаюсь ожидающий Вас, любящий Вас брат Ваш Духовник Иероним.

1884 года, января 11-го дня, Афон, Русский монастырь святого Пантелеимона.

†

Мир Вам и спасение Божие. Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо, писанное от 6 февраля, в котором Вы объяснили Ваши обстоятельства, что Вы при всем Вашем желании оставить мир не можете этого сделать этого года. Но, впрочем, несмотря на все препятствия, Вы желаете в этот год побывать на Афоне. Это Ваше желание есть богоугодное, и я этого желаю, да дарует Господь нам еще свидеться здесь, на земле. Итак, Бог да благословит Вас в путь на святой Афон. Вскоре после Пасхи немедля путешествуйте к нам – может быть, если Бог даст, еще увидите меня здесь живым, ибо здоровье мое очень ослабело, и я не думаю дожить до святой Пасхи. Но все находится в воле Божией. Да будет с нами все по Его благой воле.

Итак, при Божиим благословением и помощи мы будем ожидать Вашего прибытия к нам, на Святую Гору, и с Семеном Фомичом. Мы его полюбили и ожидаем его.

Все знающие Вас кланяются Вам, а особенно отец архимандрит посылает Вам свое благословение. Вероятно, Вы заедете к матушке Маргарите. Это для нее будет в утешение духовное, ибо она очень заботится о Вашем спасении. По

получении этого письма уведомите меня о Вашем здоровье. У нас все благополучно. За все слава Богу.

За тем, поручая Вас и себя милости Божией, остаюсь ожидающий Вас брат Ваш Духовник Иероним.

От 1 марта 1884 года. Афон. Русский монастырь.

Письма старца Иеронима к отцу Макарию (Сушкину)

Преподобнейший отец Макарий!

Посылаю Вам письма Ивана Ивановича и от отцов Никона и Маркеллина, примечательных писем нет, но из Салоник получены два письма чудных, одно от митрополита, а другое от епитропа Христаки; оба просят об одном предмете, чтобы Русик подарил бы им старый конак для школы. Вероятно, и Вас они будут просить о том же, примите это к сведению и будьте осторожны, чтобы никаким видом или образом не подавать им повода поиметь надежду получить просимое ими. Да мне думается, что и от консула хорошо бы это дело скрыть, а иначе как бы еще и он не посоветовал бы нам в этом случае быть щедрыми.

Посылаем для Хаджи Лазара икону Божией Матери, потому что святого Пантелеимона не обрелось, которую мы доставим ему после с отцом Азарием. Еще посылаем акафист Покрову по-гречески – может быть, потребуется кому-нибудь и подарить. Иконы Хаджи Лазару мы не подписали, потому что не знаем точно его адреса, если найдете это нужным, то сделайте там.

Отец Иоанникий, пьяница, явился этого дня в обитель, раскаивается, принял канон. Я хочу отдать его Палладию на Троицкую келью, а внутри и сам он признается, что не может воздерживаться.

Я забыл сказать Вам, чтобы Вы, будучи на Каламари, поговорили бы с отцом Иосифом вот о чем. Чтобы он попытался внушить конторе турецкого пароходства, что если она устроит на Афоне агентство, то получит хорошую пользу, но чтобы агенту жалованье положили не огулом, а процентное со ста или с пассажира и с груза и тому подобное – может быть, контора и поймет, в чем дело, и устроит оное. Если спросят, где найти им агента, тогда можно им прямо указать на одного человека, который здесь сидит без дела, празден, и он с охотой примет на себя агентство, а иначе толку не будет никогда.

Неофита пришлите в монастырь. Просимые Вами отцы отправляются к Вам. Дай Бог благополучно совершить Вам

путешествие Ваше. А я, слава Богу, в настоящее время чувствую себя лучше прежнего.

Прощайте. Благодать Божия да благопоспешит Вам во всем и да возвратит Вас и всех с Вами в обитель здравых и благополучных, еже и да будет за молитвы Пресвятой Богородицы, и святого Пантелеимона, и святого нашего старца. Ваш грешный и немощный Духовник Иероним.

Письмо к Новикову подпишите и перешлите к нему.

Апреля 11-го, года 1866-го, Афон.

†

Преподобнейший отец Макарий! Вследствие нашего предостережения отец Малахия за благо рассудил пораньше убраться из России, пока не поутихнет буря, а отца Тихона оставил при судне. Он просит, чтобы Вы прибыли для совещаний. Особо важного ничего нет.

Д. И.

1866 год.

†

С отцом Малахией, кажется, нужно переписаться о купленном судне телеграммою, чтобы не упустить время. Если потребуется послать людей из обители, то мы имеем столько, сколько потребно для этого судна, более не можем послать, как человек пять, а еще пять надо будет нанять. За капитана отец Ефрем может быть, и это надо бы сделать немедленно, чтобы не втянуться в осень. Но вот и еще для решения является трудный вопрос: где грузить судно и чем? В настоящее время все хлеба в России дороже здешнего, а в Таганроге, помимо хлебов, найдется ли достаточный груз? Каков будет лов рыбы? Может быть, и старое вполне не нагрузится. Нет ли в Херсоне досок сосновых девятиаршинных, как когда-то было куплено в Одессе по 60 копеек за доску? Не знаю, что более и придумать. Железа для нас требуется немного, также и прочих вещей.

Может быть, в Таганроге и наберется кое-чего, как-то: колес, ободьев, жерновов и прочего. Придумайте Вы там, что нужнее и полезнее.

Д. И.

1866 год.

†

Преподобнейшие отцы Макарий и Азарий!

Вчера мы получили почту через Салоники и от консула также, в коей письмо от прокурора с благодарностью наследника за поднесенную икону – вероятно, консул скажет Вам об этом. Копию с письма прилагаю при этом.

Нового у нас только то, что духовник отец Анфим объяснился со мною, что он решился удалиться на свою каливу. Теперь мы будем искать другого духовника. Отец Савва отказался от предложения. Говорят, будто греческий консул с русским драгоманом прибыли на Афон. От отца Арсения писем нет. Отец Владимир спрашивает из Константинополя, покупать ли золота или эксарьи, то Вы скажите ему, чтобы он купил эксарьев, ибо эта монета идет лучше бешлыков. Отец Гурий просит в помощь себе Нестора, не отпустит ли отец Иосиф? Вчера отец Феодорит серайский спрашивал меня письмом, будет ли война? Я отвечал ему, что этого года не ожидаем войны, но угадал ли я? Бог весть, ибо ныне всякое случается. Отец Феоклит просил у меня денег 5 лир, говоря, что если ему придется сопровождать отца Азария в Иерусалим, то тогда ему нужны будут деньги. Если в самом деле так сотворится, то выдайте ему 3 лиры. Отец Евгений, антипросоп наш, оставляет свой пост и отправляется до Салоник полечиться с Пантелеимоном, болгарин, место его займет отец Феодосий, а конакчеем останется наш Илиодор – таким образом, может быть, расход конака уменьшится, хотя несколько. В настоящее время у нас гостит Стагон.

По причине Вашего отъезда последовало брожение умов не только в обители, но и на Карее, некоторые антипросопы вопрошали нас, нет ли чего особенного?

Сейчас поспешаем отправлять к Вам отца Феоклита с копиями. В почте особенных примечательных писем нет, все с мелкими жертвами. От Ивана Ивановича письмо и реестр прилагаю при этом.

Воскресное бдение переложил геронда на второе число, вместе отпраздновать и новых преподобномучеников с памятью

святителя Афанасия Великого. Молитвами их да хранит Вас Господь.

Желающий Вам успеха и благополучного и скорого возвращения Д. И.

29 апреля.

†

Преподобнейший отец Макарий! Христос воскрес! Писать Вам важного ничего не имеем. Блинов прибыл, но, кажется, щедроты его до нас не коснутся. Он имеет намерение подражать Стахееву, то есть построить свой монастырь, это он сказал мне по секрету. Пожертвовал нам 10 рублей полуимпериалом. Отец Гервасий⁹ киевский просится к нам. Я сказал ему, что без отца Макария не решаю таких дел; впрочем, он мне нравится.

По отбытии Вашем я был болен, и опять зубною лихорадкой, но только одни сутки, теперь выздоровел. Монастырь, слава Богу, в благополучии. Феофилакт еще жив. Есть Вам от Лидии письмо, но не посылаю Вам его, особого ничего нет. От Ивана Ивановича писем нет, но чтобы не подпасть под упреки Ваши, что ничего не написал Вам, то постарался написать это письмецо. Геронда, слава Богу, здоров, то же и отец Иларион.

Благословение Божие и отеческое да хранит Вас и сущих с Вами, которым и передайте от меня благословение.

Ваш грешный духовник Иероним.

1868 года, мая 1-го дня.

†

Христос воскрес! Преподобнейший отец Макарий!

Извещаем Вас, что поминание о упокоении Иоанна, родителя Вашего, у нас началось исполняться с получения известия о кончине его. Соборные панихиды совершены, и ежедневные исправляются отцом Анатолием и отцом Авелем. И отец Анатолий теперь же получил известие о кончине его родителя 13 апреля. По монастырям и скитам пошлем милостыню за покойника и прочее, о чем Вы просили, при помощи Божией исполним.

Пароход с поклонниками и с нашим отцом Пантелеимоном пришел к монастырю ночью, не взяв практики,¹⁰ высадив поклонников к монастырю. Турки обыкновенно смутились, не позволили им войти внутрь монастыря, заставили их держать карантин двое суток, вследствие чего поклонники обиделись на монастырь, что не похлопотали выручить их.

Известные Вам святые мощи приобретены для монастыря – утешение немалое.

Но вот и скорбь старая воскресает, если попустит Бог, то она сделается для нас нелегкою: враг не дремлет, усиленно домогается пресечь или преградить источник течения милости из России. Одесское начальство – губернатор и градоначальник намереваются не на шутку сделать нападение на нашего Новикова, запретить ему и оштрафовать его якобы за противодействие закону, как помогающему неразрешенным сборам. Прилагаю Вам при этом письмо Новикова, в котором Вы увидите копию с письма губернатора к градоначальнику. Посоветуйтесь с отцом архимандритом об этом деле, что нужно нам в таком случае предпринять, куда сначала обратиться, к какой власти, разумеется? Все зависит от Божия попущения, а потому от Него сначала надобно искать помощи и разрешения этого искушения. Но это говорится по-человечески (помолись Богу и святым Его), а иначе – *всяк человек – ложь* (Пс.115:2), а в таком случае и надежда на него суетна. Но мы веруем, что через людей Бог помогает нам, и утешает нас, и приносит скорбь тоже на пользу. Отец Азарий хотел изложить свои мысли насчет этого дела. Жаль будет старика почтенного, получит скорбь на старости его и без причины.

Хилендарцы прислали мне при письме пакет, адресованный на имя посла, который просили меня переслать Вам для вручения ему и который при этом посылается Вам.

В обители, благодарение Господу, все благополучно, я молитвами старца нашего оправился и этого дня мог сойти к геронде и для нового дома место показать.

Новопостриженный Феофилакт отошел в вечность.

Заметьте отцам, нельзя ли как-нибудь избежать подобных искушений с пароходами. Нужно договариваться решительно,

чтобы они, не взяв практики, не высаживали бы поклонников на берег, а то беда и горе нам, потому что вся вина с обеих сторон возлагается или приписывается нам, ибо поклонников никак не разуверишь, а турки и рады тому, чтобы иметь причину обвинять наш монастырь. Более писать Вам не имею о чем. По получении Новикова письма один день я был скучен, а на другой день менее скучал, а на третий день не имел уже скуки; какая-то мысль повторяла часто: *«Не возноситея и не глаголите, что ясте или что пиете»* (ср.: Мф.6:25) и прочее – и: «Ты – ничто, а все – Бог, а потому молчи, Бог знает, что творит».

Прошу передать мой нижайший поклон отцу архимандриту.

Царские двери вчерне кончены, вырезаны хорошо, остается позолотить их. Дадут ли серайцы позолотчика? Если не дадут, то придется посылать их в Одессу, ибо афонские позолотчики не умеют золотить.

Прочим отцам благословение. Затем, пожелав Вам здоровья и скорого возвращения, остаюсь ожидающий Вас расслабленный Ваш и недужный Духовник Иероним.

P.S. Отцу Маркеллину сказать, чтобы не забыл прислать четыре листа свинцовых для крыши Покровской церкви около 700 или 800.

Сейчас прибыл к нам Никейский митрополит. Чтобы не отяготить певчих, геронда наш не захотел было делать два бдения кряду, но певчие его со своей стороны изъявили усердие пропеть два бдения, и сегодня ввечеру святому Феологу у нас будет бдение, и я этому обрадовался, но выдержу ли сам, то Бог весть.

1868 года, мая 7-го дня.

†

Этого утра прибыл к нам Никеаз,¹¹ был у нас наверху, имеет намерение поспешить в Есфигмен, чтобы там прослужить, но болезнь его племянника остановила его у нас ночевать, а может быть, и праздник проведет у нас.

Купец Блинов будто бы и расположился к нам, но жертвовать не обещается, еще боится расточать, хотя и бездетный.

Намерение правительства благое состоит в том, чтобы уничтожить злоупотребления в сборах на святые места, то есть, прекратить ложные сборы. Если так, то зачем же препятствовать истинным сборам, которые испрашиваются по совести у благотворителей и употребляются на дела богоугодные, что многим известно, да и самим членам Святейшего Синода? И может ли кто-либо доказать, что мы во зло употребляем собираемые в России суммы? Эту мысль отец Азарий проводил как-то темно.

Высокопреподобнейший отец Макарий! Геронда дал благословение заложить церковь.

Духовник Иероним.

†

Возлюбленнейший отец Макарий! Христос воскрес!

О самонужнейшем извещаю Вас. Во-первых, что святой геронда наш и мы при нем за его святые молитвы, тоже и Вашими, слава Богу, здоровы и благополучны, а во-вторых, нижняя церковь на Крумице готова к освящению.

Сегодня мы с герондой сотворили путешествие на варке¹² до пирги ватопедской, и нас принял отец Модест очень радушно. К четвертому часу мы возвратились и с аппетитом покушали, а то все геронда без движения, потому и жалуется на отсутствие аппетита. Но прогулки его всех нас возбуждают к большому вниманию и опасению. Но до этого времени десница Божия хранит его, *яко младенца*. О чем Вы писали, Господь подал благовременство, и я переговаривал с ним в присутствии отца Саввы, который помог мне повлиять на геронду. Кажется, что очень убедительно. Впрочем, все Божие содействие, Тому за все и благодарение. Говорил я геронде и о приглашении архиерея, если в случае он прибудет, но геронда не захотел этого, рек: «Ден хриазете, ден эхи ананги».¹³

Матвей для Крумицы нужен. По письму болгарской церкви святого Димитрия получите пять фортъев¹⁴ фасоли, за которую просят колокол, то дайте им колокол около 20 или 25.

Завтра, если Бог даст, геронда хочет отслушать Литургию в храме Богородицы Иверской. Вас ожидаем к вечеру, не забудьте

взять у меня в дулапе,¹⁵ где белье мое, один антиминс, надобно от него отрезать евангелистов для престола.

Здесь в уши мои и в прочие чувства насильно навязываются радости и утешения, но сердце мое капризничает, не принимает их – видно, всему есть свое время или так надобно тому быть. Бог весть. Вышних ищите – кажется, этим напоминает.

Отец Герасим требует многих наших молитв или, вернее сказать, великой милости Божией.

Простите и молитесь за меня, немощного. Уж мне кажется, что более мне не прогуливаться по Крумицам!

Привезите эксарьев для мелкого расхода. Духовник Иероним.

10 апреля 1871 года. Крумица Нижняя.

†

Высокопреподобнейший отец Макарий!

Просьбу Вашу исполнить нет возможности, потому что частицы святых мощей святой Татианы вложены в большой ковчег. А крест с Честным Древом аргату вручить нехорошо, а послать кого-либо уже поздно – ночь, ибо аргат пришел при захождении солнца. Итак, простите и молитесь за нас.

Духовник Иероним.

Отцу Иезекиилю скажите, что Мокей просил принять его от них, ибо не пользуется при них. Вчера я забыл поговорить о попе Памве, что Вы скажете? Он намерен жить и на Крумице, и в монастыре, а теперь он совсем приготовился переместиться в обитель. Итак, это зависит от Вашего решения. Как Вам Бог возвестит, так и скажите ему.

Духовник Иероним.

†

Высокопреподобнейший отец архимандрит Макарий! Здравствуйте о Господе.

Получив Ваше письмо, спешу исполнить Ваше распоряжение. Отца Павла нет в монастыре, он поехал за границу ксиропотамскую, а с отцом Варлаамом все прочее Ваше назначение постараемся при помощи Божией исполнить. Особого ничего нет, а потому, если хотите, то можете пробыть

на Крумице и воскресенье. Писать теперь отцу Арсению и отцу Иерону не успеем, да и нет большой нужды. Бдение на воскресенье будет.

Духовник Иероним.

1876 года, ноября 26-е.

†

Высокопреподобнейший отец Макарий!

Прочитав Ваше письмо, я подумал о случившемся препятствии, что бы лучше сотворить. Вот что одна мысль сказала мне: что отца Анувия сделать диаконом. Но Пассариона сделать иеромонахом что-то не позволяет по причине его глупости. Уж прост или глуповат невежа, иеромонахом делать его еще очень рано. А что касается до другой мысли, чтобы сделать отца Протасия хотя бы диаконом, то это можно предоставить решению владыки. Вот мое мнение. Испытайте Анувия, мне кажется, он чист.

Простите и молитесь за меня, грешного.

Духовник Иероним.

Июнь 1877 года.

Письма старца Иеронима к отцу Макарию в Константинополь во время

«Греко-русского процесса»

Высокопреподобнейший и вселюбезный наш отец Макарий! Мужайтесь, и да крепится сердце Ваше упованием на Господа, и нам помогайте в том же пребывать. По отбытии Вашем у нас ничего особенного не явилось. Греки приуныли, ожидают прибытия экзархии. Вчера я был у геронды, передал ему Ваш поклон, он был очень благодушен, утешал отца Илариона ласково. С господином Акселосом¹⁶ мы познакомились хорошо и обо всем объяснились с ним подробно. Сначала он старался убедить нас, что раздел наш с греками немыслим вовсе, и уверял нас, что мы хотя и много на это потратимся, но ничего не получим, потому что нация их против этого действует. Но когда мы объяснили ему всю сущность нашего дела и нашу решимость достигать отдельного существования, хотя бы и через Порту, тогда он, по-видимому, согласился принять нашу сторону. Много было высказано ему, всего не могу передать Вам на письме. Отец Пантелеимон может добавить Вам устно и отец Азарий. Мы старались более всего внушить ему как можно яснее и сильнее решительное наше желание возобновить Старый Русик, как он был прежде. Если мы не достигнем этого через посредство правления Святой Горы и благоволения святейшего патриарха, тогда мы вынуждены будем просить об этом власть гражданскую. При этом слове он смутился и возразил нам: «Нетнет, не вмешивайте в Ваше дело гражданскую власть, это нехорошо». Впрочем, из некоторых его выражений заметно было, что он был убежден в том, что мы имеем намерение завладеть монастырем и греков выгнать. А когда мы уверили его в противном, тогда он весь прояснился, и начал говорить откровеннее, изъявил свое желание содействовать исполнению нашего желания, чтобы Русик дан был нам с именем монастыря. Обещался об этом написать святейшему патриарху. Просил, чтобы известить Вас о том, по приходе парохода, через два дня, чтобы Вы явились к патриарху поговорить о нашем деле и замечали бы, «как и что он будет говорить в пользу Вашего дела по получении моего

письма. Если он будет говорить о Вашем деле лучше прежнего, то это будет значить, что мое письмо повлияло на него». К этому вот что еще заметил он: когда будет назначаться в Афон по нашему делу экзархия, тогда чтобы его поместить в числе той экзархии. Отсюда он отправился в Афины, через 15 дней обещался прибыть в Константинополь. Он попросил у нас альбом, мы дали ему его, и он этим остался очень доволен, даже так выразился: «Если бы Вы подарили мне 100 лир, я не был бы так рад, как этому подарку». А денег он не принял, сказав: «Это я успею взять и там», то есть в Константинополе.

Отец Азарий не хочет иметь помощником при себе отца Пантелеимона, а этот настаивает; что тут с ними делать? Попытайтесь свести их, а то лучше пусть он едет в Бруссу.

Господин консул объехал те монастыри, которые пользуются доходами из России, просил их содействовать нашему делу и притом погрозил им, если не сделают этого. Обещались, будто бы. Некоторые прежние слухи, казавшиеся нам пустыми, теперь сбываются. Например, в случае если мы не примем их сетей, то есть канонизма, то потом нужно действовать лестью, а лишь бы не допустить нас до самостоятельности. Господин Акселос предлагал нам, чтобы мы вместе с ним переделали бы канонизмос, как нам хочется, и это будет принято и утверждено. Я на это изъяснил ему свое сомнение вопросом таким: как это можно сделать? Он отвечал вот как: «Чтобы игумен избирался по голосам, а когда на вашей стороне есть большинство, то, следовательно, Ваш будет и игумен, а епитропы должны быть: ваших двое, а греческий один и прочее, а недовольных выслать». Вот видите, есть чему подивиться, как они ловки на обманы. Еще Акселос заметил нам, что очень нужно нам во всех греческих газетах напечатать о нашем деле статьи по две. Эту мысль и я принимаю. О прочем Вам пишут отцы.

Зазвонили на канон. Простите. Помощь Божия сугубая и крепкая да пребудет с Вами. Передайте наше благословение нашим братьям, а прочим – поклон. Отец Арсений остался.

Духовник Иероним. 1874 года, июнь.

[Мнение отца духовника Иеронима]

Как уже я Вас уведомлял, что, по общему нашему мнению, надо всячески постараться дело с патриархом покончить в Константинополе, условившись вперед о действиях экзархии, а иначе она нам, кроме вреда, ничего не учинит. В делах подобных у греков водится так: с кем нужно, делают предварительно условие, что за такое-то дело такоето вознаграждение, в счет этого часто дают вперед, но так как мы нигде не доступны, то нам всюду в исполнениях встречаются затруднения. По мнению нашему, необходимо, не отлагая времени, дать кому следует и сколько следует, об общей цифре мы Вам писали, сколько предполагаем затратить на все это дело, и сказать боголюбивому покровителю нашему,¹⁷ что это Вы жертвуете из своей части, завещанной Вам братьями. Жалеть денег не должно, только бы Господь помог удержать нам за собою монастырь, а если теперь не достигнем этого, то оно навсегда будет потеряно и не будет русским приюта на святом Афоне; вся Россия об этом будет скорбеть, не говоря уже о нас самих и о наших благодетелях. Нельзя ль Вам нашему боголюбивому покровителю о всем пооткровеннее передать, о чем совокупно обдумайте.

Прибывши из Иерусалима, Степан Иванович Пономарев передал нам от отца архимандрита Антонина его мнение, чтобы не жалеть расходов, только чтоб во что бы то ни стало удержать за собой древнее свое достояние, а иначе оно навсегда будет потеряно. Из этого видно, что он к нам искренне расположен.

А что на нас открылось лаянье газет, то на это не стоит обращать внимание, ибо всем известна их злоба.

Промысл Божий строит свое. Боголюбивому покровителю нашему не хотелось без крайней нужды обращаться к турецким властям, но наши доброжелатели упредили его и тем дали ему возможность, не стесняясь, действовать; вероятно, и тут нужна будет благодарность, в этом не затрудняйтесь, одно имейте в виду: при помощи Божией удержать за собой свое древнее достояние.

Если уже никак не захотят признать 21-й монастырь, то пусть нагорный Русик признают монастырем, как он и был, а

нижний – скитом. Постройки, в коих живем, всячески должно за собою удержать, да они и не нужны грекам.

†

Возлюбленный наш отец Макарий!

Бог да простит исповеданное Вами, и я по Вашему желанию прочитал для Вас заочно разрешительную молитву. Господь да укрепит и просветит Вас, *яже ко спасению или благоугождению Ему* и всего нашего братства. Эта наша единственная цель, которая ободряет нас в треволнении, обстоящем нас. Вся надежда, *что любящим Бога вся споспешествуют во благое* (Рим.8:28). А мне только остается одно сказать Господу, что *хощу видети во благости избранныя Твоя* (ср.: Пс.105:5), и потом: «Приими мя, кающегося многогрешника!» Конечно, Вы скажете на это, что «и я того ж хочу», но моя мысль не о земном покое. Хотя и приходит помысл, что в нагорном Русике не будет ли побезмолвнее? Один Бог весть, что не имевшим мира мысленно возможно ли иметь безмолвие в безмолвии? Примеры такие – пред глазами нашими.

В настоящее время геронда наш находится в состоянии младенческого незлобия от старости, кто что скажет, тому и верит, к тому ж и память у него ослабела, что сказал, то вскоре и забыл, а этим воспользовались наши противники, которые теперь окружают его и беспрестанно внушают ему то, что полезно их стороне. А потому нам не следует давать большого значения его словам, произносимым от расстройства его людьми, враждующими против нас, что бы он ни сказал нам, не должно об этом беспокоиться. Довольно для нас того, что он прежде несколько раз засвидетельствовал пред нами об этих людях, что они и по его разумению не что иное, как бунтовщики, мятежники, самочинники, «автохиротоните»¹⁸ и прочее. А что он теперь держится их стороны, то этому так и должно быть было, а иначе о желаемом нами разделе не могло быть и речи. Итак, Вы теперь видите, что и неприятные обстоятельства помогают нашему делу.

В воскресенье консул отправится в Салоники. Отец Иеремия, доктор, просился в Россию под предлогом полечить свое ухо, которым он страдает, но на самом деле он более

страдает от раздражительности. Я просил его потерпеть или хотя бы для этого съездить в Константинополь и с тамошними докторами посоветоваться, на последнее он изъявил свое согласие. Хотя я теперь чувствую себя хорошо, но вот пришло жаркое время, а через него Господь помогал мне. Когда он будет у Вас, окажите ему возможную ласку, ибо он это любит, как и всякий человек. Отец Варлаам, поп, будет сопровождать консула до Салоник, а оттуда проедет до Константинополя по его надобности, для отыскания своего паспорта. В братстве нашем особого нет ничего. А в греческом – смуты, по известной причине. О чем и пишут Вам отцы. Отец Иларион от слов геронды в подвиге и ходить вниз уже более не хочет, да и нужды в этом нет, и в тот раз он очень не хотел идти туда, но я убедил его пойти, для того чтобы в присутствии его прочитать патриаршую грамоту, но это не послужило к пользе, а более ко вреду его и геронды. Впрочем, геронда (под конец, когда я сказал ему с гневом, что «ты сам прогнал его от себя наверх, а теперь гневаешься на него, почему он живет наверху») успокоился, простил его и дал ему свою руку, и так мы удалились от него.

Поручая Вас и себя особой помощи Божией и покрову Богоматери и святого Пантелеимона, остаюсь ваш духовник Иероним.

21 июля 1874 года.

†

Возлюбленный наш отец Макарий! Мир Вам и спасение Божие и с чадами нашими о Господе. Последнее известие Ваше об изъявленном Вами господину Акселосу согласии Вашем на исправление канонизма весьма возмутило нас, ибо этот поступок Ваш если не испортит всего дела нашего, то непременно затянет его надолго. Эту ловушку господин Акселос и мне подставлял, об этом и Вы хорошо знаете. Чего же нам ожидать от исправленного Вами канонизма? Это значит, что Вы, хотя и неволей, но согласились на сожительство с греками, о чем братья и слышать не хотят. Дело понятное, что господин Акселос обманул Вас хитро или, лучше сказать, ловко, потому что исправленный Вами канонизм он торжественно представит

в общее собрание и заявит, что этот исправленный канонизм есть собственное мнение или желание самих русских! Что же после этого Вы будете делать с нашим требованием раздела, когда Вы сами согласились исправлением канонизма на сожигание с греками? Мы даже не можем придумать, как это случилось, а потому и решились послать к Вам отца Павла для личного и подробнейшего объяснения об этом печальном факте. К тому ж и о текущих и о протекших наших делах нужно передать Вам кое-что немаловажное, о коих Вы издали не совсем верно рассуждаете, а всего на бумаге передать верно или ясно невозможно.

О разделе трапезы первые мысль и слово принадлежат мне. Это я употребил для угрозы грекам, после того как я просил греков более десяти раз со смирением и даже именем Божиим, чтобы они приняли своего магера и вразумили бы трапезаря, и когда моими просьбами они с разными насмешками пренебрегли. Тогда я призвал отца Павла и отца Иерона и решительно приказал им, не таясь от греков, устраивать магерню¹⁹ и готовить столы для трапезы. Это заметно сильно подействовало на греков и они немедленно приняли магера и трапезаря поправили, ибо с того времени и он изменил свои варварские действия. В настоящее время мы ничем не тесним греков, а в чем можем, понемногу ограничиваем их, именно: раку выдаем им мерою, также рому и сахару выдаем им по пол-ока на человека в месяц, чего ж им еще хочется? На это они не имеют права роптать; разумеется, от первого их злоупотребления теперешний порядок кажется им притеснением, а иначе чем их вразумить? Сами же греки учат нас, как нам смирять их; это, говорят они, есть единственное средство для их смирения.

Хотел было поехать к Вам отец Арсений, но рассудили, что ему нужно подождать прибытия на Святую Гору господина Елагина и тогда уже вместе с ним поехать к Вам и в Москву. В Москву ж его требуют обстоятельства часовни.

У нас в братстве особенного ничего нет. Яков Спиридонов отправляется в Россию, он не может жить у нас по причине больших бдений, а желает поместиться или в Оптиной, или в

Гефсиманском скиту, с ним едет Иван Васильев, этот по болезни. Я высылаю Петра Захарова Бирючевского, старика, он оказался человек не трезвый и безнравственный. Так же мне хочется проводить в Россию двух моих земляков, Мисаила и Геронтия, но что-то они боятся ехать, а здесь они вредны для других. Пинуфрия посадили на келью Трех святителей. Старик Вениамин помер. Виссарион молодой догорает, как свечка. Жалею о нем, ибо таких у нас мало. Иоасафа, живописца, кажется, вышлем за воровство. Не знаю, что делать с бухарестской колодой, не хочет выезжать, да и только! Поп Тихон все калабальнется,²⁰ искушение тянет его то к майносам, то в Россию, беда с этими беспутными!

Лихорадка моя мало-помалу проходит.

Вы все беспокоитесь о том, что я не хожу к геронде для свиданий, а то забываете, что он теперь собою не командует, а отец Евгений. Поэтому рассудите, что если мне пойти к геронде, то это покажется Евгению, что я пришел по какому-либо великому делу, и он не допустит мне поговорить с герондой наедине, а при нем говорить – он всячески возмутит против меня геронду, и тогда между нами произойдет скандал. А что Бог даст впереди, может быть, какое-либо благословное обстоятельство сблизит и вынудит нас объясниться.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией, остаюсь сострадающий Вам, но с упованием на спасение Божие.

Отец Иларион приходит ко мне утром и вечером поохать и поахать, а нередко и с горьким плачем. А я, право, не нахожу слов его утешить, да и приходит-то он ко мне в то время, когда я сам в полусознании от прилива и лихорадки, – видно, и этому надо быть. Отец Арсений много утешает меня и духовно, а более душевно, то есть разными бесчисленными проектами, уж за это Бог да простит его, также старается поправлять братию, но уж и они добре поправляют его, чему он много удивляется.

Духовник Иероним.

14 сентября 1874 года.

†

Высокопреподобнейший отец Макарий!

Прилагая при этом письмо к отцу Мефодию, прошу Вас оное вручить ему лично, и со своей стороны, что Бог Вам внушит, посоветуйте ему об исполнении нашего желания или его послушания. С этим же пароходом отправляется в Константинополь отец Анастасий, грек, и в случае если он будет проситься в дом пожить, то мы советуем Вам не принимать его, хотя бы он и письмо показывал от геронды, потому что геронда ничем не распоряжается, да и не может.

Духовник Иероним.

†

Возлюбленный о Господе Высокопреподобнейший отец архимандрит Макарий и Преподобнейший отец Азарий! Мир и спасение вам!

Два письма ваши от 20 и 21 сентября и еще особо духовное мною получены, за которые благодарим вас.

Прочитав из письма вашего о составлении 3-го пункта канонизма, мы немало подивились тому, что не в духе желания греческого братства изложен этот пункт, и надо полагать, что в пользу этого дела некоторые лица энергически действовали, а иначе и быть не могло. Но сомнительно, чтобы этот пункт состоялся в своей силе. Вы пишете, что сюда должна прибыть экзархия для разбирательства наших дел, но это ваше мнение или вы от кого слышали? Просим об этом уведомить. Теперь ожидаем, что-то нам Бог пошлет с прибытием боголюбивейшего нашего покровителя господина посла. Да утвердит Господь святейшего патриарха²¹ в теперешнем расположении к нам до конца! Спаси, Господи, господина Нелидова и господина Мокеева за их содействие в пользу нашу.

Ковчежец с частицею святых мощей святого великомученика Пантелеимона постараюсь выслать с братом Стефаном, отправляющимся в Москву на послушание при часовне для исполнения разных поручений, так как Алексей Осипович вызывается оттуда.

По всему видно, что наше дело не обойдется без участия русского и турецкого правительств, как вы и изволите писать. Канцелярию до устройства дела и думать нельзя, чтобы переводить сюда, ибо кто нам поручится за будущее? Теперь

мы свободны в своих действиях по переписке с Россией, то зачем же подвергать опасности эту свободу?

Братья должны неотложно позаботиться о теплом платье, а мы поищем в их кельях и пришлем с братом Стефаном. А вас просим неотложно позаботиться, кому следует поручить, чтобы были печки, безопасные от угара, что для канцелярии необходимо.

Пишу вам собственноручно в уверении того, что я поздоровел, а причиною тому – молитвы святого Иоанна Богослова, ибо с его памяти моя лихорадка уменьшилась. Последние ваши письма нас немного оживили. Под праздник думаю сойти к геронде для свидания – что-то Бог даст от этого? Петр Захарович оказался единомравным отцу Мисаилу, а потому мы провожаем его в Россию. Иоасаф, живописец, вышел из обители.

Отец Пантелеимон по прибытии в обитель объяснялся со мной, что он остался очень недоволен Вами, и отцом Азарием, и всею тамошнею братией; я, сколько мог, утешил его и дал ему 10 лир для уплаты долга серайцам. Но, увы и горе с этим человеком! В тот же вечер он был в кельи отца Макария,²² и предлагал ему, чтобы он составил против нас свою партию для ограничения нашего самовластия и читал ему свой проект, как это должно быть сделано, дабы составить епитропию. Отец Макарий, выслушав его, отвечал ему так: «Еще наше дело неизвестно чем кончится, а ты уж затеваешь против духовников мятеж или просто бунт, в коем я никогда не приму участия, ибо я вижу, что ты, по пословице, хочешь в мутной воде рыбу ловить». Он, выслушав это, немедленно ушел. По прошествии трех дней я сказал об этом отцу Иезекиилю, который очень удивился этому делу и уверял меня, что ничего подобного он не слышал от отца Пантелеимона и видимо не одобрял его такого поступка. Что будет далее – увидим. Я еще об этом не говорил отцу Пантелеимону. При объяснении думаю показать ему дорогу удалиться от нашего общества. Уже ясно показывается то, что вредно его иметь при нашем обществе. Какое будет ваше мнение об этом, прошу написать мне.

Бедняжка отец Иларион поехал на лодке в Крумицу для прогулки, и простудился, и заболел там, на Крумице, внизу, в доме, а наверху и не мог побывать, и едва живого привезли его в обитель, но, слава Богу, теперь стало ему лучше. О прочем вам пишет отец Арсений.

Мы посылали отца Нафанаила для приглашения экзарха на праздник, но он отказался. При разговоре о нашем деле отец Аверкий сказал экзарху, что «их дело не может у патриарха окончиться в их пользу, потому что тому препятствуют кузмики,²³ и они поневоле принуждены будут перенести свое дело к туркам, которые непременно решат их дело в их пользу». На это экзарх ответил так: «Надобно переменить политику, а иначе может произойти как в болгарском вопросе, схизма». От этого да сохранит нас Господь ради молитв Пресвятой Богородицы и святого Пантелеимона.

Ваш сомолитвенник Духовник Иероним.

24 сентября 1874 года.

†

Днесь благовернии людие светло праздновали Покров Богоматери, за это слава Богу и Ей хвала.

Возлюбленный наш отец Макарий! Я более этого, что выше написано, не имею, чем бы утешить вас.

В воскресенье мне пришла мысль побывать, то есть повидаться, с герондой, и вот ввечеру я спустился к нему. Встречает меня Арсений, грек. Я говорю ему, что хочу видеть геронду. Он отвечает, что геронда спит. Я говорю ему, что не может быть. Он отвечает, что «мы сейчас разбудим его и приведем на архондарик». Я согласился, и тотчас его привели на архондарик. Он принял меня с радостью и пожал мне руку. Потом я сказал ему, что я пришел узнать, что если придет русский пароход, то он примет ли капитана или нет, и что это я вопрошаю для того, чтобы избежать повторения прошедшего события. Геронда отвечал, что примет, и прибавил: «Не надо, чтобы кузмики знали о нашем смущении». То же подтвердил и Евгений. Потом я геронде предложил такой вопрос: «По случаю погребения тела покойного консула²⁴ произошло смущение, вследствие чего ты, геронда, высказал свое запрещение, от

которого русские возмутились и не захотели более приходить к тебе за обычным благословением. Но когда выяснилось, что твое запрещение касалось только одних твоих греков, тогда русские опять пожелали приходить к тебе за благословением, и вот потому-то я теперь предлагаю тебе мой вопрос: что, желаешь ли ты теперь, чтобы русские приходили к тебе, по обычаю, за благословением?» Геронда молчал, а вместо него отвечал командир его Евгений, что «если вы хотите покаяться, то это хорошо, ибо в поступке том вы сделали геронде преслушание». Я сказал ему на это, что «если бы допустили меня в то время видеться с герондой, то я уверен, что этого скандала не случилось бы», при этом геронда в знак согласия кивнул головой. А Евгений поднял вопль, что «нет-нет, этого не могло быть!» Тогда геронда обратился ко мне и сказал, что очень много в последнее время повредилось общежитие. Я ответил ему, что «ты хорошо все помнишь и знаешь, кто всему этому был причиною, ведь ваша сторона оставила к нам любовь, а вместо нее приняла к нам ненависть». Геронда замолчал. А Евгений начал вспоминать разные разносности, но мы его во всем осадили. И чтобы окончить нескончаемую распрю, я попросил их дать мне ответ на вопрос: какая была нужда вмешивать «международную политику» в нашу монашескую обитель и отдавать судьбы ее в распоряжение светских властей на мирское посмеяние? На это Евгений ответил как бы нехотя, сквозь зубы: «Да, это вышло нехорошо, тем более что мы теперь не видим и конца-исхода этому нашему делу». Я в это время нечаянно взглянул на двери, а около них стояло множество слушающих. И чтобы поскорее окончить суесловие, я обратился к геронде и сказал ему: «Что мне теперь делать? Как тебе известно, с тех пор, как я пришел в эту обитель, то не имел другого духовника, кроме тебя, и теперь, как человек, имею нужду в исповеди, а до тебя вообще, а меня в особенности, не допускают, то что же в таком случае мне надобно делать?» Геронда, опустив голову, застонал и не сказал ни слова, а Евгений с яростью ответил, что теперь исповеди не существует и ежели что будет сказано тайно, то будет объявлено явно. На это я ему сказал: «Ты молчи, я не затем пришел сюда, чтобы

спорить с тобой». Затем я поднялся и взял благословение у геронды, который пожал мою руку и удалился.

Накануне праздника все попы ходили к геронде за благословением. Потом я послал отца Иосифа к геронде за благословением на перенесение по обычаю в начале бдения наверх главы святого Пантелеимона. Отец Иосиф, пришедши к геронде, сказал ему об этом, геронда ответил: «Кала» (хорошо). Но Евгений возопил: «Что ты, геронда, это делаешь, разве ты не помнишь, что вчера говорил об этом?» Геронда ответил ему, что он ничего не помнит, тогда тот начал говорить, что ими положено, чтобы главу святого Пантелеимона наверх не давать, и как ни убеждал их отец Иосиф, они (греки) с ним не согласились. А геронда все молчал, и, когда отец Иосиф заметил им, что таковые их враждебные действия против нас, может быть, не понравятся святому Пантелеимону, геронда только покряхтел. Тем дело и кончилось.

Лишение этого духовного утешения восполнилось несколько принесенной к нам из обители святого Павла святыней, с которой их духовник отец Ананий отправляется в Константинополь и до Лондона. Он просил меня, чтобы дать ему квартиру дня на два в нашем конаке. Но я отказал ему в этом, ибо он враг русским.

О прочем Вам пишет отец Арсений. Стефана и Михаила посылаем в Москву, туда же посылаем и Кирилла для некоторых канцелярских справок. Этого дня помер отец Иулиан (чахоточный).

О кельях не тужите, к тому времени найдутся.

Во многом я согрешаю пред Вами, не все же мне прощать Вас, надо же когда-нибудь и Вам простить меня, и это теперь приходится Вам частенько делать. И вот по стечению обстоятельств нам приходится друг друга тяготы носить, еже и да будет до конца. Аминь.

Духовник Иероним. 1874 год.

†

Возлюбленный наш отец Макарий!

На исповедь Вашу по желанию Вашему я прочитал Вам заочно разрешительную молитву. С этого времени я не буду

более пускать болящих в Константинополь. Если Михаил стал следовать своему рассуждению, то скажите ему от меня, что я увольняю его от нашего общества, пусть он едет, куда он хочет, денег ему следует добавить 56 рублей, ибо у меня в книге столько записано. Какие есть у него книги, если он захочет оставить за собой, то пусть заплатит за них деньги. Малодушие Агафангела и его ипохондрия Вам хорошо известны, а потому Ваше предусмотрение и должно сбыться, ибо и огромное письмо его ко мне то самое и выразило. Отец Арсений наш на таковых людей делает поход, а иногда из-за них и из себя выходит и часто говорит мне: «Как Вы это все терпите?» Ибо и ему приходится часто схватывать добрые тычки, а потому, находясь в духе Илиинном, он иногда с ревностью предлагает мне высылать из обители слабых и своевольных. Однажды я посоветовал ему об этом помолиться и потом прислушаться к гласу совести и, что она скажет, так и поступать. Он так и сделал, и что же оказалось? Вместо того чтоб гневаться и раздражаться на немощных и выгонять их, а меня упрекать в потачках и излишнем к ним снисхождении, он сказал мне так: «Нет, не так надо поступать с немощными, как я прежде думал, совесть говорит мне, что надо их исправлять, убеждать, увещевать, а не высылать из обители, и если высылать, то только одних неисправимых». С того времени я уже более не слышу от него упреков в излишнем милосердии. Вот, видите ли, как иногда трудно ладить и со святыми, предпочитающими ревность любви, которая покрывает многие грехи.

У нас благодаря Божью Покрову особого ничего нет, а о прочем внешнем Вам другие пишут. Я мало-помалу выздоравливаю. По моему мнению, корабль наш должен прийти к обители, а иначе об этом много будет толков в газетах. Отец Герасим,²⁵ ксенофский иеромонах, перешел к нам, но я сказал ему, чтобы он объявил грекам, что он поживет у нас только до Пасхи, так же сделает и отец Феофил. Так как великие прилоги о нашем деле, радостные и печальные, вредят моему здоровью, то я уже при помощи Божией стараюсь не принимать их и не рассуждать о них, возлагая все упование на Господа, и обретаю в этом успокоение.

Остаюсь скорбящий и вздыхающий с Вами Иероним.

P.S. Посылаем Вам еще письмо, писанное по-гречески, о разделе, которое, по нашему мнению, должно показать патриарху. В исправленном Вами канонизме сказано, что монастырь называется Русским, а это-то для нас и вредно. И еще, что он, то есть монастырь, есть достояние патриарха – следовательно, поэтому патриарх имеет право получать от монастыря третью часть его доходов. Если бы и согласились признать монастырь русским, и тогда такой канонизм погубит его. Но во всем да будет воля Божия!

Д. И. 13 октября 1874 года.

†

Богодарованный мой друг отец Макарий! Мир тебе и спасение Божие!

Воображая и рассуждая, и понимая, и сколько возможно, чувствуя твое, мой дорогой, бедственное страдание, я только и думаю, чем бы тебя утешить, какими словами, или советами, или чувствами. И вследствие такового расположения моего духа я иногда воодушевляюсь как бы свыше и в это мгновение нахожу многое, о чем бы надобно написать тебе. Но это из головы улетает также мгновенно, и я опять остаюсь пустым, но при этом кто-то тайно внушает мне, что все это будет передано тебе в свое время сообразно с твоим требованием. Ах, правда твоя, что не с кем разделить тех чувств, или передать кому-то, что требует дух передать, или посоветоваться. Вот и поневоле вспомнишь изречение святых отцов, что из тысячи един да будет тебе друг. Этот голод в духовном советнике и я теперь чувствую вполне, тем более с того времени, как я лишился доступа к старцу. Но Господь щедро восполняет это лишение утешением и благодатным просвещением. А трудно мне стало, даже и весьма, ибо почти можно сказать по Писанию, что я как будто *каждый день умираю* (ср.: [1Кор.15:31](#)). Если сутки прошли, то я говорю: «Ну, слава Богу, еще сутки продыхал». А искушения-то своим порядком меня со всех сторон осаждают, и еще оттуда, откуда не чаял и не ожидал. Но во всем Господь помогает. И та мысль приходит: доживу ли я до желаемого раздела?

В рассуждении нашего дела мы много Вам пишем разных наших мнений, но Вы соображайтесь с Вашими обстоятельствами. Отец Павел раскаивается в своей выходке.

Слава Богу, молитвами святых угодников праздник мы провели благополучно. Что касается до исполнения бесовского пророчества, то это Вам известно из жития святого Аверкия, что иногда для славы Божией допускается им ведать то, что они выпросили, а сами по себе они ничего не могут знать.

Вот пароход пришел, что заставило меня окончить это письмо, не высказавши коечего, что и оставляю до будущей почты. А теперь, поручивши всех Вас и себя особой милости Божией, остаюсь вполне сочувствующий Вам немощнейший твой друг Иероним.

P.S. Прошу Вас по получении моего письма сделать или возвестить поклон отцу Азарию, а другим – благословение.

†

Возлюбленнейший наш отец Макарий!

Господь да благословит Вас всяким благословением во славу Его и на общую нашу пользу.

Прочитав Ваше исповедное письмо, спешу ответить Вам, покуда пароход позволит. Бог да простит Вам исповеданное Вами. Более этого что мне сказать Вам? Разве напомнить Вам то оживляющее нас слово Божие, память которого действительно ободряет нас во всякой нашей скорби и беде. Это очень известное нам, но всегда нами забываемое, что *любящим Бога вся споспешествуют во благое (Рим.8:28)*. Простите меня, немощного, что более этого я не нахожу, чем бы Вас утешить во многоскорбных Ваших и наших обстоятельствах. Эти наши обстоятельства, с одной стороны, показываются нам как будто сверх сил наших, но, с другой стороны, Кто-то ободряет нас, не велит малодушествовать, а возлагать надежду на помощь Божию и покров Богоматери.

Мнение Ваше об известном нам лице²⁶ неверно, ибо и он сын наш благодатный, и Кто умеет смирать Вас до земли, Тот же не забывает и его. А иначе что мы поделаем с богословами, философами и великими практиками-экономами?

С отцом Пантелеимоном я объяснился, он отказывается от какого-то проекта, а обещался принести мне вместо того какое-то обозрение. При объяснении я много высказал для него неприятного, но он сверх чаяния моего принял это благодушно. Но вот горе и увывы пришло и отцу Пантелеимону! Аверкий его оставляет, и он от этого приходит в отчаяние и, разумеется, приписывает это моему коварству. С господином Елагиным мы о чем следует поговорили и еще будем говорить, также поговорим и о Евсевии серайском, чтобы удалить его из Константинополя. Отец Иеремия в настоящее время болен, а когда выздоровеет, тогда пошлем его к Вам. Шеншин если пришлет Вам расписку с подписью двух свидетелей, что он занял у Вас 50 лир, то тогда можете послать ему оные или пусть напишет к Вам письмо, что он поручает Вам продать его каливу. Прачка наша – отец Илия – помер. Весьма хорошо помяните его. Бог да упокоит Стефана, только жаль, что не успели постричь его.

На именины отца Илариона мы опасались пойти к геронде, и, как оказалось, хорошо сделали, потому что на память святого Артемия за здоровье старца Артемия была в трапезе «керазма»,²⁷ а в понедельник, на именины отца Илариона, – «охи» (нет).

О приезде или присылке сюда, в обитель, судна мы уж Вам писали, так, кажется, лучше будет: и меньше разговора и болтовни будет в газетах. Мы, как дети, просили Господа, дабы Он уяснил наше положение на Святой Горе, и вот Он по Своему Богоотеческому промыслению уяснил это так, что по нашему слабому человеческому понятию кажется уже чересчур. Так что мы теперь и сами тому удивляемся, ибо такое малое дело, как наше, сделалось через газеты предметом разговора по всей Европе. Чудо, да и только! Прославим же Божие о нас чудное промысление. А мы-то тут чего-чего не придумали, а особенно с отцом Арсением, ибо он великий и находчивый «прожектер».

Сейчас прибыл господин Елагин и хочет отправиться на этом же пароходе, а потому не имею более времени Вам писать, только остаюсь Вам сочувствующий во всем Ваш грешный Духовник Иероним.

23 октября 1874 года.

†

Возлюбленнейшие о Господе отцы, отец Макарий и отец Азарий! Здравствуйте о Господе со всей о Христе братией нашею. В настоящее время у нас в обители Божией милостью все находится в благополучии, только выключая греческой стороны. Они ропщут на нас за последнее наше распоряжение, что мы не отдали по-прежнему привезенную из России рыбу в их своевольное распоряжение и за что они изволили пожаловаться на нас епистасии,²⁸ которая, впрочем, оправдала наш поступок.

3-го числа прибыл в нашу обитель агиос Пендаполис господин Нил,²⁹ остановился у нас и прослужил две Литургии, то есть на святого Савву и святителя Николая. Мы с ним говорили о нашем деле многократно и пространно. Он, как видится, принимает в нашем деле живое участие. А из каких видов сочувствует нам, отгадать трудно, один Бог весть, потому что он грек. Впрочем, мнение свое Пендаполис Нил в нашем деле так резко высказал нам, что мы с удивлением обратили на оное все наше внимание, о котором считаем нужным передать и Вам. Вот его выражения. «Я, – говорит, – вижу из хода Вашего дела, что патриарх не имеет к Вам расположения, а потому и не хочет исполнить Вашей просьбы, а изыскивает разные средства, чтобы только проволочь Ваше дело и затянуть в такую даль, в продолжение коей, может быть, переменятся обстоятельства. Или господина Игнатьева здесь не будет, или что-либо подобное случится, и тогда он, не сомневаясь, решит ваше дело согласно желанию греческого народа, на давление коего и свалит он всю эту свою вину. Тогда как ваше дело он должен был давно решить в вашу пользу, потому что ваше дело имеет на своей стороне полную справедливость, которую он сам и все окружающие его сознают». На мое возражение, что поделает патриарх, когда он в настоящее время не силен, Пендаполис Нил, усмехнувшись, ответил: «Не верьте этому, если б только он захотел, то давно бы решил, ибо ваше дело для решения его потребовало бы времени от трех до четырех часов. Вы сами видите, как патриарх хитро лавирует, вы заявляли ему многократно и решительно, что вы требуете раздела и никакого

канонизма для сожития с греками не примите. А он, напротив, приказал комиссии составлять для вас канонизм. Разумеется, он знает, что вы не примите этого канонизма, нужды нет, что вы не примете, а все-таки вы принуждены будете терять время на ваши протесты, а потом потребуется новый пересмотр его. А на это опятьтаки надобно будет тратить и время и деньги, ибо для этой цели он, то есть канонизм, и затеян им». «А я, – говорит владыка Нил, – даю Вам мой совет такой. Так как турки справедливее нас, греков, в судебном деле, то поскорее бы Вам обратиться с Вашим делом к ним, а они Ваше дело скоро решат. А иначе долговременное замедление решения Вашего вопроса может увеличить его до чудовищных размеров; пожалуй, что постараются раздуть его более болгарского вопроса. И потом Вам уже с ним справиться будет очень трудно». И еще владыка Нил старался внушить нам, чтобы мы были как можно осторожнее и вовсе не доверяли бы как самому патриарху, так и окружающим его. «Я, – говорит, – очень хорошо знаю всех их». И много нехорошего рассказал об этих людях.

Вот, отцы, что мы слышали от него, то Вам и написали, правдоподобно ли его мнение или нет, о том мы судить не решаемся, ибо Вам это виднее нашего. По нашему мнению, не худо бы было об этом передать господину послу или, как Вас Бог просветит, так и делайте – повторяю, что это Вам виднее, нежели нам. О подданстве хотя Вы и известили нас, что оно окончено, но каким образом, об этом Вы ничего не сказали. Греки наши надеются на свой этнос, что он их поддержит и поможет им прогнать нас. Но наша вся надежда по Боге на Заступницу усердную, что Она благоустроит нас в честном жребии Своем. Веруем, что и святой Пантелеимон поможет нам. Уповающие на Божественноотеческий Промысл никогда не бывают оставлены без помощи в их нуждах.

Из возникающих новых обстоятельств вокруг нашего дела замечается нами приближение события, подходящего к изречению отца Азария, что «благополучное решение многосложного и многотрудного нашего дела требует в помощь себе особого чуда Божия». Ибо лжебратья, наши протатские афонцы, начинают раскаиваться в своем против нас глупом

поступке, ибо и им самим Промысл Божий хочет отмерить тою же мерою, да еще натопанною. Пендаполис сказал нам, что он имеет уже весь канонизм у себя и обещал дать нам для прочтения.

У нас отошли в вечность отец Варнава (Лосев) с должным напутствием и еще Евгений, слесарь или кузнец, – поминайте их. Мы думаем, что полезно было бы отцу Малахии перезимовать в России, разумеется, если на это благоизволит наш благодетель (господин Игнатьев).

В прошлом письме моем я Вам писал, что мне иногда становится очень трудно как душевно, так и телесно, а вот теперь мне стало лучше, и я как бы ободрился, но надолго ли это будет, один Бог весть. Я это причел к откровенности, которая и стариков пользует, но более приписываю Вашим молитвам.

Геронда наш стал уж очень слабеть, все более лежит и мало ест. Жаль, если он умрет прежде окончания нашего дела. Но да будет во всем воля Божия с нами! Сам Господь да утешит Вас в скорбях Ваших и да помогает Вам на общую пользу во славу Свою.

Прошу Вас передать мой заочный поклон и благословение и прочим нашим собратьям. Ваш грешный и слабый Духовник Иероним.

8 декабря 1874 года Русик на Афоне.

†

Возлюбленнейший о Господе друг мой отец Макарий!

Спасение Божие *да примет* Вас и всех нас под Свой Божественноотеческий покров. А другой утешительной опоры вокруг нас нет, да и неоткуда ее нам взять. Потому что дело наше по причине возникновения общего святогорского канонизма затянулось в неопределенную даль. Заметно, что и сам Н. П. Игнатьев не надеется еще на добрый исход нашего дела. Все обстоятельства, касающиеся нас, заставляют нас только терпеть. А этого-то последнего у нас в запасе очень мало, которым приобретается наше спасение. Этого-то самого мы и не совсем долюбиваем. Но что будем делать, когда некуда податься? И поневоле будешь терпеть и потому еще, что

роптать еще хуже. У нас теперь поговаривают: *Кто явит нам благая?* (Пс.4:7). Хотя и много есть скорбей, но чувствование их не отягощает много сердца. Впрочем, друг наш отец Иларион отяготился печалью до чрезвычайности, нередко и я, хотя на малое время, ему сочувствую, но и это на здоровье мое вредно действует. Но Бог утешает нас, когда это бывает нам нужно. Отец Арсений сочувствует мне, и я нахожу в нем некоторое утешение. Но кажется мне, что из всего нашего общества более всех нас скорбит и плачет о расстройстве обители нашей отец Арсений, старик рухольный – это наш плачущий Иеремия.

Не хотел было я писать Вам теперь, потому что братья уже много Вам написали обо всем, но вспомнил, что приближается великий праздник (с коим и поздравляю Вас). А Вас между нами нет, и опечалился я и подумал, что и Вы теперь скучаете о том же, да еще если не получите от меня утешительной строчки, то возымеете причину более опечалиться, а потому и решился хотя наскоро написать Вам. А уже час шестой. Неизвестно, будет ли пароход.

Особого у нас ничего нет. Отец Парфений³⁰ отправился в вечность. Поминайте его. За два дня до его смерти я посетил его, он уже был недвижим, но разговаривал хорошо. Я, прочитавши ему молитву, спросил у него, что он, желает ли умереть? Он отвечал: «Желаю». Потом я спросил его, как он себя чувствует, боится ли явиться ко Господу или нет. Он, закрыв глаза на полминуты и потом открыв их опять полные слез, проговорил протяжно сии слова: «Надеюсь на великие Ваши молитвы, не боюсь». Потом он был сутки в беспамятстве, пред смертью пришел в себя, стал бояться и беспокоиться, все показывал на левую сторону и кривлялся, а обратившись на правую, успокаивался, но умер очень тихо.

С отцом Пантелеимоном у нас идет за устав спор, ибо он не отдает его нам. Непонятный человек! Один только Господь силен защитить нас от нападений его! Вот уж правда, что *врази мужу домашние его* (ср.: Мф.10:36).

Прошу передать отцам нашим от меня поклон и благословение. Ваш расслабленный Духовник Иероним.

22 декабря 1874 года.

†

О Господе возлюбленный друг отец Макарий!

Этого вечера, то есть 4 февраля, мы получили Вашу телеграмму о разделе трапезы, что при помощи Божией и поспешим начать. Отец Тихон с будущим пароходом отправится. Он очень настаивал, чтобы переменить отца Мефодия, но я на это не согласился. И он хотя с трудом, а принял мое убеждение, но с тем, чтобы я приказал Мефодию по-прежнему слушать его, что я и обещал ему сделать, и Вас о том же прошу, со своей стороны прикажите отцу Мефодию, чтобы он успокоил отца Тихона и не вмешивался бы в его экономию. Отец Досифей тоже принял мое предложение еще потрудиться, но он отправится после отца Тихона. Говорят, что для отца Малахии нужен чтец, то пусть возьмет себе кого-либо из двух посланных в Москву, которые теперь проживают у Вас.

О заседаниях чрезвычайного синакса³¹ Вам пишет подробно отец Нафанаил, мы от него не ожидаем ничего для себя доброго, ибо все одно твердят, чтобы нам не делиться.

Отец Пантелеимон под предлогом лечения от мнимой болезни до сих пор живет в скиту святого пророка Илии, ибо боится явиться в обитель. Кто-то настрашал его, что мы будто бы хотим посадить его в пиргу. Отец Иринарх поступил к отцу Пантелеимону в писари. Скитские будто бы отягощаются отцом Пантелеимоном, однако и не высылают его. Неофит наш просится в Иерусалим и далее, я не даю ему благословения, но он говорит, что и без него отправится, ибо не хочет вовсе жить в обители. Я предложил ему лишение монашества, но он и на это согласился, и еще как бы с охотой. Вот Вам плоды своевольного избрания послушания!

В настоящее время я хотя и борюсь день и ночь с разными болезнями моего тела, но все-таки при помощи Божией кое-когда, хотя немного, и благодушествую. Но душевные болезни нашего друга отца Илариона очень отягощают печалью меня, тем более что он требует, чтобы ему посещать меня утром и вечером, этого мало, еще и долго просиживать у меня. А где у меня для этого время? Я и без того много удивляюсь помощи Божией, как это я управляюсь без Вас, один, ибо помощники

мои только свое дело смотрят. Но, как я сказал, более всего меня озабочивает печальное душевное состояние отца Илариона. Отец Порфирий наш, кажется, что уже более не слуга нам, ибо все это время не выходит из кельи. Геронда наш стал поправляться. Греки пригласили было архиерея хоронить его, а он, напротив, взял да укрепился. Впрочем, архиерей на Сретение служил у греков, а с нами не видается, но служить приглашал отца Иезекииля. А что, не время ли Вашей канцелярии возвратиться в обитель? Ибо без книг худо, не по чему делать справки, а потому много является ошибок, а через это наши канцеляристы подвергаются смущению. Отец Дорофей наш очень сетует на нас за принятие его из Салоник, очень дружит с отцом Пантелеимоном и едва ли удержится в обители.³² Дабы уклониться от раздражительности (которая очень вредит моему здоровью), я стараюсь избегать приемов наших греков и бесед с ними. Вследствие чего отец Евгений в синаксе на вопрос, почему они, то есть греки, не ищут примирения с русскими, отвечал, что русские удаляются от них и не говорят с ними и даже не допускают до себя. Да, это верно, но я иначе и не могу. Да и к чему тут нам с ними видаться, когда они, то есть греки, при сих свиданиях всегда только спорят и стараются раздражать нас? А если уже у нас решено более не жить с ними, то о каком же согласии или сожительстве нам с ними разговаривать?

Слухи и все, что пишут насчет известного нам лица,³³ – все это неправда. Но Вы и сами хорошо знаете, что имеющим блестящие от Бога дарования и гордящимся оными попускаются и блестящие искушения, да такие, от коих и поневоле смиряются. Бог знает, кого и чем смирить! Очень еще недавно было, и многие помнят несчастное «дело ильинское», которое довело до печального раздела малороссиян от великороссиян, и все видели, какой горький плод родился от этого. Разве недостаточно этого страшного примера для вразумления других? Для кого же он был и попущен, как не для потомства? Чтобы впредь не делали этого, а иначе и им то же будет и они будут бутуками.³⁴ От этого да избавит всех Господь.

Прошу передать мое благословение нашим братьям. Остаюсь вздыхающий о скором решении желаемого раздела
Духовник Иероним.

5 февраля 1875 года.

†

[К отцу Макарию в Константинополь]

Богодарованный мне друг отец Макарий!

Бог терпения и утешения да пребудет с Вами. Более этого не знаю, что сказать Вам во утешение Ваше.

С прошлой почтою я писал Вам кое о чем. Теперь же, получивши последнее Ваше письмо и депешу, я принужден написать Вам хотя несколько строк своеручно. У нас особого или замечательного еще ничего нет. Что-то выйдет из раздела нашей трапезы? Отец наш Пантелеимон еще не являлся в обитель, да и едва ли явится, потому что, как слышно, он ездит по келлиям и каливам русских, возбуждает их против монастырей. Советует им совокупиться и просить господина посла об улучшении их быта на Афоне и, вероятно, хочет сделаться их поверенным по этому делу, ибо заставил всех, кого только приглашал к подписи, сделать клятву, чтоб это было под секретом. Впрочем, этот секрет уже везде огласился, ибо русские иеромонахи, приходившие к нам как бы для совета об этом деле, хотя и утаили имя плута, но мы догадались и советовали им не входить ни в какие прошения, пока чем-то окончится наше дело, и они будто бы приняли наш совет. А впрочем, один Бог весть, ибо эти все нас искренне не любят.

Отцу Малахии я писал, что было нужно, а теперь пишу ему разрешительную молитву, ибо он так об этом меня просил; впрочем, в прежнем моем письме к нему я писал ему, что прошу отца Макария вместо меня, как духовника, прочитать ее ему. Но по вере его да будет ему, пусть и от двух получит разрешение, это еще лучше.

О делах собора Вам пишет подробно отец Нафанаил, а о прочих мелочах – отец Павел, и от меня, расслабленного, уж не требуйте многого писания, одна подпись писем иногда добре меня «донимает». Впрочем, меня очень удивляет великая помощь Божия, которая подкрепляет меня и лелеет, как

младенца. *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?* (Пс.115:3). Одно мое желание осталось на земле – это чтобы хотя и пред смертью моею увидеть благополучный исход нашего дела, чего я, грешный, и ожидаю от милости и благодати Божией за молитвы Всепетой и святого Пантелеимона.

Прости, мой дорогой, и не ропщи на немощь мою.

В каком-то Вашем письме Вы писали мне, чтобы я заочно прочитал Вам разрешительную молитву, что я и сделал, но написал ли я Вам о том? Не помню.

Остаюсь сетующий о долгой разлуке с тобою, мой дорогой, возлюбленный наш о Господе отец Макарий!

†

Благодать Божия да преизбытствует в Вас!

Много я задолжал Вам, не отвечая Вам на многие Ваши письма, извиняя себя пред Вами то недосугами, то немощью или братскими письмами. Но я знаю, что Вы желаете, чтобы я писал Вам своеручно. И что же? К моему удивлению, Ваши молитвы подкрепляют меня теперь писать Вам, только затрудняюсь тем, что не умею хорошо выражаться. За Ваши поздравления моего недостойнства с праздниками я, право, и не знаю, как Вас благодарить. Предоставляю это благодати Божией, пусть она даст моей немощи духовный электризм, который да проникнет в Ваше любвеобильное сердце! Может быть, Вам и странно кажется, что я стараюсь как можно легче и нечасто рассуждать о затруднительном Вашем положении? Это, кажется, мне не требуется Вам пояснять, ибо Вы и сами хорошо понимаете, почему это я делаю. И вот когда виднее бывает и ощутительнее совершение в нас силы Божией!

Как скучно без Вас было в праздники! Хотя мы для уменьшения скуки и пригласили владыку Нила на праздники, но это мало нас утешило, ибо все привыкли к Вам. Вы пишете о соглашении с греками на раздел, но они не хотят этого, хотя и сами же говорят, что сожительство с русскими более невозможно. И правда, мы все более и более расходимся с ними. Святые вечера я проводил не в размышлениях о судьбах Божиих, но все в беседах об обстоятельствах обители и в составлении многих проектов, программ и предположений,

которые, впрочем, подобно воздушным замкам, как скоро составлялись, так же скоро и разрушались. Только тяжело бывает, когда внимание остановится на той мысли, что вот уже год прошел, как наше дело началось, а еще ничего не сделано к его развязке, когда же конец-то ему будет? Впрочем, совесть не перестает напоминать нам слово Божие, что любящим Бога вся споспешествует во спасение. О прочих обстоятельствах пишут Вам отцы. Вы пишете, чтобы мне написать своеручно письмо к господину послу, но, если это сделать теперь, тогда и впредь потребуется так же творить, а это для меня делать уже поздно.

Ваша предусмотрительность в рассуждении требования нами книги от Пантелеимона сбылась, и, к сожалению, очень резко, он за это такой большой «калабалык» поднял, что Боже сохрани. Я уже писал Вам, что он по прибытии из Константинополя начал было возмущать против нас братию, но Бог посрамил его за это. А злоба у него против нас и других известных Вам лиц страшная. Теперь он старается более прежнего вредить обители, чем только может или находит. Устав он, то есть Пантелеимон, не отдает ни за что; что мы ни делали, чем мы ни убеждали его – все оказалось напрасным, он упорствует, и этого мало, что не отдает нам устава, а еще угрожает нам им. «Если вы, – говорит он, – будете теснить меня, то я передам его в протат». Под Рождество он пришел ко мне, я убеждал его, чтобы он возвратил нам книгу, он и слушать не хотел, много и чем только я ни убеждал его, но он не послушал меня, одно твердил: «Не отдам». Потом начал говорить мне, что он хочет помириться со мною и хочет открыть мне один секрет, и просил меня, чтобы я дал ему слово, что никому не открою его секрета. Я догадался, в чем дело, говорю ему, что «если ты хочешь исповедать какой грех, то я без просьбы твоей обязан хранить твою тайну, а если это не грех, а касается экономии, то я в таком случае не даю слова хранить это». Но он много упрашивал меня, чтобы я пообещался сохранить, но я не согласился. Потом он, Пантелеимон, пришедши в раздражение, начал говорить: «Мне нужны деньги для помощи брату, ибо он задолжал, надо помочь ему». Я спрашиваю его: «А сколько нужно денег?» Он на это отвечал, что брат задолжал 3 тысячи

рублей, да еще для поправки ему надо дать еще 3 тысячи. Я на это ответил ему, что такой великой суммы я не дам ему. Засим Пантелеимон начал угрожать так, что «если Вы не дадите денег, то я книгу Вашу представлю в протат и открою ему все Ваши секреты и разные злые Ваши дела и тем причиню Вам большие беды». На это я ответил ему вот что: «Ты, брат, напрасно угрожаешь мне, ибо я угрозы твоих не боюсь, и ты этим ничего не успеешь сделать». Он на это ответил следующее: «Ну, с этого времени я буду собирать милостыню на свое имя и этим буду помогать своему брату». Вот до чего дошел наш самовольный писатель! Не знаю, что с ним делать. Многие отцы советуют взять его с кельи в монастырь. Что касается до путешествия в Киев, то я благословляю, если на то согласятся господин посол и патриарх.

Д. И.

1875 год.

†

О Господе возлюбленнейший наш отец Макарий, здравствуйте о Господе!

Вот приблизилась и святая Четыредесятница, которую да сподобит нас Господь освятить благоугождением Ему.

Вы желаете знать, как началось разделение нашей трапезы, то есть мирно или нет? Только одно могу Вам сказать, что и в сем Господь удивил нас Своею помощью, ибо это сделалось так мирно, как мы и не ожидали, потому что греки ни в чем не воспрепятствовали нам в тот день, когда делились, что только мы хотели, то и брали от них. Но на другой день они как будто бы проснулись, уже не стали нам ничего давать, а еще кое-что попросили назад. Но заметно, что они потеряли первую свою храбрость, ибо начали просить со смирением (разумеется, лицемерным) те вещи, которые служат им к утешению. На прощение (для избежания трения) мы решили не ходить к геронде, да к тому же мы недавно были у него и просили прощения, о чем я уже писал Вам, что он сказал нам, что «все вы прощены», и это повторил до трех раз.

О политике нашей пишут к Вам прочие. Отец Пантелеимон прибыл к нам с двумя посредниками. А что было говорено с

обеих сторон, о том надо Вам много писать, чего я не могу сделать, разве попрошу об этом других. Из хода дела видно, что он от нас удалится, потому что для будущего сожития с нами он предлагает такие условия, коих мы принять не можем. И что из этого выйдет, один Бог весть. Отец Михаил (Курносов), келлиот, просил возвратить ему расписку, а здесь ее нет. Где ее найти? Как-то Бог даст далее, а теперь, с начала разделения трапезы, для отца Илариона пусть присылают с каждым рейсом что-либо для его утешения, ибо он, как дитя, при каждом пароходе спрашивает: «Что прислал мне отец архимандрит?» Итак, прикажите, чтобы присылали для него стридья, мидья, ктенья³⁵ и еще что-то, я уже и забыл.

Молю Господа, да сохранит Он вас всех, яко зеницу ока, и да поможет вам в общем деле благоустроения нашего общества! Ваш недостойный духовник Иероним.

22 февраля 1875 года.

†

О Господе возлюбленный отец Макарий!

Поздравляю Вас со святой Четыредесятницею, которую да дарует Вам Господь провести во благоугождении Ему.

В первом моем письме я писал Вам кое о чем, и теперь, при появлении парохода, спешу написать Вам хоть несколько строк об отце Пантелеимоне, который в настоящее время возмущает нас еще более нашего вопроса. Но, слава Богу, что хоть он возвратил рукопись. Теперь он соглашается жить в обители на таких условиях: чтобы дать ему келью побольше и двух послушников, то есть писаря и чтеца, и еще чтобы верхняя келья была бы за ним и под его распоряжением. Первые два требования мы обещали ему, а третьего – нет, а только даем ему свободу прогуливаться на верхнюю келью, а не распоряжаться ею. А так как он с греками соединился, и ходит к ним каждый день, и даже ночует у них, потому мы потребовали, чтобы он отселе уже не ходил к ним. Но послушает ли он? По всему видно, что он из мести, а может быть, из-за хиротонии хочет сделать предательство, потому что он с гневом сказал мне, что «я буду иеромонахом». Итак, мне кажется, хорошо бы было об этом всем предварить нашего благодетеля, ибо если

допустить ему соединиться с греками, то это дело может много повредить нам. Разумеется, если Бог попустит такое зло. Впрочем, рассуждайте, что полезнее предпринять в таком серьезном деле. Я так думаю, что этого лютого зверя только один Бог и силен смирить. А впрочем, и нам самим, сколько возможно, надо стараться противодействовать ему или просить господина посла, чтобы выслать его в Россию или что другое устроить. Еще Пантелеимон предлагал нам, чтобы для него купить келью, но все это для нас вредно, ибо ему, во что бы то ни стало, а добиться до попа. А там уж пойдут и все пакостные дела во вред обители. Но да будет во всем воля Божия! Надо больше молиться. Простите.

Духовник Иероним. 27 февраля 1875 года.

†

Возлюбленный наш отец Макарий!

Желательно мне исполнять твое желание, чтобы каждую почту хотя бы несколько строк своеручно написать тебе, моему дороговому. Если уж и не для утешения пишу, то хоть показать тебе, что расслабленный твой друг еще может писать. А более этого прошу от меня не ожидать, ибо заботы у меня теперь двойные и даже более того без помощи, бывшей от тебя, что весьма чувствительно меня отяготило. И я сам немало удивляюсь, как еще все это так делается? Уж воистину *в немощи нашей сила Божия совершается* (ср.: 2Кор.12:9). О политике пишут Вам другие, а я о ней не знаю, что и писать. Одно слово Божие меня утешает, это что *любящим Бога вся споспешествуют во благое* (Рим.8:28). Вот уже время наступило для нас особое, в которое многие глаголют: *Кто явит нам благая?* (Пс.4:7). Но блажен тот, кто и в нестроении показывает дух терпимости и благодушествует!

Нам если невозможно постригать явно, то хотя тайно необходимо для удержания в обители людей полезных. Михаила Степановича постригли в мантию с именем Митрофан. Если Бог даст, завтра, то есть в воскресенье, посвятят отца Иерона в попа, геронда дал на это благословение. Не знаю, что Вы скажете: отец Иезекииль просит, чтобы и отца Рафаила

посвятить в иеромонаха, сделать это или повременить? Напишите мне об этом.

Покойный отец Глеб и до этого времени еще не похоронен, ибо он не показывает признаков разложения, и это продолжается уже восемнадцать дней. А доктора говорят, что он мертв и не имеет признаков жизни, но мы решились ожидать признаков разложения.

Прости, мой дорогой друг! Молись за меня, да будет воля Господня благоугодная и совершенная со всеми нами. Остаюсь чающий освобождения от братьев-греков Духовник Иероним.

22 марта 1875 года.

†

Возлюбленный мой брат и друг отец Макарий! О Господе радуйся!

За поздравление твое меня, унылого, с приближающею святою Пасхою благодарю тебя, мой дорогой, и я тебе тоже желаю приять силу Божию для освящения святых дней Пасхи и взаимно самому освятиться от нее. Еже и да будет благодатью Всещедрого Бога любви!

Итак, дело наше начало уясняться неудачею или успехом. Я вовсе не ожидаю здесь от наших греков желаемой нами любовной сделки, потому что они против нас очень ожесточены. Недавно греки Галактион и Елевтерий выразились при Хаджи Георгии, что они лучше согласятся выйти из обители, нежели смириться пред русскими и что они решились противиться до самой великой крайности. Впрочем, помолясь Господу, начнем по Вашему совету действовать и посмотрим, что из этого Бог нам даст. Кажется, что все обстоятельства складываются так или к тому, разумеется если то Бог попустит, что если греки и вовсе не выгонят нас со Святой Горы, то по крайней мере притеснят нас добре и таким образом мало-помалу уменьшат количество нашего населения на Афоне. А через нас они, то есть греки, лишат и прочих насельников Афона древней монастырской свободы, как подобное сделано в православных царствах, как-то: в Молдавии, Сербии, Греции и прочих. Поэтому можно предусматривать, к чему клонится намерение дьявола, потому что каково бы ни было по

нравственности монашество, но и тогда оно было для него ненавистно до того, что он подвигнул власти на истребление его. Тому подобное теперь совершается и на Святой Горе.

Сейчас прибыл к нам из Ватопеда экзарх, объехав и прочие монастыри. А через час прибыл к нам из Салоник наш господин консул с Костасом Логадисом и его сыном. Завтра владыка будет служить у нас. Сегодня ко мне приходили греки Ятрос, Елевтерий и Агапий. И что же они говорили? Все ложь и лукавство! Или, может быть, их обманывает Евгений? Вот их слова: «Анастасий пишет нам, что патриарх приказал отцу Макарию, чтобы вы, русские, обеспечивали нас, греков, пока окончится наше общее дело». Я принужден был объяснить им, что дело это было совсем не так, как они говорят, ибо патриарх приказал Анастасию, чтобы он пришел к отцу Макарию и заявил бы ему, что греки желают покончить спорное дело соглашением, и вследствие этого уже русским обеспечивать греков до окончания дела. Впрочем, они, то есть греки, не потребовали многого, а только воску 20 ок и икры красной на Пасху, да еще денег для Кассандры 50 или 60 лир. Все это, кроме денег, я обещал им дать. Но о соглашении они не сказали ни слова – вероятно, ожидают начала от нас, чтобы мы просили их об этом. Но мы и это сделаем, чтобы возможно было нам сказать: И с ненавидящими мира бех мирен (Пс.119:6).

Бдение началось, и пароход уже показался. Более писать нет времени. Прости.

Геронда принял консула хорошо. Когда прибудет к Вам Иван Васильевич, живописец, выдайте ему 400 рублей кредита.

Духовник Иероним.

12 апреля 1875 года.

†

Возлюбленный о Господе друг отец Макарий! Христос воскрес! По прочтении твоего письма у меня невольно возобновились те чувства, кои тяжело волновали меня во время исполнения церковно-пасхальных догматических церемоний, которые при помощи благодати воистину исполняются у нас великолепно. Лишение твоего присутствия опечалило многих, но Господь – *Бог всякия утехы* (2Кор.1:3) –

не остается у нас в долгу, как в Писании сказано: *По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс.93:19).

Ну, теперь скажу тебе, хотя вкратце, и о нашем здесь деле, как мы сходились с греками и что говорили. Греки – отец Евгений, доктор и Агапий – пришли к нам и начали разговор так: «Мы пришли спросить вас: за кого вы считаете нас – за братьев или за чужих?» Мы отвечали им, что «мы считаем вас за братьев наших». На что они сказали нам: «А если вы считаете нас за братьев, то вы должны нас и обеспечивать, то есть выдавать нам все необходимое». На это мы опять спросили их: «Имеете ли вы что еще сказать нам более этого или вы только с этим одним вопросом пришли к нам?» Ответ их был: «Только за этим одним, чтобы вы успокоили нас и дабы через это нам не скорбеть на вас, а жить мирно». Потом мы спросили их: «Что вам пишет отец Анастасий ваш? Нас извещают, что он по совету святейшего патриарха виделся с отцами Макарием и Азарием и что говорили о любовном мире и он дал слово нашим отцам написать к вам, чтобы вы начали с нами беседу или совещание о добровольном и любовном соглашении нашем о разделе с вами». «Охи, охи, – возопил отец Евгений, – это ложь, ибо ничего не писал нам об этом, да мы и не можем этого здесь сделать; пусть уж как решит Церковь, так и будет. А нам отец Анастасий писал вот что. Когда он подал прошение и жаловался на вас святейшему патриарху, то патриарх призвал к себе отца Макария, приказал ему, чтоб он написал в обитель своим, дабы они, покуда кончится наше дело, выдавали бы нам пропитание вполне, и более ничего он не писал нам». Мы опять повторяем им, что «вы скрываете от нас истину, ибо мы верно знаем, что отец Анастасий писал вам об этом, но это не по сердцу вашему, а потому вы и лжете. Впрочем, это обнаружится». Потом мы им напомнили все прошлое. Наконец, отец Евгений сказал нам: «Что вы хотите? Какой ваш план для примирения? Дайте нам ваш проект!» На это мы ответили им, что мы хотим жить по-старому. Евгений спросил: «Каким образом по-старому?» На это мы ответили ему: «Мы хотим, чтобы отец Иларион был на своем месте». При этом слове отец

Евгений, вскочив со стула, возопил: «Охи, охи, не бывать этому, не бывать никогда!» И, отворив дверь, вышел вон. Вот вам первый опыт нашего примирения здесь. Впрочем, мы к Пасхе дали им рыбы на три дня, свечей, и мыла, и прочего. Ожидали мы, что если они со своей стороны пригласят нас для начатия Пасхи вместе, то чтобы пойти и тем показать им нашу склонность к миру, но этого не последовало, и мы с экзархом сделали начало наверху, и слава Богу.

Пасху провели хорошо. Только одно малое происшествие помрачило ее немного; впрочем, оно резко выразило то, что они и сами решительно не хотят сойтись с нами. Вот что случилось. На первый день Пасхи я, по обычаю, пожелал сойти вниз, к геронде, для поздравления, со мной пошли и консул, отец Иларион и прочие иеромонахи. Геронда принял нас очень радостно, и все греки рады были этому. Окончив это, мы взошли наверх, вслед за нами пришли к нам старшие греки отдать нам визит и предложение нам, чтобы наутро сделать литию вместе. Мы это их предложение приняли радушно. Экзарх обещался сам сделать освящение воды, и так все шло хорошо. Но поутру сделалось нехорошо. Экзарх по причине усталости отказался от освящения воды. Поэтому мы послали спросить у греков: поскольку архиерей не пойдет освящать воду, то, чтобы избежать смущения, кого они назначают для этого? Они ответили, что в таком случае отец Гавриил будет освящать воду. Наши иеромонахи на это возроптали, говоря, что он не служащий и никогда не освящал воды, у нас есть иеромонахи служащие и старше его, а потому мы сказали им, что пусть отец Иезекииль освятит воду. На это они прислали нам ответ такой для прекращения спора: будто бы геронда приказал, чтобы ефимерий³⁶ седмичный отец Поликарп сделал водоосвящение. На это мы ответили им, что это команда Евгения, а потому мы не принимаем ее и не выйдем на литию. И так они одни сделали ее. Вот и любовь и мир.

Отец Пантелеимон, получив от архимандрита письмо, едет в Константинополь. Я просил его, чтобы он не ездил, но он и слушать не хочет о том, и по сие время он что-то с греками дружит. Впрочем, он и побаивается чего-то: спрашивал у меня,

писал ли я чтолибо о нем послу. Я прямо сказал ему, что «все было писано о твоих поступках». Потом он просил меня, чтобы я написал Вам, чтобы Вы приняли его поласковее; денег дал я ему 5 лир. Фантазер прекрасный. «Я, – говорит, – надеюсь оправдаться перед послом». Это второй бич для нас, но от таковых только один Господь наша защита.

В настоящее время мы не находим благовременным говорить с нашими греками о разделе, потому что на Карее собираются эктакты, или чрезвычайные старцы, для рассуждения о нашем деле, и пока решение их не уяснится, мы не можем ничего говорить с нашими греками о разделе. А если мы в разговоре сказали им, что мы хотим жить с ними по-старому, то это сказано не потому, что мы в самом деле желаем жить с ними, а чтобы вызвать наружу их упорство и ожесточение против нас. В самом деле, очень смешные поступки наши греки выделывают. Например, вчера наши пошли на кипер попросить у них для меня салат, или марулю, но они ответили им, что не приказано давать русским с кипера ничего. А этого дня они, эти глупые епитропы, пришли к нам просить, чтобы мы уплатили за них подати и разные налоги, а их собирается до 100 лир. Извольте понять греческую мудрость или безумство!

Сегодня у нас служил Пендаполис. Он, между прочим, вот какую мысль свою высказал нам: чтобы не давать грекам ничего. А если они за это будут жаловаться и если патриарх «будет заставлять Вас давать им, тогда Вы скажите ему так: «Наша трапеза отворена для всех приходящих, а потому они напрасно на нас жалуются, что мы не даем им есть; пусть приходят они в нашу трапезу и едят готовую пищу»».

Иверские начали склоняться в нашу пользу, а причиною тому – архимандрит Амфилохий, который назначен в Москву. И вот, дабы пропустили его туда поскорее, он и хлопочет, чтобы подписать нашу бумагу. А за Ивером, разумеется, и прочие согласятся подписать. Что-то из этого Бог даст?

Я дал позволение нашему Антонию для излечения ехать в Константинополь и знаю, что он будет в тягость, но что же делать с ним? Вы его знаете. Насчет подданства брожение умов в братии большое; что из этого произойдет, один Бог весть.

Хотя Бог и подкрепляет и весьма утешает меня, но силы мои телесные ослабели, а они-то теперь очень нужны; к этому еще отец Иларион со своими немощами, уж и не знаю, что и сказать. Если отец Арсений уедет в Москву, тогда не с кем будет и словца духовного сказать. Но во всем да будет воля Господня! Уж вот пришло время, когда *сладце похваляюся паче в немощах моих* (2Кор.12:9).

Попросите господина посла, чтобы он со своей стороны посоветовал отцу Пантелеимону не мешаться с келлиотами, ибо это дело наведет на нас великую злобу всех монастырей.

Отец Иерон весьма скорбит, что посылают его на сбор,³⁷ он этого и не воображал, да и мы тоже, все делается не по-нашему, и как горько разлучаться с любимыми людьми, да если еще надолго!

Что только тебе уясняется от собственного опыта, о том мне писать тебе не возвещается, ибо сказано: Искусивыйся вся весть.

Некоторые безмолвники очень сочувствуют нам и особенно тебе. Благодать побуждает их плакать за нас, а это есть милость Божия к нам.

Прошу тебя передать от меня поклон и благословение отцу Азарию и прочим нашим братьям. Консул – человек религиозный и умный, он утешает нас надеждою на хороший исход нашего дела. Дай-то Господи! О прочих обстоятельствах Вам пишут другие, а от меня довольно и этого. Отец Дорофей наш подружился с отцом Пантелеимоном и заступает за него.

Прости, мой любезный друг, и молись за меня. А каково мне, то сам ведаешь, а я уж опасаюсь и смиренно говорить, ибо это иногда нашему брату бывает не всегда на пользу. Кажется, что я уж много зарапортовался. Спасение Божие да примет всех нас. Аминь.

Твой брат и друг. Духовник Иероним. 19 апреля 1875 года.

P.S. Стараюсь понуждать себя не чувствовать приятности и неприятности, то есть быть хладнокровным, но еще не могу, силы нет, а это не вредно бы было для здоровья.

†

Высокопреподобнейший отец Макарий, любезный друг мой духовный, Христос воскрес!

Не имею времени писать тебе о многом, ибо обо всем нужном передает тебе отец Арсений устно. Греки как греки, во всем хитрят и лукавят, но Господь покрывает нас. Из всего видно, что один отец Евгений всех путает, но и это Господь обратит нам в пользу. У греков одно условие к миру – епитропия. А о разделе они опять-таки не хотят начинать говорить, этим они показывают себя, что они хозяева здесь, а мы постояльцы. Впрочем, здешние обстоятельства не позволили нам побеседовать с ними о решительном разделе. Ибо посмотрим, что еще скажут о нашем деле эктакты на Карее? Ибо по этому делу они хотели нарочно собраться и поговорить. Братство очень взволновано вестью о подданстве и многие из них глаголют: Кто здесь явит нам благая? (Пс.4:7). Особенно те из них, которые ищут причин ко греху, извиняющему их нарушение данных ими обетов в постриге. Отец Платон и отец Дорофей в присутствии моем подавали свои прошения консулу о пропуске их в Россию. Но консул не принял от них прошений, сказал им следующее: что это преждевременно, потому что «ваше дело еще не кончено, да и поодиночке от Вас прошений и впредь не примут, ибо Вы принадлежите обществу, которое должно о Вас заботиться, ведь Вы отреклись от мира, для чего же Вы ищите в Россию пройти? Вы должны держаться своего общества». На это наши зачинщики, глупо улыбаясь, сказали: «А мы думали, что поодиночке-то Вам удобнее пропустить нас в Россию». И затем удалились. Вот Вам и *мудрии наши обьюродеша* (ср.: Рим. 1:22).

Я хотя при помощи Божией и благодушествую, но все это на мое здоровье сильно влияет, судороги мои усиливаются, сон удаляется, аппетит слабеет, а беспокойства все умножаются. Если сутки прошли, и я не лежал от болезни, то я сам себе удивляюсь и благодарю Господа, что еще я сутки проколтыхал. Все это не порадует Вас, но и не унывай об этом, ибо сказано: Когда немоществую, тогда и силен есмь (ср.: 2Кор.12:10).

Прошу Вас певчего Алексея обеспечить, ибо он полезен для хора. Прости, мой дорогой.

Д. И.

Мая 1875 года.

†

О Господе возлюбленный мой друг отец Макарий, Христос воскрес!

С прошедшим пароходом я ничего не мог написать тебе, а нужно было писать, тем более о деле Пантелеимона, о коем был написан и вопрос ко мне от тебя. Мое мнение об этом вот какое. Так как Пантелеимон оказался в нашем обществе соблазотворцем, развращающим многих наших братьев, и по многом нашем долготерпении и многим нашим вразумлениям и увещаниям остался неисправим, то, как гнилой уд, по правилу святителя Василия Великого, должен быть отсечен от целого общества, да не все общество заразится его тлетворным мудрованием. Хотя и со слезами, но должно такового удалить из монастыря. А последствия, коих ты боишься, следует нам предоставить Промыслу Божию, Который все то обратит на славу Свою и на пользу нашу. Ибо Он видит, что мы, этак поступая, ищем не своей пользы, а общей. Теперь же хорошо отказать ему от обители, потому что он явно начал вредить обществу своими клеветами и не остановился на одном своем конаке. Заявите все это господину послу и испросите у него согласия на удаление его из обители. А потом что Господь даст или попустит, то да будет Его святая воля. И я тоже заметил в нем признаки сумасшествия и заявил ему об этом, но он на это только злобно улыбался, приговаривая: «Да, Вы и вправду хотите меня таким опубликовать и посадить в затвор или сослать в Суздаль в крепость». Дорофеем сперва просил меня, чтобы я отпустил его в Россию, выдал ему его паспорт, но я тогда отказал ему в том. Теперь же, когда я по получении Вашего мнения пропустил слух, что отпустим Дорофея, то он этим очень огорчился и изъявил свою скорбь Хаджи Георгию, что духовник не любит его и хочет выгнать из обители. А пред тем временем он просил того же Хаджи, чтобы он попросил меня отпустить его мирно из обители. Но как он ни вертись и как

ни лицемерь, а уже он показал себя, что он настроения строптивного и очень беспокойного, а потому и полезно будет удалить его из обители.

О деле нашем на Карее еще не толковали. Наши греки заметно приуныли. Феодосий, антипросоп, выразился так: «Если бы мы вперед знали, что русские не будут выдавать нам кубань,³⁸ то мы и не подумали бы возмущаться против них». Из этого видно, что только это одно средство вынуждает их познать и восчувствовать свою ошибку. Сегодня эконох их Серафим приходит к нам просить кое-чего, на это мы ответили ему то же, что и прежде было нами сказано им, что «у нас трапеза для вас готова, и если Вам угодно, то приходите к нам кушать, и мы отказывать Вам в оной не будем». На это он сказал, что «мы в вашу трапезу не пойдем». А мы ему ответили на это: «Как хотите, воля ваша, а выдавать вам провизию отдельно и мы также не хотим, ибо мы не видим в том никакой нужды». И так он удалился. Слышно, что на греческой стороне последовало разделение. Мораиты (то есть морейские греки) не ладят с турко-меритами (турецкими подданными). Вследствие этого некоторые начали изъявлять свое согласие пристать к нашей стороне, в том числе Зиновий и Клим, но мы не совсем им доверяем. Посмотрим, что произойдет после решения нашего дела на Карее, будет ли так сделано, как многие обещали сделать, то есть, чтобы опровергнуть первый их (греков) канонизм, дабы тем изъявить свое согласие с Церковью. Потом прислать к нам двух игуменов для освидетельствования геронды и предложить ему об избрании вместо него игумена большинством голосов, но без епитропии. Если все это сотворится, то это весьма странно будет, только можно одно сказать, что Богу все возможно. Правда Ваша, уж воистину умножились стужающие нам (Пс.3:2): Пантелеимон, Дорофей, Евсевий и с ним многие серайцы, протат, патриархия, народ греческий, петербуржцы и едущий Самуил! Это только явные враги, а тайных-то сколько! И как они сильны злобою и лукавством! Все это в совокупности устрашает, приводит в малодушие, колеблет упование и уничтожает терпение, но только тогда, когда все это представится мгновенно вне веры и

упования на Промысл Божий. А иногда, хотя и редко, от представления обошедших нас многих врагов нечаянно, как молния, блеснет радость, что все это допущено Самим Господом для того, чтобы явить нам Свое Божественное отеческое славное заступление и покровительство для вящей славы Своей. Мы по-детски просили Господа, дабы Он здесь, на Афоне, уяснил нашего общества положение, и вот Он так уяснил оное, что мы тому не только удивляемся, но и ужасаемся. Слава за это и за все Ему единому.

Отца Иерона и я очень неохотно отпустил, и если заменить его нужно кем (на что я согласен), то только находятся двое: или отец Владимир, или Феофил; скажите об этом Ваше мнение.

Это недостаточно, что по духовной части я остался один, но к этому мне посылаются еще телесные болезни, дабы я не мечтал, что и один справлюсь, и вот третьего дня я прихворнул было добре, но Вашими молитвами скоро оправился. Отец Гервасий прибыл с Каламариин, теперь он займет Иезекииелево место, и, кажется, что будет гораздо лучше, потому что он меня слушает. И отец Павел стал прихварывать, но в случае чего отец Владимир может заменить его. Не верьте слухам, в братстве нашем ничего не заметно особенного, или слабого поведения. Вся масса, или общество, слава Богу, ведет себя хорошо. А есть малые исключения, кои и всегда бывали. Впрочем, если Господь попустит, то и это не дивно будет. Но почему же теперь у серайцев сделалось разделение на три партии?

Видно, *многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие (Деян.14:22)*. Вот мы очень хорошо знаем, что скорби нас спасают, а почто же мы их не любим? И это тоже странно.

Отец Иларион кланяется тебе. Он очень малодушествует, впрочем не по общему искушению, а по причине собственного своего, особенного искушения, вследствие чего он утром и вечером приходит ко мне и повторяет одно и то же, и это для меня составляет хороший крестик, но что же делать? Учим же

других друг друга тяготы носить. Прости. Благословенный мир тебе и спасение.

Духовник Иероним. 5 мая 1875 года.

†

Богодарованный мне дорогой мой друг, отец Макарий!

Молю тебя, не приноси проектами скорби нашим благонамеренным содеателям, ибо от избытка доброжелательного сердца сие проистекает, а они вполне во всем доверяют Вам. Но хотя и не исполняете, а все-таки выслушивайте с терпением, и довольно будет этого, это утешит их вполне. Эту мысль они высказали мне сами. Потому-то я выразился тебе о значении наших проектов. А ведь увлекательно заниматься ими? Но совсем иное дело будет, если составлять их со скорбною молитвою, со вздохами и слезами, тогда они уже будут гораздо прочнее первых. Тем более, если еще к тому же они будут основаны на совете с кем подобает. Простите написавшего.

Д. И.

†

Высокопреподобнейшие святые отцы, отец Макарий, и отец Азарий, и прочие о Христе наши братья! Христос воскрес! Спешу известить вас о постигшей нас общей нашей великой скорби. Мститый наш благословенный старец отец Герасим волею Божией мирно скончался 10-го числа мая в 11-м часу утра.

За два дня до смерти своей он ничего не ел. Но говорил ясно, хорошо. В пятницу же с 3 часов ночи он уже не мог ничего говорить. В 5 часов приобщили его Святых Тайн, и он, как говорят очевидцы, хотя и не мог говорить, но принял Святые Тайны как бы сознательно и проглотил их хорошо. В 8 часов мы узнали о его предсмертной агонии, поспешили сойти вниз и нашли его лежащим в его кельи на обычной его кровати, но уже в бессознательном положении, в котором он и скончался в половине одиннадцатого утра.

Греки, кажется, не желали, чтобы русские пред смертью геронды посещали его, а иначе они известили бы нас о том. Когда уже началась его агония, с 3 часов до 9-го, они и не

вспомнили известить нас о том, да, верно, и не известили бы. Но Бог внушил отставному епитропу Агафону, который секретно сказал нашему портарю отцу Ананию, что геронда умирает: «Иди и скажи русским, чтобы поспешили проститься с герондой». А то бы мы так и остались, не видев его кончины и не облобызав пред смертью святой старческой его десницы, что многим из нас причинило бы великую скорбь. Но благодарение Богу, *исполняющему во благих желания наши* (ср.: Пс.102:5), ибо Он удостоил нас хотя пред смертью облобызать святую десницу святого нашего старца, коего и да успокоит Господь со святыми, а в обители нашей и святой Церкви Православной да будет ему вечная память с похвалами.

Лицо его было очень светло, чисто и приятно, ни одна черта не выражала страдания. В 12 часов тело его со звоном вынесли в храм Успения, где и началось, по обычаю, чтение Евангелия над ним. Греки пригласили к тому и наших иеромонахов. К погребению греки послали пригласить владыку Ксанфиса, а мы со своей стороны пригласили нашего Пендаполиса Нила. Погребение назначено завтра, то есть в воскресенье. Могилу готовят для него по правую сторону католика.³⁹ О последних его желаниях ничего не слышно – верно, их и не было.

Вот, святые отцы, какая у нас сделалась перемена, с которою, может быть, и вопрос наш переменится или по крайней мере скорее окончится. Но наше желание есть одно: хотя и потерпеть далее, лишь бы исход или конец был добрый, этого да удостоит нас благость Божия к славе Его, единого Бога, и во спасение душ наших. Сам Господь да укрепляет и утешает Вас на пути крестном, на коем Вы встречаете многие и разнообразные скорби, носимые Вами более ради пользы не своей, а ближнего. Благословен Бог, одаривший Вас такою высокою боголюбезной добродетелью. А я более провожу время в борьбе с болезнями, и за это слава Богу, ибо и это дар Божий, очищающий грехи наши, коих у меня довольно.

О прочих обстоятельствах пишут Вам другие, кому поручено это, а на меня не сетуйте, что не пишу о всем Вам своеручно, ибо воистину не могу, да ведь Вы все это хорошо знаете.

Сочувствующий и совоздыхающий Вам, любящий Вас грешный Ваш собрат и сомолитвенник Духовник Иероним.

10 мая 1875 года.

†

Высокопреподобнейший отец Макарий! Христос воскрес!

Хотя мы и поспешили написать Вам, что приступаем к избранию игумена 16—

го числа, но подумавши и посоветовавшись между собою, решились подождать Вашего извещения. Даст ли патриарх на это свое благословение? А если даст благословение, то тогда можно приступить к избранию, не боясь противления греческой стороны. Бог знает, что хочет быть. Ибо мы совсем не того желали и просили, а устраивается другое. Впрочем, мы в нашей молитве об этом намерении нашем просили Господа, что если Ему благоугодно наше желание раздела с греками, то дарует Он нам достигнуть этого, а если нет, то пусть будет по Его святой воле, проживем еще с греками, доколе это будет удобно для обоюдного нашего спасения. Но чтобы было непременно без греческой епитропии или, по крайней мере, с зависимой от воли игумена. Чтобы он имел право, когда нужно будет, переменить епитропов, а иначе будут два начала в обители, а это весьма худо.

Архиерей Ксанфис дозволил себе высказать при свидетелях дерзкие клеветы на Вас, именно что архимандрит Макарий есть липован и католик, а потому не должно допускать его до игуменства в обители и тому подобное. Мы по совету епископа Нила решились пожаловаться на него патриарху, дабы он погрозил ему за это, что и прочим послужит к вразумлению, а иначе эти клеветники не уймутся. Отец Дорофей начинает примиряться, но он, к сожалению, в Салониках очень испортился. Впрочем, сегодня я лично говорил ему, что если он не хочет жить мирно, то я уволю его и дам ему его мирской паспорт, но желал бы я, чтобы он мирно умер в обители, — все это он выслушал спокойно. Греки пронесли слух на Святой Горе, что русские разделились на три партии, и что одна половина будто бы не хочет делать отца Макария игуменом, и

что это, говорят, писал им отец Пантелеимон. Но я этому последнему что-то не верю.

Завтра геронде девятый день, мы пригласили владыку Нила прослужить Литургию и панихиду.

Здоровье мое поправилось, но приближающийся жар начал уж теснить меня. Отец Гервасий прибыл с метоха и начал помогать мне в исповеди. А отец Иезекииль живет с отцом Григорием на Крумице и там исповедует братию, но это мне не по сердцу, потому что внушает братьям вредное мудрование, именно то, что настоятель не должен быть духовником. Вот Вам и помощник в исповеди!

О подданстве что-то перестали братья болтать – верно, узнали, что не о чем беспокоиться. О прочем пишут Вам другие. Прошу передать от меня поклон и благословение отцу Азарю, отцу Арсению и прочим нашим братьям.

Духовник Иероним. 17 мая 1875 года.

†

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший отец Макарий!

Пароход пришел. Почту от отца Иерона получили. Вы спрашиваете, кто прежде поступил в монастырь, я или отец Гавриил. Разве Вам не известно, что я поступил в 1840 году, и об этом мы писали отцу Иосифу, чтобы он Вам сообщил телеграммою.

P.S. Если для постройки нового монастыря нельзя назначить неопределенное время, то по крайней мере, определить последний срок 20 лет, и никак не меньше этого числа. Духовник Иероним.

†

Высокопреподобнейшие отцы, отец Макарий, отец Азарий и отец Арсений! Здравствуйте о Господе и со всею о Христе нашей братией!

Мы уже извещали вас телеграммою о случившемся у нас событии. Теперь посылаем к вам отца Павла с нужными по этому делу бумагами, который устно передаст вам подробно обо всем в это время случившемся. Обстоятельства сложились так, что мы иначе не могли действовать, что вы и увидите из наших бумаг. Скорое избрание нами во игумена нашего отца

Макария сделано нами по совету игуменов симонопетрийского и свято-павловского, и епископа Нила, и прочих наших доброжелателей, дабы тем соблюсти древний обычай Святой Горы и вместе с тем уничтожить рассеянный нашими врагами вредный для нас слух, что будто бы половина русских братьев не хотят иметь игуменом отца Макария и никого из русских, а из греков, и будто бы 150 русских перешли на сторону греков; а эта чушь распространилась по всей Горе, и ей многие поверили, даже и сам епископ Нил верил этой клевете и очень удивился, когда я сказал ему, что русские все с радостью подписались на избрание во игумена отца Макария.

Но греки, кажется, хотели нашею медлительностью воспользоваться, ибо вперед оклеветали нас, что мы разделились на три партии, и что-де потому они принуждены были избрать для обители во игумена своего грека. Потому архиерей и поп Нифонт дожидались того, чтобы услышать, что у нас последовало разделение, и не уходили из обители до 18-го числа. В этот день поутру мы послали к грекам депутацию для приглашения их к избранию нового игумена совместно по большинству голосов. Получивши от них отказ, вслед за сим мы прозвонили в большой колокол к началу заседания собора. Но эти господа (архиерей, поп Нифонт и прочие), не дождавшись окончания нашего собора, поспешно удалились восвояси. Последние их возгласы были таковы: будут отстаивать этот монастырь «до последних наших сил, чтобы он не подпал под власть русских. И если средств не будет к существованию, но лишь бы монастырь остался греческим, хотя и для трех человек, да чтобы победить русских!» Но эти слова произносит одна партия рьяных или неумеренных. А умеренные другое говорят: достаточно, если у греков будет епитропия, но не простая, а равноправная с игуменом, тогда можно будет жить с русскими. Впрочем, некоторые из них предлагали своим и таковое мнение, что «пусть русские согласятся окормлять нас и пусть на это дадут нам бумагу, тогда мы и успокоимся». А прочие выпытывают у нас, что в случае, если кто захочет удалиться из обители, то будут ли русские выдавать таковым временную, но удовлетворительную помощь? Но предводители их желают

теперь сделать с нами раздел, но только такой, какой им одним выгоден – например, чтобы мы, русские, оставили в пользу греков свои постройки внизу, а сами чтобы удалились наверх, а все прочее поделить пополам, несмотря на то что они, греки, численностью составляют против нас только четвертую часть; если раздел, то он должен быть равным, по числу всех наследников. Когда мы им предлагали раздел, тогда они и слышать не хотели о нем, потому что считали монастырь своим, греческим, а когда дело уяснилось, что монастырь принадлежит нам, русским, тогда они уже начали домогаться раздела. Для нас, русских, немыслимо без всякого резона оставлять свои постройки в пользу греков. Разумеется, пока был жив геронда, он устрашал нас своею священною старческою властью, хотя от глубокой старости мало владел собою, но мы все-таки из благоговения к нему боялись его запрещения. А теперь совсем дело другое, большинство нашего русского братства по праву общежития должно владеть монастырем свободно, не допуская быть в обители двум началам. И если епитропия или вместо нее монастырский собор быть должен, то он должен быть зависим от игумена, как это и всегда бывало. Впрочем, если в новом общем канонизме допускается из избранных игуменом кандидатов для епитропства избрание братством из оных, какие ему нравятся, то и это правило не вредит игуменской монархии.

Сам Господь ради молитв Пресвятой Богоматери и святого Пантелеимона да управит нас и все наши дела во славу Свою и спасение наше.

За тем остаюсь желающий Вам успеха для блага обители
Духовник Иероним.

22 мая 1875 года.

†

Преподобнейшие отцы наши и собратья!

С нарочно отправляющеюся почтою

спешу и я своеручно написать Вам хотя немного. Третьего дня отец Анания ватопедский посетил меня. Между прочим разговором он сделал нам выговор такой: почему мы оклеветали его пред господином Игнатьевым? Ибо писали ему, что архимандрит Анания противодействует русскому вопросу и

будто бы «я советовал Вам сделать раздел с греками. А на самом деле я убеждал Вас не делать раздела с греками, а сделать игумена русского и успокоиться, а Вы оклеветали меня напрасно. А вот, наконец, Вы сделали то же, что и я советовал Вам, и хорошо сделали». Мы отвечали ему, что «мы действительно писали господину Игнатьеву о нашей беседе с Вами, но не писали, что Вы советуете нам сделать раздел с греками, а напротив, что Вы и слышать не хотите о разделе. А если мы будем усиливаться и сделаем раздел, то непременно с именем скита, а не монастыря. Это Вы говорили, и о том мы написали, а более ничего». Впрочем, он простился с нами с лобзанием в уста.

Этого дня к нам прибыл экзарх и говорит, что если он получит позволение на отъезд из Афона, то с этим пароходом и отправится. При свидании он выразил нам как будто свою радость, что дело наше получило хороший исход. Пендаполис сказал мне, что он слышал от Харитона кутлумушского, что патриарх поддерживает Анастасия, потому то наши греки многого ожидают из Константинополя. А если это так, то, понятное дело, что хотят затянуть наше дело в бесконечную даль, а пока оно будет тянуться, нас будут обирать, что и выражают мрачные каноны, выработанные комиссией. Теперь уже греки ревнуют, во что бы то ни стало, о разделе, а между тем достигать будут того, чтобы прогнать русских из нижнего монастыря. Под предлогом раздела нас хотят совсем уничтожить. Разумеется, это зависит от Бога через решение Церкви, а не от злобы человеческой. А нам, желающим исполнить в этом деле волю Божию, должно быть равно и то и другое, лишь бы то было по воле Божией, благоугодной и совершенной.

Вы замечаете, что мы поспешили избранием игумена и будто это худо мы сделали, но все наши сторонники посоветовали нам так сделать, да и враги наши об этом отозвались хорошо. А далее что будет, это в руке Божией, а мы хотя и грешные, но другого прибежища в скорбях наших не имеем, кроме Него одного, Спасителя нашего, на Коего и уповаем, что Он со искушением сотворит и избытие. А

дожидаться от комиссии вредного для нас решения – это было бы неблагоприятно, ибо после одного трудно было бы для нас переделывать определение ее – это уже всякому известно, в настоящее время рассуждения комиссии ведутся явно против нас, и далее чего же доброго нам ожидать от нее?

Посылаем просительное письмо господину Игнатьеву, к нему же посылает и Пендаполис от себя письмо по-французски о нашем же деле. Теперь он (Пендаполис) у нас гостит, мы пригласили его для Пятидесятницы. О прочем вам пишу другие.

Отцу Пантелеимону дать позволение, живя у нас, собирать милостыню на покупку для него кельи невозможно, ибо я этим соблазну братию мою, а я этого делать не хочу.

Простите и молитесь за болящего Вашего духовника.

О Господе возлюбленный мой и наш отец Макарий, Бог терпения да пребудет с тобою!

Мы невнимательные, а потому и неблагоприятные, бывши призваны и избраны благодатью Божией в монашество, принятием которого удостоились ввергнуть себя в пучину Божия милосердия. С детскою верою испросили мы себе у Господа хождение по водам страстным, но с нами случилось то же, что и со святым апостолом Петром: подули сильные ветры скорбей, и мы убоялись и начали утопать в мысленных волнах маловерия и малодушия. Я это говорю не для того, чтобы не надо было объяснять духовнику всякие вражеские прилоги простые, то есть непринятые – нет, их нужно открывать для рассуждения и обнаружения сетей вражых. Но я говорю для того, что не должно внимать или как бы доверять и даже долго беседовать с вражыми прилогами, разрушающими веру и терпение. Ты, мой дорогой, допустил себе внимать прилогам маловерия, и оттого они выражены тобою в письме тяжело и болезненно. К чему так писать, что «может быть, все потеряем»? И еще того хуже: «Может быть, уже более и не увидимся». Что же мне на это сказать тебе? Разве то, что Господь сказал святому апостолу Петру: *Малове, почто усумнелся еси* (Мф.14:31). И в самом деле, к чему принимать такие фантазии? Пришло для нас время испытания, в которое нам требуется показать наше

долготерпение и веру, а не мечтать о бегстве, *ибо добрый пастырь полагает душу свою за овцы своя* (ср.: Ин.10:14–15). Прости, мой дорогой, ты знаешь, что я не люблю равнодушно выслушивать во время искушения слишком резких маловерных и малодушных выражений, ибо они лишают нас воздаяния за терпение.

А я, расслабленный, похваляюсь тебе и многими моими немощами и страданиями, и многой помощью Божией, и утешением благодати. Все это скорбное время при конце Пятидесятницы я обретал большое утешение от мысленного чтения в уме кондака Вознесения, а более от сих слов: *Никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный и вопия любящим Тя: Аз есмь с Вами и никтоже на вы.*

Заметно, что хотят наше дело затянуть; избежать этого, то есть проволочки, возможно только при помощи Божией.

Пендаполису надобно дать квартиру у нас. Спаси его Господи, он много утешает нас. Начались жары, и мне от этого стало очень трудно. Болезни мои усилились, так что проходят сутки, и я удивляюсь, как-то я пережил их?

Вы спрашиваете, что делать, если отец Азарий оставит наше дело? Мое мнение в таковом случае: на место его хорошо бы было пригласить Пендаполиса, а если этого почему-либо нельзя, то вызвать нашего отца Нафанаила. Я так думаю, что состоявшееся избрание нами игумена полезно будет и для раздела, ибо в таком случае греки уже будут требовать раздела, а не мы. И потому нам теперь удобнее первого не делать им уступок. Но да будет во всем воля Господня.

Затем благословение Божие да пребудет с тобою и со всеми вами. Духовник Иероним.

6 июня 1875 года.

†

Возлюбленнейший о Господе отец Макарий! Спасение Божие да примет нас!

Не знаем верно, придет ли к нам пароход или нет, но я спешу написать тебе, мой дорогой, страждущий и многоскорбящий о пользе ближних, и это дар Божий редкий в

настоящее время. Ибо почти все ищут свое. Но чем же мне утешить тебя, как не воспоминанием Священного Писания?

Мое здоровье стало получше, но жар стесняет меня очень.

Я рассудил опять послать отца Павла к вам, более для основания церкви и решительного действия в Мирликии.

Греки наши, кажется, хотят избрать себе игумена, и это делается по руководству из Стамбула, и час им добрый. Если Господу угодно и для нас полезнее раздел, то и хорошо, пусть он сотворится, лишь бы дали нам имя монастыря, а не скита. Мне все равно то и другое, лишь бы это было благоугодно Богу.

Я поручил отцу Павлу поговорить с Вами о продаже выигрышных билетов, ибо от них мы терпим много убытку – до 7 тысяч рублей в год; надобно это поправить. Иерею посылает к вам.

Отец Пантелеимон еще не принял моего совета об исправлении жизни пообщественному, хочет советоваться со старцами; что будет далее, о том напишу, но позволять ему проживать у нас и собирать для покупки кельи деньги я ни за что не соглашусь, а он-то этому удивляется. Право, он чистый дуралей. Все прочее у нас слава Богу.

Прости, мой возлюбленный. Бдение поют, и пароход показался, спешу окончить сие письмо пожеланием всем Вам богоугодного успеха в порученном Вам деле, молитв ради богоносных отцов наших афонских.

†

Высокопреподобнейший и о Господе возлюбленный наш отец Макарий! Любовь Божья да хранит нас.

Итак, волею Божией наше дело приходит, по-видимому, к исходу паки совместного жития с греками. Хотя и по нашему желанию, но дело так много усложнилось, что еще ничего нельзя вперед сказать о нем решительного. Одна надежда на Промысл Божий нас утешает, что Он и из этого зла извлечет для нас добро.

Здесь у греков брожение умов туда и сюда. А предводители их в отчаянии, хотя и дерзают вещать гордо и неуместно. Хорошо Вы сделаете, если не приедете с экзархом, это будет лучше. Постарайтесь, чтобы у экзарха была инструкция

решительная, а иначе дело опять затянется вдаль. Чтобы из протата или из синакса определить к экзарху двоих, нужно просить назначить таких лиц, какие нам благоволят, а иначе здесь уже начали назначать для этого наших врагов, а именно господин Козьма с надеждою готовится к этому месту. Если (чего да не будет) они, то есть наши недоброжелатели, успеют втереть к экзарху своих, то тогда все дело наше опять придет в брожение и опять затормозится.

Насчет отца Иерона я отвечаю Вам теперь же, что Ваше мнение приготавливать его к духовничеству богоугоднее, нежели посылать его на сбор, к которому он вовсе не способен. А вместо него хорошо определить отца Тимона с Георгием. Мнение отца Арсения, чтобы заменить отца Андрея отцом Владимиром, я признаю хорошим. На помощь отцу Васою мы определили отца Петра, просвирняка, коего и постригли в Парамона. С русским пароходом они прибудут в Константинополь.

Судно наше отправилось в свой путь, все обошлось благополучно и тихо. Только балыком-то Вы немного нас обидели, а отец Иларион его любит; впрочем, Вы можете прислать его хотя бы пуд.

Игумену Покровскому отвечайте так, что мы просимые им иконы беремся для них соорудить, но не так скоро, как он желает, то есть не к сентябрю, а как нам позволит то само дело. Рисунок для икон мы возьмем из солнцевского Молитвослова, лучше его мы не находим. А если им это не понравится, то в таком случае пусть они пришлют нам, какой угодно им, рисунок, или по присланному напишем. Только присланный рисунок есть прообраз Святой Троицы, а не Сама Святая Троица. А в Греческой Церкви этот рисунок и не называется Святою Троицею, а «Странноприимством Авраамовым». Да упомяните и об иконе «Утоли моя печали», не разумеют ли они под этим именем афонскую «Отраду, или Утешение» или именно с русского рисунка чудотворной иконы? Все это требует пояснения. А мы пока будем приготавливать для них доски.

У нас все благодатью Божиею управляется хорошо. Все ожидают экзарха в чаянии благоустройства от него. Этого дня

епископ Китрус изъявил свое желание, по обычаю греческому, сделать метание на собратство наше. А жить-то где придется?

Иконы же посылаем Вам, а с будущим парохом еще их пришлем.

Наш Герасим оправдывает своего брата отца Алексия, приписывая расстройство его грубости и необузданности новоначальных, кои-де принудили его так поступать, а отец Алексий в этом деле оказался вовсе слабохарактерным, да к тому же он и слаб здоровьем. Прибывший же из Москвы П. при объяснении со мной показался мне довольно своенравным и грубым.

Наш отец Иерон по принятии священства много переменился, ибо ревность его к благочинию и к деятельности упала наполовину. Прежде я укрощал его, а теперь уже начал понуждать к деятельности – впрочем, может быть, тому причиной и его болезни, ибо он часто побаливает.

Что наш отец Азарий поговаривает? Сказал ли он Вам о моем письме?

При рассматривании всего нашего дела Вы много приписываете лишнего отдельным личностям, но, по моему мнению, этим спешить нам не должно, ибо конец дела все покажет. Хотя мы и позволяем себе высказываться резко об отдельных личностях, но это все наш человеческий взгляд на вещи. Не явись наружу зло, не явилось бы и добро. Разумеется, мы теперь обвиняем того и другого в возмущении нашего общества, не рассуждая о том, что если не нынче, так завтра, а этому необходимо нужно было быть для его утверждения. Бог один весть, может быть, после мы будем и благословлять тех, которых теперь браним и указываем на них как на причину зла.

Исаак наш опять бежал в пустыню, и я не думаю скоро возвращать его, потому что он оказался вовсе не способен к общежитию, что можете увидеть из его письма ко мне. Очень жаль его мне, но делать нечего, Сам Бог да исправит его. О подробностях я не пишу, о том Вам пишут другие.

Прости, мой дорогой друг, молись за меня. Когда-то меня Господь удостоит обнять тебя?!

Твой собрат и грешный, расслабленный.

†

[К отцу Макарию в Константинополь]

Возлюбленный о Господе отец Макарий!

Благодарение Господу, вчера мы отпраздновали сороковой день нашему блаженному старцу. У нас служил митрополит Китрус, а у греков – Ксанфис, и все это прошло благополучно.

Сегодня к нам прибыл экзарх, и если зайдет пароход, то он немедленно отправится в свою епархию. По-видимому, экзарх будто бы доволен нами и вследствие этого советует нам ни за что не соглашаться на принятие раздела, но всеми силами и средствами стараться удержать монастырь за собою, ибо, говорит он, «вы имеете на это на своей стороне все данные». «И если, – добавил экзарх, – святейший патриарх усиливается навязать вам раздел, то это произошло вследствие влияния на него мирян, и чтобы ослабить это влияние, вам надобно потерпеть, пока утихнет волнение страстей». В том же смысле говорил нам и митрополит Китрус. Этот еще более высказал нам свое сочувствие, чтобы не принимать раздела, который мне по сердцу, но я своему сердцу боюсь доверять. Только одного желаю: *да будет воля Божия благая, благоугодная и совершенная*, как то указывают нам слова Священного Писания (ср.: Рим. 12:2). Да, время приблизилось к решению нашего дела, а мы еще не знаем и колеблемся в избрании условий для его решения, ибо боимся сделать ошибку, чтобы после не раскаиваться. Но, если решение последует против нашей воли, тогда мы должны будем признать то за волю Божию и успокоиться. Однако нужно будет нам непременно протестовать, что мы принимаем раздел против нашей воли, единственно не желая противиться святой Церкви.

Об этом я изложил мои мысли в общих наших письмах к Вам. Прошу тебя, мой дорогой, не сетовать на меня, если когда я что-либо напишу жестко. И утешать-то я еще не научился. Что я буду делать со слабым сердцем своим, ибо вот явился чудотворец Иаков, ну, думаю, уж теперь ни за что я его не приму, а обличил и несколько раз хорошо его побранил, отчего он очень смирился. И вот против его смирения и моя гордость не устояла, и я смирился, опять принял его и послал на

Крумицу. Может быть, ты за это меня осудишь; кажется, что и следует осудить, ибо я и сам себя в этом случае не оправдываю. Что ж делать, горе мне с моим слабым сердцем!

Отец Пантелеимон посоветовался с зографским отцом Василием, который посоветовал ему, чтобы он во всем признал себя виновным. Он принял его совет, но страшно стонет, говоря, что ему ужасно тяжело, я стараюсь успокоить его. Дорофей тоже еще затрудняется в своем смирении, ибо ничего не делает, что не обещает доброго. Прочие же братья благодатью Божией все спасаются.

Молитесь за нас, богоизбранный наш игумен. Бог мира да дарует нам мир во славу Его по молитвам Богоматери и святого Пантелеимона.

Остаюсь опять-таки и слабый, и грешный твой собрат Духовник Иероним.

19 июля 1875 года.

†

Возлюбленный отец Макарий! Здравствуй о Господе духовно и телесно. Дьявол по допущению Божию все еще продолжает запутывать наше дело то с одной, то с другой стороны. Теперь дело наше стараются затормозить еще со стороны турецкой власти. Я думаю, что и это Господь обратит в нашу пользу терпения и издержек – что делать? Да будет воля Господня! Еще древними отцами сказано, что последние монахи напастями спасутся, или *претерпевый же до конца, той спасется (Мф.24:13)*.

Прочитайте письмо отца Платона и подумайте о нем – может быть, это письмо полезно будет показать господину послу или так: сказать ему о нем и попросить его совета. Он, то есть Платон, вовсе вреден для общежития. Отцу Владимиру я говорил, что следовало, он в благодушии. Отца Иосифа послали (по совету экзархов) в Салоники. Известите нас об отце Авраамии. Старец Арсений, рухольный, по-христиански скончался 9-го числа.

С греками у нас все более и более любовь разрушается, а в последнее время они на нас так раздражены, что все придираются к нам, и ищут случая подраться, и готовятся не

дать нам виноградников, и все это они делают по совету своего владыки и протата. Иногда я ужасаюсь за конец нашего дела, ибо боюсь, как бы не получилась какая-либо трагедия. Скорблю и молю Господа, да не допустит быть тому, чем бы обесчестилось афонское монашество. А диавол через уста послушных ему хвалится и угрожает трагическим окончанием нашего дела. Но да будет во всем воля Божия, которая не допустит этому быть, ибо это будет во вред славе Божией и спасению душ наших.

О прочих подробностях наших Вам пишут другие. Теперь греки посылают Никодима попа с прошением к визирю. Экзархи посоветовали нам известить Вас и Кизика,⁴⁰ чтобы с парохода взять его прямо в патриархию и тем помешать им в этом деле.

Скорби со всех сторон умножаются, но и утешения Божьи тоже увеличиваются. Вот уж сила-то Божия в немощах моих совершается! А от людей я жду сострадания и его не обретаю, ибо *нет другого утешающего меня, кроме одного Бога* (ср.: Пс.68:21). Да так этому и должно быть, ибо все окружающие меня наши деятели часто проявляют свою ревность не по разуму. Чтобы не привести их в смущение, я утаиваю от них мое настоящее положение, но вчера вынужден был сказать одному из них, требовавшему от меня большей энергии, что я и без того каждый день умираю. В какую сторону понял он эти слова, это *Бог весть*, а не догадался он спросить меня, что эти слова означают.

Опять наша надежда на скорое свидание с Вами удалась на неопределенное время. По крайней мере, я хотя бы немного утешаюсь теперь помощью по исповеди от отца Гервасия. Спаси его Господи!

Прости, мой дорогой, и молись за больного духовника Иеронима.

16 августа 1875 года.

†

Высокопреподобнейший отец игумен Макарий! Желаю Вам о Господе радоваться! По получении визирского утверждения все мы, русские, как бы оживились надеждою на благоустройство нашего общества. Дай-то Господи! О подробностях хода нашего

дела здесь Вам пишут с дозволения моего другие. А я теперь пишу Вам, согласно Вашему желанию, мои мнения или ответы на Ваши вопросы, которыми Вы смущены.

Первый Ваш вопрос: неужели нам с солдатами добиваться этого игуменства? Отвечаю: если это относится к власти, то нам какое до того дело, да и мы того вовсе не желали. Второй Ваш вопрос: оправдает ли нас Сам Промысл Божий за такие действия? Мой ответ: кто был причиною неповиновения властям, тот и будет отвечать пред судом Божиим; сама противная сторона кричала, что, если турецкая власть прикажет ей смириться и отдать ключи, тогда только она смирится, а иначе и патриарха не послушает. И вот по их желанию все делается, и, следовательно, они сами (то есть противная сторона) накликали на себя полицию, а мы тут совсем в стороне. К тому же нам надо помнить и то, как же иначе в таком случае следовало бы поступить Церкви? Неужели уступить горсти мятежников? Третий Ваш вопрос: как будут на нас смотреть афонцы в будущем? Мой ответ: у этих людей именно закон такой: кто только выиграл какой-либо процесс или кто победил, того и уважают более. Это мы говорим об афонцах «душевных», а не о «духовных». И еще Ваш вопрос: что скажут наши благодетели, и вообще русские, за таковое достижение нами игуменства? Отвечаю: да, справедливо, что будут говорить, не зная наших обстоятельств. Но благодаря Промыслу Божьему, Который заблаговременно через газеты разъяснил русской публике наш вопрос, она по Его же внушению сочувствует нам. Доказательство тому есть очевидное – это непрерывное течение к нам милостыни, а иначе нам и не присылали бы милостыни. Наконец, еще Ваш вопрос и, кажется, для Вас самый тяжкий: что скажут наши братья самые передовые, толкующие о делах, ибо при первом требовании от них исполнения воли (конечно, требование исправления ими дел) они громко заговорят и о войске, и о тратах сумм? Этот Ваш вопрос много удивил меня. Отвечаю на него укором Вашему легкомыслию. По каковому праву Вы изволите приписывать себе или свободному своему произволу затраты сумм в доверенном нами Вам общем нашем процессе? Ибо все

Вами сделано с нашего ведения и совета. Да и само игуменство потребовалось нам не для отца Макария, а для нашего общества. Не случись в это время между нами отца Макария, так, без сомнения, другой занял бы это место, ибо оно, то есть игуменство, принадлежит монастырю, а не личности. Итак, поэтому Вы должны все приписывать обществу. А у этого общества в это время был и старец, коего Вы называете духовником Иеронимом, коего Вы всегда слушали и слушаетесь, вот на него-то Вы имеете полное право возлагать все тяжести нашего процесса, и это будет воистину, ибо без моего согласия Вы ничего (в ходе нашего дела) не делали важного. Итак, прошу Вас, не возносите, приписывая себе большую или исключительную ответственность в расходах сумм. В нашей тяжбе что бы ни затрачено было, лишь бы Бог дал нам благоустроиться во славу Его и на спасение душ наших. Аминь.

А как будем улаживаться с греками, так ненавистно на нас смотрящими? То на это дело нам дана благодать Божия, ее-то будем просить и на нее надеяться, и она во славу Божию все уладит и из невозможного сделает возможное. Затем у Вас, кроме меня, нет советника. И все сие Господь устроит. Отец Арсений малодушен, ибо боится, что в случае если дело наше будет проиграно, то и все затраты на него вместе погибнут, но все-таки он, то есть отец Арсений, не жалеет расходов, лишь бы расходовано было правильно. Замечаете ли по письмам, что теперь и отец Павел переменял свое мнение касательно расходов?

До извещения Вас нашей телеграммой не приезжайте сюда, потерпите, покуда здесь все успокоится и приведется в порядок. Будущность положения нашего на Афоне пусть Вас не ужасает, потому что если что-либо и будет попущено для нас тяжелое или вовсе неудобное к спасению нашему, то это будет на пользу нам, русским. У Бога для нас и на земле мест много, да и Афона мы не оставим.

О Мирликии теперь не время хлопотать. Я думал было для нее готовить отца Феофила, но оказалось, что он вовсе не может по слабости здоровья, да и имеет расположение к

чахотке. А отца Иерона что-то мне жалко отпустить. Господину Тумиловичу напишите, что он и сам себе может пояснить или рассудить, что с ним делается. Если бы не было у него обета, то не было бы с ним брани и противодействия вражьего. А уже он терпел и хранил обет 18 лет, то неужели он зря терпел, или, может быть, он в вере ослабел, что ему за это будет награда? Кажется, он не требует разрешения на женитьбу, а просит, чтобы только объяснить ему окружающие его обстоятельства. Ивану Ивановичу Пушкину откажите вовсе. К отцу Малахии посылаем двух стариков, а Наума опять посылаем в Москву ставить, зажигать и убирать свечи: он говорит, что он очень к этому способен. А если он там будет не нужен, то тогда он хочет побывать на своей родине, здесь же он немощен; может быть, он и в Одессе годится. Распорядитесь им, как знаете. Двух кровельщиков посылаем для покрытия церкви. Обратите Ваше внимание на старика, он, мне кажется, хороший хозяин. Пишет ли Вам из Питера Василий Гонский или Флавиан? Годится ли он там? Что-то и отец Арсений не написал о нем ничего, в апреле он писал мне, и жаловался на отца Феофана, и просил благословения возвратиться в обитель, но с того времени он более не писал мне.

Братья все, благодаря Бога, мирны и спокойны. Ожидают с нетерпением конца враждебной нам тяжбы и Вашего скорого возвращения, из их числа я первый. Бог терпения и утешения да пребудет с Вами и с нами.

Ожидающий Вас грешный Ваш духовник и собрат Иероним.
30 августа 1875 года.

P.S. В моем письме к Вам я забыл спросить у Вас, что это за программа, присланная из Москвы? Кто это Александр Васильевич и что за идея просить монастырь в Москве и в такое время, когда мы просим уже монастырь на Кавказе? Напишите отцу Арсению, чтобы он оставил эту мысль хотя бы на время.

Письма старца Иеронима к архимандриту Леониду (Кавелину)

Возлюбленный о Господе и многоуважаемый мною отец Леонид, Христос посреди нас! Извещали мы своих отцов – сборщиков в России – о знакомстве нашем с Вами и писали им, чтобы они непременно побывали у Вашего брата, поэтому просим и Вас, если Вы еще не поговорили об этом с братом Вашим, то потрудитесь это сделать. Далее, вопрошаем и Вас и просим Вас спросить и брата Вашего о предмете, который очень давно занимает нас. Некоторые из благодетелей наших в России бывали согласны жертвовать нам свои дома, а один бездетный владелец порядочного участка земли в России жертвовал нам даже этот свой участок. Находятся такие случаи и теперь. Но мы не знаем, возможно ли нам как-нибудь приступить к этому делу и потому никак не решаемся братья за оное. Однако же можно ли нам приобрести такое жилище каким-нибудь образом под видом покупки или под образом жертвы? Покорнейше просим Вас разрешить нам эту задачу самим ли или через Вашего брата, которому законы и постановления касательно такого предмета, разумеется, известны. Надеемся, что получим от Вас удовлетворительный ответ касательно этого предмета.

Севастьянов, генерал, наконец, прибыл на Афон вместе с архимандритом, состоящим при посольской нашей в Афинах церкви, Антонином именем, который хочет посетить всю Гору с ученою целью, для чего, разумеется, потребуется немало времени.

У нас в обители, благодарение Богу, все состоит благополучно. Вчера только у нас на Афоне были два сильных потрясения земли, так что мы все не на шутку ужаснулись. Как страшен Бог здесь! Каков же Он будет в вечном Своем наказании нераскаянному грешнику?! О, это беда! Но будем Его умолять здесь временно, дабы не плакать там вечно и бесполезно!

Письмо Ваше из Одессы от 13 июля 1859 года достигло до нас исправно, и назначенная в нем сумма денег для передачи передана по принадлежности с приобщением к ней имен, показанных в письме Вашем. Простите. От души пожелав Вам всякого блага и испросив о себе святых Ваших молитв, взаимно остаюсь смиренным к Вам богомольцем и искренним Вашим благожелателем.

Русский духовник Иероним.

Святая Гора Афонская, Русский монастырь. 1859 года, августа 11-го.

†

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший о Господе батюшка отец архимандрит Леонид! Благословите!

Почтенное и любезное письмо Ваше я имел утешение получить. От души и сердца благодарю я и все вообще Вас, возлюбленнейший о Господе наш батюшка. Ваша любовь, усердие и благорасположение к обители нашей и моему недостойнству превосходят силы нашей вам благодарности, но Всевидящий да воздаст вам нетленным воздаянием, и Царица Небесная да утешит Вас, как Вы утешили нас и утешаете живущих в святом Ее жребии. Благодарим Господа вместе с вами и радуемся об устройении общежития в Хилендаре. Конечно, если бы не прибытие господина посланника, его высокопревосходительства Николая Павловича Игнатьева, то не могло бы осуществиться это святое дело так внезапно. Из этого видим, что путешествие господина посланника в Святую Гору есть дело особого Промысла Божия для устройства общежития, которому и Вы послужили благодатным орудием.

Остается просить Строящего все во благо, да устроит и укрепит начатое на пользу душ, жаждущих там этого вожделенного времени, что до сих пор, благодарение Господу, исполняется. Вчера был оттуда монах для получения обещанного отцом Макарием рыбака и говорил: «Мы в приезде посланника видели свое воскресение земное». Вся братья с непритворной радостью благодарят Господа, устроившего это.

Теперь о подданстве нашем. Российскому правительству об устройстве типографии, впрочем, составлена наша особая

бумажка, которую предоставляем на Ваше благоусмотрение, что если нужно по этому какое-либо изменение, благоволите не оставить Вашим внимательным рассмотрением. О подданстве нашем. Мы лично просили господина посланника позаботиться об этом деле, ибо и турецкое правительство само по себе нас признает таковыми, в противном случае, пожалуй, нам придется пострадать нравственно или материально. Сущность нашего желания такая, чтобы только одно наше русское общество было под покровительством России, если возможно, 200 человек. К этому нужно заметить, что всех этих лиц могут быть представлены паспорта, но думаем, чтобы большая численность не бросилась туркам в глаза, то можно уменьшить на 100 даже, на 50 человек числящихся в подданстве. Приходит еще такая мысль, что господин посланник может сказать туркам, что у меня в Русике живут до 200 человек, которые, приходя как поклонники и пожив для богомолья более продолжительного, уходят обратно. Все это повергаем на благоразумное их усмотрение, да благоустроится все сие во славу Божию! Вам же объявляем об этом, как усердному попечителю о живущих в обители нашей Ваших соотечественниках, для сведения при беседе с посланником.

Случившееся с вами происшествие ставшего на мель парохода тоже есть воля Промысла Божия, да не хвалится мудростью своею всяк не знавший будущего и на одну секунду бытия своего, вот самонадеянность и посрамилась, но слава Богу, что это обстоятельство произошло без особенных неприятностей и тем не могло изгладить приятного впечатления посетителей Святой Горы. Описание, составленное Вами, о пребывании у нас господина посланника весьма хорошо составлено и расположено, и мы с малейшим изменением препровождаем оное в Одессу для напечатания в «Херсонских епархиальных ведомостях». Поручаем отцу Азарию представить Вам оное для видимости, где исправлено. Отец Азарий отправляется теперь по делам обители, вам известным. Покорнейше просим содействовать ему по Вашей опытности Вашими благодатными советами к общему благу всем и на это надеемся. Разговор Ваш с господином Лаговским для нас

весьма приятен. Дай Бог, чтобы он поступил в консульство, а мы всею душою рады ему способствовать, в чем укажет дело, для общей пользы.

Удивила нас сказанная Вами та почтенная личность, занимающаяся такими произведениями дел. К этому спросить бы господина Лаговского, сообщал ли ему о. Д. о производстве в иеромонахи диакона бывшего из Афинской миссии, а также и другого отца? Что его иеромонах с паспортом тульчинского дьячка был в Киеве и окрестностях и, возвратившись, занимает свою должность. Затем спросить бы их, что они могут знать по делам протата и прочих мест? Все дела Святой Горы для них темны, как осенняя безлунная ночь, и получать сведения от таких корреспондентов будет уделом населения Святой Горы! Все это пишем Вам, как искреннейшему нашему благожелателю, и просим, чтобы это осталось между нами. Что же касается до Зографа и Хилендаря, не знаем, чем покажется для всех вообще это неприятное дело: обе стороны плохо слушают благие советы других.

Отец Иларион, отец Макарий и все знающие Вас братья благодарят за память, взаимно свидетельствуют Вам глубочайшее почтение и просят святых молитв Вашего Высокопреподобия. По силе нашей немощи нами утверждено поминать Ваше святое имя на всех богослужениях обители нашей, а также имена родителей Ваших: раба Божия Александра – о здравии и спасении и матушки Вашей – о упокоении рабы Божией Марии – внесены в ежедневный синодик вечного поминовения при совершении Божественной Литургии, равным образом поминаем и имена рабов Божиих боярина Николая, Екатерины, младенца Леонида и княгини Анны. Милостивые внимание и благорасположение его высокопревосходительства к нам, смиренным, возбуждает нас к молитвенной памяти о здравии и спасении их. Да благословит их Господь благословением Авраама и сподобит всех благ земных и небесных. Надеемся, что Вы потрудитесь выразить чувства наши его высокопревосходительству и великую благодарность за посещение нас на чужбине.

Политический горизонт заволакивается, такое известие весьма неприятно, если последствия его будут касаться и нашего любезного отечества; молим Господа Бога, чтобы оно не увлеклось этими военными неурядицами. За тем простите, дорогой наш батюшка. Вы, как искреннейший наш благодетель и попечитель о смиренном Русике, не будете искать изысканности в чувствах признательности нашей к Вам, и я не буду распространяться. Боголюбивая душа Ваша понимает всю силу их после многих испытаний со стороны как Святейшего Синода, так и светского правительства, и в Вас Бог послал нам Ангела-утешителя, тем более что немощи и скорби обители и наши Вам понятны, как пройденные и видимые на опыте, и Вы разделяете их, как искреннейший друг и брат о Господе. Спаси Вас Господи и помилуй и всех нас!

Что не дописано касательно дел, скажет Вам отец Азарий, которого поручаем Вашему отеческому вниманию; как и что благодать Божия Вам внушит, то и сообщите ему, в чем вполне уверены.

Остаюсь с истинным к Вам глубокопочитанием и любовью о Христе грешный богомолец.

Святая Гора Афон, Монастырь Русский, 1866 года, августа 19-го.

†

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший отец архимандрит Леонид, благословите!

Как известно Вам, его высокопревосходительство господин посол Николай Павлович Игнатьев благоволил нам писать на имя мое об устройении певчих при церкви Константинопольской миссии, требуя на то нашего согласия. Мы им отвечали тот же час, но что-то чудное повстречалось с этим вопросом. От господина посла посланное им письмо от 28 октября нами было получено 20 ноября, на ответ его высокопревосходительству мы послали письмо от 30 ноября, которое для скорейшего доставления мы вручили поклоннику, с тем чтобы он по доставлении в Салониках вручил его епитропу для отправки с французским пароходом, приложив при этом письмо и епитропу, прося его немедленно отправить прилагаемое письмо. Но

поклонник по свойственной русским простоте забыл передать пакет, хотя для этого была назначена ему и отправка с доставленными удобствами, но он все-таки пакет увез в Иерусалим, тогда как письмо это могло еще застать его высокопревосходительство до поездки в Петербург.

Теперь мы покорнейше просим Ваше Высокопреподобие принять на себя труд, ибо мы уже не дерзаем сами беспокоить его высокопревосходительство, просрочивши столько времени, хотя и независимо от нас. Сначала Вы изволили писать от имени господина посла, чтобы мы прислали в Константинополь двух человек из нашей братии для временного замещения двух открывшихся вакансий певчих с тем, чтобы эти братья наши прибыли впредь до устройства хора при посольской церкви. Получив такое приглашение, мы со всею готовностью тогда же устроили отставку двух наших братьев – монахов Захария и Матфея, которые уже ходят в посольскую церковь для исправления в ней богослужения. После означенной отправки нашей братии мы имели честь получить послание от его высокопревосходительства, которое гласило не о повременном каком-нибудь нашем в церкви Вашей служении, а о постоянной в ней службе и, кроме этого, как о факте уже совершившемся. Что сказать об этом? Его высокопревосходительство и Вы всегда жалуете откровенность. Будем же и мы пред Вами на сей раз откровенны при настоящем случае; нам нисколько не мешает простирать взор наш далее настоящего; конечно, отрицать это не будете и Вы. Служба наша в церкви посольской в бытность господина посла будет идти как нельзя лучше, ибо его высокопревосходительство имеет всестороннее настроение и к нам, грешным, душевное расположение. И так как и Ваше собственное внимание и братское о Христе любвеобильное благорасположение и понимание общежительного монашеского настроения служат нам в этом порукою, то служение у Вас для нас совершенно вместительно. Но ведь как господин посол, так и Вы не всегда же будете занимать этот пост. А что будет тогда по удалении господина посла и при будущих настоятелях церкви, командируемых нередко прямо от преподавания наук и незнакомых с бытом монашеского жития? А потому настоящее

дело требует как с его высокопревосходительством, так и с Вами личной беседы, в чем, надеемся, Вы нам не откажете, а до того времени пусть братья наши, у Вас находящиеся, продолжают служить тем чином и порядком, каким начали.

Еще усерднейшая наша просьба до Вас, батюшка! Потрудитесь доложить господину послу, чтобы для будущего хора Вашей церкви миссия сама заботилась о приискании регента, ибо обитель и сама нередко бывает без регента. Наша же обязанность будет предоставлять этому регенту двух помощников, остальное может устроиться впоследствии при личном с Вами обсуждении.

Прося святых молитв Вашего Высокопреподобия, остаюсь с истинным к Вам почтением и любовью о Христе, взаимно смиренный богомолец Духовник Иероним.

Святой Афон, Монастырь Русский, 1868 года, марта 6-го.

†

Ваше Высокопреподобие, многоуважаемый отец архимандрит!

Приносим Вам от всего во Христе братства нашего глубокую благодарность за Ваше постоянное сочувствие, питаемое Вами к обители нашей и являемое самим делом в получаемых нами почтенных письмах Ваших. Пишу Вам сегодня, 11 февраля, в знаменательный для нас день открытия часовни в Москве, а у нас в обители сегодня совершилось отделение от греков трапезою, чего давно мы желали, и наконец, Промыслом Божиим это отделение в свое время устроилось. Вероятно, о ходе наших дел отец архимандрит Макарий Вам пишет. Обещают нам то и другое, а на деле пока ничего не видим. Теперь на Карее собрались все игумены, но о нашем деле еще не рассуждали. Хотя и хлопочет о нас усердно боголюбивый господин посол, но это он делает по личному лишь усердию своему к обители нашей, и полагаем, если правительство наше официально не войдет в наше дело, то успех сомнителен. Предаем себя Промыслу Божию и Небесной нашей Назирательнице. Наше желание – возобновить нагорный Русик и там жить отдельно. Драгоценный дар любви Вашей, прекрасные складни напоминают нам бывшее житие наших

предков.⁴¹ Даруй Господь, чтоб оно воскресло и процвело во славу Божию и во спасение наше. Мы уповаем, что по времени будем иметь утешение видеть Вас в своей обители среди собратий. В памяти нашей незабвенна любовь Ваша, оказанная и оказываемая нам.

Нашему собрату отцу Никодиму⁴² прошу передать мое благословение, желаю ему продолжать святое послушание во спасение свое, а придет время, и он будет в святой обители – каждой вещи под небом свое время.

Испрашивая Ваших святых молитв с чувством душевного уважения, пребываю взаимно Ваш смиренный сомолитвенник
Духовник Иероним.

Святая Афонская Гора, Руссик.

Письма старца Иеронима к братии русского монастыря

Ваше Высокопреподобие, возлюбленный о Господе отец игумен Иерон со всею о Христе братией! Христос посреди нас! Вследствие Вашего письма и личного нам объяснения, что некто из посетителей Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители, осматривая местоположение монастыря, пленился местностью одной возвышенности, называемой Трахейская гора. На ней до сих пор существуют развалины древней Трахейской крепости, внутри которой имеются остатки древней разрушенной церкви. И на этом месте сказанный посетитель, движимый особым Промыслом Божиим, возымел непереносимое желание возобновить древнюю церковь. Не имея, однако, на это достаточных средств, он пожелал на первый раз выстроить там часовню, а церковь желает возобновить одна благочестивая женщина в Москве, которая жертвует в эту церковь древнейшую святую икону Божией Матери, именуемую «Грузинскою».

По довольном размышлении о таковом указании Промысла Божия мы, призвав помощь в Троице славимого Бога и ходатайство Царицы Небесной, благословляем Вам на этой возвышенности возобновить древнюю церковь во славу Пречистой Преподобной Славной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии во имя Ее чудотворной иконы Иверской, дабы этим возобновить в крае, который, по священному христианскому преданию, есть жребий Богоматери, память о его Великой Покровительнице – Царице Небесной, для чего установить ежегодное празднество Заступнице усердной рода христианского, которое должно совершаться: первое – 12 февраля, а второе – в третий день святой Пасхи, когда должен совершаться и крестный ход из обители на эту возвышенность, где должна быть совершена Божественная Литургия.

Во знаменование же этого будущего празднества благословляется Вам Иверская икона Божией Матери, пред которою Вы совершали соборное молебное пение по окончании Божественной Литургии 12 февраля 1884 года. По приезде

Вашем в Симоно-Кананитскую обитель поставьте святую икону эту в предполагаемой часовне или церкви на упомянутой возвышенности.

Призывая на Вас благословение в Троице славимого Бога и вручая Вас и себя заступлению Царицы Небесной, пребываем Ваши богомольцы.

Игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря архимандрит Макарий со всей о Христе братией, Духовник Иероним.

21 февраля 1884 года.

†

Возлюбленнейший о Господе Преподобнейший отец Паисий со всею о Христе братией, находящеюся в Константинополе, мир и спасение Вам от Господа!

Благодатью Божиею умножилась братья обители нашей, умножились и недуги телесные. Благодушествующие и истинно надеющиеся на Бога возлагают и все упование свое на Божественный Промысл и на Его святое распоряжение и несут возложенный на них болезненный крест с терпением и любовью ко Господу. Сознывая за собою, как люди, свои недостатки, они приемлют с благодарением это испытание от пекущегося о них Промысла Божия во очищение своих грехов. Но другие, более немощные или привычные в мире к роскоши отягчаются своими недугами и требуют более практического медицинского взгляда и лечения, желают услышать более верное и точное определение своей болезни.

По милости Божией обитель наша имеет двух опытных врачей, хотя не проходивших нигде научного врачебного курса и не сдававших никакого экзамена, но по самому опыту и практике успешно удовлетворяющих нужды уповающей братии.

Снисходя же к скорбям немощных духом братьев, мы иногда позволяем им отправиться в Константинополь для специального распознавания и пользования болезнью там от врачей. Но так как они часто не удовлетворяются одним осмотром, то по совету врачей остаются на больницах, где им, конечно, предоставляются всевозможные послабления в пище, несмотря ни на какое время года и постановления церковные. К

тому же еще из числа таких больных бывают весьма молодые люди – от 16 до 25 лет, а уход за ними бывает старушками. Если богоносные отцы, живя в пустыне, боялись такой встречи, то выехавшим-то из пустыни могут быть прилоги весьма сильные и душевно повредить их, тем более что они по несколько лет не бывали в мире. Может быть, для некоторых в первое время сильной болезни этот вред и не замечается ими, но впоследствии он окажется, по многократным заявлениям находившихся там.

А потому, призвав Бога в помощь и предстательство Царицы Небесной, и святого великомученика и целителя Пантелеимона, мы по совещанию с братией положили учредить больницу как для находящихся в Константинополе братьев, так и для приезжающих туда из обители.

Отделите для этого по усмотрению Вашему три или четыре комнаты, определите из числа живущей при Вас братии кого-либо поспособнее для присмотра и ухода за больницею и пребывающими в ней больными, а главный надсмотр над больными и над служащими им возлагается на Вас. Между тем, не отыщется ли какой-либо фельдшер для самого простого ухода, то есть натирания, кровопускания и тому подобного? Если это будет человек средних лет, то можете пригласить и так, чтобы после мог быть и в монастыре, если человек не семейный. На случай же серьезного заболевания хорошо Вам иметь всегда в виду доктора, подобного Жабровскому, который по надобности был бы приглашаем. Но необходимо, чтобы больные оставались довольны стараниями такого врача.

Поклонников же никаких никогда в эту Вашу больницу отнюдь не принимать, а женский пол не должен быть допускаем даже и для посещения.

При этом должна быть заведена у Вас и небольшая аптечка с необходимыми медикаментами.

Пища для больных, смотря по состоянию больного, должна быть определяема доктором и по возможности доставляема свежая, но никак и никогда ничего мясного.

Главное же Ваше попечение смотреть, чтобы все заболевающие прежде

всякого лекарства сподобляемы были приобщения Пресвятых Животворящих Тайн Христовых, а тем более заботиться об этом для опасно больных, дабы без напутствования не отошли в вечность.

Архимандрит Макарий с братией, духовник Иероним.

29 мая 1885 года.

Письма старца Иеронима к разным лицам

В Новгородский Зверин монастырь.

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейшая, боголюбивейшая, всечестнейшая матушка казначея Лидия! Мир Вам! Благословение Божие от жребия Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы, святой и смиренной обители нашей да будет с Вами!

Присланную Вами через почтеннейшего корреспондента нашего и благодетеля Иакова Ильича Новикова милостыню во имя Христова (34 рубля серебром) мы имели утешение получить, возблагодарив Господа с молитвою к нему, Всеблаговому Промыслителю нашему, вспомняв достойное имя Ваше, да осенит Вас сугубо Своею благодатью и укрепит на предлагающий Вам подвиг ради святой обители нашей, да даст Вам силу и крепость исполнить возложенное на Вас святою обителью святое послушание, всегда да подражая Тому, кто послушлив был даже до смерти, смерти же крестныя (Флп.2:8), да с Ним войдете в Божественный чертог славы Его.

Христоролюбивейшая и сострадательнейшая матушка, в чувствах сердечного утешения от полноты души нашей мы радуемся Вашему добросердечию и сострадательности к нам, убогим. Конечно, для Вас известны эти нужды и скорби, и Вы, как евангельская вдовица, презирая свой недостаток и нужду, спешите на помощь к бедствующему брату – это отличительная черта русских. Боголюбивая внимательность Ваша к нашему положению в годину нужд и скорбей и тяжких переворотов всего мира заставляет нас питать к Вам чувства нашей искреннейшей благодарности, которую мы не знаем и не можем чем иным Вам выразить, как только молитвою о Вас ко Господу Богу и Преблагословенной Владычице нашей Богородице о здравии и спасении Вашем, да удостоит Вас Господь предстательством Царицы Небесной блаженства милостивых. Он принимает с благословением и лепту, только принесенную от сердца, в день оный воспомянет и Вашу милость, поданную во имя Его. Своею всеблагою милостью да сподобит Вас услышать сладчайший

глас: *Приидите, благословеннии Отца Моего! Наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира, зане сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф.25:34,40). А Вы сотворили нам, 300 братьям, собранным во имя святое Его с различных стран света во единении о Христе Иисусе, Господе нашем, под кров Пренепорочной Матери Его, не имущим ниоткуда помощи после Божией и заступления Приснодевы Марии, как от России, благословенной Богом. Православные чада ее Церкви, подобно Вам, внявши Божественному внушению, Промыслу Божию, пекущемся о нас отчески, не оставляют нас в годину испытания. Да воздаст им и Вам Господь нетленным воздаянием там, в вышнем мире, да утешит Вас и здесь, в этом мире, и защитит в день печали, да воздаст Вам сторицею и облегчит нужды наши и Ваши, истинно Вы утешили нас. Не дивно, если богатый бросает горсть золота. Но то приятно Господу, кто последним куском хлеба поделится с ближним. А в любви к Богу и ближнему *весь закон и пророцы* (Мф.22:40).

Обитель наша, обремененная долгами, и в мирное время имеет недостатки, а теперь еще более: подать удвоилась, дороговизна в жизненных продуктах, а нынешний год урожай хлеба вдвое менее против прошлого года, виноград от знойных ветров чрезвычайно посох. Да мало ли есть потреб, которые для Вас известны?! Но все это не так тяжело, как платеж процентов за долги, а, так как обитель наша не имеет никаких стяжаний и доходов, исключая окрестности монастыря, потому и чувствуем недостатки. Но слава, хвала, благодарение Господу Богу и общей нашей Заступнице, подает нам от Своих богатых даров, питает нас, убогих и недостойных, в пустыне жребия Пресвятой Богородицы, как в пустыне насытил пятаю хлебами пять тысяч. И что воздадим Ему? Он же Своими заслугами да помилует нас и укрепит нести крест свой, идя вслед Его.

Всечестнейшая матушка Лидия! Простите, что мы осмеливаемся Вас беспокоить вот в чем. Из Новгорода мы тоже получили письмо с 15 рублями серебром от госпожи Глафиры Л. Они пишут их уведомить через газеты; мы хотя прежде этого и посылали уведомление через оные, но теперь два раза

посылали, но не знаем, почему еще не отпечатали, а потому время идет, а они, быть может, невесть что будут думать, а поэтому, если Вам известна эта благородная особа, то благоволите передать ей от святой обители нашей благословение и благодарность и что прилагаемые имена будут поминаться по их назначению, а если, быть может, неизвестна, то уже не беспокойтесь об этом предмете. Простите нас за многословие.

Спасайтесь же, преподобнейшая матушка наша, спасайтесь о Господе. Поручая Вас и себя милости Божией и покровительству Божией Матери, остаемся смиренные богомольцы Ваши, прося взаимно и Ваших святых молитв.

На Святой Горе Афон Русского святого великомученика Пантелеимона монастыря священноархимандрит Герасим, русский духовник Иероним.

1858 год.

†

Преподобнейший отец Венедикт!⁴³ Мир тебе и спасение Божие.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное из Кутаиса от 30 ноября. Церковь Ваша покрыта, но монастырь не дал позволения сделать на ней купол, который, впрочем, можно сделать и после, когда будет дано позволение. Кельи внутри отделяются. Монастырь по омологии⁴⁴ уплатил всего 6 тысяч пиастров и все извиняется неимением и отлагает время от времени, и теперь наших денег за Вами состоит около 1500. Если возможно тебе эти деньги переслать в Одессу Александру Яковлевичу, купцу Новикову, с передачею на Афон в Русский монастырь святого Пантелеимона, потому что мы в настоящее время сами нуждаемся в деньгах.

Монастырь Ваш очень боится, чтобы Вы из келлии Вашей не сделали скита и на нас много сердится, что мы помогаем Вам, но мы не обращаем на него внимания, хотя он и мстит нам. Наше одно желание, чтобы на Святой Горе основался хотя бы малый скит наших единовверных грузин, и думаем, что это и Богу угодно, потому что Святая Гора Афонская есть и всегда была местом общим для православных иноков. Но вначале

надобно Вам действовать осторожно, не разом, а мало-помалу. Ты ничего не пишешь о том, обещают ли Вам делать помощь в устройении Вашего скита. Все дело это зависит от одного Вашего монастыря.

Собратья твои живут мирно. Отец Лука заботится о них хорошо. Он часто бывает у нас для совещания. Старец добрый, дай Бог ему подольше пожить.

У нас, благодаря Бога, все благополучно. Когда будешь возвращаться, то не забудь привезти для нас 10 четок агатовых разного сорта и величины. Ты знаешь их, они в Грузии делаются или находятся у великого старца вашего епископа Гавриила, и спроси с земным поклоном для нас пастырское его благословение. Сам Бог через него благословил вас устроить скит грузинский на Святой Горе, и мы веруем благодати Божией, что это дело совершится под покровом Всепетой и святого апостола Иоанна Богослова, которым поручив тебя и себя, остаюсь помнящий тебя твой грешный, Духовник Иероним.

Афон. Русский монастырь Святого Пантелеимона от 29 января 1872 года.

†

[Черновое к настоятелю Ильинского скита иеросхимонаху Андрею во время беспорядков там при смене настоятелей]

Ответ на следующее письмо отца Андрея от 7 декабря 1873 года. «Отеческая ваша и любоисполненная попечительность благоволит оказывать в обители мир и согласие, с тем чтобы поставить в первоначальную должность отца Иннокентия⁴⁵ и прочих и тем нам сохранить единение духа в союзе мира. Но мы с покорностью просим Вашего благоволения принять Ваши меры на рассмотрение и оценить их верность к святой обители посредством сих переписок, премудрости исполненных,⁴⁶ а к тому и причины удаления его от должности не от меня одного, но от общего согласия всего братства, не соизволяя его ни к какой должности по причине противности его и по общему распоряжению. За то предлагаем эти переписки Вашему духовному рассуждению – принять этот замечательный труд и дать нам совет по Вашему отеческому рассмотрению, и мы будем ожидать со всепокорною преданностью Вашему

Высокопреподобию Вашего ответа, принимая на себя долг послушания, если он послужит равно всему согласию братства, принять старческое благоволение с целованием».

... Случайно мы, завлеченные в дела вашего скита, много и незаслуженно пострадали и за то, собственно, что мы истинно желали добра скиту святого пророка Илии и всеми силами еще сейчас, по смерти старца,⁴⁷ желали Вам мира и любви с отцом Иннокентием. И кто знает? Быть может, когда Вы услышите наш совет, Вы бы примирились с отцом Иннокентием, и тогда же бы мог утвердиться порядок, которого Вы достигли через ужасные скорби и душевные потрясения. Но Господу, видно, угодно было, чтобы Вы прошли через горнило скорбей.

Справедливо, что переписка отца Иннокентия для Вас должна казаться неправильною и тяжелою, но поставьте себя на точку зрения отца Иннокентия. Я не хочу защищать его (скорее я мог бы пользоваться временем, по-человечески судя, отплатить отцу Иннокентию за некоторые противодействия обители во время некоторое), но по совести моей скажу Вам: не должно Вам и всей обители вашей забывать деятельности и двадцатилетних трудов отца Иннокентия для пользы скита. Возьмите его нравственную сторону: ведь одно слово его согласия могло поставить его иеромонахом, игуменом обители вашей еще при старце, ибо этого желали старец, монастырь и архимандрит Климент, но он устоял против этого, сознавая себя недостойным. Следовательно, нужно оценить достоинство человека. Теперь же ведь он желает участвовать в трудах ваших, как при покойном старце. Скажу откровенно, при его благоразумии и сметливости Вы многое найдете для скита полезного, и, конечно, состоя в Вашем к нему доверии и расположении, он никогда не захотел бы вести своих переписок. Как человек, он чувствует себя оскорбленным, обиженным и презренным, а последнее по немощи человеческой и заставило вести эту переписку. Это-то меня и заставило сказать Вашему монаху об успокоении отца Иннокентия, чтобы таковым поступком Вам самому и всему обществу быть спокойным или, как видно из копии писем, что он желает иметь для успокоения

своего келью вне обители – дайте ему, лишь бы не нарушался Ваш порядок.

Что же касается до письма отца Макария, то успокойтесь: письма наши к Гладкову есть не что более как прошение, чтобы не разрушился заведенный теперь порядок, и прошение продолжения его. Сам отец Иннокентий свидетельствует в одном из писем к Гладкову, что мы более не взойдем в дела Вашего скита, да поистине мы не находим времени свои дела производить как следует, а не только о посторонних толковать. Подтверждаем и Вам: если я выразился несколько в пользу отца Иннокентия, то это более ничего, как желание вожделенного мира в обители Вашей, о чем просим и молим Господа и Пречистую Его Матерь.

Декабрь 1873 года.

†

[К епитропу Ильинского скита М. Р. Гладкову]

... Желание Ваше – вещь неосуществимая, с какой бы стороны мы ни стали рассматривать этот предмет. С чего и с какого повода начать это дело? И кто будет начинать это? Братия скита перемены своего настоятеля не желает, настоятель сам об этом не думает, монастырь, заведующий скитом, сам делать в нем какие-нибудь перемены никакой причины, никакого повода не находит. Итак, кто же и по каким причинам будет устранять нынешнего настоятеля Ильинского скита от занимаемого им места? Если двое или трое из скитской братии и желают перемены настоятеля, то их голос в этом случае не может иметь значительного веса; все дела избирательные решаются по большинству голосов, и большинство голосов всегда имеет перевес пред меньшинством, как и Вам известно. Да и сами указываемые Вами лица в настоятели скита Ильинского вместо нынешнего, то есть отцы Гервасий и Антоний, никоим образом не решатся взойти на шаткий этот трон. Отец Гервасий еще не забыл и хорошо помнит испытанные им в бытность его в ските замешательства и тревоги и, уж конечно, не пожелает подвергаться снова этим тревоблениям. Он и держался в ските решительно только из уважения к нашим его об этом

упрашиваниям. Отец Антоний не пойдет, ибо ведь они поддерживали карьеру отца Андрея, да и просто по неохоте заниматься подобного рода делами. Да и то нужно сказать, что малороссы с великороссом не уживутся. Нет, если теперь водворился там хоть какой-нибудь мир, то пусть уж он и пребывает, если теперь улеглись там треволнения, то и поднимать их уж не нужно. Таков наш взгляд на занимающий Вас предмет относительно перемены нынешнего настоятеля Ильинского скита. Таково наше мнение об этом предмете. Знаем и понимаем и мы очень хорошо, что дело это действительно требует изменения в своем составе. Но опасно приступить к этому изменению, ибо вместо простого изменения, пожалуй, все перепутаем, переломаем и сокрушим. Вот что!

22 сентября 1873 года.

†

[К нему же]

... Мы опять повторяем то же, что начинать в настоящее время что-либо против установившегося какого ни на есть порядка в Ильинском скиту теперь несвоевременно. Вам ведь известно, что здесь, на Святой Горе, каждый из монастырей настолько пользуется самостоятельностью, что вмешательство во внутренние распоряжения и управления какого-нибудь другого монастыря даже самого протата немыслимо и не допускается на практике. Следовательно, участие в этом деле нашим влиянием на скит не принесет никаких результатов. Ильинский скит состоит в ведении монастыря Пандократор, на который мы влиять решительно не можем по известному нерасположению греков к русским вообще, а в частности потому, что они не станут действовать по чьимлибо указаниям. Кроме того, сохранение настоящего порядка вещей для Пандократора желательно уже по тому одному, что Вы упоминаете в письме Вашем, то есть что в этом их вещественный интерес. Из этого следует, что как только узнают отец Андрей и братья, его приверженцы, о наших стараниях в смысле перемены у них игумена, то непременно обратятся к своему монастырю, то есть в Пандократор, и засвидетельствуют своими подписями, что как игумен братией, так и братия им

довольны (они уже это сделали). Без сомнения, монастырь представит это обоюдное засвидетельствование в протат, и тогда с этой главной стороны они будут обеспечены, а всякое подобное начинание непременно пронесут по Афону как коварные происки Русика и отца Иннокентия. Нет, боголюбивейший Михаил Романович, не потому мы не хотим принимать в этом деле деятельного участия, что безучастно взираем на бедственное положение скита или равнодушно относимся к его начальственным беспорядкам и жалким смущениям. Нет, но опытное сознание настоящего положения здешних дел заставляет нас так поступать при всем нашем душевном сочувствии Вашим благим намерениям и ревности о славе Божией, Его святой Церкви и святой обители, для которой Вы столько потрудились. Повторяем, что мы душевно во всем этом Вам сочувствуем и сожалеем с прискорбием, что благие намерения Ваши касательно перемены игумена не могут быть приведены теперь в исполнение. В духовное утешение Ваше скажем, что Господь, изрекший, что *и за поданную чашу воды будет дарована мзда* (ср.: Мф.10:42), тем более не презрит Ваших усердных четырнадцатилетних трудов на пользу святой обители и во славу Его святого имени, разумеется, награда не вещественная, а духовная соблюдается Вам на небесах.

Касательно же заявления Вашего правительству афонских письменных сношений Вы хорошо знаете, что и Святейшему Синоду, и правительству известно о наших письменных сношениях с родными и благодетелями нашими, а также и то, что единственный способ существования и выполнение жизненных потребностей афонским обитателям есть боголюбезные дары России. Всякий человек и менее Вас обладающий нравственными силами может легко нанести искушения, но что же затем? Сделанное добро похваляется всеми. Если скитские отцы сделали нехорошо, то чем же причиною другие сотни людей, могущих потерпеть неприятность и потому скорбеть и лишиться насущного хлеба? Если благоугодно Вам, примите наш совет такой, что Вам необходимо ближе ознакомиться с настоящим положением наших дел, а для этого, если Господь восхощет и живы будем, Вам нужно прибыть

сюда. Итак, с Божиею помощью, проведши зиму, после Пасхи или к Пасхе пожалуйте к нам, на Святую Гору. Разумеется, при этом Вы заручитесь чем-либо от нашего посольства в Константинополе, и тогда, может быть, что-либо и можно будет устроить. Не отрицаем, что все приверженцы покойного старца с радостью согласятся на перемену. Но если поступить безвременно, то вся тягость и ответственность в этом деле падет на них, а они уже и так перенесли много скорбей, а пущенный слух и разговор о перемене отца Андрея много уже наделали им вновь скорбей, о коих, вероятно, уже сообщил Вам отец Иннокентий. Считаем не лишним заметить, что с мнением нашим вполне согласен и отец Иннокентий. Кроме того, малейшая попытка к нарушению установившегося покоя скита отзовется неблагоприятно и на вещественном его достоянии, ибо со стороны отца Андрея и прочих это будет признано как бы покушением на их власть, и они станут ее защищать и отстаивать, разумеется, платя за поддержку оной кому следует.

15 декабря 1873 года.

†

Епископу Нестору в Сан-Франциско.

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыка! Святительски нас благословите!

Промысл Божий удостоил нас познакомиться с Вами, хотя не лично, а через известного Вам нашего брата Василия, живущего в Невской лавре, который переслал нам данные Вами карточку и портрет и при том Вашу жертву для поминовения Вас и родных Ваших, что обитель наша и исполняет. Это изъявление Вашего к нам отеческого благорасположения подало нам надежду и смелость поближе познакомиться с Вами, дабы по одному важному для нас делу воспользоваться Вашими опытными советами, чтобы узнать следующее.

Монастырь наш, имея большое число братства (более 700), еще не приобрел положительного обеспечения для своего содержания. Хотя мы и пытались сделать это в России и Турции, но на деле оказалось, что это вовсе невозможно осуществить. Вследствие чего нам явилась мысль и желание узнать, нет ли возможности сделать это дело в Америке, то есть

купить ферму, которая своими доходами могла бы доставлять содержание нашему монастырю. И эта ферма может ли быть записана на наш монастырь или на то общество, которое будет проживать на ферме? Какие на это есть местные законы, и каким образом разные религиозные общества приобретают в Америке имения?

Обо всем этом мы покорнейше просим Вас потрудиться узнать и написать

нам. И если это будет Богу угодно и окажется надежда на исполнение нашего намерения, тогда мы пришлем людей для приискания желаемого места.

Затем просим не вменить нам, что мы в надежде оказанного Вами нам Вашего отеческого благорасположения дерзнули утруждать Вас таким многозаботливым делом. Промысл Божий указывает нам искать в этой нашей нужде у Вас утешительного совета.

Поручая себя святым молитвам Вашего Преосвященства, остаемся с истинным к Вам глубокоуважением, с любовью о Христе, готовые к услугам Вашим смиренные богомольцы.

Архимандрит Макарий со всею о Христе братией.

Духовник Иероним.

Августа 26-го дня 1879 года.

Письмо это принес мне отец Товия.⁴⁸ Я отвечал ему, что я не имею сведений об этом деле. Да и в самом деле я не помню, у нас ли хранятся его деньги или он взял их. Я сказал отцу Товии, что напишу отцу Макарию об этом.

Отец Филарет хотел отправиться в Россию, но скит удерживает его, и принуждают его, чтобы он отдал им деньги, но он, кажется, тайно уедет в Россию. Когда Вы будете видеться с ним, то разберитесь с ним, дабы не было порицания от скита. Посоветуйте ему не удерживать денег скитских. Пусть положит в банк на имя скита на вечное. Он, кажется, так хочет сделать.

Д. Иероним.

Письма старца Иеронима к Павлу Ивановичу Помельцову

(возвращенные им в обитель со своими комментариями)

Достигнув семидесятилетнего возраста жития, ожидаю и смертного часа. У меня тщательно хранились письма покойных ваших старцев – отца архимандрита Герасима и батюшки иеросхимонаха Иеронима. Не желая их уничтожить, мне вздумалось переслать их к вам в святую обитель для воспоминания их доброй памяти и для очевидности, как эта переписка была благотворна по своим последствиям. А потому я во славу Божию и в похвалу в Бозе почивших преподобнейших старцев препровождаю при этом письме с моими к ним воспоминаниями, по какому поводу они были написаны. В письмах есть интерес, в котором можно усматривать, как Небесный Промысл избирает слабое орудие – человека (это я) и употребляет для Своих премудрых целей, тут же спасает и это слабое орудие через Своих боголюбивых рабов, а это были покойные старцы отец Герасим и отец Иероним и я, многогрешный послушник их высокопреподобия.

Вас, преподобнейшие отцы, смиренно прошу благосклонно принять мою посылку не иначе только как к сведению и простить моему невежеству и малограмотности. Прошу еще не оставить меня вашими святыми молитвами. В заздравном синодике, как увидите из писем, я записан на вечное поминовение; если скончаюсь, домашние пришлют мое собственноручное письмо, тогда благоволите перенести мое убогое имя Павел в заупокойный синодик.

В течение моей жизни, как я узнал о Святой Афонской Горе и познакомился заочно с покойными боголюбивыми старцами, я горел духом побывать в вашей святой обители, и только через многие годы, а именно в 1895 году, я удостоился насладиться тем, о чем заочно мечтала душа моя. Приношу мою искреннюю благодарность за гостеприимство ваше. Хотя я и не был замечен в числе многолюдства богомольцев, следовавших из

Иерусалима, но это не помешало мне пользоваться полным вниманием радушия доброй братии обители вашей.

Поручая себя молитвам святой обители вашей, остаюсь с неизменным усердием П. Помельцов.

Город Новоузенск, 20 января 1902 года.

P.S. При письмах моих в память моего к вам усердия и расположения прилагаю фотографический снимок моей личности вместе с моим спутником на возвратном пути из Иерусалима (1895 год), с которым мы гостили у вас в святой обители. Товарищ – крестьянин села Балаши Самарской губернии Иван Иванович Вдовин.

П. Помельцов.

†

[1]

Милостивейший благодетель Павел Иванович! Мир и спасение Вам!

Благословение Божие Святой Афонской Горы – земного жребия Пречистой Девы Марии и от смиренной обители нашей да будет с Вами вовеки.

По достигшим до нас приятнейшим отзывам о Вашем христолюбивом сострадании к нуждающимся мы вознамерились обратиться к Вам со смиренным нашим прошением в надежде, что Промысл Божий, отечески пекущийся о нас, убогих, внушит Вашему сострадательнейшему сердцу принять участие в положении удаленной от мира обители нашей, о состоянии коей и объясняем Вам.

Обитель наша, издревле именуемая Русскою, основана на Святой Горе Афонской благочестием великих князей России еще в первые времена просвещения ее христианскою верою. Доходов и обеспечений она совершенно никаких не имеет и содержится единственно милостынею во имя Христова. Но, несмотря на столь неопределенные средства к продовольствию, братство наше благодатью Божиею постоянно умножается, и теперь уже имеем близ 400 человек, ибо строгие общежительные уставы обители, а больше всего обитаемое нами святое место, как удел Пречистой Богоматери, привлекают многих ищущих спасения под кров обители нашей. Но, к

сожалению, у нас теперь не только что все помещения заняты, а даже многим из братии недостает келий. При таком стеснении в помещениях нет у нас особой больницы, почему болевающие братья наши лишаются должного за ними присмотра, удобного только при совокупном их помещении. А также не имеем надлежащего странноприимного дома для размещения приходящих к нам богомольцев, число коих с открытия к нам русского пароходства время от времени увеличивается. А многие из них по христоролюбивому усердию к святыне проживают у нас весьма продолжительное время, почему постройки сии крайне заботят нас, а наипаче больница, в которой вообще с братьями будут упокояемы и врачуемы и болевающие из числа посещающих нас богомольцев. А потому мы уже начали постройку больницы с необходимою при ней церковью, назначенною во имя всех святых афонских чудотворцев, но средств к тому решительно никаких не имеем и без посторонней благотворительной помощи выполнить этого никак не можем.

Во всех нуждах наших единое по Бозе имеем упование и прибежище – Преблагословенную Его Матерь. Она, Пречистая, обещалась, что благодать Божия вовеки не оскудеет в Ее Богоизбранном жребии и что Она Сама, Владычица, будет Питателем и Промысленником обитающим в Ее святом жребии. Как доселе во исполнение этого милостивого обетования Своего располагала боголюбивых благотворителей к оказанию нам их усердия, так веруем, что и впредь не оставит нас Своим благодатным промыслом, отверзая сердца любящих Ее к сочувствию и помощи нам, убогим.

Боголюбивое добросердечие Ваше поселяет в нас утешительную надежду, что пустынная обитель наша не будет оставлена Вашим милостивым вниманием, да тем более усугубится Вам мзда от Господа и Царицы Небесной. Также, быть может, Вам, уважаемый Павел Иванович, доведется иметь разговор с близкими благодетелями об удаленной от мира обители нашей, то смиреннейше просим при случае передать им о нашем затруднительном положении. Вероятно, некоторые из них не откажутся подать нам руку помощи от усердия своего,

да и они вкупе с Вами сподобятся услышать от Господа в день воздаяния каждому по делам его: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти; понеже сотвористе единому сих братьий Моих меньших, Мне сотвористе, внидите в радость Господа Своего (Мф.25:34–35, 40, 21).* И Небесная Покровительница наша Пречистая Дева Мария благодворящих в Ее Богоизбранный удел вовек не оставит Своим матерним заступлением пред Престолом Сына Своего и Бога нашего.

За тем, призывая на Вас милосердие Божие и Небесное покровительство Владычицы мира, остаемся смиренные богомольцы Ваши на Святой Афонской Горе.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним. Святой Афон.

Русский монастырь Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона, 1862 года, июня 4-го дня.

†

[2]

Достоуважаемый благодетель Павел Иванович с благочестивым Вашим братом Феодором Ивановичем!

Мир Божий, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Святой Горы Афонской – Ее евангельского жребия – вкупе от смиренной обители нашей да пребывают на Вас, а через Вас и на всем доме Вашем.

Снова посланное Вами письмо от 22 апреля с пожертвованием от Вас совокупно с братом Вашим мы имели утешение получить.

Принося душевную Вам благодарность за христианское усердие Ваше к обители и любвеобильное расположение, мы за священный долг считаем возносить о Вас и родителях Ваших – Павле, Феодоре, Иоанне и Ирине – свои смиренные молитвы, да Господь Бог вознаградит Вас от Своих неистощимых щедрот, так как Вы благодворите Ему в лице меньших Его братьев, и по обещанному Им милосердию милостивым да сотворит Вас участниками блаженства оных, а родителей Ваших да приведет к познанию истины и имиже вест судьбами да спасет их.

Вопрос Ваш касательно дел благотворения, угодно ли это Богу, когда Вы благодеяния делаете без ведома родителей, о чем Вы недоумеваете и немало затрудняетесь, привел нас в удивление. Вам ли недоумевать и сомневаться в том, угодно ли это Богу, когда Вы имеете разум, просвещенный светом евангельского учения?! Но, чтобы Вы не колебались, а более утвердились в пути благочестия, от которого ненавидящий добро диавол хочет отклонить Вас под благовидным предлогом, *яко преобразуяйся во Ангела света* (ср.: 2Кор.11:14), скажем любви Вашей, что делание Вами втайне от родителей милостыни на тех основаниях, как Вы делаете, собственно, для спасения их и приобретения вечной на небесах им пользы, не только угодно Богу, но благоугодно и наиприятнейшая есть Ему Ваша жертва, а потому отнюдь в этом не сомневайтесь. Делая же для родителей такое богоприятное дело, Вы вместе и себе готовите то некрадомое сокровище на небеси, которое *ни моль, ни тля тлит и тать не подкапывает, ни крадет* (ср.: Мф 6:19), и Господь наш, видя втайне Ваше добротворение, воздаст Вам яве пред сонмом Ангелов, Архангелов и всех святых (ср.: Мф. 6:4).

Рассмотрев предмет зрело, Вы и сам убедитесь легко, что тайно подаваемая Вами милостыня не подлежит никакому сомнению в угодности оной Богу. Вы, во-первых, имеете совершенный возраст; второе, Вам поручены все дела дома или торговых оборотов, а с ними неразлучно (ибо отделить одно от другого нельзя) и дела милосердия и добродетели, кои прежде всего с Вас спросятся там, на страшном и нелицеприятном суде Господа, где не защитят ни отец, ни мать, ни брат, ни князь – никто, ни само богатство, хотя бы Вы наполнили оным в угоду родителей все кладовые! И третье. Вы уделяете только излишек, видя, что при оборотах есть приращение достояния, из которого Вы и делитесь с меньшей братией Христовой. Если же возникает в мыслях Ваших вопрос, что родители, поручая все Вам дела, не поручали творить милостыню, так что ж?

Вам поручает это Евангелие, которое или, точнее, Господь спросит с Вас не то, почему Вы не исполнили волю родителей, зачем подавали милостыню, а то, почему не исполнили Его

заповеди о любви к ближнему и прочее. Само собою разумеется, что сын, исполняющий волю родителей, несогласную с духом евангельского учения, будет отвечать как нарушитель закона Божия. Родителей почитать, слушаться и исполнять их приказание тогда только должно, когда они нисколько не отторгают нас от исполнения главных наших христианских обязанностей, но коль скоро их распоряжения противодействуют учению, то слушаться их нельзя, ибо не оскорбить Бога, Вам известно, сколь важнее, нежели родителей! Притом рассудите, что было бы, если бы многие из угодивших Богу и Им прославленных и святых мучеников послушались родителей, которые то ласками, то запрещениями, то муками склоняли их принести жертву идолам? А эти образцы в жизнеописаниях святых постоянны! Если же этот пример для Вас покажется беспримерен, то не много нужно труда для Вас приникнуть к делу, и Вы откроете идолопоклонство не простое, а христианское – следовательно, не преимущественное пред бессмысленным поклонением бездушным истуканам, ибо как Вы назовете сребролюбие, корыстолюбие или неверие в христианстве, и особенно если из преданности к чему-либо из этого противодействуют, запрещают дела, заповеданные Самим Господом, если не идолопоклонством христианским?

Но об этом довольно. Слово Божие, близкое Вам, научит Вас, что есть воля Божия благая, Ему угодная и совершенная, и укажет путь, о нем же подобает спастись. Мы молимся и о родителях Ваших, сожалея о таком их настроении, вполне зная, что если бы они и не познали настоящего своего уклонения от исполнения евангельских обязанностей, от чего да помилует их Бог, и тогда дела милосердия, Вами тайно творимые, много помогут им при исходе души на страшных и грозных мытарствах.

Да спасет же их Господь за благочестие детей их, а сие будет немалою для Вас радостью, и сами они возблагодарят Вас, когда все откроется, даже помышления сердечные. Когда уже оценится не только доброе дело, но и намерение, и ясно будет для всех, от чего нужно было бегать и к чему прилепляться.

Намерение Ваше послужить нашей смиренной обители содействием к облегчению нужд ее через приглашение знакомых к посильным пожертвованиям много нас утешило. Да воздаст Вам Господь по мере любви Вашей! При этом прилагаем по назначению Вашему письмо, которое можете предъявлять по своему усмотрению, кому знаете. Такое доброе дело Ваше не останется без особой награды от Господа. Молясь о воздаянии Вам, будем молиться и о исполнении благочестивого желания Вашего побывать в благословенном жребии Царицы Небесной. С благочестивою целью намеренное Вами путешествие принесет Вам немалую духовную пользу.

Об адресе в Москву можем указать Вам только почетного гражданина Николая Васильевича Лепешкина, который хотя вовсе не корреспондент наш, но может по боголюбивому расположению к обители послужить пересылкой поручаемого ему для нас. Тем более что нередко там бывает наш монах, о котором Николай Васильевич всегда знает, в Москве он или нет. Подворья же у нас в Москве никакого нет. Неизвестно нам: когда ездите Вы в Москву, то какой тракт держите? Если бы на Тулу, то лучше нам не нужно корреспондента, как живущего там почетного гражданина Ивана Ивановича Сушкина, который по боголюбию своему и по родству с нашею обителью (его родной брат иеросхимонах Макарий – предстоятель нашего русского общества) с любовью исполнит (как уже и исполняет) всякое поручение для нашей обители. Только не знаем, бываете ли Вы в Туле, чтобы передавать что-либо этому нашему благодетелю, то есть удобен ли для Вас этот адрес. В случае через почту также можете адресовать к нему, как и в Одессу.

За тем, призывая на Вас благословение Божие и мощный покров Царицы Небесной, остаемся ваши смиренные богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним. Афонская Гора.

Русский монастырь 1862 года, июля 3-го дня.

†

Воспоминание к 1-му и 2-му письмам. Случайно я познакомился с одною личностью, бывшей у вас на Афоне,

который мне поручал посылать денежные посылки; ответы на письма меня заинтересовали. А потом я и сам возымел усердие иметь переписку с покойными старцами, что еще более меня привязало к Русику. Я приобрел книги «Путешествие Парфения» и «Письма Святогорца». То и другое расположило мое сердце в пользу обители вашей делать денежную благотворительность как свою, так и от посторонних лиц. Сперва это производилось через Одессу, через вашего корреспондента Я. И. Новикова, но мне хотелось для удобства еще ближе где-либо иметь кого или пункт, близкий к обители вашей, почему и последовал вопрос. В настоящих письмах последовало указание: в город Тулу господину И. И. Сушкину, через коего несколько лет и посылал. Затем я встретил в Москве, в Богоявленском монастыре, вашего монаха отца Димитрия по этому делу, я что-то и с ним препроводил; и к моему утешению появилась часовня у врат монастыря со святынями, а теперь своя у врат Владимирских. Все это совершилось на моих глазах, и каждый приезд в Москву помолиться в часовне святого великомученика Пантелеимона и слышать благоговейное чтение и пение молебна и акафиста составляло отраду моему сердцу.

Второй вопрос был задан потому, что я благотворил без ведома родителей и смущался. Ответ успокоил мою совесть. С тех пор милостью Божиею живу хотя и небогато, но нужды не имею, питаю надежду на Промысл Божий и молитвы святой обители вашей.

†

[3]

Боголюбивейший наш благотворитель Павел Иванович! Мир Божий да водворяется в сердце Вашем, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Ее святой Горы Афонской вкупе и от

признательной к вам обители Пантелеимоновой да пребудут с Вами вовеки.

Приятное письмо Ваше от 8-го числа сентября мы имели утешение получить вместе с пожертвованием.

Принося Вам душевную нашу благодарность за ревностное усердие Ваше к облегчению нужд нашей пустынной обители, мы

за долг поставляем возносить свои смиренные молитвы ко Господу щедрот и Владычице мира о Вас, о брате Вашем Феодоре и о родителях Иоанне и Ирине, поминая имена сии при богослужениях церковных, а усопшего брата Вашего Наума внесли в другой синодик на вечное поминовение на неусыпном чтении Божественной Псалтири. Искренне благодарим Вас также за богоприятное намерение и впредь не оставлять нас от своего усердия, что Вам Господь внушит. Усугубляя, таким образом, добродетели свои, Вы усугубите себе воздаяние от Господа, сказавшего: *В нюже меру мерите, возмерится Вам (Мф.7:2).*

Мать Божия, благая наша Промыслительница, за любовь Вашу к Ее земному уделу и к убогим обитателям его да хранит Вас под сенью Своего благодатного покрова на пути благочестивой Вашей жизни и да предстанет Заступницею в будущем, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше.

Сорадуемся Вашей радости и благодарим Бога, утвердившего Вас в истинной мысли благочестия. Что же касается до раздачи милостыни как дела богоугодного, хотя и без ведома родителей, то для большего убеждения своего Вы можете прочесть жития Поликарпа, святителя Павлина, и Фоки, и других святых, из коих увидите, что и они имели родителей и тоже вопреки их воле раздавали богатства, за что Господь и сподобил их особой Своей милости, исполняя на них великие обетования к милостивым. Молим Дародателя щедрот Господа, да утвердит Он и брата Вашего в единомыслии с Вами и да утешит Его Своею благодатью.

Поистине великая над Вами излилась милость Господня, что Он по благодати Своей не попустил Вам погрязнуть в сетях лукавого и соблазнах его, особенно в ереси молоканов, и извел Вас в чудный Свой свет познания путей правды и спасения! Чем и возблагодарить за такое бесконечное милосердие Его?! Конечно, чем может брение возблагодарить Создателя? Но, предавшись вполне в Его святую волю и поступая по заповедям Его, сим можно благоугождать Ему и свидетельствовать как бы некую свою благодарность, ибо Он приемлет сие с

благоволением, хотя все сие мы можем совершать только Его же вседейственной помощью.

Рассуждения Ваши как о преимуществах для спасения в монашеской жизни, так и в других предметах истинны, и мы признаем их вполне справедливыми. Но Вы желаете знать, объяснивши течение своей жизни, откуда появился у Вас помысл о монашестве, который с одиннадцатилетнего возраста живет и теперь в Вас, несмотря на все противоречия окружающих Вас обстоятельств жизни, о чем и просите объяснения. Не отрицаемся сказать Боголюбию Вашему, что помысл этот всеян благодатью Господа в сердце Ваше. Он есть особая милость Божия к Вам, которая и поддерживает его. По всему мы видим, что Вы приняли это благодатное внушение – следовательно, послушание сделано, теперь остается только уверовать (если только найдется у Вас столько веры), что Господь силен исполнить это внушение, силен привести Вас в монашество! Если достаточна для этого будет вера Ваша в могущество Господа, то по вере Вашей Он непременно и исполнит, приведет Вас к этой стезе, не определяя только времени, а когда и как угодно будет Его премудрому о Вас Промыслу устроить, на старость ли или ранее привести Вас в монастырь. Поэтому старайтесь только держать себя в том же устройении духа и возгревать оный посильными делами благочестия, вручив всецело и сердце и волю Ему – милующему и спасающему нас Господу, и Он устроит все по бесконечному Своему милосердию во спасение Ваше по благому желанию Вашему. Впрочем, если бы Вам случилось умереть и в том образе жизни, в котором Вы теперь находитесь, то не сомневайтесь в милости Божией, обещанной живущим верою, только ограждайтесь от смертных грехов и держите себя до конца в том же расположении духа и том устройении, в каком находитесь теперь. Ибо настроение Вашего духа согласно с условиями новой благодати, когда Вы не пристрастны к временным стяжаниям, не прилагаете к ним сердца и согласуете жизнь свою с наставлениями святого апостола Павла, который учит: *Братья, время прекращено есть прочее, да и имущие жены, якоже не имущие будут; и купующие, яко*

не содержаще (1Кор.7:29–30). Пребывая в сем состоянии духа, и Авраам, и Давид, и Иов, и прочие, не имевшие никакого пристрастия ни к чему земному, угодили Богу. А потому если и Вы кончите жизнь свою, еще не вступивши в монашество, но пребудете в том же настроении духа, то Господь по неизреченному милосердию Своему причтет Вас к лику преподобных отцов, принявши расположение души Вашей в самоисполнение, на что есть и указания исторические в жизнеописаниях святых.

Не знаем, не нужно ли особого благодарного письма, которое, быть может, нужно Вам показать и брату? Но Вы об этом не упомянули. Впрочем, чтобы не быть Вам в затруднении касательно этого, на сей раз прилагаем особое письмецо, а на следующее время потрудитесь известить, нужно ли так поступать, ибо это письмо относится собственно к Вам.

За тем, призывая на Вас благословение Божие и мощный покров Владычицы, остаемся и пребудем Ваши смиренные богомольцы на Святой Афонской Горе. Архимандрит Герасим. Русский Духовник Иероним.

Святой Афон. Русский монастырь, 1862 года, ноября 20-го дня.

†

Воспоминание к 3-му письму. Приняв к сердцу содержание второго письма, возбудилось у меня намерение раскрыть старцам желание души своей. Ибо благодать Божия очень рано раскрыла мне свою сладость в Божественных писаниях Евангелия, житиях святых отцов и их творениях, которые отвлекали меня от земной суеты и показывали удобность преимущественно в монашеской жизни, хотя это только буквально, без опыта. Достигнув совершеннолетия, я положил не связывать себя брачною жизнью, но воля родителей и мое юное малодушие, не основанное еще на камне веры, склонили, и я женился и лишился тех благ, которые вполне прежде оценивала моя душа. В брачной жизни я тосковал об утрате невинности, а потому и писал: как мне спастись? На мой вопрос последовал ответ третьего письма, который утешил обещанием: может быть, под старость Господь устроит путь к монашеству.

Вот пришлось дожить до 70 лет, мысль моя не отстает от надежды хотя бы при смерти и один день быть монахом. Теорию монашеской жизни я в некоторых чертах изучил; может быть, мне это годится; бываю в монастырях на некоторое время, в них говею и испытываю себя, гожусь ли в монахи. Но уже теперь стар и физически немощен, разве только в качестве богомольца временно как-нибудь докончить свое земное поприще; и все это отдаю на волю Промысла Божия.

†

[4]

Боголюбивейший сын Церкви, уважаемый благотворитель Павел Иванович! На пожертвование христолюбивых благодетелей, содействием Вашим пожертвовавших [зачеркнуто], прилагаем при этом особое письмо для предъявления им, а этим письмом намерены побеседовать особо на письмо Ваше.

Вы желаете духовного руководства и заочно вручаетесь нам, то хотя по отдаленности это и неудобно, но видя столь искреннее Ваше усердие с благим произволением спастись, а вместе и теплейшую любовь Вашу к жребию Пречистой Богоматери, мы изъявляем со своей стороны согласие, прося благость Божию, да по вере Вашей дарует Вам обрести искомое. Уповайте: изволяющим на благое Содейственник – Бог. Исповедь Вашу и вообще что только духовное или секретное будете писать, то по написании запечатайте оплаткою или сургучом и, сказавши: «Духовнику Иерониму исповедное (или секретное)», влагайте в конверт, который Вы адресуете Ивану Ивановичу, господину Сушкину, который в таком виде и перешлет к нам. Но при желании, чтобы ускорить своим письмом и успешнее получить от нас ответ, простые письма можете по-прежнему адресовать в Одессу почетному гражданину Якову Ильичу, господину Новикову с передачею на Святую Гору по обычаю. Когда письмо простое, то оно в Одессе не распечатывается и цело доходит до наших рук; впрочем, все-таки нелишне, если в верхний конверт вложите свое письмо, запечатанное оплаткою, с означенною выше надписью. Хотя все письма приходят прямо к нам, но иногда и лишняя

предосторожность не излишня, тем более что временами случалось, что были наши письма прочитываемы кроме нас, но та надпись оградит Вашу исповедь от этого.

На последнее пожертвование Ваше мы отвечали Вам двумя письмами (в одном пакете) ноября 20-го, которые Вы, вероятно, теперь уже получили. Всего бы лучше Вам (если желаете ускорить) писать на Одессу простыми письмами, а если будете посылать что-либо, то сумму можете препроводить на Тулу, а известие об этом для скорости послать на Я. И. Новикова в Одессу. Впрочем, это последнее предоставляем Вашему усмотрению.

Еще Вы изволите спрашивать, почему отец Парфений книги свои издал не в пользу нашей обители, а Гефсиманского скита (Московской губернии), то это потому, что издавая эти книги, он там имел жительство; теперь же находится игуменом в новоустроенном им монастыре Ново-Воскресенском,⁴⁹ быв пред тем настоятелем в Бирлюковской пустыни. О причине же удаления его со Святой Горы он сам пишет в своих книгах, что выехал по благословению нашему для обращения некоторых раскольников к истине и приобщения их святой Церкви, в чем Господь и споспешествовал ему во многих местах дивным образом. Им построен по дозволению правительства не один монастырь, и преимущественно среди или близ держащихся раскола, как сей вновь воздвигнутый им Ново-Воскресенский. Это само много содействовало ему к присоединению блуждающих словесных овец в недра святой Православной Кафолической Церкви.

Любвеобильное участие Ваше к положению нашей обители произвело в Вас духовное утешение, видя из журнала о пожертвованиях в нашу обитель. Сострадательному сердцу Вашему желательно знать, доходят ли они до нас. Поэтому к сведению Вашему сообщаем, что все те пожертвования поступают в Хозяйственное управление Святейшего Синода, который и посылает по истечении времени через Азиатский департамент, и мы получаем, что адресовано для нас, только не менее как через два года.

В прилагаемом письме для жертвовавших мы повторяем и будем повторять о положении обители или просьбу к Вам продолжать Ваше содействие. Просим Вас сим не стесняться и не отягощаться, ибо пишем не с тем, чтобы просить или побуждать Вас к участию, которое так хорошо нам видно, но более для тех, кому Вы те письма будете давать для прочтения, как уже жертвовавшим, а и того более, имеющим жертвовать.

За сим и паки призывая на Вас щедроты Божии и благословение Святой Афонской Горы, были и пребудем всегдашние о Вас и родителях Ваших богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Гора Афонская. Русский монастырь, 1863 года, января 22-го числа.

†

Воспоминание к 4-му письму.

Назидательные письма от великих моих руководителей более и более располагали мое сердце к ним. Не имея удовлетворительных ответов от своего местного духовника, я вздумал попросить благословения заочно писать мою исповедь, на что, к моему утешению, и получаю ответ. Вопросы и другие волновали мой ум, почему я в простоте сердца и излагал все искренне, что видно было моим добрым старцам, и они, все это чувствуя, утешали и удовлетворяли меня.

Сочувствие к Русику более возбудил во мне Святогорец, я всей душой предался любви и усердию и не пропускал случая быть полезным святой обители Вашей; впрочем, не я, но Господь употребил меня в орудие Своего Промысла для Вас, Его истинных рабов.

Искренне скажу: заочная моя переписка со столь духовными особами возродила в душе моей самые добрые христианские начала, так что я считаю себя счастливым, что имел таких мудрых наставников, а теперь молитвенников пред Престолом Божиим! Я уверен, что они получили милость у Христа и Бога нашего, оставили и во мне неизгладимую память о блаженном их упокоении.

†

[5]

Христос воскрес!

Достоуважаемый благодетель Павел Иванович!

Мир Воскресшего и вся с Собою совоскресившего Господа, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Ее святого жребия – Горы Афонской да пребывают с Вами вовеки!

Теплейшего расположения и истинно христианских чувств исполненные письма Ваши от 2-го и 7-го чисел февраля мы имели утешение получить, а при них и жертву Вашу обители. По дальнему расстоянию письма Ваши, особенно с денежной посылкой, идут до нас весьма продолжительно, что само и поставляет в затруднение отвечать Вам сколько-нибудь ранее, о чем Вы и скучаете. Для устранения этого неудобства в промедлении одно средство можно только избрать. Потрудитесь адресовать простые письма через Одессу (на которую прилагаем здесь адрес), а когда случится посылка, то оную посылайте на Тулу, но письма всегда можете адресовать через Одессу, в чем составит некоторая экономия во времени, и скорее наши ответы могут достигать до Вас, чего через Тулу нельзя извлечь.

Приносим Вам истинную душевную нашу благодарность как за благодеяние Ваше, так и вообще за расположение, участие к далекой обители нашей, а вместе и за все выраженные благожелания. Сам Господь Бог, видящий чистоту Вашей любви и искренность чувств, которые так много нас утешают, вознаградит Вас от неоскудеваемого источника Своих щедрот, споспешествуя Вам в деле Вашего спасения. Вседейственное благословение Его исполненной щедрот десницы да почивает на Вас и да сопутствует к достижению цели – давнишнего желания Вашего во спасение своей души.

Намерение Ваше отделиться от родителей и заняться от себя торговлю, дабы свободнее и вернее обеспечить свое семейство – жену и детей, мы признаем справедливым и резонным, ибо иначе Вам невозможно достигнуть цели своей не только о монашестве, но и о путешествии ко святым местам на Востоке. Быть может, родители и согласились бы отпустить Вас путешествовать и снабдили бы необходимым на дорогу, но

могут ли они также удовлетворить по отъезде и супругу Вашу и детей? Не успокоив и не обеспечив супруги, Вы не будете покойны во все продолжение пути, не говоря уже о монашестве, против которого диавол ополчается со всею ожесточенностью, и для него достаточно тогда одного этого предлога, чтобы Вам не исполнить благочестивого своего желания, – одно это паки повлечет Вас в мир. Поэтому весьма благоразумно поступите, отделившись, сами обо всем распорядитесь, чтобы иметь потом спокойный дух и в путешествии, и в самом вступлении в монашество. Итак, да благословит Вас Господь, всем хотящий спастись, и Матерь Божия, возлюбившая Вас за Ваше благое произволение, да устроит все так, как Вы предположили в совете души своей и как сообщаете теперь нам. И мы веруем благодати Божией, что она устроит все по желанию сердца Вашего касательно путешествия и всего, если только и впредь всегда будете послушны внутреннему голосу совести, слушая внушения которой, Вы будете исполнять волю Божию.

Касательно высылки к Вам книги отца Мелетия⁵⁰ мы были убеждены сказанным Вами о расколах и разных сектах близ Вашего города и по совету некоторых братьев вознамерились послать его письма, как опытно прошедшего среди мрака заблуждений и исшедшего с помощью благодати Божией во свет истинный, просвещающий всякого человека. Быть может, в каком-либо случае эти сведения могут послужить на пользу, равно как и о чудесах святого Пантелеимона, проливаемых им повсюду.

Вы изволите говорить об утешении духовном, какое доставляют Вам книги о Святой Горе Афонской и письма с нее, – в этом мы видим исполнение обетования Бога, сказавшего: *Ищущии же Мене обрящут благодать* (Притч.8:17). А в этом случае Он по благодати и милосердию Своему действует многообразно, всегда и всем устраивая наше спасение, если только сами захотим. Если Вы в путешествии своем на 32-м году жизни не могли встретить из монашества стоящих на высокой степени духовного устройства, то Вам известно, что без помощи Божией никто ничего не может сделать. Ибо во всем Бог действует и *еже хотети и еже деяти* (Флп.2:13), конечно, при

свободном произволении хотящих спастись, так как *благодать аще и благодать есть по всемогуществу, но спасает только хотящих, а не нехотящих. Свет истинный, просвещающий всякого человека, да просветит Вашу душу и наставит на всяку истину.*

Сколь прискорбно слышать о таком печальном сware родителей Ваших, а во сколько раз это прискорбнее Вам самому! Благо, что помогаете им своими молитвами, то есть ходатайствуете о них через милостыню и молитвы Церкви. Сторицей обретете воздаяние от Отца Небесного, милость и благословение Его почиет на Вас!

При суете житейской Вы только и находите утешения в книгах – это справедливо. Книги, духовные конечно, верные друзья и собеседники нелицемерные; читая их, можно познавать путь Божий и обрести Самого Бога, равно как и в молитве. Если же Вы находите утешение и в переписке с нами, то это соответствует тому, что мы всегда утешались и утешаемся Вашею искренностью, прямою, теплотой любви к Божественному и, наконец, стремлением к достижению вечного спасения души. Созвучие душ, единение об имени Христове связывают крепко любовью святой, чистой и блаженной. Спасайтесь же о Господе! Со своей стороны мы долгом поставляем всегда помнить имя Ваше, брата Вашего Феодора, родителей Ваших и все семейство в молитвах при церковном богослужении. С получения Вашего письма мы рассудили внести имя Ваше и брата Вашего Феодора на вечное поминовение на неусыпаемом чтении Божественной Псалтири, кои и поминаются.

Прилагаем при этом письмо, общее с братом Вашим. Простите, что и как успели, а пишем наскоро, лишь бы успеть к этой почте, а между тем пароход уже приближается, который повезет эту почту нашу.

Призвав на Вас милость и щедроты Божии и мощный покров Царицы Небесной, были и пребудем Ваши смиренные всегдашние богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора. Русский монастырь, 1863 года, апреля 16-го дня.

†

Воспоминание к 5-му письму.

В этот период моей жизни, около 30 лет, религиозные чувства сильно волновали мое сердце. Мой ветхий человек обладал полными физическими силами; с другой стороны, внутренний, чувствуя требование совести, при чтении книг Добротолубия разгорался в желание духовного приобретения; это – борьба духа и плоти – восстанавливало во мне ревность о Боже, иногда даже и не по разуму. Я иногда готов был бросить семью и все мирское и предаться только духовному. Видя, что мои родители живут по духу мира, мне же хотелось сделать по-своему то и то; я вздумал отделиться. При решительном усилии я достигнул своей цели. Но чего ожидать можно было от 30-летнего человека, неопытного в жизни как материальной, тем более, внутренне духовной?! Вместо свободы действий я впал в большие затруднения и пострадал жестоко!

Что касается упомянутой книги Мелетия, это я, повествуя о наших раскольниках и сектантах, исповедал отцу Иерониму, что и я имел неосторожность допустить сомнение о чудотворных иконах, святых мощах и думал: «Нет ли произвола в нашей Православной Церкви?» Это сомнение сильно колебало мой ум, и только милосердый Господь Своею благодатью просветил мое сердце и рассеял мрак неверия.

Но дорого мне это стоило, многих трудов и подвигов, и многими слезами отмыта эта душевная скверна.

А что я не обретал людей, высоко стоящих на высоте духовной жизни, – это оттого, что я был новичок, смотрел на людей поверхностно и без надлежащего опыта.

†

[6]

Боголюбивый сын Церкви, уважаемый благодетель Павел Иванович!

Мир Божий да водворится всегда в сердце Вашем, заступление и покровительство Царицы Небесной вкупе с

благословением от Ее святого жребия – Горы Афонской и от нашей священной киновии да пребудет с Вами вовеки.

Письмо Ваше, писанное в дни святой Пасхи, мы получили, внимательно проследили и в ответ на него извещаем Вас: Господь кающихся приемлет и прощает, а потому по данной от Него власти прощаем и разрешаем Вас от всех исповеданных Вами грехов во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Касательно утраты Вами теплоты и усердия в молитве можем сказать, как и вообще на все преодоления Вас со стороны воюющих на душу – мира, плоти и диавола: *подвизайтесь! Царствие Божие нудится, и только нуждницы восхищают е* (ср.: Мф.11:12).

Сама утрата теплоты в молитве и усердия к Богу возвращается тоже понуждением себя. Итак, пребывайте в подвиге благочестия и понуждайте себя ко всякому доброму делу, и Господь, видя Ваше благое произволение, поможет Вам, ибо без Него *не можем мы творить ничесоже* (ср.: Ин.15:5). А желать искать, стучать, просить – это с нашей стороны нужно, так что без этого, то есть без нашего произволения, Господь не спасет нас, ибо Он никого не принуждает, а говорит: Иже хочет.

Вы еще говорите о ночных истечениях, при которых, как Вас уверяют, нужно обмывать тело и переменять белье, но Вы не находите этого удобоисполнимым по причине семейства и прочего, удовлетворяясь только прочтением молитв и переменою сухого белья, – так и поступайте. А если некоторые говорят, что нужно обмываться, то это один предрассудок мирской. В убеждение Ваше скажем одно, что монахи на Афоне никогда не обмывают своего тела и никогда не моются, но в подобных искушениях ограничиваются только переменою белья. Надобно внутреннее очищать, а не одно наружное, ибо сие последнее пользы не принесет, когда внутренность будет наполнена и преисполнена зловония, вожделений или нечистых помыслов. Что пользы, если тело все будет чисто, светло, облито благовониями, а душа будет смердеть пред Всевидящим различными пожеланиями страстей и похотей, будет жилищем гадов, зверей, змиев. И здравый разум рассудит об этом

справедливо, но Вам слово Божие известно – оно гораздо полнее и яснее разъясняет обо всем этом.

Но чтобы не подать Вам через это повода считать за ничто истечение и пренебрегать им при входе даже в алтарь, то если и всегда при вхождении в церковь нужно внимание, ибо, стояще в храме, на небеси стояти мним, то после сонного мечтания нужно сугубое благоговение, в алтарь же входить в тот день остерегайтесь, разве только великая нужда будет належать по обязанности, но и то если можно будет каким-либо способом уклонить от себя, то лучше не входить в тот день. Когда же по должности церковного старосты необходимо будет это сделать, то помните, что Вы нечисты и входите во святая святых, а потому страхом Господним ограждайтесь сугубо.

Из объяснений Ваших касательно несогласий в семействе, поступков матушки Вашей, несправедливых оскорблений и пр. и пр. скажем нечто на желание Ваше совместить покорность к родителям, и успокоить семейство, и не погрешить против совести. Все это зависит от Вас самого; Вы можете не только водворить согласие и спокойствие в семействе, но и заставить всех повиноваться себе (не в качестве превозношения, а в духе единения о Христе).

Для этого нужно отстранить от себя малодушие и вредное человекоугодие, и возвыситься духом над всем мелочным и грязными расчетами мира, и заставить слушать себя всех в доме. Поскольку Бог возвысил Вас в семействе в ведении закона Божия, то нужно и стараться сообразную иметь и деятельность, иначе Вы погрешите против правды Божией. Вам нужно, по слову Писания, бесчинных вразумлять (ср.: 1Фес.5:14). От Священного Писания, от святых отец учения Вы должны во всякое время, и во время и без времени, вразумлять, обличать и отца и мать, утверждать в истинах Божественных, разъяснять заблуждения, уклонения от учений святой Церкви и прочее и иметь благодерзновение в этом. А братьев обуздывать страхом Божиим, да и матушке почаще говорить о том. Тогда все замолчат, и истина Божественная возымеет перевес. Она мало-помалу заставит их уважать, слушаться и почитать. А таким образом и водворится в

семействе спокойствие и согласие. Уступчивость Ваша там, где не следует, показывает только слабость духа, недостаток мужества и не полное исполнение закона Божьего, а смешанное с желанием частью угодить и миру, что невозможно.

На чревообъядение Ваше скажем, что если Вы благовременно употребляете пищу, кушаете два раза в день досыта, с благодарением ко Господу, то Вы не погрешаете в этом. Бесчинно и грешно есть часто, по несколько раз в день, и быть в пресыщении постоянном. Но Вы будьте послушны во всем совести, и она научит Вас всему душеполезному и введет в пристань спасения – короче, слушайтесь во всем и всегда своей совести, и спасетесь.

За тем, призывая на Вас благословение Божие и покров Владычицы, были и пребудем всегдашние Ваши смиренные богомольцы.

Русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора.

Русский монастырь Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона 1863 года, июня 11-го дня.

†

Воспоминание к 6-му письму.

Вот, наконец, я достигнул своего желания хотя бы заочно побеседовать о внутренней жизни своего сердца. Разрешение заочной моей исповеди и недоумения по поводу сонных мечтаний и последствий вполне успокоили меня. Мне нужно было подтверждение от таких личностей, каков был для моей веры отец Иероним. Читая книги отеческие, особенно Добротолубие, мне хотелось установиться в постоянной молитвенной теплоте. Я не понимал еще, что этот дар Божий дается истинно трудящимся о Господе, то и спрашивал старцев, почему пустота в душе моей.

Семейные несогласия между родителями были от острых и разных характеров их, это весьма тяжело отражалось не столько на мне, сколько на жене моей и малолетних детях наших. За них смущался и я и не находил средства помочь этому печальному явлению, на что мудрые старцы и дают

такой назидательный ответ.

По обсуждении всех моих вопросов, добрые наставники указали на самое верное правило: во всем и всегда слушаться своей совести, которое я принял к моему сердцу. Нередко встречал при чтении отеческих наставлений: *делай то и то*. И думаю: «Да вот я это уже делаю, кто же меня научил?» Оказывается – совесть! Это послушание совести в простоте моего сердца и без личных наставников научило меня таким деланиям духовным. Благодатью Божией, о которой я еще не имел ясного понятия, почему Христос Спаситель сказал: *Исповедаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаил еси сия от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем; ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою* (Мф. 11:25–26), – подобное нечто действовало и надо мною, простецом!

Благодарение Господу, что я, недостойный, познакомился вовремя с покойными старцами, к которым имел крепкую веру, и все изречения их письменные, хоть и заочно, ложились благотворно на землю сердца и приносили плод спасительный. Теперь их нет, зато, поминая святые имена их за упокой, воспламеняюсь моим усердием и думаю: «Вот они, угодники Божьи по своей жизни, там, на Небе, у Бога, не забудут меня своею любовью».

†

[7]

Боголюбивый сын Церкви, уважаемый благодетель Павел Иванович!

Милость Божия и покров Царицы Небесной с благословением от Ее святого жребия – Горы Афонской и от смиренной обители нашей да пребудут с Вами вовеки!

Письмо Ваше от 14 августа мы получили, из которого видим, как благочестивое желание исполняется. Из случившегося с Вами – в отделе от родителей таким чудным образом – Вы и сам усмотрели, конечно, что Благий Бог отчасти исполнил Ваше желание, дабы Вы, пользуясь сею милостью Господа, употребили оное к славе всеятого имени Его, ибо Вам теперь дана возможность располагать собою и действиями независимо и без влияния стеснявших благочестивые Ваши намерения. Пользуясь дарованною от Господа свободой,

можете действиями своими располагать к достижению своих благочестивых целей. Да поможет же Вам Господь во всем во благо и спасение создаваемом, да и о Вас и в Вас прославляется имя Его святое!

Все прочее, написанное Вами на письма наши, проследили и приняли к сведению. В рассуждении же Вашей исповеди о бывших прилогах ереси против Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим, и что сейчас, по трезвении, чувствуете сухость и недостаток теплоты в усердии к Владычице небеси и земли, скажем Вам по власти, от Господа данной: «Прощается Вам и разрешается!» И Царица Небесная Вас простит, ибо Вы пострадали в этом по невежеству, а теперь открытое исповедание уст послужит в оправдание Ваше и в благодержновение к усердной Заступнице рода христианского – Всепетой Богоматери.

Отца Мелетия в Москве в половине ноября должны еще застать, хотя теперь о времени пребывания его там нельзя с точностью определить, ибо срок разрешенного сбора кончился, а будущее продолжение пребывания будет зависеть от благоволения правительства.

Об отце Парфении мы, помнится, писали уже Вам, что он находится не в Воскресенском монастыре, а в Гуслицах, в новоустроенном монастыре Богородицкого уезда Московской губернии.

Намерение Ваше пригласить близких Вам особ, сочувствующих положению своего ближнего, к облегчению нужд обители и по устройении своих дел не оставлять ее, чем и как возможно будет, что Вы исполняете с радостным удовольствием, глубоко трогает нас. Такое живое участие Ваше к Русику делает Вас родным Русику и как бы участником насельников его. Зрящий на сердца Господь, Который ценит и чашу холодной воды, поданной жаждущему, вознаградит Вас за такую Вашу любовь и усердие, и Всепетая Богоматерь покроет Вас Своим честным омофором, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше. Наш же долг есть всегда возносить о Вас с семейством, о брате Феодоре Ивановиче свои смиренные молитвы, а равно и о родителях Ваших, о

поминовении коих и о включении в синодик вечного поминовения имен их Вы так заботливо просили прежде во изъявление любви и почтительности к ним, как к родителям. Выражая свое теплейшее усердие и любвеобильное участие к обители и к нам, убогим обитателям жребия Препоблагословенной Владычицы Богородицы, Вы просите наших молитв. В ответ на такую любовь Вашу скажем Вам, что будем умолять благость Божию, дабы как она соединила нас в духе здесь, в земном временном нашем странствии, так и в будущем соединила бы нас на веки веков прославлять ее в лице Троиственного Бога.

За тем, поручая Вас и себя милосердию Божию и мощному заступлению Царицы Небесной, остаемся и пребудем Ваши смиренные богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святая Гора Афонская. Русский монастырь, 1863 года, сентября 30-го числа.

†

Воспоминание к 7-му письму. Отделившись от родителей, я с благодарным сердцем известил моих добрых старцев и получил такое утешительное благословение на новую жизнь; но я уже в предыдущем письме изъяснил, что духовной цели не достиг по недостатку житейского и духовного опыта.

Здесь моя исповедь была искренна, как это случилось со мною, касательно прилога против Владычицы. Это последствия того же сомнения, о котором я упомянул в пятом письме. Хотя внутренне я убедился в помрачении и сердечно желал восстановить теплоту и усердие к Царице Небесной, но сухость сердца доказывала, что я прогневал Христа Спасителя и Его Пренепорочную Богоматерь. О, дорого мне это стоило, как и прочие сомнения!

Усердие мое к святой обители, обладающее моим сердцем, я распространял и между знакомыми и располагал направлять пожертвования в Русик, что было видно моим старцам, от того так любвеобильно они ко мне относились, да помянет их Господь во Царствии Своем!

С отцом Мелетием мне желательно было видеться лично в Москве, куда я по делам торговым два раза в год бывал, но

свидание по обстоятельствам не состоялось, зато книга его, присланная мне из Афона, много утешала и изглаживала тень омрачения и сомнения касательно истин христианских.

Всеведущий Господь хотя и попустил мне это искушение, но Его же благим Промыслом все это превращено в мою душевную пользу. Сознывая истину, в то же время боялся, не осталось ли во мне по неведению и непостижению своей внутренности какого-либо богопротивного неверия сердечного, а потому, углубляясь умом, старался проверять себя. Если встречал в каком предмете сухость и не двигалось сердце умилением, то я создавал, что на мне лежит неблаговоление Божие.

Читая книги отца Парфения, мне было известно, что он в России, только я не знал, где он находится, поэтому и мой вопрос был. Да, книги отца Парфения принесли мне великую душевную пользу, ознакомили меня с внутреннею жизнью старцев – русского духовника отца Арсения и его сотрудника отца Николая. Благодатная их жизнь врезалась в мое сердце, и я до сих пор, благоговая к ним, не могу их только именовать святыми, но верую, что это великие светильники иноческой жизни, а может быть, и молитвенники за тех, кои молятся о упокоении их. Почему я и поминаю рабов Божиих иеросхимонахов Арсения, Николая, Герасима и Иеронима. Этим сердечным чувствам я обязан описанию их жизни, отцу Парфению. Искренность блаженных покойных старцев и мое к ним усердие остались навсегда благотворным для меня воспоминанием, и желательно, чтобы совершилось их благожелание (в конце этого седьмого письма): «Дабы как она соединила нас в духе здесь, в земном временном нашем странствовании, так и в будущем соединила бы нас на веки веков прославлять ее (то есть благодать Божию) в лице Троидного Бога».

Еще я могу засвидетельствовать то, что молитвы в духе любви христианской оправдываются на самом деле. Вы увидите, что не один раз встречалось имя моего родного брата Феодора Ивановича, участвовавшего в благотворении Русику, имя коего вместе со мною и родителями записано на вечное поминовение псалтирное в обители вашей. И что же? Мой брат

Феодор доселе живет глубоко благочестивым и уже десять лет соборным церковным старостою. Его старанием воздвигнут у нас в городе Новоузенске громадный собор в 125 тысяч рублей, хотя на посторонние средства, но главным двигателем этого доброго дела был он. При этом внешнем деле у него сохранилась глубоко духовная жизнь, которой и я подражаю. Смотря на это, я много приписываю это святым молитвам покойных старцев и вашей святой обители. Теперь очевидно, что молитвы праведных много споспешествуют в деле спасения человека.

В этом письме я назван родным Русику; от этого утешительного титула не смею отказаться. Благодатью Царицы Небесной я и правда сроднился с вами, так себя и чувствую.

†

[8]

Искреннейший благодетель наш Павел Иванович!

Христос с Вами! Божественная Его благодать и благословение от смиренной в святом жребии Преблагословенной обители Пантелеимоновой буди с Вами во вся веки.

Переданное Вами через уважаемого благодетеля нашего Ивана Ивановича Сушкина при письме от 26-го истекшего октября в жертву обители вновь мы исправно получили и с признательностью приняли.

Вписанные в синодик обители прежде имена рабов Божиих: Ваше, Павла и родителей Ваших Иоанна и Ирины со чады ежедневно неопустительно поминаются.

В приятнейший вменяем себе долг молить Многомилостивого Бога, да подаст Он Вам молитвенным ходатайством Всеблагой нашей Покровительницы и Питательницы Владычицы Девы Богородицы мирное житие, здравие, долгоденствие, благоденствие, а более душеспасение, согревая Вашу о Христе любовь к ближним Своею сладчайшей любовью, да утешит Вас и в сей жизни Небесным Своим утешением и в будущем уготовит для Вас отрадное в единении с Господом упокоение.

Не оскудевают в христолюбивом и благотворительном сердце Вашем желание и всегдашняя готовность по силе своей подавать требующим. С верою молимся и надеемся, что и милость Божия к Вам не оскудеет. Господь, Сам будучи Источник милосердия, любит милостивых. Премногою милостью Своею их обогащает, милостивых по преимуществу помилование и вечное блаженное в загробной их жизни упокоение ожидает. *Взалкался, – скажет в день он Праведный Судия от лица меньшей Его братии, – и дасте Ми ясти... Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное Вам Царствие от сложения мира (Мф. 25:34–35).*

Благословен Бог, питаяй нас от неистощимых щедрот Своея благодати через милосердие рабов Своих!

Ожидаемое Вами ответное наше письмо от 30-го истекшего сентября, вероятно, Вы уже получили. Оно послужит Вам ответом и на настоящее Ваше письмо. Спасайтесь силою Божиею, укрепляйтесь на пути к Царствию верою и надеждою и смиряйтесь. Участь земнородных – скорби и радости меняются.

За тем, в чувствах искренней благодарности за усердие к обители, участие во многих нуждах ее и добрую к нам расположенность поручая Вас и себя Небесному покровительству Богоматери, остаемся Ваши смиренные на Святом Афоне богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора. Русский монастырь, 1863 года, 24 декабря.

†

К Павлу Ивановичу Помельцову. Воспоминание к 8-му письму.

В то время, когда часто повторялась моя переписка с покойными старцами, я немало встречал домашних неприятностей от родителей и братьев, не понимавших моей цели жизни, что приводило мой дух в уныние и малодушие. Потому я старался изливать мои чувства и скорби сердечные в письмах, желая тем облегчить свою душу, которые, видя издали прозорливо, утешали и ободряли меня. К моему удовольствию, представлялись и случаи посылок денежных

своих и нередко чужих, что не менее радовало дух мой. Почему замараны цифры посылаемых сумм, я не помню – кажется из боязни, как бы кому не попались письма из неблаговоливших ко мне.

†

[9]

Искренний наш благодетель, доброе чадо Церкви Божией Павел Иванович!

Укрепляйтесь силою Божиею. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, Вышний покров Небесной нашей Промыслительницы Девы Богородицы, благословение земного Ее удела – Святой Горы Афонской и от смиренной обители Пантелеимоновой да почуют на Вас.

На предпоследнее письмо Ваше от 26 октября истекшего года мы отвечали благодарным письмом 24 декабря.

Между тем при исполненном боголюбия письме Вашем от 23 ноября присланы Вами в благотворение вновь [зачеркнуто] от разных благотворителей, в том числе и Ваших [зачеркнуто].

Вписав сообщенные имена для поминовения по чину обители, мы вменяем в приятный для себя долг молить Многомилостивого Бога, да дарует Он ходатайством Приснодевы и предстательствующего к Ним святого Пантелеимона Вам и благотворящим нам через Вас, равно и пребывающим в живых их сродникам мирное житие, здравие и спасение, а в Бозе почившим – вечно блаженное упокоение со святыми во Царствии Небесном.

Но чем воздадим, особенно Вам, добродетельнейший Павел Иванович, за *вся, яже воздаете нам?* Ваше искреннее усердие к избранному наследию Богоматери, Ваше теплое участие во многих нуждах смиренной обители нашей, Вашу евангельскую любовь к нам, меньшей братии Христовой, видит Тот, Который и за чашу поданной ближнему во имя Христова воды обещает награду. Веруем, что Он призрит с Престола славы Своей на моления смирения нашего и воздаст Вам от неистощимых щедрот Своей благодати достойным любви Вашей воздаянием и в сей жизни, и в будущем веке.

Для предъявления благотворившим нам через Вас прилагаем при этом от обители благодарное письмо, а Василию Тихоновичу Карепанову за 21 рубль особо посылается.

Нельзя не порадоваться с Вами посетившему Вас Божиим Промыслом мирному устройению. Многомилостивый Господь достоин всякого благодарения! Рать и заступление, учат святые отцы, смущение и мир, скорбь и утешение поочередно посещают нас на пути жизни нашей, отчего человек приходит в смирение и преуспеяние духовное. Слава Господу за все, хвала Ему вовеки. Всегда и во всем проявляется Его неизмеримая любовь к нам!

Просимые Вами книги и, вообще, какие у нас имеются, в благословение с любовью препровождаем к Вашему Боголюбию, адресуя на имя Абрама Ивановича Сазыкина. Действительно, в Саратове был на короткое время один наш иеромонах, но не отец Мелетий.

За тем, поручая Вас и себя милости Божией и неотступному заступлению Владычицы, остаемся Вашими на Святой Горе смиренными молитвенниками.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святой Афон. Русский монастырь, 1864 года, 3 февраля.

При посылаемых книгах прилагаем несколько адресов с чином поминовения и кратким объяснением состояния обители. Быть может, найдете необходимым вручить кому-либо из любящих благотворение благодетелей. В. Т. Карепанову вложен адрес особо в его письмо.

Молимся, обязаны священной обязанностью молиться о Вас, достойнейший Павел Иванович! *Покровитель наш и Питатель, Дева Богомати, благая сущи, яко Мати Источника милосердия, любит милосердие, изливая на творящих таковая велию и богатую Свою милость.*

Еще к Вам усерднейшая наша просьба, с выполнением которой соединена польза и в известной мере обеспечение обители. К Вам посылаются наши книги. Если содержание их удовлетворит Вашей духовной настроенности, то можно надеяться, что с Вами и при Вас найдутся добрые люди, которые, ревнуя по Бозе, захотят с Вашими чувствами

познакомиться через наши книги со Святою Афонскою Гору, с внешнею ее и внутреннею жизнью, с обретающеюся здесь святынею. Если это возможно и для Вас не будет затруднительно из любви к ближним принять под свое распоряжение распродажу желающим христороумцам наших книг, то по первому уведомлению Вашему мы постараемся выслать к Вам по назначению Вашему число экземпляров. Господь милости не оставит Вас Своею и за сие доброе дело милостью от неистощимых щедрот Своей благодати.

†

Воспоминание к 9-му письму.

В этом письме я получил ответ на успокоившиеся мои обстоятельства и доставившие некоторый мир моему духу, в котором они пишут утешение, что скорбь и спокойствие по очереди меняются. Каждое слово писем оставалось на сердце и приносило душевное удовольствие мне. В это время как у нас в Новоузенске, так и в окрестных селах возбудилось желание посылать на Афон деньги о здравии и за упокой. На мою долю досталась обязанность быть корреспондентом Афонской Горы. И я с полною охотой и усердием направлял пожертвования в Русик. И отношу это к Промыслу Божию, исполняющему Вашу нужду в материальных потребностях. А я не больше был, как орудие в руках Божиих.

Что касается благожеланий мне за мое усердие, то не скрываю: как тогда, так и теперь не оскудевает благословение Божие на мне в материальном и в семейном отношениях до очевидности. Живу хотя не богато, но нужды не имею, пользуюсь спокойствием, какого не имеют и с миллионами. А почему? Потому что я помню, *како неудобь богатыи внидут в Царство Небесное* (ср.: Мф.19:23). Боюсь большого стяжания, а в малом, посильном вижу удобство совместить заповедь Христову. Нравственная часть закрыта, которую оценивает только Тот, Кому все открыто: желание, усердие и намерение делателя.

Предложение раздачи книг и вещей в пользу Вашей обители не могло состояться по моим обстоятельствам, а

потому я не мог этим услужить дорогим моим наставникам и благодетелям духовным.

†

[10]

Милостивейший благодетель Павел Иванович, мир Вам и спасение!

Благословение Божие, честного жребия Царицы неба и земли – Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей буди с Вами вовеки.

Получив известие от собрата нашего отца Мелетия о вновь пожертвованных Вами в обитель 21 рублей серебром, мы благословили достойное имя Ваше с молитвою о Вас к Подателю всяческих благ – Господу. Да помянет Многомилостивый ходатайством Державной нашей Покровительницы Препоблагословенной Богородицы любовь Вашу к земному Ее наследию, усердие Ваше и искреннее благорасположение к нам, смиренным обитателям оного, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше.

Но собираясь благодарно за это писать Вашему Боголюбию, мы получили Ваше сострадательное к стеснительному нашему за границу положению письмо от 8-го истекшего мая. Очень сожалеем, что Вы по не зависящим от Вас и неблагоприятным обстоятельствам не можете исполнить нашей смиреннейшей просьбы, но вместе с тем и сорадуемся Вам, что Вы обрели душевное удовольствие в получении наших священных вещей вместе с принявшими их от Вас другими христолюбцами. Что же касается до описываемой Вами духовной расстроенности, то подобное состояние при рассеянности бывает и с духовными людьми. Поэтому, чтобы при таких обстоятельствах поддерживать свое духовное устройство, так сказать, согревать в себе дар Божий, необходимо хотя понемногу каждодневное чтение.

Насчет вопроса Вашего о постройках и о милостыни к нам милостивой родной России, отвечаем. Больница окончена благодатью Царицы Небесной, но восточная и северная стороны здания, предположенного для помещения умножающегося благословением Божиим братства, по случаю

прекращения правительством нашего в России сбора остановились в постройке, только подготовлены к тому обнесенною стеною. Продолжение и окончание этого мы молитвенно предоставляем в распоряжение Промысла Божия, отечески о нас, убогих иноках, пекущегося.

К сведению Вашему, как искреннему нашему благодетелю, сообщаем, что очень нуждаемся мы в помещениях по неимению келий.

При этом уведомляем, что сообщенные Ваши отцу Мелетию имена, как прежде еще записанные в синодики вечного поминовения, неопустительно поминаются.

Бог милости да воздаст Вашему милосердию Своим неизреченным милосердием в день он, *егда приидет воздати комуждо по делом его*.

За тем, при желании Вам мира, тишины и радости о Духе Святом, поручая Вас и себя благоутробному покрову Матери и Девы Богородицы, остаемся Ваши смиренные богомольцы в святом жребии Богоматери.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора, Русский монастырь Святого Пантелеимона.

1864 года, июля 13-го дня.

Отец Макарий (Сушкин) очень благодарит Вас за память и взаимно усердно Вам кланяется с искренним желанием Вам благ временных и вечных.

†

К Павлу Ивановичу Помельцову. Воспоминание к 10-му письму.

Трудясь над устройением своего сердца, я чувствовал расстройство и разлад внутреннего душевного настроения, ибо как новичок в этом таинственном духовном делании я хотел поставить себя так самостоятельно, как было написано в книгах, особенно в Добротолубии славянском, конечно безрассудно и преждевременно читанном. Добрые отцы мои понимали мою простоту и писали советы. И сам удивляюсь, как я не сбился с толку, взявшись за такое высокое учение. Вразумить меня было некому; были прилоги высокоумия, но как это делалось в

простоте сердца, с искренним желанием спастись, то и прошло благополучно под осенением благодати Божией. Как бы то ни было, хотя моя ревность в духовной жизни текла неразумно, без должного рассуждения, с такими неуместными приемами, над которыми я и теперь смеюсь и осуждаю себя, но это все послужило мне путем к познанию своих душевных и телесных немощей. В конце концов, я весь измаялся, все испробовал, все испытал, что написано в книгах, дошел до сознания, что сам собою ничего не поделаешь, одно осталось средство – плакать и молить Господа, чтобы Он ими же весть судьбами наставил меня на путь спасения и утвердил волю мою. Вот в этом смысле и написано было мое письмо, на которое и отвечали мои опытные старцы, и каждое их слово было для меня законом.

Мне интересно было знать, как подвигается благоустройство обители. Спрашивал, что строят, что имеют в виду; на этот вопрос и отвечали мне старцы, а я более разгорался усердием помогать сам и располагать благотворителей. В это время привозили из сел денежные конверты в почтовую контору, которые, не имея под руками верных адресов на Афоне, отсылали ко мне, и я сделался как бы формальным корреспондентом. Исправлял конверты или новые писал, отчего произошло во всеобщее сведение, что только Павел Помельцов знает, как написать письмо и куда послать, и шли ко мне. Не Промысл ли это Божий? А я тут ничто.

†

[11]

Милостивый государь, достоуважаемый благотворитель Павел Иванович, мир Вам и спасение от Господа!

Благословение Божие и Богоматери от Ее жребия – Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей буди с Вами! Почтенное письмо Ваше мы получили и приносим Вам искреннюю благодарность за памятование обители нашей, о вспомоществовании которой Вы при помощи Божией стараетесь. Господь, Благий Мздовоздатель, да помянет Вас и благотворящих нам через Вас и да вознаградит за усердие

Своею милостью и дарами благоприятными жизни временной и вечной! Благодарим Вас и за то, что порекомендовали нам господ Карепановых, которым пошлем просительные письма. Также препровождаем особое уведомление о получении 25 рублей, жертвованных через Вас разными доброхотными жертвователями, для представления им.

При сожалении Вашем о недоконченной у нас постройке и пресечении сбора выраженное Вами в письме упование на помощь Божию к утешению нашему оправдалось: сверх всякого чаяния сбор дозволен нам еще на год, через что можем несколько надеяться и на совершение более нужных построек. Благодарение Господу Богу и Царице Небесной за все Их милости и дары!

В описываемом Вами неисполнении заповедуемого Богом и святыми отцами Господь да посетит Вас Своею всесильною благодатью и, исцелив немощи, да поможет и укрепит в понуждении себя на все душеполезное и богоугодное! Сознавая свою греховность и духовную нищету, будем сожалеть и сокрушаться о том, *сердце бо сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50:19), как не уничижил сокрушавшегося мытаря. Подобно ему будем ударять в двери милосердия Божия, как повелел Сам Господь: *Толцйте, и отверзется Вам, всякому бо толкущему отверзается* (ср.: Мф.7:7–8). Не будем забывать также, как и стараетесь Вы помнить, что *Царствие Небесное нудится, и нуждницы* (употребляющие усилие, понуждение) *восхищают е* (Мф.11:12).

Новопреставленного раба Божия Петра, родственника Вашего, по просьбе Вашей внесем мы в синодик на вечное поминовение и теперь поминаем его. Многоблагодарный Господь да подаст ему милость Свою, оставление прегрешений и упокоение души его *тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание*. И Вас с прочими благодетелями почитаем долгом поминать в молитвах ко Господу и Богоматери о милости, жизни, мире, здравии, спасении и благопоспешении. Заступи, спаси, помилуй и храни Вас Господь Своею благодатью под покровом Заступницы рода христианского!

Поручая Вас и себя милости Божией и заступлению Богоматери, остаемся смиренными богомольцами Вашими во Святой Горе Афонской, Русского Пантелеимонова монастыря архимандрит Герасим, русский духовник Иероним, иеромонах Макарий.

Святая Афонская Гора. Русский монастырь. 1865 года, февраля 13-го.

Письмо это по обстоятельствам не послалось по написании, а посылается только 1 марта вместе с тем, которое написано для представления жертвовавшим. Господам Карепановым послано письмо.

†

Воспоминание к 11-му письму.

В этой благотворной переписке таилось заочное единение о Господе старцев и моего недостойства. Старцы, видя мое усердие, хотя и не по разуму, молились и утешали всячески, а я, как дитя, любя старцев, углублял в землю моего сердца их добрые советы, что и приносило свой полезный плод.

К моему душевному удовольствию, к переписке присоединился и батюшка отец архимандрит Макарий, впоследствии заменив собою обоих старцев.

Упоминаемое семейство господ Карепановых люди были богатые, которых мне и было желательно затронуть особыми к ним письмами, но, к сожалению, успехов не последовало.

†

[12]

Искреннейший наш благожелатель, боголюбивейший Павел Иванович!

Мир Божий, благодатный покров Царицы Небесной с благословением честного Ее жребия – Святой Горы Афонской и от смиренной обители Пантелеимоновой да пребывают с Вами вовеки.

Вновь полученное от Боголюбия Вашего благое письмо Ваше от 20-го истекшего января более и более утверждает наше смирение в неизменной благорасположенности Вашей к нам, к нашей многонуждающейся обители.

Пожертвованные благочестивыми девицами Стефанидой и Параскевой 5 рублей серебром и от неизвестного за упокой раба Божия Иосифа 7 рублей серебром, а всего 12 рублей через достоуважаемого корреспондента нашего Ивана Ивановича Сушкина мы получили и описанные имена с Вашим и с жертвовательницами для поминовения вписали, о чем прилагается к ним благодарное от обители письмо. Испытуая сердца и утробы Человеколюбец, ведый имя неизвестного жертвователя, Той да воздаст ему в день оный по обилию любви его. Господь милости и щедрот да не оставит Своею великой и богатой милостью и в Бозе почивших, и в живых пребывающих.

Что же касается до духовной Вашей деятельности, то в ней по письму Вашему ничего пока не заметно достойного порицания. Что Вы грешите, но кто же без греха, *аще и един день жития его на земли* (ср.: Иов.14:5), говорит Священное Писание. Благо, что Вы видите свои грехи и смиряетесь под крепкую руку Божию. Воодушевляетесь к подражанию подвижникам благочестия, поднимаете взор свой от земли на небо, и в самом этом стремлении познаете свою немощь, в немощи со смирением взывая к Богу о помощи, к Нему, Преблагому, приближаетесь. А это-то и есть основание нашего спасения. Смирение – страж добродетелей. *«Смирися, – возвещали богодухновенные святые, – и спасе мя Господь вскоре»* (ср.: Пс.114:5). Что делать, когда мы, кроме собственной немощи, не можем ничем другим похвалиться, когда в нас наше – одна наша греховность, когда в нас и около нас все видимое и невидимое, душа наша и тело – все Божие? Бог – наше прибежище и сила во всем, а *паче во спасении*.

Предписывать правила к прохождению духовного жития весьма трудно по разнохарактерности людей, по различным путям ко спасению, а главное – то, что всякое установление может только стеснить совесть. Не пошатнуться невозможно, а если Вы не имеете вблизи опытного руководителя, кто Вас советом благим поддержит и по исповеди утешит? Совесть – для нас и в нас закон. Совесть не оправдает, когда неправо поступаем. Уклонимся от правого пути – укорим себя и

смиримся, воззовем ко Господу о помощи; и то верно, что Господь близ всем призывающим Его во истине. Спасались и спасаются богатые и бедные, цари и простецы, монашествующие и мирские – всем открыт вход в Царство Небесное. Есть кому подражать: и страннолюбивому отцу верующих Аврааму, и многострадальному праведному Иову, и кроткому царю – пророку Давиду, и милостивому Филарету, да и мало ли? Ведь все они в мире спасались. И нельзя думать, чтобы они совершили сей путь без поползновения. Виднее для нас пример падшего и покаявшегося Давида. Доколе в этом теле мы не можем быть свободны от греховности, то покаяние, сказано, второе крещение. Подвизайтесь во славу Божию и не смущайтесь. Бог Вам в помощь! Мати Божия да будет Вам покров и ко спасению несомненная надежда!

Испрашивая для Вас с благотворящими нам через Вас милости у милостивого Бога и поручая Вас и себя благоутробному заступлению усердной Заступницы рода христианского, остаемся Ваши усердные богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора, Русский монастырь, 1867 года, мая 6-го дня.

†

К Павлу Ивановичу Помельцову. К 12-му письму.

Усердно занимаясь чтением подвижнических книг Ефрема Сирианина и прочих, мне было видно, какой чистоты сердца и бесстрастия ко всему требует Бог от человека. Между тем похоти ветхого давали себя знать. Сравнивая свое положение и неисправность в деятельности своей, я ужасался, и спрашивал себя, и думал: «Не погибаю ли я?» Почему, подробно описывая, что со мною происходило, я просил у старцев совета и заочного определенного руководства. Они понимали, что меня беспокоит, написали такое обстоятельное рассуждение, что я и складывал в мою душевную кладовую. И чтение таких искренне сердечных наставлений не проходило без благодатных последствий: читая письмо, я почти каждый раз обливался слезами, целовал бездушную бумагу, воображая, что я целую руки моих незаменимых наставников, благословляющих меня. Поистине

сбывались слова Христовы: *Идеже собраны двое или трое во имя Мое, ту и Аз посреди их* (ср.: Мф.18:20)!

†

[13]

Милостивый и возлюбленный о Господе благодетель наш Павел Иванович!

Благословение Божие и всемогущая Его благодать да почуют на Вас вовеки!

В чувствах искренней нашей благодарности за священный долг считаем известить Вас, что и еще Господь удостоил нас получить исправно Ваших два почтенных письма и при них собранную Вами богоприятную жертву – 50 рублей – в пользу нашей святой обители.

Ваша христианская любовь к ближним и долговременное усердие к пустынной нашей обители радуют сердца наши. Радует же мы трех ради следующих причин: во-первых, что Вы уже неоднократно доставили материальную пользу бедной нашей обители; во-вторых, что ходатайствуете от Бога милость тем благодетелям, которые через Вас благотворят ей, ибо о таковых говорит Господь: Блажени милостивии, яко тии помиловани будут (Мф. 5:7); а в-третьих, что, без сомнения, получите и Вы себе от Бога награду, ибо Он к подобным говорит: *Изводяяй честное от недостойнаго, яко уста Моя будут* (ср.: Иер.15:19).

Итак, за новое оказанное Вами нашей святой обители усердие примите вновь нашу искреннюю благодарность, а обитель, в свою очередь дорого ценя это, воссылает теплые свои мольбы к Богу о здравии, благоденствии и спасении Вашем и равные о тех благодетелях, которые через внушение Ваше оказали ей посильную свою жертву.

Означенные в письмах Ваших имена о здравии Иакова, Ксении и чад их, Иоанна, Алексия, Василия, Наталии, старицы Евдокии, Лукиана, Стефаниды и за упокой Маркелла, Аникиты, Мавры и Лукиана вписаны и поминаются по чиноположению обители нашей. До продлит Господь Бог жизнь благотворивших нам и сродников их на многая лета во всяком благополучии, а почивших да упокоит в обителях Небесных с праведными.

Потрудитесь им за святую милостыню сообщить нашу душевную признательность и благословение Святой Афонской Горы – жребия Пречистой Богоматери.

Еще в первом письме Вашем мы прочли между прочими и эти строки: «Много отнимает у меня свободы моя многообразная мирская жизнь, как-то: по отношению к родителям, собственному семейству и общественная должность церковного старосты, – которые служат препятствием в деле спасения», а далее просите нашего совета, какие Вам принять меры для душевного спасения. На эти Ваши строки вот что мы Вам при помощи благодати Божией скажем. Разве не спасительное дело – чтить и покоить своих родителей, иметь попечение о своем семействе, служить для общества и для святой Церкви? Исполняйте эти добрые дела без ропота, по чистой совести и с призыванием помощи Божией. А в дополнение молитесь почаще, творите посильную милостыню и воздерживайтесь от таких дел, которые противны совести и Богу. В таком случае милостив будет к Вам Бог и в сей кратковременной, и в будущей нескончаемой жизни. Вот какой наш Вам совет. Господь да пребывает с Вами!

Старец Наум Потапович Морозов с помощью Божиею совершил свое путешествие во святой град Иерусалим, а теперь проживает в нашей обители. Хлеб-соль и успокоение для него по силе возможности нашей доставляются; о намерении же его остаться на Афоне или возвратиться восвояси мы ничего не можем Вам пока сказать. Бог, промышляющий о всех Сам, да устроит ему полезное. О здоровье и благополучии его родных мы передали ему. Он и сам хотел писать к Вам и через нас свидетельствует Вам глубочайшее почтение, а также и всем родным своим. Если вышлете денег, то для него они во всяком случае будут необходимы.

Препровождаем к Вам некоторые книги, изданные от монастыря нашего, из числа коих покорнейше просим вручить досточтимому иерею отцу Илию для сведения о нашей обители, а также и еще кому-либо по усмотрению Вашему. Прилагаем ответные письма за полученное пожертвование честнейшему

отцу Илии и Алексею Никитичу Водопьянову, которые покорнейше Вас просим передать.

За тем, призывая на Вас покров Царицы Небесной и заступление всех святых, остаемся Ваши смиренные богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святой Афон. Монастырь Русский, 1868 года, марта 19-го дня.

†

К 13-му письму.

Чтение подвижнических книг святых отцов, их совершеннейшая жизнь в трезвении ума и очищении сердца давали и мне некоторое желание искать того же блага душевного, только я по простоте не мог сообразить, что всякая вещь на своем месте хороша и похвальна. Поэтому я тяготился родителями, которые требовали от меня по торговым делам нашим соответствующей деятельности. В семействе многолюдном мне казалось тесно и невозможно созидать свое спасение; даже должность церковного старосты, управление церковным имуществом требовали от меня заботы немалой, и я чувствовал сильное расхождение ума и сердца, что меня печалило. В таком настроении духа я и описывал мою душевную тревогу за спасение свое. Добрые старцы, видя, что это было все не по моей воле, утешали всячески и как целительный бальзам возливали на мятущееся мое сердце, врачевали своими мудрыми советами.

Упоминаемый иерей отец Илия – это впоследствии иеросхимонах отец Игнатий, скончавшийся в Свято-Андреевском скиту этого 1900 года, 24 февраля. Это был в мире мой духовник, много меня руководивший в юных летах моей жизни, много вразумлял в некоторых неуместных порывах душевных. Он знал мое усердие к Афонской Горе и часто со мною беседовал, заимствуя сведения от меня о жизни иночествующих – конечно, я и передавал ему охотно, что знал. Вот когда овдовел отец Илия, оставшись бездетным, он много благодетельствовал на Афон, Вашей святой обители и Андреевскому скиту. Его благодетельность исходатайствовала ему милость

Царицы Небесной, Которая вложила в его сердце закончить остаток дней своих на Афоне. Был у отца Илии товарищ, нашего города Новоузенска бывший протоиерей Петр Васильевич Унгвицкий, впоследствии скончавшийся в обители Вашей иеросхимонах отец Платон. Они оба задумали перейти в Афон на жительство, в чем им и помогла Матерь Божия. У последнего, отца Платона, я был семь лет старостой церковным. Хотя он был тяжелого характера, и мне нелегко было с ним служить, но зато я много приобрел от него полезного своим терпением. Обоим – отцу Игнатию и отцу Платону – вечная память и Царство Небесное. Так как я близок был к обоим и всегда относился с похвальными отзывами о жизни афонских иноков, то думаю, это их расположило переселиться на Афон. Другое можно сказать: первый был богат, благотворил обителям афонским, второй имел великую веру к Заступнице (выражение отца Платона) – Матери Божией, всегда неопустительно служил сам дни Богородичные. Вот за эти добрые качества Царица Небесная и наградила их Своею милостью: кости их почивают в Ее святом жребии, а души их ждут исполнения Ее обетования в будущем веке.

Сколько радости, сколько сердечного утешения я ощущал от этого 13-го письма! Я понимал, я вполне чувствовал горячую любовь ко мне праведных старцев – батюшки отца Герасима и батюшки отца Иеронима! Их теплые молитвы заочные, перелетев через отдаленные моря и пространства, лились прямо в мое простое сердце, это доказывали слезы умиления при чтении их писем. Я как бы лично с ними беседовал, и поистине Христос был посреди нас! Верую и теперь, что они с того света простирают ко мне благожелания и святые молитвы.

†

[14]

Получено 1 сентября 1870 года.

Возлюбленный о Господе наш благотворитель Павел Иванович, мир и спасение Вам и всему благословенному Вашему семейству!

Достоуважаемые письма Ваши: 1) от 16-го числа сентября истекшего года с жертвою от неизвестного благотворителя 100

рублей; 2) от 14-го числа ноября с вложением 25 рублей; 3) от 30-го числа ноября с вложением 6 рублей, жертвуемых девицею Евфросиниею и 4) от 28-го числа мая этого года – мы все получили в исправности. Но простите Господа ради, что так замедлили ответом! Надеялись было приготовить желаемых Вами разных икон и вскорости послать вместе с уведомлением, но и до этого времени не могли таковых написать. Уверены, что Ваше доброе сердце и любовь к нам, грешным, покроют нашу вину пред Вами.

Для нас очень утешительно, что Вы желаете посетить жребий Царицы Небесной. И мы не менее Вашего желаем видеть Вас лицом к лицу и побеседовать с Вами, искреннейшим нашим благодетелем. Дай Господи, чтобы это благое желание Ваше исполнилось, и чем скорее, тем лучше. Помогите Вам Матерь Божия в этом предприятии, и Ангел-хранитель да сопутствует Вам! Теперь Вы по воле Промысла Божия не находитесь в зависимости ни от кого, теперь для Вас очень легко исполнить Ваше давнишнее желание. Родители Ваши отделили Вас с истинною любовью, с истинным родительским благословением и приличным достоянием. Об этом и мы вместе с Вами зело радуемся и благодарим Господа, устроющего вся на пользу человеку. Даруй Вам Господи и всему семейству Вашему долголетие, здравие, а всего более – вечное спасение! За любвеобильную же Вашу расположенность и сочувствие к нашим нуждам да воздаст Вам Господь Бог сторицею в нынешнем веке и в будущем! Этого искренне Вам желая, мы всегда поставляем за долг возносить нашу смиренную мольбу к Человеколюбивому Богу о здравии Вашем и спасении и о сродниках Ваших, равным образом поминаем и имена благодетелей и их сродников, кои были сообщены в Ваших письмах. Да вознаградит Господь Своею милостью и всех через Вас нам благотворивших. Потрудитесь им сказать нашу душевную благодарность.

Засим, призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Отца светов и покров Усердной Заступницы рода христианского, остаемся Ваши доброжелатели и богомольцы.

Архимандрит Герасим. Русский духовник Иероним.

Святая Афонская Гора. Монастырь Русский. 1870 года, июля 28-го.

P.S. Желаемые Вами иконы как только будут в готовности, так и не замедлим Вам оные выслать.

†

Воспоминание к 14-му письму.

В 1869 году, 15 июня, я был отделен моими родителями жить со своим семейством независимо. Отделившись на 38-м году своей жизни, я сделался маленьким купцом. Состоялось это не по воле родителей, но по настоянию моему: мое семейство стало возрастать, да и семья родителей увеличилась, стало трудновато физически и нравственно. Итак, я настоял отделить себя и из наследства получил часть неполную, но этому был рад, только бы жить на своей воле. Тогда я думал, что смогу побывать в Иерусалиме и на Афоне, а потому, сообщая о разделе, я писал старцам о том и другом. Старцы ввиду этого так доброжелательно и отнеслись к моему новому положению, конечно, желали и рады были лично видеть своего заочного питомца. Как назвать мое настояние отделиться? Было ли оно от Бога или плод моего своеволия? Кажется, последнее.

Отделившись, я повел дела торговые обширно и неосторожно, как неопытный еще, втянулся в крупный кредит в Москве, а тут в 1871 году умерла жена, я остался с тремя взрослыми детьми. Тут уже не до Афона! Едва голова держалась на плечах! Теперь не буду описывать, скажу в следующих письмах. Одно только скажу, что промышляющий о спасении человека Господь не попускает исполняться некоторым желаниям своевольным, но по премудрому Своему Промыслу направляет к очищению, и вразумлению, и к пользе душевной. Так и со мною случилось. Пришлось мне испытать волнующееся житейское море невзгодами и испить горькую чашу печали сердечной, о чем буду писать ниже.

†

[15]

Боголюбивейший Павел Иванович!

Бог, Богоматерь и святой Пантелеимон в помощь Вам, в утешение и спасение! Благословение Божие и Богоматери от Ее жребия – Святой Горы Афонской и от обители нашей буди с Вами и со чадами Вашими!

Уведомляем вас, что мы получили письмо Ваше с извещением о кончине возлюбленной супруги Вашей. Зная, как тяжело разлучиться нежно любящим друг друга супругам, и разлучиться навсегда в этой жизни, мы сердечно сочувствуем Вашему великому лишению. Скорбим с Вами, скорбящим, и вседушевно желаем и молим Благоизволившего переселить отселе супругу Вашу, чтобы Он помог Вам с благодушием христианским перенести такое супружеское разлучение и ниспослать скорбящему сердцу Вашему Свое благодатное утешение. По человеческом соображении следовало бы боголюбивой супруге Вашей еще пожить на земле, но Господь, глубиною мудрости человеколюбно все устраивающий и полезное всем подающий, часто переселяет молодых и средних лет, о коих Священное Писание говорит: *Скончався в мале исполни лета долга, угодна бе Господеви душа его* (Прем. 4:13–14).

Итак, да упокоит же Господь душу скончавшейся рабы Своей Анны во Царствии Своем и да простит ей всякое прегрешение вольное и невольное, о чем с получением от вас известия совершается в обители нашей обычный сорокоуст и отслужена панихида. Имя ее перенесли из месячного в ежедневный синодик для вечного поминовения, и поминается.

Вы просите от нас совета и благословения: вступить ли Вам во второй брак или проводить жизнь во вдовстве? Скажем Вам, во-первых, слова святого апостола: *Оженившийся печется, како угодити жене, а неженитыйся печется, како угодити Богу* (ср.: 1Кор.7:32–33). От юных лет, Вы пишете, дух Ваш стремился к богоугождению, и сердце Ваше никогда не находило полного удовольствия в супружеской жизни, хотя она и была проводима Вами с супругою в мире и любви. Так Промысл Божий устроил Вам сначала испытания, супружескую жизнь, в которой Вы прожили до преполовления дней Ваших; теперь, без сомнения, Господь призывает вас на больший

подвиг, то есть к тому, *что единое нам на потребу* (ср.: Лк.10:42). Так Вы и сами сознаете, хотя и чувствуете, с одной стороны, естественное побуждение к вступлению во второй брак, к которому, впрочем, особенной уважительной причины не предвидится из письма Вашего. Во-первых, Вы чувствуете себя не соответствующим к брачной жизни, и, во-вторых, дети Ваши уже не столько требуют материнского ухода, ибо не младенцы, и во второй супруге Вашей едва ли они найдут себе нежную мать, родившую их. Из всего этого мы заключаем, что нет Вам воли Божией вступать во второй брак, а потому на оный нет и от нас благословения. Потрудитесь ради Господа и ради спасения души своей понести ниспосланный Вам крест сей, за который увенчаны будете Вы от Всещедрого Мздовоздаятеля, *богатого милостию, неувядаемым венцем вечныя славы. Хотяй всем спастися да наставляет и укрепляет вас во всем, елика, по апостолу, честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна* (ср.: Флп.4:8), и Бог мира буди всегда с Вами!

Передавая вас со чадами Господу Богу и Царице Небесной, *в нихже и от нихже утешение наше и спасение*, остаемся смиренные богомольцы Ваши и доброжелатели Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря архимандрит Герасим, духовник Иероним.

Святая Гора Афон, Русский монастырь Святого Пантелеимона, 1 февраля 1873 года.

†

Воспоминание к 15-му письму. Вот роковой час расстроил мою жизнь! Моя добродетельная супруга Анна на 36-м году своей жизни скончалась после продолжительной болезни, оставила меня с сиротами: двумя дочерями, 16 и 14 лет, и сыном 10 лет. В порывах душевной печали у меня явился вопрос: оставаться вдовым или жениться? Для этого я обратился к старцам, которым хотя была известна из писем моя жизнь заочно, но я еще добавил мои соображения, желая узнать волю Божию, просил их благословения, на что укажут они. Вдовел я только три месяца. В это время был неурожай хлеба и сильная бескормица для скота. Край наш от этого окончательно

разорился. У меня был большой кредит за русскими и за киргизской ордой, живущей около нашей местности. Это житейское несчастье сильно подействовало на мои торговые дела и ввело в безвыходное затруднение. Я должен был в Москву 50 тысяч рублей и вынужден был прекратить платежи. Поэтому после смерти жены и таких неблагоприятных обстоятельств я совсем растерялся. Родители начали советовать мне, чтобы я вступил во второй брак и тем оградил свою молодую семью надзором в лице жены, а им матери. Трудно мне было: что я должен избрать – да или нет? И вот под влиянием тяжелой душевной тоски я сдался на совет родителей. Письмо с Афона замедлило, оно было послано 1 февраля из обители, а я 5 февраля уже женился вопреки своему желанию и настроению духа. Избрал невесту хоть и по совету родителей, вдовицу, но по летам далеко не ровню, молодую, 21 года, сам имея 39 лет, по характеру светскую – всем на удивление! Хотя житейские качества в молодой супруге для семейства и хозяйства были в мою пользу, ибо я ожидал материальной поддержки для своих дел от родства ее, что впоследствии оправдалось, но в душевном состоянии я составил себе неизъяснимую тягость душевную и физическую. Доходил до великой скорби и печали, а делать было нечего, связал себя и молодую супругу неравенством положения (простите за подробности). Так мы прожили 28 лет, и сверх ожидания Бог благословил тремя детьми – сыновьями. Теперь, проходя воспоминанием мою протекшую жизнь, опять усматриваю непостижимый Промысл Божий, как Он из моих ошибок, неосмотрительности устроил все во благо нам обоим и всему семейству! Провел сквозь опасности нашу жизнь, мне продлил лета до 68 лет, мои торговые дела исправились, детей всех воспитали и определили к месту. Супруге Бог вложил в сердце подражать моему житию и примеру; она мне не препятствовала в духовной жизни, и сама сознала, что это спасительно. Я не переставал искать того, что искал от юности, то есть жизни богоугодной, монашеской; хотя я не в монастыре, живу купцом, и торгую по-прежнему, но следую жизни святых отцов. Чего я искал, Милосердый Господь открыл то моему

сознанию: всеял страх Свой Божественный в мое сердце и по указанию не погасшей моей совести являет Свою благую волю мне в деятельности. Что касается до монашества, то мысль эта меня не покидает: самые лучшие минуты моей жизни – это когда я бываю в монастырях на богомолье. В 1895 году путешествовал в Иерусалим, на обратном пути я сподобился погостить и у вас в святой обители целую неделю, только уже не застал в живых не только моих праведных старцев, но и *в Бозе почившего* незабвенного архимандрита отца Макария (Сушкина), который заменял мне вполне покойных старцев.

Теперь я вполне доволен своим земным существованием: не богат, нужды не имею, семейство имею доброе и скромное, хотя не так высоконравственное, но огорчаться не смею; другого на земле чего желать еще, не знаю. Во всем спокоен! Остается желать только одного – Царства Небесного и идти к нему тесным, указанным в святом Евангелии путем, но это предоставляется свободе человека. Имею намерение, *еще Богу угодно и Царица Небесная удостоит*, и еще взглянуть на Ее святой жребий – Афонские обители. Да будет воля Божия.

†

[16]

Возлюбленный о Господе боголюбивый Павел Иванович!

Благословение Божие и причастие Святого Духа буди с Вами.

С радостью и благодарностью получил я Ваше письмо от 14 сентября, в коем усматривается искренняя любовь Ваша к Богу и благое желание Ваше исправить себя, а также расположение ко мне, грешному. Причем по обязанности и любви христианской я посильно не оставляю вас в своих убогих молитвах, и ежели Господу угодно продлить мою жизнь и укрепить мою немощь, то и впредь не забуду вас молитвенною памятью и по возможности не откажусь отвечать Вам на письма хотя кратко. Советую Вам стараться с Божией помощью *протираться в предняя, забывая задняя* (ср.: Флп.3:13), ибо и одна вошедшая в душу добродетель приводит и прочие, и одна павшая страсть ниспровергает другие. Господь же, видя усилие Ваше на подвиги благочестия, не замедлит поспешить на помощь с

благодатью Своею, и под ее плодотворным осенением и малое семя добра может возрасти в древо благой жизни.

Даруй Вам, Боже, всегда возноситься желаниями сердца над всем дольным горе и зреть чистою мыслью истинное Солнце Правды, просвещающее всякого человека, желающего спасения, и среди куплей и молвы житейских пекитесь о едином на потребу. В светлые дни радости и мрачные дни печали да будет у вас одна и та же вера и любовь к Богу, благодарение за все ниспосылаемое, а о своей греховности и духовной нищете имейте смиренные чувства и сокрушение.

Отец архимандрит Макарий также посылает Вам благословение и благожелание милости Божией; он и я молим Господа и Царицу Небесную, дабы Она исполнила Ваше желание о посещении Афона ко спасению души.

Поручая вас заступлению и покрову Божией Матери и молитвам святого великомученика Пантелеимона, остаюсь с любовью о Христе Ваш смиренный богомолец.

Духовник Иероним.

Святой Афон.

Русский Пантелеимонов монастырь. 30 октября, 1881 год.

†

Воспоминание к 16-му письму.

Вот, как видите, переписка моя стала реже и ослабевать. Мне было стыдно старцев, что я не исполнил их благословения – женился, а тут и жизнь не соответствовала прежнему тону. Но дух мой тосковал! Я не скрывал моей неосмотрительности, каялся блаженным старцам. Поправив свои земные затруднения, я немного успокоился, и дух мой опять стал стремиться к прежней идее спасительной. В этом письме уже остался только один мой дорогой батюшка отец Иероним. О, это мой могущественный молитвенник к Богу! Сказано в Писании: *Благословение отчее созидает дома чад* (ср.: Сир.3:9) – так благорасположение батюшки, очевидно, оправдалось на мне во всех отношениях. Еще повторяю: мои торговые дела исправились, жизнь нравственная тоже стала склоняться к прежнему настроению. Не желая смерти грешника, Бог чудодействовал в моих странных до сожаления приключениях!

К моему истинному утешению вместо покойного архимандрита отца Герасима заступил добросердечный батюшка отец Макарий – и опять две сильные и могучие молитвы к Богу за мое недостойнство! В это, не по форме обыкновенной в письмах, искренне веровал, что такие праведные старцы истинно меня любят и так усердно молятся за меня Господу. Усердие ко святой обители Вашей во мне не прекращалось, хотя материально не так, но сердце мое стремилось достигнуть желания побывать на Афоне, а потому я нередко упоминал об этом в моих письмах, но Господь имиже весть судьбами не привел из всех трех их видеть лично. Да, долго ждал я исполнения своего желания! Только через 30 лет я получил возможность отправиться к святым местам – как в Иерусалим, так и в Афон.

†

[17]

Возлюбленный о Господе Павел Иванович, мир Вам! Письмо Ваше от 24 января я получил. Долгом своим считаю ответить. Вашему душевному состоянию, как и всегда, я искренне сочувствую. Но предложенный Вами теперь вопрос не совсем удобообразим. Вы напомнили слово святого апостола, который обязывает супругов отдавать друг другу должное. Что же можно сказать против апостольского слова? Если уж сделан неосмотрительный шаг, сделанного теперь не воротить. Молитесь, чтобы Господь имиже весть судьбами управил вас к спасению. Он видит сердце Ваше.

Водительству Его всеблагото Промысла вручая Вас, с искреннею любовью о Христе Иисусе остаюсь богомолец Ваш
Духовник Иероним.

Святой Афон. Русский Пантелеимонов монастырь, 10 марта 1882 года.

P.S. Ваше почтенное письмо от 30 января также у нас получено вместе с жертвою 12 рублей от Григория Субботина. Прилагаем ему квитанцию и просим поблагодарить от нас за святое приношение.

†

Воспоминание к 17-му письму.

Нелегкое состояние моего духа от прохождения семейной жизни порождало во мне крайности – из письма можете догадаться, чего я домогался. Конечно, неразумного и невозможного! Здесь вижу, что батюшка с душевным прискорбием и как бы негодованием указывает на мою опрометчивость, которую поправить может только один Бог, и что он указал мне один исход – молиться. Я этого со смирением и держался, и вера моя не осталась без милосердия Божия: желание само собою приходит к исполнению, и только вследствие молитвы – вера и молитва чего не принесут?! Вот уже мне теперь 68 лет, Господь поддерживает мои физические силы и бодрость духа, по делам торговым еще соответствую – тружусь. Лета старости, нравственная цель жизни и умеренность во всем укрепляют мою волю в добре. Думаю, и молитвы моих покойных старцев, в которых верую, покрывают, а более умиротворяют течение моей внутренней жизни, так что чего я желал неразумно и преждевременно, это как бы само собою устанавливается. Итак, совет доброго батюшки: «Молитесь, чтобы Господь имиже вестъ судьбами управил Вас к спасению, Он видит сердце Ваше» – есть его отеческое благословение, которое благотворно сопутствует мне доселе.

†

[18]

Возлюбленный о Господе Павел Иванович, мир Вам! Письмо Ваше я получил. Благодарю Вас за утешительную память Вашу.

Радуюсь, что благодатной помощью святого великомученика и целителя Пантелеимона укрепилось здоровье Ваше. Да будет сие и во укрепление души Вашей, чтобы превозмогать в немощах. Сердечному сокрушению не смущайтесь: *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс.50:19); прелесть же свойственна только сердцам гордым и надменным. Ищите смиренномудрия, повергайте всегда пред Господом немощь свою – и не будете оставлены. По человеческому суждению трудно сообразить, как могут устраниться неотразимые препятствия, но судьбы Господни

неведомыми нам путями руководят нас к пути спасенному, лишь бы мы несомненно предавались Его водительству.

Благому Вашему желанию побывать на Святой Горе да споспешествует Царица Небесная; только не знаю, застанете ли Вы меня здесь: здоровье мое совсем разрушается; не погрешу, если скажу: *По вся дни умираю* (ср.: *1Кор.15:31*). Но во всем буди святая воля Господня, благая и совершенная!

Сами себе и весь живот наш Христу Богу предадим.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Пусть будет для Вас *новое лето* сие летом Господним приятным, и да обновляются силы Ваши возрастать в нового человека, совлекаясь ветхого, и войти в меру возраста благодатью Рождшегося на спасение наше и возродившего нас к жизни новой, нетленной и вечной.

С искренней любовью о Христе Иисусе пребываю смиренным Вашим богомольцем. Духовник Иероним. Святой Афон.

Русский Пантелеимонов монастырь. 27 декабря 1883 года.

†

Воспоминание к 18-му письму.

В этот период моей жизни посетила меня болезнь – брюшной тиф, я был безнадежен к жизни, что и сам припоминаю. В это время через меня была выслана с Афона икона святого великомученика и целителя Пантелеимона для передачи в наш Новоузенский женский монастырь. Икона прибыла в мой дом в самый трудный перелом моей болезни, я сам как бы бессознательно потребовал, чтобы икону поставили у моего одра пред глазами, в бессознательном же состоянии, как помню, я и молился угоднику помочь мне; и вот его предстательством я доселе здравствую и бодрствую, о чем описано было.

Получил и ответ на вопрос мой, когда бывает умиление сердца и иногда текут слезы, которые, по моему мнению, были незаслуженно. Я сомневался, не прелесть ли это, просил объяснения. Затем жаловался я на свою жизнь, что расстроил и связал себя, намекал еще на многое, что было не в моей власти. Из последующих обстоятельств моей незавидной жизни,

может быть, батюшка усматривал во мне лицемерие, а потому по долгу искреннего наставника отвечал со всею строгостью духовного судии, чего я вполне и заслуживал. Вот он прямо указывал, что человеческим советом нельзя указать исхода в неотразимых обстоятельствах. Указав на неведомые судьбы Божии, он утвердил мою мысль «предаться воле Божией». Так я доселе и руководствуюсь этим твердым и благим советом моего доброго батюшки и положил в моей душе поминать в своих недостойных молитвах иеросхимонахов Герасима и Иеронима, отца архимандрита Макария, что и доселе по возможности моей исполняю.

Это уже было последнее письмо моего дорогого и незабвенного батюшки отца Иеронима, руководителя и молитвенника к Богу! Вскоре получил известие о его блаженной кончине. Даруй ему, Господи, Царство Небесное и сотвори ему вечную память.

Этим и заканчиваю воспоминание моих писем. Много раз собирался писать это, но колебался, будет ли это уместно. Наконец помысл внушил. Хотя небрежно и безграмотно, как видите, написано, но прошу достойнейших отцов принять для памяти *в Бозе почивших* старцев в подражание их усердия и любви о меньшей братии, искавших их отеческого духовного руководства, что не на одном мне совершилось во спасение.

Буди Богу нашему слава!

P.S. Кончено вчерне 20 декабря 1900 года и до сих пор оставалось не

исправлено. Теперь, с помощью Божией, окончив 20-го же января 1901 года, предполагаю отослать в вашу святую обитель. Всегда искренне усердствующий к Вам новоузенский купец Павел Иванов Помельцов.

Воспомяная схиархимандрита Макария (Сушкина) об отце Иерониме

Однажды я жаловался Духовнику на блудные помыслы, и весьма пугающие. Духовник же отвечал: «Вечно имеешь рассеянный ум, не стараешься о молитве Иисусовой, а к этому же хорошо иметь ум внимательный о следующих предметах:

- 1-е – о падении первого человека;
- 2-е – о падении собственном во грех;
- 3-е – о покаянии за грехи;
- 4-е – о воплощении, проповеди, страдании, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа;
- 5-е – о собственной смерти;
- 6-е – об аде;
- 7-е – о Страшном Суде;
- 8-е – о вечном блаженстве. Когда будешь, сколько можно, об этом внимать, помыслы будут отсекаются».

†

Спрашивал я Духовника о молитве, о приближенном моем друге в мире, к которому я имел любовь. Духовник никак не позволял молиться о том, к кому имеешь расположение. Во-первых, потому что эта молитва пристрастная – чем огорчается величие Божие. По обетам, данным при пострижении, я должен забыть всех и вся, чего ради и можно воззвать ко Господу: «Отец мой и Мати моя! Ради любви к Тебе, Иисусу Сладчайшему, род мой по плоти я презрел. Да нарекусь сыном Отца Небесного».

†

По смерти отца Никодима, келейника о. Духовника, нашли записку, завязанную в узелке. Слова этой записки следующие: «Я уповаю на милость Божию, на заслуги Христовы, Он мой Судия, а не вы, окаянные, что вам за дело до меня, Ему согрешил – Ему и каюсь, а вы не имеете во мне никакого места, лукавые бесы, отойдите от меня к вашему сатане». Он тоже говорил: «Как будешь принимать прилоги блудные – забываешь страх Божий».

Келейник о. Духовника брал на себя подвиги спать на каменном полу, для хранения уст носил камень во рту. Имел слезы и стенания сердечные. Когда долго не имел слез, тогда имел самоукорение устное и бил себя по лицу и таскал себя за волосы.

†

11 октября 1853 г. Во время это я препроводил ко Господу двух моих соотечественников. Первый пришел в июне 1852 г., остался жить. От чрева матери был девственным. Имя его было в мире Варлаам, бы он тульский мещанин. Пожив месяц, враг его подстрекнул, и он хотел ехать в Тулу, но Бог покрывает за молитвы Царицы Небесной. Он остался и в сентябре постригся в схиму. Кончина его была самая тихая.

†

Другой еще в мире скитался под чужим паспортом и именем Иоанн. Жил в лесу и нес разные скорби ради Бога. Приехал сюда в 1853 году, в июне, из Иерусалима, ради Бога выпросил разрешения жить в обители и за послушание ходил по делами монастырским. Простудившись, заболел. 28 сентября постригли его в схиму с именем Иларион. Отошел ко Господу 2 октября. Весьма благодарил Господа и Царицу Небесную, что на Жребии Богоматери умирает, чего просил и желал во всю жизнь, а перед кончиной просил всех молиться, чтобы ему уже не возвращаться к жизни.

†

«Если имеешь какой прилог злобный, – говорил о. Духовник, – помолись Господу и Богоматери. Да покроют тебя от всякого зла, и Господь помилует. Если сердце обливается кровью от страданий, предай себя на волю Божию и гласу Совести и будешь жить как монах. В продолжении дня, по-восточному в 3 часа, призывай Святого Духа, как показано, и после говори: «Слава, Господи, снисхождению Твоему. Слава, Господи, истощанию Твоему. Слава, Господи, воскресению Твоему. И Слава, Господи, Твоему долготерпению на мне грешном». И после трижды прочитай «Богородице Дево, радуйся», если можно, все с коленопреклонением. Также и на 6-м и 9-м часе.

†

Из Слова на Обрезание, 1 января. «Не все Иисус при взятии имени Своего во обрезании изливает кровь, и имя Его обагрется Кровью».

То есть, по словам о. Духовника, если который день не обливается кровью сердца в противоборствовании страстям, тот день для инока потерян.

†

Жестокость сердца бывает от трех вещей: многосония, многоядения и рассеянности, Даже воспоминания самых разительных происшествий с великим трудом умягчают сердце.

†

Если человек проведет бдение со всевозможным усилием против сна и при всем старании, не по нужде, как в церкви, а с понуждением к молитве, в тот же день особенно последует ему благодать Св. Духа, в каком бы отношении и виде Она ни была.

Спросил Духовника, будем ли мы отвечать за грехи, содеянные в мире после исхода души. Он отвечал, что бесы будут нас смущать ими, представлять все пакости от начала их, но который имеет раскаяние с сердечным сокрушением, к тому они не вспомнятся, что заключил он из пророка Исаии.

†

16 декабря 1853 г. в 9 ч., или по-русски в 3 часа пополудни, скончался доблестный наш святогорец отец Сергей иеросхимонах после продолжительной болезни водянки. Пред смертью ему выпускали воду, и ему стало легче, но ненадолго. Пред самой смертью были его слова: «Сколько ни живи, а умирать должно». За несколько часов он переменял белье и отошел ко Господу так тихо и мирно. Во время кончины виднелись и слезы на глазах. Он просил молиться за него, и все общество чувствует большую потерю по его смерти, а особенно я. Уже не имею другого утешения, какое я имел: наслаждаться его беседами во время пребывания у него в келье. По отходе его и истечении 40 дней он чудился во сне одному из старцев, будто бы он получил милость Божию ходатайством Пресвятой Богородицы за крепкую веру в молитвы старцев. Будто бы все

такие откровения имели, как о. Никодим. После него осталась книга, дневник, который он вел.

†

Рассказывал о. Духовник об одном из старцев, когда он услышал на Светлое Воскресение возглас «Христос Воскресе!» Сердце его затрепетало, и он от радости восторгов души едва не расстался с жизнью. Это продолжалось до пятницы, а потом стало стихать. Он чувствовал, просто выражаясь, что сердце его радуется и он приходит в великое умиление так, что когда он приходит на исповедь, то обливается слезами и целует ноги духовнику, прося молитв и благословений, и уходит всячески от празднословия.

Однажды я спрашивал о. Духовника, если он умрет, оставит ли что-нибудь в назидание. Он отвечал, что «Вот вам пожизненное слово – Священное Евангелие, в нем поучайтесь, в нем вся ваша жизнь, им руководствуйтесь».

†

В последний час жизни приходят: 1-е – помыслы, сомнения о вере, 2-е – отчаяние, 3-е – самомнение, когда человек надеется на свои дела, 4-е – желание видений, и в самый час смерти искушитель возвысит ум, что будто бы ты достоин видения. Твердое и здоровое рассуждение сообщает такую силу душе, которой она не имеет от природы, и умная скорбь восполняет недостатки деятельности телесной.

†

О болезни Духовника о. Иеронима

Под 20 июля пред бдением на Св. пророка Илии мне пришлось побеседовать с Духовником Иеронимом о его тяжелой болезни. Он мне сказал: «Такой толчок я получил в сердце, что ни встать, ни лечь, ни сесть». Я спросил: «От чего это?» – «На днях, несколько дней подряд, я такие получал духовные утешения, что и выразить не могу при сознании своего ничтожества. Я так плакал, что, кажется, этим повредил себя, и какой исход болезни будет, Бог весть» – «От чего начались утешения?» – «От молитвы. Я преимущественно молился об обители, чтобы Господь сохранил ее общежитие до Своего

пришествия, сохранив целым и невредимым от тех искушений, которые разоряют общежитие».

На вопрос, получил ли он что в ответ, он сказал: «Я не смел этого вопрошать. Мое дело – просить. Давая молитву молящемуся, Господь дал ее и моему недостоинству, молитву о любезном мне общежитии и братстве». Спросил и я, грешный, а обо мне-то батюшка молился ли? Он отвечал мне так сладко и умиленно: «Да за кого же мне более молиться, как не о тебе? Ты мне заменяешь и родителей, и брата, ты и друг духовный». Я был очень обрадован; ожидал этих слов уже несколько лет, но не получал. В 1881 году, когда батюшка был болен, и я просил у него слово утешения, он начал говорить: «Что ты хочешь, чтобы я тебе наговорил каких-либо комплиментов? Ты думаешь, утешил меня тем, что в день моего Ангела (*) поднес мне св. иконы Пресвятой Троицы с такой торжественностью, и думаешь, что мне это приятно? Если бы я знал это, то не только не пошел бы в архондарик, но заперся бы у себя и никого не принял бы». Против этого было много возражений, подробностей не могу теперь, после 2 лет, вспомнить, но только я был поражен этими замечаниями, которых не ожидал. Наверное, с месяц я был как бы в изумлении, и однажды во время Божественной Литургии вдруг все как бы прояснилось. Ведь если бы это было нужно, то Господь не оставил бы утешить, а надо было укреплять силу терпения. И такие ли нужны отношения, какие бывали во время ласкового обращения.

(*) 15 июня 1881 г. был день Ангела Духовника о. Иеронима. Братия собирались в архондарике, туда приходил и о. Иероним, и все его там поздравляли. И вот тогда о. Макарий преподнес ему эту икону, причем сказал ему от имени братства благодарную приветственную речь за его духовное попечение и руководство. Но о. Иероним речь эту не слушал, чтобы от похвал не повредиться, углубившись в молитву, как он и сказал после об этом. Иконой этой он благословил братство, поэтому 15 июня бывает служба Пресвятой Троице ежегодно с того времени. Икона эта находится на Горнем месте в алтаре Покровского собора. О. Иероним остался такими почестями весьма недоволен, упражняясь всегда в смирении, и

высокоумия остерегался, чтобы не повредиться. Высокоумие может погубить любого навсегда, поэтому он и высказал о. Макарию свое недовольство, как видно из сказанного выше.

†

Во время болезни о. Иероним переносил все страдания постепенно, ободрял себя духовно и находился постоянно в молитвенном настроении духа, особенно во время тяжких своих страданий. Хотя и от разных причин, но болезнь его, я думаю, была от многого плача, ибо несколько часов он даже приходил в исступление после плача.

Не одно только призывание было имени Господа, но нередко слышались всевозможные ублажения Его, как это пишется в Житии св. Тихона Задонского. От сего плача была и болезнь. По словам доктора, это легкий паралич сердца, последствия которого остались в руке, которую он с трудом доносил до головы. Головокружение, которое чувствовалось во время болезни, тоже есть следствие повреждения головных нервов. «Нельзя поручиться, – говорил доктор, – что эти малые приступы не будут повторяться. Лечение будет состоять в ослаблении пароксизма и устранении последствий. Грыжа у него старая, и нельзя ее лечить как следует».

†

Вечером 6 декабря 1877 года о. игумен в беседе с о. Духовником спросил его: «Как проводишь бдение?». Он отвечал, что проводил бдение довольно бодро, хотя с изнеможением. Так как Духовник о. Иероним имеет дар молитвы, и, как известно духовным лицам, молитва иногда действует умеренно, иногда с особенным вниманием и глубокомысленным размышлением, иногда дается молитва о каком-нибудь предмете особенном. В этот день молитва была об обители, вслед за этим – о благодетелях. Так как в этот день празднуется день Ангела Николая Павловича Игнатьева, искреннего нашего благодетеля, то о нем дана была молитва, чтобы Господь утешил его за все благодеяния, оказанные им обители, и ту внимательность, которую он имеет к нам. И еще, чтобы при этом он почувствовал, что утешение, подаваемое ему, исходит по ходатайству молитв обители; затем о текущем

деле, чтобы оно увенчалось успехом; чтобы Господь даровал победу над магометанами, а после того, чтобы Господь обратил их в Христианство и тем покончились бы все смуты на Востоке. Затем была молитва обо всех язычниках, и поименно они были перечислены. Все это сопровождалось необыкновенным умилением, и отец Духовник говорил, что когда бывает об этом молитва, то он чувствует приток неизреченной радости.

Записки келейника о последних днях отца Иеронима

О тяжелой скорби, посетившей нас 14-го ноября, о коей телеграфировали Вам немедленно, теперь сообщаем Вам некоторые подробности:

3-го ноября было у нас бдение всем святым Бессребреникам. Кроме своей обычной болезни, во время бдения открылась рвота и стеснение в груди. Я пришел тотчас к нему во время бдения, так как всегда в таких случаях я немедленно являлся к батюшке. Ибо мне всегда, по моему распоряжению, сообщали в случае какого-либо болезненного припадка с ним. Он дал мне благословение и на вопрос мой, как его здоровье, ответил мне, улыбаясь: «Собрались умирать, да вот опять отдумали». – Я ему ответил: «Полно-те нас пугать». – А он сказал: «Кажется, уже пришел срок этим пуганиям». Зная, по своей опытности, что эти сообщения меня опечаливают, он переменял разговор, как и всегда делал. День этот прошел благополучно, но он никого не принимал, кроме самых близких. 4-го числа он принимал своих бедняков-келлиотов, для которых он отделил одно место для их жительства и успокоения на одной из монастырских дач. Это его улучшение нас повеселило. 5-го числа он почувствовал тот же симптом. 6-го день прошел благополучно. 7-го с полудня он почувствовал тот же припадок, но после болезнь облегчилась так, что он готовился к св. причащению. Даже показался будто бы и аппетит. 9-ое прошло благополучно. 10-го почувствовал себя довольно слабым. Вечером я и отец казначей пошли к нему, долго говорили; сначала он, как видно, затруднялся беседовать. Видя это, я, взяв благословение, ушел. Это было по-европейски около 10-ти часов вечера. О. казначей пробыл у него еще часа полтора. Вечером 11-го опять началась сильная рвота и резь в животе, и ночью он чувствовал себя снова весьма плохо. Так было и 12-го. В половине дня наш домашний монастырский доктор предложил пригласить другого врача. Тот приехал к вечеру; но батюшке не угодно было принять его тогда;

он даже сделал замечание, зачем мы призвали еще чужого доктора, и сказал: «Он мне не поможет». На 13-ое число мы видели его очень ослабевшим. У нас тогда бывает всенощное бдение Св. Иоанну Златоусту; отправляясь на бдение, я предложил ему принять св. Елеосвящение, так как уже несколько раз после этого таинства он оправлялся здоровьем, он мне на это ответил текстом Св. Ап. Иакова: *«Призовите пресвитеры церковныя, да помолятся о нем (болящем) и помажут его елеем во имя Господне, и молитва веры спасет болящаго»* (Иак.5:14–15) и, сказав доселе, добавил: «Но чтобы воздвиг меня Господь, об этом я не прошу Его, а только чтобы простил мои согрешения и Вас прошу, не утруждайте Божество; если бы Вы знали, какие я ощущаю боли, то Вы сами мне сострадали бы». – Я ему ответил: «Да будет воля Божия, – но мы обязаны ради общей пользы просить о вашем выздоровлении», и привел ему слова Св. Ап. Павла: *«Мне бо еже жити, Христос: и еже умерети, приобретение есть. Обдержим же есмь от обою, желание имый разрешитися и со Христом быти, много паче лучше: А еже пребывати во плоти нужнейше есть вас ради»*. (Флп.1:21,23–24) На вопрос мой: «Когда благословите?» он ответил: «Я тогда дам знать».

Посещая его, я замечал, что ему становится все труднее, и сказал келейнику его, чтобы он спросил его о Елеосвящении, ибо жалко было даже смотреть на него. Он ответил на вопрос келейника: «Пусть совершают сейчас». Мы сейчас же и поспешили совершить. Невдалеке от его кельи есть храм Преп. Сергия, в нем совершили Св. Таинство, а помазывать ходили в келью его. По окончании он встал и сказал: «Благословите и простите меня, святые отцы, в чем кого-либо оскорбил, и помолитесь за меня». Так опять мы оставили его страждущим.

Пред началом литургии снова был я у него и спросил: «Благословите начинать литургию или подождать?» – Он ответил: «Я ведь слушать не могу; как Вы желаете, так и делайте». Я поспешил на литургию и после нее сейчас же пришел я к нему и приветствовал его: «Бог милости Вам прислал», он на это сказал по обычаю: «Бог да простит». На вопрос, как его здоровье, он сказал: «Очень тяжело, откуда это

только собрались такие боли, как вырвет, то чувствую полегче». Я стал его просить, чтобы он принял доктора. Он мне снова сказал: «Зачем призвали его, не спросив?». Я сказал ему, что по просьбе братии. В это время он принял от меня исповедь, и поговорили мы с ним кое-что духовно несколько минут. После Елеосвящения я приносил к нему святую икону Избавительницы Божией Матери и главу св. Великомученика Пантелеимона. Как пред святою иконою Богоматери, так и пред святыми мощами Великомученика он сам прочел тропари и благоговейно приложился трижды. Так этот день прошел; никакие лекарства не помогали. Вечером посоветовали сделать ему ванну. Доктор, впрочем, даже и опасался, как бы не произошел обморок, но батюшка согласился. Когда принесли ванну, батюшка сам распоряжался, сколько влить воды и какие держать градусы. После ванны как будто сделалось ему некоторое облегчение. Сидя на кровати, он говорил про себя: «Господи, что же они меня держат, не дают умереть, да и только», – не видя, что я стою сзади. Я ответил ему на эти слова: «А где же воля-то Бога?». – Он, обратившись, говорит мне: «А Вы разве здесь? Хотя бы на четверть часа дал Вам понять этой боли, и спросил бы тогда Вас, пожелаете ли жить», – и опять застонал. Ночь прошла в самом тревожном состоянии. 14-го, когда зазвонили к утрени, я пошел к нему и нашел его здоровье быстро ухудшающимся. Читая утреню у себя в келье, я снова навестил его после шестопсалмия, и встретил у него доктора, келейника – всего человек до 5-ти близких людей. Батюшка не видал, как я вошел. В то время стал выходить келейник его, и батюшка быстро спросил: «Кто это вошел? Отец Макарий?» – Я сказал ему: «Я здесь», и стал напротив его. «Как Вы, Батюшка, себя чувствуете?» – Он ответил: «Непередаваемые боли в животе; имеем надежду на щедроты Божии, а терпеть не хочется и такой малой болезни, а обетованные-то нам щедроты Божии велики». Я же ему напомнил, как св. великомученик Евстратий, водрузив жезл, сказал, что все страдания его, как ни велики были, но не достойны против той награды, какую воздаст Господь за терпение их. Батюшка прибавил к этому: «Да, он и в железных сапогах был с гвоздями», и заключил: «Да, пусть будет воля

Божия». Тут боль его снова усилилась, послали за доктором, чтобы сделал укол. По окончании утрени я снова вошел к нему, он говорит: «Вероятно, диавол выпросил у Господа такие мне болезни за мои грехи и за чужие, чтобы довести меня до ропота». А сам начал говорить некоторые псалмы: «Не остави мене, Господи, Боже мой», и другие подобные. Боли же его еще все усиливались. Он вдруг говорит: «Что тут делать?» – А я сказал ему: «Упование мое Отец», и прочее также: «Все упование мое на Тя...». – А он ответил: «Сколько могу повторяю непрестанно это, – и прибавил, – неизъяснимая болезнь, не знаю, как находятся те, которые при таких обстоятельствах не имеют руководства для себя ни из Священного Писания, ни из отеческих преданий, – и заключил: – Господи, помилуй нас». С этим опять началась рвота, но, впрочем, он даже Ее желал, ибо чувствовал некоторое себе облегчение. Немножко справившись, он был переведен на другую кровать и как будто немного поуспокоился минут на 5-ть; время же пришло начинать литургию. Я спрашиваю его: «Служить или погодить?» – Он отвечает: «Как можете». Я спросил доктора, можно ли располагать временем; тот сказал, что можно; я сейчас же пошел и при помощи Божией отслужил в той же малой церкви, куда мне непрестанно при каждом изменении давали знать. Но до «Херувимской песни» батюшка был в одном положении; после начались снова усилившиеся боли. Во время Божественной литургии батюшка во время чтения «Символа Веры», привстав, перекрестился два или три раза и снова прилег; когда запели «Тебе поем...», батюшка снова привстал и помолился. Пришедши же от литургии к нему, я увидел, что ему стало намного труднее. Насколько можно мы старались утешать и успокаивать, он все время был в сидячем положении, но тут немного прилег; я попросил братию выйти, а сам сказал несколько слов о себе, также и он обо мне. Когда же я отворил дверь, боль его вскоре стала сильнее. Многие из братии приходили и молча брали его благословение. Послали вновь за доктором, он стал с ним говорить по-гречески, и спросил его: «Успокоились ли Вы на сколько-нибудь?» – А он отвечает: «Чувствую невыразимое терзание в животе». – Доктор спросил:

«Не хотите ли чего принять?» – «Пожалуй», – сказал батюшка. И начал говорить доктору весь ход своей болезни. Доктор предложил сделать ему самый жидкий миндальный кисель и продолжал говорить с ним по-гречески; в то время ушел, чтобы написать телеграммы, чтобы просить ваших святых молитв о выздоровлении его, и хотел вновь послать милостыню по некоторым монастырям. В это самое время прибегает келейник батюшки и просит меня скорее прийти к нему. Я

вошел; у него поднялась снова рвота. Когда же окончилась рвота, он лежа на моей руке сделал два-три вдоха и тем окончил свою блаженную жизнь в 3 часа, т. е. поевропейски в 9-ть часов (утра), 14-го числа. 12-тью ударами в колокол оповестили братию о последовавшей общей утрате.

Болезнь почившего батюшки нашего была, по признанию врачей, весьма сложная, и главное – болезнь кишечника и ущемление грыжи.

Горько оплакав свое лишение, любимейшего отца, обрядили тело его и перенесли в Покровскую Соборную Церковь, им основанную и украшенную. Во время приготовления к перенесению тела усопшего батюшки, по нем совершалась панихида в упомянутой церкви Преподобного Сергия. Братья густою толпою окружила церковь, наполняя коридор и террасу.

В Покровском храме по принесении тела немедленно началось чтение Святого Евангелия иеросхимонахами, а в другой церкви учреждено чтение Псалтири о нем.

Так пребывало тело батюшки в Покровском храме до субботы 16-го числа, при постоянном многочисленном стечении пустынножителей и прочих насельников Святой Горы, на поклонение и отдавание последняго целования ему как своему духовному отцунаставнику и благодетелю.

16-го числа назначено было погребение. Накануне совершено было в Покровском храме всенощное бдение о упокоении души усопшего, а также по окончании его пропета была лития. Во время оной все подходили к телу почившего для последняго целования, а также и в конце Божественной литургии многие вновь стали подходить, дабы еще раз

облобызать его руку. В среде бывших русских поклонников был один одержимый беснованием; эта болезнь с ним случилась в России, и, по его словам, он уже страдает 9-ть лет ею, во всю дорогу до Афона с ним не было ни разу обычного припадка; когда же он приблизился вместе с прочими ко гробу батюшки, с ним последовало сильное беснование: он взвизгивал, ревел, кричал неистовым голосом, и несколько человек едва смогли наклонить его к руке усопшего; после этого, он успокоился и начал усердно молиться. Но потом во время погребения еще раз повторился с ним припадок; а также и при совершении панихиды в 9-ый день.

После соборной Божественной литургии тело почившего было вынесено из Покровского храма в главный собор Св. Великомученика Пантелеимона, где и началось погребение Высокопреосвященным Митрополитом Нилом с 80-ью иеросхимонахами, 20-ью иеродиаконами при бесчисленном стечении монашествующих из разных обителей и пустынножителей. Так предано было земле тело возлюбленного нашего старца и отца духовного, незабвенного батюшки о. Иеронима; при всеобщем нашем и всех знавших усопшего молитвенном желании блаженного наследия во Царствии Христовом и быть за нас ходатаем и споспешником спасения всех нас духовных чад его.

Так закатилось наше солнце, согревавшее души, шествующие крестным путем к солнцу правды, не только души своих соотечественников, но и всех к нему обращавшихся с нуждами своими духовными и телесными. Сокрылось сокровище наших сердец, которое произрастит из недр земли испрошенное им благословение от Престола Всевышнего на всех нас и на св. обитель. По некоторым проявлениям духовным, как для некоторых из братии, так и посторонним читателям усопшего старца, можно осмелиться думать, что почивший старец о. Иероним обрел дерзновение пред Господом.

Вот малый очерк из собственных замеченных подробностей кончины и последних дней в Бозе почившего возлюбленного отца нашего духовного и незабвенного наставника.

Статья Егора Ивановича Безгина об о. Иерониме

Итак, любвеобильный отец и великий благодетель наш, сострадательный ко всем помощник, трудолюбивый ктитор обители нашей, верный наставник ко спасению и стяжатель редкого дара умной молитвы, духовного рассуждения и других дарований и добродетелей! Течение свое ты совершил на земле силой укрепившего и обогатившего тебя Христа, переплыл ты житейское море многоразличных искушений, бед и болезней, благодатью Его окрыляем, и обрел себе милостью Божиею ничем не возмущаемый покой. Но что за сонмы окружают тебя? *Вижь отче и наставниче наш! Се чада твоя приидоша к тебе на кончину твою зрети*, но от медоточивых уст твоих слова жизни вечной слышали: «А ты спишь, сомкнуты очи и уста свои. Встань и благослови! Увы, он бездыханен!...»

Отче, умолкли твои приветливые слова, с которыми всех встречал ты, слова сострадания, и ободрения, и утешения, с которыми всех отпускал от себя. Увы, какая плачевная утрата! Где наш отец? Где наш наставник? Кого мы лишились? Отче! Отче! Пробудись и услышь нас! Бедность просит милостыню, странник жаждет твоего утешения, больной жаждет твоих молитв и разрешения, падший в искушение жаждет отрады в своей беде. Но нет, верно, ни мой голос, ни голос всех нас не силен пробудить тебя. После 33-летнего странничества твоего в отчестве и после 50-летней жизни иноческой и духовнической на Святой Горе, жизни многополезной и благоплодной и с тем вместе многоскорбной, ты лег на долгий покой и крепкий сон до гласа трубы Архангельской.

Давно желал и жаждал ты разрешиться от уз плотских, и денно-нощно молился о том; любовь же к тебе всех чад твоих как бы пересиливала твою молитву общим молитвенным воплем о продлении жизни твоей для пользы и блага их.

А теперь, видно, пришло время пересилить твоей молитве усердной молитву всего братства, упокоиться же, непрестанный труженик, до общего воскресения, после которого да подаст

тебе всеблагой Мздовоздатель и вечное упокоение со святыми.

Но, Владыко живота и смерти! Ты зришь нашу скорбь последним нашим прошением, аще даст тебе Господь дерзновение к престолу величества Своего, не забудь нас, чад своих, посещая души и сердца наши, испрошением благодати от Господа нашего Иисуса Христа.

Прости нас, руководитель наш, иди с миром в обитель небесную. Во устах и сердцах наших не умолкнет сей стих: Вечная твоя память, достоблаженный Отец наш приснопоминаемый. Аминь.

Услышь стенания сердец наших, узри токи слез, орошающих очи наши; дерзаем тебе сказать: «Где мы возьмем наставника и советника ко спасению нашему? Где мы найдем утешение в скорбях и напастях после взятия Тобою этого мудрого наставника, опытного руководителя и любвеобильного учителя нашего?».

Этого ради припадающе, молим Тя, благоутробне Господи: «Прими в руки Твои Владычного Защищения нас, осиротевших в живом поучении слова Твоего и Истины, и буди нас Сам со Всеблагою Материю Твоею руководителем и вождем на пути нашего спасения, живота и света. Сотвори милость твою с преставившимся от нас отцом нашим; не вниди в суд с рабом Твоим, прощавшим всех; аще бо беззакония назириши, Господи, то кто постойт, аще и один день жития нашего будет на земле» (ср.: [Пс.142:2](#), [Пс.129:3](#), [Иов.14:5](#)).

Дадим последнее целование незабвенному нашему старцу и мудрому наставнику, оросим его прах слезами, с возношением теплых молитв о упокоении его в недрах Авраамовых. Ты же Отче наш! Молим Тя!

Слово отца Макария (Сушкина)

Возлюбленные о Господе отцы и братья!

Вот мы приблизились к 40-му дню, как почил в Бозе наш незабвенный руководитель и отец духовный. При конце сорокадневного нашего поминовения почившего выслушаем от него последний нам урок.

Хотя и молчит он телесно, покрытый землею, но не молчит душа его, как бессмертная; и Ее вещания посмертные передает нам Мать и Руководительница наша к небесной жизни – Святая Православная Церковь. Послушаем передаваемые нам ею последние к нам беседы нашего скончавшегося отца.

«Мысленно молю, умоляю вас подъятыми мною для вас трудами и самою моею болезнью, когда станете на молитву, поминайте меня. Ради плача, который вам я причинил моею кончиною, ради того, что этот плач, быть может, будет кому-либо из вас на пользу души, молитесь за меня и творите обо мне память с хвалебною Пресвятой Троице песней».

«Простите, друзья, чада! Спасайтесь, братья, спасайтесь, знаемые. Я же в путь мой шествую. Но Вы память обо мне творите с хвалебною Богу песней».

Вот что внушает нам почивший о Господе старец. Кто откажется исполнять это его завещание и впредь, – как оно исполнялось от кончины его и доселе? И по любви к нему должны мы и впредь молиться о упокоении души его со Святыми, и по любви к себе самим. Наступит и для каждого из нас страшный час перехода в жизнь вечную. Если же, переходя из одной страны в другую, на земле нуждаемся в руководителях, что же сотворим, когда неизбежным путем смерти телесной пойдем душами нашими в страну загробную. Многие нам тогда потребны водители, многие надобны молитвы о путешествующих, чтобы спаслись наши бедные души, чтобы вознестись нам ко Христу и удостоиться воспевать Ему вечную песнь хвалебную с Ангелами и всеми Святыми. Итак, чтобы нас самих помянули в молитвах по смерти нашей оставшиеся в

живых, будем и мы усердно молиться, братья, за умерших, не престанем молиться и за этого доброго пастыря нашего.

«Страшное, братья, судилище там, на небеси, где все имеем предстать пред нелицеприятным Судьей Христом Богом. Нет там раба, нет там свободного, нет там малого, нет великого, но все наги предстанем. И потому прекрасное дело – часто, при жизни своей, воспевать Господу Богу хвалы и благодарения, и приносить Ему теплые молитвы».

Вот еще урок от почившего старца нашего. Он учит нас заботиться больше всех дел о совершении молитвы. Поэтому не поленимся принуждать себя к молитве дотоле, доколе это святое и душеспасительное дело не обратится нам в пищу души, в сладость, в утешение. Сам преставившийся, призывая всегда в умной молитве Сладчайшего Иисуса, такое ощущал иногда услаждение и сердечную радость, что случалось видеть его изменившимся в лице, цветущим от обильного посещения благодатью. Только научившийся хорошо молиться на земле возможен беспрепятственно достигнуть обещанного нам исходатайственного страданиями и крестною смертью Господа нашего блаженства в Царстве Славы Его вечные. Только усердные к молитве возмогут избежать коварства духов злобы, всячески усиливающих погубить души наши.

Вечный покой на небеси получают только вздыхавшие здесь ко Господу, только проливавшие Ему молитвы свои и возвещавшие Ему, как Отцу Премудрому, печали своего земного, скорбного и претрудного странствования. Будем же молиться усердно – утро и вечер, в полудни и полуночи и на всякое время благословлять Господа, пока сияет для нас день жизни, нам сужденной небесным Провидением Отца нашего, иже на небесех.

Молитва, по выражению одного пастыря, есть выражение веры, надежды и любви христианина к Богу. С любовью к Богу неразрывна и любовь к ближнему, т. е. человеку, любовь милующая, любовь сострадательная. Господь Иисус, заповедавший в лице апостолов всем Своим последователям: *«Бдите и молитесь, да не внидете в напасть»* (Мк.14:38), изрек еще, что блага, просимые от Бога в молитвах, получают

только люди, исполненные любви христианской к ближнему. «Нет милости не сотворившему милость. *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут*» (Мф.5:7). И «милость хвалится на суде» (ср.: Иер.9:24), т. е. примут славу и блаженство от Бога Судии всех только милосердые.

Согласно этому священнейшему учению, и почивший во Господе отец наш, украшенный делами милосердия, из загробной жизни вещает к нам теперь: «Если помиловал еси, человеке, человека, *той имать тамо помиловати тя*. И если которому сироте ты сострадал, *той избавит тебя тамо от нужды*. Если в житии ты покрыл нагаго, *той имать тамо покрыти тебя*, и ты воспоешь Богу на небеси хвалебную песнь. Не жалеете же, братья, добродетельного, данного Вам Господом Богом для приобретения на этот талант Его вечных благ небесных, *их же око не виде, ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1Кор.2:9). Не забывайте, что, отходя в вечную жизнь, все земное оставим, и от всего богатства и славы обнаженные предстанем пред Судию. Кто же в таком положении душ наших пред *лицем Всеправеднаго Судии* поможет нам, когда откроются и прочтутся пред всеми книги земных наших деяний? Никто, как только сами же мы, если при жизни что благое сделали и добро нищим сотворили, прославляя *и благодаря Бога милующаго нас, Бога благодеещаго нам, Бога нас ущедрившаго..*»

Напоминает нам, возлюбленные, скончавшийся о Христе пастырь наш и еще учение Господне о чистоте сердца, о беспристрастии к удовольствиям чувств, о честности поведения и целомудрии христианском. «Не прельщайтесь красотой телесной», – вещает он к нам. «Не увлекайтесь никакими чувственными удовольствиями. Помните, что юность и красота во время смерти увядает и язык тогда мучительно опалается, гортань иссушивается и воспаляется, красота очей угасает, красота угасает, доброта лица изменяется, прямота выи сокрушается. Провожая умерших со тщанием, достигнете ко гробу, и там внимательно смотрите: всякая юность там в истлении, всякий возраст там увял. Там прах, пепел, черви. Там всякое молчание и *никто же глаголяй песнь: Аллилуия*. И так

блаженны и преблаженны свободные от чувственных страстей! *«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»*, – рече Господь (ср.: Мф.5:8). Горе, напротив, связавшим себя разными греховными навыками и пороками. *Вещественным страстем подлежащи тамо ослабы ни какоже имут. Тамо убо обличательне страшнии. Тамо же и книги отверзаются...* Но для чистых сердцем в будущей жизни уготован свет вечный, наслаждение вечное, рай, о нем же всякая душа праведная радуется... »

Возлюбленный о Христе Иисусе отец наш Иероним!

Мы выслушали от Святой Церкви твои посмертные нам всем пастырские наставления. Но это не все. Наставлением для нас служит вся жизнь твоя, исполненная дел благих и великого крестоношения. Свидетельствует о благочестности священного жития твоего церковное священноначалие. Свидетельствуют о добродетелях твоих уважаемые нами многие духовные мужи. Свидетельствует о тебе вся паства твоя, глубоко скорбящая, что рано покинул ее. Еще нужна была твоя жизнь для воспитания о Христе чад твоих, со слезами обстоящих могилу твою, с воздыханием горести разлуки с тобою о тебе молящихся. Но так судил о тебе Всевышний Миропромыслитель, дерзнем ли пререкать Его непостижимым судьбам и премудрым предопределениям?

Желанием, предвидением и тихостью своей кончины ты подаешь нам о себе самое благое надежды, что душа твоя уготовала себя, при помощи благодати Божией, к участию в блаженстве праведных, – уготовила себя молитвами, чистотой, верой, любовью христианскою, трудами, терпением болезни тяжелой, продолжительной, и Святыми Таинствами – Причащением и Елеосвящением. Уповаем, что ты отошел от нас на вечный покой в обителях небесных, в них же и да упокоит тебя Всеблагий Бог со Святыми!

Позаботимся, братья, чтобы и нас всех удостоил Господь получить всегда просимое нам Церковью Святою и щедрот Его благо: *прочее время живота нашего скончати в мире и покаянии и сподобиться кончины христианской, безболезненной,*

непостыдной, мирной и доброго ответа на Страшном Суде Христовом. Аминь.

Слово, сказанное в Кавсокаливском скиту иеромонахом Антонием

Возлюбленные о Христе Братья!

Совершив сегодня поминавание по почившем недавно в Бозе приснопамятном и честном иеросхимонахе Иерониме, священным долгом почитаем воздать должную ему признательность, будучи побуждаемы которой, признали необходимым совершить это святое поминавание. Почему и горячо просим всех собравшихся здесь наших скитян и во Христе братьев наших уделить немного времени благосклонного внимания. Мы вкратце поведаем Вам об этом приснопамятном духовном отце наши благие размышления и последовательно украсим вкратце священную его главу, сколькими благими качествами и преподобными добродетелями украшается он, насколько мы о нем помним.

Мы не предпринимаем, возлюбленные, вести о нем надгробную речь, как это делают в миру об оставляющих сию жизнь родственниках, ни о себе говорить что-либо по мирскому обычаю в подобных обстоятельствах, ни для успокоения будем плести венцы похвал и прославлений из составленных самохвалств, как делают изучающие светскую философию, насколько это самое не позволяет и воспрещает самый дух монашеской жизни.

А так как благодетельнейший сей муж оказал нам, совершившим сие поминавание, бесчисленные благодеяния и благодетельствовал постоянно и порознь и совместно всем, здесь подвижающимся и живущим во уединении, милостынею и состраданием, облегчая сбыт нам рукоделья и оказывая милость всем прибегающим к нему, поэтому сообщая и наедине мы обязаны помянуть блаженную и святую его душу, умоляя Всепреблагаго Господа, дабы вчинил ее в преславной той стране милостивых святых мужей, богатой добродетели которых приснопамятный подражал.

Никто, возлюбленные, из здешних скитян и отшельников не может оспаривать упомянутые превосходства недавно

покинувшего нас доброго отца и предстателя нашего блаженного Иеронима.

Кто, спрошу вас, из здешних отцов и из подвижающихся на Святой Горе, и из иных стран сюда прибывших бедных и нуждающихся не был облагодетельствован щедро и богато сим сострадательным отцом? Какой, спрошу, святой скит или калива, или уединенное место не получил просимую и приличную помощь и благодеяние? Все более или менее, и малые и великие, бедные и нуждающиеся ежедневно *напаялись от преизобильного источника*, помянутого нашего предстателя.

Добродетель милостыни, как известно всем нам, не есть просто частная добродетель, но по гласу святых отец, есть добродетель всеобщая, добродетель, связанная с двумя первыми великими заповедями, т. е. с заповедью любви к Богу, и с заповедью любви к ближнему, и проходящий ее в ведении, сей самый имеет боговидный ряд и прочих добродетелей. Ибо как имеющий эту добродетель (как и приснопамятный сей духовный отец сию имел), он всячески приобрел самый источник спасения, а это мы узнали из следующих неоспоримых доказательств.

Так как который всяким способом помогает и благодетельствует имеющих нужду, тот имеет несомненной в сердце своем добродетель любви к ближнему. А который милует бедного, тот благодетельствует Иисуса Христа; ясно, следовательно, что он имеет в сердце своем любовь и к Богу. Этому мы весьма ясно научаемся из Святого Евангелия, что в сих двух заповедях – весь закон и пророки висят.

Следовательно, милостивый этот человек имеет в сердце своем два источника спасения, которые напаяют в нем сладчайшие потоки всех добродетелей.

Он, по Царю Пророку, есть *«Древо, насажденное при исходищах вод, еже плод свой даст во время свое»* (Пс.1:3). И еще: *«Расточи даде убогим, правда его пребывает во век»* (Пс.111:9).

А так как и сей, как живя в мире и будучи обременен многими и разными духовными и общественными заботами,

если как человек опечалил или огорчил кого, делом или словом, мы обязаны, как Святым Евангелием нам заповедано, простить его от всей души и сердца, и согласно все соединим молитвы наши с молитвами и мольбами общей и духовной питательницы нашей Святой Церкви, говоря: «Боже, прости новопреставившемуся рабу Твоему и поминавшемуся сегодня нами приснопамятному иеросхимонаху Иерониму, и упокой душу его на лоне Авраама, Исаака и Иакова. Вечная ему память! И в 3-й: «Вечная ему память!!!»

Отец же Светов и Бог Терпения и Утешения да даст нам тоже видеть и друг в друге по Христе Иисусе, дабы единомушно, едиными устами и единым сердцем взирая к Начальнику Веры и Совершителю Иисусу, прославлять Отца, Сына и Святого Духа, Едино Божество. Ему подобает слава, честь и поклонение во веки. Аминь.

Это слово было произнесено в Кавсокаливском Скиту 1886 года, января 1 дня, иеромонахом Антонием.

Рассказы разных людей об отце Иерониме

Рассказывал о. Макарий после кончины о. Иеронима, что один приезжий архимандрит однажды внезапно взмолился к о. Иерониму и тотчас же быстро вернулся от него назад, ибо испугался, увидев о. Иеронима стоящего на молитве на воздухе, как бы на аршин от пола. О. Иероним забыл запереться, хотя всегда запирался. О. Иероним при молитве отдавался всему чувству, каковое им овладевало: когда плакал, то с рыданием. А иногда в радости ублажал Господа, о чем и говорит о. Макарий на 7-ой странице. О. Макарий, не вынося его плача и стенания, уходил тогда спать в другую комнату, чтобы из-за стены не слышать этого.

†

Воспоминание иеросхимонаха Агафадора (Буданова) об о. Иерониме

Духовник о. Иероним, имея дар внутренней постоянной молитвы, часто приходил как бы в исступление, так, например, рассказывал, что один брат как-то не пошел на бдение, но, встав пред Господом, как раб пред Владыкою, простоял целых 6 часов на одном месте в изумлении и безмолвии, как стоял св. Апостол Павел. Брат этот был не кто иной, как сам Иероним.

Ему давалась молитва о чем-либо одном умолять. Например, во время всего бдения в 1877 году 6-го декабря на день св. Николая чудотворца, он умолял Господа о том, чтобы Он утешил небесным утешением Николая Павловича графа Игнатьева, который так много сделал для монастыря, защитивший от греческого нашествия в 1874 и 1875 годах, когда происходил процесс из-за взбунтовавших греков, не допускавших Русского Игумена. Духовник, молясь об Игнатьеве, просил Господа, чтобы Господь дал тому понять, что утешение это происходит через молитвы благодетельствованной им обители.

И Господь дал о. Иерониму молиться о нем всю ночь. Почему он и сказал об этом о. Макарию: «Мне была дана молитва о Н. П. Игнатьеве».

Однажды во время молитвы о. Иерониму пришла мысль: «Как благодать Божия поддерживает человека во время искушения?». Тогда вдруг явился в его келью страшный бес, ростом до потолка, стоящий в углу; о. Иероним, взглянув на него, лишился чувств и, падая навзничь, услышал голос: «Вот так благодать Божия поддерживает человека», и при этом его кто-то взял сзади под руки, не дав удариться о пол, поставив на ноги и в чувство.

Был еще случай: голос говорит ему: «Вот идет бес»; «Я взглянул, – говорит о. Иероним, – и вижу, что идет ко мне, как бы араб, черный небольшого роста бес, тогда я тотчас оградил себя крестным знамением, сказав: «Силою Честного и Животворящего Креста, огради меня, Господи», и бес мгновенно исчез. Тогда я стал размышлять, за что это Господь попустил явиться мне бесу, и вспомнил, что несколько времени тому назад был у меня помысел: «Какую силу имеет крест?». И не разрешив этого вопроса, я так и оставил, вот мне Господь попустил явиться бесу, чтобы я самым делом познал силу креста.

В бытность здесь архимандрита Антонина в 1860 годах, он спросил у о. Иеронима, нет ли у него какого-либо из жизни случая, как действует благодать Божия, полученная человеком в крещении.

О. Иероним отвечал: «Да разве Вы, о. Архимандрит, никогда этого не ощущали?» – «Нет», – отвечал тот. – «Но не было ли когда желания помолиться или самому не приходило ли умиление когда?» – «Да, это иногда бывает». – «Так вот это самое и есть действие благодати Божией». – «А как можно в этом убедиться?» – «Благодать Божия сама приходит, а также и уходит, и ее невозможно ни вызвать, ни отогнать, но она овладевает человеком без его ведома, когда Господь восхощет».

На другой день о. Антонин поехал в сопровождении о. Макария по горе, и лишь только они поехали, как о. Антонин начал плакать, и плакал всю дорогу до возвращения домой. Приехавши, о. Макарий тотчас объяснил о. Иерониму о плаче о. Антонина. О. Иероним рассказал о. Макарию о том разговоре, и

что плачь этот был в удостоверение того, что объяснение о. Иеронима было истинное действие благодати Божией в человеке, получившем ее в крещении. О. Антонин при свидании с о. Иеронимом сказал ему: «Представьте себе, о. И., на меня всю дорогу напало пьяное умиление». О. Иероним ответил ему, что это и есть то самое действие благодати Божией, которое он и не вызвал, но и не в силах был прекратить.

В 1860 годах приехал на Афон из Рима католический епископ и спросил о. Иеронима: какого он мнения относительно нового католического догмата о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы? О. Иероним спросил его: верует ли он в Евангелие? – «Да, конечно», – ответил тот. – «Так вот там есть ответ на сей вопрос». – «Где же, скажите?» – «В словах, произнесенных Самой Царицей Небесной: *«Величит душа моя Господа, и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем»* и проч. Если зачатие Ее отличалось чем-либо от естественного, то Она не произнесла бы слов *«Спасе моем»*, эти слова могут относиться только к тому, кому нужен *«Спасе»*, т. е. зачавшемуся естественным порядком, а не непорочным, как то думают заблудившиеся католики о Божией Матери, предочищенной Св. Духом к приятию Господа».

Епископ лишь только услышал такое обличение своего заблуждения, немедленно встал и ушел из монастыря, не зайдя даже и в гостиницу.

†

Обращение о. Иеронимом одного пустынножителя зверского характера в кроткого и смиренного молитвенника О. Иероним прибыл на Афон в 1836 г., поселился на кельи святого пророка Илии (Пандократора местность) и по прошествии двух лет собрался с другими русскими келлиотами – в числе 35-ти человек – на наемном судне в Иерусалим на поклонение.

В числе келлиотов был один из военных фельдфебелей, необыкновенного здорового характера, со всеми почти разругался, и ни с кем не мог жить. Когда же и на судне так же не мог вести себя мирно, то один ему пустынножитель заметил, что, де, вот если бы он поговорил с о. Иеронимом, указывая на духовника Иеронима, то тот усмирил бы его. Это его

заинтересовало, и он стал искать случая заговорить с ним. Случай представился, и они заговорили, сидя на палубе судна. Пустынник (из фельдфебелей) рассказал о. Иерониму свою жизнь и что он по своему характеру не может больше жить на Афоне и из Иерусалима намерен проехать в Россию. Но о. Иероним, напротив, посоветовал ему возвратиться на Афон и устроиться на какой-либо каливе. Жить без товарищей, одному, на совет же к о. Иерониму ходить через две недели.

Пустынник этот (Иоанн) послушался, и по совету о. Иеронима поселился один на каливе нищей; имел только сухари, через две недели ходил на совет к о. Иерониму. По некоторому времени, упражняясь в воздержании, самоукорении, молитве Иисусовой и во всякой добродетели, он пришел в великое сокрушение и смирение духа, и получил от Господа дар непрестанной молитвы и плача. От воздержания же великого он до того ослаб, что по приходе к о. Иерониму в монастырь дрожал и не мог говорить. Тогда о. Иероним приказывал своему келейнику о. Никодиму по приходе того прежде напоить его чаем с хлебом, а потом принимал его к себе. О. Иероним так выразился о нем своему ученику о. Никодиму: «Ты как можно лучше принимай этого пустынника, ибо он помогает нам своими молитвами духовную жизнь проводить». Услыхав такой отзыв о том, о. Никодим попросил о. Иеронима рассказать ему о его дарованиях и потом попросил и сам благословение заниматься упражнением в молитве и самоукорении, что и получил. А так как он любил празднословить, то по благословению о. Иеронима носил во рту камень, чтобы молчать. И вот и сей о. Никодим через постоянное упражнение в молитве и самоукорении получил дар слез и непрестанную молитву, так что глаза у него были всегда от плача красные. Он после говорил о. Иерониму, что плачет, когда хочет. Камень же он проглотил, но ничего не потерпел от него.

Вот плоды духовные о. Иеронима, свидетельствующие о высоком благодетельном его устроении.

†

О помещике, обратившемся к вере.

Некий помещик был долго неверующим в Бога, все приписывал случаю. Но раз он спасся от смерти, когда лошади его разбили и опрокинули экипаж, под который попал, но он остался жив.

Это его заставило задуматься. Он поехал искать разрешения своего недоумения. Прибыл и на Афон и объяснил цель своего приезда о. Иерониму. Сей ему сказал, что промысл Божий ведет его к спасению, показав ему чудо над ним же самим, но тот не совсем уверился. Затем о. Иероним сказал ему, что неверие его создается демонским насилием, но если он не будет доверять сим внушениям, тогда он освободится. Не веря существованию и самих демонов, он никак не допускал, чтобы могли быть какие-либо внушения от них. О. Иероним посоветовал испытать это так: когда придут какие-либо недобрые мысли, то он произнес бы следующие слова: «По заповеди моего духовного отца, скажи мне, кто ты!». Так он и поступил в церкви, когда весьма ему наскучило слушать демонскую брехню. И вот последовал ответ: «Диавол я!» А затем он разразился самой скверной руганью на него от злости, что неожиданно он был связан заповедью, и принужден открыть себя, кто он, уверив этим и помещика в своих кознях.

Помещик сей, только услышал это признание и ругань, вышел из церкви не имея возможности сдержать себя от смеха, как диавол попал в ловушку, и не хотя принужден был признаться.

И пока шел помещик к о. Иерониму, бес взад все ругал его матерщиной, но лишь только помещик взошел к о. Иерониму, то перестал слышать это, и все рассказал об этом о. Иерониму.

О. Иероним утвердил его в существовании демонов и их кознях мысленных, прося его более не верить таким помыслам, но доверять истине Священного Писания. Итак, с Божией помощью, он утвердился в вере в Бога и стал религиозным, а затем, по некоторому времени, он отправился домой в мире.

†

О. Иероним, обучаясь духовной жизни и умносердечной молитве, обходил всю гору ежегодно весной, посещая пустынников, собирая от них мед духовный и помогая им

милостынею. Так что, будучи знаком с ними, он каждое воскресенье оделял их деньгами. Пустынники собирались к нему сотнями, а которые не могли приходить, то он посылал им с другими милостыню.

Сам же о. Иероним для уединения и молитвы жил на Бессребренической келлии 4–5 дней в неделю (и на других келлиях – всего 10 лет), а к пятнице приезжал в монастырь.

Но в 1858 г. после войны общество Р. П. и Т. послало во главе с Соломоновым комиссию для исследования станций, где может приставать пароход, так как до того времени пароходы к нашему монастырю еще не приставали.

О. Иероним в то время был в Бессребренической келлии и, поспешая к приехавшим гостям, повредил живот себе от сильной тряски на муле под гору, так что по приезде в монастырь сам не мог уже и слезть, но его сняли с мула. Приехавший с гостями доктор посадил о. Иеронима в ванну и, разогрев теплой водой ему живот, успел вправить вышедшие с грыжей почти все внутренности наружу; и тогда только мог сказать: «Старец спасен!», когда и тот пришел в чувство. С тех пор о. Иероним уже сидел дома, и служить уже не мог, так как грыжа ему мешала.

Его грыжа была так велика, что он всегда в мешке носил ее подвязанною на поясе. О. Иероним часто молился с припаданиями ко Господу. И вот однажды молился пред распятием, прося Господа, чтобы Он не отлучил его навеки и чтобы здесь ему потерпеть от себя, увидел Господа на Кресте, как бы Живаго, из ран истекала Его Кровь и это было ему как бы знамением, что молитва его была принята. После этого он и сорвал живот себе и уже до самой смерти своей носил тяжкую грыжу.

†

О батюшке о. Иерониме

Запись о. Салафаила

Предсказание 1. Несколько годов приезжал к нам из Филиппополя болгарин Хаджи Стоянчу Г-н Тачув покупать в лавке Церковные книги и привозил продавать розовое масло духовнику отцу Иерониму.

Наконец, он приехал 30 апреля 1870 года и привез больше прежнего розового масла, но достоинства низкого. Приносит к духовнику продавать, на фондарику, о. Порфирия. Тут случилось быть о. Салафаилу, который знал достоинство этого товара, потому что торговал в России, а потому и сказал духовнику, что это масло самого низкого достоинства, а цена – дорогая, ибо он просил 16 лев.

«А я в России продавал по 1 руб., кредитными за золотник», в виду чего у него масла не купили.

Тогда болгарин просит, чтобы отпустили книг на 10 тысяч лев, в долг на три месяца, а он оставит в залог розовое масло, и духовник велел отпустить книг. О. Салафаил спросил духовника, сколько он оставил ему масла; духовник показал три фляги. «Я попросил его свесить, и увидел, что его мало, ибо оно остается у нас в залог по 15 лев за драму. Я сказал об этом духовнику, он и говорит: «В таком случае, рассчитывайся ты с ним как хочешь».

Тогда я книг болгарину не отпустил без того, пока он не принес еще одну флягу масла в три ока. Тогда у нас осталось в залог по 6 $\frac{1}{2}$ лев за драму, и я взял с болгарина расписку сроком на три месяца, и если не заплатит через три месяца, то будет платить проценты до года, а если не заплатит и через год, то лишается права и на масло. Когда болгарин стал отъезжать, пристал к духовнику и просит на дорогу 500 лев. Духовник ему дал. Обернувшись ко мне, сказал: «Он сюда больше не приедет». Так и случилось. Прошел год, болгарин не приезжал. Я спрашивал о нем у приезжавших сюда из Филиппополя, и мне сказали, что он жив, но сюда не приедет. Я сказал духовнику, что масло можно употребить на ладан, и его употребили».

Второе. Когда духовник Иероним благословил мне поехать в Иерусалим с иеромонахом о. Иеронимом, родственником духовника, тогда дня за два до отъезда я прихожу к нему, а он и говорит: «Зачем ты так рано едешь в Иерусалим, и зачем спешишь?» – Я ответил: «Как же, батюшка, нужно, чтобы успеть ко 2-й неделе, все поклонники из Иерусалима отправляются в Назарет» – А он посмотрел на меня и говорит: «Да ты в Назарет не поедешь!» – Я опять говорю: «Как, батюшка, не поеду? Я

затем и спешу, чтобы везде побывать». А он подходит ко мне и, слегка ударив меня правой рукою по плечу, говорит, приклонившись к уху: «Там увидишь, увидишь!» И что же? Приезжаю благополучно в Иерусалим, подходит вторая неделя, назначают выезд караваном в Четверток до 500 человек.

А я вздумал во Вторник сходить в Горнее, возвращаясь в тот же день оттуда, и при выходе из Горнего на гору я очень устал и вспотел; а тут случился пустой колодезь, я сел отдохнуть и скоро почувствовал, что у меня чешется левая щека. Я спросил у товарищей: «Что, у меня щека красная?» – Они говорят: «Да!»

Тогда я понял, что это рожа; прихожу в Иерусалим прямо к доктору, и он говорит, что это рожа, и дал мне мази.

На другой день прихожу к нему и говорю, что мне нужно ехать в Назарет, а он говорит: «Не то что в Назарет, а Вам и на воздух нельзя выходить, а приходите к нам в больницу». Пришедши в оную, я пролежал 11 дней в ней, а в это время поклонники все почти уехали в Назарет; мне после уже не с кем было ехать, хотя я и выздоровел. И так сбылось пророчество блаженного батюшки о. духовника Иеронима.

Возвратясь на Афон, я стал говорить об этом духовнику, то он только улыбнулся и сказал: «Ну, то-то и есть!»

Третье. «О смирении».

В первых числах июля 1885 г. прихожу я к духовнику Иерониму, в пятницу за благословением приобщиться Святых Таин, в это время у него был какой-то келлиот-монах, я его долго ожидал, и когда тот вышел от него, тогда и я взошел, но, не знаю почему, он принял меня очень сухо, сурово и говорит: «Ступай, ступай, я устал и не здоров». Мне это показалось очень обидно и я говорю: «Как же, отче, Вы занимались с келлиотом более часу, а когда я взошел, то оказался лишним и тягостным для Вас; занимаетесь с чужими, а своего сына выгоняете, это уже не в духе отеческом! Но Бог с Вами, теперь простите и благословите, а впредь я постараюсь Вас не беспокоить», и пошел из кельи. Но он посмотрел на меня и заметил, что я пошел со скорбью и слезами на глазах. Утром я пошел к Литургии в параклис Введения во Храм Пресвятой

Богородицы и, приобщившись Святых Таин, только что прочитал Благодарственную молитву по причащении, смотрю, ко мне подходит келейник о. Иеронима о. Филарет и говорит: «Вас зовет батюшка!». И когда я пришел к духовнику, то он стоял посреди кельи, как видно, дожидаясь меня. Увидевши меня, сделал шаг ко мне и говорит: «Простите меня, Бога ради! Я вчера тебя оскорбил, и вот, хочу приобщаться, а совесть не позволяет, не испросивши прощения». При этом два раза поклонился мне, сколько мог нагнуться, и опять говорит: «Прости, Бога ради». Я говорю ему: «Бог простит. И меня простите, ибо я этому причиною, что подал повод к этому своим приходом, но поклона до земли Вам не могу, ибо я сейчас причастился Святых Таин». – «Ну, слава Богу, что причащался». И пошел в церковь, а там уже пели «Тебе поем». После этого я, хотя и реже у него бывал, ибо мне было стыдно на него смотреть, при мысли, что такой старец просил у меня причащения, но зато он обходился со мной с большею ласкою, чем прежде.

†

О. Иероним в мире еще любил молиться. Однажды бес так разжег его плотскою страстию, что он не мог более терпеть и выбежал в сад ночью и начал под одним деревом молиться. Господь же вскоре послал ему Свою помощь: во время его молитвы блеснула молния около него и сожгла все дерево, так что утром удивлялись видевшие сожженное дерево, но не знали причины тому. И он уцелел.

†

В болезни о. Иероним однажды молился и Св. Иоанну Богослову, который, явившись, исцелил его. Спросил же его, чего бы он еще желал. О. Иероним отвечал, что желал бы получить дар рассуждения. Получил и это. Действительно, о. Иероним по рассуждению отличался ответами, и подобного ему не было.

†

Однажды прибыл на Афон из России иеромонах и искал себе духовника, чтобы облегчить себе душу от тяжести греховной. Ему указали на о. Иеронима, который, выслушав

того, дал ему епитимию. Три года не приобщаться и не входить в жилой дом ни днем, ни ночью, и где застанет его ночь, там и ночевать. Иеромонах сей исполнил ее и в последний день срока вошел в одну келью, причастился Святых Христовых Таин и послал сказать о. Иерониму, что исполнил данную им ему епитимию, и затем скончался.

†

Хотя о. Иероним был знатоком умносердечной молитвы и сам был великий молитвенник, но редко кого обучал оной, во избежание прелести, ибо человеку свойственно увлекаться, не утвердившись в крайнем смирении, сокрушении сердечном, что только и может охранять от прелести. Но бывали примеры, что он весьма и поддерживал истинных молитвенников. Таков был схимонах Пантелеимон (Костычевский), которого он в виду того крайнего сокрушения и плача сам из монастыря перевел на монастырскую уединенную келью, где он мог бы предаваться упражнению в молитве и плаче беспрепятственно. Ибо он молился с плачем по целым ночам, и его рыдания были слышны в коридоре.

На кельи же он был один, и он там мог предаваться этому, никого не беспокоя. Пребыв в таком жительстве мало времени, он по благословению о. Иеронима поехал на родину, и, прожив до самой кончины в своем доме (Костычах, Самарской губ.), имел дар прозорливости, и основал на своем, где жил, месте женскую общину, которая ныне превращена уже в монастырь. Так Господь прославил Своего этого угодника, воспитавшегося духовно под руководством о. Иеронима.

†

После отъезда о. Макария в 1851 году о. Иероним стал изнемогать, почему заповедал братии молиться, чтобы Господь послал на его место человека, и сам усердно молился. И вот, когда о. Макарий приехал, то он сказал братии: «Вот – тот человек, которого мы просили у Господа». О. Макарий по кончине о. Иеронима сказал: «Во всю мою жизнь ни о чем я так усердно не молился, как о том, чтобы Господь сохранил нашу с о. Иеронимом взаимную любовь, и вот Господь исполнил мою просьбу».

Пред смертью же о. Иеронима о. Макарий стал ощущать, что о. Иероним кое в чем не сходил с ним, и даже обходил его, не посоветовавшись с ним, подавал приказания эконому и П. прямо непосредственно. Это стало огорчать о. Макария, так что он однажды заявил ему, что откажется от должности игумена, на что о. Иероним ответил ему сухо: «Там видно будет». О. Макарий подумал, что это о. Иероним готовится к разлуке с ним и, вероятно, скоро умрет. А. о. Иероним на его мысль ответил словами: «Так нужно, – и прибавил: я болен, ты же состарился, кто же будет дело-то делать?». Сказал он это, так как хотел охладить его привязанность, чтобы ему было легче расстаться с ним. И. Павел без спросу о. Макария построил копильню и другое кое-что делал, а о. Иероним не препятствовал, и как бы сим давал тому повод продолжать так же и впредь поступать.

Это произошло не без промысла Божия. О. Макарий, будучи сильно привязан к о. Иерониму и всегда буквально опасался, когда чуть заболит он, то о. Макарий приказывал тот час же собираться всем братьям в Покровском храме на молебен по удару в колокол. Тот час о. Иероним по выздоровлении говаривал, что ему надо бы умереть, но братья не дают, умоляя Господа и Пречистую Его Матерь оставить и еще пожить. Он страдал часто приливами к голове и сердцу, а также через грыжу, с которой вышли наружу и кишки пищи, причиняя ему судороги и спазмы в это время, почему он мог вкушать лишь только самую легкую и негустую пищу, но и тогда очень мало вкушал. «Я бываю сыт только тогда, когда ем горох», – говорил он.

†

Опытность его в духовном руководстве была великая, почему к нему и была привязана вся братия, жаждущая этого. Приходит к нему, например, один брат (о. Афрод) и просит благословение на уединенную жизнь, но о. Иероним стал испытывать его, понимает ли он, что просит. Тот высказал ему все свое состояние. О. Иероним из этого увидел, что несмотря на то, что он не готов к сей жизни, имел сильную борьбу. Невмочь было тому бороться с таким помыслом, который не

ныне – завтра мог его преодолеть, почему и захотел сразу отбить у того охоту к этому, а поэтому и посоветовал тому испытать это на деле.

Для этого о. Иероним отпустил того на неделю походить по пустынным, хотя о. Макарий и говорил, что у того брата нет смирения, но о. Иероним настоял и отпустил.

И вот, брат тот в первую же ночь (летом) остался ночевать в лесу под кустом. Еще не успел заснуть, откуда ни возьмись, масса разной величины змей около него недалеко сошлись вместе, и разевают на него свою пасть, и так почти всю ночь не давали ему спать. Он встал и ушел. Пошел далее, и когда захотел отдохнуть, тоже лег под кустом в стороне от дороги. Еще не заснул, а только закрыл глаза, и вот предстал пред ним молодой человек и говорит ему повторительно 3 раза: «*Эксимологисон пантоте*», и затем прибавляет: «Это по-гречески», и три раза сказав это ему, сделался невидимым.

Брату же тому сделалось от этого видения так радостно, что он не мог уже продолжать свой путь далее, но немедленно пошел обратно в монастырь. Рассказал это о. Иерониму, и тот в ответ на это сделал ему объяснение так: «*Эксимологисе пантоте*» означает «исповедайся всегда», т. е. произноси всегда молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Это и есть постоянная исповедь пред Господом, когда человек, называя себя грешным, просит помилования. Этим показал тебе Господь через Св. Пантелеимона, чтобы ты не выходил на безмолвие в пустыню, но пребывал в монастыре и постоянно занимался сей молитвой». С тех пор брат этот успокоился от борьбы, и сделался в монастыре настоящим безмолвником, не заводил никакого особого знакомства, но постоянно держал сию молитву в уме и сердце, никем не замечаемый в сем сокровенном своем делании.

Послушание также проходил с молитвой, а особенно, когда читал Псалтирь, был в молитвенном настроении. Этот брат, будучи наставляем о. Иеронимом в прохождении своего духовного делания, получил от Господа дар сокрушенной молитвы и молился всегда с сильным плачем. Главное его

прошение было ко Господу, чтобы воля Божественная была всегда с ним, а не его исполнялась бы.

†

Однажды пришло о. Макарию желание спросить о. Иеронима об одном предмете, и он лишь только взошел к нему, как о. Иероним стал сам, без вопрошания, рассказывать ему об этом, как бы отвечая на мысль его. Об этом о. Макарий сообщил после смерти о. Иеронима.

†

Силу молитвы о. Иеронима приходилось многим из братии испытывать. Иер. Михаил при поездке своей Черным морем был однажды застигнут ужасной бурей, и опасность была столь велика, что не осталось надежды на спасение. Он мысленно стал молиться; и ночью прилег на палубе. Видит во сне на пароходе о. Иеронима. И буря прекратилась.

Другому отъезжавшему монаху о. Иероним, по просьбе того, дал в благословение старую свою схиму, и тот всегда призывал его молитвы. Однажды случилось быть ему в опасности, он в скорби присел и как бы задремал днем. Видит пред собой о. Иеронима, который и благословил его, и тот сейчас же и очнулся, смотрит, о. Иеронима нет, и опасность мгновенно миновала.

Однажды сей монах N. заболел, и видит, что не в состоянии продолжать нести послушание, и стал скорбеть об этом. Видит же во сне о. Иеронима, находясь как бы в большой толпе с ним. И вот толпа стала теснить их, и о. Иероним как бы повалился на него, а потом, наоборот, толпа стала с другой стороны их обоих пятить, так что сей монах N. повалился на о. Иеронима и оказался в распростертых его руках лежащим. «Батюшка, я думал, что Вас держу, а теперь вижу, что Вы меня держите», – сказал ему тот. – А о. Иероним ответил: «То-то!». Эти слова были ответом на его мысли, что, де, он поддерживает на своем послушании обитель.

Неоднократно являлся во сне он этому монаху в разных чрезвычайных также случаях и болезнях, а много было разных случаев, которые не записаны.

†

О благодати о. Иеронима Однажды два монаха поссорились, и до того озлобились и сильно ругались, что не было возможности их остановить. На их шум пришел сам о. Иероним и стал их уговаривать, но они и при нем тоже продолжали ругаться и смотрели на него. Тогда о. Иероним сказал одному из них, о. Феодору: «Отец Феодор, взгляни на меня!». Но тот, не смотря на него, продолжал ругаться. Но о. Иероним продолжал ему повторять, чтобы он взглянул на него, тогда, как бы нехотя, тот взглянул и тотчас гнев его прошел, лишь только встретился взор его со взором о. Иеронима.

†

М. Лев (мирск. Лаврентий), прибыв на Афон, долгое время просился принять его в число братии, но игумен Макарий отсылал его домой, так как у него осталась жена. У него был хороший голос, и он ходил на клирос петь. Боле полугода он уже прожил, но согласие не получил на принятие его.

Он стал сильно скорбеть и молиться Божией Матери, прося Ее принять его. Однажды он, помолившись, лег и заснул. Во сне ему представилось, что он идет к поздней литургии, около последней лестницы встретился с духовником Иеронимом, которого и стал просить о принятии своем. Духовник Иероним ответил, что он скажет игумену Макарию об этом, а затем благословил его, и когда о. Лев хотел было поцеловать его руку, то вдруг явилась некая благолепная Жена и положила Свою руку на руку духовника Иеронима, сказав: «Мою руку целуй, о. Иерониму Бог дал только сей монастырь, а Мне всю окрестность». Сказав сие, Она пошла в церковь. За Ней пошел духовник Иероним и о. Лев.

Взошедши в церковь (Покровский Собор), о. Лев стал присматриваться, где стоит сия Жена, и сожалеть о том, что поцеловал руку у Жены. Но Она – смотрит он – стала подходить к нему от местной в иконостасе иконы Божией Матери и, подошедши к нему, сказала: «Только что». Она это сказала о. Льву, как ударили к поздней литургии, и он встал, пошел в собор. После же литургии он подошел к о. Макарию и еще раз попроситься. О. Макарий только спросил: «А что твоя благоверная?» – «А она поступила в женский монастырь», –

ответил он. Тогда он благословил ему одежду. О. Лев был через несколько времени в Царьграде в певчем посольстве, и жена его в это время вздумала выходить из монастыря, и написала ему, чтобы и он вышел и приехал к ней, о чем он и написал о. игумену Макарию. О. Макарий написал, чтобы он поехал к ней и уговорил бы ее. Он стал укладываться в дорогу, но в последний момент, когда оставалось только сесть на пароход, он внезапно получил от игумена телеграмму, что жена его скончалась скоропостижно.

Так эта поездка и осталась, он по окончании послушания приехал в обитель и мирно отошел ко Господу. Сей о. Лев, когда еще был в мире, то в их семье была жива еще бабушка его, которая по ночам ходила молиться в Киев. Она однажды молилась о спасении своего скота, и, действительно, умолила Господа: во всем селе скот пал, а у них остался живой. Отец его родной м. Феодул однажды во сне принуждал его причаститься на День Ангела, данного имени при Крещении еще, но он возражал отцу, что он теперь именуется уже монашеским, тогда отец сказал: «Должно почитать и мирского, ибо он также предстательствует пред Богом со дня Крещения».

Примечания

¹ - Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. III. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. С. 25–26.

² - Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 4, стих 5.

³ - Древний патерик. – РПМА, 2009, с.129–130

⁴ - Иоанн Лествичник. Лествица. Слово 4, стих 44.

⁵ - Купчая келлии Феодула, игумена обители Ксилургу. В кн. Акты Русского на Святом Афоне монастыря Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона. Киев: Типография КПЛ, 1873. С. 3

⁶ - с усилием восприёмлется

⁷ - Впоследствии монахиня Лидия, казначея Борисовского монастыря, игуменья в 1886–1888 годах, по смерти матушки Маргариты.

⁸ - Имя сестры отца Иеронима в иночестве.

⁹ - Иеромонах Киево–Печерской лавры. Принял в Русике схиму с именем Гавриил и здесь скончался.

¹⁰ - Судовой документ.

¹¹ - Митрополит Никейский.

¹² - Варка – лодка.

¹³ - Не нужно, нет необходимости.

¹⁴ - От греч. «фортион» – ноша, выюк.

¹⁵ - Дулап – шкаф (греч.).

¹⁶ - Константин Акселос – по словам отца Мины, «эллинский консул в Константинополе».

¹⁷ - Графу Николаю Павловичу Игнатьеву – примеч. О. Владимира.

¹⁸ - Самозванцы (греч.).

¹⁹ - Кухню.

²⁰ - Смущается помыслами.

²¹ - Иоакима II, решившего дело в пользу русских.

²² - Иеросхимонах Макарий, русский, пострижен в Русике в 1840 году.

²³ - Мирские. – Примеч. О. Владимира.

²⁴ - Господина Н. Ф. Якубовского. Скончался в Салониках в 1874 году и погребен в Русике, при церкви Святителя Митрофана. – Примеч. О. Владимира.

²⁵ - Русский, уроженец Ярославской губернии, постриженик и благодетель Ксенофа, но вследствие неприязненных в то время отношений греков к русским перешедший в Русик и здесь скончавшийся в 1892 году. – Примеч. О. Владимира.

²⁶ - Об экономе иеросхимонахе Павле.

²⁷ - Угощение.

²⁸ - Епистасия священного кинота состоит из четырех представителей четырех монастырей, ежегодно меняющихся, является исполнительной протатской властью.

²⁹ - Митрополит Пентапольский Нил. – Примеч. сост.

³⁰ - Певчий. – Примеч. о. Владимира.

³¹ - Карейского собрания антипросопов. – Примеч. о. Владимира.

³² - Монах Дорофей выехал в Россию в 1876 году, посвящен там в иеромонаха и скончался в Почаевской лавре в январе 1899 года. – Примеч. о. Владимира.

³³ - Эконома отца Павла.

³⁴ - Т. е. не растленными. – Примеч. о. Владимира. При неоднократных откапываниях тела отца Павла оно оставалось не растленным.

³⁵ - Устрицы, мидии, морские гребешки.

³⁶ - Чередной иеромонах.

³⁷ - Для возобновления нашим монастырем по желанию господина посла Игнатьева мирликийского храма святителя Николая. Вместо отца Иерона посланы иеромонах Афанасий и монах Варсонофий, а отцу Иерону довелось ехать на Кавказ.

³⁸ - Провизию.

³⁹ - Собора.

⁴⁰ - Митрополита Кизического Никодима.

⁴¹ - На иконе—складнях, пожертвованной архимандритом Леонидом Русскому монастырю в 1874 году, изображены престольные праздники церковей Старого Русика.

⁴² - Монаху Никодиму, отпущенному из Русика за послушание в келейники к отцу архимандриту Леониду (Кавелину) в Новый Иерусалим и там умершему. – Прим. о. Владимира.

⁴³ - Иеромонах Венедикт (Баркалая) – настоятель Иоанно–Богословской Грузинской кельи.

⁴⁴ - Грамота от монастыря покупателю кельи, закрепляющая покупку и оговаривающая ее условия.

⁴⁵ - Бывшего эконома скита.

⁴⁶ - Имеется в виду переписка отца Иннокентия со своими сторонниками и одно письмо отца Макария к нему.

⁴⁷ - Настоятеля скита архимандрита Паисия в 1871 году.

⁴⁸ - Настоятель Ильинского скита с сентября 1879 года.

⁴⁹ - Старец Иероним называет Гуслицкий монастырь, где отец Парфений был в это время игуменом, не Спасо–Преображенским, а Ново–Воскресенским, видимо, потому, что там имелся Воскресенский храм, освященный в 1859 году святителем Филаретом Московским.

⁵⁰ - Речь идет о книге монаха Русского монастыря Мелетия «Письма к друзьям с Афонской Горы» (СПб., 1860. Ч. 1–2), будущего схиархимандрита Михаила (Козлова).